

Том Клэнси. Долг чести

Debt of Honor

Джек Райан #7

Пер. с англ. И. Почиталина

OCR: Иван Сорокин

Маме и папе

Характер человека - его судьба

Автор выражает благодарность Картеру и Уоксу за профессиональную помощь,

Рассу - за советы в области физики,

Тому, Полу и Брюсу - за великолепные карты,

Киту - за консультации пилота,

Тони - за содействие, чудным ребятишкам с Сайпана - за местный колорит,

Сэнди - за все остальное...

Пролог

За закатом - восход

Оглядываясь назад, видишь, что такой способ начинать войну кажется несколько странным. Лишь один из участников знал, что происходит на самом деле, но даже и это было простым совпадением. Заключение сделки, связанной с покупкой недвижимости, пришлось перенести на утро из-за кончины кого-то из родственников поверенного, и теперь ему предстояло через два часа лететь ранним рейсом на Гавайи.

Приобретение этого участка мистером Яматой было первой сделкой такого рода на территории Соединенных Штатов. Несмотря на то что ему принадлежало немало движимого и недвижимого имущества в Америке, регистрация права собственности всегда осуществлялась другими юристами, неизменно гражданами США, которые в точности исполняли порученное им и щедро оплаченное дело обычно под наблюдением одного из служащих мистера Яматы. На этот раз все обстояло иначе. Причин тому было несколько. Одна из них заключалась в том, что недвижимость приобреталась в личную, а не в корпоративную собственность. Вторая казалась того проще - остров находился совсем недалеко, всего в двух часах лета от дома на личном самолете мистера Яматы. Мистер Ямата сообщил поверенному, который занимался юридической стороной сделки, что там будет построен его загородный особняк, где он намерен проводить уик-энды. При астрономической стоимости недвижимости в Токио мистер Ямата смог купить эти несколько сотен акров за те же деньги, что и умеренно благоустроенную резиденцию на крыше небоскреба в центре японской столицы. От вида, что будет

открываться из окон дома, который он собирался построить на мысе, в самой высокой его точке, будет захватывать дыхание - так бесконечны голубые тихоокеанские дали с другими островами Марианского архипелага на горизонте, а уж такого воздуха не сыскать нигде в мире. Вот почему мистер Ямата и выразил готовность заплатить огромную сумму, причем с самой приветливой улыбкой.

Впрочем, была и еще одна причина.

Документы, подтверждающие переход прав собственности на земельный участок в новые руки, скользили по часовой стрелке от одного сидевшего за круглым столом к другому, и каждый ставил подпись в надлежащем месте, помеченном желтым ярлычком. Затем мистер Ямата достал из кармана пиджака конверт, извлек из него чек и передал поверенному

- Благодарю вас, сэр, - произнес тот полным почтения голосом, как свойственно американцам при виде крупной суммы. Поразительно, как магически действуют на них деньги, подумал Ямата. Еще три года назад приобретение земельного участка на острове гражданином Японии было исключено, но ловкий адвокат, удачно выбранные обстоятельства и соответствующая сумма в долларах преодолели все преграды. - Регистрация участка на ваше имя будет завершена сегодня к вечеру.

Ямата с вежливой улыбкой посмотрел на бывшего владельца, кивнул, встал из-за стола и покинул здание. У входа его ждал автомобиль. Ямата открыл дверцу, сел на переднее сиденье и нетерпеливо махнул рукой, давая знак водителю, что можно ехать. Сделка завершилась, и необходимости улыбаться больше не было.

Сайпан, подобно большинству островов Тихого океана, имел вулканическое происхождение. Совсем рядом, к востоку, находилась Марианская впадина, расщелина семимильной глубины в дне океана, там, где одна геологическая платформа уходила под другую. В результате образовался ряд вулканических конусов, и острова просто представляли собой их вершины. Внедорожник "тойота-лэндкрузер" устремился на север по умеренно ровной дороге, огибающей гору Ачугао, с "Кантри-клубом" у подножия к мысу Марпи. Там машина остановилась.

Ямата вышел из автомобиля, посмотрел на отдаленные фермерские постройки, которые скоро снесут, но вместо того, чтобы направиться к месту, где будет построен его дом, свернул к обрывистому краю утеса. Хотя Ямате было за шестьдесят, когда он пересекал неровное, заросшее сорняками поле, шаг его был твердым и уверенным. Если здесь когда-то и было фермерское хозяйство, оно наверняка с трудом окупало затраченный труд, заметил японец, - почва под ногами была сухой и истощенной. Весь купленный участок казался заброшенным, и на то были свои причины.

Лицо Яматы было непроницаемым, когда он приблизился к обрыву, который местные жители называли "утес Банзай". С моря дул ветер, Ямата видел и слышал, как бесконечные ряды волн накатывают на скалы у подножия утеса - на те самые скалы, о которые разбились тела его родителей, братьев и сестер и многих других сородичей, что предпочли броситься вниз и погибнуть, но не попасть в руки американским морским пехотинцам. Зрелище повергло американцев в ужас, однако мистер Ямата отказывался думать об этом или это признавать.

Бизнесмен хлопнул в ладоши, склонил голову, желая привлечь внимание невидимых духов к своему присутствию на святом месте и вместе с тем продемонстрировать должное уважение к их влиянию на его судьбу. Как удачно, подумал он, что после покупки этого участка - через пятьдесят лет после смерти его семьи, погибшей при захвате острова американскими войсками, - более половины земли на острове снова перешло в руки японцев.

Ямата почувствовал внезапный холодок, но объяснил это сознанием знаменательности момента, а быть может, и присутствием духов предков. И хотя окровавленные тела волнами бесконечного прибоя унесло в океан, вряд ли можно сомневаться в том, что их ками так никогда и не покинули места смерти и ждали его возвращения. Ямата вздрогнул и застегнул плащ. Да, он построит здесь свой дом, но только после того, как выполнит все необходимое.

Прежде следует уничтожить...

Это был идиллический миг, почти в другом мире. Ключка плавно поднялась вверх, удаляясь от мячика, описала правильную дугу, замерла на мгновение и с ускорением начала опускаться по той же траектории вниз. Мужчина, сжимавший в руках клюшку, перенес тяжесть тела с одной ноги на другую. Точно в нужный момент его руки взметнулись, и, когда головка клюшки ударила по мячику, она была перпендикулярна направлению его предстоящего полета. Звонкий щелчок подтвердил точность удара - головка клюшки была металлической. Этот звук и ощутимый толчок, передавшийся через графитовую рукоятку клюшки, дали понять игроку, что удар был удачным. Мужчине не понадобилось и взгляда. Ключка продолжала описывать дугу, постепенно замедляя свое движение, и лишь затем игрок повернул голову и посмотрел вслед улетающему мячику.

К сожалению Райана, этим удачливым игроком был не он.

Удрученно улыбаясь, Джек покачал головой и наклонился, чтобы положить свой мячик на колышек для первого удара.

- Отличный удар, Робби.

Контр-адмирал ВМС США Роберт Джефферсон Джексон замер, зоркими глазами летчика наблюдая за мячиком, который начал снижаться и, упав в двухстах пятидесяти ярдах па аккуратно подстриженную траву, прокатился еще ярдов тридцать. Он молчал, пока мячик не замер на месте, недалеко от лупки, точно в середине уходящей вдаль зеленой полосы.

- Мне хотелось пробить чуть дальше, - заметил контр-адмирал.

- Да, не везет тебе в жизни, верно? - улыбнулся Райан, готовясь к удару. Он чуть согнул колени, выпрямил спину, слегка - но не слишком - наклонил голову, проверил положение рук, сжимающих клюшку. Да, все в порядке. Джек в точности следовал наставлениям профессионала, обучавшего в клубе новичков. Он брал у него уроки уже неделю, и неделю до этого, и неделей раньше... Ключка пошла вниз с верхней точки замаха...

Удар оказался не таким уж плохим, чуть правее центральной оси уходящей вдаль зеленой лужайки, добрых сто восемьдесят ярдов, лучший первый удар, когда-либо удававшийся Райану. После его удара клюшкой, предназначенной для начала игры, мячик пролетел примерно то же расстояние, какое мог бы пролететь у Робби, ударь он по нему клюшкой номер семь для несильных точных ударов. Единственное утешение, что в семь сорок пять утра некому было

видеть, как он сел в лужу.

По крайней мере я не загнал мячик в соседний пруд, подумал Райан.

- Сколько времени ты играешь в гольф, Джек?

- Целых два месяца.

Джексон ухмыльнулся, направляясь к стоящему поблизости электрокару.

- А я начал играть на втором курсе академии, в Аннаполисе, так что у меня, дружище, практики чуть побольше. Брось расстраиваться, лучше посмотри, какая красота вокруг.

Действительно, день был необычайно хорош. Поле "Гринбрайер-клаба" находилось среди холмов Западной Виргинии. Этим октябрьским утром вокруг белого здания отеля, разместившегося в старинном особняке конца восемнадцатого столетия, пылала желто-алая листва охваченных огнем осени деревьев.

- В самом деле, - согласился Райан, садясь в электрокар. - Я и не рассчитывал, что выиграю у тебя. Адмирал улыбнулся.

- Это тебе и не удалось бы. Благодарю Бога, Джек, что сегодня тебе не надо ехать на службу. В отличие от меня.

Ни один из них не находился в отпуске, хотя оба в этом нуждались и оба испытывали неудовлетворение от того, что происходило с ними последнее время. Робби хотелось получить наконец адмиральскую должность и кабинет в Пентагоне. Успех для Райана, к его удивлению, означал возврат в деловой мир взамен тихой преподавательской жизни, о которой он мечтал - или думал, что мечтает, - два с половиной года назад, стоя посреди площади в Саудовской Аравии. Может быть, мой удел - активная деятельность, а может, она просто захватила меня как наркотик? - подумал он, выбирая металлическую клюшку номер три для следующего удара. Такой клюшкой не выбьешь мячик на поляну у лунки, но пока он не овладел деревянными клюшками, что позволяют наносить сильные удары. Да, пожалуй, ему действительно по душе активная деятельность.

- Не спеши и не стремись сделать особенно сильный удар. Мячик все равно проигран, верно?

- Так точно, адмирал, сэр, - ответил Джек.

- Не поднимай голову. Я буду следить за тобой.

- Хорошо, Робби. - Сознание, что партнер не станет смеяться над ним, каким бы неудачным ни оказался удар, было почему-то хуже подозрения, что он все-таки засмеется. Подумав, Райан чуть выпрямился перед замахом и в награду услышал звучный щелчок.

Мячик отлетел уже на тридцать ярдов, когда он поднял голову и посмотрел ему вслед... Белый шарик стремительно удалялся и все еще летел влево, однако, начав снижаться, уклонился вправо.

- Джек?

- Да, - отозвался Райан, не повернув головы.

- Третья - твоя клюшка, - съязвил Джексон, проследив за полетом мячика.

- Не отказывайся от нее. Всегда играй ею.

Джеку стоило немалых усилий сунуть клюшку в сумку, а не опустить на голову приятеля. Лишь когда электрокар тронулся с места, направляясь к мячику Робби - маленькой белой точке посреди ровного зеленого ковра, - он рассмеялся.

- Тоскуешь по небу? - поинтересовался Райан. Робби взглянул на него.

- Ты тоже знаешь, где найти уязвимое место, - ответил он. Впрочем, Джексон понимал, как трудно изменить естественный ход событий. Он завершил свою летную карьеру. Его личное дело поступило в кадры для выдвижения на адмиральскую должность, и он получил назначение на пост начальника Испытательного летного центра морской авиации на реке Пэтьюксент в Мэриленде и соответственно становился главным летчиком-испытателем ВМС США. Однако этому не суждено было сбыться - Джексон попал в J-5, оперативное управление аппарата Объединенного комитета начальников штабов. Отдел планирования боевых операций - странное место для военного летчика, когда в мире о войне начали забывать. Здесь легче сделать карьеру, это верно, но удовольствия получаешь гораздо меньше, чем когда командуешь летчиками и летаешь сам. Джексон попытался отнестись к этому назначению спокойно - в конце концов, полетал он за свою жизнь немало, начал на "фантомах" и закончил на "томкэтах", командовал эскадрилей, авиакрылом на авианосце, затем благодаря отличному послужному списку в еще достаточно молодом возрасте стал контр-адмиралом. Его следующим назначением - если повезет - будет командование боевой авианосной группой, что когда-то казалось ему верхом всех самых смелых устремлений. А теперь, достигнув этих вершин, Джексон пытался понять, как быстро могли промелькнуть столько лет и что его ждет впереди.

- Что с нами будет, Джек, когда мы состаримся?

- Кое-кто начинает играть в гольф, Роб.

- Или возвращается к акциям и ценным бумагам, - поддел Райана Джексон.

Пожалуй, здесь стоит выбрать клюшку номер восемь, подумал он, для несильного точного удара. Райан направился вместе с ним к его мячику.

- А как со вкладом в коммерческий банк? - вспомнил Джек. - В прошлый раз у тебя все прошло удачно?

При этих словах летчик - продолжает ли он летать или сидит, как теперь, за письменным столом, для себя и своих друзей он всегда остается летчиком - поднял голову и усмехнулся.

- Вполне, ты превратил мою сотню тысяч в целое состояние, сэр Джон. - Джексон замахнулся и ударил по мячику. По крайней мере уж в гольфе-то он Райану не уступит. Мячик упал на траву, подпрыгнул, прокатился и остановился наконец в двадцати футах от лунки.

- Достаточная плата за мои уроки гольфа?

- Вполне, а уроки тебе чертовски нужны. - Робби помолчал, и выражение его лица посерьезнело. - Прошло много лет, Джек. Мы изменили мир. - И изменили к лучшему, верно? - мысленно добавил он.

- В определенном смысле. - Райан сжал губы. Некоторые полагали, что это конец в истории человечества, но Райан, докторская диссертация которого касалась этой Проблемы, не разделял такой точки зрения.

- Тебе действительно по душе то, чем ты занимаешься сейчас?

- Ежедневно я возвращаюсь домой не позже шести. Летом не пропускаю ни одной игры Малой лиги, осенью бываю почти на всех футбольных матчах. А когда Салли вырастет и отправится на свое первое свидание, я не окажусь в каком-то проклятом VC-20B черт знает где, на другом конце земли, направляясь на

очередное бессмысленное совещание. - Лицо Джека осветила удовлетворенная улыбка. - Я предпочитаю такую жизнь даже хорошей партии в гольф.

- Ну что ж, это вполне разумно, так как, думаю, даже самому Арнолду Палмеру не по плечу научить тебя правильному удару. Но я все-таки попытаюсь, - добавил Робби, - хотя бы потому, что об этом меня просила Кэти.

Удар Джека оказался слишком сильным, и ему пришлось еще трижды бить по мячику, чтобы вернуть его на зеленую поляну. В результате мячик оказался в лунке после семи ударов, тогда как Робби потратил на то же самое всего четыре, что соответствовало норме для этого поля.

- Игрок твоего класса должен больше ругаться, - заметил Джексон, устанавливая второй колышек. Райан не успел огрызнуться - послышалось жужжание пейджера.

Джек всегда носил пейджер пристегнутым к поясу. Пейджер действовал через спутник связи, так что его владелец постоянно был в поле досягаемости, где бы ни находился. Туннели в горах или под водой обеспечивали некоторую защиту, но и то недостаточную. Джек снял пейджер с пояса. Скорее всего, это по поводу контракта с "Силикон-вэлли", подумал он, хотя оставленные им инструкции были ясными и недвусмысленными. Не иначе кому-то надоело перекалывать канцелярские скрепки. Он посмотрел на номер телефона, что высветил дисплей на жидких кристаллах.

- Мне казалось, твой офис в Нью-Йорке, - заметил Робби. Код на дисплее был 202, а не 212, как ожидал Джек.

- Да, это так. Я могу проводить почти все совещания по телефону из Балтимора, но по крайней мере раз в неделю приходится отправляться на "метролайнере" в Нью-Йорк. - Райан нахмурился. Странно. За кодом Вашингтона следовал номер телефона - 757-5000. Центр связи Белого дома. Он посмотрел на часы. Без пяти восемь утра. Время вызова больше чем что-либо подчеркивало его срочность. Ну что в том особенного? - подумал Джек. По крайней мере, если судить по газетам, которые он ежедневно читал. Неожиданным было лишь то, что его вызывают с таким опозданием. Джек ожидал звонка из Белого дома гораздо раньше. Он подошел к электрокару и достал из сумки телефон сотовой связи. Надо признаться, это был единственный предмет в сумке для гольфа, которым он умел пользоваться.

На разговор понадобилось всего три минуты. Робби, улыбаясь, сидел в каре. Да, ответил Райан, я в Гринбрайере. Да, я знаю, что недалеко есть аэропорт. Четыре часа? Меньше часа туда, час обратно и около часа на беседу. К обеду вернусь. Хватит даже времени закончить партию в Гольф, принять душ и переодеться перед отъездом в аэропорт, подумал Джек, убирая телефон обратно в сумку. Это было преимуществом лучшего в мире транспортного сервиса. Проблема заключалась только в том, что после того, как ты попадаешь в сферу его обслуживания, тебя отпускают с большой неохотой. Все средства такой системы направлены на то, чтобы возможно комфортнее ограничить твою свободу. Покачив головой, Джек подошел к ожидавшему его мячику. Разговор, отвлекший его от игры, оказал странное воздействие: он ударил сильно и точно, мячик упал на коротко подстриженную траву второй поляны в двухстах десяти ярдах, и Джек молча пошел обратно к электрокару, обдумывая, что он скажет Кэти.

Цех новый, безукоризненная чистота, однако он вызывает чувство неприязни, подумал инженер. Его соотечественники всегда боялись огня, но к тому, что будет производить размещенное здесь оборудование, испытывали прямо-таки невероятное отвращение. Он никак не мог заставить себя отмахнуться от этого ощущения. Оно походило на жужжание насекомого, хотя это было весьма неудачным сравнением, потому что попавший сюда воздух, весь до последней молекулы, прошел через лучшую систему очистки, какую только могла спроектировать и построить его страна. Блестящее инженерное мастерство коллег было для него источником особой гордости - ведь и сам он принадлежал к лучшим из них. Именно эта гордость послужит ему поддержкой и опорой, подумал инженер, стараясь забыть о назойливом ощущении, и принялся осматривать установленное оборудование. В конце концов, если это сумели изготовить американцы, русские, англичане, французы и китайцы, а затем даже индийцы и пакистанцы, почему не сделать этого его соотечественникам? В этом действительно таился определенный скрытый смысл.

В противоположной части здания уже сейчас велись предварительные работы. Агенты по закупкам потратили немало усилий на приобретение уникальных компонентов, необходимых для изготовления этих изделий. Впрочем, таких компонентов требовалось очень немного. Большинство их получали из-за границы, но были и такие, что производились в его стране для экспорта за рубеж. Они были созданы для одной цели, а затем приспособлены для применения в иных областях, и все-таки всегда существовала вероятность - далекая, но реальная, - что их снова используют по первоначальному предназначению. Это превратилось в профессиональную шутку для специалистов, занятых в самых разных корпорациях, воспринималось как нечто забавное и отнюдь не всерьез.

Но теперь им придется подумать об этом серьезно, сказал себе инженер. Он выключил свет и закрыл за собой дверь. Необходимо было закончить работу к определенному сроку, и он примется за нее сегодня же, после нескольких часов сна.

Сколько бы Райан ни бывал здесь, он испытывал тайное благоговение к этому месту, а сегодня, когда его прибытие так отличалось от обычного, особенно. Звонок в отель - и там подготовили машину, чтобы попасть в аэропорт, где, разумеется, на отдаленной взлетно-посадочной полосе его уже ждал двухмоторный самолет с прогретыми двигателями. Он отличался от тех самолетов, на которых летают бизнесмены, только тем, что на его борту виднелись знаки принадлежности к BBC США, а его экипаж был одет в оливково-зеленые летные комбинезоны из номекса. Дружеские улыбки, разумеется, полные уважения. Подошедший сержант наклонился, чтобы убедиться, хорошо ли затянуты пристежные ремни, механическая скороговорка из динамика по поводу мер безопасности в случае вынужденной посадки. Беспокойный взгляд пилота - не нарушается ли расписание полета, и самолет оторвался от земли, резко уходя в небо. Райан взял стоящий перед ним стакан с кока-колой - знаком гостеприимства BBC - и огляделся в поисках предназначенных для него документов. Пожалел, что не надел более приличный костюм, и тут же вспомнил, что поступил так намеренно. Летное время сорок семь минут, заход прямо на посадку на авиабазе Эндрюз. Единственное, что упустили, - это перелет на

вертолете с авиабазы на лужайку Белого дома, да и то скорее потому, что это могло привлечь внимание. У самолета Райана встретил почтительный майор ВВС, проводивший его к дешевому правительственному лимузину, за рулем которого сидел молчаливый водитель. Джек устроился на заднем сиденье и закрыл глаза, а майор сел рядом с шофером. Райан попытался вздремнуть - путь он знал наизусть: по Сьютленд-паркуэй на I-295, тут же поворот на I-395 и выезд по Мейн-авеню. В это время дня, сразу после ланча, можно рассчитывать на свободное шоссе, и действительно лимузин скоро остановился у будки охранника на Уэст-Экзекутив-драйв. А вот здесь, совершенно неожиданно, охранник, не выходя из будки, махнул рукой, разрешая въезд. Вот и знакомый вход под навесом и у входа - знакомое лицо.

- Привет, Арни. - Джек протянул руку руководителю аппарата Белого дома. Арнолд ван Дамм был слишком опытным сотрудником и понадобился Роджеру Дарлингу на переходный период. Потом президент Дарлинг попробовал на этой должности своего человека, быстро убедился, что тот не справляется, и вернул Арни. Ван Дамм почти не изменился, отметил Райан. Та же рубашка от Л.Л.Бима, то же открытое лицо, вот только появились новые морщины, да и вид более усталый, чем раньше. А с кем этого не происходит? - подумал Джек.

- Когда мы последний раз виделись на этом самом месте, ты проводил меня пинком под зад, - улыбнулся Райан, стараясь поскорее оценить ситуацию.

- Все мы совершаем ошибки, Джек.

Вот как? Райан моментально насторожился, однако Арни пожал протянутую ему руку и проводил его внутрь здания. Агент секретной службы, стоявший у входа, тут же вручил Джеку заранее приготовленный пропуск, и дальше все шло гладко, пока не зазвенел металлодетектор. Джек достал из кармана ключ от номера в отеле и попытался пройти снова, и опять послышался звонок. Единственным металлическим предметом, за исключением часов, оказался заостренный штырек для прокалывания дерна, необходимый при установке колышков.

- И давно ты играешь в гольф? - усмехнулся ван Дамм. Похожая улыбка появилась и на лице стоявшего рядом агента.

- Приятно узнать, что ты не следишь за каждым моим шагом. Играю вот уже два месяца, и мне еще ни разу не удалось пройти восемнадцать лунок меньше чем за сто десять ударов.

Руководитель аппарата Белого дома направился вместе с Райаном к скрытой лестнице слева.

- Знаешь, почему эту игру назвали гольфом? - спросил он.

- Да, потому что слово "дерьмо" уже было занято. - Райан остановился на лестничной площадке. - Зачем я понадобился, Арни?

- Мне кажется, ты знаешь и без меня, - последовал ответ.

- Здравствуйте, доктор Райан! - Агент Секретной службы

Элен Д'Агустино была столь же прелестна, как и раньше, и по-прежнему служила в охране президента. - Прошу следовать за мной.

Должность президента не рассчитана на то, чтобы вдохнуть юность в занимающего ее человека. Роджер Дарлинг был когда-то десантником, карабкался по холмам Центрального Вьетнама, он и сейчас продолжал заниматься по утрам бегом и даже, по слухам, играл в сквош для поддержания формы, однако,

несмотря на все это, сегодня он выглядел усталым. Показательным, тут же отметил Джек, было то, что президент сразу принял его, не пришлось ждать в одной из приемных, а почтительные улыбки на лицах тех, кто попадался на пути, тоже говорили о многом. Когда Райан вошел в кабинет, Дарлинг встал, показывая, как он рад встрече. Или причина была в ином...

- Как дела на финансовом поприще, Джек? - Рукопожатие, последовавшее за приветствием, было твердым и дружеским, но в нем ощущалась какая-то напористость.

- По крайней мере это отнимает у меня немало времени, господин президент.

- Видно, не так уж и много, раз остается для игры в гольф на лужайках Западной Виргинии, - заметил Дарлинг, приглашая Райана к одному из кресел у камина. - Можете идти, - обратился он к двум агентам Секретной службы, провожавшим Райана. -

Спасибо.

- Мое новое дурное занятие, сэр, - ответил Джек, услышав звук закрывающейся двери. Было так необычно находиться один на один с главой исполнительной власти страны без присутствия хотя бы одного из охранников, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что он ушел с государственной службы столько времени назад.

Дарлинг опустил в кресло и откинулся на спинку. Каждое движение президента свидетельствовало о его жизненной энергии, источником которой является скорее ум, чем тело. Наступило время говорить о деле.

- Я начну, пожалуй, с того, что принесу извинения за то, что вынужден прервать ваши каникулы, доктор Райан. Они затянулись на два года и теперь закончились.

Действительно, минуло два года. Первые два месяца он и в самом деле не занимался ничем, обдумывал в тиши кабинета сделанные ему предложения занять должность профессора в университете, каждое утро провожал жену, которая отправлялась на работу в Медицинский центр Джонса Хопкинса, готовил школьные ланчи для детей и убеждал себя в том, как хорошо наконец отдохнуть. Так длилось два месяца - и он был вынужден признать, что отсутствие всякой деятельности еще более утомительно, чем любая работа, которой ему приходилось заниматься в прошлом. После всего лишь трех бесед он снова нашел себе занятие в качестве брокера, появилась надобность по утрам уезжать из дома раньше жены и основание постоянно сетовать на занятость - таким образом он сумел обрести душевное равновесие. Опять начал зарабатывать немалые деньги, но даже это, был вынужден теперь признаться Джек, начало приедаться. Ему так и не удалось найти свое место в жизни, и у него появились сомнения, сумеет ли он сделать это вообще.

- Господин президент, обязательный призыв на службу давно отменен, - с улыбкой возразил Райан. Это было несерьезное заявление, и Джек тут же пожалел о нем.

- Вы уже однажды сказали "нет", когда страна нуждалась в вас, - напомнил ему Дарлинг, и упрек стер улыбку с лица Райана. Неужели бремя президентства оказалось непосильным для Дарлинга? Конечно, такая нагрузка не каждому по плечу, а вместе со стрессом приходит нетерпение и

раздражительность, что неприемлемо для человека, от которого должно исходить спокойствие и уверенность в себе. Однако с Райаном можно быть откровенным.

- Сэр, в тот момент я был вконец измотан. Не думаю, что тогда способен был бы принести...

- Хорошо, я читал ваше досье, так что можете не оправдываться, - прервал его президент. - Читал его целиком и даже знаю, что вряд ли занимал бы сейчас эту должность, если бы не ваши действия в Колумбии несколько лет назад. В прошлом вы отлично послужили своей стране, доктор Райан, и теперь, после того как вам удалось отдохнуть и добиться успеха на финансовом поприще - весьма крупного, как мне сообщили, - настало время вернуться на государственную службу.

- В каком качестве, сэр? - спросил Джек.

- Вас ждет кабинет, расположенный чуть дальше по этому коридору, за углом. Те, кто занимали его до вас, не сумели достойно проявить себя, - покачал головой Дарлинг. Действительно, вспомнил Райан, Каттер и Эллиот натворили немало такого, что пришлось расхлебывать исполнительной власти, а советник по национальной безопасности, назначенный самим Дарлингом, просто не справился с обязанностями. Имя его было Том Лох, и Райан узнал из утренней газеты, что якобы президент готов принять его отставку. По-видимому, на этот раз пресса оказалась права. - Я не собираюсь ходить вокруг да около, доктор Райан. Вы нужны нам. Я прошу вас о помощи.

- Господин президент, это очень лестное предложение, но дело в том, что...

- Дело в том, что у меня слишком много дел внутри страны, а в сутках всего двадцать четыре часа и моя администрация уже успела совершить достаточно ошибок. В результате мы не оправдали ожиданий нации. Я не признаюсь в том никому за стенами этого кабинета, но вам могу и должен это сказать. Руководство Госдепартамента не способно функционировать должным образом, как и Министерство обороны.

- Зато Фидлер в Министерстве финансов - превосходный специалист, - возразил Райан. - А если вам нужен мой совет по поводу того, как укрепить Госдепартамент, назначьте его руководителем Скотта Адлера. Он молод, но отлично разбирается в международных делах и умеет заглядывать в будущее.

- Но его придется направлять из этого кабинета, а у меня нет на то времени. Что касается вашего высокого мнения о Базе Фидлере, я скажу ему об этом, - с улыбкой добавил Дарлинг.

- Он действительно блестящий профессионал, именно тот, кто нужен вам на этом посту. Если вы собираетесь остановить инфляцию, ради Бога, принимайтесь за дело, не теряя времени...

- Придется выдержать противодействие со стороны определенных политических кругов, - покачал головой Дарлинг. - Впрочем, я дал Фидлеру именно такие указания - защищать доллар и любыми средствами снизить инфляцию до нуля. Думаю, он справится. Первые шаги представляются многообещающими.

- Полагаю, вы правы, - кивнул Райан. Приступайте к делу, господин президент, подумал он.

Дарлинг протянул ему папку с материалами.

- Читайте.

- Да, сэр, - ответил Райан и принялся перелистывать первые страницы с обычными предупреждениями обо всех видах ответственности за разглашение информации, содержащейся в последующих документах. Как всегда, сведения, за разглашение которых грозили самые суровые кары, мало отличались от того, что любой гражданин мог прочесть в "Таймс", хотя в журнале стиль и манера изложения были намного лучше. Райан протянул руку за чашкой кофе, с досадой заметив, что она отличается от кружек без ручек, к которым он привык. Посуда в Белом доме отвечала требованиям протокола - была элегантной и не слишком практичной. Пребывание здесь напоминало визит к супербогатому боссу. Такие встречи были немного...

- Вот об этом я кое-что знал, но не предполагал, что это настолько... интересно, - пробормотал Джек.

- Интересно? - переспросил Дарлинг с легкой улыбкой. - Любопытный выбор слов.

- Кто сейчас в ЦРУ заместитель директора по оперативной работе? Мэри-Пэт? - Райан посмотрел на президента, и тот утвердительно кивнул.

- Она приходила ко мне месяц назад и доказывала, что следует увеличить ассигнования на эти операции. Должен заметить, что ее доводы звучали весьма убедительно. Вчера Эл Трент сумел добиться одобрения этого запроса в своем комитете. - На этот раз через Министерство внутренних дел или сельского хозяйства? - усмехнулся Райан. Эта статья бюджета ЦРУ никогда не оглашалась и не фигурировала в финансовых отчетах. Оперативная деятельность ЦРУ частично финансировалась через другие правительственные департаменты.

- Насколько я помню, ассигнования переводятся через Министерство здравоохранения и социального обеспечения.

- Но все равно пройдет два или три года, прежде чем...

- Да, я знаю. - Дарлинг поудобнее устроился в кресле. - Послушай, Джек, если бы это имело для тебя значение, то почему...

- Сэр, если вы читали мое досье, то знаете причину. - Боже, хотелось сказать Райану, сколько можно от меня... Но он не мог произнести этого, по крайней мере не здесь и не обращаясь к президенту, поэтому промолчал. Стараясь заполнить неловкую паузу, Джек принялся перелистывать и читать страницу за страницей.

- Да, я знаю, не следовало недооценивать человеческий фактор в разведке. Трент и Феллоуз говорили об этом, и миссис Фоули тоже. Понимаешь, Джек, в этом кабинете приходится так много работать, что иногда упускаешь очевидное.

Райан поднял голову и едва не улыбнулся, но тут увидел лицо президента - в глазах Дарлинга отражалась невероятная усталость.

- Когда ты примешься за работу? - спросил президент Соединенных Штатов.

Инженер вернулся в цех, включил освещение и окинул взглядом станки. Из стеклянной выгородки, чуть приподнятой над производственным помещением, он сможет наблюдать за работой. Через несколько минут здесь появятся люди, и то обстоятельство, что он пришел раньше остальных - в стране, где принято приезжать за два часа до положенного времени, - создаст соответствующую обстановку. Всего десять минут спустя появился первый рабочий, который

повесил плащ и направился в дальний угол, чтобы включить кофеварку. Здесь, подумали оба, пьют не чай, а кофе - удивительное влияние Запада. Остальные пришли почти одновременно, поглядывая на того, что появился здесь раньше, с раздражением и досадой, потому что заметили освещенную выгородку и сидящего там инженера. Несколько человек подошли к своим рабочим местам и принялись за физические упражнения, чтобы разогреть мышцы и продемонстрировать преданность фирме. Когда до начала смены оставалось два часа, инженер вышел из стеклянного кабинета и подозвал к себе подчиненных, чтобы объяснить им характер предстоящего задания. Они, разумеется, были уже ознакомлены, но следовало повторить еще раз. Через десять минут, в течение которых они внимательно слушали инженера, все встали к своим станкам и принялись за работу. В таком начале войны не было ничего странного.

Ужин был элегантным и проходил в огромной столовой с высоким потолком под звуки рояля, скрипки, а время от времени и звон хрусталя. Разговор за столом не отличался оригинальностью - по крайней мере так казалось Джеку, который с аппетитом уничтожал главное блюдо, запивая его вином. Салли и маленький Джек успешно учились в школе, а Кэтлин - гордость отца и устрашение детского сада, куда ее отвозили по утрам, - через месяц отпразднует свой второй день рождения. Пока она не слишком уверенно, но зато весьма бодро топала по всем этажам и комнатам дома на Перегрин-Клифф. Робби и Сисси, так и не сумевшие обзавестись собственными детьми, несмотря на все старания, стали чем-то вроде дяди и тети для потомства Райанов и гордились тройкой сорванцов ничуть не меньше Кэти и Джека. Это очень печально, думал Джек, но такова жизнь, и Сисси все еще плачет, наверно, по ночам в постели, когда Робби улетает куда-то в очередную командировку. У самого Джека никогда не было брата. Робби стал ему ближе брата и заслуживал лучшей судьбы. А Сисси - ну, она просто, ангел.

- Интересно, чем сейчас занимаются в управлении? - произнес Робби.

- Наверняка разрабатывают план вторжения в Бангладеш, - сказал Джек, вступая в общий разговор.

- Этим занимались на прошлой неделе, - усмехнулся Джексон.

- Как они там обходятся без нас? - подумала вслух Кэти, беспокоясь, очевидно, об одном из своих пациентов.

- Ну что ж, концертный сезон начнется у меня только через месяц, - заметила Сисси.

- М-м-м, - промычал Джек, глядя в тарелку и не зная, как сообщить о своем назначении.

- Джек, мне все известно. - Кэти положила конец его мучениям. - Ты напрасно пытаешься скрывать это.

- Кто...

- Кэти спросила меня, куда ты уезжал, - с другого конца стола подал голос Робби. - Морской офицер не может лгать.

- Неужели ты опасался, что я рассержусь? - спросила Кэти у мужа.

- Да.

- Вы не представляете себе, на кого он похож дома, - обратилась к гостям Кэти. - Каждое утро читает газету - и ворчит. Каждый вечер слушает

новости - и ворчит. Каждое воскресенье смотрит интервью с разными знаменитостями по телевидению - и ворчит. Джек, - спросила она негромко, - как ты думаешь, я смогу отказаться от своей хирургической практики?

- Нет, наверно, но ведь это не одно и...

- Да, не одно и то же, только не для тебя. Когда ты принимаешься за работу? - спросила Кэролайн Райан.

1. Старые знакомые

На Среднем Западе, слышал однажды по радио Джек, есть университет, где разработали программу и создали приборы для изучения процессов, происходящих внутри смерчей. Каждую весну аспиранты и пара профессоров располагаются в наиболее многообещающем районе страны и, едва заметив торнадо, стараются установить свои приборы - разумеется, названные "Тото" - на пути урагана. Пока их попытки не увенчались успехом. Скорее всего они неудачно выбирают места, думал Райан, глядя из окна на голые деревья в парке Лафайет. Кабинет советника президента по национальной безопасности привлекает гораздо больше ураганов, и, к сожалению, попасть в него куда легче.

- Знаешь, - заметил Райан, откидываясь на спинку кресла, - раньше это было намного проще. - И мне казалось, что так будет всегда, подумал он.

- Раньше в мире существовали законы, - напомнил ему Скотт Адлер. - Теперь они перестали править миром.

- Как президент справляется с международными проблемами, Скотт?

- Тебе действительно нужна правда? - спросил Адлер, хотя его слова означали: "Мы ведь находимся в Белом доме, ты не забыл этого?". Он посмотрел по сторонам, думая, а установлены ли здесь магнитофоны, записывающие все разговоры, которые ведутся в кабинете. - Так вот, мы наломали дров в Корее, но там нам повезло, удалось выпутаться. Слава Богу, в Югославии мы вели себя более разумно, потому что на Балканах не бывает везения и полагаться на него там не приходится. В отношениях с Россией тоже не сумели вести себя должным образом. Что касается Африки, то весь континент, можно считать, пошел псу под хвост. Наверно, единственное, что нам удалось за последнее время, - это торговый договор...

- Который отказались подписать Япония и Китай, - закончил за него Райан.

- А ты забыл, что мы с тобой добились успеха на Ближнем Востоке? События там развиваются весьма благоприятно.

- Наиболее горячая точка в настоящий момент? - спросил Райан, не желая выслушивать похвалу. "Успех", достигнутый на Ближнем Востоке, привел к самым неприятным последствиям и стал главной причиной, по которой он ушел с государственной службы.

- Да их сколько угодно, - пожал плечами Адлер. - Выбирай любую.

Райан кивнул.

- Что ты думаешь о государственном секретаре?

- Хансон? Политическая креатура, - без колебаний ответил кадровый дипломат. Действительно, напомнил себе Райан, Адлер посвятил всю жизнь международным отношениям и гордится этим. Он поступил на службу в

Госдепартамент сразу после окончания колледжа Флетчера, где был первым в выпускном классе, и начал карабкаться по иерархической лестнице, преодолевал все препятствия, выполняя скучную и нудную работу, сторонясь внутренних политических распрей. В результате он утратил любовь первой жены и потерял почти все волосы. Джек знал, что Адлером руководила любовь к своей стране. Сын еврейского иммигранта, пережившего Освенцим, Адлер испытывал глубочайшее уважение к Америке, мало кому доступное. К тому же эта любовь не была слепой даже сейчас, когда занимаемая должность выводила его за рамки обязанностей кадрового дипломата, превратив в политика. Подобно Райану, он служил президенту, и все-таки ему достало смелости честно ответить на вопросы советника по национальной безопасности.

- Даже хуже, - согласился Райан. - Он - адвокат, а адвокаты только тем и заняты, что без конца создают препятствия.

- Вот и ты поддаешься на провокации, - улыбнулся Адлер и тут же продемонстрировал свои выдающиеся аналитические способности. - У тебя проводится какая-то операция, верно?

- Понадобилось свести старые счеты, - кивнул Райан. - Сейчас у меня этим занимаются два отличных специалиста.

После того как будут пробурены скважины и прорыты шахты, наступит особенно сложный заключительный этап - и все это следует завершить точно в срок. Сами шахты выглядели уже почти готовыми. Не так-то просто было пробить их в твердом базальтовом дне долины, даже одна требовала немалых усилий, не говоря уже о десяти, причем каждая была ровно сорока метров глубиной и десяти в диаметре. Три смены по триста человек в каждой работали, сменяя одна другую, круглые сутки и сумели, несмотря на принятые меры предосторожности, на две недели опередить график. От ближайшей железнодорожной линии Шин-Кансен сюда проложили шестикилометровую колею, и на всем ее протяжении металлические опоры, обычно предназначенные для подвески контактной сети, удерживали четырехмильную маскировочную сетку.

Геологическая история этой японской долины должна быть любопытной, решил начальник строительства. Долина пролегла таким образом, что, стоя на ее дне, солнце можно было увидеть только через час или даже больше после восхода - настолько круты ее восточные склоны. Неудивительно, что в прошлом инженеры, строившие железные дороги, заглянув сюда, принимали решение идти обходным путем. Узкое ущелье - местами до десяти метров - было высохшим руслом реки, давным-давно отведенной в сторону и питающей теперь водохранилище. Оно походило на вырытый в скалах каньон, сооружение, оставшееся после войны. А может быть, специально для нее приготовленное, подумал он. В конце концов, это достаточно очевидно, хотя ему никогда не говорили о назначении строительства и только твердили о необходимости хранить все в строжайшем секрете. Выбраться из этого ущелья можно только двумя путями - либо прямо - вверх, либо двигаясь вдоль него. Первое возможно с помощью вертолета, а второе - на поезде, все остальные способы требовали нарушения законов земного тяготения, что представлялось нелегкой задачей.

У него на глазах гигантский экскаватор фирмы "Кова" вывалил в думпкаре очередной ковш раздробленной каменистой породы. Это был последний думпкаре в

составе, так что скоро дизельный маневровый локомотив потянет вагоны по шестикилометровой ветке к основной линии, где его заменит электровоз.

- Работа закончена, - произнес стоявший рядом надзиратель, указывая на дно шахты. Там находился рабочий, который держал в руке конец металлической рулетки. Ровно сорок метров. Глубина шахты была, разумеется, уже выверена лазерным прибором, но в соответствии с традицией было необходимо проконтролировать ее ручным способом. Эту операцию доверяли самым опытным рабочим, и потому на дне сейчас стоял один из них, и лицо его светилось гордой улыбкой. Разумеется, он не имел ни малейшего представления о назначении шахты.

- Хай, - удовлетворенно кивнул начальник строительства, а затем вежливо поклонился рабочему, стоявшему внизу. Тот ответил ему таким же поклоном. Следующий состав доставит сюда жидкий бетон, который залиют в уже подготовленную рядом с шахтой опалубку. Оставалось только опустить ее вниз, как, впрочем, и в остальные шахты. Завершив строительство первой шахты, эта бригада опередила ближайшего соперника примерно на шесть часов, а бригаду, столкнувшуюся с наибольшими трудностями при проходке скальных пород, даже на двое суток. Впрочем, говоря откровенно, и проходчики, трудившиеся в шахте номер шесть, проявили себя наилучшим образом. Начальник решил, что ему нужно поговорить с ними, ободрить, поблагодарить за проявленные усилия и таким образом уменьшить бремя стыда, вызванного отставанием. Бригада шахты номер шесть состояла из его лучших рабочих, и не их вина, что им выпала самая трудная задача.

- Еще три месяца, и мы в срок завершим работы, - уверенно заявил надзиратель.

- После окончания шестой шахты организуем праздник для рабочих. Они это заслужили.

- Скучно, - заметил Чавез.

- И жарко к тому же, - согласился Кларк. Кондиционер в "рейнджровере" не работал, а может быть, просто сдался от отчаяния. К счастью, у них был запас минеральной воды.

- Зато это сухая жара, - отметил Динг, словно такое обстоятельство имело какое-то значение при ста четырнадцати градусах по Фаренгейту. Впрочем, для облегчения можно считать по Цельсию - тогда температура сразу падает до сорока пяти градусов, но это приносило облегчение лишь до очередного вдоха. И тут невольно приходила мысль о пагубности раскаленного воздуха для легких независимо от того, в какой системе измеряется температура. Динг откупорил пластиковую бутылку. Просто поразительно, какой холодной кажется нагревшаяся до тридцати пяти градусов вода по сравнению с окружающим зноем, как приятна ее прохлада.

- Сегодня ночью ожидается резкое похолодание, градусов до двадцати семи.

- Хорошо, что я прихватил свитер, мистер К. - Чавез вытер пот с лица и снова поднес к глазам бинокль. Это был отличный бинокль, с большим увеличением, однако пользы от того здесь - разве что четко видна колышущаяся от жары пелена раскаленного воздуха, волны которого перекачивались над

поверхностью пустыни. Не место тут было ничему живому - если только случайно залетал стервятник. Можно не сомневаться, что эти питающиеся падалью птицы очистят до костей труп всякого животного, имевшего несчастье здесь появиться. А ведь было время, напомнил себе Чавез, когда он считал, что нет унылее места, чем пустыня Мохаве на юге Калифорнии. Но там хоть обитают койоты.

Все как и раньше, ничего нового, думал Кларк. Он занимался подобными операциями уже... Неужели тридцать лет? Ну не совсем тридцать, но почти. Подумать только. Милосердный Боже, тридцать лет! Хотя бы раз провести операцию в нормальной обстановке! Правда, сейчас это перестало казаться таким уж важным. Их легенда становилась все менее правдоподобной. В багажнике "ровера" лежали ящики с образцами пород и приборы, применяемые при геологической разведке, - достаточно убедительно, чтобы доказать неграмотным туземцам, что в недрах вон той одинокой горной вершины таятся колоссальные залежи молибденита. Туземцы знали, конечно, как выглядит золото, - кто этого не знает? - но минерал, известный геологам под ласковым названием "молли", представлял собой загадку для непосвященных во всех отношениях, кроме разве высокой рыночной цены металла. Кларк неоднократно прибегал к такой уловке. Открытие богатого месторождения являлось именно той возможностью внезапно разбогатеть, которая привлекала к себе людей, разжигая в них извечную человеческую жадность. Их завораживала мысль, что вот здесь, прямо под ногами, находится нечто ценное, а Джон Кларк со своим обветренным, словно высеченным из камня, честным лицом казался настоящим разведчиком-геологом, приехавшим сюда, чтобы доверительно сообщить счастливую новость.

Он посмотрел на часы. До встречи оставалось девяносто минут, она должна состояться незадолго до захода солнца, а они с Чавезом приехали пораньше, чтобы проверить обстановку. Вокруг было пустынно и жарко, место встречи находилось в двадцати милях от горы, о которой пойдет речь с генералом, хотя переговоры будут недолгими. Здесь был перекресток дорог, двух полос в выжженной солнцем глине, одной - проложенной примерно в направлении с севера на юг, другой - с запада на восток. Обе все еще отчетливо виднелись на пустынном грунте, несмотря на то что песок и гравий, переносимые ветром, уже давно должны были замести все следы человеческого присутствия. Это озадачивало Кларка. Многолетняя засуха являлась тут главной бедой, но трудно вообразить, чтобы даже при редких дождях кто-то рискнул бы здесь жить. И все-таки кто-то жил тут раньше и, по-видимому, живет и сейчас, когда появляется трава для коз... если не приходят вооруженные люди, которые убивают пастухов и угоняют стада. Оперативники ЦРУ продолжали терпеливо сидеть в машине с опущенными стеклами, они пили минеральную воду из бутылок и молча потели, так как исчерпали в разговорах все мыслимые темы.

Машины появились, когда уже наступили сумерки. Сначала американцы увидели вдали желтые в лучах заката облака пыли, похожие на кильватерные струи за кормой катера. Как в такой пустынной, такой нищей стране кому-то под силу поддерживать на ходу машины. И все-таки, как ни странно, кто-то занимался ими. Значит, еще не все потеряно для такого забытого Богом места. Если это по плечу преступникам, то по силам и законопослушным гражданам. Разве не поэтому они с Чавезом здесь? - подумал Кларк.

Первый грузовик опередил остальные машины. Он был старым, скорее всего в прошлом армейским, но таким побитым, что установить его происхождение и марку было просто невозможно. Грузовик объехал "ровер" на расстоянии сотни метров, сидевшие в нем не отрывали от американцев цепкие, ничего не упускающие взгляды, причем особенно напряженными были глаза человека, стоявшего за установленным на турели русским пулеметом калибра 12, 7 миллиметра. Теперь их босс называл своих солдат "полицейскими", а не "техниками", как раньше. Через несколько минут грузовик остановился, солдаты по-прежнему не сводили глаз с "ровера", сжимая в руках старые и грязные, но, по-видимому, исправные винтовки М-3. Еще немного - и на солдат можно будет почти не обращать внимания. Наступал вечер, а все они жевали местное растение наркотического действия - как.

- Почему бы этим крестинам по крайней мере не курить его? - раздраженно спросил Чавез, глядя на туземца, который, сидя в тени грузовика, жевал стебель.

- Плохо влияет на легкие, ты ведь знаешь. - Человек, с которым им предстояло встретиться сегодня, недурно зарабатывал на торговле наркотиками. По сути дела на них тратилось более трети валового дохода страны, что позволяло содержать множество небольших самолетов, которые и доставляли наркотики из Сомали. Это оскорбляло чувства Кларка и Чавеза, но порученная им операция никак не была связана с личными чувствами - им предстояло расквитаться по давним счетам. Генерал Мохаммед Абдул Корп - генеральское звание присвоили ему репортеры, не знавшие, как называть его иначе, - когда-то, достаточно давно, был повинен в смерти двадцати американских солдат. А точнее, произошло это ровно два года назад, что уходило далеко за горизонты памяти средств массовой информации, так как после убийства американцев он принялся за свое обычное занятие и продолжал убивать соотечественников. Формально Кларку и Чавезу поручили провести операцию именно по этой последней причине, однако у правосудия много форм, и потому Кларк с удовлетворением занялся этим делом. А то, что Корп был одновременно еще и торговцем наркотиками, явилось чем-то вроде дара Господнего, который находился в особенно хорошем расположении духа.

- Может быть, умоемся перед его приездом? - предложил Динг, чувствуя, как его охватывает все большее напряжение, и стремясь потому лишний раз щегольнуть своим спокойствием. Теперь солдаты, все четверо, сидели у своего грузовика и жевали как, тупо глядя прямо перед собой. Винтовки покоились у них на коленях, а крупнокалиберный пулемет - в кузове. Они являли собой передовую группу службы безопасности, если так ее можно назвать, своего генерала.

- Напрасная трата времени, - покачал головой Кларк.

- Черт побери, мы торчим здесь шесть недель, - отозвался Динг. Целых шесть недель - и все ради одной только встречи, добавил он мысленно. Но что тут поделаешь, такова служба!

- Мне нужно было сбросить пять фунтов, - улыбнулся Кларк, но улыбка его тоже была напряженной. А сбросил, пожалуй, даже больше, решил он. - На такие вещи уходит немало времени - если хочешь, чтобы все прошло гладко.

- Интересно, как там у Пэтси дела в колледже? - проговорил Динг и

поднес к глазам бинокль.

Кларк промолчал. Ему виделась какая-то непристойность в том, что дочь считает Чавеза, его напарника по оперативной работе, таким необычным, интересным и... привлекательным, хотя ростом он был чуть меньше Пэтси - та пошла в свою высокую и длинноногую мать. В прошлом Чавеза случалось всякое, и Кларк не мог не признавать, что тот приложил немало усилий, преодолел массу препятствий, поставленных судьбой у него на пути, чтобы добиться успеха в жизни. Мальчишке сейчас тридцать один год. Мальчишке ли? - подумал Кларк. Он на десять лет старше его маленькой девочки. Патриции Дорис Кларк. Кларк мог бы сказать, что во время операций им приходилось прибегать к грязным уловкам, но тогда Динг ответил бы, что не он принимает решения, и это было бы правдой. Сэнди тоже придерживалась такой точки зрения.

Кларк никак не мог выбросить из головы, что его Патриция, его маленькая любимая девочка, вполне возможно, близка с... Дингом? Эта мысль беспокоила его как отца, но он не мог не признаться, что и сам когда-то был молод. Дочери, подумал он, служат Божьей карой за то, что ты мужчина: приходится жить в смертельном страхе, что они могут когда-нибудь встретить человека, похожего на тебя самого в молодости. В случае с Пэтси сходство было слишком разительным, чтобы легко с ним согласиться.

- Занимайся делом, Динг.

- Понял, мистер К. - Кларку даже не понадобилось поворачивать голову, чтобы увидеть улыбку на лице напарника. Он чувствовал почти физически, как улыбка исчезла, когда в пелене колышущегося воздуха показались облака пыли.

- Сейчас тебе придет конец, ублюдок, - выдохнул Динг, снова сосредоточившись. Дело было не только в убитых американских солдатах. Люди, подобные Корпу, уничтожали все, к чему прикасались их руки, а эта часть мира заслуживала того, чтобы попытаться построить тут более счастливое будущее. Такая возможность могла возникнуть двумя годами раньше, если бы президент прислушивался к советам своих полевых командиров, а не ООН. Ну что ж, по крайней мере теперь он вроде набирается опыта, что совсем нелишне для президента.

Солнце скатилось к самому горизонту, и стало чуть прохладнее. Машины приближались. Хорошо бы, их было не слишком много, подумалось обоим американцам. Чавез перевел взгляд на четырех охранников, которые в сотне ярдов от него лениво переговаривались между собой - явно в наркотическом опьянении. В иных обстоятельствах было бы опасно иметь дело с наркоманами, которые держат в руках оружие, но сейчас ситуация изменилась. Второй грузовик быстро приближался. Оба агента ЦРУ вышли из машины, чтобы размяться и поприветствовать гостей - не делая резких движений, разумеется.

Личные телохранители генерала, его элитная охрана, мало отличались от тех солдат, которые приехали раньше, разве что на некоторых были расстегнутые рубашки. От первого охранника, подошедшего к американцам, пахло виски, наверняка украденным из личных запасов генерала. Это нарушало законы ислама, но с другой стороны, торговля наркотиками тоже не поощрялась Кораном. Кларка всегда восхищало то, как судебные власти Саудовской Аравии быстро и решительно расправлялись с подобной категорией преступников.

- Привет, - улыбнулся Кларк подошедшему охраннику. -

Меня зовут Джон Кларк. А это мистер Чавез. Мы ждем генерала, как и договаривались.

- Что у вас в машине? - спросил "полицейский", удивив Кларка знанием английского языка. Джон показал на мешок с образцами пород, а Динг - на пару электронных приборов. Заглянув внутрь машины, "полицейский" вернулся к грузовику, даже не обыскав американцев, к немалому их удивлению.

Затем появился Корп в сопровождении своих самых надежных телохранителей - если их можно было так назвать. Охрана приехала в русском джипе, а генерал - на "мерседесе", принадлежавшем прежде, до того как правительство страны окончательно развалилось, одному из его чиновников. Внешний вид автомобиля свидетельствовал о том, что в прошлом за ним ухаживали с любовью, хотя и сейчас он, наверно, был лучшей машиной в стране. Генерал выступал в парадной форме - свободной рубашке цвета хаки с погонами, на которых какое-то украшение означало, по-видимому, его воинское звание, габардиновых брюках и сапогах, начищенных до блеска где-то в начале прошлой недели. Солнце исчезло за горизонтом. Скоро должно было стемнеть, и благодаря разреженной атмосфере расположенного на большой высоте плоскогорья, на небе выступили крупные звезды.

Генерал оказался вежливым человеком - по крайней мере внешне. Он - решительным шагом подошел к американцам и протянул руку. Кларк в ответ протянул свою, невольно подумав о судьбе прошлого владельца "мерседеса". Не иначе, убит, как и остальные члены правительства. Причиной их гибели явилась отчасти неспособность управлять страной, но главным образом варварство, и убийцей был скорее всего человек, который обменивался сейчас с ним теплым рукопожатием.

- Вы уже завершили геологические изыскания? - спросил Корп, снова удивив Кларка правильностью своего английского.

- Да, сэр, мы закончили работу. Хотите ознакомиться с результатами?

- Конечно. - Корп последовал за ним к "рейнджроверу". Кларк достал из машины геологическую карту и несколько спутниковых фотографий, приобретенных у коммерческих фирм.

- Это месторождение может стать самым крупным после Колорадского, а содержание металла в руде просто ошеломляющее. Вот, смотрите. - Кларк ткнул стальной указкой в точку на карте.

- Всего в тридцати километрах от места, где мы сейчас находимся...

Кларк улыбнулся.

- Хотя я очень давно занимаюсь этой работой, а все не перестаю изумляться. Пару миллиардов лет назад огромный пузырь всплыл, должно быть, из центра Земли. - Он рассказывал с подлинным увлечением. У Кларка была огромная практика, да и прочитал он немало, заимствуя из книг по геологии наиболее красочные фразы для последующего общения с дилетантами.

- В любом случае, - вмешался в разговор через несколько минут, в заранее согласованный момент, Динг, - никаких проблем с вскрышными работами мы не видим, и координаты месторождения определены с максимальной точностью.

- Как вам это удалось? - спросил Корп. Существующие карты его страны создавались слишком давно, когда допуски были еще весьма щедрыми.

- С помощью вот этого прибора, сэр. - Динг передал прибор.

- Что это? - поинтересовался генерал.

- Локатор GPS, Глобальной навигационной спутниковой системы, - объяснил Чавез. - Он помогает нам определить место, где мы находимся, сэр. Нажмите кнопку - вот эту, на резиновом чехле.

Корп нажал кнопку, поднял большую плоскую коробку из зеленого пластика и уставился на экран дисплея. Сначала там появилось точное время, затем прибор принялся определять координаты, демонстрируя, что уже замкнулся сначала на один, затем на три и, наконец, на четыре космических спутника Системы глобальных координат.

- Удивительный прибор, - пробормотал он, даже не подозревая, что определение координат являлось меньше чем половиной предназначения прибора. Нажав на кнопку, Корп тем самым послал радиосигнал. Ему и в голову не пришло, что они находятся всего в сотне миль от Индийского океана и что за пределами видимого горизонта может плыть корабль с вертолетами на палубе. В данный момент палуба была почти пустой, потому что вертолеты улетели час назад и сейчас ожидали сигнала в тридцати пяти милях к югу, в надежном укрытии.

Корп еще раз взглянул на дисплей и передал прибор Чавезу.

- Что там дребезжит? - спросил он.

- Плохо закреплены батареи, сэр, - с улыбкой объяснил Динг. Внутри находился их единственный пистолет и к тому же небольшой. Генерал понимающе кивнул и повернулся к Кларку.

- Сколько? - задал он короткий вопрос.

- Видите ли, чтобы определить точные размеры месторождения, потребуется...

- Я имею в виду деньги, мистер Кларк.

- "Анаконда" готова заплатить вам пятьдесят миллионов долларов, сэр. Мы внесем эту сумму поэтапно, по двенадцать с половиной миллионов, а также будем выплачивать десять процентов от общей прибыли, полученной от добычи руды. Деньги - аванс и процент от прибыли - выплачиваются в американских долларах.

- Этого недостаточно. Я знаю рыночную цену молибдена. - Направляясь к месту встречи, он прочитал "Файненшиэл таймс".

- Но ведь пройдут два года, может быть, даже три, прежде чем удастся начать добычу руды. Затем придется найти наиболее удобный способ ее транспортировки к побережью. Возможно, автотранспортом, а может быть, по железной Дороге - если месторождение действительно такое крупное, как мне кажется. Нам придется потратить не меньше трехсот миллионов долларов, прежде чем мы приступим к собственно добыче. - Кларку не понадобилось объяснять, что это огромные затраты даже при такой дешевой рабочей силе, как в этой стране.

- Мне нужно много денег, чтобы удовлетворить потребности моего народа. Вы не можете не понимать этого, - привел разумный довод Корп.

Будь мое предложение настоящим, подумал Кларк, такие переговоры могли бы стать интересными. Генералу нужны были деньги авансом, чтобы произвести закупки оружия и заново завоевать страну, когда-то принадлежавшую ему почти целиком. Войска ООН свергли его, но не сумели победить окончательно.

Скрывшись в горах, генерал пережил последний год, поставляя местный наркотик как в города - если так можно назвать местные поселения. Вырученные деньги снова превратили Корпа в силу, с которой приходилось считаться недавно созданному правительству - опять же, если это можно назвать правительством. Произведя закупки оружия и снова подчинив себе страну, генерал провел бы новые переговоры относительно суммы отчислений за право разработки месторождения. Ловкий тактический ход, подумал Кларк, но ведь этот ход придумал он сам, чтобы выманить подонка из его норы.

- Да конечно, мы заинтересованы в политической стабильности в вашей стране, - согласился Джон, многозначительно улыбаясь и тем самым давая понять генералу, что он тоже разбирается в здешних внутренних политических течениях. В конце концов, американцы вели дела по всему миру - по крайней мере так казалось Корпу и многим другим.

Чавез держал в руках локатор GPS, наблюдая за экраном на жидких кристаллах. Верхний правый угол прямоугольного экрана сделался черным. Динг кашлянул, прочищая горло от пыли, и почесал нос.

- Ну хорошо, - согласился Кларк. - Мы знаем, что можем положиться на вас. Пятьдесят миллионов будут выплачены авансом. В швейцарский банк?

- Вот это уже лучше, - произнес Корн, немного подумав. Он обошел "рейнджровер" и встал у багажника. - Это образцы руды? - спросил он, взглянув внутрь.

- Да, сэр, - кивнул Кларк. Он взял трехфунтовый образец горной породы с очень высоким содержанием молибдена, правда привезенный из Колорадо, а не найденный в Африке. - Вы не хотите показать его своим специалистам?

- А это что? - Корп показал на два предмета в багажнике.

- Наши фонари, сэр. - Кларк улыбнулся и взял один в руки. Динг взял второй.

- Я вижу, у вас тут и винтовка. - На лице генерала появилась снисходительная улыбка. Два телохранителя подошли поближе.

- Но ведь это Африка, сэр. Нам нужно защищаться...

- От львов? - Корп засмеялся, довольный собственной шуткой. Он повернулся и повторил ее "полицейским", которые тоже засмеялись глупости американцев. - Мы убиваем львов, - заметил он, когда смех затих. - Здесь нет хищников.

Кларк, отметил генерал, воспринял замечание, как и подобает мужчине. Американец стоял, держа в руках фонарь. Корп обратил внимание, что этот электрический фонарь очень велик.

- Для чего он вам? - вдруг спросил генерал.

- Не люблю темноты, особенно когда разбиваешь лагерь в пустыне, к тому же при свете его можно фотографировать.

- Совершенно верно, - подтвердил Динг. - Это мощные фонари. - Он повернулся и окинул взглядом охрану генерала. "Полицейские" стояли двумя группами, в одной четыре человека, в другой - шесть, и еще двое находились рядом с генералом.

- Хотите, мы сфотографируем ваших людей? - спросил Кларк, не доставая фотоаппарата.

Чавез тут же включил свой фонарь и направил его в сторону охранников.

Кларк осветил генерала и двух телохранителей, что стояли возле "ровера". Лазерные фонари мигом оказали свое магическое действие. Уже через три секунды американцы выключили их и принялись связывать за спиной руки корчащимся на земле людям.

- Вы что же, думали, мы так и оставим безнаказанной гибель наших солдат? - спросил у Корпа Кларк пятнадцать минут спустя, когда послышался шум приближающихся вертолетов. К этому моменту все двенадцать охранников лежали, уткнувшись носом в песок, с руками, связанными за спиной пластиковым шнуром, которым пользуются американские полицейские, когда у них не хватает наручников. Генерал не смог ответить - он стонал от боли, корчась на песке. Динг достал осветительные шашки и, сломав химические воспламенители, разбросал с подветренной стороны от машины. Показался первый вертолет УН-60 "блэкхоук" и совершил круг над ними, освещая местность направленными вниз прожекторами.

- "Берд-дог один", это "Бэгмен".

- Добрый вечер, "Бэгмен". "Берд-дог один" полностью контролирует ситуацию. Спускайтесь к нам. - Кларк усмехнулся и выключил рацию.

Первый вертолет совершил посадку далеко за пределами освещенного участка. Рейнджеры появились из темноты подобно призракам. Они двигались на расстоянии пяти метров друг от друга, пригнувшись и держа оружие наготове.

- Кларк? - послышался громкий голос.

- Да, подходите! - отозвался Джон и помахал рукой. - Мы их спеленали. К нему приблизился капитан рейнджеров - молодой офицер испанского происхождения, с лицом, покрытым маскировочной мазью, и в камуфляжной форме цветов пустыни. В прошлое пребывание на африканской земле он был лейтенантом и до сих пор отчетливо помнил, как отпевали солдат из его взвода, погибших здесь. Это Кларк предложил прислать рейнджеров для участия в этой операции. Следом за капитаном Диего Чека подошли еще четверо военнослужащих. Остальные рейнджеры окружили связанных.

- А что делать с этими двумя? - спросил один из американцев, указывая на телохранителей Корпа.

- Оставьте их здесь, - ответил Динг.

- Понял, сэр, - кивнул рейнджер, достал пару наручников и вдобавок к пластиковым путам защелкнул их на кистях телохранителей. Капитан Чека сам надел наручники на Корпа, затем с помощью сержанта поднял генерала. Тем временем Кларк и Чавез, забрав из вездехода свои личные вещи, направились следом за солдатами к вертолету. Один из рейнджеров протянул Чавезу фляжку.

- Тебе просил передать привет Осо, - сказал он. Динг повернул голову.

- Как у него дела?

- Преподает в школе сержантского состава. Расстроился, что не смог попасть сюда с нами. Я - Гомес, рота "Ф" - "фокстрот", Второй батальон, Сто семьдесят пятая бригада. В прошлый раз я тоже был здесь.

- Вы так провели операцию, будто она вам ничего не стоила, - обратился капитан Чека к Кларку.

- Всего шесть недель, - намеренно небрежно отмахнулся оперативник, как требовало того негласное правило его профессии. - Четыре недели бродили по пустыне, две недели ушло на то, чтобы организовать встречу, шесть часов на

ожидание и десять секунд - на захват.

- Так и должно быть. - Чека передал старшему сотруднику ЦРУ фляжку с "гаторейдом". Он не сводил с Кларка глаз. Кем бы он ни был, подумал офицер, он явно не в том возрасте, чтобы заниматься подобными играми в пустыне крохотной африканской страны ради шайки туземцев. И только тут Чека увидел глаза оперативника.

- Как вам это удалось всего лишь вдвоем, приятель? - в свою очередь поинтересовался Гомес у Чавеза, когда они подошли к вертолету. Остальные рейнджеры насторожились прислушиваясь. Чавез, не проронив ни слова, поднялся внутрь "блэкхоука".

- Мы что, всех остальных оставляем здесь? - Гомес был явно раздражен тем, что оперативник не ответил на его вопрос.

- Да, ведь это всего лишь шестерки. - Чавез оглянулся назад. Рано или поздно один из них сумеет, наверно, выпростать руки, найдет нож и поможет освободиться остальным; ну а все вместе потом они подумают о тех двух со стальными наручниками. - Нам нужен был только их босс.

Гомес окинул взглядом горизонт.

- Здесь водятся львы или гиены? - спросил он. Динг отрицательно покачал головой. Жаль, подумал сержант.

Рейнджеры с сожалением покачивали головами, размещаясь в креслах и пристегивая ремни. Как только вертолет взлетел, Кларк надел наушники и стал ждать, когда экипаж установит радиосвязь.

- "Кэпстоун", это "Берд-дог"... - начал он.

Между Вашингтоном и Восточным побережьем Африки разница во времени восемь часов, так что в столице США был еще день. Радиосигнал с вертолета по каналу УВЧ был принят на военном корабле США "Триполи", передан оттуда на спутник, поступил в центр связи Белого дома и дальше прямо на телефон Райана.

- Говорите, "Берд-дог", "Кэпстоун" слушает. Райан с трудом узнал голос Кларка, однако слова слышались достаточно отчетливо, несмотря на атмосферные помехи.

- Добыча в мешке, у нас потерь нет. Повторяю, утка в мешке, никто не пострадал.

- Понял вас, "Берд-дог". Доставьте добычу, как запланировано. Непорядок, подумал Райан, опуская трубку телефона. Такие операции лучше оставлять полевым агентам, но на этот раз президент настоял на своем. Джек встал из-за стола, вышел в коридор и направился к Овальному кабинету.

- Все прошло успешно? - спросила Д'Агустино, когда Райан проходил мимо.

- Вам не полагается знать об этом.

- Босс очень беспокоился, - негромко объяснила Элен.

- Теперь может не беспокоиться.

- Нам нужно было получить по счету. Добро пожаловать к нам, доктор Райан.

В тот же день прошлое напоминало о себе еще одному человеку.

- Продолжайте, - попросила психиатр.

- Это было ужасно, - прошептала женщина, склонив голову и глядя в пол.
- Такого в моей жизни никогда не было... - И хотя ее голос звучал тихо и бесстрастно, особое беспокойство врача вызывал вид пациентки. В свои тридцать пять лет она должна была бы выглядеть совсем иначе, однако перед ней сидела женщина с одутловатым лицом, на которое падали пряди давно немых волос. В свете электрической лампы оно казалось белым как мел, и никакой макияж не мог бы скрыть глубоких морщин. Лишь отчетливая и выразительная дикция позволяла догадываться, кем была эта женщина прежде. Она рассказывала о событиях трехлетней давности, причем создавалось впечатление, что ее Осознание функционирует на двух уровнях - и жертвы и стороннего наблюдателя, словно удивляясь, произошло ли все это с нею на самом деле.

- Ведь он занимал такую должность, я работала у него, и он мне нравился... - Голос женщины снова прервался. Она судорожно сглотнула и на мгновение замолкла, собираясь с силами. - Я восхищалась им, уважала, даже преклонялась перед ним за идеи, которые он защищает. - Женщина подняла голову, и врачу показался странным сухой блеск ее глаз, не способных к слезам. - Он был так обходителен, вежлив, так заботлив, и...

- Все будет хорошо, Барбара, не волнуйтесь, - прервала ее врач. Как нередко случалось, ей захотелось протянуть руку и утешить пациентку, но она знала, что должна оставаться в ее глазах беспристрастной, неподвластной эмоциям, скрывать свой гнев на того, кто перевернул жизнь этой еще молодой и умной женщины. Виновником всего был мужчина, который пользовался своей властью и положением, чтобы привлекать женщин. Так пламя притягивает к себе мотыльков, кружащих вокруг огня, они все приближаются и приближаются к нему, пока его жар не обожжет и не уничтожит их. Рассказ женщины был так типичен для жизни этого города. Она порвала с двумя мужчинами, каждый из которых мог стать ее верным спутником в жизни. Она была умна и интеллигентна, закончила Пенсильванский университет, имела степень бакалавра в области политологии и доктора в области управления. Барбара отнюдь не походила на наивную секретаршу, наблюдающую за происходящим широко открытыми от изумления глазами, и, может быть, именно потому и оказалась легкой добычей для своего босса. Она была способным и знающим специалистом, отлично справлялась с работой и знала, что ей требуется всего один шаг, чтобы стать "членом команды" - или какой там эвфемизм теперь в ходу в Капитолии. Но проблема заключалась в том, что этот шаг можно было сделать только в одном направлении, и то, что лежало за разграничительной чертой, нельзя разглядеть с другой стороны.

- Я хочу сказать, что отдалась бы ему и так, - с предельной откровенностью призналась Барбара. - Не было никакой надобности прибегать...

- И именно потому вы испытываете чувство вины? - спросила доктор Кларис Гоулден. Барбара Линдерс кивнула. Доктор Гоулден подавила вздох и мягко продолжила: - Итак, вы считаете, что создали у него впечатление, что...

- Совершенно верно, - снова кивнула Барбара. - Именно так он и сказал: "Ты сама дала мне понять, что готова на все". Может быть, так оно и было на самом деле.

- Нет, Барбара, не было. Продолжай, - скомандовала доктор Гоулден.

- Просто в тот момент мне этого не хотелось. Это вовсе не значит, что в другое время, может быть, на следующий день, я бы не согласилась, но в тот момент я неважно себя чувствовала. Помню, пришла на работу в хорошем настроении, однако у меня было ощущение, что я простудилась и вот-вот заболею, а после ланча меня начало поташнивать, и я решила уйти пораньше домой, но в тот день мы работали над дополнением к законопроект по гражданским правам, который он выдвинул, поэтому я приняла пару таблеток таленола, чтобы сбить температуру. К девяти вечера, кроме нас, в офисе никого не было. Дело в том, что гражданские права - это моя сфера деятельности, - объяснила Линдерс. - Я сидела на диване у себя в кабинете, а он ходил взад и вперед, как обычно, когда обдумывал формулировки. Вдруг он остановился позади меня и как-то неожиданно произнес:

"А у тебя очень красивые волосы, Барбара" - таким мягким и приятным голосом, и я ответила: "Спасибо". Затем он спросил, как я себя чувствую, и я ответила, неважно, что, наверно, заболеваю. Он тут же сказал, что вылечит меня, что у него есть средство, которое он сам принимает в подобной ситуации, - бренди. - Теперь женщина говорила поспешно, видимо стараясь покончить с неприятной для нее темой, - как на экране телевизора при быстрой перематке видеокассеты, чтобы не смотреть рекламу. - Я не видела, положил ли он что-нибудь в стакан. У него в книжном шкафу рядом с письменным столом всегда стояла бутылка французского коньяка, и там же, по-моему, находилось что-то еще. Я взяла стакан и выпила его залпом.

Он стоял передо мной и не сводил с меня глаз, ничего не говорил, просто смотрел и ждал, словно знал, что должно произойти и очень скоро. Мне показалось... не знаю, как это описать... Я поняла, что со мной происходит что-то странное, будто я мгновенно опьянела и потеряла контроль над собой. - Она замолчала. Молчание длилось секунд пятнадцать, и доктор Гоулден наблюдала за ней - как тогда наблюдал он, подумала психиатр. Ей стало стыдно от этой мысли, но ведь это моя работа, напредила она себе. Ведь у меня профессиональный взгляд. Сейчас ее пациентка видит все происшедшее внутренним зрением, ее воображение прокручивает события трехлетней давности, и она просто комментирует их, не связывая себя с ними, будто глядя со стороны. Врач видела все это по ее глазам. Молодой женщине понадобилось десять минут, чтобы описать все, что ПРОИЗОШЛО, не упустив деталей, даже самых интимных, и обнаружив тем самым свой блестящий тренированный ум. Лишь закончив рассказ, она дала волю чувствам.

- Ему вовсе не нужно было насиловать меня. Он мог просто... сказать. Я бы согласилась... на другой день, во время уик-энда... Я знала, что у него семья, но он нравился мне, и потому...

- Но он все-таки изнасиловал тебя, Барбара. Подмешал наркотик в бренди и изнасиловал тебя. - Теперь доктор Гоулден взяла женщину за руку. По-видимому Барбара Линдерс рассказала эту отвратительную историю, случившуюся с ней, впервые с тех пор, как она произошла. За три года она наверняка не раз переживала отдельные минуты, думала о них, они воскресали в ее памяти - особенно самые страшные, - но только сейчас она последовательно описала все от начала и до конца, что было крайне болезненным и в то же время принесло очищение.

- Это, должно быть, не первый случай в его жизни, - заметила Гоулден, когда рыдания стихли.

- Да, - тут же отозвалась Барбара, ничуть не удивленная проникательностью психиатра. - Я знаю по крайней мере еще одну женщину, она тоже работала у него. Это Лайза Берринджер. Она... в прошлом году покончила с собой - на полном ходу направила на эстакаде свой автомобиль в разделительную стенку. Это походило на несчастный случай, к тому же Лайза была пьяна, но она оставила записку. Я разбирала ее стол и нашла вот это. - И тут, к изумлению доктора Гоулден, Барбара открыла сумочку и достала голубой конверт, в котором лежала предсмертная записка - шесть листов бумаги, исписанных четким аккуратным почерком женщины, которая решила убить себя, но не желала уйти из жизни без объяснения.

Доктор Кларис Гоулден не первый раз видела подобную записку, она неизменно бывала грустно потрясена, когда доводилось их читать. В таких записках всегда говорилось об ужасной душевной боли и о бессилии ее выносить, однако от отчаяния, которым они были проникнуты, можно было излечить, восстановить утерянную уверенность человека в себе и вернуть его в мир, где он мог бы снова вести нормальную жизнь, - если бы только у него хватило здравого смысла сделать один-единственный телефонный звонок или открыть душу близкому другу. Доктору Гоулден понадобилось прочитать всего несколько строк, чтобы убедиться в том, что Лайза Берринджер стала очередной напрасной жертвой - еще одна женщина, которая чувствовала себя покинутой, забытой, будучи окружена людьми, готовыми прийти ей на помощь, догадайся они о ее трагедии.

Психиатры умеют скрывать свои чувства - профессиональное качество, необходимое им по очевидным причинам. Кларис Гоулден практиковала почти тридцать лет, и ее природное умение владеть собой за эти годы работы с людьми, страдающими от психических травм, еще более укрепилось. Особенно успешно ей удавалось помогать женщинам, пострадавшим от преступлений на сексуальной почве. Она умела проявить сострадание и понимание, могла протянуть нежную и твердую руку помощи, оказать моральную поддержку. И все-таки, хотя чувства, проявляемые ею, были искренними, доктор Гоулден понимала, что они служат прикрытием для других чувств, скрывающихся глубоко в ее душе. Она ненавидела мужчин, которые, пользуясь слабостью женщин, делали их жертвой своих сексуальных посягательств, ничуть не меньше полицейских, может быть, даже больше. Полицейские видят тело жертвы, ее слезы и следы насилия на теле, слышат стоны и плач. Психиатр работает с жертвой более продолжительное время, проникает в ее сознание, вскрывая затаившиеся там воспоминания, которые разъедают психику подобно злокачественной опухоли, и пытается найти способы удалить их. Изнасилование - преступление, совершаемое не против тела, а против психики, и какими бы ужасными ни были физические травмы, увиденные полицейскими, скрытая боль, нанесенная жертве, намного страшнее. Вот почему доктор Кларис Гоулден посвятила свою жизнь спасению женщин, пострадавших от сексуальных преступлений. По натуре она была мягким и заботливым человеком, ей чуждо было физически мстить насильникам, но ненавидела она их всей душой.

Однако этот случай был куда сложнее. Доктор Гоулден по долгу службы

поддерживала постоянные отношения с отделами по расследованию сексуальных преступлений в полицейских участках, которые находились в радиусе пятидесяти миль, но это преступление было совершено на федеральной территории, и следовало проверить, под чью юрисдикцию подпадает расследование. Она решила переговорить об этом со своим соседом, Дэном Мюрреем из ФБР. Существовало, и еще одно осложнение. Преступник, о котором шла речь, в момент совершения преступления был сенатором США и даже сейчас сохранил за собой кабинет в здании Капитолия. Однако с тех пор он занял другую должность. Теперь преступник уже не был сенатором от Новой Англии. Он стал вице-президентом Соединенных Штатов.

Должность командующего подводными силами Тихоокеанского флота была когда-то недостижимой мечтой всякого подводника, но теперь это осталось в прошлом. Первым знаменитым командующим был вице-адмирал Чарлз Локвуд, а из тех, кто сумели разгромить Японию, более важную роль сыграл только Честер Нимиц, ну и, может быть, Чарлз Лейтон. Именно по команде Локвуда, занимавшего тогда этот самый кабинет на вершине горы, с которой просматривался весь Пирл-Харбор, Маш Мортон, Дик О'кейн, Джин Флакки и другие легендарные командиры подводных лодок шли в бой против японских кораблей. Тот же самый кабинет, та же самая дверь и даже та же самая надпись на двери: "Командующий подводными силами, Тихоокеанский флот США", однако теперь, чтобы занять эту должность, воинское звание могло быть и пониже. Контр-адмирал ВМС США Барт Манкузо понимал, как ему повезло, что он сумел подняться столь высоко. Это радовало его.

А вот огорчало сознание, что он по сути дела стал командующим умирающего флота. Локвуд командовал настоящим флотом, который состоял из множества подводных лодок и плавучих баз. Еще недавно Остин Смит посылал свои сорок субмарин в разные уголки самого большого в мире океана. Теперь же в распоряжении Манкузо всего девятнадцать ударных подводных лодок и шесть ракетноносцев, причем все шесть стоят у причала, ожидая, когда их разоружат в Бремертоне и затем пустят на металлолом. Не останется ни одного ракетноносца, даже в память о прошлом в качестве музейного экспоната. Впрочем, это мало беспокоило Манкузо. Ему никогда не нравились подводные ракетноносцы, не нравилась страшная цель, для которой они были предназначены, не нравилась система их скучного и методичного патрулирования, не нравился, наконец, моральный настрой их командиров. Воспитанный на ударных подлодках, Манкузо всегда предпочитал активные действия торпедных субмарин - предпочитал раньше, поправил он себя.

Раньше. Теперь всему этому пришел конец - или почти пришел. Со времен Локвуда назначение ударных атомных подводных лодок изменилось. Если в прошлом они занимались преследованием надводных кораблей - как торговых, так и военных, - то позже стали охотиться в первую очередь за вражескими подводными лодками, подобно тому как основной целью истребителей стало уничтожение истребителей же противника. Такая направленность сузила сферу действий подводников, сосредоточив все внимание на соответствующем снаряжении и блестящей подготовке команды. Никто не мог преследовать вражеские подводные лодки более успешно, чем ударные субмарины. Трудно было

предположить, что это назначение ударных подводных лодок окажется ненужным. На протяжении всей своей службы на подводном флоте Манкузо готовился к выполнению задачи, которая, как он надеялся, никогда не будет поставлена перед ним, - обнаружении, преследовании и последующем уничтожении советских подводных лодок - и ударных и ракетноносных. Более того, ему удалось достичь в этом деле такого совершенства, о каком не мог мечтать ни один командир-подводник, - он принимал участие в захвате русской субмарины, - легендарном захвате, все еще находящемся в списке самых секретных успехов его страны. В конце концов, захват в плен лучше уничтожения, не правда ли? Но время шло, и мир изменился. Манкузо приложил к этому немало усилий и гордился этим. Не стало Советского Союза.

К сожалению - по крайней мере так ему казалось, - с распадом Советского Союза исчез и его военно-морской флот, а поскольку угроза со стороны советских подводных лодок сошла на нет, его страна - как это неоднократно случалось и в прошлом - вознаградила своих воинов тем, что забыла об их существовании. Теперь субмаринам контр-адмирала Манкузо нечем стало заниматься. Некогда могучий огромный советский Военно-морской флот на деле прекратил свое существование. Только на прошлой неделе он просматривал спутниковые фотографии баз в Петропавловске и Владивостоке. Все до единой подводные лодки, находившиеся в составе советского - теперь русского! - флота, были пришвартованы у причалов, а на некоторых снимках отчетливо виднелись рыжие потеки ржавчины - следствие коррозии металла.

Как еще можно использовать подводные лодки? Преследовать на них торговые суда? Но это просто смешно. Более того, "орионы", в том числе и огромное количество самолетов Р-3С, тоже предназначенных для преследования и уничтожения вражеских подводных лодок, уже давно оснастили ракетами "воздух - корабль", они летали со скоростью на порядок выше скорости любой субмарины и в том маловероятном случае, когда понадобится потопить транспортное судно, могли сделать это намного лучше и быстрее.

То же самое относилось и к надводным военным кораблям - к тем, что еще оставались в строю. Грустная правда, если можно было так назвать создавшееся положение, заключалась в том, что Военно-морской флот США, даже сократившийся и находившийся на грани уничтожения, все-таки был способен справиться с тремя флотами любых других стран, вместе взятыми, быстрее, чем противник успеет собрать силы и опубликовать пресс-релиз о своих агрессивных намерениях.

И что же дальше? Даже если твоя команда выигрывала Суперкубок по американскому футболу, ты знал, что на следующий год ей снова предстоит играть против соперников. А вот в этой самой серьезной из всех человеческих игр победа, достигнутая его страной, привела к гибели флота. В море у США не осталось соперников, да и на суше тоже, и при новом мировом порядке подводные силы оказались первыми из всех видов вооруженных сил, нужда в которых исчезла. То обстоятельство, что подводные силы Тихоокеанского флота еще действовали, объяснялось бюрократической инертностью. На Тихоокеанском флоте должна существовать должность командующего всех служб, следовательно, сохранился и пост командующего подводными силами - по аналогии с морской авиацией, надводными кораблями и службой тыла.

Из девятнадцати ударных подводных лодок, которые были в распоряжении Манкузо, только семь находились сейчас в море. Четыре стояли на капитальном ремонте, и верфи старались как можно продлить его, чтобы оправдать собственное существование. Остальные лодки были ошвартованы у плавбаз или у пирсов, и обслуживающий их персонал прилагал все усилия, стараясь обнаружить все новые и новые недостатки для оправдания своей необходимости и сохранения рабочих мест. Из семи субмарин, находившихся в море, одна преследовала китайскую атомную ударную подлодку - эти лодки издавали такой шум, что Манкузо всерьез беспокоился о барабанных перепонках гидроакустиков. Преследование китайских подводных лодок походило на наблюдение за слепым инвалидом, пересекающим пустую площадь при ярком дневном свете. Еще две лодки Манкузо занимались выполнением экологических программ - следили за китами, чтобы определить их поголовье. Это делалось не для китобоев, а по просьбе ученых-экологов. Выполняя задание, подводники сумели установить, что китов значительно больше, чем предполагалось. Опасности вымирания китов не стало, и потому перед организациями экологов тоже возникли трудности с финансированием. Правда, все, что было связано с китами, ничуть не беспокоило Манкузо - он никогда не собирался за ними охотиться.

Остальные четыре субмарины занимались боевой подготовкой, практикуясь главным образом в слежке друг за другом. Однако защитники окружающей среды сумели все-таки отомстить подводным силам Тихоокеанского флота США. Если раньше они в течение тридцати лет протестовали против строительства и эксплуатации атомных подводных лодок, то теперь боролись против их вывода из строя, ссылаясь на сопряженные с этим экологические опасности, так что больше половины рабочего времени Манкузо тратил на самые разные доклады, ответы на запросы и подробные разъяснения ответов. "Неблагодарные мерзавцы", - ворчал Манкузо, В конце концов, разве не он помог им решить проблему охраны китов? Адмирал фыркнул в свою чашку кофе и открыл новую папку.

- У меня хорошие новости, шкипер, - неожиданно услышал он за спиной.

- Кто тебя сюда пустил, черт побери?

- Я договорился с твоим боссом, - ответил Рон Джоунз. - Он утверждает, что ты погребен под грудой каких-то документов.

- Уж ему-то следует знать каких. - Манкузо встал, чтобы поздороваться с гостем. У доктора Джоунза тоже возникло немало проблем. От окончания холодной войны пострадали почти все фирмы, которые выполняли оборонные заказы, а Джоунз занимался разработкой гидроакустических систем для подводных лодок. Разница заключалась лишь в том, что, работая на Министерство обороны, Джоунз успел разбогатеть. - У тебя есть хорошие новости?

- Наша компьютерная программа оказалась наиболее оптимальной для прослушивания морских глубин в поисках наших теплокровных угнетаемых сородичей. Мы только что получили донесение с "Чикаго" - им удалось обнаружить еще двадцать горбачей в Аляскинском заливе. Думаю, мне удастся заключить контракт с обществом охраны китов, так что я могу позволить себе пригласить тебя пообедать, - закончил Джоунз, опускаясь в кожаное кресло. Ему нравилось на Гавайях, и он был одет по-курортному.

- Скажи, ты когда-нибудь испытываешь печаль по старым добрым временам?

- спросил Барт улыбнувшись.

- Ты имеешь в виду те дни, когда мы носились по океану на глубине четырехста футов в стальном цилиндре и по два месяца к ряду не видели дневного света и дышали воздухом, пропахшим машинным маслом пополам с ароматом гальяна, когда мы каждую неделю ели одно и то же, смотрели старые кинофильмы и записанные на видеопленку телевизионные шоу, уставившись на экран размером с лист бумаги, когда по шесть часов просиживали с наушниками в напряжении, словно нейрохирург на операции, и мечтали, что когда-нибудь удастся поспать ночью целых пять часов подряд? Да, Барт, это были хорошие деньки. - Джоунз помолчал, задумавшись на мгновение. - Жаль, что я уже не так молод, чтобы испытывать удовольствие от этого. А ведь мы тогда знали свое дело, правда?

- Лучше многих, - кивнул Манкузо. - Так что там у тебя с китами?

- Новая компьютерная программа, что разработали мои парни, позволяет прислушиваться к дыханию и частоте сердечных сокращений у китов. Оказалось, у них характерная частота. Если приложить к этим громадинам стетоскоп, когда они плывут в глубине, то барабанные перепонки сомкнутся посреди черепа.

- А для чего программа была разработана первоначально?

- Разумеется, для слежения за подводными лодками типа "кило". - Джоунз усмехнулся и посмотрел в окно на опустевшую военно-морскую базу. - Только не теперь. Мы кое-что изменили, в том числе внешний вид, и я связался с экологами.

Манкузо мог бы рассказать, как использовалась эта программа в Персидском заливе для слежения за этими самыми иранскими подводными лодками типа "кило". Согласно разведданным, одна из них недавно исчезла. Скорее всего она попала в этом мелком заливе под киль какого-нибудь супертанкера, причем команда танкера даже не заметила, что они с чем-то столкнулись. Как бы то ни было, остальные подводные лодки иранцев находились сейчас у причалов. Может быть, до иранцев дошло наконец прозвище, которым наградили их старые моряки, - их ведь называли когда-то "пороссячьими суденышками", - и они решили больше не прикасаться к своим новым субмаринам.

- Да, выглядит пустовато. - Джоунз кивнул на то, что было когда-то одной из крупнейших военно-морских баз в мире. Ни одного авианосца, только два крейсера, несколько эсминцев, столько же фрегатов, пять плавбаз. - Кто теперь командует Тихоокеанским флотом - главный старшина?

- Типун тебе на язык, Рон. Никому не говори об этом, ладно?

2. Братство

- Его захватили? - спросил президент Дарлинг.

- Меньше получаса назад. - Райан опустил в кресло.

- Никто не пострадал? - Это было важно для президента, как важно было и для Райана, но он не испытывал к этому такого болезненного интереса.

- Кларк доложил, что из наших никто.

- А у противной стороны? - Этот вопрос задал Бретт Хансон, государственный секретарь. Выпускник Чоат-скул и Йельского университета, вспомнил Райан. Правительство часто привлекало выпускников Йеля, но Хансон

заметно уступал своему предшественнику, закончившему тот же университет. Невысокий, худощавый и нервный, он сменил не одну профессию, и его карьера колебалась между государственной службой, консультативной деятельностью, временной работой в качестве комментатора телевизионной компании Пи-би-эс - там он влиял на события, происходящие в стране, - и весьма прибыльной практикой в одной из самых дорогих юридических фирм. Хансон специализировался в корпоративном и международном праве и использовал свои обширные знания при переговорах между транснациональными компаниями. Джек знал, что Хансон проявил себя в этом деле с лучшей стороны. К сожалению, став государственным секретарем, он продолжал думать, что такие же тонкости могут - хуже того, должны - применяться в отношениях между государствами.

Райан выдержал паузу.

- Этим я не поинтересовался, - произнес он наконец.

- Почему?

Джеку было что ответить, но он решил, что настало время продемонстрировать значимость должности, которую он занимает, и потому подпустил шпильку:

- Да потому, господин государственный секретарь, что это не имеет значения. Нашей целью было арестовать Корпа. Мы решили эту задачу. Минут через тридцать он будет передан законным властям его страны. Они подвергнут Корпа собственному суду в соответствии с существующими у них законами. - Райан не счел нужным вдаваться в суть тамошних законов.

- Но это равносильно убийству!

- Не наша вина, что там не любят его, господин государственный секретарь. Кроме того, он несет ответственность за смерть американских солдат. Даже если бы мы решили устранить его сами, все равно это не было бы убийством. Это стало бы операцией по защите национальной безопасности нашей страны. Впрочем, так обстояло бы дело в другое время, - поправился Райан. Действительно, наступили другие времена, и ему тоже приходилось приспосабливаться к ним. - Вместо этого мы действовали как законопослушные граждане: задержали опасного международного преступника и передали его под юрисдикцию страны, гражданином которой он является. Там его подвергнут суду за контрабанду наркотиков, что, насколько мне известно, является преступлением во всех странах мира. Что с ним произойдет дальше, зависит только от законов, принятых там. Это страна, с которой мы поддерживаем дипломатические отношения, оказываем ей финансовую помощь и потому должны уважать ее законы.

Хансону не понравился ответ Райана. Это было очевидно по тому, как он откинулся на спинку кресла. Но он будет вынужден публично поддержать эту операцию - у него не было другого выхода. За последний год Госдепартамент не раз заявлял об американской поддержке этой страны, и потому успех молодого выскочки, сидящего напротив, Хансон воспринял болезненно.

- У них теперь может появиться возможность консолидации, Бретт, - мягко заметил Дарлинг, официально одобряя таким образом завершение операции "Обходчик". - Такого раньше никогда не было.

- Да, господин президент.

- Джек, теперь ясно, что ты был прав относительно этого Кларка. Как мы

поступим с ним?

- Предлагаю оставить это на усмотрение директора ЦРУ, сэр. Может быть, Кларка следует наградить еще одной Звездой, - добавил Райан, надеясь, что Дарлинг передаст это предложение в Лэнгли. Если он этого не сделает, то Райан может и сам намекнуть Мэри-Пэт. А теперь настал момент поискать примирения с государственным секретарем - сфера деятельности, новая для Джека. - Господин государственный секретарь, возможно, вы не знаете, что наши люди получили приказ не прибегать к оружию, если в этом не возникнет крайней необходимости. В остальном меня заботила только жизнь наших людей.

- И все-таки вам следовало согласовать операцию с моим департаментом, - недовольно проворчал Хансон.

Глубокий вдох, скомандовал себе Райан. Он знал, что ему приходится расхлебывать кашу за Госдепартамент и своего предшественника. Послав в страну войска для восстановления в ней законного порядка, после того как он оказался подорванным местными "военачальниками", - еще один термин, придуманный средствами массовой информации для главарей обыкновенных банд, - и провалив операцию, сильные мира сего пришли к выводу, что "военачальники" должны стать причастными к политическому урегулированию проблемы. При этом решили не обращать внимания на то, что именно "военачальники" и несут основную ответственность за возникновение всей проблемы. Больше всего Райана оскорбляла попытка обойти суть вопроса вопреки логике. Скорее всего в Йельском университете логика была факультативным курсом, в отличие от Бостонского колледжа, где этот курс являлся обязательным.

- С этим покончено, Бретт, - негромко произнес Дарлинг, - и никто не станет оплакивать кончину мистера Корпа. Что еще? - спросил он у Райана.

- Индия проявляет какую-то странную активность. Они повысили боеготовность своего военно-морского флота, проводят маневры вокруг Шри-Ланки...

- Она поступала так и раньше, - вмешался госсекретарь.

- Только не в таком масштабе, и мне не нравится, что индийцы ведут переговоры с этими "тамильскими тиграми", или как там называют себя теперь эти маньяки. Длительные переговоры с группой повстанцев, действующей на территории соседнего государства, нельзя рассматривать как дружественный акт.

Это было еще одним источником беспокойства для правительства Соединенных Штатов. В течение длительного времени две бывшие британские колонии дружно сосуществовали бок о бок, однако тамилы, жители островного государства Шри-Ланка, много лет вели партизанскую войну - пусть в небольших масштабах, зато жестокую и непримиримую - против своего правительства. Граждане Шри-Ланки, многие из которых имели родственников на индийском континенте, попросили прислать иностранные войска для поддержания мира. Индия согласилась, однако мероприятие, начавшееся с обоюдного согласия, теперь перерастало в нечто иное. Появились слухи, что правительство Шри-Ланки готово обратиться с просьбой о выводе индийских войск, наряду со слухами, что якобы "технические трудности" могут помешать выводу. Одновременно поступило сообщение о разговоре между министром иностранных дел Индии и послом США в Дели, состоявшемся во время одного из приемов.

- Видите ли, господин посол, - заметил министр иностранных дел после нескольких бокалов виски, выпитых, возможно, намеренно, - это водное пространство к югу от нас называется Индийским океаном и наш военно-морской флот охраняет его. И нам не понятно, почему после исчезновения угрозы со стороны Советского Союза Военно-морской флот США так настаивает на своем присутствии в этих водах.

Посол США не был кадровым дипломатом, а получил назначение за политические заслуги - по какой-то причине место посла в Индии, несмотря на климат, стало престижным, - но все-таки оказался редким исключением среди политических креатур, к которым с таким презрением относился Скотт Адлер. Бывший губернатор Пенсильвании улыбнулся, пробормотал что-то о свободе морей и тем же вечером послал шифровку в Госдепартамент, еще до того, как лег спать. Адлеру пришлось признать, что не все высокопоставленные чиновники Госдепа такие уж тупицы.

- У нас нет никакой информации об агрессивных намерениях Индии в этом направлении, - заметил Хансон.

- В сложившейся ситуации вызывает тревогу стратегический момент. Индия не может расширяться на север - там путь преграждают горные хребты. Запад перекрыт Пакистаном, обладающим ядерным оружием. К востоку находится Бангладеш, и его присоединение приведет только к дополнительным неприятностям для и без того перенаселенной страны. Шри-Ланка открывает для Индии стратегические возможности, не исключено, в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии. - В каком направлении? - спросил президент.

- В сторону Австралии, огромной малонаселенной страны с богатыми природными ресурсами и небольшими вооруженными силами, вряд ли способными оказать серьезное сопротивление.

- Не представляю себе, как это может произойти, - заявил госсекретарь.

- Если "тиграм" удастся перейти к активным действиям на острове, думаю, Индия захочет увеличить там свои силы по поддержанию мира. Следующим шагом - как только будут созданы необходимые условия - станет аннексия Шри-Ланки, а затем внезапно появится имперская держава, ведущая экспансионистские игры хотя и вдали от нас, но серьезно угрожающая одному из наших традиционных союзников. - А помощь "тиграм" - легко осуществимая и освященная веками задача, подумал Райан. Марионетки тоже могут принести немалую пользу, не так ли? - История неоднократно демонстрировала, что такого рода амбиции проще всего пресечь на раннем этапе.

- Вот поэтому наш флот и находится в Индийском океане, - уверенно заявил Хансон.

- Это верно, - согласился Райан.

- У нас там достаточно сил, чтобы не допустить опасного развития событий?

- Пока да, господин президент, но мне не нравится, как мы растягиваем наш и без того ослабленный флот по всему миру. Каждый авианосец, за исключением двух, что стоят на ремонте, либо находится в море, либо занимается боевой подготовкой, перед тем как выйти на позицию. У нас нет никаких стратегических резервов. - Райан сделал паузу, зная, что заходит слишком далеко, но решил тем не менее выразить свою точку зрения. - Мы

излишне сократили наш военно-морской флот, сэр. Он чрезмерно ослаблен.

- Они совсем не обладают такой мощью, как нам кажется. Это осталось в прошлом, - произнес Райзо Ямата. Он сидел на полу у традиционно низкого японского стола, облаченный в изысканное шелковое кимоно.

Приглашенные украдкой поглядывали на часы. Было почти три утра, и, хотя они находились в одном из самых роскошных в городе домов с гейшами, пора было и честь знать. А Райзо Ямата оставался все таким же обаятельным хозяином. Человек немыслимо богатый, он отличался поразительной мудростью, считали гости. Если не все, то почти все.

- Но ведь они защищали нас на протяжении нескольких поколений, - заметил один из них.

- От кого? От нас самих? - резко возразил Ямата. Резкость была допустимой. Несмотря на то что все сидевшие вокруг стола были отменно воспитанными людьми с утонченными манерами, они хорошо знали друга друга, хотя, возможно, и не были близкими друзьями, к тому же было выпито изрядно спиртного. При таких обстоятельствах правила вежливости становились более свободными. Все могли говорить откровенно, не выбирая выражений, и некоторые слова, которые в обычной обстановке могли стать смертельным оскорблением, воспринимались спокойно, и резкие возражения никто не воспринимал как обиду. Это тоже являлось правилом, но, как случается с большинством правил, далеко не всегда применялось в жизни. И хотя произнесенные здесь резкие слова не подорвут дружеских и деловых отношений, не все откровенные высказывания будут позабыты. - Кто из нас не пострадал от... этих людей? - продолжил Ямата.

Он не произнес слово "варваров", заметили присутствующие японцы. Дело в том, что за столом находились двое гостей. Один из них, вице-адмирал В. К. Чандраскатта, командующий флотом в Военно-морских силах Индии, проводил сейчас здесь свой отпуск. Другой, Чанг Хансан - это имя переводилось как "холодная гора" и не было дано ему при рождении, - был видным китайским дипломатом и входил в состав торгового представительства в Токио. Отношение к нему тут было лучше, чем к первому. В отношении к Чандраскатте - смуглокожему индийцу с острыми чертами лица - сквозило вежливое презрение. И, хотя он был высокообразованным человеком и ценным потенциальным союзником, воспринимался здесь еще большим чужаком - гайджин по-японски, - чем китайский дипломат, и восьми дзайбацу - крупным промышленным магнатам, - сидевшим в комнате, казалось даже, что они ощущают неприятный запах, исходящий от индийца, хотя выпили все немало сакэ, что обычно притупляет обоняние. Поэтому-то Чандраскатта и занимал почетное место справа от Яматы, и японцев не покидала мысль, понимает ли индеец, что оказанная ему честь - всего лишь утонченный знак презрения. Нет, наверно. В конце концов, он тоже относится к числу варваров, хотя, быть может, и принесет определенную пользу.

- Я согласен с вами, Ямата-сан, они уже не представляют собой столь грозной силы, как раньше, но, уверяю вас, - произнес Чандраскатта на блестящем английском языке выпускника Дартмута, - их военно-морской флот все еще весьма сильный противник. Два американских авианосца в моем океане

заставляют меня задуматься о возможностях нашего флота.

Ямата повернулся к индийцу.

- И вы не в состоянии потопить их, даже с помощью своих подводных лодок?

- Нет, - честно сознался адмирал, на которого алкоголь не оказал особого действия. Более того, он не мог понять, куда направлены все эти разговоры. - Вы не можете не понимать, что это вопрос всего лишь теоретический - скажем, что-то вроде научного эксперимента. - Чандраскатта расправил складки кимоно, полученного от хозяина, - Ямата уверял, что в кимоно он будет чувствовать себя настоящим членом их компании. - Чтобы разгромить вражеские флот, нужно приблизиться к нему настолько, чтобы корабли противника оказались в пределах досягаемости для вашего оружия. Американцы с их лучшими в мире средствами наблюдения пристально следят за нашим флотом и его передвижением, причем с большого расстояния. Они способны наблюдать за нами и контролировать маневры наших кораблей с расстояния... ну, скажем, шестисот километров. Мы не способны следить за ними с такого же расстояния, не можем контролировать их местоположение и курс, а потому нам трудно вытеснить их из Индийского океана.

- И по этой же причине вы все еще не приступили к высадке на Шри-Ланку? - спросил Танзан Итагаке.

- Да, это одна из причин, - кивнул адмирал.

- Сколько у них сейчас авианосцев? - продолжал Итагаке.

- В Тихоокеанском флоте? Четыре. Два находятся в нашем океане и еще два - на Гавайях.

- В каком они состоянии? - поинтересовался Ямата.

- "Китти Хоук" и "Рейнджер" проходят капитальный ремонт и не смогут выйти в море раньше чем через год и три года соответственно. В настоящее время все авианосцы входят в состав Седьмого флота. У Первого флота авианосцев нет совсем. Кроме того, Военно-морские силы США располагают еще пятью авианосцами. Они входят в состав Второго и Шестого флотов, причем один из пяти через шесть недель встанет на ремонт. - Чандраскатта улыбнулся. Сведения, которые он привел, были совершенно точными, и адмиралу хотелось, чтобы хозяева, пригласившие его, знали это. - Должен вам сказать, что американский флот, каким бы ослабленным он ни казался по сравнению с состоянием пятилетней давности, все-таки намного сильнее любого другого флота в мире. Каждый их авианосец превосходит любой авианосец другой страны.

- Итак, вы считаете, что именно авианосцы являются самым грозным американским оружием? - спросил Ямата.

- Да, конечно. - Чандраскатта переставил предметы на столе. В центр он поместил пустую бутылку из-под сакэ. - Давайте представим, что это - авианосец. Проведем вокруг него окружность радиусом в тысячу километров. В этом пространстве ничто не может находиться без угрозы подвергнуться нападению боевой авианосной группы. Более того, повысив скорость маневрирования, они могут увеличить этот радиус до полутора тысяч километров. Они способны нанести удар и за пределами этого круга, если возникнет такая необходимость, но даже при самом малом радиусе американцы контролируют огромную часть океана. Стоит отнять у них эти авианосцы, и

американский флот станет самым обычным флотом из крейсеров и фрегатов. Наибольшая трудность состоит в том, чтобы лишить их авианосцев. - В беседе с промышленниками адмирал старался говорить предельно просто.

Он был прав, полагая, что эти люди слабо разбираются в военных делах. И все-таки Чандраскатта недооценил их способности овладевать знаниями в незнакомой для них области. Родиной самого адмирала была страна с тысячелетними воинскими традициями, хотя слава индийских воинов не выходила далеко за пределы ее границ. Ведь это не кто-нибудь, а индийцы остановили Александра Великого, разбили его армию и нанесли рану - возможно смертельную - македонскому завоевателю, положив таким образом конец греческой экспансии, чего не сумели добиться ни персы, ни египтяне. И уже в наше время индийские войска под руководством Монтгомери внесли заметный вклад в разгром Роммеля, а также сокрушили японцев во время Импхальской операции. Правда, Чандраскатта не собирался останавливаться на последней, потому что один из присутствующих принимал в ней участие в качестве рядового японской армии. Адмирал не мог понять, о чем думают собеседники, но не высказывал сомнений, довольствуясь гостеприимством, и отвечал на вопросы, выбирая простые и самые доступные для понимания фразы. Он выпрямил спину, стараясь выбрать положение поудобней, и пожалел, что нельзя сесть в настоящее кресло и выпить чего-нибудь покрепче. Сакэ, которым потчевали его эти маленькие высокомерные торговцы, больше походило на воду, чем на джин - любимый напиток адмирала.

- Но если удастся добиться этого? - спросил Итагаке.

- Как я уже говорил, - терпеливо ответил Чандраскатта, - в этом случае американский флот утратит все преимущества и превратится в обычную эскадру, состоящую из крейсеров и фрегатов. Согласен, это великолепные надводные корабли, однако пространство, контролируемое каждым из них, намного меньше. Фрегат может выполнять защитные функции, но он не способен осуществлять функции наступательные, проецировать свою мощь на большое расстояние. - Адмирал заметил, что при этих его словах разговор на мгновение стих.

Один из японцев заговорил на родном языке, передавая остальным тонкости сказанного адмиралом, и Итагаке протянул: - "А-а!" - словно только что узнал нечто крайне важное. Для Чандраскатты высказанные мысли были элементарными, и он упустил из виду, что глубокие проблемы и в самом деле часто очень простые. И все-таки он понял, что только что произошло что-то весьма значительное.

О чем вы сейчас думаете? - мысленно спросил японцев Чандраскатта. Он был готов пролить кровь, даже собственную, чтобы узнать ответ на этот вопрос. Каким бы ни был этот ответ, если познакомиться с ним заранее, он может оказаться полезным. Адмирал был бы немало удивлен, если бы узнал, что и всех остальных, сидящих у стола, мучает та же мысль.

- Топлива они уж точно не жалеют, - заметил дежурный по оперативной части, начиная утренний инструктаж.

Авианосец ВМС США "Дуайт Д. Эйзенхауэр" шел курсом ноль-девять-восемь градусов к югу и находился на расстоянии двухсот морских миль к юго-востоку от атолла Фелиду. Скорость соединения составляла восемнадцать узлов, а с началом летных операций увеличивалась. Сорок минут назад на основании

сведений, переданных с самолета раннего радиолокационного обнаружения E-3C "хокай", были внесены поправки на главном тактическом дисплее эскадры, и теперь всем стало ясно, что индийский военно-морской флот действительно жег в топках массу мазута - или чем там они пользовались, чтобы гнать свои корабли по морской поверхности.

По расположению кораблей на тактическом дисплее перед офицерами индийскую эскадру можно было легко принять за авианосную боевую группу Военно-морского флота США. Два индийских авианосца - "Вираат" и "Викрант" - находились в центре соединения и были окружены кораблями охранения. Такое расположение изобрел Нимиц, который предложил его почти восемьдесят лет назад. Вблизи их охраняли "Дели" и "Майсор" - ракетноносные эсминцы, построенные в Индии и вооруженные ракетными установками типа "корабль - воздух". Сведения об этих ракетных системах были весьма ограниченными, что всегда беспокоило летчиков. Во втором, внешнем кольце охранения находились эскадренные миноносцы класса русского эсминца "Кашин", выполненные в индийском варианте и тоже вооруженные ракетами "корабль - воздух". Однако наиболее интересными были два других фактора.

- Корабли обеспечения "Раджаба Ган Палан" и "Шакти" присоединились к эскадре после недолгого пребывания в Тривандраме...

- Сколько времени они находились в порту? - спросил Джексон.

- Меньше двадцати четырех часов, - ответил капитан третьего ранга Эд Харрисон, начальник оперативного отдела боевой группы. - Они сумели загрузиться очень быстро, сэр.

- Значит, они зашли в порт для пополнения припасов. Сколько топлива у них на борту?

- По тринадцать тысяч тонн мазута на каждом судне и еще по полторы тысячи тонн авиационного горючего. Такое же судно "Дипак" отошло от авианосного соединения и направилось на северо-запад, по-видимому, тоже в Тривандрам, заправив вчера топливом боевые корабли.

- Таким образом, они прилагают немалые усилия, чтобы корабли имели полный запас топлива на борту, - задумчиво произнес Джексон. - Интересно. Продолжайте.

- Мы полагаем, что эскадру сопровождают четыре подводные лодки. Удалось установить приблизительное местоположение одной из них, а вот примерно здесь мы потеряли контакт с двумя другими. - Харрисон обвел пальцем круг на тактическом дисплее. - Нам не удалось установить, где находится сейчас четвертая. Ведется поиск.

- Где наши подводные лодки? - спросил Джексон у командира авианосной группы.

- "Санта-Фе" рядом, а "Гринвиль" находится на позиции между нами и индийским соединением. "Шайенн" расположился поблизости от боевой группы и играет роль привратника, - ответил контр-адмирал Майк Дюбро, держа в руке кружку со своим утренним кофе.

- Вот каков наш план на сегодняшний день, сэр, - продолжил Харрисон. - У нас взлетают четыре истребителя F/A-18 "эхо" в сопровождении самолетов-заправщиков и направляются на восток вот до этой точки, именуемой Пойнт-Боксит. Оттуда они поворачивают на северо-запад, на тридцать миль

подлетают к индийской боевой группе, барражируют там в течение тридцати минут, затем возвращаются к Боксит, там заправляются в воздухе и совершают посадку на авианосце после четырех часов сорока пяти минут летного времени. Четыре истребителя могут проделать все это при поддержке восьми самолетов, которые обеспечат дозаправку в воздухе, - по одному для каждого истребителя на пути к цели и еще по одному на обратном пути. Тем самым будут задействованы почти все самолеты-заправщики с "Эйзенхауэра".

- Значит, мы все еще хотим, чтобы они верили, что мы находимся вон там.

- Джексон кивнул и улыбнулся, не говоря ни слова о том, какой нагрузке подвергнутся экипажи самолетов при выполнении такого полетного задания. - Вижу, ты по-прежнему хитер как лиса, Майк.

- Пока им не удалось вычислить, где мы находимся. Вот мы и постараемся держать их в неведении, - кивнул Дюбро.

- Чем будут вооружены "жуки"? - спросил Робби. "Пластмассовыми жуками" летчики называли истребители F/A-18 "хорнет".

- По четыре белые ракеты "гарпун" у каждого, - ответил Дюбро. В морской авиации учебные ракеты были окрашены в синий цвет, а боевые - в белый. Ракеты "гарпун" относились к классу "воздух - корабль". Джексон не задал вопроса о ракетах "Сайдвайндер" и AMRAAM - это были ракеты класса "воздух - воздух", которые являлись стандартным вооружением истребителей. - Мне очень хотелось бы знать, каковы их намерения, - негромко произнес командир авианосной группы.

Это интересовало и всех остальных. Индийская боевая группа - так ее называли потому, что эскадра индийских кораблей представляла собой именно боевую группу, - находилась в море уже восемь дней, крейсируя у южного берега Шри-Ланки. Формальной задачей боевой группы являлась поддержка индийских армейских подразделений, высаженных на остров для поддержания мира и умиротворения "тамилских тигров"; Станным являлось лишь одно обстоятельство: вооруженные группировки "тигров" сосредоточились в северной части островного государства, а индийский флот находился у его южного побережья. Индийское соединение с входящими в его состав двумя авианосцами постоянно маневрировало, стараясь избегать встреч с торговыми судами, и держась за пределами видимости с суши, но в пределах досягаемости самолетов, базирующихся на авианосцах. Избегать Военно-морского флота Шри-Ланки не составляло никакого труда, потому что самый крупный военный корабль островного государства не превышал размерами среднюю яхту богатого бизнесмена и по своему вооружению был не более опасным. Короче говоря, индийский военно-морской флот старался скрыть свое присутствие вдали от района, где обычно находился. В состав боевой группы входили суда обеспечения, а это означало, что индийские военные корабли намеревались оставаться здесь продолжительное время и проводить морские учения. Было совершенно очевидно, что действия индийского военно-морского флота ничем не отличались от того, как на протяжении поколений вели себя американские флоты, если не считать, что Соединенные Штаты никогда не проявляли интереса к Шри-Ланке.

- Проводят ежедневные учения? - спросил Робби.

- И весьма усердно, сэр, - подтвердил Харрисон. - Похоже, пара их

"харриеров" смогла бы лететь с парой наших "хорнетов" дружно и слаженно.

- Мне это совсем не нравится, - заметил Дюбро. - Расскажи ему, что было на прошлой неделе.

- Да, следить за этим было весьма любопытно. - Харрисон подал команду, и на экране появилась ускоренная компьютерная запись. - Примерно сейчас начнутся учения.

Робби увидел на экране запись того, как флотилия эскадренных миноносцев оторвалась от основной группы кораблей и устремилась на юго-запад, то есть прямо к авианосной группе "Линкольн", что вызвало немалое волнение в оперативном отделе эскадры. Затем, словно по команде, индийские эсминцы начали двигаться самостоятельными курсами и вдруг дружно повернули на север и пошли полным ходом. Флотилия мчалась, соблюдая радиомолчание, с выключенными радиолокаторами, и скоро повернула на восток.

- Действиями эсминцев руководил, судя по всему, опытный и умелый командир. На авианосной группе предполагали, по-видимому, что он направит флотилию на восток и скроется под вот этим застывшим грозовым фронтом - по крайней мере, как вы видите, их самолеты вылетели именно туда. Эта ошибка позволила эсминцам устремиться к авианосной группе и приблизиться к ней на дальность действия своих ракетных установок "корабль - корабль" еще до того, как индийские "харриеры" взлетели с авианосцев и устремились навстречу флотилии.

Просмотрев десятиминутную компьютерную запись, Робби понял, что только что стал свидетелем учебной атаки флотилии эскадренных миноносцев против вражеской авианосной боевой группы, причем команды эсминцев при выполнении этой опасной операции готовы были принести в жертву себя и свои корабли. Действия флотилии были отработаны идеально. Еще больше обеспокоило Джексона то, что атака эсминцев оказалась успешной. Несмотря на то что большинство миноносцев скорее всего погибнет, пущенные ими ракеты ~ по крайней мере некоторые из них - сумеют преодолеть последнюю линию зенитной обороны авианосцев и выведут их из строя. Авианосцы - большие и прочные корабли, но задача противника не в том, чтобы потопить их - вполне достаточно лишить авианосцы возможности вести летные операции. В этом океане авианосцы имела только Индия, если не считать Соединенных Штатов, чье присутствие здесь ее явно раздражало. Можно было не сомневаться, что цель учений заключалась совсем не в том, чтобы потопить собственные авианосцы.

- У тебя не возникло впечатления, что они с удовольствием избавились бы от нас? - улыбнулся Дюбро.

- Мне кажется, нам следовало бы узнать как можно больше об их намерениях. Сейчас мы ничего не знаем об этом, Майк.

- Это ничуть меня не удивляет, - заметил контр-адмирал. - А каковы их намерения относительно Цейлона? - Прежнее название острова запоминалось почему-то легче.

- Представления не имею. - Занимая пост заместителя начальника Управления оперативного планирования Объединенного комитета начальников штабов, именуемого J-3, Джексон имел доступ ко всей информации, получаемой разведывательными службами США. - Однако я многое понял, просмотрев запись их учений.

Для того чтобы понять, что происходит, нужно всего лишь посмотреть на дисплей, увидеть расположение островов и индийской эскадры в океане. Ее боевые корабли крейсировали таким образом, что находились между Шри-Ланкой и любыми морскими соединениями, которые станут приближаться с юга к островному государству - например, боевой авианосной группой ВМФ США. Целью учений, которые проводили индийские корабли, было преградить американскому флоту путь к острову. Выполняя такую задачу, они явно намеревались находиться в море в течение длительного времени. Если это действительно были учения, то стоили они очень дорого. А если нет? Ну что ж, разве сразу определишь?

- Где их десантные корабли?

- Поблизости их нет, - ответил Дюбро. - Мне больше ничего не известно. У меня нет возможности выяснить это, и никакой разведывательной информации по этому поводу ко мне не поступало. У индийцев имеется шестнадцать десантных кораблей, и, насколько я понимаю, двенадцать из них способны действовать совместно. Думаю, с помощью десантных кораблей они смогут высадить усиленную бригаду, полностью оснащенную и способную вести боевые действия сразу после высадки. На северном берегу острова немало мест, удобных для этого. Индийские десантные корабли находятся вне нашего радиуса действий, и в случае необходимости мы не можем нанести по ним удар, по крайней мере достаточно результативный. Мне нужны дополнительные силы, Робби.

- У нас нет резервов, Майк.

- Хотя бы две подводные лодки. Я ведь не требую невозможного, сам понимаешь. Две ударные субмарины перекрыли бы Манарский залив - наиболее вероятный район высадки. Кроме того, мне нужны более подробные разведданные. Ты ведь сам видел почему.

- Да, - кивнул Джексон. - Сделаю все, что в моих силах. Когда вылетает мой самолет?

- Через два часа. - Адмирал Джексон летал на противолодочном самолете S-3 "викинг". Самолет этот, прозванный "гувером", обладал большим радиусом действия, что было весьма важно. Джексон намерен был направиться в Сингапур, чтобы создать впечатление, что боевая авианосная группа Дюбро находится к юго-востоку, а не к юго-западу от Шри-Ланки. Джексон подумал, что пролетел двадцать четыре тысячи миль фактически для получасового совещания и для того, чтобы посмотреть в глаза опытного морского летчика. Он откатил назад кресло и взглянул на экран. Харрисон уменьшил масштаб, и на дисплее появился авианосец "Авраам Линкольн", направляющийся на северо-восток от острова Диего-Гарсия. Соединившись с боевой авианосной группой Дюбро, "Линкольн" усилит ее еще одним авиакрылом, что будет весьма кстати. Необходимость постоянно следить за индийцами, причем скрывая свое присутствие, требовала огромного напряжения от летчиков и накладывала невероятную нагрузку на самолеты. Мировой океан был слишком велик, чтобы его могли успешно патрулировать восемь авианосцев, но никто в Вашингтоне не понимал этого. "Стеннис" и "Энтерпрайз" готовились через несколько месяцев сменить "Эйзенхауэра" и "Линкольна" в Индийском океане, но даже при этом наступит момент, когда присутствие американского флота в этом регионе окажется недостаточным. Индийцам это тоже станет известно - ведь нельзя скрыть время

возвращения экипажей боевых групп от членов семей. Слухи о прибытии военных кораблей распространятся по базам, индийцы узнают об этом и что тогда предпримут?

- Привет, Кларис. - Мюррей встал, чтобы поздороваться с гостьей, которую пригласил вместе пообедать. Он считал ее своим доктором Милосердия. Невысокая, чуть полноватая, перешагнувшая пятидесятилетний возраст, доктор Гоулден отличалась смеющимися голубыми глазами и неизменной улыбкой, словно она вот-вот собиралась рассказать какой-то смешной анекдот. Отношения между ними стали особенно прочными благодаря тому, что они весьма походили друг на друга. Высокопоставленный сотрудник ФБР и известный психиатр были умными и серьезными профессионалами, и оба скрывали свой острый проницательный ум за маской добродушия, становясь центром притяжения на любой вечеринке. Мало кто замечал, однако, что, несмотря на улыбки и шутки, они ничего не упускали из происходящего вокруг и запоминали все. Мюррей считал, что из Гоулден мог бы получиться превосходный детектив, а Кларис не менее высоко ценила профессиональные качества полицейского.

- Чем обязан такой чести, мэ? - церемонно спросил Дэн. Официант принес меню для обоих, и доктор Гоулден, вежливо улыбаясь, подождала, когда он уйдет. Мюррей впервые понял, что речь пойдет о чем-то серьезном, и, сохраняя улыбку на лице, устремил серьезный взгляд на собеседницу.

- Я хочу посоветоваться с вами, мистер Мюррей, - произнесла доктор Гоулден, и Дэн заметил в ее голосе тревогу. - Под чью юрисдикцию подпадает преступление, совершенное на федеральной территории?

- Расследованием таких преступлений всегда занимается ФБР. - Мюррей откинулся на спинку кресла и машинально коснулся рукой табельного пистолета. Он посвятил жизнь преследованию преступников и соблюдению законов страны, поэтому прикосновение к пистолету, находившемуся на привычном месте, служило для него напоминанием о том, что, хотя табличка на двери его кабинета говорила о важности занимаемой им теперь должности, начал он свою карьеру с преследования бандитов и грабителей в Филадельфии. Значок агента ФБР и табельный пистолет свидетельствовали о том, что он продолжает оставаться сотрудником самой элитарной полицейской организации Америки.

- Даже в Капитолии? - спросила Кларис.

- Даже там, - кивнул Мюррей. Наступило молчание. Нерешительность доктора Гоулден удивила Мюррея. Обычно он всегда догадывался, о чем думает Кларис, вернее, тут же поправился Мюррей, что хочет внушить ему доктор Гоулден. Она была отличным профессионалом, подобно ему самому, и умела добиваться своего. - Итак, в чем состоит преступление, доктор Гоулден?

- В изнасиловании.

Мюррей кивнул и положил меню на стол.

- Прежде всего расскажите мне о своей пациентке.

- Тридцать пять лет, не замужем. Ее послала ко мне старая знакомая, врач-гинеколог. Когда женщина пришла, я сразу заметила, что она находится в состоянии клинической депрессии. Мы беседовали трижды.

Только трижды, подумал Мюррей. Кларис - настоящая волшебница при беседах с пациентами, умная, сдержанная и проницательная. Господи, с ее

мягкой улыбкой и материнским добрым голосом из нее получился бы превосходный следователь, мастерски ведущий допросы.

- Когда это произошло? - спросил Мюррей. С именами можно и подождать.

Самое главное сейчас - выяснить факты.

- Три года назад.

Агент ФБР - Мюррей все еще считал себя "специальным агентом", предпочитая это должности помощника заместителя директора ФБР, - нахмурился.

- Прошло много времени, Кларис. Полагаю, не осталось никаких вещественных доказательств.

- Никаких, лишь ее слово против его слова. За исключением вот этого. -

Гоулден открыла сумочку и достала ксерокопию письма Лайзы Берринджер, несколько увеличенную при копировании. Мюррей медленно прочитал письмо, страницу за страницей. Доктор Гоулден не сводила взгляда с его лица, ожидая реакции.

- Боже милостивый, - еле слышно выдохнул Дэн, глядя на официанта, стоящего в двадцати футах, который явно полагал, что обслуживает репортера и человека, снабжающего его информацией, - самая обычная ситуация в Вашингтоне. - Где оригинал?

- У меня в кабинете. Я обращалась с письмом очень осторожно, - ответила доктор Гоулден.

Когда Мюррей услышал это, на лице его появилась улыбка. Хорошо было уже то, что письмо написано на бумаге с именем сенатора и его капитолийским адресом. Кроме того, на такой бумаге надолго сохранялись отпечатки пальцев, особенно если она находилась в прохладном сухом месте, а письма обычно и держат в таких местах. Сотрудница аппарата сенатора - Лайза Берринджер - при оформлении допуска к секретным документам наверняка подвергалась процедуре снятия отпечатков пальцев, а это означало, что будет нетрудно установить авторство письма.

На листах бумаги указывались время, место и обстоятельства изнасилования, а также ясно и четко выражалось желание покончить с собой. Как бы печально все это ни было, такой документ превращался в предсмертное заявление, и потому он будет безусловно считаться вещественным доказательством при рассмотрении уголовного дела в федеральном окружном суде. Адвокаты, защищающие интересы обвиняемого, будут возражать - они всегда возражают, - но судья отклонит возражение - оно всегда отклоняется, - и тогда присяжные услышат каждое слово мертвой женщины, как всегда подавшись вперед, чтобы не упустить ни единого звука, доносящегося из могилы. Вот только в этом случае дело не будет рассматриваться судом присяжных, по крайней мере не сразу.

Мюррей ненавидел преступления, связанные с изнасилованием. Как мужчина и как полицейский, он относился к этому типу преступников с глубоким отвращением. Его мужское достоинство страдало от того, что кто-то мог вести себя так трусливо и отвратительно. С профессиональной точки зрения его беспокоило то, обстоятельство, что рассмотрение в суде дел, связанных с изнасилованием, почти всегда сводилось к версии одного человека, противопоставленной версии другого. Подобно большинству детективов, Мюррей с недоверием относился к заявлениям свидетелей. Ему было известно, что люди

вообще не наблюдательны, а жертвы изнасилования, потрясенные случившемся, часто рассказывают об обстоятельствах преступления бессвязно и неубедительно, причем адвокаты, защищающие обвиняемых, еще более запутывают их. А вот вещественные доказательства здесь неоспоримы. Мюррей предпочитал полагаться именно на вещественные доказательства.

- Этого достаточно для начала уголовного расследования? Мюррей поднял голову и тихо произнес:

- Да, мэм.

- А то, кем он является...

- Сейчас я занимаю должность - ну, вроде исполнительного помощника Билла Шоу. Вы не знакомы с Биллом?

- Мне известна только его репутация.

- Она полностью соответствует действительности, - заверил ее Мюррей. - Мы вместе учились в Академии ФБР в Куантико, после выпуска вместе служили, занимались одним и тем же. Преступление есть преступление, кто бы его ни совершил, а мы - полицейские и обязаны следить за торжеством правосудия, Кларис.

Но даже в тот момент, когда Мюррей произносил слова, составляющие кредо ФБР, он не мог забыть первую фразу, которую произнес, прочитав письмо: "Боже милостивый!". В том, что совершено преступление, не приходилось сомневаться, но слишком огромен будет его политический резонанс. Президент, и без того находящийся в затруднительном положении, столкнется с новыми неприятностями. Ну и что? Кому вообще нужны подобные неприятности? Уж конечно, не Барбаре Линдерс и Лайзе Берринджер, изнасилованным человеком, которого они уважали и которому верили. Однако решающим было то, что тридцать лет назад Дэниел Э. Мюррей, закончив Академию ФБР в Куантико, штат Виргиния, поднял к небу правую руку и произнес клятву. Да, не все законы следует выполнять буквально, хороший агент ФБР должен прибегать к здравому смыслу, понимать, какие законы можно обойти и насколько. Но только не этот закон, который нуждается в безусловном выполнении. Билл Шоу придерживается такой же точки зрения. Ему повезло, судьба оказалась благосклонна к нему, и он занял должность, не имеющую ни малейшего отношения к политике - большая редкость в Вашингтоне, округ Колумбия. Вокруг него возник ореол честного и неподкупного человека, а теперь, в его возрасте, меняться слишком поздно. Начинать такое дело, как то, о котором рассказала доктор Гоулден, следовало в кабинете Билла Шоу, на седьмом этаже штаб-квартиры ФБР.

- Я должен задать вам вопрос, Кларис, - вы уверены в том, что рассказали мне? - Мюррей внимательно посмотрел на собеседницу.

- Как у психиатра, у меня нет ни малейших сомнений, что моя пациентка говорила правду во всех подробностях.

- Она согласится выступить на суде?

- Да.

- Ваше мнение о письме?

- Оно подлинное - с психологической точки зрения. Мюррей и сам знал это, основываясь на собственном опыте, но в процессе расследования понадобится выслушать мнение профессионала - сначала ему, потом другим следователям и, наконец, присяжным.

- Что будет дальше? - спросила доктор Гоулден.

К удивленному недовольству официанта, Мюррей встал.

- Сейчас мы поедem в штаб-квартиру ФБР и поговорим с Биллом Шоу. Там он поручит своим агентам открыть дело. Затем мы с Биллом - и с агентом, который будет вести расследование, -

перейдем на другую сторону улицы, в Министерство юстиции, и поговорим с министром. Что последует дальше, я не знаю. У нас никогда не случалось подобного - по крайней мере с начала семидесятых годов, - и я не уверен в порядке дальнейших действий. Следователи будут подробно беседовать с вашей пациенткой. Мы встретимся с семьей мисс Берринджер, с ее знакомыми и друзьями, разыщем записи, письма, дневники. Но это техническая сторона дела. А есть еще и политическая. - Дэн знал, что по этой причине следствие будет поручено именно ему. Боже милостивый! - снова подумал он, вспомнив статью Конституции, в соответствии с которой будет вестись дело. Доктор Гоулден заметила неуверенность в его взгляде и, что было для нее редким, неправильно истолковала сомнения Мюррея.

- Моя пациентка нуждается...

Мюррей недоуменно посмотрел на психиатра. Что из того? - подумал он. Преступление остается преступлением, кто бы ни совершил его.

- Я знаю, Кларис. Она нуждается в правосудии. Лайза Берринджер тоже. Знаете, кто еще заинтересован в торжестве правосудия? Правительство Соединенных Штатов Америки.

Он вовсе не походил на системного программиста, которым обычно наплевать на собственную внешность и потому они вечно ходят неопрятными и нечесаными. На нем был строгий костюм в тонкую полоску, в руке - кейс. Конечно, он мог бы оправдаться, что опрятного вида требовала солидная клиентура и профессиональная атмосфера в той среде, где ему приходилось работать, но, если уж говорить начистоту, ему попросту нравилось быть хорошо одетым.

В самой процедуре не было ничего сложного. Клиент пользовался универсальными ЭВМ "Стратус" - компактными и мощными машинами, легко объединяемыми в вычислительные сети. На самом деле благодаря относительной дешевизне и высокой надежности на них падал выбор множества служб, занятых обработкой различных сводок. В помещении находилось три машины. "Альфа" и "Бета" - так значилось белыми буквами на синих пластмассовых панелях - являлись основными и действовали через день, причем одна всегда дублировала другую. Третья ЭВМ - "Зулу" - дублировала две первые машины при аварийных ситуациях, и, когда она действовала, можно было не сомневаться, что группа обслуживания либо уже прибыла, либо находится в пути. Второй вычислительный центр, ничем не отличающийся от первого, разве что количеством обслуживающего персонала, находился на противоположном берегу Ист-Ривер, в совершенно ином месте, с другими источниками энергоснабжения, другими телефонными линиями и другими каналами спутниковой связи. Каждый центр размещался в высотном здании; построенном с использованием негорючих материалов, причем в помещениях вокруг компьютерного зала была установлена автоматическая спринклерная система пожаротушения, а сам зал был оборудован

установкой "Дюпон 1301", способной ликвидировать возгорание в считанные секунды. Каждый вычислительный центр имел резервное аккумуляторное энергоснабжение, способное обеспечить бесперебойную работу всех трех компьютеров в течение двенадцати часов. К сожалению, правила безопасности и охраны окружающей среды, существующие в Нью-Йорке, запрещали размещение в зданиях резервных генераторов. Это изрядно раздражало инженеров, которым как раз и платили за то, чтобы они беспокоились о подобных вещах. И они беспокоились, еще как беспокоились, несмотря на дублирование, батарейную поддержку и все, что называлось военным термином "эшелонированная оборона" и было способно защитить компьютеры от всякого рода мыслимых и немыслимых неожиданностей. Или почти всякого. На передней панели каждой ЭВМ находился интерфейс фирмы "Компьютер сайенс корпорейшн" - усовершенствование, появившееся в новых поколениях электронно-вычислительных машин как признание того, что совершенные настольные компьютеры приобрели способность загружать важную информацию в оперативную память намного быстрее, чем прежние машины, в которых использовались бобины с магнитной лентой.

В данном случае загрузочный терминал являлся постоянной частью системы. К общей контрольной панели управления "Альфы", "Беты" и "Зулу" был подключен персональный компьютер третьего поколения "Пауэр", а к нему, в свою очередь, подключен съемный дисковод "Бернулли". Эта машина, прозванная "тостером" из-за того, что ее диск походил размерами на ломтик хлеба, обладала мощным накопителем с памятью в целый гигабайт - намного больше, чем требовалось для этой программы.

- Приступаем? - спросил программист.

Оператор переместил "мышь" и из вариантов, появившихся на экране, выбрал "Зулу". Стоящий за его спиной старший оператор подтвердил правильность выбора. "Альфа" и "Бета" занимались своей обычной работой, и привлекать их было нельзя.

- Чак, ты работаешь с "Зулу".

- Вас понял, - улыбнувшись, отрапортовал тот, вставил картридж в гнездо и подождал, пока на экране не появился соответствующий графический символ. Увидев его, он тут же щелкнул клавишей "мыши" и открыл новое окно, чтобы развернуть содержание PORTA-1 - записанной на его дискете Программы.

В новом окне было всего две директории: INSTALLER и ELECTRA-CLERK-2.4.0. Автоматическая антивирусная программа немедленно пронеслась по новым файлам и через пять секунд сообщила, что те чисты.

- Похоже, все в порядке, Чак, - произнес оператор вычислительных систем. Старший оператор согласно кивнул.

- Ну что, Рик, можно браться за работу?

- Валяй.

Чак Серлз выбрал курсором графический символ INSTALL и дважды щелкнул клавишей.

ВЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО ХОТИТЕ ЗАМЕНИТЬ ПРОГРАММУ ELECTRA-CLERK 2.3.1 НОВОЙ ПРОГРАММОЙ ELECTRA-CLERK 2.4.0? - появилась надпись на экране. Серлз сдвинул стрелку курсора в окошечко "Да" и снова щелкнул клавишей.

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УВЕРЕНЫ В ЭТОМ??? - немедленно появилась другая надпись.

- Кто ввел в программу этот вопрос? - недоуменно спросил системщик.
- Я, - ухмыльнулся оператор.
- Шутник, - недовольно проворчал Серлз и снова нажал "Да".

Дисковод едва слышно зажужжал. Серлзу нравились устройства, у которых слышна работа механизмов - пощелкивание перемещающихся головок, жужжание вращающегося диска. Объем программы составлял всего пятьдесят мегабайтов, и перенос информации закончился раньше, чем системный программист успел открыть бутылку и сделать глоток минеральной воды.

- Вот и все, - произнес Серлз, отодвигая кресло от консоли. - Хотите проверить?

Он повернулся и посмотрел через стеклянную стену компьютерного зала на гавань Нью-Йорка. Белый круизный лайнер средних размеров выходил из порта. Интересно, куда он направляется? - подумал системщик. Наверно, в теплые края, где песчаные пляжи, голубое небо и каждый день сияет яркое солнце. Туда, где, как он считал, все так чертовски непохоже на Нью-Йорк.

Никто не совершает круизы в города, похожие на Большое Яблоко. Как было бы приятно находиться на этом лайнере, плыть прочь от пронизывающих осенних ветров. А еще приятнее никогда не возвращаться обратно, подумал Серлз с задумчивой улыбкой. Ну что ж, самолеты летают намного быстрее, и на них тоже не обязательно возвращаться.

Системный оператор, который сидел у консоли управления, привел "Зулу" в режим реального масштаба времени. В 16.10.00 по восточному поясному времени "Зулу" начала дублировать работу, осуществляемую "Альфой" и поддерживаемую "Бетой". Впрочем, была заметна разница. Монитор производительности показывал, что "Зулу" действовала чуть быстрее. Обычно при такой ситуации дублирующая третья машина немного отставала, однако теперь она действовала настолько быстро, что ей приходилось "отдыхать" несколько секунд в течение каждой минуты.

- Чак, она успевает даже перекурить! - заметил оператор. Серлз допил остаток воды из бутылки, бросил ее в мусорную корзину и подошел к консоли.

- Все верно, я сократил коды примерно на десять тысяч строк. Дело не в машинах, а в программе. Нам понадобилось время, чтобы отыскать наиболее оптимальное прохождение команд через платы. Думаю, теперь все в порядке.

- А в чем разница? - спросил старший оператор, сам неплохо разбиравшийся в программном обеспечении.

- Я изменил систему иерархии, то, как передается информация с одной платы на другую, параллельную ей. Мне все же придется еще немного поработать с синхронизацией - суммирование происходит не так быстро, как переадресовка. Думаю, сумею справиться с этой проблемой через месяц-другой.

Оператор нажал на кнопку, посылая команду к первой контрольной точке. На экране тут же появился графический символ.

- На шесть процентов быстрее, чем при программе 2.3.1. Совсем неплохо.

- Нам очень пригодятся эти шесть процентов. - Старшему оператору хотелось бы еще повысить быстродействие компьютеров. Иногда требовалось провести огромное количество расчетов, и он, подобно всем остальным служащим "Дипозитори траст компани", боялся не уложиться в необходимый срок.

- Пошлите мне полученную информацию к концу недели, и я постараюсь

ускорить обработку данных еще на несколько десятых, - пообещал Серлз.

- Ты здорово потрудился, Чак.

- Спасибо, Бад.

- Кто еще этим пользуется?

- Ты имеешь в виду эту версию? Никто. Похожая программа применяется для машин в CHIPS.

- Ну что ж, ты здорово разбираешься в этом деле, - великодушно заметил старший оператор. Он был бы куда менее великодушен, если бы знал все обстоятельства. Старший оператор принимал участие в проектировании всей системы, разрабатывал резервные мощности, системы дублирования и безопасности, защиту информации на накопителях, при которой бобины с пленкой каждый вечер извлекали из машин и отвозили в надежно охраняемое помещение. Он входил в состав комитета, задача которого заключалась в том, чтобы принять все меры предосторожности для охраны информации, необходимой для успешного функционирования "Дипозитори траст компани". Однако стремление к максимальной эффективности, и одновременно к безопасности - привело к возникновению уязвимости, которой он, вполне естественно, не замечал. Дело в том, что для всех компьютеров использовались одни и те же программные средства. Это было необходимо, потому что использование различного программного обеспечения для разных компьютеров лишило бы отдельные вычислительные системы возможности обмениваться информацией, что резко уменьшило бы преимущества компьютерных сетей, подобно тому как если бы сотрудники одного офиса общались друг с другом каждый на своем языке. В результате, несмотря на все меры предосторожности, у шести машин имелось одно общее слабое место - они говорили на одном языке. Они были вынуждены пользоваться этим языком, потому что компьютерные сети составляли самое важное, хотя и наименее известное, связующее звено в американском бизнесе.

Но даже при этих условиях "Дипозитори" не упускала из виду потенциальную опасность. Программа ELECTRA-CLERK 2.4.0 не будет введена в "Альфу" и "Бету" до тех пор, пока не проработает в течение недели в "Зулу", и затем пройдет еще одна неделя, прежде чем ее введут в "Чарли", "Дельту" и "Танго" дублирующего вычислительного центра, расположенного на противоположном берегу Ист-Ривер. Это делалось для того, чтобы убедиться, что программа 2.4.0 эффективна и не подвержена "аварийным ситуациям" - этот термин появился в сфере программирования год назад. Скоро операторы привыкнут к новому программному обеспечению и будут восхищаться быстротой осуществления расчетов. Все машины типа "Стратус" будут говорить на одном и том же компьютерном языке, обмениваться информацией с помощью единиц и нулей подобно приятелям, сидящим за карточным столом и беседующим о делах.

Наконец, они познакомятся с одной и той же шуткой. Некоторым она покажется забавной - но только не сотрудникам "Дипозитори траст".

3. Коллегия

- Значит, все согласны? - спросил председатель Федеральной резервной системы. Сидящие за столом закивали. Принять решение оказалось нетрудно. Вот уже второй раз за последние три месяца президент Дарлинг давал понять через

министра финансов, что не будет возражать против увеличения учетной ставки еще на половину пункта, то есть теперь банки, берущие займы у Федеральной резервной системы будут платить на половину процента больше. Банки вынуждены брать займы у Федеральной резервной - где еще они смогут занять такие суммы денег? Разумеется, повышение учетной ставки немедленно отразится на положении потребителей, которые в конечном итоге и будут расплачиваться за это.

Мужчинам и женщинам, сидевшим вокруг полированного дубового стола, приходилось постоянно балансировать. Они контролировали количество денег в американской экономике. Будто поворачивая ручку, открывающую или закрывающую шлюзовой затвор, они регулировали количество денег в обращении, стараясь, чтобы их не было слишком много или слишком мало.

На деле, разумеется, положение было намного сложнее. Сами по себе деньги мало что значили в действительности. Бюро гравировки и печатания ценных бумаг, расположенное меньше чем в миле отсюда, не имело в своем распоряжении ни бумаги, ни краски, достаточных для того, чтобы напечатать столько однодолларовых банкнот, сколько Федеральная резервная система выделяла в течение одного дня. "Деньги" выделялись главным образом в виде электронного сигнала, в виде распоряжения, например: Первому национальному банку Подунка перевести дополнительно три миллиона долларов, чтобы кредитовать магазин скобяных изделий Джо, или газовую компанию Джеффа Брауна, или домовладельцев, желающих получить заем под залог своих домов и возвращать его в течение следующих двадцати лет. Полученные банком деньги редко выплачивались наличными - обладание кредитными карточками гарантировало от краж и ограблений, от растрат собственными служащими и, едва ли не самое важное, избавляло кассиров от необходимости считать и пересчитывать банкноты, а затем сдавать полученную наличность в местное отделение банка. В результате деньги, словно по мановению волшебной палочки, выделялись согласно поручению, переданному по электронной почте или по телексу, а затем их, в свою очередь, выплачивали другим безналичным способом, чаще всего чеком, выписанным на маленьком листке специальной бумаги, обычно украшенном изображением орла с распростертыми крыльями или рыбацкой лодки на каком-то несуществующем озере, потому что банки конкурировали между собой, а клиентам нравились красивые чековые книжки.

Могущество людей, находящихся в Зале Совета управляющих Федеральной резервной системы, было настолько велико, что даже они сами редко задумывались об этом. Кивнув головами и согласившись с предложением председателя совета поднять процентную ставку, сидящие вокруг стола только что повысили цену на все продающиеся в Америке товары. Теперь каждый домовладелец, получивший заем под залог своего дома, каждый, кто покупает в рассрочку автомобиль, каждый обладатель кредитной карточки будет выплачивать ежемесячно большее количество денег. В результате этого решения у каждой фирмы и каждой семьи в Америке сократится доход и меньше средств останется на выплаты премий, пособий и пенсий, а также на покупку рождественских подарков. То, что началось с выпуска пресс-релиза, затронет бумажник каждого жителя страны. Повысятся цены на все потребительские товары, начиная с персональных компьютеров и кончая жевательной резинкой, что приведет к

дальнейшему сокращению покупательной способности населения.

По мнению членов Совета управляющих Федеральной резервной системы, такая ситуация пойдет на пользу стране. Все статистические показатели указывали на то, что экономика развивается излишне быстро и возникает опасность роста инфляции. Вообще-то инфляция в той или иной форме существует всегда, но повышение процентной ставки снизит ее до разумных пределов. Цены повысились бы в любом случае, но решение Федеральной резервной системы повысит их еще больше.

Это был наглядный пример того, как клин вышибают клином. Повышение процентной ставки означает, что люди будут вынуждены сократить займы, это уменьшит объем денежного обращения, что, в свою очередь, снизит покупательную способность населения и поможет до определенной степени стабилизировать цены и таким образом предупредит возникновение чего-то намного более опасного, чем незначительное увеличение процентной ставки.

Подобно тому как разбегаются круги от брошенного в озеро камня, возникнут и другие последствия. Возрастет процентная ставка казначейских векселей, являющихся заемными инструментами самого государства. Назначение таких облигаций заключается в том, что население - а фактически главным образом финансовые учреждения, такие, как банки, пенсионные фонды и инвестиционные фирмы, которым нужно куда-то вложить деньги своих клиентов на период ожидания выгодной возможности на фондовой бирже, - дает деньги займы государству на срок от трех месяцев до тридцати лет, и в качестве платы за использование этих денег государство само должно выплачивать проценты (причем значительная их часть, разумеется, возвращается обратно государству в виде налогов). Незначительное повышение процентной ставки Федеральной резервной системой увеличит и процентную ставку, которую должно платить государство, величина ее обычно определяется на аукционе. Таким образом увеличится и бюджетный дефицит, что заставит правительство еще более сократить денежную массу, находящуюся в обращении внутри страны, уменьшив таким образом количество денег, используемых для личных и банковских займов, далее повысив процентную ставку для населения в результате действия рыночных сил за пределы планки, установленной Федеральной резервной системой.

Наконец, одно то обстоятельство, что процентная ставка, выплачиваемая банками и по казначейским векселям, поднимется, сделает фондовый рынок менее привлекательным для инвесторов, потому что выплаты такого рода гарантируются государством и, следовательно, надежнее высоких спекулятивных доходов, на которые рассчитывают компании, чьи продукты и (или) услуги вынуждены конкурировать на рынке.

Инвесторы и профессиональные менеджеры на Уолл-стрите, следящие за экономическими показателями, восприняли вечерние новости (сообщения Федеральной резервной системы обычно передавались после закрытия фондовых бирж) достаточно равнодушно и сделали пометки о необходимости продажи акций некоторых компаний. Таким образом понизится ранее объявленная ценность большого числа акций, и в результате средний индекс Доу-Джонса <Индекс Доу-Джонса - показатель изменения рыночных курсов, рассчитываемый компанией финансовой информации "Доу, Джонс энд компани" (США)> для акций промышленных компаний несколько упадет. Впрочем, индекс Доу-Джонса совсем не был средним,

а представлял собой сумму текущей рыночной стоимости акций тридцати наиболее надежных и хорошо зарекомендовавших себя корпораций, идущих в списке строго по алфавиту, начиная с "Аллайд сигнал" и кончая "Уолверт", причем в середине находилась "Мерк". Суть индекса Доу-Джонса заключалась главным образом в том, чтобы средства массовой информации могли постоянно информировать общественность об изменениях на финансовом рынке. Впрочем, мало кто из общественности разбирался в тонкостях финансового рынка и понимал значение индекса Доу-Джонса. Падение Доу заставит кое-кого забеспокоиться, приведет к продаже акций и дальнейшему ухудшению положения на рынке. Так будут развиваться события до тех пор, пока биржевые брокеры не придут к выводу, что цена акций упала ниже их фактической стоимости. Заметив, что ценность акций превосходит их рыночную котировку в данный момент, они начнут скупать их в таком количестве, что индекс Доу (и другие биржевые котировки) повысится до такого уровня, что восстановится равновесие и уверенность в финансовых институтах. И все эти многочисленные перемены, влияющие на жизнь каждого американца, произойдут по решению нескольких лиц, сидящих в богато обставленном зале в Вашингтоне, округ Колумбия, имена которых известны всего лишь горстке финансистов, не говоря уже о широкой публике.

Самым поразительным было то, что люди считали весь этот процесс таким же нормальным, как закон всемирного тяготения, несмотря на то что на самом деле система денежного обращения являлась столь же эфемерной, как радуга. Деньги не существовали в действительности. Даже "настоящие" деньги представляли собой всего лишь специальную бумагу с изображениями, напечатанными черной краской на одной стороне и зеленой - на другой. Деньги рассматривались как средство платежа не потому, что они обеспечивались запасами золота или других ценностей, но благодаря всеобщей вере в то, что деньги обладают ценностью, потому что должны ею обладать. Таким образом, денежная система Соединенных Штатов и всех других стран мира основывалась на психологической убежденности, на простой вере в ценность денег, и в результате на том же зиждились и все остальные стороны американской экономики. Если деньги существуют лишь потому, что все верят в них, значит, и все остальное существует только благодаря такой же вере. Сегодня вечером Федеральная резервная система сначала несколько поколебала эту веру, а затем позволила ей снова укрепиться в умах людей, полагающихся на нее. Среди тех, кто верили в существование денег, находились и управляющие Федеральной резервной системы, потому что они действительно понимали их сущность - или думали, что понимают. В разговорах между собой они могли шутить по поводу того, что на самом деле никто не в состоянии постичь всех аспектов функционирования денег, подобно тому как никто не может объяснить сущность Бога. Но так же, как теологи постоянно стремятся определить и объяснить Его божественную природу, финансисты обязаны поддерживать веру в деньги, делать их воображаемую структуру реальной и осязаемой и умалчивать о том, что вся система денежного обращения основывается на чем-то призрачном, даже менее реальном, чем бумажные деньги, которые носят с собой, чтобы пользоваться ими в тех случаях, когда неудобно прибегать к пластиковым кредитным карточкам.

Люди верили им, подобно тому как доверяют священнослужителям, полагались на их способность поддерживать существование того, на чем

основывается жизнедеятельность мира, неустанно заявляли о своей вере в реальность чего-то невидимого и неосязаемого, в величественную систему, физическим проявлением которой являлись только каменные здания и строгие взгляды работающих в них людей. В конце концов, говорили они себе, разве эта система не действует?

Уолл-стрит во многих отношениях являлся той частью Америки, где граждане Японии, особенно жители Токио, чувствовали себя как дома. Устремленные ввысь небоскребы скрывают небо, улицы переполнены до такой степени, что какой-нибудь пришелец вполне мог принять желтые такси и черные лимузины за представителей земной цивилизации. По узким грязным тротуарам спешат толпы людей, они смотрят прямо перед собой не только для того, чтобы продемонстрировать свою целеустремленность, но и для того, чтобы не встретиться взглядом с возможными конкурентами или, что более вероятно, просто со встречными. Пульс всей жизни Нью-Йорка основывается на поведении обитателей этого района - грубом, бесцеремонном, торопливом, настойчивом и упрямом по форме, но не по своей внутренней сути. Обитатели Уолл-стрита убеждены, что находятся в самом центре событий, и настолько увлеченно стремятся к своей цели, что не терпят присутствия всех остальных, кто испытывают точно такие же чувства. В этом смысле здешний мир по-своему идеален: все чувствуют и ведут себя здесь одинаково, и всем наплевать на окружающих. По крайней мере создается такое впечатление. На самом деле, однако, у людей, работающих здесь, есть семьи и дети, разнятся их интересы и увлечения, стремления и мечты, как и у обычных людей, но с восьми утра до шести вечера все тут подчинено бизнесу. Их бизнесом являются, разумеется, деньги, товар, не имеющий национальной или личной принадлежности. По этой-то причине и происходила процедура смены руководства финансовой корпорации "Коламбус групп" на пятьдесят восьмом этаже нового здания, где размещалась штаб-квартира корпорации.

Зал выглядел впечатляюще во всех отношениях. Ореховые панели, за которыми любовно ухаживал целый штат высокооплачиваемых краснодеревщиков, украшали две стены, две другие были стеклянными, от пола до потолка, через них открывался великолепный вид на гавань Нью-Йорка и уходящее вдаль море. Пол устилал ковер с таким ворсом, что в нем утопала нога, правда, при ходьбе создавалось статическое электричество, которое давало знать о себе болезненными разрядами. Впрочем, посетители привыкли к этому и притерпелись. Сорокафутовый стол в центре зала покрывала плита из красного полированного гранита, а стоявшие вокруг кресла стоили по паре тысяч долларов каждое.

"Коламбус групп", возникшая всего одиннадцать лет назад, за этот короткий срок прошла путь от еще одного выскочки до enfant terrible<"Ужасный ребенок" - о человеке дерзком, своевольном (фр.)>, до стремительно развивающейся новой компании, до серьезного игрока на фондовой бирже, до одной из самых влиятельных корпораций и заняла наконец теперешнее положение краеугольного камня в фундаменте могущественного сообщества сберегательных банков, инвестиционных и страховых компаний. Эта корпорация, основанная Джорджем Уинстоном, руководила деятельностью многих групп молодых талантливых финансистов, которые занимались привлечением все новых и новых

денег. Как и следовало ожидать, в финансовой корпорации, названной в честь первооткрывателя Америки, три основные группы носили названия трех кораблей Христофора Колумба - "Нинья", "Пинта" и "Санта-Мария". Когда Уинстон в возрасте двадцати девяти лет основал корпорацию, он был под впечатлением от только что прочитанной им книги Сэмьюэла Элиота Морисона "Открытие Нового Света европейцами". Пораженный мужеством и предвидением неугомонных мореплавателей, он решил руководствоваться в своей деятельности их примером. Теперь Уинстону исполнилось сорок, размеры его состояния превосходили все возможные пределы алчности, и он решил уйти на покой, вдыхать аромат роз, бороздить моря на своей девяностофутовой яхте и вообще наслаждаться жизнью. Говоря по правде, его конкретные планы на ближайшие несколько месяцев заключались в том, чтобы научиться управлять своей яхтой "Кристоболь" так же умело, как он делал все остальное в жизни, проплыть по маршрутам знаменитых мореплавателей - первооткрывателей новых стран - по одному путешествию каждое лето до тех пор, пока не повторит подвиги своих великих предшественников, и затем, может быть, написать книгу.

Уинстон был невысоким мужчиной, но ярко выраженная индивидуальность и уверенность в себе придавали ему вид рослого человека. Он неустанно занимался физическими упражнениями и поддерживал отличную форму, зная, что стресс так и косит финансистов на Уолл-стрите, и потому его лицо светилось здоровьем. Уинстон вошел в уже переполненный зал с торжественным видом только что избранного президента, возвращающегося в свою штаб-квартиру после успешно проведенной выборной кампании. Шаг его был твердым и уверенным, улыбка открытой и приятной. Довольный тем, что на сегодня достиг высшей точки в своей профессиональной жизни, он даже кивнул своему главному гостю.

- Рад снова видеть вас, Ямата-сан. - Джордж Уинстон протянул руку. - Вы проделали долгий путь.

- Разве я мог пропустить столь значительное событие? - учтиво ответил японский промышленник.

Уинстон усадил гостя в кресло у торца стола, а сам направился к своему креслу на противоположном конце. По сторонам длинного стола сидели юристы и представители инвестиционных компаний - как игроки соперничающих команд в момент ввода мяча из-за боковой линии в американском футболе, подумал Уинстон, проходя мимо них и стараясь не обнаруживать свои чувства.

Но ведь это, черт побери, единственный способ стать свободным, напомнил он себе. Первые шесть лет управления корпорацией прошли для него, как в сказочном опьяняющем сне, были самыми волнующими в его жизни. В начале пути его компания имела меньше двадцати клиентов, и он вкладывал их деньги в выгодные предприятия, увеличивая капитал и укрепляя свою репутацию. Сначала пришлось работать дома, вспомнил он, имея в своем распоряжении один компьютер и одну телефонную линию, постоянно беспокоясь о том, как прокормить семью. Любящая жена верила в него и всегда поддерживала, несмотря на беременность, причем у них оказались близнецы - об этом они узнали через четыре дня после того, как Уинстон покинул страховую компанию "Фиделити" и основал собственное дело. И все-таки она не упускала случая выразить свою любовь, преданность и веру в его успех. А Уинстон тем временем умело использовал свои незаурядные способности и природное чутье, стремительно

двигаясь к этому успеху. Когда ему исполнилось тридцать пять, он вообще-то уже достиг вершины. Два этажа в небоскребе на Уолл-стрите, роскошный кабинет, команда из блестящих молодых "ракетчиков", выполняющих конкретные задания. Именно тогда он впервые задумался о том, чтобы оставить финансовый рынок.

Принося огромные прибыли клиентам, Уинстон в то же время, разумеется, ставил на карту и собственные деньги. Теперь, после уплаты всех налогов, его личное состояние оценивалось в шестьсот пятьдесят семь миллионов долларов. Присущая ему осторожность и природный консерватизм не позволяли продолжать рискованную инвестиционную деятельность. К тому же его беспокоили тенденции в развитии рынка. Вот поэтому-то он и решил выйти из игры, забрать все деньги и вложить их в ценные бумаги, которые не обещали высокого дохода, но зато надежно предохраняли от краха. Даже самому Уинстону такой метод казался странным, но ему больше не хотелось заниматься финансами. Он знал, что будет скучать, уйдя из инвестиционного бизнеса. К тому же, поступив таким образом, он поневоле отказывался от редкостных возможностей разбогатеть еще больше, однако, напомнил себе. Уинстон, зачем ему столько денег? У него шесть роскошных особняков и в каждом по два автомобиля, вертолет, личный реактивный самолет и, наконец, самая дорогая его сердцу игрушка - яхта "Кристоболь".

Уинстон обладал всем, о чем мечтал, и даже при вложении денег в гарантированные ценные бумаги размеры его состояния будут непрерывно расти, обгоняя темпы инфляции, - личные потребности не позволят ему тратить весь получаемый ежегодно доход. Поэтому он разделил полученные им деньги на "портфели" по пятьдесят миллионов долларов каждый и доверил распоряжаться ими опытным и осторожным брокерам, работающим в самых разных инвестиционных фирмах, которые не сумели повторить его стремительного взлета, но чей опыт и честность не вызывали у него сомнений. Три года назад Уинстон начал в полной тайне искать человека, который бы выкупил его долю в "Коламбус групп" и смог бы достойным образом руководить деятельностью корпорации. К сожалению, единственным желающим оказался вот этот желтый ублюдок.

Разумеется, японец не приобретал корпорацию в личную собственность. Подлинными хозяевами ее являлись те, кто доверили Уинстону свои деньги, и он никогда не забывал об оказанном ему доверии. Даже приняв окончательное решение, он испытывал угрызения совести. Эти люди полагались на него и сотрудников корпорации, но в первую очередь именно на него, Джорджа Уинстона, потому что его имя служило гарантом успеха.

Доверие такого множества людей лежало, на плечах Уинстона тяжким бременем, он нес его с чувством гордости и сознанием ответственности, но всему когда-то приходит конец. Наступил момент, когда он должен уделить время семье, преданной жене и пяти детям. Он устал повторять им, что занят на работе, и слышать в ответ, что они понимают это. С одной стороны, в нем нуждались столько людей, с другой - всего несколько. Но разве эти несколько не были его самыми близкими?

Райзо Ямата вкладывал в покупку акций значительную часть собственного состояния и немалую долю корпоративных средств промышленных компаний, находящихся под его контролем. И хотя Уинстон настаивал на том, чтобы

осуществить сделку без большого шума, что было вполне понятным для тех, кто работали на инвестиционном рынке, избежать слухов оказалось невозможно, поэтому необходимо, чтобы деньги, изъятые из активов корпорации, были возмещены человеком, заменяющим его на посту президента. Это восстановит доверие вкладчиков. Кроме того, такой шаг еще больше укрепит связь между американскими и японскими финансовыми системами. Уинстон наблюдал за тем, как ставили подписи под документами, осуществляющими перевод денег между банками шести стран, ради чего управляющие этими банками все еще оставались в своих кабинетах в этот поздний для них час. Богатый и влиятельный человек этот Райзо Ямата.

Впрочем, нет, хитрый и ловкий, поправил себя Уинстон. После выпуска из Уортонской школы бизнеса он встречал множество умных и пронырливых дельцов, и все были расчетливыми и практичными людьми, пытающимися скрыть хищные инстинкты за маской добродушия. Он быстро научился распознавать их, это оказалось так просто. Ямата полагал, наверно, что унаследованные им черты позволяют более умело скрывать свои чувства, точно так же, как он, несомненно, считал себя очень проницательным финансистом, играющим в данном случае на понижение - или на повышение, улыбнулся Уинстон. Может быть, так оно и есть, а может - и нет, подумал он, глядя на сорокафутовый красный стол. Но почему на его лице не отражается никакого волнения? Японцы тоже испытывают эмоции. Уинстону приходилось иметь дело с финансистами из Страны восходящего солнца, и всякий раз они выражали удовольствие, если удавалось добиться крупного успеха на Уолл-стрите. Стоит им выпить немного, и по поведению их вообще трудно отличить от американцев. Да, конечно, они сдержаннее, может быть, немного застенчивы, но неизменно вежливы, что очень нравилось Уинстону. Жителям Нью-Йорка было бы неплохо перенять у них манеру держаться. Вот оно, вот в чем дело, понял Уинстон. Ямата вежлив, как и все японцы, но вежливость его неискренняя. Для него она всего лишь прикрытие, за которым скрывается маленький робот без чувств и эмоций. А застенчивостью тут и не пахнет...

Пожалуй, нет, это тоже не объяснение, подумал Уинстон, наблюдая за тем, как документы передвигаются все ближе к нему. Просто стена, отделяющая Ямату от остального мира, выше и толще, чем у других людей, и потому лучше скрывает его чувства. Зачем ему понадобилось воздвигать такую стену, изолировать себя от окружающих? Ведь в этом зале нет необходимости оставаться в одиночестве, здесь он среди равных, более того, его окружают партнеры. Ямата только что поставил подпись под документами, передающими Уинстону значительную часть своего состояния, и теперь его личное благополучие зависело от благополучия партнеров. Выплатив Уинстону почти двести миллионов долларов, Ямата стал обладателем более одного процента денежных средств, находящихся в распоряжении "Коламбус групп". Это сделало его самым крупным вкладчиком. Теперь он мог контролировать каждый доллар, каждую акцию и каждый опцион, составляющие активы гигантской корпорации. Да, конечно, "Коламбус" не была самой крупной инвестиционной фирмой на Уолл-стрите, но все-таки входила в число лидеров. На эту корпорацию обращали внимание, интересовались направлением ее развития, тенденциями деятельности. Ямата стал руководителем не просто инвестиционной фирмы, теперь он вошел в

число избранных, занял место в иерархии дельцов Уолл-стрита, управляющих финансами страны. Его имя, ранее почти неизвестное в Америке, будут произносить с уважением. Только этого было достаточно, чтобы на лице японского финансиста появилась улыбка, подумал Уинстон. Но нет, оно осталось непроницаемым и бесстрастным.

Вот и последний документ, его передал один из заместителей, который станет заместителем Яматы, как только на документе появится его, Уинстона, подпись. Как все просто! Одна-единственная подпись, ничтожное количество синих чернил, нанесенных на бумагу определенным образом, - и конец одиннадцати годам напряженного труда. Эта подпись передавала дело в руки человека, намерения которого оставались загадкой.

А зачем мне понимать их? - подумал он. Ямата будет продолжать добывать деньги для себя и для остальных - точно так же, как это делал я сам. Уинстон достал ручку и, не поднимая головы, поставил подпись. Если его интересовали намерения Яматы, об этом нужно было думать раньше.

Он услышал хлопок пробки от шампанского и, посмотрев вокруг, увидел улыбающиеся лица своих бывших подчиненных. Заключив эту сделку, он стал для них символом успеха. Ему всего сорок лет, он обладает огромным состоянием, добился неслыханного успеха и сумел оставить деятельность, требующую такого неотступного напряжения. Теперь он сможет наслаждаться плодами своего труда. Какими бы умными ни были окружающие его люди, вряд ли у кого-либо из них хватит смелости попытаться повторить пройденный им путь. Но даже в этом случае почти все потерпят неудачу, подумал Уинстон. И все-таки он превратился для них в живой символ, подтверждающий возможность успеха. Какими бы циничными и крутыми ни были эти профессионалы инвестиционного бизнеса, у всех в глубине души скрывалась одна мечта - составить состояние и уйти от дел, избавиться от невероятного напряжения, вечных поисков, как удачнее вложить капитал, в стопках оценок, докладов и аналитических обобщений, как завоевать репутацию, привлечь к себе побольше клиентов и их денег. Схватить сундук с золотом у края радуги - и тут же отыскать выход. Яхта, особняк во Флориде, другой на Виргинских островах, еще один в горном Аспене, возможность иногда поспать до восьми утра, поиграть в гольф. Привлекательность такого будущего была неотразимой.

Тогда почему не воспользоваться предоставившейся возможностью сейчас?

Боже милостивый, что он наделал? Вот проснется завтра утром и не будет знать, чем заняться. Неужели можно разом отключиться от всего этого?

Поздновато спохватился, Джордж, напомнил он себе, протягивая руку за бокалом французского шампанского и делая традиционный глоток. Потом поднял бокал в молчаливом тосте, обращенном к Ямате, как того требовала традиция. И тут он увидел улыбку на лице японца, - улыбку, которой следовало ожидать, но которая удивила его. Это была улыбка победителя. Но почему? - спросил себя Уинстон. Ямата заплатил запрошенную сумму. В такой сделке не бывает победителей или побежденных. Уинстон забирал свои деньги, Ямата вкладывал свои. И все-таки эта насмешливая улыбка казалась какой-то неуместной, особенно потому, что Уинстон не мог понять ее причины. Он пил игристое вино, пытаясь разобраться в происшедшем. Будь улыбка дружеской и вежливой, все было бы в порядке. Но за нею скрывалось что-то другое. Их взгляды

перехлестнулись, хотя никто не заметил этого, и, хотя здесь не произошло никакого сражения и не было победителя, создалось впечатление, что за столом происходили военные действия.

Как это понять? Уинстон тут же обратился за ответом к своим инстинктам. Что мелькнуло во взгляде Яматы - жестокость? Может быть, он относится к числу тех финансистов, которые рассматривают свою деятельность на Уолл-стрите как битву? Когда-то Уинстон тоже придерживался такой точки зрения, но с годами перерос ее. Конкуренция всегда была ожесточенной, но проходила в цивилизованных рамках. На Уолл-стрите все соперничали друг с другом, но это соперничество, пусть временами жестокое, оставалось дружеским до тех пор, пока все придерживались одинаковых правил.

Значит, вы не собираетесь принимать участие в биржевой игре? - захотел спросить Уинстон и тут же понял, что уже слишком поздно.

Он попробовал новый тактический ход, стараясь разобраться в этой схватке, начавшейся так неожиданно, и снова поднял бокал в молчаливом тосте, глядя на преемника, в то время как все остальные в зале продолжали беседовать друг с другом, не обращая внимания на происходящее. Ямата ответил ему тем же, и на лице его появилось еще более высокомерное выражение, словно он стремился выразить презрение по отношению к глупости человека, только что уступившего ему контрольный пакет.

Но разве всего несколько минут назад вы не скрывали так умело свои чувства? - мысленно спросил Уинстон. Тогда почему такое открытое презрение? Неужели вы считаете, что добились чего-то... куда более значительного, чем мне известно? Но чего?

Уинстон повернул голову и посмотрел на зеркальную гладь гавани. Внезапно ему надоела эта игра, пропал интерес к победе, которую, как считает этот желтый ублюдок, он, японец, одержал..

Ну и черт с тобой, подумал он, я уже далек от всех этих сражений и войн. Я ничего не потерял, наоборот, обрел свободу, получил деньги, у меня теперь есть все. Отлично, теперь вы стали главой корпорации, будете управлять ею, грести деньги, для вас всегда будет место в любом клубе и ресторане Нью-Йорка, вы можете тешить себя своим могуществом, и, если считаете, что одержали победу, пусть будет так. Но это не победа над кем-то, подумал

Уинстон.

Жаль, конечно. Уинстон со своей обычной проницательностью понял все, опознал все составляющие, относящиеся к делу. Однако впервые в жизни ему не удалось собрать эти составляющие в единое целое. Это не было его виной. Уинстон отлично разбирался в собственной игре, но ошибочно предполагал, что все остальные играют в нее же. Он просто не знал, что есть и другие игры.

Чет Номури прилагал все усилия, чтобы не обнаружить в себе американского гражданина. Он принадлежал к четвертому поколению японцев, поселившихся в Соединенных Штатах, - первый из его предков прибыл в Америку в самом начале века, еще до заключения "джентльменского соглашения" между Японией и Америкой, ограничивающего дальнейшую иммиграцию. Он почувствовал бы себя оскорбленным, если бы всерьез задумался над этим. Куда более

серьезным оскорблением было происшедшее с его предками, несмотря на то что они стали уже полноправными американскими гражданами. Дед Чета с радостью воспользовался предоставившейся возможностью доказать свою преданность родине, служил в 442-й полковой боевой группе, вернулся домой с двумя "Пурпурными сердцами" за ранения и нашивками главного сержанта. Там он обнаружил, что семейное предприятие - магазин конторских принадлежностей - продано за бесценок, а семья интернирована в лагерь для лиц японской национальности. Проявив стоическое терпение, он начал все с самого начала, создал предприятие с новым и недвусмысленным названием "Конторская мебель ветерана", заработал достаточно денег, чтобы заплатить за обучение трех сыновей в колледже и за их дальнейшее образование. Отец Чета стал хирургом и занимался операциями на сосудах - это был невысокий бодрый мужчина, родившийся в лагере. По этой причине и чтобы порадовать его деда, родители вместе со знанием языка сохранили некоторые японские традиции.

И сделали это весьма кстати, подумал Номури. За несколько недель ему удалось преодолеть проблему акцента, и теперь, сидя в токийской бане, он говорил по-японски так хорошо, что сидящие с ним рядом задумывались только о том, из какой префектуры он приехал. У него были документы на выходца из нескольких префектур. В действительности он являлся оперативным агентом Центрального разведывательного управления, выполнял задание Министерства юстиции, и при всем этом Госдепартамент даже не подозревал о его существовании. От своего отца-хирурга он научился смотреть только вперед, заниматься тем, что ему по плечу, и никогда не оглядываться назад, вспоминая о том, чего изменить уже никак нельзя. Вот почему его семья незаметно, постепенно и с таким успехом обосновалась в Америке, напомнил себе Чет, сидя по горло в горячей воде.

Правила поведения в японской бане очень просты. Тут можно говорить о чем угодно, кроме своей работы, и даже о работе тоже можно говорить при условии, что речь идет о слухах и сплетнях, а не о конкретных деталях того, как ты зарабатываешь деньги и какие сделки заключаешь. При такого рода ограничениях практически все было открыто для обсуждения в этой на удивление неформальной обстановке, несмотря на крайнюю скрытность, существующую в этом самом закрытом в мире обществе. Номури появлялся в бане каждый день примерно в одно и то же время и делал это уже достаточно долго, чтобы те, кто встречались с ним здесь, успели познакомиться и почувствовать к нему дружеское расположение. Теперь он уже знал все об их женах и семьях, а они знали все о его семье - вернее, о семье из "легенды", придуманной им для себя и ставшей для него такой же реальной, как жизнь в том районе Лос-Анджелеса, где он вырос.

- Мне нужна любовница, - в который раз повторил Кацуо Таока. - С тех пор как у нас родился сын, жене нужен только телевизор.

- Женщины вечно жалуются, - согласился другой служащий при одобрении остальных мужчин, сидящих в бассейне.

- Любовница дорого обходится, - заметил Номури - он сидел в углу бассейна, пытаясь догадаться, о чем говорят жены, сидя в бассейнах своих банных отделений. - На нее надо тратить много денег и времени.

Из этих двух понятий - деньги и время - последнее было более важным.

Каждый из молодых служащих, с которыми познакомился в бане Номури, - оказалось трудно провести границу между теми, кто были просто клерками, и теми, кто занимали руководящие должности, потому что в Японии граница между этими двумя категориями была весьма расплывчатой, - неплохо зарабатывал, однако за высокое жалованье приходилось платить: они были навсегда прикованы к своим корпорациям, как углекопы к шахтам Теннесси во времена Эрни Форда. Обычно им приходилось вставать еще до рассвета, ехать на пригородном поезде, допоздна и без отдыха работать в переполненных офисах, возвращаясь домой, когда жена и дети уже спят. И хотя Номури еще до приезда в Токио многое узнал о Японии из телевизионных программ и материалов, предоставленных в его распоряжение, он все-таки был потрясен тем, как напряженная работа и непреходящее стрессовое состояние разрушительно действуют на социальную структуру общества, здесь даже сама семейная жизнь уже находилась под угрозой. Все это особенно удивляло Номури, потому что именно традиционная прочность японской семьи позволила его предкам выжить и добиться успеха в Америке, где расизм казался почти непреодолимым препятствием.

- Это верно, дорого, - мрачно согласился Таока, - но где еще мужчина найдет то, что ему требуется?

- Да, - донесся голос с другой стороны бассейна. Вообще-то, скорее, это была огромная ванна. - Стоит дорого, но сколько не заплатишь за то, чтобы почувствовать себя мужчиной?

- А вот для наших боссов все куда проще, - заметил Номури, не зная, куда может завести этот разговор. Он все еще находился на предварительной стадии своего задания, все еще создавал основу для осуществления своей операции, не спешил, выполняя приказание, данное ему Эдом и Мэри-Пэт Фоули.

- Ты бы только видел, как хорошо устроился Ямата-сан, - заметил другой служащий и многозначительно засмеялся.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Таока.

- Он - приятель Гото, - заговорщицки пояснил тот.

- А-а, политикана - да, конечно!

Номури оперся спиной о стенку бассейна и закрыл глаза, чувствуя, как горячая вода обволакивает и расслабляет его, и стараясь не обнаружить интереса, хотя его мозг заработал, как магнитофон, записывая каждое слово.

- Политикан, - сонно пробормотал он. - Хм...

- В прошлом месяце мне довелось отвезти ему кое-какие документы, недалеко отсюда, дом в тихом месте. Бумаги касались предстоящей сделки, которую, кстати, он заключил сегодня. Хозяином дома оказался Гото, они развлекались. Меня пустили внутрь. Похоже, Ямата-сан хотел, чтобы я посмотрел, как они живут. Вы бы только видели девушку, которая сидела с ними... - В голосе говорившего прозвучал благоговейный трепет. - Высокая блондинка, а груди...

- И где только они покупают себе американских любовниц? - похотливо хихикнув, вмешался в беседу еще один из присутствовавших.

- И девушка знала свое место, - продолжал рассказчик. - Пока Ямата-сан просматривал документы, она терпеливо сидела и молчала. И никакого стыда. А какие груди! - закончил он.

Значит, слухи о Гото соответствуют действительности, подумал Номури. И

как только, черт побери, такие люди достигают подобных вершин в политике? - мысленно спросил он и лишь через секунду укорил себя за глупость такого вопроса. Политические деятели вели себя так еще до начала Троянской войны.

- Продолжай, продолжай не останавливаясь, - настоятельно попросил рассказчика Таока. Тот начал говорить дальше. Он приковал к себе восторженное внимание слушателей, которые уже знали все, что только можно знать, о женах присутствующих и теперь желали побольше узнать о "новой" девушке во всех клинических подробностях.

- Да кому нужны эти американки? - недовольно пробормотал Номури, не открывая глаз. - Высокие, большеногие, развязные и...

- Пусть рассказывает дальше, - прервал его чей-то возбужденный голос.

Номури пожал плечами, подчиняясь воле большинства, но запоминая при этом каждое слово. Служащий, возивший документы Ямате, сумел заметить достаточно много, и меньше чем через минуту у Номури было подробное описание внешности девушки. Его отчет об услышанном в бане через местного резидента будет послан в Лэнгли - ЦРУ вело подробную картотеку, куда заносились личные привычки политических деятелей всех стран мира. В разведывательном сообществе не существовало ненужных фактов, хотя Номури надеялся получить более полезную для него информацию, чем сексуальные наклонности Гото.

Они отчитывались об осуществленной операции на "Ферме" - ее официальное название Форт-Пири, - которая служила лагерем подготовки ЦРУ и располагалась недалеко от магистрального шоссе 64, между Уильямсбургом и Йорктауном, в штате Виргиния. Прохладительные напитки осушались банка за банкой. Оба оперативника, склонившись над картами, рассказывали о своем шестинедельном пребывании в песчаной пустыне, которое закончилось так успешно. По сообщению Си-эн-эн суд над Корпом начнется на следующей неделе. Исход его нетрудно было предугадать. Где-то в этой экваториальной стране уже купили пятнадцать футов пеньковой веревки толщиной в три четверти дюйма, и теперь оба агента ЦРУ пытались догадаться, откуда там возьмут бревна на постройку виселицы. Наверно, закупят за границей, подумал Кларк. За шесть недель они не увидели там ни одного дерева.

- Ну что ж, - заметила Мэри-Пэт Фоули, выслушав их отчет, - похоже, все прошло гладко, парни.

- Спасибо, мэм, - галантно ответил Динг. - Джон умеет мастерски подать результаты своей работы.

- Это приходит с опытом, - усмехнулся Кларк. - Как дела у Эда?

- Привыкает к своему месту, - лукаво улыбнулась заместитель директора ЦРУ по оперативной деятельности. Когда-то она вместе с мужем проходила обучение на "Ферме", и Кларк был одним из их преподавателей. Несколько лет назад Мэри-Пэт и ее муж являлись одной из лучших оперативных групп в управлении, причем, если уж говорить правду, Мэри-Пэт обладала отличными данными для оперативной работы, тогда как Эд лучше всего проявил себя при планировании операций. В таких обстоятельствах более высокую должность следовало бы предложить ему, однако с политической точки зрения, предпочтительнее выглядело назначение Мэри Пэт. Как бы то ни было, они продолжали работать вместе, являясь по сути дела двумя заместителями одного

директора, несмотря на то что должность самого Эда была несколько туманной. - Вам обоим, между прочим, следует отдохнуть несколько дней, а тем временем прибудет официальная благодарность с другого берега Потомака. - И для одного и для другого получать такие награды было не впервой. - Джон, тебе, наверно, пора вернуться и заняться своей работой. - Она имела в виду возвращение на постоянную преподавательскую работу в ЦРУ. Управление расширяло свои человеческие активы - бюрократический термин, означающий увеличение числа оперативных агентов (известных для врагов США как шпионы), которые будут заниматься непосредственной разведывательной деятельностью. Миссис Фоули предлагала Кларку принять участие в их подготовке. В конце концов, двадцать лет назад он сумел отлично подготовить ее и ее мужа к оперативной работе.

- Для этого вам придется отправить меня в отставку. Мне нравится здесь.

- Видите ли, мэм, он последнее время поглупел, - хитро улыбнулся Чавез.

- По-моему, это влияние старости.

Миссис Фоули больше не настаивала. Эти двое принадлежали к числу ее лучших оперативников, и ей не особенно хотелось прерывать их успешную деятельность.

- Ну хорошо, парни. Будем считать ваш отчет законченным. Сегодня вечером Оклахома играет с Небраской.

- Как дети, МП? - спросил Кларк, сокращенно назвав Мэри-Пэт - мало кто в управлении мог позволить себе такое обращение к ней.

- Все в порядке, Джон. Спасибо за внимание. - Миссис Фоули встала и направилась к выходу. Вертолет ждал ее, чтобы доставить обратно в Лэнгли. Ей тоже хотелось посмотреть трансляцию матча.

Кларк и Чавез обменялись взглядами, как обычно после успешного завершения дела. Операция "Пешеход" была теперь в прошлом, материалы после официального одобрения ЦРУ, а в данном случае еще и Белого дома будут переданы в архив.

- Уже много времени, мистер К.

- Просто тебе не терпится, а? Подвезти тебя?

- Если это не составит для вас большого труда, сэр, - вежливо ответил

Динг.

Джон Кларк окинул взглядом своего напарника. Да, он явно приготовился к встрече. Черные волосы коротко подстрижены, исчезла темная густая борода, скрывавшая его лицо в Африке. Даже нацепил под пиджак белую рубашку с галстуком. Тоже мне, жених, фыркнул про себя Кларк, хотя, подумав, мог бы вспомнить, что Динг прежде служил в армии, а солдаты, возвратясь с поля боя, стараются стереть с себя все, что напоминает им об их трудной профессии. Ну что ж, вряд ли стоит сетовать на то, что парень старается выглядеть прилично, верно? При всех недостатках Динга, Кларк всегда отдавал ему должное.

- Пошли. - "Форд" Кларка стоял на обычном месте, и через пятнадцать минут они были у его двухэтажного дома на окраине Камп-Пири. Это была обычная фермерская постройка на разных уровнях. Теперь дом казался пустым. Маргарет Памела Кларк, старшая дочь Джона, училась в университете Маркуэта, а Патриция Дорис Кларк предпочла продолжать учебу недалеко от дома, в колледже Уильяма и Мэри в соседнем Уильямсбурге, выбрав следом за матерью

профессию хирургической сестры. Сейчас Пэтси ожидала их, стоя на крыльце.

- Папа! - Девушка кинулась к отцу и, обняв, поцеловала. затем последовало то, что в последнее время стало более важным для нее. - Динг! - На этот раз Чавеза она только обняла, заметил Кларк, но эта сдержанность ни на миг не обманула отца.

- Привет, Пэтс. - Динг взял ее за руку, и они вместе вошли в дом.

4. Деятельность

- У нас иные требования, - настаивал один из участников переговоров.

- Какие именно? - терпеливо спросил другой.

- Сталь для изготовления топливного бака, как и конструкция последнего, уникальна. Сам я не инженер, но специалисты говорят, что это именно так и что любые изменения нанесут ущерб разработанной ими конструкции. К тому же, - продолжил он, стараясь объяснить суть дела, - немалое значение имеет место производства деталей. Как вы знаете, многие автомобили, собранные на заводе в Кентукки, отправляются для продажи в Японию. В случае повреждений, когда необходимо заменить отдельные детали или узлы, это можно осуществить немедленно, если эти детали и узлы производятся на месте. Если же они будут производиться в Америке, что предлагаете вы, на ту же операцию потребуются гораздо больше времени.

- Сейджи, мы говорим сейчас о топливном баке автомобиля. Он состоит из пяти листов оцинкованной стали, вырезанных и изогнутых по шаблону, а затем сваренных в одно целое. Емкость бака - девятнадцать галлонов. Там нет движущихся частей, - вмешавшись, напомнил японцу представитель Госдепартамента. В процессе переговоров он играл роль посредника, за что и получал деньги. Обратившись к сотруднику японской миссии, он не сумел скрыть раздражения.

- Это верно, но собственно сталь, способ ее производства, соотношение присадок в сплаве - все это соответствует спецификации...

- Но этот стандарт одинаков во всем мире.

- К сожалению, это не так. Технические условия нашего производства исключительно высоки, к ним предъявляются особые требования, намного превосходящие те, что существуют в остальных странах мира. Я вынужден указать на то, что процесс изготовления топливных баков на заводе в Дирфилде не отвечает нашим требованиям. По этой причине нам приходится с крайним сожалением отклонить ваше предложение. - На том и закончилась очередная фаза переговоров. Японский представитель, в костюме от "Братьев Брукс" и галстук от Пьера Кардена, откинулся на спинку кресла, стараясь не казаться излишне самодовольным. У него был большой опыт переговоров такого рода, и он умел вести их - в конце концов это было его специальностью. К тому же с течением времени вести такие переговоры становилось все легче.

- Ваше решение вызывает у нас глубокое разочарование, - заметил представитель министерства торговли. Разумеется, ничего другого он и не ожидал и потому тут же открыл страницу, касающуюся следующего пункта переговоров по торговле между США и Японией. Все происходящее, напомнил он себе, походит на греческий театр, какой-то гибрид трагедии Софокла с

комедией Аристофана. Приступая к переговорам, ты уже точно знаешь, чем они закончатся. В этом американец был прав, вот только не подозревал, каким будет окончательный исход.

Суть переговоров была определена за несколько месяцев, задолго до того, как натолкнулись на проблему топливного бака. Оглядываясь в прошлое, трезвые умы вполне могут назвать это случайностью, одним из тех странных совпадений, которые оказывают влияние на судьбы наций и их правительств. Как это часто происходит, все началось из-за простой ошибки, случившейся, несмотря на самые строгие меры предосторожности. Плохой электрический контакт - всего лишь простой контакт! - привел к тому, что напряжение тока, подаваемого в гальваническую ванну, упало, и соответственно снизилась плотность разряда в ванне, где находились листы стали, погруженные в горячий электролит. Это, в свою очередь, замедлило процесс гальванизации, и в результате стальные листы оказались покрыты всего лишь тончайшим слоем цинка, хотя и казались полностью оцинкованными. Дефектные листы сложили на поддоны, скрепили стальными полосами и обернули в пластик. Допущенная погрешность усугубится еще больше при обработке листов и сборке топливных баков.

Завод, производивший баки для автомобилей, не входил в состав автозавода. Как и в Америке, крупные японские автозаводы, которые заняты сборкой автомобилей и ставят на них свой фирменный знак, покупают многие комплектующие у небольших компаний, каждая из которых производит только одну из них. В Японии отношения между большими заводами и маленькими, производящими отдельные детали, являются одновременно устойчивыми и жесткими: устойчивые они потому, что обычно долговременны, а жесткие из-за того, что большие заводы диктуют свои условия, вынуждая маленькие компании подчиняться, так как всегда существует опасность, что основной завод откажется от выпускаемой ими продукции и заключит договор с другой компанией. Правда, такое редко происходит открыто. Обычно делаются косвенные намеки вроде доброжелательных замечаний по поводу организации дел в компании, упоминания о том, какие умные и вежливые дети у ее хозяина, или о том, что кто-то со сборочного завода видел его на прошлой неделе на стадионе или в бане. Форма замечаний не имела особого значения, зато смысл их всегда был собеседнику ясен и недвусмыслен. В результате небольшие заводики, занимающиеся производством отдельных деталей, не принадлежали к числу тех показательных предприятий японского машиностроения, которые так любят демонстрировать по телевидению в других странах. У рабочих этих заводиков не было комбинезонов с названием фирмы, они не обедали в роскошных кафетериях рядом с руководством компании и трудились отнюдь не в стерильно чистых, образцово организованных цехах. Заработная плата таких рабочих тоже заметно отличалась от превосходно разработанной системы оплаты труда в крупных фирмах, и, хотя система пожизненной занятости в последних уже становилась фикцией даже для самых квалифицированных рабочих, на всех остальных предприятиях ее вообще никогда не существовало.

На одном из таких невзрачных заводов полученные пачки стальных листов развернули и каждый из них вручную подали на резку в соответствии с шаблонами. Отходы были собраны и отправлены обратно для вторичной

переработки. Каждая полученная деталь в точности соответствовала заданным размерам, а допуски не превышали долей миллиметра, даже если покупатель никогда не обратит внимания на такую невидимую часть автомобиля, как топливный бак. Раскроенные заготовки из стального листа подали на другие станки, где их, нагрев, сгибали, полученные цилиндры сваривали и тут же к ним приваривали изогнутые торцы. За всем процессом наблюдал только один рабочий. К заранее проделанным с двух сторон отверстиям крепили изогнутую трубу, которая заканчивалась крышкой, и бензопровод, ведущий к двигателю. Прежде чем баки покидали цех, их опрыскивали эпоксидным герметиком, предохраняющим металл от коррозии. Герметик имел прочное сцепление с металлом, создавая пленку, которая навсегда защищала бак от ржавчины и утечки горючего. Это был типичный пример японской технологии, простой и элегантной, только на этот раз она не сработала из-за пониженного напряжения при гальванизации. Хотя образовавшаяся пленка обладала достаточной жесткостью и прошла визуальный контроль, сцепление герметика с металлом оказалось недостаточным. Готовые топливные баки поступали по конвейеру в упаковочное отделение, где их укладывали в картонные коробки и отправляли на склад. Половину коробок с баками везли в контейнерах на сборку на автомобильный завод, а другая половина в точно таких же контейнерах направлялась в порт. Там контейнеры с топливными баками грузили на корабли, которые доставляли их в Соединенные Штаты. Топливные баки устанавливали на почти такие же автомобили на сборочном заводе, принадлежащем той же транснациональной корпорации, вот только завод располагался в американском штате Кентукки, а не в Кванто-Плейн, близ Токио.

Это произошло за несколько месяцев до того, как вопрос был поставлен на повестку дня торговых переговоров между США и Японией. На протяжении этих месяцев были изготовлены тысячи автомобилей с дефектными топливными баками, и все они благополучно миновали обычно исключительно требовательные отделы технического контроля на заводах, отделенных друг от друга шестью тысячами миль моря и суши. Автомобили, собранные в Японии, грузились в трюмы поразительно безобразных кораблей с мореходными характеристиками барж. После погрузки эти суда отправлялись через северную часть Тихого океана с его осенними штормами в Америку. Соленый воздух через вентиляционную систему проникал в трюмы к стоящим там автомобилям. Все шло неплохо до тех пор, пока одно из судов не пересекло надвигающийся воздушный фронт и холодный воздух быстро уступил место теплоту. Мгновенное изменение относительной влажности подействовало на соленый воздух внутри топливных баков, и на их внутренней поверхности, за слоем так и незакрепившегося герметика, начала образовываться соленая жидкость. Содержащаяся в ней морская соль стала разъедать мягкую сталь, лишенную защитного цинкового покрытия, корродируя емкости, предназначенные для хранения высокооктанового бензина.

Райан отметил, что, несмотря на все свои отнюдь не лучшие черты, Корп встретил смерть мужественно и с достоинством. Джек только закончил просмотр видеопленки, которую компания

Си-эн-эн сочла неподходящей для показа в телевизионных новостях. После произнесенного приговора, перевод которого на двух листах лежал перед

Райаном, на шею приговоренного накинута петля, под ним открылся люк, и телевизионная камера оператора Си-эн-эн крупным планом показала дергающееся тело. Через пару минут тело бессильно обвисло. Тем самым завершился очередной этап в истории этой страны. Мухаммед Абдул Корп, бандит, убийца, торговец наркотиками, был мертв.

- Надеюсь, в результате всего этого мы не создали образ еще одного мученика, - произнес Бретт Хансон, нарушив напряженную тишину.

- Господин государственный секретарь. - Райан повернулся в сторону своего гостя, читавшего перевод последних слов Корпа. - Всех мучеников отличает одна черта.

- Какая именно, Райан?

- Они покойники. - Райан сделал паузу. - Но этот человек умер не за Бога и не за свою страну. Он умер за преступления, которые совершил. Его повесили не за то, что он убивал американцев. Его повесили за торговлю наркотиками и убийства, которые он чинил над соплеменниками. Из таких людей не получаются мученики, так что насчет этого можно не беспокоиться, - закончил Джек, бросая не прочитанные им страницы в корзину для бумаг. - Итак, что нового об Индии?

- С дипломатической точки зрения - ничего.

- Мэри-Пэт? - Джек обернулся к заместителю директора ЦРУ.

- На юге страны усиленная мотострелковая бригада проводит напряженные учения. Два дня назад мы получили снимки с разведывательного спутника. На наш взгляд, бригада проводит учения как единое боевое соединение.

- Есть информация от агентов?

- Там у нас нет оперативников, - призналась Мэри-Пэт, повторяя то, что уже стало привычным заклинанием для ЦРУ. - Извини, Джек. Пройдут годы, прежде чем у нас появятся агенты всюду, где нам это необходимо.

Райан что-то проворчал себе под нос. Спутниковые снимки дают представление о происходящем, однако это всего лишь фотографии и не более того. На них видны очертания и формы, но не мысли действующих лиц. А для оценки ситуации Райану требовались мысли. Он вспомнил, что Мэри-Пэт делает все возможное в этом отношении.

- Разведка ВМС сообщает, что индийский военно-морской флот непрерывно маневрирует, и, судя по всему, его задача - преградить доступ к острову, - сказала Мэри-Пэт.

Это верно, подумал Райан. На спутниковых фотографиях было видно, что десантные корабли Военно-морского флота Индии разделились на две группы. Одна находилась в море, примерно в двухстах милях от своей базы, занимаясь учениями. Вторая зашла в ту же самую военно-морскую базу, где корабли проходили техническое обслуживание и грузили припасы. От того места, где проводились учения мотострелковой бригады, до базы было далеко, но их соединяла железная дорога. Аналитики ежедневно проверяли состояние железнодорожных станций на обеих базах и наличие на них подвижного состава. По крайней мере для этого вполне годились спутниковые фотографии.

- Значит, у Госдепа никакой информации? Насколько я помню, у нас там опытный и знающий посол.

- Мне не хочется нажимать на него. Это может нанести ущерб нашему

влиянию, - заявил государственный секретарь.

Миссис Фоули едва удержалась от презрительной гримасы.

- Господин госсекретарь, - терпеливо произнес Райан, - ввиду того что в настоящее время мы не имеем там никакого влияния и не получаем отсюда информации, любые сведения, присланные послом, могут оказаться полезными. Вы сами сообщите ему об этом или хотите, чтобы это сделал я?

- Он работает на меня, Райан. - Джек сосчитал до десяти, прежде чем ответить на это резкое замечание. Он ненавидел стычки между департаментами, хотя такого рода игры, по-видимому, были любимым видом спорта у исполнительной власти.

- Он работает не на вас, а на Соединенные Штаты Америки. В конечном счете он работает на президента. Я должен информировать президента о том, что происходит в Индии, и мне нужны сведения. Прошу вас, передайте послу, чтобы он проявил побольше инициативы. В штате посольства есть резидент ЦРУ и три атташе разных родов войск. Я хочу, чтобы все они взялись за работу. Суть ее заключается в том, чтобы подтвердить - или опровергнуть - то, что представляется нашему военно-морскому флоту и мне как подготовка к вторжению в суверенное государство. Мы должны предотвратить это.

- Я не верю, что Индия решится на такой шаг, - раздраженно заметил Бретт. Хансон. - Мне доводилось встречаться с их министром иностранных дел, и я не заметил ни малейшего намека на...

- Ну хорошо, - прервал его Райан, стараясь смягчить боль, которую должны были причинить его слова. - Отлично, Бретт. Однако намерения могут меняться, а у нас создалось впечатление, что индийцам не нравится присутствие нашего флота в этом регионе. Мне нужна информация. Я прошу вас сообщить об этом послу Уильямсу. Он умный человек, и я полагаюсь на его мнение. Такова моя просьба. Если этого недостаточно, я могу обратиться к президенту, и он прикажет вам то же самое. Решайте сами, господин госсекретарь.

Хансон взвесил свои возможности и кивнул, стараясь сохранить чувство собственного достоинства. Райан только что решил проблему в Африке, которая два года не давала покоя Роджеру Дарлингу, и потому в настоящий момент пользовался расположением президента. Редко случается, чтобы государственный служащий повысил шансы президента на переизбрание. В средства массовой информации уже просочились слухи о том, что ЦРУ сыграло активную роль в поимке Корпа, и пресс-атташе Белого дома почти не отрицал этого. По мнению госсекретаря, подобные методы во внешней политике далеки от идеальных, но это будет рассматриваться в другом месте и при других обстоятельствах.

- Теперь Россия, - произнес Райан, переходя к следующему вопросу.

Инженер космодрома Йошиноби знал, что не он первый обратил внимание на красоту зла. И, уж конечно, первым, кто сделал это, не мог быть японец, представитель страны, где стремление к совершенству началось скорее всего с той заботы и того внимания, которое уделялось изготовлению метровых двуручных мечей катана - оружия самураев. Их лезвия бесконечно долго отбивали молотком, переворачивали, отбивали снова и переворачивали опять, десятки раз повторяя процесс, что приводило к образованию пластинчатой

стали, состоящей из миллиона слоев, - и все это делалось из одной первоначальной отливки. Столь кропотливая работа требовала немалого терпения от будущего владельца, временами впадавшего в уныние и подавленность, которыми славился тот век. И все-таки, несмотря ни на что, ему приходилось терпеть, потому что самураю нужен меч, а изготовить его мог только искусный мастер.

Но это не сегодня. Современный самурай - если так можно его называть - пользовался телефоном и настаивал на немедленных результатах. Ничего не поделаешь, ему все равно придется ждать, подумал инженер, глядя на стоявший перед ним предмет.

По сути дела предмет этот представлял собой тщательно разработанный обман, однако хитроумие обмана и красота вложенного в него технического замысла вызвали восхищение инженера, тоже принимавшего участие в его создании. Разъемы на боку были фальшивыми, но об этом знали всего шесть человек, и последним из них был инженер, который спускался сейчас по металлической лестнице на среднюю площадку башни. Отсюда лифт доставит их к бетонному основанию стартового комплекса. Там уже стоял наготове автобус, который отвезет всю группу в бункер управления пуском. Войдя в автобус, инженер снял белый пластиковый защитный шлем и попытался расслабиться. Десять минут спустя он сидел в удобном вращающемся кресле и пил чай. Вообще-то необходимости присутствовать в бункере и на стартовой площадке не было, но, когда ты сумел добиться чего-то выдающегося, всегда хочется стать свидетелем своего триумфа. К тому же это совпадало с желанием Ямата-сана.

Ракету-носитель Н-11 разработали совсем недавно. Это будет всего лишь второй ее запуск. Принципиальная схема Н-11 основывалась на советской технологии, на конструкции одной из последних межконтинентальных баллистических ракет, созданных русскими незадолго до распада своего государства, и Ямата-сан весьма дешево купил лицензию (правда, в твердой валюте). Затем он передал чертежи своим специалистам для доработки. Добиться этого оказалось нетрудно. Высококачественная сталь для корпуса и улучшенная система наведения позволили уменьшить вес ракеты на целых 1200 килограммов, а после некоторых изменений в химическом составе твердого топлива тяга двигателей должна возрасти на семнадцать процентов. Японские ракетчики проявили себя с лучшей стороны и сумели добиться таких успехов, что привлекли внимание американских специалистов из НАСА. Трое из них сидели сейчас в бункере в качестве наблюдателей. Не правда ли, поразительная ирония судьбы?

Стартовый отсчет прошел в соответствии с планом. Башня откатилась на рельсах. Прожекторы ярким светом залили ракету, которая возвышалась на пусковой площадке подобно монументу, однако это был отнюдь не тот монумент, который рассчитывали увидеть американцы.

- У вас чертовски большой приборный отсек, - заметил насовец.

- Мы хотим убедиться в способности выводить на орбиту тяжелую последнюю ступень, - отозвался один из японских инженеров-ракетчиков.

- Ну что ж, поехали!

Вспышка заработавших ракетных двигателей на мгновение ослепила телевизионные экраны, пока электронная система компенсации не притушила на

них яркость белого пламени. Ракета-носитель Н-11 буквально подпрыгнула на столбе раскаленных газов, оставляя за собой дымный след.

- Что вы сделали с топливом? - негромко спросил американский наблюдатель.

- Всего лишь улучшили его химический состав, - ответил японский специалист, глядя не на экран, а на приборную панель. - Более совершенные составляющие, высокая чистота окислителя - собственно, вот и все.

- Действительно, русские никогда не обращали на это особого внимания, - согласился американец. Он смотрит, но не видит, одновременно подумали оба японских инженера. Ямата-сан был прав. Поразительно.

Телевизионные камеры с системами радиолокационного наведения продолжали следить за ракетой, исчезающей в безоблачном небе. Сначала она поднималась вертикально вверх, затем начала постепенно и плавно уклоняться, язык яркого пламени превращался в бело-желтый диск. Траектория становилась все более полой, и наконец ракета стала с ускорением удаляться от наземных камер слежения.

- Выключение ракеты-ускорителя, - выдохнул представитель НАСА - он думал о ракете как о средстве вывода полезного груза на околоземную орбиту.

- Теперь отделение... включается маршевый двигатель второй ступени... - Американец четко произносил эти термины. Одна телевизионная камера наблюдала за падением в море все еще раскаленного корпуса первой ступени.

- Вы собираетесь использовать его снова? - спросил американец.

- Нет.

Теперь, когда визуальный контакт с ракетой был потерян, все повернулись к панели с приборами телеметрии. Ракета продолжала ускорение, следуя точно по расчетной траектории и направляясь на юго-восток. На экранах демонстрировался ее полет в графическом и дискретном вариантах.

- Разве траектория полета не высоковата?

- Мы хотим убедиться в том, что можем вывести полезный груз на достаточно высокую орбиту, - объяснил руководитель проекта. - Убедившись в точности вывода на орбиту, оставим полезный груз в космосе, через несколько недель он войдет в плотные слои атмосферы и сгорит. Нам не хочется засорять космос.

- Правильно. Сейчас в околоземном пространстве скопилось столько мусора, что это становится угрозой для наших пилотируемых кораблей. - Сотрудник НАСА задумался, а затем решился на интересующий его вопрос: - Какова полезная нагрузка ракеты?

- Пять метрических тонн, в конечном счете. Американец присвистнул от удивления.

- Вы считаете, что сумеете добиться такой грузоподъемности от своей птички? - Он знал, что грузоподъемность в десять тысяч фунтов - цифра магическая. Если ракета может вывести такой груз на низкую околоземную орбиту, то она способна выводить на высокую геосинхронную орбиту спутники космической связи. Полезная нагрузка в десять тысяч фунтов означает, что на орбиту будут выведены спутник связи и дополнительный ракетный двигатель, позволяющий поднять его на такую высоту. - Третья ступень вашей ракеты должна обладать мощной тягой.

Японский инженер улыбнулся и уклончиво ответил;

- Эти данные засекречены.

- Ничего, мы убедимся в этом через полторы минуты, - Американец повернулся к панели с приборами цифровой телеметрии. Неужели им удалось узнать что-то, что не известно ни ему, ни его людям, подумал он. Вряд ли, но на всякий случай наземные камеры слежения наблюдали за Н-11. Японцы, разумеется, не знали об этом. У НАСА камеры слежения находились повсюду. Их первостепенной задачей было следить за американскими космическими аппаратами, но поскольку они часто оставались без дела, то для практики вели наблюдение за самыми разными объектами в космосе. Камеры на острове Джонстона и на атолле Кваджелейн были первоначально установлены во время экспериментальных работ по программе СОИ - Стратегической оборонной инициативы, - а также для слежения за запусками ракет в Советском Союзе.

Станция слежения на острове Джонстона называлась "Янтарный шар", и ее обслуживающий персонал из шести человек, получив оповещение о запуске японской ракеты со спутника, действующего по программе оборонного обеспечения и предназначенного для наблюдения с орбиты за запуском ракет на территории Советского Союза, тут же обнаружил Н-11. Ракета словно из другого века, тут же подумали все.

- Она поразительно напоминает советскую межконтинентальную СС-19, - заметил старший техник и увидел, как утвердительно закивали остальные.

- Да и траектория полета такая же, - согласился его коллега, проводя измерения расстояния и направления полета.

- Отстрел и отделение второй ступени, третья ступень и полезный груз продолжают полет. Вспышка двигателей ориентации, корректирующих направление полета, сейчас включится маршевый двигатель третьей ступени... Господи!

Экран залило ослепительным белым пламенем.

- Потеря сигнала, потеря телеметрического сигнала! - послышался голос в центре управления полетом.

Старший японский инженер проворчал что-то, принятое представителем НАСА, не отрывавшим взгляда от графического дисплея, за ругательство. Сигнал пропал через несколько секунд после включения ракетного двигателя третьей ступени, предназначенного для вывода спутника на орбиту. Причина могла быть только одна.

- Такое не однажды случалось и у нас, - сочувственно заметил американец. Проблема заключалась в том, что ракетное топливо, особенно жидкое, которое всегда применялось для заключительной фазы вывода спутника на орбиту, на самом деле представляло собой взрывчатое вещество. Здесь могло случиться что угодно, сотрудники НАСА и армейские специалисты потратили более сорока лет на то, чтобы устранить все возможные тут неожиданности.

Японский инженер-ракетчик, в отличие от оператора, следившего за полетом ракеты, не потерял самообладания. Американец, сидевший рядом с ним, счел его сдержанность проявлением профессионализма, что, впрочем, соответствовало действительности. К тому же насовец не знал, что японский инженер занимался военным ракетостроением. Более того, японец имел все

основания испытывать удовлетворение - пока все шло в полном соответствии с планом. Баки маршевого ракетного двигателя третьей ступени были наполнены не топливом, а взрывчатым веществом, и взрыв произошел сразу после отделения второй ступени.

Полезный груз ракеты Н-11 представлял собой конический предмет, ширина которого в основании была сто восемьдесят сантиметров, а высота двести шесть. Он был изготовлен из урана-238, что удивило бы и расстроило представителя НАСА. Это очень плотный и твердый материал, исключительно тугоплавкий, а значит, способный выдерживать высокую температуру при вхождении в плотные слои околоземной атмосферы. Такой же материал используется для головок многих американских ракет, но эти ракеты не принадлежат Национальному управлению по авиации и исследованию космического пространства. Говоря по правде, предметы, очень похожие по форме и размерам, находятся в носовой части боеголовок немногих уцелевших стратегических ракет с термоядерными зарядами, демонтируемых Соединенными Штатами в соответствии с договором о разоружении, заключенным с Россией. Больше тридцати лет назад один американский инженер пришел к мысли, что, поскольку уран-238 является превосходным материалом, выдерживающим высокую температуру, которая создается при вхождении боеголовки в атмосферу на заключительной стадии баллистической траектории, и одновременно представляет собой составляющую термоядерного заряда, почему бы не сделать корпус боеголовки частью самой бомбы? Подобные мысли всегда привлекают интерес инженеров. Испытания подтвердили правильность замысла, и с шестидесятых годов термоядерные боеголовки с корпусом из урана-238 стали составной частью американского стратегического арсенала.

Полезный груз ракеты Н-11 в точности соответствовал по форме ядерной боеголовке, и, пока станция "Янтарный шар" и другие камеры слежения вели наблюдение за остатками третьей ступени, отделившийся от нее урановый конус падал вниз. Для американских камер он не представлял интереса, поскольку являлся, в конце концов, всего лишь полезным грузом, не сумевшим достичь достаточной скорости, чтобы выйти на околоземную орбиту.

Не знали американцы и того, что японское судно "Такуйо", дрейфующее в океане на полпути между островом Пасхи и берегом Перу, находилось там совсем не для того, чтобы вести исследовательскую работу по заданию департамента рыболовства. В двух километрах к востоку от "Такуйо" на поверхности океана плавал резиновый плот, на котором находился радиомаяк. На судне не было радиолокатора, способного следить за приближающейся боеголовкой, но по мере снижения она сама заявила о своем появлении: в предрассветной темноте, раскаленная добела от трения о воздух, она падала подобно метеору, таща за собой огненный хвост. Боеголовка появилась точно в расчетное время и напугала наблюдателей на борту корабля. Хотя их и предупредили о том, чего следует ожидать, но все же они были потрясены. Они не отрывали взглядов от падающей боеголовки, пока она не рухнула в море всего в двухстах метрах от плота. Последующие расчеты покажут, что точка падения находилась в двухстах шестидесяти метрах от расчетной. Такая точность не была идеальной, что вызвало кое у кого разочарование, - она была на порядок хуже, чем у новейших американских стратегических ракет, однако для первого испытания являлась

вполне удовлетворительной. Еще лучше было то, что испытательный запуск удалось провести на глазах у всего мира и никто не понял этого. Спустя несколько мгновений сжатый воздух вытолкнул из боеголовки сложенный резиновый шар, который тут же надулся и удержал ее у морской поверхности. С "Такуйо" уже спустили вельбот, чтобы отбуксировать шар к судну. Боеголовку поднимут на борт и подвергнут анализу показания находящихся внутри приборов.

- Мне будет очень трудно? - спросила Барбара Линдерс.

- Да, - ответил Мюррей. Он не мог лгать этой женщине. На протяжении двух последних недель они близко познакомились друг с другом, ближе, чем мисс Линдерс была знакома со своим психиатром. За это время они более десяти раз обсудили все подробности изнасилования, каждое слово было записано, но на пленку, с записей сделали машинописные копии и каждый факт проверили с особой тщательностью, даже сфотографировали кабинет бывшего сенатора, чтобы убедиться, совпадает ли цвет мебели и коврового покрытия. Проверяли все до мельчайших деталей. Были обнаружены некоторые несоответствия, но их оказалось всего лишь несколько и к тому же они не имели особого значения и не влияли на содержание обвинения. Однако все это не меняло того, что Барбаре Линдерс придется нелегко, очень нелегко.

Расследованием руководил Мюррей. Он действовал как личный представитель директора ФБР Билла Шоу. В группу Мюррея входили двадцать восемь агентов, причем два из них - старшие инспекторы, почти все они были людьми опытными, большинству было за сорок (хотя в составе группы насчитывалось и полдюжины молодых оперативников). Далее предстояло встретиться с прокурором. Наиболее подходящей здесь явилась кандидатура двадцатидевятилетней Энн Купер, доктора юридических наук из Университета Индианы, которая специализировалась на преступлениях на сексуальной почве. Эта элегантная и высокая чернокожая женщина постоянно выступала в защиту прав женщин и отстаивала права пострадавших с такой настойчивостью, что имя обвиняемого не будет для нее ничего значить. С этим просто.

Дальше все становилось намного труднее. В данном случае обвиняемым был вице-президент Соединенных Штатов, и в соответствии с Конституцией страны с ним нельзя было обращаться, как с обычным гражданином. Будет создано "большое жюри" из членов Юридического комитета Палаты представителей США. Формально Энн Купер будет сотрудничать с председателем комитета и конгрессменами, входящими в его состав, хотя на самом деле именно она будет вести расследование, а комитет будет оказывать ей только "помощь", играя на публику и организовывая "утечку" информации в прессу.

Однако настоящая буря разразится, неторопливо и спокойно объяснил Мюррей, когда председателя комитета уведомят о предстоящем процессе. Сразу после этого обвинения станут достоянием общественности - должность, занимаемая ответчиком, сделает это неизбежным. Вице-президент Эдвард Дж. Келти с негодованием отвергнет все предъявленные ему обвинения, а группа защищающих его адвокатов начнет собственное расследование по делу Барбары Линдерс. Им удастся узнать то, что уже стало известно Мюррею из уст самой пострадавшей. Причем многое окажется не в пользу Барбары, и общественности не сразу сообщат о том, что жертвы изнасилования, в особенности те, кто не

сообщили о совершенном против них преступлении, испытывают чувство унижения и утраты собственного достоинства, что нередко проявляется в сексуальной агрессивности. Узнав, что мужчинам требуется всего лишь их физическая доступность, они часто начинают демонстрировать ее в высшей степени неумеренно, безуспешно пытаясь вернуть себе утраченное чувство самоуважения, которое отнял у них первый насильник. Барбара Линдерс стала наглядным примером подобного поведения. За последние годы она принимала антидепрессанты, часто меняла не только место работы, но и любовников, дважды делала аборт. То, что такое поведение явилось результатом изнасилования, а вовсе не демонстрацией ее распущенности, будет установлено перед комитетом, потому что, как только предъявленное обвинение станет известно общественности, она не сможет защищать себя, ей не позволят вступать в контакт с представителями средств массовой информации. С другой стороны, адвокаты ответчика - вице-президента США Келти - смогут широко воспользоваться предоставившейся возможностью нападать на нее, прибегая к самым грязным обвинениям и не стесняясь в выборе выражений. Сам Эд Келти не будет делать заявлений, но его адвокаты наверняка не упустят такого способа очернить жертву. Ну а пресса, в свою очередь, тоже не упустит возможности раздуть сенсацию.

- Но ведь это так несправедливо, - покачала головой Барбара Линдерс, выслушав Мюррея.

- Нет, Барбара, так и должно быть, это необходимо. - Мюррей старался говорить мягко и убедительно. - И знаете почему? Да потому, что, когда завершится процедура импичмента, ни у кого не останется ни малейших сомнений в его вине. Рассмотрение сенатом дела по обвинению вице-президента США превратится в простую формальность, затем этот сукин сын предстанет перед окружным судом и окажется за решеткой, как самый обычный преступник. Действительно, вам придется пережить нелегкое время, но, когда он окажется в тюрьме, ему там будет намного труднее. Такова наша юридическая система. Она далека от идеальной, но другой у нас нет. А когда все закончится, Барбара, к вам вернется чувство собственного достоинства и никто больше не сможет отнять его у вас.

- Я не собираюсь больше прятаться, мистер Мюррей, - ответила она. Да, мисс Линдерс заметно изменилась за эти две недели, подумал Мюррей, ее воля окрепла. Нельзя сказать, что у нее стальной характер, но чувствовалась решительность и стремление добиться справедливости. Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы выдержать предстоящие испытания. Соотношение дел сейчас шесть к пяти в ее пользу, решил он.

- Зовите меня Дэн, Барбара. Все друзья зовут меня так.

- О чем ты не захотела говорить в присутствии Бретта?

- У нас есть парень в Японии, на нелегальном положении... - начала Мэри-Пэт, не называя имени Чета Номури. Ее рассказ продолжался несколько минут.

Суть рассказа ничуть не удивила Райана. Это он выдвинул подобное предложение несколько лет назад, прямо здесь, в Белом доме, обращаясь к тогдашнему президенту США Фаулеру. Многие государственные служащие, уходя в

отставку, тут же становились лоббистами или консультантами японских корпораций, если не самого японского правительства, неизменно получая намного более высокое жалование, чем то, что им раньше платили американские налогоплательщики. Это обстоятельство беспокоило Райана. Хотя само по себе такое поведение не являлось нарушением существующих законов, оно было по меньшей мере незачинным. Но это еще не все. Трудно представить, чтобы жалование увеличивалось на порядок только потому, что человек переходил из одного кабинета в другой. От него требовалось нечто еще. По-видимому, происходил процесс вербовки, и при этом бывший чиновник соглашался на какие-то условия. Вербуемый агент, как это случается во всех формах шпионажа, должен доказать свою ценность для вербовщика, сделать же это можно только одним путем - чиновники начинают передавать ценную информацию, все еще находясь на государственной службе. А это уже не просто нарушение этики, нет, такое поведение подпадало под статью 18 Уголовного кодекса США - шпионаж. Совместная операция ЦРУ и ФБР "Сандаловое дерево" проводилась для расследования всех обстоятельств подобных действий, и Номури принимал в ней непосредственное участие.

- Есть какие-нибудь результаты по интересующему нас вопросу?

- Ничего конкретного, - ответила Мэри-Пэт. - Зато мы получили любопытную информацию относительно Хироши Гото. У него немало порочных привычек. - Она подробно объяснила, каких именно.

- Он не любит нас, верно?

- Зато любит американских девушек - если это можно назвать любовью.

- Боюсь, что нам будет трудно воспользоваться подобной информацией. -

Райан откинулся на спинку кресла. Ему было отвратительно слышать такое, как и всякому отцу, старшая дочь которого вот-вот начнет встречаться с юношами, нечто уже само по себе не слишком приятное для любого отца. - Там много американок, и мы не можем оградить всех. - Голос его звучал не слишком убедительно.

- Нет, Джек, тут что-то неладно.

- Почему ты так считаешь?

- Не знаю. Может быть, из-за его вызывающей враждебности. Не забудь, в ближайшее время он может стать их премьер-министром. Японское правительство, находящееся сейчас у власти, нельзя назвать особенно устойчивым. Гото пользуется поддержкой промышленных магнатов и крайних националистов. Ему следует вести себя соответственно занимаемому положению, а не заигрывать с молоденькими девушками, выставляя это напоказ...

- Там другая культура, другие правила поведения. - Сказав это, Райан почувствовал, что где-то допустил промах. Он прикрыл на мгновение усталые глаза, и тут же в его мозгу всплыли слова миссис Фоули. Эта девушка - американская гражданка, Джек, сказала Мэри-Пэт. Мы состоим на службе у народа Америки. Он снова открыл глаза. - Насколько хорош этот твой агент?

- Умный, проницательный, уж шесть месяцев находится в Японии.

- Ему удалось завербовать кого-то?

- Нет, у него приказ не торопиться. Там нужно вести себя крайне осторожно. Он установил контакт с парой недовольных японцев и старается сблизиться с ними.

- Ямата и Гото... Но ведь это бессмысленно, чепуха какая-то. Ямата только что приобрел контрольный пакет на Уолл-стрите, корпорация "Коламбус групп". Раньше ее президентом был Джордж Уинстон. Я знаком с ним.

- Он занимался инвестициями?

- Да. Джордж выдвинул корпорацию в число ведущих на Уолл-стрите и решил, что с него достаточно. Тут же появился Ямата, выкупил контрольный пакет акций корпорации и занял его место. Речь идет об огромных деньгах, МП, - чтобы получить возможность действовать на фондовой бирже, нужно заплатить как минимум сотню миллионов долларов. А теперь ты пытаешься убедить меня, что политический деятель, открыто заявляющий о своей неприязни к Соединенным Штатам, действует рука об руку с промышленником, только что вложившим колоссальные средства в нашу финансовую систему. Кто знает, может быть, Ямата просто пытался убедить Гото относиться к Америке более лояльно.

- Что тебе известно о Ямате? - спросила Мэри-Пэт. Ее вопрос захватил Джека врасплох.

- Мне? Да ничего, просто имя. Он стоит во главе огромной промышленной корпорации. Ты включила его в число тех людей, чьим поведением нам следует заинтересоваться?

- Совершенно верно.

- МП, ты уверена, что твоя операция достаточно запутана? - чуть криво усмехнулся Райан. - Может быть, стоит усложнить ее еще больше?

В штате Невада ждали, когда солнце исчезнет за вершинами гор, чтобы приступить к обычным плановым учениям, правда, с включенными в последнюю минуту изменениями. Армейские уоррент-офицеры прошли огонь и воду, но с первых же дней пребывания в "Стране грез", как по-прежнему называли служащие ВВС свой секретный полигон у озера Грум-лейк, испытывали недоумение. Здесь проводились испытания самолетов, построенных по технологии "стеле", и повсюду виднелись радиолокационные станции и другие системы слежения за воздушными целями, назначением которых было определить, насколько невидимыми являются эти цели. После того как солнце окончательно зашло и безоблачное небо потемнело, они забрались в свои вертолеты и взлетели для проведения ночных испытаний. Цель сегодняшней операции заключалась в том, чтобы подобраться к авиабазе Неллис, условно обстрелять ее и незамеченными вернуться на аэродром Грум-лейк. Поставленная задача была достаточно сложной.

Джексон в качестве начальника J-3 - отдела планирования боевых операций - наблюдал за недавним прибавлением к семье летательных аппаратов, изготовленных с использованием технологии "стеле". Для этой цели - а еще больше для осуществления специальных операций - у вертолета "Команч" было немало любопытных достоинств, и он быстро становился самой модной игрушкой в Пентагоне. Армия утверждала, что они сегодня продемонстрируют волшебное зрелище, заслуживающее особого внимания, и адмирал прибыл сюда для того, чтобы убедиться в этом...

- Огонь, огонь, огонь! - скомандовал уоррент-офицер по своему каналу радиосвязи девяносто минут спустя. И тут же, уже по системе внутренней связи, заметил: - Господи, какое фантастическое зрелище!

На аэродроме авиабазы в Неллисе базировалось самое большое авиакрыло истребителей ВВС, а сегодня к нему присоединились еще две временно прибывших сюда эскадрильи, готовые к участию в проходящей сейчас операции "Красный флаг". Таким образом у двадцатимиллиметровой авиационной пушки "Команча" оказалось свыше сотни целей, и прежде чем развернуться и покинуть позицию, уоррент-офицер провел стволом пушки по стоящим на земле рядам истребителей. Отсюда он видел ярко освещенные казино Лас-Вегаса. Вертолет резко накренился, описывая дугу и уступая огневую позицию двум другим "Команчам", затем снизился до пятидесяти футов и помчался над неровной песчаной поверхностью на северо-восток.

- Регистрирую новые радиолокационные импульсы, - доложил радист-наблюдатель, сидящий сзади.

- Они сумели замкнуться на нас?

- Пытаются изо всех сил, но... Боже милостивый... Истребитель F-15C с ревом промчался прямо над вертолетом, заставив его покачнуться в турбулентном потоке воздуха. И тут же по радиоканалу послышался голос:

- Я сбил бы вас, будь я на истребителе "эхо".

- Вы все, воздушные жокеи, одинаковы. Ладно, увидимся на базе.

- Понял. Конец связи. - Из двигателей истребителя, улетающего в направлении на двенадцать часов, выплеснулись два длинных языка пламени - летчик, сумевший обнаружить "Команч", отсалютовал экипажу вертолета, включив форсаж.

- Ничего не поделаешь, Сэнди, хорошие новости не бывают без плохих, - сочувственно заметил радист, обращаясь к пилоту.

Действительно, вертолет сделали трудным для обнаружения, но отнюдь не невидимкой. Построенный с использованием элементов технологии "стеле", затрудняющей обнаружение. "Команч" было непросто увидеть на радиолокационном экране наведения ракет "земля - воздух". Однако эти проклятые воздушные РЛС, предназначенные для предупреждения о появлении вражеских самолетов, которые оборудованы огромными антеннами и имеют мощное компьютерное обеспечение, неизменно принимают отраженные радиолокационные сигналы, скорее всего от лопастей вращающегося несущего винта, подумал пилот. Придется продолжить работу по усовершенствованию вертолетов. Зато хорошей новостью было то, что истребитель F-15C со своей превосходной радиолокационной системой наведения ракетных снарядов "воздух - воздух" не смог поразить "Команч" своими ракетами AMRAAM, а для ракет с инфракрасными головками наведения вертолет был неуязвим, даже над холодной поверхностью пустыни. С другой стороны, истребитель F-15E - "эхо" по терминологии ВВС, - оборудованный аппаратурой ночного видения, мог без труда сбить их огнем из своей двадцатимиллиметровой пушки. Это следует иметь в виду. Короче говоря, мир еще не стал идеальным, однако "Команч" по-прежнему оставался самым опасным вертолетом в мире.

Уоррент-офицер Сэнди Рихтер посмотрел вверх. В сухом холодном воздухе пустыни он увидел опознавательные огни барражирующего в небе самолета раннего обнаружения E-3A АВАКС. Не так уж далеко, примерно в тридцати тысячах футов. И тут у пилота появилась интересная мысль. Этот адмирал из штаба ВМС выглядит неглупым парнем, подумал он, и, если удачно подать такую идею, может быть, появится возможность попробовать ее на практике...

- Мне все это уже надоело, - произнес президент Дарлинг. Он находился в своем кабинете в западном крыле Белого дома, наискосок от кабинета Райана. Позади у него остались два интересных и увлекательных года президентства, но за последние несколько месяцев все как-то застопорилось. - Ну, что у тебя теперь?

- Топливные баки, - ответил Марти Каплан. - Завод в Дирфилде, Массачусетс, производящий автомобильное оборудование, только что разработал новую технологию их производства из стандартных - стальных листов, причем практически любой формы и объема. Это полностью автоматизированный процесс, там действуют промышленные роботы, с поразительной производительностью и высочайшим качеством. Завод отказался продать лицензию японцам...

- Это в округе Эла Трента? - перебил его президент.

- Совершенно верно.

- Извини. Ну и что дальше? - Дарлинг протянул руку за чашкой чая. В последнее время он отказался от кофе по вечерам. - Почему они не хотят продать лицензию?

- Это одна из компаний, едва не разорившихся из-за натиска заморских конкурентов. Она сохранила прежних-руководителей, которых прошлое многому научило. Компания приняла на работу молодых способных инженеров-проектировщиков и взялась за дело. Эти парни за последнее время запатентовали полдюжины важных изобретений, и так уж случилось, что производство топливных баков для автомобилей приносит наибольшую выгоду. Компания утверждает, что их баки вместе с упаковкой и доставкой в Японию стоят дешевле, чем такие же баки, производимые в самой Японии. Кроме того, они считают, что их баки прочнее и надежнее. И, несмотря на это, мы не можем убедить другую сторону пойти даже на малейшие уступки - японцы наотрез отказываются устанавливать их на автомобилях, собираемых на принадлежащих им заводах, расположенных в Соединенных Штатах. Короче говоря, это в точности повторяет проблему компьютерных чипов, - закончил Каплан.

- Но почему даже при перевозке баков за океан они обходятся дешевле, чем...

- Все дело в судах, перевозящих автомобили из Японии, господин президент. - На этот раз Каплан прервал Дарлинга. - Их корабли доставляют сюда автомобили, собранные на японских заводах, и возвращаются обратно практически пустыми. Погрузка изготовленных в Дирфилде топливных баков обходится исключительно дешево, и суда могут доставлять контейнеры прямо к причалам автомобилестроительных фирм. Компания даже разработала систему погрузки и разгрузки, гарантирующую своевременные поставки и соответственно исключаящую штрафы за просрочку.

- Попробуйте нажать на них еще раз.

- Меня удивляет, что он не оказал на вас более сильного давления, - заметил Кристофер Кук.

Они сидели в гостиной роскошного особняка на Калорама-роуд. В этом престижном районе округа Колумбия находились резиденции многих представителей дипломатического корпуса, а также дома богатых жителей

столицы, лоббистов, юристов и всех тех, кто хотели находиться недалеко - но и не слишком близко - от центра, где принимаются важные решения.

- Если бы только Дирфилд согласился продать нам лицензию на свой патент, - вздохнул Сейджи. - Мы предложили высокую цену.

- Это верно, - согласился Кук, наливая себе еще бокал белого вина. Он едва удержался от того, чтобы не сказать: но, Сейджи, это их изобретение и они хотят сами воспользоваться им. - Почему ваши промышленники не идут на компромисс?

Сейджи Нагумо снова вздохнул.

- Американцы проявили небывалую расторопность и поступили очень разумно. Они наняли одного из лучших японских юристов и сумели зарегистрировать свое изобретение в рекордно короткий срок. - Он едва не сказал о том, что его, гражданина Японии, оскорбило недостойное поведение своего соотечественника, продавшегося американцам, но взглянул на Кука и сдержался. - Может быть, они поймут наконец неразумность своего положения и согласятся продать нам лицензию.

- И все-таки, Сейджи, было бы неплохо уступить на этот раз. По крайней мере значительно увеличьте сумму, которую вы предлагаете за лицензию.

- Но почему, Крис?

- Сам президент проявил интерес к этому делу. - Кук сделал паузу, заметив, что Нагумо не понял смысла его слов. Да, подумал американец, он все еще новичок и не постиг тонкостей американской действительности. Японец неплохо разбирается в технической стороне вопроса, но отнюдь не в политической. - Дирфилд входит в избирательный округ конгрессмена Эла Трента, а Трент пользуется в Капитолии огромным влиянием. Он занимает должность председателя комитета по разведке.

- Ну и что?

- Ссориться с Трентом - себе дороже.

Нагумо на минуту задумался, поднес к губам бокал и посмотрел в окно. Если бы ему стало известно об этом сегодня утром, он мог бы обратиться в Токио за разрешением пойти на уступки, но он не знал тогда всей сложности вопроса и не запросил Токио. Перемена позиции сейчас будет означать признание своей ошибки, а Нагумо, как и очень многие, не любил признавать собственные промахи. Вместо этого он решил улучшить условия контракта, даже не подозревая о том, что, отказавшись пойти на личное унижение, приблизил события, избежать которых готов был любой ценой.

5. Комплексная теория

Мало что случается в мире по какой-то одной причине. Даже самые опытные и умные мастера закулисных махинаций признают, что подлинное искусство заключается в умении воспользоваться ситуацией, предсказать которую не может никто. Это обычно успокаивало Райзо Ямату. Он почти всегда знал, как поступить, когда происходят непредвиденные события, - почти, но не всегда.

- Неприятно, согласен, но это далеко не худшее из того, что случалось с нами в прошлом, - заявил один из его гостей. - Разве теперь мы снова не добились своего?

- Мы расплатились с ними за компьютерные чипы, - напомнил другой. Сидевшие за столом согласно закивали.

Они просто не понимают, подумал Ямата. Нужды его страны в точности совпали с открывшимися возможностями. Возник новый мир, и, несмотря на утверждения американцев, что они создали новый порядок для этого нового мира, никакого порядка не было, хаос пришел на смену тому, что на протяжении трех поколений являлось, ну если не стабильностью, то по крайней мере предсказуемым развитием событий. Равновесие, существовавшее в прошлом между Востоком и Западом, пока не скрылось во тьме веков и все еще казалось далеким и неприятным сном. Русские по-прежнему пытались оправиться от своего неудачного эксперимента, равно как и американцы, хотя последние навлекли на себя неприятности по собственной воле и осознали это, кретины, только после того, как случившееся уже не исправить. Вместо того чтобы просто поддерживать свое могущество, американцы отказались от него, как это нередко бывало с ними, в тот самый момент, когда оно приближалось к высшей точке. Теперь, после заката двух сверхдержав, открылся путь к вершине для страны, которая действительно заслуживает чести стать по-настоящему великой.

- Все это мелочи, друзья, - произнес Ямата, наклоняясь вперед, чтобы разлить сакэ по чашкам гостей, как и подобает хозяину. - Слабость нашей нации носит структурный характер, и это почти не изменилось за последние десятки лет.

- Вы не могли бы объяснить это, Райзо-сан? - произнес один из гостей, настроенный особенно дружески.

- Пока у нас нет доступа к природным ресурсам, пока мы не контролируем этот доступ, пока нам отведена роль всемирного торговца, мы уязвимы.

- А-а! - небрежно отмахнулся сидевший напротив. - Я не согласен. Наша мощь именно там, где она важнее всего.

- Где - конкретно? - мягко осведомился Ямата.

- Прежде всего она в усердии наших рабочих, в искусстве инженеров и проектировщиков... - Восхваление продолжалось долго, и Ямата вместе с остальными гостями вежливо слушал говорившего.

- И насколько устойчивой останется эта мощь, если мы вдруг лишимся сырья, прекратятся поставки нефти? - поинтересовался один из единомышленников Яматы.

- Повторение тысяча девятьсот сорок первого?

- Нет... все будет не совсем так, - снова присоединился к разговору Ямата. - Тогда они смогли отрезать нас от источников нефти потому, что почти всю нефть мы покупали у них. Сегодня ситуация намного сложнее. В то время они заморозили наши активы в банках, чтобы мы не могли тратить деньги в каком-нибудь другом месте, верно? Сегодня они девальвируют доллар по отношению к йене, а наши активы у них в ловушке, не так ли? Сегодня они выманивают у нас деньги, заставляя вкладывать их в Америке, сами же жалуются на это, обманывают нас на каждом шагу, забирают себе то, что мы платим за купленную у них собственность, а затем отнимают все, что мы купили!

Такой подход к американо-японским отношениям заставил сидящих за столом вперить взгляды в Ямату, но потом он увидел, как все согласно закивали. Каждый из присутствующих мог подтвердить горькую справедливость его слов.

Вон тот, вспомнил Ямата, приобрел Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке, заплатил вдвое больше его реальной стоимости - даже на рынке, где цены на недвижимость были искусственно вздуты, - затем оказался обманутым американскими владельцами. Вскоре после этого йена по отношению к доллару стала расти, а это означало, что доллар потерял прежнюю ценность. Продавать теперь Рокфеллеровский центр стало безумием и влекло за собой разорение. Начать с того, что на рынке недвижимости в Нью-Йорке произошел спад и стоимость купленных небоскребов оказалась вдвое меньше уже уплаченной суммы; наконец, доллар стоил вдвое меньше прежнего, и потому владелец возвратит себе - и то, если ему повезет, - всего лишь четверть вложенных денег. Фактически получаемая им арендная плата едва покрывала проценты на сделанные для приобретения зданий займы.

А вон тот, подумал Ямата, вложил деньги в киностудию, и соперник, сидящий напротив, поступил точно так же. Райзо едва удержался от улыбки, глядя на этих двух простофиль. Что приобрел каждый из них за свои деньги? Пустышку. В обоих случаях, потратив миллиарды долларов, они получили примерно по триста гектаров земли в Лос-Анджелесе и клочок бумаги, где говорилось, что теперь у них есть право снимать кинофильмы. И в том и в другом случае бывшие владельцы студий открыто смеялись, получив деньги, а недавно сделали предложение выкупить обратно проданную ими недвижимость за четверть или даже меньше той суммы, что была уплачена японцами, - достаточно, чтобы расплатиться с долгами, и ни йеной больше.

Список был бесконечным. Всякий раз, когда японская компания вывозила из Соединенных Штатов полученную прибыль и затем пыталась снова там же вложить деньги, американцы поднимали крик, что Япония грабит их страну. Далее, с японцев брали лишние деньги за все. Наконец, государственная политика Америки тоже проводилась таким образом, что японские предприниматели теряли деньги на всем, чтобы потом американцы могли выкупить обратно ранее проданную собственность за долю прежней цены. Америка радовалась, когда ее культура снова оказывалась в руках американцев, хотя на самом деле это был чистейший, хотя отлично замаскированный, грабеж среди бела дня, самый крупный в мировой истории.

- Неужели вы сами не видите? Они стараются ослабить нас и преуспевают в этом. - Ямата говорил спокойно и убедительно.

Перед ними был классический парадокс, общеизвестный, но как-то забытый. Он даже выражался в простом афоризме: ты берешь займы у банка один доллар и отныне принадлежишь банку, но стоит тебе занять у банка миллион, как банк принадлежит тебе. Япония вложила деньги в американский автомобильный рынок, например, в то время, когда автомобильная промышленность Америки, чудовищно разбогатевшая от огромного числа покупателей, повышала цены и не обращала внимания на ухудшение качества производимых машин, а рабочие, объединенные во влиятельные профсоюзы, протестовали против бесчеловечной эксплуатации - и это рабочие, получающие самую высокую зарплату в стране. Первоначальное появление японцев на этом рынке прошло незамеченным, популярность их автомобилей была даже ниже, чем у "Фольксвагена". Они продавали американцам маленькие невзрачные машины не слишком высокого качества и не такие уж безопасные, однако эти автомобили по своей экономичности превосходили

американские.

Цепь исторических событий пришла на помощь японским автомобильным компаниям. Конгресс США, недовольный "жадностью" нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих корпораций, пытающихся продавать свою продукцию по мировым ценам, установил фиксированную цену на сырую нефть, добываемую в Америке. В результате продукты переработки нефти стали продаваться в стране по самым низким во всем промышленном мире ценам, и Детройт с воодушевлением принялся и дальше производить огромные, тяжелые, пожирающие массу топлива автомобили. Затем в 1973 году разразилась война между Израилем и арабскими странами. Впервые за тридцать лет американцы вспомнили, что такое длинные очереди на заправочных станциях, и это потрясло страну, считавшую себя выше подобных мелочей. Лишь теперь американцы осознали, что в Детройте собирают автомобили, пожирающие топливо, как прорванная плотина воду. Небольшие компактные машины, производство которых началось в Америке несколько лет назад, тогда же превратились в автомобили среднего класса и были такими же неэкономичными, как и их огромные собратья, да и качество их желало лучшего. Однако самым печальным оказалось то, что все как одна американские автомобильные корпорации уже успели вложить деньги в производство больших машин и в результате понесли колоссальные убытки, а "Крайслер" едва и вовсе не разорился. Топливный шок продолжался недолго, но этого хватило, чтобы покупатели быстро изменили свою точку зрения на достоинства приобретаемых автомобилей, а у американских компаний не оказалось ни средств, ни технических возможностей для переоборудования своих заводов на выпуск продукции, которую требовали обеспокоенные американцы.

И тут сразу возрос спрос на японские машины, особенно на критически важном рынке Запада, задающем тон всей стране. У японских фирм появились теперь средства для дальнейшего усовершенствования своей продукции. Они начали нанимать американских инженеров, знающих, какие автомобили могут стать особенно привлекательными на огромном рынке, а сами японские специалисты занялись другими проблемами, такими, как улучшение безопасности. В результате, когда в 1979 году Америку потряс второй топливный шок, японские компании - "Тойота", "Хонда", "Датсун", "Субару" и чуть позднее "Ниссан" - оказались готовы удовлетворить все потребности американцев. Это были волшебные времена. Низкая стоимость йены и высокая доллара означали, что даже относительно дешевые цены гарантировали огромные прибыли, а местные дилеры, занимающиеся продажей японских автомобилей, могли позволить себе делать торговую наценку в тысячу и даже больше долларов за право приобрести эти чудесные машины. Таким образом, множество американских покупателей устремилось на новый рынок.

Ямата знал, что сидящим за столом не пришла в голову мысль о будущем, как она не пришла в голову руководителям "Дженерал моторе" и объединенному профсоюзу рабочих автомобильной промышленности. Все думали, что райская жизнь уходит в невидимую бесконечную даль. И японские и американские автомобилестроительные корпорации забыли, что не существует божественной благодати для бизнесменов, как не существует божественной благодати для королей. Япония сумела использовать слабые стороны американской автоиндустрии, но время шло, и Америка училась на собственных ошибках.

Подобно тому как японские компании воспользовались американским высокомерием, так и они сами сразу начали создавать памятники собственной самоуверенности. Тем временем американские корпорации безжалостно сокращали у себя все лишнее - от управленческого аппарата до размеров выпускаемых машин, заново обучаясь суровой реальности экономики, тогда как японцы в то же самое время позволили себе забыть об этом. Этот процесс развивался почти незаметно, и "аналитики" из средств массовой информации, не сумевшие увидеть из-за деревьев леса, сослужили его участникам плохую службу.

В дальнейшем события развивались следующим образом. Курс доллара и йены менялся, как это обычно происходит в тех случаях, когда такое колоссальное количество денег течет в одном направлении, однако японские промышленники не заметили этого, подобно тому как в свое время не обратили внимания на приближение тяжких испытаний автомобилестроители Детройта. Относительная стоимость йены выросла, а доллара упала, несмотря на все усилия японских финансистов поддерживать стоимость своей валюты на низком уровне. В результате этих перемен прибыли японских фирм начали сокращаться, включая стоимость недвижимости в Америке, упавшую до такой степени, что собственникам угрожал разорение, а перевезти в Токио Рокфеллеровский центр пока никому не под силу.

Подобный процесс был неизбежен. Ямата понимал это - в отличие от остальных сидящих за столом. Бизнес развивается циклически, то вздымаясь вверх, то опускаясь вниз подобно волнам. Пока еще никому не удалось найти способ выравнять эти циклы. Япония оказалась особенно уязвимой, поскольку, обслуживая Америку, ее промышленность превратилась в часть американской экономики и вместе с ней переживала все ее капризы. Было трудно представить, что американцы так никогда и не поумнеют. А как только они снова возьмутся за ум, в их распоряжении окажутся колоссальные мощности и природные ресурсы и тогда возможность, предоставившаяся сейчас, исчезнет навсегда. И это шанс не только для меня, напомнил себе Ямата, но и для всей моей страны. Последнего не следовало забывать, однако чувства, которыми он руководствовался, никак не вязались с патриотизмом.

Его страна не станет великой державой до тех пор, пока те, кто управляют ею - не правительство, а сидящие вокруг этого стола, - не сумеют понять, в чем заключается подлинное величие. Производственные мощности сами по себе ничего не значат. Стоит отрезать Японию от источников сырья, и все заводы страны мгновенно останутся, и тогда усердие и опыт японских рабочих будут иметь ничуть не большее значение для судьбы страны, чем лирические хайку<Хайку (хокку) - жанр японской поэзии, нерифмованное трехстишие> Бусона. Нация становится великой благодаря своей мощи, а могущество его страны столь же искусственно, как его поэзия. Еще более важным является то, что величие - вовсе не дар свыше, его надо завоевать, добиться признания другой великой державой, заставив ее ощутить смирение... или что-то большее. Величие не может основываться только на каком-то одном достоинстве страны, нет, оно основывается на совокупности достоинств. Подлинное величие означает способность обеспечить страну всем необходимым или по крайней мере почти всем. Потребуется убедить в этом приглашенных им гостей, прежде чем он начнет действовать от их имени, в их интересах и... на благо нации. Таково

божественное предназначение Яматы - возвысить свой народ и научить покорности другие страны. Его судьба, его долг заключаются в том, чтобы направить энергию всех остальных.

Однако время для этого еще не пришло, это было ему ясно. У него много союзников, и все-таки их недостаточно для осуществления миссии, а те, кто противостоят ему, слишком упрямы, их мышление слишком консервативно, чтобы можно было надеяться переубедить их. Они понимают его точку зрения, но не так четко, как он сам. До тех пор пока он не докажет им верность своего пути, придется играть роль советника, подготавливая почву. В высшей степени терпеливый человек, Ямата-сан вежливо улыбнулся и заскрипел зубами от разочарования.

- Мне кажется, что я начинаю осваиваться со своей новой должностью, - сказал Райан, опускаясь в кожаное кресло слева от президента.

- Я тоже когда-то говорил так, - заметил Дарлинг. - В результате безработица в стране выросла на три десятых процента, я поссорился с бюджетной комиссией Конгресса и моя популярность по данным социологических опросов упала на десять процентов. - Несмотря на то что голос президента был серьезным, он улыбался. - Итак, что же это за проблема, которая вынуждает меня прервать ланч?

Райан не заставил себя ждать, хотя новости были настолько значительными, что он вполне мог подать свое сообщение более драматично.

- Мы достигли договоренности с Россией и Украиной по поводу демонтажа последних ракет, - сказал он.

- Когда начало? - Дарлинг наклонился вперед, опершись локтями о стол и забыв о стоящем перед ним салате.

- Вы будете довольны, если я назову следующий понедельник? - с улыбкой спросил Райан. - Они согласились с предложением Скотта. Уже проведено столько операций по демонтажу стратегических ракет, что они хотят покончить с последними без особого шума и как можно быстрее, а затем объявить, что ракеты уничтожены - раз и навсегда. Наши инспекторы уже там, а их специалисты здесь, так что все готово к заключительному этапу.

- Мне это очень нравится, - ответил Дарлинг.

- Ровно сорок лет, босс! - Райан с трудом сдерживал чувства. - Практически всю свою жизнь с момента развертывания советских СС-6 и наших "Атласов" я жил под сенью этих проклятых зловещих ракет, предназначенных для осуществления ужасных задач, и теперь, когда мне удалось внести свой вклад в избавление от них, - я ваш должник, господин президент. Это будет вашей заслугой, сэр, но я по крайней мере смогу сказать своим внукам, что тоже принял в том какое-то участие. - И хотя Адлер обратился к русским и украинцам по инициативе Райана, это заслужит в лучшем случае краткого упоминания в учебниках истории. Впрочем, вряд ли.

- Наши внуки или не проявят к этому никакого интереса, или спросят, из-за чего это мы так беспокоились, - бесстрастно заметил Арни ван Дамм. - Пожалуй, - согласился Райан. Действительно, Арни всегда умел расставить вещи по своим местам.

- А теперь я хочу услышать плохие новости, - потребовал президент.

- Заключительная стадия демонтажа ракет обойдется нам в пять миллиардов, - сказал Райан, ничуть не удивленный болезненной гримасой на лице Дарлинга. - Это стоит таких денег, сэр, честное слово, стоит.

- Объясните почему.

- Господин президент, с того времени как я учился в начальной школе, наша страна постоянно находилась под угрозой межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками, нацеленных на нас. Через шесть недель исчезнет последняя из них.

- Но они и так уже нацелены...

- Да, сэр, наши ракеты нацелены на район Саргассова моря и их, думаю, тоже. Но это за десять минут можно исправить, заменив монтажную плату в системе наведения. Все, что требуется, - спуститься в пусковую шахту и открыть люк в борту ракеты, имея при себе отвертку и электрический фонарик. Вообще-то это было столь просто только для советских - нет, теперь русских, - поправился в тысячный раз Райан, - ракет. Перенацеливание оставшихся американских ракет требует более продолжительного времени из-за крайней сложности системы наведения - такова ирония современной высокой технологии.

Таким образом навсегда исчезнет ракетно-ядерная опасность, - закончил Райан. - Разве я не принадлежу к числу самых отъявленных ястребов, сэр? Думаю, мы сумеет достаточно убедительно объяснить это на Капитолийском холме. Пять миллиардов - совсем небольшая плата за избавление от такой угрозы.

- Как всегда, тебе трудно возразить, - донесся голос ван Дамма, который пристроился в углу кабинета.

- А где взять деньги на покрытие этих дополнительных расходов, Арни? - спросил президент, и при этих словах Райан почувствовал тревогу.

- Из расходов на оборону, где же еще?

- Стоило нам проявить излишний энтузиазм, как выясняется, что мы зашли слишком далеко.

- Какова будет экономия от уничтожения этих ракет? - спросил ван Дамм.

- Экономия появится позже, сначала придется пойти на затраты, - ответил Райан. - Мы уже платим уйму денег за демонтаж атомных подводных лодок, и защитники окружающей среды...

- Столь приятные люди, - вставил Дарлинг.

- ...но ведь это всего лишь разовые расходы, - закончил Райан.

И президент и его советник по национальной безопасности устремили взгляды на руководителя аппарата Белого дома. Они верили ему и знали его отменное чутье и способность ориентироваться в политической ситуации. Проницательный ум ван Дамма, скрытый бесстрастной маской, взвесил все за и против, и Арни повернулся к Райану.

- Стоит попытаться, - произнес он. - Нам предстоит схватка на Капитолийском холме, босс, но через год вы сможете напомнить американскому народу, что убрали этот...

- Дамоклов меч, - подсказал Райан.

- Вот что значит обучение в католическом колледже, - усмехнулся Арни. - Убрали дамоклов меч, который висел над Америкой в течение целого поколения. Газетам это понравится, и можно не сомневаться, что Си-эн-эн будет взхлеб

рассказывать об этом в одном из своих специальных часовых репортажей, с массой фотографий и безграмотными комментариями.

- А ты как считаешь, Джек? - с улыбкой спросил Дарлинг.

- Господин президент, я ведь не политик, верно? Разве недостаточно того, что мы возьмемся за демонтаж двухсот последних межконтинентальных баллистических ракет в мире? - Вообще-то это не совсем так, подумал Райан. Давай-ка не будем слишком увлекаться, Джек. В мире остаются китайские, английские и французские ракеты. Однако англичане и французы последуют нашему примеру, правда? А китайцев можно убедить отказаться от ракет с помощью торговых переговоров, не говоря о том, что теперь у них не остается врагов, как и оснований для беспокойства.

- Только если наш народ увидит и поймет это, Джек. - Дарлинг повернулся к ван Дамму. Оба не обратили внимания на невысказанную озабоченность Райана.
- Арни, пусть Отдел по связи со средствами массовой информации займется этим,

Официально объявим об этом в Москве, Джек?

- Такова договоренность, сэр, - кивнул Райан. Процесс будет сложным, подумал он. Обе стороны сделают так, что слухи о завершающем этапе стратегического разоружения просочатся в прессу сначала без официального подтверждения. Брифинги в Конгрессе возбудят дополнительный интерес. Далее последуют неофициальные контакты с различными телевизионными компаниями и надежными репортерами, которые окажутся в нужный момент там, где это необходимо, чтобы запечатлеть для истории конец ракетно-ядерного кошмара, что будет непросто, принимая во внимание десятичасовую разницу во времени между Москвой и стартовыми площадками последних американских ракет. Сам процесс уничтожения ракет выглядит не слишком привлекательным, вот почему американские "зеленые" так громко возражают против него. Русские ракеты будут уничтожаться следующим образом: сначала удалят ядерные боеголовки для последующего демонтажа и переработки, затем из баков откачают жидкое топливо и снимут с ракет всю ценную и (или) секретную электронную аппаратуру. В заключение взрывом сотни килограммов тротила разрушат верхние части пусковых шахт, которые будут впоследствии засыпаны грунтом. В отношении американских ракет процедура будет иной, потому что они на твердом топливе. После снятия боеголовок корпуса американских ракет доставят в штат Юта, где их вскроют с обоих концов, а затем, включив ракетные двигатели, дадут им гореть подобно самым большим в мире фальшфейерам, выбрасывая облака токсичного дыма, способного уничтожить все живое вокруг. И тут пусковые шахты тоже будут взорваны, их сравнивают с землей - американский апелляционный суд постановил, несмотря на многочисленные протесты и кассационные жалобы, что соображения национальной безопасности, связанные с договорами об отказе от ракетно-ядерных вооружений, аннулируют требования четырех законов, касающихся охраны окружающей среды. В каждом случае заключительный взрыв пусковой шахты будет представлять собой в высшей степени драматическое зрелище по той причине, что его сила сравнима всего лишь с одной миллионной тротилового эквивалента ядерного заряда, находившегося раньше внутри боеголовки. Невозможно представить себе сравнительные цифры и связанные с этим концепции, подумал Райан, они просто непостижимы для простого

человеческого ума - даже если этот ум принадлежит ему самому.

Легенда о дамокловом мече восходит к четвертому веку до нашей эры, ко временам, когда Сиракузами правил Дионисий. Его приближенный Дамокл льстиво называл Дионисия величайшим из правителей, превознося могущество и богатство своего патрона. Дионисий решил жестоко проучить своего придворного. Он пригласил его на роскошный пир и усадил за стол, полный изысканных яств, однако прямо над головой Дамокла на конском волосе был подвешен тяжелый меч. Тем самым Дионисий продемонстрировал Дамоклу, что не все зависит от благоволения правителя.

То же самое и с Америкой. Ее судьба и благополучие американского народа по-прежнему зависели от ядерного меча, угрожающего им, в чем несколько лет назад после террористического акта в Денвере наглядно убедился сам Райан. Вот почему он поклялся сразу после возвращения на государственную службу раз и навсегда положить конец этой опасности.

- Джек, ты возьмешь на себя брифинги с прессой?

- Да, господин президент, - ответил Райан, удивленный поразительным великодушием Дарлинга.

- "Регион северных ресурсов"? - переспросил министр обороны Китая и сухо добавил: - Любопытное название.

- Итак, что вы думаете об этом? - спросил Чанг Хансан, который сидел напротив министра. Он только что вернулся из Японии после очередной встречи с Яматой.

- С военной точки зрения такая стратегическая операция вполне осуществима. А вот экономическими сторонами ее должны заниматься другие. - Вмешавшийся в разговор маршал, как всегда, предпочел осторожность, хотя на его счету был не один выпитый за вечер стакан ханшина.

- Русские наняли три японские фирмы для геологических изысканий в Восточной Сибири. Поразительно, правда? Этот регион так и оставался неизученным. Да, конечно, известны золотые прииски на Колыме, но что находится на остальных бескрайних просторах? - Небрежный взмах руки. - Такие глупцы, да еще обращаются к иностранцам, чтобы те сделали за них всю работу... - Голос министра смолк, и он повернулся к Чанг Хансану. - Так что же они там нашли?

- Наши японские друзья? Начнем с месторождений нефти. По их мнению, нефти там не меньше, чем в заливе Прудхо-бей. - Он протянул через стол лист бумаги. - Вот перечень залежей полезных ископаемых, обнаруженных японскими экспедициями за последние девять месяцев.

- Так много?

- Обследованный район по размерам превышает Западную

Европу. В прошлом Советы думали лишь об узкой полосе земли вдоль железных дорог. Ну не дураки ли! - презрительно фыркнул Чанг. - У них под ногами скрывался ключ к решению всех экономических проблем, который мог бы работать с самого момента свержения царя и захвата власти. Короче говоря, этот регион по своим богатствам не уступает Южной Африке, только в Сибири есть еще и нефть, отсутствующая там. Настоящая сокровищница. Как вы видите, там находятся почти все стратегически важные минералы, причем в огромных

количествах...

- Русские знают об этом?

- Отчасти, - кивнул Чанг Хансан. - Залежи колоссальны, а обнаружение их настолько важно, что невозможно сохранить все это в тайне. Японцам пришлось сообщить русским о разведанных месторождениях, но только о их половине. В перечне звездочками помечены залежи, о которых сообщили Москве.

- А об остальных им ничего не известно?

- Нет, - улыбнулся Чанг.

Министр, принадлежа к культуре, где мужчины и женщины в равной мере привыкли прятать свои чувства за маской равнодушия, даже не смог скрыть своего изумления, когда взял в руки листок бумаги. И, хотя руки у него не дрожали, он все же положил листок на полированную столешницу и стал бережно разглаживать бумагу, словно тончайший шелк.

- Это может удвоить богатства нашей страны.

- По самым осторожным расчетам, - согласился Чанг. Будучи одним из видных сотрудников китайской разведки, он не только прикрывался дипломатическим статусом, но и на самом деле занимался дипломатией больше, чем самые влиятельные представители дипломатического ведомства страны. Это смущало их, но не его. - Нужно принять во внимание, товарищ министр, что это данные, предоставленные нам японцами. Они не сомневаются, что получают доступ к половине разведанных ими полезных ископаемых, а поскольку поневоле будут вынуждены почти полностью финансировать их разработку...

- Вот именно, - улыбнулся министр. - Они собираются разрабатывать месторождения, а на нашу долю выпадает весь стратегический риск. Отвратительные маленькие убоюдки. - Как и те, с кем Чанг вел переговоры в Токио, министр и маршал, который молча прислушивался к разговору, принимали участие в войне, хотя и не против американцев. Являясь ветеранами

Восьмой полевой армии, они помнили войну. Министр пожал плечами. - Ничего не поделаешь, приходится сотрудничать с ними. Хотя бы ради этих полезных ископаемых, правда?

- У русских мощное вооружение, - кивнул маршал. - Но число солдат не так уж велико.

- Японцы знают об этом, - успокоил Чанг Хансан руководителей своей страны. - Как говорит тот деятель, с которым я поддерживаю связь, создалось единение потребностей с возможностями, но он надеется, что все это выльется, по его словам, в тесное сердечное согласие между нашими странами, стремящими к подлинному...

- Кто будет играть ведущую роль в этом союзе? - перебил маршал. На его обветренном лице появилась циничная улыбка.

- Они, разумеется, - ответил Чанг Хансан. - По крайней мере так им представляется, - добавил он.

- В этом случае, раз японцы хотят привлечь нас на свою сторону, им и нужно взять в свои руки инициативу на первом этапе, - произнес министр, определяя политику Китая таким образом, чтобы это не оскорбило вождя страны, маленького сутулого мужчину со смеющимися глазами, перед решительностью которого отступит даже лев. Он посмотрел на маршала, тот согласно кивнул. Министр и разведчик одновременно подумали о том, что стойкость старого

солдата к алкоголю поразительна.

- Я так и предполагал, - согласился Чанг. - Более того, такой же точки зрения придерживаются и я;донцы, поскольку надеются извлечь наибольшую выгоду.

- Не будем разрушать их иллюзий.

- Я восторгаюсь вашей уверенностью, - заметил инженер НАСА, стоя на балконе для наблюдателей. Американца приводили в восхищение огромные средства, выделенные для этой цели. Правительство согласилось финансировать деятельность промышленной корпорации, решившей приобрести у русских чертежи ракеты и построить ее. Таким образом Япония выдвинется в число космических держав. Действительно, в этой стране промышленники обладают колоссальным влиянием, верно?

- Мы считаем, что нам удалось решить проблему маршевого ракетного двигателя, - объяснил японский инженер. - Ключ к ее решению заключался в дефектном клапане. Сначала мы пользовались советской конструкцией.

- Что вы имеете в виду?

- Я хочу сказать, что во время первых запусков на топливных баках ракет стояли перепускные клапаны советского образца. Их конструкция оказалась неудачной. Русские пытались максимально облегчить третью ступень, но...

Представитель НАСА ошеломленно моргнул.

- Вы утверждаете, что их ракеты серийного выпуска были... Многозначительный кивок послужил ответом на вопрос американца.

- Да. По крайней мере треть этих ракет взорвалась бы в воздухе, не достигнув цели. Мои специалисты считают, что советские ракеты, использованные для испытаний, были построены с особой тщательностью, однако при серийном производстве качество оказалось типично русским.

- Н-да. - Чемоданы американца были уже упакованы и лежали в автомобиле, который доставит его в аэропорт Нарита, где он сядет на самолет для утомительного перелета в Чикаго. Он еще раз посмотрел на огромный цех внизу. Наверно, вот так выглядел завод фирмы "Дженерал дайнэмикс" в шестидесятые годы, в разгар холодной войны. Стартовые ускорители первой ступени стояли в ряд подобно гигантским сосискам - пятнадцать ракет находились в различных стадиях сборки, и техники в белых халатах занимались выполнением своих сложных обязанностей. - Вон те десять уже, похоже, готовы.

- Совершенно верно, - кивнул главный инженер завода.

- Когда у вас следующий испытательный запуск?

- В следующем месяце. Три первых полезных груза уже к нему подготовлены, - ответил японец.

- Да, принявшись за дело, вы не мешкаете!

- Просто серийное производство гораздо эффективней.

- Значит, ракеты будут перевозиться в собранном виде? Последовал кивок.

- Совершенно верно. Разумеется, мы наполним топливные баки сжатым инертным газом, но одно из преимуществ этой конструкции заключается в том, что ракеты и предназначены для транспортировки в собранном виде. Таким образом мы исключаем монтаж на стартовой площадке.

- Повезете на трейлерах?

- Нет, - покачал головой японский инженер. - По железной дороге.
- А как насчет начинки?
- Ее собирают на другом заводе. Это собственность фирмы-изготовителя, и доставку они осуществляют сами.

Второе производственное предприятие никакие иностранные гости не посещали. Более того, там вообще не бывало посторонних, хотя завод располагался в пригороде Токио. Вывеска снаружи гласила, что здесь находится научно-исследовательский центр крупной корпорации, и жильцы соседних домов полагали, что тут ведется работа над компьютерными модулями или чем-то вроде того. Линии электропередач, ведущие к заводу, мало отличались от обычных, потому что львиную долю электроэнергии потребляли обогревательные системы и системы кондиционирования воздуха, расположенные позади здания завода в небольшой пристройке. Подъезжающие автомобили тоже никак не выделяли производство - перед заводом находилась площадка для стоянки машин, рассчитанная примерно на восемьдесят автомобилей, и обычно она была наполовину пустой. Завод опоясывала малозаметная ограда, ничем не отличающаяся от тех, что принято устанавливать вокруг небольших промышленных центров во всем мире. У входов - спереди и сзади - располагались будки охраны. Сюда редко приезжали грузовики, и посторонний наблюдатель вряд ли обратил бы внимание на этот "исследовательский центр".

Внутри все резко менялось. Хотя в двух наружных будках находились охранники, которые с вежливой улыбкой объясняли дорогу заблудившимся водителям, служба безопасности в самом здании была совсем иной. На каждом контрольно-пропускном пункте в ящиках столов лежали немецкие девятимиллиметровые пистолеты Р-38, и охранники здесь уже не улыбались. Разумеется, они не имели представления о том, что охраняют. Есть вещи слишком необычные, чтобы можно было догадаться об их назначении. Еще никто не создал документального фильма о производстве ядерного оружия.

Производственный цех имел площадь пятьдесят метров на пятнадцать. Здесь двумя рядами на одинаковом расстоянии друг от друга располагались станки, причем каждый был закрыт футляром из плексигласа, отделяющим его от окружающего мира. Из каждого футляра воздух отсасывался специальной вентиляционной системой. Такой же очистке подвергался и воздух в самом цехе. Инженеры и техники здесь были в белых комбинезонах и перчатках и походили на рабочих заводов по производству компьютерных модулей, и, когда кто-то из них выходил наружу покурить, прохожие действительно принимали их за таковых.

Внутри этого стерильно чистого цеха с одной стороны поступали грубо сформованные плутониевые полусферы, которым в ходе обработки на нескольких станках придавали окончательную форму, и они выходили из цеха отполированные до зеркального блеска. Каждую обработанную полусферу, уложив на пластиковый поддон, отправляли на склад, где укладывали в покрытые пластиком ячейки, которые помещались на стальных полках. При этом не допускалось соприкосновение полусферы с металлом, так как плутоний, помимо того что являлся радиоактивным и испускал тепло благодаря излучению альфа-частиц, при соприкосновении с другим металлом вступал с ним в реакцию, возникали искры и происходило воспламенение. Плутоний, подобно магнию и титану, горел

исключительно активно и после возгорания не поддавался тушению. Несмотря на все это, обработка полушарий - их было двадцать - стала самой обычной и привычной операцией для инженеров. Этот этап был уже пройден.

Намного труднее оказалось обработать корпуса боеголовок. Они выглядели как большие конусы, полые внутри, высотой сто двадцать и диаметром пятьдесят сантиметров у основания и были изготовлены из урана-238 - темно-красного, очень тяжелого и твердого металла. Тяжелые конусы, вес которых превышал четыреста килограммов, нуждались в точной обработке для абсолютной динамической симметрии. Боеголовки, предназначенные для "полета" как в пустоте космического пространства, так и в течение короткого времени в атмосфере, должны были иметь совершенно идеальную форму, чтобы сохранять в полете аэродинамическую устойчивость. Ко всеобщему удивлению, обработка конусов оказалась делом исключительно сложным. Пришлось дважды заново производить процедуру отливки, и даже после этого корпуса боеголовок подвергались периодической балансировке, подобно тому как производят балансировку автомобильных колес, но при этом к ним предъявлялись гораздо более строгие требования. Внешняя поверхность всех десяти корпусов не была так тщательно отполирована, как внутренние детали боеголовки, хотя казалась гладкой при прикосновении. Сохранившиеся крохотные, хотя и симметричные неровности позволяют "физическому пакету" - американский термин - плотно разместиться внутри корпуса боеголовки и в решающий момент - разумеется, все надеялись, что он никогда не наступит, - выбросить колоссальный поток "быстрых" нейтронов, которые пронизают урановые корпуса и вызовут цепную реакцию, удвоив таким образом энергию, освобожденную при взрыве плутония, трития и дейтерида лития, находящихся внутри.

Такое элегантное и остроумное решение проблемы всегда привлекало инженеров, особенно незнакомых с ядерной физикой и овладевших ее основами в процессе работы. Уран-238 при всей своей твердости и плотности, что осложняло его обработку, чрезвычайно тугоплавкий металл. Американцы даже использовали его для бронезащиты своих танков, настолько хорошо он противостоял натиску внешней энергии. При прохождении через атмосферу со скоростью 27 тысяч километров в час трение воздуха уничтожило бы любое тело почти из любого из известных материалов, но не из урана-238, по крайней мере не на протяжении тех нескольких секунд, что необходимы для пролета через атмосферу. А затем урановая оболочка превратится в составную часть самой бомбы. Да, несомненно, элегантное решение, считали инженеры, давая ему тем самым высшую профессиональную оценку, и оно стоило затраченных сил и времени. После изготовления каждую боеголовку грузили на тележку и везли на склад. В настоящий момент оставались незаконченными еще три боеголовки. Этот этап проекта, ко всеобщему неудовольствию, отставал от графика на две недели.

На обработку поступил корпус восьмой боеголовки. В случае взрыва именно уран-238, образующий оболочку, дает наибольшее количество радиоактивных осадков. Ничего не поделаешь, таковы законы ядерной физики.

Это была еще одна случайность, вызванная скорее всего ранним временем дня. Райан приехал в Белый дом сразу после семи утра, минут на двадцать

раньше обычного, потому что шоссе номер 50 оказалось необычно свободным от транспортного потока. В результате у него не нашлось времени прочитать все материалы для предстоящего брифинга, и он подошел к западному входу, держа их под мышкой. Хотя Джек был советником президента по национальной безопасности, ему все равно пришлось пройти через металлодетектор, и здесь он натолкнулся на чью-то спину. Владелец этой спины передавал в данный момент агенту Секретной службы свой табельный пистолет.

- Ваши парни все еще не доверяют ФБР? - услышал Райан знакомый голос. Человек обращался к одетому в штатское старшему агенту, который стоял рядом.

- Вот именно, ФБР особенно! - прозвучал шутливый ответ.

- И правильно поступаете, - добавил Райан. - Проверь у него и кобур у лодыжки, Майк.

Мюррей прошел через металлодетектор, замаскированный под дверную раму, и обернулся.

- Мне больше не требуется запасной пистолет, - произнес помощник директора ФБР и показал пальцем на пачку бумаг под мышкой у Райана. - А разве вот так носят секретные документы?

Шутка Мюррея прозвучала автоматически и вовсе не означала, что у него хорошее настроение, просто он любил поддеть старого Приятеля. Тут Райан заметил впереди уже миновавшего металлодетектор министра юстиции, который недовольно оглядывался назад. Почему так рано вызван член кабинета министров? - удивился Джек. Если бы вопрос затрагивал интересы национальной безопасности, Райана непременно уведомили бы, а уголовные дела редко имели такую важность, чтобы президент собирал представителей заинтересованных ведомств ранее обычных восьми часов. И почему министр юстиции прибыл в сопровождении Мюррея? Элен Д'Агустино ожидала поблизости, чтобы проводить их по коридорам верхнего этажа. Случайная встреча разожгла любопытство Райана.

- Босс ждет нас, - негромко произнес Мюррей, догадавшись, о чем думает Джек.

- Ты не зайдешь ко мне после совещания? У меня есть кое-какие проблемы, и я собирался позвонить тебе.

- Конечно, - ответил Мюррей и ушел, даже не задав обычного вопроса о Кэти и детях, как это принято между друзьями.

Райан миновал металлодетектор, повернул налево и поднялся По лестнице к себе в кабинет, где начал рабочий день со знакомства документами. Он успел закончить чтение, когда секретарша впустила в кабинет Мюррея. Ходить вокруг да около не было смысла.

- Что-то рано для визита министра юстиции к президенту, Дэн. Вопрос, который вы обсуждали, не касается круга моих интересов?

- Извини, пока нет, - покачал головой Мюррей. - Ну хорошо, - согласился Райан и тут же сформулировал свой вопрос иначе: - Может быть, мне все-таки следует знать, чем вы говорили?

- Пожалуй, но босс просил ограничить круг людей, знакомых с этим. К тому же вопрос не затрагивает проблем национальной безопасности. Так о чем ты хотел со мной поговорить?

Райан задумался на пару секунд и тут же решил, что может положиться на Мюррея. По крайней мере в данном случае.

- Это совершенно секретная тема, Дэн, - предупредил Джек и рассказал о своем разговоре с Мэри-Пэт, состоявшемся накануне. Сотрудник ФБР выслушал его с бесстрастным выражением.

- Вообще-то тут нет ничего нового, Джек. Последние годы мы начали проявлять интерес к тому, что все больше американских девушек... - как лучше сказать? - получают соблазнительные предложения выехать за границу, стать манекенщицами или вроде того. Вербовщики действуют весьма осторожно. Молодые женщины часто выезжают туда для работы моделями, для съемок рекламных клипов и тому подобного. Некоторые приобретают известность и по возвращении в Америку делают карьеру. Мы провели проверку, она закончилась безрезультатно, однако нам стало известно, что некоторое количество девушек исчезает. Нас заинтересовала в особенности одна из них, и ее внешность соответствует описанию вашего агента. Ее зовут Кимберли, фамилии не помню. Отец - капитан полиции в Сиэтле, он сосед нашего специального агента, руководящего там отделением ФБР. Не придавая делу огласке, мы связались с японской полицией - тоже безрезультатно.

- Что ты сам об этом думаешь? - спросил Райан.

- Люди исчезают ежедневно, Джек. Многие молодые девушки уезжают из дома, чтобы отыскать себе место в жизни. Можешь назвать это феминизмом или просто стремлением к независимости, но такое случается постоянно. Этой Кимберли двадцать лет, она плохо училась, а затем куда-то исчезла. Ничто не указывает на вероятность ее похищения, а в двадцать лет ты свободный гражданин, верно? Мы не имеем права вести расследование подобных случаев. Ну хорошо, в данном случае так сложилось, что у нее отец - капитан полиции, и мы всего лишь поинтересовались ее местопребыванием, стараясь не привлекать к этому внимания, чтобы не создалось впечатление, будто произошло нарушение американских законов. У нас нет ничего, что указывало бы на подобное нарушение.

- Ты хочешь сказать, что девушка, которой исполнилось восемнадцать, исчезла и вы не можете...

- Если нет доказательств преступления, мы не можем ничего предпринять. У нас просто слишком мало людей, чтобы отслеживать каждого юношу или каждую девушку, решивших искать собственный путь в жизни, не сообщив об этом маме или папе.

- Ты не ответил на мой первый вопрос, Дэн, - заметил Райан и тут же обратил внимание, что его гость чувствует себя как-то неловко.

- Понимаешь, Джек, там есть мужчины, которым нравятся блондинки с голубыми глазами. Среди исчезнувших непропорционально велико число светловолосых девушек. Сначала мы не разобрались в этом и поняли лишь после того, как наш агент принялся опрашивать их знакомых, не перекрашивали ли девушки волосы незадолго до исчезновения. Утвердительных ответов было столько, что это показалось ему необычным. Таким образом, я отвечу тебе - да, я думаю, что-то происходит, но у нас слишком мало оснований для расследования, - заключил Мюррей и тут же добавил: - Если бы этот вопрос как-то затрагивал интересы национальной безопасности... вот тогда...

- Тогда что? - спросил Джек.

- Может быть, ЦРУ попытается что-то узнать, не привлекая особого

внимания?

Впервые за все эти годы Райан услышал из уст сотрудника ФБР просьбу помочь с расследованием, адресованную ЦРУ. В прошлом Федеральное бюро расследований всегда яростно защищало свои интересы - подобно медведице, встающей на защиту медвежат.

- Продолжай, Дэн, - сказал Райан.

- У них там процветающая секс-индустрия. В порнографических фильмах, демонстрируемых в Японии, главные действующие лица почти всегда американки. В журналах видишь фотографии главным образом обнаженных белых женщин, а ближайшая страна, способная поставлять им таких женщин, - Америка. Мы подозреваем, что некоторые девушки работают там совсем не манекенщицами, но это всего лишь подозрения, нам не удалось получить достаточно убедительных доказательств. - А другая проблема заключается в том, что результатом могут стать неприятные последствия, подумал Мюррей, хотя и промолчал. Если там действительно что-то происходит, он не был уверен, что американцам удастся заручиться помощью японских властей, и в этом случае девушки исчезнут навсегда. Если же им все-таки пойдут навстречу, информация может просочиться в прессу и будет представлена как еще один пример американского расизма и преследования японцев. - Короче говоря, похоже, что ЦРУ проводит там какую-то операцию. Мой совет заключается в следующем: расширьте ее. Если хотите, я могу предоставить некоторым сотрудникам ЦРУ информацию, имеющуюся в нашем распоряжении. Она не слишком подробная, но у нас есть фотографии.

- Как тебе удалось столько узнать?

- Нашим отделением в Сиэтле руководит специальный агент Чак О'Киф, Когда-то я работал под его началом. Он попросил меня поговорить об этом с Биллом Шоу, Билл разрешил провести негласное расследование, которое ни к чему не привело, а у Чака работы в его отделении и без того по горло.

- Я посоветуюсь с Мэри-Пэт. Еще что-нибудь? - Извини, дружище, но об этом тебе придется спросить босса

Проклятье! - подумал Райан, глядя на уходящего Мюррея Почему у нас всегда столько тайн?

6. Взглянув внутрь, видишь снаружи

Во многих отношениях действовать в Японии было на редкость трудно. Одной из причин этого являлась, конечно, расовая проблема. Строго говоря, Япония не представляла собой однородное общество. Здесь жили айны, древние обитатели японских островов, но они населяли главным образом самый северный остров, Хоккайдо. Их по-прежнему называли аборигенами, они были почти полностью изолированы от остального японского общества, и отношение к ним было не из лучших. Кроме того, здесь жило немало корейцев, их предков ввозили в Японию в начале века как дешевую рабочую силу, подобно тому как Америка принимала иммигрантов на побережья Тихого и Атлантического океанов. Однако в отличие от Америки Япония отказывалась предоставить иммигрантам свое гражданство, если только они не соглашались полностью адаптироваться к японским условиям, превращаясь на самом деле в натурализованных японцев, что было особенно странно, потому что сами японцы были выходцами из Кореи, что

убедительно доказали исследования ДНК. Впрочем, японцы - особенно представители высших слоев населения - категорически и в большинстве своем с негодованием отрицали это. Для японцев все иностранцы относились к категории гайджин. Это слово, как и множество других, имело в японском языке разные оттенки. Обычно оно великодушно переводилось как "иностранцы", однако могло означать и "варвары", подумал Чет Номури, в том уничижительном смысле, который имело это слово, когда впервые было употреблено греками. Ирония заключалась в том, что он сам, являясь американским гражданином, относился к гайджин, несмотря на свое чисто японское происхождение. И хотя он рос, испытывая ненависть к расистской политике американского правительства, когда-то причинившего немало зла его семье, ему понадобилось провести на земле предков всего лишь неделю, чтобы уже мечтать о возвращении в Южную Калифорнию, где жизнь была такой приятной и спокойной.

Живя и "работая" здесь, Честер Номури испытывал странные ощущения. Прежде чем его отобрали для участия в операции "Сандаловое дерево", он подвергся тщательной проверке. Номури стал сотрудником ЦРУ вскоре после окончания Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и не очень хорошо понимал причины, побудившие его сделать такой выбор, разве что смутное стремление к приключениям, смешанное с семейной традицией государственной службы. Оказавшись в ЦРУ он, к собственному удивлению, обнаружил, что ему нравится там. Это так напоминало работу в полиции, а Номури обожал полицейские романы и телефильмы. Больше того, служба в ЦРУ была чертовски интересной. Каждый день он узнавал что-то новое. Казалось, он сидит в классе, а перед ним проходит увлекательная история мира. И все-таки самым важным уроком, который он усвоил, было осознание того, сколь мудрым и проницательным человеком был его прадед. Номури не закрывал глаза на недостатки Америки, но предпочитал жить там, а не в любой другой стране, где ему довелось побывать. Вместе с этим ощущением пришла гордость за свою работу, хотя он все еще не совсем понимал, в чем заключается его задание. Конечно, и управление, пославшее его сюда, тоже не все понимало, но Номури не осознавал этого, когда при подготовке на "Ферме" ему говорили о гибких рамках задания. В конце концов, разве такое возможно? По-видимому, это какая-то непонятная для него профессиональная шутка.

В то же самое время Номури был слишком молод и неопытен, чтобы должным образом оценить существующую здесь двойственную обстановку, позволяющую агентам действовать с такой легкостью. В особенности это касалось пригородных поездов.

В вагонах набивалось столько людей, что по коже у него бежали мурашки. Номури не ожидал оказаться в стране с такой плотностью населения, что постоянно приходилось стоять, прижавшись к самым разным незнакомцам, и скоро он понял, что маниакальное стремление японцев к чистоте, личной гигиене и сдержанному поведению просто следствие этого. Люди настолько часто сталкивались, прижимались или каким-то другим образом находились в физическом контакте друг с другом, что недостаток подчеркнутой вежливости привел бы к такой бойне на улице, по сравнению с которой насилие, царившее в самых преступных районах американских городов, показалось бы детскими играми. Сочетание вежливого смущения и улыбки после случайного

соприкосновения с ледяной личной замкнутостью помогало здешним жителям переносить такую жизнь, хотя Номури все еще не сумел привыкнуть к этому. "Человеку нужен простор" - эта фраза пользовалась огромной популярностью в Калифорнийском университете. В Японии, совершенно очевидно, ее встретили бы с непониманием, потому что как раз простора здесь не было.

Непонятым было и отношение к женщинам. В переполненных вагонах пригородных поездов стоящие и сидящие служащие по пути на работу и с работы читали комиксы, называемые здесь манга. Это были сокращенные варианты романов, что вызывало у Номури серьезное беспокойство. Недавно в продажу снова поступила популярная книга восьмидесятых годов под названием "Рин-Тин-Тин". Но это был не добродушный пес из телевизионного сериала пятидесятых годов, демонстрировавшегося по американскому телевидению, нет, это был пес, наделенный собакой-любовницей, который беседовал с нею и... занимался сексом. Такого рода произведение не вызывало восторга у Номури, но вот впереди на скамье сидит пожилой служащий и увлеченно разглядывает страницу за страницей, а рядом, вперив взгляд в окно поезда, стоит японка, может быть заметив, что за книга в руках соседа, а может быть, и нет. Война между мужчинами и женщинами в этой стране несомненно идет по другим правилам, чем в Америке, подумал Номури. И тут же постарался забыть об этом. В конце концов, это не входило в его задание. Впрочем, он не подозревал, что скоро поймет, насколько был неправ.

Он не увидел момента передачи. Стоя в третьем вагоне поезда у задней двери и держась за поручень над головой, он читал газету и даже не заметил, как в карман его плаща кто-то сунул конверт. Так всегда это происходило - в какой-то момент плащ становился чуть тяжелее. Однажды он повернулся и... никого не увидел. Черт побери, он действительно стал членом профессиональной организации.

Через восемнадцать минут поезд подошел к перрону вокзала, двери раздвинулись, и из вагонов лавиной хлынули толпы спешащих людей. Служащий, сидевший в десяти футах от него, сунул в портфель свой "иллюстрированный роман", вышел из вагона и направился к месту работы, сохраняя бесстрастное выражение лица и несомненно скрывая свои мысли за маской равнодушия. Номури направился в свою сторону, застегивая на ходу пиджак и пытаясь догадаться, какими будут новые инструкции.

- Президент знает об этом?
- Нет еще, - покачал головой Райан.
- Может быть, его следует поставить в известность? - спросила Мэри-Пэт.
- Я так и сделаю, когда наступит время.
- Мне не хотелось бы подвергать риску своих людей ради...
- Риск? - поднял брови Райан. - Мне нужно, чтобы он всего лишь собрал информацию, а не вступал в контакт и разоблачал себя. Из тех донесений, с которыми мне до сих пор довелось познакомиться, я понял, что ему приходится только подбрасывать собеседникам невинные вопросы, а если их разговоры в раздевалке не отличаются от наших - в том нет никакой опасности.
- Ты ведь знаешь, что я имею в виду, - прикрыв ладонью усталые глаза, заметила заместитель директора ЦРУ по оперативным вопросам. Позади трудный

день, и она обеспокоена благополучием своих полевых агентов. Так должен поступать каждый заместитель директора по оперативным вопросам, а Мэри-Пэт была женщиной и матерью, к тому же в прошлом ее тоже арестовывали сотрудники Второго главного управления КГБ.

Операция "Сандаловое дерево" проходила сначала достаточно невинно - если вообще разведывательные операции в иностранных государствах можно назвать невинными. До нее аналогичную операцию ФБР и ЦРУ проводили совместно. Операция завершилась крайне неудачно: японская полиция арестовала американского гражданина и обнаружила у него инструменты взломщика вместе с дипломатическим паспортом, и последнее в данном случае не пошло ему на пользу. Сведения об этом даже просочились в газеты. К счастью, средства массовой информации не сумели понять о чем идет речь. В Японии одни постоянно покупают информацию у других. Часто такая информация относится к разряду секретной или даже для особенно ограниченного круга, и в итоге американские интересы пострадали.

- Он действительно так хорош? - спросил Райан.

На лице Мэри-Пэт едва не появилась довольная улыбка.

- Очень хорош. Это у него от природы. Сейчас он быстро учится тому, как влиться в японское общество, и устанавливает знакомства с людьми, от которых он мог бы почерпнуть полезную информацию. Мы помогли ему создать собственную фирму, и она даже приносит неплохой доход. Он получил указание действовать с максимальной осторожностью, - еще раз напомнила миссис Фоули.

- Я знаю, МП, - устало пробормотал Райан. - Но если дело обстоит именно так...

- Понимаю, Джек. Меня тоже встревожило то, что прислал Мюррей.

- Значит, ты веришь в это? - спросил Райан, не зная, какой ответ ожидать.

- Да, верю, и Мюррей верит тоже. - Она помолчала. - Если у нас появится что-либо по этому вопросу, что тогда?

- Вот тогда я пойду к президенту и мы, возможно, сумеем вывезти оттуда тех, кто хотят быть вывезенными.

- Я не могу так рисковать Номури! - излишне громко воскликнула миссис Фоули.

- Господи, Мэри-Пэт, я и не рассчитывал на это. Послушай, я ведь тоже устал, правда?

- Значит, ты хочешь, чтобы я послала туда другую группу для прикрытия Чета? - спросила она.

- Разве не ты проводишь операцию? Я говорю тебе, что нужно сделать, а не как. Успокойся, МП. - После этих слов советник по национальной безопасности увидел на лице заместителя директора ЦРУ извиняющуюся улыбку.

- Прости, Джек. Я все время забываю, что по части оперативной работы ты новичок.

- Химические продукты, которые входят в состав нашего топлива, могут использоваться в промышленности, - объяснил русский полковник американскому.

- Вам повезло. Наше топливо годится только для сжигания, и при этом образуется ядовитый дым, от которого гибнет все живое. - Вообще-то дым от

жидкого ракетного топлива тоже не был живительным дуновением свежего ветерка, но, если разобраться, его составляющие действительно представляли собой химические соединения, пригодные для широкого промышленного применения.

На глазах обоих полковников техники присоединили толстый шланг от стояка рядом с "пускателем" - так русские называли пусковую шахту - к цистерне для перевозки на химический завод остатков триоксида азота. У дна шахты с помощью другого шланга закачивали сжатый газ в бак с окислителем, чтобы вытеснить из него оставшуюся едкую жидкость. Боеголовка с верхней части ракеты была уже удалена, и американец видел крепления, где она еще недавно присоединялась к корпусу. Сейчас боеголовка лежала в другом грузовике, который под охраной двух бронетранспортеров БТР-70 впереди и трех сзади направлялся на место, где с нее снимут боевой заряд и окончательно демонтируют.

Америка покупала плутоний. Третий из боеголовок останется в России и скорее всего будет продан на международном рынке для изготовления циферблатов часов и измерительных приборов. Стоимость третьего достигала пятидесяти тысяч долларов за грамм, и его продажа принесет русским немалые деньги; Может быть, именно поэтому, подумал американец, его русские коллеги и работали так энергично.

Это была первая пусковая шахта межконтинентальной баллистической ракеты СС-19, демонтируемая в 53-м полку Ракетных войск стратегического назначения. Шахта походила на американские пусковые шахты, выводимые из строя под наблюдением русских специалистов, и в то же время отличалась от них. Такая же масса железобетона, уходящего в землю, только эта шахта находилась в лесу, тогда как американские размещались на открытом пространстве, что свидетельствовало о различных представлениях об их безопасности. Да и климат здесь мало отличался от климата в Северной Дакоте, где на открытой равнине обычны сильные ветры. Они усиливают ощущение холода, в то время как здесь, в России, ниже температура. Наконец техник поворотом вентиля запер клапан, шланг подняли наверх, и цистерна отъехала.

- Не возражаете, если я посмотрю? - спросил полковник американских ВВС.

- Пожалуйста. - Русский полковник сделал жест в сторону пусковой шахты и даже вручил американцу мощный электрический фонарь. На его лице промелькнула насмешливая улыбка.

Сукин ты сын! - захотелось воскликнуть полковнику Эндрю Малколму. На дне шахты виднелась лужа ледяной воды. Разведданные оказались ошибочными уже в который раз. Кто бы мог поверить в это?

- Обеспечить поддержку? - спросил Динг.

- Не исключено, что для вас это окажется всего лишь туристической поездкой, - сказала миссис Фоули, на мгновение поверив в это.

- Вы сами проинструктируете нас? - поинтересовался Джон Кларк, переходя к делу. В конце концов, ему остается винить только себя, поскольку они с Дингом составляли одну из лучших оперативных групп ЦРУ. Кларк взглянул на Чавеза. Да, парень за последние пять лет продвинулся далеко. Он закончил колледж и готовился к защите диссертации на степень магистра, и не по

какой-нибудь там ерунде, а по международным отношениям.

Работа Динга в ЦРУ вызвала бы инфаркт у его профессоров, поскольку их представление о международном праве не включало нарушение суверенитета других государств. Об этом говорил сам Доминго Чавез в пыльной африканской пустыне, читая учебник истории и готовясь к одному из предстоящих семинаров. Впрочем, парень все еще не научился скрывать эмоции и по-прежнему временами проявлял вспыльчивость, свойственную его характеру. Правда, Кларк не мог понять, является ли эта вспыльчивость невольной или это намеренно Динг поддерживает репутацию, которую заслужил. В каждой организации - в данном случае на

"Ферме" и в коридорах управления - оперативники должны проявлять индивидуальные, только им присущие черты. Репутация самого Джона была общеизвестна. О нем говорили шепотом, наивно полагая, что он не узнает об этом. Динг тоже стремился иметь свое лицо. Ну что ж, это вполне понятно.

- Фотографии? - негромко спросил Чавез и взял снимки, которые протянула ему миссис Фоули. Их было шесть. Динг внимательно смотрел на каждый и передавал один за другим своему старшему напарнику. Голос молодого человека оставался спокойным, хотя на лице отразилось отвращение.

- Значит, если Номури сумеет обнаружить знакомое лицо и его местонахождение, как нам поступить? - спросил Динг.

- Вы оба вступаете с нею в контакт и спрашиваете, хочет ли она получить бесплатный билет для возвращения домой, - ответила миссис Фоули, промолчав о том, что по прибытии в США девушка будет подвергнута самому пристрастному допросу.

ЦРУ ничего не дает бесплатно.

- Какой будет легенда? - поинтересовался Джон.

- Пока еще не решили. Перед отъездом вам придется как следует поработать над языком.

- В Монтерее? - улыбнулся Чавез. Этот город был одним из самых приятных мест в Америке, особенно в такое время года.

- Две недели, интенсивное обучение с полным погружением. Вылетаете сегодня вечером. Вашим учителем будет русский по фамилии Лялин, Олег Юрьевич Лялин. Это бывший майор КГБ, перешедший к нам несколько лет назад. В Японии у него была своя агентурная сеть под названием "Чертополох". Именно он передал ту информацию, на основании которой вы с Дингом установили подслушивающие устройства на авиалайнере.

- Вот как! - удивился Чавез. - Без него... Миссис Фоули кивнула, довольная тем, что Динг так быстро сообразил и установил связь с прошлым.

- Совершенно верно. Там у него прелестный дом на берегу. Он оказался блестящим преподавателем японского языка, наверно, потому что когда-то ему самому пришлось учиться. - Предоставление политического убежища Лялину оказалось весьма выгодным для ЦРУ. По завершении бесконечных допросов он начал успешно преподавать в лингвистической школе вооруженных сил, где жалование ему платило Министерство обороны. - К тому времени, когда вы научитесь заказывать ланч и спрашивать по-японски, где находится туалет, мы разработаем для вас легенду и подготовим необходимые документы.

Кларк улыбнулся и встал.

- Значит, снова за работу.

- Вперед, на защиту Америки, - с улыбкой произнес Динг, поднимаясь следом, и положил фотографии на стол миссис Фоули. Он ничуть не сомневался, что оборона его страны осталась в прошлом. Услышав его слова, Кларк едва не согласился с шуткой, но тут к нему вернулись воспоминания, и лицо оперативника обрело прежнее бесстрастное выражение.

Это не было их виной, а представляло собой всего лишь объективную реальность. При населении, вчетверо превышающем американское, и пригодной для проживания территории, которая в три раза меньше, чем у Соединенных Штатов, они столкнулись с необходимостью что-то предпринять. Жителям Индии требовалась работа, продовольствие, предметы первой необходимости, наконец, они хотели иметь все то, что имеют жители других стран мира. Поэтому все было так просто. Нельзя сказать "нет" девятиста миллионам человек. В особенности если ты являешься одним из них. Вице-адмирал В. К. Чандраскатта сидел в кожаном кресле на мостике авианосца "Вираат". Его долг, как это говорилось в данной им присяге, заключался в том, чтобы исполнять приказы правительства, но прежде всего Чандраскатта служил своему народу. Чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть вниз с адмиральского мостика на офицеров и матросов, особенно на последних - лучших представителей его народа. Они покинули сушу, оставили привычную жизнь, которую вели на индийском субконтиненте, чтобы попытаться начать новую, и прилагали все силы, достойно исполняя свои обязанности, потому что каким бы скудным ни было их флотское жалованье, оно намного превосходило то, что им платили в стране, где уровень безработицы колебался между двадцатью и двадцатью пятью процентами. Сколько времени понадобилось его стране, чтобы научиться удовлетворять свои потребности в продовольствии? Двадцать пять лет? И даже это явилось результатом своего рода благотворительности, помощи, которую западные страны оказали в развитии сельскохозяйственной науки. Достигнутые успехи все еще вызывали раздражение у многих - можно подумать, их страна, колыбель древней культуры, родина цивилизации, не смогла определить собственную судьбу. Порой даже искренняя благотворительность может лечь тяжким бременем на душу нации.

А что теперь? Наконец экономика его страны начала развиваться, но и это имело свои пределы. Индия нуждалась в природных ресурсах, но больше всего - в жизненном пространстве, которого так не хватало. На севере страны простирались самые грозные в мире горные хребты. На востоке - Бангладеш со своими проблемами, еще более страшными, чем у самой Индии. К западу - Пакистан, также перенаселенный, древний религиозный враг, война с которым вполне могла нарушить снабжение Индии нефтью, получаемой из мусульманских стран Персидского залива, а это само по себе грозит катастрофой.

Какое невезение, подумал адмирал, поднося к глазам бинокль и осматривая свой флот - в данный момент другого занятия не было. Если его страна ничего не предпримет, лучшее, на что она может надеяться, - это сохранение существующего положения и дальнейшая стагнация. А вот если она обратит свой взгляд на окружающие регионы, начав активные поиски жизненного пространства... Однако принципы "нового мирового порядка" гласили, что Индия

не имеет права предпринимать что-либо подобное. Ей отказали в стремлении к величию страны, уже достигшие его и потому опасаящиеся, что их могут догнать другие.

Доказательства тому находились прямо перед ним. Его военно-морской флот был одним из самых могучих в мире, созданный и подготовленный на средства, которых страна не могла позволить себе, а потому находилась сейчас в столь тяжелом экономическом положении. Индийские корабли плавали в одном из семи океанов, единственном, который получил свое название в честь страны, но даже здесь его флот уступал по мощи части американского флота. Это приводило адмирала в ярость. Именно Америка являлась той страной, которая диктовала свои условия, указывала, что может делать Индия, а что - нет, Америка, история которой насчитывала всего-то чуть больше двухсот лет! Выскочки. Разве американцы воевали с Александром Македонским или грозным ханом? Эпоха "великих открытий" была начата европейскими мореплавателями, которые стремились достичь Индии, а теперь страна, которую открыли по чистой случайности, отказывает в справедливом стремлении древней родины адмирала к величию и могуществу. Адмиралу нелегко было скрыть все эти нахлынувшие чувства за бесстрастной маской профессионала, особенно когда вокруг шныряли офицеры его штаба.

- Радиолокационный контакт, пеленг один-три-пять, расстояние двести километров, - слышался голос оператора. - Курс сближения, скорость пятьсот узлов.

Адмирал повернулся к начальнику штаба и кивнул. Капитан первого ранга Мехта поднял телефонную трубку и отдал короткую команду. Индийская эскадра находилась в стороне от судоходных маршрутов, и появление самолетов говорило само за себя. Четыре американских истребителя-штурмовика F-18E "хорнет" взлетели с палубы одного из американских авианосцев, плывущих где-то к северо-востоку от эскадры адмирала Чандраскатты. Они прилетали ежедневно, утром и вечером, а иногда и ночью, чтобы продемонстрировать, что американцам известно местонахождение его эскадры, и дать ему понять, что он не знает и не может знать, где находятся они сами.

Через мгновение адмирал услышал характерный рев двух истребителей вертикального взлета "харриер". Он знал, что эти дорогие и отличные машины все-таки не могут составить конкуренцию приближающимся американским "хорнетам". Сегодня адмирал распорядился поднять четыре "харриера" - два с "Виранта" и два с "Викранта", - чтобы перехватить четырех - похоже, четырех - американцев. Пилоты увидят друг друга и помашут руками, демонстрируя дружеское расположение и зная, что это обоюдная ложь.

- Мы можем осветить их радиолокаторами систем ПВО, показать, что нам надоели эти игры, - негромко предложил капитан Мехта.

Адмирал покачал головой.

- Нет. Они почти ничего не знают о наших ракетных системах "корабль - воздух", и мы не будем добровольно давать им эту информацию. - Частоты, диапазон и скорость повторения радиолокационных импульсов на индийских кораблях оставались секретными, и американская разведка, по-видимому, так и не удосужилась заняться ими. Это означало, что американцы, возможно, не смогут заглушить или поставить электронные помехи для его систем - впрочем,

может быть, и смогут, но не будут в этом уверены, и это обстоятельство превратится для них в источник беспокойства. Такой козырь не был особенно выигрышным, однако другого у адмирала не было. Чандраскатта отпил не торопясь глоток чая, подчеркивая свое самообладание. - Нет, мы заметим их появление, встретим по-дружески, и пусть улетают обратно.

Мехта кивнул и молча удалился, подавляя кипящую в нем ярость. Этого следовало ожидать. Он был начальником штаба флота, и в его обязанности входила разработка оперативного плана, направленного на то, чтобы одолеть американцев, если возникнет такая необходимость. Мехта знал, что одержать победу над американцами практически невозможно, однако это не избавляло его от работы над планом, и потому ощущение бессильной ярости было вполне объяснимо. Чандраскатта поставил чашку, наблюдая за тем, как "харриеры" сорвались с изгибающейся вверх, подобно лыжному трамплину, летной палубы и стремительно набирали высоту.

- Каково состояние летчиков? - спросил адмирал у своего начальника воздушных операций.

- Они разочарованы, но продолжают действовать великолепно. - В ответе прозвучала заслуженная гордость, чего и следовало ожидать. Летчики были блестяще подготовлены. Адмирал часто обедал у них за столом, и мужественные молодые лица служили для него источником гордости. Это были отличные молодые парни, ничуть не уступающие лучшим пилотам других стран. Еще более важно то, что они стремились доказать это.

Однако у всего индийского флота было только сорок три истребителя FRS-51 "харриер". На авианосцах "Вираат" и "Викрант", входящих в состав эскадры Чандраскатты, находилось тридцать таких истребителей, а это уступало числу самолетов на борту одного американского авианосца. И все потому, что американцы первыми начали гонку вооружений, вырвались вперед и объявили о ее завершении, напомнил себе Чандраскатта, прислушиваясь к разговорам своих летчиков по открытым каналам радиосвязи. Это весьма несправедливо.

- Итак, что ты хочешь сказать мне? - спросил Джек.

- Нас провели за нос, - ответил Робби. - Русские ракеты нуждаются в регулярном техническом обслуживании. И знаешь что? Последние пару лет технического обслуживания не производилось. Энди Малколм связался со мной сегодня вечером по сотовой связи. Когда он заглянул внутрь пусковой шахты, на дне ее была вода.

- Ну и что?

- Извини, я забыл, что ты не очень в этом разбираешься, -

сконфуженно улыбнулся Робби, напомнив Райану волка в овечьей шкуре. - Понимаешь, стоит тебе выкопать в земле яму, как рано или поздно она наполнится водой, верно? Если у тебя в этой яме хранится что-то ценное, воду приходится постоянно откачивать. Лужа на дне пусковой шахты означает, что русские не занимались этим регулярно, а это влечет за собой повышенную влажность от испарений. Результатом является коррозия. Райан наконец понял.

- Ты хочешь сказать, что их ракеты...

- Скорее всего их было бы невозможно запустить, даже если бы русским этого захотелось. Таковы последствия коррозии. Ракеты, наверно, просто

стояли в пусковых шахтах вроде театральных декораций, поскольку ремонт их, после того как они вышли из строя, - дело опасное и сомнительное. Короче говоря, - Джексон положил тонкую папку на стол Райана, - таково мнение управления J-3.

- А каково мнение J-2? - спросил Джек, имея в виду разведывательное управление Объединенного комитета начальников штабов.

- Они никогда не верили этому, но, думаю, поверят теперь, когда мы откроем достаточное количество русских пусковых шахт и увидим внутри то же самое. Что касается моего мнения, - адмирал Джексон пожал плечами, - если Иван позволил нам увидеть это в шахте номер один, то можно предположить, что то же положение и в других шахтах. Русским теперь наплевать на свои ракеты.

Разведывательная информация всегда поступает из ряда источников, и заключение такого аналитика, как Джексон, особенно ценно. В отличие от офицеров разведки, в чьи обязанности входит оценка потенциала противника, что почти всегда осуществляется с теоретических позиций, Джексон относился к числу людей, проявляющих интерес к способности другой стороны нанести удар, и он узнал на собственном опыте, что заставить оружие действовать намного труднее, чем просто смотреть на него.

- Помнишь, ведь совсем недавно мы считали их таким грозным противником?

- Я никогда не придерживался подобной точки зрения, однако даже слабоумный придурок с пистолетом в руке может испортить тебе весь день, - напомнил Робби приятелю. - Итак, сколько денег им удалось выторговать у нас?

- Пять больших.

- Прекрасно, деньги налогоплательщиков в действии. Мы только что заплатили русским пять миллиардов долларов за демонтаж ракет, не способных взлететь из пусковых шахт, если только сначала не будут взорваны стоящие на них боеголовки. Просто сказочная сделка, доктор Райан.

- Им нужны деньги, Роб.

- Мне тоже. Понимаешь, приятель, я стараюсь наскрести достаточно денег, чтобы мои самолеты могли летать. - Мало кто понимал, что каждый корабль в составе военно-морского флота и каждый танковый батальон действовали на основе строго ограниченных бюджетных ассигнований. Несмотря на то что у командиров не было чековых книжек, они имели право брать со складов столько припасов - топлива, оружия, запчастей, даже продовольствия, если речь шла о военных кораблях, - сколько было выделено им на год. Нередко случалось, что в конце финансового года военному кораблю приходилось неделями стоять у причала, потому что он исчерпал лимит. Это означало срыв какого-то задания и недостаточную боевую подготовку команды. Пентагон, таким образом, занимал исключительное место среди государственных департаментов, так как ему приходилось существовать на основе фиксированных и часто сокращающихся ассигнований.

- Как долго, по твоему мнению, мы сумеем просуществовать на урезанном бюджете?

- Я все время твержу ему об этом. Понимаешь, Роб, председатель...

- Строго между нами, председатель объединенного комитета считает, что операции - это что-то, что проводится хирургами в больницах. А если ты проговоришься об этом, конец всем урокам игры в гольф.

- Как ты считаешь, сколько мы выиграли, устранив русских из ракетно-ядерной гонки? - спросил Райан, надеясь, что Робби хоть немного успокоится.

- Намного меньше, чем сократив финансирование морских операций. На случай, если ты не заметил: американский Военно-морской флот резко уменьшился, и мы вынуждены выполнять поставленные перед нами задачи, имея в своем распоряжении на сорок процентов меньше кораблей, чем в прошлом. А вот океан остался таким же большим, понимаешь? Согласен, армия в несколько лучшем положении, зато ВВС ослаблены, да и морская пехота сосет последнее молоко из тощей груди. А ведь морские пехотинцы по-прежнему остаются главной силой быстрого реагирования на случай, если мальчики и девочки из Туманного болота снова напортачат.

- Не учи ученого, Робби.

- Но это еще не все, Джек. Нагрузка на личный состав продолжает расти. Чем меньше у нас кораблей, тем дольше они вынуждены находиться в море. А чем дольше они остаются в море, тем больше приходится платить за техническое обслуживание. Положение начинает походить на катастрофическое, которое сложилось в конце семидесятых. От нас уходят люди, Джек, потому что трудно убедить их так долго оставаться в отрыве от жены и детей. У летчиков тоже тупиковая ситуация. Теряя таким образом опытных людей, приходится тратить больше средств на подготовку новых пилотов. Так что, как ни посмотри, боевая готовность снижается. - Адмирал явно сел на своего конька,

- Послушай, Роб, недавно я то же самое сказал в противоположном крыле этого здания. Я прилагаю все усилия, чтобы повысить обороноспособность. - Джек говорил теперь тоном высокопоставленного чиновника. Наконец они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

- Мы оба - старые пердуны.

- Это верно, прошло много времени с тех пор, как мы были молоды, - согласился Райан негромко, почти переходя на шепот. - Я тогда преподавал историю, а ты каждый вечер взывал к Богу, умоляя Его помочь с поврежденной ногой.

- Наверно, делал это недостаточно усердно. Артрит меня замучил, - пожаловался Джексон. - Через девять месяцев мне предстоит пройти полное медицинское освидетельствование на годность к полетам. Как ты думаешь, каким будет заключение врачей?

- Тебе запретят летать?

- Навсегда, - равнодушно кивнул Джексон. Райан знал, что это значит. Для летчика, взлетавшего на истребителях с палуб авианосцев больше двадцати лет, запрет на полеты означал, что ты уже слишком стар, а признать это всегда нелегко. Больше он не сможет заниматься играми вместе с молодежью. Раннюю седину можно объяснить генетикой, но запрет на полеты объясняется однозначно, а следовательно, придется повесить в шкаф летный костюм и шлем, согласиться, что ты больше не тот человек, которым стремился стать с десятилетнего возраста, что ты для этого недостаточно хорош, - и все это после того как на протяжении всей жизни тебе удавалось быть в числе лучших. Самым горьким воспоминанием останутся слова, сказанные им о летчиках, которые были старше его в то время, когда он сам был младшим лейтенантом, -

скрытые насмешки, многозначительные взгляды, которыми обменивались зеленые офицеры, даже не думавшие о том, что когда-нибудь и они окажутся в таком же положении.

- Роб, сколько хороших офицеров не стали даже кандидатами на должность командующего эскадрой. Они увольняются в звании капитанов третьего ранга после двадцати лет службы и становятся летчиками авиакомпаний, развозящими по ночам почту для "Федерал экспресс".

- При этом неплохо зарабатывая.

- Ты уже выбрал себе должность? - При этих словах минорное настроение Джексона как рукой сняло. Он поднял голову и ухмыльнулся.

- Черт побери, раз я не могу танцевать, то по крайней мере могу наблюдать за танцами. Скажу тебе вот что, дружище, если ты хочешь, чтобы мы осуществляли все те превосходные операции, которые планируются в моем крошечном кабинете, нам нужна помощь с вашей стороны Потوماка. Майк Дюбро делает все что может, но у него и его подчиненных тоже есть предел возможного, понимаешь?

- Ну что ж, адмирал, могу обещать вам, сэр, следующее: когда наступит момент для вашего назначения командующим боевым авианосным соединением, по крайней мере одно из них еще останется в составе флота. - Оба понимали, что такое обещание немногого стоит, но гарантировать большее Райан не мог.

Она была номером пять. Самым поразительным явилось то... Впрочем, здесь все было поразительным, подумал Мюррей, сидя в своем кабинете в шести кварталах от Белого дома. Больше всего Дэна беспокоил ход расследования. Вместе со своей группой он опросил немало женщин, которые признались - кто со стыдом, кто с нескрываемым волнением, а кто с гордостью и юмором, - что они спали с Эдом Келти, но только пятеро заявили, что это не было для них добровольным. У пятой по счету женщины дополнительным фактором явились наркотики, и она испытывала чувство одиночества и глубокого стыда из-за того, что ей казалось, будто она одна попала в ловушку.

- Твое мнение? - спросил Билл Шоу, тоже усталый после длинного рабочего дня.

- У нас есть все необходимые доказательства, показания пяти жертв насилия, четверо из которых живы. Два случая изнасилования настолько очевидны, что не вызовут сомнения в любом суде. В их число не входит Лайза Берринджер. Еще две подтвердили использование наркотиков на территории федерального округа. Две первые независимо друг от друга дали свидетельские показания, которые в точности, буквально слово в слово, совпадают, - они опознали наклейки на бутылках с бренди, обстановку в комнате и все остальное.

- Надежные свидетели? - спросил директор ФБР.

- Надежнее в таких случаях не бывает. Пора приступать к следующему этапу.

Шоу согласно кивнул. Скоро поползут слухи. Невозможно длительное время вести тайное расследование, даже при самых благоприятных обстоятельствах. Кое-кто из тех, что подверглись допросу, с симпатией относятся к обвиняемому, и, несмотря на осторожно сформулированные вопросы, им не

потребуется особого воображения, чтобы понять их смысл - в немалой степени потому, что они сами подозревают это. В таком случае отказавшиеся стать свидетельницами тут же обратятся к человеку, который является объектом расследования, чтобы предупредить его, будучи либо убеждены в его невиновности, либо надеясь на личную выгоду. Вице-президент США, будь он преступником или нет, все-таки обладал немалой властью и по-прежнему мог оказывать важные услуги. В другое время бюро вообще не смогло бы продвинуться так далеко. Министр юстиции или сам президент дал бы им понять, что расследование лучше прекратить, старшие представители администрации вступили бы в контакт с жертвами, предложили бы им ту или иную компенсацию, и во многих случаях это сработало бы. Единственная причина, по которой им удалось завершить расследование, в конце концов, заключалась в том, что ФБР имело разрешение президента, опиралось на помощь министра юстиции и пользовалось изменившейся юридической и моральной обстановкой в стране.

- Как только ты поговоришь с председателем... Мюррей кивнул:

- Да, следовало бы немедленно организовать пресс-конференцию и изложить на ней суть дела и имеющиеся доказательства. - Сделать это они, конечно, не смогут. Сразу после разговора с председателем юридической комиссии Конгресса и лидером меньшинства, в котором эти политические деятели будут ознакомлены с основными доказательствами, информация тут же просочится в прессу. Единственный козырь, который остается в руках Мюррея и его следственной группы, - это выбор времени дня. Беседу с конгрессменами следует назначить на достаточно позднее время, чтобы новости не попали в утренние газеты, что вызовет гнев редакторов "Вашингтон пост" и "Нью-Йорк таймс". Бюро вынуждено строго соблюдать правила. Оно не может организовать утечку (информации, потому что предстоял уголовный процесс и права обвиняемого должны охраняться так же тщательно, как и права его жертв, - даже еще тщательней. В противном случае доказательства, Представленные на процессе, окажутся под сомнением.

- Мы сами примем необходимые меры, Дэн, - наконец сказал Шоу. - Я попрошу министра юстиции позвонить ему и условиться о встрече. Может быть, это поможет ненадолго задержать утечку информации. Что тебе сказал президент в тот раз - меня интересует его точная фраза?

- Президент - хороший парень. - Помощник директора воспользовался похвалой, распространенной среди сотрудников ФБР. - Президент произнес: "Преступление - это преступление". Дарлинг, правда, попросил вести по возможности "черное" расследование, но этого следовало ожидать.

- Ну что ж, хорошо. Я лично буду информировать его о происходящем.

Номури, получив задание, как обычно, взялся за дело без промедления. Сегодня ему предстояло снова встретиться в бане с той же компанией - не иначе, подумал он, у меня самая чистая работа во всем управлении. Вдобавок это был один из Лучших способов, сбора информации, и он надеялся еще больше облегчить его, прихватив с собой большую бутылку сакэ, которая теперь полупустой стояла на краю деревянной ванны.

- Я уже жалею, что ты рассказал мне о той блондинке, - небрежно заметил Номури. Он сидел с закрытыми глазами в своем углу ванны по горло в воде, чувствуя, как она обволакивает и расслабляет все его мышцы. Вода была

достаточно горячей, чтобы понизить кровяное давление и вызвать ощущение эйфории. Тому же способствовало и воздействие алкоголя. Многим японцам свойственно генетическое отклонение, называемое на Западе восточным румянцем или, что нравится страдающим от этого гораздо меньше, патологической интоксикацией. По сути дела это расстройство обмена веществ, означающее, что даже при относительно небольшой дозе алкоголя происходит быстрое опьянение. К счастью, такое генетическое отклонение не коснулось семьи Номури.

- Почему же? - подал голос сидевший в углу напротив Казуо Таока.

- Никак не могу выбросить из головы эту американскую ведьму! - добродушно бросил Номури. В бане обычно царила атмосфера дружеской откровенности. Японец, сидевший рядом, энергично потер голову и засмеялся вместе с остальными.

- Не иначе, тебе хочется услышать побольше подробностей? - произнес он и, когда Номури промолчал, продолжил, зная, что и всем остальным это будет интересно: - Между прочим, ты был прав. У них слишком большие ступни и груди, а вот поведение... ну что ж, этому, в конце концов, можно научиться.

- Он сделал драматическую паузу.

- Давай, рассказывай, не мучай, - послышался притворно раздраженный голос еще одного посетителя.

- Дай собраться с мыслями, - недовольно проворчал говоривший, вызвав взрыв веселого хохота. - Так вот, для идеальной красавицы груди у них и впрямь великоваты, но в жизни приходится чем-то жертвовать, и мне, по правде, доводилось видеть формы и похуже...

А ведь он и на самом деле неплохой рассказчик, подумал Номури. На это тоже нужен талант. Послышался хлопок пробки - и один из присутствующих разлил сакэ по маленьким чашкам. Вообще-то спиртные напитки в банях были запрещены, но на это правило - большая редкость для Японии - обычно не обращали внимания. Номури, не открывая глаз, протянул руку за своей чашкой и постарался блаженно улыбнуться, словно думал о голубоглазой красавице, прислушиваясь к рассказу, из которого узнал немало новых подробностей. Описание девушки было детальным и все больше походило на фотографию, полученную им вместе с материалами в утреннем поезде. И все-таки сделать однозначный вывод пока было трудно.

Тысячи девушек могли подойти под такое описание, и Номури не испытывал особой досады, прислушиваясь к рассказу. В конце концов, она сама выбрала для себя такую жизнь и все-таки оставалась американской гражданкой, так что если он сможет помочь ей, то постарается это сделать. Задание казалось ему тривиальным дополнением к полученному ранее, но по крайней мере он получил возможность задавать вопросы, сближающие его с членами этого мужского сообщества. Таким образом, надежды получить от них важную информацию в будущем делались еще более реальными.

- У нас нет выбора, - произнес мужской голос в другой бане, которая располагалась не особенно далеко от первой. - Нам нужна ваша помощь.

Этого следовало ожидать, подумали остальные пятеро. Вопрос заключался лишь в том, кто из них первым окажется в затруднительном положении. Судьба наложила свою тяжелую руку на этого мужчину и его компанию. Это отнюдь не

уменьшало его собственный позор, он был вынужден обратиться за помощью, и остальные чувствовали испытываемую им боль, сохраняя бесстрастные лица и вежливые манеры. Более того, сейчас все они разделяли еще одно общее чувство: страх. Теперь, когда такое уже однажды случилось, это может повториться с гораздо большей легкостью. Кто из них будет следующим?

По сути дела нет более надежного способа вложения денег, чем в недвижимость, собственность, которую вы видите и можете ощупать, построить на ней что-то или жить там, нечто зримое и осязаемое для других. Несмотря на то что в Японии не прекращались усилия по расширению земельных угодий - например, отвоевывали земли у моря для строительства новых аэропортов, - общее правило оставалось здесь таким же справедливым, как и в других странах: покупать землю имело смысл, потому что ее больше не делали, а следовательно, цены на земельные участки не понижались.

Однако в Японии такое положение, общее для всех, нарушалось уникальным своеобразием местных условий. Законы о землепользовании искажались из-за чрезмерных прав, которые имели владельцы небольших участков земли, используемой для сельскохозяйственного производства, и нередко среди высотных зданий в пригородах можно было видеть крохотные клочки земли размером в четверть гектара, на которых выращивались овощи. Эта и без того небольшая страна - ее территория равнялась площади Калифорнии, - но с населением, составляющим примерно половину американского, становилась все более густонаселенной. Лишь малая часть земли тут годилась для производства сельскохозяйственной продукции, а хотя близость сельскохозяйственных угодий всегда создавала более благоприятные условия для проживания людей, основная часть населения переполняла горсточку огромных перенаселенных городов, и там стоимость недвижимости вырастала еще больше. Поразительным результатом этих на первый взгляд самых обычных обстоятельств было то, что недвижимость в одном Токио стоила выше всей земли в сорока восьми континентальных штатах Америки. Еще более поразительным являлось то, что эта абсурдная ситуация воспринималась всеми как нечто само собой разумеющееся, хотя на самом деле она была такой же искусственной, как увлечение голландскими тюльпанами в семнадцатом веке. Но, как и в Америке, что представляла собой национальная экономика Японии, как не всеобщее убеждение, принятое на веру? Так думали все на протяжении целого поколения. Расчетливые японцы сберегали немалую часть своих заработков. Эти сбережения вкладывались в банки в таких колоссальных количествах, что объем средств для кредитования тоже являлся колоссальным, и в результате процентные ставки займов оставались низкими. Это позволяло предпринимателям покупать земельные участки и возводить на них строения, несмотря на цены, которые в любых других странах мира казались бы в лучшем случае разорительными, а в худшем - просто невыносимыми. Как это обычно происходит в атмосфере искусственно вызванного бума, такой процесс имел опасные последствия. Искусственно завышенная цена позволяла использовать недвижимость в качестве залога при займах и как обеспечение для пакетов акций, покупаемых при сделках с маржой<Маржа - величина, выражающая разность между двумя определенными показателями: например, при покупке ценных бумаг - разница между ценой покупателя и ценой продавца>. Действуя таким образом, дельцы, кажущиеся на первый взгляд проницательными и

дальновидными, сооружали по сути дела сложные карточные пирамиды, в основании которых лежало убеждение, что стоимость недвижимости в границах города Токио превышает ценность всей американской земли от Бангора до Сан-Диего. Высокая стоимость недвижимости в Японии больше всего другого оказала влияние на убеждение японских дельцов, что недвижимость в Америке является, в конце концов, такой же, как и у них в стране, и потому должна стоить значительно дороже, чем требуют за нее глупые американцы. К началу девяностых годов начали появляться первые тревожные симптомы. Стремительное падение японского фондового рынка угрожало крушением крупных счетов, основанных на сделках с маржей, и заставило некоторых владельцев подумать о продаже принадлежащей им недвижимости для покрытия расходов. И тут они с потрясением осознали не вызывающий особого удивления факт, что никто не собирается платить вздутую цену за участки земли, и, хотя все абстрактно соглашались с этой ценой, готовность платить такие суммы в действительности была, мягко говоря, не слишком реальной. В результате оказалось, что из основания карточной постройки, поддерживающего всю остальную пирамиду, незаметно исчезла одна карта и оставалось только ждать дуновения ветерка, чтобы рухнуло все огромное сооружение. Впрочем, на такую возможность при переговорах между крупными дельцами старались не обращать внимания.

До сегодняшнего дня.

Сидевшие в деревянной ванне были друзьями и партнерами на протяжении многих лет, и, когда Козо Мацуда спокойно и с достоинством проинформировал остальных о финансовых трудностях, испытываемых его компанией, все тут же увидели на горизонте угрожающую им катастрофическую опасность, оказавшуюся намного ближе, чем они предполагали всего двумя часами раньше.

Присутствующие здесь банкиры могли бы предложить займы, однако процентные ставки будут теперь заметно выше. Промышленники пойдут навстречу, но это приведет к снижению доходности их предприятий, что окажет отрицательное воздействие на и без того пошатнувшееся положение с акциями на фондовой бирже. Конечно, они могут спасти своего друга от разорения, но вместе с тем на нем навсегда останется клеймо неудачника, что исключит его из их тесной группы. Если они не придут к нему на помощь, ему придется прибегнуть к последней, крайней мере - не привлекая внимания, выставить на продажу некоторые из принадлежащих ему зданий, надеясь, что кто-то согласится купить их по цене, близкой к действующей в данный момент, что, однако, было очень маловероятно, и все знали это. Сами они не пойдут на такой шаг, и, если станет известно, что "номинальная" цена зданий имеет столь же малое отношение к их действительной стоимости, как романы Жюль Верна к реальной жизни, они тоже понесут убытки. Банкирам придется признать, что обеспечение предоставленных ими займов и, следовательно, безопасность вкладов, находящихся в их банках, тоже являются фиктивными. Масса "реальных" денег, ранее столь колоссальная, что осознавалась только как отвлеченная цифра, исчезнет, словно по мановению палочки в руке злого волшебника. По всем этим причинам они будут вынуждены поступить, как того требует необходимость, - окажут помощь Мацуде и его компании, спасут от краха, предоставив ему, разумеется, в обмен на определенные уступки, деньги, в которых нуждается его фирма для обеспечения проводимых ею операций.

Проблема, однако, заключалась в том, что они могут проделать это один раз, может быть, два и даже три, но не больше, потому что события начнут развиваться все более стремительно, сила инерции возрастет и скоро наступит момент, когда даже их совместные усилия окажутся недостаточными, чтобы поддержать рушащийся карточный домик. О последствиях этого думать не хотелось.

Все шестеро сидели, глядя перед собой на воду в ванне и избегая взглядов друг друга, потому что в японском обществе не любят обнаруживать страх, а они испытывали именно страх перед будущим. В конце концов, они сами несли ответственность за происшедшее. Единолично управляя своими корпорациями, подобно тому как распоряжался своей финансовой империей Джон Пирпонт Морган, они обладали огромным личным могуществом, вели роскошный образ жизни и соответственно несли за все полную личную ответственность. Ведь именно они принимали решения, и если эти решения оказывались ошибочными, то только на них падала ответственность в обществе, где личная неудача воспринималась так же болезненно, как смерть.

- Ямата-сан был прав, - негромко произнес один из банкиров, неподвижно сидя в ванне. - Я допустил ошибку, не согласившись с ним.

Удивляясь его смелости, все остальные ответили утвердительно, как один: "Хай".

- Нам нужно посоветоваться с ним по этому вопросу, - заметил другой.

Продукция, выпускаемая этим заводом, пользовалась таким спросом, что рабочие трудились здесь в две напряженные смены. Огромное одинокое здание, расположенное среди холмов Кентукки, занимало свыше ста акров. Его окружали стоянки автомобилей. Одна - для машин, принадлежавших рабочим, и вторая - куда выгоняли заводскую продукцию. Кроме того, здесь же располагались площадки, где автомобили грузили на трейлеры и на железнодорожные платформы.

"Креста" - самый популярный новый автомобиль на американском и японском рынках - получила название по имени трассы бобслея на швейцарском курорте Сен-Мориц. Как-то один из японских промышленников, занятый производством автомобилей, изрядно набравшись, принял вызов и попробовал спуститься по обманчиво пологому спуску на санях. Он сел на сани, ринулся вниз, потерял управление при входе в первый же предательский поворот, вылетел с трассы и дальше мчался уже по баллистической кривой, а приземлившись, вывихнул ногу. В качестве благодарности трассе, преподавшей ему наглядный урок смирения, лежа в местной больнице, он решил закрепить полученный опыт в названии следующего автомобиля, находившегося на тот момент в стадии разработки в чертежах и набросках.

"Креста", как почти все произведенное японской промышленностью, была шедевром автомобилестроения. В доступном по цене автомобиле с передним приводом и экономичным четырехцилиндровым двигателем с шестнадцатью клапанами с комфортом размещались два взрослых человека на передних сиденьях и двое-трое детей на заднем, и он сразу стал, по признанию журнала "Мотор тренд", машиной года. К тому же "креста" спасла от разорения японского промышленника, который до этого в течение трех лет нес убытки из-за успешных усилий Детройта вернуть себе американский рынок. Ставший самым популярным

среди молодых семей с детьми, допускавший множество вариантов отделки и дополнительных приспособлений, устанавливаемых по желанию покупателя, автомобиль производился по обеим сторонам Тихого океана, удовлетворяя глобальный спрос.

Завод, расположенный в тридцати милях от Лексингтона, штат Кентукки, был самым современным во всех отношениях. Рабочие получали здесь зарплату согласно профсоюзной шкале, так что у них не было надобности вступать в Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности, и при двукратных попытках создать на заводе профсоюзную организацию, проводимых под эгидой Национального совета по трудовым отношениям, тут не удалось собрать даже сорока процентов голосов, так что представители этой мощной организации были вынуждены покинуть завод, сетуя на поразительную незрелость рабочих.

Как на всех подобных предприятиях, в деятельности этого завода был какой-то элемент нереального. С одной стороны в здание поступали комплектующие, с другой - выезжали готовые автомобили. Кое-какие детали и узлы даже изготавливались в Америке, хотя их было не так много, как того хотелось бы американскому правительству. Да и менеджер предпочел бы больше деталей производить на месте. Особенно часто необходимость этого проявлялась зимой, когда штормовая погода в северной части Тихого океана мешала своевременной доставке комплектующих, изготовленных в Японии, - задержка всего лишь одного судна даже на сутки создавала критическое положение, так как сборочный конвейер действовал, имея минимальный запас деталей на складе, а спрос на "кресты" превышал производственные мощности завода. Комплектующие прибывали главным образом в контейнерах по железной дороге с обоих побережий Америки через установленные графиком промежутки времени и накапливались в кладовых рядом с теми секциями сборочного конвейера, где крепились к шасси очередного автомобиля. Значительная часть сборки осуществлялась промышленными роботами, однако ничто не могло заменить искусных рук квалифицированного рабочего, его глаз и ума, и, говоря по правде, роботы выполняли главным образом те операции, которые так или иначе не нравились людям. Высокая эффективность завода позволила снизить стоимость "кресты", а напряженный график с большим количеством сверхурочного труда отвечал интересам рабочих, которые впервые почувствовали вкус высокооплачиваемой работы и трудились не менее прилежно, чем их японские коллеги. К тому же, как отмечали японские инструкторы в разговорах между собой, а также сообщали руководству компании, американские рабочие трудились не просто прилежно, но и проявляли творческую сообразительность. Целая дюжина важных усовершенствований производственного процесса, предложенных рабочими этого завода, была немедленно принята на подобных заводах, расположенных за шесть тысяч миль отсюда. Японскому персоналу, осуществляющему контроль за производством, нравилась жизнь в Соединенных Штатах. Стоимость жилья и размеры участков, на которых находились дома, стали для них поразительным откровением, и, быстро привыкнув к новой обстановке, японцы начали осваиваться с местным гостеприимством, играть с американскими адвокатами в гольф, заезжать в "Макдональдсы" за чизбургерами, наблюдать, как их дети играют в мяч с маленькими американцами. Нередко японских специалистов поражало дружеское гостеприимство, так не похожее на то, что они ожидали.

Местное кабельное телевидение даже включило в свои программы передачи Эн-эйч-кей для двухсот японских семей, желавших ощутить вкус дома. В то же самое время японцы, находящиеся в Америке, благодаря неожиданно высокой производительности сборочного завода в Кентукки и продолжающемуся падению доллара по отношению к йене приносили немалую прибыль своей корпорации, которая, к сожалению, едва покрывала расходы, связанные с импортом автомобилей из Японии. Вот почему на этой неделе был приобретен прилегающий участок земли для расширения завода, что позволило бы увеличить производственные мощности на шестьдесят процентов. Рассматривалась возможность введения третьей смены, но это затруднило бы весь технологический процесс и соответственно усложнило бы контроль за качеством автомобилей. Дирекция решила отказаться от такого шага, особенно в связи с возросшей конкуренцией со стороны автомобильных заводов американских корпораций в Детройте.

В начале сборочного конвейера двое рабочих крепили к шасси автомобиля топливные баки. Один из них в стороне от конвейера доставал бак из картонной коробки и ставил на движущуюся ленту, которая доставляла его ко второму рабочему, чьей обязанностью было установить эту громадную, но легкую деталь. Пластиковые лапы удерживали бак в течение того короткого времени, которое требовалось рабочему для крепления бака к шасси, затем лента конвейера перемещала будущий автомобиль к следующему рабочему месту.

Женщина-кладовщица обратила внимание на картонную коробку, которая оказалась влажной. Она провела по ней ладонью, поднесла руку к лицу и почувствовала запах морской соли. Видно, контейнер с топливными баками был неплотно закрыт, и, когда бушующие волны захлестнули его, вода попала внутрь. Хорошо еще, подумала женщина, что баки изготовлены из оцинкованной стали, гарантирующей их герметичность при любой погоде. Подмокли около двадцати баков. Кладовщица заколебалась, не следует ли сообщить об этом бригадиру, оглянулась по сторонам, но не увидела его поблизости. У нее было право самой остановить конвейер, - что в сборочном цехе происходило крайне редко, - пока не подтвердится пригодность топливных баков. Теоретически в случае крайней необходимости это мог сделать каждый рабочий, но женщина работала здесь недавно и считала, что такое решение должен принять бригадир. Она снова в нерешительности оглянулась вокруг, ее бездействие вызвало резкий свист ожидавшего деталь рабочего. Пожалуй, нет ничего страшного в том, что коробка промокла, решила она, положила бак на движущуюся ленту, открыла следующую коробку и забыла о происшедшем. Ей даже не могло прийти в голову, что она стала звеном в цепи событий, дальнейшее развитие которых приведет к гибели одной семьи и нанесет урон еще двум.

Через две минуты топливный бак уже был укреплен на шасси очередной "кресты", и лента бесконечного конвейера понесла будущую машину в сторону открытых ворот, даже невидимых отсюда. Скоро на стальном шасси появятся новые детали, и наконец красный сверкающий красавец, уже заказанный семьей из Гринвилла, штат Теннесси, выкатит из ворот сборочного цеха. Цвет машины был выбран по желанию жены, Кандейси Дентон, которая только что после двойняшек-дочерей, родившихся тремя годами ранее, подарила своему мужу Пирсу сына. Это будет первый новый автомобиль у молодой семьи, знак любви,

испытываемой мужем к своей жене. Вообще-то машина была пока им не по карману, но покупку определяли чувства, а не деньги, и он знал, что сумеет каким-то образом найти выход. На следующий день автомобиль закатили на трейлер, чтобы доставить в автомагазин в Ноксвилле. Телекс с завода информировал дилера о предстоящем прибытии машины, и тот, не теряя времени, сообщил мистеру Дентону эту долгожданную новость.

Механикам магазина потребуется день на предпродажную подготовку, а затем автомобиль доставят заказчику - пусть с недельным опозданием из-за большого спроса на "кресты", но после тщательного осмотра и с временными номерами и страховкой. И разумеется, с полным баком, что поставит последнюю точку в уже предreshенной рядом обстоятельств судьбе Дентонов.

7. Катализатор

То, что все происходило ночью, затрудняло работу. Даже ослепительное сияние десятков прожекторов не заменяло бесплатный солнечный свет. Искусственное освещение создавало необычные тени, которые постоянно оказывались не там, где их ожидали, а вдобавокдвигающиеся рабочие отбрасывали и собственные тени, что действовало отвлекающе.

Каждая ракета-носитель СС-19, или Н-11, находилась внутри специальной капсулы. Чертежи такой капсулы - здесь она называлась коконом - были получены вместе с чертежами самой ракеты и являлись чем-то вроде дополнения; в конце концов японская корпорация заплатила за полный комплект чертежей и спецификации капсулы входили в него. Это следует считать удачей, подумал главный инженер, - почему-то, как ни странно, никому не пришло в голову поинтересоваться этим раньше.

СС-19 проектировалась как межконтинентальная баллистическая ракета, средство ведения войны, и, поскольку ее проектировали русские конструкторы, она была способна выдержать грубое обращение плохо подготовленных новобранцев. Этим, был вынужден признать инженер, русские продемонстрировали подлинную гениальность, достойную подражания. Его соотечественники были склонны изготавливать все с максимальной тщательностью, что часто усложняло конструкцию, делая ее хрупкой, а это было лишним для предметов, предназначение которых было столь жестоким. Вынужденные создавать оружие, способное выдержать массу неблагоприятных человеческих и внешних факторов, русские конструкторы разработали для своих ракет транспортный контейнер, готовый защитить их практически от всего. Таким образом, на заводе могли присоединить к ракете всю арматуру, контакты и разъемы, поместить корпус ракеты в капсулу и отправить к месту назначения. Солдатам оставалось только поставить ракету в вертикальное положение и опустить в пусковую шахту. После того как ракета оказывалась в шахте, трое квалифицированных техников присоединяли к ней провода питания и телеметрии. Хотя такой метод был не столь простым, как ввод патрона в патронник винтовки, он являлся наиболее удачным способом установки межконтинентальной баллистической ракеты, когда-либо разработанным ранее, настолько удачным, что американцы скопировали его и применили для своих ракет МХ, которые уже были теперь уничтожены. "Кокон" позволял без всякого риска обращаться с ракетой, потому

что все точки сопряжения находились в контакте с внутренней поверхностью капсулы. Такая конструкция походила на наружный хитиновый скелет насекомых и являлась необходимой, поскольку ракета, хотя и казалась столь угрожающей, на самом деле была исключительно хрупкой. Арматура внутри пусковой шахты соприкасалась с основанием капсулы, что позволяло разворачивать ее в вертикальном положении и затем полностью опускать на дно. На всю процедуру, даже при плохом освещении, ушло девяносто минут - именно такое время, как ни странно, требовалось по советским инструкциям.

Сейчас в пусковой шахте находились пять техников. Они подсоединили три кабеля электропитания и четыре шланга, которые призваны поддерживать давление газов в баках, куда потом будет закачано топливо и окислитель - в настоящий момент ракета еще не была заправлена и в баках требовалось поддерживать повышенное давление для сохранения структурной прочности корпуса. В бункере управления пуском, который находился в шестистах метрах от шахты, в северо-восточной стене ущелья, группа из трех техников отметила, что системы управления, размещенные внутри ракеты, пришли в действие и встали "по нулям", как и надлежало. Это отнюдь не было неожиданным, но все равно служило обнадеживающим знаком. Затем из бункера последовала команда на телефон у кромки пусковой шахты, и группа обслуживания разрешила поезду отойти. Теперь маневровый локомотив поставит пустую платформу на запасной путь и подтащит к другой пусковой шахте платформу со следующей ракетой. Этой ночью будет завершена установка двух ракет, как и в четыре следующие ночи, пока все десять ракет не разместятся в десяти пусковых шахтах. Инженеры, руководившие операцией, удивлялись, как гладко все идет, хотя каждый из них втайне думал о том, почему это должно вызывать у него удивление, ведь, в конце концов, процедура была весьма простой. Строго говоря, она действительно являлась несложной, но инженеры понимали, что благодаря их действиям мир скоро станет совсем иным, и потому им казалось, будто небо должно менять свой цвет, а земля содрогаться при завершении каждого этапа проекта.

Ничего подобного не случилось, и теперь они не знали, радость или разочарование стоит испытывать от этого.

- По нашему мнению, вам следовало занять более жесткую позицию, - нарушил кабинетную тишину Гото.

- Но почему? - спросил премьер-министр, уже догадываясь, каким будет ответ.

- Они стараются сокрушить нас, подчинить себе, хотят наказать за эффективность нашей промышленности, за то, что мы работаем лучше их, достигли более высокого качества, - короче говоря, за все то, чего не в силах добиться их ленивые рабочие. - Лидер оппозиции сберегал свой вызывающий тон для публичных выступлений. При разговоре с глазу на глаз с руководителем правительства своей страны он неизменно соблюдал вежливость, хотя и обдумывал план свержения этого слабого и нерешительного политика.

- Это не совсем так, Гото-сан. Вы знаете не хуже меня, что в последнее время мы укрепили наши позиции в области экспорта риса, автомобилей и компьютерных чипов. Это мы добились уступок от американцев, а не наоборот. -

Премьер-министр старался понять, чего добивается Гото. Кое о чем он, вполне естественно, догадывался. Гото со свойственной ему неуклюжестью пытался заручиться поддержкой различных фракций в японском парламенте - дайте же. Там у премьер-министра было незначительное большинство депутатов, поддерживающих его политику, и по этой причине правительство заняло достаточно твердую позицию во время торговых переговоров с Соединенными Штатами, стараясь привлечь к себе тех, в чьей поддержке при голосовании премьер-министр не был уверен. Обычно к их числу относились представители небольших партий и блоков, чья поддержка означала для правительства так много и достигала такой точки, при которой создавалось впечатление, будто хвост начинает вилять собакой, потому что в руки "хвоста" попала возможность нарушить - или поддержать - баланс власти в стране. Таким образом премьер-министр оказался вовлеченным в опасный цирковой номер на высоко натянутом канате и без страховочной сетки. С одной стороны, от него требовалось удовлетворять интересы политических союзников, а с другой - он не мог позволить себе намеренно ухудшить отношения с самым крупным торговым партнером своей страны. Но еще хуже было то, что такой цирковой номер был утомительным, а снизу на него жадными глазами смотрели люди, подобные Гото, которые поднимали крик по малейшему поводу в надежде, что шум заставит его потерять равновесие и упасть.

Похоже, Гото сумеет справиться с ситуацией лучше меня, подумал премьер-министр, наполняя чашку гостя зеленым чаем и получая в ответ вежливый поклон.

Существо проблемы он понимал лучше лидера парламентской оппозиции. Япония не являла собой демократическое государство в классическом смысле этого слова. Скорее она походила на Америку девятнадцатого века с правительством, которое фактически, если не юридически, было чем-то вроде официального щита, защищающего экономику страны. По сути дела страной управляла относительно маленькая горстка дельцов - их число не превышало тридцати, может быть, даже двадцати - в зависимости от подхода к методике подсчета, - и, несмотря на то что эти бизнесмены и их корпорации на первый взгляд, казалось, отчаянно конкурировали друг с другом, на практике все они являлись партнерами, связанными между собой самыми разными узами. Они состояли членами одних и тех же советов управляющих, владели контрольными пакетами банков, были объединены корпоративными соглашениями о сотрудничестве. Редко находился такой отважный член парламента, что не прислушивался самым внимательным образом к советам представителя одного из дзайбацу. И еще реже был парламентарий, на которого нисходила благодать личного общения с одним из действительных хозяев страны, этих капитанов японской экономики. В каждом таком случае народный избранник уходил после встречи потрясенный неслыханной удачей, поскольку именно экономические воротилы обладали тем, в чем нуждался каждый политический деятель: средствами финансирования. В результате их слово было законом. Таким образом, японский парламент был самым коррумпированным в мире. Впрочем, нет, "коррумпированный" - не то слово, подумал премьер-министр, скорее, раболепно повинующийся. Рядовые граждане страны нередко возмущались тем, что видели собственными глазами, или тем, о чем писали несколько смелых журналистов в

выражениях, которые на Западе показались бы слабыми и нерешительными, однако на самом деле они с убийственной меткостью били в цель - как в свое время критика Эмиля Золя, распространившаяся по всему Парижу. Но у рядового гражданина не было той реальной власти, которой обладали дзайбацу, и потому всякая попытка осуществить реформу политической системы в стране не достигала цели. Таким образом правительство одного из самых могущественных государств мира превратилось в не что иное, как в официального представителя и защитника интересов бизнесменов, которых никто не выбирал и которые не несли ответственности даже перед своими собственными акционерами. Они дали ему возможность занять пост премьер-министра, теперь он понимал это... Пронеслась мысль: может быть, это кость, брошенная народным массам? Неужели они рассчитывали на то, что он потерпит неудачу? Какова была заранее начертанная для него судьба? Значит, после того как его правительство рухнет, возвращение к прежней ситуации будет воспринято с благодарностью теми, кто раньше надеялись на него?

Этот страх заставил премьер-министра занять более агрессивную позицию при переговорах с Америкой, несмотря на то что он понимал всю опасность такого шага. А теперь уже и этого оказалось недостаточно?

- Многие согласны с вами, - вежливо продолжил Гото. - И я сам восхищаюсь вашим мужеством. Увы, наша страна попала в тяжелое положение по ряду объективных причин. Так, изменение курса йены по отношению к доллару нанесло колоссальный ущерб нашим зарубежным инвестициям, а это могло оказаться только результатом намеренной политики той страны, которую мы считаем самым важным торговым партнером.

В его манере говорить проскальзывало что-то необычное, заметил премьер-министр. Создавалось впечатление, что Гото читает написанный текст. Написанный кем? Впрочем, ответ на этот вопрос очевиден. Премьер-министр подумал о том, понимает ли Гото, что находится в еще худшем положении, чем тот, кого он стремится заменить на посту главы правительства. Вряд ли, решил премьер-министр, хотя это было слабым утешением. Если Гото займет его пост, он в еще большей степени станет марионеткой в руках закулисных хозяев и будет вынужден осуществлять политику, которая вряд ли окажется разумной и обдуманной. И в отличие от меня, подумал премьер-министр, Гото может оказаться таким дураком, что действительно поверит, будто проводимая им политика является одновременно мудрой и придуманной им самим. И как долго у него продлится эта иллюзия?

Поступать так слишком часто - опасно, подумал Кристофер Кук. Что значит - слишком часто? Ну, скажем, ежемесячно. Это действительно часто? Кук был помощником заместителя государственного секретаря, он не принадлежал к числу сотрудников разведки и потому не был знаком с наставлениями спецслужб, даже если предположить, что такие наставления существуют.

Гостеприимство, как всегда, было впечатляющим - превосходно приготовленные блюда, отличное вино и изысканная обстановка, неторопливая смена тем разговора, начиная с вежливых и обязательных расспросов о семье, успехах в гольфе и мнения гостя относительно той или иной проблемы светской жизни. Да, погода удивительно теплая для этого времени года - постоянное

замечание Сейджи, легко объяснимое, потому что весна и осень в Вашингтоне были достаточно приятными, зато лето обычно жарким и влажным, а зима - сырой, с пронизывающими ветрами. Такой разговор навевал скуку даже на профессионального дипломата, привыкшего к бесцельной болтовне. Нагумо прожил в Вашингтоне уже достаточно долго, чтобы исчерпать запас интересных замечаний, и за последние несколько месяцев темы разговора стали повторяться. Впрочем, почему он должен отличаться от других дипломатов? - спросил себя Кук, еще не зная, что в следующее мгновение будет удивлен.

- Мне стало известно, что вам удалось заключить важное соглашение с русскими, - произнес Сейджи Нагумо, когда ужин закончился и посуду унесли.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Кук, считая это продолжением светского разговора.

- Мы слышали, что вы ускорили демонтаж межконтинентальных баллистических ракет, - добавил японец и сделал глоток вина.

- У тебя отличные источники информации, - заметил Кук с нескрываемым удивлением. - Вообще-то мы предпочитаем не касаться этой темы.

- Несомненно, об этом не следует вести разговоры, но разве это не замечательно? - Он поднял свой бокал в дружеском тосте. Довольный американец ответил ему тем же.

- Да, конечно, такое событие весьма знаменательно, - согласился чиновник Госдепартамента. - Ты ведь знаешь, американская дипломатия стремилась много лет, с конца сороковых годов - если мне не изменяет память, еще со времен Бернарда Баруха<Бернард Маннес Барух (1870-1965) - крупный американский финансист и предприниматель>, - добиться уничтожения оружия массового поражения, представляющего такую опасность для человечества. Как тебе хорошо известно...

К удивлению Кука, японец прервал его.

- Мне это понятно куда лучше, чем может тебе показаться, Кристофер. Мой дед жил в Нагасаки, работал механиком на военно-морской базе, находившейся там в то время. Он уцелел при взрыве атомной бомбы, а вот его жена - моя бабушка - погибла, о чем я очень сожалею. При последовавшем пожаре он сильно пострадал - я до сих пор помню следы ужасных ожогов на его теле. Боюсь, что пережитое тяжело сказалось на нем, и вскоре он умер. - Печальный рассказ звучал очень убедительно, в особенности потому, что был выдуман от начала до конца.

- Мне очень жаль, Сейджи. Я ничего об этом не знал, - сказал Кук, сочувствуя другу в его несчастье. В конце концов, главная цель дипломатии заключается в том, чтобы не допустить войны или, если она все-таки начнется, положить ей конец с минимальными потерями для обеих сторон.

- Теперь ты понимаешь, почему я проявляю такой интерес к окончательному избавлению от этого ужасного оружия, - заметил Нагумо, подливая гостю вино. Это было великолепное . столовое шабли, превосходно сочетавшееся с главным блюдом.

- Ну что ж, твоя информация соответствует действительности. Мне неизвестны детали, но кое-что я услышал в столовой за ланчем, - добавил Кук, давая понять своему другу, что обедает на седьмом этаже здания Государственного департамента, а не в общедоступном кафетерии.

- Должен признаться, что мой интерес носит чисто личный характер. День, когда будет уничтожена последняя ракета, станет для меня торжественным праздником. Я вознесу молитвы духу дедушки и дам понять, что его смерть не была напрасной. Ты не знаешь, когда наступит этот знаменательный день, Кристофер?

- Точная дата мне неизвестна, нет. Ее хранят в тайне.

- Но почему? - удивился Нагумо. - Не понимаю.

- Думаю, президент собирается превратить этот день во всеобщее торжество. Роджер любит время от времени ошеломить средства массовой информации, особенно теперь, когда выборы не за горами.

- А-а, понятно, - кивнул Сейджи. - Значит, это не составляет государственной тайны, угрожающей национальной безопасности? - небрежно спросил он.

Кук задумался, прежде чем ответить.

- Нет, пожалуй. Просто мы будем чувствовать себя более уверенно, зато сам процесс протекает... в благожелательной атмосфере, скажем так.

- В таком случае могу я обратиться к тебе с просьбой?

- Ив чем она состоит? - спросил Кук, чувствуя умиротворение от вина, приятной компании и того обстоятельства, что уже в течение нескольких месяцев снабжал японца информацией относительно позиции США в торговых переговорах между их странами.

- Ты оказал бы лично мне большую услугу, если бы узнал точную дату уничтожения последней ракеты. Дело в том, - объяснил Нагумо, - что мне требуется время для подготовки к этой весьма важной церемонии.

Кук едва не произнес: Сейджи, извини, но это, строго говоря, все-таки затрагивает проблему национальной безопасности и я не давал согласия на разглашение подобной информации. Колебания, отразившиеся на его обычно непроницаемом лице, и эмоции, вызвавшие их, нарушили самообладание дипломата. Он попытался собраться с мыслями. Действительно, вот уже три с половиной года он говорит с Нагумо о проблемах, возникающих в торговых отношениях между их странами, иногда получает от него полезные сведения, что помогло ему подняться до ранга помощника заместителя госсекретаря, а временами сам снабжает японца информацией, потому что... почему? Да потому, что ему наскучила однообразная работа в Госдепартаменте с невысоким жалованьем федерального чиновника, а однажды бывший сослуживец дал ему понять, что с его опытом, накопленным за пятнадцать лет службы, он вполне может уйти и стать консультантом или лоббистом, защищающим интересы какой-нибудь частной корпорации. Ведь действительно, черт возьми, неужели кто-то думает, что он наносит ущерб своей стране? Нет, конечно, это всего лишь бизнес.

Разумеется, это не шпионаж, уверил себя Кук, верно? Ракеты никогда не были нацелены на Японию. Более того, если верить газетам, они вообще не нацелены никуда, разве что на середину Атлантического океана, и последствия их уничтожения никак не повлияют на международную обстановку. Никто не пострадает от этого. Впрочем, никому это не приносит и пользы, разве что уменьшит дефицит бюджета, да и то крайне незначительно. Таким образом, проблема национальной безопасности никак не затрагивается. Ведь так?

Конечно. Следовательно, он может передать эту информацию и не нанесет ущерба своей стране.

- Хорошо, Сейджи, ради такого случая я попытаюсь узнать для тебя, когда наступит этот день.

- Спасибо, Кристофер. - На лице Нагумо появилась улыбка. - Мои предки будут тебе благодарны. Это будет великим днем для всего мира, мой друг, и он заслуживает того, чтобы его отметить должным образом. - В некоторых спортивных играх это называется "проводкой", завершаемой успешным ударом. В шпионаже не существует подобного термина.

- Знаешь, мне тоже так кажется, - согласился Кук, немного подумав. Ему и в голову не пришло удивиться тому, насколько простым окажется первый шаг за прочерченную им же невидимую линию.

- Это большая честь для меня. - Ямата склонил голову в подчеркнутом смирении. - Счастлив тот человек, у которого столько мудрых и преданных друзей.

- Это вы оказали нам такую честь, приняв нас, - вежливо отозвался один из банкиров.

- Разве мы не коллеги? Разве не служим одинаково преданно своей стране, своему народу, своей культуре? Вот вы, Ичики-сан, какие прекрасные храмы древности вы восстановили! - Ямата провел рукой над полированной поверхностью низкого стола. - Мы все слуги нации и ничего не просим взамен, кроме возможности служить своей стране, приложить усилия, чтобы снова сделать ее великой. И добиваемся успеха в этом благородном деле, - добавил он. - Итак, могу ли я оказаться полезным для моих друзей? - На лице промышленника появилось смиренное выражение. Ямата ждал, когда к нему обратятся с просьбой, о содержании которой он уже знал. Его единомышленники, сидящие напротив, за этим же столом, среди девятнадцати гостей, даже не подозревавших об этом, были, так же как и он, мастерами закулисных комбинаций. И все-таки в комнате ощущалось напряжение, атмосфера была настолько насыщена ожиданием, что его дух ощущали все, словно дух иноплеменика.

Взгляды присутствующих то и дело незаметно устремлялись в сторону Мацуды. Многие действительно думали, что известие о его финансовых затруднениях застанет врасплох Ямату, несмотря на то что просьба об этой встрече не могла не возбудить его любопытства и не пустить в дело огромную сеть агентуры, собирающей сведения обо всем, что представляло интерес. Глава одного из самых крупных в мире концернов заговорил спокойным, полным достоинства, хотя и печальным голосом. Он не спеша объяснил, что условия, которые привели к временным финансовым затруднениям, вызваны отнюдь не ошибками руководства его корпорации, начавшей с судостроения, затем занявшейся строительными работами и бытовой электроникой. В середине восьмидесятых, когда корпорация принесла своим акционерам прибыли, о которых они не могли даже мечтать, он занял пост председателя совета директоров. Мацуда-сан подробно излагал историю своей корпорации, и Ямата не проявлял ни малейшего нетерпения. В конце концов, будет лучше всего, если присутствующие услышат от самого Мацуды рассказ об успехах его корпорации, потому что,

познакомившись с ее взлетом, похожим на расцвет их компаний, они испытают страх, связанный с вероятностью собственного разорения. Если этот кретин пожелал стать крупным собственником в Голливуде и выбросил на ветер колоссальные деньги, заплатив за восемьдесят акров на Мелроуз-бульвар и клочок бумаги, гласящий, что он имеет право снимать кинофильмы, - ну что ж, разве это не его личное дело?

- Продажность и бесчестие американцев поистине поразительны, - продолжил Мацуда голосом, который обычно слышит католический священник на исповеди, не понимая, исповедуется ли грешник в своих грехах или просто оплакивает свою неудачу. В данном случае два миллиарда долларов улетучились с такой же легкостью, словно на них поджаривали сосиски.

Ямата мог бы сказать: "Я предупреждал вас", но промолчал, потому что ему и в голову не приходило высказать такое предупреждение, даже после того, как его собственные советники по инвестициям, американские юристы, внимательно изучили условия сделки и убедили его в самых категорических выражениях отказаться от нее. Вместо этого он понимающе кивнул.

- Мне совершенно ясно, что вы не могли предвидеть такого обмана, особенно после всяческих заверений со стороны американцев и предложенных вами взамен поразительно выгодных условий. Я думаю, друзья, элементарная деловая честность просто чужда американцам. - Он обвел взглядом сидящих за столом и заметил одобрительные кивки. - Мацуда-сан, разве найдется разумный человек, способный обвинить вас в ошибочности суждений?

- Многие выскажут такую точку зрения, - тихо проговорил Мацуда, и присутствующие отметили его мужество.

- Только не я, мой друг. Кто из нас обладает таким достоинством, такой мудростью? Кто еще руководил своей корпорацией с таким усердием? - Райзо Ямата печально покачал головой.

- Меня гораздо больше тревожит то, что такая судьба, мои друзья, может постигнуть всех нас, - негромко заметил один из банкиров, имея в виду, что у него в банке находятся закладные на недвижимое имущество Мацуды в Японии и в Америке и что крушение такой корпорации сократит до опасно низкого уровня его собственные резервы. Проблема заключалась в том, что, хотя банк способен устоять после подобного краха не только теоретически, но и на практике, достаточно одного лишь подозрения, что активы уменьшились и не столь значительны, как раньше, чтобы вызвать банкротство, а для такого подозрения достаточно какой-нибудь публикации не очень сведущего репортера. После появления подобной статьи или даже слухов начнется массовое изъятие вкладов из банка и наступит разорение даже вполне платежеспособного финансового учреждения. Разумеется, изъятые средства будут затем куда-то вложены - такие деньги слишком значительны, чтобы их можно было просто спрятать в чулок, - и попадут в другой банк, принадлежащий аналогичной банковской корпорации, что укрепит ее финансовую позицию, но повторный кризис такого рода, вполне возможный в создавшихся обстоятельствах, может стать началом всеобщего краха.

Никто не упомянул, а большей частью и не подумал, что присутствующие здесь необдуманно действиями сами навлекли на себя эту беду. Ни один из них не замечал собственной слепоты - или почти ни один, подумал Ямата.

- Основная проблема заключается в том, что экономика нашей страны покоится не на твердом фундаменте, а на песке, - философски начал Ямата. - Какими бы глупыми и слабыми ни были американцы, судьба дала им то, в чем отказала нам. В результате мы, несмотря на наш ум, всегда находимся в подчиненном положении. - Все это он говорил не в первый раз, однако только сейчас к его словам начали прислушиваться, и Ямате потребовалось все его самообладание, чтобы удержаться от презрительной усмешки. Он посмотрел на одного из присутствующих, того, кто упорно не соглашался с ним.

- Помните, как вы говорили, что наша сила заключается в прилежании японских рабочих и в искусстве инженеров? Вы были тогда совершенно правы, мой друг. Это действительно источник нашей силы, и, более того, он недоступен американцам. Однако судьба по каким-то собственным причинам оказалась снисходительной к ним, они сумели парализовать присущие нам сильные стороны и превратили случайную удачу в реальную мощь, а именно мощи нам и не хватает. - Ямата сделал паузу, стараясь проникнуть в настроение аудитории, прочесть, что в действительности скрывается за бесстрастными лицами присутствующих.

Несмотря на то что он сам был порождением этой культуры и лучше других знал правила, которым подчинялись ее представители, ему придется сейчас пойти на риск. Наступил решающий момент, в этом не приходится сомневаться. - Но и не в том главное. Они выбрали такой путь, тогда как мы отказались от него. И вот теперь нам приходится расплачиваться за эту ошибку. Однако у нас есть выход.

- В чем же он состоит? - не выдержал кто-то из слушателей.

- Сейчас, друзья мои, судьба улыбнулась нам и перед нами открылся путь к подлинному величию. На самом пороге катастрофы мы увидели сияющие вершины славного будущего.

Ямата напомнил себе, что пятнадцать лет ждал этого момента. Затем сосредоточился на том, как ему лучше сформулировать свою мысль. Внимательно наблюдая за лицами сидящих вокруг стола, он лишь теперь понял, что на самом деле ждал этого момента с тех самых пор, как ему исполнилось десять лет и в феврале 1944 года он один из всей семьи поднялся на борт корабля, который направлялся от Сайпана к берегам Японии. Он все еще помнил, как стоял у поручней, глядя на мать, отца, младших братьев и сестер, провожавших его на причале. Он старался тогда казаться мужественным, но с трудом сдерживал слезы, зная, как это знает ребенок, что увидит их снова, и в то же самое время понимая, что видит их в последний раз.

Американцы убили их, стерли его семью с лица земли, заставили покончить с собой, броситься с отвесных утесов в бушующее жадное море, потому что все граждане Японии, будь то военные или мирные жители, были для американцев всего лишь животными. Ямато помнил, как слушал по радио сообщения о том, как "дикие орлы" из Кидо Бутай сокрушили американский флот, как непобедимые солдаты императорской армии сбросили ненавистных американских морских пехотинцев в море, как они затем уничтожили множество их в горах острова Сайпан, который перешел в руки американцев после первой мировой войны. Но даже тогда он понимал всю бессмысленность таких сообщений, потому что все это было ложью, несмотря на утешительные слова дяди. Затем в радиосводках

заговорили о других битвах, победах, одержанных над американцами, которые все ближе и ближе подбирались к японским островам, он помнил слепую ярость от мысли о том, что его огромная и могучая страна не в силах остановить этих варваров, ужас от налетов бомбардировщиков, появлявшихся сначала днем, потом ночью, которые сжигали его страну город за городом. Красный свет гигантских пожаров, освещавших небо иногда вблизи, иногда у самого горизонта, ложь дяди, пытавшегося успокоить мальчика, и, наконец, облегчение в его глазах, когда все кончилось. Вот только Райзо конец войны не принес облегчения - у него больше не было семьи, она исчезла, и когда он впервые увидел американца - огромного рыжеволосого солдата с веснушками, усыпавшими молочно-белую кожу лица, который дружески погладил его по голове, словно собаку, - уже тогда он знал, как выглядит враг.

Ответил ему не Мацуда. Сейчас он не должен отвечать. Заговорил другой промышленник, тот, чья корпорация по-прежнему сохраняла свою мощь или по крайней мере казалась таковой. И это был тот, кто никогда раньше не соглашался с ним, пусть и не высказывая этого. И хотя присутствующие продолжали смотреть перед собой, их мысли обратились к нему. Нарушивший молчание посмотрел на стоящую перед ним полупустую чашку с чаем - встреча была слишком важной для алкоголя - и заговорил, не поднимая головы, боясь встретиться с взглядами остальных, чтобы не увидеть испуганных глаз.

- Каким образом, Ямата-сан, нам удастся осуществить ваше предложение?

- Без обмана? - удивился Чавез. Он говорил по-русски, потому что в Монтерее пользоваться английским не разрешалось, а овладеть этим выражением на японском языке Динг еще не успел.

- Совершенно точно, я сумел завербовать четырнадцать человек, - небрежно, стараясь скрыть гордость, ответил бывший майор КГБ Олег Юрьевич Лялин.

- И Москва не захотела воспользоваться твоей агентурной сетью? - недоверчиво спросил Кларк.

- Без меня никто не может сделать этого. - Лялин улыбнулся и постучал согнутым указательным пальцем по виску. - Они все здесь. И в результате "Чертополох" спас мне жизнь.

Черт побери! - едва не воскликнул Кларк. То, что Райан сумел выторговать у КГБ их резидента и вывезти его в США живым, было более чем чудом. Лялин предстал перед закрытым судом военного трибунала, который тут же вынес приговор - КГБ действовал в таких случаях без промедления, - оказался в камере смертников и уже ждал рокового часа. Он был отлично знаком с процедурой. Ему сообщили, что казнь состоится через неделю, отвели в кабинет начальника тюрьмы, поставили в известность о праве каждого советского гражданина обратиться к президенту

СССР с прошением о помиловании и предложили написать такое прошение. Более наивные люди могли бы счесть такой жест властей искренним, но Лялин знал, что это не так. Цель подобного предложения заключалась в том, чтобы успокоить приговоренного и упростить процедуру приведения приговора в исполнение. После того как прошение написано и уложено в конверт, приговоренного отведут обратно в камеру, исполнитель выскочит из-за открытой

двери справа, приставит к его виску пистолет и выстрелит. Вот почему не было ничего удивительного в том, что рука Лялина, сжимавшая шариковую ручку, дрожала, а колени подгибались, словно ватные. После завершения ритуала его отвели обратно в подвал, и Лялин вспомнил свое изумление, когда ему предложили собрать вещи и следовать за охранником. Это изумление возросло еще больше, когда он снова оказался в кабинете начальника тюрьмы, где увидел человека, улыбка и отлично сшитый костюм которого обнаруживали в нем американца. Тот даже не подозревал о приговоре, только что объявленном офицеру, предавшему КГБ.

- Я напустил бы в штаны, - заметил Динг с дрожью в голосе, выслушав конец повествования.

- Мне повезло, - с улыбкой признался Лялин. - Я успел помочиться до того, как меня в первый раз вывели из камеры. Семья ждала в Шереметьево. Нас отправили одним из последних рейсов компании "Панамерикэн" незадолго до того, как она прекратила свое существование.

- Надо думать, ты здорово налег на бутылку во время перелета? - улыбнулся Кларк.

- Уж конечно, - согласился Олег, умолчав о том, какое потрясение испытал, как его рвало в самолете и как после прибытия в аэропорт Кеннеди он настоял, чтобы его провезли по Нью-Йорку на такси - ему хотелось убедиться, что невероятный дар свободы действительно реален.

Чавез наполнил стакан учителя. Лялин старался отвыкнуть от спиртного и теперь пил только пиво, предпочитая "Куэрс лайт".

- Мне приходилось бывать в опасных ситуациях, товарищ, - произнес Динг, - но на вашем месте я тоже чувствовал бы себя очень неудобно.

- Зато теперь, как видите, я на пенсии. Между прочим, Доминго Эстебанович, где вы научились так хорошо говорить по-русски?

- У парня удивительные способности к языкам, - заметил Кларк. - Особенно по части сленга.

- Видите ли, я просто люблю читать. И всякий раз, когда появляется такая возможность, смотрю передачи русского телевидения. А что тут особенного? - Последняя фраза выскользнула у Динга по-английски. Он не смог подобрать в русском языке точного перевода.

- Да, у вас на самом деле незаурядный лингвистический талант, мой молодой друг, - согласился майор Лялин, приподняв стакан.

Чавез признал справедливость комплимента. Когда он попал в армию США, у него даже не было свидетельства об окончании средней школы, и его приняли лишь потому, что он согласился быть простым солдатом и не претендовал на должность техника. Тем более он испытывал удовлетворение от того, что сумел экстерном закончить Университет Джорджа Мейсона, получив таким образом высшее образование, и теперь ему предстояла защита диссертации на звание магистра. Динг еще не пришел в себя от поразительного везения и думал о том, сколько других обитателей его баррио могли бы добиться успеха, представься им такая же благоприятная возможность.

- Значит, миссис Фоули знает, что ты оставил в Японии законсервированную агентурную сеть?

- Да, но, судя по всему, ее оперативники, говорящие по-японски, заняты

где-то еще. Не думаю, что мои агенты начнут действовать, не поставив меня в известность. К тому же для этого требуется специальная кодовая фраза.

- Боже милостивый, - пробормотал Кларк по-английски, поскольку выражать подобные чувства можно только на родном языке. Такое положение стало естественным следствием политики ЦРУ, направленной на замену оперативной деятельности электронным дерьмом. Подобная политика приносит определенную пользу, но отнюдь не решает всех проблем, как это кажется чиновникам. Из более чем пятнадцати тысяч сотрудников Центрального разведывательного управления около четырехсот пятидесяти - всего четырехсот пятидесяти! - составляли оперативники, которые действовали за границей в городах или за их пределами, встречались с живыми людьми и старались узнать, о чем они думают, вместо того чтобы рассматривать спутниковые фотографии или читать статьи в иностранных газетах и журналах, собирая крохи полезной информации. - Знаешь, Олег, иногда я не могу понять, каким образом нам удалось одержать победу в той проклятой войне.

- Америка и впрямь не прилагала особых усилий, зато Советский Союз старался изо всех сил. - Лялин сделал паузу. -

"Чертополох" занимался главным образом сбором промышленной информации. Нам удалось украсть у японцев немало важных промышленных секретов, тогда как американское правительство не хочет использовать для этого разведывательные службы. - Он снова замолчал. - Вы не понимаете самых простых вещей.

- Каких именно? - поинтересовался Чавез, открывая банку пива.

- В Японии нет разницы между политикой и экономикой, Доминго. В течение нескольких месяцев я пытался объяснить это вашим людям. Бизнес - вот настоящее японское правительство. Их парламент и министерства представляют собой всего лишь "легенду", прикрытие, за которым скрываются интересы промышленных и банковских империй.

- В таком случае японское правительство единственное в мире сумело наладить производство приличных автомобилей, - ухмыльнулся Чавез. Он отказался от мысли купить "корвет" из-за слишком высокой цены и приобрел вместо него спортивный "датсун" модели "Z", который стоил вдвое дешевле, и к тому же обладал почти такими же характеристиками. А вот теперь придется его продавать, напомнил себе Динг. Нужно стать респектабельней и солидней, если хочешь обзавестись семьей.

- Нет, вы не понимаете ситуации. Она заключается в том, что вам противостоит не то, о чем думает американское правительство, иначе у вас не возникло бы таких проблем с торговыми переговорами. Я понял это сразу, и КГБ согласился со мной.

Еще бы, подумал Кларк и кивнул. Коммунистическая теория основывается именно на том, что западная демократия призвана защищать на практике принципы капиталистической экономики, ведь правда? Почему тогда японское правительство должно действовать по-иному? Черт побери, ну разве это не смешно?

- А работать там было трудно? - спросил он.

- Отнюдь! - заверил его Лялин. - Японская культура воспитывает у них исключительную восприимчивость к оскорблениям, но не позволяет отвечать тем же. Вот почему им свойственно скрывать в душе столько ярости. Таким образом,

все, что от тебя требуется, чтобы привлечь их на свою сторону, - это проявить сочувствие.

Кларк снова кивнул. Этот парень - настоящий профессионал, подумал он. Четырнадцать агентов, занимающих ключевые должности, а у него в памяти по-прежнему сохранились их имена, адреса и номера телефонов. Нет, впрочем, ничего удивительного в том, что никто в Лэнгли даже не подумал о том, чтобы заставить японцев, завербованных майором КГБ, работать на себя, и все из-за идиотских этических соображений, навязанных ЦРУ юристами - эта порода государственных чиновников появляется повсюду, словно сорная трава. Можно подумать, что дела, которыми занимается управление, и впрямь подчиняются этическим законам. Черт возьми, ведь они с Дингом похитили Корпа, верно? В интересах правосудия, разумеется, но если бы они переправили его в Америку для предания суду, какой-нибудь высокооплачиваемый и этически мыслящий адвокат, возможно даже действующий *pro bono*, то есть без вознаграждения, бесплатно мешающий отправлению правосудия, сказал себе Кларк, мог бы поднять невероятный шум перед телевизионными камерами, а затем в присутствии двенадцати женщин и мужчин, представляющих независимый суд присяжных, настаивать на том, что этот мнимый патриот всего лишь защищал свою страну от оккупантов и так далее, и так далее.

- Любопытная слабость, - рассудительно заметил Чавез. - Действительно, люди во всех странах мира походят друг на друга, не правда ли?

- Разные внешне, они мало чем отличаются внутренне, - произнес Лялин менторским тоном, снова превращаясь в учителя. Сделанное им походя замечание превратилось в лучший урок дня.

Из всех сетований, свойственных человеку, самым распространенным несомненно является фраза "Если бы я только знал". Однако мы не обладаем даром предвидения, и потому дни пожаров, смертей и катастроф так же неожиданны, как дни любви, нежности и тепла. Пирс Дентон подготовил автомобиль для поездки в Нашвилл. Это было соевем не просто. Для девочек-двойняшек он установил на заднем сиденье "кресты" травмобезопасные креслица, а между ними специальное креслице поменьше для их недавно родившегося братика Мэтью. Девочкам - Джессике и Дженни - исполнилось три с половиной года, они успешно пережили возраст "ужасных двухлеток" (вернее сказать, его пережили их родители), возраст, полный приключений, когда обе учились ходить и говорить. Теперь, одетые в одинаковые пурпурные платьица и белые колготки, они позволили маме с папой посадить их в кресла. За ними последовал Мэтью, беспокойный и плачущий, однако девочки знали, что он скоро уснет от покачивания автомобиля, да и вообще он почти всегда спит, если не считать времени, когда мама кормит его грудью. Предстояла интересная поездка на весь уик-энд, который они проведут в доме у бабушки.

Двадцатисемилетний Пирс Дентон служил в небольшом участке муниципальной полиции Гринвилла, штат Теннесси, и по вечерам посещал курсы, заканчивая колледж. У него не было особых устремлений, кроме как растить семью, охотиться и ловить рыбу с друзьями, посещать церковь и вообще вести безмятежную жизнь среди поросших лесом гор. Служба полицейского в Гринвилле была намного спокойнее, чем в других городах, и Дентон ничуть не жалел о

выбранной им профессии. В общем-то здесь тоже случались неприятности, как и повсюду в Америке, но далеко не такого рода, как он видел по телевидению или читал в специальных полицейских журналах, что лежали на столе в участке.

В четверть девятого Дентон выехал на тихую улицу и отправился в путь, направляясь сначала к шоссе номер HE. Он хорошо отдохнул и чувствовал, как две чашки утреннего кофе уже прогоняют остатки сна - вернее, отдохнул настолько хорошо, насколько это возможно, когда рядом, в одной спальне с ним и его женой Кандейси, спит грудной ребенок. Через пятнадцать минут он оказался на автомагистрали номер 81 и поехал на юг в лучах восходящего за спиной солнца.

Этим субботним утром на шоссе было еще мало машин. Дентон в отличие от многих полицейских не превышал скорости, по крайней мере не с семьей. Вот и теперь он спокойно ехал со скоростью чуть меньше семидесяти миль в час, немного превышающей разрешенный предел в шестьдесят пять, и ощущал легкое удовлетворение от столь незначительного нарушения закона. Шоссе номер 81 было типичной федеральной магистралью, широкой и ровной, плавными извивами оно вело на юго-запад через горную гряду, когда-то остановившую первый поток переселенцев из Европы. В Ньюмаркете шоссе слилось с хайвеем I-40, и "креста" Дентона присоединилась к транспортному потоку, направляющемуся из Северной Каролины на запад. Скоро они приедут в Ноксвилл. Посмотрев в зеркало, он убедился, что обе дочери уснули и, судя по тишине на заднем сиденье, Мэтью тоже спит. Справа дремала жена Пирса, Канди Дентон. Их маленький сын еще не овладел искусством спать всю ночь, и это сказывалось на его жене, которой не удавалось проспать шесть часов кряду... да, пожалуй, еще и до рождения Мэтью, вспомнил он. У Канди хрупкое телосложение, и она тяжело переносила последние месяцы беременности. Канди уперлась головой в стекло правой дверцы, она старалась выспаться при малейшей возможности, пока не проснется Мэтью и не заявит громко, что он голоден, но сегодня, если повезет, этого может и не случиться до приезда в Нашвилл.

Единственным трудным участком их пути, если так можно выразиться, будет Ноксвилл. расположенный главным образом на северном берегу реки Теннесси. Ноксвилл был достаточно крупным городом, и его огибала кольцевая автодорога 1-640, но Дентон не собирался сворачивать на нее, предпочитая короткий путь на запад прямо через центр города.

Сегодня достаточно тепло, подумал он. В течение предыдущих шести недель один снегопад следовал за другим, и Гринвилл уже использовал все деньги, выделенные на расчистку улиц, соль и песок и на оплату сверхурочных водителям снегоуборочных машин. Дентону пришлось не менее полусотни раз выезжать на место мелких транспортных происшествий и заниматься двумя серьезными авариями, и он очень жалел, что не удалось вчера вечером вымыть новенькую "кресту". Сверкающая краска покрылась дорожной солью, и Дентон с удовлетворением подумал о том, что в этой машине имеется стандартное антикоррозийное покрытие нижней части кузова. У его старого пикапа такое покрытие отсутствовало, и от коррозии он мигом превращался в металлолом, даже стоя рядом с домом. Вдобавок ко всему новый автомобиль казался Дентону удобным и надежным. Несколько дополнительных дюймов перед креслом водителя сделали бы его еще удобнее, но машина предназначалась жене, которой это

лишнее пространство не требовалось. Автомобиль был легче его патрульной машины, правда, мощностью уступал вдвое. В результате вибрация казалась несколько повышенной, и, хотя ее гасили резиновые амортизаторы двигателя, она все-таки ощущалась. Может, оно и к лучшему, подумал Дентон, по крайней мере дети сразу уснули.

Он увидел, что снегопады здесь были еще сильнее, чем в городе. Дорожная соль покрывала асфальт. Жаль, что приходится прибегать к соли, это так плохо для автомобилей, подумал Дентон. Впрочем, это не относится к его машине, ведь он внимательно ознакомился со всеми ее техническими характеристиками, прежде чем решил преподнести жене в подарок этот красный автомобиль.

Горы, пересекающие по диагонали эту часть Америки, носят название Грейт-Смоки-Маунтинз - так их назвал, согласно легенде, сам Дэниэл Бун<Дэниэл Бун (1734 - 1820) - американский пионер, основатель одного из первых поселений (1779), которому приписывают множество приключений и подвигов в борьбе с индейцами> - и представляют собой по сути дела отроги хребта, протянувшегося от Джорджии до Мэна, меняя свое название почти в каждом штате. В этом регионе высокая влажность благодаря многочисленным озерам и рекам, вместе с атмосферными условиями это приводит к образованию туманов в любое время года.

Уилл Снайдер из транспортной фирмы "Пайлот лайнз", занятой грузовыми перевозками, работал в сверхурочное время - выгодное дело для водителя, состоящего в профсоюзе. Трейлер "Фрухоф", присоединенный к его дизельному тягачу "Кенуорт", был нагружен коврами текстильной фабрики в Северной Каролине и вез их на крупную распродажу в Мемфис. Снайдер, опытный водитель-"дальнобойщик", был доволен тем, что ему предоставилась возможность совершить такую поездку в субботу, поскольку в выходные плата намного выше, футбольный сезон кончился, а трава на лужайке перед домом еще не пошла в рост. Он не сомневался, что успеет вернуться домой к ужину. А лучше всего то, что в этот зимний уик-энд дороги не перегружены и он приедет вовремя, сказал себе водитель, вписываясь в правый поворот шоссе, уходящего, вниз в долину.

- О-о... - предостерегающе пробормотал он, увидев впереди стену тумана. Здесь, недалеко от съезда на автомагистраль 95 в северном направлении, которая ведет к заводу по производству оружейного урана в Ок-Ридже, туман не был таким уж необычным явлением. На кольцевой автострате I-40 на некоторых участках это случалось часто, и сейчас Снайдер приближался к одному из таких опасных мест. - Проклятый туман, - проворчал он.

Водители обычно поступали в этом случае двояко. Чаще всего они чуть притормаживали, чтобы экономить горючее или просто от отвращения к медленной езде. Но Снайдер не принадлежал к их числу. Профессиональный водитель, видевший каждую неделю по обочинам шоссе искаженные машины - последствия автокатастроф, он тут же сбавил скорость, еще до того как видимость ухудшилась до сотни ярдов. Огромной машине требовалось время, чтобы остановиться. Снайдер был знаком с водителем, превратившим какую-то японскую консервную банку на колесах в расплющенный лист жести вместе с пожилым автомобилистом внутри. Даже при полуторной оплате за сверхурочные он не хотел рисковать, вы уж извините. Плавно переключая передачу, Снайдер начал

привычно сбрасывать скорость и, чтобы обезопасить себя, включил габаритные огни.

Пирс Дентон раздраженно повернул голову. Его обгоняла другая "креста", спортивная модель C-99, изготавливаемая только в

Японии, черная с красной полосой вдоль борта, которая мчалась со скоростью больше восьмидесяти миль в час, оценил он опытным взглядом. В Гринвилле ее водителя ждал бы штраф в сотню долларов и строгое назидание от судьи Тома Андерса. Откуда взялись эти две девицы? Дентон даже не увидел в зеркале их приближения. На машине временный номерной знак. Не иначе, девушка за рулем только получила водительские права и поехала в подаренном папчонкой автомобиле, чтобы продемонстрировать подруге, что такое подлинная свобода в Америке, подумал полицейский, - право вести себя на шоссе как последняя дура и заработать штраф за превышение скорости в первый же день. Но это уже выходило за пределы его юрисдикции, здесь дороги контролирует транспортная полиция штата. Как типично для женщин, покачал головой Дентон. Болтают между собой, почти не смотрят на дорогу. Впрочем, лучше, когда они едут впереди, чем сзади.

- Боже мой, - выдохнул Снайдер. Местные водители, по слухам, винули в этом "сумасшедших" с атомного завода в Ок-Ридже. Так это было или иначе, видимость почти внезапно упала до тридцати футов. Вот это опасно. Он переключил габаритные огни на аварийный режим и еще сбавил скорость. Снайдеру никогда не приходило в голову заниматься расчетами, но его тягачу при такой загрузке и при скорости тридцать миль в час для полной остановки требовалось больше шестидесяти футов и к тому же на сухой дороге, тогда как шоссе под колесами было скользким. С другой стороны, подумал он... впрочем, нет, нельзя рисковать. Снайдер сбросил скорость до двадцати миль. Пусть лишние полчаса до приезда к месту назначения. Фирма знала про этот участок автодороги I-40, и там всегда говорили, что лучше заплатить больше сверхурочных, чем получать страховку. Убедившись в своей безопасности, Снайдер включил радиотелефон, чтобы предупредить остальных водителей. Чувствуешь себя так, словно сидишь внутри мячика для пинг-понга, сообщил он водителям по 19-му каналу. Снайдер был настороже, глядя вперед, в гущу водяных паров, в то время как опасность приближалась сзади.

Туман застал их врасплох. Догадка Дентона оказалась правильной. Прошло ровно восемь дней с того момента, как Норе Данн исполнилось шестнадцать лет, и три дня после получения временных водительских прав, а на одометре ее новенькой спортивной "кресты" C-99 было сорок девять миль. Девушка начала с того, что выбрала широкий ровный участок дороги, чтобы проверить, с какой скоростью может ехать эта машина, потому что она была совсем юной, и еще потому, что ее попросила подруга Эйми Райс. В салоне гремела на полную мощь музыка от проигрывателя компакт-дисков, девушки болтали об одноклассниках, и Нора почти не смотрела вперед. В конце концов, разве трудно удерживать машину между сплошной белой полосой справа и скоростной слева, в зеркале никого не видно, так что нет оснований для беспокойства, а сидеть за рулем

намного лучше, чем рядом с новым парнем, потому что все они почему-то всегда сами управляют машиной, словно не веря, что взрослая женщина способна справиться с этим не хуже их.

На ее лице появилось удивленное выражение, когда видимость немного ухудшилась - Нора не умела оценивать расстояние, - и она сняла ногу с педали газа, чтобы сбавить скорость, которая была восемьдесят четыре мили в час. Позади на шоссе никого не было, и девушка не сомневалась, что впереди точно так же. Учителя, дававшие ей уроки вождения, объяснили все необходимое, но, как обычно случалось со всеми уроками, что-то она восприняла, а что-то нет. Самое важное придет с опытом. Однако опыт был тем самым учителем, с которым она еще не успела познакомиться и чьи требования были слишком суровыми для решения возникшей сейчас проблемы.

Нора сумела заметить желтые габаритные огни на огромном трейлере, но, не зная дорожных условий, приняла их за дорожное освещение. Из-за недостатка опыта она и не подозревала, что на большинстве федеральных автомагистралей освещение отсутствует. В любом случае у нее оставалось очень мало времени. Когда она заметила серую прямоугольную громаду перед собой, было слишком поздно, а скорость машины уменьшилась только до шестидесяти пяти миль в час.

Звук столкновения всегда отвратителен. Уиллу Снайдеру приходилось слышать его и раньше - он напоминал треск сминаемых алюминиевых банок из-под пива, глухой звук разбивающегося корпуса машины, сокрушенного скоростью, массой и законами физики, с которыми он познакомился не в школе, а на личном опыте.

От удара в левый задний угол трейлера передок грузовика развернулся вправо, но, к счастью, скорость была небольшой, Снайдер справился с управлением и быстро остановился. Оглянувшись назад и налево, он увидел разбитый японский автомобиль, так нравившийся его брату, и первой его мыслью почему-то было, что такие машины слишком малы для безопасности пассажиров, словно теперь это имело какое-то значение. Передняя часть автомобиля смялась в гармошку, а корпус изогнулся. Снайдер поспешил к машине и тут же заметил, что еще недавно прозрачное ветровое стекло залито теперь красным...

- Боже милостивый...

Эйми Райс была уже мертва, несмотря на то что воздушная подушка безопасности перед креслом пассажира мгновенно надулась и сработала безупречно. От скорости при столкновении правая сторона автомобиля, где сидела девушка, оказалась под трейлером, и мощный бампер, предназначенный для защиты кузова при погрузке с платформ, разорвал тонкую сталь легковой машины, словно цепной пилой. Нора Данн еще жила, но находилась в бессознательном состоянии. Ее новая "креста" C-99 погибла безвозвратно, алюминиевый блок цилиндров треснул, рама погнулась на шестнадцать дюймов, и, хуже всего, топливный бак, и без того ослабленный коррозией, был раздавлен, и из него сочился бензин.

Снайдер заметил, что из бака течет бензин. Он еще не выключил двигатель, поэтому тут же отвел тягач с трейлером на обочину шоссе и

выпрыгнул из кабины, держа в руках свой красный огнетушитель с углекислотой. То, что он не успел быстро подбежать к раздавленной машине, спасло ему жизнь.

- В чем дело, Дженина?

- Я - Джессика! - заявила маленькая девочка, удивляясь, что даже отец не видит, что они с сестрой отличаются одна от другой.

- В чем дело, Джессика? - переспросил отец с терпеливой улыбкой.

- Он воняет! - Девочка хихикнула.

- Ну хорошо, - вздохнул Пирс Дентон и повернулся к жене, чтобы потрясти ее за плечо. В это мгновение он увидел стену тумана и снял ногу с педали газа.

- Что случилось, милый?

- Мэт наделал в пеленки.

- Понятно... - Кандис расстегнула пристегнутый ремень и повернулась к заднему сиденью.

- Я. ведь говорил тебе, Канди, что нельзя отстегивать ремень на ходу. - Он тоже посмотрел назад в самый неподходящий момент. Машина начала немного забирать вправо, и Дентон попытался одновременно следить за дорогой и за тем, что происходит внутри нового автомобиля жены.

- Черт! - Он инстинктивно попробовал отвернуть влево, но машина находилась слишком близко к правой обочине, и Пирс понял это еще до того, как его левая рука успела крутануть руль. Резкое торможение тоже не помогло - задние колеса заклинило, и они поехали по скользкой дороге, из-за чего машину занесло, и тут он заметил, что они мчатся боком на другую "кресту". Его последней мыслью было: неужели это та самая...

Несмотря на ярко-красный цвет машины, Снайдер не заметил ее до того самого момента, когда столкновение стало неизбежным. Водитель грузовика был все еще в двадцати футах и бежал с огнетушителем в руках, держа его перед собой словно футбольный мяч.

Боже мой! - не успел произнести Дентон. Сначала ему показалось, что столкновение не такое уж страшное. За годы службы в полиции ему доводилось видеть и худшее. Жену отбросило силой удара на смятый правый борт, это опасно, но дети сидят в травмобезопасных креслицах и закреплены пристегнутыми ремнями, так что они, слава Богу...

Решающим фактором в смерти пяти человек оказалась химическая коррозия. Топливный бак, похожий по конструкции на тот, что находился на C-99, не прошел полной гальванизации, подвергся воздействию морской соли во время плавания через Тихий океан и не стал лучше на крутых дорогах восточного Теннесси. Сварочные швы крепления бака пострадали особенно сильно, и при столкновении он оторвался от точек крепления. Смятый корпус машины продолжал ползти, бак протаскило по неровной бетонной поверхности дороги, антикоррозийное покрытие, не имевшее надежного сцепления с металлом на днище бака, тут же отслоилось, бак лопнул еще в одном слабом месте, и возникшая от трения стали о мостовую искра воспламенила хлынувший бензин.

Обжигающий огненный шар взрыва на мгновение разогнал туман. Вспышка была настолько яркой, что автомобили, ехавшие по шоссе в обе стороны, начали в панике тормозить. В результате на той половине автомагистрали, что вела на восток, в сотне ярдов от места катастрофы столкнулись три машины, но повреждения оказались незначительными. Люди выпрыгивали из автомобилей и бежали к пылающим машинам. От языков пламени вспыхнул бензин, сочившийся из бака машины Норы Данн, пламя охватило спортивный автомобиль и девушку, которая, к счастью так и не придя в сознание, приняла огненную смерть.

Уилл Снайдер находился достаточно близко, чтобы видеть лица всех пятерых в приближающейся красной "кресте". Он на всю жизнь запомнит мать и грудного ребенка, в его память навсегда врежется образ женщины, склонившейся через спинку переднего кресла к младенцу, мгновенное движение головы, когда она повернулась лицом к надвигающейся смерти и посмотрела прямо на него. Огненная вспышка ослепила Снайдера, однако он, хотя и чуть медленнее, но продолжал бежать к горящей машине. При столкновении задняя дверца "кресты" распахнулась, позволив ему прийти на помощь, так как пламя успело охватить пока только левую сторону автомобиля. Он бросился вперед, словно оружие сжимая в руках огнетушитель. На считанные мгновения ему представилась возможность схватить хотя бы одного ребенка из трех, все еще живых в огненном аду, от пламени которого уже пылала его одежда и вздувались пузыри на лице. Руки, защищенные шоферскими перчатками, направили струю спасительного газа на заднее сиденье машины. В какой-то миг он понял, что углекислота спасет его и позволит спасти еще одну жизнь. Он успел заглянуть внутрь автомобиля, пытаясь среди желтых языков пламени и белых паров углекислоты разглядеть младенца. Прямо перед ним от боли и страха кричала маленькая девочка. Он бросил огнетушитель, руками в перчатках нащупал и открыл хромированную защелку на поясе и выхватил ее из детского креслица, сломав ей при этом руку. Отчаянным прыжком он отскочил от пылающего автомобиля. Рядом, у ограждения на обочине шоссе, еще оставался сугроб, и Снайдер нырнул прямо в него. Погасив свою горящую одежду, он стал бросать пригоршни тающего снега с солью на одежду девочки. Боль от обожженного лица служила первым напоминанием о том, что ему еще предстоит испытать. Чудовищным усилием воли Снайдер заставил себя не оборачиваться. Он слышал ужасные крики людей, гибнущих в пламени, но возвращение к пылающей машине означало верное самоубийство. Он понимал, что если обернется, то бросится на помощь и погибнет вместе с ними. Снайдер посмотрел на спасенную им Джессику Дентон. Девочка неровно дышала, личико ее было обожжено, и он надеялся, что вот-вот появятся полицейские, а вместе с ними и машины "скорой помощи". Когда через пятнадцать минут они прибыли, и он и ребенок лежали без сознания в глубоком шоке.

8. Стремительное движение

Отсутствие других новостей и близость места происшествия к крупному городу способствовали освещению случившегося в средствах массовой информации, а обстоятельства катастрофы и возраст жертв гарантировали особо

пристальное внимание. Одна из местных телевизионных станций Ноксвилла сотрудничала с Си-эн-эн, и к полудню происшествие стало главным событием в сводках новостей. Машина, оборудованная для телевизионных передач через спутник связи, позволила молодому местному репортеру мгновенно приобрести многомиллионную аудиторию - он отнюдь не собирался всю жизнь оставаться в Ноксвилле, - а рассеявшийся туман позволил телевизионным камерам четко и ясно передать ужасное зрелище.

- Проклятье, - пробормотал Райан, сидя за столом в кухне. У Джека выдалась редкая свободная суббота, он обедал в кругу семьи и собирался отправиться вместе с женой и детьми на вечернюю мессу в соборе Святой Марии, а затем отдохнуть и в воскресный день. Взглянув на экран телевизора, он положил сэндвич на тарелку.

К месту происшествия прибыли три пожарные машины и четыре кареты "скорой помощи". Две из них все еще стояли рядом, что было зловещим признаком. Тягач с прицепом, видный на заднем плане, выглядел почти целым, явно покореженным казался только его бампер. Однако то, что было на переднем плане, со всей очевидностью говорило о случившемся. Две груды металла, искореженного и почерневшего от огня. Открытые дверцы и темное пространство внутри. С десятков полицейских стояли поблизости - напряженные, мрачные лица, никаких шуток, как это обычно бывает даже на месте транспортных происшествий. Затем Джек заметил, как один полицейский повернулся к другому и что-то ему сказал. Оба покачали головами и посмотрели на шоссе в сторону репортера, который футах в тридцати от них непрерывно говорил о происшедшей катастрофе, как всегда в сотый раз за свою непродолжительную карьеру повторяя одно и то же. Туман. Превышение скорости. Взрыв обоих топливных баков. Погибло шесть человек, из них четверо детей. Репортаж с автомагистрали I-40 недалеко от Ок-Риджа, штат Теннесси вел Боб Райт, коммерческая телевизионная станция.

Джек снова принялся за еду, удержавшись от замечания по поводу несправедливости жизни. Пока у него не было оснований знать или делать что-то еще.

Из искореженных автомобилей, за триста миль от залива Чесапик-Бей, теперь текла вода - прибывшие к месту происшествия пожарные из добровольной бригады сочли своим долгом залить все, хотя им сразу стало очевидно, что это ничем не поможет тем, кто находились в машинах. Судебный фотограф отснял три кассеты высокочувствительной цветной пленки, он позаботился и о том, чтобы запечатлеть открытые рты жертв в доказательство того, что они умерли в муках, издавая ужасные крики. Старшим среди полицейских, прибывших на место происшествия, был сержант Тэд Николсон. Опытный служащий транспортной полиции, он уже двадцать лет занимался расследованием транспортных происшествий. Сержант подъехал в тот момент, когда тела жертв извлекали из автомобилей. Табельный револьвер Пирса Дентона лежал на мостовой, и это сразу же обнаружило, что одна из жертв - полицейский. Компьютерная проверка служебного номера только подтвердила догадку. Четверо детей, двое малышей и два тинэйджера, и двое взрослых. Даже после двадцати лет службы в полиции невозможно привыкнуть к этому. Для сержанта Николсона такое было личной

трагедией. Смерть ужасна сама по себе, но такая... Господи, как же это могло произойти? Два ребенка... Но трагедия случилась, и теперь ему пора приниматься за работу.

Что бы там ни показывали в голливудских кинофильмах, это дорожное происшествие было крайне необычным. Автомобили не превращаются в огненные факелы и не взрываются ни при каких обстоятельствах, а это столкновение, на его опытный взгляд, не было особенно серьезным. Ладно, гибель одного пассажира - девушки на "сиденье смертника" в первой "кресте" - была неизбежной и стала результатом самого столкновения. Силой удара ей практически оторвало голову. А вот объяснить гибель остальных было труднее. Первая "креста" врезалась в трейлер со скоростью... что-то вроде сорока или пятидесяти миль. Обе воздушные подушки безопасности сработали безукоризненно, и одна из них должна была спасти жизнь водителя, заметил полицейский. Вторая машина столкнулась с первой под углом примерно тридцать градусов. Чертовски глупо со стороны полицейского совершить такую ошибку, подумал Николсон. Но на его жене не было ремня безопасности... может быть, она занималась детьми на заднем сиденье и отвлекла, внимание мужа. Такое случается, и происшедшее невозможно изменить.

Таким образом, из шести жертв одна - следствие столкновения, а пятеро погибли от возникшего пожара. Этого не должно было произойти. Автомобили не должны загораться, поэтому Николсон распорядился организовать объезд для транспорта в полумиле от места происшествия, чтобы все три машины, участвовавшие в столкновении, могли остаться на месте. По радио из своей машины сержант вызвал следователей из Нашвилла и посоветовал информировать о случившемся местное отделение Национального департамента безопасности на транспорте. Так случилось, что одна из служащих этого федерального агентства, инженер Ребекка Аптон, жила неподалеку от Ок-Риджа и оказалась на месте происшествия уже через тридцать минут после вызова. Выпускница механического факультета расположенного поблизости Университета Теннесси, этим утром она готовилась к экзамену перед защитой диссертации. Сразу после вызова она надела свой новенький комбинезон с эмблемой своего ведомства и, приехав на место, начала осматривать остатки автомобилей еще до того, как из Нашвилла прибыла следственная полицейская группа. Рядом стояли водители грузовиков, которым предстояло увезти разбитые машины, и нетерпеливо ждали, когда она закончит осмотр. Невысокая и хрупкая, с копной рыжих волос, она выбралась вся измазанная из-под когда-то красной "кресты". Ее зеленые глаза слезились от бензиновых испарений, все еще остававшихся под машиной. Сержант Николсон передал ей пластмассовый стаканчик с кофе, который он получил от пожарных.

- Как думаете, мэм, что произошло? - спросил Николсон, сомневаясь в том, справится ли девушка с делом. Впрочем, похоже, что она не чурается грязной работы, не боится испачкаться. Многообещающий знак, подумал он.

- Топливные баки, - сказала Аптон. - Бак на этом автомобиле, - она махнула рукой в сторону второй машины, - сорвался от удара. Второй смялся и дал течь. С какой скоростью ехали машины?

- Вы имеете в виду момент столкновения? - Николсон покачал головой. - Не так уж и быстро. Думаю, от сорока до пятидесяти миль в час.

- Пожалуй, вы правы. Обычно у топливных баков высокий стандарт жесткости, и они не должны были разрушиться от такого удара. - Девушка взяла протянутый ей носовой платок и вытерла лицо. - Спасибо, сержант, - сказала она, поднесла к губам стаканчик кофе и отхлебнула, глядя на разбитые машины и размышляя.

- Вы пришли к определенному выводу? Мисс Аптон повернулась к полицейскому.

- Мне кажется, что эти семь человек...

- Шесть, - поправил ее Николсон. - Водитель грузовика успел спасти маленькую девочку.

- О, я не знала. Короче говоря, это не должно было произойти. На то не было никакой причины. Столкновение случилось при скорости, не превышающей шестидесяти миль, и обстоятельства не были необычными. Готова побиться об заклад, что в конструкции автомобилей есть какой-то просчет. Куда вы собираетесь отвезти их? - спросила она, входя в роль опытного профессионала.

- Машины? В Нашвилл. Если хотите, мэм, я оставляю их пока в гараже полицейского департамента.

- Хорошо, - кивнула мисс Аптон. - Я позвоню своему боссу. Возможно, нам придется провести расследование на федеральном уровне. Это вам не будет мешать? - Никогда раньше ей не доводилось заниматься такими делами, но она знала, что по закону у нее есть право требовать детального расследования причин катастрофы Национальным департаментом безопасности на транспорте. Хотя департамент был известен главным образом благодаря анализу авиакатастроф, он занимался также изучением обстоятельств необычных происшествий на железной дороге и автомагистралях. Для сбора необходимой информации ему предоставлялись полномочия требовать содействия всех федеральных агентств.

Николсону уже доводилось принимать участие в таком расследовании, и он кивнул.

- Капитан, возглавляющий наш отдел, сделает все необходимое, мэм.

- Спасибо. - Ребека Аптон едва не улыбнулась, но тут же вспомнила как это сейчас неуместно. - А где уцелевшие? Нам придется поговорить с ними.

- Машины "скорой помощи" отвезли их в Ноксвилл. Не знаю точно, но думаю, что оттуда они будут переправлены вертолетом в "Шрайнерс". - Сержант знал, что в этой больнице превосходное ожоговое отделение. - Могу еще чем-нибудь помочь, мэм? Нам нужно открыть движение по шоссе.

- Только прошу вас бережно обращаться с этими автомобилями.

- Мы будем рассматривать их как вещественные доказательства, мэм, - заверил с отцовской улыбкой сержант Николсон, на которого эта молодая девушка явно произвела впечатление.

Ну что ж, в общем и целом не такой уж плохой день, подумала мисс Аптон. Пассажирам этих двух машин чертовски не повезло, это ясно, и она почувствовала весь ужас их гибели, но такова жизнь. К тому же это ее первое по-настоящему серьезное расследование с того момента, как она начала работать в Национальном департаменте безопасности на транспорте. Мисс Аптон вернулась к своей машине - универсалу "ниссан", - сняла грязный комбинезон и надела ветровку с эмблемой департамента. Вообще-то погода не была такой уж

теплой, но впервые в своей деятельности сотрудницы федерального/ агентства она чувствовала, что исполняет важное задание, занимается ответственной работой, и ей хотелось, чтобы весь мир знал, кто она и что делает.

- Привет, - услышала мисс Аптон и, повернувшись, увидела улыбающееся лицо телерепортера.

- Что вам угодно? - резко бросила она, решив вести себя официально и по-деловому.

- Нет ли у вас чего-то нового для нас? - спросил молодой репортер, низко держа микрофон. Его оператор, стоявший поблизости, в настоящий момент не вел съемки.

- Только без ссылки на меня, - произнесла Бекки Аптон после секундного размышления.

- Согласен.

- Не выдержали оба топливных бака. Люди погибли именно из-за этого.

- Такая причина катастрофы необычна?

- Крайне необычна. - Она сделала паузу. - Национальный департамент безопасности на транспорте будет вести расследование случившегося. Такого не должно было произойти. Это понятно?

- Да, конечно. - Райт посмотрел на часы. Через десять минут он снова окажется в прямом эфире и поведет репортаж через спутник. На сей раз можно будет сказать что-то новое, а это всегда хорошо. Репортер повернулся и отошел в сторону, обдумывая предстоящее обращение к широкой аудитории по всему миру. Подумать только, какая удача: Национальный департамент безопасности на транспорте займется расследованием обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, в котором погибли пассажиры двух "крест", - по признанию журнала "Мотор тренд", автомобиля года. Более того, есть подозрение, что в конструкции машины имеются серьезные дефекты, потенциально опасные для жизни пассажиров. Значит, при такой аварии люди вполне могли уцелеть? Может быть, его оператору удастся подойти к разбитым автомобилям достаточно близко, чтобы заснять обгоревшие остатки пустых детских креслиц на заднем сиденье второй "кресты". Это всегда производит впечатление на телезрителей.

Эд и Мэри Патриция Фоули находились в своем кабинете на верхнем этаже здания ЦРУ в Лэнгли. Их необычное положение в управлении создавало некоторые организационные и архитектурные трудности. Мэри-Пэт занимала должность заместителя директора по оперативной деятельности - первая женщина, сумевшая занять столь высокий пост в главной разведывательной организации США. Она была опытным офицером-оперативником, и ей довелось руководить деятельностью лучшего и дольше всех проработавшего агента ЦРУ. В успешнее всех действовавшей команде управления, состоявшей из жены и мужа, Мэри-Пэт играла роль "ковбоя" и осуществляла на практике мероприятия, запланированные ее мужем Эдом, который держался в тени и занимался планированием операций. В тактике и стратегии их способности весьма удачно дополняли друг друга, и, хотя Мэри-Пэт заняла одну из самых высоких должностей в иерархии ЦРУ, она тут же отказалась от своего исполнительного помощника, усадила Эда в его кабинет и сделала мужа равным себе по должности - если не официально, то по

крайней мере практически. В стене проделали дверь, чтобы она могла входить в кабинет мужа, минуя приемную и не огибая стол секретаря, так что теперь они совместными усилиями руководили заметно поредевшей армией оперативников управления. Они работали в таком же тесном контакте, какой была их семейная жизнь, со всеми необходимыми компромиссами и уступками, и результатом послужило самое успешное и безошибочное руководство оперативным директором ЦРУ за многие годы.

- Дорогая, нам нужно придумать кодовую кличку.

- Как тебе нравится "Пожарник"?

- Может быть, "Пожарный"?

- Но ведь они оба мужчины. - По ее лицу промелькнула улыбка.

- Хорошо. Между прочим, Лялин говорит, что у них неплохие лингвистические способности.

- От них требуется словарный запас, необходимый лишь для того, чтобы заказать ланч и спросить, где находится туалет. - Оба знали, что овладеть японским языком - дело непростое, бросающее серьезный вызов человеческому интеллекту. - А тебе не приходило в голову, что они будут говорить по-японски с русским акцентом? Последствия этого оба поняли почти одновременно.

- Значит, работа под двойной крышей?

- Пожалуй... - Мэри-Пэт едва не рассмеялась. - Ты считаешь, у кого-нибудь могут возникнуть возражения?

Оперативникам ЦРУ запрещалось выдавать себя за журналистов - американских, разумеется. Это правило недавно скорректировали по настоянию Эда, указавшего на то, что многие агенты, завербованные его оперативниками, были журналистами из стран третьего мира. Оба оперативника, выделенные для проведения операции, отлично говорили по-русски, а потому их нетрудно будет выдать за русских журналистов, правда? Это являлось нарушением духа, но не буквы закона - у Эда Фоули временами тоже появлялись ковбойские устремления.

- Да конечно, - согласилась Мэри-Пэт. - Кларк спрашивает, дадим ли мы ему возможность проверить существование агентурной сети "Чертополох"?

- Об этом придется говорить с Райаном или с президентом. - Эд снова предпочел проявить осторожность.

Однако его жена проявила настойчивость.

- Нет, в этом нет необходимости. Разрешение требуется в том случае, если мы захотим пользоваться агентурной сетью. Для проверки существования сети разрешения не требуется. - Ее серо-голубые глаза сверкнули - это было признаком того, что она намерена добиться своего.

- Дорогая, черта, разделяющая эти два понятия, слишком уж размыта, - предостерег ее Эд. Но именно за то он и любил жену, что она временами шла на такой риск. - Впрочем, мне нравится эта мысль. Ладно, но только для того, чтобы убедиться в существовании агентурной сети.

- Вот и хорошо, дорогой. А мне уж начало было казаться, что придется воспользоваться своей властью. - Всякий раз, когда жена прибегала к прерогативам занимаемой должности, Эд ощущал потом сладость мести.

- Не забудь только вовремя приготовить ужин, Мэри. Распоряжения я отправлю в понедельник.

- Нам придется заехать в универсам "Джайант". Дома нет хлеба.

Конгрессмен Элан Трент из Массачусетса находился в Хартфорде, штат Коннектикут. Он решил отдохнуть в субботу и посмотреть баскетбольный матч между командами Массачусетского университета и Университета Коннектикута, поскольку обе команды соперничали в нынешнем году, борясь за первенство в региональном чемпионате. Однако это не освобождало его от работы, и потому с ним приехали два помощника, а вскоре ожидали еще и третьего - с новыми материалами. Трент удобно разместился в отеле "Шератон", рядом со спорткомплексом "Хартфорд-Сивик-арена". Он чувствовал себя здесь более комфортно, чем в служебном кабинете, и лежал на кровати, обложившись бумагами, - как Уинстон Черчилль, подумал Трент, только без бокала шампанского. На тумбочке рядом с кроватью зазвонил телефон. Он не протянул к нему руку. На то у него был помощник, и Трент привык не обращать внимания на звонки.

- Эл, это Джордж Уайли из "Диарфилд ауто". - Уайли вкладывал немалые средства в политические кампании Трента, к тому же ему принадлежала крупная фирма в избирательном округе конгрессмена. По этим двум причинам он имел право обращаться к Тренту всякий раз, когда считал необходимым.

- Каким образом, черт побери, ему удалось найти меня здесь? - спросил Трент, обращаясь к потолку, и протянул руку за трубкой. - Привет, Джордж, как жизнь?

Помощники конгрессмена наблюдали за тем, как их босс поставил стакан с содовой на тумбочку и взял блокнот. Рядом с Трентом всегда лежали карандаши и блокнот для записей. В том, что он принялся быстро делать заметки на открытой странице, не было ничего необычного, а вот сердитое выражение лица сразу насторожило помощников. Конгрессмен сделал жест в сторону телевизора и скомандовал:

- Си-эн-эн!

Картинка появилась на экране в один из самых удачных моментов. После минутной рекламы и краткого вступления Трент увидел лицо Боба Райта. На этот раз передача велась в записи и была отредактирована. Появилось изображение Ребекки Аптон в куртке с логотипом Национального департамента безопасности на транспорте, наблюдающей за тем, как две искаженные "кресты" грузят на трейлер.

- Проклятье, - пробормотал старший помощник конгрессмена.

- Значит, топливные баки? - спросил Трент в трубку, затем с минуту внимательно слушал. - Вот ублюдки! - разъяренно проворчал он. - Спасибо, что позвонил, Джордж. Я немедленно займусь этим. - Трент положил трубку и сел. Правая рука с вытянутым пальцем указывала на старшего помощника. - Немедленно свяжитесь с дежурной сменой Национального департамента безопасности на транспорте в Вашингтоне. Я хочу поговорить с этой девушкой прямо сейчас. Узнайте ее имя, номер телефона, где она находится. Затем соедините меня с министром транспорта. - Он снова склонился над документами, пока его помощники взяли за телефоны. Подобно большинству членов Конгресса, Трент старался предельно использовать возможности своего мозга и уже давно научился не разделять служебное время и увлечения. Скоро он уже

ворчал относительно дополнения к материалам Министерства внутренних дел, касающегося Национальной службы охраны лесов, и делал пометки на полях зеленым карандашом. Это было почти крайним выражением недовольства, хотя помощники заметили, как его рука с красным карандашом застыла над чистой страницей большого блокнота. Сочетание красного карандаша и мелованной бумаги означало, что Трент чем-то крайне взволнован.

Ребекка Антон сидела за рулем своего универсала "ниссан", следуя за грузовиками, направлявшимися в Нашвилл. Там она сначала проследит, как разместят обгоревшие остатки двух "крест", а затем встретится с начальником местного отделения департамента, чтобы начать подготовку к официальному расследованию происшествия - тут будет масса бумаготворчества, она не сомневалась, и ей показалось странным, что она не чувствует себя расстроенной из-за сорванного уик-энда. Занимаемая ею должность позволяла пользоваться сотовым телефоном, но она прибегала к нему только для служебных разговоров, да и то, когда это было совершенно необходимо. Мисс Аптон работала в департаменте всего десять месяцев и за это время еще ни разу не достигла минимума расходов на сотовую связь, за которые правительство платило телефонной компании. Телефон в ее автомобиле еще никогда не звонил, и она удивленно посмотрела на него, когда раздался низкий гудок.

- Алло? - ответила она, подняв трубку и полагая, что кто-то ошибся номером.

- Ребекка Аптон?

- Да. С кем я говорю?

- Одну минуту, - произнес мужской голос. - С вами хочет побеседовать конгрессмен Трент.

- Что? Кто?

- Алло? - послышался другой голос.

- Кто это?

- Вы Ребекка Аптон?

- Да, это я. А кто вы?

- Меня зовут Элан Трент, я член Конгресса США от суверенного штата Массачусетс. - Массачусетс, как при малейшей возможности заявит любой избранный здесь представитель, является не просто "штатом", а непременно с прибавкой "суверенный". - Я нашел вас через дежурную смену в центре Национального департамента безопасности на транспорте. Ваш начальник - Майкл Циммер, и его телефонный номер в Нашвилле...

- Хорошо, сэр, я вам верю. Чем могу помочь?

- Это ведь вы расследуете дорожно-транспортное происшествие на автомагистрали I-40?

- Да, сэр.

- Расскажите мне о том, что вам удалось выяснить.

- Сэр, - произнесла Ребекка, сбавляя скорость, чтобы подумать, - мы вообще-то даже не начали расследование, и я не могу...

- Послушайте, леди, я не прошу, чтобы вы делали выводы. Мне нужно всего лишь узнать причину, по которой вы решили Приступить к расследованию происшествия. Я занимаю высокий ПОСТ и потому могу вам помочь. Если вы

согласитесь на сотрудничество, я обещаю, что министр транспорта узнает, какой вы многообещающий молодой инженер. Она - моя хорошая знакомая, понимаете? Мы с нею вместе с дюжину лет заседали в Конгрессе.

Господи, подумала Ребекка Аптон. Разглашение информации, связанной с ведущимся расследованием, нарушает этику и все правила, может быть, даже является противозаконным. С другой стороны, разве расследование началось? А ведь она, как и все, хочет, чтобы ее заметили и продвинули по службе. Девушка не знала, что для человека на другом конце канала сотовой связи короткое молчание было красноречивее всяких слов, да и в любом случае не могла видеть улыбку на лице мужчины в номере хартфордского отеля "Шератон".

- Сэр, как мне, так и полиции, прибывшей на место происшествия, кажется, что на обоих автомобилях произошло нарушение герметичности топливных баков, что и стало причиной пожара, унесшего столько жизней. В результате произведенного мной осмотра не удалось обнаружить обстоятельств, которые могли бы объяснить столь странную ситуацию. Вот почему я собираюсь обратиться к своему начальнику с предложением провести расследование и найти причину этого.

- Бензин начал сочиться из обоих баков? - спросил мужской голос.

- Да, сэр, но все было гораздо хуже. Оба бака не выдержали столкновения и разрушились.

- Что-нибудь еще?

- Пока больше ничего. - Аптон сделала паузу. Может быть, этот Трент действительно упомянет ее имя в разговоре с министром? Если так... - Видите ли, мистер Трент, в этом происшествии есть что-то непонятное. Я по образованию инженер-механик и как смежный предмет изучала и сопротивление материалов. Скорость столкновения не может объяснить столь полное разрушение обоих баков. Существуют федеральные стандарты безопасности, определяющие структурную прочность автомобилей и их комплектующих, и эти параметры намного превосходят те условия, которые я видела на месте происшествия. Полицейские, с которыми мне довелось говорить, придерживаются той же точки зрения. Понадобится провести кое-какие тесты, чтобы убедиться окончательно, но сейчас я выразила свое впечатление. Извините, но пока не могу сказать ничего более определенного.

Эта молодая девушка далеко пойдет, сказал себе Трент в гостиничном номере хартфордского "Шератона".

- Спасибо, мисс Аптон. Я оставил номер своего телефона в вашем отделении в Нашвилле. Позвоните мне, когда вернетесь. - Он положил трубку и на минуту задумался, затем повернулся к младшему помощнику, - Свяжитесь с министром транспорта и скажите ей, что эта Аптон - блестящий молодой инженер. Впрочем, нет, соедините меня с ней - я сам поговорю с министром. Пол, насколько хорошо оборудована лаборатория Национального департамента безопасности на транспорте для проведения научных исследований такого рода? - спросил Трент. Ему все больше казалось, что он походит на Черчилля, планирующего высадку в Европе. Ну, может быть, не совсем... подумал Трент.

- У них хорошая лаборатория, но в университете...

- Вы правы. - Трент нашел свободную кнопку на телефоне и набрал номер,

который помнил наизусть.

- Добрый день, конгрессмен, - произнес Билл Шоу, говоря в сторону многоканального телефона и глядя на Дэна Мюррея. - Между прочим, нам нужно встретиться на следующей неделе и...

- Мне нужна помощь, Билл.

- Какая именно, сэр? - Избранники народа при разговоре по официальным вопросам, даже для директора ФБР, всегда были "сэр" или "мэм". Это особенно относилось к конгрессмену, являющемуся председателем Комитета по вопросам разведки и входящему в состав еще двух ключевых комитетов - юридического и финансового. К тому же при всей своей личной... эксцентричности Трент всегда хорошо относился к бюро и его критика была справедливой. Однако суть вопроса сводилась к следующему: все три занимаемых им поста в комитетах Конгресса оказывали самое непосредственное воздействие на ФБР. Шоу слушал Трента и делал заметки. - Специальный агент, возглавляющий наше отделение в Нашвилле, - Брюс Клири, но нам понадобится официальный запрос о помощи со стороны Министерства транспорта до того, как мы сможем... Хорошо, буду ждать ее звонка. Рад оказать всяческое содействие, сэр. Да, сэр. до свиданья. - Шоу поднял голову. - Какого черта Эл Трент поднял такой шум из-за автокатастрофы в Теннесси?

- А какое отношение имеем мы к этому делу? - задал более разумный вопрос Мюррей.

- Трент настаивает, чтобы наша лаборатория оказала помощь Национальному департаменту безопасности на транспорте в научно-судебной стороне расследования. Позвони Брюсу и скажи, чтобы он выделил своего лучшего технического специалиста. Это происшествие случилось только сегодня утром, а Тренту нужны результаты уже вчера.

- В прошлом он когда-нибудь обращался к нам за такой срочной помощью?

- Ни разу, - покачал головой Шоу. - Думаю, нам следует оказать ему всяческую поддержку, чтобы заручиться его помощью в будущем. На предстоящей встрече он будет присутствовать вместе с председателем комитета. Ты не забыл, нам придется обсудить вопрос о допуске Келти к секретной информации?

На столе Шоу зазвонил телефон.

- Министр транспорта на третьей линии, директор.

- Этот Трент, - заметил Мюррей, - действительно обращается в самые высокие инстанции, да еще на исходе субботы. - Он встал и отправился к телефону в противоположном углу кабинета, пока директор ФБР разговаривал с членом кабинета министров. - Соедините меня с нашим отделением в Нашвилле, - сказал Дэн.

Двор полицейского департамента, где стояли разбитые или краденые автомобили, входил в состав гаража, обслуживающего полицейские машины штата. Ребекке Аптон еще не приходилось бывать здесь, однако водители грузовиков оказались тут частыми гостями и следовать за ними было просто. Полицейский у ворот крикнул водителю первого грузовика, куда ставить машину, за ним последовал второй, и следом въехал автомобиль инженера НДБТ. Они направились к пустому - или почти пустому - участку двора. Там стояло шесть полицейских машин - две с полицейскими знаками и мигалками и еще четыре, ничем не

отличающиеся от гражданских, - а также с десятком чиновников, причем все, как показалось Аптон, занимающие важные должности. Один из них был боссом молодого инженера, и лишь теперь она начала по-настоящему понимать, насколько серьезным становится дело.

В здании гаража находилось три гидравлических подъемника. Обе "кресты" сгрузили во дворе, затем вручную закатили внутрь и поставили на стальные направляющие подъемников. Тут же их одновременно подняли, позволив все растущей толпе осмотреть снизу разбитые и обгоревшие автомобили. Аптон оказалась самой невысокой, и ей пришлось расталкивать собравшихся, чтобы пройти вперед. В конце концов, дело вела она, по крайней мере ей так казалось. Фотограф начал съемку, и Аптон заметила на футляре аппарата желтую надпись "ФБР". Какого черта? - удивилась девушка.

- Определенно конструктивный дефект, - произнес капитан полиции штата, занимающийся расследованием дорожно-транспортных происшествий. Остальные согласно закивали.

- Где здесь поблизости находится лучшая научная лаборатория? - спросил небрежно-одетый мужчина.

- Можно начать с Университета Вандербильта, там отличное оборудование и персонал, - заявила Ребекка. - А еще лучше прибегнуть к помощи Ок-риджской национальной лаборатории.

- Вы - мисс Аптон? - спросил мужчина. - Меня зовут Брюс Клири, я из ФБР.

- Но какое отношение имеет...

- Мэм, я выполняю приказы. - Он улыбнулся и продолжил: - Министерство транспорта обратилось к нам с просьбой оказать помощь в расследовании этого происшествия. Сюда уже вылетел наш старший специалист из лаборатории ФБР в Вашингтоне. - Причем на самолете Министерства транспорта, не как-нибудь, подумал Клири, но промолчал. Ни он ни другие сотрудники его отделения в Нашвилле еще никогда не занимались расследованием дорожно-транспортных происшествий, однако распоряжение последовало лично от директора ФБР, и ничего другого знать ему не требовалось.

Мисс Аптон внезапно почувствовала себя молодым деревцем среди леса гигантских стволов, но ей тоже нужно было заниматься работой, и она была здесь по сути дела единственным специалистом. Девушка достала из кармана электрический фонарик и принялась за тщательный осмотр топливного бака. Она с удивлением заметила, с каким почтением ей уступают место. Уже было принято решение, что на обложке отчета о расследовании будет стоять ее имя. Об участии ФБР упомянут лишь косвенно - самое рядовое дело, обычное сотрудничество между федеральными агентствами, оказана помощь молодому настойчивому и способному инженеру из Национального департамента безопасности на транспорте, к тому же женщине. Она станет главным героем, ей припишут все заслуги остальных, чтобы не создалось впечатления, будто это совместные усилия сотрудников многих департаментов, направленные к заранее определенной цели, хотя дело обстояло именно так. К тому же она дала первоначальный толчок, а когда снимают такие обильные политические пенки, несколько капель должно выпасть и на долю маленьких людей. Все стоящие вокруг или знали об этом, или начали подозревать, хотя далеко не все имели

представление о подлинном масштабе проблемы. Им всего лишь было известно, что один конгрессмен заручился немедленной поддержкой члена кабинета министров и директора самого влиятельного независимого департамента в правительстве и что конгрессмену требовались немедленные результаты. Судя по всему, он их добился. Когда присутствующие смотрели на нижнюю часть кузова того, что всего лишь несколько часов назад было семейным автомобилем, направляющимся к дому бабушки, причина катастрофы казалась столь же простой, как удар в лицо. Оставалось по существу только одно - провести научное обследование разрушенного топливного бака, подумал старший представитель, ФБР. За этим они обратятся в Ок-Ридж, лаборатории которого нередко оказывали помощь ФБР. Правда, потребуется разрешение Министерства энергетики, но если Эл Трент сумел потрясти два больших дерева меньше чем за час, что ему стоит потрясти третье?

Следить за Гото нетрудно, хотя временами и утомительно, подумал Номури. Несмотря на свои шестьдесят лет, Гото обладал завидной энергией и желанием казаться молодым. И. он регулярно бывал здесь, по крайней мере три раза в неделю. Это был чайный домик, о котором говорил ему Казуо - пусть приятель не упомянул название, но его описание оказалось достаточно точным, чтобы Номури смог опознать домик по описанию и затем убедиться в этом. Он видел, как сюда входили Гото и Ямата, всегда по отдельности, но через несколько минут один после другого - чтобы не заставлять друг друга ждать. Всякий раз Ямата уходил первым, а Гото оставался в домике, обычно на час, иногда дольше, но никогда не дольше двух часов. Можно предположить, подумал Номури, что это деловые встречи, за которыми следовал непродолжительный отдых и развлечения, а некоторыми вечерами только отдых и развлечения, без обсуждения дел. Словно в кинофарсе, Гото всегда выходил на улицу с блаженным выражением лица и уверенной походкой направлялся к ожидающему его автомобилю. Шофер, в этом можно было не сомневаться, знал о том, чем занимается здесь его босс, - он открывал ему дверцу машины, низко кланялся, затем с лукавой улыбкой шел к своей дверце. Номури всякий раз следовал за автомобилем Гото, осторожно и издалека, дважды терял его в потоке транспорта, однако два последних раза и еще трижды ему удавалось проследить за возвращением Гото к себе домой, и потому он был уверен, что после любовных свиданий маршрут политического деятеля всегда один и тот же. Теперь ему нужно подумать о другой стороне операции. Номури сидел в машине, пил чай и терпеливо ждал. Ждать пришлось сорок минут.

Это была Кимберли Нортон. Номури отличался превосходным зрением, да и уличное освещение оказалось достаточно ярким, чтобы сделать несколько снимков, прежде чем выйти из машины. Он следовал за нею по противоположной стороне улицы, стараясь не смотреть прямо на девушку, и поглядывал уголком глаз, не поворачивая головы. Слежка и способы ускользать от нее входили в программу обучения на "Ферме". Здесь это не было особенно трудным, а объект слежки еще больше облегчал его задачу. Хотя Кимберли не была особенно высокой по американским стандартам, здесь рост выделял ее среди прохожих, да и светлые волосы помогали держать девушку в поле зрения. В Лос-Анджелесе она была бы одной из многих, подумал он, - привлекательная девушка в море таких

же привлекательных, как и она. В ее походке не было ничего необычного - Кимберли приспособилась к здешней обстановке, она держалась скромно, уступала дорогу мужчинам, тогда как в Америке все было бы наоборот и считалось бы само собой разумеющимся. Хотя западная одежда несколько выделяла ее среди прохожих, многие одевались точно так же - более того, традиционно одетых японок было явное меньшинство, отметил Номури не без удивления. Девушка повернула направо, пошла по улице, и Номури последовал за ней в шестидесяти-семидесяти ярдах, словно какой-то частный детектив. Так в чем же суть поставленной перед ним задачи? Этого сотрудник ЦРУ так и не мог понять.

- Русские? - спросил Динг.

- И не какие-нибудь, а нештатные журналисты. Ты можешь стенографировать? - спросил Кларк, читая полученный телекс. У Мэри-Пэт снова разыгралось воображение, однако, говоря по правде, этот шаг был весьма остроумен. Он давно подозревал, что у ЦРУ есть агент в московской службе новостей "Интерфакс". Может быть, даже ЦРУ сыграло немалую роль в создании этой информационной службы, поскольку "Интерфакс" нередко оказывался первым и самым надежным источником политической информации в Москве. Однако, насколько это было ему известно, Лэнгли впервые использовало "Интерфакс" в качестве крыши. Вторая страница инструкций о порядке проведения операции оказалась еще интереснее. Кларк молча передал телекс Лялину.

- Пора бы уж, черт побери, - усмехнулся бывший майор КГБ. - Вам понадобятся имена, адреса и номера телефонов?

- Было бы неплохо, Олег Юрьевич.

- Ты хочешь сказать, что мы займемся настоящим шпионажем? - спросил Чавез. Для него это будет впервые. Раньше они с Кларком проводили полувоенные операции, выполняя задания, слишком опасные или слишком необычные для рядовых оперативников.

- Я тоже давно не занимался этим, Динг. Олег, я ведь так и не спросил тебя, на каком языке ты общался с завербованными тобой агентами.

- Только на английском, - ответил Лялин. - Я никогда не раскрывал, что владею японским. Благодаря этому мне нередко удавалось узнать немало интересного. Они свободно болтали по-японски, думая, что я их не понимаю.

Очень остроумно, подумал Кларк. Стоишь с озадаченным выражением лица, и люди ни о чем не догадываются. И в данном случае с ним и с Дингом дело будет обстоять именно так. Ну что ж, суть операции и заключалась не в сборе разведывательной информации, и они были достаточно подготовлены для решения поставленных перед ними задач, напомнил себе Джон. Во вторник они вылетают в Корею.

Еще одним случаем сотрудничества между федеральными агентствами явилось то, что вертолет УН-11Н "хьюи", принадлежащий национальной гвардии Теннесси, перебрал Ребекку Аптон, трех мужчин и топливные баки в Ок-риджскую национальную лабораторию. Баки были упакованы в прозрачный пластик и пристегнуты к сиденьям, словно тоже были пассажирами.

История Ок-Риджа уходит к началу сороковых годов, когда он входил в

состав первоначального Манхэттенского инженерного проекта - таким было кодовое название операции по созданию первой атомной бомбы. В огромных зданиях размещались все еще функционирующие установки по разделению урана, хотя с тех пор многое изменилось, включая сооружение вертолетной площадки.

"Хьюи" описал круг, чтобы определить направление и силу ветра, затем совершил посадку. Вооруженный охранник проводил прибывших внутрь помещения, где они встретились с руководителем лаборатории и двумя техниками - министр энергетики лично вызвал их на завод этим субботним вечером.

Научная сторона дела была решена меньше чем за час. Для дополнительных тестов потребовалось больше времени. Доклад Национального департамента безопасности на транспорте будет включать такие вопросы, как надежность травмобезопасных кресел для детей в автомобиле Дентонов, эффективность действия воздушных подушек безопасности и тому подобное, однако все знали, что главной причиной гибели шести американских граждан были топливные баки "кресты", изготовленные из некачественно обработанной стали, которая подверглась такой коррозии, что их структурная прочность ухудшилась до одной трети номинальной. Тут же на текстовом процессоре распечатали первый черновик доклада, отредактировали и переслали факсом в штаб-квартиру Министерства транспорта, расположенную рядом со Смитсонианским музеем авиации и исследования космоса в Вашингтоне. Несмотря на то что эти две страницы были озаглавлены "Материалы предварительного расследования", содержащаяся в них информация будет отныне считаться столь же непогрешимой, как Священное Писание. Однако самое поразительное, подумала

Ребекка Аптон, заключалось в том, что все это было завершено меньше чем за шестнадцать часов. Ей никогда не приходилось видеть, чтобы правительство действовало с такой быстротой хотя бы по какому-то вопросу. Как жаль, что это случается столь редко, пронеслось у нее в голове, когда она задремала в кресле вертолета на обратном пути в Нашвилл.

Вечером того же дня баскетбольная команда Массачусетского университета проиграла команде Университета Коннектикута со счетом 103:108 в дополнительное время. И хотя Трентон был баскетбольным фанатиком и выпускником Массачусетского университета, на его лице, когда он спускался по пологому склону от спортивного комплекса "Хартфорд-Сивик-арена", сияла радостная улыбка. Сегодня ему удалось добиться успеха в гораздо более важной игре, думал он, не подозревая, что игра была не совсем такой, как ему казалось.

Арни ван Дамм не любил, когда в воскресенье утром его будили так рано, особенно если он решил посвятить этот день отдыху. Это был день сна до восьми часов, чтения газет за кухонным столом, как это делают все нормальные граждане, дремоты перед включенным телевизором после обеда, и вообще ему хотелось думать, что он находится в Колумбусе, штат Огайо, где жизнь была куда более спокойной. Его первой мыслью было, что произошла крупная катастрофа, угрожающая всей нации. Президент Дарлинг не любил нарушать отдых руководителя своего аппарата, и мало кто знал номер этого телефона. Голос в трубке заставил Арни широко открыть глаза и раздраженно уставиться в дальнюю

стену спальни.

- Надеюсь, Эл, у тебя достаточно серьезная причина, - проворчал он, глядя на часы. Без четверти семь. Затем в течение нескольких минут он молча слушал. - Хорошо, погоди минутку. - Арни встал, нажал клавишу компьютера - даже ему приходилось пользоваться плодами высокой технологии, - который был подключен к компьютерной сети Белого дома. Рядом стоял телефон. - О'кей, Эл, могу дать тебе возможность поговорить с ним в восемь пятнадцать завтра. Ты действительно уверен во всем этом? - Арни слушал еще пару минут, испытывая раздражение по поводу того, что Трент заставил действовать три федеральных агентства, подчиняющихся исполнительной власти, но Эл был членом Конгресса и весьма влиятельным, и он умел пользоваться своим влиянием с такой же легкостью, с какой утка плавает по воде.

- Мой вопрос заключается в следующем: согласится ли президент поддержать меня? - поинтересовался Трент.

- Если твоя информация надежна - да, думаю, согласится.

- Можешь не сомневаться в ее достоверности, Арни. Я говорил, говорил и говорил, но никто не прислушивался к моим предостережениям, однако на этот раз действия желтых ублюдков привели к смерти американцев.

- Ты не мог бы переслать мне факсом копию доклада?

- Сейчас я спешу на самолет. Как только доберусь до кабинета, сразу вышлю.

Тогда почему тебе понадобилось звонить мне именно сейчас? - едва не рявкнул ван Дамм, но вовремя удержался.

- Хорошо, буду ждать, - ответил он вместо этого. Его следующим шагом было выйти на крыльцо и забрать воскресные газеты. Поразительно, подумал он, просматривая заголовки на первых страницах. Крупнейшая сенсация дня, может быть, даже года, и никто еще не взялся за нее.

Типично для нашей прессы.

Не менее поразительным было и то, что остаток воскресенья - если не считать обычную работу факса - прошел почти в соответствии с планом, что позволило руководителю аппарата президента провести день, как и подобает рядовому гражданину, и даже не задумываться о том, что произойдет на следующий день. Всему свое время, подумал он, засыпая на диване в гостиной и пропуская телевизионную трансляцию баскетбольного матча между "Лейкерами" из Лос-Анджелеса и бостонскими "Селтиками", которая велась из "Бостон-гарден".

9. Игра при численном преимуществе

В понедельник Тренту пришлось обратиться за помощью ко многим, чем-то обязанным ему в прошлом, и таких людей было немало. Палата представителей Соединенных Штатов открыла свое заседание, как обычно, ровно в полдень. Капеллан прочитал молитву, с удивлением заметив, что председательское кресло занимает сам спикер палаты, а в зале сидят больше сотни конгрессменов, которые прислушиваются к нему, и это вместо обычных шести или восьми, стоящих в очереди, чтобы сделать короткое заявление, что будет запечатлено телевизионными камерами, к тому же и галерея прессы была заполнена почти наполовину, а не пустовала, как обычно. Пожалуй, ничем не отличалась только

галерея для посетителей, где, как всегда, было много туристов и школьников. Капеллан неожиданно почувствовал себя не в своей тарелке, запинаясь, пробормотал молитву и направился к выходу, но в какой-то момент передумал и решил остановиться у двери и посмотреть, как будут развиваться события дальше.

- Господин спикер! - послышался голос из зала, что ничуть не удивило присутствующих конгрессменов.

Спикер палаты представителей, предупрежденный звонком из Белого дома, уже смотрел в его сторону.

- Слово предоставляется джентльмену из Массачусетса, - произнес он.

Эл Трент быстрым шагом подошел к трибуне. Поднявшись на нее, он не спеша разложил заметки на наклонном деревянном пюпитре, а трое его помощников тем временем установили стенд для иллюстративных материалов. Конгрессмен намеренно заставил аудиторию ждать начала своего выступления, чтобы красноречивой тишиной создать драматическую атмосферу, соответствующую серьезности вопроса. Посмотрев вниз, Трент начал с традиционного вступления.

- Господин спикер, прошу разрешения говорить подробно и прибегнуть к сопутствующим материалам.

- У председательствующего нет возражений, - ответил спикер, однако на этот раз не так автоматически, как обычно. Он чувствовал, в зале меняется атмосфера и это обстоятельство очевидно всем, кроме туристов, но даже их гиды останавливаются и садятся, чего они обычно никогда не делали. В зале присутствовало не меньше восьмидесяти членов партии Трента, здесь же, но в стороне сидело еще около двадцати конгрессменов, включая всех руководителей партии меньшинства, оказавшихся в этот день в Вашингтоне. И хотя некоторые из последних с равнодушными лицами наблюдали за происходящим, уже одно то обстоятельство, что они находились здесь, вызвало немалый интерес у репортеров, заранее предупрежденных о важности предстоящих сегодня событий.

- Господин спикер, утром прошлой субботы на федеральной автомагистрали номер 40 в штате Теннесси, между Ноксвиллом и Нашвиллом, шесть американских граждан оказались обреченными на огненную смерть по вине японских производителей автомобилей. - Трент зачитал имена и возраст жертв катастрофы, а помощник за его спиной прикрепил к стенду первую иллюстрацию - черно-белую фотографию места происшествия. Конгрессмен не спешил, давая возможность присутствующим всмотреться в снимок, почувствовать, какие муки испытывали люди, сидевшие в автомобилях. В галерее прессы раздавали письменные копии его выступления и фотографии, которые будут демонстрироваться на стенде в качестве иллюстративных материалов, и Трент не хотел продолжать слишком быстро.

- Господин спикер, сейчас мы должны спросить, во-первых, почему погибли эти люди и, во-вторых, почему их гибель вызывает беспокойство у нашей палаты.

Блестящий молодой инженер, находящаяся на службе федерального агентства, мисс Ребекка Аптон, была вызвана на место катастрофы дорожной полицией и сразу обнаружила, что причиной гибели этих людей является крупный дефект в конструкции обоих автомобилей, нарушающий общепринятые стандарты безопасности, и что пожар, ставший причиной их смерти, был вызван

недостаточной прочностью топливных баков.

Господин спикер, совсем недавно эти самые топливные баки стали предметом переговоров между торговыми делегациями Соединенных Штатов и Японии. Японскому торговому представителю было предложено использовать в автомобилях этой марки превосходные топливные баки, производимые, между прочим, на заводе, расположенном в моем округе. Американские топливные баки не только выше качеством, не только надежнее и, следовательно, соответствуют принятым у нас стандартам безопасности, но и дешевле в производстве благодаря трудолюбию наших рабочих. Однако это предложение было отвергнуто японской торговой миссией, потому что американский бак якобы не удовлетворяет высочайшим требованиям, предъявляемым к безопасности автомобилей японской промышленности!

Господин спикер, эти "высочайшие" требования, якобы предъявляемые к мнимой безопасности японских автомобилей, привели к гибели шести наших сограждан в автомобильной катастрофе, обстоятельства которой, по мнению дорожной полиции штата Теннесси и Национального департамента безопасности на транспорте, ни в коей мере не выходят за пределы стандартов безопасности, существующих в Америке на протяжении более пятнадцати лет. Такого рода дорожно-транспортное происшествие не должно было повлечь за собой гибель людей, однако оказалось, что одна из семей погибла почти полностью - и если бы, господин спикер, не мужество одного из членов профсоюза водителей грузовиков, исчезла бы совсем, - а еще две семьи сегодня рыдают над телами своих юных дочерей лишь потому, что американским рабочим не позволили устанавливать более высококачественную и надежную комплектующую даже на тех автомобилях, которые производятся этой японской фирмой в Америке! Один из этих дефектных топливных баков был доставлен из-за океана, за шесть тысяч миль от нашей страны, установлен на одном из сгоревших автомобилей, и в результате гибели муж, жена, трехлетний ребенок и грудной младенец, находившиеся в нем!

Пора положить этому конец, господин спикер! Предварительные результаты расследования, проведенного Национальным департаментом безопасности на транспорте, подтвержденные научными сотрудниками Ок-риджской национальной лаборатории, указывают на то, что топливные баки на обоих этих автомобилях - одном, произведенном в Японии, и другом, собранном прямо у нас в штате Кентукки, - не соответствуют давно существующим в нашей стране стандартам безопасности, принятым Министерством транспорта. В результате, во-первых, Министерство транспорта США выпустило распоряжение о немедленном прекращении эксплуатации и возвращении торгующим фирмам всех легковых автомобилей типа "креста"... - Трент сделал паузу и посмотрел вокруг. Участники спектакля, находящиеся в зале, знали, что предстоит что-то еще, что-то исключительно важное.

- И второе. Я сообщил президенту об этом трагическом инциденте и его последствиях. Министерство транспорта выяснило, что такие же топливные баки устанавливаются почти на всех японских легковых автомобилях, импортируемых в Соединенные Штаты. По этой причине сегодня я вношу законопроект HR-12313, который даст право президенту США предписать Министерством торговли, юстиции и финансов...

- Своим исполнительным распоряжением, - говорила пресс-секретарь Белого дома, обращаясь к собравшимся на брифинг журналистам, - и в интересах общественной безопасности президент предписал Таможенному управлению Министерства финансов США тщательно проверять все импортируемые японские автомобили в местах их ввоза в страну на соответствие американским стандартам качества, чтобы не допустить импорта машин с крупными конструктивными дефектами, которые привели два дня назад к гибели шести американских граждан. Соответствующий законопроект, позволяющий президенту законодательно закрепить данное ему право, вносится сегодня distinguished Элано Трентом, конгрессменом от Массачусетса. Этот законопроект получил полную поддержку президента, и мы надеемся, что он будет быстро принят Конгрессом в интересах безопасности граждан.

Существует технический термин для такого шага - "обратимая взаимность", - продолжала она. - Это означает, что наше законодательство станет зеркальным отражением японских торговых законов до мельчайших деталей; - Она подняла голову и посмотрела в зал, ожидая вопросов. Как ни странно, вопросов не последовало.

- Теперь далее, поездка президента в Москву намечена на...

- Одну минуту, - послышался голос репортера, которому понадобилось несколько секунд, чтобы понять предыдущее заявление. - О чем вы только что говорили?

- Что случилось, босс? - спросил Райан, просматривая документы.

- Вторая страница, Джек.

- Ясно. - Райан перелистнул страницу. - Черт побери, я недавно видел это по телевидению. - Он поднял голову. - Это вряд ли им понравится.

- Ничего не поделаешь, - ответил президент Дарлинг ледяным голосом. - Нам повезло, и в течение пары удачных лет мы сумели сократить торговый дефицит, но этот их новый премьер настолько подчинен крупным промышленникам, что иметь дело с его людьми" стало невозможно. Пришло время положить этому конец. Они осматривают наши автомобили прямо в порту и едва ли не разбирают их на части, чтобы убедиться, соответствуют ли машины японским стандартам "безопасности" или нет, а затем стоимость этого "осмотра" прибавляется к цене автомобилей, делая их менее конкурентоспособными.

- Я знаю это, сэр, но...

- Пора положить этому конец, - повторил Дарлинг. К тому же приближались выборы, президенту требовались голоса избирателей, входящих в состав профсоюзов, и одним таким шагом он привлекал их на свою сторону. Эта проблема не входила в сферу компетенции Джека, и советник по национальной безопасности не хотел вмешиваться в чужие дела. - А теперь расскажи мне о России и ее ракетах, - произнес Роджер Дарлинг.

Самую главную сенсацию президент приберегал напоследок. Во второй половине дня ФБР встречается с министром юстиции. Впрочем, нет, подумал Дарлинг после недолгого размышления, придется позвонить Бобу Шоу и сказать, чтобы тот пока воздержался. Президенту не хотелось, чтобы две сенсации соперничали друг с другом на страницах газет. С делом Келти придется подождать. Он сообщит об этом Райану, но обвинение вице-президента в

изнасиловании будет пока сохраняться в тайне.

Расположение часовых поясов только содействовало неразберихе. Из временной зоны, опережающей восточное поясное время США на четырнадцать часов, ранним утром в еще не проснувшемся Вашингтоне начали раздаваться телефонные звонки.

Необычные действия американцев в обход принятых каналов, существующих в правительстве Соединенных Штатов, и потому оказавшиеся незамеченными теми, кто собирали информацию для своей страны, застали всех врасплох. Японский посол находился в этот момент в фешенебельном ресторане, где обедал с близким знакомым, и все старшие дипломаты посольства Японии на Массачусетс-авеню тоже оказались неготовыми к такому развитию событий. В кафетерии посольства и по всему городу раздавались требовательные гудки пейджеров, призывающие немедленно связаться со своими офисами, но было уже слишком поздно. Сенсационная новость передавалась по различным телевизионным спутниковым каналам, и те в Японии, в обязанности кого входило следить за подобными событиями, уже вызывали своих боссов, информация передавалась все дальше и дальше по цепи подчинения, и, наконец, многие дзайбацу были разбужены в столь неподходящий час, что это не могло не вызвать их крайнего неудовольствия. Те, в свою очередь, вызвали старших помощников, уже проснувшихся, и потребовали, чтобы они немедленно связались с лоббистами. Многие из этих последних уже находились в своих кабинетах. Они успели посмотреть по телевидению выступление Эла Трента в Конгрессе и принялись за дела по собственной инициативе, пытаясь хоть как-то уменьшить разрушительные результаты происшедшего еще до того, как получили приказы от своих работодателей. Однако они встречали прохладный прием в правительственных кабинетах, даже в тех, обладателям которых оказывалась регулярная финансовая поддержка в избирательных кампаниях. Правда, такое происходило не всегда.

- Послушайте, - сказал один сенатор, размышляя о начале собственной избирательной кампании и о необходимости раздобыть где-то средства на ее проведение, о чем отлично знал его гость, - я ведь не могу обратиться к своим избирателям и заявить, что принятые правительством меры являются несправедливыми, после того как восемь человек только что погибли в пламени пожара. Пусть пройдет время и все успокоится. Разве не следует проявить здравый смысл?

В результате пожара, вызванного автомобильной катастрофой, погибло только шесть человек, подумал лоббист, однако совет, данный сенатором, звучал разумно - или оказался бы разумным при нормальных обстоятельствах. Лоббисту платили свыше трехсот тысяч долларов в год за его опыт и влияние в коридорах власти - он был одним из старших сотрудников и состоял в штате Сената в течение десяти лет, прежде чем увидел манящий свет денег и понял, как ему нужно поступать, - а также за его честность и надежность предоставляемой им информации. Кроме того, ему также платили и за то, что он снабжал деньгами законодателей, нуждающихся в средствах для избирательных кампаний, что являлось не особенно честным приемом, и советовал своим работодателям, как следует поступать, а как - нет.

- Хорошо, сенатор, - произнес он понимающим голосом. - Прошу вас только

иметь в виду, что такой законопроект может привести к торговой войне, а это принесет ущерб всем.

- Подобные события живут естественной жизнью, которая не длится вечно, - ответил сенатор. Таким было общее мнение, переданное в кабинеты различных корпораций в пять вечера по вашингтонскому времени, что соответствовало семи утра следующего дня в Японии. Все лоббисты ошибались, упуская из виду то обстоятельство, что "подобные события" еще никогда не случались в прошлом.

В кабинетах почти всех членов обеих палат Конгресса уже непрерывно звонили телефоны. Большинство избирателей выражали негодование по поводу происшествия на шоссе I-40, чего и следовало ожидать. В Америке жило несколько сотен тысяч людей, равномерно распределенных по каждому штату и каждому из четырехсот тридцати пяти избирательных округов, которые никогда не упускали возможности позвонить своим избранникам в Вашингтон и выразить собственную точку зрения по всем возникающим вопросам. Им отвечали младшие помощники, регистрирующие время и день звонка, имя, фамилию и адрес каждого звонившего - часто спрашивать об этом не приходилось, потому что их обычно узнавали по голосу. Звонки регистрировались в соответствии с темой и точкой зрения, становились частью утренних брифингов, и в большинстве случаев о них тут же забывали.

Некоторые звонки поступали к старшим представителям аппарата конгрессменов и сенаторов, а иногда и к самим членам палат Конгресса. Это звонили местные бизнесмены, главным образом промышленники, или те, чья продукция конкурировала на открытом рынке с товарами из-за океана, или, в немногочисленных случаях, те, кто пробовали сами торговать в Японии и встретились там с немалыми трудностями. Такие звонки не всегда оказывались нужными, но их редко игнорировали.

Это снова превратилось в главную новость дня во всех средствах массовой информации, после того как временно ушло с первых полос, утратив первоначальную свежесть. В сегодняшних передачах фигурировали семейные фотографии погибшего полицейского, его жены, трех маленьких детей, а также Норы Данн и Эйми Райе, за которыми последовали краткое записанное на пленку интервью с героем-водителем грузовика и сделанные издали снимки Джессики Дентон, оставшийся сиротой, которая корчилась от мучительных ожогов в стерильной палате, а также ухаживающих за нею медсестер, которые, плача, обрабатывали обгоревшую кожу на тельце малышки. Сейчас с семьями пострадавших работали адвокаты, которые наставляли их, о чем говорить перед телевизионными камерами, и готовили зловеще скромные требования о возмещении ущерба, питая при этом надежды на собственные громадные гонорары за юридическую помощь. Телевизионные репортеры интересовались впечатлениями членов семей, родственников, друзей и соседей, и зрители замечали в яростном горе тех, кто понесли такую внезапную и страшную потерю, либо просто гнев, либо возможность воспользоваться внезапно возникшей ситуацией.

Однако наибольшее внимание привлекала история с самими топливными баками. Предварительные итоги расследования, проведенного Национальным департаментом безопасности на транспорте, появились вскоре после их оглашения в зале Конгресса и были слишком любопытными, чтобы не обратить на них внимания. Американские автомобилестроительные фирмы предоставили

возможность своим инженерам объяснить научно-техническую сторону происшедшего, и каждый из специалистов с плохо скрытым злорадством говорил, что происшедшее служит наглядным примером плохой работы японских отделов технического контроля за качеством одной из самых простых комплектующих автомобиля и что японцы вовсе не так умны, как принято считать.

- Вот посмотри, Том, оцинкованную сталь производят уже больше ста лет,
- произнес старший инженер компании "Форд" в передаче вечерних новостей Эн-би-си. - Из нее делают мусорные баки.

- Мусорные баки? - озадаченно переспросил ведущий, потому как у него дома эти баки были изготовлены из пластика.

- Японцы в течение ряда лет обвиняли нас в недостаточно высоких стандартах безопасности, утверждали, что мы не умеем работать, что качество наших автомобилей слишком низкое, а потому мы не можем конкурировать на их рынке. А теперь мы видим, что их стандарты совсем не так и высоки. Позволь мне закончить следующим, Том, - продолжил инженер, ощущая приступ вдохновения. - Их топливные баки на этих двух "крестах" не прочнее мусорных контейнеров, изготовленных на основе технологии конца прошлого века. Именно по этой причине и погибли в огне шестеро американцев.

Это случайное замечание послужило толчком к тому, что на следующее утро пять баков для мусора, изготовленных из оцинкованной стали, были обнаружены у ворот сборочного завода в Кентукки, выпускающего "кресты", с надписью: "ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ ПОПРОБОВАТЬ ВОТ ЭТО?". На место прибыла заранее оповещенная телесъемочная группа компании Си-эн-эн, и к полудню это стало их главной новостью. Все зависело только от восприятия. Пройдут недели, прежде чем удастся в точности установить, что же произошло на самом деле, но к этому времени человеческое восприятие и реакция на случившееся уже давно оторвутся от действительности.

Капитан транспортного судна "Ниссан курьер" ничего не подозревал о случившемся - его просто не оповестили. Этот корабль выглядел на редкость безобразно. Со стороны казалось, что он начал свое существование как сплошной стальной брус, а затем у него огромной ложкой вычерпали середину, чтобы придать плавучесть. Неустойчивый, с огромной парусностью, превращающей его в игрушку даже самых слабых ветров, он был вынужден прибегнуть к помощи четырех портовых буксиров для швартовки у морского терминала Дандалк в гавани Балтимора. Когда-то здесь располагался первый городской аэродром, и теперь огромная ровная поверхность стала естественной площадкой для разгрузки и размещения автомобилей. Все внимание капитана было обращено на сложные маневры по швартовке судна, и лишь после этого он заметил, что огромная площадка, где размещались прибывающие из Японии автомобили, необычайно переполнена. Странно, подумал он. Предыдущий транспорт с автомобилями фирмы "Ниссан" прибыл сюда в прошлый четверг, и обычно площадка бывала к этому времени наполовину пустой, что позволяло выгрузить доставленные машины. Посмотрев повнимательнее, он увидел только три трейлера, готовых забрать машины и доставить их в ближайший автомагазин. При обычных обстоятельствах трейлеры стояли в длинной очереди, словно такси у железнодорожной станции.

- Похоже, они действительно не шутят, - заметил лоцман, который вел судно по Чесапикскому заливу. Он поднялся на борт "Ниссан курьер" у Виргиния-Кейпс и незадолго до этого смотрел теленовости на лоцманском судне, стоящем там на якоре. Лоцман покачал головой и спустился по трапу. Пусть уж судовой агент информирует капитана о происходящем.

Судовой агент так и поступил, после того как поднялся по трапу и вошел на мостик. На стоянке оставалось место для еще двухсот автомобилей, уж никак не больше, а он все еще не получил инструкций от дирекции грузовой линии, что сказать капитану. Обычно судно находилось в порту не больше двадцати четырех часов - именно столько времени требовалось для разгрузки автомобилей, бункеровки, погрузки продуктов и пресной воды, после чего пустой корабль отправлялся обратно, чтобы по прибытии в Японию погрузить новую партию автомобилей для доставки в Америку. Грузовые корабли этой линии плавали по скучному, но строго соблюдаемому графику, причем даты прибытия и возвращения были столь же точными и предсказуемыми, как местонахождение звезд на ночном небе.

- Что вы хотите этим сказать? - недоуменно спросил капитан.

- Каждый автомобиль подвергается осмотру на предмет его безопасности. - Судовой агент сделал жест в сторону терминала. - Можете убедиться в этом сами.

Капитан так и поступил. Он достал бинокль "Никон" и увидел шестерых таможенников, поднимающих на гидравлическом подъемнике очередной автомобиль, что позволяло одному из таможенников зачем-то оглядеть его снизу, пока остальные делали пометки на официальных бланках. Нельзя сказать, чтобы они очень уж торопились. В бинокль капитану было видно, как таможенники покатываются от смеха, вместо того чтобы усердно заниматься работой, как подобает государственным служащим. По этой причине он и не заметил сходства с теми редкими случаями, когда видел японских таможенников, занимающихся таким же, хотя и гораздо более строгим досмотром американских, немецких или шведских автомобилей на причалах его родного порта Иокагамы.

- Но ведь так мы проторчим здесь несколько дней! - выпалил капитан.

- Не больше недели, - оптимистично заметил судовой агент.

- Но у причала может ошвартоваться только один корабль, а через семьдесят часов сюда придет "Ниссан вояджер".

- От меня это не зависит.

- Но мое расписание... - В голосе капитана прозвучало отчаяние.

- И это тоже от меня не зависит, - терпеливо произнес судовой агент, обращаясь к человеку, привычный мир которого рухнул.

- Мы можем оказать какую-то помощь? - спросил Сейджи Нагумо.

- Что ты имеешь в виду? - поинтересовался представитель Министерства торговли.

- Пострадавших от этого страшного происшествия, - пояснил японец.

Нагумо действительно испытывал подлинный ужас от случившегося. Старинные японские дома из дерева и бумаги давно были заменены зданиями из более прочных материалов, но наследием прошлого стал глубокий страх перед пожарами.

Гражданин Японии, в доме которого начался пожар, распространившийся

затем на соседние"дома, не только возмещал понесенные убытки, но и по-прежнему подвергался уголовной ответственности. Нагумо испытывал чувство глубокого стыда за то, что продукт, произведенный в его стране, привел к такому ужасному концу. - Я еще не получил официального мнения моего правительства, но хочу выразить свою личную точку зрения: это происшествие потрясло меня до глубины души. Хочу заверить тебя, что мы проведем собственное расследование.

- Слишком поздно, Сейджи. Как ты помнишь, мы обсуждали этот самый вопрос...

- Да, это верно, я согласен, но ты должен понять, что, даже если бы мы пришли к соглашению, комплектующие уже были в пути, - судьба пострадавших никак бы не изменилась.

Для представителя Америки на торговых переговорах это был сладостный момент. Жаль, конечно, что в Теннесси погибли люди, но ему приходилось мириться с высокомерием этого подонка в течение трех лет, и потому создавшееся положение, несмотря на весь его трагизм, позволяло отомстить за все прошлые унижения.

- Сейджи-сан, как я уже сказал, сейчас слишком поздно для этого. Думаю, было бы неплохо достичь более благоприятных условий сотрудничества с японской стороной, но теперь нам самим приходится заниматься этими делами. Надеюсь, ты согласишься, что охрана жизни и безопасности американских граждан является делом американского правительства. Несомненно, мы не сумели справиться со своими обязанностями и потому должны принять меры, чтобы не допустить в будущем ничего подобного.

- Мы можем помочь вот чем, Роберт, - возьмем на себя финансирование операции по проверке безопасности автомобилей. Мне сообщили, что наши автопромышленники сами наймут инспекторов, которые будут вести осмотр машин, прибывающих в американские порты, и...

- Сейджи, ты ведь знаешь, что это неприемлемо. Нельзя, чтобы государственные функции исполнялись представителями фирм-производителей. - Это не соответствовало истине, как было известно чиновнику. Такое случалось постоянно.

- В интересах поддержания добрых торговых отношений между нашими странами мы готовы принять на себя оплату всех дополнительных расходов вашего правительства. Мы... - Нагумо замолчал, увидев поднятую руку американца.

- Я вынужден прервать тебя, Сейджи. Прошу тебя - ты должен понять, что эти слова могут быть истолкованы, как попытка подкупа и коррупции, что строго наказуемо в соответствии с нашими законами и государственной этикой. - Наступило молчание. - Послушай, Сейджи, после того как законопроект будет принят, все встанет на свои места. - Представитель Министерства торговли знал, что это произойдет в самое ближайшее время. Нарастал поток писем и телеграмм от быстро организованных "народных масс" - прежде всего из профсоюза работников автомобильной промышленности, потому что его руководители почуяли запах добычи так же быстро, как акулы запах крови в воде, и убедили рядовых членов побывать в местных отделениях "Уэстерн юнион" именно по этой причине. Законопроект Трента уже значился первым в очереди

для рассмотрения в Капитолии, и, по мнению осведомленных наблюдателей, пройдет не больше двух недель, как он окажется на столе президента, который тут же подпишет его.

- Но ведь законопроект Трента... Представитель Министерства торговли наклонился вперед.

- Сейджи, а в чем проблема? Законопроект Трента обретет силу после подписи президента и предоставит ему возможность - по согласованию с юристами Министерства торговли - давать указания федеральным агентствам действовать в точном соответствии с вашими торговыми законами. Иными словами, наши законы станут зеркальным отражением ваших. А теперь объясни мне, разве может быть несправедливой ситуация, при которой Америка начнет пользоваться вашим собственным справедливым торговым законодательством по отношению к импорту вашей продукции, как вы пользуетесь им по отношению к нашему импорту?

Лишь теперь до Нагумо дошел весь катастрофический смысл ситуации.

- Но вы не понимаете! Наши законы соответствуют требованиям японской культуры, тогда как ваши совсем другие, и потому...

- Да, Сейджи, нам все известно. Назначением ваших законов является защита вашей промышленности от несправедливой конкуренции. Скоро и мы будем делать то же самое. Это не лучшие новости. А хорошие новости заключаются в том, что, как только вы открываете для наших товаров свои рынки, мы автоматически делаем то же самое по отношению к вашим. Видишь ли, Сейджи, смысл плохих новостей в том, что мы применим ваши собственные законы к импорту ваших же товаров, и тогда, мой друг, все смогут убедиться в их справедливости. Почему это расстраивает тебя? В течение многих лет вы убеждали нас, что ваши законы совсем не направлены на ограничение американского импорта, что мы не в состоянии так же эффективно торговать с вами, как Япония торгует с нами, лишь из-за низкого качества американских товаров. - Он откинулся на спинку кресла и улыбнулся. - Теперь представилась возможность убедиться в правильности вашей точки зрения. Уж не хочешь ли ты сказать мне, что вы... не всегда говорили нам правду?

Будь Нагумо христианином, он непременно бы воскликнул мысленно "Господи!", но его религия была анимистической, и в душе он реагировал по-другому, хотя смысл был тот же. Его только что обвинили во лжи, и хуже всего то, что это обвинение было... справедливым.

Смысл законопроекта Трента, превратившегося теперь в закон о реформе торговли, разъяснили американскому народу в тот же самый вечер, после того как выступающие получили возможность проанализировать его. Он был изыщен своей философской простотой. Представители администрации президента и сам Эл Трент, сославшись на прецедент "Макнила и Лерера", рассказали о том, что в соответствии с этим законом создан небольшой комитет из юристов и экспертов по торговле технической продукцией из Министерства торговли при содействии специалистов по международному праву из Министерства юстиции. Этому комитету будет предоставлено право изучить законы иностранных государств о международной торговле, разработать американские правила торговли, с максимальной точностью соответствующие этим законам, и затем представить

разработанные ими рекомендации министру торговли, который даст их на рассмотрение президента. Президент, в свою очередь, получит право ввести в действие эти правила путем подписания исполнительного распоряжения. Это распоряжение может быть отменено простым большинством обеих палат Конгресса, чье право закреплено в Конституции страны; - это положение позволит избежать судебного разбирательства по обвинению в разделении законодательной и исполнительной власти. Более того, законом о реформе торговли предусмотрено "условие заката". Это означает, что по истечении четырех лет после вступления в силу закон автоматически перестает существовать, если только он не будет заново утвержден Конгрессом и не получит одобрения президента, возглавляющего в тот момент администрацию страны. Такое условие создавало впечатление, что закон носит временный характер и его единственной целью является защита принципа свободной международной торговли. Это было очевидной ложью, но она казалась правдоподобной даже для тех, кто разбирался в сути дела.

- Подумайте, что может быть более справедливым? - задал Трент риторический вопрос, выступая по общественному телевидению Ти-би-эс. - Мы всего лишь в точности повторяем уже существующие законы других стран. Если эти законы справедливы по отношению к американским товарам, значит, они справедливы и по отношению к товарам остальных государств. Наши японские друзья, - он улыбнулся, - в течение многих лет уверяли нас, что их законы не носят дискриминационного характера. Мы будем пользоваться их законами по отношению к японским товарам точно так же, как они пользуются ими по отношению к нашим.

Для Трента было очень интересно наблюдать, как смущенно ерзает на стуле человек, сидящий напротив. Бывший заместитель госсекретаря, получающий ныне ежегодно более миллиона долларов в качестве главного лоббиста японских корпораций "Сони" и "Митсубиси", смотрел на него, пытаясь найти разумные доводы, которые могли бы опровергнуть заявление конгрессмена, и Трент читал его мысли, как открытую книгу. Возразить было нечего.

- Но ведь это может привести к началу торговой войны... - начал было он, но Трент тут же оборвал его:

- Послушай, Сэм, разве Женевская конвенция привела к войне? Она просто потребовала применения одинаковых правил поведения от всех участников военных конфликтов. Если ты считаешь, что применение строгих правил, аналогичных японским, в американских портах приведет к войне, это значит, что война уже идет и ты служишь нашему противнику, верно? - За его молниеносным обвинением последовало несколько секунд неловкого молчания. Ответить на это тоже было нечего.

- Вот это да! - заметил Райан, сидя в своей гостиной.

- Этот Трент умеет брать противника прямо за горло, - согласилась Кэти, на мгновение оторвавшись от своих записей.

- Да, пожалуй, - кивнул ее муж. - И посмотри, как быстро развиваются события. Меня информировали о происходящем всего пару дней назад.

- Я думаю, они правы. А ты как считаешь? - спросила жена.

- Все раскручивается слишком быстро. - Джек задумался. - Послушай,

насколько хороши их врачи?

- Японские? Не сказала бы что очень - по нашим меркам.

- Вот как? - удивился Райан. Все говорили, что японская система здравоохранения достойна подражания. В конце концов, медицинское обслуживание там было полностью бесплатным. -

Но почему?

- Они уделяют слишком много внимания чинопочитанию, - ответила Кэти, снова погрузившись в свои заметки. - Профессор у них всегда прав и тому подобное. Молодые врачи никак не могут научиться принимать самостоятельные решения, а когда проходят годы и они с возрастом сами становятся профессорами, то большей частью уже забывают, как нужно действовать.

- Неужели ты сама никогда не делаешь ошибок, о достойный адъюнкт-профессор офтальмологии? - пошутил Джек.

- Очень редко, - отозвалась Кэти и подняла голову от записей, - но зато я никогда не запрещаю молодым врачам задавать вопросы, если они в чем-то не уверены. Сейчас у нас в Клинике Уилмера проходят практику три японских доктора. Они хорошие клиницисты, неплохо владеют техникой операций, но редко принимают самостоятельные решения. Думаю, причина тут в глубоко укоренившихся культурных традициях. Мы пытаемся отучить их от этого, но пока не слишком успешно.

- Босс всегда прав...

- Нет, не всегда, - возразила Кэти, делая очередную пометку в графе о прописанном лекарстве.

Райан повернулся к ней, чувствуя, что сумел узнать что-то важное.

- Скажи, а им часто удается разрабатывать новую методику лечения?

- Джек, как ты думаешь, почему они приезжают учиться к нам? Почему, по твоему мнению, у нас так много японцев в университете на Чарлз-стрит? И почему столько остается здесь, не возвращаясь обратно?

В Токио было девять часов утра, и по системе спутникового телевидения во все служебные кабинеты города передавались американские вечерние программы новостей. Опытные переводчики обеспечивали мгновенный синхронный перевод на японский. Видеоманитофоны вели запись для более тщательного последующего анализа, но того, что слышали сами бизнесмены, было достаточно.

Козо Мацуда, сидя за своим столом, пытался сохранить хладнокровие. Он держал руки на коленях, опасаясь, что остальные, присутствующие в кабинете, заметят, как они дрожат. То, что он только что услышал на двух языках - Мацуда прекрасно владел английским, - было достаточно плохо. Но то, что он увидел собственными глазами, было намного хуже. Его корпорация и без того несла убытки из-за... странных событий, происходящих на мировом рынке. Треть всех товаров, производимых заводами его компании, поступала в Соединенные Штаты, и если этот поток окажется прерванным...

Вслед за интервью показали "иллюстративный материал" - "Ниссан курьер" все еще стоял у причала в гавани Балтимора, не разгруженный даже наполовину, однотипное транспортное судно "Ниссан вояджер" болталось на якоре в Чесапикском заливе, а третий корабль, тоже с автомобилями на борту, уже миновал Виргиния-Кейпс. Единственная причина, по которой телекомпания

показала именно эти суда, заключалась в том, что Балтимор находится в относительной близости от Вашингтона и съемочной группе не пришлось совершать дальнюю поездку. Такую же картину можно было увидеть в портах Лос-Анджелеса, Сиэтла и Джексонвилла. Наши автомобили проверяют, словно ими пользуются для переправки наркотиков, подумал Мацуда. Он испытывал негодование, но еще большей была паника. Если американцы действительно собираются продолжать в том же духе, то...

Нет, этого не может быть.

- Но как относительно возможности торговой войны? - спросил Джимм Лерер у этого Трента.

- Джим, вот уже много лет, на протяжении целого поколения, я говорил, что ведется торговая война между Японией и Соединенными Штатами. Сейчас мы пытаемся лишь уравнивать наши возможности, чтобы у американских производителей они были бы такими же, как и у японских.

- Но разве при подобном развитии событий не пострадают американские интересы?

- А в чем заключаются эти интересы, Джим? Неужели американские интересы настолько важны, чтобы ради них сгорали маленькие дети? - тут же ответил Трент.

При этих словах Мацуда съежился. Возникшая в его воображении картина была слишком мучительна для человека, навсегда запомнившего раннее утро 10 марта 1945 года, несмотря на то что ему тогда даже не исполнилось еще и трех лет. Мать вынесла его из дома, он смотрел через ее плечо назад и видел гигантские вздымающиеся к небу языки пламени от пожаров, вызванных тысячами тонн зажигательных бомб, сброшенных на Токио

"летающими крепостями" 21-го бомбардировочного соединения генерала Кертиса Ле Мэя. После этого многие годы он просыпался среди ночи с криками ужаса, а потом на всю жизнь сделался убежденным пацифистом. Он изучал историю, узнал, как и почему началась война, каким образом Соединенные Штаты загнали его предков в угол, создали для Японии безвыходную ситуацию, из которой был только один выход, оказавшийся ошибочным. Может быть, Ямата действительно прав, подумал он, может быть, все это было задумано и осуществлено Америкой. Сначала принудить Японию к войне, затем сокрушить ее, чтобы не допустить естественного подъема нации, способной бросить вызов американскому могуществу. Несмотря на все это, он так и не смог понять, почему тогдашние дзайбацу, правители страны, члены всемогущего общества "Черного дракона", не смогли найти разумный выход из создавшегося положения. Разве война не была страшным решением? Неужели мир, каким бы унижительным он ни был, не предпочтительней ужасных разрушений, причиненных войной?

Но сейчас положение было иным. Теперь он занимал место среди них и видел, чем угрожает разверзшаяся пропасть экономической катастрофы, почему стала неизбежной война. Может быть; не так уж ошибались те дзайбацу, сделав выбор в пользу войны? Он размышлял, не слушая ни переводчика, ни того, что говорили по телевидению. Тогдашние правители Японии стремились создать экономическую стабильность для страны, Великую область взаимного процветания Восточной Азии.

Учебники истории его молодости называли это ложью, однако являлось ли

это на самом деле обманом?

Чтобы японская экономика нормально функционировала, требовались природные ресурсы, сырье, однако у Японии ничего этого не было, разве что уголь, но при его сгорании происходило загрязнение атмосферы. Страна нуждалась в бокситах, железной руде, нефти - практически все приходилось ввозить, для того чтобы преобразовать сырье в готовую промышленную продукцию, подлежащую вывозу. Требовались наличные для оплаты сырья, а эти наличные поступали от покупателей готовой продукции. Если Америка, самый крупный и важный торговый партнер Японии, внезапно прекратит закупки, этот поток наличности практически оборвется. Почти шестьдесят миллиардов долларов...

Разумеется, произойдут и другие изменения. На международном валютном рынке курс иены резко упадет по сравнению с долларом и любой другой твердой валютой. В результате японские товары станут повсюду дешевле и более конкурентоспособны...

Однако Европа следует примеру Америки, Мацуда не сомневался в этом. Торговые законы в европейских странах, уже теперь более строгие, чем американские, станут еще строже, торговый дефицит сократится, а ценность иены в то же время будет продолжать падать. Понадобится больше наличных, чтобы покупать сырье, без которого его страна окажется на грани экономической катастрофы. Как при падении в пропасть, скорость будет возрастать, и единственным утешением станет то, что сам он не окажется свидетелем полного краха, потому как задолго до этого руководство корпорацией перейдет в другие руки. Он будет опозорен, как и все его коллеги. Некоторые из них выберут смерть, но таких окажется немного. Теперь такое происходит только в телефильмах - древняя традиция, выросшая из культуры, где человек был полон гордости при том, что оставался беден во всем остальном. Жизнь слишком хороша, чтобы расставаться с ней так легко - ведь верно? Что ждет его страну через десять лет? Возвращение к нищете... или что-то иное?

Решение этой проблемы будет отчасти зависеть от него, напомнил себе Мацуда, потому что правительство Японии представляло собой в сущности воплощение на практике коллективной воли его и равных ему по положению предпринимателей из делового мира страны. Он опустил голову и посмотрел на свои дрожащие руки, что лежали на коленях. Мацуда поблагодарил двух своих заместителей и любезным кивком отпустил их, прежде чем поднял руки из-под стола и потянулся к телефону.

Кларк именовал этот маршрут "вечным", и, хотя корейская авиакомпания перевела их с Дингом в более удобный первый класс, это почти ничего не изменило; даже очаровательные корейские стюардессы в прелестных национальных костюмах были бессильны сделать перелет более приятным. Два из трех показанных кинофильмов он уже видел на других рейсах, а третий показался ему неинтересным. Радиоканал, по которому передавались последние новости, занял его внимание на сорок минут, в течение которых Кларк узнал обо всем, что происходило в мире, но по истечении этого времени информация о событиях стала повторяться, а его мысли были слишком заняты другим, чтобы без нужды

загружать их чем-то еще. Журнал авиакомпании занял его на тридцать минут - несмотря на то что он старался читать помедленнее, - а с американскими журналами Кларк познакомился раньше. И теперь его охватила серая скука. Динг по крайней мере мог заниматься подготовкой к магистерскому экзамену, что целиком поглощало его внимание. Сейчас парень читал классический "Дредноут" и знакомился с тем, как нарушились международные отношения столетием раньше, потому что европейцам не хватило воображения на прыжок, необходимый для поддержания мира. Кларк вспомнил, что прочитал эту книгу вскоре после того, как она была опубликована.

- Ведь они просто не сумели добиться этого, как ты считаешь? - спросил он своего компаньона после часа чтения через его плечо. Динг читал медленно, вникая в каждое слово. Что ж, в конце концов, это для него учебный материал, верно?

- Да, оказалось, не такие уж они и умные, Джон. - Чавез оторвался от своих записей и потянулся, что при его росте гораздо легче было сделать, чем Кларку. - Профессор Альпер предложила мне указать в диссертации на три или четыре критически важных момента, где политики ошибались, проявляя недалёковидность. А ведь им нужно было действовать по-другому, понимаешь? Им следовало вроде как выбраться из своей шкуры и во стороны посмотреть на происходящее, а эти недоумки просто не знали, как это сделать. Они не проявили достаточной объективности. Далее, они не продумывали свои действия до конца, не заглядывали глубоко в будущее. У них было отличное тактическое мышление, но им не удавалось увидеть главную стратегическую цель. Понимаешь, Джон, я могу отыскать эти ошибки для профессора, оформить их так, как ей нравится, и подать должным образом, но это напрасная трата сил. Проблема не в принимаемых решениях, нет, проблема в людях, которые их принимают. Вот и они были недостаточно крупными фигурами, чтобы заглянуть в будущее. А разве не за эту способность платят им простые люди? - Чавез потер глаза, довольный, что его отвлекли наконец от чтения. Он уже одиннадцать часов делал заметки, прерываясь лишь для еды и посещения туалета. - Сейчас бы пробежать несколько миль, - проворчал он, тоже утомленный перелетом.

Джон посмотрел на часы.

- Осталось сорок минут. Уже начали снижаться.

- Ты считаешь, что сегодняшние большие боссы отличаются от тех? - устало спросил Динг.

- Они, мой мальчик, никогда не меняются, - засмеялся Кларк. - Такова жизнь.

Молодой оперативник улыбнулся.

- Ты прав, и еще одна истина заключается в том, что, стоит им залезть в дерьмо обеими ногами, и отмываться приходится таким людям, как мы с тобой. - Встав, он прошел к туалету, чтобы умыться. Глядя в зеркало, Динг понял, как хорошо, что им предстоит провести сутки в "безопасном" доме ЦРУ. После длительного перелета хотелось принять душ, побриться и отдохнуть, прежде чем перевоплотиться в того, кем он должен стать при выполнении операции. Может быть, даже начать делать заметки для своей диссертации.

Кларк посмотрел в иллюминатор и увидел, как корейский ландшафт далеко внизу освещается розовыми, похожими на птичьи перья, лучами начинающегося

рассвета. Его спутник становился интеллигентным человеком. Усталое лицо Кларка с полуприкрытыми глазами усмехалось в пластик иллюминатора. Парень умен, этого у него не отнимешь, но что произойдет, если Динг напишет в диссертации о "недоумках", которые не способны "заглянуть в будущее"? В конце концов, речь идет о Гладстоне и Бисмарке. При этой мысли Джон рассмеялся и тут же начал кашлять, когда сухой воздух авиалайнера наполнил его легкие. Он открыл глаза в тот момент, когда его компаньон вышел из туалета первого класса, едва не столкнувшись с одной из стюардесс, и хотя вежливо улыбнулся ей, сделав шаг в сторону, но не проводил ее взглядом, заметил Кларк, не поступил так, как обычно делают мужчины, встретившись с такой юной и очаровательной девушкой. Судя по всему, внимание Динга сосредоточено на другой.

Черт побери, это становится серьезным.

Мюррей с трудом удержался, чтобы не воскликнуть: "Боже мой, Билл, мы не можем сейчас так поступить! У нас все подготовлено, информация неминуемо просочится, если мы будем медлить! Подумай, ведь это несправедливо даже для Келти, не говоря уже о наших свидетелях".

- Мы подчиняемся президенту, Дэн, - напомнил ему Шоу. - Это распоряжение поступило непосредственно от него, даже не через министра юстиции. Да и с каких это пор нас беспокоит благополучие Келти? - По правде говоря, Шоу использовал такие же аргументы в разговоре с президентом Дарлингом. Ублюдок он, насильник или нет, вице-президент имеет право на судебное разбирательство и защиту от обвинений. ФБР в этом отношении проявляло маниакальное упрямство, хотя подлинная причина желания соблюдать правила справедливой игры заключалась в том, что, если удавалось добиться осуждения человека при соблюдении всех правил, обеспеченных законом, они знали, что осудили именно того, кто виноват в предъявленных обвинениях. Кроме того, упрощался ход кассационного процесса.

- Это все из-за того происшествия на шоссе, верно?

- Да. Президент не хочет, чтобы две крупные сенсации соперничали друг с другом на первых страницах газет. Скандал из-за торговых формальностей привлек пристальное внимание, и Дарлинг настаивает, чтобы мы повременили с обвинением Келти одну-две недели. Согласись, наша мисс Линдерс ждала несколько лет, так что пара недель никакого...

- Конечно, для тебя, - огрызнулся Мюррей, но тут же взял себя в руки. - Извини, Билл. Ты ведь понимаешь, о чем я думаю. - О чем думал Дэн, было понятно: у него подготовлено все, и настало время приступить к делу. С другой стороны, нельзя отказать президенту.

- Он уже говорил с людьми в Капитолии. Там обещали хранить молчание.

- Но их помощники поступят по-другому, можешь не сомневаться.

10. Обольщение

- Я согласен, это действительно плохо, - произнес Крис Кук. Склонив голову, Нагумо смотрел на ковер гостиной. Он был настолько потрясен событиями прошедших дней, что даже не испытывал гнева. Ему казалось, что

приближается конец света и он не в силах помешать этому. Считалось, он всего лишь рядовой чиновник Министерства иностранных дел и не принимает активного участия в переговорах, ведущихся на высоком уровне. Однако это была всего лишь маскировка. Задача Нагумо заключалась в разработке основных принципов позиции Японии при переговорах и сборе информации о подлинных намерениях Америки. Это позволяло его номинальным руководителям точно знать, с чего следует начинать и как долго отстаивать свою точку зрения. Нагумо был разведчиком - если не по наименованию, то по исполняемой им роли. В результате он относился к процессу переговоров с личным интересом и удивительно эмоционально. Сейджи считал себя как защитником интересов своей страны и ее народа, так и человеком, честно и добросовестно исполняющим связующую роль между Японией и Америкой. Ему хотелось, чтобы американцы познакомились с японским народом и его культурой, пользовались производимыми там товарами и восхищались ими. Ему хотелось, чтобы американцам нравился его народ, чтобы они считали Японию равным партнером, хорошим и мудрым другом, у которого есть чему поучиться. Американцы - наивные и доверчивые люди, часто не понимающие, что им нужно на самом деле, как это бывает свойственно излишне гордому и избалованному народу. Занятая ими теперь позиция в отношении торговли с Японией напоминала пощечину, нанесенную отцу собственным ребенком. Неужели они не понимают, что им не обойтись без Японии и производимых там товаров? Разве сам Нагумо не потратил годы на то, чтобы должным образом объяснить ситуацию представителям американского Министерства торговли?

Кук ерзал в своем кресле. Он тоже был опытным сотрудником министерства иностранных дел и не хуже других мог читать по лицам собеседников. В конце концов, они были друзьями, больше того, Сейджи служил его личным пропуском в богатую жизнь после завершения государственной карьеры.

- Может быть, ты почувствуешь себя лучше, когда узнаешь - это тринадцатое.

- Что? - поднял голову Нагумо.

- День уничтожения последних ракет. Помнишь, ты спрашивал меня об этом?

Нагумо мигнул, пытаясь вспомнить вопрос, заданный им же несколько дней назад.

- Почему именно тринадцатое?

- Президент будет в Москве. Сейчас у каждой из сторон осталось всего по несколько ракет. Мне не известно точно, сколько, но и у русских и у нас меньше чем по двадцать. Последние ракеты взорвут в следующую пятницу. Тринадцатое и пятница - странное совпадение, но так уж получилось. Телевизионные компании оповещены, однако хранят это в секрете. Телекамеры установят на обоих полигонах, и передачи будут передаваться одновременно - я имею в виду взрывы ракет. - Кук сделал паузу. - Так что церемонию, о которой ты говорил, - в память твоего дедушки - можешь готовить к этому дню.

- Спасибо, Крис. - Нагумо встал и подошел к бару, чтобы налить себе еще стакан. Он не знал, почему его министерству потребовались эти сведения, но таков был приказ, и он передаст в Токио полученную им информацию. - А теперь, мой друг, что нам делать дальше с этой проблемой?

- Пока ничего предпринять нельзя, Сейджи, по крайней мере в данный

момент. Я ведь предупреждал тебя об этих проклятых топливных баках, помнишь? Говорил, что с Трентом лучше не связываться. Он много лет ждал столь благоприятной возможности. Послушай, я сегодня был в Капитолии, говорил с людьми. Ты просто не можешь представить себе, какой поток писем и телеграмм поступает в Конгресс, а чертово Си-эн-эн все продолжает передачи об этом происшествии.

- Да, я знаю, - кивнул Нагумо. Происходящее походило на фильм ужасов. Сегодня центром внимания стала Джессика Дентон. Вся страна - и почти весь мир - следили за ее состоянием. Оно чуть улучшилось, врачи признали, что девочка уже не на грани смерти и сочли состояние просто "критическим". В ее палате находилось столько цветов, что она казалась роскошной клумбой. Однако не меньшее внимание привлекло и другое событие сегодняшнего дня - похороны ее родителей и новорожденного брата с сестрой, которые пришлось перенести на столь поздний срок из-за юридических и медицинских формальностей. Их провожали на кладбище толпы людей, в том числе и все члены Конгресса от штата Теннесси. Президент корпорации, производящей автомобили "креста", тоже выразил желание присутствовать на похоронах, чтобы лично выразить свое соболезнование родственникам, но его отговорили по соображениям безопасности. Тогда он выразил соболезнование от имени корпорации по телевидению и сообщил, что компания принимает на себя все медицинские расходы по лечению Джессики Дентон, а также плату за ее обучение в школе и колледже, упомянув при этом, что и у него самого есть дочери. И все-таки подобный жест не вызвал желаемого результата. Искренние извинения приносят плоды в Японии, чем воспользовалась американская компания "Боинг", когда при катастрофе авиалайнера "Боинг-747" погибло несколько сотен японских граждан, однако ситуация в Америке была иной, и Нагумо тщетно пытался убедить в этом свое правительство. Адвокат семьи Дентонов - знаменитый юрист, неизменно добивающийся успеха в гражданских процессах, - поблагодарил президента японской корпорации за соболезнование и выразил мнение - сухо и деловито, - что ответственность за гибель почти всей семьи, принятая на себя японской стороной и ставшая достоянием общественности, облегчит ему подготовку материалов к предстоящему судебному процессу. Вопрос теперь будет идти только о сумме иска. Ходили слухи, что адвокат потребует взыскать с корпорации миллиард долларов.

Завод в Дирфилде, выпускающий топливные баки для автомобилей, вел сейчас переговоры со всеми японскими компаниями, занимающимися производством автомобилей, и Нагумо знал, что массачусетской фирме будут предложены исключительно благоприятные условия, однако он передал Министерству иностранных дел смысл американской поговорки о поспешно закрываемых воротах конюшни, после того как украдены все лошади. Он подчеркнул, что заключение контракта на выгодных для американской компании условиях ничуть не поможет решению конфликта, а просто послужит дальнейшим признанием вины, что явится ошибкой при существующем в Америке законодательстве.

Потребовалось некоторое время, чтобы в Японии полностью осознали значение новостей, поступающих из-за океана. Каким бы ужасным ни было это происшествие, повлекшее за собой гибель детей, в глобальном масштабе оно казалось не таким уж

Значительным, и телекомментаторы компании Эн-эйч-кей, стараясь доказать, что от несчастных случаев никто не застрахован, привели в качестве примера катастрофу авиалайнера "Боинг-747", напомнив о том, что по вине американцев однажды случилось похожее несчастье, несравненно более страшное, которое принесло горе многим семьям в Японии. Однако американцам это казалось попыткой оправдаться, а не сравнением схожих несчастных случаев. Стало известно, что американские граждане, поддерживающие такую точку зрения, находятся на службе японских промышленных корпораций. Ситуация усложнялась. Газеты печатали списки бывших сотрудников федеральных департаментов, работающих теперь на японцев. Там приводились данные об их прошлой работе на государственной службе, которые сравнивались с тем, чем они занимаются теперь и за какое вознаграждение. В выводах "наемник" было самым мягким определением, а чаще фигурировало слово "предатель". Особенно категоричными по их адресу были высказывания членов Конгресса, которым предстояли перевыборы, и руководителей профсоюзов.

Спорить с ними было бессмысленно.

- Что же будет дальше, Крис?

Кук поставил на стол стакан и начал обдумывать собственное положение - уж в удивительно неудачный момент все это произошло. Он уже начал готовиться к уходу со службы в Госдепартаменте. Не стоило ждать несколько лет до получения полной пенсии - он уже пару месяцев назад сделал необходимые расчеты. Сейджи дал ему понять прошлым летом, что его годовой доход увеличится для начала в четыре раза и что новые работодатели свято верят в систему пенсионного обеспечения. К тому же разве Кук утратит средства, вложенные им в федеральный пенсионный фонд? Поэтому он и принялся за подготовку почвы. Несколько раз позволил себе резко ответить старшим чиновникам, которым подчинялся по службе, давал понять остальным, что, по его мнению, внешнеторговую политику определяют круглые идиоты, справедливо полагая, что эту его точку зрения донесут до вышестоящего руководства. Наконец, он составил несколько меморандумов, написанных сухим, бюрократическим языком, гласивших о том же. Ему нужно было подготовить свой уход таким образом, чтобы он не стал неожиданным и чтобы прошение об увольнении со службы истолковали как принципиальное несогласие с проводимой политикой, а не как продиктованное чисто материальными соображениями. Проблема, однако, заключалась в том, что, выбрав такую линию поведения, он раз и навсегда положил конец собственной карьере. Ему больше никогда не дадут продвинуться по службе, и если он останется в Госдепе, то в лучшем случае будет назначен послом... ну, скажем, в Сьерра-Леоне, если только им не удастся найти место похуже. Или в Экваториальную Гвинею - там больше москитов.

Путь назад отрезан, сказал себе Кук и, глубоко вздохнув, сделал глоток вина.

- Сейджи, нам нужно посмотреть на это с точки зрения политики дальнего прицела. ЗРТ, - он не мог назвать его законом о реформе торговли, по крайней мере не в присутствии Нагумо, - будет принят меньше чем через две недели, и президент сразу подпишет его. В Министерствах торговли и юстиции уже создаются рабочие группы. Госдеп тоже примет участие, разумеется. В

американские посольства в ряде стран отправлены телеграммы с предложением выслать текст законов о торговле, существующих там...

- Не только наших? - удивленно прервал его Нагумо.

- Рабочие группы будут сравнивать положения ваших законов с текстами законов, принятых в тех странах, торговые отношения с которыми в настоящий момент не столь... противоречивы. - Следует тщательно выбирать выражения. Кук нуждался в этом человеке. - Смысл такой работы заключается в том, чтобы получить материалы, которые, скажем, можно противопоставить вашим законам о торговле. Как бы то ни было, потребуется некоторое время, Сейджи. - Вообще-то это не так и плохо, - рассуждал про себя Кук. В конце концов, происшедшее лишь укрепит его положение, после того как он перейдет от одного работодателя к другому.

- Ты будешь включен в состав рабочей группы?

- Да, наверно.

- Твоя помощь окажется бесценной, Крис, - негромко произнес Нагумо. У него в голове начали быстро оформляться новые планы. - Я могу помочь тебе в толковании наших законов - неофициально, разумеется, - добавил он, хватаясь за эту соломинку.

- Вообще-то я не предполагал долго оставаться в Туманном болоте, Сейджи, - заметил Кук. - Мы решили купить новый дом, и потому...

- Крис, сейчас ты нужен нам в Государственном департаменте. Нам нужна - мне нужна - твоя помощь, чтобы уладить создавшуюся тревожную обстановку, которая вызывает у нас такое беспокойство. В отношениях между нашими странами возникла критическая ситуация, способная повлечь за собой самые серьезные последствия.

- Я понимаю, но...

Деньги, подумал Нагумо, эти люди всегда думают только о деньгах!

- Я смогу принять соответствующие меры. Ты будешь щедро вознагражден, - произнес он скорее от раздражения, чем в качестве обдуманного предложения. Лишь сказав это, он понял смысл фразы - но теперь его интересовало, как отреагирует Кук.

Помощник заместителя государственного секретаря молча сидел в кресле. Кука тоже настолько захватило стремительное развитие событий, что подлинный смысл сказанного едва не ускользнул от него. Он просто кивнул, даже не взглянув на японца.

Оглянувшись назад, Кук мог бы отметить, что первый шаг - передача информации, связанной с национальной безопасностью, - был чрезвычайно трудным, тогда как второй оказался настолько легким, что он даже не подумал о том, что его согласие на сотрудничество несомненно нарушает федеральные законы. Он только что согласился в обмен на деньги снабжать сведениями иностранное правительство. При создавшихся обстоятельствах все выглядело вполне логично. Куку нужен был этот дом на берегу Потомака, а вскоре предстоит поиск колледжей для детей, чтобы дать им образование.

Это утро надолго запомнят все, кто имели дело с курсом ценных бумаг на Токийской фондовой бирже. Японским финансистам потребовалось немало времени, чтобы понять то, что стало теперь ясно Сейджи Нагумо: американцы всерьез

принялись за реформирование торгового законодательства. Это не было повторением истории с рисом или компьютерными чипами, не затрагивало только автомобили, их комплектующие, аппаратуру электросвязи, строительные контракты или сотовую связь. По сути дела возникшая ситуация охватывала все, что накопилось за двадцать лет постоянного недовольства и гнева, кое-что было справедливым, кое-что - нет, но все выглядело вполне реальным и выплеснулось на поверхность одной гигантской волной. Сначала редакторы в Токио не верили тому, что сообщали их корреспонденты из Нью-Йорка и Вашингтона, переписывали полученные материалы таким образом, чтобы смысл соответствовал их собственным выводам, но затем обдумали эту информацию и пришли к ошеломляющему выводу, что ситуация коренным образом изменилась. Закон о реформе торговли, высокомерно рассуждали японские газеты еще два дня назад, - это всего лишь очередная буря в стакане воды, нечто похожее на шутку, точка зрения нескольких введенных в заблуждение американцев, длительное время испытывающих антипатию к нашей стране, и скоро все стихнет. Однако теперь их мнение изменилось. Сегодня газеты писали о зловещих событиях в Америке и о вероятности вступления в силу федерального закона о торговле.

Японский язык способен передавать информацию с такой же точностью и так же подробно, как и любой другой, надо всего лишь научиться понимать скрытое значение принятых здесь выражений. В Америке заголовки гораздо красноречивее, но это только бестактная прямота, типичная для гайджинов. В Японии принято пользоваться более обтекаемыми выражениями, однако их значение точно такое же, как и в американской прессе, столь же четкое и ясное. Миллионы японцев, обладателей акций, читают одни и те же газеты, смотрят те же утренние новости по телевидению и приходят к одинаковым выводам. Приехав на работу, все они подняли телефонные трубки и позвонили своим брокерам.

Было время, когда индекс Никкей - Доу-Джонса<Индекс Никкей - Доу-Джонса - индекс курсов ценных бумаг на Токийской фондовой бирже (Япония)> перешагнул отметку в тридцать тысяч иен от номинальной стоимости. К началу девяностых годов он упал до половины этой отметки, и общая денежная стоимость этого падения, объем "списанных" денег, превышала весь государственный долг Америки - обстоятельство, на которое в Соединенных Штатах почти не обратили внимания, что не относится к тем, кто сняли деньги со счетов в банках и вложили их в акции, пытаясь получить нечто большее, чем двухпроцентный годовой доход, гарантируемый этими финансовыми институтами. Поступившие так потеряли ощутимую часть своих сбережений и не знали, кого в этом винить.

На этот раз, думали все, они поступят по-другому. Теперь они потребуют наличные и вложат деньги обратно в банки - крупные и надежные финансовые учреждения, знающие, как защитить сбережения своих вкладчиков. Пусть банки не слишком щедры при выплате процентов, зато вкладчики ничего не потеряют, правда?

Западные журналисты будут пользоваться такими терминами, как "обвал" и "снежная лавина", описывая, что началось после того, как включились биржевые компьютеры. Происходящий процесс казался хорошо организованным. Крупные

коммерческие банки, будучи тесно связанными с промышленными корпорациями, немедленно переводили деньги вкладчиков, поступающие через парадный ход, обратно через черный, чтобы поддержать стоимость акций. Строго говоря, у них просто не было выбора. Банкам приходилось покупать огромные пакеты акций в тщетных - как потом выяснилось - попытках устоять против надвигающейся приливной волны. Индексы курсов Никкей - Доу потеряли целых шестнадцать пунктов за один рыночный день, и, хотя аналитики с уверенностью заявляли, что рыночные цены на акции стали теперь излишне заниженными и следовало ожидать неизбежного огромного скачка цен, обыватели, сидя дома, опасались, что после того, как американские законы начнут действовать, рынок для товаров, производимых в их стране, исчезнет, как утренний туман. Падение не прекращалось, и, хотя никто не говорил этого вслух, все знали, что оно будет продолжаться. Особенно четко представляли это себе банкиры.

На Уолл-стрите все обстояло по-другому. Многие проявляли недовольство вмешательством государства в свободу торговли, пока не задумались над последствиями, и тогда их точка зрения изменилась. В конце концов, было совершенно очевидно, что если при ввозе японских автомобилей возникнут трудности, если на пользующейся таким широким спросом "кресте" будет отпечаток происшедшего недавно несчастья, которое не скоро забудется, то спрос на американские автомобили возрастет, а это хорошо. Это хорошо для Детройта, на конвейерах которого собирают машины, хорошо для Питтсбурга, где по-прежнему выплавляют много (тали для их производства, хорошо для городов Америки (и Канады, и Мексики), где имеются заводы, изготавливающие тысячи комплектующих. Далее, это хорошо для всех рабочих, которые заняты сборкой автомобилей и производством их комплектующих, потому что теперь у них будет больше денег и они смогут тратить их у себя в городах на покупку других товаров. Но насколько хорошо? Ну что ж, львиная доля дефицита в торговле с Японией возникала за счет продажи автомобилей. Более тридцати миллиардов долларов теперь вполне могут влиться в американскую экономику за ближайшие двенадцать месяцев, а разве это, делали мудрое заключение биржевики, не чертовски здорово? По самым осторожным подсчетам тридцать миллиардов долларов пополнят сундуки различных компаний, что в конечном итоге превратится в прибыли американских корпораций. Даже средства, полученные от уплаты дополнительных налогов, помогут сократить дефицит федерального бюджета, снизив таким образом потребность в наличных деньгах и уменьшив стоимость государственных ценных бумаг. В результате американская экономика окажется в двойном выигрыше. А если прибавить к этому немного злорадства по поводу тяжелого положения, в котором оказались японские коллеги, то станет понятно, почему еще до открытия биржи на Уолл-стрите радостно потирали руки в ожидании успешного дня. .

Там не обманулись в своих ожиданиях. Момент оказался особенно благоприятным для "Коламбус групп", которая за несколько дней до этого заключила опционные сделки на покупку огромного количества акций автомобилестроительных компаний и получила таким образом возможность до предела использовать скачок индексов Доу-Джонса, взлетевших на целых сто двенадцать пунктов.

В Вашингтоне, в штаб-квартире Федеральной резервной системы, царило некоторое беспокойство. Она находилась ближе к центру государственной власти и располагала информацией, полученной из Министерства финансов, по поводу того, как на практике будет действовать закон о реформе торговли. Было очевидно, что в ближайшее время наступит дефицит автомобилей и он не прекратится до тех пор, пока Детройт не увеличит производственные мощности. Пока в продажу не станет поступать больше автомобилей, сохранится классическая ситуация, при которой будет слишком много покупателей и слишком мало машин. Это могло привести к инфляционному всплеску, и потому к концу дня Федеральная резервная система объявила об увеличении процентной ставки на четверть процента - временное явление, сообщили финансистам с условием не говорить об источнике полученной информации. Однако Совет директоров Федеральной резервной системы рассматривал все происшедшее как благоприятный фактор в долгосрочном плане. Таким образом они проявили крайнюю близорукость, но это заблуждение в тот момент нашло широкое распространение во всем мире.

Еще до того, как это решение было принято в Вашингтоне, за океаном также шло обсуждение долгосрочных последствий происшедшего. Участникам совещания понадобилась самая большая ванна с горячей водой в банном доме, который для других богатых клиентов закрыли на весь вечер. Персонал бани распустили по домам. Посетителей должны были обслуживать личные помощники, которых, как оказалось, тоже не допустили в помещение, где происходило совещание. Более того, на этот раз отказались даже от обычных омовений. После самых кратких приветствий посетители сняли пиджаки и галстуки, сели на пол и приступили к делу, не желая попросту тратить время на мелочи.

- Завтра ситуация станет еще хуже, - заметил банкир. Больше ему нечего было сказать.

Ямата обвел взглядом помещение. Он с трудом удерживался от смеха. Признаки кризиса появились еще пять лет назад, когда первая крупная автомобилестроительная корпорация без лишнего шума отказалась от пожизненного найма рабочих. Фактически в то время завершился период кажущегося бесконечным процветания японской экономики, и на это обратили внимание все, у кого хватало здравого смысла и желания заглянуть в будущее. Остальные считали, что возникшие трудности носят всего лишь "временный характер" - их любимая фраза по отношению к ухудшившейся ситуации. Однако подобная близорукость была только на руку Ямате, потому что потрясение станет теперь его лучшим союзником. К сожалению, хотя в этом не было ничего удивительного, всего лишь некоторые из присутствующих сумели увидеть очевидное. К их числу относились главным образом единомышленники Яматы.

Впрочем, нельзя сказать, что даже им удалось избежать возникших трудностей, из-за которых безработица в стране достигла почти пяти процентов. Просто они - и Ямата в их числе - приняли тщательно обдуманые меры, направленные на то, чтобы смягчить ущерб, вызванный надвигающимся кризисом. Впрочем, этого было достаточно, чтобы в глазах остальных послужить образцом дальновидности и делового предвидения.

- Существует изречение времен Американской революции, - сухо заметил один из присутствующих, который пользовался репутацией интеллектуала. - Оно принадлежит их Бенджамину Франклину, если не ошибаюсь. Он сказал: "Нас могут уничтожить всех вместе, а уж по отдельности - уничтожат непременно". Так вот, мои друзья, если мы не объединим наши усилия, нас уничтожат.

- И вместе с нами погибнет наша страна, - добавил банкир, заслужив благодарный взгляд Яматы.

- Вы помните, зачем мы были нужны американцам? - спросил Ямата. - Им требовались наши базы, чтобы противостоять русским, поддерживать корейцев и обслуживать американский Военно-морской флот. Так вот, друзья, зачем мы нужны им теперь?

- Совершенно верно, сейчас они нужны нам, - заметил Мацуда.

- Мудрое заявление, Козо, - ядовито отозвался Ямата. - Они так нужны нам, что мы готовы ради них разрушить свою экономику, уничтожить наш народ и нашу культуру, снова превратить страну в американского вассала - уже в который раз!

- Ямата-сан, у нас нет сейчас времени для этого, - мягко упрекнул Ямату председатель другой корпорации. - Ваше предложение, высказанное на предыдущей встрече, является весьма и весьма опасным.

- Но ведь это я попросил о сегодняшней встрече, - напомнил Мацуда с достоинством.

- Извини меня, Козо. - Ямата вежливо склонил голову.

- Наступили трудные времена, Райзо, - ответил Мацуда, принимая извинение. - Я начинаю склоняться к тому, чтобы согласиться с твоим предложением.

Ямата сделал глубокий вдох, ругая себя за то, что неверно истолковал намерения Мацуды. Да, Козо прав, подумал он. Наступили трудные времена.

- Прошу тебя, мой друг, поделись с нами своими мыслями.

- Нам нужны американцы... или нам нужно что-то еще. - Все присутствующие, за исключением одного, смотрели в пол. Ямата взглядом пробежал по их лицам и, сдерживая волнение, понял, что лица собравшихся выражают то, что ему хотелось увидеть. Это не было иллюзией или попыткой выдать желаемое за действительное. Они осознали неизбежность этого шага. - То, что нам предстоит обсудить, является исключительно серьезным и рискованным. И все-таки, боюсь, нам придется решиться на это.

- Мы действительно способны добиться успеха? - слышался голос банкира, положение которого оказалось безвыходным.

- Да, - ответил Ямата. - Это в наших силах. Разумеется, нельзя исключить элемент риска, он действительно существует, но многое способствует успеху. - Он коротко рассказал о принятых им мерах. К его удивлению, на этот раз не было возражений. Вместо возражений посыпались вопросы, и он с готовностью на них отвечал. Некоторые из присутствующих были обеспокоены, даже испуганы, однако, понял Ямата, они гораздо больше боялись того, что может случиться завтра, на следующий день и в день после этого. Перед ними возникла картина неизбежного конца той жизни, к которой они привыкли, их роскоши и личного престижа, а это пугало их намного больше. Страна находилась у них - у них! - в неоплатном долгу за длительные усилия,

потраченными ими, за мучительное восхождение к вершине успеха, за их труд и упорство, за принятые ими успешные решения. Поэтому и сейчас было принято решение - пусть без особого энтузиазма, но все-таки принято.

Утром Манкузо первым делом пересмотрел оперативные планы. Подводным лодкам "Эшвилл" и "Шарлотт" придется прервать свои удивительно плодотворные наблюдения за китами в Аляскинском заливе и принять участие в маневрах под названием "Океанские партнеры" вместе с авианосцами "Джон СтенНис", "Энтерпрайз" и многими другими кораблями. Учения были запланированы, разумеется, несколько месяцев назад. То, что содержание маневров не слишком расходилось с тем, чем сейчас занималась половина Тихоокеанского флота, оказалось просто счастливым совпадением. Двадцать седьмого, через две недели после завершения "Океанских партнеров", "Стеннис" и "Энтерпрайз" направятся на юго-запад к акватории Индийского океана, нанесут дружеский визит в Сингапур и сменят там авианосцы "Эйзенхауэр" и "Линкольн".

- Знаешь, сейчас они превосходят нас в количественном отношении, - заметил капитан третьего ранга Уилли Чеймберз. Несколько месяцев назад он попал в список будущих капитанов первого ранга, сдал командование подводной лодкой "Ки Уэст", и Манкузо предложил ему должность начальника своего оперативного отдела. Перевод из Гротона, где находился Чеймберз в ожидании нового назначения, в Гонолулу, не был вообще-то таким уж сокрушительным ударом для офицерского самолюбия. Десятью годами раньше Уилли мог бы рассчитывать на командование подводным ракетоносцем или кораблем обеспечения подводных лодок, а может быть, группой субмарин. Однако сейчас все подводные ракетоносцы оказались списанными, в составе флота находилось всего три корабля обеспечения, а должности командиров групп были заполнены и вакансий не предвиделось. Таким образом, Чеймберз оказался пока не у дел в ожидании назначения на более высокий пост, и до этого момента Манкузо мог располагать им. На флоте у командования было в порядке вещей выбирать ближайших помощников из своих бывших сослуживцев.

Адмирал Манкузо поднял голову не столько от удивления, сколько от того, что впервые осознал это. Уилли был прав. Японский военно-морской флот имел в своем распоряжении двадцать восемь дизельных подводных лодок, а он располагал лишь девятнадцатью.

- Сколько лодок в строю? - спросил Барт, пытаясь вспомнить цикл технического обслуживания своих субмарин.

- По вчерашним данным - двадцать две. Между прочим, адмирал, они направляют для участия в маневрах десять подводных лодок, в том числе все субмарины типа "харушио". По данным разведслужбы флота, по уровню боевой подготовки они приближаются к нашим субмаринам. - Чеймберз откинулся на спинку кресла и погладил усы. Он начал отращивать их недавно, потому что лицо его было очень юным, а ему казалось, что офицер, занимающий такую должность, должен выглядеть старше двенадцати лет. Проблема, однако, заключалась в том, что усы чесались.

- Это верно, общее мнение, что они отличные подводники, - согласился командующий Тихоокеанским подводным флотом.

- Тебе самому не доводилось плавать с ними? - спросил начальник

оперативного отдела. Адмирал покачал головой.

- Намечаю на следующий год.

Надеюсь, японские субмарины заслужили такую репутацию, подумал Чеймберз. Для участия в маневрах Манкузо было выделено пять подводных лодок. Три будут действовать в непосредственной близости от боевой авианосной группы, а "Эшвилл" и "Шарлотт" займутся проведением независимых операций, которые отнюдь не являются независимыми. Они будут проводить учения с четырьмя японскими субмаринами в пятистах милях к северо-западу от атолла Куре, играя роль охотников за подводными лодками, прорывающимися через заградительный барьер из вражеских субмарин.

Предстоящие маневры напоминали ситуацию, которую предполагалось встретить в Индийском океане. Японский военно-морской флот, который представлял собой главным образом оборонительное соединение, состоящее из эскадренных миноносцев, фрегатов и подводных лодок, попытается противостоять натиску боевой группы, в состав которой входят два авианосца. Задача японского флота заключалась в том, чтобы погибнуть славной смертью - именно такова историческая роль японцев, известных своим умением храбро умирать, подумал Манкузо с легкой улыбкой, - но не просто умирать, а оказав достойное сопротивление. Они пойдут на любые уловки, попытаются подкрасться на своих эсминцах достаточно близко, чтобы запустить противокорабельные ракеты "гарпун", и можно не сомневаться, что их новейшие эсминцы в силах осуществить такую задачу и уцелеть. В особенности это относится к их "конго", которые представляют собой отличную платформу для запуска противокорабельных ракет и напоминают американские эсминцы типа "эрли берк", вооруженные зенитными ракетами с системами радиолокационного наведения "иджис". Это были дорогие корабли, и все они носили названия японских боевых судов времен второй мировой войны. Родоначалник эсминцев типа "конго" был потоплен американской подводной лодкой "Си Лайон II", вспомнил Манкузо. Такое же название носила одна из немногих новейших американских субмарин, входящих в состав Атлантического флота. Пока под командованием Манкузо еще не было подводных лодок типа "сивулф". Как бы то ни было, летчикам придется найти способ разобраться с кораблями, вооруженными системами "иджис", хотя это им не слишком нравилось, верно?

Короче говоря, это будет неплохим упражнением для Седьмого флота. Оно пойдет ему только на пользу. Индийцы действительно становились слишком уж агрессивными. Сейчас у Манкузо было семь подводных лодок, приданных Майку Дюбро, и эти семь плюс те, что он направил для участия в "Океанских партнерах", составляли его полный контингент. Какое падение с высоты величия, подумал командующий подводными силами Тихоокеанского флота. Ну что ж, обычно так и происходит с великими.

Процедура встречи во многом напоминала брачный ритуал лебедей. Ты появляешься на заранее согласованном месте точно в заранее согласованное время, в данном случае с газетой - сложенной, но не скатанной - в левой руке и смотришь на витрину, где видимо-невидимо фотоаппаратов и бытовой электроники. Так обычно поступает всякий русский, впервые приехавший в Японию и пораженный разнообразием товаров, которые могут купить те, у кого

есть твердая валюта. Если за тобой следят - а это возможно, хотя и маловероятно, - такое поведение покажется вполне нормальным. Как и полагается, точно в указанное время с ним столкнулся японец.

- Извините, - произнес по-английски голос, что тоже выглядело обычным, потому что человек, которого он случайно толкнул, явно был гайджином.

- Не стоит, - по-английски, но с акцентом ответил Кларк, не повернув головы,

- Вы впервые в Японии?

- Нет, но в Токио впервые.

- О'кей, все в порядке. - Японец снова толкнул его, направляясь дальше по улице. Кларк подождал предписанные четыре или пять минут, прежде чем последовать за ним. Это было рутинным, но не переменным правилом. Работа в Японии не то что работа на вражеской территории, не то что те операции, которые ему довелось проводить в Ленинграде (в его памяти название города всегда останется прежним, да и к тому же его произношение напоминало произношение ленинградца) или в Москве, однако надежнее всего считать, что ты проводишь операцию на вражеской территории. Впрочем, хорошо, что это все-таки территория союзников. В Токио столько иностранцев, что японская служба безопасности сбилась бы с ног, пытайся следить за всеми.

Говоря по правде, Кларк действительно впервые приехал в Японию, если не считать пребывания в аэропортах во время посадок для заправки и пересадок с одного рейса на другой, что нельзя считать визитом. Ему еще никогда не приходилось видеть подобную толчею на улицах, даже в Нью-Йорке не было таких толп. Кроме того, Кларк испытывал неловкость, потому что резко выделялся среди окружающих. Нет ничего хуже для оперативника, чем неспособность слиться с толпой, однако рост в шесть футов и один дюйм сразу выделял его как чужака, видимого за целый квартал для любого, кто проявлял к нему интерес. А на него смотрело так много людей, заметил Кларк. Но самым удивительным было то, что ему уступали дорогу, особенно женщины, а дети прямо-таки шарахались в сторону, словно здесь появился Годзилла<Годзилла - герой японских фильмов, гигантское чудовище>, собирающийся разрушить их город. Значит, это правда. Ему доводилось слышать рассказы, но он никогда им не верил. Волосатый варвар. Странно, мне как-то не приходило в голову так думать о себе, пронеслось в голове Кларка. Он вошел в "Макдоналдс". Помещение в обеденный час было переполнено, и, посмотрев по сторонам, он сел рядом с японцем. Мэри-Пэт права, подумал Кларк. Номури действительно способный оперативник.

- Итак, какие новости? - спросил он в шуме голосов.

- Мне удалось опознать ее, и я нашел дом, где она живет.

- Ты быстро, развернулся.

- Ничего сложного. Служба охраны нашего приятеля ни хрена не понимает в контрнаблюдении.

К тому же, мысленно добавил Кларк, ты ничем не отличаешься от окружающих, вплоть до озабоченного и напряженного выражения на лице рядового служащего, торопливо проглатывающего свой ланч, чтобы вовремя вернуться к рабочему месту. Впрочем, для оперативника, действующего на чужой территории, озабоченное и напряженное выражение лица является обычным состоянием. Самое

трудное, подчеркивалось во время обучения на "Ферме", чувствовать себя спокойно и естественно.

- Ну что ж, тогда мне остается только получить разрешение на контакт с ней. - Это помимо всего прочего. У Номури не было допуска для знакомства с агентурной сетью "Чертополох". Может быть, это переменится? - подумал Джон.

- Сайонара. - Номури встал и направился к выходу, а Кларк принялся за рисовые клецки. Совсем неплохо. Этот парень знает свое дело. Лишь тут его охватило недоумение: рисовые клецки в "Макдоналдсе"?

Документы на столе Дарлинга с информацией о состоянии дел не имели никакого отношения к исполнению президентских обязанностей, зато имели непосредственное отношение к продолжению его пребывания на этом посту и потому всегда находились на пачке бумаг сверху. По данным опросов населения, рост популярности выглядит весьма впечатляюще, подумал Дарлинг. Из числа вероятных избирателей - а только они представляли интерес - по сравнению с прошлой неделей на целых десять процентов больше одобряли его действия как во внешней, так и во внутренней политике. В общем, он чувствовал себя как четырехклассник, возвращающийся домой с пятерками в дневнике, полный желания показать их родителям, которые до сих пор сильно в нем сомневались. А ведь это только начало, проинформировал его руководитель службы социологических прогнозов, потому что для осознания перемен в политике людям требуется время. Уже сейчас три крупнейшие автомобилестроительные корпорации высказывали намерения вернуть на работу часть тех семисот тысяч рабочих, которые подверглись сокращению на протяжении предыдущих десятилетий, а ведь речь шла только о сборочных конвейерах. Затем нужно принять во внимание рабочих независимых компаний, занимавшихся изготовлением комплектующих, покрышек, автомобильного стекла, аккумуляторных батарей... Это могло вдохнуть новую жизнь в "Ржавый пояс", а там проживало немало избирателей.

Было очевидно или должно было быть очевидным, что подъем промышленности не ограничится производством одних автомобилей. Профсоюз работников автомобилестроительной промышленности (охватывающий всех занятых в производстве автомобилей и комплектующих) рассчитывал на приток тысяч членов, готовых платить членские взносы. Не очень отставало от него Международное братство работников электронной промышленности (телевизоры и видеомагнитофоны), а ведь существовало множество и других профсоюзов, задумывающихся о том, насколько большой кусок пирога придется на их долю. Несмотря на то что по первоначальному замыслу закон о реформе торговли являлся достаточно простым, подобно многим простым идеям, он вносил широчайшие изменения в деловую жизнь страны. Президенту Дарлингу казалось, что он понимает глубину наступающих перемен, но скоро у него на столе зазвонит телефон. Глядя на него, президент уже знал, какие голоса он услышит, и не требовалось слишком богатого воображения, чтобы догадаться, о чем пойдет речь, какие аргументы они предложат и какие обещания дадут. А он примет эти обещания.

Вообще-то Дарлинг никогда не собирался стать президентом Соединенных Штатов Америки, его намерения отнюдь не походили на устремления Боба Фаулера, подчинившего всю свою жизнь достижению этой цели. Честолюбивым

планам Фаулера не смогла помешать даже смерть первой жены. Венцом политической карьеры Дарлинга было кресло губернатора Калифорнии, и, когда ему предложили стать кандидатом на должность второго после Фаулера человека в администрации, он согласился скорее из чувства патриотизма. Он не говорил об этом даже ближайшим советникам, потому что патриотизм был старомодным понятием в современном политическом мире, но Роджер Дарлинг чувствовал себя патриотом, помнил, что у каждого рядового гражданина Америки есть имя и лицо, что некоторые из них погибли во Вьетнаме, где он сам служил офицером, и, помня это, считал, что обязан и здесь служить как можно лучше.

Однако что значит "служить как можно лучше"? - спросил себя Дарлинг, как уже спрашивал несчетное число раз. Овальная кабинета - самое одинокое место в мире. Часто здесь появлялись разные посетители - от главы иностранного государства до школьника, победившего в конкурсе на лучшее сочинение, - но затем все уходило отсюда, и президент оставался один на один со своими обязанностями. Клятва, которую он дал при вступлении на этот пост, была настолько простой, что казалась лишенной всякого смысла. "Честно исполнять свой долг главы государства... не жалея сил отстаивать, защищать и охранять...". Хорошие слова, но каково их значение? Может быть, Мэдисон и другие авторы Конституции считали, что он сам постигнет возвышенный смысл этих слов, может быть, в 1789 году это понимали все - просто понимали, - но с тех пор прошло уже больше двух сотен лет, и по какой-то причине они не записали толкование президентской клятвы для будущих поколений.

Но еще хуже было то, что всегда находились люди, готовые объяснить тебе, что, по их мнению, значат эти слова, и, если принимать во внимание все точки зрения, два плюс два становилось равным семи. Рабочие и руководители предприятий, производители и потребители, налогоплательщики и те, кто тратили эти налоги, - все имели свои потребности, свои нужды, свои аргументы, и у всех были превосходные лоббисты, выражающие их точки зрения. Самым пугающим было то, что все они рассуждали здраво - в определенном смысле, - причем достаточно здраво, чтобы действительно верить, будто два плюс два равняется семи. Вернее сказать - верили, до тех пор пока ты не объявлял настоящую сумму, и тогда каждый из них - каждый! - тут же заявлял, что это слишком много, что страна не может позволить себе идти на поводу у особых интересов остальных групп.

Вдобавок ко всему, если ты стремился достичь чего-то, хотел послужить своему народу, тебе нужно было прежде всего стать президентом, став же им, продолжать оставаться на этом посту, а это означало, что приходилось давать обещания и выполнять их. По крайней мере некоторые. И где-то в течение этого процесса исчезали мысли о стране, а вместе с ними и мысли о Конституции, и к концу дня ты занимался тем, что отстаивал, защищал и охранял... что? Неудивительно, что мне никогда не хотелось оказаться в Белом доме, подумал Дарлинг, сидя за столом и глядя на очередной доклад о положении в стране. Вообще-то он попал сюда по чистой случайности. Бобу понадобилось привлечь на свою сторону Калифорнию, и ключом к этому являлся

Дарлинг - молодой, пользующийся популярностью губернатор штата, принадлежащий к той же партии. Однако теперь Дарлинг стал президентом Соединенных Штатов и его не покидал страх, что он может не справиться со

своими обязанностями. Печальный факт заключался в том, что ни у одного смертного не было достаточных интеллектуальных способностей, чтобы просто понять дела, решением которых должен заниматься президент. Взять, например, экономику - теперь, когда Советский Союз ушел с политической арены, она являлась, по-видимому, самым главным в обязанностях президента, а это была сфера, в которой его собственные помощники оказались неспособными даже разработать свод правил, доступных для понимания сколько-нибудь разумного человека.

Ну что ж, по крайней мере он знал, что для людей лучше иметь работу, чем не иметь ее. В общем, для страны выгоднее производить большинство потребляемых ею товаров, чем тратить деньги за океаном, оплачивая труд чужих рабочих, производящих эти товары. Он понимал этот принцип и, что еще лучше, мог объяснить его другим, а поскольку люди, к которым он обращался, сами были американцами, они скорее всего согласятся с ним. Поэтому рабочие, объединенные в профсоюзы, встанут на его сторону. Кроме того, и руководители предприятий тоже будут довольны. А разве политика, при которой довольны обе стороны, не является правильной? Конечно, является. Тогда и экономисты должны быть удовлетворены, верно? Более того, Дарлинг был убежден, что американские рабочие ничем не хуже всех остальных в мире, что они вполне могут конкурировать на равных с кем угодно. И разве вся его политика не была направлена на достижение этой цели?..

Дарлинг повернулся в своем дорогом кресле и посмотрел через толстое оконное стекло на памятник Вашингтону. Для Джорджа все было, наверно, куда проще. Да, конечно, он был первым, и ему пришлось заниматься подавлением "водочного бунта", который в учебниках истории не кажется таким уж серьезным. Кроме того, ему пришлось стать примером и заложить основы деятельности для остальных президентов. В то время единственными налогами были те, что изымались в качестве таможенных пошлин и акцизных сборов - по современным представлениям непопулярные и регрессивные, но направленные только на затруднение импорта и наказание людей, слишком увлекающихся алкоголем. Дарлинг не собирался прекращать ввоз товаров из-за рубежа, просто хотел сделать конкуренцию справедливой. Еще со времен Никсона американское правительство уступало этим людям, во-первых, потому что Америка нуждалась в их базах (словно подозревая, что Япония пойдет на заключение соглашения со своими злейшими врагами!), а затем потому, что... почему? Потому что это казалось удобным? А кто-нибудь разбирается в этом? Что ж, теперь все будет иначе и всем станет ясно почему.

Или, скорее, поправил себя Дарлинг, им будет казаться, что они знают это. Возможно, самые циничные из них поймут действительную причину, и все будут отчасти правы.

Кабинет премьер-министра в Дайете, здании японского парламента - поразительно безобразном сооружении, выделяющемся среди других зданий города, отнюдь не славящегося красотой своей архитектуры, - выходил окнами на зеленую лужайку, однако человек, сидящий в своем вращающемся кресле, не смотрел на нее. Скоро он окажется изгнанным из этого кабинета и будет смотреть в него снаружи.

Тридцать лет, думал он. Все вполне могло быть по-другому. Ему еще не было тридцати, а он уже получал заманчивые предложения занять влиятельный пост в правящей тогда либерально-демократической партии, что гарантировало продвижение к вершинам политической власти, потому что даже в то время его поразительный интеллект вызывал уважение у всех, включая политических врагов. Поэтому к нему обращались самым дружеским образом, взывая к его патриотизму и видению будущего для его страны, используя это видение в качестве приманки перед его молодыми глазами идеалиста. Понадобится время, говорили ему, но когда-нибудь он сможет занять вот это кресло в этом самом кабинете. Мы это гарантируем. От него требовалось одно: поддерживать хорошие отношения, войти в состав их команды, оказывать помощь...

Он все еще помнил свой ответ, который повторял раз за разом, тем же тоном, теми же словами, пока наконец они поняли, что он не собирается торговаться с ними, не пытается добиться большего для себя, и оставили его в покое, недоуменно качая головами и не понимая причины.

А ведь он стремился к тому, чтобы Япония стала демократической страной в полном смысле этого слова, а не страной, управляемой одной партией, подчиненной, в свою очередь, горстке могущественных людей. Признаки коррупции были очевидны еще тридцать лет назад для всех, кто были готовы непредвзято смотреть на происходящее, однако избиратели, простые люди, привыкшие за две тысячи лет подчиняться сильным, не могли изменить свой взгляд на политическую систему, потому что корни демократии еще не укрепились в их сознании и были слабы, как корешки рисовой рассады в сырой наносной почве. Демократия в Японии превратилась в величайший обман, настолько грандиозный, что в него верили все жители страны и даже зарубежные наблюдатели. Тысячелетние традиции остались прежними. Да, конечно, некоторые косметические перемены произошли. Женщины получили теперь право голоса, но, подобно женщинам во всех остальных странах мира, они голосовали так, как им диктовали их кошельки, следом за своими мужьями, и они, как и их мужья, превратились в часть культуры, требующей безусловного повиновения в той или иной форме. Следовало подчиняться указаниям, поступающим сверху, и по этой причине манипулировать его соотечественниками было очень просто.

Самым горьким для премьер-министра было то, что он считал, что сумеет все это изменить. Его видение будущего страны, о котором он не рассказывал никому, заключалось в том, чтобы коренным и фундаментальным образом перестроить всю существующую в ней систему. Почему-то раньше это совсем не казалось такой уж грандиозной задачей. Разоблачив и сокрушив официально существующую коррупцию, он надеялся продемонстрировать народу, что те, кто находятся наверху, не заслуживают повиновения, которого требуют, что простым гражданам достанет разума, порядочности и интеллекта для того, чтобы самим решать собственную судьбу и выбрать правительство, способное заботиться об их нуждах.

И ты действительно верил в это, дурак, мысленно сказал он себе и посмотрел на телефон. Мечты и иллюзии молодости отказываются умирать, правда? Он не сумел добиться своей цели. Теперь он понимал, что невозможно решить эту проблему в одиночку и в течение одного поколения, что для осуществления необходимых перемен ему нужна экономическая стабильность,

которой можно достичь, только полагаясь на старый порядок, а старая система была коррумпированной. Подлинная ирония заключалась в том, что он стал премьер-министром из-за недостатков старой системы, однако нуждался в ее восстановлении, чтобы затем было от чего избавляться. Вот это он понимал не до конца. Старая система оказывала слишком сильное давление на американцев, приносила стране такие экономические выгоды, о которых не могло мечтать даже общество "Черного дракона", а когда американцы попытались принять ответные меры, иногда справедливые и понятные, а иногда поспешные и необдуманные, продиктованные гневом и раздражением, возникли условия для его прихода к власти. Однако избиратели, сделавшие возможным создание его парламентской коалиции, рассчитывали на то, что он создаст для них более благоприятные условия, а на пути достижения этой цели он не мог пойти на уступки Америке, потому что тогда пришлось бы ухудшить экономическое положение страны.

Вот почему он пытался блокировать одной рукой и действовать другой и лишь теперь понял, что нельзя поступать так в одно и то же время. Для этого требовалось искусство, которым не мог обладать ни один человек.

А его враги знали это. Им было известно это еще три года назад, когда он создал свою коалицию, теперь они терпеливо ждали, когда он потерпит неудачу и вместе с ним рухнут его идеалы. Действия американцев всего лишь ускорили процесс и не могли повлиять на окончательный исход.

Может ли он изменить положение даже сейчас? Он может снять трубку телефона, позвонить Роджеру Дарлингу, обратиться к нему с личной просьбой, чтобы он отложил подписание нового закона, и немедленно начать переговоры. Но какой из этого прок? В случае согласия Дарлинг нанесет удар по собственной репутации, и хотя американцы считали "потерю лица" сугубо японским понятием, это играло для них не менее важную роль, чем для японцев. Более того, Дарлинг просто не поверит в его искренность. Отношения между двумя странами были до такой степени подорваны неудачными переговорами целого поколения, что у американцев нет оснований считать, что в данном случае все обстоит иначе, - и, если говорить правду, он в любом случае вряд ли сумеет гарантировать благоприятный исход переговоров. Возглавляемая им парламентская коалиция не устоит, когда станет известно об уступках, на которые ему придется пойти, потому что ставкой станут рабочие места, а при экономической ситуации, когда безработица в стране достигла рекордного уровня в пять процентов, у него не хватит сил, чтобы пойти на риск ее дальнейшего повышения. Вот почему, раз он не сможет выдержать политическое давление от подобного шага, произойдет нечто еще худшее, и его коалиция не сумеет устоять. По сути дела вопрос заключался лишь в том, сам ли он разрушит свою политическую карьеру или предоставит такую возможность кому-то другому. Что навлечет на него больший позор? Этого он не знал. Зато он отдавал себе отчет в том, что не сможет заставить себя позвонить американскому президенту. Это будет бесплодным шагом, таким же бесплодным, осознал он сейчас как и вся его политическая карьера. Книга уже закончена. Пусть кто-то другой напишет заключительную главу.

Закон о реформе торговли поддерживало теперь двести конгрессменов от обеих партий. Его рассмотрение в комитете не потребовало много времени главным образом потому, что никто не осмелился выступить против. Произошло еще одно поразительное событие: ведущее рекламное агентство в Вашингтоне разорвало контракт с японской корпорацией и по роду своей деятельности тут же выпустило пресс-релиз, объявляющий о прекращении контактов, длившихся четырнадцать лет. Происшествие у Ок-Риджа и ставший популярным выпад Эла Трента против известного лоббиста поставило всех, кто состоял на службе у иностранных компаний и часто бывал в коридорах Конгресса, в крайне сложное положение. Лоббисты не оказали принятию закона ни малейшего сопротивления. Все как один они сообщили своим работодателям, что закон о реформе торговли будет принят в любом случае, что внести какие-либо изменения в законопроект невозможно и что самым правильным будет согласиться с долгосрочным прогнозом и ждать, когда обстановка изменится. Пройдет время, и их союзники в Капитолии снова окажут им поддержку, но в данный момент это совершенно исключено.

Только не в данный момент? Циничное определение хорошего политика одинаково годилось и для Америки и для Японии: это слуга народа, который остается верным своему хозяину, после того как ему щедро заплатили. Президенты японских корпораций вспомнили о деньгах, потраченных на избирательные кампании целой кучи конгрессменов, на торжественные ужины по тысяче долларов за куверт, где кормили весьма посредственно, за которые в конечном итоге расплачивались американские служащие их транснациональных корпораций, на поездки на поля для гольфа, на всякого рода развлечения при поездках в Японию и другие страны, на бесчисленные личные контакты, и поняли, что все это не приносит ни малейшей пользы в тот момент, когда такая помощь требуется больше всего. Оказывается, Америка совсем непохожа на Японию. Ее законодатели вовсе не считают себя обязанными расплачиваться за оказанные им услуги, а лоббисты, также получающие щедрое жалованье, объясняют, что так и должно быть. Тогда за что уплачены такие большие деньги?

Занимать позицию дальнего прицела? Долгосрочные планы - это, конечно, хорошо, если только ближайшее будущее представляется благоприятным и все идет нормально. Обстоятельства позволяли Японии проводить политику долгосрочных планов в течение почти сорока лет, однако сегодня это было неприемлемо. В среду, в тот день, когда закон о реформе торговли оказался одобренным комитетом, индекс курса ценных бумаг Никкей - Доу упал до 12, 841 иены, составив примерно треть еще относительно недавнего уровня, и паника в стране стала вполне реальной.

- Распускаются цветы сакуры, и девушки в доме наслаждений накидывают на себя новые шарфы, - произнес Кларк слова знаменитой хайку. Может быть, по-японски, подумал он, эти строки и звучат поэтично, но по-английски они даже не рифмуются. Впрочем, фраза оказала поразительное воздействие на японца, стоявшего перед ним. - Олег Юрьевич просил передать вам лучшие пожелания, - добавил Кларк.

- Прошло так много времени, - с трудом выдавил японец после нескольких

секунд хорошо скрытой паники.

- Мы столкнулись с некоторыми трудностями у себя дома, - объяснил Кларк с легким акцентом.

Исами Кимура был высокопоставленным чиновником Министерства внешней торговли и промышленности Японии, одного из главных звеньев корпорации, которая ранее носила название "Япония, инкорпорейтед". По долгу службы он часто встречался с иностранцами, особенно иностранными журналистами, и потому согласился встретиться с Иваном Сергеевичем Клерком, недавно приехавшим в Японию из Москвы в сопровождении фотографа, который в данный момент занимался съемками где-то в другом месте.

- Похоже, и для вашей страны наступили трудные времена, - добавил Кларк, не зная, как отреагирует Кимура на его слова. Следовало вести себя с японцем потверже - нельзя исключать вероятность того, что Кимура откажется от сотрудничества, после того как с ним в течение двух лет никто не поддерживал контактов. Если это произойдет, ему придется показать, что КГБ не отпускает попавших в его сети агентов. Впрочем, и ЦРУ придерживается того же.

- Просто кошмар, - отозвался Кимура после непродолжительного размышления и "лотка сакэ".

- Если вы считаете, что вам трудно, то представьте, насколько плохо приходится русским. Страна, в которой я вырос, которая воспитала меня, распалась. Сами подумайте, мне теперь приходится зарабатывать на жизнь службой в "Интерфаксе". Я не могу даже постоянно заниматься своей основной работой! - Кларк удрученно покачал головой и осушил чашку.

- Вы отлично говорите по-английски.

"Русский журналист" вежливо кивнул, понимая, что это замечание служит знаком согласия сидящего напротив мужчины на дальнейшее сотрудничество.

- Спасибо за комплимент. Я несколько лет проработал корреспондентом "Правды" в Нью-Йорке, освещал в своих статьях деятельность ООН. Разумеется, когда оставалось на это время, - добавил он.

- Вот как? - с интересом заметил Кимура. - А что вы знаете об американском бизнесе и политике?

- Я специализируюсь на коммерческой деятельности. Новые обстоятельства, возникшие в мире, способствуют этому. Моя страна высоко ценит получаемые от вас сведения. В будущем мы сможем щедро вознаграждать вас, мой друг.

Кимура покачал головой.

- Сейчас у меня нет для этого времени. Департамент, где я работаю, находится по очевидным причинам в крайне затруднительном положении.

- Понимаю. Цель нашей встречи всего лишь возобновление прежнего знакомства. Пока мы не будем требовать от вас информации.

- Как поживает Олег? - осведомился Кимура.

- Он ведет спокойную жизнь, ни в чем не нуждается - и все благодаря вашей превосходной совместной работе. - Это вовсе не было ложью. Лялин остался жив, а это куда лучше пули в затылок, полученной в подвале штаб-квартиры КГБ. Сидящий перед Кларком мужчина передал Лялину информацию, на основании которой они с Чавезом оказались в Мексике и провели весьма успешную операцию. Кларк пожалел, что не может от своего имени поблагодарить

Кимуру за его роль в предотвращении ядерной войны. - А теперь скажите мне как журналисту: насколько в действительности ухудшились ваши отношения с Америкой? Видите ли, мне нужно передать статью в Москву. - Ответ поразил Кларка не только своей сутью, но и отчаянием, прозвучавшим в нем.

- Мы на краю гибели, - произнес Исами Кимура, не поднимая головы.

- Неужели все настолько плохо? - удивленно спросил мнимый Клерк, доставая блокнот, чтобы сделать записи, как и подобает репортеру.

- Начинается торговая война. - Служащий Министерства внешней торговли и промышленности с трудом выдавил эту фразу.

- Но разве такая война не нанесет ущерба обеим странам? - Кларк слышал об этом достаточно часто и потому не сомневался в правдивости слов Кимуры.

- Мы говорили так на протяжении ряда лет, но на самом деле все обстоит иначе. Вообще-то ситуация очень простая, - продолжил японец, полагая, что этот русский нуждается в уроках капиталистических отношений. - Нам нужен их рынок, чтобы продавать произведенные нами товары. Вам известно, что такое торговая война? Это значит, что они прекращают закупки наших промышленных товаров и сохраняют деньги у себя. Эти деньги поступают в их собственную промышленность, которой мы помогли - в определенной степени - стать более эффективной. Американская промышленность будет расширяться и процветать, следуя нашему примеру, и в результате они восстановят свои позиции в тех сферах биржевого рынка, где мы в течение двадцати лет занимали доминирующее положение. Утратив свои позиции на рынке, мы больше никогда не сможем их восстановить.

- Но почему? - недоуменно спросил Кларк, делая поспешные записи. Он заметил, что тема разговора по-настоящему заинтересовала его.

- Когда мы впервые появились на американском рынке, курс иены был втрое ниже нынешнего. Таким образом, нам представилась возможность успешно конкурировать с американскими товарами. Затем, завоевав место на американском рынке, создав высокую репутацию товарам, носящим названия японских корпораций, мы смогли повысить цены на них. При этом мы не только сохраняли завоеванный нами рынок, но и расширяли его в некоторых областях, несмотря на рост иены. Сегодня добиться этого будет намного труднее.

Какие сказочные новости, подумал Кларк, скрывая интерес за бесстрастной маской равнодушия.

- Но разве они смогут найти замену всем товарам, которые вы им поставляли?

- Полагаясь на собственных рабочих? Вряд ли, но им это и не требуется.

В прошлом году автомобили и комплектующие составляли шестьдесят один процент общего объема нашей торговли с Америкой. Американцы умеют производить автомобили, а то, что они не умели, узнали от нас. - Кимура склонился над столом. - Что же касается производства других товаров, например фотоаппаратов, их изготавливают теперь повсюду - в Корее, Сингапуре, Малайзии. То же самое относится к бытовой электронике. Дело в том, Клерк-сан, что никто еще по-настоящему не понимает, что сейчас происходит на самом деле.

- Значит, американцы действительно могут причинить вам такой ущерб? Неужели это возможно? - Черт побери, подумал Кларк, а вдруг это правда?

- Да, вполне возможно. Моя страна не сталкивалась с подобной ситуацией с 1941 года. - Эта фраза вырвалась у него случайно, но Кимура обратил внимание на точность исторических ассоциаций в тот самый момент, когда произнес ее.

- Я не могу написать об этом в своей статье. Меня обвинят в паникерстве.

Кимура поднял голову и посмотрел на него.

- Я говорил с вами не для того, чтобы вы написали об этом в газете. Мне известно, что ваша организация поддерживает контакты с американцами. Это неизбежно. Сейчас они отказываются прислушиваться к нам. Может быть, они выслушают вас. Американцы загнали нас в угол и поставили в безвыходное положение. Наши дзайбацу обезумели. Все произошло слишком быстро и зашло очень далеко. Как может отреагировать страна при такой угрозе экономике, которая может закончиться полным крахом?

Кларк откинулся на спинку стула и задумчиво прищурил глаза, как и подобает русскому журналисту. При первом контакте с Кимурой не предполагалось получать разведывательную информацию, но внезапно характер встречи приобрел немалый интерес. Кларк не был готов к такому повороту, однако решил все-таки воспользоваться им. Сидевший перед ним японец, похоже, располагал весьма ценной информацией и говорил, по-видимому, с полной откровенностью, продиктованной отчаянием. Более того, Кимура - знающий свое дело и преданный государственный служащий, и если такое положение было печальным - ничего не поделаешь, так и действуют разведывательные службы.

- Однажды американцы так поступили и с нами, в восьмидесятые годы. Нарращивание вооружений, их безумный план вывести в космос системы оборонительного оружия, безрассудное балансирование на грани войны, которое затеял президент Рейган. А вы знаете, что, работая в Нью-Йорке, я участвовал в проекте "Райан"? Нам казалось, что американцы собираются нанести ракетно-ядерный удар по Советскому Союзу. Я потратил год, пытаюсь проникнуть в их планы. - Джон держался, как и подобает полковнику И. С. Клерку из русской разведывательной службы, он говорил спокойно, негромко, словно читая лекцию. - Однако мы искали ответ не там, где он находился - впрочем, нет, я ошибаюсь. Ответ находился прямо перед нами, и мы не сумели увидеть его. Американцы заставили нас пойти на безрассудные траты и в результате нанесли непоправимый ущерб нашей экономике. Маршал Агарков в своем выступлении потребовал, чтобы наша экономика все свои усилия направила на противодействие американцам, но у нас не осталось сил. Короче говоря, я могу так ответить на ваш вопрос, Исами: у нас был выбор либо сдаться на милость победителя, либо начать войну. Мысль о войне казалась слишком страшной... и вот теперь я здесь, в Японии, и представляю уже другую страну.

То, что ответил Кимура, было одновременно и поразительным и удивительно точным:

- Но вы не теряли столько, сколько можем потерять мы. Американцы, по-видимому, не понимают этого. - Он встал и вышел из ресторана, оставив на столе достаточно денег, чтобы расплатиться по счету - японец знал, что русский вряд ли сможет - заплатить за обед в Токио.

Боже милостивый, подумал Кларк, глядя ему вслед. Их встреча проходила

открыто, и потому ее не требовалось скрывать. Это значило, что он тоже может просто встать и уйти. Но Кларк не сделал этого. Исами Кимура занимает слишком высокое положение в японской государственной машине, напомнил себе оперативник, допивая остатки сакэ. Над ним находился только один уровень государственных чиновников, а выше стоял уже администратор, который назначался из политических соображений и выражал государственные интересы. Подобно заместителю государственного секретаря, Кимура имел доступ ко всему. Он уже однажды продемонстрировал это, обеспечив их информацией о переговорах в Мексике, где Джон с Дингом арестовали Исмаила Куати и Ибрагима Госна. Уже за одно это Америка была многим ему обязана. Еще более важным являлось то, что Кимура служил превосходным источником крайне ценных сведений. ЦРУ могло полагаться почти на всю предоставляемую им информацию, к этой встрече никто не готовился, она не была запланированной, и потому не могло быть сомнений в искренности мыслей и опасений Кимуры. Кларк понял, что необходимо как можно быстрее связаться с Лэнгли.

Это не явилось сюрпризом ни для кого, кто знал, что Гото - слабый человек. И хотя такое обстоятельство являлось проклятием для политической верхушки его страны, сейчас это было на руку Ямате.

- Я не собираюсь становиться премьер-министром, - актерски заявил Хироши Гото, - чтобы привести свою родину к экономическому краху. -- Его слова и манера говорить напоминали сцену театра "кабуки". Промышленник знал, что Гото - образованный человек, посвятивший немало времени изучению истории и искусства. Как и многие политические деятели, он уделял большое внимание внешнему впечатлению от своих высказываний в ущерб их содержанию. К тому же, подобно многим слабым людям, он старался продемонстрировать всем свою личную силу и могущество. Именно по этой причине часто в одной комнате с ним находилась эта девушка - Кимберли Нортон. Она постепенно овладевала искусством поведения любовницы влиятельного политического деятеля. И сейчас тихо сидела поблизости, наполняя чашки чаем или сакэ, и терпеливо ждала ухода Яматы, после чего, это было ясно, Гото отправится с нею в постель. Он явно считал, что это производит благоприятное впечатление на гостя. Ну и дурак, думает не мозгами, а яйцами, сказал себе Ямата. Ну ничего, я стану его мозгом, решил промышленник.

- Именно такая задача и встанет перед нами, - прямо и недвусмысленно ответил Ямата. Его взгляд остановился на девушке, - отчасти из любопытства, отчасти от желания создать у Гото впечатление, будто он завидует, что у него такая молодая и привлекательная любовница. Глаза девушки были бесстрастными, словно она не понимала, что здесь происходит. Неужели девушка так глупа, как пытаются убедить его в этом? Соблазнить ее поездкой в Японию не составило труда. Такая деятельность приносила немалую выгоду якудзе - японскому преступному синдикату, и некоторые коллеги Яматы пользовались его услугами. Свести американку с Гото оказалось несложным, его слабость к женскому полу и особенно к блондинкам была широко известна. Разумеется, Ямата не принимал в этом прямого участия, он же не сутенер, просто принял меры, чтобы один из его единомышленников в нужный момент сделал соответствующее предложение этому видному политическому деятелю. Как это по-американски? Вести на

поводу? Именно так и поступил Ямата, с удивлением узнав, что даже гайджин способны на такую тонкую восточную хитрость.

- Тогда как нам поступить? - спросил лидер оппозиции - пока еще лишь лидер.

- У нас два выбора, - произнес Ямата и задумался, глядя на девушку и жалея, что Гото не приказал ей выйти из комнаты. В конце концов, вопрос, который они обсуждают, в высшей степени деликатный. Вместо этого Гото погладил девушку по волосам, и та улыбнулась. Ну что ж, хорошо уже то, что Гото не раздел ее догола перед самым его приездом, подумал Ямата, как это случилось несколько недель назад. Ямата и раньше видел женские груди, даже высокие груди европейских женщин, и у него не было сомнений в том, чем занимается Гото, когда остается наедине с нею.

- Она не понимает ни единого слова, - засмеялся политик. Кимба-чан улыбнулась, и Ямата уловил что-то в выражении ее лица. Тут же у него промелькнула тревожная мысль: действительно ли она просто вежливо реагирует на смех своего хозяина или за этим кроется что-то иное? Сколько ей лет? , Наверно, чуть больше двадцати, но он не умел оценивать возраст иностранок. Затем он вспомнил, что в обычае его страны иногда обеспечивать женское общество приезжающим высокопоставленным зарубежным сановникам, как он делает это и сам, принимая бизнесменов. Эта традиция уходила корнями в историю, целью ее было, с одной стороны, облегчить заключение сделок, так как ублаженный услугами искусной проститутки, мужчина с большей готовностью шел на уступки при переговорах, а с другой - получить информацию, ведь мужчинам свойственно, развязывая пояс, развязывать и язык. О чем говорит Гото с этой девушкой? С кем она встречается? Внезапно собственное участие в том, что он сумел познакомить Гото с этой американкой, показалось ему не самым удачным шагом.

- Прошу тебя, Хироши, уступи мне на этот раз, - попросил Ямата.

- Ну ладно. - Он повернулся к девушке и заговорил по-английски: - Кимба-чан, мы с другом хотели бы несколько минут поговорить с глазу на глаз.

Американка была достаточно воспитанной, чтобы не возражать, заметил Ямата, но на ее лице появилось разочарованное выражение. Означало ли это, что ее научили сдерживать эмоции, или это была просто реакция легкомысленной девушки? И насколько существенно, что она сейчас уйдет? А вдруг Гото все ей расскажет? А если он до такой степени подпал под ее влияние? Ямата не знал этого, и такое неведение вдруг показалось ему опасным.

- Люблю трахать американских девок, - грубо заметил Гото, после того как за ушедшей девушкой задвинулись двери. Странно. При всей своей культуре тут он пользовался уличным языком. Это было, совершенно очевидно, его самым слабым местом и потому вызывало тревогу.

- Рад слышать такое признание, мой друг, потому что в ближайшее время тебе предоставится возможность сделать это со всей Америкой, - отозвался Ямата, беря кое-что себе на заметку.

Час спустя Чет Номури, подняв голову от игрового автомата, увидел, что Ямата вышел на улицу. Как всегда, его ждала машина с водителем и еще одним человеком весьма серьезного вида - по-видимому, телохранителем или каким-то

сотрудником службы безопасности. Внешность и поведение выдавали его с головой. Промышленник что-то сказал - короткое замечание, всего несколько слов, - Номури не смог понять, о чем идет речь. Затем все трое уехали. Готовый вышел на улицу через полтора часа, как всегда освеженный и улыбающийся. Теперь Номури оставил игровой автомат и, выйдя из зала, занял место в закусочной на углу. Миновало еще тридцать минут, и появилась Кимберли Нортон. На этот раз Номури не следовал за ней, а пошел впереди и свернул в переулок, ожидая, когда она догонит его. Ну, теперь все в порядке, подумал он спустя минут пять. Он больше не сомневался, в каком доме живет девушка. Нортон зашла в магазин, купила какую-то еду и понесла ее с собой. Отлично.

- Доброе утро, МП. - Райан только что вернулся после утреннего брифинга президента. В начале каждого дня он тридцать-сорок минут согласовывал данные, полученные от различных разведывательных агентств, а затем информировал президента в Овальном кабинете. Сегодня утром он снова сообщил боссу, что горизонт чист и ничто не грозит неприятностями.

- Операция "Сандаловое дерево", - произнесла заместитель директора ЦРУ вместо приветствия.

- Есть что-нибудь новое? - Джек откинулся на спинку кресла.

- У меня возникла идея, и я решила осуществить ее.

- И в чем же она состоит? - поинтересовался советник по национальной безопасности.

- Я дала указание Кларку и Чавезу восстановить деятельность "Чертополоха" - прежней агентурной сети Лялина в Японии.

Райан недоуменно посмотрел на нее.

- Ты хочешь сказать, что никто...

- Лялин занимался главным образом сбором коммерческой информации, и у нас есть исполнительное распоряжение президента, помнишь?

Райан подавил возглас недовольства. "Чертополох" сослужил однажды хорошую службу Америке, причем полученная тогда из Японии информация не имела отношения к коммерческому шпионажу.

- Ну хорошо, что тебе удалось выяснить?

- Вот это. - Миссис Фоули передала ему страницу убористого печатного текста с грифом "Секретно".

Прочитав первый параграф, Райан поднял голову и посмотрел на нее.

- Неужели в Министерстве внешней торговли и промышленности на самом деле паника?

- Так утверждает сотрудник этого ведомства. Читай дальше.

Райан, покусывая карандаш, продолжил чтение.

- Что еще? - спросил он, закончив с документами.

- Их правительство скоро уйдет в отставку, можно не сомневаться. Пока Кларк говорил с одним агентом Лялина, Чавез - с другим. Госдеп узнает об этом через день-другой, однако на этот раз информацию мы получили первыми.

Джек задумался. Вообще-то сообщение не было таким уж сюрпризом. Бретт Хансон предупреждал о возможности подобного поворота событий. Более того. Госдепартамент был единственным правительственным учреждением, выразившим опасения в связи с принятием закона о реформе торговли, хотя это

беспокойство не вышло за пределы ограниченного круга.

- Есть еще новости?

- Да. Нам все-таки удалось разыскать пропавшую девушку, Кимберли Нортон, и она действительно является любовницей

Гото, который вскоре станет новым премьер-министром, - с улыбкой закончила миссис Фоули.

Вообще-то что тут смешного? Все зависит от точки зрения. Теперь у Америки появилось средство воздействия на Гото, который, похоже, вот-вот возглавит новый кабинет. Не так уж плохо...

- Продолжай, - распорядился Райан.

- У нас есть выбор. Можно предложить ей бесплатный авиабилет домой, а можно использовать ее...

- МП, мы не должны так поступать. - Райан смежил веки. Он уже думал об открывающихся возможностях. Он смотрел на все это отрешенным взглядом, словно издали, но, после того как увидел фотографию этой Нортон, его отрешенность улетучилась, едва он вернулся домой и посмотрел на собственных детей. Возможно, это было слабостью - он не мог, не способен был рассматривать жизни людей как средство в достижении каких-либо целей даже в интересах своей страны, Если так, его совесть оказалась сильнее подобной слабости. Он посмотрел на Мэри-Пэт.

- Неужели можно рассчитывать на то, что эта Нортон способна действовать в качестве подготовленного агента? Господи, умственно отсталая девица, сбежавшая из дома, чтобы не учиться в школе!

- Джек, мое дело предложить, правда? - Этим, разумеется, занимались все разведслужбы мира, даже Америка, даже теперь, в век женского равноправия. Такие девушки, по общему мнению, были умны и хороши собой, обычно состояли на государственной службе в качестве секретарш, после того как проходили соответствующее обучение, и зарабатывали неплохие деньги. Райан не имел ни малейшего представления о подобных операциях и не проявлял к ним интереса, не желая оказаться замешанным в них. Появись у него официальная информация об использовании девушек для таких целей, разве он мог бы удержаться, чтобы не выступить против? Большинство людей считало, что высокопоставленные государственные чиновники всего лишь роботы, без чувств и жалости, которые делают свое дело на благо своей страны, не испытывая никаких сомнений, с чистой незапятнанной совестью. Когда-то, может быть, это обстояло именно так, и даже сейчас многие государственные служащие придерживались подобной точки зрения, но мир переменялся, а Джек Райан был к тому же сыном полицейского.

- Но ведь ты первая заговорила об этом, помнишь? У этой девушки - американское гражданство, и она нуждается, по-видимому, в нашей помощи. Давай не будем поступать наперекор собственной совести, чтобы потом не пожалеть, хорошо? Этим занимаются Кларк и Чавез?

- Да.

- Думаю, нам нужно проявить осмотрительность, но стоит предложить ей бесплатный билет в Америку. Если она откажется, вот тогда подумаем о чем-то другом, но не нужно впутывать ее в наши дела. Будет только справедливо, если мы предложим ей возвратиться домой. - Райан еще раз внимательно прочитал

информацию, полученную от Кларка. Если бы эти сведения поступили от кого-то другого, он не отнесся бы к ним так серьезно, но Райан знал Джона Кларка, потратил немало времени, изучив все подробности его жизни. Когда-нибудь такая тема станет очень интересной.

- Оставь это мне. Не исключено, президент пожелает ознакомиться с полученной информацией.

- Не возражаю, - ответила заместитель директора ЦРУ по оперативной работе.

- Если поступит что-то еще...

- Я сразу сообщу тебе, - пообещала Мэри-Пэт.

- Это была отличная мысль - воспользоваться агентурной сетью "Чертополоха".

- Мне хочется, чтобы Кларк попробовал - ну надавил бы, может быть, чуть сильнее. Тогда мы убедимся, насколько совпадают у нас точки зрения.

- Согласен, - тут же ответил Райан. - Пусть действует как можно энергичней.

Личным самолетом Яматы был старый "Гольфстрим" G-IV. И хотя он был оборудован дополнительными топливными баками, при обычных условиях не мог пролететь без дозаправки 6740 миль от Токио до Нью-Йорка. А вот сегодня обстановка была иной, сообщил Ямате пилот. Скорость струйного течения над северной частью Тихого океана достигала ста девяноста узлов и продержится еще несколько часов. В результате скорость самолета по отношению к земной поверхности увеличивалась до 782 миль в час, что сокращало полетное время по сравнению с обычным на целых два часа.

Ямата не скрывал, что доволен этим. Сейчас главным был временной фактор. Все составленные им планы он держал в уме, так что просматривать было нечего. Несмотря на смертельную усталость от непрерывной работы, растянувшейся на дни, а за последнее время и на недели, Ямата понял, что не сумеет уснуть. Он любил читать запоем, но сейчас не мог заставить себя взяться за книгу. Он был совсем один; говорить не с кем. Заняться нечем, совершенно нечем, и это казалось странным. Самолет неслышно скользил на высоте сорока одной тысячи футов. Вокруг было ясное утро, и далеко внизу он видел поверхность Тихого океана с бесконечными рядами катящихся волн, увенчанных белыми гребешками. Бессмертный океан. На протяжении почти всей его жизни эта бескрайняя водная гладь была американским озером, принадлежащим их военно-морскому флоту. Знает ли сам океан об этом? Догадывается ли, что скоро наступят перемены?

Перемены, подумал Ямата. Они начнутся через несколько часов после его прибытия в Нью-Йорк.

- Это Бад, захожу на посадку. У меня на борту восемь тысяч фунтов горючего, - сообщил по каналу радиосвязи капитан первого ранга Санчес. Поскольку он занимал должность командира авиакрыла, базирующегося на авианосце "Джон Стеннис" (CVN-74), его F/A-18F первым сядет на его палубу. Хотя Санчес был самым опытным летчиком авиакрыла, как ни странно, на "хорнете" он начал летать совсем недавно. До этого он летал на "томкэте"

F-14. "Хорнет" был легче, обладал большей маневренностью, наконец, его запас топлива позволял не только взлететь, описать круг над авианосцем и тут же заходить на посадку (по крайней мере так теперь ему казалось), но и долго оставаться в воздухе. Он привыкал к новому самолету, и ему начинало нравиться летать в одиночку после стольких лет, проведенных за штурвалом двухместного истребителя-бомбардировщика. Может быть, у этих парней из ВВС действительно время от времени появляются хорошие идеи...

Перед ним на огромной летной палубе нового авианосца матросы заканчивали регулировку натяжения стальных тросов у аэрофинишеров, исходя из сухого веса его истребителя и веса топлива, о котором он сообщил при заходе на посадку. Так приходилось поступать каждый раз. Не такая уж огромная эта палуба, с иронией подумал он, особенно когда смотришь с полумильной высоты. Для стоящих на палубе она на самом деле казалась огромной, но для Санчеса сейчас не превышала размеров спичечного коробка. Он выбросил из головы эту предательскую мысль и сосредоточил все внимание на посадке. "Хорнет" пролетел через воздушное завихрение от массивного "острова" авианосца, и его бросило в сторону, но летчик автоматически, легким движением руки исправил отклонение, не отрывая взгляда от "фрикадельки" - красного огня, отражающегося в зеркале, - стараясь держать его в центре. Санчеса называли "мистер Машина", потому что из более полутора тысяч посадок, совершенных им на палубы авианосцев - в летный журнал заносилась каждая из них, - меньше чем в полусотне случаев он не сумел захватить крюком наиболее удобный третий трос.

Спокойно, спокойно, говорил он себе, правой рукой плавно отводя назад ручку управления, а левой регулируя сектор газа и неотрывно наблюдая за скоростью снижения, и вот... да. Он почувствовал, как истребитель вздрогнул, захватив стальной трос аэрофинишера - Санчес не сомневался, что это снова был третий, - и начал замедлять бег, хотя дальний край палубы стремительно приближался и казалось, что самолет вот-вот рухнет в море. Наконец самолет замер, по ощущениям Санчеса, в нескольких дюймах от того места, где кончалось черное покрытие стальной палубы над кипевшей далеко внизу голубой водой, рассекаемой форштевнем авианосца. На самом деле до конца палубы оставалось около сотни футов. Санчес нажал на кнопку, убиравшую внутрь крюк, которым истребитель цеплялся за трос аэрофинишера, и стальная змея отползла назад, на прежнее место. Матрос палубной команды начал подавать ему знаки, показывая, куда следует поставить самолет, и чудо авиационной технологии, стоящее многие миллионы долларов, превратилось в поразительно неуклюжую наземную машину,двигающуюся по самой дорогой стоянке в мире. Через пять минут реактивные двигатели были выключены и крепёжные цепи надёжно удерживали истребитель на палубе. Санчес откинул фонарь кабины и спустился на палубу по стальной лестнице, которую установил у борта самолета его механик.

- Добро пожаловать на борт, шкипер. Были проблемы с птичкой?

- Никаких. - Капитан передал механику летный шлем и поспешно пошел к острову. Три минуты спустя он наблюдал за прибытием остальных самолетов авиакрыла.

Авианосец уже носил полуофициальное название "Джонни Реб", поскольку он

был назван в честь сенатора от штата Миссисипи, длительное время занимавшего этот пост в Конгрессе, верного друга военно-морского флота. Санчесу показалось, что корабль даже пахнул по-новому - он совсем недавно был спущен на воду с верфи судостроительной компании "Ньюпорт ньюз шипбилдинг энд драй док". "Стеннис" прошел ходовые испытания у Восточного побережья Соединенных Штатов, затем обогнул мыс Горн и прибыл в Пирл-Харбор. Следующий авианосец такого типа - "Соединенные Штаты" - через год будет спущен на воду и готов к ходовым испытаниям, а еще один только что заложен. Было приятно сознавать, что по крайней мере один тип боевых кораблей продолжал развиваться более или менее успешно.

Самолеты авиакрыла заходили на посадку с интервалами в полторы минуты: две эскадрильи по двенадцать F-14 "томкэт", еще две с таким же количеством истребителей F/A-18 "хорнет", одна эскадрилья из десяти средних бомбардировщиков A-6E "интродер", три самолета раннего радиолокационного обнаружения E-3C "хокай", два грузовых C-2, четыре EA-6B "праулер"... Вот и все, подумал Санчес, не испытывая особого восторга.

Действительно, на "Джонни Ребе" вполне могли разместиться еще двадцать самолетов, но теперь авианосное крыло стало не таким, как раньше. Санчес вспомнил, какими переполненными казались в прошлом палубы авианосцев. Впрочем, даже в этом была своя светлая сторона - легче стало перемещать самолеты по палубе. Хуже было то, что ударная мощь его авиакрыла составляла едва две трети от того, чем она была прежде. А еще хуже, что морская авиация оказалась в тяжелом положении как род войск. Истребители-бомбардировщики "томкэт" впервые начали поступать на вооружение в шестидесятые годы - в то время Санчес заканчивал среднюю школу и думал о том, когда ему разрешат сесть за руль автомобиля. "Хорнет" прошел испытания как модель YF-17 в начале семидесятых, а "интродер" сконструировали в пятидесятые, когда Баду купили первый двухколесный велосипед. Сейчас для морской авиации не проектировалось ни единого нового самолета. ВМС совершили две неудачные попытки обновить свой авиапарк с помощью новейших самолетов технологии "стеле" - первую, когда отказались принимать участие в проекте BBC, связанного с разработкой самолета F-117, и вторую, когда закупили штурмовики A-12 "эвэнджер, у которых с технологией "стелс" оказалось все в порядке, они успешно избегали обнаружения радиолокаторами противника, но вот только летали из рук вон плохо. А теперь этот летчик-истребитель после двадцати лет полетов с палуб авианосцев, "счастливчик", выдвинутый на звание адмирала, получивший наконец возможность командовать самым крупным соединением за всю свою летную карьеру, теперь он имел в своей власти меньшую ударную мощь, чем все остальные командиры авианосных крыльев до него. То же самое относилось и к авианосцу "Энтерпрайз", находившемуся в пятидесяти милях к востоку. И все-таки авианосец был королем морей. Даже с меньшим количеством боевых самолетов, базирующихся на нем, "Джонни Реб" превосходил по ударной мощи оба индийских авианосца вместе взятых, и Санчес считал, что при таких обстоятельствах будет не слишком трудно сдерживать индийский Военно-морской флот, не позволяя ему стать чрезмерно агрессивным. Хорошо, что эта проблема была единственной, стоящей перед ним.

- Вот и все, - заметил начальник летных операций авианосца, когда

последний EA-6В совершил посадку, зацепив крюком тросе номер два аэрофинишера. - Посадочные операции завершены. У тебя отличные летчики, Бад.

- Прилагаем все усилия, Тод. - Санчес встал со своего кресла на мостике и направился вниз в каюту, чтобы принять душ перед встречей сначала с командирами эскадрилий, а затем с офицерами оперативного отдела для планирования операций, связанных с маневрами "Океанские партнеры". Это послужит отличной подготовкой, сказал себе Санчес. На протяжении почти всей летной карьеры он служил на Атлантике, и маневры станут его первой возможностью познакомиться с японским Военно-морским флотом. Любопытно, как отнесся бы к этому его дед, подумал Санчес. Генри Гейбриел "Майк" Санчес в 1942 году командовал авиакрылом на авианосце "Уосп" и сражался с японцами при Гуадалканале<Гуадалканал - вулканический остров в Тихом океане, входящий в состав государства Соломоновы Острова>. Было бы интересно узнать, как относится Большой Майк к предстоящим маневрам.

- Брось, ты должен для меня что-то сделать, - настаивал лоббист. Одним из признаков того, насколько отчаянным стало положение, оказалось сообщение от работодателей, в котором говорилось, что им, возможно, скоро Придется резко сократить расходы на его деятельность в Вашингтоне, округ Колумбия. Эта новость подействовала ошеломляюще. Ведь речь идет не обо мне одном, подумал бывший конгрессмен от штата Огайо. От этого зависит благополучие еще двадцати служащих, работающих у меня в конторе. А разве они не американцы? Вот почему он с такой тщательностью выбирал следующую цель. У этого сенатора возникло немало проблем, среди них были и появление серьезного соперника на первичных выборах и еще одного на втором их этапе. Ему понадобится немало средств для финансирования избирательной кампании. Может быть, хотя бы поэтому сенатор будет готов прислушаться к голосу разума.

- Рой, я знаю, мы сотрудничаем уже десять лет, но если я проголосую против закона о реформе торговли, на моей политической карьере можно навсегда поставить крест. Понимаешь? Навсегда. Похоронить, вонзить осиновый кол. Мне придется вернуться в Чикаго, чтобы снова проводить дурацкие семинары по государственной политике и продавать свой опыт за несколько долларов тому, кто заплатит больше. - Может быть, даже превратиться в подобного тебе, подумал сенатор, но промолчал. Впрочем, смысл сказанного был и без того ясен. Такая вероятность казалась ужасной. Он провел на Капитолийском холме почти двенадцать лет, и ему здесь нравилось. Ему нравились его служащие, нравилась жизнь в Вашингтоне, нравилось, что он может ставить свой автомобиль, где пожелает, нравилось, что не приходится платить за авиабилеты в Иллинойс и обратно, нравилось, с каким уважением относятся к нему всюду, где бы он ни появился. Сенатор уже стал членом престижного клуба "Вторник - четверг", летал в свой штат каждый четверг на продолжительный уик-энд, чтобы выступать с речами в местных клубах "Элко и "Ротари", появляться на встречах учителей и родителей в школах, разрезать ленточку при открытии всякого нового почтового отделения, для которого ему удавалось выбить финансирование. Он уже принялся за свою избирательную кампанию и трудился всерьез, не менее напряженно, чем в тот год, когда ему впервые удалось пробиться на это проклятое место в Сенате. Добиваться такой

цели снова - дело не слишком приятное, но еще хуже, если ты прилагаешь массу усилий, зная, что все напрасно. Ему придется голосовать за принятие закона, неизбежно придется. Неужели Рой не понимает этого?

- Да, Эрн, я согласен с тобой. И все-таки мне нужно что-то, - настаивал лоббист. Сейчас его работа отличалась от той, которой он занимался, являясь членом палаты представителей на Капитолийском холме. У него был теперь такой же штат служащих, но оплачивать их приходилось ему самому, а не американским налогоплательщикам. Сейчас ему на самом деле приходилось чем-то заниматься. - Я ведь всегда был твоим другом, правда?

Заданный вопрос вообще-то не был вопросом. Это была констатация факта, означающая одновременно обещание и угрозу. Если он, подумал сенатор Грининг, откажется оказать хоть какую-то поддержку, тогда Рой тихо и незаметно обратится с аналогичной просьбой к одному из его соперников. Впрочем, скорее всего к обоим. Он знал, что Рой не испытывает ни малейших угрызений совести, прибегая к помощи самых разных союзников. Вполне возможно, что он просто спишет его, Эрнста Грининга как неудачника и начнет искать поддержки тех, кто наверняка придут ему на смену. Посеянные деньги в конечном итоге неизбежно принесут урожай, потому что японцы любят строить далеко идущие планы. Это знали все. С другой стороны, если сейчас он пойдет на уступки...

- Послушай, Рой, Я ведь не могу теперь отозвать поданный мной голос, - снова напомнил сенатор Грининг.

- Может быть, внести дополнение?

- Никаких шансов. Рой. Ты бы посмотрел, как работают над текстом комитеты Конгресса. Черт побери, да их председатели отрабатывают сейчас последние детали! Тебе придется объяснить своим друзьям, что сейчас невозможно внести какие-либо изменения в содержание закона.

- У тебя есть что-нибудь еще? - спросил Рой Ньютон, стараясь скрыть охватившую его панику. Боже мой, неужели придется возвращаться обратно в Цинциннати и снова заниматься юридической практикой?

- По этому вопросу - ничего, - сказал Грининг. - Однако происходят другие весьма любопытные события в правительственных сферах.

- Какие именно? - поинтересовался Ньютон. Только этого мне и не хватало, подумал он. Наверняка обычные сплетни. Об этом было любопытно слышать, когда он служил свои шесть сроков в палате представителей, но теперь...

- Возможно, скоро начнется процедура импичмента против Эда Келти.

- Ты шутишь... - выдохнул лоббист, на мгновение отвлекшись от горестных мыслей. - Попробую догадаться сам - его снова накрыли с расстегнутой прорехой?

- Он обвиняется в изнасиловании, - ответил Грининг. - Не в чем-нибудь, а именно в изнасиловании. ФБР уже ведет расследование. Ты знаешь Дэна Мюррея?

- Комнатную собачку Билла Шоу?

- Совершенно верно, - кивнул сенатор. - Он уже провел брифинг с юридической комиссией Конгресса, но потом началась вся эта паника со срочным принятием закона, и президент распорядился подождать некоторое время. Сам Келти еще не знает об этом, по крайней мере не знал в прошлую пятницу -

можешь поэтому представить себе, какие строгие меры предосторожности приняты, - но мой старший помощник по вопросам законодательства обручен с помощницей Сэма Феллоуза, которой поручены административные вопросы, да и вообще такая информация слишком хороша, чтобы хранить ее в тайне, правда?

Старая вашингтонская история, с ухмылкой подумал Ньютон. Если о чем-то знают два человека, это уже не секрет.

- Насколько это серьезно?

- Насколько мне известно, Эд Келти по уши в дерьме. Мюррей четко обрисовал создавшееся положение и сообщил о доказательствах, которыми располагает. На этот раз он собирается упрятать мальчика Эдди за решетку. Дело в том, что действия Келти повлекли за собой самоубийство.

- Лайза Берринджер! - У любого политического деятеля отличная память на имена.

- Вижу, что у тебя по-прежнему острый нюх, - кивнул Грининг.

Ньютон едва не присвистнул от изумления, но, поскольку был в прошлом членом палаты представителей, сделал вид, что отнесся к полученной информации достаточно флегматично.

- Неудивительно, что президент хочет держать это в тайне. Опасается, что для сенсации в газетах не хватит первой полосы, а?

- В этом все дело. Это не окажет влияния на принятие закона - думаю, не окажет, - но кому нужны дополнительные осложнения? Закон о реформе торговли да и поездка в Москву. Так что можно биться об заклад - о Келти он объявит после возвращения из России.

- Значит, президент решил пожертвовать Келти.

- Вообще-то Роджеру он никогда не нравился. Дарлинг взял Келти в свою команду, зная про его опыт законодателя, помнишь? Ему нужен был человек, знакомый с существующей системой. Так вот, какая от него теперь польза, даже если удастся доказать его невиновность? Кроме того, и в предстоящей избирательной кампании Келти станет серьезной помехой. С политической точки зрения, - напомнил Грининг, - гораздо лучше избавиться от него прямо сейчас, верно? Или по крайней мере как только улягутся волны, связанные с остальными мероприятиями.

А ведь это уже интересно, подумал Ньютон, замолчав на несколько секунд. Мы не в силах остановить принятие закона о реформе торговли. С другой стороны, что, если мы причиним неприятности администрации Дарлинга? В этом случае у нас очень скоро появится другой президент, а при соответствующей подготовке новая администрация сможет...

- О'кей, Эрн, по крайней мере это уже кое-что.

12. Формальности

Без выступлений в таком деле не обходится. Более того, и выступающих предстояло выслушать немало. При событии такого размаха каждый из 435 членов палаты, представляющий - или представляющая - каждый из 435 избирательных округов, просто обязан показаться перед телекамерами.

Представительница Северной Каролины привела Уилла Снайпера со все еще забинтованными руками и позаботилась о том, чтобы он занял место в первом на

галерею ряды. Это позволило ей привлечь к нему внимание ее избирателей, вознести до небес проявленное им мужество, похвалить профсоюзы за благородство их членов и внести предложение, чтобы Конгресс официально признал героический поступок Снайдера.

Далее, конгрессмен из восточного округа Теннесси воздал должное образцовым действиям дорожной полиции его штата и подчеркнул высочайший научный уровень Ок-Риджской национальной лаборатории - в результате после многочисленных благодарностей бюджет лаборатории пополнится несколькими дополнительными миллионами. Бюджетное управление Конгресса уже подсчитывало добавочные поступления в государственную казну от налогов с увеличившегося оборота автомобилестроительных корпораций, и у его членов при этом выступала слюна, как у собак Павлова при звуке колокола.

Член палаты представителей от Кентукки, не жалея сил, доказывал, что "креста" производится в основном в Америке и потому может считаться американским автомобилем, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что в конструкцию машины войдут теперь дополнительные детали, производимые дома (это было уже решено в отчаянной, но неизбежно бесплодной попытке корпорации уладить дело), и конгрессмен надеялся, что рабочих его округа никто не будет обвинять в происшедшей трагедии, вызванной, в конце концов, дефектными комплектующими, изготовленными за океаном. Сборочный автозавод в Кентукки, напомнил слушателям конгрессмен, является самым совершенным заводом в мире и служит наглядным примером того, что Америка может и должна сотрудничать с Японией. Таким образом, он поддержит законопроект лишь потому, что его принятие продвинет это сотрудничество еще на шаг вперед. Коллеги по палате с восхищением оценили такой финт, заключив, что конгрессмен от Кентукки на удивление ловко сумел занять компромиссную позицию.

После этого обсуждение продолжилось. И журнал "Роул-кол" <"Roll Call" - перекличка, сбор (трубить) (англ.)>, который освещал события, происходящие на Капитолийском холме, высказал сомнения, осмелится ли хотя бы один законодатель проголосовать против законопроекта.

- Ты знаешь, - обратился Рой Ньютон к своему главному клиенту, - тебе придется признать поражение. Понимаешь, сейчас никто не в силах изменить ход событий. Если хочешь, можешь назвать происшедшее неудачным стечением обстоятельств, но иногда приходится мириться с неприятностями.

Японца удивил тон американца. Ньютон говорил едва ли не с пренебрежением. Он даже не испытывал вины за то, что не в силах изменить создавшуюся ситуацию, а ведь ему регулярно платили с тех самых пор, как он был впервые принят на службу "Япония, инкорпорейтед" и дал обещание улаживать возникающие конфликты. Не подобало подчиненному так разговаривать со своим благодетелем, однако трудно понять, этих американцев. Им платишь деньги за то, чтобы они выполняли работу, а они...

- Однако сейчас происходит и кое-что еще, и если у тебя хватит терпения заглянуть подальше в будущее... - Японцу уже давали советы просто заглянуть в будущее, и Ньютон был благодарен своему клиенту за то, что тот проявил достаточное знание английского языка, чтобы оценить разницу между попыткой заглянуть в будущее и попыткой заглянуть туда же, но подальше, - ...можно

будет рассмотреть другие возможности, - закончил Ньютон.

- И в чем же могут заключаться эти возможности? - ядовито спросил Биничи Мураками. Он был настолько расстроен происходящим, что не сумел скрыть свое раздражение. Все шло не так, как следовало. Он приехал в Вашингтон, надеясь лично выступить против одобрения этого гибельного законопроекта, а вместо этого его осаждали репортеры, они задавали вопросы, из которых ясно вытекала вся бесполезность таких попыток. Именно поэтому Мураками на несколько недель покинул Японию и оставался в Америке, несмотря на настоятельные просьбы своего друга Козо Мапуды возвратиться.

- Правительства сменяются, - произнес Ньютон и несколько минут объяснял, что стоит за его словами.

- Из-за такой тривиальной причины?

- Подобного стоит ждать и в вашей стране. Если ты думаешь иначе, то просто обманываешь себя. - Ньютон не понимал, как можно недооценивать столь очевидную истину. Разве люди, которые занимаются маркетингом, не информируют руководство компаний о том, сколько автомобилей в Америке покупают женщины, не говоря уж о спросе на дамские электробритвы. Черт возьми, да ведь один из филиалов корпорации самого Мураками занимается их производством! Таким образом, проблемы маркетинга в Америке в значительной мере направлены на привлечение покупательниц, в то же время, по мнению японцев, аналогичная ситуация никогда не возникнет у них в стране. Это, подумал Ньютон, для японцев своего рода мертвая зона.

- Неужели это действительно может подорвать позиции Дарлинга? - спросил Мураками. Ведь благодаря принятию закона о реформе торговли президент приобретал значительный политический капитал.

- Да, безусловно, если разумно приняться за дело. Сейчас он препятствует расследованию серьезного уголовного преступления, не так ли?

- Нет, судя по твоим словам, он всего лишь попросил отложить... - Это верно, но он сделал это из политических соображений, Биничи. - Ньютон редко обращался к своему клиенту по имени. Японец не любил такой фамильярности. Высокомерный сукин сын, подумал Ньютон. Впрочем, разве он не щедро платит за оказанные ему услуги? - Понимаешь, Биничи, у нас не принято мешать уголовному расследованию, особенно по политическим причинам. И тем более в случаях, когда речь идет об оскорблении женщины. Таково уж своеобразие американской политической системы, - терпеливо объяснил он.

- Но разве мы можем вмешиваться во внутреннюю жизнь вашей страны? - Вопрос был скороспелым и объяснялся тем, что японцу еще никогда не приходилось задумываться о действиях на таком уровне.

- А за что вы тогда платите мне? Мураками откинулся на спинку кресла и закурил сигарету. Только ему разрешалось курить здесь.

- Как ты собираешься взяться за это?

- Дай мне несколько дней на то, чтобы разработать план, ладно? А тем временем следующим же рейсом отправляйся домой. Здесь ты приносишь нашему делу один вред, понимаешь? - Ньютон сделал паузу. - Ты должен также понять, что это самый сложный проект, который мне когда-либо приходилось осуществлять для вас. И самый опасный, - добавил лоббист.

Продажный шакал! - пронеслась яростная мысль в голове японца, но он

скрыл ее за бесстрастным выражением лица, спокойного и равнодушного. Ну и что? По крайней мере этот американец умеет добиваться успеха.

- Один из моих коллег находится в Нью-Йорке. Я повидаюсь с ним и вылечу домой оттуда.

- Отлично. Только постарайся не слишком показываться на людях, ладно?

Мураками встал и вышел в приемную, где его ожидали помощник и телохранитель. Он выглядел впечатляюще: высокий для японца - пять футов десять дюймов, - с иссиня черными волосами и по-юношески гладким лицом, несмотря на свои пятьдесят семь лет. За его плечами было много успешных деловых операций в Америке, однако это никак не пролиvalo света на создавшуюся ситуацию. Последние десять лет ему ни разу не приходилось закупать американских товаров меньше чем на сотню миллионов долларов в год, и он неоднократно выступал с заявлениями, отстаивая более свободный допуск Америки на японский рынок продовольствия. Сын и внук фермеров, он приходил в ужас при мысли о том, что многие из его соотечественников готовы заниматься подобной работой. В конечном счете труд фермера поразительно неэффективен, а американцы, несмотря на присущую им лень, настоящие волшебники по части выращивания сельскохозяйственной продукции. Жаль, что они не умеют разбивать сады, подумал он. Сады были подлинной страстью Мураками.

Служебное здание находилось на Шестнадцатой улице, всего в нескольких кварталах от Белого дома, и, выйдя на тротуар, японец посмотрел на внушительное строение, в котором живут американские президенты. Действительно, производит впечатление. Это не императорский замок в Осаке, но от него веет мощью.

- Японский ублюдок!

Мураками повернулся, увидел побелевшее от ярости лицо мужчины, судя по внешнему виду рабочего, и был настолько потрясен, что даже не почувствовал оскорбления. Телохранитель мгновенно оттеснил американца.

- Ты еще получишь свое, желтомордая сволочь! - выкрикнул мужчина и пошел прочь по тротуару.

- Подождите! - окликнул его Мураками, все еще слишком удивленный, чтобы обидеться. - Что плохого я вам сделал?

Если бы он знал Америку лучше, то догадался бы, что это один из тысяч бездомных Вашингтона и, как большинство из них, погряз во множестве самых разных проблем. В данном случае американец был алкоголиком, потерявшим семью и работу из-за неспособности отказаться от спиртного, и его контакты с действительностью ограничивались общением с такими же людьми, как и он сам. Испытываемая им ненависть к жизни искусственно усиливалась алкоголем. В руке он держал пластмассовый стаканчик с дешевым пивом и, неожиданно вспомнив, что когда-то работал на сборочном конвейере завода "Крайслер" в Ньюарке, штат Делавэр, решил, что вместе с пивом отделается от терзающих его мыслей об увольнении с работы, где бы она ни находилась. И, забыв, что сам навлек на себя все несчастья, он повернулся и плеснул пивом в лица трех стоявших перед ним людей, а затем пошел дальше, испытывая такое удовольствие, что даже не жалел, что выпивки не осталось.

Телохранитель рванулся, словно собираясь преследовать его. В Японии он просто повалил бы наглого бакаяро на землю. Тут же вызвали бы полицейского и

этого кретина арестовали бы, но сейчас телохранитель понимал, что находится на чужой территории, он остановился и быстро огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что этот выпад не был маневром, предназначенным для того, чтобы отвлечь его внимание от более серьезного нападения. Он увидел, что Мураками замер, выпрямившись во весь рост, и выражение растерянности на его лице сменилось яростью. Дорогой английский пиджак был залит дешевым безвкусным американским пивом. Не говоря ни слова, Мураками сел в машину. Телохранитель, испытывая такое же унижение, опустил на переднее сиденье, и автомобиль направился в Национальный аэропорт Вашингтона.

Человек, который добился всего в жизни благодаря упорному труду, который помнил жизнь на ферме, где его отец выращивал овощи на огороде размером с почтовую марку, который все силы отдавал учебе, стремясь получить стипендию в Токийском университете, и начал свою трудовую жизнь с самого низа, чтобы достичь сегодняшних вершин, Мураками часто испытывал сомнения относительно американцев, критически относился к некоторым сторонам их жизни, но в то же время считал себя справедливым и беспристрастным судьей, когда речь заходила о проблемах торговли. Но, как нередко случается в жизни, пустьк смог изменить его точку зрения.

Они варвары, заключил он, поднимаясь на борт самолета, который чартерным рейсом доставит его в Нью-Йорк.

- Премьер-министр потерпит поражение и будет смещен, - сообщил Райан в беседе с президентом, которая проходила примерно в то же самое время, когда в нескольких кварталах от Белого дома произошел описанный выше случай.

- Как надежны эти сведения?

- Вполне надежны, - заверил его Джек. - У нас там действует пара оперативников. Правда, они занимаются другой проблемой, но получили эту информацию от нескольких агентов.

- Госдепартамент об этом ничего не знает, - несколько наивно возразил Дарлинг.

- Господин президент, - Райан поправил папку на коленях, - вы ведь знаете, что за этим событием последуют самые серьезные последствия. Когда возглавляет коалицию, состоящую из шести различных фракций, и не потребуются больших усилий, чтобы расколоть ее. - И нанести удар по нам тоже, мысленно добавил Джек.

- Ну хорошо. И что дальше? - спросил Дарлинг, он только что ознакомился с данными последних социологических опросов о собственном рейтинге.

- Скорее всего пост премьер-министра займет некто Хироши Гото. Он никогда не испытывал к нам особого расположения.

- Он бросается крутыми фразами, - заметил президент, - но когда я встречался с ним, произвел на меня впечатление обычного болтуна, не отвечающего за свои слова. Слабый, тщеславный и бесхарактерный человек.

- И не только. - Райан сообщил президенту информацию, которая не имела непосредственного отношения к операции "Сандаловое дерево".

При иных обстоятельствах Роджер Дарлинг улыбнулся бы, но в соседнем здании, меньше чем в сотне футов, сидел Эд Келти.

- Джек, насколько трудно для мужчины удержаться от того, чтобы не

изменять жене за ее спиной?

- В моем случае это очень легко, - ответил Джек. - Я женат на хирурге, если помните?

Президент рассмеялся, но тут же посерьезнел.

- А мы можем воспользоваться этим, чтобы оказать давление на сукина сына?

- Да, сэр. - Райану не понадобилось разъяснять, что в случае, если сейчас ситуация выйдет из-под контроля, на фоне недавнего случая в Ок-Ридже может вполне разразиться настоящий шторм. Еще Никколо Макиавелли предупреждал о таких вещах.

- Как мы поступим с этой девушкой Нортон? - спросил Дарлинг.

- Кларк и Чавез...

- Это те парни, что задержали Корна?

- Совершенно верно, сэр. Сейчас они там. Я хочу, чтобы они встретились с девушкой и предложили ей бесплатный авиабилет домой.

- А после возвращения самый подробный допрос?

- Да, сэр, - кивнул Райан. Дарлинг улыбнулся.

- Мне это нравится. Чистая работа.

- Господин президент, сейчас мы получаем все, чего хотели, пожалуй, даже чуть больше, чем нам хотелось, - предостерег его Джек. - Китайский генерал Сун Цу однажды писал, что для врага всегда следует оставлять выход - не следует ставить побежденного в безвыходное положение.

- Когда я служил в Сто первой воздушно-десантной, нам приказывали убивать всех до последнего, а потом сосчитать трупы, - усмехнулся президент. Ему нравилось, что Райан настолько уверенно чувствует себя в своей новой должности, что готов предложить бесплатный совет. - Этот вопрос не относится к твоей сфере деятельности, Джек. Он не затрагивает проблем национальной безопасности.

- Да, сэр, я знаю. Дело в том, что несколько месяцев назад я занимался финансовыми операциями на Уолл-стрите, так что немного поднаторел в вопросах международной торговли.

Дарлинг согласно кивнул.

- О'кей, продолжай. Вряд ли ты дашь мне плохой совет, а потому тем более полезно выслушать мнение, отличное от моего.

- Нам не пойдет на пользу падение Когги, сэр. С ним куда легче иметь дело, чем с Гото. Может быть, стоит, чтобы наш посол сделал неофициальное заявление, что-нибудь насчет того, что закон о реформе торговли дает вам право действовать, но...

Президент прервал его:

- Но я не собираюсь осуществлять его на практике в полной мере? - Он покачал головой. - Ты ведь знаешь, Джек, что я не могу пойти на такой шаг. Это будет означать сведение к нулю всего, к чему стремился Эл Трент, и я не могу сделать этого. Создастся впечатление, что я веду двойную игру с профсоюзами, и на это я тоже не могу пойти.

- Значит, вы действительно намерены в полном объеме применить закон о реформе торговли?

- Да, намерен. Но только на несколько месяцев. Я должен потрясти этих

ублюдков, Джек. Мы добьемся, наконец, справедливых торговых отношений после двадцати лет бесплодных переговоров, но они должны понять, насколько серьезны на этот раз наши намерения. В течение нескольких месяцев им придется пережить трудные времена, но затем они поверят нам и тогда отчасти изменят свои законы, мы поступим так же, и все успокоится, начнет действовать система торговли, при которой обе стороны поставлены в совершенно равные условия.

- Хотите выслушать мою точку зрения, сэр? Дарлинг снова кивнул.

- Да, хочу. За это тебе и платят. Ты считаешь, что мы оказываем на них слишком сильное давление?

- Совершенно верно, сэр. Не в наших интересах допускать падение кабинета Коги, а для этого следует предложить ему что-то приемлемое. Если вы строите далеко идущие планы, нужно подумать о том, с кем вам выгоднее иметь дело.

Дарлинг поднял со стола лист бумаги.

- Бретт Хансон высказал ту же мысль, но он не был до такой степени обеспокоен судьбой Коги, как ты.

- Не пройдет и суток, - пообещал Райан, - как он начнет беспокоиться больше меня.

- Здесь даже нельзя ходить по улицам, не рискуя подвергнуться нападению, - раздраженно проворчал Мураками.

Ямата снял целый этаж отеля "Плаза Атени", "Храм Афины", для себя и своих старших сотрудников. Оба бизнесмена беседовали с глазу на глаз в гостиной без пиджаков и галстуков. На столе стояла бутылка виски.

- Так было всегда, Биничи, - согласился Ямата. - Здесь мы являемся гайджинами. У меня создается впечатление, что ты забываешь об этом. - Ты имеешь представление о масштабах моего бизнеса в Америке, сколько товаров я здесь закупаю? - резко бросил Мураками своему старшему собеседнику. Он все еще чувствовал запах пива. Отвратительная жидкость попала и на рубашку, но его ярость была настолько велика, что он не подумал о том, чтобы сменить ее. Японцу хотелось, чтобы что-то напоминало ему об уроке, полученном несколько часов назад.

- А в каком положении нахожусь я? - спросил Ямата. - За последние несколько лет я вложил шесть миллиардов иен в американскую финансовую компанию. Как ты помнишь, мне удалось закончить эту операцию совсем недавно. И вот теперь я не знаю, смогу ли когда-нибудь получить назад вложенные деньги.

- Американцы не решатся на такой шаг.

- Твое доверие к этим людям поистине трогательно, и это заслуживает уважения, - заметил хозяин. - Когда экономика нашей страны потерпит крах, неужели ты думаешь, что мне разрешат переселиться сюда и заниматься своими делами в американском финансовом секторе? В тысяча девятьсот сорок первом году они просто заморозили все наши активы в своих банках.

- Сейчас не сорок первый.

- Действительно, не сорок первый. Сегодня ситуация намного хуже. Тогда мы еще не достигли таких вершин и нам не угрожало столь страшное падение.

- Прошу тебя, - произнес Чавез, осушив свою кружку пива. - В тысяча девятьсот сорок первом мой дед воевал с фашистами под Санкт-Петербургом...

- Под Ленинградом, щенок! - рявкнул Кларк, сидевший рядом. - Посмотрите на эту молодежь, никакого уважения к прошлому, - пожаловался он, обращаясь к принимавшим их японцам - один был старшим сотрудником отдела по связям с общественностью, другой занимал пост директора авиационного отдела корпорации "Мицубиси хэви индастриз".

- Это верно, - согласился Сейго Ишии. - Знаете, мои родственники принимали участие в проектировании истребителей, состоявших на вооружении нашего военно-морского флота. Мне однажды довелось встретить Сабуро Сакая и Минору Генда.

Динг открыл еще несколько бутылок и разлил их содержимое по кружкам, как и подобает подчиненному, которым он являлся, обслуживающему своего начальника, Ивана Сергеевича Клерка. Пиво было здесь действительно отменным, да и вдобавок к тому за угощение расплачивались хозяева, подумал Чавез, молча опускаясь на стул и наблюдая за мастерской работой напарника.

- Мне знакомы эти имена, - кивнул Кларк. - Великие воины, но... - он поднял указательный палец, - они воевали и против моих соотечественников, я ведь помню и это.

- Полвека назад, - заметил сотрудник по связям с общественностью. - К тому же ваша страна была в то время совсем другой.

- Это верно, друзья, совершенно верно, - признался Кларк, со вздохом склонив голову к плечу. Чавез подумал, что он чрезмерно подчеркивает свое опьянение.

- Значит, вы здесь впервые?

- Совершенно верно.

- И каковы ваши впечатления? - спросил Ишии.

- Мне нравится японская поэзия. Она так отлична от нашей. Знаете, я собирался написать книгу о Пушкине. Может быть, я когда-нибудь и осуществлю свою мечту, но вот несколько лет назад я познакомился с вашей поэзией... Понимаете, наши стихи передают целый комплекс мыслей и часто призваны донести до читателя сложную историю, а вот ваша поэзия намного более утонченная и деликатная, она походит на... - как это сказать? - на фотографию, сделанную при вспышке блица. Правда? Вот, например, стихотворение, которое вы сможете мне объяснить. Я мысленно вижу картину, но не понимаю ее значения. Сейчас вспомню. - Кларк качнулся на стуле, выпрямился и задумался припоминая. - Ага, вспомнил. "Распускаются цветы сакуры и девушки в доме наслаждений надевают новые шарфы". Так вот, - повернулся он к сотруднику отдела по связям с общественностью, - какой смысл у этого стихотворения?

Динг не сводил взгляда с лица Ишии. Это было так забавно. Сначала замешательство, затем выражение переменилось, когда японец осознал смысл кодовой фразы, пронзившей его ум подобно смертельному удару рапиры. Взгляд Сасаки остановился на Кларке, затем он заметил устремленные на его соотечественника глаза Динга.

Совершенно верно. Ты снова поступаешь в наше распоряжение, приятель, подумал Кларк.

- Видите ли, все дело в контрасте, - объяснил служащий отдела по связям с общественностью. - Перед вами возникает образ привлекательной женщины, занимающейся чем-то - ну, свойственным женщинам, понимаете? И тут же наступает конец, вы видите, что эти женщины - проститутки, попавшие в...

- В тюрьму, - внезапно отрезвев, произнес Ишии. - Они оказались в ловушке и вынуждены делать что-то. И тогда обстановка и вся картина становятся совсем не такими приятными.

- Да, конечно, - улыбнулся Кларк. - Теперь понимаю.

Спасибо. - Дружеский поклон, выражающий благодарность за важный урок.

Черт побери, насколько искусно провел все это мистер К, подумал Чавез.

У этих шпионских занятий есть свои любопытные мгновения. Динг едва не почувствовал жалость к Ишии, однако, если этот глупый кретин уже однажды предал свою страну, нет смысла сейчас проливать слезы по поводу его судьбы. ЦРУ пользовалось простой аксиомой: "Однажды став шпионом, ты останешься им навсегда". Соответствующий афоризм у ФБР был даже более грубым, что представлялось странным: "Однажды став ублюдком, будешь всегда сидеть в дерьме".

- А это осуществимо? - спросил Мураками.

- Осуществимо? Да ведь это детская игра.

- Но последствия... - нерешительно произнес бизнесмен. Идея Яматы казалась остроумной и многообещающей, однако...

- Последствия окажутся простыми. Ущерб, нанесенный их экономике, помешает им создать промышленность для выпуска товаров, заменяющих наши. Американские потребители оправятся после первоначального шока и, нуждаясь в товарах, которые не могут быть произведены их корпорациями, снова начнут покупать эти товары у нас. - Если Биничи рассчитывает выудить у меня всю правду, подумал Ямата, он наивнее, чем кажется.

- Думаю, ты ошибаешься. Ты недооцениваешь гнев, испытываемый американцами из-за этого неприятного происшествия. Кроме того, нужно принимать во внимание и политические обстоятельства...

- С Кого покончено. Такое решение уже принято, - холодно прервал его Ямата.

- Значит, Гото? - спросил Мураками. Вообще-то это не было вопросом. Он внимательно следил за политической жизнью своей страны.

- Разумеется. Сердитый взмах руки.

- Гото - дурак. Он идет туда, куда показывает его пенис. Я бы не доверил ему управлять фермой отца.

- То же самое можно сказать о любом из наших политических деятелей. Разве они действительно управляют нашей страной? Какие еще качества требуются нам от нашего премьер-министра? - спросил Райзо с веселой ухмылкой.

- У американцев тоже есть такой человек в правительстве, - мрачно заметил Мураками, наливая щедрую порцию виски "Чивас Ригэл" и пытаясь понять, что в действительности задумал Ямата. - Я никогда не встречался с ним, но, судя по слухам, это настоящая свинья с низменными инстинктами.

- Кто же он?

- Келти, вице-президент. И ты знаешь, их честный и преданный народу президент покрывает его. Ямата откинулся на спинку кресла.

- Не понимаю, что ты имеешь в виду.

Мураками посвятил его в подробности происходящего. Изрядное количество выпитого виски ничуть не повлияло на память японского бизнесмена, заметил Ямата. Что ж, Мураками, хотя и весьма осторожный человек и часто излишне щедр в своих деловых отношениях с иностранцами, принадлежит к числу равных, и пусть он, Ямата, нередко расходится с ним во мнениях, тем не менее он испытывает к нему искреннее уважение.

- Это интересно. Что собираются предпринять твои люди?

- Пока они попросили несколько дней, чтобы обдумать возможные шаги, - ответил Биничи, красноречиво приподняв брови.

- И ты полагаешься на американцев в таком важном деле? Лучшие из них - это ронин, и ты знаешь мое мнение о худших... - Ямата-сан замолчал на несколько секунд, чтобы полнее обдумать полученную информацию. - Мой друг, если американцы могут предпринять действия, способные привести к падению кабинета Коги...

Мураками на мгновение склонил голову. Запах пива был неотступным. Подумать только, какова наглость этого уличного бродяги! Впрочем, а какова наглость их президента? Он собирается подорвать экономику Японии из-за собственного тщеславия и явно притворного гнева. И что послужило причиной? Всего лишь несчастный случай, вот и все. Разве компания, выпускающая автомобили, не выразила искреннего желания принять на себя ответственность за случившееся? Разве она не обещала позаботиться об уцелевших от несчастного случая?

- Ты предлагаешь большое и опасное дело, мой друг.

- Еще опаснее бездействовать и не предпринимать ничего. Мураками снова задумался.

- Что требуется от меня?

- Мне нужны все подробности о Келти и Дарлинге. Для этого понадобилось всего несколько минут. Мураками позвонил по телефону, и информация тут же начала поступать по факсу, полностью защищенному от прослушивания, который находился в номере Яматы. Может быть, Райзо сумеет должным образом воспользоваться ею, подумал Мураками. Час спустя автомобиль отвез бизнесмена в международный аэропорт Кеннеди, и там он поднялся на борт лайнера компании "Джал", который доставит его в Токио.

Вторым реактивным самолетом корпорации Яматы был еще один "Гольфстрим" G-IV. Промышленник будет сейчас очень занят. Сначала он прилетит в Нью-Дели, затем, проведя там два часа, отправится дальше на восток.

- Похоже на смену курса, - заметил начальник оперативного управления флота. - Сначала мы думали, что они просто продолжают проводить летные операции, но сейчас все их "птички" на палубе, и потому...

Адмирал Дюбро согласно кивнул, глядя на дисплей "Линк-11" в центре боевой информации авианосца. Данные поступали сюда с самолета дальнего радиолокационного обнаружения E-2C "хокай". Индийская эскадра двигалась на

юг со скоростью восемнадцать узлов, выстроившись в виде овала. Авианосцы были окружены кораблями охранения, состоящими из крейсеров и ракетно-эсминцев, а впереди двигался авангард из нескольких эскадренных миноносцев. Все радиолокационные установки действовали в активном режиме, и это было чем-то новым. Индийские боевые корабли одновременно сообщали о своем присутствии в этом районе и создавали вокруг себя "оболочку", сквозь которую никто не мог проникнуть, не подняв тревогу.

- Думаете, они ищут нас? - спросил адмирал.

- Хотя бы потому, что теперь они могут заставить нас сосредоточить силы в том или другом оперативном районе океана. Мы можем располагаться к юго-западу от них или к юго-востоку, но, если они продолжат движение этим курсом, нам придется выбрать лишь один из этих районов.

Может быть, они просто устали от нашего непрерывного наблюдения, подумал Дюбро. Их можно понять. У индийцев достаточно мощный флот и личный состав превосходно подготовлен за последние месяцы. Они только что провели бункеровку, и в их распоряжении достаточно топлива, чтобы отправиться... куда?

- Разведданные?

- Ничего нового относительно их намерений, - доложил капитан третьего ранга Харрисон. - Десантные корабли по-прежнему находятся в гавани. У нас нет сведений по поводу той бригады, которая вызвала столько беспокойства у J-2. За последние несколько дней нам не удалось получить четких космических фотографий из-за плохой погоды.

- Черт бы побрал этих недоносков из разведки, - недовольно проворчал Дюбро. ЦРУ в такой степени зависело от наблюдений из космоса, что у всех создавалось впечатление, будто камеры способны видеть сквозь облака. От разведчиков требуется одно, подумал адмирал, - иметь несколько агентов в том районе, к которому мы проявляем интерес... Неужели я один догадываюсь об этом?

Дисплей, на который изображение передавалось с компьютера, представлял собой плоскую стеклянную пластину - , это была новая модель, установленная на корабле только в прошлом году. Она являлась намного более совершенной, чем предыдущие системы, и создавала детальное изображение карты района, на которую накладывалось положение всех кораблей и самолетов. Прелесть такой системы заключалась в том, что она демонстрировала самым наглядным и подробным образом все, что было вам известно. А вот ее слабость состояла в том, что она не показывала ничего больше, тогда как Дюбро, чтобы принять решение, требовалась более подробная информация.

- Последние восемь часов у них постоянно в воздухе находилось не меньше четырех самолетов, прочесывающих океан в южном направлении. Судя по их радиусу действия, я считаю, что у этих самолетов имеются ракеты "воздух - воздух" и дополнительные топливные баки, позволяющие им оставаться в воздухе как можно дольше. Будем считать, что они прилагают максимум усилий для передовой разведки. Их "харриеры" оборудованы теперь новыми радиолокаторами "блэк фоке" нижнего обзора, и наши "хаммеры" уже почувствовали это. "Харриеры" стараются заглядывать как можно дальше, сэр. Прошу вашего разрешения переместить "хаммер" миль на сто к югу прямо сейчас, и пусть он

начнет незаметно следить за ними. - Это означало, что разведывательный самолет будет включать свой радиолокатор всего лишь на короткие промежутки времени и станет осуществлять наблюдение за движением индийского флота в пассивном режиме, основываясь только на излучении их радиолокаторов.

- Нет, - отрицательно покачал головой адмирал Дюбро. - Сделаем вид, что мы ничего не понимаем, притворимся на некоторое время самодовольными. - Он повернулся, чтобы проверить состояние своих самолетов. В его распоряжении имела огромная боевая мощь, достаточная для того, чтобы сокрушить угрожающую опасность, но проблема заключалась в ином. Его задача не в том, чтобы разгромить индийский флот в морском сражении. Нет, ему было поручено запугать их, не допустить действий со стороны индийцев, которые угрожали бы интересам Америки. По этой причине задача, поставленная перед противником, не состоит в том, чтобы вступить в бой с Военно-морским флотом Соединенных Штатов Америки. Это было бы слишком уж отчаянным шагом, похожим на самоубийство. Разумеется, этого нельзя исключить, такое всегда возможно, но достичь успеха способен только на редкость удачливый и талантливый индийский флотоводец при столкновении с крайне глупым и поразительно неудачливым американским адмиралом, а Дюбро отнюдь не относил последнее к себе. Скорее всего, поскольку ему было поручено главным образом блефовать, то и индийский адмирал наверно тоже блефует. Если индийцам удастся заманить американский флот далеко на юг, то... а ведь эти парни совсем не так глупы, верно? Вопрос заключался лишь в том, как поступить с козырями, имеющимися в его распоряжении.

- Они принуждают нас сделать решительный шаг, после которого мы уже не сможем поступить иначе. Или по крайней мере пытаются принудить нас. - Дюбро наклонился вперед; положив одну руку на дисплей, он провел пальцем второй по карте, проецируемой на него. - По-видимому, им кажется, что мы находимся на юго-востоке. Если так, то они, переместившись на юг, смогут блокировать нас. Кроме того, они полагают, что мы предпочтем находиться на далеком расстоянии, чтобы не попасть в пределы радиуса действия их авиации. С другой стороны, стоит им заподозрить, что мы находимся там, где располагаемся сейчас, и они тоже успешно решают свою задачу, потому что тогда нам придется описывать дугу, уходя на северо-запад, чтобы прикрыть Манарский залив. Однако при этом мы попадем в зону действия их наземной авиации, с их флотом на юге и единственным выходом в западном направлении. Совсем неплохая оперативная концепция, - признал командир боевой группы. - Флотом у них командует по-прежнему Чандраскатта?

Начальник оперативного управления кивнул.

- Совершенно верно, сэр. Он уже вернулся, проведя короткое время на берегу. У англичан обширное досье на него. По их мнению, он умный и талантливый адмирал.

- Думаю, пока с этим можно согласиться. Какими разведданными о нас они располагают?

Харрисон пожал плечами.

- Им известно, сколько времени мы находимся здесь. Знают, что мы нуждаемся в отдыхе. - Начальник оперативного управления имел в виду не только людей, но и корабли. Каждый корабль, входящий в состав соединения,

испытывал трудности с матчастью. У всех на борту имелись запасные детали, однако корабли могут находиться в море только ограниченное время, пока не возникает потребность в капитальном ремонте. Они страдают от коррозии, вызываемой соленым морским воздухом, непрерывного движения, ударов волн и порывов ветра, постоянного использования тяжелого корабельного оборудования. Все это означает, что корабли не могут существовать вечно. Нельзя не принимать во внимание и человеческие факторы. Мужчины и женщины, составляющие команды кораблей, устали, они слишком долго находились вдали от суши. Все больше времени приходилось тратить на техническое обслуживание механизмов, которые все чаще выходили из строя, а это утомляло людей еще больше. Все эти проблемы вежливо назывались "трудностями командования", а это означало, что офицеры порой не имели ни малейшего представления, как им поступать дальше.

- Знаешь, Эд, действия русских по крайней мере можно было предвидеть. - Дюбро выпрямился, посмотрел вниз и пожалел, что больше не курит трубку. - О'кей, давай свяжемся с командованием. Передай в Вашингтон, что они, по нашему мнению, намереваются предпринять решительные действия.

- Итак, мы встречаемся с вами впервые.

- Поверьте, сэр, это доставляет мне огромное удовольствие. - Чак Серлз, инженер-программист, знал, что его добротный костюм-тройка, а также аккуратная прическа немало удивили человека, с которым он встретился. Он протянул руку и склонил голову, приветствуя своего благодетеля.

- Мои сотрудники говорят, что вы отличный специалист.

- Это очень любезно с их стороны. Я занимался этой проблемой в течение нескольких лет и полагаю, что сумел кое-чего добиться. - Серлз прочитал много книг про Японию.

Не только отличный, но и любящий деньги, хотя и неплохо воспитанный, подумал Ямата. Это его устраивало. В конце концов, все являлось счастливой случайностью. Японский промышленник купил фирму четыре года назад, оставил всех работников на прежних местах - так он обычно поступал - и внезапно обнаружил, что истинная ценность фирмы заключается в таланте этого человека. Серлз являлся почти настоящим волшебником, сообщил Ямате его исполнительный директор, поддерживающий с ним непосредственную связь, и, хотя название должности, занимаемой американцем, не изменилось, его жалование резко возросло. Однако, спустя несколько лет, Серлз заявил, что начал уставать от своей работы...

- У вас все готово?

- Да, сэр. Первоначальное наращивание вычислительных мощностей осуществлено несколько месяцев назад. Они очень этим довольны.

- А как...

- Пасхальное яйцо, мистер Ямата. Так мы это называем. Райзо никогда не встречался с таким выражением. Он попросил объяснить его и выслушал объяснение, но смысла так и не понял. - Насколько трудно это осуществить?

- В этом-то и заключается прелесть идеи, - начал Серлз. - Она основывается на акциях двух компаний. Если "Дженерал моторе" и "Мерк" проходят через систему по цене, введенной мной в программу, дважды в течение

одной и той же минуты, цыпленок вылупится, но только в пятницу, как вы сказали, и только в том случае, если пятиминутный период попадает в необходимый временной интервал.

- Значит, это может произойти и случайно?

- Теоретически может, однако стоимость акций, приводящих в действие эту систему, находится далеко за пределами их биржевого курса в настоящий момент, так что вероятность такого совпадения равняется примерно одной тридцатимиллионной. Я провел компьютерный поиск тенденций в продаже акций и...

Еще одна трудность, когда имеешь дело с людьми, готовыми продаваться за деньги, заключается в том, что они прямо-таки не могут остановиться, демонстрируя собственную гениальность. Впрочем, в данном случае это было не так уж и далеко от действительности, и потому Ямата заставил себя внимательно выслушать подробные рассуждения программиста. К тому ж, этого требовали и правила хорошего тона.

- У вас все в порядке со своей дальнейшей судьбой? Серлз молча кивнул.

Он тут же вылетает в Майами, затем пересаживается на самолет и направляется в Антигуа через Доминиканскую республику и Гренаду, причем всякий раз на билете будут фигурировать разные имена, а сами билеты оплачиваются разными кредитными карточками. У него в кармане уже лежал новый паспорт, и он становился другим человеком.

На этом острове его ждала вилла, условия покупки которой были заранее оговорены. На все уйдет целый день, но в конце концов он окажется там и больше никогда не будет покидать своего имения.

Что касается Яматы, он не знал и не собирался узнавать, что дальше произойдет с Серлзом. Если бы подобное происходило в кино, он принял бы меры по устранению программиста, однако это опасно. Всегда оставалась вероятность того, что в гнезде находилось не одно яйцо, а несколько, верно? Да, конечно, у него нет гарантий. К тому же следует выполнять данное слово, ведь это вопрос чести. В конце концов все, что он предпринимал, являлось делом чести.

- Следующая треть обещанной суммы будет переведена на ваше имя утром. После получения приступайте к осуществлению нашего плана. - Тупой ронин, подумал Ямата, но даже среди них встречаются по-своему честные люди.

- Почтенные члены палаты, - произнес спикер палаты представителей Конгресса после того, как Эл Трент закончил свою заключительную речь, - вы сможете выразить отношение к законопроекту с помощью электронной системы голосования.

В наушниках шум голосов сменился классической музыкой - в данном случае это был "Итальянский концерт" Баха. У каждого члена палаты представителей имелась пластиковая карточка, и голосование в общем-то весьма напоминало пользование автоматическим банкоматом. Несложное компьютерное устройство подсчитывало голоса, и итог появлялся на телевизионных экранах во всем мире. Для принятия закона требовалось двести восемнадцать голосов. Эта цифра была достигнута меньше чем через десять минут. Затем последовал дополнительный всплеск голосов "за", которые принадлежали конгрессменам, принимавшим участие в заседаниях различных комитетов, - они поспешили проголосовать и

вернулись к прежним занятиям.

На протяжении всего голосования Эл Трент оставался на трибуне, дружески беседуя с членом руководства оппозиционной партии, своим приятелем Сэмом Феллоузом. Просто поразительно, какими схожими были их точки зрения по многим вопросам, думали оба. Трудно представить себе людей, больше отличающихся друг от друга - этот либерал из новой Англии с гомосексуальными наклонностями, которых он не скрывал, и мормон-консерватор из Аризоны.

- Это станет хорошим уроком для желтых ублюдков, - заметил Эл.

- Ты здорово сумел провести законопроект через палату представителей, - согласился с ним Сэм. Оба конгрессмена думали о том, каков будет характер долгосрочного воздействия принятого закона на проблемы занятости в их избирательных округах.

Далеко не столь довольными были сотрудники японского посольства, передавшие результаты голосования в свое Министерство иностранных дел в тот момент, когда музыка стихла и спикер палаты объявил: "Закон о реформе торговли, HR-12313, принят".

Теперь законопроект поступит для одобрения в Сенат, сообщили японские дипломаты, но это всего лишь формальность. Против него решатся голосовать лишь те, у кого до переизбрания оставалось много времени. Министр иностранных дел узнал о результатах от своих подчиненных примерно в девять утра по токийскому времени и проинформировал премьер-министра Когу. Тот уже подготовил прошение об отставке на имя императора. Другой сокрушался бы по поводу краха своих надежд, но не он. Оглядываясь в прошлое, Кога понимал, что мог оказывать более значительное влияние на политическую жизнь страны, находясь в оппозиции, чем занимая высшую правительственную должность. Глядя в окно на аккуратно подстриженную лужайку и восходящее утреннее солнце, он понял, что жизнь за пределами дворца будет, в конце концов, куда приятнее.

Пусть все это расхлебывает теперь Гото, подумал он.

- Ты знаешь, японцы производят удивительно высококачественную аппаратуру, которой мы пользуемся в Уилморе, - заметила за ужином Кэти Райан. Теперь уже можно было комментировать наполовину принятый закон.

- Вот как?

- Например, лазерные установки для удаления катаракты. Они купили американскую компанию, у которой был патент на это изобретение. Кроме того, японские инженеры постоянно совершенствуют свою аппаратуру. Практически каждый месяц они приезжают и работают над программами, рассчитанными на расширение возможностей своих компьютеров.

- А где находится компания?

- Где-то в Калифорнии.

- Значит, аппаратура производится американцами, Кэти.

- Но ведь не все же детали, - напомнила ему жена.

- Понимаешь, закон разрешает делать исключения для уникальных деталей, которые...

- Значит, это правительство устанавливает правила торговли? - Да, - согласился Джек. - Послушай, ты сама говорила что их врачи...

- Я вовсе не утверждала, что они плохие специалисты, просто им следует более творчески подходить к методам лечения.

Понимаешь, - добавила она, - таким же должен быть и подход правительства.

- Я сказал президенту, что принятие закона о реформе торговли не такая уж блестящая идея. Он ответил, что закон будет действовать в полном объеме только в течение нескольких месяцев.

- Поверю этому, лишь когда увижу собственными глазами.

13. Ветры и приливы

- Никогда не видел ничего подобного.

- Но ваша страна изготавливала их тысячами, - возразил руководитель отдела по связям с общественностью.

- Это верно, - согласился Клерк, - однако на заводы никого не пускали, даже советских журналистов.

Чавез вел съемку и занимался этим весьма убедительно, без улыбки заметил Джон Кларк. Динг шмыгал между рабочими в белых комбинезонах и защитных шлемах, поворачивался, наклонялся, садился на пол, то и дело поднося к лицу свой "Никон", меняя кассеты каждые несколько минут, и уже заснял на сотнях кадров процесс сборки ракет-носителей. Это были ракеты СС-19, в этом можно было не сомневаться. Кларк знал спецификации ракет и видел в Лэнгли достаточно фотографий, чтобы опознать их с первого взгляда, и даже сумел сразу обратить внимание на некоторые изменения в конструкции. Русские ракеты были обычно окрашены в зеленый цвет. Все, созданное в Советском Союзе для военных целей, носило маскировочную окраску, даже ракеты в транспортных контейнерах, установленные в бетонных пусковых шахтах, походили на гороховый суп, в цвет которого русские так любили красить свои танки. Но не эти ракеты. Краска означает дополнительный вес, и потому нет никакого смысла тратить лишнее топливо, чтобы разгонять несколько килограммов краски до орбитальной скорости. Корпуса этих ракет сверкали ярким блеском стали. Фитинги и разъемы казались намного совершеннее, чем Кларк ожидал бы увидеть на советском ракетном заводе.

- Вы внесли модификации в первоначальную конструкцию?

- Совершенно верно. - Руководитель отдела по связям с общественностью улыбнулся. - Основная конструкция ракеты превосходна. Она произвела большое впечатление на наших инженеров, но у нас иные стандарты и более качественные материалы. Вы очень наблюдательны, мистер Кларк. Не так давно здесь был американский инженер из НАСА, и он тоже обратил на это внимание. - Японец сделал короткую паузу, взгляды в лицо "журналиста". - Между прочим, разве Клерк - русская фамилия?

- Нет, не русская, - ответил Кларк, продолжая вести записи в блокноте.

- Мой дед был английским коммунистом с фамилией Кларк. В двадцатые годы он приехал в Россию, чтобы помочь строить коммунизм. - По его лицу пробежала смущенная улыбка. - Думаю, его постигло разочарование, уж не знаю, где он работал.

- А ваш коллега?

- Чеков? Он из Крыма. Правда, в нем заметна татарская кровь? Итак, сколько таких ракет вы уже собрали?

Чавез стоял на подмостках у верхней части ракеты в самом конце сборочной линии. Кое-кто из рабочих поглядывали на него с раздражением, и Динг сделал вывод, что успешно играет роль всюду сующего нос фотографа, от которого одни неприятности. В остальном его работа была простой. Сборочный цех завода был ярко освещен, чтобы облегчить рабочим выполнение операций, и, хотя он пользовался для вида экспонометром, вспышка вообще-то и не требовалась. "Никон" F20 был великолепной камерой. Чавез сменил кассету. Он пользовался цветной позитивной пленкой ASA-64 фирмы "Фуджи" - у нее, как ему сообщили, лучше цветное наполнение, что бы это ни значило, подумал Динг.

Через некоторое время мистер К пожал руку представителю завода, и они направились к выходу. Чавез-Чеков снял с камеры объектив и спрятал съемочное оборудование в сумку. После дружеских улыбок и поклонов "русские журналисты" сели в машину. Динг вставил компакт-диск в проигрыватель и увеличил громкость. Вести разговор стало труднее, но Джон всегда требовал соблюдения правил. Он, разумеется, был прав. Никогда не знаешь, установил ли кто-то аппаратуру прослушивания в твой арендованный автомобиль. Чавез наклонился вправо, чтобы не кричать.

- Джон, неужели все так просто?

Кларк удержался от улыбки. Несколькими часами раньше он установил контакт с еще одним агентом сети "Чертополох", и тот настоял, чтобы его гости осмотрели сборочный цех завода.

- Видишь ли, мне приходилось бывать в России еще в то время, когда для этого требовалось нечто большее, чем паспорт и кредитная карточка "Америкэн экспресс".

- Чем ты занимался?

- Главным образом помогал людям выбраться за рубеж. Иногда собирал сведения из "почтовых ящиков". Пару раз устанавливал хитроумные приборы. Можешь представить себе, какой одинокой и пугающей была такая работа. - Кларк покачал головой. Только его жена знала, что ему приходилось теперь пользоваться краской, чтобы скрыть седину. - Так вот, знаешь, сколько усилий потребовалось бы, чтобы попасть в этот... Плесецк, по-моему, где находится ОКБ Челомея, занятое конструированием таких ракет?

- Они действительно хотели, чтобы мы увидели эти ракеты.

- Уж в этом можно не сомневаться, - согласился Кларк.

- А что мне делать с заснятыми пленками?

Джон едва не посоветовал Дингу просто выбросить их, но пленки представляли собой информацию, а пребывание в Японии оплачивалось управлением, которое послало их сюда. Для прикрытия ему придется написать очерк о посещении завода по сборке ракет-носителей и послать в "Интерфакс" - интересно, опубликуют ли его в Москве. А ведь это было бы забавно, правда? - подумал он, покачав головой. Вообще-то сейчас они просто убивали время, выжидая, когда поступит указание и выдастся возможность встретиться с Кимберли Нортон. Пленки и отчет о посещении завода, решил Кларк, придется передать в посольство, их перешлют в Вашингтон дипломатической почтой. По крайней мере для Динга это хорошая практика, да и для меня тоже, признался

он.

- Сделай потише этот идиотский грохот, - сказал Кларк, и они перешли на русский. Тренировка нужна постоянно.

- Веришь ли, я скучаю по нашей зиме с ее морозами и снегом, - заметил Чеков.

- А вот я - нет, - ответил Клерк. - Откуда у тебя появился вкус к этой ужасной американской музыке? - раздраженно проворчал он.

- Слушаю "Голос Америки", - прозвучал ответ. Затем раздался смех.

- Евгений Павлович, у вас нет никакого уважения к возрасту. Мои барабанные перепонки не выдерживают этого грохота. Неужели нет чего-то еще?

- Любая музыка будет лучше этого, - пробормотал себе под нос японский техник, поправляя наушники и трясая головой, чтобы избавиться от звуков этой гайджин музыки. Подумать только, ведь мне приходится слушать такое и дома - сын любит эту дрянь.

Несмотря на бесчисленные отрицания, которыми обменивались стороны за последние недели, перед глазами всех предстала наконец суровая действительность. Огромные безобразные суда, предназначенные для транспортировки автомобилей, которые раскачивались на якорных стоянках в нескольких портах, явились молчаливыми свидетельствами происшедшего во всех телевизионных передачах новостей компании Эн-эйч-кей. Японским компаниям, занимающимся производством автомобилей, принадлежало в общей сложности сто девятнадцать таких судов, не считая зафрахтованных, которые плавали под иностранными флагами и направлялись теперь в порты приписки. Все эти суда обычно никогда не остаются в портах дольше, чем необходимо для погрузки автомобилей, теперь же они возвышались подобно айсбергам, заполняя якорные стоянки. Загружать их и отправлять в море не имело смысла. Стоянки у американских причалов были заполнены, и пройдут недели, прежде чем они освободятся. Экипажи судов воспользовались предоставившейся возможностью, чтобы провести текущий ремонт и техобслуживание корабельных механизмов, но они отлично понимали, что, когда эти работы завершатся, больше заниматься будет нечем.

События развивались с нарастающей быстротой подобно снежному кому, катящемуся по склону горы. Не было никакого смысла производить автомобили, которые нельзя перевезти за океан. Отправить их на склад тоже стало невозможно - там в буквальном смысле слова некуда было гайке упасть. Как только до предела заполнились огромные площадки в портах, платформы поездов на запасных путях и все свободные площади рядом с автозаводами, иного выбора просто не стало. Не меньше полудюжины телевизионных съемочных групп присутствовали при том, как главный инженер завода "Ниссан", протянув руку, нажал на кнопку. Вдоль сборочного конвейера загудели сирены. Обычно это означало, что обнаружена неисправность, однако на этот раз вой сирен предупредил об остановке конвейера. От самого его начала, где на бесконечно движущуюся ленту опускались корпуса будущих автомобилей, до конца, где уже законченная темно-синяя машина с открытыми дверцами ожидала водителя, чтобы тот, сев за руль, отогнал ее на стоянку за пределами гигантского здания, рабочие замерли, недоуменно глядя друг на друга. Они были уверены, что такого никогда не может случиться. Они выполняли привычные операции,

присоединяли детали, проверяли механизмы - очень редко сталкиваясь при этом с неисправностями, - повторяя одни и те же движения несчетное число часов, за что получали высокую плату. Но в этот момент им показалось, что весь мир остановился и земля прекратила вращение. В общем-то случившееся не было для них такой уж неожиданностью. Они знали о происходящих событиях из газет и телевизионных передач, бюллетеней администрации, да и слухи проносились вдоль сборочного конвейера намного быстрее движущихся по нему автомобилей. И, несмотря на все это, сейчас они застыли на месте, потрясенные, словно от сильного удара по голове.

В зале японской фондовой биржи почти все брокеры держали в руках маленькие портативные телевизоры - последнюю модель компании "Сони", которую можно было сложить и спрятать в кармане брюк. Они видели, как инженер нажал на кнопку, как замер сборочный конвейер. Но хуже всего были лица рабочих. Брокеры знали, что это только начало. Производители комплектующих тоже остановят свои производства, потому что сборочные заводы перестанут покупать их продукцию. Резко уменьшится деятельность заводов, снабжающих вторичные производства различными металлами, потому что главные потребители их продукции закроются. Замедлится темп работы компаний, занятых электроникой, поскольку сократится спрос на их товары как на внутреннем, так и на мировом рынках. Япония полностью зависела от экспорта продукции, а Америка являлась ее главным торговым партнером. В одну эту страну ежегодно поступало товаров на сто семьдесят миллиардов долларов, это больше, чем японские компании продавали во всей Азии, во всей Европе, Япония импортировала из Соединенных Штатов товаров примерно на девяносто миллиардов долларов, однако прибыль от торговли составляла больше семидесяти миллиардов, и это были деньги, необходимые для того, чтобы ее экономика продолжала функционировать, потребляя их для закупок сырья и производства новых товаров. Для рабочих, для "синих воротничков" на экранах телевизоров, мир всего лишь остановился. Однако для брокеров наступил, можно сказать, конец света, и лица их выражали не потрясение, а глубокое отчаяние. Полное молчание продолжалось не больше тридцати секунд. Вся страна, словно замороженная, с ужасом наблюдала на экранах телевизоров одну и ту же картину, упрямо отказываясь верить собственным глазам. И тут снова зазвонили телефоны. Многие протянувшиеся к ним руки дрожали. В этот день котировки Никкей - Доу снова начнут падать, и биржа закроется при индексе 6540 иен - примерно в пять раз ниже, чем всего несколькими годами раньше.

Записью того же самого эпизода начинались передачи новостей каждой телевизионной сети в США, и в Детройте даже рабочие, принадлежащие к профсоюзу рабочих автомобилестроительной промышленности, которые сами в прошлом испытали ужас закрытия своих заводов, видели, какое выражение было на лицах японских рабочих, слышали шум и вспоминали собственные переживания. И при том, что сочувствие боролось в их душах с радостью по поводу создания новых рабочих мест, им было совсем нетрудно понять, что испытывают их японские собратья по профессии. Когда японцы трудились, отнимая таким образом рабочие места у американцев, было легко испытывать к ним чувство ненависти. Теперь и японские рабочие стали жертвами сил, в которых мало кто

разбирался по-настоящему.

Реакция на Уолл-стрите была удивительной для непосвященных. Несмотря на все теоретические блага для американской экономики, закон о реформе торговли создаст множество проблем в обозримом будущем. Слишком много американских корпораций в той или иной степени зависели от японской продукции, и, хотя американские рабочие и американские компании теоретически могли занять освободившееся место и заполнить рынок товарами, производимыми внутри страны, все задумывались над тем, насколько серьезны положения только что принятого закона. Если они будут действовать длительное время, это одно, и тогда инвесторам следует вкладывать средства в те фирмы, которые готовы взяться за производство недостающих товаров. Но что, если правительство воспользуется этим законом просто в качестве орудия для открытия японских рынков и японцы примут быстрые встречные меры, несколько уступят по ряду вопросов, чтобы смягчить тяжесть нанесенного им удара? В этом случае более благоприятные возможности возникают у тех компаний, которые собираются увеличить свой экспорт в Японию, и именно они превратятся в многообещающие объекты для инвестиций. Сложность заключалась в необходимости опознать корпорации, относящиеся к обеим категориям, поскольку или те, или другие понесут огромные убытки, особенно после первоначального скачка на фондовой бирже. Курс доллара по сравнению с курсом иены несомненно повысится, однако специалисты на фондовом рынке обратили внимание, что заокеанские банки предприняли стремительные шаги по закупке ценных государственных бумаг США, расплачиваясь за них японской валютой и явно рассчитывая на то, что произойдет значительный сдвиг в обменном курсе, это позволит за короткое время заработать огромные деньги.

Такая неуверенность даже привела к падению стоимости американских акций, что немало удивило тех, кто вкладывали деньги на Уолл-стрите. Дело в том, что их инвестициями распоряжались главным образом финансовые компании, потому что мелким инвесторам очень трудно, даже невозможно, следить за развитием событий на фондовом рынке. Намного выгоднее - и безопаснее - поручить это "профессионалам", которые и будут распоряжаться вашими деньгами, стараясь добиться наибольшей выгоды для вас. В результате на Нью-Йоркской фондовой бирже действовало больше финансовых компаний, чем брокеров, торгующих акциями, и всеми распоряжались специалисты, чья задача заключалась в том, чтобы понять, что происходит на самом оживленном и наименее предсказуемом экономическом рынке в мире.

В начале торгов курс упал на пятьдесят пунктов, после чего ситуация стабилизировалась. Решающее влияние на это оказали три основных автомобилестроительных корпорации, заявивших, что у них вполне достаточно деталей и комплектующих, чтобы поддержать и даже увеличить производство машин для внутреннего рынка. Несмотря на это, служащие крупных брокерских фирм задумчиво почесывали затылки и обсуждали возникшую ситуацию между собой. "Ты имеешь представление о том, как нам решить эту проблему?" - спрашивала половина из них. Такой вопрос задавала только половина брокеров лишь потому, что вторая половина выслушивала его и, покачивая головой, отвечала;

"Нет, ни малейшего, черт побери".

В вашингтонской штаб-квартире Федеральной резервной системы задавались другие вопросы, но определенных ответов было не больше. Тревожный призрак инфляции все еще маячил на горизонте, и было маловероятно, что создавшаяся ситуация поможет избавиться от него. Самой насущной и важной проблемой скоро станет - да нет, не станет, "уже стала!", как заметил один из членов Совета управляющих, - слишком высокая покупательная способность населения и недостаток товаров. Это означало очередной всплеск инфляции, и, несмотря на то что курс доллара по отношению к иене несомненно возрастет, в действительности создастся положение, при котором иена некоторое время будет падать, а вместе с ней будет падать и доллар по отношению к остальным мировым валютам. Такого допустить нельзя. Прибавим еще четверть процента к уровню учетной ставки, решили финансисты, и пусть это вступит в силу сразу после того, как закроются сегодняшние торги на бирже. Это до некоторой степени введет брокеров в замешательство, однако ничего страшного, потому что Федеральная резервная знает, как поступать,

Единственной хорошей новостью дня было то, что внезапно увеличился спрос на покупку свободно обращающихся казначейских облигаций. Наверно, это японские банки, решили в Штатах, не задавая лишних вопросов, пытаются всеми силами защитить свои финансовые интересы. Ловкий маневр, подумали все. Уважение к японским коллегам было искренним и ничуть не уменьшилось из-за возникших трудностей, которые, по всеобщему мнению, скоро уйдут в прошлое.

- Значит, решено? - спросил Ямата.

- Теперь уже поздно останавливаться, - произнес один из банкиров. Он мог бы продолжить и сказать, что они вместе со всей страной стоят на краю такой глубокой пропасти, что ее дна даже не разглядеть. Да в том и не было надобности. Все, как один, они стояли на этом краю, и всем им при взгляде вниз виделся не лакированный чайный столик, вокруг которого они расположились сейчас, а только бесконечность, а за нею - экономическая смерть.

Присутствующие согласно кивнули. Наступила тишина, и затем заговорил Мацуда:

- И все-таки, как все это произошло? - спросил он.

- Это всегда было неизбежно, друзья мои, - ответил Ямата с грустью в голосе. - Наша страна походит... походит на город без окружающий его сельской местности, на сильную руку, не обеспеченную притоком крови от сердца. В течение многих лет мы убеждали себя, что все нормально, что так и должно быть, - но нет, дело обстоит по-другому, и нам нужно исправить создавшееся положение или погибнуть.

- Мы идем на этот огромный риск.

- Хай, - согласился он, с трудом удержавшись от улыбки.

Рассвет еще не наступил, а они выходили в море с приливом. Подготовка шла буднично, без лишнего шума. К причалам приехало несколько семей, проводить членов корабельных экипажей после последней ночи, проведенной на берегу.

Названия кораблей были традиционными для большинства военно-морских флотов мира - по крайней мере для тех из них, которые существовали достаточно долго, чтобы установились традиции. Новые эскадренные миноносцы типа "иджис" - "конго" и однотипные корабли - носили традиционные названия прежних боевых кораблей, обозначающие главным образом древние призывы районов страны, построившей их. Таковы были недавние отступления. Подобные названия боевых кораблей показались бы странными европейцам, однако для страны с поэтическими традициями большинство названий звучало лирически и объединялось к классам кораблей. Названия эсминцев, по традиции, оканчивались на казе, что означало какой-нибудь вид ветра:

"Хатуказе", например, означало "Утренний бриз". Названия подводных лодок были более логичными. Все они оканчивались на ушио - "прилив".

Почти все боевые корабли были красивыми судами, безукоризненно чистыми, чтобы не нарушать их аккуратных очертаний. Один за другим они включали свои турбины, осторожно отходили от причалов и направлялись вдоль судоходных фарватеров. Капитаны и штурманы смотрели на множество грузовых судов, заполнивших Токийский залив, но в данный момент эти стоящие на якоре суда представляли для них всего лишь навигационную опасность. Члены экипажей, свободные от первой вахты, уложив в рундуки личные вещи, направлялись на боевые посты. Чтобы облегчить выход в море, включили радиолокаторы - вообще-то излишняя предосторожность, так как видимость этим утром была великолепной, однако это было хорошей практикой для моряков, занявших посты в боевых рубках. По указанию офицеров, командующих системами вооружения, началась проверка каналов связи и обмен тактической информацией между кораблями. В машинных отделениях "кочегары" - древнее насмешливое прозвище обычно грязных механиков - сидели в удобных вращающихся креслах и, глядя на экраны дисплеев, пили чай.

Флагманским кораблем был новый эсминец "Мутсу". Уже виднелся рыбацкий порт Татеяма - последний город, который они минуют, прежде чем резко повернуть налево и направиться на восток.

Контр-адмирал Юсио Сато знал, что подводные лодки уже в море и их командиры получили соответствующие инструкции. Сам адмирал происходил из семьи с древней традицией воинской службы, причем службы на море. Его отец командовал эскадренным миноносцем в эскадре Райзо Танаки, знаменитого адмирала, командовавшего соединением эсминцев, а дядя был одним из "диких орлов" Ямамото, летчиком на авианосце, и погиб при битве у Санта-Крус. Последующее поколение пошло по их стопам. Брат Юсио, Торахиро Сато, летал на истребителях F-86, входящих в состав Военно-воздушных сил самообороны Японии, ушел в отставку в знак протеста против унижительного положения ВВС и теперь служил старшим капитаном на авиалайнере японских авиалиний - Джал. Сын, Широ, стал летчиком, как и отец, и превратился теперь в гордого молодого майора, летающего на истребителях. Совсем неплохо, подумал адмирал Сато, для семьи без самурайских корней. Другой брат Юсио был банкиром, и Сато знал обо всем, чему предстояло произойти на финансовом фронте.

Адмирал встал, открыл водонепроницаемую дверь рубки "Мутсу" и вышел на правое крыло мостика. Моряки, занятые своим делом, на мгновение отвлеклись, чтобы приветствовать адмирала почтительными поклонами, а затем продолжили

свои занятия - они брали пеленги на береговые объекты и наносили на карту координаты корабля. Сато посмотрел за корму и с удовлетворением отметил, что все шестнадцать кораблей в походном строю вытянулись в почти идеальную линию, отделенные друг от друга на положенные пятьсот метров. Они уже стали видимыми невооруженным глазом в розово-оранжевом свете восходящего солнца, в направлении к которому шли. Да, конечно, это добрый знак, подумал адмирал. На клотике каждого корабля развевался флаг, под которым служил его отец; столько лет этот флаг запрещали поднимать, и вот теперь он снова полощется на ветру - красный круг на белом фоне, гордый символ восходящего солнца.

- Якорной вахте смениться, - донесся из динамика голос капитана. Порт, из которого вышли корабли, уже скрылся за видимым горизонтом, и скоро то же самое произойдет с береговой чертой слева от корабля.

Шестнадцать кораблей, подумал Сато. Самая большая группа кораблей, которую отправила в море его страна как единое соединение за сколько лет - за пятьдесят? Нужно подумать об этом. И уж по крайней мере самое мощное, ни один корабль не старше десяти лет - гордые боевые суда с гордыми названиями, освященными традициями, на строительство которых Япония потратила столько денег. Но одно название, которое ему хотелось бы видеть этим утром, - "Курошио", "Черный прилив", так назывался эсминец его отца, потопивший американский крейсер в морском сражении при Тассафаронге, - принадлежало, к сожалению, новой подводной лодке, уже находившейся в море. Адмирал опустил бинокль и недовольно проворчал себе под нос. "Черный прилив". Поэтичное, идеально подходящее название для боевого корабля. Жаль, что его потратили на простую субмарину.

"Курошио" вместе с подводными лодками того же типа вышел в море на тридцать шесть часов раньше. Головная субмарина нового типа, она шла к району маневров со скоростью пятнадцать узлов благодаря мощным экономичным дизелям, получающим воздух через шноркель. Ее команда из десяти офицеров и шестидесяти матросов была разделена на обычные ходовые вахты. Вахтенный офицер и его помощник находились в боевой рубке. Механик вместе с двадцатью четырьмя матросами - на своем посту. Личный состав всей торпедной боевой части в центральном отсеке занимался электронным тестированием четырнадцати торпед типа 89 модификации С и шести ракетных снарядов "гарпун". В остальном вахта проходила нормально, и никто не обратил внимания на единственное отклонение от обычной рутины. Командир лодки, капитан третьего ранга Тамаки Угаки, славился своим постоянным стремлением к боевой готовности, и, хотя он безжалостно гонял команду во время учений, его корабль был счастливым кораблем, потому что все понимали необходимость этого. Сейчас он заперся в своей каюте, и члены экипажа могли бы даже не заметить, что он находится на борту, если бы не полоска света под дверью и запах сигаретного дыма в вентиляционной системе. Удивительно целеустремленный человек наш шкипер, думали о нем члены команды, не иначе разрабатывает планы учений на время предстоящих маневров с американскими подводными лодками. В прошлом "Курошио" удачно провела учения, сумев три раза первой "потопить" противника в десяти учебных боях. Трудно рассчитывать на лучший исход, но только не для Угаки, шутили матросы за столом. Наш шкипер - настоящий самурай и не желает

уступать никому, говорили они.

После первого месяца в должности советника по национальной безопасности Райан начал один день в неделю проводить в Пентагоне. Об этом объяснил журналистам, что его кабинет в Белом доме отнюдь не келья, в конце концов, день в Пентагоне позволяет ему более эффективно выполнять свои обязанности. Такое объяснение даже не нашло отражения в прессе, как это могло бы случиться несколькими годами раньше. Все знали, что сама должность советника по национальной безопасности - это всего лишь дань прошлому. Хотя репортеры считали Райана достойным преемником всех тех, кто занимали до него угловой кабинет Белого дома, он ничем не привлекал к себе их внимания. Было известно, что Райан избегает появляться на людях, словно боится заразить проказой, приезжает на службу каждый день в одно и то же время, старается как можно быстрее, насколько позволяют обстоятельства, выполнить свои дела - в этом отношении ему везло, на то редко требовалось больше десяти часов в день - и возвращается к своей семье, словно самый обычный человек. О его предыдущей службе в ЦРУ почти ничего не знали, и хотя несколько выступлений Райана в качестве частного лица и государственного служащего принесли ему определенную известность, все это осталось в прошлом. В результате он мог ездить повсюду на заднем сиденье своего лимузина и никто не обращал на него особого внимания. Такое поведение было повседневным, не возбуждало интереса, и он прилагал немало усилий, чтобы и дальше оставаться незаметным. Репортеры редко обращают внимание на собаку, которая не лает. Может быть, им следовало бы лучше познакомиться с народными поговорками.

- Они что-то задумали, - произнес Робби, как только Райан занял место в Национальном центре управления боевыми операциями. Это стало ясно после первого же взгляда на карту.

- Перемещаются на юг?

- На двести миль. Флотом командует В. К. Чандраскатта, выпускник Дартмутского королевского военно-морского училища, был третьим на своем курсе и затем быстро продвинулся вверх. Несколько лет назад учился на курсах старшего командного состава в Ньюпорте и превзошел всех, - продолжал адмирал Джексон. - Имеет прочные политические связи на высшем уровне. За последнее время провел поразительно много времени вдали от флота, то и дело летал туда и обратно...

- Куда именно? - спросил Райан.

- По нашему мнению, в Дели и затем возвращался на свой флагманский корабль, но, говоря по правде, мы этого не знаем. Старая история, Джек.

Райан удержался от стога. Отчасти история была действительно старой, но отчасти очень даже новой. Ни один высокопоставленный офицер не считал, что обладает достаточным объемом разведывательной информации и никогда не доверял полностью тем сведениям, которые к нему поступали. В данном случае недовольство Джексона было вполне объяснимо: у ЦРУ по-прежнему не было агентов в Индии. Райан решил еще раз поговорить с Бреттом Хансоном о после США в Дели. Психиатры называли подобное поведение пассивно-агрессивным. Это означало, что госсекретарь не отказывал Райану в помощи, но и ничего не предпринимал. Джека постоянно изумляло то, что взрослые люди, занимающие

ответственные посты, могут вести себя подобно пятилетним детям.

- Есть ли связь между его поездками и перемещениями флота?

- Мы не сумели обнаружить ничего бросающегося в глаза, - отрицательно покачал головой Робби.

- Сведения радиоперехвата? - спросил Джек. Может быть, Агентство национальной безопасности, тоже превратившееся в слабую тень того, чем оно было раньше, пыталось прослушать каналы радиосвязи индийского флота, подумал он.

- Получаем кое-какую информацию через станции перехвата в Элис-Спрингс и на Диего-Гарсии, но ничего интересного. Главным образом приказы о перемещении кораблей, не имеющие сколько-нибудь большой оперативной важности.

У Джека появилось искушение проворчать, что спецслужбы его страны никогда не могут представить ему ту информацию, в которой он в данный момент нуждается, однако на самом деле все объяснялось просто: разведданные, поступающие в его распоряжение, обычно позволяют Америке подготовиться, помогают избежать возникновения проблем еще до того, как они превратятся в серьезные трудности. По-настоящему сложными становятся ситуации, на которые вовремя не обращают внимания и которые разрастаются в кризисы, а их упускают из виду, потому что другие проблемы кажутся более важными, - до тех пор пока незначительные на первый взгляд вопросы не становятся взрывоопасными.

- Таким образом, нам остается догадываться об их намерениях только на основании предпринятых ими действий.

- И вот они перед нами, - согласился Робби, подходя к карте.

- Индийцы подталкивают нас...

- Да, заставляют адмирала Дюбро решиться на определенные действия, после чего у него не останется выбора. Вообще-то ловко придумано. Океан огромен, но, когда в нем перемещаются два флотских соединения, он становится куда меньше. Дюбро пока не обратился к нам с запросом о правилах ведения боевых действий, однако нам следует подумать об этом.

- А если они погрузят свою бригаду на десантные корабли, что тогда?

На этот вопрос ответил армейский полковник из штата адмирала Джексона:

- Сэр, если бы мне поручили подготовку такой операции, мои действия были бы очень простыми. У них там уже есть миротворческие подразделения, заигрывающие с тамилами. Это означает, что захватить и удержать плацдармы для высадки будет легко и сам процесс станет чисто административным мероприятием. Высадка единого войскового подразделения на берег является самым трудным этапом такой операции, а здесь, мне кажется, все проблемы уже решены. Их Третья бронетанковая бригада представляет собой мощную боевую единицу. Короче говоря, у шриланкийцев нет никаких шансов помешать вторжению, не говоря уже о том, чтобы не допустить его. Далее захватываются аэродромы, и можно просто начинать перебрасывать на остров пехотные части. У Индии огромная армия. Выделить пятьдесят тысяч солдат для такой операции не составит ни малейшего труда.

Допускаю, что в дальнейшем ситуация в стране перерастет в длительную партизанскую войну, - продолжал полковник, - но на протяжении первых нескольких месяцев превосходство индийских войск будет подавляющим, а при

господстве на море они смогут без особых усилий установить блокаду острова и партизанские действия постепенно сойдут на нет из-за того, что у них не будет источников снабжения. В итоге Индия одержит верх.

- Самым сложным аспектом такой операции станет политический, - задумчиво произнес Райан. - ООН может занять твердую позицию.

- Однако оказать силовое давление в этом регионе окажется очень трудно, - напомнил Робби. - У Шри-Ланки нет традиционных союзников - если не считать самой Индии. Нет ни этнических, ни религиозных козырей, на которые можно положиться. В общем, не вижу причин, по которым мы проявим крайнюю обеспокоенность и пойдем на решительные меры.

- Подобная сенсационная новость продержится на первых страницах газет в течение нескольких дней, - продолжил эту мысль Райан, - но, если индийцы будут действовать продуманно и ловко, Цейлон станет их пятьдесят первым штатом через...

- Скорее, двадцать шестым, сэр, - поправил его полковник, - или войдет в состав Тамилнада по национальным причинам. Это даже поможет индийцам решить тамильскую проблему. Думаю, они уже установили контакты.

- Спасибо. - Райан посмотрел на полковника - оказалось, тот хорошо знаком с проблемой. - Таким образом, после того как произойдет политическая интеграция Шри-Ланки - полные гражданские права и все остальное, - сенсации уже не будет, а вместе с ней пропадет всякий интерес. Хорошо задумано, - заметил Райан. - Но им нужен повод для начала операции. Таким поводом может стать восстание тамиллов, а разжечь его индийцам не составит труда.

- Вот это и станет сигналом для нас, - согласился Джексон. - Но еще прежде нужно предупредить Дюбро, как ему следует действовать.

А вот это окажется очень непросто, подумал Райан, глядя на карту. Боевое авианосное соединение 77.1 ВМС США направлялось на юго-запад, держась на расстоянии от индийского флота, однако по меркам океанских просторов не так далеко к западу от Дюбро протянулась длинная цепь атоллов, в конце которой находилась американская военно-морская база на острове Диего-Гарсия, - утешительно, но не очень.

Блефовать всегда опасно, потому что противная сторона может разгадать твой блеф и принять контрмеры, а в данном случае вариант случайности несравнимо меньший, чем при игре в покер. Боевая мощь на стороне американцев, однако она может сыграть свою роль лишь в том случае, если они решатся прибегнуть к ней. Зато географические условия благоприятствуют индийцам. Строго говоря, у Америки нет жизненно важных интересов в этом регионе. Американский флот находится в Индийском океане главным образом для того, чтобы вести наблюдение за ситуацией в Персидском заливе, но отсутствие стабильности в любом регионе заразительно, и стоит людям начать нервничать по этому поводу, возникает нарастающий деструктивный процесс. Здесь особенно верна поговорка о том, что один стежок, сделанный вовремя, лучше запоздалых девяти, - всегда легче предотвратить события, чем заниматься потом ликвидацией их последствий. Следовательно, нужно принять решение по поводу того, где находится предел твоего блефа.

- Ситуация становится сложной, правда, Роб? - спросил Джек с улыбкой, скрывающей беспокойство.

- Было бы полезно знать, о чем думает противная сторона.
- Постараюсь учесть это пожелание, адмирал. Поручу выяснить.
- А как относительно правил ведения боевых действий?
- Они остаются прежними, Робби, до тех пор пока президент не примет иного решения. Если, по мнению Дюбро, он подвергается нападению, пусть защищается. Надеюсь, на палубе у него стоят самолеты, снаряженные полным боезапасом.

- Да на какой палубе, черт побери! Они все время в воздухе, доктор Райан, сэр.

- Попробую выяснить, нельзя ли предоставить ему чуть большую свободу действий, - пообещал Джек.

В это мгновение зазвонил телефон. Один из младших офицеров управления - морской пехотинец, недавно получивший звание майора, - поднял трубку и тут же протянул ее Райану.

- Слушаю. В чем дело?

- Сообщение из центра связи Белого дома, сэр, - послышался голос дежурного офицера. - Премьер-министр Кога только что подал прошение об отставке. По мнению нашего посла, формирование нового правительства будет поручено Гото.

- Что-то быстро. Передайте в отдел Японии Госдепартамента, чтобы прислали мне все необходимые материалы. Вернусь не позже чем через два часа.

- Райан положил трубку.

- Кога ушел в отставку? - спросил Джексон.

- У тебя что, приступ проницательности сегодня утром. Роб?

- Нет, но я умею прислушиваться к телефонным разговорам. У меня создалось впечатление, что наша популярность за океаном заметно упала.

- Да, события развиваются слишком стремительно.

Фотографии прибыли с дипломатической почтой. В прошлом сумку дипкурьера открыли бы сразу по прибытии в аэропорт, но сейчас ситуация была более спокойной и государственный чиновник, отдавший правительственный службе много лет, сел в аэропорту Даллеса в служебный автомобиль и направился в Туманное болото - Госдепартамент. Там сумку вскрыли в охраняемом помещении и ее содержимое рассортировали по категории срочности и отправили с курьерами в места назначения. Пухлый конверт с семью кассетами фото пленки передали сотруднику ЦРУ, который просто сел в свою машину и поехал к мосту на Четырнадцатой улице. Через сорок минут кассеты открыли в фотолаборатории, занимающейся обычно микрофильмами и другими утонченными делами, но способной выполнить и такую несложную задачу, как проявление обычной пленки.

Вообще-то технику нравилось работать с обычной пленкой - она была стандартной, операции несложными и оборудование для них использовалось самое простое, - и он уже давно перестал проявлять интерес к изображениям на кадрах, а следил лишь за тем, чтобы все было проделано правильно. В данном случае наполнение цветом оказалось характерным и сразу все объяснило. Пленка японской фирмы "Фуджи", подумал он. А еще утверждают, что японская пленка лучше "Кодака". Он проявил пленку, разрезал ее на слайды и поместил каждый в картонную рамку. Единственное, чем отличались эти слайды от тех, где

родители запечатлеют первую встречу своего ребенка с Микки Маусом, заключалось в том, что на каждой рамке стоял штамп "Совершенно секретно". Пронумеровав все слайды, техник уложил их в коробку, запечатал в пакет и поместил в корзинку для исходящих документов. Через тридцать минут в фотолаборатории появилась секретарша, взяла пакет, подошла к лифту и поднялась на пятый этаж здания, где в прошлом размещалась штаб-квартира ЦРУ. Зданию было уже почти сорок лет, и возраст его становился заметным. Коридоры пообветшали, краска на стенах выцвела и превратилась в безлико-желтую. И здесь наступил упадок, что особенно относилось к Научно-исследовательскому управлению стратегических вооружений. Это управление, бывшее когда-то одним из самых важных в ЦРУ, теперь едва сводило концы с концами.

Здесь трудились ученые-ракетчики, и в данном случае их специальность соответствовала выполняемой ими работе. Задача этих ученых заключалась в том, чтобы изучать спецификации иностранных ракет и определять их истинные возможности. Это влекло за собой массу теоретических исследований, а также поездки к различным правительственным подрядчикам, на фирмах которых ученые сравнивали то, что имелось в их распоряжении, с тем, что уже знали американские специалисты. К сожалению, если можно так сказать, межконтинентальные баллистические ракеты и баллистические ракеты среднего радиуса действия, которые ранее составляли предмет наиболее пристального изучения для Управления стратегических вооружений и обеспечивали его вполне безбедное существование, уже почти полностью исчезли, и фотографии на стенах вызывали у ученых лишь ностальгические воспоминания о прошлом и никак не были связаны с настоящим. Сейчас ученые, которые специализировались прежде в этой области и получили образование в различных областях физики, были вынуждены овладевать знаниями о химических и биологических веществах, являющихся оружием массового поражения бедных стран. Но не сегодня.

Крис Скотт, которому исполнилось тридцать четыре года, начал работать в Управлении стратегических вооружений еще в то время, когда ракеты действительно являлись чем-то устрашающим. Выпускник Ренсселерского политехнического института, он завоевал известную репутацию среди коллег тем, что сумел определить основные тактико-технические данные советской ракеты СС-24 за две недели до того, как высокопоставленный агент ЦРУ в России сумел выкрасть описание этой советской "птички" на твердом топливе. Этим он заслужил похвалу тогдашнего директора

ЦРУ Уилльяма Уэбстера. Однако теперь все СС-24 канули в Лету, а сегодня утром Скотт во время утреннего брифинга узнал, что у русских вообще осталась только одна ракета СС-19, которая составляет компанию единственной американской ракете "Минитмен-Ш", находящийся недалеко от Майнот, штат Северная Дакота, и обе ракеты ожидают своего окончательного уничтожения. Вдобавок Скотту не хотелось заниматься химией. В результате поступившие из Японии слайды стали чем-то вроде неожиданного благодеяния.

Скотт приступил к делу без спешки. Уж времени-то в его распоряжении было сколько угодно. Открыв коробку, он разместил слайды для автоматической подачи в проектор и внимательно изучил каждый кадр, делая подробные записи. Для этого ему потребовалось два часа, и работу пришлось прервать на обеденный перерыв. Он снова уложил слайды в коробку и запер в сейф, после

чего спустился в кафетерий на первом этаже. Предметом обсуждения среди находившихся там сотрудников были дальнейшие затруднения бейсбольной команды "Вашингтон редскинз" и перспективы того, что новый хозяин изменит создавшееся положение. Скотт заметил, что обедающие больше не спешили и никто из администрации не торопил их. Окна главного коридора, пересекающего все здание, выходили во двор, и люди, толпившиеся в коридоре, часто останавливались и разглядывали большой сегмент Берлинской стены, которая находилась здесь уже не первый год. Особенно это относилось к ветеранам, показалось Скотту, а себя он тоже причислял к их числу. Ну что ж, по крайней мере сегодня у него есть дело, что означает приятную перемену в монотонной череде дней.

Вернувшись к себе в лабораторию, Крис Скотт задернул шторы и снова установил слайды в проекторе. Он мог бы выбрать только те, что заинтересовали его и которые он отметил, но сегодня у него нет больше работы, а потому ее следует растянуть на весь день, если не на всю неделю, и потому Скотт решил с максимальной тщательностью сравнить все, что видит на экране, с информацией, полученной ранее от специалиста из НАСА.

- Ты не будешь возражать, если я присоединюсь к тебе? - послышался голос Бетси Флеминг, просунувшей голову в дверь. Она тоже принадлежала к числу ветеранов, скоро рассчитывала стать бабушкой, а начинала секретаршей в разведывательном управлении Министерства обороны. Бетси поднаторела в фотоанализе и ракетостроении еще со времени кубинского кризиса, и, хотя она не имела научной степени, ее опыт в этой области был поистине энциклопедическим.

- Да, конечно, - отозвался Скотт. Присутствие Бетси Флеминг всегда доставляло ему удовольствие, не говоря уже о том, что она была чем-то вроде матери для всех сотрудников отдела.

- Ага, наш старый друг СС-19, - заметила она, опускаясь па стул. - Знаешь, Крис, а мне нравится, как она теперь выглядит.

- Пожалуй, - согласился Скотт, потягиваясь и стряхивая послеобеденную дрему.

То, что раньше казалось безобразным, теперь явно привлекало. Корпуса ракет сверкали полированной нержавеющей сталью, и благодаря этому проявилось изящество конструкций. Окрашенные прежде в оливковый цвет, русские ракеты выглядели грубыми и даже жестокими. Сейчас они больше походили на космические ракеты-ускорители сообразно своему назначению, были как-то грациознее, и даже их огромная мощь больше впечатляла.

- Парень из НАСА говорит, что японцы сумели заметно облегчить вес корпуса, применив более высококачественные материалы, - заметил Скотт. - Теперь я верю ему.

- Жаль, что они не использовали такие же Материалы для своих проклятых топливных баков, - проворчала миссис Флеминг. Скотт согласно кивнул. Он купил новую "кресту", и теперь его жена отказывалась ездить на ней, пока не будет заменен топливный бак. Дилер, через которого они приобрели автомобиль, сказал, что на это потребуется пара недель. Автомобилестроительная компания за свой счет арендовала для них машину в напрасной попытке вернуть себе расположение общественности. Это означало, что Скотту придется сдирать с

ветрового стекла полученный новый талон для парковки машины, прежде чем автомобиль вернется на фирму "Эвис".

- А мы знаем, кто сделал эти фотографии? - спросила Бетси.

- Один из наших агентов - это все, что мне известно. - Скотт нажал на кнопку. На экране появилось новое изображение. - Много изменений. У меня такое впечатление, что японцы старались сделать их особенно красивыми, - заметил он.

- Как ты думаешь, какой вес им удалось сбросить таким образом? - спросила миссис Флеминг. А ведь он прав, подумала она. На стальной поверхности ракеты виднелись круговые узоры от полировки, похожие на те, что обычно бывают на винтовочном затворе...

- Судя по тому, что нам сообщили из НАСА, это облегчило корпус ракеты более чем на тысячу двести фунтов... - Снова щелчок.

- Да, но не в этом месте, - удивилась Бетси.

- Действительно странно.

В верхней части ракеты-носителя устанавливались боеголовки. СС-19 была предназначена для доставки к цели нескольких таких боеголовок. Относительно небольшие и тяжелые, они изготавливались из плотного материала, и конструкция ракеты была приспособлена для их крепления. Любая межконтинентальная баллистическая ракета летела с непрерывным ускорением с момента начала полета до полной остановки ракетных двигателей, однако момент наибольшего ускорения наступал перед самой их остановкой. В это мгновение, когда сгорало больше всего топлива, нарастание скорости достигало максимума и перегрузки превосходили 10 g. В то же самое время структурная прочность корпуса ракеты, зависящая от содержащегося внутри топлива, становилась минимальной, и потому крепление боеголовок должно быть тяжелым и прочным, чтобы равномерно распределить их на много возросшую инерционную массу.

- Значит, они не изменили этого? - Скотт недоуменно посмотрел на коллегу.

- Интересно почему? Ведь теперь эта "птичка" предназначена для вывода на орбиту космических спутников...

- Но это тяжелые спутники, обеспечивающие космическую связь...

- Да, верно, однако посмотри вот сюда...

Основание для крепления боеголовок должно быть массивным и прочным по всей своей площади, тогда как крепление спутника связи представляет собой всего лишь узкое стальное кольцо, нечто вроде плоского бублика, и всегда кажется слишком легким для выполнения такой задачи. В данном случае крепежное кольцо походило скорее на необычно массивное колесо. Скотт открыл ящик стола, достал оттуда недавнюю фотографию ракеты СС-19, сделанную американским офицером во время инспекционной поездки в Россию, посмотрел на нее и молча передал миссис Флеминг.

- Действительно. Это самое обычное крепление для боеголовок, точно такое же, как было спроектировано русскими. Может быть, с использованием более качественных материалов, при более тщательной сборке. Японцы изменили почти все, верно? Тогда почему они именно это оставили таким, как раньше? - спросила Флеминг.

- Мне тоже это кажется странным. Сохранив прежнюю крепежную

конструкцию, они не захотели избавиться от... сколько весит такое крепление? Сотню фунтов, а то и больше.

- Совершенно непонятно, Крис. Именно здесь они должны были бы стремиться сбросить вес. Каждый килограмм в этом месте равен четырем или пяти на первой ступени ракеты. - Оба встали и подошли к экрану. - Одну минуту...

- Совершенно верно, это крепление для боеголовок. Они не внесли здесь никаких изменений. Но тут отсутствует кольцо для крепления спутника. - Скотт недоуменно покачал головой.

- Может быть, они сохранили крепежное устройство для последней ступени?

- Даже в этом случае такое массивное соединение на верхней части ракеты совершенно излишне, верно?

- Словно решили все оставить, как на боевой ракете.

- Да. Интересно почему?

14. Раздумья

- Тридцать секунд, - предупредил ассистент режиссера, когда появился последний рекламный клип воскресной утренней передачи. Ее темой были Россия и Европа, что вполне устраивало Райана.

- Есть вопрос, который я не могу задать тебе перед камерой, - улыбнулся Боб Хольцман, прежде чем возобновилась съемка. - Скажи, как чувствует себя советник по национальной безопасности в стране, не испытывающей угрозы своей национальной безопасности?

- Спокойно, - ответил Райан, посмотрев в сторону трех телевизионных камер. Ни на одной не горели красные лампочки, говорящие о ведущейся съемке. - Спокойно и уверенно.

- Тогда почему вы проводите столько времени на службе? - поинтересовалась Крис Хантер голосом, который был менее вызывающим, чем ее взгляд.

- Если я не приду на службу, - уклонился от прямого ответа Райан, - окружающие поймут, что без меня вполне можно обойтись. - Дело плохо, подумал он. Они все еще ничего не знают об Индии, но догадываются. Что происходит что-то необычное. Проклятье. Ему не хотелось привлекать внимание к происходящим событиям. В такой ситуации давление со стороны общественности не принесет никакой пользы, скорее наоборот.

- Четыре! Три! Два! Один! - помощник режиссера указал пальцем на ведущего телевизионного журналиста по имени Эдвард Джонсон.

- Доктор Райан, каково отношение администрации к изменениям в японском кабинете министров?

- Ну что ж, причиной этого стали трудности, возникшие в торговле между нашими странами, но это не относится к моей сфере деятельности. Если говорить кратко, то перед нами внутренняя политическая ситуация, которую японский народ сумеет легко решить сам, без советов с нашей стороны, -

произнес Джек уверенным голосом государственного деятеля, для приобретения чего понадобилось всего несколько уроков ораторского искусства. Впрочем, главное внимание ему приходилось обращать всего лишь на то, чтобы говорить помедленнее. Крис Хантер наклонилась поближе.

- Однако главный кандидат на пост премьер-министра известен уже длительное время как враг Соединенных Штатов...

- Ну, это слишком сильно сказано, - прервал ее Райан с добродушной улыбкой.

- Его выступления, статьи, книги никак нельзя назвать особенно дружелюбными.

- Пожалуй. - Райан небрежно отмахнулся рукой и равнодушно улыбнулся. - Разница в отношениях с дружески и недружески настроенными странами заключается, как ни странно, в том, что первые часто настроены более критически, чем вторые. - А ведь совсем неплохо сказано, Джек, подумал он.

- Значит, это ничуть вас не беспокоит?

- Нет, - покачал головой Райан. Короткие ответы во время таких передач, казалось ему, ставят репортеров в трудное положение.

- Спасибо, что вы согласились сегодня прийти к нам, доктор Райан.

- Как всегда, это доставило мне немалое удовольствие. Райан продолжал улыбаться, пока на камерах не погасли красные огоньки. Затем он медленно сосчитал до десяти, дождался, пока остальные репортеры не сняли свои микрофоны, и, сняв свой, сошел с рабочего участка сцены. И лишь после этого он счел себя в безопасности и смог снова говорить. Боб Хольцман последовал за Джеком в гримерную. Визажисты ушли пить кофе. Райан взял пачку влажных бумажных салфеток и передал банку с ними Хольцману. Над зеркалом красовалась деревянная планка со словами:

"Все сказанное здесь - не для печати".

- Ты знаешь, в чем причина того, почему женщины так отчаянно боролись за равные права с мужчинами? - спросил Хольцман. - Вовсе не из-за равной оплаты, бюстгальтеров и прочих глупостей.

- Ты совершенно прав, - согласился Райан. - Потому что они вынуждены пользоваться макияжем. Мы сами в этом виноваты. Господи, до чего я ненавижу это дерьмо! - воскликнул он, стирая краску со лба. - Чувствую себя дешевой проституткой.

- Подобное ощущение не такое уж необычное для политического деятеля, - заметила Кристина Хантер, вытирая лицо такими же бумажными салфетками. Джек засмеялся.

- Это верно, но говорить об этом не слишком вежливо, мэм. - Неужели теперь я уже политический деятель? - спросил себя Райан. Пожалуй. Но как это случилось, черт побери?

- Почему ты так старался уклониться от прямого ответа на мой последний вопрос, Джек? - спросил Хольцман.

- Боб, если ты догадываешься, что я действительно пытался уклониться от прямого ответа, то не можешь не знать истинной причины. - Райан указал на надпись над зеркалом, затем решил постучать по ней пальцем, чтобы избежать путаницы и дать понять присутствующим, что он имеет в виду.

- Мне известно, что предыдущее правительство пало, потому что мы опубликовали информацию о коррупции и подкупках, - произнес Хольцман.

Джек посмотрел на него, но промолчал. В такой ситуации даже замечание "никаких комментариев" может иметь немалое значение.

- Тогда это помешало Гото стать премьер-министром. Как ты помнишь, он был первым кандидатом, верно?

- Ну что ж, теперь у него появился еще один шанс. Его терпение вознаграждено, - заметил Райан. - Если, конечно, ему удастся создать коалиционное правительство.

- Не пытайтесь сбить меня с толку. - Хантер наклонилась к зеркалу и стерла краску с носа. - Вы читаете все, что он говорит газетам, так же как и я. Гото сумеет сформировать кабинет министров, и вы отлично знаете, какими аргументами он будет пользоваться.

- Слова немногого стоят, особенно в таком деле, - отозвался Джек. Он все еще не сумел сделать скачок воображения, чтобы включить себя в круг тех, кто занимается "таким делом". - Скорее всего просто болтовня, еще один политический деятель, лишнего заложивший за воротничок, у которого был тяжелый день в офисе или на ипподроме...

- Или в чайном домике с гейшами, - предположила Крис. Она уже сняла с лица весь макияж, села на край стойки и закурила. Кристина Хантер, выпускница факультета журналистики Колумбийского университета, была опытным репортером. Хотя ей было еще далеко до пятидесяти, она только что получила назначение на должность ведущего международного комментатора "Чикаго трибюн". Ее голос был сух, как песок в пустыне. - Два года назад этот ублюдок пытался затащить меня в постель, - продолжила она. - Выражения, которыми он пользовался, потрясли бы даже морского пехотинца, а предложения были... ну, скажем, весьма эксцентричными. Полагаю, у вас есть информация о его личных склонностях, доктор Райан?

- Крис, я никогда, повторяю, никогда не буду обсуждать личные склонности иностранных политических деятелей, даже если мы знаем о них. - Райан сделал паузу. - Одну минуту. Но разве он говорит по-английски? - Райан закрыл глаза, пытаясь вспомнить, что написано об этом в доставленных ему документах.

- Значит, вам это неизвестно? Гото говорит по-английски, когда ему хочется, и не говорит, если не испытывает желания. В тот день у него не было желания говорить по-английски. А его переводчица, женщина лет двадцати семи, находилась рядом. Она даже не покраснела. - Хантер мрачно усмехнулась. - А вот я не могла не покраснеть. Как вы относитесь к этому, доктор Райан?

Райан не испытывал сомнения относительно достоверности информации, поступающей по каналу "Сандаловое дерево", и все-таки было полезно получить подтверждение из совершенно независимого источника.

- Думаю, ему просто нравятся блондинки, - пошутил Джек.

- Ходят такие слухи. Говорят также, что у него сейчас появилась новая блондинка.

- Мы начинаем затрагивать серьезные темы, - заметил Хольцман. - Но ведь многие мужчины любят позабавиться на стороне, Крис.

- Гото любит демонстрировать всем, какой он крутой парень. О его привычках ходят слухи, говорят, он прямо-таки отвратительное животное. - Крис Хантер замолчала и затем добавила: - И я верю им.

- Неужели? - невинно спросил Райан. - Это что, женская интуиция?

- Не болтайте чепухи, - бросила Хантер слишком серьезным тоном для общего настроения. Голос Райана тоже изменился.

- И не думаю. Моя жена намного лучше разбирается в людях, чем я. Наверно, это потому, что она врач. Согласны?

- Доктор Райан, вы отлично знаете, что мне все известно. Я знаю, что ФБР расследует, стараясь не привлекать внимания, кое-какие обстоятельства в районе Сиэтла.

- Вот как?

Крис Хантер не поддавалась на хитрость.

- Такое нельзя сохранить в секрете, особенно если есть друзья в бюро, а одна из исчезнувших девушек - дочь капитана полиции, живущего по соседству со специальным агентом ФБР, возглавляющим отделение бюро в Сиэтле. Хотите, чтобы я продолжила?

- Тогда почему вы храните все это в секрете и не предаете гласности?

Зеленые глаза Крис Хантер сверкнули, когда она посмотрела на советника по национальной безопасности.

- Я объясню вам причину, доктор Райан. В мою бытность студенткой колледжа меня изнасиловали. Мне казалось, что этот ублюдок убьет меня. Я смотрела в глаза смерти. Этого нельзя забыть. Если станет известно об исчезновении этой девушки, ее жизнь и жизнь многих других окажется в опасности. После изнасилования можно вернуться к жизни - мне это удалось. А вот после смерти - нет.

- Спасибо, - негромко произнес Райан. Выражение лица и кивок выразили его чувства еще более красноречиво. Понимаю ваши чувства, подумал он, и вы знаете об этом.

- А теперь он станет главой правительства своей страны. - Взгляд Крис Хантер посуровел еще больше. - Он ненавидит нас, доктор Райан. Я брала у него интервью. Он хотел меня не потому, что считал такой уж привлекательной. Он стремился унижить меня, смешать с грязью мое человеческое достоинство. Гото - насильник. Ему доставляет удовольствие унижать людей и причинять им боль. Невозможно забыть его взгляд. Он ненавидит нас. Передайте это президенту.

- Передам, - сказал Райан, вставая и направляясь к выходу.

На улице стоял его служебный автомобиль. По пути к Белому дому будет о чем подумать.

- Все хорошо, - заметил агент Секретной службы. - Пока,

- Вы давно занимаетесь этим. Пол?

- Четырнадцать увлекательных лет, - ответил Пол Роббертон, внимательно глядя вперед со своего сиденья рядом с водителем. Тот был всего лишь служащим хозяйственного управления государственной администрации, но Райан занимал теперь достаточно высокое положение, чтобы его охранял и агент Секретной службы.

- Занимались оперативной работой?

- Только фальшивомонетчиками. Ни разу не приходилось прибегать к оружию, - добавил Роббертон. - Принимал участие в расследовании нескольких довольно крупных дел.

- Разбираетесь в людях? Роббертон засмеялся.

- Приходится - на моей-то работе, доктор Райан.
- Расскажите мне о Крис Хантер.
- Умная и жесткая женщина. Она говорит правду: в колледже подверглась изнасилованию. Это был сексуальный маньяк. Хантер выступала на суде как свидетельница. В то время адвокаты еще могли обращаться с жертвами изнасилования несколько... свободно, что ли. Спрашивали, не поощряла ли она его и тому подобное. Картина в суде была отвратительной, но она все выдержала, и присяжные признали подонка виновным. Он не сумел долго выжить в тюрьме, очевидно, поссорился с другим заключенным, осужденным за вооруженное ограбление. Жаль, - сухо закончил Роббертон.

- Вы считаете, мне следует прислушаться к ее мнению?
- Да, сэр. Из нее вышел бы хороший полицейский. И я знаю, что она превосходная журналистка.

- Крис сумела собрать много информации, - задумчиво пробормотал Райан. Правда, не вся эта информация достаточно надежна, подумал он, сведения не скоординированы, да и к тому же она смотрит на них через призму собственных переживаний, зато у нее отличные источники, черт возьми. Джек смотрел в окно автомобиля и пытался разгадать головоломку, в которой чего-то не хватало.

- Куда ехать? - спросил водитель.
- В дом, - машинально произнес Райан и заметил удивленный взгляд Роббертона. "Дом" не означал "домой". - Нет, одну минуту. - Райан поднял трубку телефона. К счастью, номер он помнил наизусть.

- Алло?
- Это ты, Эд? Джек Райан. Вы сейчас заняты?
- Обычно нам разрешают отдохнуть в воскресенье, Джек. После обеда "Кэпитолз" играют с "Брюинами".

- Уделите мне десять минут.
- Хорошо, Джек. - Эд Фоули повесил трубку на рычаг настенного телефонного аппарата. - Сейчас придет Райан, - сказал он жене. Испорченный выходной, черт побери.

Воскресенье было единственным днем недели, когда им можно было не спешить в Лэнгли и понежиться в постели. Мэри-Пэт была все еще в домашнем халате и выглядела как-то неопрятно. Без единого слова она положила утреннюю газету и пошла в ванную. Через пятнадцать минут послышался стук в дверь.

- У тебя сверхурочная работа? - спросил Эд, открывая дверь. Следом за Райаном вошел Роббертон.

- Пришлось ехать в студию для участия в утренней программе. - Джек посмотрел на часы. - Через двадцать минут нужно быть в еще одной.

- Привет, Джек. В чем дело? - В комнату вошла Мэри-Пэт, она выглядела, как и подобает американской домохозяйке воскресным утром.

- Деловой разговор, милая, - ответил Эд, и все трое направились в комнату отдыха, расположенную в подвальном помещении.

- Операция "Сандаловое дерево", - произнес Джек. Здесь можно было говорить свободно - дом проверяли каждую неделю, но до сих пор подслушивающие устройства не были обнаружены. - Кларку и Чавезу уже передали приказ вывезти девушку?

- Не было такого указания, - напомнил ему Эд Фоули. - Все почти готово, но...

- Передайте им, чтобы немедленно занялись этим.

- Ты не мог бы рассказать нам поподробнее? - спросила Мэри-Пэт.

- Все происходящее не нравилось мне с самого начала. Думаю, нам стоит дать этим знак ее покровителю, причем пораньше, чтобы у него было время подумать,

- Пожалуй, - согласился мистер Фоули. - Я тоже прочитал об этом в утренней газете. Он относится к нам не слишком дружелюбно, но ведь мы оказываем на него сильное давление, правда?

- Садись, Джек, - пригласила Мэри-Пэт. - Принести тебе кофе?

- Нет, МП, спасибо. - Опустившись на потертую кушетку, он поднял голову и посмотрел на Эда. - Меня только что осенило. Наш приятель Гото кажется немного странным.

- Да, у него есть некоторые отклонения, - согласился Эд. - Он не слишком умен, если отбросить свойственную им всем местную риторику, останется куча напыщенных фраз и совсем немного разумных идей. Признаться, меня удивило, что ему представилась возможность стать премьер-министром.

- Почему? - спросил Джек. Материалы о Гото, составленные Госдепартаментом, как всегда, уважительно говорили об этом иностранном государственном деятеле.

- Я ведь уже упомянул, что он вряд ли получит Нобелевскую премию по физике, понимаешь? Гото - типичный аппаратчик. Сделал политическую карьеру с самых низов. Можно не сомневаться, что на этом пути ему пришлось лизать немало задниц...

- А теперь, чтобы компенсировать себя за унижения, он отыгрывается на женщинах, - добавила МП. - Там любят такое. Наш парень Номури прислал подробную информацию о том, что ему довелось узнать. - Все это по причине молодости и недостаточного опыта, подумала заместитель директора ЦРУ. Очень многие оперативники докладывают обо всем увиденном и услышанном, словно пишут книгу. Главным образом это объясняется скукой.

- У нас бы его не выбрали отлавливать бродячих собак в самом маленьком городе, - усмехнулся Эд.

Ты так считаешь? - подумал Райан, вспоминая про Эдварда Келти. С другой стороны, при удачном стечении обстоятельств Америке, возможно, удастся обернуть это в свою пользу. Может быть, при первой встрече, если ситуация не улучшится, президент Дарлинг мельком упомянет бывшую подругу премьер-министра и напомнит о влиянии некоторых странных его привычек на развитие японо-американских отношений...

- Как идут дела по "Чертополоху"? Мэри-Пэт улыбнулась и нажала на кнопку. На экране телевизора появились фрагменты игр "Сегга".

- Двое из членов агентурной сети оставили активную деятельность - один ушел на пенсию, другой служит где-то за океаном, по-моему, в Малайзии. Со всеми остальными установлен контакт. Если нам когда-нибудь захочется...

- Давайте подумаем, чем они могут нам помочь.

- Зачем? - удивилась Мэри-Пэт. - У меня нет возражений, но зачем?

- Мы оказываем на японцев слишком сильное давление. Я

говорил об этом с президентом, но у него есть на то основания политического порядка, и он не собирается менять тактику. Принятые нами меры наносят серьезный ущерб японской экономике, а теперь оказывается, что их новый премьер-министр испытывает к нам крайнюю антипатию. Если им захочется предпринять какие-то ответные шаги, я хочу знать об этом заранее.

- А какие шаги они могут предпринять? - Эд Фоули опустил в кресло, в котором сын любил играть в "Нинтендо".

- Этого я не знаю, но хочу выяснить. Мне понадобится несколько дней, чтобы разобраться с возникшими проблемами и выбрать наиболее важные. Черт побери, да ведь у меня нет этих нескольких дней, - вспомнил Райан. - Надо готовиться к поездке в Москву.

- Все равно нужно время, чтобы провести соответствующую подготовку. Мы можем доставить нашим парням аппаратуру для связи и все остальное.

- Тогда беритесь за дело, - распорядился Джек. - Передайте им, что теперь они занимаются настоящей разведкой.

- Для этого нам понадобится разрешение президента, - предупредил его Эд. Развернуть агентурную сеть на территории союзника - дело серьезное.

- Положитесь на меня, я получу такое разрешение, - заверил его Райан. Он не сомневался, что Дарлинг не станет возражать. - Но первым делом выведите оттуда девушку.

- Где мы подвергнем ее допросу? - спросила Мэри-Пэт. -

Кстати, что, если она откажется уехать? Ты ведь не приказываешь нам похитить ее?

Проклятье, подумал Райан.

- Нет, не стоит идти на такие крайние меры. Наши ребята умеют действовать осторожно, верно?

- Кларк умеет. - Из того, что много лет назад Кларк преподавал ей и ее мужу при подготовке на "Ферме", Мэри-Пэт особенно врезались слова: "Где бы вы ни находились, считайте, что действуете на территории противника". Для оперативников это было аксиомой, но она все время пыталась понять, откуда появилась эта мысль у Кларка.

Большинству собравшихся следовало бы сейчас быть на работе, подумал Кларк, но ведь им с Чавезом тоже следовало заниматься делом, правда? В этом и заключалась проблема. Ему приходилось видеть немало демонстраций, причем большинство выражало недовольство политикой его страны. Демонстрации, проводившиеся в Иране, были особенно угрожающими, поскольку в руках людей, считающих лозунг "Смерть американцам!" совершенно справедливым выражением недовольства внешней политикой Соединенных Штатов, находились заложники из числа американских дипломатов и их семей. Тогда Кларк принимал участие в неудачной операции по их спасению, что стало, как он считал, худшим моментом в его многолетней карьере оперативника. У Кларка остались самые плохие воспоминания о пребывании в Иране, когда он стал свидетелем краха спасательной операции и ему самому пришлось спастись бегством. И вот теперь представшая перед ним картина воскресила их.

Американские дипломаты относились к происходящему не слишком серьезно. В здании посольства, расположенном напротив отеля "Окура" и напоминавшем по

архитектуре странное сочетание творений Фрэнка Ллойда и укреплений линии Зигфрида, все шло как обычно. Никаких оснований для беспокойства, в конце концов, разве Япония не цивилизованная страна? Полиция выставила надежную охрану у внешней ограды, и какой бы шумной ни была демонстрация, ее участники, по-видимому, не собирались нападать на суровых полицейских, окруживших здание тесным кольцом. Однако демонстрантами на этот раз была не молодежь, не студенты, решившие отвлечься от занятий, - поразительно, что средства массовой информации не обращали внимания на то, что студенческие демонстрации так часто совпадают по времени с окончанием семестров, - явление, распространившееся по всему миру. Здесь находились люди лет за тридцать и за сорок, и потому их выкрики создавали какое-то странное впечатление - они были не такими яростными, словно собравшихся смущало происходящее и они испытывали скорее обиду, чем гнев. Кларк наблюдал за толпой, пока Чавез делал снимок за снимком. Однако демонстрантов собралось очень много, и боль, испытываемая ими, была очевидной. Они стремились отыскать виновных, как это обычно бывает, найти кого-то, кто отвечал бы за возникшие трудности. Так поступают всегда, это ведь не чисто японский феномен, правда?

Как и все в Японии, демонстрация была хорошо организована. Ее участники были разбиты на группы с руководителем во главе каждой, они приехали главным образом на переполненных пригородных поездах, разместились в автобусах, которые ожидали их на станциях, и высадились всего в нескольких кварталах отсюда. Интересно, кто заказал автобусы? - подумал Кларк. Кто напечатал плакаты? Лишь теперь он с удивлением заметил, что лозунги написаны грамотно - очень странно. Несмотря на хорошее обучение английскому языку в школе, японцы сплошь и рядом допускали ошибки в написании слов, особенно на плакатах. Сегодня утром Кларк видел на улице юношу в майке с удивительной надписью: "Вдохновимся в раю", по-видимому, прямой перевод с японского и еще одно доказательство того, что невозможно буквально переводить с одного языка на другой. А вот на плакатах все было написано правильно. И орфография и грамматика безупречны, даже лучше, подумал Кларк, чем на подобных демонстрациях в Америке. Разве это не любопытно?

Ну и черт с ними, подумал он. Я ведь журналист, правда?

- Извините меня, - произнес Джон, коснувшись плеча мужчины средних лет.

- Да? - На лице мужчины отразилось удивление. Он был хорошо одет, в темном костюме и белой рубашке, с аккуратно завязанным галстуком. Ни гнева, ни других эмоций, вызванных волнением момента, на лице. - Кто вы?

- Я московский журналист из агентства новостей "Интерфакс", - произнес Кларк, показывая свое удостоверение на русском языке.

- А-а, понятно. - Мужчина улыбнулся и вежливо поклонился. Кларк ответил таким же поклоном. Воспитанное поведение мнимого русского журналиста вызвало у его собеседника одобрительный взгляд.

- Вы позволите задать вам несколько вопросов?

- Конечно. - Мужчина испытывал, казалось, облегчение, что теперь можно больше не выкрикивать лозунги. Кларк быстро выяснил, что японцу тридцать семь лет, он женат, имеет одного ребенка, служит в автомобилестроительной корпорации, но сейчас временно уволен из-за экономических трудностей и в

данный момент крайне недоволен действиями Америки, а вот к России испытывает только расположение.

Он смущен происходящим, подумал Джон, поблагодарив мужчину за ответы.

- В чем дело? - негромко спросил Чавез, подняв к лицу фотоаппарат.

- Говори по-русски, - резко бросил "Клерк".

- Хорошо, товарищ.

- Следуй за мной, - произнес тут же "Иван Сергеевич", нырнув в глубь толпы. Здесь происходит что-то странное, подумал он, что-то не совсем понятное. Когда Кларк смешался с толпой, ему все стало ясно. Люди, что стояли по периметру толпы, играли роль надзирателей. Основная масса демонстрантов состояла из рабочих, "синих воротничков", одетых не так аккуратно и не боявшихся утратить чувство собственного достоинства. Здесь царило уже иное настроение. На Кларка и Чавеза бросали взгляды, полные ярости, и несмотря на поспешные объяснения, что они не американцы, подозрение не исчезало, но ответы на задаваемые ими вопросы были менее осторожными, чем раньше.

В какой-то момент толпа под руководством своих лидеров и в окружении полицейских направилась вперед. Там все оказалось подготовленным для митинга - был установлен помост с трибуной. И тут все изменилось.

Хироши Гото не спешил выйти к демонстрантам, заставив их ждать слишком долго - даже для страны, где терпение ценится как высшая добродетель. Наконец он с чувством собственного достоинства поднялся на трибуну, оглянулся по сторонам и убедился в том, что его ближайшее окружение разместилось позади. Телевизионные камеры были уже установлены, и оставалось только подождать, когда толпа подтянется поближе. Но он все так же продолжал молча стоять на трибуне, глядя на демонстрантов, заставляя их своим молчанием собираться теснее, отчего напряжение только нарастало.

Кларк чувствовал теперь, что происходит. Возможно, необычность случившегося была неизбежной. Здесь собрались цивилизованные люди, члены настолько хорошо организованного общества, что оно казалось чуждым всякому постороннему, люди, чья вежливость и традиционное гостеприимство резко контрастировали с их недоверием к иностранцам. Страх начал появляться у Кларка как нечто едва осязаемое, как предупреждение о том, что вот-вот наступят перемены, несмотря на то что со своей обостренной годами наблюдательностью он не замечал ничего, кроме обычных пустых речей, произносимых политическими деятелями во всем мире. Человек, не раз смотревший в лицо смертельной опасности во Вьетнаме и других странах мира, Кларк снова почувствовал себя чужим в чужой стране, однако на этот раз опыт, накопленный им за многие годы, не только не помогал ему, но и шел во вред. В конце концов, даже те демонстранты, которые неистовствовали сейчас посреди толпы, не были такими уж непримиримыми, да и что еще можно ожидать от людей, оставшихся без работы? Вполне естественно, что они казались недовольными. Следует ли придавать всему этому такое уж большое значение?

Однако ропот в толпе усиливался. Гото поднес ко рту стакан и отпил глоток воды, все еще заставляя собравшихся ждать, затем сделал руками жест, предлагая им подойти еще ближе, хотя эта часть парка была уже до предела запружена людьми. Сколько их? - подумал Джон. Десять тысяч? Пятнадцать?

Вдруг толпа стихла и воцарилось почти полное молчание. Кларк оглянулся по сторонам и сразу все понял. У тех, кто стояли по периметру толпы, на рукавах пиджаков были повязки - черт возьми, выругался он про себя, сегодня это знак власти. Рядовые рабочие автоматически повинуются тем, кто одеты и ведут себя подобно начальникам. Может быть, был подан и другой сигнал, но тогда Кларк не заметил его.

Гото заговорил негромким голосом, и толпа замолкла совсем. Головы слушателей склонились вперед в инстинктивной попытке разобрать слова.

Жаль, что у нас не было времени как следует овладеть языком, одновременно подумали оба сотрудника ЦРУ. Кларк заметил, что Динг не теряет времени, меняет объективы и делает снимок за снимком, обращая особое внимание на лица рабочих в толпе.

- Возбуждение нарастает, - тихо произнес по-русски Чавез, глядя на лица японцев.

Кларк видел, как менялось поведение толпы по мере того, как Гото продолжал говорить. Он схватывал отдельные слова, иногда одну-две фразы, главным образом не имеющие никакого смысла, но представляющие собой риторические приемы, к которым любят прибегать политические деятели, чтобы выразить уважение к аудитории и готовность выполнить все пожелания масс. Внезапный рев одобрения, вырвавшийся у толпы, застал его врасплох. Слушателям пришлось толкать друг друга локтями, чтобы аплодировать. Он посмотрел на Гото. Бесполезно, слишком далеко. Кларк сунул руку в наплечную сумку Динга, достал запасную камеру, присоединил к ней длиннофокусный объектив и направил на оратора, пытаясь что-либо прочесть по выражению его лица, пока он благосклонно принимал одобрение народа и ждал окончания аплодисментов, чтобы продолжить речь. Как умело манипулирует чувствами толпы, а? Кларк видел, что Гото пытается скрыть свои эмоции, но, хотя политические деятели обладают, как правило, незаурядным актерским мастерством, они испытывают влияние аудитории в еще большей степени, чем артисты, выступающие перед камерами, зарабатывая себе этим на жизнь. Руки Гото начали двигаться более выразительно, а голос стал громче.

Здесь собралось всего десять или пятнадцать тысяч человек. Значит, это пробное выступление, верно? Гото экспериментирует. Еще никогда Кларк не чувствовал себя таким чужим, как в этой толпе. Почти во всех странах мира никто не обратил бы внимания на черты его лица или, взглянув, тут же забыл бы о нем. В Иране, в Советском Союзе, в Берлине - повсюду он был бы самым обычным человеком, одним из многих. Но не здесь и не сейчас. Еще хуже было то, что он не понимал до конца происходящего, и это его, беспокоило. Голос Гото звучал еще громче. Впервые он ударил кулаком по трибуне, и толпа ответила ему дружным ревом. Гото говорил теперь заметно быстрее. Толпа теснее сгрудилась ближе к трибуне, и Кларк увидел, что глаза оратора заметили это и в них отразилось удовлетворение. Теперь Гото не улыбался, но его взгляд обегал море обращенных к нему лиц, то слева, то справа, иногда останавливаясь на каком-то одном лице, оценивая его чувства, перебегая на другое, чтобы убедиться, что и это лицо выражает то же самое. Сейчас в его голосе звучала уверенность. Они были у него в руках, каждый из них. Меняя тембр и громкость голоса, Гото видел, как меняется частота их дыхания, как

расширяются их глаза. Кларк опустил камеру, чтобы окинуть взглядом толпу, и заметил общие движения, почувствовал реакцию на голос оратора.

Он играет с ними.

Джон снова поднял камеру и направил ее, словно прицел винтовки. На этот раз он сосредоточил внимание на надзирателях, которые стояли по периметру толпы в выделявших их костюмах. Теперь они меньше следили за собравшимися, явно увлеченные речью Гото. И снова Кларк выругался, проклиная свое незнание японского, не отдавая себе отчета в том, что увиденное им гораздо важнее, чем ему кажется. Еще один взрыв эмоций в толпе. На этот раз это не просто рев - нет, на лицах демонстрантов отразился гнев, они словно осветились яростью. Теперь Гото полностью овладел толпой, держал ее в своей власти, вед за собой, куда ему хотелось.

Джон коснулся плеча Динга.

- Пошли отсюда.

- Почему?

- Здесь становится опасно, - ответил Кларк. На его лице застыло странное выражение.

- Нан я? - произнес по-японски Чавез, улыбаясь из-за камеры, которую он держал у лица.

- Оглянись и посмотри на полицейских, - коротко бросил Джон.

Динг повернул голову и мгновенно понял, что имел в виду. его старший напарник. Полицейские здесь обычно выглядели суровыми и неприступными. Возможно, так вели себя воины-самураи. Несмотря на неизменную профессиональную вежливость, в их движениях чувствовалась уверенность и какая-то надменность. Они следили за соблюдением закона и понимали это. Их мундиры были такими же безупречно чистыми и отглаженными, как и у морских пехотинцев, охраняющих американские посольства, а кобура с пистолетом, висящая у пояса, была всего лишь знаком власти, поскольку прибегать к ней не требовалось - они вполне могли справиться с любой ситуацией голыми руками. Но теперь эти крутые полицейские нервничали, переминались с ноги на ногу и обменивались взглядами, вытирая о брюки потные ладони. Они тоже чувствовали, как изменилось настроение толпы, причем настолько четко, что даже могли не говорить об этом между собой, все было ясно и так. Кое-кто из них даже напряженно прислушивался к словам Гото, но и эти полицейские выглядели обеспокоенными. Что бы ни происходило, если развивающиеся события тревожили людей, привыкших поддерживать образцовый порядок на этих улицах, значит, все очень серьезно.

- Пошли. - Кларк окинул взглядом окружающие здания и выбрал двери, что вели в магазин. Это оказался вход в небольшое пошивочное ателье. Сотрудники ЦРУ встали у двери. Тротуар был пуст. Случайные прохожие присоединялись к толпе, полицейские тоже подтянулись поближе к ней, выстроившись через равные интервалы, - цепь людей в синих мундирах. Американцы оказались в одиночестве - очень странная ситуация в таком городе, как Токио.

- Ты тоже чувствуешь? - спросил Джон. Он задал этот вопрос по-английски, и это удивило Чавеза.

- Он заводит их, правда? - Задумчивая пауза. - Ты прав, мистер К. Обстановка действительно становится напряженной.

Голос Гото отчетливо доносился из громкоговорителей, высокий, даже пронзительный. И толпа реагировала на него, как обычно реагирует толпа.

- Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное? - спросил Чавез.

Происходящее не походило на то, с чем им довелось столкнуться в Румынии.

Кларк коротко кивнул.

- Да, в Тегеране, в семьдесят девятом.

- В то время я учился в пятом классе.

- Тогда я насмерть перепугался, - произнес Кларк, вспоминая прошлое.

Гото продолжал выразительно размахивать руками. Кларк снова посмотрел в телеобъектив. Гото больше не походил на того человека, что обратился к толпе несколько минут назад. Тогда он казался нерешительным, но сейчас все переменялось. Если его обращение к толпе было экспериментом, то эксперимент оказался успешным. Заключительные жесты выглядели почти карикатурно, но этого следовало ожидать. Он поднял руки над головой, словно футбольный судья, объявляющий об успешном заносе мяча в зону противника, однако Кларк заметил, что его кулаки судорожно сжаты. Полицейский, что стоял ярдах в двадцати от Чавеза с Кларком, повернулся и с беспокойством посмотрел на двух иностранцев.

- Давай зайдем в ателье и сделаем вид, что выбираем костюмы.

- У меня тридцать шестой размер, - пошутил Чавез, укладывая камеру в сумку, , висющую на плече.

Ателье оказалось хорошим, и в нем были костюмы такого размера. Это дало американцам повод приняться за осмотр. Продавец был вежливым и обходительным, и в результате по совету Кларка Чавез купил себе деловой костюм, сидевший на нем настолько хорошо, словно был сделан по заказу. Костюм был темно-серым и самым обычным, какие здесь носят многие служащие, хотя и стоил слишком дорого. Когда они вышли из ателье, небольшой парк уже опустел. Рабочие разбирали помост. Телевизионщики упаковывали аппаратуру. Все выглядело как обычно, за исключением небольшой группы полицейских, окруживших трех человек, которые сидели на бордюре тротуара. Это была съемочная группа американского телевидения. Один из американцев прижимал к лицу носовой платок. Кларк решил не подходить. Он оглянулся по сторонам и заметил, что мусора на улицах почти нет, и через мгновение понял почему: работала уборочная машина. Все было блестяще спланировано. Демонстрация была такой же "спонтанной", как и "Суперкубок" - финальный матч по американскому футболу, - однако в данном случае "матч" прошел даже лучше, чем предполагалось.

- Итак, что ты думаешь? - спросил Кларк, когда они пошли по улицам, где все возвращалось к прежней жизни.

- Но ведь ты знаком с этим куда лучше меня...

- Послушай, кандидат в магистры политологии, когда я задаю вопрос, то хочу получить ответ, неужели не ясно? - Чавез едва не остановился, услышав упрек, причем не от оскорбления, а просто изумленный. Он еще никогда не видел, чтобы его напарник был так потрясен происшедшим, поэтому Динг ответил спокойно и обдуманно:

- Думаю, мы напали на что-то важное. Мне кажется, он прямо-таки играл с толпой. В прошлом году в колледже по одному из курсов мы смотрели нацистский

фильм - классический пример того, как их вожди прибегали к демагогии и потворствовали низменным инстинктам малосознательных масс для достижения своих целей. Там выступала женщина, и это напомнило мне...

- Точно, "Триумф воли", Лени Рифеншталь, - кивнул Кларк. - Это действительно классический пример такого рода. Между прочим, тебе пора постричься.

- Что?

Непрерывные тренировки приносят теперь отличные плоды, подумал майор Сато, даже не поворачивая головы. По команде четыре истребителя-бомбардировщика F-15 "игл" отпустили тормоза и устремились по взлетной дорожке авиабазы в Мисаве. За истекшие двенадцать месяцев они налетали больше трехсот часов, причем треть летного времени только за последние два месяца, так что теперь летчики могли совершать крайне рискованный групповой взлет, которым могла бы гордиться любая эскадрилья, демонстрирующая чудеса пилотажа на воздушных парадах. Вот только четыре самолета майора Сато не были местным вариантом "Голубых ангелов". Они входили в состав Третьего авиакрыла. Самому майору пришлось, разумеется, следить за указателем воздушной скорости на дисплее над головой, прежде чем взять на себя ручку и поднять боевую машину с бетонной дорожки. По команде убраны шасси, и Сато знал, даже не глядя в сторону, что крыло ведомого находится не больше чем в четырех метрах от конца его крыла. Такой взлет опасен, зато оказывает благоприятное воздействие на моральное состояние летчиков. Он приводит в восторг группы наземного обслуживания и изумляет любопытных водителей на шоссе. В тысяче футов от земли с убранными шасси и поднятыми закрылками при скорости, уже перешагнувшей за четыреста узлов, Сато позволил себе посмотреть в обе стороны. Все на местах. Они летели сквозь сухой холодный воздух ясного дня, все еще освещенные заходящим вечерним солнцем. К северу виднелись южные острова Курильской гряды, украденные русскими в конце второй мировой войны, покрытые скалистыми горами, похожие на Хоккайдо, самый северный из японских островов... Ну ничего, всему свое время, сказал себе майор.

- Поворот вправо, - скомандовал он по радио, и группа повернула на курс ноль-пять-пять. Самолеты продолжали плавно набирать высоту, сберегая топливо для учений.

Было трудно поверить, что этот самолет сконструирован почти тридцать лет назад. Но от того времени остались лишь общая концепция и форма. После того как американские инженеры из фирмы "Макдоннел - Дуглас" создали первоначальный образец, истребитель претерпел такие изменения, что от их замысла сохранился только силуэт. Почти все на личной птичке майора Сато было японским, даже двигатели. И в особенности это относилось к электронике.

Мимо в обоих направлениях пролетали коммерческие самолеты, в большинстве своем это были широкофюзеляжные авиалайнеры, несущие на борту бизнесменов из Японии и обратно, в Северную Америку. Они направлялись по международному воздушному коридору, проходившему вдоль островов Курильской гряды, к востоку от полуострова Камчатка и затем к Алеутским островам. Если у кого-то возникали сомнения по поводу значимости его страны, подумал Сато в

удединении своей кабины, они исчезали при виде этого зрелища. Лучи заходящего солнца, висящего низко над горизонтом, отражались от алюминиевых листов хвостового оперения множества авиалайнеров, и с высоты в тридцать семь тысяч футов он видел, как вытянулась уходящая в бесконечность вереница самолетов - словно автомобили на шоссе, причем за каждым тянулась белая полоска инверсионного следа. Наконец пришло время браться за работу.

Группа из четырех истребителей разделилась на две пары, и каждая пошла слева и справа от международного коммерческого коридора. Цель вечерних учений не отличалась сложностью, но тем не менее была важной. Позади них, больше чем в сотне миль к юго-западу, у самой северо-восточной оконечности острова Хонсю, находился самолет раннего радиолокационного оповещения. Это был E-767. По своей конструкции он был основан на двухмоторном "боинге" (подобно тому, как американский E-3A являлся модификацией гораздо более старого "Боинга-707"). В верхней части переделанного гражданского авиалайнера находилась вращающаяся куполообразная антенна радиолокатора. Как его F-15J являлся намного улучшенной модификацией американского истребителя, так и этот E-767 представлял собой кардинально переработанный вариант другого американского изобретения. Американцам просто не под силу многое понять, думал Сато, каждые несколько секунд осматривая горизонт, прежде чем перевести взгляд на дисплей. Они сумели сделать столько изобретений, а затем передавали право на их усовершенствование соотечественникам Сато. Впрочем, американцы вели такую же игру с русскими, совершенствуя созданные ими вооружения, но из-за своего высокомерия даже не думали о том, что кто-то может опередить их в подобной игре. Радиолокатор на E-767 по своим характеристикам превосходил все системы такого типа в мире, поэтому радар, помещавшийся в носовой части "игла", за штурвалом которого сидел майор Сато, был выключен.

Несмотря на простоту замысла, осуществление его на практике было невероятно сложным. Истребителям, равно как и самолету раннего радиолокационного обнаружения, обеспечивающему их поддержку, необходимо было знать свое точное положение в трехмерной системе координат. Радиолокационные импульсы, испускаемые E-767, были совершенно точными по времени. Все остальное сводилось к чисто математическим действиям. Зная положение радиолокационного передатчика и свои координаты, "иглы" могли принимать импульсы, отражающиеся от целей, и рассчитывать их положение с такой точностью, словно данные поступили от их бортовых систем. Представляя собой комбинацию разработанных русскими бистатических радиолокаторов и американской технологии радаров, размещенных на самолетах, эта система опережала их. Японский радиолокатор на борту E-767 действовал с переменной частотой и был способен мгновенно переключаться с длинноволнового режима поиска на коротковолновую систему управления огнем и мог наводить на цель ракеты "воздух - воздух", выпущенные истребителями. Кроме того, радиолокатор на борту E-767 обладал достаточными размерами и мощностью излучения, чтобы - это было общее мнение - обнаруживать вражеские самолеты, созданные на основе технологии "стеле".

Уже через несколько минут стало ясно, что система действует. Четыре ракеты класса "воздух - воздух", подвешенные под крыльями истребителя Сато,

представляли собой учебные макеты и не имели двигателей. Однако на них были установлены настоящие головки поиска цели, и бортовые приборы показывали, что системы поиска следили за приближающимися к Японии и улетающими от нее самолетами даже с большей четкостью, чем при наведении на цель радиолокатором истребителя. Это был первый исключительно важный прорыв в области военной технологии. Еще несколько лет назад Япония, возможно, предложила бы другим странам купить лицензию на его производство, почти несомненно Америке, - такие изобретения ценились на вес золота. Однако ситуация в мире изменилась, теперь американцы могли и отказаться тратить деньги на покупку такой системы. К тому же Япония не собиралась продавать ее, особенно сейчас, подумал Сато. Да, именно сейчас.

Их отель не отличался особенно высоким классом. Несмотря на то что в нем обычно останавливались иностранцы, администрация понимала, что далеко не все гайджины относятся к числу богатых. Комнаты были маленькими, с низкими потолками, коридоры узкими, завтрак состоял из стакана сока, чашки кофе и одной булочки, но все это обходилось постояльцам только в пятьдесят долларов, тогда как в других отелях пришлось бы платить почти сотню. По меркам государственной службы США Кларк и Чавез "жили экономно", сберегая деньги, как это приходится делать русским. Вообще-то все было не так уж и плохо. Несмотря на то что Япония являлась перенаселенной страной, жить в ней оперативникам было все-таки куда лучше, чем в Африке, а пища, пусть необычная, казалась экзотической и вкусной, пока еще не исчезла новизна. Динг ворчал про себя, поскольку не мог удовлетворить свою страсть к бургерам, однако не говорил этого вслух, потому что подобная мысль, пусть выраженная по-русски, нарушила бы разработанную для них легенду. Вернувшись в отель после напряженного дня, Кларк вставил пластиковую карточку в прорезь двери и повернул дверную ручку. Почувствовав рукой небольшую полоску клейкой ленты на внутренней стороне ручки, он на ходу оторвал ее и прошел в комнату, молча показав ее Дингу, и тут же направился в туалет, чтобы спустить воду в унитазе.

Чавез осмотрелся, пытаясь догадаться, пришло ли кому-нибудь в голову установить здесь аппаратуру прослушивания. Он все еще не осознавал до конца всех тонкостей шпионского ремесла. По крайней мере профессия разведчика действительно казалась таинственной. Узкая полоска клейкой ленты на дверной ручке - кто-то предлагает встретиться. Это Номури, не иначе. Умная уловка, подумал Чавез. Тот, кто оставил условный знак, просто шел по коридору и его рука случайно прикоснулась к дверной ручке. Даже внимательный наблюдатель вряд ли заметил бы это. Ну что ж, все тщательно обдумано.

- Пойду выпью чего-нибудь, - произнес Кларк по-русски. Это означало: "Выясню, в чем дело".

- Ваня, ты слишком этим увлекаешься. - Хорошо, подумал Чавез. В любом случае так следовало сказать.

- А вот ты не похож на русского, - буркнул Кларк на случай, если в комнате установлены микрофоны, и направился к двери.

Как, черт побери, я сумею подготовиться в такой обстановке к экзаменам? - подумал Чавез. Ему пришлось оставить учебники в Корее - все они были, разумеется, на английском языке. Он не мог вести записи или заниматься

чем-то еще. Если я провалюсь на экзамене и не получу звания магистра, решил Динг, потребую от Управления, чтобы мне компенсировали затраты за проваленные предметы.

Бар в середине соседнего квартала оказался совсем неплохим. В зале царил полумрак. Кабины - небольшие и отделены друг от друга толстыми перегородками, а благодаря зеркалу над полками, уставленными рядами бутылок, можно было легко убедиться в отсутствии слежки. Но что еще лучше, почти все высокие одноногие табуреты перед стойкой бара были заняты, так что Кларку пришлось с гримасой раздражения на лице пройти в глубь зала в поисках свободного места. Номури уже сидел за столиком, ожидая его.

- Идем на риск, верно? - спросил Джон сквозь грохот музыки. Подошла официантка. Кларк заказал себе рюмку водки местного сорта, чтобы не тратить лишние деньги.

- Приказ из центра, - сказал ему Номури, и тут же встал, явно оскорбленный тем, что какой-то гайджин сел за его столик, не спросив разрешения, и направился к выходу даже без обычного вежливого поклона.

Еще до того, как вернулась официантка с заказанной рюмкой, Кларк протянул руку под стол и нашел там пакет, скочем прикрепленный к столешнице. В следующее мгновение пакет лежал у него на коленях и скоро окажется засунутым под широким пиджаком за пояс на спине. Кларк всегда покупал для работы костюмы большого размера, - а маскировка под русского облегчала дело, - так как под широкими плечами образовывалось пространство, где можно было спрятать самые разные предметы, что, считал он, являлось еще и лишним стимулом для поддержания физической формы.

Принесли заказанную им рюмку, и он выпил ее не спеша, поглядывая в зеркало над стойкой бара и пытаясь убедиться, что не видит в нем отражения лиц, которые встречались ему раньше и были занесены в его мысленную картотеку. Такая привычка стала у Кларка второй натурой, и, хотя была утомительной, он понял на горьком опыте, что игнорировать ее не следует. Оперативник пару раз посмотрел на часы, оба раза стараясь не привлекать внимания, на третий раз - открыто, тут же встал и направился к выходу, оставив на столе достаточно денег, чтобы расплатиться за выпитую рюмку. Русские не славятся щедрыми чаевыми.

Даже в такое позднее время улицы были полны народа. Всю прошлую неделю Кларк взял за правило заходить в бар, чтобы выпить рюмку-другую на ночь, а также побродить по соседним магазинам. Этим вечером он сначала выбрал книжный магазин с длинными извивающимися проходами между полками. Японцы любили читать, и здесь всегда толпились люди. Кларк походил по магазину, выбрал журнал "Экономист", затем пошел вглубь, где стояли люди перед полками с японскими комиксами маша. Он был выше остальных и потому смотрел на комиксы через головы покупателей, стараясь не подходить слишком близко и стоя спиной к выходу. Минут через пять Кларк вернулся обратно и расплатился, выслушав вежливую благодарность продавца, аккуратно завернувшего журнал. Далее он заглянул в магазин электронных товаров и посмотрел на продающиеся там проигрыватели компакт-дисков. На этот раз он столкнулся с двумя покупателями и попросил извинения по-японски - эту фразу он выучил после

приезда в Монтерей самой первой. Затем Кларк вышел на улицу и направился обратно в отель, пытаясь понять, сколько времени из последних пятнадцати минут было им потрачено напрасно. Ни единой секунды, сказал себе Кларк. Именно так и следует поступать.

Вернувшись в отель, он бросил журнал Дингу, который с удивлением увидел английское издание.

- Разве у них нет ничего на русском языке? - недоуменно спросил Чавез.

- Здесь подробно описываются детали торговой войны между Японией и Америкой. Читай и учись. По крайней мере улучшишь свой английский.

Великолепно, чертовски ловко, подумал Чавез, понимая скрытый смысл слов Кларка. Мы начинаем действовать, теперь по-настоящему. Все, он никогда не сможет получить степень магистра, посетовал про себя Динг. По-видимому, ЦРУ просто не хочет повышать ему жалованье, как полагается для специалистов с ученой степенью.

Тем временем Кларк занимался другими делами. В пакете, переданном ему Номури, находилась дискета и приспособление" которое он тут же присоединил к своему портативному компьютеру. Оперативник включил компьютер и затем вложил дискету в прорезь. В открытом им файле содержалось всего три предложения, и Кларк, прочитав их, тут же стер запись. Затем он принялся составлять то, что для постороннего человека выглядело как сообщение для своего телеграфного агентства.

Его компьютер был русским вариантом популярной японской модели с кириллицей на клавиатуре, и Кларку оказалось трудно справиться с расположением букв. Несмотря на то что он говорил и читал по-русски, как на родном языке, даже на английском он печатал одним пальцем, да и то со множеством опечаток. Клавиатура с русскими буквами буквально сводила его с ума, и ему не раз приходила в голову мысль о том, что когда-нибудь наступит момент и противник сумеет обнаружить этот маленький недостаток в его прикрытии. Потребовалось больше часа, чтобы напечатать статью, и еще тридцать минут на зашифровку сообщения, ставшего ее частью. Затем Кларк перевел все это на жесткий диск и выключил компьютер. Перевернув его, он извлек модем и заменил его другим, принесенным Номури.

- Сколько сейчас времени в Москве? - просил он устало.

- Как всегда, на шесть часов раньше чем здесь. Ты что, забыл?

- Я пошлю эту статью и в Вашингтон.

- Отлично, - проворчал "Чеков". - Там она наверняка понравится, Иван Сергеевич.

- Кларк подключил телефонную линию к своему компьютеру и набрал на нем московский номер. На передачу текста по световоду потребовалось меньше минуты. Затем он повторил операцию, передав на этот раз статью в отделение "Интерфакса" в столице США. Удивительно ловко придумано, подумал Джон. Мгновение - и модем на одном конце линии соединился с модемом на другом конце, послышался звук, похожий на атмосферные помехи. Сигнал передачи звучал просто как хриплое шипение, и прочитать его было невозможно без специального чипа, а Кларк поддерживал связь только с русским агентством новостей. Разумеется, на линии связи отделения "Интерфакса" в Вашингтоне ФБР могло установить подслушивающее устройство, но это уже совсем иное дело.

Закончив передачу, он сохранил файл с текстом обычной статьи и стер внесенные в нее дополнения, находившиеся на другом файле. Закончился еще один день на службе родине, Кларк почистил зубы и устало рухнул в узкую кровать.

- Ты произнес блестящую речь, Гото-сан. - Ямата налил сакэ в изящную фарфоровую чашку, наполнив ее почти до краев. - Твоим слушателям все стало совершенно понятно.

- А ты видел, как они принимали меня? - Политический деятель прямо-таки кипел от восторга, и его маленькое тело словно раздувалось под взглядом промышленника.

- Завтра ты сформируешь свое правительство, а послезавтра займешь кабинет премьер-министра, Хироши.

- Ты уверен?

Кивок и улыбка были знаком подлинного уважения.

- Да, конечно. Я вместе со своими коллегами говорил с нашими друзьями, и они признали, что ты - единственный человек, способный спасти нашу страну.

- Когда это начнется? - спросил Гото, внезапно отрезвев и окончательно поняв, что означает его восхождение на высший государственный пост.

- Как только народ окончательно перейдет на нашу сторону.

- Ты считаешь, что мы сможем...

- Да, ничуть не сомневаюсь. - Ямата на мгновение замолчал. - Впрочем, есть одно затруднение.

- Какое именно?

- Твоя подруга, Хироши. Если станет известно, что у нового главы правительства любовница - американка, это может скомпрометировать тебя. Мы не можем позволить себе этого, - терпеливо объяснил Ямата. - Надеюсь, ты понимаешь.

- Кимба доставляет мне огромное удовольствие, - вежливо возразил Гото.

- Ничуть не сомневаюсь, но премьер-министр имеет широкий выбор объектов для наслаждения, и к тому же весь будущий месяц мы будем заняты. - Ямате казалось забавным, что он может сначала возвысить этого человека, а затем тут же унижить его с такой же легкостью, словно манипулируя ребенком. И все-таки во всем этом было что-то, что беспокоило его. Например, что мог рассказать Гото своей любовнице? И как поступить с нею теперь?

- Бедняжка, если мы отправим ее домой, она больше никогда не познает подлинного счастья.

- Да, мой друг, ты несомненно прав, но это необходимо. Позволь мне заняться этим? Лучше всего сделать это без лишнего шума, тихо и спокойно. Теперь тебе приходится ежедневно выступать по телевидению, и потому больше не следует появляться в этом районе, как ты мог делать это, являясь обычным гражданином. Опасность слишком велика.

Человек, которому вот-вот предстояло стать премьер-министром, склонил голову и сделал пару глотков из чашки, явно сравнивая преимущества личного наслаждения с долгом перед страной. Это в который раз удивило Ямату - Впрочем нет не удивило. Гото - это Гото, и его выбрали для возведения на пост руководителя правительства скорее из-за присущих ему слабостей чем

достоинств.

- Хай, - подумав, кивнул наконец Гото. - Прошу тебя заняться этим.
- Я знаю, как сделать это, - заверил Ямата.

15. Гнусный, глупый поступок

За столом Райана находился аппарат под названием ЗТЛ-6, что означало, по-видимому, "защищенная телефонная линия", но Джон так и не нашел времени точно выяснить это. У аппарата был полированный дубовый корпус размером два на два фута, изготовленный искусными руками заключенных одной из федеральных тюрем, а внутри помещалось полдюжины зеленых монтажных плат с множеством микросхем, назначением которых было кодировать и затем декодировать ведущиеся телефонные переговоры. Кабинеты, где были установлены подобные скремблеры, принадлежали высшим правительственным чиновникам.

- Слушаю, - произнес Джек, протягивая руку за телефонной трубкой.

- Это МП. Только что поступила интересная информация по операции "Сандаловое дерево", - послышался отчетливый голос миссис Фоули, не прерываемый на цифровом канале связи никакими помехами. - Можешь включить свой факс?

- Посылай. - ЗТЛ-6 был способен и на то, чтобы передавать секретные документы на факсимильный принтер Райана. - Вы сообщили им...

- Да, сообщили.

- Одну минуту... - Джек взял первую страницу и начал читать. - Это от Кларка? - спросил он.

- Совершенно верно. Именно поэтому я сообщаю тебе первому. Ты знаешь его не хуже меня.

- Я видел происшедшее по каналу новостей Си-эн-эн. Они сообщили, что там избили их телевизионную съемочную группу. - Райан закончил чтение первой страницы.

- Кто-то бросил банку с лимонадом в лоб ведущему. Ничего страшного, головная боль скоро пройдет. Но такое случилось в Японии впервые - по крайней мере насколько это помним мы с Эдом.

- Проклятье! - воскликнул Райан, продолжая читать.

- Я так и думала, что тебе понравится эта часть.

- Спасибо за хорошие... за хорошие новости, Мэри-Пэт.

- Всегда рада помочь. - Связь отключилась. Райан заставил себя не спешить. Он знал, что его худший враг - вспыльчивость, поэтому встал и пошел к бабке с холодной водой, стоящему в кабинете секретарши. Говорят, Туманное болото, где находился Госдепартамент, когда-то было настоящим болотом, пока какому-то идиоту не пришла в голову мысль осушить его. Жаль, что в тот момент поблизости не оказалось деятелей из "Сьерра-клуб" и они не воспрепятствовали такому нарушению экологического равновесия. Они очень успешно мешали многим мероприятиям, даже не задумываясь о разумности своих действий, и в результате иногда приносили пользу обществу. Но не в данном случае, подумал Райан, опускаясь в кресло. Затем он поднял телефонную трубку ЗТЛ-6 и нажал кнопку быстрого набора номера в Госдепе.

- Доброе утро, господин секретарь, - вежливо поздоровался советник по

национальной безопасности. - Что там такое относительно вчерашней демонстрации у нашего посольства в Токио?

- Полагаю, что вы смотрели те же самые новости Си-эн-эн, что и я, - ответил Хансон, словно забыв о том, что одной из задач персонала любой американской миссии за рубежом являлось сообщать более подробные и точные сведения о происходящем в стране их пребывания, чем те, которые мог увидеть любой гражданин за утренней порцией овсянки.

- Да, конечно, но мне очень хотелось бы получить мнение дипломатов посольства, скажем, советника по политическим вопросам, может быть, даже самого советника-посланника, - произнес Райан, и в его голосе проскользнула нотка раздражения. Посол США в Японии Чак Уайтинг был назначен по политическим соображениям. Сначала сенатор, затем глава юридической фирмы в Вашингтоне, он фактически представлял интересы некоторых японских корпораций, однако его заместитель, советник-посланник, являлся - опытным дипломатом, специалистом по Японии и прекрасно разбирался в проблемах этой страны.

- Уолт решил не привлекать внимания и приказал сотрудникам не покидать посольства, опасаясь провокаций. Я не виню его за это.

- Может быть, и так, но у меня в руках отчет очевидца, присланный опытным оперативником, который...

- Я тоже уже получил этот отчет, Райан. Это паникерство. Как имя оперативника?

- Я уже сказал - это опытный специалист.

- Гм... Вижу, что он знаком с Ираном. - Райан слышал шорох бумаг. - Значит, сотрудник ЦРУ. Думаю, это повлияло на его восприятие происшедшего. Большой опыт работы в Японии?

- Нет, но...

- Тогда все ясно. Паникер, как я и подумал. Значит, вы хотите, чтобы я получил дополнительную информацию о случившемся?

- Да, господин секретарь.

- Хорошо, я свяжусь с Уолтом. Что-нибудь еще? Я ведь тоже занят подготовкой поездки в Москву.

- Вы не могли бы как следует его поторопить?

- Ладно, Райан. Приму меры. Только не забывайте, что сейчас там уже ночь.

- Премного благодарен. - Райан положил трубку и выругался. Подумать только, он не хочет будить посла! Теперь Джеку предстояло решить, как действовать дальше. Типичным для него было выбрать самый прямой путь - он снял трубку телефонного аппарата на столе и нажал кнопку канала, соединяющего советника по национальной безопасности с личным секретарем президента.

- Мне необходимо недолго поговорить с боссом.

- Через тридцать минут устроит?

- Да, спасибо.

Задержка объяснялась церемонией, происходившей в Восточном зале, что упоминалось в ежедневном расписании президента, которое лежало на столе

Райана, о чем он просто забыл. Число участников было слишком велико для Овального кабинета, и это вполне устраивало секретарей. Десять телевизионных камер и добрая сотня журналистов наблюдали за тем, как Роджер Дарлинг ставил свою подпись под законом о реформе торговли. В соответствии с важностью закона и существующими традициями требовалось, чтобы для этого использовалось несколько ручек - по одной для каждой буквы в фамилии президента, что превратило подписание закона в длительный и сложный процесс. Первую ручку передали, вполне естественно, Элу Тренту, инициатору законопроекта. Остальные получили председатели комитетов палаты представителей и сената, а также несколько избранных представителей партии меньшинства, без помощи которых законопроект не получил бы одобрения Конгресса так быстро. Последовали аплодисменты, традиционные рукопожатия, и новый закон стал частью федерального кодекса США (с поправками и дополнениями). Отныне закон о реформе торговли вступил в силу.

Одной из съёмочных групп были представители японской телевизионной компании Эн-эйч-кей. Они выглядели мрачными. Теперь им предстояло ехать в Министерство торговли, чтобы взять интервью у юристов, занимающихся анализом существующих японских законов и правил, регулирующих внешнюю торговлю, для немедленного дублирования их в Америке. Для японских журналистов это будет иметь небывалое воспитательное значение.

У Криса Кука, как и у большинства высокопоставленных государственных служащих, в кабинете стоял телевизор, и он следил за процедурой подписания закона. Теперь возможность его ухода в "частный" сектор исчезала в туманной дали. Оставаясь на федеральной службе и принимая со стороны плату за свои услуги, Кук испытывал тревогу. Разумеется, деньги поступали на номерной банковский счет, но разве это законно? Ему не хотелось нарушать закон. Он стремился к укреплению дружественных отношений между Америкой и Японией, а сейчас они быстро ухудшались, и, если ситуация быстро не изменится, его карьера закатится, несмотря на то что всего несколько лет назад она выглядела такой многообещающей. Кроме того, Кук нуждался в деньгах. Сегодня вечером ему предстоял ужин с Сейджи. Они обсудят меры, направленные на улучшение торговых отношений между их странами, подумал заместитель помощника государственного секретаря и вернулся к работе.

В здании посольства на Массачусетс-авеню Сейджи Нагумо смотрел ту же программу и испытывал такую же тревогу. Уже никогда все не будет так, как было раньше, думал он. Может быть, новое правительство... Нет, Гото демагог и дурак. Его рисовка и хвастовство только ухудшат ситуацию. Для решения возникшей проблемы требуется... что?

Впервые за свою карьеру Нагумо не мог найти выхода. Дипломатия потерпела неудачу. Лоббисты оказались бессильны. Даже шпионаж - если так можно назвать его действия - и тот не смог привести к желаемому результату. Шпионаж? Неужели это правильное слово, характеризующее его поведение в Америке? Формально, да, был вынужден признать Нагумо. Он платил за получаемую информацию, платил Куку и другим государственным служащим. По крайней мере они занимают достаточно высокие должности, и он смог

своевременно предостеречь свое правительство. Министерство иностранных дел знает, что он сделал все возможное, даже чуть больше. И он будет продолжать свою работу, будет через Кука воздействовать на то, как американцы станут истолковывать японские законы о внешней торговле. Однако у американцев есть хорошее выражение, характеризующее запоздалые усилия: переставлять шезлонги на палубе потонувшего "Титаника".

От подобных размышлений настроение Нагумо только ухудшилось, и очень скоро испытываемые им чувства можно было охарактеризовать одним словом: отчаяние. Теперь пострадают его соотечественники, пострадает Америка, пострадает весь мир. И все из-за одного несчастного случая на шоссе, в результате которого погибли шестеро каких-то там людей. Безумие.

Безумие это или нет, но такова жизнь. В кабинет вошел курьер и вручил Нагумо под расписку запечатанный пакет. Дипломат подождал, пока курьер уйдет, и лишь затем вскрыл конверт.

Уже сопроводительная записка говорила о многом. Депеша адресована лично Нагуме, даже посол никогда не узнает о содержании того, что лежало сейчас на столе. Прочитав инструкции на двух страницах, он почувствовал, что у него дрожат руки.

Нагумо вспомнил историю. Франц-Фердинанд, титулованное ничтожество, которому придавали так мало значения, что на его похороны даже не приехал никто из важных особ, погиб 28 июня 1914 года в проклятом городе Сараеве, но его убийство стало тем глупым событием, из-за которого началась первая мировая война, охватившая весь земной шар. В данном случае роль таких малозначащих людей сыграли несколько американских девушек и капитан полиции.

Из-за подобных мелочей начнется вот такое? Лицо Нагумо покрылось смертельной бледностью, но у него не было выбора, поскольку его жизнь регулировалась теми же силами, которые заставляют вращаться мир.

Учения "Океанские партнеры" начались в назначенный срок. Подобно большинству таких военных игр, они представляли собой сочетание инициативы и строгих правил. Огромные размеры Тихого океана давали большие возможности для маневров, которые должны были проходить между японским островом Маркус и атолл Мидуэй. В соответствии с замыслом моделировалось столкновение Военно-морского флота США с небольшим, но очень подвижным соединением, состоящим из современных фрегатов и эсминцев.

Перевес, пусть и не решающий, был по замыслу на стороне американского флота. Остров Маркус - на картах он носил название Минамитори - считался по условиям учений берегом континента. На самом деле это был даже не остров, а скорее атолл площадью всего в 740 акров, едва достаточный для размещения на нем метеорологической станции, крохотного рыбацкого поселка и единственной взлетно-посадочной полосы, на которой будут базироваться три патрульных самолета Р-3С "Орион". Американские истребители условно "собьют" их, но самолеты снова оживут на следующий день. Рыбаки, находящиеся на острове и собирающие морской урожай в виде осьминогов, бурых водорослей и редко попадающихся меч-рыб для продажи на японских рынках, с радостью восприняли возросшую активность, развеявшую скуку однообразной жизни. Летчики привезли с собой множество ящиков пива и будут обменивать его на свежую рыбу, что

давно превратилось в дружескую традицию.

Два из трех "орионов" взлетели незадолго до рассвета, направляясь на север и на юг в поисках американского авианосного флота. Экипажи самолетов, знакомые с возникшими трудностями в торговле между Японией и Америкой, отнеслись к заданию с особым вниманием. В конце концов, подобные вылеты не были чем-то новым для японской авиации. Их предки делали то же самое двумя поколениями раньше на гидросамолетах H8K2 "кавасаки" - между прочим, их строила та же фирма, что и современные "орионы", - вылетающих на поиски американских авианосных соединений, которыми командовали по очереди адмиралы Халси и Спруенс. Сегодня будет использовано немало тактических приемов, основывающихся на уроках того времени. Сами "орионы" P-3C представляли собой японские самолеты, разработанные на основе базисной модели, созданной американскими инженерами. Первоначально они использовались как турбовинтовые авиалайнеры, но затем превратились в надежные и мощные, хотя и несколько медлительные самолеты морского дозора. Как и почти все военные самолеты, состоящие на вооружении ВВС Японии, "орионы" были усовершенствованы и модернизированы на японских заводах. С тех пор разработали и построили новые мощные двигатели, увеличивающие крейсерскую скорость патрульных самолетов до трехсот пятидесяти узлов. Однако особенно высокого качества на них было бортовое электронное оборудование, в частности датчики, позволяющие обнаруживать излучения, исходящие от других самолетов и кораблей. Именно в этом и заключалась поставленная сегодня перед ними задача: совершать полет, описывая огромные восьмерки и прислушиваясь к радиолокационным импульсам и радиосигналам, которые выдадут появление американских боевых кораблей и самолетов. Задача была простой - вести разведку и обнаружить врага. Исходя из сообщений в прессе и разговоров с родственниками, работающими на японских промышленных предприятиях, думать об американцах как о враге было не так уж трудно.

На борту авианосца "Джон Стеннис" капитан первого ранга Санчес наблюдал за тем, как самолеты утреннего патруля - этот термин нравился всем летчикам-истребителям, - выброшенные катапультами, взвивались в небо и занимали позиции внешнего воздушного прикрытия. После взлета "томкэтов" наступит очередь противолодочных самолетов S-3 "викинг", обладающих большим радиусом действия. Они будут прочесывать район, по которому сегодня пройдут корабли авианосного соединения. Последними в небо поднимутся "праулеры", "птички" электронного слежения и оповещения, предназначенные для обнаружения и подавления радиолокаторов противника. Санчес всегда испытывал волнение, наблюдая с мостика авианосца за подготовкой и взлетом палубной авиации. Это было почти так же приятно, как взлетать самому, но теперь он командовал авиакрылом и ему полагалось не вести за собой свои самолеты, а руководить их действиями. Штурмовая эскадрилья "хорнетов" стояла на палубе с подвешенными под крыльями синими учебными ракетами, готовая нанести удар по вражескому соединению, как только оно будет обнаружено. Летчики сидели в помещении боевой готовности, читали журналы или рассказывали анекдоты, потому что уже прошли предполетный инструктаж и были знакомы с предстоящим заданием.

Адмирал Сато следил за отходом своего флагманского корабля от танкера "Хомана", одного из четырех тендеров, обеспечивающих снабжение эскадры. Капитан танкера снял фуражку и помахал ею над головой в знак ободрения. Сато ответил на приветственный жест. Корабль обеспечения прибавил ход и начал удаляться от эскадры. Теперь у адмирала было достаточно топлива для того, чтобы его корабли могли маневрировать на высокой скорости. Предстоящее соперничество обещало стать интересным, чем-то вроде соревнования между хитростью и грубой силой, что не являлось столь уж необычным для Военно-морского флота его страны, и потому адмирал решил прибегнуть к традиционной японской тактике. Шестнадцать надводных кораблей его эскадры были разбиты на три группы - одна состояла из восьми судов и две имели в своем составе по четыре, причем все три группы находились на большом расстоянии друг от друга. Внешне похожая на план адмирала Ямамото при сражении у Мидуэя, оперативная концепция Сато являлась теперь намного более практичной, потому что при использовании спутниковой навигации он всегда точно знал расположение своих кораблей, а прибегая к методам космической связи, японские корабли могли обмениваться информацией по относительно защищенным каналам. Американцы рассчитывают, по-видимому, что адмирал расположит свой флот в непосредственной близости от "дома", но Сато избрал другой план. Он постарается перехватить инициативу, поскольку пассивная оборона всегда противоречила основам японской стратегии, что было известно американцам/ однако затем они забыли про это, не так ли? Адмирал улыбнулся при этой забавной мысли.

- Слушаю тебя, Джек, - произнес президент. Он был в хорошем настроении после подписания нового закона, который, как надеялся Дарлинг, решит одну из главных проблем его страны и сделает очень многообещающей вероятность переизбрания на новый срок. Жаль, что мне придется расстроить его, подумал Райан, но должность советника по национальной безопасности имела мало общего с политикой, по крайней мере с такой.

- Вам это может показаться интересным, - произнес Райан и, продолжая стоять, передал президенту страницы факса.

- Снова от нашего друга Кларка? - спросил Дарлинг, откидываясь на спинку кресла и протягивая руку за очками. Ему приходилось пользоваться ими при чтении обычной корреспонденции, в то время как текст его выступлений и фразы на экране телевизионного "суфлера", стоящего на трибуне, печатались крупным шрифтом, что позволяло обходиться без очков, поддерживая президентское тщеславие.

- Полагаю, что Госдеп уже ознакомился с этим, - заметил Дарлинг, прочитав текст. - Что-они думают о происшедшем?

- Хансон назвал это паникерством, - сообщил Райан. - Однако посол приказал всем сотрудникам миссии оставаться в здании, потому что ему не хотелось "спровоцировать инцидент". Таким образом, если не считать телевизионной передачи, это отчет единственного очевидца случившегося.

- Я еще не успел прочитать текст речи, с которой Гото обратился к участникам демонстрации. Он где-то здесь. - Дарлинг показал на стол.

- Было бы неплохо сделать это. Я уже прочитал. Президент кивнул.

- Что еще? Я ведь знаю, ты не придешь ко мне только с этим.

- Я дал разрешение Мэри-Пэт возобновить деятельность агентурной сети "Чертополох". - Райан вкратце объяснил, что представляет собой эта сеть.

- Тебе следовало бы обратиться ко мне за разрешением, Джек.

- За этим я и пришел, сэр. Вы знаете кое-что о Кларке. Его трудно напугать. В состав "Чертополоха" входит пара сотрудников министерств иностранных дел и внешней торговли. Думаю, будет полезно знать, о чем они думают.

- Но ведь Япония - не враждебная для нас страна, - заметил Дарлинг.

- Нет, пожалуй, - согласился Джек и впервые заметил, что его ответ не прозвучал "нет, конечно". Президент вопросительно посмотрел на него, услышав это. - И все-таки нам нужно получать оттуда точную информацию. Такова моя рекомендация.

- Хорошо, я согласен. Что еще?

- Я также распорядился, чтобы Кимберли Нортон вывезли из Японии в Штаты как можно быстрее. Это должно произойти в течение ближайших двадцати четырех часов.

- Посылаем предостережение Гото, верно?

- Только отчасти. Самое простое объяснение заключается в том, что нам известно о ее пребывании в Японии, она американская гражданка и потому...

- У меня тоже есть дети. Согласен. Сбереги благочестие для церкви, Джек, - распорядился Дарлинг с улыбкой. - Как это произойдет?

- Если она согласится уехать, ее отвезут в аэропорт и отправят в Сеул. Там для девушки будет приготовлена одежда, новый паспорт, билеты в первом классе для нее самой и сопровождающего, который ее встретит. Оттуда после пересадки Кимберли Нортон вылетит самолетом корейской авиакомпании "КАЛ" в Нью-Йорк. Мы поместим ее в отель, дадим прийти в себя и постараемся получить всю возможную информацию. Ее родители прилетят из Сиэтла, мы объясним им, что нужно хранить молчание. Девушке понадобится, по-видимому, помощь психиатра - нет, скорее, обязательно понадобится. Это поможет и в сохранении молчания. ФБР готово на помощь. Ее отец - полицейский, так что он окажет нам содействие. - Звучит хорошо, подумал Райан.

Президент кивнул.

- И что тогда мы скажем Гото?

- Вы сами должны принять решение, господин президент. Я бы порекомендовал пока воздержаться. Давайте сначала подробно побеседуем с девушкой. Скажем, в течение недели, и затем наш посол нанесет обычный визит вежливости и передаст ваши пожелания успеха новому главе японского правительства...

- И при этом вежливо поинтересуется, как отреагируют его соотечественники, если узнают, что такой отъявленный националист долгое время спал с белокурой американской девушкой. А после этого протянем ему маленькую оливковую ветвь примирения, правда? - Дарлинг понял все удивительно быстро, с одобрением подумал Райан.

- Да, сэр, такова моя рекомендация.

- Очень небольшая, - сухо заметил президент.

- В данный момент это всего одна оливка, - улыбнулся Райан.

- Согласен, - снова кивнул Дарлинг и тут же добавил, уже более резко: - А теперь ты, наверное, скажешь, какую оливковую ветвь предложить?

- Нет, сэр. Может быть, я проявил излишнюю настойчивость? - спросил Джек, понимая, что зашел слишком далеко.

Дарлинг с трудом удержался от того, чтобы извиниться перед своим советником по национальной безопасности за резкий тон.

- Знаешь, Джек, а ведь Боб был прав, когда говорил о тебе.

- Извините?

- Боб Фаулер, - пояснил Дарлинг и сделал жест в сторону кресла, приглашая Райана сесть. - Когда я тогда разговаривал с тобой, ты здорово меня достал.

- Тогда у меня просто не оставалось сил, сэр, помните? - Сам Джек не мог забыть случившегося. До сих пор его преследовали кошмары. Он вспоминал, как сидел в Национальном центре боевых операций, отдавая команды и говоря, что нужно предпринять, но, когда начинались кошмары, ему казалось, что никто не видит и не слышит его, а по "горячей линии" поступают все новые и новые сообщения, приближающие его страну к грани войны, которую он по сути дела сумел предотвратить. Подлинные события того памятного времени так никогда и не стали достоянием средств массовой информации. Может быть, к лучшему. Все, кто принимали в этом участие, знали о происшедшем,

- В то время я не понял, что он имел в виду. Короче говоря, - Дарлинг поднял руки над головой и потянулся, - когда тем летом случилась та катастрофа, мы с Бобом кое-что обсудили в Кемп-Дэвиде. Он рекомендовал тебя на эту должность. Ты удивлен? - спросил президент с лукавой улыбкой,

- Да, очень, - тихо признался Райан. Арни ван Дамм не обмолвился об этом ни словом. Интересно почему? - подумал Джек.

- Боб сказал, что на тебя можно положиться в критической обстановке, что ты хладнокровный сукин сын. Он также добавил, что в остальное время ты самодовольный и упрямый ублюдок. Да, Бобу Фаулеру в этом не откажешь, он превосходно разбирается в людях. - Дарлинг замолчал, давая Райану возможность оценить сказанное. - Ты способен найти выход даже в ситуации, которая кажется безвыходной, Джек. Сделай мне одолжение - себе тоже - и запомни, что сегодня ты зашел без моего разрешения слишком далеко. Есть какие-то пределы для инициативы, понимаешь? У тебя ведь опять произошла стычка с Бретом?

- Да, сэр. - Джек кивнул подобно школьнику. - Совсем небольшая.

- Старайся не давить на него слишком уж сильно. Он мой государственный секретарь.

- Понимаю, сэр.

- Ты готов к поездке в Москву?

- Кэти ожидает ее с таким удовольствием, - ответил Райан, довольный, что президент сменил тему, и с удовлетворением отмечая, как умело тот провел такой непростой разговор.

- Буду рад новой встрече. Твоя жена очень нравится Энн. Что-нибудь еще?

- Пока все.

- Ну что ж, Джек, спасибо за правильные действия, - произнес Дарлинг, стремясь закончить разговор на примирительной ноте.

Райан вышел из Овального кабинета через восточную дверь, миновал комнату Рузвельта (Тедди Рузвельта) и направился к своему кабинету. По пути он заметил, что Эд Келти снова приехал и работает у себя за столом. Интересно, когда произойдет вот это, подумал Райан и вспомнил, что президент, пусть и довольный событиями сегодняшнего дня, все еще будет вынужден заняться этим скандалом. Еще один дамоклов меч, сказал себе он. Райан понимал, что на этот раз подошел к самой границе дозволенного, а его задача заключается в том, чтобы облегчать деятельность президента, но не затруднять ее. Главе государства приходится заниматься не только международными проблемами, иногда внутренняя политика затрагивает столь чувствительные вопросы, что ему хочется отложить их решение на годы, какими бы насущными они ни являлись.

Неужели Фаулер говорил обо мне? Проклятье.

Они знали, что сейчас самое безопасное время для выполнения задания. Готов выступал по телевидению со своей первой речью в качестве премьер-министра, и, каким бы ни было ее содержание, можно не сомневаться, что сегодня вечером он не придет к своей юной любовнице. Может быть, успешно выполненное задание станет интересным и полезным контрапунктом по отношению к выступлению нового главы правительства, чем-то вроде ответа со стороны Америки. Такая мысль нравилась обоим оперативникам.

Джон Кларк и Динг Чавез в назначенный час обходили квартал, глядя через полную людей улицу на ничем не примечательное здание. Все они похожи одно на другое, подумал Джон. Может быть, кому-то и придет в голову, что кричащий фасад или башня в деловом квартале явится более удобной маскировкой, а может, и нет. Скорее всего, это вызвано отсутствием интереса. Из подъезда вышел мужчина. Левой рукой он снял темные очки, и этой же рукой дважды провел по затылку, приглаживая волосы, затем пошел прочь. Номури знал, где находится здание, в котором живет Ким Нортон, но до сих пор от него не требовалось выяснять расположение ее комнаты. Выходить на нее так близко было рискованно, но поступил приказ пойти на риск, и теперь, подав условный сигнал, он направился к тому месту, где оставил свою машину. Через десять секунд Номури исчез в толпе, словно растворился в массе людей на тротуаре. Для него это просто - он ничем не отличается от окружающих. Дингу тоже несложно. С его худощавым телосложением, черными блестящими волосами и смуглым лицом он на расстоянии почти сливается с толпой. Да и стрижка, на которой настоял Кларк, тоже помогала. Сзади он казался просто еще одним прохожим, идущим по тротуару. Это может оказаться полезным, подумал Кларк, чувствуя себя еще более заметным, особенно в такой момент.

- За дело, - выдохнул Динг, и оба оперативника перешли на другую сторону улицы, стараясь не привлекать к себе внимания.

Кларк был одет как бизнесмен, но он редко чувствовал себя таким голым. Ни у него, ни у Динга не было с собой никакого оружия, даже перочинного ножа. И хотя они отлично владели приемами рукопашного боя, оба были слишком опытными, чтобы не предпочитать оружие в случае столкновения - всегда лучше удерживать противника на расстоянии.

Им повезло.. В крошечном вестибюле здания не было никого, так что их

появление оказалось незамеченным. Оперативники поднялись по лестнице на второй этаж, затем прошли по коридору до самого конца, дверь, ведущая в комнату Нортон, должна оказаться слева. Номури хорошо справился со своим заданием. В тускло освещенном коридоре было пусто. Кларк быстро шел впереди. Замок оказался простым. Динг стоял настороже. Кларк достал отмычку, сумел сразу открыть замок и распахнул дверь. Они вошли в комнату и лишь затем поняли, что операция провалилась.

Кимберли Нортон была мертва. Она лежала на коврике - футоне, - ее шелковое дорогое кимоно собралось складками чуть ниже колен, обнажая ноги. Тело уже окрашивала трупная бледность. Кровь под воздействием силы тяжести скапливалась внизу. Скоро верхняя часть тела станет пепельно-серой, а нижняя - темно-бордовой. Какая жестокая штука смерть, подумал Кларк. Мало того что она похитила у девушки жизнь, она похитила у нее и красоту. Кимберли Нортон прежде была красива - но разве не в этом и заключается причина ее смерти? Джон сравнил лицо трупа с фотографией, и у него мелькнула мысль, что девушка чем-то напоминает его младшую дочь Пэтси. Он передал фотографию Дингу. Интересно, заметит ли молодой парень это мимолетное сходство?

- Это она.

- Да, Джон, - хрипло прошептал Чавез. - Она. - Короткое молчание. - Проклятье, - тихо выругался он, закончив осмотр трупа. Его лицо исказила гримаса ярости. Значит, Динг тоже обратил на это внимание, понял Кларк.

- Фотоаппарат у тебя с собой?

- Да. - Динг достал из кармана брюк миниатюрную камеру.

- Собираешься исполнять обязанности полицейского?

- Конечно.

Кларк наклонился, начал осматривать мертвое тело и сразу понял, что вряд ли сумеет сделать это достаточно квалифицированно. Он не обладал опытом патологоанатома, хотя был давно знаком со смертью. Чтобы сделать правильные выводы, нужны профессиональные медицинские знания. Вот... едва заметная маленькая впадина у вены в верхней части ступни. Значит, увлекалась наркотиками? Если это так, то девушка относилась к наркотикам с большой осторожностью, подумал Джон, всегда стерилизовала иглу шприца и... он осмотрел комнату. Вот. Бутылка алкоголя, пластмассовый пакет с ватными тампонами и одноразовыми пластиковыми шприцами.

- Что-то я больше не вижу следов от уколов.

- Они не всегда бросаются в глаза, - заметил Чавез. Кларк вздохнул, развязал пояс кимоно и распахнул полы. Тело девушки под кимоно было обнаженным.

- Проклятье! - прошипел Чавез, заметив светлую жидкость на внутренней поверхности бедер.

- В данном случае ты выбрал удивительно неподходящее слово, - прошептал в ответ Кларк. Он почувствовал, что впервые за много лет едва не теряет самообладание. - Начинай фотографировать.

Динг не ответил. Раз за разом сверкала вспышка и жужжала автоматическая перемотка пленки. Он запечатлел все так, как это мог бы сделать профессиональный судебный фотограф. Кларк стал закрывать полами кимоно мертвенно-бледное тело, словно стараясь вернуть девушке достоинство, отнятое

у нее смертью и людьми, лишившими ее жизни.

- Минуту... посмотри на левую руку.

Кларк наклонился к левой руке. Один ноготь был сломан. Все остальные были аккуратно подстрижены и покрыты бесцветным лаком. Он осмотрел их. Под ногтями виднелось что-то.

- Может быть, она кого-нибудь поцарапала? - спросил Кларк.

- Посмотри, мистер К, нет ли на теле мест, где она могла поцарапать себя?

- Нет.

- Значит, когда это случилось, кто-то с ней был. Осмотри, еще раз ее лодыжки, - настойчиво посоветовал Чавез.

На левой ступне, там, где остались следы укола, виднелись синяки, почти скрытые распространяющейся трупной бледностью.

Чавез сделал последний снимок. - Я так и думал, - заметил он.

- Объяснишь потом. А сейчас уходим. - Джон встал. Меньше чем через минуту они вышли через черный ход, миновали извилистый переулок и оказались на широкой улице. Здесь им предстояло ждать машину.

- Как раз вовремя, - произнес Чавез, когда полицейский автомобиль остановился у дома номер восемнадцать. Прошло еще несколько секунд, и подъехала машина со съемочной телевизионной группой.

- Ты только посмотри, как здорово, а? Они произведут осмотр места происшествия и придут к логическому выводу... Так что ты хотел сказать, Динг?

- Все не так просто, мистер К. Это должно выглядеть как смерть от слишком большой дозы наркотиков, правда?

- Конечно. У тебя есть сомнения в этом?

- Когда вводишь себе слишком большую дозу героина, смерть наступает мгновенно. Раз - и до свиданья. Однажды мне довелось видеть, как парень сделал такое - давно, еще в молодости, - так он даже не успел выдернуть иглу из вены, понимаешь? Сердце останавливается, легкие перестают дышать, наступает конец. И уж никак нельзя встать, положить на столик шприц и снова лечь, верно? Синяки на ноге. Кто-то всадил в нее иглу. Ее убили, Джон. И, похоже, изнасиловали.

- Я осмотрел принадлежности. Все изготовлено в США. Они здорово подготовились. Полиция прекратит расследование, закроет дело, обвинит в смерти саму девушку и ее семью. Одновременно это будет хорошим уроком для собственных граждан. - Кларк поднял голову и посмотрел на выезжающий из-за угла автомобиль. - А у тебя острый глаз, Динг.

- Спасибо, босс. - Чавез снова замолчал, чувствуя, что теперь, когда он бессилен что-то предпринять и может только думать о происшедшем, в нем опять начинает подниматься волна гнева. - Знаешь, мне очень хотелось бы встретиться лицом к лицу с тем, кто виновен в ее смерти.

- Такой возможности у нас не будет. Почему бы не помечтать, а?

- Я знаю, но в свое время мне довелось быть ниндзей, помнишь? Можно было бы позабавиться, особенно если действовать голыми руками.

- Рискнешь переломать кости, причем очень часто собственные.

- Было бы приятно посмотреть ему в глаза, когда это произойдет.

- Тогда поставь на винтовку хороший оптический прицел, - посоветовал Кларк.

- Да, пожалуй, - согласился Чавез. - Слушай, мистер К, что это за человек, который может получить наслаждение от такого?

- Психически ненормальный ублюдок, Доминго. Когда-то мне доводилось встречаться с подобными мерзавцами.

Машина остановилась перед ними. Прежде чем сесть в нее, черные глаза Чавеза глянули прямо в глаза Кларка.

- Может быть, мне все-таки удастся встретиться с ним лицом к лицу, Джон. Иногда судьба - рок - выкидывает любопытные штуки. Очень забавные.

- Где она? - спросил Номури, сидевший за рулем.

- Поехали, - сказал ему Кларк.

- Вы бы только послушали. Гото, - заметил Чет, отъезжая от тротуара и пытаясь понять, что же случилось.

- Девушка мертва, - сообщил Райан президенту меньше чем через два часа, ровно в час дня по вашингтонскому времени.

- Она умерла своей смертью? - спросил Дарлинг.

- Чрезмерная доза наркотика, введенная, по-видимому, кем-то. Сделаны фотографии. Должны прибыть сюда через тридцать шесть часов. Наши парни едва успели уехать с места происшествия, как появилась японская полиция.

- Одну минуту, Джек, не так быстро. Ты утверждаешь, что ее убили?

- Таково мнение наших оперативников, господин президент.

- Они достаточно подготовлены, чтобы сделать такой вывод? Райан опустил в кресло и решил объяснить чуть подробнее.

- Да, сэр, старший из наших агентов кое-что понимает в этом деле.

- Весьма обтекаемая формулировка, - сухо заметил президент. - Мне не следует знать какие-то детали, как ты считаешь?

- В данный момент не вижу причин для этого, сэр.

- Дело рук Гото?

- Скорее одного из его людей. Вообще-то все станет ясно после того, как мы получим заключение японской полиции. Если в нем будет что-то, расходящееся с нашей информацией, тогда станет ясно, что дело сфабриковано. Не так уж много людей, обладающих достаточным влиянием, чтобы отдать приказ о подтасовке данных полицейского расследования. - Райан помолчал, потом заговорил снова: - Сэр, у меня есть информация, полученная от еще одного независимого источника относительно репутации этого человека. - Он повторил все, что узнал от Крис Хантер.

- Ты говоришь, что, по твоему мнению, он приказал убить молодую девушку и заставил свою полицию закрыть дело? И знаешь, что ему нравятся подобные извращения? - Лицо

Дарлинга покрылось краской гнева. - И настаиваешь, чтобы я протянул ему оливковую ветвь? Что случилось с тобой, черт побери? Джек сделал глубокий вдох.

- Согласен, господин президент, я заслужил ваш упрек. Но вопрос стоит сейчас так: как нам поступить? Выражение на лице Дарлинга смягчилось.

- Извини, Джек, ты не заслужил этого.

- По правде говоря, заслужил, господин президент. Я мог бы отдать приказ Мэри-Пэт вывезти ее домой гораздо раньше, но не сделал этого... - с грустью заметил Райан. - Я не ожидал, что события будут разворачиваться с такой быстротой.

- Такое случается со всеми, Джек. Итак, что делать сейчас?

- Мы не можем обратиться к советнику по юридическим вопросам в нашем посольстве, потому что еще "не знаем" о случившемся. Думаю, однако, что следует предупредить ФБР о необходимости проверки обстоятельств ее смерти, после того как получим официальное уведомление. Я могу позвонить Дэнну Мюррею.

- Это правая рука Шоу, занимающийся решением особо важных проблем? Райан кивнул.

- Да, мы с Дэнном давно знаем друг друга. А вот что касается политических аспектов, то я не уверен. Только что прибыла телевизионная запись первого выступления Гото в качестве премьер-министра. Мне хотелось, чтобы вы знали, с кем имеете дело, прежде чем начнете ее читать.

- Скажи мне, Джек, сколько, по твоему мнению, таких подонков стоит во главе разных государств?

- Вы знаете это лучше меня, сэр. - Райан на мгновение задумался. - Вообще-то нельзя считать, что это так уж плохо. Они слабые, господин президент. И трусливые. Если уж у вас есть враги, пусть у этих врагов будет побольше уязвимых мест.

Но ведь Гото может приехать к нам с государственным визитом, подумал Дарлинг. Нам придется разместить его в Блэйр-хаус, напротив Белого дома, дать банкет в его честь, мы выйдем в Восточный зал, будем произносить трогательные речи, поднимать бокалы за здоровье друг друга и пожимать руки, словно близкие друзья. Черт бы его побрал! Дарлинг открыл папку с речью Гото и пробежал глазами первую страницу.

- Ну и сукин же сын! "Америка должна понять", представляешь?

- Гнев, господин президент, не лучший советчик в решении проблем.

- Да, ты прав, - согласился Дарлинг. Он помолчал, и затем на его лице появилась лукавая улыбка. - Насколько я помню, горячность относится и к числу твоих недостатков, верно?

Райан кивнул.

- Да, сэр, меня не раз упрекали в этом.

- Ну что ж, после возвращения из Москвы нам придется заняться двумя крупными вопросами.

- Тремя, сэр. Нужно будет принять решение относительно Индии и Шри-Ланки. - По выражению лица Дарлинга Джек понял, что президент позволил себе забыть об этом.

Впрочем, Дарлинг задвинул в дальний угол своей памяти еще одну проблему.

- Сколько времени мне придется ждать? - бросила мисс Линдерс.

Мюррей видел на ее лице отпечаток страданий еще более отчетливо, чем они слышались в словах женщины. Но как ему объяснить это? Уже став жертвой преступления, ей пришлось покинуть убежище, в котором она скрывалась столько

времени, и открыть душу множеству незнакомцев. Подобная процедура болезненна для всякого, но для нее в особенности. Мюррей был искусным и опытным следователем, умел допрашивать людей. Он знал, как утешить человека, как ободрить его, как выудить нужную информацию. Он был первым сотрудником ФБР, который выслушал ее рассказ, полный кричащей боли, и в результате превратился в одного из знатоков морального состояния пострадавшей в не меньшей степени, чем доктор Гоулден. Затем мисс Линдерс допрашивала еще пара агентов ФБР, мужчина и женщина, специализирующиеся на расследовании подобных преступлений. После этого ею занялись два разных психиатра, беседы которых по необходимости были не слишком дружескими, поскольку от них требовалось, во-первых, установить окончательную правду и, во-вторых, дать понять мисс Линдерс, с какой враждебностью ей придется столкнуться в дальнейшем. В процессе всего этого, понял Мюррей, Барбара Линдерс перенесла еще более мучительные страдания, чем раньше. Ей пришлось заставить себя рассказать всю правду сначала доктору Гоулден, затем сделать то же самое для Мюррея, далее еще и еще. А теперь ей предстояло столкнуться с самым трудным испытанием, поскольку некоторые члены юридического комитета Конгресса были союзниками Эда Келти и потому пожелают отнестись к свидетелю с максимальной жесткостью, чтобы завоевать расположение вице-президента или продемонстрировать свой профессионализм и беспристрастие как юристов. Барбара знала это. Мюррей сам провел ее через предстоящее испытание, сам задавал ей вопросы, иногда жестокие и неожиданные, причем всегда им предшествовало мягкое объяснение вроде такого: "Вас могут спросить также вот о чем...".

Все это оказало воздействие на нее, и тяжелое воздействие. Барбара - теперь они стали слишком близкими знакомыми, чтобы он продолжал думать о ней как о мисс Линдерс, - продемонстрировала незаурядное мужество, какое только можно ожидать от жертвы подобного преступления, и даже больше. Однако мужество не появляется само по себе. Оно похоже на счет в банке. С него можно снять всего лишь определенное количество денег, а затем придется остановиться, до тех пор пока на депозит не поступят новые средства. Однако лишь ожидание того неизвестного ей дня, когда ее вызовут в Конгресс, когда ей придется занять место в зале заседаний и сделать вступительное заявление перед телевизионными камерами, ощущение, что ей придется обнажить свою душу перед всем миром, - все это походило на то, что ночь за ночью в банк приходит грабитель и похищает часть запаса ее внутренней решимости, накопленной с таким трудом.

Но и для Мюррея все это было непросто. Он провел следствие, собрал материалы для судебного дела, подготовил прокурора, но среди тех, кто принимали участие во всем этом, он был ближе всех к Барбаре. Это ему предстояло убедить ее, продемонстрировать этой женщине, что мужчины не похожи на Эда Келти, что и для мужчин подобный поступок является столь же отталкивающим, как и для женщин. Он был для Барбары защитником справедливости. Разоблачение и последующее наказание преступника стало теперь целью его жизни в еще большей степени, чем для нее.

- Барбара, ты должна держаться, крошка. Мы накроем этого мерзавца, но не сможем добиться желаемого результата, если только не... - Он продолжал говорить, произнося правильные слова, стараясь вкладывать в них убеждение,

которого не испытывал. С каких это пор политика начала влиять на уголовное право? Закон нарушен. У них подготовлены свидетели, есть вещественные доказательства, но теперь их заставляют ждать, а это причиняет не меньший вред истцу, чем жесткий допрос любого адвоката, защищающего ответчика.

- Но время уходит!

- Еще две недели, может быть, три, и мы возьмемся за дело, Барбара.

- Послушай, Дэн, я ведь понимаю, что-то происходит, верно? Ты не считаешь меня такой уж душой, а? Теперь он перестал выступать с речами, открывать новые мосты и тому подобное. Кто-то предупредил его, и сейчас он готовится к защите, правда?

- Мне кажется, Барбара, что президент намеренно держит его рядом с собой, для того чтобы, когда дело начнется, он не смог опереться на свою популярность в качестве средства защиты. Президент на нашей стороне, Барбара. Я лично проинформировал его о ходе расследования, и он сказал: "Преступник есть преступник, кем бы он ни был" - и я передаю тебе его точные слова.

Она посмотрела на него влажными глазами. В них отражалось отчаяние.

- Я не выдержу, Дэн.

- Нет, Барбара, выдержишь, - солгал он. - Ты сильная, умная и смелая женщина. Ты просто обязана пройти через это испытание. Это он не выдержит, а не ты. - Дэниел Е. Мюррей, заместитель помощника директора ФБР, протянул руку через стол. Барбара Линдерс сжала ее своими пальцами, словно ребенок руку отца, заставляя себя верить ему, полагаться на него, и Дэна охватило чувство стыда, потому что ей приходится платить такую цену из-за того, что президент Соединенных Штатов вынужден подчинить уголовное расследование политическим требованиям. Возможно, это имеет смысл в глобальном масштабе, однако для полицейского глобальные масштабы ограничиваются обычно одним преступлением и одной жертвой.

16. Полезная нагрузка

К окончательному этапу в приведении ракет Н-11/SS-19 в боевую готовность можно было, вполне естественно, приступить, только получив приказ от премьер-министра страны. В некотором отношении заключительная стадия работ разочаровала инженеров. Первоначально они надеялись вооружить все ракеты полным комплектом боеголовок - по крайней мере по шесть к головной части каждой "птички", но для этого обязательно пришлось бы провести испытательный запуск с включением последней ступени, а это сочли слишком опасным. Секретность проекта, решили руководители, намного важнее количества боеголовок. Кроме того, в дальнейшем это всегда можно исправить. Стыковочный круг русской конструкции в верхней части ракеты был оставлен без изменений именно по этой причине, а пока хватит и десяти ракет с одной ядерной боеголовкой на каждой.

Обслуживающий персонал открывал одну за другой пусковые шахты, огромные боеголовки поднимали с железнодорожных платформ, устанавливали на ракетах и закрывали аэродинамическими оболочками. И снова русская конструкция оказалась идеально практичной. На каждую операцию такого рода потребовалось

чуть больше часа, и в результате двадцать техников сумели закончить установку боеголовок за одну ночь. К рассвету работа была завершена, шахты снова закрыли, и Япония превратилась в ядерную державу.

- Поразительно, - заметил Гото.

- По сути дела все было очень просто, - ответил Ямата. Правительство выделило средства на изготовление и проведение испытаний "ракет-носителей" как части нашей космической программы. Плутоний поступил с реакторного комплекса в Монжу. Конструирование и изготовление боеголовок оказалось до смешного простым. Если несколько арабов сумели изготовить ядерную боеголовку в ливанской пещере, то насколько легче это для наших инженеров? Вообще-то все работы, за исключением изготовления боеголовок, так или иначе финансировались правительством, и

Ямата не сомневался, что затраты неформального консорциума, принявшего на себя оплату расходов на изготовление боеголовок, тоже будут компенсированы. Разве все это не было сделано ими на благо своей страны? - Мы немедленно начнем подготовку персонала из состава сил самообороны, чтобы они смогли заменить наших людей, как только ты отдашь распоряжение об этом, Гото-сан.

- Но американцы и русские... как они отнесутся к этому? Ямата презрительно фыркнул.

- У каждой из этих стран осталось по одной ракете, которые будут взорваны на этой неделе, и церемония будет транслироваться по телевидению. Ты ведь знаешь, что их подводные ракетноносцы сняты с эксплуатации. Ракеты подводного базирования "Трайдент" уже уничтожены, а сами подводные лодки стоят у причалов в ожидании, когда их начнут резать на металлолом. Таким образом, всего десять межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками дают нам решающее стратегическое преимущество.

- Но вдруг они захотят изготовить новые?

- Они не смогут сделать этого - по крайней мере все не так просто, - поправился Ямата. - Производство ракет свернуто, и в соответствии с условиями международного договора Оборудование уничтожено под наблюдением международных контрольных групп. Для возобновления производства потребуются месяцы, и мы сразу узнает об этом. Следующим важным шагом будет широкая программа строительства военных кораблей и воссоздания военно-морского флота, - верфи, принадлежащие Ямате, были готовы к этому, - чтобы никто не мог посягнуть на наше господство в западной части Тихого океана. В данный момент, при удачном стечении обстоятельств и с помощью наших друзей, мы достаточно сильны. Прежде чем они смогут бросить нам вызов, стратегическое положение нашей страны улучшится до такой степени, что им придется обращаться с нами как с равными.

- Значит, я должен отдать приказ?

- Совершенно верно, господин премьер-министр, - подтвердил Ямата, тем самым снова объясняя, что требуется от человека, которого возвели на высший пост в государстве.

Гото потер руки и посмотрел на украшенный резьбой стол, еще недавно принадлежавший другому премьер-министру. Будучи слабым человеком, он медлил

с принятием решения.

- Это правда, мой друг, что Кимба была наркоманкой?

Ямата кивнул, стараясь скрыть кипящую внутри ярость от такого вопроса.

- Правда, печально? Канеда, начальник моей службы безопасности, обнаружил ее мертвой на полу номера в отеле и тут же вызвал полицию. У следователей создалось впечатление, что она старалась проявлять максимальную осторожность, но все-таки ошиблась в размерах дозы.

Гото вздохнул.

- Глупый ребенок. Ее отец - полицейский, понимаешь? Кимба говорила, что он очень строгий и не понимал ее чувств. А вот я понимал. Она была такой доброй и нежной. Из нее могла бы выйти хорошая гейша.

Поразительно, как меняются люди после смерти, холодно подумал Ямата. Глупая бесстыдная девушка ушла от родителей, бросила их и решила искать в мире собственный путь. Ей удалось узнать лишь одно - мир безжалостен по отношению к тем, кто не готов к жестокой схватке. Однако только потому, что ей удалось создать у Гото иллюзию мужественности, американка превратилась в душу, полную нежности и доброты.

- Гото-сан, неужели мы позволим такому народу решать судьбу нашей нации?

- Нет. - Новый премьер-министр поднял трубку телефона. - Начинайте восхождение на гору Ниитака, - произнес он, повторяя приказ, отданный больше пятидесяти лет назад.

Этот самолет в одних отношениях был на редкость особенным, а в других - самым обыкновенным. VC-25B представлял собой по сути дела модификацию почтенного авиалайнера "Боинг-747", усовершенствованную и переделанную Военно-воздушными силами США. Самолет был спроектирован тридцать лет назад и все еще находился в серийном производстве на заводе в Сиэтле. Политически ориентированный дизайнер справился с задачей его окраски - где бы ни находился президентский авиалайнер, он производил соответствующее впечатление. Самолет стоял в одиночестве на бетонной площадке, окруженный кольцом сотрудников службы безопасности, одетых в одинаковые маскировочные комбинезоны. Они "получили указание" - так гласила сухо написанная инструкция, составленная на бюрократическом языке Пентагона, - при малейших нарушениях пользоваться своими автоматами М-16, причем им разрешалось поступать таким образом без соблюдения всякого рода формальностей вроде окриков или предупредительных выстрелов, как это полагалось всем остальным федеральным службам охраны. Иными словами, они имели право сначала стрелять, а уже потом задавать вопросы.

К самолету не был подведен подвижной туннель для посадки. Пассажирам предстояло подниматься по самому обычному трапу, как в пятидесятые годы, но им все равно нужно было пройти через металлодетектор и сдать в багаж свои чемоданы - на этот раз для того, чтобы сотрудники службы безопасности ВВС и агенты Секретной службы могли просветить их рентгеновскими лучами и даже выборочно открыть для визуальной проверки.

- Надеюсь, ты оставила дома свой "Секрет Виктории"? - пошутил Джек и поднял на стойку инспектора чемодан для осмотра.

- Узнаешь, когда прилетим в Москву, - лукаво подмигнула профессор Райан. Это был ее первый выезд за границу в составе правительственной делегации, так что все на авиабазе ВВС Эндрюз казалось ей новым и интересным.

- Здравствуйте, доктор Райан! Наконец-то мы встретились. - Элен Д'Агустино подошла к ним и протянула руку.

- Кэти, позволь представить тебе самого прелестного в мире телохранителя, - сказал Джек, знакомя жену с агентом Секретной службы.

- В прошлый раз я не смогла приехать на банкет президента, - объяснила Кэти. - В Гарварде проводился семинар, и мое присутствие там было необходимо.

- Зато эта поездка доставит вам удовольствие, - заметила Элен, отходя от них и возвращаясь к исполнению своих обязанностей.

Надеюсь, не такое удовольствие, как предыдущая, подумал Джек, вспоминая свой последний визит в Москву, о котором он не мог никому рассказать.

- А где она прячет свой пистолет? - поинтересовалась вслух Кэти.

- Не знаю, не обыскивал, - тоже подмигнул Джек.

- Мы можем подняться в самолет?

- Я могу подняться туда в любое время, - ответил ее муж. - В конце концов, я ведь важная персона. - Действительно, лучше всего войти внутрь пораньше и показать Кэти, что там Находится, решил он, подводя жену к трапу. Рассчитанный в гражданском варианте на перевозку более трехсот человек, президентский "Боинг-747" (разумеется, на авиабазе стоял еще один точно такой же запасной самолет) был оборудован на сотню пассажиров, для которых предусматривались все удобства. Сначала Джек провел жену к местам, которые им предстоит занять, объяснив, что размещение соответственно важности положения соблюдается здесь очень строго. Чем ближе ваши кресла к носовой части, тем значительнее занимаемая вами должность. Президентский салон находится в самом носу самолета, и две кушетки превращаются на ночь в кровати.. Райаны и ван Даммы размещаются в следующем отсеке, примерно в двадцати футах позади президентского. Там стоит восемь удобных кресел, но в данном случае их будут занимать только пять человек. Вместе с Райанами и ван Даммами место здесь займет директор центра президентской связи, нервная и постоянно спешащая женщина по имени Тиш Браун, руководившая прежде одной из телевизионных компаний. Она недавно развелась с мужем. Остальные члены делегации размещаются ближе к хвостовой части самолета в соответствии с их положением в администрации президента. В самом хвосте сидят журналисты и другие сотрудники средств массовой информации, которые считаются еще менее важными..

- Это кухня? - спросила Кэти.

- Камбуз, - поправил ее Джек. Действительно, камбуз производил большое впечатление, поскольку все блюда готовились здесь из свежих продуктов, а не просто разогревались, как на других авиалайнерах.

- Но она больше, чем у нас дома! - удивилась Кэти к нескрываемому удовольствию шеф-повара, главного сержанта ВВС.

- Я бы не сказал, зато шеф намного лучше, правда, сардж?

- Я готов отвернуться, мэм, и обещаю никому не говорить, если вы

захотите врезать ему как следует. Кэти только рассмеялась.

- А почему президент не располагается наверху, в комнате отдыха?

- Там почти все пространство заполнено аппаратурой связи. Президент любит подниматься наверх и беседовать с пилотами у них в кабине, но комнату отдыха занимают главным образом "криппи".

- Криппи?

- Связисты, - объяснил Джек, направляясь с женой обратно к креслам в своем отсеке. Обтянутые бежевой кожей кресла были очень широкими и мягкими, с недавно установленными перед ними телевизорами, личными телефонами и прочими атрибутами вплоть до пристежных ремней с пряжками, украшенными президентской эмблемой.

Кэти сразу обратила внимание на все это.

- Теперь я знаю, что означает настоящий первый класс, - заметила она.

- И все-таки нам предстоит лететь одиннадцать часов, бэби, - вздохнул

Джек, опускаясь в кресло и устраиваясь поудобнее, пока самолет заполнялся другими пассажирами. Если повезет, подумал он, может быть, удастся проспать в течение почти всего полета.

Заявление президента перед отлетом, передающееся по телевидению, было организовано соответствующим образом. Микрофон всегда устанавливали так, что на заднем плане возвышался огромный силуэт президентского "боинга", носящего официальное наименование "ВВС-1". Это делалось для того, чтобы напомнить телезрителям, кто выступает по телевидению, и подтвердить это показом его личного самолета. Рой Ньютон наблюдал за церемонией вылета скорее ради расчета времени, чем из интереса. Подобные заявления никогда не давали чего-то нового, и транслировал их обычно только правительственный канал, хотя при отлете на аэродроме всегда присутствовали и другие съемочные группы - на случай если президентский самолет разобьется при взлете. Сделав короткое заявление, президент Дарлинг взял под руку свою жену Энн и пошел к трапу, у которого им отсалютовал сержант ВВС. Поднявшись по трапу, президент и первая леди повернулись и помахали на прощание, словно уже началась предвыборная кампания, - впрочем, поездка в Москву на самом деле являлась частью этого почти непрерывного процесса - и вошли внутрь. Телевизионные камеры переключились снова на Белый дом, где различные сотрудники отвечали на вопросы журналистов. Президент будет находиться в воздухе в течение одиннадцати часов, это было известно Ньютону. Времени вполне достаточно, больше чем требуется. Пора браться за дело.

Да, древняя поговорка вполне соответствует истине, подумал он, раскладывая перед собой записи. Если в тайну посвящено больше одного человека, тайна перестает быть таковой. И уж она совсем перестает быть тайной, если вы оба знаете хотя бы часть ее и вам известно, кто знает остальное, потому что тогда вы можете за ужином сообщить собеседнику о том, что знаете, а собеседник придет к выводу, что вам известно все, так что он расскажет вам то, что вы еще не сумели разнюхать. Улыбки в соответствующие моменты беседы, многозначительные кивки, короткие замечания и несколько тщательно подобранных слов убедят собеседника продолжать рассказ до тех пор, пока все не станет ясно как на ладони. По мнению Ньютона, деятельность

шпионов мало отличается от этого. Возможно, он сам мог бы стать хорошим разведчиком, но за это платили намного хуже, чем во время его пребывания в палате представителей Конгресса - говоря по правде, гораздо хуже, - а он уже давно принял решение пользоваться своим талантом лишь в том случае, если это обеспечит ему достаточно комфортабельную жизнь.

Все остальное было куда проще. Нужно выбрать подходящего человека, кому передать имеющуюся информацию, и он нашел такого кандидата путем внимательного чтения местных газет. У каждого репортера есть своя любимая тема, к которой он - или она - проявляет прямо-таки страстный интерес, и в этом отношении репортеры ничем не отличаются от обычных смертных. Если ты знаешь, на какие кнопки нажимать, можно манипулировать кем угодно. Жаль, что это не получилось с избирателями в его округе, подумал Ньютон, поднимая трубку телефона и набирая номер.

- Либби Хольцман слушает.

- Привет, Либби, это Рой. Как жизнь?

- Скучноватая, - посетовала журналистка, надеясь, что ее мужу, Бобу, вылетевшему с президентской командой в Москву, удастся узнать что-нибудь интересное.

- Как насчет ужина? - Ньютон знал, что ее муж в отъезде.

- О чем пойдет речь? - Она понимала, что это не любовное свидание или что-то иное, столь же глупое. От Ньютона можно было обычно узнать немало интересного.

- Уверю тебя, не пожалеешь, - заверил он. - Давай встретимся в "Жокей-клуб", в половине восьмого, а?

- Договорились.

Ньютон улыбнулся. Это ведь справедливая игра, правда? Он потерял свое кресло в Конгрессе не из-за обвинения в том, что злоупотреблял влиянием. Такое обвинение оказалось неподкрепленным достаточно убедительными доказательствами, чтобы можно было начать расследование (на это повлиял кто-то другой), зато его сочли убедительным чуть больше половины избирателей его округа - 50, 7 процента, - решивших, что за год до президентских выборов их должен представлять в Конгрессе другой человек. Если бы все произошло в год выборов президента, подумал Ньютон, он сумел бы почти наверняка удержать за собой кресло конгрессмена, однако, потеряв место в Конгрессе, вернуть его назад практически невозможно.

Впрочем, все могло бы обернуться куда хуже. В конце концов, жизнь не такая уж плохая штука, верно? Ньютон сохранил за собой тот же дом, его дети ходили в ту же школу, затем поступили в хорошие колледжи, он остался членом того же клуба. Просто теперь у него другой округ и не надо беспокоиться об этике или законах - впрочем, и раньше это не так уж его беспокоило, - да и платят сейчас куда лучше, правда?

В ходе учений "Океанские партнеры" связь осуществлялась через компьютерно-спутниковый канал - и не через один, а через три. Японское военно-морское соединение передавало всю информацию в центр по руководству операциями флота в Иокагаме, а американский флот делал то же самое, передавая сведения в оперативный центр ВМС в Пирл-Харборе. Оба центра

пользовались третьим каналом связи для обмена информацией между собой. Таким образом, инспекторы, осуществляющие контроль за ходом учений, имели доступ к полному объему информации, тогда как командиры соединений такого доступа не имели. Цель учений заключалась в том, чтобы дать возможность обеим сторонам проверить свою подготовку в условиях, максимально приближенных к боевым. По этой причине к попыткам обмана в данном случае относились неодобрительно, хотя вообще-то обман, разумеется, являлся чем-то неразрывно связанным с практикой войн и одновременно чуждым им.

Командующие родами военно-морских сил и служб Тихоокеанского флота, адмиралы, стоящие во главе надводного и подводного флота, морской авиации и службы хозяйственного обеспечения, сидя в креслах, с интересом следили за тем, как разворачиваются учения, причем каждый из них беспокоился относительно действий своих подчиненных.

- А ведь Сато совсем не дурак, правда? - заметил капитан третьего ранга Чеймберз.

- Очень умело командует своими кораблями, - согласился доктор Джоунз. Руководитель крупной фирмы, работающей на военно-морской флот, он обладал специальным допуском и оказался в оперативном центре флота с разрешения адмирала Манкузо. - Но это ничем ему не поможет на северном направлении.

- Вот как? - Командующий подводными силами Тихоокеанского флота посмотрел на него и улыбнулся. - Может быть, тебе известно то, чего не знаю я?

- Гидроакустики на "Шарлотт" и "Эшвилле" отлично подготовлены, шкипер. Помните, мои люди работали с ними, создавая новые программы слежений?

- Да и командиры подлодок не такие уж плохие, - напомнил Манкузо.

Джоунз утвердительно кивнул.

- Это уж точно, сэр. Они умеют прослушивать морские глубины, как это делали в свое время вы.

- Господи, - выдохнул Чеймберз, глядя вниз на новые погоны с четырьмя кольцами и словно чувствуя их возросший вес. - Вам не приходило в голову, адмирал, что бы мы делали без нашего Джоунзи?

- С нами тогда был и чиф Лаваль, помните? - заметил Манкузо.

- Сын Френчи Лаваль служит сейчас старшим гидроакустиком на "Эшвилле", мистер Чеймберз. - Манкузо для Джоунза навсегда останется "шкипером", а Чеймберз будет всегда "лейтенантом". Ни один из них не возражал против такой формы обращения, которая существовала на флоте и прочно спланировала офицеров со старшинским составом (в данном случае бывшим).

- Я не знал об этом, - признался командующий подводными силами.

- Его только что перевели туда. Раньше он плавал на "Теннесси". Очень способный парень, уже через три года после выпуска из школы стал специалистом первого класса.

- Быстрее тебя, - заметил Чеймберз. - Он в самом деле такой сообразительный?

- В самом деле. Я пытаюсь переманить его к себе в компанию. Он женился в прошлом году, скоро родится ребенок. Думаю, будет не так уж трудно сманить

его на гражданку, предложив жалование повыше.

- Премного благодарен, Джоунзи, - проворчал адмирал Манкузо. - Следовало бы выгнать тебя пинками из оперативного центра.

- Ну успокойтесь, шкипер. Когда последний раз мы собирались вместе, чтобы как следует позабавиться? - Вдобавок ко всему новая компьютерная программа Джоунза была включена в то, что осталось от системы раннего обнаружения подводных лодок в Тихом океане. - Пришло время внести изменения в ситуацию.

То обстоятельство, что у обеих сторон в оперативных центрах "противника" присутствовали наблюдатели, несколько усложняло ситуацию, главным образом потому, что у тех и у других имелись силы и возможности, которыми, строго говоря, они не делились друг с другом. В данном случае выданные линией раннего обнаружения следы, которые могли принадлежать японским подводным лодкам к северо-западу от Куре, были на самом деле заметно лучше тех, что появились на демонстрационном экране. Подлинные следы сообщали только Чеймберзу и Манкузо. У каждой из сторон в учениях принимали участие по две подводных лодки. Ни одна из американских субмарин не оставляла за собой таких следов, но японские подводные лодки приводились в действие дизельными установками и потому были вынуждены периодически всплывать на шноркельную глубину, чтобы перезарядить аккумуляторные батареи. Несмотря на то что японские субмарины были оборудованы своей собственной модификацией американской системы "Прерия-Маскер", новые программы, разработанные Джоунзом, без особого труда преодолевали эти меры маскировки. Манкузо со своим штабом удалился в оперативный центр подводных сил Тихоокеанского флота, чтобы обсудить последние сведения.

- О'кей, Джоунзи, сообщи нам, что ты сумел обнаружить, - произнес Манкузо, глядя на бумажные распечатки, поступившие от подводных гидрофонов, покрывавших дно Тихого океана.

Полученная информация появлялась как на электронных телевизионных дисплеях, так и на бумаге того типа, который когда-то использовался для компьютерных распечаток, необходимых для более подробного анализа. Для подобной работы предпочитались бумажные распечатки, и они делились на два комплекта. Один был уже обработан техниками-океанографами, принадлежащими к местной группе системы раннего обнаружения. Для более точного анализа и для того, чтобы удостовериться в том, что Джоунз все еще не потерял своей удивительной способности разбираться в таких деталях, Манкузо хранил отдельно комплект распечаток, уже обработанный его специалистами.

Хотя Джоунзу еще не исполнилось сорока, седина уже пробивалась в его густых темных волосах. Теперь он уже не курил, а жевал резинку. Зато внимание и опыт у него по-прежнему сохранились, заметил Манкузо. Доктор Рон Джоунз листал бумажные страницы подобно бухгалтеру, напавшему на следы крупной растраты, проводя пальцем по вертикальным линиям, фиксирующим частоты.

- Мы исходим из того, что они всплывают на шноркель примерно каждые восемь часов, верно? - спросил он.

- Да, они поступают разумно, постоянно поддерживая аккумуляторные батареи в полностью заряженном состоянии, - утвердительно кивнул Чеймберз.

- На каком часовом поясе они функционируют? - поинтересовался Джоунз. Как правило, американские субмарины, находящиеся в море, переводили часы на время по Гринвичу - это название с недавних пор, после резкого сокращения Королевского военно-морского флота, чье могущество в прошлом позволяло называть исходный меридиан по-британски, изменилось на "всеобщее время".

- Думаю, на токийском, - ответил Манкузо. - Это на пять часов раньше нашего.

- Тогда начнем искать сходные моменты, на этот раз начиная с полуночи и дальше по четным часам. - Перед ним лежало пять широких сложенных листов. Джоунз перелистал один полный комплект, отмечая время, указанное на полях. На это ему потребовалось десять минут.

- Вот одно совпадение, а вот и другое. Значит, две возможности. Вот это тоже вероятно, хотя и вызывает у меня сомнения. Пожалуй, я сделал бы ставку вот на эту... и эту, для начала. - Его пальцы указали на кажущиеся случайными наборы точек.

- Уолли?

Чеймберз повернулся к другому столу, на котором лежали обработанные комплекты распечаток, и развернул их на соответствующих временных отметках.

- Джоунзи, ты проклятый волшебник! - изумленно выдохнул он. Группе из нескольких опытных техников - каждый из них был экспертом в этой области - потребовалось больше двух часов, чтобы обнаружить то, чего Джоунз сумел добиться всего за несколько минут прямо на глазах потрясенных офицеров.

Гражданский подрядчик достал банку "кока-колы" из соседнего автомата и открыл ее.

- Ну что, джентльмены, - с удовлетворением произнес он, - так кто лучший специалист всех времен?

Впрочем, это была всего лишь часть работы. В распечатках указывался только пеленг на источник шумов, однако на дне океана размещалось множество гидроакустических устройств, относящихся к линии раннего обнаружения, и с помощью триангуляции уже удалось определить районы нахождения подводных лодок с точностью до десяти-пятнадцати морских миль. Таким образом, даже со всеми усовершенствованиями, внесенными доктором Джоунзом в систему обнаружения подводных лодок, приходилось вести поиск на большой площади океана.

Зазвонил телефон. Это был главнокомандующий Тихоокеанским флотом. Манкузо выслушал его рекомендации по изменению курса субмарин "Шарлотт" и "Эшвилл", что позволяло им направиться к предполагаемым контактам. Джоунз одобрительно кивнул.

- Видите, шкипер? Я всегда говорил, что вы умеете прислушиваться к советам экспертов.

Мюррей находился в кабинете заместителя специального агента, возглавляющего отдел Вашингтона в ФБР, обсуждая с ним проблемы финансирования, и потому не смог поговорить по телефону с Райаном. Совершенно секретная депеша из Белого дома оказалась погребенной в папке секретных документов, а затем секретарше Мюррея пришлось уехать, чтобы привезти из школы домой своего заболевшего ребенка. В результате записка,

сделанная рукой Райана, попала на стол Мюррея с большим опозданием.

- У меня новости об этой девушке Нортон, - произнес Мюррей, войдя в кабинет директора ФБР.

- Плохие?

- Она мертва. - Мюррей передал Шоу записку Райана. Директор быстро прочитал ее.

- Проклятье! - прошептал он. - У нас есть сведения о том, что она раньше пользовалась наркотиками?

- Насколько помню, нет.

- Поступило сообщение из Токио?

- Я еще не связывался с советником по юридическим вопросам. Неудачное время для этого, Билл.

Шоу кивнул, понимая смысл происшедшего. Стоит спросить любого агента ФБР о наиболее запомнившемся случае в его карьере, и он обязательно упомянет киднэппинг. По сути дела-именно такое преступление сделало ФБР знаменитым в тридцатые годы. Закон Линдберга уполномочивал Федеральное бюро расследований оказывать помощь местной полиции, как только возникала вероятность того, что похищенная жертва перевезена за пределы штата, где было совершено преступление. При малейшей вероятности этого - жертв похищения редко увозили далеко от места похищения, - вся мощь ведомства, отвечающего за соблюдение закона и порядка на территории США, вступала в действие, и агенты ФБР принимались за поиски преступников подобно стае голодных волков. Их главная задача всегда оставалась одной и той же: вернуть жертву живой, и результаты такой деятельности были превосходными. Второй целью было задержание, арест и передача в судебные инстанции виновников, совершивших это преступление, и в этом отношении деятельность ФБР статистически была еще более успешной. Руководство ФБР еще не имело сведений, действительно ли Кимберли Нортон стала жертвой похищения, но им уже было известно, что домой ее доставят мертвой. Одно лишь это обстоятельство для любого агента бюро означало, что он не справился с основной задачей.

- Ее отец - полицейский.

- Я помню, Дэн.

- Думаю, мне нужно отправиться в Сиэтл и обсудить происшедшее с О'Кифом. - Отчасти это было необходимо, потому что капитан Нортон своей деятельностью заслужил, чтобы ему сообщили о случившемся другие полицейские, вместо того чтобы узнать о смерти дочери из газет, а отчасти потому, что полицейские, ведущие расследования, обязаны так поступить, обязаны лично сообщить родственникам о том, что потерпели неудачу. Кроме того, Мюррею хотелось самому ознакомиться с делом и убедиться в том, что было предпринято все возможное для спасения девушки.

- Пожалуй, я сумею обойтись без тебя пару дней, - ответил Шоу. - Дело Линдерс отложено до возвращения президента. Хорошо, можешь отправляться.

- Но здесь даже лучше, чем на "Конкорде"! - восторженно произнесла Кэти, когда капрал ВВС принесла ужин. Ее муж с трудом удержался от смеха. Ему редко приходилось видеть, чтобы глаза Кэролайн Райан были такими изумленными. Правда, сам Джек уже давно привык к подобному обслуживанию, а

пища здесь была несомненно вкуснее той, что подавали ей в кафетерии для врачей больницы Хопкинса. Кроме того, тут тарелки были без золотых ободков, и по этой причине с "BBC-1" пропадало так много посуды.

- Мадам не желает немного вина? - Райан поднял бутылку сухого белого вина и разлил в бокалы, пока перед ним ставили тарелку.

- Видите ли, на своей куриной ферме мы не пьем вино, - заметила она, делая вид, что смущена обстановкой.

- В первый раз у всех такое впечатление, доктор Райан. Если что-нибудь понадобится, вызывайте меня. - Капрал пошла обратно в камбуз.

- Я ведь говорил тебе, Кэти, держись за меня.

- Теперь мне понятно, почему ты предпочитаешь летать, - заметила она, поднося ко рту вилку с капустой брокколи. - Свежая.

- Да и пилоты отличные. - Джек показал на бокал с вином. Вино в нем даже не шелохнулось.

- Жалованье не такое уж хорошее, - донесся с другой стороны прохода голос Арни ван Дамма, - зато масса сопутствующих благ.

- Жареный морской окунь тоже очень неплох.

- Наш шеф-повар украл рецепт в "Жокей-клуб". Кроме ресторанов Нового Орлеана, нигде не умеют готовить рыбу так хорошо, - объяснил ван Дамм. - По-моему, ему пришлось отдать взамен свой рецепт картофельного супа. Пожалуй, одно стоит другого, - глубокомысленно заметил Арни.

- Ведь правда, корочка у него прямо-таки идеальная, а? "Жокей-клуб", один из немногих действительно превосходных ресторанов Вашингтона, находится на первом этаже отеля "Ритц Карлтон" на Массачусетс-авеню. Тихий и тускло освещенный, он в течение многих лет являлся местом "деловых" ужинов.

Здесь все блюда превосходные, подумала Либби Хольцман, особенно если тебе не приходится за них платить. В течение часа они говорили о пустяках - обычный обмен информацией и сплетнями, что в Вашингтоне было еще более важным, чем в большинстве других американских городов. Эта часть ужина подошла к концу. Подали вино, убрали тарелки из-под салата, теперь на столе стояло главное блюдо.

- Итак, Рой, о чем ты хотел поговорить со мной?

- Об Эде Келти. - Ньютон поднял голову, чтобы увидеть выражение ее глаз.

- Уж не хочешь ли ты мне сказать, что жена решила наконец уйти от этого подонка?

- Скорее всего, думаю, уходить придется не ей.

- Так кто же эта несчастная, к которой он уходит? - На лице миссис Хольцман появилась кривая улыбка.

- Все не так, как ты думаешь, Либби. Эд уходит совсем. - Всегда нужно заставить слушателей ждать сенсационных новостей - от этого их интерес только обостряется.

- Рой, сейчас уже половина девятого, понимаешь? - заметила Либби, давая понять, что не может тратить время понапрасну.

- ФБР закончило расследование по делу, касающемуся Келти. Изнасилование. И даже не одно. В том числе одна из пострадавших покончила с

собой.

- Лайза Берринджер? - Причину ее самоубийства так и не сумели объяснить.

- Она оставила посмертную записку. Эта записка теперь в руках ФБР. Еще несколько женщин согласились выступить на суде со свидетельскими показаниями.

- Вот как! - не удержалась от восклицания Либби Хольцман и положила вилку на стол. - Насколько все это обоснованно?

- Делом занимается Дэн Мюррей, личный сторожевой пес Шоу.

- Я знаю Дэна. Знаю также, что он никогда не будет говорить об этом. - Редко случается, чтобы сотрудник ФБР согласился обсуждать вопросы доказательств с посторонними, и уж никогда не пойдет на такое, до того как материалы расследования поступят в суд. Подобная утечка информации исходит, как правило, от адвоката или служащего судебной инстанции. - Он не просто строго придерживается правил - Дэн прямо-таки их создатель. Это было на самом деле правдой - Мюррей принимал участие в подготовке многих правил поведения сотрудников ФБР.

- На этот раз ситуация может принудить его к этому.

- Почему, Рой?

- Да потому, что Дарлинг задерживает передачу дела в суд. Он считает, что Келти может пригодиться ему - по части влияния администрации на Капитолийском холме. Ты обратила внимание на то, как много времени сейчас проводит наш мальчик Эдди в Белом доме? Дарлинг посвятил его во все подробности выдвинутого обвинения, чтобы дать возможность Келти подготовиться к защите. По крайней мере, - добавил Ньютон, стараясь прикрыть себя, - так мне говорят. Согласись, это не похоже на нашего президента, верно?

- Дарлинг мешает отправлению правосудия?

- Это технический термин, Либби, с юридической точки зрения я не уверен, что дело обстоит именно так. - Ньютон знал, что крючок опущен в воду и на нем шевелится червяк, привлекая внимание рыбы.

- Что, если он просто распорядился отложить судебный процесс, чтобы привлечь больше внимания общественности к принятию закона о реформе торговли? - Рыба заметила приманку, но что там за блестящий острый предмет скрывается за червяком?

- Расследование шло задолго до того, как начался весь этот шум с импортом японских товаров, Либби. Мне сообщили, что они замалчивают дело Келти в течение длительного времени. Просто подвернулся отличный предлог, вот и все, понимаешь? - А ведь червяк такой аппетитный...

- Только в том случае, если политику ставят на первое место, отодвигая дело об изнасиловании на задний план. Насколько убедительны доказательства?

- Если этим займется суд присяжных, Эд Келти проведет длительное время в федеральной тюрьме.

- Неужели ФБР сумело найти такие доказательства? - Ты только посмотри, какой червяк...

- Я ведь говорил тебе, что Мюррей - отличный полицейский.

- А кто будет обвинителем на процессе?

- Энн Купер. Она занимается только этим делом уже много недель. - Действительно, червячок заслуживает внимания. Эта острая блестящая штука совсем не так опасна, правда?

Ньютон достал из кармана конверт и положил на скатерть.

- Здесь имена, цифры и прочие подробности, но ты не получала их от меня, ладно? - Червяк прямо-таки танцевал в воде, и рыба уже не понимала, что плясать его заставляет крючок, на который он насажен.

- Что, если я не сумею подтвердить все это?

- В таком случае источники моей информации ошибаются и писать не о чем. По крайней мере надеюсь, что тебе понравился ужин. - К тому же червяк в любую минуту может исчезнуть.

- А тебе все это зачем понадобилось, Рой? Почему ты хочешь, чтобы в газетах появилась такая статья? - Все-таки лучше лишний раз убедиться в отсутствии опасности. Каким образом червяк оказался здесь?

- Мне никогда не нравился этот парень, ты ведь знаешь. Мы не сошлись во мнениях по поводу двух больших ирригационных проектов, и он воспрепятствовал передаче крупного оборонного заказа моему штату. Но ведь тебе нужна настоящая причина? Так вот, у меня есть дочери, Либби. Одна заканчивает Пенсильванский университет, другая только что поступила на юридический факультет университета в Чикаго. Обе стремятся следовать примеру отца, и мне совсем не хочется, чтобы мои маленькие девочки попали на Капитолийский холм, пока там находятся такие подонки, как Эд Келти. - Да кому интересно, каким образом такой вкусный червяк оказался в воде?

Либби Хольцман кивнула, удовлетворенная ответом. Она взяла конверт и положила в сумочку, даже не заглядывая в него. Поразительно, что они никогда не замечают крючка, до тех пор пока не станет слишком поздно. В некоторых случаях не замечают его совсем. Официант был разочарован, когда его клиенты отказались от десерта, ограничившись, прежде чем расплатиться, чашечкой кофе "эспрессо".

* * *

- Алло?

- Это Барбара Линдерс? - послушался женский голос.

- Да. С кем я говорю?

- Меня зовут Либби Хольцман, я из "Вашингтон пост". Живу в нескольких кварталах от вас. Мне бы хотелось зайти к вам и поговорить.

- О чем?

- Об Эде Келти и о причине, по которой они отказались от передачи дела в суд.

- Как отказались?

- Вот так, милая. Отказались и все, - ответил голос.

- Одну минуту. Меня предостерегали против разговоров с журналистами. - В голосе Линдерс звучало нескрываемое подозрение. Ей и в голову не пришло, что этим она уже выдала себя.

- Так уж принято, они всегда предостерегают и обычно против разумных поступков. Вы ведь помните, это я предала гласности отвратительные делишки,

которыми занимался конгрессмен Грант в офисе своего округа? И это я пригвоздила подонка заместителя министра внутренних дел. Я всегда внимательно слежу за подобными делами, Барбара. - По тону голоса казалось, что Хольцман разговаривает с младшей сестрой, что соответствовало истине. Либби едва не получила Пулитцеровскую премию за журналистские расследования, в которых политика была связана с совращением женщин.

- Откуда я знаю, что разговариваю именно с вами?

- Вы ведь видели меня по телевидению, правда? Пригласите зайти и убедитесь собственными глазами. Я могу приехать через пять минут.

- Сначала позвоню мистеру Мюррею.

- Конечно, позвоните, только пообещайте мне одно, ладно?

- Что именно?

- Если он снова повторит вам то же самое относительно причины, по которой дело не передают в суд, то мы встретимся и поговорим. - Либби на мгновение замолчала. - Знаете, а почему бы мне не отправиться к вам прямо сейчас? Если ответ Дэна удовлетворит вас, мы просто выпьем по чашке кофе и вы расскажете о себе, для того чтобы я могла использовать это в газетной статье после начала процесса. Согласны?

- Да... пожалуй. А теперь все-таки я позвоню мистеру Мюррею. - Барбара положила трубку и набрала номер, который помнила наизусть.

- Привет, это Дэн...

- Мистер Мюррей! - тут же прервала его Барбара, чувствуя, как уже поколебалась ее вера в справедливость окружающего мира.

- ...и Лиз, - добавил другой голос, оба явно записанные на ленту автоответчика. - Сейчас мы не можем подойти к телефону, - дружно произнесли два голоса, - но если вы хотите...

- Где вы, мистер Мюррей, когда вы так мне нужны? - заявила мисс Линдерс, обращаясь к автоответчику, и в отчаянии бросила трубку еще до того, как полное юмора обращение закончилось и раздался короткий гудок, после которого диктуется сообщение. Неужели такое возможно? Неужели это правда? - лихорадочно думала Барбара.

Мы находимся в Вашингтоне, напомнил ей жизненный опыт. Здесь возможно все.

Барбара Линдерс оглянулась по сторонам. Она провела в Вашингтоне одиннадцать лет и чего сумела добиться? Живет одна, в маленькой однокомнатной квартире с гравюрами на стене. Хорошая мебель, которой пользуется лишь она. Воспоминания, угрожающие рассудку. Она осталась одна, в полном одиночестве, и ее единственной надеждой было изгнать ужасные воспоминания, отомстить человеку, разрушившему ее жизнь. А теперь что же, ей отказывают и в этом? Неужели жизнь может быть настолько жестокой? Самым пугающим было то, что и Лайза испытывала те же чувства. Барбара знала это из письма, сохраненного ею, ксерокопия которого все еще лежала в коробочке с украшениями, спрятанной в ящике серванта. Она решила сохранить это письмо как память о своей лучшей подруге, а также напоминание ей, насколько опасно предаваться отчаянию, как это сделала Лайза. Прочитав письмо несколько месяцев назад, Барбара решила открыться знакомому врачу-гинекологу, которая, в свою очередь, направила ее к психиатру Кларис Гоулден, и начался процесс,

ведущий... куда? В этот момент раздался звонок, и она пошла к двери.

- Привет! Вы меня узнаете? - Вопрос сопровождался теплой и дружеской улыбкой. Либби Хольцман была высокой женщиной с густыми черными волосами, обрамлявшими бледное лицо, на котором выделялись яркие карие глаза.

- Заходите, пожалуйста, - ответила Барбара, отходя от двери.

- Вы позвонили Дэну?

- Его нет дома... или, может быть, он просто оставил включенным автоответчик. Вы с ним знакомы?

- О да. Мы - добрые друзья, - сказала Либби, направляясь к дивану.

- Как вы считаете, на него можно положиться? Положиться по-настоящему?

- Вам нужен честный ответ? - Хольцман задумалась. - Да, можно. Если он ведет дело сам, ему можно верить. Дэн - честный человек, можете не сомневаться.

- Но ведь сейчас он не ведет дело сам, в одиночку, правда? Либби покачала головой.

- Нет, такой процесс будет слишком сенсационным, неизбежно приобретет политическую окраску. И вот еще что важно знать о Мюррее - видите ли, он слишком верен людям, которых уважает, и потому будет делать то, что ему скажут. Я могу сесть, Барбара?

- Да, конечно. - Обе женщины опустились на диван.

- Вы знаете, в чем задача прессы? Мы следим за ходом событий. Мне нравится Дэн. Я им восхищаюсь. Он действительно хороший полицейский и честный человек. Готова побиться об заклад, что в течение всей работы с вами он вел себя, как это сказать, ну вроде сурового старшего брата, верно?

- Всегда, - подтвердила Барбара. - Он стал для меня лучшим другом в мире.

- Полностью согласна. Дэн принадлежит к числу хороших людей, стоящих на страже закона. Я знакома с его женой Лиз. Однако проблема заключается в том, что не все люди похожи на него, и тогда на сцене появляемся мы, - закончила Либби.

- Что вы имеете в виду?

- Когда кто-то говорит Дэну, как ему нужно поступать, это делается под давлением обстоятельств, потому что таковы правила игры в Вашингтоне. И вы знаете что? Сам Дэн терпеть не может такое давление, точно так же, как и я. Мой долг, Барбара, помочь людям вроде Дэна, потому что при этом я заставляю политических подонков оставить его в покое и дать ему возможность спокойно выполнять свои обязанности.

- Но я не могу... Я хочу сказать, что просто не могу... Либби протянула руку и прикоснулась к ее ладони.

- Я не собираюсь просить вас рассказывать мне обстоятельства дела, Барбара. Это может нанести ущерб судебному процессу, и вы должны понять, что я хочу ничуть не меньше вас, чтобы все прошло в соответствии с законом. Но вы можете поговорить со мной при условии, что это будет не для печати.

- Да... Пожалуй.

- Вы не будете возражать, если я запишу нашу беседу? - Либби достала из сумочки миниатюрный диктофон.

- Кто услышит эту запись?

- Только один человек - заместитель главного редактора. Это необходимо для того, чтобы показать, что у нас надежные источники информации. Кроме него - никто. Запись будет конфиденциальной, якобы вы беседуете со своим врачом, адвокатом или священником. Таковы правила поведения журналистов, и мы никогда их не нарушаем.

Вообще-то Барбара знала это, но сейчас, у нее в квартире, такие этические правила журналистики казались ей не слишком надежными. Либби Хольцман поняла это по выражению ее лица.

- Если хотите, я могу уйти или мы можем продолжить беседу без магнитофона, но... - прибавила она с обезоруживающей улыбкой, - я не люблю вести записи в блокноте. При этом случаются ошибки. Может быть, вам хочется обдумать мое предложение - это я тоже понимаю. Вы прошли через тяжелые испытания. Я знаю, что это такое.

- Дэн тоже так говорил, но он не понимает этого! Не может понимать!

Либби Хольцман посмотрела ей прямо в глаза. Неужели Мюррей действительно видел и чувствовал такие глубокие, такие мучительные страдания? Может быть, подумала она, он и вправду переживал вместе с этой женщиной, хотя и не совсем так, как она, потому что он мужчина, но он ведь хороший и честный полицейский, так что, вполне возможно, тоже испытывает ярость из-за того, что дело пытаются замолчать.

- Барбара, если ты хочешь рассказать мне... о случившемся, я готова выслушать тебя. Иногда нам нужен друг, просто чтобы выговориться. Я ведь тоже женщина и не всегда являюсь репортером.

- Либби, ты слышала о Лайзе?

- Обстоятельства ее смерти так и остались неясными, правда? - Мы были подругами, делились всем... и затем когда он...

- Ты уверена, что в это замешан Келти?

- Это я нашла последнее письмо Лайзы.

- Ты можешь рассказать мне об этом? - спросила Хольцман, не в силах сдержать профессиональный интерес.

- Я могу сделать нечто лучшее. - Линдерс встала и на несколько секунд вышла из комнаты. Она вернулась с ксерокопией и передала ее Либби.

Журналистке потребовалось всего две минуты, чтобы прочитать его раз за разом. Дата, место, метод. Письмо из потустороннего мира, подумала Либби. Что может быть более опасным, чем чернила на бумаге?

- На основании того, что написано здесь, и благодаря твоим показаниям, Барбара, его могут отправить в тюрьму.

- Дэн тоже так говорит. И улыбается при этом. Он хочет, чтобы все закончилось именно таким образом.

- А ты? - спросила Хольцман.

- Да!

- Тогда позволь мне оказать тебе помощь.

17. Первый удар

Электронные системы связи называют чудом - именно чудом - современных коммуникаций только потому, что ничто современное в принципе не должно

становиться бичом, истинным проклятием. И. действительно, нередко те, кто принимают сообщения по линиям такой связи, приходят в ужас от того, что слышат.

Полет проходил удивительно гладко, даже по меркам президентского самолета "BBC-1", на борту которого многие пассажиры - главным образом молодые и не слишком опытные сотрудники аппарата Белого дома - часто отказывались пристегивать ремни безопасности. Что они тем самым демонстрируют? - подумал Райан. Летный экипаж был превосходно подготовлен и состоял из пилотов BBC, в то же время это не смогло предупредить неприятный случай, происшедший на авиабазе Эндрюз, когда в носовую часть правительственного самолета, заходящего на посадку с министром обороны и его женой на борту, угодила молния, что изрядно всех напугало. По этой причине Джек, сидя в кресле, всегда пристегивался, хотя и не слишком туго, в точности как это делают члены экипажа.

- Доктор Райан? - раздался чей-то шепот, и рука потрясла его за плечо.

- В чем дело, сардж? - отозвался Джек, понимая, что нет смысла ворчать на ни в чем не повинного сержанта.

- Мистер ван Дамм ждет вас наверху, сэр.

Райан кивнул, поднял спинку кресла в вертикальное положение и встал. Сержант передал ему кружку с кофе. На часах было девять утра, но там не указывался часовой пояс, и Райан не смог припомнить, на какую зону установлены часы. Впрочем, все это имело чисто теоретический интерес - самолет все равно миновал один часовой пояс за другим.

Верхняя палуба VC-25B резко отличалась по уровню комфорта от нижней палубы. Вместо роскошных кресел салон был заполнен оборудованием связи военного типа, причем отдельные ячейки были снабжены хромированными скобами для быстрой замены целых узлов в случае неисправности. Здесь всегда находилось несколько связистов, прослушивающих все возможные источники информации: дискретные радио - и телевизионные каналы, телефакс. Все они были кодированы, что защищало их от прослушивания посторонними лицами. Арни ван Дамм стоял в центре отсека. Он повернулся к Райану и передал ему газету. Это оказался факсимильный экземпляр вечернего выпуска "Вашингтон пост", который только что поступил в продажу в четырех тысячах миль и шести часовых поясах отсюда.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ СВЯЗАН С САМОУБИЙСТВОМ, гласил огромный заголовок на первой странице. ПЯТЬ ЖЕНЩИН ОБВИНЯЮТ ЭДВАРДА КЕЛТИ В ИЗНАСИЛОВАНИИ.

- Ты разбудил меня ради этого? - недоуменно спросил Райан. Разве этот вопрос затрагивал его сферу интересов? - подумал он.

- Твое имя упоминается в тексте, - заметил Арни.

- Что? - Джек быстро просмотрел статью. "Советник по национальной безопасности Райан был одним из тех, с кем советовались по этому поводу". - Ну хорошо, по-видимому, это соответствует действительности.

- Читай дальше.

"Белый дом четыре недели назад приказал ФБР не передавать дело Келти на рассмотрение юридического комитета Конгресса".

- Это неправда.

- Статья представляет собой поразительно искусное сочетание правды и

вымысла. - У руководителя аппарата Белого дома настроение было не из лучших.

- Откуда произошла утечка информации?

- Не знаю, но автором статьи является Либби Хольцман, а ее муж спит в хвостовом отсеке самолета. Вы друзья. Пойди и поговори с ним.

- Подожди, Арни. Пройдет немного времени, и истина восторжествует.

Насколько мне известно, президент не нарушал закона.

- Его политические противники выдадут это за попытку помешать отправлению правосудия.

- Перестань. - Джек недоверчиво покачал головой. - При тщательном рассмотрении такое обвинение легко опровергнуть.

- Никто не будет "тщательно рассматривать" это или "опровергать", черт побери. Запомни, речь идет о политике. Никого не интересуют факты, когда приближаются выборы. А теперь иди и поговори с Хольцманом. Немедленно. - Он редко пользовался таким тоном в разговоре с Райаном, но сейчас в его голосе звучали повелительные нотки.

- Ты уже сказал боссу? - спросил Райан, складывая газету.

- Пусть еще поспит. Пришли сюда Тиш, когда будешь проходить мимо, ладно?

- О'кей. - Райан спустился по трапу, разбудил Тиш Браун, сделал жест в сторону салона, где размещался центр связи, и пошел в хвостовой отсек. По пути он встретил стюардессу - нет, члена экипажа, поправился он. - Пригласите сюда Боба Хольцмана, - попросил Райан. Через иллюминатор было видно, что уже рассвело. Может быть, там, где сейчас летит самолет, и впрямь девять утра? Наверно, ведь расчетное время прилета в Москву - два часа дня по местному времени. Шеф-повар сидел у себя в камбузе и читал журнал "Тайм". Джек вошел в камбуз и налил свежий кофе в кружку.

- Не спится, доктор Райан?

- Для сна не осталось времени. Пора заниматься делами.

- Если хотите, я только что испек булочки.

- Отличная мысль.

- Ты звал меня? - просунул голову, в отсек Боб Хольцман. Как и всякий другой мужчина на борту, он выглядел небритым.

Джек молча передал ему газету, развернутую на странице со статьей.

- Что это?

- Читай.

Хольцман умел быстро читать.

- Господи, неужели это правда?

- Либби давно занималась этим?

- Первый раз слышу - о черт, мне очень жаль, Джек. Райан кивнул, и на его лице появилась улыбка, ничуть не отражающая его мрачного настроения.

- Да, я тоже только что проснулся.

- Это действительно правда?

- Наш разговор не для печати, согласен?

- Да.

- ФБР вело расследование этого дела уже довольно долго. Даты, указанные в статье Либби, близки к истине - мне придется свериться со своими записями. Меня пригласили на брифинг по этому вопросу из-за степени допуска Келти

примерно в тот самый момент, когда разразился скандал по поводу торговли с Японией, - проинструктировали, о чем мне можно говорить с ним, о чем нельзя, - ты ведь понимаешь, как обстоит дело, верно?

- Понимаю. А какова ситуация в данный момент?

- Председатель юридического комитета и его заместитель ознакомлены с материалами обвинения. Знают об этом также Эл Трент и Сэм Феллоуз из комитета по разведке. Ни у кого и в мыслях не было помешать отправлению правосудия, Боб. Насколько мне известно, президент вел себя в этом деле очень достойно. Келти предстанет перед комитетом Конгресса, и, после того как будет решен вопрос о его импичменте, если дело пойдет так далеко...

- Это неизбежно, - прервал его Хольцман.

- А вот я не уверен. - Райан покачал головой. - Если Келти найдет хорошего адвоката, то постараются договориться, не доводя дело до отрешения от должности, как это случилось с Агнью. Если же Келти подвергнется процедуре импичмента, затем предстанет перед судом Сената и те признают его виновным, даже Господь Бог не поможет ему перед судом присяжных.

- Да, пожалуй, - согласился Хольцман. - Значит, ты утверждаешь, что ошибочно не само обвинение против Келти, а роль президента в этом деле?

- Совершенно верно. Если кто-то и чинит помехи на пути правосудия, то мне об этом не известно, а ведь меня ознакомили со всеми аспектами дела.

- Ты беседуешь с Келти?

- Нет, ничего серьезного мы не обсуждаем. По тем проблемам, которые входят в сферу интересов Келти, я информирую его помощника по национальной безопасности, а он информирует своего босса. Согласись, вряд ли я смог бы относиться к Эду с достаточной объективностью. У меня две дочери.

- Значит, тебе известны все подробности обвинения?

- Нет, только в общих чертах. Мне ведь не нужно знать их. Но я хорошо знаком с Мюрреем. Если Дэн говорит, что у него есть убедительные доказательства, значит, дело обстоит именно так - Райан допил кофе и протянул руку за свежей булочкой. - Президент не - подчеркиваю - не пытается мешать процессу над Келти. Дело было отложено, чтобы не мешать решению других проблем, вот и все.

- Но ведь поступать так тоже не следует, - напомнил Хольцман и взял булочку.

- Черт возьми, Боб! Прокуроры назначают дату слушания дела в суде, не так ли? И в этом случае было решено назначить соответствующий день, ничего больше. - Хольцман прочитал по выражению лица Райана, чего тот хотел от него, и кивнул.

- Я передам ей все, что ты мне сказал.

Было слишком поздно принимать меры, направленные на то, чтобы уменьшить причиненный ущерб. Почти все политические деятели в Вашингтоне просыпаются рано. Они пьют кофе, внимательно читают газеты, проверяют свои факсы в поисках дополнительных материалов и звонят по телефону. За последнее время они все чаще стали подключаться к компьютерным терминалам и получать через них электронную почту. Это делается для того, чтобы выйти из дома, зная, что готовит им наступающий день. Многие члены палаты представителей Конгресса

получили утром факсимильные экземпляры статьи Лиз Хольцман с сопроводительной пометкой, указывающей на огромную важность данной проблемы. В таких пометках использовались различные кодовые фразы в зависимости от того, какая фирма по связи с общественностью обслуживает данного конгрессмена, однако смысл всех фраз был одинаковым. Многим членам палаты представителей пришлось отказаться от противодействия принятию закона о реформе торговли, зато сейчас возникла возможность расквитаться. И они не упустили своего шанса.

Замечания их делались главным образом не для печати. "Это представляется нам очень серьезной проблемой", - говорилось чаще всего. Выражение "Мы сожалеем, что президент счел возможным вмешаться в рассмотрение уголовного дела" тоже встречалось очень часто. Звонившие директору ФБР Уильяму Шоу получали ответ "без комментариев", причем обычно пояснялось, что ФБР никогда не высказывает своей точки зрения по любому расследованию, чтобы не помешать будущему рассмотрению дела в суде - если таковое попадет в суд - и не затронуть гражданские права обвиняемого. Подобное пояснение редко включалось в публичные заявления политических деятелей, и при таком толковании фраза "без комментариев" начинала звучать особенно зловеще.

Обвиняемый по этому делу проснулся в своем доме на территории военно-морской обсерватории на Массачусетс-авеню, Норт-Уэст, и обнаружил, что его старшие помощники уже приехали и ждут в гостиной первого этажа.

- Ну и стерва, - заметил Эд Келти. Это было все, что он мог сказать. Не имело смысла пытаться опровергать факты, приведенные в статье. Подчиненные знали его для этого слишком хорошо. Склонность вице-президента к амурным похождениям была им известна. Подобная черта не являлась редкостью у политических деятелей, да и к тому же он старался не афишировать свои любовные связи.

- Лайза Берринджер... - выдохнул вице-президент, читая статью. - Ну почему они не могут оставить в покое бедную девушку? - Он вспомнил, какое потрясение испытал, узнав о ее смерти, о том, как она погибла, расстегнув пристежной ремень и направив автомобиль на скорости девяносто миль прямо на опору моста. Судебно-медицинский эксперт говорил о неудачном выборе такого метода самоубийства. Когда к месту трагедии приехала машина "скорой помощи", Лайза все еще была жива, несколько минут стонала и мучилась. Такая славная девушка... Она просто не понимала жизни, хотела от него слишком многого. Может быть, ей казалось, что к ней он отнесется иначе, не так, как к остальным любовницам. Ну что ж, подумал Келти, почему-то все они считают себя особенными, непохожими на других.

- Он бросил вас на произвол судьбы, - заметил один из помощников Келти. В конце концов, самым главным в этой истории была политическая уязвимость вице-президента.

- Это уж точно. - Вот ведь сукин сын, подумал Келти. После всего, что я сделал. - О'кей - какие предложения?

- Начать с того, что мы можем все отрицать, причем с чувством справедливого негодования, - произнесла глава администрации вице-президента и передала Келти лист бумаги. - Я уже подготовила пресс-релиз, еще до

полудня проведем пресс-конференцию. - Она уже позвонила полудюжине бывших и настоящих сотрудниц аппарата, которые согласились во время пресс-конференции находиться рядом со своим боссом. В каждом случае это была женщина, чью постель Келти осчастливил своим присутствием. Теперь они вспоминали о происшедшем с улыбкой. В конце концов, у великих людей тоже есть свои слабости. А у Эда Келти они более чем компенсировались той целеустремленностью, с какой он занимался важными государственными делами.

Келти быстро дочитал текст, до конца. Единственная защита от совершенно ложных обвинений заключается в правде... нет ни малейших оснований для подобных обвинений... всем известно, что я отдаю все силы на службу обществу, например защищаю права женщин и национальных меньшинств... Я настаиваю (слово "требую" является неподходящим в этом контексте, посоветовал ему юрист) на немедленном обсуждении всех обвинений и на возможности защищаться от них самым решительным образом... нет ни малейших сомнений, что это связано с приближением выборов... сожалею, что такое беспочвенное обвинение пагубно скажется на нашем выдающемся президенте, Роджере Дарлинге...

- Немедленно свяжите меня по телефону с этим сукиным сыном!

- Сейчас неудачное время для подобной конфронтации, господин вице-президент. В тексте пресс-релиза говорится, что вы "полностью рассчитываете на его поддержку", помните?

- Ах да, конечно. - Эта часть пресс-релиза будет предупредительным выстрелом, нацеленным не в воду перед носом корабля, а прямо в мостик, подумал Келти. Либо Дарлинг выступит в его защиту, либо ему угрожает полный провал уже на первичных выборах.

Что еще может случиться в этом году? Хотя информация о Келти появилась слишком поздно для всех американских утренних газет - даже для "США сегодня", - ее сразу подхватили средства электронной информации в собственных обзорах, предваряющих дальнейшие передачи. Для многих финансистов, работающих в сфере инвестиций, это означало утренний выпуск новостей Национальной общественной радиокорпорации - интересная программа, которую слушали во время переездов из Коннектикута и Нью-Джерси, потому что она продолжалась два часа и включенные в нее новости постоянно повторялись. "Эксклюзивная статья в утреннем выпуске "Вашингтон пост"..." так начинались передачи, транслируемые каждый час, и вступительная фраза звучала как звон сигнального колокола, привлекая внимание слушателей. Несмотря на то что в Вашингтоне сообщения о политических скандалах были таким же обычным явлением, как прогноз погоды, слова "изнасилование" и "самоубийство" настораживали своей недвусмысленностью.

"Черт возьми!" - одновременно воскликнули тысячи голосов в аналогичном количестве роскошных автомобилей. Что еще может произойти? Рынок продолжал оставаться неустойчивым, и такая сенсация несомненно окажет влияние на него. С экономической точки зрения это не имело никакого смысла, однако все ожидали чего-то подобного и готовились к этому, так что дальнейшее падение рынка стало неизбежным в ситуации, которую инженеры-компьютерщики называли обратной связью. Сегодня курс акций упадет снова. Такая тенденция

сохранялась на протяжении одиннадцати дней из последних четырнадцати, и, хотя индексы Доу-Джонса подталкивали заказы на покупку, мелкие инвесторы начинали нервничать и требовали, чтобы брокеры сбрасывали их пакеты акций, а инвестиционные фонды открытого типа, подталкиваемые телефонными звонками от мелких вкладчиков, тоже были вынуждены поступать аналогичным образом, еще больше усугубляя совершенно искусственно возникшую ситуацию. Такая система могла существовать только в стране подлинной демократии, но если все было именно так, то и стадо скота, охваченное паникой, тоже можно назвать демократией.

* * *

- О'кей, Арни. - Президент Дарлинг даже не поинтересовался тем, как произошла утечка информации. Он был достаточно опытным игроком на политической арене и понимал, что теперь это не имеет значения. - Что мы собираемся предпринять?

- Я говорил с Бобом Хольцманом, - произнес Райан, заметив взгляд главы администрации Белого дома.

- Ну и что?

- Думаю, он мне поверил. Черт возьми, ведь я говорил правду, верно? - Это прозвучало скорее как вопрос, чем риторическое заявление.

- Да, Джек. Ты действительно сказал ему правду. Эду придется самому заниматься решением этой проблемы. - На лице Райана отразилось такое облегчение, что глава исполнительной власти почувствовал себя оскорбленным.

- Неужели ты считаешь, что я мог пойти на такой шаг?

- Нет, конечно, - тут же ответил Райан.

- Кому еще известно об этом?

- Вы имеете в виду пассажиров самолета? - спросил ван Дамм. - Пожалуй, Боб расскажет кое-кому.

- Давайте немедленно разъясним нашу позицию. Тиш, - повернулся Дарлинг к своему директору центра связи, - нам нужно подготовить пресс-релиз. В нем должно говориться, что юридический комитет Конгресса ознакомлен с ситуацией и я не оказывал на его членов никакого давления.

- Как мы объясним задержку с началом процесса? - спросила Тиш Браун.

- Вместе с руководством комитета мы пришли к выводу, что столь серьезный вопрос заслуживает... как бы лучше сформулировать? - Президент посмотрел на потолок. - Заслуживает того, чтобы...

- Вопрос достаточно серьезен - нет, достаточно важен, чтобы рассмотреть его в обстановке, когда ни что иное не будет отвлекать Конгресс от подобной процедуры, - произнес Райан. А ведь и впрямь неплохо, подумал он.

- Я еще сделаю из тебя политического деятеля, Джек, - заметил Дарлинг с легкой улыбкой.

- Вы не будете говорить о самом деле ничего конкретного, - сказал ван Дамм, и его совет президенту прозвучал в форме приказа.

- Знаю, знаю. Итак, я не буду затрагивать обстоятельств, возникших в результате расследования, потому что не могу позволить себе оказывать влияние на ход дела или выступать в защиту Келти, только упомяну, что любой

гражданин считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет полностью доказана; в основании американской демократии... и тому подобное. Давай, Тиш, берись за работу. Я выступлю с этим заявлением на борту самолета еще до посадки, и затем, может быть, мы сможем заняться наконец тем, чем нам следует заниматься. Что-нибудь еще? - спросил Дарлинг.

- Государственный секретарь Хансон сообщил, что все подготовлено. Нас не ожидают никакие сюрпризы, - ответил Райан, приступая наконец к собственным вопросам. - Министр обороны Фидлер составил договор о военной поддержке, и его можно парафировать. Так что в Москве у нас все будет обстоять гладко и без неожиданностей.

- Весьма утешительно, - сухо заметил президент. - Ну хорошо, дайте мне теперь возможность умыться и переодеться. - Вне зависимости от того, путешествуешь ли ты на президентском "BVC-1" или нет, подобная близость столь большого количества людей никак не содействует комфорту и удобствам. Президент США редко позволяет себе роскошь уединения даже при самых благоприятных обстоятельствах, однако в Белом доме по крайней мере есть настоящие стены, отделяющие его от остальных. Но не здесь, не на борту самолета. Сержант ВВС, исполняющий роль камердинера, старательно разложил одежду Дарлинга и приготовил бритвенные принадлежности. Он добрых два часа полировал ботинки президента, так что их черная кожа превратилась в сверкающий хром, и было бы по крайней мере неблагодарно выгонять его из салона. Люди так стремятся продемонстрировать свою преданность, подумал Дарлинг, входя в туалет, но не те, чья преданность ему действительно требуется.

- Вот и новые корабли.

Санчес вышел из галлеона, находящегося рядом с центром боевой информации, и увидел людей, собравшихся вокруг прокладочного стола. На карте виднелись три группы ромбиков, обозначающих надводные корабли противника. Более того, недалеко от "Шарлотт" V-образная фигура означала вражескую подводную лодку, да и "Эшвилл" сумел, по-видимому, обнаружить что-то. Однако лучше всего было то, что объединенная цепь противолодочных патрульных самолетов S-3 "викинги", летящая в двухстах милях впереди боевой авианосной группы, сумела обнаружить нечто, похожее на патрульную линию других подводных лодок. Две из них заметили в тот момент, когда они находились на шноркельной глубине - одну услышали гидрофоны линии раннего обнаружения, а другую обнаружили с помощью гидроакустических буев. Затем, пользуясь направлением, проведенным через позицию этих двух субмарин, обнаружили еще две лодки. Теперь офицеры центра боевой информации сумели даже рассчитать вероятное расстояние между подводными лодками, и туда направились противолодочные самолеты.

- Завтра на закате? - спросил командир группы палубной авиации.

- Им ведь нравится восходящее солнце, правда? Тогда накроем их во время ужина.

- Вполне меня устраивает, - согласился Санчес и поднял трубку, чтобы предупредить начальника оперативного отдела своего авиакрыла.

- Что-то слишком уж долго, - пробормотал Джоунз.

- Я вроде припоминаю, как ты мог оставаться на вахте в течение куда более продолжительного времени, - поддел его Уилли Чеймберз.

- Тогда я был молодым и глупым. - И курил к тому же, вспомнил он. Это так помогало сосредоточиться. Однако теперь на большинстве подлодок даже запрещено курить. Поразительно, почему команды не бунтуют. Подумать только, во что превращается военно-морской флот. - Видишь, что я имел в виду, когда говорил относительно моего нового программного обеспечения?

- Ты хочешь сказать, что даже тебя можно заменить компьютером?

Подрядчик повернул голову.

- Знаете, мистер Чеймберз, по мере того как вы становитесь старше, нужно пить поменьше кофе.

- Опять вы принялись за свое? - спросил адмирал Манкузо, подходя к ним, после того как побрился в соседнем гальюне.

- Мне кажется, наш Джоунзи планирует сегодня вечером высадку на Банзай-Бич, - усмехнулся Чеймберз, отпивая из кружки кофе без кофеина. - Ему надоело наблюдать за учениями.

- Действительно, времени уходит немало, - согласился командующий подводными силами Тихоокеанского флота.

- Да что вы, парни, мы ведь проверяем надежность нашей программы, не так ли?

- Если хочешь знать мое неофициальное мнение, то могу сказать, что намерен рекомендовать передачу контракта твоей фирме. - Не менее важной была и другая причина - Джоунз брал за осуществление программы на добрых двадцать процентов меньше, чем Ай-би-эм.

- Между прочим, я только что нанял двух ученых из океанографического института в Вудс-Хоул. Всем остальным это даже в голову не пришло.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Мы собираемся взяться за расшифровку языка китов - теперь, когда мы слышим их настолько отчетливо, такое становится возможным. "Гринпис" будет в восторге. На следующее десятилетие подводным лодкам обеспечена работа: сделать моря безопасными для наших братьев-млекопитающих. Кроме того, будем следить за японскими ублюдками, которые их убивают.

- Это что-то новое, - заметил Чеймберз.

- Вам нужны источники финансирования? Так вот, у меня есть идея, способная выручить вас.

- В чем она заключается, Джоунзи? - спросил Манкузо.

- Ученые из Вудс-Хоул считают, что им удалось опознать тревожные сигналы, подаваемые тремя видами китов: горбачами, финвалами и полосатиками. Они расшифровали эти сигналы с помощью гидрофонов во время экспедиций с китобоями. Я могу запрограммировать их - сигналы тревоги подаются в полосе частот, на которой работаем мы. Таким образом, субмарины будут идти вслед за китобойными судами и подавать сигналы, предупреждающие китов об опасности, понимаете? Китобои просто не сумеют их обнаружить. Ни один кит в здравом уме не решится приблизиться на двадцать миль к другому киту, кричащему, что его убивают. В сообществе китообразных не существует такого понятия, как солидарность.

- Ты что, тоже превращаешься в одного из "зеленых"? - поинтересовался Чеймберз, затем подумал и кивнул.

- Все что требуется от подобных экологических групп, - это сообщить своим друзьям в Конгрессе, что мы ведем глубокие научные исследования, правильно? Пусть они нас не любят, пусть отрицательно относятся к силовым установкам на наших подводных лодках, утверждая, что они загрязняют окружающую среду, лишь бы заявили, что мы ведем научные исследования. Я даю вам возможность обеспечить финансирование на ближайшие десять лет. - Джоунз одновременно обеспечивал свою компанию работой по крайней мере на такой же период, но это к делу не относилось. Манкузо и сообщество подводников нуждались в средствах. - К тому же мне нравилось прислушиваться к разговорам китов, когда мы плавали на "Далласе".

- Поступило сообщение с "Эшвилла", - донесся голос связиста из открытой двери. - Они сумели обнаружить цель.

- Хорошо. Японцы - отличные подводники, - заметил Джоунз, глядя на прокладочный столик. - Однако мы по-прежнему лучшие в мире.

"ВВС-1" опустился на посадочную дорожку аэропорта Шереметьево плавно как пушинка на минуту раньше расчетного срока прибытия. Внутри самолета послышался дружный вздох облегчения, когда двигатели заработали на реверс, быстро замедляя бег самолета. Скоро послышались щелчки отстегиваемых пристежных ремней. - Ты почему так рано проснулся? - спросила мужа Кэти.

- Дома возникли политические проблемы. Пожалуй, теперь можно тебе о них рассказать. - Райан йачал объяснять суть случившегося, затем вспомнил, что у него в кармане все еще лежит текст статьи, переданной по факсу. Он вручил статью жене и тут же предупредил, что не все сказанное в ней соответствует действительности.

- Он всегда казался мне каким-то скользким и приторно любезным, - заявила Кэти, прочитав статью и возвращая ее Джеку.

- Вот как? Неужели ты забыла, что он был когда-то совестью Конгресса? - негромко спросил Райан.

- Может быть, и был, но, по-моему, своей собственной у него не хватало.

- Только не забывай...

- Если кто-нибудь начнет задавать мне вопросы, я американский хирург и приехала сюда для встречи с русскими коллегами. Может быть, мне удастся осмотреть город. - Это полностью соответствовало правде. Проблемы, связанные с государственным визитом, займут у Райана, как одного из старших советников президента, массу времени. Однако в общем пребывание в Москве не будет особенно отличаться от обычной туристической поездки за границу с женой. Их туристические вкусы схожи, хотя и не во всем. Кэти знала, например, что ее муж не выносил хождения по магазинам. Это было странной чертой, присущей всем мужчинам, но Джеку в особенности.

Самолет повернул на рулежную дорожку, и события начали стремительно развиваться. Президент и миссис Дарлинг вышли из своего салона, готовые предстать перед встречающими как воплощение своей страны. Пока они проходили между рядами кресел под настороженными взглядами агентов Секретной службы и сотрудников службы безопасности ВВС, все остальные пассажиры оставались на

местах.

- Дьявольская работа, - сочувственно выдохнул Райан, глядя, как на лице президента появилась профессиональная счастливая улыбка, и зная, что она, по крайней мере отчасти, была притворной. Дарлингу предстояло выполнить так много официальных обязанностей, и он должен заставить окружающих верить в то, что каждую из них выполняет с искренним желанием. Ему приходилось отделять их одну от другой и, занимаясь одной, делать вид, что остальные для него не существуют. Пожалуй, похоже на то, как поступает Кэти со своими пациентами. А ведь это и впрямь любопытная мысль, а? Когда дверь открылась, до них донеслась музыка оркестра, исполняющего приветственный марш в местной аранжировке.

- Думаю, можно уже вставать.

Протокол строго соблюдался. Пассажиры "ВВС-1" сгрудились у иллюминаторов, наблюдая за тем, как президент спускается по трапу и обменивается рукопожатиями с недавно избранным президентом России и послом США в Москве. Затем по трапу стали спускаться остальные члены официальной делегации, а журналисты вышли через дверь в хвостовой части самолета.

Обстановка резко отличалась от той, свидетелем которой Райан был во время его предыдущего пребывания в России. Аэропорт казался таким же, как раньше, однако время дня, погода и вся атмосфера ничуть не походили на прежнюю. Ему понадобилось увидеть всего одно лицо, чтобы все стало ясно, - лицо Сергея Николаевича Головки, директора Службы внешней разведки, который стоял за спинами государственных деятелей, приехавших встречать американского президента. В прежнее время его не было бы видно совсем, но теперь взгляд голубых глаз Головки был устремлен прямо на Райана, спускающегося по трапу вместе с женой. В них танцевали веселые искорки.

Первые знаки оказались немного пугающими, что не было необычным для ситуации, когда политические факторы перехлестываются с экономическими. Рабочие, объединенные в профсоюзы, демонстрировали свою силу и впервые за несколько лет делали это достаточно умело. Возникла ситуация, когда только в автомобилестроительной промышленности и сопутствующих отраслях могли возникнуть сотни тысяч дополнительных рабочих мест. Это просто объяснили цифры: за последний год из-за океана в Америку ввозилось промышленной продукции почти на девяносто миллиардов долларов. Теперь, после принятия закона о реформе торговли, все это должно производиться внутри страны. Сев за стол переговоров с руководителями компаний, профсоюзы пришли к единому выводу, что нужно всего лишь получить от правительства заверения в том, что принятый закон не окажется "бумажным тигром" и скоро будет забыт во имя международной солидарности и дружбы. Для того чтобы получить такие заверения, однако, им приходилось действовать через свое лобби в Конгрессе. Так что Конгресс уже оказался под растущим давлением, причем дополнительным фактором явилось понимание того, что приближаются выборы. Конгресс не мог делать одной рукой одно, а другой - противоположное. Были даны обещания, приняты конкретные меры, и на этот раз обе партии объединили усилия.

Дело заключалось не только в том, чтобы нанять дополнительных рабочих. Требовалось колоссально увеличить производственный потенциал. Устаревшие

заводы и предприятия, действующие лишь на половину своих мощностей, нуждались в усовершенствовании, так что началась предварительная работа по их переоборудованию и снабжению материалами. Мгновенное увеличение объема хозяйственной деятельности оказалось неожиданностью, потому что даже самые проницательные наблюдатели, несмотря на опыт и дальновидность, не сумели увидеть в принятом законе подлинные революционные перемены.

Увеличение статистических показателей было несомненным. Федеральная резервная система при оценке состояния американской экономики руководствовалась самыми разнообразными критериями, и одним из таких показателей являлось производство стали и продукции машиностроения. За период, когда законопроект проходил рассмотрение в Конгрессе и затем находился в Белом доме, всплеск активности оказался настолько резким, что кривая вышла за пределы разграфленной бумаги. Затем Совет управляющих Федеральной резервной системы обратил внимание на стремительный скачок числа краткосрочных кредитов, требующихся главным образом автомобилестроительной промышленности для финансирования закупок у многочисленных поставщиков. Быстрый рост заказов вел к инфляционным ожиданиям, а инфляция и без того вызывала постоянное беспокойство. Увеличение объема заимствования приведет к сокращению денежной массы, из которой можно черпать средства для займов. Это требовалось остановить, и как можно скорее. Совет управляющих принял решение, что вместо увеличения учетной ставки на четверть процента, уже одобренного ими и просочившегося в прессу, учетная ставка вырастает на целых полпроцента и об этом решении будет объявлено на следующий день после закрытия финансовых рынков.

Капитан третьего ранга Угаки находился в боевой рубке своей подводной лодки. Как всегда, он непрерывно курил и чашка за чашкой пил чай, лишь изредка выходя к себе в каюту, чтобы воспользоваться личным гальюном. Капитана то и дело сотрясали приступы кашля, участившиеся от сухого воздуха (влажность внутри подводной лодки искусственно понижалась для предохранения бортовых электронных систем). Он знал, что где-то в этом районе находится одна, может быть, даже две американские подводные лодки - из разведданных ему было известно, что это "Шарлотт" и "Эшвилл", - но боялся он не субмарин. Больше всего капитан Угаки опасался находящихся на их борту экипажей. Численность американского подводного флота резко уменьшилась, но, по всей вероятности, подготовка специалистов осталась на прежнем высоком уровне. Угаки надеялся обнаружить своих противников по учениям "Океанские партнеры" еще несколько часов назад. Может быть, пытался убедить себя капитан, американцы еще не сумели обнаружить его, но он не был в этом уверен и в течение последних тридцати шести часов наконец понял, что это больше не учения, по крайней мере с того момента, когда получил зашифрованное сообщение: "НАЧИНАЙТЕ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОРУ НИИТАКА". Какую уверенность он испытывал всего неделю назад! Но не сейчас, когда его подводная лодка находилась в море и под водой. Поистине поразительно превращение теории в реальность.

- Есть что-нибудь? - спросил он у гидроакустика и увидел, как тот отрицательно покачал головой.

При обычных условиях американская субмарина во время учений включала дополнительный источник шума, что облегчало ее опознание при плавании в подводном положении. Это делалось в подражание шумам русской подводной лодки и было со стороны американцев вызывающим и одновременно весьма дальновидным. Американские моряки так редко пользовались истинными возможностями своей техники во время учений с участием союзников или даже у себя на флоте, что научились действовать в особенно трудных условиях - подобно бегуну с отягощением на беговых туфлях. В результате, оперируя без такого гандикапа<Гандикап - спортивные состязания (например, на бегах, в гребле), когда более слабому сопернику предоставляется фора в виде уменьшения дистанции, нагрузки и т. д.>, они превращались в исключительно опасного противника.

Ну и что? - пожал плечами Угаки. Я ничуть не хуже их.

Разве он не совершенствовал свое мастерство, когда следил за русскими подводными лодками подобно американцам? Разве он не подкрадывался вплотную к русской "акуле"? Самое главное - терпение. Настоящий самурай обладает неистощимым терпением. В этом его отличие от простых смертных.

- А ведь это и впрямь напоминает выслеживание китов, правда? - заметил капитан третьего ранга Стив Кеннеди.

- Да, действительно, - негромко отозвался гидроакустик первого класса Жак-Ив Лаваль, не сводя глаз с экрана и растирая уши, вспотевшие от наушников.

- Ты не чувствуешь себя обманутым?

- Мой отец занимался такими же играми, только тогда это было всерьез.

Он любил рассказывать мне в детстве, как отправлялся на север и незаметно следовал за русскими лодками в их собственных водах. - Имя "Француза" Лавала было хорошо известно среди подводников. Знаменитый гидроакустик, он сумел подготовить многих специалистов, которые мало в чем уступали ему. Он ушел со службы в звании главного старшины, и вот теперь сын продолжал его традиции.

Самым любопытным было то, что слежение за китами оказалось великолепной подготовкой. Киты - удивительные существа. Они бесшумно плывут под водой не потому, что скрываются, а просто благодаря тому, что они поразительно приспособлены к своей стихии. Подводники пришли к выводу, что умение незаметно приблизиться к небольшим стаям или семьям китов на такое расстояние, чтобы гидроакустики могли пересчитать и опознать отдельные особи, по меньшей мере отвлекает от однообразия подводного плавания, а временами становится даже увлекательным занятием. По крайней мере для гидроакустиков, подумал Кеннеди. Торпедистам и ракетчикам оно ничего не дает...

Лаваль сосредоточил взгляд на каскадном дисплее. Он поудобнее устроился в кресле и протянул руку за жировым карандашом, одновременно хлопнув по плечу сидящего рядом специалиста-третьего класса.

- Два-семь-ноль, - тихо произнес он.

- Точно.

- Что там у тебя, сынок? - спросил капитан.

- Всего лишь какая-то тень, сэр, на полосе в шестьдесят герц, - ответил

тог и через тридцать секунд добавил: - Что-то проясняется.

Кеннеди стоял позади двух вахтенных гидроакустиков. На экране виднелись две пунктирные линии, одна в той его части, где регистрировались частоты в шестьдесят герц, а другая в половине с более высокими частотами. Электромоторы на японских подводных лодках типа "харушио" работали на переменном токе с частотой шестьдесят герц. Точки, образующие желтые скопления неправильной формы на темном экране, начали стекать вниз на участке с частотой шестьдесят герц подобно каплям при замедленной съемке, падающим из неисправного водопроводного крана, - отсюда и наименование каскадный, или роликовый, дисплей. Лаваль-младший следил за ними еще несколько секунд, чтобы убедиться в том, что это явление не случайное, и решил затем, что оно, скорее всего, имеет реальную причину.

- Сэр, мне кажется, что теперь мы можем начать слежение. Определяю этот контакт как "Сьерра-1", скорее всего подводный, пеленг на него устанавливается два-семь-четыре градуса, уровень шума слабый.

Кеннеди передал полученную информацию боевой группе слежения за целями, находящейся в пятнадцати футах от него. Еще один техник включил прибор, анализирующий направление движения звуковых волн, высокотехнологичный мини-компьютер фирмы "Хьюлетт-Паккард", запрограммированный для определения возможного пути распространения акустического сигнала от цели сквозь воду. Несмотря на то что о его существовании знали многие, быстродействующее программное обеспечение этого прибора все еще являлось одним из самых охраняемых секретов на флоте. Такие программы, вспомнил Кеннеди, разрабатывала компания "Соносистемз" в Гротоне, во главе которой стоял один из протеже "Француза" Лавалья. Компьютер переварил загруженную в него информацию примерно за тысячу микросекунд и выдал ответ.

- Сэр, это прямой путь к цели. Предварительно оцениваю расстояние где-то между восемью и двенадцатью тысячами ярдов.

- Приготовиться к решению огневой задачи, - скомандовал офицер, руководивший действиями боевой группы слежения, старшине, сидящему у аппарата управления огнем.

- Это не горбач, - доложил Лаваль еще через три минуты. - Теперь у меня три линии на экране, Определяю "Сьерру-1" как подводную лодку в погруженном положении, идущую на электродвигателях. - Он напомнил себе, что его отец, Лаваль-старший, создал себе репутацию на слежении за русскими подводными лодками, шум которых мало отличался от грохота землетрясения. Он поправил наушники. - Пеленг остается неизменным - два-семь-четыре, слышу вращение винтов, начинаю счет.

- Огневая задача решена, - доложил старшина у прибора управления огнем.
- Подготовлено решение огневой задачи для торпедного аппарата номер три в направлении "Сьерры-1".

- Лево руля десять градусов, переходим на курс один-восемь-ноль, - скомандовал Кеннеди, чтобы взять крьюйс-пеленг, получить из нового положения более точное расстояние до цели, а также определить курс и скорость подводной лодки противника. - Уменьшить скорость, снизить обороты до пяти узлов.

Слежение всегда представляло наибольший интерес.

- Поступив так, ты просто перережешь себе горло тупым ножом, - заметила Энн Куинлан с присущей ей прямоотой.

Келти сидел в своем кабинете. При обычных условиях вице-президент, занимающий второй по важности пост в администрации, в отсутствие президента руководил бы деятельностью правительства, однако чудеса современных средств связи позволяли Дарлингу делать все что угодно, находясь он даже в полночь над Антарктикой и возникни у него такое желание. А теперь он опубликовал заявление с борта своего самолета, направляющегося в Москву, гласящее, что бросает вице-президента на произвол судьбы.

Первым порывом Келти было заявить всему миру о том, что президент Дарлинг полностью ему доверяет. Тем самым он даст всем понять, что факты, содержащиеся в статье, лишь отчасти соответствуют действительности, и запутать ситуацию до такой степени, чтобы получить возможность маневра, а в этом Келти нуждался сейчас больше всего.

- Прежде всего нам нужно узнать, Эд, - уже не в первый раз заметила руководитель администрации вице-президента, - от кого исходит информация, из-за которой разразился весь этот скандал. - Об этом автор статьи, умная журналистка, не обронила ни слова. Энн Куинлан не могла спросить, сколько женщин, работавших на Келти, он осчастливил своим присутствием в их постелях. Во-первых, он скорее всего не помнил этого, и, во-вторых, будет непросто отыскать тех, кто не оказались в их числе.

- Кем бы она ни была, наверняка это подруга Лайзы, - заметил еще один из сотрудников аппарата вице-президента. И тут же всех присутствующих в кабинете словно осенило.

- Барбара.

- Отличная мысль, шеф. - Куинлан любила называть так своего босса. - Нам теперь нужно проверить это и постараться договориться с ней.

- Нет ничего страшнее гнева брошенной женщины, - пробормотал Келти.

- Эд, я больше не хочу слышать такое от тебя, - предостерегающе заметила руководитель администрации. - Когда, черт возьми, ты поймешь, наконец, что "нет" отнюдь не означает "может быть, потом"? Ну хорошо, я сама зайду к Барбаре, и мы, возможно, сумеем отговорить ее. Только учти, я делаю это в последний раз, понял?

18. Пасхальное яйцо

- А вот здесь стоял платяной шкаф? - спросил Райан.

- Я все время забываю, что у тебя отличные источники информации, - заметил Головко, чтобы польстить своему гостю, потому что эта история была вообще-то широко известна.

Джек усмехнулся, все еще чувствуя себя подобно Алисе в Зазеркалье. Сейчас перед ним была самая обычная дверь в стене, но до прихода на пост председателя КГБ Юрия Андропова перед ней стоял скрывающий ее большой деревянный платяной шкаф - еще со времен Берии и его преемников. Из коридора и даже из приемной этого входа не было видно. Какая абсурдная мелодрама, подумал Райан, очевидная даже для Лаврентия Берии, чей безумный страх перед

убийцами - хотя он и был вполне обоснованным - привел к этой глупой мере предосторожности. Это не помогло ему избежать смерти от рук людей, которые ненавидели его еще больше, чем боялись. И все-таки разве не странно для советника по национальной безопасности президента США оказаться в кабинете директора Службы внешней разведки России? Не иначе пепел Берии должен где-то шевелиться от такого, в какой-то выгребной яме, куда высыпали его прах, подумал Райан. Он повернулся и посмотрел на хозяина кабинета, пытаясь представить себе все еще стоящий здесь дубовый шкаф и чуть ли не жалея о том, что в России нарушили традицию и отказались от названия КГБ - Комитет государственной безопасности.

- Сергей Николаевич, неужели мир так радикально изменился за последние годы - Боже мой, ведь прошло всего десять лет!

- Даже меньше, мой друг. - Головка сделал жест рукой, приглашая гостя сесть в удобное кожаное кресло, принадлежавшее некогда первым собственникам этого здания, страховому обществу "Россия". - А нам предстоит сделать еще так много.

Деловой разговор, понял Джек. Ну что ж, Сергей никогда не упускал случая воспользоваться предоставившейся возможностью. Райан вспомнил, как смотрело на него дуло пистолета, сжатого в руке русского генерала. Но все это произошло еще до того, как наступил так называемый конец истории.

- Я делаю все, что в моих силах, Сергей. Вы получили от нас пять миллиардов долларов на ликвидацию межконтинентальных ракет. Между прочим, вы ловко провели нас тогда. - Райан посмотрел на часы. Церемония была назначена на вечер. Предстояло взорвать один оставшийся "Минитмен-III" и последнюю ракету СС-19 - последнюю, если не считать тех, что находятся в Японии и переоборудуются там под космические ракеты-носители, предназначенные для вывода спутников на орбиту.

- У нас с вами осталось немало проблем, Джек.

- Но все-таки меньше, чем год назад, - заметил Райан, пытаясь догадаться, какая просьба теперь последует. - Я знаю, что ты исполняешь обязанности советника президента Грушевого не только по вопросам разведки. Перестань, Сергей, ситуация все-таки улучшается. Ты не можешь не знать этого.

- Никто не потрудился предупредить нас, что путь к демократии окажется таким трудным.

- Демократия трудна и для нас, дружище. Мы узнаем об этом каждый день.

- Мы испытываем чувство разочарования и безысходности, потому что у нас есть все необходимое, чтобы сделать страну богатой и процветающей. Проблема заключается в том, чтобы все это начало действовать. Я в самом деле являюсь советником президента по многим вопросам...

- Сергей, если бы ты не был одним из наиболее хорошо информированных людей у себя в стране, я был бы очень удивлен.

- Да, пожалуй. Так вот, сейчас мы ведем геологическое обследование Восточной Сибири. Там скрыты огромные богатства, масса природных ресурсов. Нам пришлось привлечь для этой цели японскую фирму, но результаты их работы... - Голос Головки прервался.

- Ты к чему-то ведешь, Сергей. Что произошло?

- Мы считаем, что они не говорят нам всей правды. Нам удалось найти результаты геологических изысканий, проводившихся в начале тридцатых годов. Они хранились в архивах Министерства внутренних дел. Там сообщается, что удалось обнаружить в самом невероятном месте залежи редкоземельного элемента гадолиния. В то время этот металл не использовался и о месторождении забыли. Материалы были найдены только после того, как мои люди тщательно проверили архивы. Теперь гадолиний применяется во многих отраслях, и нам стало известно, что одна из японских изыскательских партий разбивала лагерь всего в нескольких километрах от месторождения. Однако в отчете упоминания о гадолинии не оказалось.

- И что ты видишь за этим? - спросил Джек.

- Мне кажется странным, что они скрыли это от нас, - задумчиво произнес Головки. Он не спешил раскрыть все обстоятельства дела.

- Как вы оплачиваете их работу?

- В контракте говорится, что они будут участвовать вместе с нами в добыче многих полезных ископаемых, обнаруженных ими.

Условия контракта весьма щедрые.

- Но зачем им лгать? - спросил Райан.

- Не знаю, - пожал плечами Головки. - Было бы неплохо выяснить это. Ты ведь занимаешься историей, правда?

Это была одна из причин, которая заставляла их уважать друг друга.

Райан мог бы списать беспокойство Головки на счет русской паранойи - иногда ему казалось, что сама концепция подобного душевного заболевания была изобретена в этой стране, - однако это было бы несправедливо. Еще в царское время, в 1904 - 1905 годах, Россия воевала с японцами и проиграла войну, потерпев сокрушительное поражение в Цусимском сражении. Результаты этой войны сказались на падении династии Романовых и возвели Японию в ряд мировых держав, что привело к участию Японии в двух мировых войнах. Поражение оставило кровоточащую рану на гордости русских. Сталин хорошо помнил это и добился возвращения России потерянных территорий. Кроме того, после первой мировой войны японцы не раз делали попытки свергнуть большевиков на Дальнем Востоке. Они направили в Сибирь настоящую армию и весьма неохотно согласились вывести ее оттуда. То же самое случилось снова в 1938 и 1939 годах, и тут последствия для японских войск оказались гораздо серьезнее - сначала они потерпели поражение от маршала Блюхера, а затем от военачальника по имени Жуков. Да, между Россией и Японией в прошлом то и дело происходили столкновения.

- Это в наши-то дни, Сергей? - спросил Райан с недоумением на лице.

- Знаешь, Джек, хоть ты и умный парень, но все-таки американец, и потому ваш опыт борьбы против вторжений иностранных захватчиков намного уступает нашему. Неужели ты думаешь, что это приводит нас в панику? Нет, ничуть. А вот заслуживает ли это серьезного внимания? Да, Иван Эмметович, заслуживает.

Головки явно вел к чему-то, и, судя по длительности затраченного на подготовку времени, это было чем-то серьезным, подумал Райан. Надо выяснить, о чем все-таки идет речь.

- Видишь ли, Сергей Николаевич, я разделяю твое беспокойство, но вряд

ли могу помочь...

- "Чертополох", - прервал его Головки одним словом.

- Старая агентурная сеть Лялина. Ну и что?

- Недавно вы снова начали заниматься ею. - Директор Службы внешней разведки заметил, что Райан удивленно поднял брови. Да, Райан умный и серьезный человек, но все-таки из него не получится хороший оперативник, подумал Головки. Он слишком открыто проявляет свои эмоции. Может быть, подумал Сергей, мне следует прочитать что-то об Ирландии, чтобы глубже понять человека, сидящего напротив в старинном кожаном кресле. У Райана есть сильные стороны, но есть и слабые, а Головки так и не понял до конца ни тех ни других.

- Почему вы так думаете? - как можно более невинно спросил американец, чувствуя, что снова попался в ловушку, поставленную этим хитрым профессиональным разведчиком. Он отметил, что Головки улыбнулся, заметив испытываемое им затруднение, и ему пришла в голову мысль, что либерализация жизни в этой стране могла способствовать развитию у русских чувства юмора. Несколько лет назад Головки просто посмотрел бы на него бесстрастным взглядом.

- Джек, мы ведь оба профессионалы, правда? Мне стало известно о вашей деятельности в Японии. А вот каким образом - это мое дело.

- Я не знаю, какие карты у тебя на руках, мой друг, но, прежде чем продолжить игру, мне нужно знать, является она дружеской или нет.

- Как тебе известно, контрразведкой в Японии занимается следственное управление общественной безопасности Министерства юстиции. - Это заявление прозвучало четко и ясно и, по-видимому, соответствовало действительности. Кроме того, оно определило ход беседы. Игра будет дружеской. Головки только что открыл одну из своих тайн, хотя не такую уж и удивительную.

Русскими нужно восхищаться, подумал Райан. Их опыт разведывательной деятельности на уровне мирового класса. Впрочем, нет, поправил он себя. Это они определяют класс разведывательной деятельности во всем мире. Разве можно придумать более эффективный способ руководства агентами в любой стране мира, чем взять сначала под свой контроль службу контрразведки в этой стране? За последние несколько лет еще не исчезло подозрение, что русские по-прежнему контролируют MI-5, службу безопасности Великобритании, а обнаружение русских агентов, глубоко окопавшихся в управлении внутренней безопасности ЦРУ, внесло немалый переполох в американские разведывательные службы.

- Продолжай, - сказал Райан. Сдавай карты, подумал он.

- В Японии у вас действуют два оперативника, скрывающиеся под маской русских журналистов. Они оживляют, так сказать, "спящих" - приводят в действие агентурную сеть. Эти оперативники работают очень умело и очень осторожно, однако один из агентов раскрыт следственным управлением общественной безопасности и работает на японскую контрразведку. Такое может случиться с кем угодно, - успокаивающе заметил Головки.

В его словах нет и следа злорадства, подумал Джек. Ну что ж, для этого он слишком опытный профессионал, да и игра ведется по-дружески. С другой стороны, заявление Головки было недвусмысленным: ему не составит ни малейшего труда засветить Кларка и Чавеза, что приведет к новому

международному конфликту, который еще больше накалит и без того напряженные отношения между Японией и США. Вот почему Головки не проявлял злорадства. Этого просто не требовалось.

- Ну хорошо, дружище, я сбрасываю карты. Говори, что тебе требуется.

- Нам нужно узнать, почему японцы обманывают нас, а также все остальное, что, по мнению миссис Фоули, может представлять интерес для России. В обмен мы обещаем защитить вашу агентурную сеть. - Он не добавил слова "пока".

- Что известно японской контрразведке о деятельности наших оперативников? - спросил Джек, обдумывая сделанное ему предложение. Головки заявил, что Россия готова защитить американскую разведывательную операцию. Это предложение было чем-то совершенно новым и беспрецедентным; Значит, русские считают информацию, в которой нуждаются, исключительно ценной. Чертовски ценной, подумал Джек. Почему?

- Японцы знают достаточно, чтобы выдворить их из Японии, не больше. - Головки выдвинул ящик стола, достал лист бумаги и передал Райану. - Вот сведения, нужные Фоллеевой.

Джек прочитал написанное и сунул бумагу в карман.

- Моя страна не хочет нового конфликта между Россией и Японией.

- Значит, вы принимаете наши условия?

- Да, Сергей. Я поддерживаю твоё предложение.

- Как всегда, Иван Эмметович, мне доставляет удовольствие поддерживать с тобой деловые отношения.

- Но почему вы сами не возобновили деятельность этой агентурной сети? - спросил Райан, стараясь понять, не пошел ли он сегодня на слишком уж большие уступки.

- Лялин скрыл от нас все конкретные детали, а без них возобновить деятельность этих агентов невозможно. С его стороны это был умный шаг. У нас не оставалось времени, чтобы... убедить его? Да, убедить Лялина сообщить нам подробности, прежде чем мы передали его вам.

Какая обтекаемая фраза, подумал Джек. Убедить. Ничего не поделаешь, Головки был воспитан старой системой. Наивно полагать, что он может полностью отказаться от своих прежних убеждений. Джек заставил себя улыбнуться.

- А помнишь, какими заклятыми врагами мы были? - Джеку внезапно показалось, что на мгновение в бесстрастных глазах Головки что-то промелькнуло, словно отдернулась занавеска, и он подумал, что, может быть, этот момент означает начало чего-то нового в их отношениях. Черт возьми, неужели мир становится еще более странным?

В Токио было на шесть часов позже, чем в Москве, а в Нью-Йорке на восемь раньше. Разница в четырнадцать часов и международная линия перемены дат создавали массу возможностей для внесения путаницы. Где-то на земном шаре была суббота четырнадцатого, а где-то - все еще пятница.

Чак Серлз в последний раз вышел из дома в три часа утра. Накануне он взял в аренду автомобиль - подобно многим жителям Нью-Йорка, Серлз не имел

собственного, - чтобы ехать в аэропорт Ла-Гуардия. К его удивлению, терминал компании "Дельта" в столь раннее время был уже переполнен - готовился к вылету первый рейс в Атланту. В одном из многочисленных бюро путешествий Нью-Йорка Серлз заранее купил, заплатив наличными, билет на вымышленное имя, которым он будет иногда пользоваться в будущем. Это имя отличалась от того, что было указано в паспорте, приобретенном несколькими месяцами раньше. Расположившись в кресле 2-А первого класса, широком и удобном, позволявшем ему повернуться и откинуть назад голову, он проспал до посадки в Атланте. Там его чемодан погрузили на самолет, вылетающий в Майами. Вообще-то путешествовал Серлз налегке - пара костюмов, несколько рубашек, белье, а также портативный компьютер. В Майами он поднимется на борт другого самолета и вылетит на юго-восток, где его ждет рай.

Джордж Уинстон, бывший президент финансовой корпорации "Коламбус групп", не чувствовал себя счастливым при всей роскоши своего дома в Аспене. Все дело было в вывихе колена. Теперь у него хватало времени заниматься новой страстью - горными лыжами, но он был недостаточно умен и, может быть, не так молод для крутых склонов, по которым скользят опытные лыжники. Колено чертовски болело. Пришлось встать в три утра и отправиться хромя к аптечке в ванной за новой дозой болеутоляющего, прописанного врачом. Оказавшись в ярко освещенной ванной, он почувствовал, что из-за бессонницы и продолжающейся боли вряд ли сможет уснуть. В Нью-Йорке сейчас уже пять утра, подумал он. Уинстон привык рано вставать, чтобы успеть многое сделать, опережая любителей поспать: заглянуть в компьютер, прочитать финансовый журнал и ознакомиться с другими источниками информации, так что он всегда был готов действовать на рынке ценных бумаг уже в самом начале рабочего дня.

А здесь он скучает, признался Уинстон, здесь ему не хватает напряжения ежедневной гонки, стремления опередить конкурентов. Да, не хватает, сказал он себе, глядя в зеркало. Действительно, он привык много работать, забросил семью, испытывал состояние, мало отличающееся от наркотического, однако не совершил ли он ошибки, выйдя из игры?

Нет, пожалуй, не совершил, сказал себе Уинстон, хромя обратно в кабинет и стараясь не шуметь. Дело всего лишь в том, что нельзя сразу бросить все и пытаться заполнить образовавшуюся пустоту чем-то иным, мало что значащим для него. Он не мог все время плавать на "Кристобале", по крайней мере не сейчас, когда дети ходят в школу. По сути дела у него осталось сейчас единственное любимое занятие, и оно едва его не прикончило.

Но даже если так...

Черт побери, здесь даже утром не читаешь финансовые журналы. Где она цивилизация? К счастью, оставалась телефонная связь. Вспомнив прошлое, Уинстон включил компьютер. Его дом был подключен почти ко всем каналам, передающим новости и биржевую информацию, и он выбрал свой любимый. Как приятно сделать это так рано утром! Жена сердится, когда видит, что он опять занимается делами, а это означало, что он утратил финансовое чутье - играл ли он теперь на бирже или нет. Ну что ж, ничего, пока она спит, у него есть несколько свободных часов. В том нет ничего опасного, ведь не летит же он на вертолете к вершине горы в предрассветных сумерках, правда? Никакого катания

на лыжах, твердо заявил доктор, по крайней мере в течение недели, а после этого придется ограничиться склонами для новичков. Впрочем, все не так уж плохо, верно? Он сделает вид, что обучает своих детей спуску с горы... Как больно, черт побери!

Да, он слишком рано ушел с Уолл-стрита. Он, конечно, не мог предвидеть этого, но за последние несколько недель рынку требовался специалист с его способностями, позволяющими воспользоваться создавшейся ситуацией и сделать огромные деньги. Он занялся бы сталью еще три недели назад, схватил бы большой куш и затем обратил бы внимание на... "Силикон-вэлли"? Да, пожалуй, следовало как можно быстрее сосредоточить внимание на компьютерах. Совсем недавно изобрели новый экран для "лэптопов" - портативных компьютеров, - и теперь, когда будущее японской продукции оказалось затянутым грозовыми облаками, открылись небывалые возможности. Кому тогда удалось так умело поставить на государственные заемные сертификаты и заработать кучу денег? Да, это был Райан, Джек Райан, вот кто прямо-таки рожден для спекуляций на бирже, а он растрчивает сейчас время на государственную службу. Какой гибнет талант, подумал Уинстон, чувствуя боль в колене и пытаясь убедить себя, что сам он не растрчивает понапрасну время, сидя среди ночи на горнолыжном курорте, удовольствиями которого не сможет пользоваться по меньшей мере еще неделю.

Почему-то все на Уолл-стрите кажется поразительно неустойчивым, подумал он, изучая тенденции финансового рынка. На экране компьютера он обращал особое внимание на акции тех малоизвестных компаний, которые считал многообещающими. В том и заключалась одна из особенностей биржевой игры - умение заметить тенденции и факторы до того, как это сделают другие финансисты. Одна из особенностей? Нет, черт возьми, единственная особенность. Было бы удивительно трудно объяснить, как это ему удастся. Он полагал, что такой же талант требуется в любой сфере деятельности - способность заглянуть в будущее и предугадать тенденции дальнейшего развития. У одних это получалось, и он относился к их числу. Другие пытались добиться этого с помощью обмана, стараясь заполучить информацию незаконными способами или искусственно создавая тенденции, которыми затем пользовались. Но ведь это... нарушение правил, верно? Какой смысл делать деньги таким образом? Подлинным искусством биржевой игры является способность одержать верх над конкурентами в справедливой и честной борьбе, и ему нравилось, когда он слышал в конце дня восхищенные замечания других брокеров, которые подходили к нему со словами: "Ну и сукин же ты сын!". Тон, которым они говорили это, был для него лучшей наградой.

Да, подумал Уинстон, странно, что рынок настолько неустойчив. Наверно, люди еще не успели как следует понять ситуацию.

"Хорнеты" взлетели сразу за первой волной "томкэтов". Санчес закатил свой истребитель на носовую катапульту правого борта и почувствовал, как выступ его носового колеса встал в гнездо. Тяжело нагруженный самолет с полными топливными баками и синими учебными ракетами, висящими под крыльями, содрогался от рева двигателей, работающих на полной мощности. Палубная команда заканчивала последнюю визуальную проверку. Наконец старший подал

знак, что все в порядке, Санчес жестом показал, что понял, и откинул голову на спинку катапультируемого кресла. Мгновение спустя стремительное ускорение помчало его по палубе и выбросило в воздух. "Хорнет" чуть провалился - к этому всегда трудно привыкнуть - и тут же начал набор высоты, убирая шасси и направляясь к месту сбора.

Японцы старались обмануть их, это им почти удалось, однако "почти" в такой игре не принимается во внимание. Спутниковые фотографии обнаружили три группы надводных кораблей, приближающихся к американскому авианосному соединению. Санчес возглавит налет на первую, самую большую группу, состоящую из восьми эсминцев. Две отдельные пары "томкэтов" покончат с японскими патрульными самолетами Р-3, высланными вперед. Впервые за время учений американские истребители будут наводиться на цель с помощью собственных поисковых радиолокаторов. Это будет короткая стремительная атака, похожая на укол рапиры - впрочем, нет, скорее на мощный удар тяжелой дубиной. С помощью периодического включения радиолокаторов на самолете Е-2С "хокай" удалось установить, что японцы не выслали своих истребителей к острову Маркус, что было бы для них разумной, хотя и трудноосуществимой мерой, да и в любом случае они не смогли бы поднять в воздух достаточно самолетов, чтобы противостоять мощи двух полных авиакрыльев палубных истребителей. Маркус не был достаточно большим островом и значительно уступал размерами Сайпану или Гуаму. На какое-то время это стало последней отвлеченной мыслью Санчеса. По его команде, переданной по радиоканалу малой мощности, самолеты начали рассредоточиваться в соответствии с тщательно разработанным планом.

- Хай. - На мостике эсминца Сато поднял трубку телефона.

- Мы только что услышали радиопередачу по каналу малой мощности. Два сигнала, на пеленгах соответственно один-пять-семь и один-девять-пять.

- Пора бы уж, - заметил Сато, обращаясь к своему начальнику оперативного отдела. Мне уже начало казаться, что они так и не начнут атаки, подумал он. Во время настоящих боевых действий адмирал поступил бы по-другому. Нет смысла раскрывать американцам подлинные возможности своей аппаратуры электронной разведки. - Продолжайте действовать как и раньше, - скомандовал он.

- Слушаюсь. Мы продолжаем следить за двумя самолетами радиолокационного обнаружения. Никаких изменений, они все еще описывают круги.

- Спасибо. - Сато положил трубку и взял чашку с чаем. Его лучшие техники сидели у аппаратуры электронной разведки, прослушивая эфир. Записывающие устройства заносили на магнитную ленту всю информацию, собранную множеством датчиков, для последующего анализа. Это и был по сути дела самый важный этап учений - узнать как можно больше о том, каким образом американскому флоту удастся наносить столь сокрушительные и внезапные удары.

- Объявить боевую тревогу? - негромко спросил капитан "Митсу".

- В этом нет необходимости, - ответил адмирал, задумчиво глядя на линию горизонта, как и полагается, считал он, военному моряку.

Техники на борту "Выслеживающего-1", американского патрульного самолета

ЕА-6В "праулер", следили за всеми каналами радиопередач и радиолокационными частотами. Им удалось обнаружить и опознать шесть поисковых радиолокаторов гражданского типа, причем ни один из них не находился поблизости от уже известных координат трех групп японских военных кораблей. Что-то они не слишком уже рьяно сопротивляются, думали все. Обычно подобные игры намного более интересны.

Капитан порта в гавани Танапаг увидел из своего кабинета огромный корабль, груженный автомобилями, который огибал южный мыс острова Манагаха. Это удивило его. Капитан перелистал документы на столе в поисках телекса, информирующего о подходе судна. Да, вот он. Должно быть, прибыл ночью. "Оркид Эйс" из Йокагамы с автомобилями "тойота-лэндкрузер" для продажи здешним японским гражданам. Наверно, первоначально они предназначались для Америки. Теперь будут ездить тут по местным дорогам, создавая еще больше пробок, проворчал про себя капитан порта. Он поднес к глазам бинокль и, к своему изумлению, увидел на горизонте прямоугольные очертания другого судна. Еще один корабль, груженный автомобилями? Странно.

"Выслеживающий-1" продолжал описывать круги на прежней высоте, чуть ниже видимого горизонта для кораблей "противника", находящихся примерно в сотне миль от самолета. Техники, специалисты по электронной войне, сидящие в двух креслах в хвостовом отсеке самолета, держали руки на переключателях аппаратуры радиолокационных помех, но радары японского флота бездействовали, и глушить было нечего. Женщина-летчик, что сидела за штурвалом "праулера", на мгновение взглянула в сторону юго-востока и заметила желтые солнечные блики, отражающиеся от фонарей кабин истребителей группы "Альфа", которые стремительно снижались до высоты бреющего полета, чтобы как можно дольше оставаться вне пределов досягаемости японских радиолокаторов, прежде чем взмыть вверх и "выпустить" первую серию ракет.

- Танго, танго, танго, - произнес по системе связи "гертруда" капитан третьего ранга Стив Кеннеди кодовое слово, означающее учебный торпедный залп. Он следовал за японской подводной лодкой типа "харушио" вот уже девять часов, давая возможность команде познакомиться с контактом и привыкнуть к цели, более опасной, чем беременная самка кита-горбача. Наконец игра надоела капитану, он решил включить подводный телефон и до полусмерти - так считал Кеннеди - напугать "Сьерру-1". Ему не хотелось, чтобы в будущем его обвинили в нечестной игре, и потому дал японской субмарине возможность заметить преследование. Вообще-то честной игры в таком деле не бывает, но ведь Япония и Америка - союзники, несмотря на все радиопередачи последних недель.

- Наконец-то, - заметил капитан третьего ранга Угаки. Он обнаружил американскую подводную лодку типа 688 почти сорок минут назад. Выходит, американские подводники не такие уж мастера, как им это кажется, поскольку, едва заметив "Курушио", они тут же произвели торпедный залп. Вот почему, подумал Угаки, я и позволил им выстрелить первыми. Он посмотрел на стоящего рядом офицера-торпедиста и на четыре красных огонька на панели управления огнем. Потом поднял трубку своего подводного телефона и ответил голосом,

полным простодушного удивления:

- Откуда вы взялись?

Члены экипажа, находящиеся поблизости - все моряки на борту "Курушио" хорошо говорили по-английски, - с удивлением услышали слова капитана. Угаки заметил изумленные взгляды. Позднее он объяснит им причину.

- Он даже не произвел ответного "залпа" - по крайней мере я не услышал от него: "Танго". По-видимому, капитана не было в боевой рубке. - Кеннеди снова нажал на кнопку передачи. - В соответствии с учебной задачей мы отходим и повторяем упражнение. - По его команде "Эшвилл" повернул направо и увеличил скорость до двадцати узлов. Кеннеди решил отвести свою лодку на двадцать тысяч ярдов и еще раз проделать маневр сближения, чтобы предоставить "противнику" лишнюю возможность потренироваться.

- Мостик, говорит акустик.

- Мостик слушает.

- Новый контакт, классифицирую его как "Сьерра-5", пеленг два-восемь-ноль, надводный корабль, дизельная двигательная установка, два винта, тип неизвестен. Судя по оборотам винтов, скорость примерно восемнадцать узлов, - сообщил гидроакустик первого класса Лаваль-младший.

- Что-нибудь еще?

- Думаю, это небольшое судно, капитан, непохоже на грохочущие винты крупного купца.

- Хорошо, начинаем слежение. Держите меня в курсе событий.

- Слушаюсь, капитан.

Все происходит слишком просто, подумал Санчес. На севере авианосная группа "Энтерпрайз" столкнулась, наверно, с более яростным сопротивлением со стороны японских эсминцев типа "конго". Он не слишком старался, всего лишь удерживал свою группу самолетов, летящих со скоростью около четырехсот узлов в развернутом строю на высоте триста футов над гладкой морской поверхностью. Каждый из четырех истребителей-бомбардировщиков группы "Молот" нес четыре учебных ракеты "гарпун", так же как и еще четыре самолета следующей за ним группы "Кувалда". Санчес поднял голову и взглянул на дисплей, где указывались координаты истребителя. Информация, загруженная в его бортовой компьютер всего час назад, указывала вероятное местонахождение японской эскадры, а система космической навигации привела самолеты прямо к месту с расчетными координатами цели. Теперь оставалось выяснить, насколько точными являются разведданные.

- "Кувалда", это ведущий, начинаю набор высоты! - Санчес взял на себя штурвал. - Перехожу в активный режим! - Сразу после второй команды он включил поисковый радиолокатор.

Вот и они, чертовски большие на дисплее. Санчес выбрал корабль командира соединения и включил поисковые боеголовки своих учебных ракет на пилонх под крыльями. На контрольной панели зажглись четыре красных огонька, сигнализирующие о готовности к пуску - вообще-то в ракетах действовали только боеголовки наведения, все остальное представляло собой инертную массу.

- Это ведущий "Молота". Пуск, пуск, пуск! Выпустил четырех "вампилов".

- Второй, пускаю четыре.
- Третий, пускаю четыре.
- Четвертый, пускаю три, одна неисправная на пилоне. Ну что ж, можно признать атаку удовлетворительной, подумал Санчес, запоминая, что следует сделать упрек в адрес начальника техобслуживания авиакрыла. В боевой обстановке истребители после пуска ракет тут же спикировали бы обратно к морской поверхности, чтобы не подвергнуться обстрелу, но сейчас, в соответствии с условиями - учений, они снизились до двухсот футов и продолжили сближение с целью, имитируя полет собственных ракет. Бортовые компьютеры запишут данные слежения и радиолокационные частоты японских кораблей для того, чтобы оценить надежность их действий, которые пока не производили особого впечатления.

Столкнувшись с неприятной необходимостью допустить женщин к штурвалам настоящих боевых самолетов, базирующихся на настоящих авианосцах, командование пошло на компромисс и усадило их прежде всего в кресла пилотов на самолетах электронного противодействия. По этой причине первым командиром женской эскадрильи VAQ-1237 "Грачи" Военно-морского флота США стала капитан третьего ранга Роберта Пич, по прозвищу "Персик". Самая старшая по воинскому званию женщина-пилот палубной авиации, она считала величайшей честью для себя, что другая летчица уже имела позывные для радиосвязи, соответствующие ее прозвищу, и выбрала себе другой сигнал вызова - "Бандит" - и настаивала, чтобы в воздухе к ней обращались именно так.

- "Бандит", "Бандит", замечены радиолокационные импульсы, - послышался голос техника из хвостового отсека ее "праулера" летящего первым. - Включается очень много радаров.

- Подави их, - коротко скомандовала она.
- Понятно... готовлю к пуску "харм" по лучу SPG-51. Цель освещена.
- Пуск, - произнесла командир эскадрильи. Пуск ракеты являлся ее прерогативой как пилота. Пока луч радиолокатора, наводящего ракету на цель, освещал ее, антирадарная ракета практически должна была неминуемо поразить цель.

Теперь Санчес видел корабли - серые тени на горизонте. Неприятный визг, доносящийся из наушников, предупредил его, что истребитель освещают одновременно поисковые радиолокаторы и радары пусковых ракетных установок, - всегда пугающий звук, особенно в данном случае, потому что "противник" был вооружен американскими зенитными ракетами SM-2 "стандарт", с достоинствами которых Санчес был хорошо знаком. Корабль походил на эсминец типа "хатаказе" с двумя радиолокаторами наведения на цель и всего лишь одной пусковой ракетной установкой. Он мог наводить на цель только две ракеты одновременно. Самолет Санчеса выглядел на экране, как две ракеты, однако "хорнет" был целью побольше, чем противокорабельная ракета "гарпун", и мчался вперед не на такой малой высоте, как ракета. С другой стороны, у него на борту находилась защитная аппаратура глушения, а это несколько уравнивало шансы. Бад сдвинул ручку управления влево. Полет прямо над кораблем при такой ситуации нарушил бы правила безопасности, и через несколько секунд его истребитель промчался в трехстах ярдах перед форштевнем японского эсминца.

По крайней мере одна из выпущенных им ракет попала бы в цель, решил Санчес, а ведь целью являлся всего лишь эскадренный миноносец без броневой защиты водоизмещением в пять тысяч тонн. Взрыв только одной боеголовки "гарпуна" вывел бы корабль из строя, да и последующая бомбардировка кассетными бомбами стала бы еще более эффективной.

- "Молот", это ведущий. Сближайтесь со мной.

- "Второй" понял...

- "Третий"...

- "Четвертый"... - донеслись ответы истребителей его группы. Еще один день в жизни военно-морского летчика, подумал командир авианосного авиакрыла. Теперь ему предстояло совершить посадку, отправиться в центр боевой информации и провести следующие двадцать четыре часа, знакомясь с материалами учений. Это потеряло для него прежнюю привлекательность. Ему доводилось сбивать настоящие самолеты, и потому все остальное уже перестало его волновать. Однако сами полеты все-таки оставались полетами.

Рев самолетов, проносящихся над кораблем, обычно всегда кружил голову. Сато наблюдал за тем, как последний из американских истребителей набрал высоту, исчезая вдаль, и поднес к глазам бинокль, чтобы убедиться в направлении их полета. Затем он встал и спустился в боевую рубку.

- Ну что? - спросил адмирал.

- Обратный курс такой же, как мы и предполагали. - Начальник оперативного отдела соединения постучал пальцем по спутниковой фотографии, на которой виднелись обе американские боевые группы, все еще направляющиеся на запад, навстречу господствующим ветрам, чтобы проводить летные операции. Фотография была сделана всего два часа назад. На экране радиолокатора виднелись истребители, возвращающиеся к предполагаемой точке встречи.

- Отлично. Передайте мое почтение капитану, курс один-пять-пять, предельная скорость. - Меньше чем через минуту корпус "Митсу" задрожал от увеличившейся мощности машины, и эсминец устремился в сторону американского соединения, рассекая форштевнем волны Тихого океана. Время сейчас было решающим.

В зале Нью-Йоркской фондовой биржи один из молодых сотрудников брокерской фирмы точно в 11.43.02 по восточному поясному времени допустил ошибку, внося в компьютер стоимость акций компании "Мерк". Цифра 23 1/8, значительно отличающаяся от текущей котировки, успела появиться на экране. Через тридцать секунд он заметил ошибку, попытался исправить ее, и на табло появилась прежняя цифра. На этот раз послышался предупредительный окрик. Он объяснил, что заело проклятую клавиатуру, отключил ее и заменил новой. Это случалось нередко. В спешке по неопытности случалось на клавиатуру проливали кофе или другой напиток. Исправленная котировка тут же появилась на табло, и все вернулось к норме. В тот же самый момент аналогичная ошибка произошла с котировкой акций "Дженерал моторе" и кто-то в оправдание произнес те же самые слова. Ничего страшного не произошло, и мир не перевернулся. Брокеры на этом рабочем месте почти не взаимодействовали с теми, кто занимался акциями "Мерка". Ни один не имел представления, что в

действительности происходит. Им всего лишь заплатили по пятьдесят тысяч долларов за совершенную ошибку, которая никак не могла повлиять на деятельность фондовой биржи. Они даже не подозревали, что не сделай они этого, еще два человека, получившие такую же сумму, проделали бы ту же операцию десять минут спустя.

Универсальные электронно-вычислительные машины "Стратус" в "Депозитари траст компани" - точнее, находящиеся в них программы - отметили первоначальные котировки, и "Пасхальное яйцо" проклюнулось.

Во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца - традиционном месте подписания соглашений, где Райан уже однажды побывал в другое время и при совсем иных обстоятельствах, - уже были установлены телевизионные камеры и юпитеры. В двух отдельных комнатах на лица президента Соединенных Штатов и президента Российской республики уже накладывали макияж, необходимый для телевизионной трансляции, - эта процедура для российского президента наверняка была более неприятной, подумал Райан. Местные политические деятели не слишком стремились к тому, чтобы хорошо выглядеть на экранах телевизоров. Гости в большинстве своем уже сидели в зале, однако руководство обеих делегаций все еще испытывало некоторое беспокойство. Подготовка была почти завершена. Хрустальные бокалы сверкали на подносах, с бутылок шампанского уже сняли фольгу. Поступит команда - и в потолок полетят пробки.

- Знаешь, Сергей, я кое-что вспомнил. Ты так и не прислал мне грузинское шампанское, - сказал Джек, обращаясь к Головко.

- Ну что ж, теперь могу оеспечить тебя по очень сходной цене.

- Раньше мне пришлось бы сдать его - из-за существовавших законов государственной этики,

- Да, я знаю, каждый правительственный чиновник в Америке - потенциальный жулик, - заметил Головко, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться в том, что все делается как надо.

- Ты говоришь, как настоящий юрист. - Райан заметил, что старший агент Секретной службы вышел из двери и направился к своему стулу. - Роскошный зал, правда, милая? - спросил он жену.

- Цари знали, как жить, - прошептала она в ответ, и тут же ярко вспыхнули юпитеры. В Америке все телевизионные компании прервали трансляцию своих программ. Согласование по времени было не слишком удачным - между Москвой и Западным побережьем Америки разница составляла одиннадцать часов, да и сама Россия размещалась на десяти часовых поясах из-за своей необъятной протяженности с запада на восток. Однако видеть подобную церемонию хотели все.

Под аплодисменты трехсот гостей, собравшихся во Владимирском зале, появились оба президента. Роджер Дарлинг и Эдуард Грушевой встретились у стола карельской березы и тепло пожали друг другу руки, как это делают только бывшие враги. Дарлинг - в прошлом десантник, воевавший во Вьетнаме; Грушевой - бывший сапер в составе первой группы войск, введенных в Афганистан. В молодости их учили ненавидеть друг друга, и вот теперь они встретились здесь, чтобы положить конец этой ненависти. Сегодня они на несколько часов забудут о внутренних проблемах своих стран, о трудностях, с

которыми приходится бороться каждый день. Сейчас им предстояло своими руками изменить судьбу мира.

Грушевой как гостеприимный хозяин пригласил Дарлинга сесть, а сам подошел к микрофону.

- Господин президент, - сказал он через переводчика, в котором вообще-то не нуждался, - мне доставляет большое удовольствие приветствовать вас здесь, в Москве. Это ваш первый визит в Россию...

Райан не прислушивался к словам Грушевого - все до единого они были известны и согласованы. Он устремил свой взгляд на черный ящик посреди стола, на одинаковом расстоянии от обоих глав государств. На нем виднелись две красные кнопки. Вниз от ящика спускался кабель. У соседней стены располагались два телевизионных монитора, а позади стола, на стене, были установлены два огромных телевизионных экрана, позволяющих всем присутствующим наблюдать за взрывами. На обоих экранах виднелись похожие пусковые шахты.

- Надо же до такого додуматься, - проворчал американский майор саперных войск. Тут, в Северной Дакоте, в двадцати милях от Майнота, он только что присоединил последний провод. - Все в порядке, цепь под током. - Всего лишь один переключатель предохранял заряд от взрыва, и он не снимал с него руки. Майор уже лично все проверил. Место было оцеплено ротой военной полиции, потому что члены экологического общества "Друзья земли", протестовавшие против взрыва, угрожали пробраться к самой шахте, и, как бы ни хотелось взорвать этих недоносков, если им это удастся, ему придется демонтировать цепь. Какому идиоту приходит в голову протестовать против такого события? - подумал майор. Он уже напрасно потратил целый час, пытаясь объяснить своему коллеге из России создавшуюся ситуацию.

- Здесь все так походит на наши степи, - произнес русский, дрожа на ледяном ветру. Оба офицера не отрывали взглядов от экрана маленького телевизора в ожидании команды.

- Жаль, что рядом с нами нет политиков, они так любят сотрясать воздух. Может, тогда стало бы теплее. - Майор убрал замерзшую руку с переключателя. Почему они тянут?

Русский офицер был достаточно хорошо знаком с американскими идиомами, чтобы оценить шутку и засмеяться. Он сунул руку под свою просторную альпаковую куртку и нащупал подарок, которым собирался удивить американца.

- Господин президент, гостеприимство, оказанное нам в этом великом городе, является убедительным доказательством того, что между двумя нашими народами должна, может и будет существовать дружба. Она должна быть настолько прочной, насколько острой была прежняя неприязнь, и пусть она будет обращена на пользу человечества. Сегодня мы говорим "нет" войне, - закончил Дарлинг под дружные аплодисменты и повернулся к Грушевому, чтобы снова пожать ему руку. Оба президента сели. Как ни странно, но теперь им придется ждать распоряжений американского режиссера, о чем-то быстро говорившего в микрофон.

- А сейчас, - слышалось по всем телевизионным каналам на двух языках,

- просим зрителей повернуться к экранам своих телевизоров...

- Когда я был молодым лейтенантом и служил в саперных войсках, - шепнул русский президент, - мне нравилось заниматься подрывными работами.

Дарлинг усмехнулся и наклонил голову к соседу - иногда хочется сказать что-то не для микрофонов.

- Мальчишкой мне хотелось стать крановщиком и знаешь чем заниматься?

- Чем, Роджер?

- Разбивать здания тяжеленным железным шаром. Мне казалось, что это самая интересная работа на свете!

- Особенно если внутри здания находятся представители оппозиционной партии, - добавил Грушевой. Оба засмеялись, разделяя эту точку зрения.

- Пора, - заметил Дарлинг, увидев, как режиссер подал знак. Оба президента положили большие пальцы рук на кнопки.

- На счет три, Эд? - спросил Дарлинг.

- Считай, Роджер. - Один, - начал Дарлинг. - Два, - продолжил Грушевой.

- Три! - произнесли оба одновременно и нажали на кнопки. Кнопки замкнули простую электрическую цепь, которая вела к спутниковому передатчику, находящемуся снаружи здания. Потребовалась примерно треть секунды для того, чтобы сигнал долетел до спутника и вернулся на землю, еще треть на обратный путь, и в течение этого времени миллионы людей затаили дыхание в нетерпеливом ожидании, опасаясь, что в последнее мгновение все сорвется. Но этого не произошло.

- Вот это да! - заметил майор, когда детонировал подрывной заряд из сотни фунтов композитной взрывчатки С-4. Грохот оказался впечатляющим даже на расстоянии в полмили, и тут же из шахты вырвался столб пламени от возгорания твердого ракетного топлива. Эта часть церемонии была самой опасной. Подрывникам нужно было убедиться в том, что загорится только верхняя часть, в противном случае ракета могла бы вылететь из шахты. По правде говоря, вся процедура торжественного уничтожения ракет являлась слишком опасной и сложной. Холодный ветер относил токсичный дым на восток, и к тому времени, когда на его пути окажется первый населенный пункт, от ядовитых зов останется только отвратительный запах - примерно то же самое можно сказать и о политической ситуации, существовавшей в тот момент, когда создавались эти ракеты, правда? Впрочем, зрелище горящей ракеты производило огромное впечатление. Самый большой в мире трехминутный фейерверк, сгорающий в обратном направлении - сверху вниз - и оставляющий один только дым, ничего больше. Сержант включил систему пожаротушения внутри пусковой шахты, и, к удивлению майора, она исправно заработала.

- Знаешь, мы бросали жребий - кому выпадет честь уничтожить последнюю американскую ракету, - и я выиграл, - произнес майор вставая.

- А мне просто приказали ехать, вот и все. Но я рад, что мне повезло. Сейчас уже можно подъехать к шахте?

- Думаю, да. Пошли, Валентин. Осталось еще одно дело, не так ли?

Офицеры сели в "хаммер", последнее воплощение армейского джипа, и майор направил огромную машину к пусковой шахте с наветренной стороны. Сейчас шахта представляла собой всего лишь дыру в сожженном грунте, из которой

поднимался пар. За ними пристроилась съемочная группа Си-эн-эн, и телеоператор передавал прямо в эфир изображение "хаммера", прыгающего по кочкам прерии. Обе машины остановились, к неудовольствию съемочной группы, в двух сотнях ярдов от шахты. Офицеры вышли из "хаммера", держа в руках противогазы на случай, если окружающий воздух все еще опасен для здоровья. Воздух оказался безопасным, просто дурно пахло. Американский офицер знаком разрешил телевизионщикам приблизиться и подождал, пока они приготовятся к съемке. На это потребовалось две минуты.

- Готово! - произнес режиссер.

- Итак, ты признаешь, что пусковая шахта и ракета в ней уничтожены? - спросил майор.

- Да, признаю, - улыбнулся русский офицер и отдал салют, затем сунул руку в карман и достал два бокала. - Вы не подержите, товарищ майор?

Дальше из другого кармана на свет появилась бутылка грузинского шампанского. С широкой улыбкой на лице русский выстрелил пробкой вверх и разлил пенящееся вино по бокалам.

- Сейчас тебя кое-чему научу - в лучших русских традициях. Но сначала выпьем, - предложил он.

Телевизионщики с нескрываемым удовольствием вели репортаж. - Думаю, я уже знаком с этой традицией. - Майор залпом осушил бокал. - А что теперь?

- Больше пользоваться этими бокалами нельзя. Не может быть благороднее цели. Делай то же, что и я. - С этими словами он повернулся и замахнулся, чтобы бросить свой бокал в зияющее жерло шахты. Американец засмеялся и последовал его примеру.

- Бросай! - И по команде оба бокала исчезли в клубах пара, поднимавшегося из бывшей пусковой шахты последнего американского "Минитмена", однако оба офицера расслышали звон разбившегося о железобетонные стенки хрустала.

- К счастью, у меня осталось два стакана, - заметил Валентин, доставая их из очередного кармана.

- Черт побери, - выдохнул Райан. Оказалось, что у американского офицера, присутствующего при взрыве русской пусковой шахты, возникла аналогичная мысль, и сейчас он объяснял своему коллеге смысл рекламы "Время пить пиво". К сожалению, алюминиевые банки не разбиваются, когда их бросают в шахту.

- Слишком уж театрально, - заметила Кэти.

- Да, это не пьеса Шекспира, но по крайней мере раз сделано - значит, сделано. - Аплодисменты перекрывали хлопки пробок, вылетающих из бутылок шампанского.

- Это правда относительно пяти миллиардов долларов?

- Да.

- Итак, Иван Эмметович, мы можем теперь стать друзьями? - спросил Головкин, подходя к ним с бокалами в руках. - Наконец-то нам удалось встретиться, Кэролайн, - приветливо улыбнулся он, глядя на Кэти.

- Мы с Сергеем знаем друг друга уже много лет, - объяснил Джек и поднял бокал.

- Начиная с того вечера, когда я держал тебя под прицелом пистолета, - заметил русский. Интересно, подумал Райан, это всего лишь экскурс в историю или... что-то за этим стоит?

- Что?! - воскликнула Кэти, поперхнувшись шампанским.

- Неужели ты не рассказал об этом жене?

- Боже мой, Сергей!

- О чем это вы оба говорите?

- Видите ли, доктор Райан, когда-то в далеком прошлом мы с вашим мужем не смогли... договориться по одному вопросу, затрагивающему проблемы нашей профессии. В результате мне пришлось убеждать его с пистолетом в руке. Я так и не сказал тебе, Джек, что пистолет не был заряжен.

- Ну и что? Мне все равно некуда было спешить, верно?

- Это какая-то шутка? - недоуменно воскликнула Кэти.

- Да, милая, пожалуй, это можно назвать шуткой. А как поживает Андрей Ильич?

- С ним все в порядке. Если хочешь, я организую тебе встречу.

- Да, было бы неплохо, - кивнул Джек.

- Простите, но я хотела бы знать, кто вы?

- Дорогая, - объяснил Джек, - это Сергей Николаевич Головкин, директор русской службы внешней разведки.

- КГБ? И вы давно знакомы?

- Нет, мадам, не КГБ. Теперь наша организация намного меньше. Мы с вашим мужем были... соперниками в течение ряда лет.

- Понятно. И кто же победил? - спросила Кэти. У того и у другого промелькнула одна и та же мысль, но Головкин произнес ее первым:

- Оба, разумеется. А теперь позвольте представить вам мою жену Елену. Она - детский врач. - Это была информация, которую ЦРУ даже не подумало раздобыть, неожиданно для себя отметил Джек.

Он повернулся и посмотрел на двух президентов, которые явно наслаждались торжественным моментом, несмотря на окружающих их журналистов. Райан впервые присутствовал на таком событии, однако ничуть не сомневался, что президенты не были столь уж большими друзьями. Возможно, это всего лишь облегчение, освобождение от напряжения, понимание того, что да, Вирджиния, все осталось позади. Он увидел, что в зал вносят новые подносы с бокалами шампанского. Ему оно очень понравилось, и Джек собирался отдать ему должное. Сотрудникам Си-эн-эн скоро надоест здесь, а вот остальные получают огромное удовольствие от происходящего. Все эти военные политики, дипломаты, разведчики. Черт побери, ведь на самом деле нельзя исключить вероятности того, что они могут стать друзьями.

19. Второй удар. Атака на доллар по телефону 1-800

Несмотря на то что по времени дальнейшие события совпадали случайно, сам план использования этой случайности отличался крайней утонченностью и явился результатом многолетних математических исследований, имитационных экспериментов и моделирования. По сути дела операция началась, когда шесть крупных коммерческих банков Гонконга приступили к широкой продаже

американских долгосрочных казначейских обязательств. Крупный пакет этих государственных облигаций был куплен несколько недель назад. Это являлось частью сложной операции обмена долларов на иены, осуществляемой в качестве классической меры страховки от валютных колебаний. Да и самим банкам предстояло перенести тяжелый удар в самом ближайшем будущем - территория, на которой они находились, переходила в другие руки, - и потому эти два фактора придали крупной финансовой операции самый обыкновенный характер шагов, направленных одновременно на увеличение ликвидности и укрепление позиций. Продавая облигации американского казначейства, они всего лишь получали прибыль - правда, в очень больших размерах - от изменений стоимости доллара и иены. В конечном итоге банки получили прибыль в семнадцать процентов и на вырученные деньги купили японскую валюту, которая, по мнению финансистов мира, опустилась сейчас до предела, и в ближайшем будущем следует ожидать ее укрепления. Таким образом, на валютном рынке ненадолго появились облигации американского казначейства на общую сумму в двести девяносто миллиардов долларов, причем их продавали по цене ниже номинала. И тут же они были перекуплены европейскими банковскими консорциумами. Банки Гонконга завершили электронные транзакции и немедленно сообщили об этом в Пекин, довольные тем, что сумели выполнить приказ и продемонстрировать лояльность по отношению к политическим властям, в чьи руки скоро попадет Гонконг. К тому же, с удовлетворением думали обе стороны, им удалось даже получить прибыль.

В Японии обратили внимание на масштабы проведенной сделки. Поскольку разница во времени между Токио и Нью-Йорком, все еще важнейшим торговым центром мира, составляла четырнадцать часов, для японских финансистов не было чем-то необычным работать в то время, которое отводится, как правило, ночным сторожам, да и в любом случае телеграфные агентства, передающие финансовую информацию, функционировали круглые сутки. Кое-кого могло бы удивить, что сейчас в кабинетах японских ведущих финансовых компаний находились не рядовые служащие, а их руководители и что на верхнем этаже огромного небоскреба за последнюю неделю оборудовали специальное помещение. Те, кто работали в этом помещении, называли его "военным штабом", и телефоны связывали его со всеми городами мира, где осуществлялись крупные финансовые операции, а компьютерные дисплеи показывали процессы, происходящие в них.

Другие азиатские банки последовали примеру Гонконга. В "военном штабе" следили за экранами компьютеров. Сразу после полудня по нью-йоркскому времени, в пятницу, когда в Токио было уже 2.03 утра субботы, тут заметили, что на рынок выброшены облигации казначейства США на сумму еще триста миллионов долларов, причем по цене даже ниже только что предложенной в Гонконге. Европейские банки, для которых рабочий день и рабочая неделя приближались к концу, быстро купили и этот пакет. Но пока ничего особенного не произошло. Только теперь, прикрывшись более ранней деятельностью остальных, в дело вступили японские банки. Коммерческие банки Токио начали продавать имеющиеся у них американские казначейские облигации, причем явно создавалось впечатление, что их целью было укрепить иену. Тем не менее в результате этого вся долларовая наличность мира была исчерпана в течение нескольких минут. Все происшедшее можно было бы списать на случайное совпадение, однако финансисты, занимающиеся операциями с иностранной

валютой, теперь почувствовали, что дальнейшая продажа американских облигаций может привести к нежелательным последствиям, хотя это казалось маловероятным при существующем в настоящий момент высоком курсе доллара.

Банкет в честь американской делегации изобилует традиционным русским гостеприимством, причем обстановка была особенно праздничной, потому что он знаменовал собой окончание века ядерного ужаса, царившего в мире на протяжении двух поколений. Патриарх всея Руси произнес торжественную речь. Он сам дважды являлся жертвой преследований по политическим мотивам, и потому его обращение было искренним, глубоко прочувствованным, так что на глаза кое-кого из гостей навернулись слезы, которые, впрочем, быстро исчезли с началом банкета. Подали суп, птицу, мясные блюда и осетровую икру, а также множество разных вин. На этот раз от вина никто не отказывался. Все испытывали чувство облегчения. Цель поездки достигнута, скрывать что-то больше не приходится, завтра воскресенье и можно как следует отоспаться.

- И ты, Кэти? - удивился Джек. Вообще-то его жена редко пила, но сегодня вечером дала себе волю.

- Великолепное шампанское. - Это был ее первый правительственный банкет за границей. Сегодня доктор Райан встретила с несколькими русскими офтальмологами и пригласила двух лучших хирургов, известных профессоров, приехать в институт Уилмера, чтобы ознакомиться с проводящимися там работами в ее области. Кэти являлась одним из претендентов на премию Ласкера за свои клинические исследования в области лазерной хирургии глаза, которые она вела одиннадцать лет, и по этой причине дважды отклоняла приглашение занять кафедру в университете штата Виргиния. Ее большая статья о крупном достижении в глазной хирургии должна была быть скоро опубликована в медицинском журнале, и потому сегодняшняя вечер и эта поездка явились для нее кульминацией многих событий.

- Завтра тебе придется расплачиваться за это, - предупредил ее муж. Сам Джек не увлекался алкоголем, хотя уже и превысил свою обычную вечернюю норму, составлявшую один бокал. Все это из-за тостов, способных уложить под стол кого угодно, понимал он, побывавший на русских банкетах. Такова традиция. Русские могут перепить любого ирландца, о чем Джек узнал когда-то на собственном горьком опыте, но сегодня американцы или не подозревали об этом, или им просто было наплевать. Советник по национальной безопасности печально покачал головой. Завтра утром всех ожидает неприятный сюрприз, это уж точно. В этот момент принесли главное блюдо, и густое красное вино наполнило бокалы.

- Господи, у меня сейчас лопнет платье!

- Это сделает официальную развлекательную программу еще интересней, - пошутил муж, получив в ответ сердитый взгляд.

- А вам надо поправиться, - заметил Головкин, сидящий рядом с ней. Эта фраза выражала еще одно русское предубеждение.

- Сколько лет вашим детям? - поспешила вмешаться Елена Головкин. Профессор-педиатр, она тоже была слишком худой по русским меркам и составляла прекрасную компанию за столом.

- Вот, это американский обычай, - ответил Джек, доставая бумажник и

показывая фотографии. - Оливия - я зову ее Салли. Это маленький Джек, а вот наш малыш.

- Ваш сын походит на вас, а девочки пошли в мать. Джек усмехнулся.

- Это, пожалуй, к лучшему.

Оборот крупнейших финансовых корпораций поистине огромен, однако, как они функционируют на самом деле, для рядового держателя акций является тайной. Уолл-стрит представляет собой колоссальную коллекцию неправильных наименований, начиная с самой улицы, больше похожей на переулок в почти любом американском городе, здесь даже тротуары слишком узкие для огромного количества пешеходов, пользующихся ими. Когда в крупную фирму, подобную самой большой из них, такой, как "Меррилл Линч", поступал заказ на покупку каких-то ценных бумаг, трейдеры<Трейдер - лицо, покупающее и продающее ценные бумаги с целью получения прибыли от краткосрочного колебания цен> отнюдь не пускались на поиски их продавца, прибегая к физическим или электронным средствам. Наоборот, ежедневно компания сама покупала опционы на то, что, по ее мнению, будет пользоваться спросом, и затем ждала покупателей. Закупки в большом объеме делались с оптовыми скидками, а продажа производилась по несколько более высокой цене. Таким образом коммерческие компании получали прибыль от того, что на биржевом рынке называется "средней" позицией, обычно составлявшей около одной восьмой пункта. Пункт соответствует одному доллару, так что одна восьмая пункта равна двенадцати с половиной центам. На первый взгляд такая прибыль кажется крошечной, особенно если речь идет о пакете акций, где цена каждой акции может составлять сотни долларов, как это бывает с ценными бумагами, гарантируемыми государством или принадлежащими особенно надежным корпорациям. Однако подобные операции повторяются много раз за день и в огромных объемах, что, если дела у фирмы идут хорошо, приносит колоссальную прибыль. Впрочем, это случается не всегда, и коммерческие фирмы порой терпят огромные убытки, когда оценка спроса оказывается ошибочной и падение на рынке ценных бумаг происходит быстрее, чем они предполагали. Существует немало афоризмов, предупреждающих о такой опасности. Так, на крупной и весьма активно действующей бирже Гонконга говорят, что спрос на рынке "взлетает ракетой, а падает камнем", однако самое распространенное выражение, которое неустанно вдвигали в голову каждого молодого "ракетчика", работающего в огромном, оснащенном компьютерами торговом зале фирмы "Меррилл Линч", расположенной на Лоуэр Ист-сайд, гласило: "Никогда не будь уверен в том, что найдется покупатель на товар, который тебе хотелось бы продать". И все-таки они исходили из противоположного, потому что покупатель всегда находился, по крайней мере о том свидетельствовала история компании, а эта история уходила далеко в прошлое.

Основной объем сделок осуществлялся, однако, не с физическими лицами. Начиная с шестидесятых годов контроль над рынком перешел постепенно в руки инвестиционных компаний. Они носили название институциональных и сотрудничали с банками, страховыми компаниями и пенсионными фондами. По сути дела таких институциональных инвесторов существовало куда больше, чем наименований акций на Нью-йоркской фондовой бирже, и такое положение

напоминало ситуацию, при которой число охотников превышает количество дичи, причем под контролем институциональных инвесторов находились такие колоссальные средства, что они просто не поддавались оценке. Эти инвесторы были настолько влиятельны, что могли оказывать значительное воздействие на финансовый рынок, покупая и продавая большие пакеты одноименных ценных бумаг в течение короткого срока и обуславливая тем самым резкие колебания цен. К тому же во многих случаях во главе этих формирований стояло небольшое число лиц, а иногда даже единицы.

Третья и самая высокая волна распродажи американских казначейских облигаций явилась для всех неожиданной, но больше всего она удивила сотрудников штаб-квартиры Федеральной резервной системы в Вашингтоне. Они обратили внимание на сделки, заключенные в Гонконге и в Токио, - первая вызвала у них интерес, вторая пробудила некоторое беспокойство. Рынок евродолларов стабилизировал ситуацию, но сейчас уже закрывался. Это были главным образом азиатские банки, устанавливающие свои исходные оценки не в Америке, а в Японии. Их сотрудники также заметили тенденцию к сбросу американских казначейских облигаций и связались по телефону с вкладчиками внутри региона. Эти звонки принимались в помещении на вершине небоскреба в Токио, и там весьма высокопоставленные банковские служащие отвечали, что их разбудили среди ночи и им пришлось приехать, чтобы на месте оценить складывающееся положение, которое вызвало у них серьезную тревогу и привело ко второй волне сброса казначейских облигаций. Они рекомендуют предпринять безотлагательные, но без паники шаги по уходу от американской валюты.

Казначейские облигации США представляют собой долговые обязательства американского правительства и одновременно образуют фундамент, на котором зиждется сила американского доллара. Эти облигации, добрых пятьдесят лет считавшиеся наиболее надежным способом вложения денег на планете, предоставляли возможность как американцам, так и всем другим желающим сделать товарные вложения в самую развитую экономику в мире, защищенную, в свою очередь, колоссальной военной мощью и регулируемой политической системой, где права и возможности граждан гарантировались Конституцией, вызывающей всеобщее восхищение, хотя далеко не всякий разбирался в ней. Какими бы ни были недостатки и слабые места Америки - они не составляли тайны для проницательных и всезнающих международных инвесторов, - с 1945 года Соединенные Штаты были единственным местом на земном шаре, где деньги находились в относительной безопасности. В Америке существовала какая-то врожденная жизненная сила, дававшая начало положительному воздействию на экономику. При всех своих недостатках американский народ оставался полным неисчерпаемого оптимизма. По меркам остального мира Америка все еще была молодой страной и сохраняла все достоинства энергичной юности. Таким образом, когда людям хотелось защитить свои деньги и они не знали, как это сделать, чаще всего они покупали облигации американского казначейства. Прибыль была не особенно велика, зато обеспечивалась сохранность капитала.

Но только не сегодня. Банкиры всего мира стали свидетелями того, как Гонконг и Токио быстро и решительно избавились от вложений в доллары, а объяснение, переданное по каналам связи, что это делается всего лишь для перевода долларов в иены, звучало не очень убедительно, особенно после

нескольких телефонных звонков с просьбами объяснить причину такой операции. Затем поступили сообщения о том, что и другие японские банки быстро и планомерно приступили к переводу своих активов. Тут же банкиры всей Азии последовали их примеру. Третья волна продажи американских казначейских облигаций достигла шестисот миллиардов долларов, причем почти все они являлись краткосрочными ценными бумагами, с помощью которых правительство США решило покрыть дефицит своего бюджета.

Доллар уже падал, а с началом третьей волны распродаж, длившейся меньше девяноста минут, падение стало еще более стремительным. В Европе финансисты, едущие по домам, слышали по своим телефонам сотовой связи, что им настоятельно советуют вернуться обратно. Происходило что-то неожиданное. Аналитикам пришла в голову мысль, что это имеет какое-то отношение к секс-скандалу, разгоревшемуся в американской администрации. Европейцам всегда казался загадочным интерес, проявляемый американцами к личной жизни и увлечениям своих политических деятелей. Такое поведение европейцы считали непонятным, пуританским и неразумным, но для американской политической сцены оно было вполне реальным, а потому непосредственно связывалось с их отношением к американским ценным бумагам. Стоимость трехмесячных облигаций казначейства США уже упала на 19/32 пункта - ценность государственных бумаг выражается такими дробями, и в результате доллар упал на четыре цента по отношению к английскому фунту, еще больше по отношению к немецкой марке и намного больше - к иене.

- Что происходит, черт побери? - спросил один из членов правления Федеральной резервной системы. Все правление, известное как Комитет открытого рынка, собралось у единственного компьютерного экрана, наблюдая за развивающимися тенденциями и не веря своим глазам. Ни одни из присутствующих не понимал, в чем заключается причина возникшего хаоса. Ну хорошо, поднялся шум из-за вице-президента Келти, но ведь он всего лишь вице-президент. Пока существовала неопределенность, связанная с возможными последствиями закона о реформе торговли, фондовая биржа проявляла признаки беспокойства и котировка ценных бумаг то повышалась, то снижалась. Но что это за зловещая синергия? <Синергия - от греч. *synergos* - совместно действующий; комбинированное воздействие двух или нескольких факторов, которое оказывается действеннее каждого фактора в отдельности> Проблема заключалась в том - это было ясно и без обсуждений, - что они, возможно, никогда не узнают подлинной причины происходящего. Порой найти разумное объяснение просто не удавалось, потому что события развивались сами по себе, подобно тому как стадо внезапно обращается в паническое бегство и пастухи не понимают почему. Когда доллар упал на сто базисных пунктов, что означало один процент от его стоимости, они прошли в тишину зала заседаний и разместились вокруг стола. Обсуждение было непродолжительным. Началась атака на доллар. Необходимо остановить ее. Вместо повышения процентной ставки на половину процента, о чем предполагалось объявить сразу после конца рабочего дня, они решили увеличить ее на целый процент, причем некоторые даже настаивали на более значительном повышении, но затем пошли на компромисс. Сообщение об этом будет сделано немедленно. Пресс-секретарь Федеральной резервной системы составил черновик заявления, которое председатель

правления зачитает перед телевизионными камерами компаний, откликнувшихся на приглашение приехать, и текст одновременно будет передан на телетайпы телеграфных агентств.

Когда брокеры вернулись к своим столам после ланча, перед ними предстала совершенно иная картина. То, что было раньше относительно спокойной пятницей, изменилось самым кардинальным образом. В каждом зале имелось табло, где помещались краткие сообщения о разного рода событиях, в том числе и международных, которые так или иначе могли оказывать влияние на фондовую биржу. Информация о том, что Федеральная резервная система только что повысила процентную ставку сразу на целый процент, вызвала шок. Воцарилась почти полуминутная тишина, прерываемая только возгласами: "Господи!". Брокеры обратились к своим компьютерным терминалам, чтобы смоделировать ситуацию, и увидели, что рынок уже начал реагировать. Повышение процентной ставки являлось несомненным предвестником краткосрочного падения индекса Доу-Джонса, словно темные тучи - предвестником дождя. Биржевое сообщество почувствовало, что надвигающийся шторм будет сокрушительным.

Крупные фирмы, такие, как "Меррилл Линч", "Леман бразерс", "Пруденшиэл-Бакет" и все остальные, были полностью компьютеризованы и походили друг на друга своей организацией. Почти в каждой фирме имелся один большой зал с рядами компьютерных терминалов. Его размеры неизменно были продиктованы конфигурацией здания, в котором размещалась фирма, и высокооплачиваемые сотрудники набивались в него почти так же тесно, как и в штаб-квартирах японских корпораций. Разница заключалась лишь в том, что в американских деловых центрах запрещалось курить.

Мало кто из мужчин носили пиджаки, а большинство женщин были в кроссовках.

Все эти люди отличались весьма высоким интеллектом, хотя полученное ими образование удивило бы случайного посетителя. Когда-то такого рода служащие были выпускниками экономических факультетов Гарварда и Уортона, однако новое поколение "ракетчиков" представляло собой именно то, что подразумевалось под этим названием, - они обладали главным образом дипломами в области естественных наук, почти все были математиками и физиками. Наибольшей популярностью пользовались выпускники Массачусетского технологического института и еще нескольких высших учебных заведений. Причина этого заключалась в том, что все фирмы, так или иначе связанные с рынком ценных бумаг, пользовались компьютерами, а программное обеспечение компьютеров основывалось на исключительно сложном математическом моделировании, с помощью которого анализировали происходящее на рынке и предсказывали его дальнейшее развитие. В основе этого моделирования лежали тщательно разработанные исторические исследования процессов, происходивших на Нью-Йоркской фондовой бирже еще с тех времен, когда сделки совершались в тени платана, который рос там, где сейчас размещался деловой центр Нью-Йорка. Группы историков и математиков приняли во внимание каждую сделку и каждое событие, происшедшие на бирже. Все это подверглось детальному анализу и сравнению со всеми опознанными внешними факторами, оформлено в виде математической реальности, и в результате появился ряд исключительно

точных и нечеловечески сложных моделей, демонстрирующих, как функционировал в прошлом финансовый рынок, как он функционирует сейчас и как будет функционировать в будущем. Эти данные, однако, основывались на неверном представлении, будто у игральные кости существует память. Хозяева казино обожали такую концепцию.

Для того чтобы понять, как действуют подобные модели, нужно быть математическим гением, утверждали все (и в особенности математические гении). Более опытные финансисты старшего поколения старались в это не вмешиваться. Специалисты-биржевики, получившее образование в бизнес-колледжах или просто начавшие работать рядовыми служащими и пробившиеся наверх в результате неустанного труда и смекалки, освободили путь новому поколению - и не жалели об этом. Продолжительность активной жизни "компьютерного жокея" составляет примерно восемь лет, темп деятельности просто убийственный, и, чтобы выдержать его, нужно не только обладать блестящим интеллектом молодости, но еще и быть юным и наивным. Биржевики старшего поколения, достигшие вершин с помощью неустанного труда, предоставили молодым гениям возможность работать с компьютерами, поскольку сами имели всего лишь отдаленное представление о них, и занялись разработкой тенденций биржевой деятельности, определяли финансовую политику корпораций и вообще играли роль отцов по отношению к молодежи, которая рассматривала руководящий персонал как сборище старых пердунов, способных оказать помощь только в случае возникновения непредвиденных обстоятельств.

В результате возникла ситуация, при которой никто ничем не руководил - за исключением, пожалуй, компьютерных программ, а все пользовались одной и той же системой. Модели слегка отличались одна от другой, так как рынок ценных бумаг требовал от программистов чего-то особенного, и потому программисты чувствовали себя на вершине блаженства, поскольку исполняли в общем-то одинаковую работу для всех заказчиков, но требовали вознаграждения за якобы уникальные плоды своего труда.

Пользуясь военной терминологией, можно сказать, что это привело к формированию оперативной доктрины, общей для всего программного обеспечения, которая не поддается изменениям. Более того, все знали и понимали ее лишь отчасти и никто не овладел ею в полном объеме.

"Коламбус групп", один из самых крупных инвестиционных фондов открытого типа, имел собственные компьютерные программы. Три его составляющие - "Нинья", "Пинта" и "Санта-Мария" - контролировали миллиарды долларов и могли закупать крупные пакеты ценных бумаг по самой низкой цене и с помощью таких сделок непосредственно влиять на фондовый рынок. Эта огромная мощь, в свою очередь, сосредоточивалась в руках всего трех человек, а эти три человека подчинялись только одному, который и принимал наиболее важные решения. Остальные сотрудники фирмы, "ракетчики", получали жалованье и выдвигались на более высокие должности в соответствии со своими способностями давать советы и рекомендации руководящему персоналу. Сами они реальной властью не обладали. Слово руководства было законом, и все воспринимали это как само собой разумеющееся. Как правило, пост руководителя в таких организациях занимал человек, вложивший собственное состояние в финансовую корпорацию и потому заинтересованный в ее процветании. Каждый из его долларов имел такую

же ценность, как и доллар самого мелкого вкладчика, а их у компании "Коламбус групп" были многие тысячи. Его деньги подвергались такому же риску, он получал такие же прибыли и временами терпел такие же убытки, как и все остальные вкладчики. По сути дела лишь именно это являлось гарантией надежности всей биржевой системы. Попытка поставить собственные интересы выше интересов инвесторов является в брокерском деле смертным грехом, который никогда не прощают. Рядовые вкладчики, ничуть не разбирающиеся в тонкостях биржевых операций, возлагают надежды на то, что люди, вложившие в дело огромные деньги и взявшие на себя руководство корпорацией, следят за их интересами. Ситуация в какой-то мере напоминала положение, существовавшее на американском Западе во второй половине девятнадцатого века, когда мелкие скотоводы доверяли свои крошечные стада крупным ранчевладельцам, перегонявшим собственный скот к железнодорожной станции.

"Коламбус" приступил к действиям, когда на часах было без десяти два. Первый заместитель Райзо Яматы созвал к себе на совещание руководителей корпорации и обсудил с ними внезапное падение курса доллара. Присутствующие согласно кивали. Да, развитие событий действительно вызывает беспокойство. У "Пинты", среднего по размерам фонда, входящего в состав корпорации, имелся в портфеле крупный пакет казначейских облигаций, на которые всегда можно было положиться в ожидании более благоприятной возможности инвестировать капитал. Курс этих облигаций падал. Заместитель председателя правления объявил, что отдает распоряжение об их продаже и вложении освободившихся средств в немецкие марки, ставшие опять самой стабильной валютой в Европе. Управляющий "Пинты" кивнул, поднял телефонную трубку и распорядился провести операцию. Таким образом осуществилась еще одна огромная транзакция, первая, которую произвели американские трейдеры.

- Мне не нравится положение на рынке, - заявил далее заместитель председателя правления. - Необходимо консолидировать наши активы. - Присутствующие снова кивнули. Надвигалась буря, и при первых вспышках молнии стада начали проявлять признаки тревоги. - Акции каких банков пострадают при ослаблении доллара в первую очередь? - спросил он. Ответ был ему уже известен, но из вежливости вопрос необходимо было задать.

- Акции "Ситибэнка", - ответил управляющий "Ниньи". На него была возложена ответственность за "синие чипы" - наиболее высокодоходные акции и ценные бумаги, - У нас их огромное количество.

- Начинайте Откачивать, - распорядился заместитель председателя, пользуясь американской идиомой. - У меня вызывает опасения ослабление позиции банков.

- Все? - с удивлением спросил управляющий. "Ситибэнка" только что опубликовал квартальный отчет, указывающий на стабильность и достаточно высокие доходы.

Последовал серьезный кивок.

- Да, все.

- Но...

- Приступайте, - прервал его заместитель председателя правления. - И немедленно.

В "Депозитари траст компани"<"Депозитари траст компани" (Depository Trast Company) - Депозитарная трастовая компания, центральный депозитарий ценных бумаг в США> служащие обратили внимание на то, как резко ускорилась торговля на фондовой бирже. В их обязанности входило регистрировать каждую произведенную сделку. Задачей компании было сопоставить в конце рабочего дня все сделки, отметить, кто какие акции купил, у кого, и осуществить перевод денег с одних счетов на другие. Фактически "Депозитарии осуществляла функции компьютерного бухгалтера для всего биржевого рынка. На экранах ее компьютеров отмечалось ускорение проводимых операций, однако все компьютеры основывались на программе "Электра-клерк 2.4.0", разработанной Чаком Серлзом, и электронно-вычислительные машины "Стратус" справлялись с нагрузкой. Данные поступали от каждой ЭВМ по трем каналам. Один вел к экранам мониторов, второй - к резервному устройству, заносящему информацию на магнитную ленту, и третий был связан с наиболее надежным, но самым неудобным средством хранения информации - принтером. Соответственно характеру интерфейсов было необходимо, чтобы всякий раз информация поступала по иному каналу, однако она была одинаковой, и потому никто не проверял текстовых записей. В конце концов было задействовано шесть электронно-вычислительных машин, которые располагались в двух разных местах. Более надежной системы и не придумаешь.

Можно было бы вести работу и иначе. Каждое сообщение о продаже и покупке высылать немедленно, но для этого потребовались бы дополнительные усилия - только организация такой системы затормозила бы деятельность всей фондовой биржи. Взамен была создана "Депозитари траст компани", призванная устранить хаос и навести порядок. В конце каждого рабочего дня сделки объединялись и группы по торговым фирмам, по акциям и по заказчикам, так что каждая компания могла выписывать ограниченное количество чеков. Перевод денег осуществлялся с помощью электронной почты, однако принцип сохранялся. Таким образом все компании экономили на административных расходах и одновременно создавали несколько способов, с помощью которых каждый игрок на фондовой бирже мог проследить и проверить свою деятельность для ведения внутреннего контроля и создания дальнейших математических моделей всего рынка. Несмотря на то что операция представлялась на первый взгляд невероятно сложной, использование компьютеров сделало ее рутинной и намного более эффективной, чем записи в чековой книжке.

- Смотрите, кто-то сбрасывает бешеное количество акций "Ситибэнк", - заметил один из операторов.

Зал Нью-йоркской фондовой биржи делился на три части, самая большая из них была некогда гаражом. Велось строительство четвертого торгового зала, и, в соответствии с местными мрачными предсказаниями, всякий раз, когда биржа увеличивала свою площадь, происходило что-то неладное. Это сообщество самых опытных и циничных профессионалов в мире тоже подвержено суевериям. По сути дела зал представлял собой множество отдельных торговых фирм, каждая из которых занималась посреднической деятельностью в определенной сфере в соответствии со своей специализацией. У одной, например, могло быть от восьми до пятнадцати пакетов акций фармацевтических компаний, другая

занималась аналогичным числом акций различных банков. Основная функция Нью-Йоркской фондовой биржи заключалась в том, чтобы обеспечить ликвидность акций вместе с установлением исходной цены. Продавать и покупать акции можно вообще-то где угодно - от юридической конторы до ресторана загородного клуба. И все-таки торговля акциями крупных компаний велась главным образом в Нью-Йорке, потому что... короче говоря, это делалось в Нью-Йорке, вот и все. Фондовая биржа Нью-Йорка была самой старой. Кроме нее существовала еще Американская фондовая биржа, AMEX, и недавно созданная система автоматической котировки Национальной ассоциации фондовых дилеров, чье неуклюжее название обычно заменялось броской аббревиатурой - NASDAQ. Нью-Йоркская фондовая биржа была самой консервативной, о ней говорили, что пришлось приложить немало усилий и преодолеть отчаянное сопротивление, чтобы затащить ее в мир автоматизации и компьютеризации. Несколько надменная и тяжеловесная - работающие там считали остальные финансовые рынки второстепенными, а себя - центром биржевого сообщества, - она обслуживалась профессионалами, которые проводили почти весь день у своих стоек, не сводили взгляда с различных дисплеев, покупали и продавали и, подобно торговым компаниям, зарабатывали на жизнь "средними" позициями или позициями с "разрывом", которые старались угадать. Если фондовый рынок и его инвесторы представляли собой стадо, то они были ковбоями, работа которых заключалась в том, чтобы следить за развитием событий, устанавливать исходные цены и наводить порядок в стаде. Самые способные из них хорошо зарабатывали, что служило вознаграждением в лучшем случае за хаотичную обстановку, напряженный и часто тяжелый труд, а в худшем - за непредсказуемость и ощущение, что они стоят на пути бешено мчащегося стада.

Первые признаки паники уже начали проявляться. В операционном зале обратили внимание на сброс казначейских облигаций, и торговый народ обменивался недоуменными взглядами и пожимал плечами, не догадываясь о причинах столь непонятного явления. Затем они узнали о том, как быстро отреагировала на это Федеральная резервная система. Решительное заявление председателя правления не могло скрыть его беспокойства, да это и не имело значения. Мало кто выслушивал подобные заявления, интересовала только цифра изменения процентной ставки. К этому относились с вниманием. Все остальное было всего лишь рассуждениями, инвесторы не обращали на них внимания и предпочитали полагаться на результаты собственного анализа.

Начали поступать заявки на продажу. Биржевой брокер, специализирующийся на акциях банков, был потрясен звонком из "Коламбуса", однако тут его личные чувства отступали на второй план. Он объявил, что предлагает "пятьсот "Сити" за три", что означало продажу пятисот тысяч акций Первого национального городского банка Нью-Йорка по восемьдесят три доллара за акцию - на целых два пункта ниже объявленной цены. Всем стало понятно, что кто-то спешит избавиться от этих акций. Цена была весьма привлекательной, и все-таки рынок колебался, прежде чем проглотить пакет, да и то по "два с половиной".

Компьютеры постоянно следили за ходом торговли - здесь нельзя целиком полагаться на способности трейдеров наблюдать за всем происходящим. Ведь человек может упустить что-то важное, например разговаривая по телефону, да

и, в конце концов, действиями крупнейших фирм почти полностью управляют компьютеры, точнее, заложенные в них программы, которые, в свою очередь, разработаны людьми, определяющими критерий надзора на фондовом рынке. Разумеется, компьютеры разбирались в рынке ничуть не лучше людей, разработавших для них программы, однако в их память внесены команды типа: если произойдет "А", приступайте к "Б". Компьютерные программы нового, поколения с общим названием "экспертные системы" (более привлекательный термин, чем "искусственный интеллект") при всей своей сложности ежедневно обновлялись за счет введения базисной ставки-ориентира. На основании этого компьютеры проводили оценку целых сегментов финансового рынка. Ежеквартальные отчеты, тенденции промышленного развития, перемены в руководстве компаний - все это получало цифровое выражение и вводилось в базы данных. Экспертные системы анализировали их и на основании этого действовали, причем все происходило без человеческого участия.

В данном случае внезапное резкое падение акций "Ситибэнк" дало понять компьютерам, что следует начать сброс ценных бумаг и других банков. Компьютеры вспомнили, что курс акций "Кемикл-бэнк", переживающего сейчас нелегкий период, на прошлой неделе снизился на несколько пунктов, и потому в трех институциональных фондах компьютеры, пользующиеся той же программой, дали команду приступить к продаже этих акций, курс которых мгновенно упал на полтора пункта. Наступление на акции "Кемикл-бэнк" в сочетании с падением курса "Ситибэнк" сразу привлекло внимание других экспертных систем, действующих в том же направлении, но на основе базисных цен других крупных банков, что нарушило устойчивость всего банковского сектора. Следующим крупным банком, чьи акции снизились, стал "Мэнюфекчурерс Хэновер", и теперь компьютерные программы принялись искать внутри себя ответ на вопрос: при снижении банковского курса акций какие меры следует предпринять, чтобы защитить инвестиции в других ключевых отраслях?

Получив деньги от продажи казначейских облигаций, "Колам-бус" начал покупать золото как в виде акций золотодобывающих предприятий, так и посредством фьючерсных контрактов. Фьючерсный контракт - соглашение принять покупателем и осуществить продавцом поставку определенного товара в конкретный срок. Товары и контракты по ним строго стандартизованы, чтобы обеспечить активную перепродажу этих контрактов на вторичном рынке ценных бумаг. Фьючерсные контракты широко употребляются на такие виды товаров, как зерно, металлы, иностранная валюта. Возникла новая тенденция ухода от ценных бумаг в благородные металлы. Внезапный скачок спроса в этой области тут же стал известен трейдерам - как людям, так и их электронным коллегам, Во всех случаях анализ ситуации был одинаковым: сброс государственных ценных бумаг плюс неожиданное резкое повышение процентной ставки плюс растущее давление на банковские акции плюс атака на доллар плюс рост спроса на благородные металлы - все это предсказывало возникновение опасной инфляционной тенденции. Инфляция всегда плохо влияет на фондовый рынок, и, чтобы заметить это, не требуется искусственного интеллекта. Ни компьютерные программы, ни трейдеры еще не ударились в панику, но все напряженно следили за поступающими новостями, надеясь угадать дальнейшее развитие событий, чтобы защитить интересы и вкладчиков и свои собственные.

К этому моменту рынок государственных ценных бумаг испытал серьезное потрясение. Выброшенные на рынок в нужную минуту облигации на сумму полмиллиарда долларов вызвали продажу еще десяти миллиардов. Срочно вернувшиеся в свои офисы руководители инвестиционных компаний, работающих с евродолларами, вряд ли могли принимать разумные решения. При напряженной обстановке на мировом рынке ценных бумаг за последние недели им приходилось проводить много времени на работе, и теперь, вернувшись поодиночке обратно, каждый пытался выяснить у других, что за чертовщина происходит. Им удалось узнать лишь одно: огромное количество американских казначейских облигаций продают по очень низкой цене и в большой спешке, этот процесс продолжается, и в него включилась крупная американская компания, пользующаяся уважением на финансовом рынке. Но почему? - спрашивали они. Задав этот вопрос, они принялись за поиски дополнительных сведений, пытаясь проанализировать поток информации, поступающей из Америки. Европейские финансисты внимательно всматривались в экраны, прищурив глаза и недоуменно качая головами. Наконец, не имея времени для тщательного анализа всей информации, они обратились за ответом к своим экспертным системам, потому что причины этих стремительных перемен просто не были очевидными.

Но ведь это не имеет значения, правда? События, происходящие на финансовом рынке, являются вполне реальными. Федеральный резервный повысил процентную ставку на целый процент, такое не бывает случайным. А пока, решили они, не имея рекомендаций правительств и центральных банков, следует воздержаться от покупки государственных облигаций США. Кроме того, банкиры начали немедленную ревизию своих активов, потому что создалась ситуация, при которой было возможно падение акций, причем резкое.

- ...между народами России и Америки, - закончил свой тост президент Грушевой в ответ на тост гостя, президента Дарлинга, как и надлежит в соответствии с протоколом. Все подняли бокалы и поднесли их к губам. Райан тоже отпил немного водки. Даже при таких крошечных рюмках можно изрядно набраться, если не соблюдать осторожность, - официанты стояли за спиной, готовые наполнить рюмки, - а ведь произнесены только первые тосты. Джеку еще никогда не доводилось бывать на государственных банкетах, где бы царила такая... ну, скажем, непринужденная атмосфера. Здесь присутствовал весь дипломатический корпус - или по крайней мере послы всех крупных государств. Особенно был замечен посол, Японии, который весело перебежал от стола к столу, обмениваясь фразами.

Затем встал государственный секретарь Бретт Хансон и, подняв бокал, произнес запинаясь заранее приготовленную оду в честь дальновидности Министерства иностранных дел России, отмечая вклад русских дипломатов в развитие сотрудничества не только с Соединенными Штатами, но и со всей Европой. Джек посмотрел на часы - три минуты одиннадцатого по местному времени. Он уже выпил бокал шампанского, пару рюмок водки и считал себя самым трезвым из всех присутствующих. Кэти казалась чересчур веселой. Такого не случалось уже много лет, и Джек понимал, что у него теперь есть прекрасный повод длительное время подтрунивать над ней.

- Джек, тебе не нравится русская водка? - спросил Головки. Директор CPB пил не переставая, заметил Райан, но ему-то не привыкать, подумал он.

- Не хочу показаться окружающим слишком уж большим дураком, - ответил Райан.

- Ну, думаю, тебе это не грозит, дружище, - заметил Головко.

- О, вы его еще плохо знаете, - лукаво улыбнулась Кэти.

- Одну минуту - Трейдер с удивлением посмотрел на экран своего компьютера. Его нью-йоркская фирма распоряжалась средствами нескольких крупных пенсионных фондов, куда вкладывали деньги более миллиона членов профсоюза. Он только что вернулся с ланча в своей любимой закусочной и теперь по приказу сверху за бесценок продавал американские казначейские облигации. В течение нескольких минут никто их не брал. Почему? Затем появилось осторожное предложение от французского банка, по-видимому, в целях защиты от инфляционного давления на франк. Речь шла всего о миллиарде по цене на 17/32 меньше предложенной, что в международных финансовых операциях равносильно грабежу среди бела дня. И тут же он заметил, что "Коламбус" согласился на предложение, взял франки и сразу обратил их в немецкие марки, тоже опасаясь инфляции. Маклеру показалось, что съеденный им за ланчем бутерброд с саями превратился у него в желудке в свинец.

- Неужели кто-то пытается свалить доллар? - спросил он у соседки.

- Похоже на то, - ответила она. За последний час опционы на долларовые фьючерсные контракты упали до максимально допустимого за день предела, хотя все утро продолжали расти.

- Кто?

- Кто бы это ни был, "Ситибэнк" только что получил тяжелый удар. Курс акций "Кемикл" тоже снижается.

- Может быть, происходит обратное движение цены? - произнес он, размышляя вслух.

- Обратное от? И до?

- Так как же мне поступать? Продавать? Покупать? Воздержаться? - Ему нужно было принять какое-то решение. Предстояло защитить сбережения множества мелких вкладчиков, однако рынок вел себя странно. Все шло псу под хвост, и он не понимал почему. Знать это необходимо, если хочешь должным образом делать свое дело.

- Все держат курс на запад, для встречи с нами, шохо, - произнес начальник оперативного отдела соединения, обращаясь к адмиралу Сато. - Скоро появятся на экранах радиолокаторов.

- Хай. Спасибо, У сед, - ответил Сато с ноткой удовлетворения в голосе. Ему хотелось, чтобы матросы и офицеры видели его именно таким. Американцы победили в учениях, и в этом нет ничего удивительного. Нет ничего удивительного и в том, что команды японских кораблей выглядят столь подавленными. После бесчисленных часов, потраченных на тренировки и боевую подготовку, их уничтожили, пусть и учебными снарядами. Разочарование, испытываемое личным составом, хотя и не профессиональное чувство, но свойственно всем людям. Опять, опять американцы победили нас. Это вполне устраивало командующего соединением. Моральное состояние матросов является одним из самых важных факторов в операции, которая не только не кончилась,

но стала разворачиваться лишь теперь.

События, начавшиеся с продажи крупного пакета казначейских облигаций, оказывали сейчас столь значительное влияние на курс всех банковских акций, котирующихся на бирже, что председатель правления "Ситибэнка" созвал пресс-конференцию, чтобы заявить протест против падения ценных бумаг одного из самых крупных банков страны и указать на его превосходное финансовое положение. Никто не проявил интереса. Было бы лучше, если бы он позвонил по телефону нескольким влиятельным финансистам, хотя и это не гарантировало успеха.

Единственный банкир, который мог бы в этот день остановить такое развитие событий, выступал в одном из центральных клубов города, когда послышался сигнал его пейджера. Это был Уолтер Хилдебранд, президент Нью-Йоркского отделения Федеральной резервной системы, по своему положению уступающий только председателю правления в Вашингтоне. Унаследовав огромное состояние, он все-таки начал карьеру финансиста с самых низов (хотя и жил при этом в роскошной двенадцатикомнатной квартире) и пробился к вершине. Хилдебранд сумел также заслуженно занять этот ключевой пост, который рассматривал как самую благоприятную возможность отдать свои незаурядные способности на службу обществу. Умный и проницательный аналитик, он опубликовал книгу, в которой анализировал причины финансового краха, происшедшего 19 октября 1987 года, и роль своего предшественника на посту руководителя Нью-Йоркского отделения Федеральной резервной Джерри Лорнигана в спасении фондовой биржи. Только что закончив выступление, в котором он разъяснял последствия закона о реформе торговли, Хилдебранд посмотрел на экран пейджера. Его ничуть не удивило, когда он увидел, что его просят срочно позвонить в свой офис. Однако офис находился рядом, всего в нескольких кварталах, и он решил не звонить по телефону, а пройти пешком. Позвони он, ему передали бы просьбу немедленно отправиться на Нью-Йоркскую фондовую биржу. Впрочем, это все равно не имело бы значения.

Хилдебранд вышел на улицу один. День был прохладным и солнечным, прогуляться при такой погоде - одно удовольствие, особенно после ланча. Он не пользовался услугами телохранителя, как его предшественники. Правда, у него было разрешение на ношение пистолета, и Хилдебранд иногда брал его с собой.

Улицы в нижней части Манхэттена узкие и переполненные, тут снуют главным образом грузовики, доставляющие продукты, и словно гоночные автомобили несутся от светофора к светофору окрашенные в желтый цвет такси. Тротуары здесь такие же узкие и переполненные. Приходилось вилять, то и дело отступая в сторону, чтобы разминуться со встречными пешеходами. Меньше всего их было у самой обочины, потому Хилдебранд жался ближе к мостовой. Он шел энергичным шагом, насколько это было возможно, стараясь побыстрее попасть в офис. Он не заметил мужчины, хорошо одетого и с самым обыкновенным лицом, который шел всего в трех футах позади него. Темноволосый мужчина выжидал благоприятного момента, а при таком движении он неизбежно должен был наступить. Ему не хотелось прибегать к пистолету. Выстрел привлек бы внимание, а он старался избегать этого. Прохожие могли запомнить его лицо, и

хотя он рассчитывал уже через два часа вылететь самолетом в Европу, при его профессии лишняя осторожность не помешает. Вот почему он все время оглядывался по сторонам, наблюдая за мчащимися автомобилями, и тщательно выбирал наиболее удобный момент.

Сейчас жертва и преследователь приближались к углу улиц Тринити и Ректор. Огонь светофора мигнул, стал зеленым, и двухсотфутовый поток машин устремился по улице, чтобы через двести футов остановиться снова. Затем сменился и цвет светофора позади, освободив сдерживаемую энергию десятков застывших автомобилей. Тут были и такси, которые в спешке перескакивают с одной полосы движения на другую. Одно такси проехало на желтый свет и устремилось направо, к обочине, создав идеальную ситуацию.

Темноволосый мужчина ускорил шаг, оказался позади Хилдебранда и всего лишь толкнул его в спину. Президент Нью-Йоркского отделения Федеральной резервной системы споткнулся и упал на мостовую. Водитель такси заметил его и, стараясь избежать столкновения, отвернул руль еще до того, как выругался, но вывернул недостаточно круто. И все-таки мужчине в пальто из верблюжьей шерсти повезло. Таксист остановил машину, изо всех сил нажав на недавно установленные новые тормоза, так что в момент столкновения ее скорость была меньше двадцати миль. Однако этого оказалось достаточно, чтобы отбросить Хилдебранда на тридцать футов, он ударился о стальной столб уличного освещения и сломал позвоночник. Полицейский, стоявший на противоположной стороне улицы, увидел происшедшее и тут же по рации вызвал "скорую помощь".

Темноволосый мужчина исчез в толпе и направился к ближайшей станции метро, даже не зная, мертв ли человек, которого он толкнул. Вообще-то ему сказали, что убивать не обязательно, и это показалось странным. Хилдебранд был первым банкиром, которого ему приказали не убивать.

Полицейский, склонившийся над лежащим бизнесменом, услышал повторяющиеся вызовы пейджера. Он решил позвонить по номеру на экране, как только приедет "скорая". Сейчас ему приходилось выслушивать протестующие объяснения таксиста, который доказывал свою невиновность.

Экспертные системы "знали", что, как только курс банковских акций начнет быстро падать, доверие к самим банкам неизбежно пошатнется, и вкладчики задумаются о том, чтобы забрать деньги из банков, которые кажутся им ненадежными. Это заставляет банки, в свою очередь, требовать возвращения кредитов и, что еще более важно, обратиться к экспертным системам в надежде, что им удастся угадать тенденции будущего развития рынка на несколько минут раньше конкурентов, потому что теперь банки сами превращались в инвесторов и стремились вернуть себе финансовые активы, чтобы удовлетворить требования вкладчиков, требующих свои деньги. Как правило, банки являются осторожными инвесторами на фондовом рынке, ограничиваясь главным образом покупкой акций наиболее надежных компаний, государственных ценных бумаг и акций других банков. Среди самых распространенных вложений банковского капитала находятся акции тридцати корпораций, которые лежат в основе индекса Доу-Джонса. Как всегда, самое важное заключается в том, чтобы первым заметить тенденцию в развитии рынка и первым начать действовать, защищая таким образом капиталовложения, которые приходится гарантировать крупным компаниям.

Разумеется, поскольку все финансовые институты пользуются в общем-то одними и теми же экспертными системами, они действуют одинаково быстро. Стоит стаду заметить одну-единственную молнию в непосредственной близости, и все особи начинают уходить подальше, сначала медленно, но в том же направлении.

Люди в операционном зале биржи знали, что сейчас все и начнется. Почти каждый из них получал ранее запрограммированные распоряжения, и потому на собственном опыте они могли предсказать, как будут действовать компьютеры. Начинается, пронесся шепот по всем трем торговым залам. Сама предсказуемость этого события могла служить индикатором происходящего, однако ковбоям было трудно оставаться за пределами стада, умирять его, направлять и... не оказаться поглощенными паникой. Если это случится, то все понесут огромные потери, потому что резкое понижение биржевого курса уничтожит ту небольшую разницу, или маржу, от которой зависят их фирмы.

Председатель Нью-Йоркской фондовой биржи стоял на балконе, глядя вниз, в операционный зал, и размышляя, куда, черт возьми, делся Уолт Хилдебранд. Только он мог теперь помочь. К мнению Уолта прислушивались все. Председатель взял трубку телефона сотовой связи и снова вызвал офис Хилдебранда, и опять секретарь повторила, что мистер Хилдебранд еще не вернулся после выступления в клубе. Да, она передала вызов по пейджерной связи. Конечно, передала.

Он смотрел вниз и видел, что процесс начался. Движение в зале оживилось. Все собрались, и шум, доносящийся оттуда, стал оглушающим. Это всегда плохой знак, когда люди начинают кричать. Электронный телетайп поведал ему о развитии событий. Акции наиболее надежных и крупных компаний, известных под трехбуквенными сокращениями, знакомыми, как имена его собственных детей, составляли чуть больше трети котировок. Наметилась явная тенденция к резкому их снижению. Прошло всего двадцать минут, и финансовые индексы Доу-Джонса упали на пятьдесят пунктов. Каким бы угрожающим и крутым ни был такой обвал, достижение этого рубежа вызвало облегчение. Компьютеры фондовой биржи автоматически прекратили прием заявок на продажу, поступающих от их электронных собратьев. Отметка в пятьдесят пунктов именовалась "пределом скорости". Установленная после биржевого краха 1987 года, она предназначалась для того, чтобы замедлить развитие событий до понятного людям темпа. Многие упускали из виду то простое обстоятельство, что они могут запросить совета - это больше не называли рекомендациями - у компьютеров, установленных в штаб-квартирах фирм, и затем направить предложения о продаже по телефону, телексу или по электронной почте. "Предел скорости" всего лишь прибавлял лишние тридцать секунд к процессу подачи заявок. Таким образом, после минутного затишья, торговля возобновилась и тенденция к снижению осталась прежней.

К этому моменту паника внутри финансового сообщества стала вполне реальной. Она отражалась в напряженности или в негромком шуме разговоров в каждом операционном зале всех крупных компаний. Си-эн-эн выпустила прямо в эфир специальный репортаж со своего балкона над самым большим залом

Нью-Йоркской фондовой биржи, прежде бывшим гаражом. Биржевой телетайп передачи новостей Си-эн-эн держал в курсе событий тех вкладчиков, что предпочитали следить за происходящим, самостоятельно оценивая сухие цифры, появляющиеся на экране. Для всех остальных комментатор сообщила, что индексы

Доу-Джонса для акций промышленных компаний в мгновение ока упали на пятьдесят пунктов, затем еще на двадцать, и тенденция к снижению продолжается. Потом последовали вопросы от ведущего телекомпания из Атланты и рассуждения о причине происходящего. Далее комментатор, не потрудившись проверить достоверность информации, уже по собственной инициативе заявила, что началось наступление на доллар по всему миру и что Федеральная резервная система не в силах остановить этот процесс. Она не смогла бы сказать ничего хуже, даже если бы пожелала. Теперь все знали о приближающемся крахе, и в паническое бегство от доллара вступили многомиллионные массы вкладчиков.

Несмотря на то что профессиональные инвесторы с презрением относятся к рядовым вкладчикам, не понимающим всех тонкостей инвестиционного процесса, они не замечают, что в критические моменты сами мало от них отличаются. Рядовые вкладчики воспринимают как аксиому то обстоятельство, что снижение индекса Доу-Джонса - плохо, а повышение - хорошо. Точно так же это истолковывается и трейдерами, считающими, что они превосходно разбираются в тонкостях процесса. Профессиональные инвесторы, однако, знают намного больше рядовых вкладчиков о механизме действия финансового рынка, но перестали понимать систему ценообразования. Для них тенденции превратились в реальность. Перемещение индексов на протяжении лет все более и более отделилось от того, что в действительности значили сами акции. В конце концов, ценные бумаги не просто теоретически выражают что-то, они представляют собой реальную собственность корпораций, владеющих реальными ценностями. С течением времени "ракетчики", действующие в операционных залах, забыли об этом и, существуя в мире математических моделей и анализа тенденций, упустили из виду сущность того, чем торгуют. И вот теперь факты, кажущиеся им всего лишь теоретическими, рушились у них на глазах. Лишившись основания в понимании процессов, которыми занимаются, потеряв связь с реальным миром, они понеслись, подгоняемые штормом, сотрясающим зал биржи и весь финансовый мир, просто не зная, что предпринять. Более опытные и пожилые финансисты, отдающие себе отчет в происходящем, не имели времени и достаточной информации, чтобы успокоить своих молодых подчиненных и навести порядок.

Воцарившийся хаос не имел под собой по сути дела никакого основания. Доллар сохранял свою силу и должен был даже укрепиться после нескольких незначительных потрясений. "Ситибэнк" только что представил отчет о финансовой деятельности, где указывалось, что банк функционирует хорошо и приносит доход, пусть не сенсационный, но вполне устойчивый, да и "Кемикл-бэнк" являлся в принципе надежным банковским домом после реструктуризации его руководства. И все-таки ценные бумаги обоих банков резко упали. Компьютерные программы указывали на то, что сочетание нескольких факторов означает нечто крайне опасное, а разве экспертные системы ошибаются? Они основываются на точной информации, уходящей глубоко в историю, и видят будущее гораздо лучше людей. Трейдеры верили в математические модели, хотя и не понимали причин, которые заставляли эти модели давать рекомендации, появляющиеся на их компьютерных терминалах; и точно так же рядовые граждане, узнавая сейчас новости, видели, что происходит что-то плохое, и не могли понять, как остановить неблагоприятное

развитие событий.

Профессионалы оказались в таком же тяжелом положении, как и рядовые граждане, узнающие о происходящем из программы новостей, передающихся по телевидению или радио. По крайней мере так казалось на первый взгляд. На самом деле для профессионалов все обстояло намного хуже. То, что они разбирались в математических моделях, стало теперь не преимуществом, а недостатком. Для рядовых граждан происходящие события были сначала непонятными, и в результате мало кто предпринял какие-то действия. Они наблюдали и ждали, а во многих случаях просто пожимали плечами, потому что собственных акций у них не было. А между тем такое мнение было ошибочным, хотя они не знали об этом. Банки, страховые компании и пенсионные фонды, распоряжающиеся средствами граждан, вкладывали колоссальные суммы в самые разные ценные бумаги. Все эти финансовые учреждения находились под контролем профессионалов, чей опыт и образование подсказывали им, что есть от чего удариться в панику. И они действительно поддались панике, дав тем самым толчок процессу, который скоро стал понятен обычным людям. Тут начали поступать звонки от вкладчиков, и ситуация стала стремительно ухудшаться для всех.

То, что было пугающим раньше, теперь оказалось намного страшнее. Первые звонки поступили от пожилых людей, пенсионеров, сидящих весь день у телевизоров и беседующих друг с другом по телефону, делясь своими опасениями из-за того, что они увидели. Многие из них вложили средства в инвестиционные фонды, потому что фонды приносили более высокий доход, чем банковские счета, - именно по этой причине банки и вступили в дело, чтобы защитить свои доходы. Сейчас инвестиционные фонды терпели колоссальные убытки, и, хотя в данный момент эти убытки ограничивались главным образом государственными ценными бумагами и акциями нескольких крупных компаний, ситуация изменилась, когда начали поступать телефонные звонки от рядовых вкладчиков, стремящихся получить свои сбережения и выйти из игры. Фондам пришлось приступить к продаже тех акций, которых еще не коснулась паника, чтобы компенсировать потери от падения других акций, казавшихся более надежными. По сути дела они выбрасывали на рынок акции, сохраняющие свою устойчивость, в точности следуя древнему выражению:

"Бросать деньги на ветер". А это было почти точным определением того, что им приходилось делать.

Неизбежным результатом стал общий крах, падение всех акций на всех фондовых биржах. К трем часам дня индексы Доу-Джонса упали на сто семьдесят пунктов, особенно крутое падение было у "Стэндард энд Пуэрс Файв Хандред". Еще хуже оказался составной индекс Национальной ассоциации фондовых дилеров. Теперь вкладчики по всей Америке набирали телефонный номер 1-800 и звонили в свои инвестиционные фонды.

Главы всех фондовых бирж вместе с руководителями Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям в Вашингтоне провели селекторное совещание. В течение первых десяти минут царил общий замешательство - слышались голоса, требующие ответа на вопросы, которые тут же повторялись, и в результате к решению так и не пришли. Служащие государственных департаментов запросили самые последние сведения, интересуясь по сути дела тем, насколько близко к

обрыву оказалось стадо и с какой скоростью оно приближается к пропасти, но не сделали никаких конкретных предложений, способных помочь остановить его панический бег к гибели. Президент Нью-йоркской фондовой биржи поборол искушение закрыть ее или как-то замедлить ход торговых операций. Пока продолжалось совещание - а оно длилось всего двадцать минут - индекс Доу-Джонса упал еще на девяносто пунктов, промчавшись мимо отметки двести пунктов и приблизившись к тремстам. После того как руководители Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям удалились на свое закрытое заседание, главы бирж в нарушение федеральных директив обменялись мнениями по поводу совместных шагов, направленных на решение создавшегося положения, но, несмотря на весь огромный коллективный опыт, не смогли ничего придумать.

Теперь вкладчики звонили в инвестиционные фонды по всей Америке, и служащие фондов, не способные ответить сразу на бесчисленные звонки, переводили свои телефоны в режим ожидания, и на телефонных аппаратах мигали лампочки, напоминая, что абонент ждет ответа. Те вкладчики, чьи фонды управлялись банками, узнали неожиданную и весьма неприятную новость. Да, вклады находятся в банках. Действительно, вклады в этих банках гарантируются Федеральной корпорацией страхования депозитов. Однако средства инвестиционных фондов, которыми распоряжаются банки для обслуживания нужд их вкладчиков, в Федеральную корпорацию страхования депозитов не входят. Таким образом, риску подвергся теперь уже не только доход по вкладам, но и основной капитал. После этого наступало короткое молчание - десять-пятнадцать секунд, - затем абонент клал трубку, садился в машину и ехал в банк, чтобы снять деньги со всех остальных вкладов, оставшихся у него.

При всем быстроедействии компьютеров, регистрирующих стремительно меняющиеся цены на акции, телетайп Нью-йоркской фондовой биржи отставал от разворачивающихся событий на четырнадцать минут. Горстка акций даже выросла в цене, но это были главным образом акции компаний, занимающихся добычей и переработкой благородных металлов. Остальные акции катились вниз. Теперь все крупные телевизионные компании вели прямые передачи с Уолл-стрит. О крахе знали все. Фирма "Каммингс, Кэнтон энд Картер", успешно функционировавшая в течение ста двадцати лет, внезапно обнаружила, что кончились ее резервы наличности. Председателю правления ничего не оставалось, как в панике обратиться за помощью к "Меррилл Линч". Это поставило председателя совета директоров крупнейшего торгового дома страны в сложное положение. Самый старый и самый опытный финансист, он всего полчаса назад во время селекторного совещания едва не сломал руку, стуча кулаком о стол и требуя ответов, которые никто не смог ему дать. Тысячи людей не только покупали акции через его корпорацию, но приобретали акции самой корпорации, полагаясь на ее дальновидность и безупречную репутацию. И вот теперь ему предстояло выбирать. Он мог пойти на стратегически важный шаг и защитить дружественный оплот всей финансовой системы от краха, вызванного паникой, не имеющей под собой ни малейшего основания, а мог и отказаться, защищая деньги своих акционеров. Трудно сделать такой выбор. Если он откажет в помощи "Каммингсу", это может придать панике - и обязательно придаст - новую силу и нанесет такой ущерб фондовому рынку, что деньги, которые он сохранит для

собственных вкладчиков, отказавшись прийти на помощь сопернику, скоро будут потеряны в любом случае. Но ведь и помощь, оказанная им, может оказаться всего лишь благородным жестом, и тогда, не остановив панику, он потеряет деньги собственных вкладчиков.

- Помоги мне, Господи, - выдохнул председатель совета директоров, поворачиваясь и глядя в окно. Одним из прозвищ торгового дома "Меррилл Линч" было "Мчащееся стадо". Ну что ж, сейчас стадо действительно мчалось... Он сравнил собственную ответственность перед своими акционерами с ответственностью по отношению ко всей финансовой системе, от которой зависело все и вся. И первое победило. Он сделал выбор. Таким образом один из ключевых игроков финансовой системы страны сбросил ее с обрыва в зияющую пропасть.

Торговля в операционном зале фондовой биржи прекратилась в 15.23 пополудни, когда индексы Доу-Джонса упали на пятьсот пунктов, что являлось максимально допустимым падением за один день. Эта цифра отражала всего лишь ценность акций тридцати важнейших компаний, в то время как снижение стоимости остальных ценных бумаг намного превосходило потери самой крупной из них. Телетайпу понадобилось еще тридцать минут, чтобы наверстать отставание, что создавало иллюзию продолжающейся деятельности. Люди в операционном зале молча смотрели друг на друга, пол вокруг был покрыт таким количеством бумажных листков, что казалось, будто они стоят на снегу. Сегодня пятница, думали они. Завтра - суббота. Все останутся дома. У всех появится возможность передохнуть и подумать. Вообще-то именно это и требовалось - немного подумать. Случившееся не поддавалось никакому объяснению. Пострадало множество людей, однако рынок вернется на круги своя, и с течением времени те, кто проявят смекалку, мужество и способность выдержать бурю, восстановят свои позиции. Если, думали они, если все с умом воспользуются передышкой и не произойдет еще чего-то безумного. Они были почти правы.

В "Депозитари траст компании", или, как ее обычно называли ДТК, служащие сидели с развязанными галстуками, часто вставали, направляясь в туалет, чтобы освободиться от бесчисленных чашек кофе и моря газированных напитков, выпитых за этот сумасшедший день, но теперь их ожидало благословенное облегчение. Фондовый рынок закрылся рано, и можно было сразу браться за дело. Осуществив ввод данных от основных коммерческих центров о заключенных сделках, компьютеры переключились на другой режим работы. Записанные на магнитную пленку результаты торговых операций проходили через машину для подведения итогов и последующей передачи. За несколько минут до шести вечера у одного из терминалов прозвенел звонок.

- Рик, у меня тут возникли проблемы!

Рик Бернارد, старший инженер-системщик, подошел и посмотрел на экран, чтобы узнать причину тревоги.

Последняя сделка, которую они сумели идентифицировать, произошла ровно в полдень и касалась фирмы "Атлас майлакрон", до предела загруженной заказами на производство станков для автомобилестроительных компаний - шесть тысяч акций по 48 1/2. Поскольку акции "Атласа" котируются на Нью-Йоркской

фондовой бирже, они идентифицировались трехбуквенным сокращением, в данном случае AMN. В системе автоматической котировки Национальной ассоциации фондовых дилеров, NASDAQ, использовались четырехбуквенные группы.

Следующая сделка, зарегистрированная сразу после AMN 6000 по 48 1/2 была AAA 4000 по 67 1/8, а затем AAA 9000 по 51 1/4. Более того, после прокрутки данных убедились, что все операции, проведенные после полудня (за исключением "Атласа"), демонстрировали бессмысленные трехбуквенные сочетания, которые ничего не означали.

- Переключись на "Бету", - скомандовал Бернارد. Ленточное запоминающее устройство на первой резервной компьютерной системе было открыто. - Начинать прокручивать.

- Проклятье!

Через пять минут закончилась проверка всех шести систем. В каждом случае все сделки оказались тарабарщиной, бессмысленным сочетанием букв и цифр. Ни одна из операций, осуществленных после полудня, не была зарегистрирована должным образом. Отсюда следовало, что ни одна трейдинговая фирма, ни один инвестиционный фонд, банк или рядовой инвестор не будет знать, что он продал или купил, кому и у кого, на какую сумму. Следовательно, никто не будет иметь ни малейшего представления о том, сколько у него осталось денег для дальнейших операций или даже для покупки продуктов на уик-энд.

20. Третий удар

Банкет закончился уже после полуночи. Для гостей было организовано что-то вроде представления. Большой театр ничуть не утратил своего волшебного очарования, и расположение зала позволило гостям увидеть балерин и танцовщиков почти рядом, что вряд ли бывает, когда они выступают на сцене. Наконец стих шум аплодисментов, опустили ладони, уставшие и покрасневшие от многократных вызовов на бис, и сотрудники службы безопасности повели гостей к выходу. Почти каждый - или каждая - из них нетвердо держались на ногах, и тут Райан убедился, что он действительно самый трезвый среди присутствующих, включая жену.

- Как тебе это понравилось, Дага? - спросил Райан у специального агента Элен Д'Агустино. Его собственный телохранитель отправился за пальто.

- На этот раз, в виде исключения, мне хотелось бы принять участие в банкете вместе с теми, кого я охраняю. - Она покачала головой, словно мать, расстроенная поведением своих детей.

- Джек, завтра я буду чувствовать себя просто ужасно, - сообщила Кэти мужу. Водка здесь оказалась просто великолепной.

- Я предупреждал тебя, дорогая. К тому же, - ядовито добавил он, - сейчас уже завтра.

- Извините, но мне пора к "Парашютисту", - сказала Дага. Это кодовое имя Секретная служба дала президенту в память о его службе в десантных войсках.

Райан с удивлением увидел за дверью американца в повседневном деловом костюме - гости были в вечерних туалетах, еще одна недавняя перемена в

российской общественной жизни. Вместе с женой он направился к нему.

- В чем дело?

- Доктор Райан, мне нужно немедленно увидеть президента.

- Кэти, подожди меня здесь, - произнес Джек и повернулся к сотруднику посольства: - Идите за мной.

- Ну куда ты, Джек... - недовольно заметила жена.

- У вас письменное сообщение? - спросил Райан и протянул РУКУ.

- Да, сэр. - Райан взял страницы факса и, пересекая зал, начал их читать.

- Боже милосердный! Скорее.

Роджер Дарлинг все еще дружески беседовал с президентом Грушевым, когда Райан в сопровождении дипломата подошел к нему.

- Не правда ли, превосходный банкет, Джек? - с улыбкой заметил президент США, и тут же улыбка сошла с его лица. - Неприятности?

Райан кивнул, возвращаясь к своей роли советника по национальной безопасности.

- Нам нужно немедленно встретиться с Бреттом и Базом, господин президент.

- Вот они. - Радиолокатор SPY-ID эсминца "Мутсу" осветил на растровом экране ближнее крыло американского соединения. Контр-адмирал, сохо, Сато посмотрел на своего начальника оперативного отдела с бесстрастным выражением лица, ничего не значащим для остальных членов команды на мостике, но весьма многозначительным для капитана первого ранга, исса, который был посвящен в подлинное назначение учений "Океанские партнеры". Пришло время обсудить ситуацию с командиром эскадренного миноносца. Соединения находились на расстоянии ста сорока морских миль друг от друга, и встреча произойдет в конце дня, думали адмирал и его заместитель. Интересно, как воспримет новость командир "Мутсу"? Впрочем, его мнение вряд ли будет иметь какое-то значение.

Через десять минут главный старшина вышел на палубу, чтобы проверить готовность трехтрубного торпедного аппарата левого борта "Марк-68". Сначала он открыл смотровой люк у его основания и произвел электронную проверку всех трех торпед. После этого, закрыв люк, открыл один за другим кормовые люки на трубах и снял замки с винтов каждой торпеды "Марк-50". Старшина был опытным специалистом, двадцать лет прослужил на флоте, и на все ему понадобилось не больше десяти минут. Прихватив инструменты, он перешел на правый борт, где повторил то же самое на таком же торпедном аппарате. Он не имел представления, почему получил такое приказание, и не интересовался этим.

Еще через десять минут "Мутсу" приступил к летным операциям. Эсминец после спуска на воду прошел модификацию, и теперь на баке находился выдвигающийся ангар для одного противолодочного вертолета SH-60J. которым можно было пользоваться и для воздушной разведки. Пришлось разбудить экипаж и подготовить машину к взлету, на что потребовалось почти сорок минут. Затем вертолет взлетел. Сначала он описал круг вокруг эскадры, а потом направился вперед. Его радиолокатор вел поиск американского соединения, все еще идущего на запад со скоростью восемнадцать узлов. Изображение передавалось на

флагманский корабль японской эскадры - эсминец "Мутсу".

- В его составе два авианосца на расстоянии трех тысяч метров один от другого, - произнес командир эсминца, показывая на экран.

- Вам надлежит выполнить приказ, капитан, - сказал Сато.

- Хай, - ответил командир "Мутсу", стараясь не обнаружить своих чувств.

- Так что случилось, черт побери? - спросил Дарлинг. Они отошли в угол. Кордон агентов русской и американской служб безопасности оттеснил всех остальных в глубину зала.

- Похоже, что на Уолл-стрите произошел крах, - ответил Райан, у которого оказалось больше времени, чем у остальных, чтобы оценить создавшуюся ситуацию. Нельзя сказать, что его анализ был особенно глубоким.

- Причина? - спросил Фидлер.

- Насколько мне известно, никакой причины, - произнес Джек, оглядываясь по сторонам в поисках кофе, который уже заказал. Ему нужно было взбодриться, а трое остальных нуждались в кофе больше него.

- Джек, у тебя совсем недавний опыт в торговле ценными бумагами, - заметил министр финансов Фидлер.

- Вообще-то мне не довелось работать на самой бирже, Баз. - Советник по национальной безопасности сделал паузу, указывая на страницы полученного сообщения. - Думаю, у нас просто недостаточно информации для ответа на такой вопрос. Кто-то забеспокоился и сбросил казначейские векселя. Скорее всего решили немного подзаработать на разнице курсов доллара и иены, но утратили контроль над ситуацией.

- Немного? - вмешался Бретт Хансон, чтобы напомнить о своем присутствии.

- Дело в том, что рухнул индекс Доу-Джонса, резко упали котировки, но теперь у биржевиков два дня, они смогут оценить ситуацию и подготовиться. Такое случалось и раньше. Мы ведь завтра вылетаем домой?

- Надо предпринять что-то прямо сейчас, - сказал Фидлер. - Сделать какое-то заявление.

- Пожалуй, - согласился Райан. - Что-нибудь нейтральное и ободряющее. Фондовый рынок похож на самолет - он сможет лететь сам, если ему не мешать. Согласитесь, такое и раньше бывало, не так ли?

Министр финансов Бозли Фидлер, или Баз<Buzz! - быстро!, пошевеливайся! (англ.)> - это прозвище сохранилось за ним с тех пор, когда он мальчишкой играл в Малой бейсбольной лиге, - был ученым, занимался исследованиями американской финансовой системы, написал о ней несколько книг, но сам никогда не принимал участия в биржевых операциях. Его преимущество заключалось в том, что он мог смотреть на американскую экономику со стороны, сохраняя историческую перспективу. Он имел репутацию специалиста по валютной политике. А недостатком Фидлера, понял сейчас Райан, было то, что он не имел опыта операций на фондовой бирже и даже не задумывался над этой проблемой. В результате у него не хватало уверенности, которая характеризует настоящего биржевого игрока, и поэтому он сразу обратился к Райану. Ну что ж, это неплохо, подумал тот. По крайней мере человек понимает, что у него недостает опыта. Неудивительно, что его считают таким умным.

- После предыдущего биржевого краха установлены пределы падения и предприняты другие охранительные меры. Однако на этот раз они не помогли. События смели их меньше чем за три часа, - с беспокойством заметил министр финансов, размышляя, как и подобает ученому, почему меры, хорошие и надежные теоретически, оказались столь слабыми на практике.

- Это верно. Будет интересно выяснить, почему так произошло. Только не забывай. Баз, такое случалось и в прошлом.

- Текст заявления, - отдал короткий приказ президент. Фидлер кивнул и, прежде чем начать, на мгновение задумался.

- О'кей, мы скажем, что финансовая система остается надежной. У нас действует немало охранительных мер, автоматически вступающих в силу. Рынку, как и американской экономике, ничто не угрожает. Черт возьми, разве наша экономика не продолжает развиваться? К тому же закон о реформе торговли будет способствовать росту занятости и создаст в наступающем году не менее полумиллиона новых рабочих мест. Эта цифра представляет собой осторожную оценку ситуации, господин президент. Этим я пока бы и ограничился.

- Остальное по возвращении? - спросил Дарлинг.

- Да, таково мое мнение, - подтвердил Фидлер. Райан кивнул, соглашаясь с ним.

- Хорошо, найдите Тиш и немедленно готовьте текст заявления.

Столь большое число чартерных рейсов казалось необычным, но международный аэропорт Сайпана при своих длинных взлетно-посадочных полосах обычно не был загружен, а возросшая активность означала увеличение оплаты за пользование аэропортом. К тому же наступил уик-энд. Наверно, какая-то конференция, подумал старший диспетчер на башне управления полетами, когда первый "Боинг-747" из Токио зашел на посадку. За последнее время Сайпан пользовался популярностью среди японских бизнесменов. Недавно суд отменил конституционные ограничения, запрещающие иностранцам владеть землей, и разрешил им покупать земельные участки на острове. Таким образом, остров сейчас больше чем наполовину принадлежал иностранцам, что раздражало многих представителей коренного населения народности чаморро. Впрочем, раздражение не было настолько велико, чтобы иностранцы продали землю, взяли деньги и уехали. Ситуация и без того была не из лучших. По уик-эндам японцев на Сайпане было больше, чем местных жителей, причем японцы, как правило, обращались с местными, ну... почти как с дикарями.

- А эти, похоже, направляются на Гуам, - заметил один из диспетчеров, увидев на экране радиолокатора вереницу самолетов, которые следовали дальше на юг.

- Да, конечно, уик-энд - рыбалка, гольф, - согласился старший диспетчер, предвкушая приближение конца смены. Япошки - ему они тоже не слишком нравились - теперь меньше летают на Таиланд для сексуальных развлечений. Слишком многие привозили оттуда неприятные сюрпризы. Зато тут они тратили деньги - много денег - и ради возможности провести на Сайпане уик-энд садились в свои громадные "747"-е в два часа утра...

Первый чартерный "Боинг-747" компании "Джал" совершил посадку в

половине пятого утра по местному времени, включил двигатели на реверс и развернулся в конце посадочной полосы, чтобы освободить ее для следующего самолета. Командир Тора-хиро Сато сразу выехал на рулежную дорожку и оглянулся по сторонам. Он не ожидал каких-либо неприятностей, но при такой операции... - операции? спросил он себя. Сато не пользовался этим словом с тех пор, как летал на F-86 в Военно-воздушных силах войск самообороны. Если бы он остался служить, то стал бы теперь шо, может быть, даже командовал бы японскими ВВС. Разве это не было бы здорово? Однако он ушел с воинской службы и поступил в "Джапэн эйрлайнс" - в то время должность летчика на гражданских авиалиниях считалась более престижной. Теперь Сато ненавидел ее и надеялся, что скоро это изменится раз и навсегда. Скоро он вернется в ВВС, даже если ему придется занять менее значительную должность, чем сейчас.

В глубине души он всегда оставался летчиком-истребителем. За штурвалом огромного "Боинга-747" летчик вряд ли сможет сделать что-то рискованное, что-то опасное. Правда, восемь лет назад во время полета ему пришлось пережить серьезную нештатную ситуацию - из строя частично вышла гидравлика, - и он вел самолет так искусно, что решил даже не предупреждать об этом пассажиров. За пределами кабины никто этого так и не заметил. Его поразительный поступок стал теперь рутинной частью наземной подготовки на тренажерах всех командиров "747"-х. Если не считать этого отчаянного, но такого радостного момента, он стремился к точному соблюдению всех правил безопасности. Сато стал чем-то вроде легенды в авиакомпании, которая сама по себе была знаменита на весь мир. Он читал метеорологические карты, как гадалка читает линии на ладони, выбирал на асфальте посадочной дорожки точное место для касания шасси авиалайнера и никогда не опаздывал с прилетом больше чем на три минуты.

Даже на рулежной дорожке аэропорта он водил гигантский самолет, словно спортивный автомобиль. И сегодня Сато уменьшил мощность двигателей, повернул носовое колесо и наконец затормозил.

- Желаю удачи, ниса, - сказал он полковнику Сейджо Сасаки, который во время посадки находился на откидном сиденье. Глядя по сторонам, он тоже не обнаружил ничего подозрительного.

Командир группы специального назначения встал и поспешил в салон самолета. Его солдаты были набраны из Первой воздушно-десантной бригады, обычно базирующейся в Нарашино. На борту огромного "боинга" находились две роты общей численностью триста восемьдесят человек. Их первой задачей являлся захват аэропорта. Полковник надеялся, что не столкнется с трудностями.

Обслуживающий персонал авиакомпании "Джал", встречавший самолет, не был проинструктирован о предстоящих событиях, а потому они удивились, увидев, что чартерный рейс доставил сюда одних лишь мужчин примерно одинакового возраста с одинаковыми ранцами за плечами, причем у первых пятидесяти эти ранцы были расстегнуты и каждый из них держал руку внутри ранца. У нескольких мужчин в руках были блокноты с планами аэропорта, поскольку провести генеральную репетицию на месте не представилось возможным. Пока выделенные для этого люди доставали из грузового отсека тяжелые контейнеры, остальные солдаты направились к багажному отделению, без малейших колебаний

прошли под надписями: "Проход только для обслуживающего персонала" и начали готовить оружие. Тем временем совершил посадку еще один авиалайнер.

Полковник Сасаки стоял сейчас посреди аэровокзала, наблюдая за тем, как группы его солдат по десять-пятнадцать человек расходятся по залу, быстро и решительно выполняя поставленные перед ними задачи.

- Извините, - вежливо обратился сержант к сонному и скучающему охраннику из службы безопасности аэропорта. Тот поднял голову и увидел, что рука сержанта держит пистолет в открытом ранце, который тот спустил на плечо. Нижняя челюсть охранника отвисла в комическом изумлении, и его тут же разоружили без малейшего сопротивления. Меньше чем за две минуты были разоружены и шесть остальных охранников. Лейтенант направился со взводом солдат к помещению службы безопасности, где они арестовали еще троих. Все это время полковник выслушивал по радио короткие и четкие доклады.

Руководитель авиадиспетчерской службы повернулся на звук открывшейся двери (охранник передал японцам свой пропуск и покорно набрал код у входа) и увидел трех человек с автоматами.

- Какого черта...

- Продолжайте выполнять свои обязанности, - распорядился капитан - иши.

- Я хорошо говорю по-английски. Прошу вас не делать глупостей. - Затем он поднес ко рту уоки-токи и произнес несколько фраз на японском языке. Первый этап операции "Кабул" был завершен на тридцать секунд раньше, чем планировалось, причем японцы не встретили никакого сопротивления.

Группа, прибывшая на втором авиалайнере, приняла на себя охрану аэропорта. На солдатах была военная форма, и это давало всем понять, что происходит. Они установили посты у всех входов и во всех коридорах, а также реквизировали служебные автомобили, чтобы установить дополнительные посты на дорогах, ведущих к аэропорту. Поскольку аэропорт находился в самой южной части острова и дороги вели только с севера, это не было так уж сложно. Полковника Сасаки сменил командир второй группы. Он будет контролировать ситуацию на период прибытия остальных подразделений Первой воздушно-десантной бригады, а полковник займется решением других задач.

К аэровокзалу подъехали три автобуса. Солдаты погрузились в них, Сасаки убедился, что все в порядке, поднялся в последний автобус, и они немедленно отправились в путь. Дорога пролегла мимо гольф-клуба "Дандан", расположенного по соседству с аэропортом, затем свернула налево, на шоссе Кросс-Айленд роуд, и перед японцами открылся вид на место высадки американских войск - Инвейжен-Бич. Сайпан в общем-то небольшой остров, все еще было темно - только горело несколько уличных фонарей. Полковник Сасаки чувствовал охвативший его холодок. Он знал, что необходимо провести операцию точно в соответствии с планом, уложившись в отведенное для этого время. В противном случае их ждет катастрофа. Полковник посмотрел на часы. Первый самолет совершает сейчас посадку на Гуаме, где вероятность организованного сопротивления вполне реальна. Ну что ж, этим будет заниматься Первая дивизия. У него свои задачи, которые нужно решить еще до восхода солнца.

Новость распространилась очень быстро. Рик Бернارد позвонил сначала председателю Нью-йоркской фондовой биржи, сообщил о происшедшем и попросил

совета. Когда Бернард заверил его, что это не случайность, финансист дал единственно возможный совет, и Бернард связался с ФБР, отделение которого находится в здании федеральных служб Джейкоба Джэвитса, недалеко от Уолл-стрита. Заместитель директора был еще в отделении, и он тут же выслал в штаб-квартиру Депозитарной трастовой компании, расположенную в центре Манхэттена, группу из трех агентов.

- Что у вас произошло? - сразу после приезда спросил старший группы. Для ответа потребовалось десять минут подробных объяснений, и вслед за этим последовал звонок прямо заместителю директора.

Сухогруз "Орхид эйс" стоял у причала достаточно долго, чтобы разгрузить на берег сотню автомобилей. Все сто были внедорожниками "Тойота-лэндкрузер". Для снятия дремлющего охранника и захвата поста портовой службы безопасности не потребовалось прибегать к оружию. После этого автобусы беспрепятственно въехали на территорию стоянки, огороженную сетчатым забором. У полковника Сасаки в трех автобусах было достаточно солдат, чтобы усадить в каждый "лэндкрузер" по три человека, которые знали, что делать дальше. Теперь, когда у его людей оказались надлежащие транспортные средства, первыми будут взяты полицейские участки в Коблервилле и на Кэпитол-хилл. Сам он отправится со второй группой к дому губернатора.

Вообще-то Номури провел ночь не у себя дома по чистой случайности. Он решил немного отдохнуть и взять выходной, что случалось не так уж часто, и обнаружил, что посещение бани лучше всего восстанавливает силы после бурно проведенной ночи, - его предки поняли это еще тысячу лет назад. Помывшись, Номури взял полотенце и направился к ванне с горячей водой - там влажная атмосфера, полная пара, очистит голову лучше аспирина. Он надеялся, что выйдет освеженным из этого древнего и цивилизованного заведения.

- Казуо, - удивился агент ЦРУ, - а ты как здесь оказался?

- Работал сверхурочно, - ответил его приятель с усталой улыбкой.

- Ямата-сан, должно быть, требовательный босс, - заметил Номури, медленно опускаясь в горячую воду. Эту фразу он произнес машинально, ни о чем не думая. Ответ заставил его резко повернуть голову.

- Еще никогда раньше я не был свидетелем того, как делается история. - Таока потер глаза и шевельнулся в ванне, чувствуя, как напряжение покидает тело, и все еще слишком возбужденный, чтобы уснуть после десяти часов, проведенных в "боевом штабе".

- А для меня история прошлой ночью явилась в образе очень приятной молодой девушки, - произнес Номури, восторженно подняв брови. Приятной девушки двадцати одного года, мог бы добавить он. Очень сообразительной девушки, благосклонности которой добивались многие, однако Номури был ближе других к ее возрасту и ей нравилось говорить с кем-то вроде него. Не все можно купить за деньги, подумал Чет, закрыв глаза и продолжая улыбаться.

- У меня ночная история была куда более волнующей.

- Вот как? Мне слышалось, будто ты сказал, что провел ночь на работе.

- Номури неохотно открыл глаза. Неужели Казуо нашел что-то интереснее сексуальных развлечений?

- Совершенно верно, на работе.

В его голосе прозвучало что-то, что заставило Номури насторожиться.

- Знаешь, Казуо, если уж начал рассказывать о чем-то, то говори до конца.

Таока засмеялся и покачал головой.

- Вообще-то мне не следует делать этого, но через несколько часов ты все равно прочтешь обо всем в газетах.

- Что же это за сенсационная новость?

- Прошлой ночью рухнула американская финансовая система.

- Неужели? Каким образом?

Голова приятеля повернулась, и он произнес тихим голосом:

- Я сам принимал участие в этом.

Ощущение, которое испытал Номури, показалось ему очень странным - он сидел в ванне с горячей водой, а по его спине пробежали ледяные пальцы страха.

- Не понимаю, о чем ты говоришь.

- Через несколько дней все станет ясно. А пока мне нужно возвращаться обратно. - Таока выбрался из ванны и направился в раздевалку, весьма довольный тем, что показал приятелю свою осведомленность. Какой, в конце концов, смысл в секрете, если о нем не знает по крайней мере еще один человек? Секрет может быть потрясающим, а такой, особенно в обществе вроде японского, просто бесценен.

Что за чертовщина? - подумал Номури.

- Вот они. - Впередсмотрящий указал рукой, и адмирал Сато поднес к глазам бинокль, чтобы убедиться. Совершенно верно, на фоне ясного неба вырисовывались мачты кораблей внешнего охранения - судя по салингам, это фрегаты типа FFG-7.

Теперь изображение на экране радиолокатора стало четким. Американские корабли двигались классическим круговым строем - фрегаты составляли внешнее охранение, эсминцы - внутреннее, два или три крейсера типа "иджис" не так уж отличались от его флагманского корабля. Адмирал посмотрел на часы. Американцы только что встали на утреннюю вахту. Несмотря на то что на боевых кораблях всегда есть вахтенные, настоящая работа проводится в дневное время, и сейчас матросы пробуждаются ото сна, поднимаются со своих коек, принимают душ и направляются завтракать.

Видимый горизонт находился на расстоянии примерно двенадцати морских миль. Группа адмирала Сато из четырех кораблей направлялась на восток со скоростью тридцать два узла - самая оптимальная крейсерская скорость. Курс американцев был на запад, и скорость - восемнадцать узлов.

- Дайте сигнал прожектором всему соединению: "Поднять флаги".

Основная станция спутниковой связи на Сайпане находилась рядом с Бич-роуд, недалеко от мотеля "Сан Инн", и входила в компанию МТК "Майкро телеком". Это была гражданская станция, и больше всего ее беспокоили проблемы защиты от осенних тайфунов, регулярно налетающих на остров. Десять солдат во главе с майором подошли к главному входу и сумели проникнуть

внутри, затем обезоружили ничего не подозревающего охранника. Охранник даже не попытался достать свой револьвер. Группу сопровождал капитан-связист, хорошо разбирающийся в средствах связи. От него требовалось одно - показывать на различные приборы. Каналы радиотелефонной связи, ведущие к спутникам над Тихим океаном и соединяющие Сайпан с Америкой, были тут же отключены, и сохранилась только двусторонняя связь с Японией - она осуществлялась через другой спутник и дублировалась кабелем. При этом каналы связи, ведущие на Сайпан, остались в неприкосновенности. В столь ранний час мало кого удивило бы, что не действует ни один телефонный канал, соединяющий Сайпан с Америкой. Такая ситуация сохранится довольно продолжительное время.

- Кто вы такой? - спросила жена губернатора.

- Мне нужно увидеть вашего мужа, - ответил полковник Сасаки. - Мое дело не терпит отлагательства.

Это сразу было подтверждено первым выстрелом, прозвучавшим за ночь, - охранник в здании законодательного собрания успел выхватить револьвер. Правда, выстрелить он не сумел - об этом позаботился японский десантник, - но звук выстрела заставил Сасаки сердито нахмуриться. Он оттолкнул женщину и вошел в дом. Навстречу ему шел губернатор в купальном халате.

- В чем дело?

- Вы арестованы, - заявил Сасаки. Трое вооруженных солдат, вошедших в дом за ним следом, замерли у него за спиной, и губернатору стало ясно, что перед ним не грабитель. Полковник чувствовал себя неловко. Ему никогда не приходилось делать подобного, и, хотя он был профессиональным военным, все его воспитание восставало против вторжения в дом другого человека независимо от причины. Внезапно ему захотелось, чтобы от выстрелов, которые только что прозвучали, никто не погиб. Солдатам был отдан такой приказ.

- Что? - изумленно воскликнул губернатор.

- Прошу вас и вашу жену сесть. Мы не намерены причинить вам зло.

- Так в чем же все-таки дело? - спросил американец, испытывая облегчение от того, что им не угрожает опасность - по крайней мере сейчас.

- Этот остров принадлежит теперь нашей стране, - объяснил полковник Сасаки. Неужели ситуация ухудшилась до такой степени? - подумал губернатор. Ему было за шестьдесят, и он помнил, что это случилось в прошлом.

- Он чертовски далеко от дома, - заметил капитан третьего ранга Кеннеди. Оказалось, что надводный контакт - это "Мурото", тендер японской береговой охраны, время от времени принимающий участие в операциях своего флота обычно в качестве учебной цели. Достаточно красивое судно, хотя и с низким надводным бортом, как у большинства кораблей японского флота, с краном на баке для подъема учебных торпед. По-видимому, "Курушио" надеялся, что во время учений "Океанские партнеры" представится возможность попрактиковаться в торпедной стрельбе. Разве об этом не сообщили на "Эшвилл"?

- Для меня это тоже что-то новое, капитан, - заметил штурман, перелистывая страницы оперативного задания на проведение учений.

- Сухопутные моряки вносят путаницу не в первый раз. - Кеннеди позволил

себе улыбнуться. - Ну хорошо, мы уже не раз "топили" такие цели. - Он нажал на кнопку высокочастотного телефона. - Согласен, капитан, повторим последний маневр. Время начала - через двадцать минут.

- Спасибо, капитан, - донесся ответ. - Конец связи. Кеннеди повесил трубку.

- Лево руля десять градусов, машины вперед, треть мощности. Погружаемся на триста футов.

Команда в боевой рубке отрепетовала и исполнила приказы. "Эшвилл" отошел к востоку на пять миль. Американская подводная лодка "Шарлотт", находящаяся на расстоянии пятидесяти миль к западу, осуществляла похожий маневр и точно в то же время.

Самым трудным этапом операции "Кабул" был захват Гуама. Американцы владели этим островом, самым крупным в Марианском архипелаге, уже почти сто лет. На Гуаме была гавань и американские военные объекты, поэтому захват острова всего десять лет назад являлся немыслимой задачей. Еще недавно там базировались бомбардировщики с ядерными бомбами Стратегического командования ВВС, теперь расформированного. Военно-морской флот США содержал на острове базу для атомных подводных лодок, и охрана, обеспечивающая безопасность этих двух объектов, превращала в безумие попытку проведения подобной операции. Однако теперь ядерное оружие исчезло - по крайней мере исчезли ядерные ракеты. База ВВС Андерсен в двух милях севернее Иго фактически превратилась в гражданский аэропорт, и только иногда на нем совершали посадку самолеты ВВС, перелетающие через Тихий океан. Там больше не было боевых самолетов, если не считать одного, ставшего гражданским, который ранее входил в состав Тринадцатого авиакрыла, расквартированного на Гуаме, - им пользовался начальник авиабазы. Когда-то здесь постоянно базировались самолеты-заправщики, но теперь они лишь изредка, по мере необходимости, прилетали и улетали. В подчинении командира авиабазы, полковника, скоро уходящего в отставку, находилось пятьсот военнослужащих, мужчин и женщин, занятых главным образом техобслуживанием. Охрану базы несли всего пятьдесят вооруженных служащих полиции ВВС. Такая же картина была и на военно-морской базе, чей аэродром использовался теперь и Военно-воздушными силами. Морских пехотинцев, охранявших когда-то базу из-за расположенных здесь раньше запасов ядерного оружия, заменили гражданские охранники, и в бухте не было видно серых корпусов военных кораблей. И все-таки захват Гуама должен стать самой важной частью всей операции. Взлетно-посадочные дорожки базы ВВС Андерсен играли в этом ключевую роль.

- Красивые корабли, - подумал вслух Санчес, глядя в бинокль. Он сидел в своем кресле на острове авианосца. - Да и идут тесным строем. - Командир авиакрыла заметил, что четыре эсминца типа "конго" направляются навстречу эскадре и находятся от него миль в восьми.

- У них что, матросы выстроены вдоль бортов? - спросил начальник палубной команды обслуживания. Казалось, что у лееров всех четырех приближающихся эсминцев вытянулись белые полосы.

- Действительно, нас приветствуют. Благородно с их стороны. - Санчес

поднял телефонную трубку и нажал кнопку связи с мостиком. - Шкипер? Это командир авиакрыла. Похоже, наши друзья оказывают нам официальный прием.

- Спасибо, Бад. - Командир авианосца "Джонни Реб" связался с командующим боевой группы на "Энтерпрайзе".

- Что? - спросил Райан, подняв телефонную трубку.

- Вылет через два с половиной часа, - сказала секретарь президента. - Приготовьтесь к отъезду. Выезжаем через девяносто минут.

- Из-за Уолл-стрита?

- Совершенно верно, доктор Райан. Президент считает, что нам нужно вернуться домой немного раньше. Мы сообщили об этом русским. Президент Грушевой согласен, что причина важная.

- Хорошо, спасибо, - ответил Райан, не испытывая восторга. Он надеялся съездить и повидать Нармонова. Теперь будет самое забавное. Он протянул руку и разбудил жену.

- Не смей даже произносить это, - послышался слабый стон.

- Отоспишься в самолете. Нужно собрать вещи и подготовиться к отъезду.

- Что? Почему?

- Вылетаем раньше, чем предполагалось, - объяснил Джек. - Неприятности дома. На Уолл-стрите очередной крах.

- Действительно плохо? - Кэти открыла глаза, потерла лоб и даже попробовала улыбнуться, пока не посмотрела на часы.

- Судя по всему, серьезное несварение желудка.

- Сколько сейчас времени?

- Достаточно, чтобы собраться.

- Нам нужен простор для маневра, - заметил капитан третьего ранга Харрисон.

- А ведь он совсем не дурак, правда? - Вопрос адмирала Дюбро был чисто риторическим. Соперник, адмирал Чандраскатта, накануне вечером повернул на запад, очевидно поняв наконец, что боевое соединение с авианосцами "Эйзенхауэр" и "Линкольн" находится совсем не там, где он ожидал раньше. У него не осталось выбора, и он изменил курс на западный, снова прижимая американцев к гряде островов, принадлежащих главным образом Индии. Половина Седьмого флота США представляла собой мощную боевую единицу, но эта мощь уменьшится вдвое, если станет известно, где находится авианосное соединение. Весь смысл операции Дюбро заключался в том, чтобы не дать сопернику узнать это. Ну что ж, соперник решил, что ему удалось разгадать карты американцев. Неплохо с его стороны.

- Как у нас с топливом? - спросил Дюбро, имея в виду запас топлива у кораблей охранения. Авианосцы могут оставаться в море, пока на них не кончатся запасы продовольствия. Их атомные реакторы будут действовать несколько лет.

- Запасы топлива у всех кораблей - девяносто процентов. В течение двух предстоящих дней ожидается хорошая погода. Если понадобится, мы можем совершить скоростной бросок.

- Вы разделяете мою точку зрения?

- Он не осмелится приближаться со своими авианосцами к побережью Шри-Ланки. Их силуэты могут показаться на экранах радиолокаторов, контролирующих полеты гражданских самолетов, и это вызовет подозрение. Если мы увеличим скорость, направимся на северо-восток и затем свернем на восток, нам удастся ночью миновать мыс Дондра и снова направиться на юг. Скорее всего никто нас не заметит.

Адмиралу не нравилась ситуация, при которой приходилось рассчитывать на "скорее всего". Это означало, что кто-то все-таки сумеет обнаружить эскадру, и тогда индийский флот повернет на северо-восток, вынудив американцев удалиться от побережья - или пойти на столкновение. Такими играми нельзя заниматься бесконечно, подумал Дюбро. Наступит момент, когда соперник пожелает заглянуть в твои карты.

- Можете сделать так, чтобы нас никто не заметил сегодня? Ответ на этот вопрос был вообще-то очевиден. Американские авианосцы вышлют самолеты с южного направления, и, можно предположить, индийцы отойдут к югу. Харрисон представил план летных операций на предстоящий день.

- Приступайте.

По системе корабельного вещания пробило восемь склянок. Шестнадцать ноль-ноль. Дневная вахта сменилась, заступила вечерняя. Офицеры и матросы, не только мужчины, но и женщины, принимали боевые посты и уходили с них. Летчики авиакрыла на "Джонни Ребе" почти все отдыхали или знакомились с результатами только что завершившихся учений. Половина самолетов палубной авиации стояла со сложенными крыльями, остальные расположились в ангарах. Возле нескольких возились механики, занятые мелким ремонтом и техобслуживанием, но почти весь технический персонал тоже отдыхал, наслаждаясь тем, что на военно-морском флоте называлось "стальным пляжем".

Да, ныне многое изменилось, подумал Санчес, глядя вниз на участки палубы, свободные от черного слоя скользящего покрытия. Сейчас там загорали на солнце женщины, отчего моряки на мостике гораздо чаще подносили к глазам бинокли. Появление женщин в составе команд привело к возникновению очередной административной проблемы. Какие разновидности купальных костюмов приличны для моряков ВМФ? К разочарованию многих, было принято решение в пользу купальников. Впрочем, даже они заслуживают внимания, особенно если их обладательницы наполняют купальники должным образом и в соответствующих местах, подумал командир авиакрыла и снова направил бинокль на приближающиеся японские корабли.

Четыре эсминца мчались прямо к американской эскадре на скорости в добрых тридцать узлов, стараясь, по-видимому, продемонстрировать нынешним друзьям и бывшим врагам свое мастерство. На мачтах развевались приветственные сигнальные флаги, и матросы в белых форменках выстроились вдоль бортов.

- Слушайте все, слушайте все! - раздалось из системы корабельной трансляции. - Внимание на левый борт. Всем выстроиться у лееров для отдачи приветствия. - Матросы, одетые в приличную форму, направились к галереям левого борта под летной палубой и выстроились по секторам. Для авианосца это было достаточно сложно и требовало немало времени, особенно в часы

"стального пляжа". Впрочем, положение спасла смена вахт. Оказалось достаточно должным образом одетых матросов, способных принять участие в торжественной церемонии, прежде чем спуститься в кубрики и переодеться в купальники и плавки, чтобы успеть позагорать.

Для Сато решающим моментом в проведении операции был запрос о точном времени, который он послал через спутник. Со спутника радиосигнал направился к поверхности земли, в штаб флота, и немедленно поступил обратно по другому каналу связи. Миновала последняя возможность отменить операцию. Жребий брошен. Адмирал вышел из боевой рубки "Мутсу" и вернулся на мостик, оставив внизу своего начальника оперативного управления. Пока он сам будет руководить действиями группы эсминцев.

Эсминец поравнялся с авианосцами "Энтерпрайз" и "Джон Стеннис", оказавшись точно на середине между ними, меньше чем в двух тысячах метров от каждого. "Мутсу" мчался со скоростью тридцать узлов. На всех боевых постах находились матросы и офицеры, за исключением тех, что стояли в это время у бортовых лееров корабля. В тот момент, когда эсминец пересек невидимую линию между двумя авианосцами, матросы, выстроившиеся у правого и левого борта, отсалютовали в точном соответствии с законами моря.

Из динамиков донесся свист боцманской дудки:

- Внимание... салют! - Матросы на галереях "Джонни Реба" поднесли руки к головным уборам. Через несколько мгновений три коротких свистка вахтенного боцмана разрешили им расходиться.

- Может быть, теперь нам позволят вернуться домой? - усмехнулся начальник палубной службы. Учения "Океанские партнеры" завершились, и боевое соединение направится обратно в Пирл-Харбор, где проведет неделю, занимаясь техническим осмотром, а команда получит возможность увольняться на берег, прежде чем снова выйти в Индийский океан. Санчес решил остаться в своем удобном кожаном кресле и продолжить чтение документов, наслаждаясь свежим океанским бризом. Движение соединений навстречу друг другу гарантировало, что они скоро разойдутся.

- Смотрите! - послышался возглас впередсмотрящего. Осуществляемый маневр был впервые применен на немецком флоте и носил название Gefechtskehrtwendung, или "боевой разворот". На мачте флагманского корабля взмыл сигнальный флаг, и все четыре эсминца резко повернули направо, причем первым начал разворот замыкающий корабль. Как только фор-штевень эсминца пошел в правую сторону, последовал разворот следующего, затем еще одного и, наконец, флагманского корабля. Это был маневр, рассчитанный на то, чтобы вызвать восхищенное внимание американцев, изрядно удивить их, так как пространство между двумя авианосцами было крайне ограничено. Прошло всего несколько секунд, и японские эскадренные миноносцы закончили разворот на сто восемьдесят градусов, двигаясь теперь на запад со скоростью тридцать узлов и обгоняя авианосцы, к которым они только что приблизились с противоположного направления. Несколько американцев на мостике одобритительно присвистнули при виде столь искусно выполненного маневра. Борта всех четырех эсминцев типа

"иджис" уже опустели.

- А ведь здорово, - заметил Санчес, снова опуская взгляд на документы.

Авианосец ВМС США "Джон Стеннис" продолжал двигаться по прежнему курсу с неизменной скоростью - его четыре винта делали по семьдесят оборотов в минуту. Команда занимала места по обычному расписанию, что означало готовность номер три для всех, за исключением авиакрыла, личный состав которого отдыхал после нескольких суток напряженных полетов. На верхней части острова расположились впередсмотрящие, каждый из которых вел наблюдение главным образом в назначенном ему секторе, однако все они то и дело поглядывали на японские корабли - в конце концов, они отличались от американских. Некоторые впередсмотрящие пользовались морскими биноклями 7х50 главным образом японского производства, некоторые вели наблюдение с помощью гораздо более массивных стационарных "больших глаз" 20х120, установленных по всему мостику.

Адмирал Сато теперь не опускался в кресло, хотя и смотрел в бинокль. Вообще-то жаль. Такие гордые, такие красивые корабли. Затем он вспомнил, что авианосец с левого борта носит название "Энтерпрайз", традиционное на американском Военно-морском флоте, и что когда-то авианосец с таким же названием терзал его страну, вместе с эскадрой Джимми Дулиттла приближался к японскому побережью, принимал участие в сражениях у атолла Мидуэй, у восточных Соломоновых островов, у островов Санта-Круз и вообще во всех крупных морских баталиях, получал пробоины, но ни разу не вышел из строя. Название врага, который заслуживает уважения, но все-таки остается врагом. Он решил не сводить с него глаз. Адмирал не знал, кем был Джон Стеннис, имя которого дали второму авианосцу.

На встречном курсе "Мутсу" миновал авианосцы и оказался уже рядом с американскими эсминцами, замыкающими охранение, но после разворота начал догонять огромные корабли. Они приближались, казалось, мучительно медленно. Руки адмирала в белых перчатках держали бинокль. Он следил за меняющимся пеленгом на американский авианосец.

- Пеленг на цель номер один три-пять-ноль, пеленг на цель номер два ноль-один-ноль, - доложил старшина. Иссо пытался понять, что происходит и почему, но больше всего его интересовало, доживет ли он до того момента, когда сможет рассказать о происшедшем, и пришел к заключению, что это маловероятно.

- Принимаю на себя, - произнес офицер-торпедист, садясь на место управления торпедной стрельбой. Он уже получил команду и ознакомился с огневым решением. Прошло несколько секунд, на пульте управления вспыхнула лампочка, офицер повернул ключ в замке, включил питание, откинул крышку на панели управления торпедным аппаратом левого борта и нажал кнопку/пуска. Затем он сделал то же самое с аппаратом правого борта.

Трехтрубные торпедные аппараты на обоих бортах эсминца стремительно развернулись на угол сорок градусов от курса корабля. Выпуклые крышки на концах пусковых труб откинулись. Торпеды вылетели из труб под давлением сжатого воздуха, нырнули в воду слева и справа от эсминца почти одновременно, с промежутком всего в десять секунд. Винты уже вращались,

когда торпеды нырнули в воду и устремились к цели, таща за собой провода управления, соединяющие их с боевой рубкой на "Мутсу". Торпедные аппараты, теперь уже с пустыми трубами, тут же вернулись на прежнее место и снова вытянулись вдоль оси корабля.

- ...твою мать! - слышался возглас впередсмотрящего на авианосце "Джонни Реб".

- Что такое, Синди?

- Они только что пустили в нас гребанную рыбу! - воскликнула она.

Впередсмотрящим была невысокий матрос (еще не удалось найти официального наименования для матроса женского пола) восемнадцати лет от роду. Она служила на своем первом корабле и осваивала ругательства, чтобы ничем не отличаться от соленых моряков, входящих в состав команды. Синди вытянула руку, указывая направление. - Я видела, как с него в воду нырнула торпеда - вон там!

- Ты уверена? - спросил второй впередсмотрящий, поворачивая туда "большие глаза". Ему поручили присматривать за Синди.

Девушка заколебалась. Ей еще никогда не приходилось принимать такое решение, и она подумала, что скажет ее старшина, если выяснится, что она ошиблась. - Мостик, докладывает впередсмотрящий номер шесть. Последний эсминец в японской кильватерной колонне выпустил торпеду! - Ее голос разнесся по сети трансляции мостика.

Бад Санчес, который сидел на острове уровнем ниже, поднял голову:

- Что такое?

- Повторите, шестой! - скомандовал вахтенный офицер.

- Я сказала, что видела, как вон тот японский эсминец выпустил торпеду с правого борта!

- Говорит пятый. Я не видел этого, сэр, - доложил мужской голос.

- А вот я видела, черт побери! - выкрикнул взволнованный женский голос, причем так громко, что Санчес услышал ее восклицание, даже не по трансляционной сети. Он бросил документы на палубу, вскочил на ноги и побежал к трапу. Поднимаясь вверх, капитан первого ранга споткнулся, разбил до крови колено, порвал брюки и, отчаянно ругаясь про себя, добежал до впередсмотрящих.

- Говорите, милая!

- Я видела это, сэр, видела собственными глазами! - Девушка даже не имела представления, кто такой Санчес, и серебряные орлы на его воротнике напугали ее больше, чем приближающиеся торпеды, но она видела их и не собиралась отказываться от своих слов.

- А вот я ничего не видел! - повторил старший матрос, стоящий рядом. Санчес направил бинокль на эсминец, находящийся сейчас всего в двух тысячах ярдов. Что это? Он оттолкнул матроса от "больших глаз" и направил мощную оптику на шканцы флагманского японского корабля. Вон трехтрубный торпедный аппарат, вытянувшийся вдоль палубы эминца, как и полагается в походе, но...

...но концы его труб черные, а не серые. Крышки, защищающие торпедные трубы от водяных брызг, сняты... Не отрывая взгляда от бинокля, капитан первого ранга Рафаэл Санчес сорвал наушники с микрофоном с головы матроса.

- Мостик, говорит командир авиакрыла. На нас идут торпеды! Повторяю, на нас по левому борту направлены торпеды! - Он повернул бинокль в сторону кормы, пытаясь увидеть следы торпед на морской поверхности, но ничего не заметил. Впрочем, это не имело теперь значения. Санчес громко выругался, выпрямился и посмотрел на молодого матроса Синтию Смидерз. - Правы вы или нет, матрос, вы поступили правильно, - произнес он. Его слова заглушил грохот колоколов громкого боя, разнесшийся по кораблю. И в следующее мгновение на палубе японского эсминца замигал сигнальный прожектор.

- Предупреждение, предупреждение, у нас только что случилось короткое замыкание в электрической цепи, произошел случайный пуск нескольких торпед, - произнес в микрофон командир "Мутсу", покраснев от собственной лжи, и прислушался к переговорам, которые велись по открытому каналу между кораблями.

- "Энтерпрайз", это "Файф", в воде торпеды, - громко прозвучал мужской голос.

- Торпеды - где?

- Это наши торпеды, - вмешался в разговор командир "Мутсу". - У нас в рубке вспыхнул пожар и произошло короткое замыкание. Торпеды могут быть с боевыми зарядами. - Он заметил, что "Стеннис" уже поворачивался кормой к торпедам, и сзади кипела вода от винтов, работающих теперь на полную мощность. Это не спасет авианосец, но японский офицер надеялся, что по крайней мере никто из американцев не погибнет.

- Что нам делать теперь, сэр? - растерянно спросила Смидерз.

- Прочитать молитву о спасении, пожалуй, - мрачно ответил Санчес. Это ведь противолодочные торпеды, верно? На них маленькие боеголовки. Они вряд ли нанесут серьезный ущерб такому огромному кораблю, как "Джонни Реб", правда? Глядя вниз, на палубу, капитан увидел спящих людей, часто с полотенцами в руках, которые спешили занять места по боевому расписанию.

- Сэр, мне нужно явиться в группу номер девять борьбы за живучесть на ангарной палубе.

- Нет, оставайтесь здесь, - распорядился Санчес. - А вы можете отправляться, - сказал он другому матросу.

"Джон Стеннис" круто накренился на левый борт. Начался резкий поворот вправо, и палуба вибрировала от возросшей мощности двигателей. В чем не откажешь атомным авианосцам, так это в избытке мощности силовых установок, но водоизмещение корабля превышало девяносто тысяч тонн, и требовалось время, чтобы разогнать его. "Энтерпрайз", меньше чем в двух милях отсюда, отреагировал медленнее, только сейчас начал поворот. Проклятье...

- Внимание, внимание! - донесся из громкоговорителей голос вахтенного офицера. - Выпустить "никси"!

Три противолодочные торпеды Мк-50, устремившиеся к "Стеннису", представляли собой небольшие, но умные орудия разрушения. Их целью было пробивать маленькие смертельные отверстия в корпусах субмарин. Действительно, они не могли причинить значительного вреда кораблю в

девятью тысячами тонн, зато были способны выбрать место, куда нанести удар. Они мчались вперед на расстоянии ста метров одна от другой, причем каждая наводилась на цель по тянущемуся позади тонкому изолированному проводу. Огромное преимущество в скорости этих торпед и небольшое расстояние до цели практически гарантировали попадание, а маневр, предпринятый американским авианосцем, всего лишь открыл перед торпедами самое уязвимое место, так как все они были нацелены на гребные винты гигантского корабля. Проплыв тысячу ярдов, система наведения первой торпеды перешла в активный режим. Передаваемое ей гидроакустическое изображение имело вид ярко-желтого силуэта на черном экране, установленном в боевой рубке "Мутсу". Офицер-торпедист направил первую торпеду прямо в цель, а две другие автоматически последовали за ней. Цель приближалась. Восемьсот метров, семьсот, шестьсот...

- Вы оба у меня в руках, - произнес офицер. Через мгновение картинка исказилась из-за попыток глушения, осуществляемого американскими "никси", имитирующими сверхвысокие частоты торпедных головок наведения. Новые противоторпедные приманки создавали мощное пульсирующее электромагнитное поле, предназначенное для того, чтобы увести под киль торпеды с дистанционными взрывателями, реагирующими на близость цели, разработанными русскими. Однако противолодочные торпеды Мк-50 представляли собой контактное оружие, и, направляя их в цель по проводам, офицер мог заставить их игнорировать акустические помехи. Это несправедливо, нарушает законы честной спортивной борьбы, но кто может утверждать, что война должна быть честной? - мысленно обратился он к управляющему устройству, которое промолчало.

На мгновение воцарилось странное разобщенное восприятие между зрением, слухом и ощущениями. Корабль едва заметно вздрогнул, когда за кормой взлетел к небу первый столб воды. Грохот взрыва был явно реальным, он раздался неожиданно, и Санчес, стоя в правом кормовом углу острова, едва не подпрыгнул. Сначала ему показалось, что все обошлось, что "рыба" взорвалась в кильватерной струе, отбрасываемой винтами "Джонни Реба". Но он ошибался.

Японская модификация противолодочной торпеды Мк-50 имеет небольшую боеголовку, в ней всего шестьдесят килограммов взрывчатого вещества, но этокумулятивный заряд, он концентрирует действие взрыва в одном направлении, и первая торпеда взорвалась, попав во втулку винта номер два со стороны левого борта. Взрывная волна мгновенно оторвала три из пяти лопастей гребного винта, вращающегося сейчас со скоростью сто тридцать оборотов в минуту, что резко нарушило балансировку. Сразу вступили в действие огромные физические силы, они разнесли крепление вала винта и ту часть ахтерштевня, которая удерживала его на месте. В следующее мгновение была затоплена кормовая часть коридора вала гребного винта, и вода хлынула внутрь корабля через его самую уязвимую часть. Однако то, что последовало дальше, внутри машинного отделения, оказалось намного хуже.

Подобно большинству крупных боевых кораблей, "Джон Стеннис" приводился в движение паросиловой установкой. В данном случае два атомных реактора вырабатывали энергию, которая превращала воду в пар. Этот радиоактивный пар направлялся в теплообменник и там превращал в пар прокачиваемую через него нерадиоактивную воду. Этот вторичный пар поступал из теплообменника на

турбину высокого давления и ударял по лопаткам турбины, заставляя ее вращаться подобно ветряной мельнице (по сути дела турбина мало чем от нее отличается); затем пар подавался в турбину низкого давления для использования еще сохранившейся энергии. Турбины вращались намного быстрее, чем требовалось для гребного винта, и, чтобы снизить число оборотов, между турбиной и валом гребного винта находилась система шестерней, понижающих передаточное число, что в принципе являлось корабельным вариантом автомобильной коробки передач. Эти точно обработанные шестерни бочкообразной формы представляют собой самый уязвимый элемент силовой установки корабля, и взрывная энергия боеголовки, распространяющаяся вдоль вала гребного винта, заклинила эти шестерни, потому что они не были рассчитаны на поглощение силы такого взрыва. Это быстро привело к полному разрушению всей силовой установки номер два. Матросы, находившиеся в машинном отделении, поотскакивали от грохота в стороны еще до того, как произошел взрыв второй боеголовки у третьего винта.

Этот взрыв поразил наружный край гребного винта, и от него одновременно пострадал винт номер четыре, у которого оторвало половину лопасти. Ущерб, нанесенный силовой установке номер три, ничем не отличался от того, что был нанесен силовой установке номер два. Четвертой установке повезло больше. При первых же признаках вибрации обслуживающие установки механики мгновенно перевели ее на реверс. Тарельчатые клапаны тут же открылись, пар ударил в лопатки турбины со стороны кормы, и вал гребного винта остановился еще до того, как разрушительная сила достигла редукционной коробки, именно в тот момент, когда третья торпеда завершила разрушение внешнего винта правого борта.

В следующее мгновение прозвучал колокол. Он подал команду остановить машину, и механики во всех четырех турбинных отделениях осуществили ту же процедуру, которую только что закончила команда силовой установки правого борта. Зазвенели колокола громкого боя, извещающие о нанесенном кораблю ущербе. Группы борьбы за живучесть устремились в нижние кормовые отсеки, чтобы поставить преграду воде, хлынувшей внутрь корабля. Авианосец начал постепенно замедлять ход, двигаясь извилистым зигзагом - пострадало и перо одного из рулей.

- Что случилось, черт побери? - спросил один механик у другого.

- Боже мой... - выдохнул Санчес. Ему казалось, что ущерб, нанесенный "Энтерпрайзу", находящемуся в двух милях, еще более значителен. Все еще тревожно гремели колокола громкого боя, и снизу, из-под мостика, доносились голоса, запрашивающие информацию, причем так громко, что потребность в телефонах была излишней. Все корабли соединения предприняли маневры уклонения. "Файф", один из эсминцев охраны со стороны кормы, развернулся и полным ходом уходил от места катастрофы. Его шкипер был явно перепуган вероятностью попадания других торпед. Санчес почему-то не сомневался, что больше торпед не будет. Он видел три взрыва у кормы "Джонни Реба" и три у "Энтерпрайза".

- Смидерз, следуйте за мной.

- Но, сэр, расписание боевой тревоги требует...

- Они справятся и без вас, да и вперёдсмотрящих больше не требуется.

Пока мы останемся на месте. Вам придется поговорить с капитаном.

- Господи, сэр! - Воскликание прозвучало как мольба избавить ее от этого испытания.

Командир авиакрыла повернулся к девушке.

- Сделайте глубокий вдох и выслушайте меня: вы оказались единственным человеком на всем этом проклятом корабле, сумевшим справиться со своими обязанностями за последние десять минут. Пошли, Смидерз.

- Валы гребных винтов номер два и три полностью разрушены, шкипер, - услышали они через минуту, когда поднялись на мостик.

Командир авианосца стоял посредине, глядя по сторонам, как человек, пострадавший от дорожной катастрофы. - Вал номер четыре тоже поврежден... вал номер один, похоже, пока уцелел.

- Хорошо, - пробормотал шкипер, затем прибавил, словно думая вслух: - Так что же, черт возьми...

- В нас попали три противолодочные торпеды, сэр, - доложил Санчес. - Матрос Смидерз заметила их пуск с японского эсминца.

- Это верно? - командир посмотрел на девушку-матроса. - Вот что, мисс, садитесь в это кресло. Когда я закончу с неотложными делами и буду уверен, что мой корабль останется на плаву, вы расскажете мне обо всем, что видели.

- Затем пришла очередь самого неприятного. Капитан авианосца ВМС США "Джон Стеннис" повернулся к офицеру связи и начал составлять донесение главнокомандующему Тихоокеанского флота. Донесению будет предшествовать гриф "Синий" - "Нэви блю".

- Рубка, докладывает гидроакустик, в воде торпеда, пеленг два-восемь-ноль, по звуку похожи на японскую 89-ю, - доложил Лаваль-младший без особого волнения. Субмарины нередко пускают торпеды в подводные лодки союзников.

- Полный вперед! - скомандовал капитан третьего ранга Кеннеди. Учения это или нет, к ним все-таки движется торпеда, а такое всегда вызывает у подводников неприятное ощущение. - Погружаемся на шестьсот футов.

- Шестьсот футов, слушаюсь, - отрепетовал боцман, стоящий у рулей глубины. - Горизонтальные рули опущены на десять градусов. - Рулевой толкнул штурвал от себя, "Эшвилл" начал погружение, проходя через слой термоклина.

- Расстояние до торпеды? - спросил капитан у группы слежения.

- Три тысячи ярдов.

- Мостик, докладывает гидроакустик. Утратили контакт с торпедой, когда прошли через слой. Слышу постоянные щелчки, она работает в режиме поиска, по моим оценкам, скорость торпеды сорок-сорок пять узлов.

- Выключить шумовое устройство, сэр? - спросил старпом. Кеннеди почувствовал искушение дать утвердительный ответ, чтобы проверить, насколько по-настоящему хороши японские торпеды. Как было ему известно, до сих пор еще ни одна американская подводная лодка не пыталась уклоняться от них. По-видимому, это был японский вариант американской торпеды Mk-48, ничем не уступающий ADCAP.

- Вот она, - послышался голос гидроакустика. - Только что появилась под слоем. Пеленг на торпеду прежний, два-восемь-ноль, сила сигнала

увеличивается.

- Право руля двадцать градусов, - скомандовал Кеннеди. - Приготовиться в отсеке пятидюймовок.

- Скорость превышает тридцать узлов, - доложил матрос о продолжающемся ускорении "Эшвилла".

- Руль положен на правый борт двадцать градусов, указаний о новом курсе не поступило.

- Хорошо, - произнес Кеннеди. - Отсек пятидюймовок, выпускайте приманку - пуск! Боцман, всплываем до двухсот футов!

- Слушаюсь, - отозвался боцман. - Поднять горизонтальные рули на десять градусов!

- Хотите максимально затруднить их торпедную атаку? - спросил старпом.

- Пусть стараются изо всех сил.

Из отсека, оборудованного устройством для запуска противоторпедных приманок, носившего название отсека пятидюймовок из-за диаметра пускового устройства, вылетела канистра и тут же начала пускать пузыри подобно таблетке "Алка-зельтцер", создавая новую, пусть неподвижную, акустическую цель для поискового гидролокатора торпеды. Резкий поворот субмарины создал в воде завихрение, что должно еще больше запутать японскую торпеду.

- Прошли слой термоклина, - доложил оператор у батитермографа.

- Глубина? - запросил Кеннеди.

- Один-девять-ноль, руль положен на правый борт двадцать градусов.

- Прямо руля, поддерживать глубину два-ноль-ноль.

- Есть прямо руля, глубина два-ноль-ноль.

- Машины вперед, треть мощности.

- Есть вперед, треть мощности. - Указатель на машинном телеграфе изменился, и субмарина замедлила ход, находясь теперь снова на глубине двести футов, над слоем термоклина, оставив позади прекрасную, хотя и обманчивую, цель.

- О'кей, - улыбнулся Кеннеди. - Теперь посмотрим, насколько умна эта "рыба".

- Рубка, докладывает гидроакустик. Торпеда только что прошла сквозь завихрение. - Голос прозвучал чуть нервно, подумал Кеннеди.

- Ну что? - спросил командир, войдя в гидропост. - Возникли трудности?

- Сэр, "рыба" прошла прямо через завихрение, словно не замечая его.

- Эта торпеда считается "умной". Ты полагаешь, что она не обращает внимания на приманки, как и торпеда ADCAP?

- Положительная доплеровская частота, - доложил второй акустик. - Скорость щелчков меняется... меняется частота, сэр. Она, по-видимому, замкнулась на нас.

- Через слой температурного скачка? Похоже, очень умная торпеда. - События развиваются что-то слишком уж быстро, подумал Кеннеди, как при настоящих боевых действиях. Неужели новая японская торпеда настолько хороша, что способна игнорировать как приманку, так и завихрение? - Мы ведем запись всего этого?

- Непременно, сэр. - Гидроакустик первого класса Лаваль протянул руку, указывая на записывающее устройство. Новая кассета регистрировала все

происходящее, а видеосистема записывала изображения на струйных дисплеях. - Вот усилился шум двигателя, она только что увеличила скорость. Смена угла... она замкнулась на нас, сэр, идет прямо к нам. Шум винтов заметно уменьшился. - Это означало, что шум двигателя торпеды блокируется ее корпусом и она мчится прямо к цели.

Кеннеди повернулся к группе слежения.

- Расстояние до "рыбы"?

- Меньше двух тысяч, сэр, приближается очень быстро, оцениваем ее скорость в шестьдесят узлов.

- Ей потребуются две минуты, чтобы догнать нас на такой скорости.

- Посмотрите, сэр. - Лаваль постучал пальцем по экрану струйного дисплея. На нем виднелся след торпеды и все еще остававшийся шум противоторпедной приманки, по-прежнему пускающей струю пузырей. Японская торпеда промчалась через центр помех, даже не замедлив хода.

- А это что? - спросил Лаваль, обращаясь к экрану. На нем появился громкий шум низкой частоты по пеленгу три-ноль-пять. - Похоже на взрыв, но очень далеко, сигнал поступил не по прямой, а через зону схождения. - Звук, прошедший по зоне схождения, означал, что расстояние до его источника значительное, больше тридцати миль.

Кеннеди почувствовал, как при этих словах кровь похолодела у него в жилах. Он просунул голову в боевую рубку.

- Где находятся "Шарлотт" и вторая японская подлодка?

- К северо-западу от нас, сэр, миль шестьдесят или семьдесят.

- Самый полный вперед! - Приказ вырвался у него автоматически. Кеннеди даже сам не знал, почему отдал его.

- Самый полный вперед, есть, сэр, - отозвался рулевой, передвигая ручку машинного телеграфа. Учения всегда так интересны, подумал он. Еще до того, как последовал ответ из машинного отделения, шкипер снова схватил трубку телефона:

- Отсек пятидюймовок, пускайте две, пуск!

Ультразвуковые импульсы, испускаемые системой наведения торпеды, не слышны для человеческого уха. Но Кеннеди знал, что по его субмарине хлещут энергетические импульсы, отражающиеся от пустоты внутри, потому что акустические волны останавливаются на границе между стальным бортом и воздухом, отражаясь обратно к их источнику.

Такого не может быть, иначе остальные тоже заметили бы это. Он оглянулся вокруг. Команда заняла места по боевому расписанию. Все водонепроницаемые двери были закрыты и задраены, как и полагается во время боевых действий. "Курушио" выпустил учебную торпеду, ничем не отличающуюся от настоящей, за исключением того, что боеголовка в ней заменена на отсек с приборами. Кроме того, учебные торпеды никогда не поражают цели и отворачивают от нее в последнее мгновение, потому что удар одного металлического предмета о другой может причинить повреждения и приходится тратить немало средств, чтобы исправить их.

- Она по-прежнему следует за нами, сэр.

Но ведь эта торпеда прошла прямо через завихрение...

- Аварийное погружение! - скомандовал Кеннеди, зная, что уже слишком

поздно.

Атомная субмарина ВМС США опустила форштевень под углом двадцать градусов и устремилась в глубину, опять перейдя рубеж тридцати узлов с новым ускорением. Отсек с пусковым устройством выпустил очередную приманку. Увеличившаяся скорость мешала работе гидроакустических датчиков, но на экране было отчетливо видно, что торпеда снова промчалась сквозь поток пузырьков, создающих ложную цель, и продолжила преследование.

- Расстояние меньше пятисот метров, - сообщил офицер группы слежения. Один из матросов, входящих в ее состав, обратил внимание на бледное лицо капитана и не смог понять причину. Ну что ж, никто не любит проигрывать, даже во время учений.

Кеннеди подумал о продолжении маневров, после того как "Эшвилл" снова нырнул под слой термоклина. Слишком поздно. Торпеда легко опережает его, и все предыдущие попытки сбить ее со следа потерпели неудачу. Он не знал, что еще предпринять, у него просто не было времени подумать об этом.

- Господи! - Лаваль снял наушники. Торпеда поравнялась с буксируемой пассивной антенной, и шум, издаваемый винтами, выходил далеко за пределы рамок дисплея. - Сейчас она отвернет в сторону...

Капитан стоял, бессильно глядя перед собой. Может быть, он сошел с ума? Неужели только одному ему кажется, что...

В последнее мгновение акустик первого класса Лаваль посмотрел в сторону кормы на своего командира и успел лишь воскликнуть:

- Сэр, она не отвернула!

21. Гриф - синий

Раннее утро позволило "ВВС-1" взлететь на несколько минут раньше, чем ожидалось. Еще до того, как VC-25B достиг крейсерской высоты, репортеры поднялись и направились вперед, рассчитывая получить у президента заявление, объясняющее столь неожиданный и ранний вылет. Сокращение срока государственного визита можно объяснить только паникой, правда? Тиш Браун вышла к журналистам и объяснила, что события на Уолл-стрите вынудили президента вернуться домой раньше намеченного срока, чтобы он смог объяснить американскому народу... и тому подобное. А пока, заключила она, лучше всего вернуться на свои места и как следует отоспаться. В конце концов предстоит четырнадцатичасовой перелет до Вашингтона, придется преодолевать встречные струйные течения, господствующие над Атлантикой в это время года, да и Роджеру Дарлингу тоже нужно выспаться. Такой маневр достиг своей цели по нескольким причинам, и не последней среди них было то обстоятельство, что журналисты, как и все остальные на борту самолета, страдали от недостатка сна и от излишков алкоголя, принятого накануне. Так что для всех, за исключением летного состава, общей надеждой было отоспаться. К тому же между журналистами и помещением, в котором отдыхал президент, стояли агенты Секретной службы и вооруженные сотрудники службы безопасности ВВС. Здравый смысл победил, и все вернулись к своим креслам. Скоро все успокоилось и почти каждый пассажир на борту самолета либо спал, либо делал вид, что спит. Те, кто не спали, завидовали спящим.

В соответствии с федеральными законами командиром авианосца "Джонни Реб" был летчик. Это правило уходило в далекое прошлое, к тридцатым годам, и его целью было не допустить, чтобы моряки с линейных кораблей захватили руководство этим новым и стремительно развивающимся видом Военно-морского флота. По этой причине у командира было больше опыта в управлении самолетами, чем кораблями, а поскольку ему никогда раньше не приходилось командовать кораблем, его знания бортовых систем ограничивались главным образом тем, что ему удалось узнать за период пребывания в этой должности, и не являлись результатом обучения и накопленного опыта. К счастью, его старший инженер проплавал всю жизнь на эсминцах и даже командовал одним из них. И все-таки командир авианосца знал, что вода должна находиться снаружи корпуса, а не внутри него.

- Насколько плохо обстоят дела, чиф?

- Дела обстоят действительно плохо, сэр. - Капитан третьего ранга показал на металлическую палубу, все еще покрытую примерно дюймом воды, которую помпы откачивали за борт. На это потребовалось три часа. - Гребные валы номер два и три полностью разрушены. Подшипники разбиты, концы валов изогнуты и расколоты, редукторы превратились в металлолом - никто не сможет отремонтировать их. С турбинами все в порядке - силу удара приняли на себя редукторы. Гребной вал номер один в порядке. Пострадали кормовые подшипники. С этим я справлюсь. Поврежден гребной винт номер четыре, нам неизвестно, до какой степени, но мы не можем повернуть его без риска повредить подшипники вала. Перо левого руля заклинило, однако в течение часа мне удастся, наверно, справиться с этим и повернуть его вдоль оси корабля. Может быть, придется заменить его, в зависимости от состояния. Итак, у нас действует один винт. Можем развить десять, может, быть, одиннадцать узлов, а также управлять, но плохо.

- Сколько времени уйдет на ремонт?

- Несколько месяцев - сейчас могу лишь предположить, что потребуется четыре или пять месяцев, сэр. - И все это время, понимал капитан третьего ранга, ему придется находиться в доке, следить за тем, как работают ремонтные бригады, по сути дела наполовину - может быть, даже на три четверти - воссоздавая силовую установку авианосца. Он еще не успел полностью оценить ущерб, нанесенный четвертой установке. В этот момент командир потерял самообладание. Пора бы уж, пожалуй, подумал старший инженер.

- Если бы я мог поднять в воздух самолеты, я потопил бы этих ублюдков!

- Однако летные операции при скорости, которую может развить авианосец на одном винте, представляли немалую опасность. К тому же это был всего лишь несчастный случай, шкипер просто поддался приступу гнева и не собирался предпринимать столь серьезные меры.

- В этом я с вами согласен, сэр, - заверил его старший инженер, тоже не воспринимая это заявление всерьез, потому что тут же добавил: - Может быть, они проявят благородство и примут на себя расходы по ремонту. Командир согласно кивнул.

- Мы можем отправиться в путь?

- У гребного вала номер один от взрыва нарушена центровка, но

действовать он может.

- Тогда готовьтесь отвечать на сигналы машинного телеграфа с мостика. Я веду эту дорогостоящую баржу обратно в Пирл-Харбор.

- Слушаюсь, сэр.

Адмирал Манкузо, вернувшись к себе в кабинет, просматривал предварительные данные по результатам учений, когда в дверях показался его писарь с текстом донесения.

- Сэр, похоже, что у двух авианосцев неприятности.

- Столкнулись, что ли? - спросил Джоунз.

- Хуже, - сказал писарь.

Командующий подводными силами Тихоокеанского флота прочитал донесение.

- Ну это прямо-таки потрясающе... - выдохнул он. Тут же зазвонил телефон. Это был защищенный от прослушивания "закрытый" канал связи с оперативным управлением флота.

- Адмирал Манкузо слушает.

- Сэр, докладывает лейтенант Коппс из центра связи флота. Мы засекли сигнал от спасательного буя подводной лодки, приблизительные координаты 31 северной и 175 восточной. Сейчас уточняем позицию. Кодовый номер принадлежит подводной лодке "Эшвилл", сэр. Это не передача голосом, всего лишь автоматический сигнал бедствия. Приступаю к операции поиска и спасения лодки. Ближайшие корабли ВМС - два авианосца, которые входят...

- Боже мой. - Американский военно-морской флот не терял подводных лодок с того дня, как погиб "Скорпион", а тогда Манкузо учился еще в средней школе. Он покачал головой. Нужно браться за дело. - Эти два авианосца, похоже, вышли из строя.

- Неужели? - Как ни странно, лейтенант Коппс еще не знал об этом.

- Вызывайте самолеты Р-3. Я берусь за работу.

- Слушаюсь, сэр.

Манкузо не требовалось смотреть на карты. В той части Тихого океана глубина достигала трех миль, и еще ни одна боевая подводная лодка не сумела выдержать погружение даже на треть такой глубины. Если произошла авария и кто-то из подводников уцелел, спасение должно прибыть к ним в течение нескольких часов. В противном случае они погибнут от холода на поверхности моря.

- Рон, только поступило донесение. По-видимому, "Эшвилл" пошел ко дну.

- Ко дну?! - Никто из подводников не хотел слышать этого слова, даже если его заменяло более мягкое выражение "потонул". - Но ведь на ней сын Френчи...

- И еще сто двадцать других матросов и офицеров.

- Я могу чем-нибудь помочь, шкипер?

- Отправляйся в центр линии раннего оповещения и начинай знакомиться с информацией.

- Слушаюсь, сэр. - Джоунз поспешил к двери, а командующий подводными силами Тихоокеанского флота поднял трубку и начал нажимать на кнопки телефона. Он уже понимал, что принимаемые меры не дадут никакого результата. На борту всех подводных лодок находятся аварийные буи с автоматическими

передатчиками AN/BST-3. Эти буи отделялись от подводных лодок и поднимались на поверхность, если лодки опускались ниже предельной глубины, которую способен выдержать прочный корпус, или если вахтенный боцман забывал завести механизм буя, действующий, как пружина будильника. Последнее, впрочем, было маловероятно - перед тем как срабатывали пироболты, BST начинал издавать ужасный шум, упрекая забывчивого старшину... "Эшвилл" почти несомненно погиб, и все-таки он, командующий, должен принять все меры, надеясь на чудо. Может быть, нескольким членам команды удалось спастись.

Несмотря на совет Манкузо, сигнал бедствия все-таки поступил на авианосную группу. Фрегат "Гэри" тут же развил предельную скорость и направился на север, к району обнаружения буя, следуя человеческим и морским законам. Через полтора часа с него можно будет поднять вертолет и начать поиск. Кроме того, в случае необходимости он сможет стать базой для других вертолетов при продолжении спасательных операций. "Джон Стеннис" медленно повернул навстречу ветру, и с него сумел взлететь один противолодочный самолет S-3 "викинг", бортовые приборы которого могут оказаться полезными при поисках на морской поверхности. Он прибыл к месту катастрофы меньше чем через час. На экране радиолокатора виднелся только тендер японской береговой охраны, находящийся сейчас в десяти милях от буя и плывущий к нему. С ним была установлена радиосвязь, и с белого тендера подтвердили, что они услышали сигнал бедствия и направляются к бую для поисков уцелевших подводников. "Викинг" описал над бую несколько кругов. На поверхности виднелось пятно мазута, отмечающее место гибели подводной лодки и какие-то плавающие обломки, однако за время полетов на малой высоте четыре пары глаз не сумели заметить ничего, подлежащего спасению.

Гриф "Синий" перед документом означает, что содержащаяся в донесении информация представляет интерес для всего флота и является конфиденциальной, а иногда и секретной. В данном случае сохранить в тайне столь значительное происшествие было невозможно. Два из четырех авианосцев Тихоокеанского флота на длительное время вышли из строя. Остальные два - "Эйзенхауэр" и "Линкольн" - находились в Индийском океане и там скорее всего и останутся. На кораблях трудно хранить секреты, и еще перед тем, как адмирал Дюбро получил донесение, по флагманскому авианосцу уже разнеслись слухи. Ни один боцман не умел так отчаянно ругаться, как командующий боевым соединением, у которого и без того было о чем беспокоиться. Такая же реакция последовала от старших офицеров, дежуривших в Пентагоне, когда офицеры связи прибыли к ним с аналогичными донесениями.

Подобно большинству оперативников, находящихся за границей в момент опасности, Кларк и Чавез не имели представления о происходящем. Если бы это им стало известно, они наверняка вылетели бы из Японии первым же рейсом, куда бы он ни направлялся. Шпионы не популярны ни в одной стране, а Женевский протокол всего лишь подтвердил существующее правило, что во время войны они подлежат немедленной казни сразу после ареста, чаще всего расстрелу.

В мирное время законы более цивилизованны, хотя конечный результат тот же самый. При вербовке своих агентов ЦРУ старалось избегать этой темы. В соответствии с международными традициями шпионажа все страны принимали меры, направленные на то, чтобы как-то обойти это неприятное обстоятельство, и как можно большему числу оперативников давали дипломатическое прикрытие, вместе с которым агенты получали статус неприкосновенности. Таких агентов называли "легалами", их защищали международные законы, словно они на самом деле являлись дипломатами, как это значилось в их паспортах. Кларк и Чавез были "нелегалами" и не обладали никаким иммунитетом - больше того, Джон Кларк никогда не работал под легальным прикрытием. Важность этого обстоятельства стала для них очевидной, как только они вышли из своего дешевого отеля и направились на встречу с Исами Кимурой.

Был приятный вечер, хотя обстановка оказалось далеко не дружеской - на них смотрели как на гайджин, причем на лицах прохожих больше не было ни любопытства, ни отвращения. Нет, теперь взгляды японцев выражали откровенную враждебность. Атмосфера за последние дни резко посуровела, хотя, как ни поразительно, все сразу менялось, когда они объясняли, что приехали из России. Динг даже задумался над тем, как улучшить их прикрытие, сделав это обстоятельство более очевидным для прохожих. К сожалению, обычная одежда не предоставляла им такой возможности, так что оставалось терпеть неприязненные взгляды и чувствовать себя, как богатые американцы, попавшие в район, кишаций преступниками.

Кимура ждал их в заранее согласованном месте - недорогом баре. Он уже успел выпить несколько стаканов.

- Добрый вечер, - дружелюбно произнес по-английски Кларк и тут же заметил неладное. - Что-то произошло?

- Не знаю, - ответил Кимура, когда на столе появились заказанные коктейли. Есть много способов произнести эту фразу. То, как произнес ее Кимура, означало, что ему что-то известно. - Сегодня проходит заседание совета министров. Его созвал Гото. Оно продолжается уже несколько часов. Мой приятель в департаменте войск самообороны не выходил из своего кабинета с вечера четверга.

- Ну и что?

- А вы разве не видели этого? Гото говорил в своем выступлении про Америку. - Сотрудник Министерства международной торговли и промышленности осушил стакан и поднял руку, заказывая другой. Как всегда, обслуживание было быстрым.

Они могли сказать, что присутствовали при первом выступлении Гото, но "Клерка" заинтересовала реакция Кимуры, и он спросил, как тот оценивает ситуацию.

- Не знаю, - повторил японец, хотя его лицо и глаза говорили о противоположном. - Видите ли, я никогда не видел ничего подобного. Его речь была - как это сказать - риторической. Мы в министерстве ждали указаний всю неделю. Нам нужно возобновить торговые переговоры с Америкой, урегулировать обстановку, как-то смягчи" разногласия, но у нас нет указаний. Наши представители в Вашингтоне не могут ничего предпринять. Гото проводит почти все время с руководителями сил самообороны и со своими приятелями из

дзайбацу - одно совещание следует за другим. Обычно все происходит иначе.

- Мой друг, - с улыбкой произнес Кларк, поставив после первого глотка стакан на стол, - ты говоришь так, словно назревает что-то серьезное.

- Вы не понимаете. Ничего не назревает. Если что-то и происходит, то наше министерство не имеет к этому никакого отношения.

- Следовательно?

- Министерство международной торговли и промышленности имеет свои интересы повсюду. Нашего министра пригласили наконец на совещание, но он оставляет нас в неведении. - Кимура замолчал. Неужели эти русские не понимают? - Как вы думаете, кто определяет внешнюю политику Японии? Эти болваны в Министерстве иностранных дел? Они обращаются за советами к нам. А кому интересно мнение Министерства сил самообороны? Мы, только мы определяем политику нашей страны. Мы работаем с дзайбацу, мы координируем их деятельность... мы представляем деловые интересы в наших отношениях с другими странами и их рынками, мы готовим материалы для выступлений премьер-министра, определяющих политику страны. Вот почему я стал работать в этом министерстве.

- А теперь ситуация изменилась? - спросил Кларк.

- Теперь? Гото сам встречается с ними и проводит остальное время, беседуя с людьми, мнение которых не имеет значения, и вот только сегодня он пригласил нашего министра - нет, вчера, - поправился Кимура. - И он все еще сидит у Гото на совещании.

Этот парень кажется слишком уж потрясенным из-за такой мелочи, как преуменьшение роли его департамента, какой-то бюрократической склоки, подумал Чавез. Кому-то удалось обойти Министерство международной торговли и промышленности. Ну и что?

- Выходит, вы расстроены из-за того, что капитаны промышленности встречаются непосредственно с вашим премьер-министром? - спросил он.

- Так часто и так долго. Да, расстроен. Обычно они действуют через нас, но Гото всегда был комнатной собачкой у Яматы. - Кимура пожал плечами. - Может быть, теперь они решили определять политику сами, но что они смогут сделать без нашей помощи?

Без моей помощи, ты хочешь сказать, с улыбкой подумал Кларк. Проклятые бюрократы. В ЦРУ их тоже полно.

Это не было продумано до конца, но такое редко случается. Большинство туристов, приезжающих на Сайпан, - японцы, но не все. Этот остров в Тихом океане представлял собой хорошее место для самых разных видов отдыха. Одним из них была рыбная ловля в открытом море, на большой глубине, и воды вокруг острова не были до такой степени переполнены рыбаками, как воды вокруг Флориды и в Калифорнийском заливе. Пит Барроуз загорел на солнце, устал и был очень доволен одиннадцатичасовым пребыванием в море. Это прямо-таки идеальное времяпрепровождение для человека, желающего избавиться от моральной травмы, связанной с последствиями развода, подумал инженер-компьютерщик, сидя в кресле, прикрепленном к палубе и отхлебывая из банки холодное пиво. Первые два часа были потрачены на то, чтобы уйти подальше от берега, затем еще три на попытки привлечь рыбу блесной, и еще

четыре на борьбу с самым большим красноперым тунцом, когда-либо попадавшим к нему на крючок. Проблема будет заключаться в том, чтобы убедить своих коллег по работе, что он действительно сумел поймать эту рыбу, что он говорит правду. Чудовище было настолько огромно, что его чучело никак не укрепишь над камином, да и к тому же бывшая жена инженера получила при разводе дом и камин вместе с ним. Ему придется удовлетвориться фотографией, а все знают рассказы о рыболовецких чудесах. Технология голубого экрана добралась и до рыбаков, черт возьми. Заплатив двадцать баксов, вы можете выбрать самую громадную рыбку, которая будет висеть позади вас на своем электронном хвосте, и получить фотографию вместе с ней. Вот если бы он поймал акулу, можно было бы забрать домой челюсти и зубы, но тунец, каким бы огромным он ни был, - это всего лишь рыба. Ну что ж, его бывшая жена тоже не верила рассказам о вечерах, проведенных на работе. Стерва. Впрочем, хорошее приходит вместе с плохим. Ей не нравилась рыбная ловля, зато теперь он мог ловить рыбу, сколько душе угодно. Может быть, даже займется и ловлей девушки. Инженер открыл новую банку пива. Для уик-энда порт не казался таким уж оживленным. Впрочем, в коммерческой части стояли три огромных сухогруза, весьма безобразные внешне, подумал он, хотя с ходу не определил их назначение. Компания, где он работал, находилась в Калифорнии, правда, не на берегу океана, так что инженер ловил рыбу главным образом в пресной воде. Он мечтал о поездке сюда всю жизнь. Может быть, завтра он подумает о чем-то другом. А пока инженер сидел и смотрел на пойманного им тунца. Пожалуй, не меньше семисот фунтов. Далеко не рекордный улов, но все-таки куда больше, чем самый большой лосось, которого ему удалось поймать в прошлом году на свой любимый спиннинг с катушкой Теда Уилльямса. В воздухе снова послышался рев, который отвлек его внимание от созерцания добычи. Тень над головой объявила о появлении еще одного проклятого "747"-го, взлетающего из аэропорта. Да, скоро и это место будет испорчено для отдыха. Впрочем, нет, уже испорчено. Единственной хорошей новостью было то, что японцы прилетали сюда, чтобы развлечься и провести ночь с девушками-филиппинками, работающими в барах, и не проявляли интереса к рыбной ловле.

Шкипер яхты умело вел ее к гавани. Его звали Ореза, отставной главный старшина, служивший раньше на судах американской береговой охраны. Барроуз встал с кресла, поднялся на мостик и сел рядом с ним. - Устали любоваться своей рыбой?

- Да и пить пиво в одиночку не слишком большое удовольствие.
- Не пью, пока стою у штурвала, - покачал головой Ореза.
- Привычка, сохранившаяся со времени службы? Шкипер кивнул.
- Пожалуй. Впрочем, с удовольствием выпью вместе с вами в клубном баре.

Вы неплохо справились с рыбой. Значит, это ваша первая?

- В открытом море - да, - с гордостью заявил Барроуз.
- Вы умело обращаетесь с удочкой, едва не обманули меня, мистер

Барроуз.

- Пит, - поправил его инженер.
- Хорошо, Пит, - согласился шкипер. - Зовите меня Португальцем.
- Ты ведь не местный, верно?
- Вообще-то родился и вырос в Бедфорде, штат Массачусетс. Зимой там

слишком холодно. Когда-то служил там, давным-давно. В Пунта-Аренас находилась станция береговой охраны, теперь ее закрыли. Нам с женой понравился местный климат, понравились люди, да и конкуренция в Америке для чартерных рыбацких судов слишком уж напряженная, - объяснил Ореза. - К тому же дети выросли. Вот так мы и оказались здесь.

- Ничего не скажешь, умеешь ты обращаться с яхтой, Португалец. Среза кивнул.

- Пора бы уж. Плавал тридцать пять лет, даже больше, если принять во внимание годы, проведенные в море с отцом. - Он сделал левый поворот, огибая остров Манагаха. - Да и рыбная ловля в районе Бедфорда оскудела.

- А что это? - спросил Барроуз, указывая в сторону коммерческого порта.

- Сухогрузы, - перевозящие автомобили. Когда я заходил в гавань сегодня утром, с них сгружали джипы. - Шкипер покачал головой. - Проклятые машины. Знаешь, Пит, когда я впервые приехал сюда, обстановка походила на Кейп-Код зимой - как здесь все было тихо. А теперь она похожа на Кейп-Код летом. Остров прямо-таки переполнен. - Португалец пожал плечами. Такое количество туристов, заполнивших остров, портит его природную красоту, зато появляется много желающих заняться рыбной ловлей в море.

- А жить здесь дорого?

- Становится все дороже, - посетовал Ореза. В воздух поднялся еще один "Боинг-747". - Странно...

- Что тебе кажется странным, Португалец?

- Этот самолет взлетел не из аэропорта.

- Что ты имеешь в виду?

- Он взлетел из Коблера. Это старый аэродром Стратегического командования ВВС. Там базировались БУТы.

- БУТы?

- Большие уродливые толстяки, - объяснил Португалец. - Бомбардировщики Б-52. В этом районе пять или шесть взлетно-посадочных дорожек, аэродромы рассредоточения, воспоминание о плохих старых днях. Коблер расположен рядом с моей прежней станцией "Лоран" Глобальной навигационной спутниковой системы. Меня удивляет, что ее по-прежнему содержат в порядке. Впрочем, я даже и не знал об этом.

- Не понимаю, о чем ты говоришь.

- Раньше на Гуаме находилась база дальней стратегической авиации.

Понимаешь, ядерные бомбы, готовность к ответному удару и все такое. В случае начала войны бомбардировщики должны рассредоточиться с базы ВВС Андерсен, чтобы их нельзя было уничтожить одним ударом. На Сайпане две длинные взлетно-посадочные полосы - в аэропорту и в Коблере, еще две на

Тиниане, они остались после второй мировой войны, и две на Гуаме.

- Ими все еще можно пользоваться?

- Почему нет? - Ореза повернул голову. - Здесь не бывает заморозков, так что покрытие сохраняется очень долго.

Еще один "747"-й взлетел из международного аэропорта Сайпана, а с восточной стороны острова заходил на посадку новый авиалайнер.

- Что, здесь всегда столько самолетов?

- Нет, вижу такое впервые. Должно быть, проклятые отели зарезервированы

полностью. - Ореза пожал плечами. - Ну что ж, значит, рестораны отелей непременно купят у тебя эту рыбину.

- Как ты думаешь, сколько мне заплатят?

- Достаточно, чтобы расплатиться за аренду яхты, Пит. Сегодня у тебя редкий улов. Чтобы окупить выход в море, надо и завтра оказаться столь же удачливым.

- Ты только найди место, где нас поджидает такой вот большой дядя, и мне наплевать, сколько будет стоить аренда.

- Люблю, когда мне говорят такое. - Ореза сбавил обороты, входя в гавань. Он направил яхту к главному причалу. Им понадобятся тали, чтобы поднять рыбу с палубы и положить на пирс. Этот тунец был третьим по размерам экземпляром, доставленным им в порт, да и как пассажир этот Барроуз совсем неплох.

- , Значит, этим ты зарабатываешь на жизнь? Португалец кивнул.

- Вместе с пенсией нам хватает. Больше тридцати лет я плавал на кораблях дяди Сэма, а теперь плаваю на собственном. К тому же сумел полностью расплатиться за яхту, она принадлежит мне.

Барроуз снова посмотрел на сухогрузы в коммерческой гавани и взял бинокль шкипера.

- Не возражаешь?

- Нет, только накинь ремешок на шею. - Поразительно, но многие считают, что ремешок у бинокля нечто вроде украшения.

- Конечно. - Барроуз накинул ремешок, отрегулировал четкость изображения и посмотрел на "Оркид Эйс". - Какое безобразное судно...

- Красота для них не главное. Им нужно перевозить автомобили. - Ореза начал заключительный поворот.

- На нем не автомобили, а какие-то машины. Для строительных работ, что ли. Вроде бульдозеров... ^

- Вот как? - Ореза позвал своего помощника, местного парня, и послал его на палубу, чтобы подать на пирс швартовы. Хороший парень, пятнадцать лет, может, когда-нибудь захочет поступить в училище береговой охраны и научиться профессии моряка по-настоящему. Ореза уже говорил с ним об этом.

- У армии США нет здесь своей базы?

- Нет. На Гуаме остался еще персонал ВВС и Военно-морского флота, но и там их мало. - Все. Ореза убрал газ, и "Спрингер" мягко коснулся причала. Как всегда, он испытывал удовольствие от хорошо выполненной работы. Матрос на пирсе принялся крутить ручку подъемного устройства, заводя тали на корму яхты. Увидев огромную рыбину, он одобрительно поднял вверх большой палец. Ореза убедился, что швартовы закреплены надежно, опустил в кресло, выключил двигатели и подумал о том, как хорошо сейчас выпить холодного пива.

- Ну-ка, посмотри. - Барроуз передал ему бинокль. Португалец повернулся в кресле, привычно отрегулировал фокусировку, поднес бинокль к глазам и посмотрел на корабль, стоящий у причала коммерческого порта. Он был хорошо знаком с такими судами, неоднократно проверял на них состояние спасательных средств, когда служил на посту береговой охраны. Ему даже довелось однажды осматривать именно этот корабль, один из первых построенных для перевозки грузовиков, легковых автомобилей и других машин. Над палубами нависли

длинные тени...

- Ты знаешь, что это такое?

- Нет. - Это было какое-то гусеничное транспортное средство. Машина находилась в тени, потому что солнце спустилось низко к горизонту, но окрашена она была определенно в темный цвет, а в задней ее части виднелось что-то вроде большой коробки. И тут он внезапно понял. Какая-то установка для запуска реактивных снарядов. Ореза вспомнил, что видел похожие, когда по телевидению вели репортажи о войне в Персидском заливе, незадолго до его ухода в отставку. Он встал, чтобы рассмотреть получше. На берегу стояли еще две...

- А-а, я понял, это какие-то учения, - произнес Барроуз, спускаясь по трапу на палубу. - Видишь, вон там летит самолет. Мой брат летал на таком, перед тем как перешел в "Америкэн эйрлайнз". Это F-15 "игл", истребитель ВВС.

Ореза поднял бинокль к небу и увидел летящий самолет. А

вот и второй, они летят рядом, как и полагается истребителям F-15, барражируя над центральной частью острова и демонстрируя готовность военно-воздушных сил встать на защиту родной земли, только... Эмблемы на крыльях представляли собой красный кружок.

И снова Джоунз предпочел смотреть на бумажные распечатки вместо электронного дисплея. Последний был удобнее в реальной жизни, но при ускоренном воспроизведении глаза быстро уставали, а для предстоящей ему работы требовались внимание и тщательность. От его заключения могут зависеть жизни людей; напомнил себе Джоунз, зная, что это ложь. Вместе с ним листы просматривали два опытных техника-океанографа. Они начали работу с полуночных записей и продвигались вперед, не спеша, внимательно изучая зарегистрированные кривые. Район учений для подводных лодок располагался недалеко от атолла Куре и был выбран потому, что в непосредственной близости от него находилась серия гидрофонов, составляющих часть Тихоокеанской системы раннего обнаружения. Ближайшая группа гидрофонов замыкалась на донную усилительную станцию размером с гараж или небольшой дом, установленную совсем недавно. Она представляла собой часть более крупной системы и соединялась подводным кабелем с другой донной станцией, расположенной в пятидесяти морских милях от нее, однако эта вторая станция была установлена уже давно и уступала первой как своими размерами, так и чувствительностью. Далее кабель вел сначала к Куре, затем к Мидуэю, откуда полученная информация передавалась по спутниковой связи, дублирующей подводный кабель, который соединял станции с Пирл-Харбором. Дно Тихого океана буквально пересекали такие кабели, причем во множестве. На протяжении ряда лет за период холодной войны Военно-морской флот США прокладывал почти столько же подводных кабелей, как и компания "Белл телефон", иногда арендуя у нее морские суда-кабелепрокладчики.

- Вот это идет "Курушио" под шноркелем, - заметил Джоунз, обводя черные точки красным карандашом.

- Каким образом, черт побери, вам удастся преодолеть глушение "Маскера"? - удивленно спросил один из техников.

- Говоря по правде, эта система действительно неплохая, но ты когда-нибудь прислушивался к ней?

- Я не был в море уже десять лет, - признался старший техник.

- Когда я плавал на "Далласе", мы недалеко от Багам целую неделю занимались играми с "Мусбраггером".

- У "Муса" превосходная репутация.

- И она вполне заслуженная, поверь мне. Мы не могли найти его, он не мог найти нас, короче говоря, все шло к чертовой матери с присвистом, - продолжал Джоунз, говоря теперь не как гражданский подрядчик с научной степенью доктора, а как отличный гидроакустик, гордящийся своей работой, которым он когда-то был и, неожиданно понял он, все еще оставался. - У них был вертолетчик, все время загонявший нас в угол. Короче говоря, - он перелистнул страницу, - я сумел наконец найти выход. Звуки "Маскера" напоминают в наушниках шум дождя, падающего на морскую поверхность, что-то вроде весеннего ливня. Шум не такой уж сильный, зато частоты уникальные и легко различимые. И тут я понял, что нам всего лишь нужно выяснить, какая погода на поверхности, вот и все. Если там голубое небо, а ты слышишь звуки падающих дождевых капель на пеленге ноль-два-ноль, это и есть твой контакт. Вчера к северо-западу от Куре была ясная погода. Перед тем как прийти сюда, я проверил в метеослужбе флота.

- Здорово! Я это запомню, сэр, - кивнул техник-океанограф, и на его лице появилась восхищенная улыбка.

- О'кей, вот здесь у нас в полночь находился японец. А теперь посмотрим, что еще нам удастся выяснить. - Он перевернул лист. При иных обстоятельствах Джоунз рассматривал бы это как одну из любимых игр своего младшего сына. - Вот это, должно быть, "Эшвилл", начинающий, наверно, набирать скорость, чтобы еще раз повторить упражнение. У него скоростной гребной винт, правда?

- Не знаю.

- А вот я знаю. Не думаю, что нам удалось бы засечь его так отчетливо, будь у него гребной винт для несения патрульной службы. Давайте нанесем все это на планшет.

- У нас уже есть электронный планшет, мы ведем прокладку, - отозвался второй техник. Теперь этот процесс велся главным образом с помощью компьютера. Когда-то слежение казалось настоящей черной магией.

- Позиция? - Джоунз поднял голову и посмотрел на планшет.

- Примерно вот здесь, почти рядом с аварийным бумом. Видите ли, сэр, - терпеливо объяснил техник, передвигая черный пластмассовый треугольник, отмечающий на карте, прикрепленной к стене, место предполагаемой гибели подводной лодки, -

нам известны ее координаты, и когда начнутся спасательные работы...

- Спасательных работ не будет, - прервал его Джоунз, посмотрел по сторонам и попросил сигарету у проходящего мимо техника. Вот, наконец-то я заставил себя произнести это вслух, подумал он.

- Здесь нельзя курить, - сказал один из старшин. - Нам приказано выходить из помещения...

- Дайте спички и продолжим работу, - приказал Джоунз. Он перевернул

страницу, проверяя кривую частоты в шестьдесят герц. - Здесь нет ничего... и здесь тоже. Дизельные подводные лодки плавают под водой почти бесшумно... но, если они не шумят, значит, не поднимаются на шноркельную глубину, а в этом случае не смогут проплыть далеко... "Эшвилл" сделал ускорение вот в эту сторону, и здесь, видно, японская подлодка появилась снова... - Новая страница.

- Почему не будет спасательных работ, сэр? - Потребовалось целых тридцать секунд, чтобы техник осмелился задать этот вопрос.

- Какова глубина в месте обнаружения аварийного бую?

- Я понимаю, но спасательные камеры... я сам видел, на лодке их три.

Джоунз даже не поднял головы, делая первую за несколько лет затяжку. - Да, мы называли их на "Далласе" "мамиными камерами". "Видишь ли, мама, даже если что-нибудь случится, мы всегда сможем спастись". Дело в том, чиф, что из подводных лодок не спасаются. На практике это невозможно. Лодка погибла, и вместе с ней весь экипаж. Остается лишь выяснить, что с ней случилось.

- Но ведь мы уже слышали треск раздавленного корпуса.

- Да, я знаю. Мне также известно, что два наших авианосца неожиданно вышли сегодня из строя. - Эти звуки тоже были зарегистрированы гидрофонами линии раннего обнаружения и виднелись на распечатке.

- Что вы хотите этим сказать, сэр?

- Ничего. - Новая страница. В ее нижней части виднелась большая жирная точка, отмечающая гибель "Эшвилла". - А здесь что такое, черт побери?

- Мы считаем, что это случайное дублирование, сэр. Пеленг и шумы почти такие же, как и при гибели "Эшвилла", вот мы и решили, что компьютер...

- Но ведь время резко отличается, черт возьми, на целых четыре минуты.

- Джоунз перелистнул три страницы обратно. - Смотрите, это что-то совсем иное.

- "Шарлотт"?

По спине Джоунза внезапно прокатились капли холодного пота. У него кружилась голова от сигаретного дыма, и он вспомнил, почему бросил курить. Точно такой же характерный сигнал на бумаге - дизельная субмарина, идущая на шноркельной глубине, и затем ускорение подводной лодки типа 688. Звуки оказались совсем рядом и были идентичны шумам "Эшвилла" и японской подводной лодки. Совпадение пеленга, зарегистрированное донными гидрофонами, чуть ли не заставляло думать...

- Немедленно свяжитесь с адмиралом Манкузо и узнайте, установлена ли связь с "Шарлотт".

- Но, сэр...

- Выполняйте, старшина!

Доктор Рон Джоунз встал и огляделся. Все как раньше - почти все. Те же самые люди, они занимаются прежней работой, исполняют ее с такой же уверенностью... но что-то изменилось. Что? На стене висела огромная карта Тихого океана. Когда-то на ней повсюду виднелись красные силуэты субмарин, обозначающих тип советских подводных лодок - ракетноносцев, ударных субмарин, часто рядом находились черные силуэты, означающие, что гидрофоны Тихоокеанской линии раннего обнаружения следили за подводными кораблями "противника" и наводили на них ударные лодки американского флота и

противолодочные самолеты Р-3С "Орион", время от времени русских тревожили, давая понять, кому принадлежат глубины мирового океана. Сейчас на карте красовались силуэты китов, причем некоторые из них имели имена, как у русских подводных лодок, это были такие имена, как Моби и Мейбл, обозначающие знакомую китовую семью. Теперь врага в океане больше не было, и вместе с ним исчезло чувство опасности и постоянного напряжения. Больше никто не думает так, как когда-то думал он, направляясь со своим "Далласом" "на север" для преследования людей, которых им, возможно, когда-нибудь придется убивать. Джоунз никогда не предполагал, что такое действительно случится, однако вероятность все-таки существовала, и он не позволял себе ни на минуту забыть об этом. А вот теперь кое-кто забыл. Он понимал это, прислушиваясь к телефонному разговору старшины с командующим подводными силами Тихоокеанского флота.

Джоунз пересек помещение и взял трубку из рук старшины.

- Барт, это Рон. Вам удалось установить связь с "Шарлотт"?

- Все время вызываем их.

- Я не думаю, что вам это удастся, шкипер, - голос Джоунза звучал, как звон погребального колокола.

- Что ты хочешь этим сказать? - В вопросе прозвучала тревога. Адмирал и его бывший подчиненный давно научились понимать друг друга с полуслова.

- Барт, спуститесь к нам. Я совсем не шучу, капитан.

- Через десять минут, - произнес Манкузо и положил трубку. Джоунз бросил окурки сигареты в металлическую мусорную корзину и снова вернулся к страницам распечаток. Для него теперь это было непросто, но он заставил себя перелистнуть страницы к тому месту, где остановился. Распечатки были помечены карандашом, и услышанные шумы отмечались в диапазонах дискретных частот - низкие частоты располагались на левой стороне страницы, а высокие - на правой. Расположение точек внутри колонок частот означало пеленги на источник шума. Ряды точек извивались и походили на воздушные фотографии песчаных дюн в какой-то безжизненной пустыне, но если ты знал, что нужно искать, каждая паутинка следов и каждый поворот имели смысл. Джоунз замедлил свой анализ, изучая сигналы, регистрирующие каждую минуту, водя взглядом слева направо, делая пометки и записи. Техники, помогавшие ему раньше, теперь только наблюдали за его работой, понимая, что этим занимается специалист высочайшего класса, что он замечает вещи, которые им следовало бы заметить, но которые они упускали. Теперь им было ясно, почему человек, который был младше их по возрасту, называет адмирала по имени.

- Внимание, - послышался голос. - Господа, командующий подводными силами Тихоокеанского флота. - В помещение вошел Манкузо. Его сопровождали начальник оперативного управления капитан первого ранга Чеймберз и адъютант, старающийся держаться в стороне. Адмирал посмотрел в лицо Джоунза.

- Удалось установить связь с "Шарлотт"?

- Нет.

- Вот посмотрите сюда.

- Что ты хочешь сказать мне, Джоунзи? Джоунз указал красным карандашом на нижнюю часть страницы.

- Вот треск корпуса лодки, раздавленного водой. Манкузо кивнул

вздохнув.

- Я знаю, Рон.

- А теперь посмотрите на это. Лодка маневрирует на предельной скорости.

- Когда что-то происходит, даешь самый полный ход и пытаешься подняться на поверхность, - заметил капитан Чеймберз, еще не понимая или, подумал Джоунз, отказываясь понимать. Что ж, работать с мистером Чеймберзом всегда было приятно.

- Но ведь лодка не устремилась к поверхности на полном ходу, мистер Чеймберз. Вот изменения ракурса - здесь и здесь, - показал Джоунз, передвигая карандаш вверх по странице, и тем самым возвращаясь обратно во времени, помечая, где менялась ширина следов и пеленги. - Она шла на предельных оборотах и одновременно меняла курс. Вот это, по-видимому, звуки выпущенной противоторпедной приманки. А вот это, - он показал на самый край распечатки, - торпеда. Она мчится почти бесшумно, но посмотрите на то, как меняется пеленг. "Рыба" тоже поворачивает и преследует "Эшвилл", оставляя вот эти следы до самой временной отметки вот здесь. - Рон обвел кружками оба следа, и, хотя на бумаге они находились на расстоянии в четырнадцать дюймов, все плавные изгибы и повороты были практически одинаковыми. Карандаш снова поднялся вверх, затем переместился к колонке других частот. - До момента пуска торпеды. Прямо на этом месте.

- Проклятье, - тихо выдохнул Чеймберз.

Манкузо склонился над листами распечатки, рядом с Джоунзом, и видел теперь все сам.

- А что вот это?

- Это, по-видимому, "Шарлотт", тоже маневрирующая, хотя и в течение короткого времени. Смотрите, вот и вот, обратите внимание, мне это кажется изменениями ракурсов. Паразитных шумов не видно, наверно, торпеда пущена с большого расстояния, по этой же причине у нас нет следов самой "рыбы". - Джоунз передвинул конец карандаша обратно на след "Эшвилла". - Вот здесь японская дизельная подлодка выпустила в него торпеду. А вот здесь видно, как "Эшвилл" пытается уйти от нее, но безуспешно. Здесь след первого взрыва - это взорвалась боеголовка торпеды. , Вот стихают шумы из машинного отделения - торпеда попала в , корму. Вот рушатся внутренние водонепроницаемые переборки, не выдержавшие давления воды. Сэр, "Эшвилл" был потоплен торпедой скорее всего типа 89, примерно в то же самое время, когда произошло несчастье с двумя нашими авианосцами.

- Это невозможно, - тихо произнес Чеймберз. Когда Джоунз повернул голову, его глаза были бесстрастными и непроницаемыми, словно пуговики на лице куклы.

- Тогда, сэр, объясните мне, что означают эти следы. - Кто-то должен подтолкнуть Чеймберза и вернуть его в реальный мир, подумал он.

- Боже мой, Рон!

- Успокойся, Уолли, - спокойно заметил командующий подводными силами, глядя на точки, разбегающиеся по странице, и пытаясь найти другое объяснение. Он хотел убедиться лично, хотя и знал, что другого объяснения не существует.

- Вы напрасно тратите время, шкипер. - Джоунз постучал пальцем по следу

фрегата "Гэри". - Нужно, чтобы кто-то срочно передал на фрегат, что они плывут навстречу опасности, а не для проведения спасательных операций. В этом районе скрываются две подводные лодки с боевыми торпедами на борту, и они уже дважды воспользовались ими. - Джоунз подошел к карте, нашел красный фломастер и провел два больших круга, каждый диаметром миль в тридцать. - Примерно вот здесь. Мы сможем обнаружить их, когда они всплывут на шноркельную глубину. Между прочим, что это за контакт на поверхности?

- Судя по сообщениям, один из японских тендеров береговой охраны направляется к аварийному бую для проведения спасательных работ, - ответил адмирал.

- Неплохо было бы подумать о том, чтобы потопить его, - посоветовал Джоунз, обводя красным фломастером и это место. Он только что сделал заключительный шаг, бесстрастно предложив уничтожить корабль, превратившийся из союзнического во вражеский. Тендер стал теперь просто целью.

- Нам придется встретиться с главнокомандующим Тихоокеанским флотом, - произнес Манкузо. Джоунз кивнул.

- Да, сэр, думаю, придется.

22. Глобальное измерение

Взрыв бомбы оказался впечатляющим. Он произошел у входа в новый роскошный отель "Тринкомали трейдуиндс", построенный главным образом на индийские деньги. Мало кто из тех, кто находились на расстоянии ближе полуквартала, сумеют теперь вспомнить белый грузовичок, небольшой, но достаточный, чтобы вместить полтонны АМФО - взрывчатой смеси из аммиачной селитры, используемой в качестве удобрения, и дизельного топлива. Эту смесь легко изготовить в ванне или корыте для стирки белья, и в данном случае мощность взрыва была достаточно велика, чтобы снести фасад десятиэтажного отеля, убить двадцать семь человек и причинить увечья еще сотне. Едва стих грохот взрыва, как в местном отделении агентства Рейтер раздался телефонный звонок.

- Наступил заключительный этап освободительной борьбы, - слышался голос, читающий, по-видимому, заранее подготовленное заявление, как это часто делают террористы. - "Тамильские тигры" должны получить свое независимое государство, иначе в Шри-Ланке никогда не будет мира. Это только начало заключительного этапа нашей борьбы. Мы будем взрывать по одной такой бомбе каждый день, пока не достигнем своей цели. - Слышался щелчок повешенной трубки.

Более сотни лет Рейтер было одним из самых оперативных телеграфных агентств, и его отделение в Коломбо не составляло исключения, даже во время уик-энда. Через десять минут сообщение о взрыве и предъявленном ультиматуме уже передавалось - теперь по системе космической связи - в штаб-квартиру агентства в Лондоне, откуда его немедленно разослали по глобальной сети средств массовой информации с пометкой "молния".

Многие государственные департаменты США непрерывно прослушивают сообщения новостей. Это американские спецслужбы, ФБР, Секретная служба и Пентагон. То же самое относится и к центру связи Белого дома, так что уже

через двадцать пять минут после взрыва сержант ВВС разбудила Джека Райана, положив ему руку на плечо. Глаза советника по национальной безопасности открылись, и он увидел палец, указывающий вверх.

- Поступило срочное сообщение, сэр, - шепнула сержант. Райан кивнул, с трудом отгоняя сон, расстегнул пристегнутой ремень и еще раз поблагодарил судьбу за то, что удержался от спиртного в Москве. В полумраке салона он заметил, что все остальные пассажиры спят. Чтобы не разбудить жену, ему пришлось перешагнуть через столик. Райан споткнулся и едва не упал, но сержант подхватила его под руку.

- Спасибо, мэм.

- Не стоит, сэр.

Райан последовал за ней к спиральному трапу, ведущему в верхний салон, где размещался центр связи президентского авиалайнера.

- Так в чем дело? - спросил Райан и едва удержался от того, чтобы поинтересоваться, сколько сейчас времени, потому что за этим вопросом тут же последовали бы встречные: вас интересует время в Вашингтоне, в той часовой зоне, где самолет находится в данный момент, или там, откуда поступило срочное сообщение. Еще один признак прогресса, подумал он, направляясь к термографическому принтеру: приходится думать о том, что значит "сейчас".

Дежурным офицером связи была лейтенант ВВС - темнокожая, стройная и привлекательная.

- Доброе утро, доктор Райан. Департамент национальной безопасности передал для вас вот это. - Она вручила ему лист скользкой бумаги, всегда вызывающей у него неприятное чувство. Впрочем, термопринтеры работали бесшумно, а этот центр связи, подобно всем остальным, был достаточно шумным. Джек прочитал информацию агентства Рейтер, столь свежую, что она еще не подверглась аналитическому изучению ни в ЦРУ, ни в других ведомствах.

- Да, мы ждали, когда произойдет что-нибудь вроде этого. Мне нужен телефон со скремблером.

- Кроме того, только что поступила и другая информация, - Лейтенант передала Райану еще несколько листов. - Похоже, что для ВМС выпал день, полный неприятностей.

- Вот как? - Джек опустился в глубокое кресло, и включил лампу, - Проклятье! - Райан поднял голову. - Распорядитесь, чтобы мне принесли кофе, лейтенант.

Сержант тут же отправилась за чашкой кофе.

- С кем хотите поговорить сначала?

- Соедините меня со старшим дежурным офицером в управлении планирования боевых операций ВМС. - Советник по национальной безопасности посмотрел на часы, прикинул и пришел к выводу, что ему удалось проспять в общей сложности пять часов. Маловероятно, что еще удастся вздремнуть между вот этим местом - где бы они ни находились - и Вашингтоном.

- Третий канал, доктор Райан. С вами будет говорить адмирал Джексон.

- Это "Фехтовальщик", - произнес Райан, пользуясь кодовым именем, присвоенным ему Секретной службой. Они едва не назвали его "Стрелком" - сомнительный знак уважения к подвигам молодости, но Райан решительно отказался.

- Это "Коммутатор". Наслаждаешься полетом, Джек? - Райана всегда изумляло высокое качество связи на цифровых каналах, защищенных от прослушивания. Он узнал не только голос друга, но и прозвучавший в нем юмор. В то же время нельзя было не заметить, что хорошее настроение Джексона кажется натянутым.

- У BBC отличные летчики. Может быть, тебе следовало бы поучиться у них. Итак, что случилось? Ты почему оказался в управлении?

- На Тихоокеанском флоте несколько часов назад произошел небольшой инцидент.

- Знаю. Сначала о Шри-Ланке, - распорядился Райан.

- Нам мало что известно помимо информации агентства Рейтер. Получили несколько фотографий, а примерно через полчаса нам передадут видеозапись. Консульство в Тринкомали ведет сейчас передачу. Они подтверждают информацию телеграфного агентства. Насколько им известно, пострадал один американец, всего один и к тому же не очень серьезно, но он просит, чтобы его немедленно эвакуировали домой. Майка загнали в угол. Сразу после захода солнца он попытается выбраться на оперативный простор. По нашему мнению, индийцы начинают действовать. Их десантные корабли все еще в порту, но саму бригаду мы потеряли из виду. Район, где они раньше проводили учения, кажется теперь пустым. У нас есть снимки, сделанные из космоса три часа назад, и на базе подготовки бригады больше нет ни одного человека.

Райан кивнул. Он сдвинул пластмассовую занавеску с иллюминатора рядом со своим креслом. Снаружи было темно. Внизу не видно огней. Они либо уже летят над океаном, либо все внизу затянуто облаками. Ему удалось увидеть только проблесковый фонарь на конце крыла самолета.

- Нам угрожает какая-то немедленная опасность?

- Нет, - ответил адмирал Джексон и на мгновение задумался. - По нашей оценке, им понадобится по меньшей мере неделя для осуществления конкретных шагов, но мы считаем, что теперь конкретные шаги вполне вероятны. Наши друзья с другого берега Потомака придерживаются такой же точки зрения. Джек, - добавил Робби, - адмиралу Дюбро необходимы указания, как поступать, и эти указания должны быть переданы как можно быстрее.

- Понял. - Райан делал пометки в блокноте с эмблемой "BBC-1", который по странной случайности журналисты не успели украсть. - Оставайся у телефона. - Он повернулся к лейтенанту. - Расчетное время прибытия в Эндрюз?

- Через семь с половиной часов. Нам препятствует сильный струйный поток. Сейчас приближаемся к побережью Исландии.

Джек кивнул.

- Робби, мы будем в Вашингтоне через семь с половиной часов. Я успею поговорить с боссом перед посадкой. Начинай готовиться к брифингу, который состоится через два часа после прилета.

- Понял тебя.

- О'кей. Так что же случилось с этими авианосцами, черт побери?

- Предполагается, что в сети электропитания одного из японских эсминцев случилось короткое замыкание и он случайно выпустил все свои торпеды Мк-50. Торпеды попали в наши авианосцы, и тому и другому в корму. У "Энтерпрайза" повреждены все четыре гребных винта, у "Стенниса" - три. Никто из личного

состава серьезно не пострадал, сообщают только о легких повреждениях.

- Робби, но как могло такое...

- Послушай, "Фехтовальщик", я всего лишь служу здесь, не забывай.

- Сколько времени потребуется для ремонта?

- От четырех до шести месяцев, по нашим расчетам. Одну минуту, Джек, подожди. - Голос Джексона исчез, и теперь до Райана доносился только невнятный шепот и шуршание бумаг. -

Только что прибыло новое донесение.

- Жду. - Райан отпил кофе и вернулся к проблеме времени. - Джек, у меня плохие новости. Тихоокеанский флот докладывает, что у них внезапно прервалась связь с одной из атомных подводных лодок. Считают ее пропавшей или утонувшей.

- Что это за лодка?

- "Эшвилл", одна из новых лодок типа 688. Выпущенный с нее на поверхность аварийный буй BST-3 только что начал передачи. Со "Стенниса" поднялся самолет для проверки места происшествия, и туда же направляется фрегат. Обстановка выглядит не лучшим образом.

- Какой на ней экипаж? Человек сто?

- Больше. Сто двадцать или сто тридцать. Проклятье. Последний раз такое случилось, когда я служил мичманом.

- У нас там проводились учения с японским флотом?

- Да, "Океанские партнеры", закончились вчера. Еще два часа назад нам казалось, что учения прошли вполне успешно. Но затем все покатило к чертовой матери... - Голос Джексона опять стих. - Поступило новое донесение. Я уже сообщил, что со "Стенниса" взлетел "гувер"...

- Что это?

- Противолодочный самолет S-3 "викинг", экипаж - четыре человека. Они докладывают, что в районе катастрофы пусто. С подводной лодки не спасся никто. Проклятье, - добавил Джексон, словно можно было ожидать чего-то другого. - Джек, мне необходимо приниматься за работу, ладно?

- Понял. Держи меня в курсе.

- Не сомневайся. Конец связи. - Щелчок, и связь прервалась. Райан допил свой кофе и бросил пластмассовый стаканчик в корзину, прикрепленную к палубе. Будить президента пока не имеет смысла, пусть выспится. Дарлинг возвращается домой, где его ждут разразившийся финансовый кризис, политический скандал и, возможно, назревающая война в Индийском регионе.

А теперь и отношения с Японией тоже могут ухудшиться из-за этого идиотского инцидента в Тихом океане. Пусть президент останется в неведении еще несколько часов, а?

По случайному совпадению у Орезы был японский автомобиль - белый "Тойота-лэнцфузер", одна из самых популярных моделей на острове. Вместе с Барроузом он направился к своей машине, и в этот момент еще две такие же "тойоты" въехали на стоянку гавани. Из них вышли шестеро мужчин и направились прямо к американцам. Бывший моряк береговой охраны внезапно остановился. Еще до рассвета он заехал за Барроузом в отель, чтобы пораньше оставить Сайпан и выйти в море. Рано утром тунцы ловятся лучше, потому что в

это время они охотятся за собственной добычей. Несмотря на то что по пути к причалу ему встречалось несколько больше автомобилей, чем всегда, ситуация ничем не отличалась от обычной.

Так было утром. Сейчас все резко изменилось. Сейчас над островом летали японские истребители, а навстречу Орезу шли шестеро мужчин в камуфляже, с пистолетными кобурами на поясе. Как похоже на кино, подумал он, на один из этих безумных телесериалов, когда опасность со стороны русских все еще была реальной.

- Здравствуйте, как рыбалка? - спросил мужчина. Офицер, заметил Орезу, со значком парашютиста на левом нагрудном кармане. На лице приятная улыбка, старается вести себя по-дружески.

- Поймал чертовски большого тунца, - похвастался Пит Барроуз. Его гордость возросла еще больше благодаря четырем банкам пива, выпитым на яхте.

Улыбка на лице японского офицера стала совсем широкой.

- Вот как? Можно посмотреть?

- Конечно! - Барроуз повернулся назад и пошел обратно к пирсу, где тунец все еще висел на таях, подвешенный за хвост.

- Это ваша яхта, капитан Орезу? - спросил офицер. За ним на причал спустился всего один солдат. Остальные остались позади, внимательно следя за происходящим, словно им был отдан приказ не быть слишком... не вмешиваться, подумал Португалец. Кроме того, он обратил внимание, что японский офицер сумел узнать его имя.

- Совершенно верно, сэр. Хотите немного порыбачить? - спросил он с невинной улыбкой.

- Мой дедушка был рыбаком, - сказал капитан - ишии. Португалец кивнул и улыбнулся.

- Мой тоже. У нас это семейная традиция.

- Насколько долгая?

Они подошли к "Спрингеру".

- Больше ста лет, - ответил Орезу.

- У вас прекрасная яхта. Можно посмотреть на нее?

- Разумеется, поднимайтесь по трапу. - Португалец взошел первым и жестом пригласил офицера. Сержант, следовавший за своим капитаном, заметил Орезу, остался на пирсе вместе с Барроузом, стоя в шести футах от него. На поясе сержанта, в кобуре, был пистолет SIG P220, табельное оружие в японских силах самообороны. Теперь у Орезу в голове бились тревожные мысли.

- Что означает название яхты "Спрингер"?

- Это такая охотничья собака.

- Понятно, очень хорошо. - Офицер оглянулся вокруг. - Для такой яхты требуется дорогая радиоаппаратура?

- Смотрите, сейчас покажу. - Орезу провел его в салон. - Ее изготавливают в вашей стране, сэр. Обычное морское радио NEC, работает на УКВ, и резервная система. Вот навигационная аппаратура, эхолот, радиолокатор. - Он показывал пальцем на каждый прибор. Все они были изготовлены в Японии, высокого качества, относительно недорогие и чертовски надежные.

- У вас есть оружие на борту яхты? А это что за вопрос?

- Оружие? Зачем?

- Разве у жителей острова нет оружия?

- Насколько мне известно, нет. - Ореза покачал головой; -

Не припомню, чтобы на меня нападали рыбы. У меня нет оружия, даже дома. Было ясно, что такое объяснение понравилось офицеру.

- Ваша фамилия Ореза. Какое у нее происхождение? - Для капитана она звучала похожей на местную.

- Вы имеете в виду, откуда родом мои предки? Давным-давно Они приехали из Европы.

- Ваша семья живет здесь долго? Ореза кивнул.

- Да, конечно. - В конце концов, пять лет - это достаточно долгое время, не правда ли? Муж и жена представляют собой семью, верно?

- Значит, ваша радиоаппаратура - вы сказали, УКВ - обладает небольшой дальностью действия? - Офицер посмотрел по сторонам, однако в салоне явно больше ничего не было.

- Вообще-то она устойчиво действует на расстоянии прямой видимости. Капитан кивнул.

- Очень хорошо. Спасибо. У вас красивая яхта. Вы гордитесь ею, не так ли?

- Да, сэр.

- Спасибо за то, что вы так любезно показали мне ее. Можете идти, - произнес офицер, даже не заметив, насколько странно прозвучала эта последняя фраза. Ореза проводил его на причал, где капитан молча подошел к своим людям.

- Что все это...

- Пит, помолчи минутку, ладно? - Это было сказано голосом боцмана, не терпящим возражения, и возымело свое действие. Они направились к машине Орезы, давая возможность остальным отойти подальше. Японцы шли, как солдаты, ровно сто двадцать шагов в минуту, сержант на полтора шага позади своего капитана, точно в ногу. К тому моменту, как Ореза подошел к своему автомобилю, он увидел, что у въезда на стоянку стоит еще один "Тойота-лэндкрузер", неподвижно застывший на месте с тремя одетыми в форму солдатами внутри.

- Это что, какие-нибудь учения? Военные игры? Что происходит? - спросил Барроуз, как только они разместились в машине.

- Представления не имею. Пит. - Ореза включил двигатель и выехал со стоянки, повернув направо на юг по Бич-роуд. Через несколько минут они миновали коммерческую гавань. Португалец ехал медленно, старательно соблюдая все правила уличного движения и не превышая скорости, благодаря при этом судьбу, что у него автомобиль такой же модели и цвета, как у солдат.

Или почти того же. Машины, разгружаемые теперь с "Оркид Эйс", были окрашены главным образом в зелено-оливковый цвет. Из непрерывно подъезжающих автобусов аэропорта выходили люди, одетые в форму такого же цвета. Выйдя из автобусов, они направлялись на какой-то сборный пункт, затем расходились или к стоящим поблизости военным машинам, или шли к судну, чтобы, по-видимому, помогать в разгрузке снаряжения.

- А что это за большие машины с коробками в верхней части?

- Они называются МПРУ - многоствольные пусковые ракетные установки. -
Ореза увидел, что теперь их стало шесть.

- Для чего они? - спросил Барроуз.

- Чтобы убивать людей, - коротко ответил Португалец. Когда машина проезжала мимо дороги, ведущей к коммерческому порту, солдат на перекрестке энергично замахал флажком, заставляя их ехать побыстрее. Тут же стояли полутонные грузовики. Рядом еще солдаты, человек пятьсот или шестьсот. Ореза ехал дальше на юг. На каждом перекрестке по "лэндкрузеру" и по три солдата, у некоторых пистолетная кобура на поясе, некоторые сжимают в руках автомат. Прошло несколько минут, прежде чем американцы поняли, что по пути им не попалось ни одной полицейской машины. Ореза свернул налево, на Уоллес-хайуэй.

- Ты ведь обещал отвезти меня в отель?

- Давай поужинаем у нас дома, а? - Он направил автомобиль вверх по склону холма, мимо больницы, и свернул наконец к своему дому. Несмотря на то что всю жизнь Ореза провел на море, он предпочитал иметь дом на вершине холма. Из небольшого дома с огромными окнами открывался захватывающий вид на южную часть острова. Его жена Изабел работала администратором в больнице, так что обычно ходила туда пешком. Сегодня вечером у нее было плохое настроение. Едва автомобиль остановился у входа, она вышла из дома.

- Мэнни, что происходит? - Внешне она походила на мужа - невысокая, коренастая, со смуглым лицом, теперь бледным.

- Давай зайдем в дом, ладно? Познакомься, дорогая, это Пит Барроуз. Мы вместе ловили сегодня рыбу. - Голос Орезы был спокойным, но глаза осматривали все вокруг. На востоке виднелись посадочные огни четырех самолетов, на расстоянии нескольких миль друг от друга они снижались к двум аэродромам острова.

Все трое вошли внутрь и закрыли за собой двери. Теперь можно было обсудить ситуацию.

- Телефонная связь прервана. Я попыталась позвонить Рейчел и услышала магнитофонную запись, говорящую, что подводные кабели повреждены. Затем пошла в супермаркет и...

- Увидела солдат?

- Да, повсюду, и все они...

- Япошки, - закончил бывший главный старшина береговой охраны Соединенных Штатов.

- Послушай, нехорошо называть...

- Оккупация тоже нехорошее дело, мистер Барроуз.

- Что?

Ореза снял телефонную трубку с аппарата, висевшего на стене кухни, и нажал кнопку автоматического набора номера дочери в Массачусетсе.

- Сожалею, но из-за повреждения кабеля телефонная связь с Соединенными Штатами временно нарушена. Техническая служба компании занимается ремонтными работами. Спасибо за то, что вы проявляете терпение...

- Хрен вот тебе! - произнес Ореза, обращаясь к магнитофонной записи. - Подумаешь, поврежден кабель! А как со спутниковыми антеннами?

- Не можешь позвонить в Америку? - Барроуз не сразу понял, что

происходит на острове, но сейчас речь зашла о том, в чем он хорошо разбирался.

- Нет, похоже, что связь прервана.

- Попробуй вот это. - Компьютерщик сунул руку в карман и достал телефон сотовой связи.

- У меня есть такой, - заметила Изабел. - Он тоже не работает. Я хочу сказать, этот телефон годится для местной связи на Сайпане, но...

- По какому номеру вы хотите позвонить?

- Код 617 - это Массачусетс, - произнес Португалец и затем продиктовал телефонный номер.

- Одну минуту, сначала код Соединенных Штатов.

- У вас ничего не выйдет, - пожала плечами миссис Ореза.

- Здесь еще нет телефонов космической связи? - улыбнулся Барроуз. - В моей компании только что роздали такие всем сотрудникам. Теперь я могу загрузить что угодно в память своего лэптопа, посылать с его помощью факсы. Вот. - Он передал телефон. - Слышен сигнал вызова.

Подобная система была совершенно новой, такие телефоны еще не поступили в продажу на Марианских островах, о чем японские военные специально навели справки на прошлой неделе, однако космическая связь охватывала весь земной шар и потому действовала повсюду, несмотря на то что здесь телефоны не продавались. Сигнал поступал из маленького аппарата на один из тридцати пяти низкоорбитальных спутников и передавался дальше на ближайшую наземную станцию. Такой в данном случае оказалась станция в Маниле, расположенная по отношению к Сайпану всего на тридцать миль ближе станции в Токио, хотя даже одной мили было достаточно, чтобы автоматика, управляющая действиями глобальной системы, переключала сигнал в другую зону сотовой космической связи. Усилительная станция на острове Лусон вступила в эксплуатацию только восемь недель назад. Она немедленно передала сигнал на другой спутник, на этот раз принадлежащий компании "Хьюз" и находящийся на геосинхронной орбите над Тихим океаном, затем вызов снова вернулся на поверхность земли, на станцию в Калифорнии, и далее по световоду поступил в Кембридж, штат Массачусетс.

- Алло? - послышался несколько раздраженный голос, поскольку там сейчас было пять утра.

- Рейчел?

- Это ты, папа?

- Да, милая.

- У вас там все в порядке? - В голосе дочери звучала тревога.

- Почему ты спрашиваешь?

- Я пыталась дозвониться до мамы, но услышала записанный на магнитную пленку ответ, что у вас бушует ураган и телефонные линии повреждены.

- У нас нет никакого урагана, Рейчел, - произнес Ореза, даже не задумавшись над содержанием своего ответа. Тогда в чем дело?

Боже мой, с чего начать? - спросил себя Португалец. Что, если никто... Неужели такое возможно?

- Послушай, Португалец, - начал Барроуз.

- Что? - повернулся к нему Ореза.

- О чем ты говоришь, папа? - тут же, разумеется, слышался голос дочери.

- Подожди минутку, милая. Ты о чем. Пит? - Он накрыл ладонью микрофон.

- Ты действительно имеешь в виду высадку войск, начало войны, захват острова, верно?

- Совершенно верно, сэр, все указывает на это, - кивнул Португалец.

- Тогда немедленно выключи телефон! - Беспокойство в голосе Барроуза было очевидным. Еще никто не подумал как следует о происходящем, и оба начинали приходить к пониманию этого с разных сторон и неодинаково быстро.

- Я снова позвоню тебе, милая, ладно? У нас все в порядке.

До свиданья. - Ореза нажал пальцем на кнопку "выключено". - В чем дело, Пит?

- Значит, это действительно не какая-то шутка, не так ли? Ты не собираешься сбивать меня с толку разными играми, предназначенными для привлечения туристов, и тому подобным?

- Господи, как хочется пива. - Ореза подошел к холодильнику, достал две банки и кинул одну гостю. Пиво тоже было японским, но сейчас это не имело значения. - Послушай, Пит, это не какой-то спектакль, понимаешь? Может быть, ты не успел заметить, но по пути мы видели по крайней мере батальон вооруженных солдат, ракетные установки, и в небе летали японские истребители. А тот ублюдок на причале очень интересовался радиоаппаратурой на моей яхте.

- О'кей. - Барроуз открыл банку и сделал большой глоток. - Предположим, это действительно вторжение на остров. Тогда следует иметь в виду, что японцам нетрудно засечь переговоры по системе космической сотовой связи с помощью радиопеленгатора.

- Радиопеленгатора? Как это? - Прошло несколько мгновений, прежде чем Ореза извлек из глубины памяти давно забытые воспоминания. - А-а... Да, конечно.

В штабе главнокомандующего Тихоокеанским флотом царил лихорадочная деятельность. По традиции, нисходящей к адмиралу Честеру Нимицу, Тихоокеанским флотом командовал моряк.

Сейчас повсюду спешили люди. Почти все были в военной форме. Гражданские служащие редко находились в штабе по уик-эндам, да и вообще за несколькими исключениями для них сейчас было слишком поздно. Манкузо почувствовал господствующее здесь настроение, когда проходил мимо охранников, проверяющих пропуска. Все вокруг смотрели вниз с нахмуренными лицами, ходили быстрым шагом, стараясь избежать гнетущей атмосферы штаба, охваченного смятением. Никому не хотелось оказаться застигнутым штормом.

- Где адмирал Ситон? - спросил командующий подводными силами Тихоокеанского флота у пробегающего мимо писаря. Старшина сделал жест в сторону кабинета. Манкузо повел своих спутников к двери.

- Где ты был, черт побери? - раздраженно спросил главнокомандующий, когда они через приемную вошли в его кабинет.

- В центре управления линией раннего обнаружения, сэр. Адмирал, это капитан первого ранга Чеймберз, начальник моего оперативного управления. А

это доктор Рон Джоунз...

- Тот самый гидроакустик, которым ты все время хвастал? - Адмирал Дэвид Ситон позволил себе улыбнуться, но всего лишь на мгновение.

- Совершенно верно, сэр. Мы только что изучили распечатки данных, полученных от гидрофонов в том районе.

- Никому не удалось спастись, Барт. Мне очень жаль, но экипаж самолета S-3 сообщил...

- Сэр, их убили, - перебил его Джоунз, сразу приступая к сути дела. От этих слов по кабинету словно повеяло холодом.

- Что вы хотите этим сказать, доктор Джоунз? - спросил главнокомандующий Тихоокеанским флотом после секундной паузы.

- Я хочу сказать, что "Эшвилл" и "Шарлотт" были торпедированы и потоплены японскими подводными лодками, сэр.

- Одну минуту, молодой человек. Вы утверждаете, что потоплена и "Шарлотт"? - Ситон повернул голову и посмотрел на своего командующего подводными силами. - Барт, что это значит? - Манкузо не успел ответить.

- Я могу это доказать, сэр. - Джоунз держал под мышкой свернутые распечатки. - Мне понадобятся стол и лампа над ним. На лице адмирала Манкузо застыло мрачное выражение.

- Сэр, похоже, что Джоунзи действительно прав. Все происшедшее не было случайностью.

- Джентльмены, сейчас у меня в оперативном управлении находятся пятнадцать японских офицеров, старающихся объяснить систему пожаротушения на их эсминцах и...

- В вашем распоряжении находятся морские пехотинцы? - холодно заметил Джоунз. - И они вооружены, не так ли?

- Покажите мне свои доказательства. - Дэйв Ситон показал на письменный стол.

Джоунз объяснил главнокомандующему Тихоокеанским флотом значение групп точек на распечатках. Если Ситон и не был таким уж идеальным слушателем, то по крайней мере он молчал. При более тщательном рассмотрении Джоунзу удалось даже заметить шумы надводных судов и следы противолодочных торпед Mk-50, которые вывели из строя половину авианосцев Тихоокеанского флота. Да, подумал Джоунз, эта новая система гидрофонов у атолла Куре обладает поразительной чувствительностью.

- Посмотрите на отметки времени, сэр. Все это произошло на протяжении двадцати минут. У вас там погибло двести пятьдесят подводников, и объяснить это случайным стечением обстоятельств невозможно.

Ситон потряс головой, будто лошадь, прогоняющая назойливых мух.

- Одну минуту, я не получил никаких тревожных сообщений, то есть я хочу сказать, что планшет, на котором появляются признаки угрожающей нам опасности, совершенно чист. Нет ни малейших указаний на то, что...

- Теперь есть, сэр, - Джоунз не собирался отступать.

- Но...

- Черт побери, адмирал! - вспыхнул Джоунз. - Вот они, эти доказательства, черным по белому! Неужели непонятно? Есть и копии этих распечаток в центре управления линией дальнего гидроакустического

обнаружения, там находится запись на магнитной ленте, и я, если хотите, могу показать все это вам на гребанном телевизионном экране! Если хотите, вызовите сюда собственных экспертов, пусть проверят. - Подрядчик ткнул пальцем в сторону Манкузо и Чеймберза. - На нас совершено нападение, сэр.

- Есть ли хоть малейшая вероятность ошибки? - тихо спросил Ситон. Его лицо было смертельно бледным, так что не отличалось от цвета форменной рубашки адмиральского мундира.

- Почти равна нулю. Я вижу, вы собираетесь подождать, когда они опубликуют рекламное объявление в "Нью-Йорк таймс" для дополнительного подтверждения. - Джоунз никогда не был дипломатом и не выбирал выражений.

- Послушайте, мистер, - угрожающе начал Ситон и тут же замолчал. Он повернулся к своему командующему подводными силами. - Что ты посоветуешь мне, Барт?

- Трудно спорить со столь убедительными доказательствами, сэр. Если бы существовала возможность опровергнуть эти данные, мы с Уолли уже сделали бы это. Специалисты в центре управления линией раннего обнаружения согласны с доктором Джоунзом. Да, мне тоже трудно было поверить в это, - признался Манкузо. - "Шарлотт" не вышла на связь и...

- Почему не удалось обнаружить ее аварийный буй? - спросил главнокомандующий Тихоокеанским флотом.

- Буи находятся в кормовой части паруса, сэр. Есть шкиперы, которые просто приваривают их к обшивке. В прошлом году командиры ударных лодок возражали против установки таких буюв, помните? Короче говоря, торпеда могла уничтожить буй или по каким-то причинам он не всплыл на поверхность. В нашем распоряжении есть записи шумов гибнущей подводной лодки примерно в том районе, где находилась "Шарлотт", и она не вышла на связь, несмотря на неоднократные вызовы. У нас нет оснований, сэр, надеяться, что она уцелела. - Теперь, когда Манкузо произнес это, ситуация приобрела официальный характер. Оставалось добавить лишь одно.

- Вы утверждаете, что мы находимся в состоянии войны. - Это заявление было произнесено поразительно спокойным голосом. Командующий подводными силами флота кивнул.

- Да, сэр, именно это я и хотел сказать.

- Но я не получил ни малейшего предупреждения! - возразил Ситон.

- Вы правы, сэр. Нам остается только восхищаться вековыми традициями японского флота, - ядовито заметил Джоунз, упуская из виду что в прошлый раз предупреждений было сколько угодно - и никто не обратил на них внимания.

Пит Барроуз так и не выпил свою пятую банку пива. Наступила темнота, но она не принесла спокойствия и тишины. Небо было чистым и усыпанным звездами, среди них виднелись более яркие огни, продолжающие приближаться к Сайпану с востока. Самолеты пользовались пассатами, облегчающими посадку на два аэродрома острова. На каждом "джамбо-джете" - "Боинге-747" - должно было прибывать по меньшей мере двести вооруженных солдат, скорее триста. Из дома Орезы были отчетливо видны оба аэродрома. В бинокль американцы различали самолеты на них и машины-заправщики, тут же подъезжающие к совершившим посадку авиалайнерам чтобы они могли немедленно вылететь обратно. Ни Орезе,

ни Барроузу не пришло в голову сосчитать их, чтобы оценить приблизительное количество прибывших на Сайпан войск. Они подумали об этом только через несколько часов, когда стало слишком поздно.

- Едет машина, - предостерег Барроуз, заметив свет приближающихся фар. Вместе с Орезой они укрылись в тени дома, надеясь, что здесь их не заметят. И опять это оказалась "Тойота-лэндкрузер" с солдатами внутри. Она проехала по узкому переулку, развернулась в конце его и направилась обратно. Сидевшие в ней всего лишь посмотрели по сторонам, сосчитали число автомобилей во дворах домов и убедились в отсутствии каких-либо подозрительных сборищ.

- Как ты думаешь, что нам следует предпринять? - спросил Пит у Орезы, когда японцы уехали.

- Я ведь служил в береговой охране, я тебе говорил. Этим дерьмом должен заниматься флот. Нет, скорее морская пехота.

- Кому бы этим ни следовало заниматься, уж мы-то сидим по шею в дерьме. Ты считаешь, кто-нибудь знает о происходящем?

- Вроде должны. Кто-то точно знает, - ответил Португалец, опуская бинокль и возвращаясь обратно в дом. - Будем следить из окна спальни. Все равно окна лучше держать открытыми. - Прохладные вечера на Сайпане, когда со стороны океана дует свежий бриз, были еще одной причиной, по которой он решил переселиться на остров. - А чем ты вообще-то занимаешься, Пит?

- Работаю в компьютерной промышленности. У меня степень магистра по электронике. Специализируюсь в области компьютерной связи, создаю каналы, по которым они говорят между собой. Иногда выполняю государственные заказы. Моя компания много работает в этой области, но это главным образом "черные" проекты. - Барроуз оглянулся на кухню. Миссис Ореза приготовила им легкий ужин, который выглядел весьма аппетитным, хотя и успел остыть.

- Ты беспокоился о том, что они могут засечь наш телефонный разговор.

- Может быть, это всего лишь паранойя, но моя компания изготавливает чипсы для сканеров, и армия пользуется ими для этого.

Ореза сел и принялся накладывать пищу себе на тарелку.

- Не думаю, что сейчас можно говорить о паранойе, приятель.

- Согласен, шкипер. - Барроуз решил последовать примеру хозяина и с одобрением посмотрел на еду. - Вы с женой стараетесь похудеть?

- Было бы неплохо, - проворчал Ореза. - Иззи посещает курсы по низкокалорийному питанию.

Несмотря на то что в доме была столовая, подобно большинству пенсионеров (Пит думал о хозяевах именно так, хотя оба не походили на стариков), они ели за маленьким столом в кухне. Раковина и второй стол, на котором миссис Ореза занималась приготовлением пищи и мытьем посуды, сверкали чистотой. Инженер заметил миски из блестящей нержавеющей стали. Судя по всему, Изабел Ореза тоже поддерживала образцовый порядок на своем маленьком судне, и не приходилось сомневаться, кто является шкипером в этом доме.

- Как ты думаешь, идти мне завтра на работу? - спросила она, пытаясь приспособиться к изменившейся обстановке на острове.

- Не знаю, милая, - ответил муж, только сейчас задумавшись над вопросом: чем будет заниматься завтра он сам? Отправится в море на рыбную

ловлю, будто ничего не изменилось?

- Одну минуту, - произнес Пит, не сводя взгляда с мисок, в которых хозяйка смешивала салат. Он встал, сделал пару шагов к буфету и взял самую большую. Сделанная из нержавеющей стали, она была шестнадцати дюймов диаметром и добрых пяти или шести глубиной. Дно плоское, дюйма три, но в остальном миска казалась округлой, почти параболической формы. Он достал из грудного кармана телефон космической сотовой связи. До сих пор инженеру не приходило в голову измерять длину антенны, но теперь он сделал это. Почти четыре дюйма. Барроуз посмотрел на Орезу.

- У тебя есть дрель?

- Да, есть. Но зачем?

- Я придумал. Теперь нас не найдет никакой радиопеленгатор.

- Не понимаю тебя, Пит.

- Мы просверлим дырку в дне тазика, просунем туда антенну. Тазик изготовлен из нержавеющей стали. Он будет отражать радиоволны, как микроволновая антенна. Волны не будут расходиться в разные стороны и станут излучаться только в одном направлении. Благодаря этому передатчик даже станет более эффективным!

- Ты имеешь в виду радиосвязь с домом?

- Совершенно верно, капитан. Что, если никто еще не воспользовался таким телефоном и не позвонил в Америку с Сайпана? - Барроуз медленно осваивался с возникшей крайне пугающей ситуацией, пытаясь обдумать возможные осложнения. Вторжение означало войну. В данном случае это была война между Америкой и Японией, и какой бы причудливой ни казалась такая мысль, это было единственным объяснением того, что он видел сегодня. В случае войны Барроуз станет враждебным иностранцем вместе с хозяевами дома, в котором он сейчас находился. Однако он заметил, как умело вел себя Ореза в разговоре с японским офицером на причале.

- Сейчас схожу за дрелью. Какой диаметр отверстия тебе нужен? - спросил Португалец. Барроуз передал ему телефон. У него едва не возникло искушение перебросить его Орезу, но он тут же понял, что сейчас это самая большая ценность. Ореза измерил диаметр маленькой пуговицы на конце тонкой выдвигающейся антенны и пошел за инструментами.

- Алло?

- Рейчел? Это папа.

- Ты уверен, что у вас все в порядке? Теперь мне можно звонить вам?

- У нас все в порядке, милая, однако возникла проблема. - Как объяснить ей то, что произошло на острове? - подумал он. Рейчел Ореза Чандлер занимала должность прокурора в Бостоне, собиралась уйти с государственной службы и стать адвокатом с частной практикой, где удовлетворение от работы не столь велико, зато приходится тратить гораздо меньше времени, да и заработок куда больше. Ей скоро должно было исполниться тридцать лет, и она беспокоилась о своих родителях так, как они когда-то беспокоились о ней. Ореза решил, что не стоит ее тревожить. - Ты не могла бы узнать для меня телефонный номер?

- Конечно. Какой?

- Мне нужен телефон штаба береговой охраны. Он находится в Вашингтоне,

округ Колумбия, в Баэзардс-пойнт. Узнай телефон вахтенного офицера. Я подожду.

Рейчел перевела канал связи с отцом в режим ожидания и позвонила в справочную Вашингтона. Через минуту она продиктовала номер отцу и услышала, как он повторил его цифра за цифрой.

- Да, совершенно верно. Значит, у вас все в порядке? У тебя какой-то тревожный голос.

- Мы с мамой в полном порядке, честное слово, бэби. - Рейчел не выносила, когда ее так называли, но теперь вряд ли можно перевоспитать родителей. Она навсегда останется для них маленькой девочкой.

- Ну хорошо, если ты так считаешь. Я слышала, что ураган очень сильный. У вас теперь есть электричество? - спросила она, забыв, что никакого урагана не было.

- Еще нет, дорогая, но скоро, наверно, линии восстановят, - солгал Ореза. - Пока, бэби.

- Штаб береговой охраны, говорит старшина Обрески. Сэр, этот канал не защищен от прослушивания.

- Ты хочешь сказать, тот младенец с пушком на щеках, что плавал со мной на "Панаше", стал теперь старшиной? - От этих слов собеседник на другом конце линии связи явно испытал потрясение, и его реакция была именно той, которую следовало ожидать.

- Да, это старшина Обрески. С кем я говорю?

- С главным старшиной Орезой, - последовал ответ.

- Боже мой, где ты. Португалец? Мне говорили, что ты вышел в отставку.

- Вахтенный старшина откинулся на спинку кресла. Поскольку он сам был теперь старшиной, то мог обращаться к своему бывшему начальнику по его прозвищу.

- Я на Сайпане. О'кей, парень, слушай теперь внимательно: немедленно позови вахтенного офицера.

- А в чем дело. Португалец?

- У меня нет времени для объяснений, понял? Действуй!

- Понял. - Обрески нажал кнопку и перевел канал связи с Сайпаном в режим ожидания, затем нажал другую кнопку. - Капитан, возьмите трубку на первом канале.

- Управление боевых операций ВМС, контр-адмирал Джексон, - произнес Робби, усталый и в отвратительном настроении. Он снял трубку крайне неохотно, по настоянию молодого майора ВВС.

- Адмирал, говорит капитан-лейтенант береговой охраны Пауэрс из Баэзардс-пойнт. Из Сайпана мне звонит отставной главный старшина, который раньше служил у нас в береговой охране.

Проклятье, у меня вышло из строя два атомных авианосца, а тут... - пронеслось в голове адмирала, но он сдержался.

- Очень приятно, капитан. Вы не могли бы побыстрее сообщить мне суть дела? Мы тут заняты.

- Сэр, он докладывает, что на Сайпане высадилось большое количество японских войск.

Джексон поднял голову от разбросанных на письменном столе депеш.

- Что вы сказали?

- Я могу соединить его с вами, сэр.

- О'кей, - неуверенно произнес Джексон.

- С кем я говорю? - слышался в трубке мужской голос, старый и хриплый. Действительно, судя по голосу это вполне может быть главный старшина, который всю жизнь провел в море.

- Вы говорите с контр-адмиралом Джексоном, Национальный центр военного командования. - Отдавать приказ о записи разговора на магнитную пленку не требовалось. Записывались все разговоры.

- Сэр, это говорит боцман Мануэл Ореза, главный старшина корпуса береговой охраны США, сейчас в отставке, личный номер три-два-восемь-шесть-один-четыре-ноль-три-ноль. Я ушел со службы пять лет назад и переехал на Сайпан. Здесь у меня яхта, я делаю чартерные выходы в море с любителями рыбной ловли. Сэр, сейчас на Сайпане высадилось большое количество - очень большое - японских войск, вооруженных и в военной форме. Они находятся здесь прямо сейчас, сэр.

Джексон показал рукой на соседний телефон, давая команду другому офицеру взять трубку.

- Надеюсь, вы понимаете, старшина, мне как-то трудно поверить этому.

- Черт возьми, сэр, вам следует оказаться на моем месте. Вот сейчас я смотрю прямо в окно. Передо мной международный аэропорт Сайпана и Коблер-Филд, бывший военный аэродром. Вижу шесть "Боингов-747" - четыре в аэропорту и два в Коблер-Филд. Несколько часов назад я видел, как над островом барражировали истребители F-15 "игл" с красными кругами на крыльях. Скажите, сэр, у вас в данный момент проводятся какие-нибудь совместные учения с японцами? - спросил голос.

Да, он совершенно трезвый, подумал Джексон. И голос несомненно принадлежит старому моряку.

Майор ВВС слышал разговор по соседнему аппарату и вел в блокноте его запись, по сравнению с которой приглашение побывать в парке юрского периода было бы более реальным..

- Мы только закончили совместные учения, но они не имели никакого отношения к Сайпану.

- Тогда, сэр, то, что происходит на острове, вовсе не какие-то гробанные учения. В порту у причалов стоят три грузовых судна для перевозки автомобилей. Название одного из них - "Орхид Эйс". Я собственными глазами видел, что на стоянке в порту находятся боевые ракетные установки - похоже, MLRS - по буквам: Майк, Лайма, Ромео, Сьерра - шесть единиц. Адмирал, запросите мое личное дело в корпусе береговой охраны. Я прослужил там тридцать лет, так что знаю, о чем говорю. Проверьте сами, все каналы связи с Сайпаном отключены. Это объясняют тем, что здесь пронесся ураган, который вывел из строя телефонные линии. Не было никакого урагана, адмирал. Я провел весь день в море, ловил рыбу и знаю, что был полный штиль. Можете проверить это у своих метеорологов. На острове полно японских солдат, они в камуфляже и при полном вооружении.

- Вам удалось сосчитать число самолетов, старшина? Лучшим

подтверждением правдивости этого безумного разговора, подумал Джексон, явился смущенный ответ на этот вопрос.

- Нет, сэр, мне очень жаль, но я слишком поздно спохватился и не сосчитал. Думаю, в час совершали посадку от трех до шести, по крайней мере в течение последних шести часов. Может быть, операция началась раньше, но ручаться не могу. Одну минуту, сэр... вот сейчас я вижу, как на аэродроме Коблер готовится к взлету авиалайнер. Это "Боинг-747", но трудно различить цвета авиакомпаний.

- Подождите, старшина. Если каналы связи отключены, то каким образом вам удалось связаться со мной? - Ореза объяснил адмиралу и продиктовал свой телефонный номер на Сайпане. - Хорошо, старшина. Мне придется проверить кое-что. Я позвоню вам меньше чем через час. Понятно?

- Да, сэр, думаю, мы здесь сделали все, что могли. - Линия отключилась.

- Майор! - крикнул Джексон, поднял голову и увидел, что офицер стоит рядом.

- Сэр, у него голос нормального человека и все такое, однако...

- Однако немедленно свяжитесь с базой ВВС Андерсен.

- Слушаюсь. - Молодой офицер подошел к своему столу и открыл телефонный справочник. Через тридцать секунд он повернулся к адмиралу и отрицательно покачал головой. На его лице было написано изумление.

- Неужели кто-то сумеет убедить меня, - произнес Джексон, глядя в потолок, - что база ВВС США исчезла с каналов связи и никто этого не заметил?

- Адмирал, вас вызывает главнокомандующий Тихоокеанским флотом, степень срочности обозначена как "критическая". - Джексон повернулся к аппарату. "Критическая" превосходила даже "молнию" и использовалась крайне редко, даже главнокомандующим. В чем дело, черт побери? - подумал он. Надо спросить.

- Адмирал Ситон, это Робби Джексон. Началась война?

Похоже, отведенная ему роль не такая и сложная, подумал Чанг Хансан. Нужно было всего лишь прилететь в другую страну, поговорить сначала с одним, затем со вторым, и все прошло даже лучше, чем он предполагал.

А стоит ли вообще удивляться этому, думал он, возвращаясь в аэропорт на заднем сиденье посольского автомобиля. Корея будет изолирована не меньше чем на несколько месяцев, а может быть, и на неопределенное время. Любой другой вариант означал бы огромную опасность для страны с небольшими вооруженными силами, тогда как у соседа, уже десятилетия являющегося непримиримым врагом, самая большая регулярная армия в мире. Ему даже не понадобилось намекать на это. Чанг просто высказал точку зрения. Судя по всему, заметил он, между Японией и Америкой возникли разногласия. Они не имеют прямого отношения к Корее. Более того, вряд ли Корея сможет каким-то образом принять участие в урегулировании этих разногласий, разве что в качестве беспристрастного посредника в случае начала дипломатических переговоров. Вот тогда все стороны, и в первую очередь Япония, с благодарностью примут добрые услуги Кореи.

Он не почувствовал особого удовлетворения от крайнего беспокойства, в которое ввергли корейцев его мягкие фразы. У них есть чему поучиться,

подумал Чанг, а вот японцы, ослепленные своим расизмом, не замечают этого. Если повезет, ему даже удастся укрепить торговые отношения между КНДР и Кореей, тогда оба государства, расположенные на Корейском полуострове, выиграют в окончательном раскладе. А почему бы и нет? У Кореи нет оснований для нежных чувств по отношению к России и еще меньше - к Японии. Ей всего лишь следует разорвать дружбу с Америкой, достойную сожаления, и занять место в мире новой реальности. А пока они поняли, что требуется от них. Последний оставшийся союзник Америки покинул поле, после того как президент и министр иностранных дел Кореи увидели свет истины. Не исключено, что военные действия, недавно начавшиеся, уже закончились.

* * *

- Дамы и господа, - послышался голос из гостинной, где стоял телевизор, включенный миссис Ореза. - Через десять минут последует специальное сообщение.

- Мэнни?

- Я слышал, милая.

- У тебя есть чистая видеокассета? - спросил Барроуз.

23. Вдогонку

День для Робби Джексона начался достаточно плохо. Такое случалось и в прошлом, в том числе тем утром, когда он, еще капитан-лейтенант, совершал полет на тренировочном реактивном самолете в испытательном летном центре морской авиации на реке Патъюк-сент, штат Мэриленд. В тот раз по какой-то причине неожиданно сработал вышибной заряд, и он вместе с катапультируемым креслом пробил плексиглас фонаря и вылетел наружу. В результате сломал ногу и потом несколько месяцев наблюдал за полетами с земли. Он видел, как гибнут в катастрофах друзья, и принимал участие в поисках людей, которых редко удавалось найти живыми - обычно обнаруживали пятно топлива на воде и, может быть, плавающие обломки. В качестве командира эскадрильи и затем командира авиакрыла ему приходилось писать письма соболезнования родителям и женам летчиков, сообщая, что их сын или муж, а в последнее время это могла быть и дочь, погибли, исполняя свой долг. Всякий раз Джексон спрашивал себя, не мог ли он поступить как-то иначе и не допустить гибели пилота. В жизни морского летчика такие дни не особенно большая редкость.

Но в данном случае все обстояло намного хуже, и единственным утешением являлось то, что он был заместителем начальника J-3, управления планирования боевых операций Объединенного комитета начальников штабов, а не состоял в штате J-2 - Управления разведки. В этом случае он испытывал бы глубокое чувство вины.

- Докладываю, сэр, проверка закончена. Базы ВВС Якота, Мисава и Калена не выходят на связь.

- Сколько там обслуживающего персонала? - спросил Джексон.

- В общей сложности около двух тысяч, главным образом механики, операторы радиолокационных станций, хозяйственники, все такое. Может быть,

один или два самолета, совершивших посадку для дозаправки, но не больше. Я поручил проверить, - ответил майор. - Как относительно баз ВМС?

- У нас имеется обслуживающий персонал на базе Андерсен, расположенной рядом с вашей базой. Военный порт, всего около тысячи человек. Гораздо меньше, чем было раньше. - Джексон снял трубку телефона, защищенного от прослушивания, и набрал номер главнокомандующего Тихоокеанским флотом. - Адмирал Ситон? Это снова Джексон. Будут дополнительные указания?

- Нам не удалось установить связь ни с кем к западу от Мидуэя, Роб. Ситуация становится по-настоящему серьезной.

- Как работает эта штука? - спросил Ореза.

- Мне стыдно говорить, но я просто не знаю. Даже не потрудился прочитать инструкцию, - признался Барроуз. Телефон сотовой космической связи находился на кофейном столике, его антенна была выдвинута через отверстие, просверленное в доньшке салатницы, положенной, в свою очередь, на две стопки книг. - Я не уверен, будет ли телефон периодически передавать свои координаты спутникам или нет. - По этой причине они сочли необходимым оставить его в этом забавном положении.

- Мой телефон выключался, когда антенна задвигалась до конца, - заметила Изабел Ореза, и оба мужчины с удивлением посмотрели на нее. - Или можно вынуть из него батарейки, верно?

- Черт побери! - воскликнул Барроуз, опередив на доли секунды такое же восклицание Орезы. Он поднял салатницу, задвинул маленькую антенну обратно внутрь аппарата и затем, для пущей уверенности, вынул из него блок питания. Теперь телефон был полностью отключен. - Мэм, если вам понадобятся рекомендации для защиты степени магистра в Сэнфорде, можете сослаться на меня, - с уважением произнес он.

- Дамы и господа, - послышался голос из гостиной. Все трое повернулись к телевизору и увидели на экране улыбающегося человека в зеленом маскировочном комбинезоне. Его английский был безукоризненным. - Я - генерал Токикичи Арима из сухопутных войск сил самообороны Японии. Позвольте мне объяснить, что произошло сегодня на острове.

Хочу прежде всего заверить вас, что нет ни малейших оснований для тревоги. К сожалению, произошла перестрелка в полицейском участке, расположенном рядом со зданием вашего парламента, однако двое полицейских, получившие ранения, находятся сейчас в местной больнице, и их жизнь вне опасности. Если до вас дошли слухи о насилии или даже убийстве жителей, они не соответствуют действительности, - заверил генерал двадцать девять тысяч граждан Сайпана.

Вам, наверно, хочется узнать, что все-таки произошло, - продолжал генерал. - Сегодня, ранним утром, на Сайпан и Гуам начали высаживаться войска под моим командованием. Как вам известно из прошлого, а более пожилые жители острова несомненно хорошо это помнят, до 1944 года Марианские острова принадлежали Японии. Возможно, вы удивитесь, узнав, что после решения суда, принятого несколько лет назад и разрешающего японским гражданам покупать земельные участки на островах, больше половины недвижимого имущества на Сайпане и Гуаме принадлежит моим соотечественникам. Вам также известно о

любви и привязанности, которые мы испытываем к этим островам и людям, населяющим их. Мы вложили миллиарды долларов в местную экономику и возродили ее после многих лет постыдного забвения со стороны американского правительства. Разве мы здесь посторонние люди?

Вам также, по-видимому, известно, что в настоящее время возникли серьезные трения между Японией и Америкой. Это заставило нас пересмотреть оборонную доктрину своей страны. Вот почему нами было принято решение вернуть себе Марианские острова в качестве чисто оборонительной меры для защиты японских берегов от возможного американского вторжения. Иными словами, нам необходимо расположить здесь силы самообороны и снова сделать Марианские острова частью нашего государства.

Теперь, - улыбнулся генерал Арима, - возникает вопрос: как все это может повлиять на вашу жизнь, жизнь граждан Сайпана?

Ответ прост: по сути дела никак. Все останется, как было раньше. Магазины и фирмы будут функционировать как прежде. Мы тоже верим в свободное предпринимательство. Вы сохраните местную систему самоуправления через посредство выбранных вами чиновников, а дополнительным благом станет то, что вы превратитесь в сорок восьмую префектуру Японии и будете представлены в национальном парламенте страны. Этого не было у вас, когда вы входили в состав Америки, являясь по сути дела ее колонией, не так ли? У вас будет двойное гражданство со всеми вытекающими отсюда правами. Мы уважаем свободу вашей культуры и право говорить на своем языке. Никто не собирается ограничивать свободу передвижения по острову и за его пределами. Ваша свобода речи, средств массовой информации, собраний и религии останется такой же, как и всех остальных граждан Японии, и не будет отличаться от гражданских прав, которыми вы пользуетесь теперь. Короче говоря, ваша повседневная жизнь никак не изменится. - Очередная обаятельная улыбка.

По сути дела вы получите значительные выгоды от смены правительства. Войдя в состав Японии, вы станете частью самой динамичной и быстро развивающейся экономики мира. Приток денег на остров увеличится. Наступит процветание, о котором вы не могли даже мечтать, - убедительно произнес Арима, обращаясь к телевизионной аудитории. - Произойдут лишь изменения к лучшему. Мое правительство и я ручаемся в этом.

Возможно, у вас возникнет мысль, что говорить легко, а вот подкрепить все это делами намного труднее. И вы будете совершенно правы. Но уже завтра вы увидите на улицах и дорогах Сайпана людей, ведущих геодезические работы, производящих замеры, опрашивающих местных жителей об их нуждах. Нашим первым важным шагом станет улучшение дорог и шоссе на Сайпане, поскольку американское правительство не обращало на это должного внимания. Нам понадобятся ваши советы по поводу того, как осуществить это наилучшим образом. Более того, мы будем рады выслушать любые предложения и рекомендации и примем непосредственную помощь со стороны жителей острова.

А теперь, - произнес генерал Арима, наклонившись вперед, - мне известно, что среди вас есть люди, которым не нравятся происшедшие события, и мне хотелось бы искренне извиниться перед ними. У нас нет никакого желания причинять кому-либо вред, но, я надеюсь, вы поймете, что нападения на моих солдат или других японских граждан будут рассматриваться как нарушение

закона. Кроме того, на меня возложена ответственность за принятие некоторых мер, направленных на то, чтобы обеспечить безопасность моих солдат и установить на острове законы Японии.

Все огнестрельное оружие, принадлежащее гражданам Сайпана, должно быть сдано в течение нескольких ближайших дней. Вы можете принести его в свои полицейские участки. Если у вас сохранились чеки на покупку оружия или вы сможете убедительно доказать его коммерческую ценность, мы расплатимся с вами наличными. Точно так же мы просим всех владельцев любительских коротковолновых радиостанций сдать нам в кратчайшее время ненадолго эту аппаратуру, а пока воздержаться от пользования ею. И в данном случае мы возместим полную стоимость радиоаппаратуры, а после возврата владельцам, они смогут оставить у себя полученные деньги в знак нашей благодарности за сотрудничество. Если не считать этого, - очередная улыбка, - вы вряд ли заметите, что мы находимся на Сайпане. Подчиненные мне войска получили приказ рассматривать всех жителей острова как своих сограждан. Если вы заметите хотя бы один случай недостойного поведения японского солдата по отношению к местным жителям, я прошу вас явиться в мой штаб и сообщить об этом. Вы убедитесь, что наши законы распространяются и на нас.

А пока вы можете вести свою обычную жизнь. - На экране появился телефонный номер. - Если у вас появятся конкретные вопросы, прошу позвонить по этому номеру или зайти в мой штаб, расположенный в здании парламента. Мы будем рады оказать вам всяческую помощь, насколько это в наших силах. Спасибо за внимание. Спокойной ночи и до свидания.

- Это выступление будет повторяться каждые пятнадцать минут на канале номер шесть общественного телевидения, - послышался другой голос.

- Вот ведь сукин сын, - выдохнул Ореза.

- Интересно, какое рекламное агентство готовило все это, - заметил Барроуз, нажимая кнопку перемотки на видеомагнитофоне.

- Можно ему верить? - спросила Изабел.

- Кто знает? У вас есть оружие? Португалец покачал головой.

- Нет. Я даже не уверен, что на острове необходима его регистрация. Да и вообще, мы что, сумасшедшие, чтобы нападать на солдат?

- Для японцев ситуация намного облегчится, если им не придется опасаться за свой тыл. - Барроуз начал ставить на место блок питания. - Ты записал телефон этого адмирала?

- Джексон.

- Говорит главный старшина Ореза, сэр. У вас ведется запись нашего разговора?

- Да. Есть что-нибудь новое?

- У меня теперь официальная информация, сэр, - сухо доложил Ореза. - Только что сделано сообщение по телевидению.

Мы записали его. Включая запись и буду держать телефонную трубку рядом с динамиком.

Генерал Токикичи Арима, написал Джексон на блокноте и передал сержанту.

- Пусть служба разведки все о нем узнает.

- Слушаюсь, сэр. - Сержант мгновенно исчез.

- Майор! - позвал Джексон.

- Да, адмирал?

- Качество записи превосходное. Передайте одну копию в разведывательное управление для анализа голоса. Далее, пусть распечатают расшифровку записи в большом количестве экземпляров и приготовятся передавать ее по факсу.

- Будет исполнено, адмирал.

Все остальное время Джексон сидел и слушал - остров спокойствия в море безумия, по крайней мере так казалось.

- Вот и все, - произнес Ореза, когда запись подошла к концу. - Вам нужно повторить мой телефонный номер, адмирал?

- Нет, спасибо. Отличная работа, главный старшина. Что-нибудь еще?

- Самолеты продолжают прибывать. Со времени нашего последнего разговора я насчитал четырнадцать.

- О'кей. - Робби записал цифру в блокнот. - Как вы думаете, вам что-нибудь угрожает?

- Не вижу, чтобы японцы бегали по улицам с автоматами, адмирал. А вы обратили внимание, что в выступлении этого генерала не было ни единого слова об американских гражданах?

- Нет. А это и вправду важно. - Боже мой, что еще я упустил?

- Тут у меня произошел не слишком приятный случай, сэр. - Ореза вкратце описал посещение яхты японским офицером.

- Вам не в чем винить себя, главный старшина. А теперь ваша страна займется решением этой проблемы, ясно?

- Полагаюсь на вас, адмирал. Пока ухожу с канала.

- Правильно. Держитесь, - приказал Джексон. Оба знали, что это пустые слова, что они ничего не значат.

- Понятно. Конец связи. Джексон положил трубку.

- Предложения? - произнес он.

- Вы хотите сказать, помимо "бред сумасшедшего"? - спросил один из офицеров штаба.

- Мы можем считать все это бредом сумасшедшего, но кому-то происходящее кажется чертовски логичным. - Нет смысла делать выговор офицеру за такое заявление, решил Джексон. Потребуется время, чтобы понимание ситуации проникло сквозь защитную оболочку неприятия. - Среди вас есть кто-нибудь, кто не верит полученной нами информации? - Адмирал обвел взглядом присутствующих. В кабинете было семь офицеров, а в Национальный центр военного командования не берут дураков.

- Это действительно может показаться каким-то бредом, сэр, но все указывает на то, что дело обстоит именно так. Каждая база, каждая станция в том районе, с которой мы пытались связаться, ушла из эфира. На всех должны быть дежурные офицеры, но ни один телефон не отвечает. Спутниковая связь тоже бездействует. Четыре базы ВВС и одна армейская станция не выходят в эфир.

- Есть что-нибудь из Госдепа? Или от спецслужб?

- Ничего, - ответил полковник из разведывательного управления J-2. - Я рассчитываю получить дополнительные сведения, когда наш разведывательный спутник пролетит над Марианскими островами, это примерно через час. Уже

передан запрос относительно поставленной задачи и высокой степени срочности.

- Ки-хоул-11?

- Так точно, сэр, и на нем задействованы все камеры. Там отличная погода, ни облачка. Мы получим превосходные снимки, - заверил адмирала сотрудник разведывательного управления.

- Вчера там не было урагана?

- Нет, сэр, - послышался ответ другого офицера. - Никакого объяснения для нарушения телефонной связи. Марианские острова соединены с остальным миром подводным кабелем через Тихий океан и спутниковой связью. Я говорил с руководством компании, обеспечивающей связь в том районе. Они не получили никакого предупреждения - просто все мгновенно нарушилось. Компания уже посылала запросы на свои станции, просила проверить каналы, прояснить ситуацию - никакого ответа.

Джексон кивнул. Он выслушал мнение офицеров, потому что хотел получить подтверждение уже принятого им решения.

- О'кей, подготовьте предупреждения в адрес всех главнокомандующих. Сообщите министру обороны и начальникам штабов. Я звоню президенту.

- Доктор Райан, на канале спецсвязи Национальный центр военного командования, степень срочности - "критическая". Это снова адмирал Роберт Джексон. - При слове "критическая" все повернули головы в сторону Райана. Он поднял трубку.

- Робби, это Джек. Что случилось? - Присутствующие в центре связи увидели, как побледнел советник по национальной безопасности. - Робби, это действительно так? - Райан посмотрел на дежурного офицера. - Где мы сейчас?

- Приближаемся к заливу Гус-Бей, Лабрадор, сэр. Примерно три часа до прибытия в Вашингтон.

- Попросите подняться сюда специального агента Элен Д'Агустино. - Райан снял руку с телефона. - Робби, мне нужен печатный текст... О'кей... нет, он все еще спит, по-моему. Понадобится тридцать минут на подготовку. Звони, если возникнет необходимость.

Джек встал из кресла и прошел в туалет. Пока мыл руки, старался не смотреть в зеркало.

Агент Секретной службы ждала его в центре связи.

- Вам так и не удалось выспаться, а?

- Босс еще не проснулся?

- Сэр, он распорядился разбудить его за час до посадки. Я только что зашла к пилоту и...

- Буди его, Дага, прямо сейчас. Затем поднимай Хансона и Фидлера. И Арни тоже.

- Что случилось, сэр?

- Ты ведь будешь присутствовать и все услышишь. - Райан снял с термопринтера спецсвязи лист бумаги и начал читать, затем поднял голову. - Я не шучу, Дага. Немедленно.

- Президенту угрожает опасность?

- Будем исходить из того, что угрожает, - ответил Джек и на мгновение задумался. - Лейтенант, где расположена ближайшая база ВВС, на которой есть

истребители?

Что? - гласило недоумение на ее лице.

- Сэр, на аэродроме Отис в Кейп-Код базируются "иглы" F-15, а в Берлингтоне, штат Вермонт, истребители F-16. Оба аэродрома принадлежат частям национальной гвардии ВВС и выполняют задачу по противовоздушной обороне Северо-американского континента.

- Свяжитесь с ними и передайте, что президент хочет, чтобы его самолет сопровождали друзья. - У лейтенантов, подумал Райан, есть неоспоримое достоинство: они не задают вопросов, почему отдан тот или иной приказ, даже когда не видят причины этого. А вот к Секретной службе это не относится.

- Доктор, если вы считаете такие действия необходимыми, то и я должна знать, чем они вызваны, прямо сейчас.

- Верно, Дага, ты права. - Райан оторвал первую страницу от листа термографической бумаги и передал ее специальному агенту, продолжая читать вторую.

- Господи! - ошеломленно произнесла. Элен Д'Агустино, возвращая страницу. - Сейчас разбудю президента. А вы сообщите пилоту. При подобных обстоятельствах у них несколько иные правила поведения.

- Хорошо. Пятнадцать минут, Дага, ладно? - Да, сэр. - Она начала спускаться по спиральному трапу, пока Райан направился в сторону кабины пилотов.

- Осталось один-шесть-ноль минут летного времени, доктор Райан. На этот раз пришлось лететь долго, правда? - произнес дружеским голосом полковник, сидящий за штурвалом. Он обернулся, и улыбка исчезла с его лица.

Мимо американского посольства они проехали по чистой случайности. Может быть, просто захотелось посмотреть на флаг своей страны, подумал Кларк. Это всегда приятно, когда находишься за рубежом, даже если звезды и полосы развеваются над зданием, которое спроектировал чиновник с артистическим настроением...

- Кто-то беспокоится о проблемах безопасности, - сказал Чавез.

- Евгений Павлович, я и без того знаю, что вы прекрасно говорите по-английски. Нет необходимости все время практиковаться в нем, особенно разговаривая со мной.

- Извини. Посмотри, Ваня, японцы принимают меры против возможного нападения, а? Если не считать одного инцидента, я не припоминаю ни единого случая хулиганства... - Его голос смолк. Здание посольства было оцеплено двумя взводами вооруженных пехотинцев. Это действительно казалось странным. Обычно, подумал Динг, одного или двух полицейских было достаточно, чтобы...

- ...твою мать! - выпалил он.

Кларк почувствовал прилив гордости за парня. Каким бы отвратительным ни было ругательство, именно такой стала бы реакция русского. И причина была очевидна. Охрана, выставленная по периметру посольства, смотрела не только наружу, но и внутрь, а морских пехотинцев даже не было видно.

- Иван Сергеевич, все это кажется мне очень странным.

- Да, вы правы, Евгений Павлович. - равнодушно заметил Джон Кларк. Он не сбавил скорость, надеясь, что солдаты в оцеплении не обратят внимания на

двух иностранцев, проезжающих мимо, и не запишут номер автомобиля. Впрочем, пришло время арендовать другую машину.

- Фамилия - Арима, имя - Токикичи, сэр, генерал-лейтенант, возраст - пятьдесят три года. - Армейский сержант служил в разведывательном управлении. - Закончил Национальную академию обороны и поднимался вверх по служебной лестнице, все время на хорошем счету. Прошел подготовку в воздушно-десантных войсках. Восемь лет назад учился на курсах усовершенствования в Карлайл-Бэрракс, отличные отзывы. Обладает хорошим политическим чутьем - так говорится в его досье. Связи в высших кругах. Занимает должность командующего Восточной армией - это примерно соответствует корпусу в армии США, но без тяжелой поддержки, в том числе артиллерийской. Ему приданы две пехотные дивизии - Первая и Двенадцатая, Первая воздушно-десантная бригада. Первая саперная бригада, Вторая группа ПВО и другие подразделения.

Сержант передал досье, в котором были две фотографии. Теперь у врага есть лицо, подумал Джексон. По крайней мере одно лицо. Адмирал посмотрел на него в течение нескольких секунд и закрыл папку. Степень готовности в Пентагоне вот-вот должна была повыситься еще больше. Первый начальник штаба из Объединенного комитета начальников штабов уже прибыл, так что именно ему выпадет счастье проинформировать их о создавшейся ситуации. Джексон собрал документы и направился в "Цистерну" - вообще-то удобное помещение, расположенное снаружи кольца "Е" огромного здания.

Чет Номури провел день, встречаясь в разное время с тремя своими контактерами и почти ничего не узнал, если не считать того, что, по общему мнению, происходит что-то очень странное, хотя никто не имел представления, что именно. Наконец Чет решил направиться в баню, где, как он надеялся, может появиться Казуо Таока. В конце концов Таока действительно пришел в баню. К этому времени американец провел в воде столько времени, что его тело, казалось, совсем размокло.

- У тебя был, похоже, не менее тяжелый день, чем у меня, - с трудом выдавил он с унылой улыбкой.

- Что же так измучило тебя? - спросил Казуо. Его лицо выглядело усталым, но полным энтузиазма.

- Тут в одном баре работает прелестная девушка. Я потратил на нее три месяца. И вот теперь мы провели с ней страстный вечер. - Номури опустил руку в воду и провел ею по своему телу, морщась словно от боли в определенном месте. - Боюсь, у меня больше так никогда не получится.

- Жаль, что той американки уже нет, - произнес Таока, погружаясь в ванну со вздохом наслаждения. - Сейчас я с удовольствием провел бы с ней время.

- Она уехала? - спросил Номури невинным голосом.

- Умерла, - ответил служащий, без труда преодолевая боль утраты.

- Как же это случилось?

- Они решили отправить ее домой. Ямата послал к ней Канеду, начальника своей службы безопасности, чтобы все уладить. Однако выяснилось, что девушка

пристрастилась к наркотикам, и ее нашли мертвой от излишне большой дозы. Очень жаль, - заметил Таока, словно говоря о кончине соседской кошки. - Но в той стране, откуда она приехала, есть и другие девушки.

Номури кивнул с усталым равнодушием, подумав о том, что его приятель только что проявил себя совсем с другой стороны. Казуо был типичным японским служащим. Сразу после окончания колледжа он поступив на работу, заняв должность, мало чем отличающуюся от должности рядового клерка. После пяти лет службы в компании его послали на курсы повышения квалификации, что в Японии по уровню подготовки соответствовало деловой школе Пэррис-Айленд, а по строгости напоминало Бухенвальд. В том, как функционирует эта страна, было что-то поразительно жестокое. Номури понимал, что в Японии жизнь отлична от американской. В конце концов, это другая страна и каждая из них имеет свои особенности, что в общем-то совсем неплохо. Америка была наглядным доказательством этого, потому что самые разные люди, приехавшие в нее, обогатили страну своими особенностями, каждое этническое сообщество вносило что-то уникальное в плавильный котел нации, создавая бурлящую, но одновременно живую и созидательную смесь. Однако лишь теперь он понял, почему люди стремятся в Америку, в особенности японцы.

Япония предъявляла к своим гражданам высокие требования, или, точнее, эти требования предъявляла ее культура. Босс всегда прав. Хороший работник исполняет приказы не рассуждая. Чтобы продвинуться по служебной лестнице, приходится целовать зад всем, кто стоит выше тебя, петь гимн своей компании, каждое утро проделывать упражнения подобно новобранцу в учебном лагере и приходить на службу на час раньше положенного времени, демонстрируя этим преданность и верность. Самым поразительным является то, что при подобных условиях вообще удается сохранять творческие способности. Возможно, лучшие из них пробиваются наверх, несмотря на все это, или же умело скрывают свои внутренние чувства до тех пор, пока не займут по-настоящему влиятельной должности, однако к этому времени у них в душе накапливается столько ярости, что Гитлер по сравнению с ними кажется просто молокососом. Карабкаясь наверх, они дают выход этим чувствам в пьяных кутежах или диких оргиях, рассказы о которых Номури слышал в этой самой горячей ванне. Истории о поездках в Таиланд, на Тайвань, а в последнее время и на Марианские острова представляли особый интерес, от них покраснели бы даже его сокурсники по Калифорнийскому университету в Лос-Анджелесе. Все это были симптомы общества, в котором культивировалось суровое психологическое подавление чувств, где внешний фасад хорошего воспитания и вежливости представлял собой плотину, сдерживающую накопившуюся ненависть, ярость и разочарование. Время от времени плотину прорывало, что обычно старались регулировать, однако давление на нее нарастало, и одним из следствий было такое отношение к другим людям, особенно иностранцам, гайджин, которое оскорбляло чувства Чета Номури, воспитанного в американских традициях равноправия. Пройдет еще некоторое время, понял Чет, и он возненавидит эту страну. Такое отношение будет нездоровым и непрофессиональным, подумал сотрудник ЦРУ, вспоминая лекции, выслушанные им на "Ферме": хороший оперативник отождествляет себя с культурой страны, против которой ему приходится работать. Он же, однако, начинал склоняться в другую сторону, причем, по иронии судьбы, главной

причиной этой растущей антипатии было то, что его корни уходили в глубь японской культуры.

- Тебе действительно больше нравятся такие, как она? - спросил Номури, закрыв глаза.

- О да. Трахать американцев скоро станет нашим национальным спортом, - хихикнул он. - Последние пару дней мы не теряли времени. Я сам был свидетелем этого, - с гордостью закончил Таока. Да, подумал он, наконец-то со мной полностью расплатились. Двадцать лет слепого повиновения принесли свои плоды. Он находился в "боевом штабе", прислушивался к происходящему, следил за всем, видел, как перед его глазами меняется история мира. Он, Таока, рядовой служащий, принял в этом участие, но еще более важным было то, что на него обратили внимание, его заметили. Сам

Ямата-сан.

- Так какие же великие подвиги совершались, пока я занимался своими маленькими делами? - спросил Номури, открывая глаза и глядя на приятеля с похотливой усмешкой.

- Мы вступили в войну с Америкой и победили! - заявил Таока.

- В войну? Вот как? Нам удалось взять под контроль "Дженерал Моторс"?

- Нет, в настоящую войну. Мы парализовали их Тихоокеанский флот, и Марианские острова снова принадлежат Японии!

- Мой друг, тебе нельзя пить слишком много спиртного, - заметил Номури, искренне веря словам, адресованным этому хвастуну.

- За последние четыре дня я не выпил ни капли! - запротестовал Таока. - Это чистая правда!

- Казуо, - терпеливо произнес Чет, разговаривая с ним словно с ребенком. - Ты умеешь рассказывать истории лучше любого, с кем мне доводилось встречаться. Ты так описываешь женщин, что у меня возникает шевеление в паху. Но ты любишь преувеличивать.

- Только не на этот раз, честное слово, - сказал Таока, испытывая непреодолимое желание убедить приятеля. И начал подробный рассказ.

Номури не проходил военной подготовки. Почти все, что он знал об этом, было почерпнуто им из книг или кинофильмов. Его задание не имело отношения к сбору информации о японских силах самообороны, а касалось всего лишь вопросов торговли и международных отношений. Но Казуо Таока действительно обладал даром незаурядного рассказчика, запоминал малейшие подробности, и прошло всего три минуты, как Номури пришлось закрыть глаза и приложить немалые усилия, чтобы сохранить улыбку на лице. И то и другое было результатом всесторонней подготовки в Йорктауне, штат Виргиния, как и развитая там память, направленная сейчас на то, чтобы запомнить каждое услышанное слово. В то же время другая часть мозга думала о том, как передать полученную информацию в Лэнгли. Единственной реакцией на слова Таоки было то, чего японец не мог ни увидеть ни услышать, - типичный американизм бился в мозгу оперативника: засранцы, проклятые засранцы!

- О'кей, доктор Райан, "Десантник" встал и готовится к встрече, - сообщила Элен Д'Агустино. - "Жасмин", - это было кодовое имя Энн Дарлинг, - будет в соседней кабине. Госсекретарь и министр финансов пьют кофе. Арни ван

Дамм чувствует себя, наверно лучше всех на борту самолета. Пора браться за дело. Как там с истребителями?

- Они будут рядом через двадцать минут. Мы решили вызвать "иглы" из Отиса. У них больше радиус действия, и они смогут сопровождать нас до самой посадки. Может быть, у меня мания преследования, а?

Дага посмотрела на него холодным взглядом профессионала.

- Вы знаете, доктор Райан, что мне всегда нравится у вас?

- Что?

- Вам не надо объяснять необходимость соблюдения безопасности, как приходится делать всем остальным. Вы думаете в точности, как и я. - В устах агента Секретной службы это звучало величайшей похвалой. - Президент ждет вас, сэр. - Она стала спускаться впереди Райана по спиральному трапу.

По пути к салону президента Джек столкнулся с женой. Как всегда, она была свежей и прелестной и ничуть не страдала от последствий банкета, несмотря на опасения мужа. Увидев его, Кэти хотела было пошутить, что проблемы возникли не у нее, а...

- Что случилось?

- Дела, Кэти.

- Неприятности? Райан молча кивнул и прошел вперед, мимо агента Секретной службы и вооруженного сотрудника службы безопасности ВВС. Постели с двух раскладных диванов были убраны. На одном из них сидел президент Дарлинг в брюках и белой рубашке, без пиджака и галстука. На столике стоял серебряный кофейник. Через иллюминаторы по обеим сторонам салона виднелось небо. Самолет летел примерно в тысяче футов над пушистыми кучевыми облаками.

- Слышал, ты не спал всю ночь, Джек, - заметил Дарлинг.

- Да, меня разбудили незадолго до Исландии, уж не помню точно когда, господин президент, - ответил Райан. Он не успел умыться и побриться, а волосы, похоже, выглядят так, подумал он, как у Кэти, когда она снимает шапочку, закончив длительную хирургическую операцию. Еще хуже было выражение глаз - ему предстояло сообщить президенту самые мрачные новости, которые когда-либо приходилось говорить.

- Ты ужасно выглядишь. В чем дело?

- Господин президент, на основе имеющейся у меня информации, полученной за последние несколько часов, я считаю, что Соединенные Штаты находятся в состоянии войны с Японией.

- В чем вы действительно нуждаетесь, сэр, так это в хорошем боцмане, который навел бы порядок, - заметил Джоунз.

- Рон, еще одна такая выходка, и я прикажу бросить тебя в карцер, понятно? За сегодняшний день твое поведение было слишком уж вызывающим, - произнес Манкузо усталым голосом. - Не забудь, я командовал этими людьми.

- Неужели я вел себя по-дурацки?

- Да, Джоунзи, - согласился Чеймберз. - Может быть, Ситона и надо было разок поставить на место, но ты перешел все границы. Сейчас нам требуются разумные ответы, а не нахальные выходки.

Джоунз кивнул, но остался при своем мнении.

- Хорошо, сэр. Что имеется в нашем распоряжении?

- Мы считаем, что у них восемнадцать подводных лодок, способных выйти в море. Две в капитальном ремонте и вряд ли смогут принять участие в боевых действиях - по крайней мере в течение нескольких месяцев, - сказал Чеймберз, сначала давая оценку силам противника. - Теперь, когда "Шарлотт" и "Эшвилл" вышли из игры, у нас семнадцать субмарин. Четыре из них в ремонте, их можно не принимать в расчет. Еще четыре проходят регламентные работы либо на местных верфях, либо в Сан-Диего. Четыре в Индийском океане. Может быть, нам удастся перебросить их сюда, а может быть, и нет. Остается пять. Три из них принимают участие в этих мнимых "учениях" вместе с авианосцами, одна в порту рядом с нами, у пирса. Последняя в Аляскинском заливе, совершает учебное плавание. Ведь у нее новый капитан, назначенный три недели назад?

- Да, - кивнул Манкузо. - Только начал осваиваться.

- Господи, неужели в шкафу так пусто? - ошеломленно спросил Джоунз. Теперь он жалел о своей шутке насчет хорошего боцмана. Грозный Тихоокеанский флот США, всего пять лет назад самое мощное военно-морское соединение в истории цивилизации, превратился теперь в эскадру, основу которой составляют фрегаты.

- Пять наших, восемнадцать японских, к тому же готовых к боевым действиям, в течение двух последних месяцев проводили учения. - Чеймберз посмотрел на карту бескрайнего океана на стене и нахмурился. - Ты посмотри, какой он большой, Джоунзи. - Безнадежность, прозвучавшая в этих словах, больше всего беспокоила Рона Джоунза.

- Как относительно тех лодок, которые на регламентных работах?

- Уже отдан приказ ускорить работы. Таким образом, если нам повезет, через пару недель у нас будет девять подводных лодок.

- Позвольте обратиться, мистер Чеймберз, сэр? Чеймберз невольно обернулся в прошлое.

- Да, старшина Джоунз, - как некогда отозвался он.

- Помните, когда мы отправлялись на север в одиночку, следили там сразу за четырьмя или пятью лодками противника?

Начальник оперативного управления кивнул почти ностальгически.

- Это было давно, Джоунзи, - тихо сказал он. - Теперь мы имеем дело с новейшими подлодками, причем в их домашних водах, и...

- Вы что, капитан первого ранга, променяли свои яйца на четвертую нашивку на погонах?

Лицо Чеймберза исказила гримаса дикой ярости.

- Послушай, парень, я...

- Нет, это ты послушай! - рявкнул в ответ Рон Джоунз. - Когда-то ты был решительным офицером, умел командовать людьми. Я полагался на тебя, потому что знал - ты сумеешь правильно распорядиться информацией, полученной от меня. Да, я верил тебе не меньше, чем верил ему, - Джоунз сделал жест в сторону адмирала Манкузо. - Когда мы выходили в море, у нас не было достойных соперников. И если бы ты должным образом исполнял свои обязанности командира подлодки, а ты - командующего подводными силами флота, Барт, эти парни остались бы живы! Проклятье! Когда я бросил свой рюкзак в рундук "Далласа", впервые прибыв на флот, я рассчитывал, что вы знаете свое дело. И разве я ошибался, джентльмены? Помните наш девиз на "Далласе"? Он гласил:

"Всегда первые перед лицом опасности!" Так что же случилось теперь, черт побери?! - Вопрос повис в воздухе. Гнев лишил Чеймберза дара речи, зато командующий подводными силами Тихоокеанского флота понял, что хотел сказать бывший старшина.

- Неужели положение кажется тебе настолько плохим? - спросил Манкузо.

- Да, сэр. Ладно, мы получили пинок под зад от этих ублюдков. Теперь пора приступить к ответным действиям. Разве мы не хозяева морей? Кто лучше нас сможет доказать это?

- Джоунз, ты всегда был наглецом, - заметил Чеймберз и снова посмотрел на карту. - Но, думаю, действительно пришло время взяться за дело.

В дверь просунулась голова писаря.

- Сэр, "Пасадена" только что связалась с нами. Командир сообщает, что готов приступить к выполнению боевого задания. Ждет указаний.

- Какое вооружение у нее на борту? - спросил Манкузо, понимая, что, исполняя он последние дни свои обязанности должным образом, ему не понадобилось бы задавать такой вопрос.

- Двадцать две торпеды ADCAP дальнего радиуса действия, шесть ракет "гарпун" и двенадцать крылатых ракет, - ответил старшина. - Она в полной боевой готовности, сэр.

Командующий подводными силами кивнул.

- Передайте, чтобы ждали приказа.

- Слушаюсь, сэр.

- На ней хороший шкипер? - спросил Джоунз.

- Это Тим Пэрри, - ответил Чеймберз. - Он служил у меня старпомом на "Ки-Уэсте". Справится с любым заданием.

- Значит, сейчас ему всего лишь требуется приказ. Манкузо поднял трубку телефона, соединяющего штаб подводных сил с главнокомандующим Тихоокеанским флотом.

- Да.

- Запрос из Государственного департамента, - сообщила дежурный офицер связи, войдя в салон. - Посол Японии обратился с просьбой о немедленной встрече с президентом.

- Бретт?

- Давайте выслушаем его, - сказал государственный секретарь. Райан кивнул.

- Это не может быть какой-нибудь ошибкой? - спросил Дарлинг.

- В самое ближайшее время поступят данные фотосъемки из космоса - над Марианскими островами пролетит разведывательный спутник. Сейчас там ночь, но это не имеет значения. - Райан закончил брифинг, и теперь стало очевидно, что информация явно недостаточна. Все указывало на то, что происшедшее выходит далеко за самые широкие рамки здравого смысла. Райан понял, что окончательно поверит этому лишь после того, как своими глазами увидит спутниковые фотографии.

- Если все соответствует действительности, что тогда?

- Потребуется некоторое время, - ответил Райан. - Посмотрим, что скажет японский посол.

- Зачем все это им надо? - недоуменно спросил министр финансов Фидлер.

- Не знаю, сэр. Если они просто хотят причинить нам неприятности, то предпринятые ими шаги выходят за разумные рамки. У нас есть ядерное оружие. У них его нет. Это настоящее безумие, - тихо ответил Райан. - Я ничего не понимаю. - И

тут он вспомнил, что в 1939 году самым крупным торговым партнером Германии была... Франция. Наиболее часто повторяющийся урок истории заключается в том, что логика не обязательно присутствует в отношениях между государствами. История не всегда одинаково истолковывается разными странами, а уроки, почерпнутые из нее, зависят от позиции государства. Да, об этом стоит помнить, подумал Джек, потому что противная сторона может забыть про это.

- Здесь какая-то ошибка, - заявил Хансон. - Произошла пара инцидентов. Может быть, две наши лодки столкнулись под водой, а на Сайпане живут слишком впечатлительные люди. Я хочу сказать, что этому трудно поверить.

- Согласен, имеющаяся информация не позволяет создать достаточно ясную картину, но отдельные факты... Я ведь хорошо знаю Робби Джексона. И Барта Манкузо тоже.

- Кто они?

- Манкузо - командующий подводными силами Тихоокеанского флота. Однажды мне довелось плавать с ним. Джексон - заместитель начальника J-3, мы дружим с ним с тех пор, как оба преподавали в Аннаполисе. - Господи, столько лет прошло...

- О'кей, - произнес Дарлинг. - Джек, ты сообщил нам все, что тебе известно?

- Да, господин президент. Абсолютно все факты, без всякого анализа.

- Ты хочешь сказать, что не смог их интерпретировать?

Вопрос прозвучал язвительно, но сейчас не время обижаться.

Райан кивнул.

- Совершенно верно, господин президент.

- Тогда нам остается только ждать. Когда прибываем в Эндрюз?

Фидлер посмотрел в иллюминатор.

- Вижу Чесапикский залив внизу. Скоро посадка. Президент повернулся к

Арни ван Дамму:

- Там будет пресса?

- Только те журналисты, что находятся в самолете.

- Райан?

- Мы будем уточнять обстановку по мере получения информации. Все службы оповещены.

- А что это за истребители рядом с нами? - спросил Фидлер. Два "игла" F-15 летели теперь на траверзе президентского "BBC-1" в тесном строю на расстоянии мили. Их пилоты не могут понять, наверно, чем это вызвано. Интересно, заметят "иглы" журналисты из хвостового салона? - подумал Райан. Впрочем, долго ли можно в тайне сохранять происходящее?

- Это я распорядился, Баз, - ответил Райан. Кому-то надо взять на себя ответственность, верно?

- Вам это не кажется излишне мелодраматическим? - язвительно заметил

государственный секретарь.

- Нападения на наши корабли мы тоже не ожидали, сэр.

- Дамы и господа, говорит полковник Эванс. Мы приближаемся к базе ВВС Эндрюз. Экипаж надеется, что перелет не оказался слишком уж трудным. Прошу вас поднять спинки кресел в вертикальное положение и... - Младшие сотрудники аппарата Белого дома, сидящие в хвостовом салоне, демонстративно отказались пристегнуть ремни. Экипаж самолета поступил, разумеется, в соответствии с правилами безопасности.

Райан почувствовал толчок, когда шасси авиалайнера коснулось асфальта на посадочной полосе 01. Для большинства пассажиров самолета и для журналистов в первую очередь это был конец, тогда как для него - только начало. Первым знаком явилась более усиленная, чем обычно, охрана, расположившаяся у терминала, и беспокойное поведение агентов Секретной службы. Советник по национальной безопасности почувствовал некоторое облегчение. Далеко не все считают, что это какая-то ошибка, но было бы намного лучше, подумал Райан, на этот раз оказаться неправым. В противном случае его страна столкнется с самым тяжелым кризисом в своей истории.

24. Первые шаги

Вряд ли может существовать более острое ощущение неуверенности, чем то, что испытывал сейчас Кларк. Операция, которую ИМ предстояло провести в Японии, казалась простой: вывезти домой американскую девушку, попавшую в трудное положение, и проверить возможность реактивации старой и уже несколько забытой агентурной сети.

По крайней мере так все предполагали, думал оперативник, направляясь в отель. Чавез ставил машину на стоянку - это была уже другая машина. И снова, когда ее арендовали, у служащего прокатной фирмы на лице появилась приветливая улыбка при виде кредитной карточки, напечатанной кроме латинских букв кириллицей. Кларку такое поведение японца показалось особенно необычным. Даже в разгар холодной войны (а можно так сказать про холодную войну?) русские почтительно обращались с американскими гражданами, проявляя к ним больше уважения, чем к своим соотечественникам. Неважно, являлось ли это результатом любопытства или чего другого, но привилегированное положение американцев облегчало их пребывание в далекой и враждебной стране. Кларку еще никогда не приходилось испытывать такой страх, и его мало утешало, что у Динга Чавеза не хватало опыта, чтобы понять, насколько необычным и опасным было их положение.

Вот почему он с таким облегчением нащупал кусочек клейкой ленты, прикрепленной снизу к дверной ручке своего номера. Может быть, он узнает что-то полезное от Номури. Кларк вошел в комнату всего на несколько минут, чтобы зайти в туалет, и тут же спустился вниз. В вестибюле он заметил Чавеза и подал ему условный сигнал: оставайся на месте. Кларк с улыбкой заметил, что его младший спутник зашел по дороге в книжный магазин, купил газету на русском языке и теперь демонстративно нес ее в руке. Через пару минут Джон снова остановился у витрины магазина фототоваров. Прохожих на улице было немного, но Кларк все-таки не стоял в одиночестве. Пока он с восхищением

смотрел на новое автоматическое чудо компании "Никон", его толкнули.

- Смотри, куда идешь, - грубо произнес кто-то по-английски и пошел дальше.. Кларк помедлил несколько секунд, потом направился в противоположную сторону, повернул за угол и оказался в узком переулке. Там он встал в тени дома и начал ждать. Скоро к нему подошел Номури.

- Это опасно, парень.

- Как ты думаешь, почему я вызвал тебя? - произнес Номури тихим и едва ли не испуганным голосом.

Они вели себя, как герои шпионского телесериала, так же естественно и профессионально, как два школьника, курящих украдкой в туалете. Самым странным было то, что какой бы важной ни была информация Номури, на ее передачу потребовалось меньше минуты, а все остальное время оперативники потратили на обсуждение процедурных вопросов.

- О'кей, самое главное - никаких контактов с прежними знакомыми. Даже при встрече на улице делай вид, что не узнал их. Не приближайся к ним. Все твои контакты исчезли, понял? - Мозг Кларка работал с предельной быстрой, хотя не преследовал какой-то определенной цели, главным сейчас было выжить. Чтобы достичь чего-то, в первую очередь нужно уцелеть, а Номури, как и они с Чавезом, был "нелегалом". Им не придется рассчитывать на снисхождение после ареста, а спецслужба, пославшая их сюда, будет отрицать всякую связь с ними.

Чет Номури кивнул.

- Понятно. Значит, вы остаетесь, сэр?

- Совершенно верно. Если потеряешь контакт с нами, возвращайся под свое прикрытие и ничего не предпринимай. Ты это понял? Ничего. Веди себя, как законопослушный гражданин Японии, и ничем не выделяйся.

- Но...

- Никаких "но", парень. Сейчас ты подчиняешься мне, так что исполняй мои распоряжения. Если нарушишь их, я тебя под землей найду! - Затем голос Кларка смягчился: - Запомни, что самое главное - выжить. У нас не выдают таблеток с ядом, и мы не рассчитываем на бесстрашное поведение агентов, как это показывают в кино. Мертвый оперативник - это глупый оперативник. - Черт побери, если бы к этой операции готовились с самого начала по-другому, мы все уже сделали бы - были бы тайные "почтовые ящики", целая система условных знаков и тупиков, - но теперь на это не оставалось времени и с каждой секундой увеличивалась опасность того, что их заметит какой-нибудь житель Токио, увидит японца, беседующего с гайджином, и запомнит их. В критической ситуации мания преследования развивается с небывалой быстротой и становится все круче.

- Хорошо, все будет так, как вы сказали.

- Придерживайся принятого распорядка жизни. Ничего не меняй, разве что стань чуть менее заметным. Веди себя, как все. Гвоздь, который высовывается из стены, забивают на место, а это причиняет боль. А еще вот что тебе предстоит сделать... - Кларк говорил примерно минуту. - Понятно?

- Да, сэр.

- Теперь уходи. - Кларк направился по переулку и вошел в свой отель через черный ход, оставшись незамеченным в такое позднее время. Слава Богу, подумал он, что здесь такой низкий уровень преступности. У американского

отеля черный ход был бы заперт, или там была бы установлена сигнализация, а то и двор патрулировал бы вооруженный охранник. Даже во время войны улицы Токио были безопаснее, чем в Вашингтоне, округ Колумбия.

- Почему бы тебе просто не купить целую бутылку, вместо того чтобы всякий раз ходить в бар? - как всегда, спросил "Чеков", когда Кларк вошел в комнату.

- Пожалуй, так я и поступлю. - Услышав такой ответ, молодой оперативник оторвался от русской газеты. Кларк сделал жест в сторону телевизора, включил его и настроил на канал, по которому передавали новости Си-эн-эн на английском языке.

Теперь следующий шаг. Как же послать сообщение об этом, черт возьми? - подумал он. Для связи с Америкой Кларк не решался воспользоваться телетайпом. Даже бюро "Интерфакса" в Вашингтоне не годится - слишком велика опасность. Агентство в Москве не имеет шифровальной аппаратуры, а обратиться к представителю ЦРУ в американском посольстве он не мог. Все объяснялось тем, что поведение в дружественной стране подчинялось одним правилам, а во враждебной - другим, и никто не предполагал, что одна страна может так быстро превратиться в другую. Опытного разведчика выводило из себя уже то обстоятельство, что ни он, ни другие сотрудники ЦРУ не получили предупреждения о вероятности такого развития событий; если он уцелеет, пообещал себе Кларк, то обязательно добьется слушаний в Конгрессе по этому поводу. Единственной хорошей новостью было то, что теперь он знал имя подозреваемого в убийстве Кимберли Нортон. По крайней мере можно пофантазировать на эту тему, а в данный момент занять мозг чем-то иным просто нельзя. Через полчаса ему стало ясно, что и Си-эн-эн не имеет представления о происходящем, а если об этом не знает Си-эн-эн, значит, не знает никто. Ну разве не великолепно, подумал Кларк. Это похоже на легенду о Кассандре, дочери троянского царя Приама, обладающей даром провидения, вещие слова которой никогда не принимались всерьез. Но ведь тут даже отсутствует возможность сообщить о том, что ему известно...

А что, если... Нет. Он покачал головой. Это безумие.

- Все машины полный вперед, - прозвучал голос командира "Эйзенхауэра".

- Полный вперед, слушаюсь, - отрепетовал старшина и передвинул ручки машинного телеграфа. Через мгновение внутренняя стрелка передвинулась в такое же положение. - Сэр, машинное отделение докладывает - все полный вперед.

- Отлично. - Командир авианосца перевел взгляд на адмирала Дюбро. - Хотите заключить пари, сэр?

Как ни странно, но самая полная информация поступила от гидроакустиков. Два корабля из наружного охранения буксировали гидролокационные антенны, так называемые "хвосты". По их сообщениям и по сведениям, которые передавали две атомные подводные лодки, занимающие позицию справа от боевого соединения, индийская эскадра находилась далеко к югу. Это была одна из тех случайностей, встречающихся чаще, чем можно предполагать, когда гидроакустика оказалась эффективнее радиолокации, электронные волны которой ограничивались кривизной Земли, тогда как звуковые волны двигались по своим

глубинным каналам. Индийский флот был на расстоянии более ста пятидесяти миль, что совсем немного для реактивных самолетов, однако индийцы искали американские корабли на юге, а не на севере, да и к тому же адмирал Чандраскатта, судя по всему, опасался проводить летные операции ночью, поскольку это подвергало опасности его ограниченное количество истребителей "хэрриер". Что ж, подумали оба американца, посадка на палубу авианосца в темное время суток - дело действительно рискованное.

- Шансы лучше, чем равные, - ответил адмирал Дюбро после недолгого размышления.

- Думаю, вы правы.

Эскадра шла с потушенными огнями, что не было таким уж необычным для боевых кораблей, с выключенными радиолокаторами. Разрешалось пользоваться только радиосвязью с дальностью действия на расстоянии прямой видимости и с импульсами длительностью в сотые доли секунды. Даже передатчики спутниковой связи излучали паразитные волны, способные выдать местонахождение американского соединения, которому требовалось незаметно проскользнуть к югу от Шри-Ланки.

- Как во времена второй мировой войны, - заметил командир авианосца, стараясь сдержать волнение. Сейчас безопасность соединения зависела исключительно от человеческих органов чувств.

Размещенные повсюду впередсмотрящие пользовались биноклями и электронными приборами ночного видения, с помощью которых они обшаривали горизонт в поисках силуэтов и мачт кораблей противника, а матросы на нижних палубах не отрывали глаз от морской поверхности, наблюдая за возможным появлением бурунов от перископов подводных лодок. У индийцев где-то в море были две подводные лодки, и Дюбро не знал даже приблизительно, где они сейчас находятся. Скорее всего, и лодки плавают где-то на юге, прослушивая морские глубины, однако, если Чандраскатта действительно так умен, как опасался американский адмирал, он оставит одну из них на севере просто ради страховки. Может быть, Дюбро не желал рисковать и потому искусно спланировал операцию, рассчитывая обмануть противника.

- Адмирал? - Дюбро повернул голову. Рядом стоял радист. - "Молния" от главнокомандующего Тихоокеанским флотом, сэр. - Старшина передал ему блокнот и осветил страницу красным светом фонаря, чтобы командующий авианосным соединением мог прочесть текст.

- Вы подтвердили получение?

- Никак нет, сэр, вы распорядились не выходить на связь.

- Отлично, старшина. - Дюбро начал читать. В следующее мгновение он выхватил фонарик и поднес его вплотную к странице.

- Черт побери! - воскликнул он.

Специальный агент Роббертон повез Кэти домой, и теперь Райан из обычного человека с женой и детьми снова превратился в государственного служащего. От "BBC-1" до вертолета "Морская пехота-1" с уже вращающимся винтом было совсем недалеко. Президент и миссис Дарлинг - "Десантник" и "Жасмин" - остановились перед камерами, улыбнулись и затем, сославшись на усталость после продолжительного перелета, пообещали ответить на все вопросы

позднее. Райан шел несколько позади, стараясь не привлекать к себе внимания.

- Мне понадобится час на подготовку, - сказал Дарлинг, когда вертолет совершил посадку на южной лужайке у Белого дома. - Когда приедет посол?

- В половине двенадцатого, - ответил Бретт Хансон.

- На встрече будут присутствовать ты, Арни и Джек.

- Хорошо, господин президент, - кивнул государственный секретарь.

Как всегда, у входа стояли фотографии, но большинство репортеров, аккредитованных в Белом доме, чьи вопросы так раздражали представителей администрации, остались на базе Эндрюз вместе со своим багажом. На первом этаже здания, в вестибюле, агентов Секретной службы было больше обычного. Райан направился в западное крыло, через две минуты вошел в свой кабинет, по пути сняв пальто, и сел за стол, на котором уже находилось множество записок, уведомляющих его о телефонных звонках. Он не обратил на них внимания, поднял телефонную трубку и набрал номер ЦРУ.

- Заместитель директора по оперативной работе слушает. Добро пожаловать домой, Джек, - послышался голос Мэри-Пэт Фоули. Райан не спросил, откуда ей известно, что звонит именно он. Правда, людей, знающих номер телефона заместителя директора ЦРУ можно перечислить по пальцам.

- Как ты оцениваешь ситуацию?

- Персонал нашего посольства в Токио в безопасности. Туда никто пока не приезжал, и там уничтожают документы. - За последние десять лет резидентура ЦРУ в Японии, как и везде, была переоборудована, и теперь все секретные документы хранились на компьютерных дисках, так что для их уничтожения требовалось несколько секунд и это не оставляло предательского дыма. - Наверно, уже кончили. - Процедура электронного уничтожения документов была простой. Записи тщательно стирались с компьютерных дисков, по которым потом проводили мощными ручными магнитами. У такого метода был и недостаток, он заключался в том, что часть информации невозместимо утрачивалась, хотя и не столь невозместимо, как люди, от которых она поступала. В настоящий момент в Токио находились три "нелегала" разведывательных служб США, действующие сейчас во враждебной, по-видимому, стране.

- Что еще?

- Они разрешают сотрудникам посольства уезжать домой и извращаться на службу в сопровождении полицейских. Вообще-то ситуация достаточно спокойная, не похожая на Тегеран 79-го года. Для связи японцы позволяют пользоваться спутниковыми каналами, но осуществляют электронный контроль. У посольства есть одна телефонная линия, закрытая от прослушивания, зато все остальные отключены. У нас все-таки сохранилась возможность пользоваться кодом "Тэпданс", - закончила она, имея в виду шифровальную систему, основанную на законе случайных чисел и одноразовых страницах блокнота, находившуюся теперь в распоряжении всех посольств для передачи секретной информации через систему связи Агентства национальной безопасности.

- Какие еще возможности остались? - спросил Райан, надеясь, что его собственный закрытый телефонный канал никем не прослушивается, но даже в этом случае проявляя осторожность.

- Без контактов с легальными сотрудниками наши "нелегалы" полностью отрезаны. - Судя по беспокойству, прозвучавшему в голосе Мэри-Пэт, она была

очень встревожена и упрекала себя в создавшейся ситуации. У ЦРУ по-прежнему во многих странах проводились операции, при которых не требовалось участия сотрудников посольства, однако Япония не относилась к их числу, и даже Мэри-Пэт была не в силах изменить прошлое.

- Им хотя бы известно, что сейчас происходит? - Это был важный вопрос, и заместитель директора ЦРУ по оперативной работе снова ощутила прозвучавший в нем упрек.

- Мы не знаем этого, - призналась миссис Фоули. - Они не выходили на связь. Или не знают, или их деятельность уже раскрыта. - Такая фраза звучала лучше, чем упоминание о возможном аресте.

- А другие резидентуры?

- Джек, все случилось совершенно неожиданно и в самый неблагоприятный момент. - Несмотря на испытываемую ею боль, понял Райан, она сообщает о фактах спокойно и беспристрастно, словно хирург в операционной. Как жаль, что на слушаниях комитета Конгресса ее подвергнут безжалостной критике за этот промах в оперативной деятельности. - В Пекине и в Сеуле мои агенты проявляют максимальную активность, однако я не рассчитываю получить от них надежные сведения в ближайшие часы.

Райан просматривал розовые листки, уведомляющие его о поступивших звонках.

- Смотри, Мэри-Пэт, здесь говорится, что час назад мне звонил Головкин...

- Позвони ему, Джек, - тут же ответила Мэри-Пэт. - И сразу передай мне, что скажет тебе этот старый козел.

- Сейчас. - Джек потряс головой, вспоминая, о чем они говорили при последней встрече. - Вот что, Мэри-Пэт. Приезжай ко мне немедленно и прихвати с собой Эда. Хочу узнать ваше мнение, но говорить об этом по телефону я не могу.

- Приедем через тридцать минут, - ответила миссис Фоули. Джек разложил на столе несколько факсов и быстро просмотрел их. Оперативное управление Пентагона отреагировало быстрее других, но теперь начала поступать информация от РУМО и тут же от Государственного департамента. Правительство проснулось - оно обычно быстро реагирует, когда начинается стрельба, с кривой усмешкой подумал Райан, - однако сведения, поступающие от различных агентств повторялись, поскольку они узнавали о происходящем в разное время и сообщали, как о чем-то новом. Он снова посмотрел на записку о звонке директора русской внешней разведки, поднял трубку и набрал номер. Интересно, какой из телефонов на столе Головкин сейчас зазвонит? - подумал он. Райан придвинул к себе блокнот и пометил время. Центр связи Белого дома заметит, разумеется, момент начала разговора и запишет его на пленку, но ему хотелось вести собственные записи.

- Привет, Джек.

- Это твой прямой канал, Сергей Николаевич?

- Почему бы и нет - для старого друга? - Наступила пауза, и с ней закончился обмен любезностями. - Полагаю, тебе все уже известно.

- Да, конечно. - Райан на мгновение задумался и продолжил: - нас захватили врасплох, - признался он. В трубке послышался сочувственный вздох,

такой характерный для русских.

- Нас тоже. Все произошло совершенно неожиданно. У тебя еще не сформировалось мнение о том, чего хотят эти безумцы? - спросил директор внешней разведки. В его голосе звучали гнев и тревога.

- Нет. Сейчас я пока ничего не понимаю, - признался Райан и тут же подумал, что именно это должно беспокоить его больше всего.

- Какие у вас планы?

- В данный момент никаких, - сообщил Джек. - Их посол приедет сюда меньше чем через час.

- Они выбрали удивительно благоприятное время, - заметил русский. - Насколько я помню, однажды это уже им удалось.

- С вами они были не менее удачливыми, - произнес Райан, вспомнив, как началась русско-японская война. Японцы любят сюрпризы.

- Да, Джек, с нами тоже. - Так вот чем объясняется звонок Сергея и по какой причине у него в голосе звучит такая тревога. В конце концов, страх перед неизвестным характерен не только для детей, правда? - Ты не мог бы сообщить мне, какие у вас там возможности? Это поможет нам быстрее разобраться в причинах кризиса.

- Пока я не уверен, Сергей, - солгал Райан. - Если твоя вашингтонская резидентура действует достаточно хорошо, ты должен знать, что я только что вошел в кабинет. Нужно время, чтобы ознакомиться с обстановкой. Мэри-Пэт выехала ко мне.

- Понятно, - услышал Джек ответ собеседника. Ну что ж, это была явная ложь, и Сергей, мудрый старый профессионал, все понял. - Вы допустили ошибку, не прибегнув к помощи агентурной сети "Чертополох" раньше.

- Мы говорим с тобой по открытому каналу, Сергей Николаевич. - Отчасти это соответствовало истине. Телефонный звонок шел через каналы связи американского посольства в Москве, и потому по линии, закрытой от прослушивания, далее связь осуществлялась, вероятней всего, по обычному телефонному каналу и была уязвимой.

- Не беспокойся, Иван Эмметович. Ты помнишь, о чем мы говорили у меня в кабинете?

Да, конечно, подумал Райан. Может быть, русские действительно сумели завербовать главу японской службы контрразведки. Если так, то он знает, безопасен ли этот телефонный канал. И к тому же у русских имеется еще несколько козырных карт, туз в их числе. А вдруг Головкин позволит Райану заглянуть в них?

Думай быстрее, Джек, скомандовал Райан. Итак, у русских есть в Японии еще одна агентурная сеть, хорошо налаженная и действующая".

- Сергей, мне нужен ответ на важный вопрос: ты заранее знал об этом?

- Джек, клянусь тебе честью старого шпиона... - Райан представил себе улыбку на лице Головкина, - я только что был вынужден признаться своему президенту: все произошло настолько неожиданно, что меня застали, так сказать, с расстегнутой прорехой и я даже не успел затянуть молнию. Я оказался в таком глупом положении, что ...

Джек больше не слушал продолжающихся разъяснений главы русской разведки. О'кей. Значит, у русских есть в Японии агентурная сеть, но и они,

по-видимому, не получили предупреждения о предстоящих событиях. Или... Нет, вряд ли, опасность от подобной двойной игры слишком велика. Еще один факт: эта их агентурная сеть находится внутри японских правительственных департаментов, так и должно быть, если им удалось завербовать сотрудников Следственного управления общественной безопасности - СУОБ. Однако "Чертополох" с самого начала занимался главным образом промышленным шпионажем, а Сергей только что сказал ему, что американцы допустили ошибку, не воспользовавшись этой сетью раньше. Открывающиеся возможности казались Райану настолько необычными, что отвлекли его внимание от остальных аспектов признания Головки.

- Сергей Николаевич, у нас мало времени. Ты клонишь к чему-то. К чему именно?

- Я предлагаю совместные действия. У меня есть на это разрешение президента Грушевого. - Он не сказал "сотрудничество", заметил Джек, но даже такое предложение ошеломило американца.

Еще никогда, еще ни разу в истории - за исключением плохих шпионских фильмов - КГБ и ЦРУ не вели совместных действий по сколько-нибудь важным вопросам. Да, конечно, в мире произошли радикальные перемены, но КГБ, даже в своем новом воплощении, все еще старался завербовать агентов в Америке и действовал весьма успешно. По этой причине мы и не доверяем русским. Но только что руководитель русской разведки все-таки сделал такое предложение. Почему?

Потому что русские напуганы. Чем?

- Я сейчас поговорю с Мэри-Пэт и представлю твое предложение президенту. - Райан еще не был уверен, как сделать это. А вот Головки, несомненно, понимал ценность выдвинутого им предложения. Вряд ли нужно быть слишком уж проницательным, чтобы догадаться каким будет ответ.

И снова Райан мысленно увидел улыбку на лице русского разведчика.

- Если Фоулеева не согласится, это меня несказанно удивит, Джек. Я буду у себя в кабинете еще несколько часов.

- Я тоже. Спасибо, Сергей.

- До свидания, доктор Райан.

- Это показалось мне очень интересным, - послышался голос Робби Джексона, стоящего в дверях. - Похоже, ты тоже провел бессонную ночь.

- Да, в самолете. Хочешь кофе? - спросил Джек.

Адмирал покачал головой.

- Нет, спасибо. Еще одна чашка, и у меня начнут дрожать руки. - Он вошел в кабинет и сел.

- Плохо?

- И становится все хуже. Мы все еще не подсчитали, сколько военнослужащих находится в Японии, поскольку там немало проезжающих. Час назад в Якоте приземлился С-141 - и тут же связь с ним прервалась. Проклятый самолет был вынужден совершить там посадку - у него что-то случилось со средствами связи или, скорее, не хватило горючего, - сообщил Робби. - В экипаже четыре или пять человек, не помню. Госдеп пытается выяснить, сколько там бизнесменов. В результате мы получим приблизительное число, но нужно принять во внимание и туристов.

- Заложники... - пробормотал Райан и нахмурился. Адмирал кивнул.
- Не меньше десяти тысяч.
- А две подводные лодки?

Джексон отрицательно покачал головой.

- Погибли, с них никто не спасся. Самолет, вылетавший к месту их гибели, вернулся на "Стеннис". Сейчас авианосец направляется в Пирл-Харбор на скорости двенадцать узлов. "Энтерпрайз" пробует повернуть один гребной вал и находится на буксире, делает узлов шесть. Не исключено, что повреждения не столь серьезны, как сообщил нам командир. Навстречу идет океанский буксир. Мы послали несколько самолетов P-3 к Мидуэю для противолодочного патрулирования. Будь я на месте противника, попытался бы потопить авианосцы. "Джонни Реб" сможет отбиться, а вот "Энтерпрайз" - прекрасная цель. Главнокомандующий беспокоится о нем. Мы утратили способность контролировать ситуацию силовыми методами, Джек.

- Как на Гуаме?

- Связь со всеми островами Марианского архипелага прервана. - Джексон объяснил, как говорил по телефону с Орезой. - Он может всего лишь информировать нас о том, насколько плохо наше положение.

- У тебя есть предложения?

- Мои люди изучают различные варианты, однако, чтобы взяться за это дело всерьез, нам нужно знать, каковы намерения президента. Насколько серьезно он относится к этому? - спросил адмирал.

- Скоро сюда приедет японский посол.

- Великолепно. Но вы не ответили на мой вопрос, доктор Райан.

- Ответ и мне пока неизвестен.

- Это должно укрепить мою решимость?

Капитан первого ранга Бад Санчес чувствовал, что оказался в редкостном положении. Успешная посадка противолодочного самолета S-3 "викинг" не была такой уж трудной. В конце концов, "гуверы" - послушные самолеты, они совершают посадку на малой скорости, да и над летной палубой дул встречный ветер узлов в двадцать. Теперь все авиакрыло находилось на борту "Джона Стенниса" и его авианосец улепетывал с места аварии.

Да, огромный авианосец старался уйти отсюда с максимально возможной скоростью. Он не шел навстречу опасности, как этого требовали традиции Военно-морского флота США, а плыл на одном винте обратно в Пирл-Харбор. Пять эскадрилий истребителей и штурмовиков безмолвно застыли ровными рядами на его летной палубе, готовые к боевым операциям, но неспособные попытаться взлететь - разве что в случае крайней необходимости. Причина заключалась в весе и ветре. Во время летных операций, когда самолеты взлетают или совершают посадку, авианосцы направляются навстречу ветру, они оснащены мощными двигателями, разгоняющими корабль до такой скорости, что над палубой возникает максимально сильный встречный поток воздуха. Этот воздушный поток в сочетании с ускорением, придаваемым самолетам паровыми катапультами, создает необходимую подъемную силу. Таким образом, способность самолетов к взлету прямо зависит от этого потока, а с тактической точки зрения сила воздушного потока оказывает влияние на подъемный вес самолетов, куда

включаются топливо и боезапас. В создавшейся ситуации самолеты Санчеса могли взлететь, но без запаса горючего, необходимого для того, чтобы оставаться в воздухе и преследовать цели над морской поверхностью и даже без минимального боезапаса. Командир авиакрыла пришел к выводу, что его истребители способны защитить флот от воздушной угрозы примерно в радиусе ста миль. Однако такая опасность отсутствовала, и хотя направление отхода японской эскадры было известно, она находилась за пределами досягаемости грозных истребителей и штурмовиков Санчеса. Правда, у него все равно не было приказа, позволяющего осуществить подобный акт возмездия.

Ночь на море обычно прекрасное зрелище и доставляет удовольствие, но не на этот раз. Свет луны в последней четверти и бесчисленных звезд, отражающийся от гладкой морской поверхности, заставлял всех нервничать. Вне зависимости от затемнения боевые корабли были отчетливо видны. Единственными боевыми машинами авиакрыла Санчеса, находящимися в воздухе, являлись противолодочные вертолеты, мигающие габаритные огни которых мелькали главным образом впереди авианосцев, рядом с передовыми кораблями боевого охранения. Хорошо было то, что малая скорость создавала благоприятные условия для гидроакустических систем эсминцев и фрегатов, буксировавших за собой пассивные антенны, которые прослушивали морские глубины. Впрочем, их было не так много. Большинство кораблей охранения находились вблизи "Энтерпрайза", окружая его двумя кольцами, подобно тому как телохранители оберегают главу государства. Один из них, ракетный крейсер типа "иджис", пытался помочь авианосцу, буксируя его на заведенном с кормы стальном тросе, так что скорость "Энтерпрайза" достигала целых шести с половиной узлов. Без хорошего штормового ветра с носа "Эйзенхауэр" вообще не сможет вести летные операции.

Подводные лодки, традиционно злейший враг авианосцев, могли скрываться в толще океана. Из Пирл-Харбора сообщили, что гидрофоны не зарегистрировали никаких контактов вблизи разделившегося теперь авианосного соединения, но им было легко судить с берега о ситуации в море. Гидроакустики, сидящие с наушниками под наблюдением нервничающих офицеров, требовавших, чтобы те ничего не упускали, обнаруживали цели, которых не существовало в действительности: водные завихрения, рыбные косяки и тому подобное. Беспокойство экипажей наглядно проявилось в том, как один фрегат в пяти милях от авианосца вдруг резко повернул налево и увеличил скорость, наверняка переведя гидролокатор в активный режим, что было вызвано, скорее всего, воображением гидроакустика третьего класса, которому вдруг показалось, что он услышал подозрительный шум. Наверно, это пару раз перднул кит, подумал капитан первого ранга Санчес. Над самой поверхностью моря висел один из "сихоуков" его авиакрыла, опуская в воду погружной гидролокаторный датчик прослушивания глубины. Отсюда до Пирл-Харбора тысяча триста миль, подумал Санчес, а скорость - двенадцать узлов. Четверо с половиной суток хода и ежеминутное ожидание торпедной атаки с японской подводной лодки.

И тут же возник логичный вопрос: какому это гению пришла в голову мысль убрать из западной части Тихого океана боевые корабли? Являются Соединенные Штаты глобальной супердержавой или нет? Разве демонстрация военной мощи во всех районах мира не имеет важного значения? Раньше имела, несомненно, подумал Санчес, вспомнив время обучения на курсах высших офицеров в

Ньюпорте, перед тем как получить назначение на должность командира авиакрыла. На протяжении двух поколений Военно-морской флот США поддерживал равновесие сил во всем мире и наводил страх одним лишь фактом своего существования, всего лишь напоминая о своей мощи, о чем свидетельствовали постоянно обновляемые фотографии боевых кораблей в морском сборнике "Джейнз файтинг шипс". Никто не знал, где в данный момент находятся эти корабли. Любопытным стоило только сосчитать пустые пирсы на огромных военно-морских базах и задуматься над возможными последствиями. Ну что ж, теперь задумываться больше не приходилось. У двух крупнейших в мире заводов по разделке судов на металлолом в Пирл-Харборе теперь много работы, а если сообщение о захвате Марианских островов соответствует действительности, у Америки не хватит морской мощи, чтобы отвоевать их обратно, даже если Майку Дюбро с его эскадрой захочется прийти на помощь, как в последних кадрах фильма, когда бесстрашные кавалеристы Седьмого полка спасают белых поселенцев от кровожадных индейцев.

- Привет, Крис. Спасибо, что пришел. - До приезда посла в Белый дом оставалось всего несколько минут. Крайне неудачное время, но тех, кто принимал решения в Токио, не интересовало, насколько это удобно для Нагумо. В этом дипломат не сомневался. Существовала еще одна причина. Обычно в Вашингтоне не замечали иностранцев, но и это скоро переменится. Сейчас, впервые за все время пребывания в Америке, Нагумо превратился в гайджина.

- Сейджи, что происходит, черт побери? - спросил Кук. Оба являлись членами Университетского клуба, роскошного заведения, расположенного рядом с русским посольством. Клуб мог похвастать великолепным спортивным залом и являлся любимым местом для тех, кто любил поработать на тренировочных снарядах и быстро поесть. Японские торговые компании арендовали в клубе несколько комнат, и, хотя в дальнейшем Нагумо не сможет пользоваться ими для встреч с американскими чиновниками, эта последняя встреча, рассчитывал он, не привлечет внимания.

- Что тебе известно, Крис?

- Мне сказали, что на одном из боевых кораблей вашего флота произошел пожар и какой-то несчастный случай. Боже мой, Сейджи, ведь ситуация и без того достаточно тяжелая! Разве мало этих проклятых топливных баков? - Перед тем как ответить, Нагумо сделал паузу. То, что сообщил ему американец, было в некотором смысле хорошей новостью. Случившееся старались держать в секрете, как и предсказывал Нагумо и на что надеялся посол. Сейчас Сейджи нервничал, хотя это и не было заметно по его бесстрастному лицу.

- Крис, это не было случайностью.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Произошло в некотором роде боевое столкновение. Дело в том, что моя страна ощущает угрозу со стороны Соединенных Штатов и мы приняли меры в целях защиты.

Крис посмотрел на своего японского друга недоумевающим взглядом. Несмотря на то что он входил в состав группы японистов Государственного департамента, его еще не приглашали на подробный брифинг. Куку было известно лишь то, что он слышал по радио в своем автомобиле, а переданная информация

являлась весьма скудной. Сама мысль о возможности нападения на Америку выходила далеко за пределы его воображения. В конце концов, Советский Союз распался, правда? Такое представление о происшедшем устраивало Сейджи Нагумо. Его приводила в ужас мысль об опасности, которой подвергается его страна, хотя он не имел представления о причинах, вызвавших все это. Он оставался патриотом. Любил свою родину и был воспитан в ее культурных традициях. Ему надлежало выполнять полученные инструкции и приказы. В душе он мог возмущаться ими, но в остальном оставался солдатом и должен бесприкословно повиноваться. Это Кук был гайджином, а не он, беспрестанно повторял себе Нагумо.

- Крис, наши страны воюют друг с другом - в некотором смысле. Вы слишком уж прижали нас. Извини меня, мне самому не нравится такое развитие событий. Надеюсь, ты поймешь.

- Одну минуту. - Крис Кук покачал головой, и на его лице появилось странное выражение. - Ты говоришь - война? Настоящая война?

Нагумо кивнул и заговорил рассудительным голосом, в котором звучало сожаление:

- Мы захватили Марианские острова. К счастью, это удалось осуществить без пострадавших с обеих сторон. Столкновение между нашими флотами оказалось несколько более серьезным, но не больше. Сейчас обе стороны расходятся, и это хороший знак.

- Вы убили американцев?

- Да, к моему крайнему сожалению, оба флота понесли потери. - Нагумо замолчал и посмотрел вниз, словно не решаясь взглянуть в глаза другу. Японец уже убедился, что американец проявляет именно те чувства, которые он от него ожидал. - Прошу тебя, Крис, не вини меня в случившемся, - продолжил Нагумо, явно сдерживая собственные чувства. - Но такое бывает. Я не имею к этому никакого отношения. Никто не спрашивал моего мнения. Ты знаешь, каким был бы мой ответ, какой бы совет дал я. - Нагумо говорил правду, и Кук понимал это.

- Господи, Сейджи, что же теперь делать? - Этот вопрос прозвучал как проявление дружбы, поиски поддержки, что было нетрудно предсказать. Нагумо, как и рассчитывал, тут же воспользовался этим.

- Нам нужно сохранять спокойствие и удерживать происходящее в определенных рамках. Я не хочу, чтобы мою страну снова уничтожили. Мы должны остановить это и сделать все как можно быстрее. - Это являлось целью его страны и потому его собственной. - В мире не должно быть места для такой... такой мерзости. В моей стране есть и более рассудительные головы. Гото - дурак. Вот видишь, - Нагумо развел руками, - вот я и высказал тебе свою точку зрения. Он действительно дурак. Неужели мы позволим, чтобы наши страны уничтожили друг друга из-за дураков? Как по-другому можно назвать действия вашего Конгресса, поведение этого маньяка Трента с его законом о реформе торговли? Посмотри, к чему привели эти его реформы! - Нагумо по-настоящему вошел в роль. Умеющий скрывать свои чувства подобно большинству дипломатов, он обнаружил у себя актерский талант, который проявился особенно ярко, поскольку Нагумо искренне верил в то, что сейчас говорил. Он поднял голову - у него в глазах стояли слезы. - Крис, если такие люди, как мы с тобой, не возьмутся за решение проблемы - мой Бог, что будет тогда? Пропадет труд

нескольких поколений, обе страны - твоя и моя - понесут огромный урон, погибнут люди, наступит конец прогрессу - и все это почему? Только потому, что дураки в наших странах не сумели урегулировать торговые проблемы? Кристофер, ты должен помочь мне положить этому конец. Должен!

Кристофер Кук, пусть и предатель, продавший за деньги интересы своей страны, оставался тем не менее дипломатом, а профессиональный долг дипломатов заключается в том, чтобы не допустить войны. Ему нужно было принять решение, и он его принял.

- Но что ты собираешься делать?

- Крис, ты ведь знаешь, что мое влияние выходит далеко за пределы той должности, которую я занимаю, - напомнил Нагумо. - Иначе как бы я мог оказывать тебе услуги, цементирующие нашу дружбу?

Кук кивнул. Он догадывался об этом.

- В Токио у меня влиятельные друзья и связи. Но мне нужно время. Мне нужны гибкие условия при переговорах. Если мне предоставят такие возможности, я сумею смягчить нашу позицию, опереться на политических противников Гото и выработать какое-то взаимоприемлемое решение проблемы. Нам придется упрятать этого безумца в сумасшедший дом - там ему самое место. Такой маньяк может уничтожить мою страну, Крис! Ради всего святого, ты должен помочь мне остановить его. - Эта фраза прозвучала как крик души.

- Но что я могу сделать, Сейджи, черт возьми? Я всего лишь заместитель помощника госсекретаря, понимаешь? Самый рядовой краснокожий, и надо мной множество вождей.

- Ты один из тех немногих в Государственном департаменте, кто понимает нас. К тебе обратятся за советом. - Нагумо решил, что следует добавить немного лести. И Кук кивнул.

- Пожалуй. Может быть, у них хватит сообразительности, - добавил он. - Мы знакомы со Скоттом Адлером. Он советуется со мной.

- Если ты сообщишь мне, чего хочет ваш Госдепартамент, я передам эту информацию в Токио. Чутьку везения, и мои союзники в Министерстве иностранных дел раньше других успеют выдвинуть встречное предложение. В таком случае ваши идеи могут показаться нашими и мы с большей легкостью пойдем вам навстречу. - Такое поведение называлось дзюдо и заключалось главным образом в том, что сила и натиск противника использовались против него самого. Нагумо считал, что очень умело прибегнул сейчас к этому древнему японскому искусству, придумав подобный гамбит. Тщеславию Кука должна понравиться мысль, что таким образом он сможет манипулировать теми, в чьих руках находится внешняя политика Соединенных Штатов.

Гримаса недоверия снова появилась на лице Кука.

- Но если мы ведем войну с Японией, то - каким образом...

- Гото все-таки не законченный безумец. Наши страны сохраняют свои представительства в качестве каналов связи. Мы предложим вернуть Америке Марианские острова. Сомневаюсь, что такое предложение будет совершенно искренним, но оно будет выдвинуто в качестве жеста доброй воли. Видишь, - покачал головой Сейджи, - вот я и предал свою страну. - Он не добавил, что эта фраза была обдумана заранее.

- Какое предложение будет приемлемо для Японии как последнее, дальше

которого она откажется отступить?

- Тебя интересует мое мнение? Полная независимость северной части Марианских островов и отмена их статуса, как подмандатных территорий США. В любом случае они окажутся в сфере нашего влияния по чисто географическим и экономическим причинам. Мне это представляется разумным компромиссом. Почти вся земля на этих островах куплена японцами, - напомнил он гостю. - Я, правда, не совсем уверен, что именно таким будет окончательное предложение, но, кажется, догадываюсь.

- Как относительно Гуама?

- Он остается во владении США при условии демилитаризации. И здесь я не могу быть уверенным, но у меня есть основания предполагать, что такой будет позиция моей страны. Для полного решения всех вопросов понадобится время, но в этом случае мы остановим военные действия, прежде чем они зайдут слишком далеко.

- Что, если нам не удастся достичь соглашения?

- Тогда погибнут многие. Мы с тобой дипломаты, Крис. Наша задача заключается в том, чтобы не допустить этого. - И новое напоминание: - Если ты сможешь помочь мне, просто сообщив о сути американских предложений, чтобы предоставить нам возможность пойти на компромисс, мы с тобой сможем положить конец войне, Крис. Прошу тебя, помоги мне.

- Я не хочу брать деньги за это, Сейджи, - последовал ответ Кука.

Поразительно. Оказывается, у этого человека все-таки есть моральные принципы. Как хорошо, что ему не хватает проницательности.

* * *

В соответствии с договоренностью посол Японии подъехал ко входу в Восточное крыло. Швейцар распахнул ворота перед длинным "лексус-стретчем", морской пехотинец отдал честь, поскольку ему никто не давал иного распоряжения. Посол вошел в здание в одиночку, без телохранителя, миновал металлодетекторы, затем повернул по длинному коридору на запад, мимо личного кинозала президента. Стены украшали портреты прежних президентов, по сторонам возвышались скульптуры Фредерика Ремингтона и другие раритеты, напоминающие об истории заселения Америки. Сама длина коридора должна была вселять в посетителя представление о размерах этой страны. Три агента Секретной службы проводили посла на государственный этаж Белого дома, который был хорошо ему знаком, затем дальше на запад в крыло, из которого и велось управление Соединенными Штатами. Взгляды агентов не казались враждебными, они были сдержанными и нейтральными, но все это резко отличалось от сердечного приема, обычно оказываемого ему в этом здании. Наконец, не случайно и прием был назначен в зале Рузвельта. Там находились золотая медаль и диплом Нобелевского лауреата, врученные Теодору за его роль посредника в переговорах, положивших конец русско-японской войне.

Если процедура приезда в Белый дом была рассчитана на то, чтобы внушить ему благоговейный страх, подумал посол, то ее заключительный этап привел к обратному. Американцам свойственны такие глупые мелодраматические жесты. Зал Индейских договоров в соседнем здании Экзекутив-билдинг был предназначен

для того, чтобы приводить в трепет дикарей, а этот зал напоминал послу о первой крупной войне, которая вознесла его страну до уровня великих держав после победы над другим членом этого эксклюзивного клуба, царской Россией, страной совсем не такой великой, как казалось на первый взгляд, пронизанной коррупцией, раздираемой внутренними разногласиями и конфликтами, склонной к хвастовству и ничем не подкрепленным угрозам. В точности как Америка, подумал посол. В данную минуту он нуждался в столь ободряющих мыслях, потому что у него дрожали колени. Президент Дарлинг уже стоял, и посол пожал протянутую руку.

- Господин посол, вы знакомы со всеми присутствующими здесь. Прошу садиться.

- Спасибо, господин президент. Я весьма благодарен вам за то, что вы согласились принять меня без заблаговременной просьбы с моей стороны по вопросу, не терпящему отлагательства. - Он обвел взглядом находящихся в зале, кивая каждому, пока Дарлинг обходил стол, направляясь к своему креслу на противоположной стороне. Бретт Хансон, государственный секретарь; Арнолд ван Дамм, глава администрации Белого дома; Джон Райан, советник по национальной безопасности. Посол знал, что министр обороны тоже находится в здании, но отсутствует на встрече. Интересно. Посол находился в Вашингтоне много лет и хорошо понимал американцев. Лица сидящих напротив отражали сдерживаемый гнев; хотя президент, подобно агентам Секретной службы, стоящим у дверей, умело скрывал свои эмоции, у него был жесткий взгляд солдата. Лицо Хансона выражало даже не гнев, нет - скорее это было негодование. По-видимому, ему и в голову не приходило, что у кого-то возникнет столь глупая мысль, как угрожать его стране, - он походил на испорченного ребенка, недовольного тем, что провалился на экзамене у справедливого и беспристрастного учителя, Ван Дамм - политик, потому он смотрел на посла, как на варвара - маленького занятого человечка. Райан скрывал свои чувства лучше других, хотя гнев ощущался и у него - не в пристальном взгляде его голубых кошачьих глаз, а в манере поведения, даже в том, как он держал ручку. Послу никогда не приходилось иметь дело с Райаном, даже встречаться с ним, за исключением нескольких официальных банкетов. Не знали его и сотрудники посольства. Несмотря на то что прошлое Райана было хорошо известно знатокам вашингтонского света, его считали специалистом по Европе, далеким от проблем Японии. Это хорошо, подумал посол. Знай Райан Японию получше, он мог бы стать опасным противником.

- Господин посол, - начал Хансон. - Вы обратились с просьбой об этой встрече. - Начинайте, прошу вас.

Райан выслушал вступительное заявление посла Японии без особого внимания. Оно было длинным, подготовленным заранее и легко предсказуемым, ничем не отличалось от заявлений любой другой страны при подобных обстоятельствах, разве что было немного оживлено упоминанием о национальных особенностях. В случившемся нет вины японцев; их принудили к этому, загнали в угол, с ними обращались как с вассалами - и все это после многих лет тесного и взаимовыгодного сотрудничества, после столь длительного периода дружеских отношений. Они тоже сожалеют о случившемся, и тому подобное. Это было всего лишь дипломатическое многословие, и Джек принялся разглядывать

посла, пока слух отфильтровывал монотонное жужжание его голоса.

Поведение говорящего представлялось более интересным. В дружественной обстановке дипломаты склонны изъясняться цветисто и выразительно, а во враждебной - монотонно и однообразно, словно стесняясь произносить то, что им приказано передать. Но не в данном случае.

Посол Японии говорил уверенно и убежденно, что указывало на гордость за свою страну и ее действия. Джек вспомнил, что даже германский посол, приехавший сообщить Молотову о вторжении гитлеровских войск в Россию, делал это с печалью в голосе.

Что касается президента, то он, заметил Райан, выслушал заявление посла молча и с бесстрастным выражением, дав возможность Арни демонстрировать гнев, а Хансону - шок. Молодец.

- Господин посол, война с Соединенными Штатами - вопрос крайне серьезный, - произнес государственный секретарь, когда вступительное заявление подошло к концу.

Эти слова не произвели впечатления на посла. Он даже не дрогнул.

- Война начнется лишь в том случае, если вы этого захотите, - сказал он. - У нас нет ни малейшего желания уничтожить вашу страну, но нам необходимо соблюдать интересы собственной безопасности. - Далее он изложил японскую точку зрения на оккупацию Марианских островов. Раньше они принадлежали Японии и теперь вернулись обратно к ней. Его страна имеет право на оборонительный периметр вокруг метрополии, вот и все, закончил посол.

- Вам известно, - напомнил Хансон, - что мы в состоянии уничтожить вашу страну? Кивок.

- Да, конечно. Мы хорошо помним, как вы сбросили атомные бомбы на японские города.

Райан широко открыл глаза от неожиданности. "Ядерное оружие?" - написал он на странице блокнота.

- Но ведь вы не закончили свою аргументацию, - вступил в разговор Дарлинг.

- Господин президент, моя страна тоже обладает ядерным оружием.

- И средствами доставки? - презрительно фыркнул Арни. Райан мысленно поблагодарил его за вовремя заданный вопрос. Существуют моменты, когда даже ослы могут приносить пользу.

- Моя страна располагает несколькими межконтинентальными баллистическими ракетами с ядерными боеголовками. Ваши инженеры побывали на заводе, где собирали эти ракеты. Если хотите, можете проверить это в НАСА. - Посол сухо и по-деловому прочитал имена и дни, когда американцы присутствовали при сборке и запуске ракет, обратив внимание на то, что Райан записывает информацию, как и полагается хорошему чиновнику. В зале наступила такая тишина, что было слышно, как скрипит перо Джека. Еще интереснее было смотреть на лица остальных присутствующих.

- Вы нам угрожаете? - негромко спросил Дарлинг. Посол посмотрел ему прямо в глаза.

- Нет, господин президент. Это простая констатация факта. Повторяю еще раз, что война начнется лишь в том случае, если вы пожелаете этого. Да, мы знаем, что вы можете уничтожить нас, а мы вас - нет, хотя в состоянии

причинить вам колоссальный ущерб. Из-за чего, господин президент? Из-за нескольких маленьких островов, исторически всегда принадлежавших Японии? На протяжении ряда последних лет они и так были японскими во всех отношениях, кроме формальной принадлежности.

- А люди, которые погибли от ваших рук? - спросил ван Дамм.

- Поверьте, я, искренне сожалею об этом. Разумеется, мы выплатим компенсацию семьям погибших. Я надеюсь, мы сможем урегулировать наши проблемы. Мы не будем нарушать деятельность вашего посольства и его персонала при условии, что вы будете относиться к нашим дипломатам так же. Это позволит сохранить каналы связи между нашими странами. Неужели так трудно, - произнес он, - рассматривать нас как равных? Почему вам хочется причинить нам ущерб, унижить нас? Во время авиакатастрофы несколько лет назад, вызванной просчетом американских инженеров в компании "Боинг", погибло больше японских граждан, чем американцев в результате этого прискорбного столкновения в Тихом океане. Разве мы тогда угрожали вам? Разве пытались подорвать национальную экономику вашей страны, лишить ее всякой надежды на выживание? Нет, мы даже не думали об этом. Наступило время, когда моя страна займет свое место, заслуженно ей принадлежащее в мире. Вы покинули западную часть Тихого океана. Теперь нам придется заняться обороной наших рубежей. Кто может гарантировать, что вы, подорвав нашу экономическую мощь, не будете затем стремиться к физическому уничтожению нашей страны?

- Мы никогда не сделаем этого! - возразил Хансон.

- Слова, слова, господин государственный секретарь. Вы уже однажды поступили таким образом и, как только что напомнили сами, сохраняете достаточно сил для достижения такой цели.

- Не мы начали ту войну, - возразил ван Дамм.

- Вот как? - поднял брови посол. - Лишив Японию нефти, организовав торговую блокаду, вы поставили нас на грань катастрофы, и это стало причиной войны. Всего лишь месяц назад вы привели нашу экономику в состояние хаоса и надеетесь, что мы безмолвно, без сопротивления согласимся с гибелью, даже не подумав о том, чтобы защитить себя? Нет, теперь мы обладаем ядерной мощью, - продолжил посол. - Настало время обращаться с нами, как с равными. Мое правительство считает конфликт исчерпанным. Мы не собираемся предпринимать дальнейших действий против американцев. Ваши граждане будут приняты у нас как желанные гости. Мы внесем изменения в правила торговли, чтобы они не противоречили американскому законодательству. Все случившееся можно представить вашей общественности как инцидент, достойный сожаления. Статус Марианских островов будет урегулирован в процессе переговоров. Мы готовы пойти на компромисс, принимающий во внимание интересы обеих сторон. Такова позиция моего правительства. - С этими словами посол открыл портфель и достал памятную записку, как это требовалось по дипломатическому протоколу. Он встал и передал ее государственному секретарю.

- Я всегда к вашим услугам. До свидания. - Посол направился к выходу мимо советника по национальной безопасности, который был единственным из присутствующих, кто не смотрел на него. За время встречи Райан не произнес ни единого слова. Будь он японцем, это могло бы вызвать тревогу, но такое поведение обычно для американца. Ему просто нечего было сказать. В конце

концов, он ведь специалист по Европе, правда?

Дверь закрылась, и Райан подождал несколько секунд, прежде чем заговорить.

- Очень интересно, - заметил он, глядя на страницу блокнота со сделанными им пометками. - По сути дела он упомянул всего лишь один важный факт.

- Что вы имеете в виду? - недоуменно спросил Хансон.

- Ядерное оружие и средства доставки. Все остальное - словоблудие, предназначенное вообще-то для иной аудитории. Нам по-прежнему неизвестно, чем они занимаются.

25. Вся королевская рать...

Это еще не стало достоянием средств массовой информации, но скоро все переменится. ФБР уже разыскивало Чака Серлза. Они понимали, что найти его будет непросто, да и к тому же, говоря по правде, на основе информации, имеющейся в распоряжении бюро, все, что можно сделать с ним, - это допросить. Агенты ФБР уже побеседовали с шестью программистами, в той или иной степени работавшими над программой "Электра-Клерк 2.4.0.", и, все до единого, они категорически отрицали, что имеют хотя бы отдаленное представление о том, что они называли "пасхальным яйцом". В каждом случае в их голосах звучало негодование по поводу сделанного, смешанное с восхищением высочайшим профессионализмом исполнителя. Ведь в программу оказались введенными всего лишь три команды, далеко отстоящие одна от другой, и потребовались усилия всех шестерых программистов в течение двадцати семи часов, чтобы обнаружить эти команды. А затем обнаружилось и нечто худшее: все шестеро и еще Серлз в придачу обладали правом доступа к тогда еще сырой программе. В конце концов, в компании все они занимали должности старших программистов и каждый из них, пользуясь одинаковым доверием и правом работы с секретными материалами, мог получить доступ к ним в любое время до самого последнего момента, когда программа была окончательно завершена и перенесена на жесткий диск. Вдобавок, несмотря на то что происходила регистрация доступа к программе, каждый мог проникнуть в систему кодирования ведущей вычислительной машины и затем или стереть из ее памяти время своей работы с программой, или скрыть этот момент среди других. К тому же "пасхальное яйцо" было создано с таким искусством, что могло существовать в программе в течение нескольких месяцев, на протяжении которых шла работа над ее совершенствованием. Наконец один из программистов откровенно признался, что сделать это мог любой из них. На компьютерных программах не остаются отпечатки пальцев. Однако намного более важным был тот факт, что исправить совершенное программой "Электра-Клерк 2.4.0." оказалось невозможным.

Результаты, достигнутые с помощью этой программы, были настолько ужасны, что агенты ФБР, занятые расследованием, мрачно шутили, что термоизоляционные пластиковые панели, которыми заменили стекла в зданиях на Уолл-стрите, спасли, возможно, тысячи жизней. Последняя зарегистрированная сделка состоялась в 12.00.00 и, начиная с 12.00.01 все записи на магнитной ленте превратились в абракадабру. Миллиарды - нет, сотни миллиардов -

долларов биржевых транзакций в буквальном смысле слова исчезли, затерялись в компьютерной памяти ЭВМ "Депозитари траст компани".

Никто еще не знал об этом. Происшедшее по-прежнему хранилось в тайне. Это было предложено сначала руководством "Депозитари", а затем одобрено Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям и директорами Нью-Йоркской фондовой биржи. Им пришлось объяснить ФБР причину принятых мер. Помимо всех денег, исчезнувших во время краха, случившегося в "черную пятницу", огромные суммы были вложены многими брокерами в хедж, срочные сделки, заключенные для страхования от возможного изменения цены, которые всегда приносят выгоды на рынке, когда спрос неуклонно снижается. Правда, каждый торговый дом вел регистрацию собственных сделок, и потому теоретически с течением времени можно было восстановить полную картину финансовой деятельности, уничтоженную "пасхальным яйцом". Опасность, однако, заключалась в том, что, если станет известно о катастрофе с компьютерами "Депозитари", найдутся беспринципные или просто оказавшиеся в отчаянном положении дельцы, которые подтасуют свои документы. Крупные фирмы вряд ли пойдут на подобное, но в случае с компаниями поменьше это было практически неизбежно, а доказать искажение фактов никто не сможет - классический пример, когда слова одних противоречат словам других, худший вариант уголовного расследования. На рынке ценных бумаг даже в самых крупных торговых домах с вековой репутацией могут найтись негодяи, реальные или потенциальные. Это объяснялось тем, что здесь замешаны были слишком большие деньги, а это еще больше усложняло этический долг инвесторов, обязанных охранять интересы своих вкладчиков.

Вот почему свыше двухсот агентов ФБР побывали в офисах и домах директоров каждой инвестиционной компании в радиусе сотни миль от Нью-Йорка. Осуществить это оказалось легче, чем могло показаться, потому что большинство руководителей фирм прилагали во время уик-энда отчаянные усилия, чтобы разобраться с происшедшим, и в большинстве случаев с готовностью пошли навстречу следователям, предоставив в их распоряжение документацию, содержащуюся в памяти компьютеров, принадлежавших их компаниям. Скоро удалось установить, что примерно восемьдесят процентов материалов, касающихся сделок, совершенных после полудня пятницы, находятся в руках федеральных властей. Это оказалось самым простым. А вот намного труднее, поняли агенты, будет проанализировать их, установить связь между сделкой, совершенной одним торговым домом, со сделками, совершенными всеми остальными. Ирония заключалась в том, что один программист из компании Серлза сам, по собственной инициативе, составил минимальную схему осуществления этой задачи: универсальные вычислительные машины старшего поколения для комплекта документов каждой компании, объединенные в единую систему посредством другой универсальной ЭВМ с производительностью не меньше, чем "Крей ай-эм-пи" (такие ЭВМ, сообщил он агентам, имеются в распоряжении спецслужб - одна в ЦРУ и еще три в Агентстве национальной безопасности), и действующие на основе исключительно сложной, специально разработанной программы. Тысячи финансовых институтов, торговых домов и инвестиционных компаний участвовали в пятницу в биржевых операциях, и некоторые из них осуществили миллионы транзакций. Число перестановок, сообщил программист тем двум агентам, что сумели хоть отчасти понять его

рассуждения, измеряется, по-видимому, десятью в шестнадцатой, а то и восемнадцатой степени. Он был вынужден объяснить им, что последнее число равняется миллиону в кубе, то есть миллиону, умноженному на миллион и еще раз на миллион. Короче говоря, это очень большое число. Да, чуть не забыл, добавил программист: необходимо быть абсолютно уверенным в том, что в основу расчетов положена информация о всех до единой сделках каждого торгового дома, иначе усилия будут безуспешными. Сколько времени потребуется на решение этой проблемы? Программист не пожелал строить догадки, что совсем не понравилось агентам, вынужденным ехать обратно в федеральное здание Джавитса, чтобы объяснить все это своему боссу, отказывающемуся пользоваться компьютером даже для печатания писем. Расследование это могло бы называться - "Операция невозможна", как в знаменитом телевизионном сериале, невесело шутили они во время короткой поездки назад.

И все-таки требовалось что-то предпринять. В конце концов, речь шла не только об операциях на бирже. Каждая осуществленная сделка выражалась конкретной денежной суммой, реальными деньгами, переходившими из одних электронных рук в другие, с одного счета на другой, и, хотя это осуществлялось с помощью электронного кассира, требовалось точно отчитаться за все потраченные - или полученные - средства. До тех пор пока не будет решена проблема всех до единой финансовых операций, произведенных в минувшую пятницу, никто не будет знать, сколько денег находится на счетах торговых домов, инвестиционных компаний и банков, в конце концов, даже на счетах частных граждан, включая тех, кто не принимали никакого участия в операциях на бирже. Теперь была парализована не только биржа, не только Уолл-стрит - полностью парализованной оказалась вся банковская система Америки. К такому заключению пришли примерно в тот момент, когда "BBC-1" совершил посадку на базе Эндрюз.

- Проклятие! - выругался заместитель директора Нью-Йоркского отделения ФБР. Таким образом он оказался намного Красноречивее представителей других федеральных спецслужб, пользующихся северо-западным углом его кабинета в качестве конференц-зала. Те просто сидели, опустив головы и глядя на дешевый ковер, и беспомощно пожимали плечами.

Ситуация неминуемо должна была ухудшиться. Так и произошло. Один из служащих "Депозитари" рассказал о случившемся соседу-юристу, тот поделился новостью с приятелем-репортером, который сделал несколько телефонных звонков и написал статью для "Нью-Йорк тайме". Эта знаменитая газета тут же связалась с министром финансов, только что вернувшимся из Москвы. Тот, не успев получить никакой информации о действительном масштабе катастрофы, воздержался от комментариев, но забыл попросить "Нью-Йорк тайме" отложить публикацию статьи. Он скоро спохватился и попытался исправить ошибку, однако газета уже находилась в типографии.

Министр финансов Бозли Фидлер буквально пробежал по туннелю, соединяющему здание министерства с Белым домом. Он не привык к столь большой для него физической нагрузке и тяжело дышал, когда вошел в зал Рузвельта, который только что покинул японский посол.

- Что случилось, Баз? - спросил президент Дарлинг. Фидлер перевел

дыхание и за пять минут кратко изложил суть информации, только что полученной им в ходе телевизионного совещания с Нью-Йорком.

- Мы не можем открыть финансовые рынки, - закончил он. - Я хочу сказать, они просто не могут открыться. Никто не в состоянии участвовать в биржевых операциях, потому что никто не знает, сколько у него денег, каковы активы и каковы пассивы. А вот что касается банков... Господин президент, тут у нас крайне серьезная проблема. Ничего даже отдаленно похожего у нас еще не случилось.

- Баз, но ведь это всего лишь деньги, разве не так? - спросил Арни ван Дамм, не понимая, почему после нескольких спокойных месяцев все вдруг свалилось на них сразу.

- Нет, это не просто деньги. - Все посмотрели на Райана, ответившего на поставленный вопрос. - Речь идет о доверии. В свое время, когда я еще работал в "Меррилл и Линч", Баз написал об этом книгу. - Может быть, дружеское замечание как-то его успокоит, подумал Райан.

- Спасибо, Джек. - Фидлер сел и налил стакан воды. - В качестве примера воспользуемся финансовым крахом 29-го года. Какие тогда понесли потери? В денежном выражении - никаких. Множество инвесторов разорились, требования о внесении дополнительного обеспечения в связи с падением курса заложенных ценных бумаг еще больше ухудшили ситуацию, однако люди часто отказываются понимать, что потерянные ими деньги получены другими.

- Я тоже не понимаю, - покачал головой Арни.

- Мало кто разбирается в этом. Причина заключается в элементарной простоте происходящего. При игре на бирже люди удивляются ее сложности, забывая о том, что лес состоит из множества отдельных деревьев. Каждый разорившийся инвестор потерял деньги потому, что уже отдал их другому инвестору и получил вместо них акции. Он обменял свои деньги на что-то ценное, но это что-то ценное упало в цене. Вот так и произошел обвал. Однако тот первый, кто продал акции и получил деньги до финансового краха, с практической точки зрения поступил разумно, ведь он-то не потерял ничего. Вот почему объем денежной массы в 29-м году ничуть не изменился.

- Видишь ли, Арни, деньги не могут просто взять и исчезнуть, - объяснил Райан. - Они перемещаются из одного места в другое. Федеральная резервная система наблюдает за этим. - И все-таки он увидел, что ван Дамм не понял этого.

- Тогда почему, черт побери, разразилась Великая депрессия?

- Все дело в доверии, - ответил Фидлер. - Огромное количество людей разорилось в 29-м году из-за маргинальных требований. Они покупали акции, платили за них меньше номинальной стоимости и теряли деньги, когда им приходилось продавать эти акции. Банки и другие финансовые институты рушились, поскольку были вынуждены покрывать разницу между покупной стоимостью и номиналом. В конечном итоге в стране появилось множество рядовых граждан с долгами, которые они не могли заплатить, и банков, где отсутствовали наличные. При таких условиях люди прекращают всякую деятельность. Они боятся потерять то, что у них осталось. Те, кто вовремя успели выйти из игры и имеют деньги - они не понесли никаких потерь, - видят состояние экономики и тоже ничего не предпринимают, потому что ситуация

представляется им пугающей. В этом и состоит проблема, Арни.

Понимаешь, сила экономики - не в богатстве, а в использовании этого богатства, во всех тех сделках, которые заключаются каждый день, начиная с денег, получаемых мальчишкой, подравнивающим тебе газон перед домом, до крупных корпораций, совершающих колоссальные финансовые операции. Если наступает этому конец, останавливается все. - Райан одобрительно кивнул, выслушав короткую блестящую лекцию Фидлера.

- И все-таки не могу сказать что понял до конца, - заметил глава администрации Белого дома. Президент внимательно прислушивался к разговору. Теперь моя очередь, решил Райан.

- Не все понимают это. Как сказал Баз, это слишком просто для понимания. Ты ищешь признаки деятельности, однако настоящую опасность представляет бездеятельность. Если я решаю сидеть и ничего не предпринимать, мои деньги не поступают в обращение. Я перестаю делать покупки, и люди, занимающиеся производством вещей, которые я покупал раньше, оказываются теперь без работы. Это пугает их и пугает их соседей. Соседи, ставшие свидетелями случившегося, приходят в такой ужас, что принимают экономить деньги: зачем тратить, когда деньги могут понадобиться на случай, если ты потеряешь работу, верно? И так далее, и так далее. Мы столкнулись с серьезной проблемой, - закончил Райан. - Утром в понедельник банкиры тоже обнаружат, что не знают, какими суммами располагают. Банковский кризис не начинался по-настоящему до 32-го года, через много времени после того, как произошел крах на бирже. Сейчас дело обстоит по-другому.

- Насколько опасна создавшаяся ситуация? - задал самый важный вопрос президент.

- Не знаю, - ответил Фидлер. - Такого еще никогда не случалось.

- Это не ответ - "не знаю", Баз, - заметил Дарлинг.

- Вы предпочитаете, чтобы я вам солгал? - спросил министр финансов. -

Нужно пригласить сюда председателя Федеральной резервной системы. Перед нами встал целый ряд проблем. И первая из них - невиданный по масштабам кризис ликвидности.

- Не говоря о войне, - напомнил Райан тем, кто могли забыть о ней.

- Какая из этих проблем более серьезна? - спросил президент Дарлинг.

Райан задумался.

- Вы имеете в виду опасность для нашего государства? У нас потоплены две подводные лодки, погибло около двухсот пятидесяти человек. Два авианосца выведены из строя, но их можно отремонтировать. Марианские острова оккупированы иностранной державой. Все это относится к числу потерь, - произнес Джек размеренно, словно думая вслух. - Однако они не оказывают непосредственного влияния на безопасность страны, потому что не подрывают силу нации. Америка - это страна, идеалы которой разделяются ее населением. Мы - это люди, мыслящие определенным образом, верящие, что можем добиться того, к чему стремимся. Все остальное является следствием - уверенность в завтрашнем дне, оптимизм, короче говоря, все то, что кажется столь необычным для других стран. Стоит лишиться этого, и ничто не будет отличать нас от них. Краткий ответ на ваш вопрос, господин президент, таков: экономическая проблема несравненно более опасна для Америки, чем нападение японцев.

- Ты удивляешь меня, Джек, - сказал Дарлинг.
- Как сказал Баз? Вы предпочитаете, чтобы я вам солгал, сэр?

- В чем же дело, черт побери? - спросил Рон Джоунз. Солнце уже встало, и было хорошо видно атомную подводную лодку "Пасадена", которая застыла у причала с флагом Военно-морских сил США, уныло повисшим на флагштоке. Боевой корабль стоял в гавани и бездействовал, а сын его учителя погиб от рук врага. Почему никто ничего не предпринимает?

- Ее командир не получил приказа, - объяснил Манкузо, - потому что я не получил приказа, потому что главнокомандующий Тихоокеанским флотом не получил приказа - и потому что командование вооруженными силами страны не отдало приказа.

- Может, они уснули?

- Министр обороны находится сейчас в Белом доме. По-видимому, президент уже получил информацию о случившемся, - произнес командующий подводными силами.

- Только никак не может принять решение, - язвительно заметил Джоунз.

- Он - наш президент, Рон. Мы исполняем его приказы.

- Да, подобно тому как Джонсон послал моего отца во Вьетнам. - Джоунз повернулся и посмотрел на карту, прикрепленную к стене. К вечеру японские надводные корабли окажутся вне пределов досягаемости для палубной авиации. Впрочем, самолеты все равно не могут взлететь с поврежденных и потерявших ход авианосцев. Фрегат "Гэри" закончил осмотр места гибели подводных лодок и поспешно вернулся к эскадре, главным образом из-за опасности торпедных атак, однако всему миру казалось, что его прогнал тендер японской береговой охраны. Сведения, имеющиеся в распоряжении командования Тихоокеанского флота, основывались на космической фотосъемке, так как сочли слишком опасным посылать для наблюдения за японскими кораблями даже самолет Р-3, не говоря уже о том, чтобы преследовать и атаковать их подводные лодки.

- Вот уж действительно "первые с места опасности", а? Манкузо решил на этот раз не делать выговора. В конце концов, он - адмирал и ему платят за то, что он мыслит соответственно званию.

- Сейчас самое главное - спасти авианосцы, вывести их из опасной зоны и отремонтировать. Уолли занимается планированием операций. Нам нужна надежная и точная информация, на основе которой мы примем решение, как поступать дальше.

- И будем ждать, разрешат нам это или нет? Манкузо кивнул.

- Совершенно верно. Именно так действует командная система.

- Просто великолепно.

Рассвет был прекрасным зрелищем. Ямата сидел в верхнем салоне "Боинга-747" у левого борта, глядя в иллюминатор и не обращая внимания на разговоры вокруг. За последние трое суток он почти не спал, но душевный подъем и ощущение всепоглощающей силы кипели в нем. Совершается последний плановый рейс на остров. На самолете летят главным образом представители администрации вместе с несколькими инженерами и гражданскими лицами, которым предстоит создавать новое правительство. Чиновники неплохо умеют

осуществлять такую задачу. Разумеется, все жители Сайпана получают право голоса и выборы пройдут под наблюдением международной общественности. Такова политическая необходимость. На острове около двадцати девяти тысяч местных жителей, не считая японцев, многим из которых теперь принадлежит здесь недвижимость - земля, дома, фирмы. В это число не входят и солдаты, а также все те, кто проживают в отелях. Отели - самые большие принадлежат японцам, разумеется, - будут рассматриваться как кондоминиумы, кооперативные жилые дома, и всех проживающих в них отнесут к числу жителей Сайпана. Являясь гражданами Японии, они получают право принимать участие в выборах. Солдаты - тоже японские граждане, на них распространяется право свободного волеизъявления, а поскольку гражданский статус гарнизонов пока не определен, их отнесут к числу местных жителей. Считая солдат и гражданских лиц, во время выборов на острове окажется тридцать одна тысяча японцев, а разве не известно, как ревностно его соотечественники относятся к соблюдению своих гражданских прав? И пусть заткнутся все эти международные наблюдатели, мысленно выругался Ямата, глядя на восток.

Было особенно приятно наблюдать с высоты тридцати семи тысяч футов, как на горизонте появилось первое едва заметное сияние, которое походило на обрамление букета все еще светящихся звезд.

Сияние усиливалось, становилось все шире, из пурпурного превращалось в темно-красное, затем в оранжевое, и вот выглянул краешек солнца, еще невидимый с черной поверхности моря далеко внизу, словно восход предназначен для него одного, подумал Ямата, чтобы он мог насладиться этой красотой задолго до того, как маленькие люди на земле смогут радоваться прекрасному зрелищу. Авиалайнер чуть накренился вправо и начал снижаться. Траектория снижения казалась рассчитанной с идеальной точностью, солнце словно застыло на прежнем месте - всего лишь желто-белый сегмент над горизонтом, - и волшебный момент растянулся на несколько минут. От величественного зрелища у Яматы едва не выступили слезы. Он все еще помнил лица своих родителей, их скромный дом на Сайпане.

Его отец был мелким и не слишком преуспевающим лавочником, торговал главным образом галантереей и безделушками, которые покупали солдаты местного гарнизона. Отец всегда очень вежливо разговаривал с ними, вспомнил Райзо, улыбался, кланялся, униженно выслушивал их шутки насчет своей ноги, искалеченной полиомиелитом. Мальчик, наблюдавший за этим, считал нормальным такое отношение к людям с оружием, одетым в мундиры армии его страны. С тех пор эта точка зрения изменилась, разумеется. Военные - это всего лишь слуги. Независимо от того, продолжали они традиции самураев или нет - само слово "самурай", напомнил он себе, происходит от глагола "служить", четко определяя, кто является настоящим хозяином, не правда ли? - военные обслуживали и охраняли своих повелителей, которые нанимали, платили и говорили им, что нужно делать. С людьми в военных мундирах следовало обращаться с уважением, которого они в общем-то не заслуживали, однако по мере продвижения к вершине своей карьеры военные все лучше понимали, где находится их настоящее место и кому они в действительности подчиняются.

- Самолет совершит посадку через пять минут, - сказал подошедший к нему полковник.

- Дозо. - Скорее кивок, чем поклон, потому что Ямата сидел в кресле, но даже кивок был едва заметным, в точности соответствующим услуге, оказанной лакеем, и демонстрировал одновременно вежливость и превосходство. С течением времени, если этот полковник проявит себя хорошим офицером и достигнет звания генерала, форма кивка изменится, а если военная карьера и дальше будет протекать успешно, если полковнику повезет, Ямата-сан станет, может быть, даже называть его в знак дружбы по имени, выделять из числа других улыбкой и шуткой, приглашать выпить и предоставит ему возможность в ходе продвижения к вершинам командования понять, кто является настоящим хозяином страны. Полковник надеялся, по-видимому, достичь желанной цели. Ямата пристегнул ремень и пригладил волосы.

Капитан Сато испытывал огромную усталость. Он провел в воздухе, за штурвалом самолета, слишком много времени, не просто нарушая правила работы и отдыха экипажа, а прямо-таки перечеркивая их. Но ведь и он не мог, не имел права уклониться от выполнения своего гражданского долга. Сато посмотрел налево и увидел утреннее солнце, его лучи отражались от крыльев двух истребителей, похоже, F-15. На одном из них, возможно, летит его сын, охраняя землю отцов, снова вернувшуюся под власть Японии. Аккуратно, напомнил он себе. В самолете находятся граждане его страны, и он обязан обеспечить их безопасность. Держа одну руку на штурвале, а другую на рукоятке газа, Сато вел свой авиалайнер по невидимой в воздухе линии к точке, уже выбранной его взглядом. По команде капитана второй пилот до предела выпустил огромные подкрылки. Сато чуть потянул штурвал на себя, приподняв нос самолета и снизив скорость, плавно как снежинку опуская авиалайнер к земле, пока визг резины не дал понять, что они коснулись посадочной полосы.

- Вы - настоящий поэт, - с уважением заметил второй пилот, в который раз восхищаясь летным мастерством своего капитана.

Сато позволил себе улыбнуться, переключая на реверс мощные двигатели.

- Ведите его по рулежной дорожке, - сказал он и нажал на кнопку системы внутренней связи. - Добро пожаловать в Японию, - объявил он, обращаясь к пассажирам авиалайнера.

Ямата не присоединился к общему приветственному крику лишь потому, что его удивили слова, донесшиеся из динамиков. Он не стал ждать, пока самолет остановится, и расстегнул пристежные ремни. Дверь, ведущая в кабину пилотов, находилась совсем рядом, и ему хотелось что-то сказать летчикам.

- Капитан?

- Да, Ямата-сан?

- Вы ведь понимаете, правда?

Пилот кивнул - это был кивок знающего себе цену профессионала, его поведение сейчас ничем не отличалось от ликования могущественного дзайбацу.

- Хай, - произнес он и в ответ увидел поклон, полный искреннего уважения. Сато почувствовал удовлетворение от внимания, проявленного к нему столь великим человеком.

Теперь промышленник не спешил. Необходимости в этом не было. Чиновники и другой обслуживающий персонал вышли из самолета и спустились к автобусам, которые отвезут их в отель "Никко-Сайпан", огромное современное здание на

западном берегу острова, которое станет временной штаб-квартирой для оккупационных сил - нет, для нового правительства Сайпана, поправил себя Ямата. Через пять минут все пассажиры авиалайнера покинули его, и лишь теперь Ямата спустился по трапу к внедорожнику "Тойота-лэндкрузер". На этот раз за рулем сидел один из служащих его компании, который знал, что делать, без указаний хозяина и понимал, что этими минутами тот захочет насладиться в тишине.

Ямата едва замечал кипучую деятельность вокруг. Несмотря на то что все это произошло по его желанию, сейчас оно казалось совсем не таким важным, как предвкушение того же в прошлом. Ну, может быть, стоит мимолетной улыбки вид боевых машин, но теперь его охватила настоящая усталость, и веки опускались, несмотря на железную волю, требовавшую держать глаза открытыми и настороженными. Водитель продумал маршрут заранее и выбрал дороги, позволяющие миновать крупные пробки. Скоро они снова проехали мимо "Мариана кантри клуб", и хотя солнце уже встало над горизонтом, на зеленом газоне не было игроков в гольф. Не было видно и военных машин, если не считать двух грузовиков с дисковыми спутниковыми антеннами на краю автомобильной стоянки, недавно выкрашенных в зеленый цвет, после того как их реквизируют у телевизионной компании Эн-эйч-кей. Да, нельзя портить зеленый газон поля для гольфа, без сомнения, самой дорогой части недвижимого имущества на острове.

Это примерно вот здесь, подумал Ямата, вспоминая очертания холмов. Примитивный маленький магазинчик отца располагался недалеко от северного аэродрома и он все еще помнил истребители А6М-Z, гордо прогуливающихся летчиков и надменных солдат. А вон там находился завод по переработке сахарного тростника компании "Нанио Кохатсу Кайса"... Ямата еще не забыл, как он крал кусочки сладкого тростника и жевал их, какими свежими были утренние бризы. Скоро они будут дуть на его земле. Усилием воли Ямата стряхнул воспоминания, вышел из автомобиля и направился на север.

Должно быть, вот здесь шли в последний раз его отец, мать, брат и сестра. Он представил себе отца, хромающего на искалеченной ноге, пытаясь обрести достоинство, навсегда отобранное у него болезнью, перенесенной в детстве. Интересно, обслуживал ли он солдат в те последние дни, приносил ли им еще оставшиеся у него полезные товары? Может быть, в то время солдаты забыли, наконец, свои грубые шутки по поводу физического недостатка отца и поблагодарили его с искренностью людей, знающих о неминуемой смерти, стоящей на самом пороге. Ямате хотелось верить и тому и другому. Его семья шла, наверно, вместе с остальными вот по этой ложине, навстречу смерти, их прикрывали еще оставшиеся в живых японские солдаты, уже видящие смерть и ощущающие хрустальное просветление, которое наступает в последние мгновения жизни.

Местные жители называли это место "Скала Банзай", а менее расистски настроенные - "Скала Самоубийц". Ямата решил, что поручит своему рекламному агентству найти более респектабельное название для утеса. Это произошло 9 июля 1944 года, когда на Сайпане прекратилось организованное сопротивление.

По сути дела здесь было два отвесных утеса, расположенных по сторонам узкого залива, один напротив другого; от вершины более высокого до поверхности моря - двести сорок метров. Много лет назад на месте гибели

японскими студентами был установлен мраморный монумент - склоненные в молитве фигуры детей. Да, наверно, вот здесь они подошли к самому краю обрыва, держась за руки. Ямата помнил сильные руки отца. Возможно, брат и сестра испугались? Нет, скорее растерялись после трех недель грохота, ужаса и смятения. Мать, наверно, посмотрела на отца. Улыбающаяся, жизнерадостная невысокая женщина, ее музыкальный смех все еще звучал в ушах сына. Солдаты иногда вели себя грубо с отцом, но к матери всегда относились с уважением. И никогда не обижали детей. Последняя услуга, оказанная солдатами, заключалась в том, что ценой своих жизней они не подпустили американцев к вершине утеса в тот решающий момент когда последние жители острова шагнули в небытие. Держась за руки, решил Ямата, каждый прижимая к себе ребенка в прощальном объятии, гордо отказавшись сдаться в плен американским варварам и одновременно сделав сиротой своего старшего сына... Ямата закрыл глаза и мысленно увидел перед собой всю картину. Он впервые вздрогнул от переполнивших его чувств. Еще ни разу на протяжении всех этих лет он не позволил себе проявить что-то кроме ярости, но теперь можно было больше не сдерживаться, и слезы гордости потекли по щекам. Да, ему удалось исполнить долг чести по отношению к тем, кто произвели его на свет, и к тем, кто убили их. Исполнить сполна.

Водитель следил за ним, не зная, в чем дело, но понимая, поскольку был знаком с историей этого обрыва, и тоже растрогался, глядя, как одинокий мужчина шестидесяти с лишним лет хлопнул в ладоши, призывая души погибших родственников. Издалека, за сотню метров, он видел, как плечи мужчины содрогаются в рыданиях. Прошло несколько минут, Ямата в своем строгом деловом костюме лег на вершине утеса и уснул. Может быть, ему снятся умершие, а может, души тех, кто погибли здесь, посетят его во сне и скажут то, что он хочет услышать, подумал водитель. Однако самое странное, что пришло в голову водителю: оказывается, у старого мерзавца есть сердце. Значит, он ошибался в своем боссе.

- Ты только посмотри, какая организованность, - буркнул себе под нос Ореза, глядя в дешевый плохонький бинокль, найденный в доме.

Из окна гостиной открывался вид на аэродромы, а из кухни был виден порт. "Оркид эйс" уже давно отошел от причала, и

, его место занял другой корабль - "Сенчюри хайуэй N5". С него шла разгрузка джипов и грузовиков. Португалец устал, потому что заставил себя вести наблюдение всю ночь. Он не спал уже двадцать семь часов - весь предыдущий день он провел в море к западу от острова. Бывший старшина знал, что для такой нагрузки годы уже не те. Вот Барроуз и помоложе, и поумнее, а улегся на ковер и храпит вовсю.

Впервые за много лет Орезу хотелось курить. Никотин помогает сохранять бодрость. В моменты вроде этого нужны сигареты. Они незаменимы на войне - по крайней мере так говорилось в кинофильмах о второй мировой. Но сейчас не вторая мировая, а он - не воин. Прослужив больше тридцати лет в береговой охране США, Ореза ни разу не стрелял в кого-то, даже во время пребывания во Вьетнаме. Всегда стрелял кто-то другой. Он просто не знал, как воевать.

- Не спал всю ночь? - спросила Изабел. Она оделась, чтобы отправиться в

больницу. По эту сторону международной линии смены дат наступил понедельник - рабочий день. Она опустила взгляд и увидела, что блокнот, обычно лежащий рядом с телефоном, исписан цифрами и пометками. - Это действительно имеет такое значение?

- Не знаю, Изз.

- Хочешь завтракать?

- Было бы неплохо, - раздался голос Пита Барроуза. Он вошел потягиваясь в кухню. - Похоже, я отключился часа в три... - Он помолчал. - Чувствую себя... чертовски плохо, - запинаясь, поправился он из уважения к женщине.

- Ладно, но через час мне нужно быть у себя в кабинете, - заметила миссис Ореза, открывая холодильник. Барроуз увидел, что в этом доме на завтрак подают овсяные хлопья, обезжиренное молоко и что-то вроде хлеба из соломы. Стоит добавить немного фруктов, подумал он, и я снова в Сан-Хосе. Зато чувствовался запах кофе. Он взял кофейник и наполнил чашку.

- Кто-то у вас умеет варить кофе, - одобрительно отозвался Барроуз.

- Это Мэнни, - заметила Изабел.

На лице Орезы впервые за несколько часов появилась улыбка.

- Научился у своего первого босса. Выбираешь соответствующий сорт, насыпаешь, сколько требуется, и добавляешь щепотку соли.

Наверно, делаешь это в безлунную ночь и приносишь в жертву козленка, подумал Барроуз. Впрочем, если и так, смерть козленка пошла на благое дело. Он сделал пару глотков и подошел, чтобы посмотреть на записи Орезы.

- Неужели так много?

- По самым осторожным оценкам. Отсюда до Японии два часа лета, четыре часа сюда и обратно. Пусть на каждом конце тратится девяносто минут на заправку, погрузку и все остальное. Получается семичасовой цикл, то есть три с половиной рейса на каждый самолет в сутки. С одним рейсом сюда прибывает триста солдат, может быть, триста пятьдесят. Выходит, каждый самолет доставляет тысячу солдат. Пятнадцать самолетов перебросят за сутки целую дивизию. Скорее всего у них больше чем пятнадцать 747-х, как ты считаешь? - спросил Португалец. - Это, как я сказал, заниженные расчеты. Остается только доставить снаряжение.

- Сколько судов потребуется для этого? Ореза нахмурился.

- Не знаю точно. Когда шла война в Персидском заливе - меня отправили туда обеспечивать безопасность портов... Проклятие, забыл! Все зависит от судов и того, как их загружать. Снова будем осторожными в расчетах. Двадцать крупных "торговцев" только для переброски снаряжения - грузовиков, джипов и всего остального, о чем даже сразу и не вспомнишь. Это похоже на перевозку целого города с его населением. Кроме того, понадобится обеспечить дивизию горючим. На Сайпане не выращивают пищу из-за скалистого грунта - придется морем доставлять и продукты. Короче говоря, население острова удвоится. Даже снабжение водой окажется затрудненным. - Он взял блокнот и записал что-то. - В общем, японцы собираются остаться здесь надолго, в этом можно не сомневаться, - произнес он, направляясь к столу и своему низкокалорийному завтраку. Господи, как хочется съесть яичницу из трех яиц с ветчиной, несколько ломтей хлеба с маслом и наплевать на весь их холестерин. Плохо, когда тебе за пятьдесят.

- Как относительно меня? - спросил инженер. - Вижу, что тебя считают местным жителем. Но меня-то за местного никто не сочтет, черт возьми!

- Пит, ты мой пассажир, а я - капитан, верно? Я несу за тебя ответственность. Таков закон моря, сэр.

- Но мы больше не в море, - напомнил ему Барроуз. Справедливость замечания раздосадовала Орезу.

- В моей семье юристом является дочь, а у меня для решения проблемы свои принципы. Ешь свой завтрак. Мне нужно поспать, а тебе заступить на дневную вахту.

- А что делать мне? - спросила миссис Ореза.

- Если ты не придешь на работу...

- ...то кто-то заинтересуется почему.

- Кроме того, было бы неплохо узнать, насколько верно то, что сказали они о раненых полицейских, - продолжил ее муж. - Я не спал всю ночь, Изз, и не слышал ни единого выстрела. Похоже, что выставлены блок-посты на всех перекрестках, но они ничего не предпринимают. - Он помолчал. - И это мне тоже не нравится. Так или иначе, нужно принять какие-то меры.

- Так ты сделал это или нет? - задал прямой вопрос Дарлинг, впившись глазами в лицо своего вице-президента. В душе он проклинал Келти за то, что тот вынудил его заниматься еще одной проблемой в дополнение к тем многочисленным несчастьям, которые обрушились на администрацию, но статья, опубликованная в газете "Вашингтон пост", не оставила ему выбора.

- А почему ты бросил меня на произвол судьбы? Почему по крайней мере не предупредил?

Президент обвел рукой вокруг, по сторонам Овального кабинета.

- Находясь здесь, ты многое можешь сделать, но многого и не можешь. Например, не имеешь права вмешиваться в уголовное расследование.

- Только не говори мне об этом! Столько до тебя...

- Это верно, и все до одного жестоко расплачивались за такие необдуманные поступки. - Роджер Дарлинг не сказал Келти: в прикрытии нуждается не мой зад, а твой. Я не собираюсь из-за тебя рисковать своей политической карьерой. Это было ясно и без слов. - Ты не ответил на мой вопрос.

- Послушай, Роджер!.. - угрожающе прошипел вице-президент, но Дарлинг остановил его, подняв руку, и спокойным голосом проговорил:

- Эд, у меня разваливается экономика. В Тихом океане погибли экипажи двух подводных лодок. У меня нет ни времени, ни желания заниматься спорами. Я не могу ставить на карту политическую стабильность страны. Отвечай на вопрос. - Тон президента сделался повелительным.

Келти покраснел и, прежде чем ответить, склонил голову вправо.

- Ну хорошо, я люблю женщин и никогда не скрывал этого. Мы с - женой понимаем друг друга, она не имеет возражений. - Он снова посмотрел на Дарлинга. - Но я никогда, слышишь, никогда за всю свою гребанную жизнь никого не преследовал, не принуждал и не насиловал. Никогда. В этом не было надобности.

- А Лайза Берринджер? - спросил Дарлинг, отыскав имя в лежащих перед

ним записях.

- Она была прелестной девушкой, такой искренней, такой умной, и уговаривала меня пойти на... ты понимаешь на что. Я объяснил ей, что это невозможно. В том году мне предстояли перевыборы, да и вообще она была слишком молодой. Ей нужен был мужчина ближе по возрасту, чтобы жениться на ней, чтобы у нее были дети и хорошая семья. Она очень расстроилась, начала пить - может быть, пристрастилась к наркотикам, но в этом я не уверен. Как бы то ни было, однажды вечером она ехала по кольцевой автодороге и врезалась в устой моста, Роджер. Я присутствовал на ее похоронах. Я в хороших отношениях с ее родителями - по крайней мере был до недавнего времени, - поправился Келти.

- Она оставила записку, предсмертное письмо.

- И даже не одно. - Келти сунул руку в карман пиджака и достал два конверта. - Меня удивляет, что никто не обратил внимания на дату на том письме, которое находится в ФБР - оно написано за десять дней до смерти. Вот это написано за неделю, а это - в день смерти. Мои сотрудники нашли их" Полагаю, что третье обнаружила Барбара Линдерс. Ни одно из писем не было отправлено по почте. Думаю, ты заметишь разницу в тексте этих писем, в тексте всех трех писем, по сути дела.

- Линдерс утверждает, что ты...

- Дал ей наркотик? - Келти покачал головой. - Ты знаешь о том, что я много пил, знал об этом, когда пригласил войти в твою команду. Это верно, я был алкоголиком, но последний раз пил два года назад. - По его лицу промелькнула кривая улыбка. - Теперь моя сексуальная жизнь даже улучшилась. Но вернемся к Барбаре. В тот день она чувствовала себя больной - гриппом, по-моему. Она пошла в аптеку на Капитолийском холме, получила рецепт и...

- Откуда тебе это известно?

- Может быть, я веду дневник. А может, у меня просто хорошая память. Как бы то ни было, я помню день, когда все это произошло. Один из моих сотрудников проверил рецепты в аптеке, и, возможно, на флаконе была надпись, запрещающая принимать спиртное в сочетании с таблетками. Этого я не знаю, Роджер. Когда у меня бывала простуда - давно, несколько лет назад, - в качестве лекарства я пил бренди. Черт возьми, - признался Келти, - я прибежал к алкоголю во многих случаях жизни. Вот я и налил ей немного, и она стала очень послушной. Пожалуй, слишком послушной, но в тот момент я изрядно набрался сам и решил, что это объясняется моей широко известной привлекательностью для женщин.

- Так что же ты хочешь сказать мне? Что ты не виноват?

- А ты считаешь, что я похотлив, как старый козел, никогда не застегиваю штаны? Пожалуй, дело обстоит именно так. Я беседовал со священниками, с врачами, даже обращался в больницу - потратил много времени на это. Наконец, обратился к ведущим нейрохирургам на медицинском факультете в Гарварде. По их мнению, в человеческом мозгу есть участок, управляющий нашими желаниями, - это теория, но достаточно обоснованная. У некоторых людей такое поведение связано с гиперактивностью. В детстве я был гиперактивным ребенком. Даже сейчас не сплю больше шести часов ночью. Да, Роджер, меня можно обвинить во всем этом, но я не насильник.

Так вот как обстоит дело, подумал Дарлинг. Сам он не был юристом, но ему довелось консультироваться с ними, выслушивать и назначать так часто, что он понимал смысл сказанного. Келти мог защищаться по двум направлениям: во-первых, представленные доказательства не были столь убедительными, как это казалось следствию, и могли быть истолкованы по-разному, и во-вторых, случившееся не зависело от него. Президент не мог прийти к выводу, какое из объяснений является правдой. Первое? Второе? Или оба?

- Так что же ты намерен предпринять? - спросил он вице-президента таким же голосом, каким несколько часов назад разговаривал с послом Японии. Дарлинг чувствовал, что, несмотря ни на что, все больше симпатизирует сидящему напротив мужчине. Что, если Келти действительно говорит правду? Откуда он мог знать - и в конце концов, именно об этом будут говорить присяжные, если дело пойдет так далеко; а если они признают его виновным, каким будет заключение сенатского комитета по расследованию? У Келти все еще оставалось много друзей на Капитолийском холме.

- Знаешь, мне кажется, что этим летом на бамперах автомобилей не будет наклеек со словами "Голосуйте за Дарлинга и Келти", верно? - По лицу вице-президента промелькнуло что-то похожее на улыбку.

- Если это зависит от меня - НЕ будет, - холодно согласился президент. Сейчас не время для шуток.

- Мне не хочется вредить тебе, Роджер. Пару дней назад у меня была такая мысль, но я передумал. Если бы ты предупредил меня заранее, я бы мог объяснить тебе это и избавить всех от многих неприятностей. Включая Барбару. Она как-то выпала из моего поля зрения. Барбара отлично проявила себя в сфере гражданских прав, у нее умная голова и доброе сердце. Такое случилось с нами лишь однажды, понимаешь. И после этого она продолжала работать со мной, - напомнил Келти.

- Мы уже говорили об этом, Эд. Скажи, чего ты хочешь.

- Я уйду. Подаю в отставку. Взамен меня не станут привлекать к ответственности.

- Этого недостаточно, - бесстрастно заметил Дарлинг.

- Ну хорошо, я признаюсь в своих слабостях. Принесу публичное извинение тебе, слуге и защитнику нации, за тот вред, который причинил твоей администрации. Мои адвокаты встретятся с их адвокатами и договорятся о компенсации. Я уйду с политической арены.

- А если и этого недостаточно?

- Достаточно, - уверенно заявил Келти. - Дело обо мне нельзя передать в суд, пока не будут решены конституционные проблемы. На это уйдут месяцы, Роджер. Это продлится до лета, может быть, до начала съезда. Ты не можешь позволить себе такое. Худшей для тебя будет ситуация, если комитет примет решение о моем импичменте и передаст дело в палату представителей, но палата отвергнет рекомендацию комитета или согласится незначительным большинством, а тогда рассмотрение дела в Сенате закончится безрезультатно, решение не будет принято. Ты имеешь представление о том, сколько членов Конгресса у меня в долгу, получали от меня поддержку? - Келти покачал головой. - Это слишком большой риск для твоей политической карьеры и отвлечет внимание как Конгресса, так и тебя самого от действительно важных проблем управления

страной. У тебя не хватит времени на все это. Черт возьми, да у тебя и без того времени слишком мало. - Келти встал и пошел к двери, той, что находилась справа от президента, идеально сливающейся с белой, цвета яичной скорлупы, стеной, отделанной золотом. Последние слова он произнес не поворачиваясь. - Короче говоря, тебе решать.

Дарлинг почувствовал раздражение из-за того, что в конечном счете самый простой выход из создавшейся ситуации будет одновременно и единственно правильным - но об этом никто не узнает. Станет известно лишь то, что его окончательное решение было политически целесообразным в тот исторический момент, когда требовалась политическая целесообразность. Экономика, которая находится на грани краха, только что начавшаяся война - у него просто нет времени заниматься еще и делом Келти. Погибла молодая женщина. Несколько других утверждают, что стали жертвой изнасилования. А вдруг смерть этой молодой женщины вызвана иными причинами, и что, если другие... Проклятие, молча выругался он. Этим должен заниматься суд присяжных. Но прежде чем оказаться перед судом присяжных, дело должно пройти еще через три юридические инстанции, и любой адвокат, даже самый тупой, сможет заявить, что беспристрастный суд невозможен, после того как по телевидению были переданы миру все подробности, рассмотрены все доказательства, предъявленные обвинением, и теперь Келти лишен своего права на справедливый суд перед непредвзятыми присяжными, гарантированный конституцией. Такое решение возможно уже в федеральном окружном суде и еще более вероятно после обжалования в апелляционный суд. Пострадавшие, таким образом, ничего не добьются. А вдруг этот недоумок действительно невиновен в преступлении - с юридической точки зрения? Расстегнутая ширинка, как бы отвратительно это ни казалось, - еще не состав преступления.

А тем временем такие политические распри пойдут лишь во вред и ему и его стране. Роджер Дарлинг вызвал секретаря.

- Слушаю, господин президент.

- Соедините меня с министром юстиции.

Да, он ошибался, подумал Дарлинг. Можно, разумеется, помешать уголовному расследованию. У него нет другого выхода. И это так просто. Проклятие.

26. Наравне

- Он действительно так и сказал? - Эд Фоули наклонился вперед. Мэри-Пэт поняла это быстрее мужа.

- Да, конечно, и поклялся честным словом шпиона, - ответил Джек, цитируя слова Головки.

- Мне всегда нравилось его чувство юмора, - сказала заместитель директора ЦРУ по оперативной работе, засмеявшись впервые за день и... наверно, в последний раз. - Он занимался нами с таким усердием, что больше походит на американца, чем на русского.

Ну конечно, подумал Джек, вот тебе и, объяснение поведения Эда. С ним ситуация противоположная. Посвятив почти всю свою жизнь изучению России, он стал думать больше как русский, чем как американец. Эта мысль вызвала у него

улыбку.

- Какие будут предложения? - спросил советник по национальной безопасности.

- Джек, но тогда русские смогут опознать всех трех оперативников, находящихся у нас в Японии. Невыгодная сделка, дружище, - заметил Эдвард Фоули.

- Действительно, это немаловажно, - согласилась Мэри-Пэт Фоули. - Но существуют и другие соображения. Эти три оперативника отрезаны от нас, у них нет связи. Если мы не сможем восстановить контакт с ними, их ценность равна нулю. Джек, насколько серьезна создавшаяся ситуация?

- Фактически мы находимся в состоянии войны, МП. - Джек уже вкратце сообщил им содержание беседы с послом, включая его заключительную фразу.

- О'кей, - кивнул она. - Нас втягивают в войну. А мы на нее согласны?

- Не знаю, - признался Райан. - У нас погибли люди. Над частью американской территории прямо сейчас развевается флаг другой страны. Однако наши возможности дать решительный отпор ограничены, и к тому же нужно принять во внимание внутренние трудности. Финансовые рынки и банковская система столкнутся завтра утром с крайне неприятной ситуацией.

- Интересное совпадение, - задумчиво произнес Эд. Он слишком долго занимался разведывательной деятельностью, чтобы верить в случайные совпадения. - А как будет решаться эта проблема, Джек? Ты ведь неплохо разбираешься в этом.

- Не могу даже себе представить. Ситуация трудная, но вот насколько... никто не знает. Такого никогда раньше не случалось. Думаю, единственная хорошая новость заключается в том, что хуже быть не может. А вот плохая напоминает мысли человека, оказавшегося в горящем доме, - до поры до времени ты в безопасности, но спастись тоже невозможно.

- Какие службы занимаются расследованием случившегося? - поинтересовался Эд Фоули.

- Практически все. Руководит операцией ФБР, в его распоряжении больше всего агентов. Вообще-то такое расследование - дело Комиссии по биржевым операциям и ценным бумагам, но у нее не достаточно специалистов для столь крупномасштабной работы.

- Джек, меньше чем за двадцать четыре часа кто-то передал прессе информацию о вице-президенте, - сейчас Келти находился в Овальном кабинете, они знали об этом, - рухнул финансовый рынок, совершено нападение на наш Тихоокеанский флот, и ты говоришь, что самым опасным для нас является экономический кризис. Будь я на вашем месте, сэр...

- Понимаю тебя, - произнес Райан, прерывая Эда, до того как тот успел обрисовать полную картину катастрофы, угрожающей стране. Он сделал несколько пометок в блокноте, пытаясь понять, каким образом можно доказать что-то при такой сложной ситуации на финансовом рынке. - Неужели есть столь хитрые и дальновидные люди?

- В мире множество умных и хитрых людей, Джек. Не все похожи на нас. - Разговор очень напоминал недавнюю беседу с Головки, подумал Райан, и Эд, подобно Сергею Николаевичу, был опытным профессионалом, для него мания преследования превратилась в образ жизни и часто становилась ощутимой

реальностью. - Однако у нас есть более срочные проблемы, не терпящие отлагательства.

- Там три хороших оперативника, - начала Мэри-Пэт, развивая мысль мужа.
- Номури отлично провел первую часть порученной ему операции, внедрил в японскую среду и создал сеть полезных контактов. Кларк и Чавез - наши лучшие агенты. У них надежное прикрытие, так что опасность, им не угрожает.

- Если не считать одного, - заметил Джек.

- Что ты имеешь в виду? - вмешался в разговор Эд Фоули.

- Следственное управление общественной безопасности знает о них.

- Головка? - спросила Мэри-Пэт. Джек мрачно кивнул.

- Вот сукин сын, - покачала головой миссис Фоули. - Знаешь, Джек, русская разведка по-прежнему лучшая в мире. - Это признание, прозвучавшее из уст заместителя директора Центрального разведывательного управления, не показалось Райану таким уж радостным.

- Неужели ты хочешь сказать, что им удалось завербовать главу японской контрразведки? - недоуменно спросил ее муж.

- А почему бы и нет, милый? В других странах такое им удавалось. - Это было правдой. - Знаешь, иногда мне приходит в голову мысль, что было бы неплохо пригласить на работу нескольких сотрудников русской разведки, чтобы они читали нам лекции. - Она сделала паузу. - У нас нет выбора.

- Вообще-то Сергей не сказал этого, но я не вижу, как он мог узнать о наших парнях из другого источника. Да, - согласился Райан с заместителем директора ЦРУ, - у нас выбора не осталось.

Теперь даже Эд понял это, хотя и с неохотой.

- Что им нужно взамен?

- Русские хотят получить от нас всю информацию, собираемую "Чертополохом". Их тоже беспокоит создавшаяся ситуация. Сергей сказал, что случившееся застало его врасплох.

- Но там у них действует еще одна агентурная сеть - и хорошая, судя по всему. Он ведь рассказал тебе об этом, - заметила МП.

- Значит, они требуют информацию от "Чертополоха" и взамен обещают, что всего лишь не будут нас беспокоить. Мы идем на слишком большие уступки, Джек. Ты все обдумал? По сути дела они будут руководить действиями наших людей. - Эду совсем не нравилась такая ситуация, однако, немного подумав, он понял, что альтернативы этому нет.

- Обстоятельства действительно интересные, но Сергей сказал что его застали со спущенными штанами. Есть о чем задуматься. - Райан пожал плечами, пытаясь понять, каким образом три самых осведомленных профессиональных разведчика Америки не сумели разобраться в происходящем.

- Он не обманывает? - спросил Эд. - То, что он говорит, не производит на меня особого впечатления.

- Но ведь и лгать бессмысленно в такой ситуации, - заметила Мэри-Пэт. - А мне нравятся загадки, когда внутри одной матрешки находится другая и так далее. Ладно, по крайней мере теперь мы знаем то, о чем не подозревали раньше. Это значит, что нам нужно многое выяснить - и как можно быстрее. Если мы позволим русской службе внешней разведки контролировать наших людей... Да, это рискованно, Джек, но, черт возьми, не вижу иного выхода.

- Значит, я даю ему утвердительный ответ? - спросил Райан. Он знал, что придется заручиться согласием президента, но получить одобрение у него будет легче, чем у этих двоих.

Муж и жена Фоули переглянулись и кивнули.

По случайному стечению обстоятельств с вертолета обнаружили в пятидесяти милях океанский буксир с баржей. Фрегат "Гэри" взял баржу на буксир, а мощное судно отправил к авианосцу, где оно сменило крейсер "Иджис", причем, между прочим, скорость авианосца сразу увеличилась до девяти узлов. Шкипер буксира с ликованием думал о размерах вознаграждения, которое он получит в соответствии с правилами спасательной службы Ллойда - документы были подписаны капитаном авианосца и возвращены ему вертолетом. Обычно вознаграждение составляет от десяти до пятнадцати процентов стоимости спасенного судна с находящимся на нем грузом. Значит, авианосец, авиакрыло палубных самолетов, экипаж из шести тысяч на борту. Сколько будет десять процентов от трех миллиардов? Может быть, стоит проявить великодушие и согласиться на пять?

Как всегда, это было сочетанием простого и сложного. Отступающее боевое соединение охраняли теперь противолодочные самолеты Р-3С "Орион", вылетающие с Мидуэя. Понадобились целые сутки, чтобы снова начать пользоваться базой на океанском атолле, причем это оказалось возможным лишь потому, что там находились орнитологи, занимающиеся изучением черноногих альбатросов. "Орионов" в свою очередь поддерживали С-130-е из состава национальной гвардии ВВС с Гавайских островов. Как бы то ни было, адмирал, который все еще держал свой флаг на поврежденном авианосце, видел на экране радиолокатора четыре противолодочных самолета, охраняющие его эскадру, и чувствовал себя увереннее. Корабли внешнего охранения пронизывали океанские глубины импульсами гидролокаторов, работающих в активном режиме, и после первого приступа паники ничего там не обнаруживали. Адмирал рассчитывал добраться до Пирл-Харбора к вечеру пятницы, а если подует ветер, даже поднять свои самолеты и усилить боевое охранение.

Направляясь по коридору, адмирал Сато видел теперь улыбки на лицах команды. Всего два дня назад они испытывали стыд и смущение из-за совершенной ими "ошибки". Сейчас все изменилось. Он лично побывал на всех четырех эсминцах типа "конго", перелетая с одного на другой на вертолете и проводя инструктаж. В двух сутках хода от Марианских островов моряки узнали наконец о том, что совершили, - по крайней мере часть этого. Сведения о гибели американских подлодок все еще держались в секрете. Они поняли, что отомстили за унижение, нанесенное их стране, причем сделали это очень хитро, вернув обратно земли, исторически принадлежавшие Японии. К тому же, казалось морякам, это произошло без всяких потерь с обеих сторон. Первоначальная реакция напоминала шок. Воевать с Америкой? Однако адмирал объяснил, что война начнется лишь в том случае, если этого захотят сами американцы. Он сообщил, что, по его мнению, такое развитие событий маловероятно, но одновременно предостерег личный состав, что нужно быть готовым и к этому.

Эскадра выстроилась сейчас в развернутый строй с расстоянием между кораблями в три тысячи метров и мчалась на запад с максимальной крейсерской скоростью. При этом расходовалось драгоценное топливо, но у Гуама их встретит танкер, и они пополнят запасы. К тому же Сато хотелось как можно быстрее оказаться под прикрытием своих противолодочных самолетов. Прибыв к Гуаму, он рассмотрит дальнейшие этапы операции. Первый оказался успешным. Может быть, второго и не понадобится, однако на всякий случай адмирал должен изучить все возможные варианты.

- Обнаруженные контакты? - спросил Сато, входя в боевую рубку.

- Все воздушные контакты - гражданские, - ответил офицер ПВО.

- На военных самолетах устанавливаются транспондеры, - напомнил ему адмирал. - Они действуют в точности как на гражданских.

- Никто к нам не приближается. - Эскадра намеренно выбрала курс в стороне от коммерческих воздушных коридоров, и адмирал, глядя на объединенный радиолокационный дисплей, видел самолеты, летящие по всем этим коридорам. Правда, военный разведывательный самолет мог обнаружить эсминцы из такого коридора, но у американцев были к тому же и отличные спутники. До сих пор его оценка ситуации оказывалась точной. Единственная опасность исходила от подводных лодок, а против них у японских кораблей была надежная защита. Экипажи эскадренных миноносцев знали, как бороться с ракетами "Томагавк" и "Гарпун", запускаемыми с них. На каждом японском корабле действовал радиолокатор SPY-ID, непрерывно обшаривающий морскую поверхность. Приближающиеся крылатые ракеты будут сразу обнаружены и обстреляны сначала ракетами SM-2MR, спроектированными в Америке (и модернизированными в Японии), а сумевшие прорваться через ракетный заслон натолкнутся на шквал огня из шестиствольных зенитных установок типа "гэтлинг" уже в непосредственной близости от кораблей. Это поставит непреодолимую преграду на пути "вампилов" - так именовались на всех флотах крылатые ракеты. Разумеется, подводная лодка может попытаться сблизиться и атаковать торпедами, а взрыва одной из мощных боеголовок достаточно, чтобы потопить любой корабль японской эскадры. Однако гидроакустики обнаружат приближение торпеды, противолодочные вертолеты сразу набросятся на подводную лодку, лишат ее возможности сделать повторный залп и, скорее всего, потопят. У американцев не так много подводных лодок, и потому их командиры будут проявлять осторожность, особенно если Сато удастся прибавить третью к двум уже потопленным.

Что предпримут американцы? А что они могут теперь предпринять? Этот вопрос он задавал себе снова и снова и неизменно приходил к одному и тому же ответу. Они слишком сократили свои силы, полагаясь на способность устрашать противника, забывая при этом, что устрашение зависит от возможности перейти к активным действиям, если первое потерпит неудачу: широко известная старая ситуация "не хочу, но вынужден". К сожалению для американцев, они слишком уж положились на первое и забыли про второе, и теперь по всем известным Сато правилам, когда они снова захотят прибегнуть к принуждению, противник сможет активно противостоять им. Общий стратегический план, который ему предстояло осуществить, не был чем-то новым - всего лишь осуществлен он будет лучше, чем в первый раз, подумал он. Адмирал стоял у радиолокационного дисплея и

наблюдал за искорками, обозначающими гражданские авиалайнеры, которые двигались по отведенным им воздушным коридорам, наглядно демонстрируя этим, что мир вернулся к прежнему спокойствию, даже не обратив внимания на происшедшее.

Райан знал, что самое трудное наступает после того, как решения приняты. Мучительным является не сам процесс принятия решений, а то, что с ними необходимо примириться. Все ли он сделал правильно? Наступают сомнения, потому что человеку свойственно быть крепким задним умом, когда изменить что-то уже слишком поздно. Более того, оглядываться назад всегда бесполезно и опасно, поскольку человек редко задумывается о событиях, прошедших успешно. На известном уровне предметы утрачивают четкие очертания. Ты взвешиваешь имеющиеся возможности, факторы, оказывающие на них влияние, но очень часто замечаешь, что при любом раскладе кто-то пострадает. В этом случае стараешься причинить как можно меньше вреда людям или событиям, но даже при этом кто-то страдает, кто при иной ситуации не пострадал бы совсем, и тебе по сути дела приходится выбирать, чьи жизни будут поставлены на карту, - как жестокому и бесстрастному богу из мифологии. Ситуация становится еще хуже, когда ты лично знаешь людей, вовлеченных в это, потому что на память приходят их лица и слышатся голоса. Те, кому не приходится принимать подобные решения, называют это моральным мужеством, а те, кто их принимает, - стрессом.

И все-таки решение придется принять. Райан взялся за предложенную ему работу, заранее зная, что такие моменты наступят. Он рисковал жизнями Кларка и Чавеза в восточно-африканской пустыне и теперь смутно припоминал, что и тогда беспокоился о них, но операция прошла успешно, и сейчас происшедшее казалось удивительно ловкой игрой, проведенной одной нацией против другой. А тот факт, что в результате человек по имени Мохаммед Абдул Корп лишился жизни... Ну что ж, теперь легко говорить, что он заслуживал этого. Райан заставил себя спрятать это воспоминание в дальний ящик и запереть там. Он извлечет его оттуда через много лет, если поддастся желанию писать мемуары. Но вот все ожило снова, поскольку возникла необходимость опять рисковать жизнями реальных людей. Джек запер в сейф секретные документы и пошел к Овальному кабинету.

- Иду к боссу, - сказал он агенту Секретной службы в коридоре, ведущем с севера на юг.

- "Фехтовальщик" к "Десантнику", - произнес агент в микрофон, поскольку для тех, кто охраняли всех в "Доме", они являлись не столько людьми, сколько символами, обозначающими функции, которые ими осуществлялись.

Но ведь я не символ, хотел закричать Джек. Я - человек, и мне свойственны человеческие чувства, включая сомнения. По пути он миновал еще четырех агентов и заметил, с каким доверием и уважением они смотрят на него, полагая, что ему известно, что следует предпринять, что нужно сказать боссу, словно считая его кем-то более значительным, чем они, и один только Райан знал, что ничем от них не отличается. Он поступил глупо, согласившись исполнять обязанности, влекущие за собой огромную ответственность, намного большую, чем у них, чем ему когда-либо хотелось, вот и все.

- Не слишком веселая ситуация, правда? - произнес Дарлинг, когда Райан вошел в его кабинет.

- Да, не слишком. - Джек опустился в кресло. Президент посмотрел на лицо своего советника, словно читая его мысли, и улыбнулся.

- Значит, так. Я должен посоветовать тебе успокоиться, а ты должен посоветовать мне поступить так же, верно?

- Трудно прийти к правильному решению, если испытываешь излишнее напряжение, - согласился Райан.

- Да, за исключением одного. Если ты не испытываешь напряжения, значит, решение не такое уж важное и его не обязательно принимать на самом высоком уровне. А вот трудные решения принимаются здесь. Многие говорили об этом, - заметил Дарлинг. Райан вдруг понял, насколько великодушно такое замечание, потому что оно сразу сняло с него часть ответственности, напомнив, что он всего лишь дает советы президенту, а принимает решения уже не он. В человеке, сидящем напротив него, за старинным дубовым столом, ощущалось подлинное величие. Джек подумал о колоссальном бремени ответственности, лежащем на плечах этого человека, и это изумило его - если не изумило, то напомнило по крайней мере о том, что необходимо предпринять.

- Итак, что теперь?

- Мне требуется ваше согласие. - Райан объяснил суть предложений Головки - первого, сделанного, в Москве, и второго, сделанного по телефону всего несколько часов назад, а также того, что они влекут за собой.

- В результате мы сможем получить более широкую картину происходящего? - спросил Дарлинг.

- Пожалуй, хотя наши возможности весьма ограничены.

- И что вы хотите от меня?

- Такое решение всегда принимается на вашем уровне, - сообщил ему Райан.

- А почему я должен...

- Сэр, мы раскрываем как личности наших агентов, так и методы действий. Пожалуй, если рассуждать формально, вам не обязательно принимать решение по этому вопросу, но вы все равно должны быть в курсе событий.

- Вы советуете принять предложение русских. - Это был не вопрос, а скорее констатация факта.

- Да, сэр.

- А мы можем доверять им?

- Речь идет не о доверии, господин президент. В данном случае наши интересы и возможности совпадают и к тому же возникает потенциальная возможность шантажа.

- Соглашайтесь, - без колебаний ответил президент. Может быть, это показывало, насколько он доверяет ему, подумал Райан, но таким образом президент снова возложил на него бремя ответственности. Дарлинг несколько секунд помолчал, обдумывая следующий вопрос. - Каковы их намерения, Джек?

- Вы имеете в виду японцев? На первый взгляд это трудно объяснить. Мне все время приходит в голову вопрос: зачем им понадобилось топить наши подлодки? Зачем убивать людей? Чтобы достичь желаемой цели, в этом не было необходимости.

- И почему они поступают так со своим главным торговым партнером? -
задал очевидный вопрос Дарлинг. - У нас даже не было возможности обдумать
происходящее, правда?

Райан покачал головой.

- События нагромождаются одно на другое. Мы даже не знаем того, чего
еще не знаем.

Президент удивленно наклонил голову.

- Что ты имеешь в виду?

По лицу Джека пробежала легкая улыбка.

- Моя жена любит говорить так о своих медицинских проблемах. Нужно
знать о том, что же все-таки тебе неизвестно. Необходимо сначала правильно
сформулировать вопросы, прежде чем искать ответы.

- И как же мы делаем это?

- Люди Мэри-Пэт начали задавать вопросы. Мы изучаем всю информацию,
имеющуюся в нашем распоряжении, пытаемся делать выводы из того, что нам уже
известно, ищем связь между происшедшими событиями. Можно узнать многое из
того, каким образом действует противник и к чему стремится. Но главный
вопрос, вызывающий у меня недоумение, - это зачем они потопили наши
подводные лодки? - Райан посмотрел через окно на памятник Вашингтону - узкий
мраморный обелиск, устремленный ввысь. - Причем сделали это таким образом,
словно дают нам возможность решать, что случилось. Мы можем заявить, что
произошло столкновение или что-то еще...

- Неужели они полагают, что мы просто закроем глаза на гибель моряков
и...

- Японцы предоставили нам такую возможность. Может быть, они не
рассчитывают, что мы воспользуемся ею, но исключать это нельзя. - Райан
задумался. - Впрочем, нет. Вряд ли они проявят такое невежество при оценке
нашей позиции.

- Продолжай, - приказал Дарлинг.

- Мы произвели слишком значительные сокращения на флоте...

- Говорить об этом сейчас бесполезно, - прозвучал резкий ответ.

Райан кивнул и поднял руку.

- Я знаю, слишком поздно думать почему или как. Но главное заключается
в том, что они знают об этом. Всем известно, какими силами мы располагаем и
чего у нас нет, а после соответствующей подготовки можно оценить наши
возможности. После этого противник готовит операцию, исходя из того, что мы
можем предпринять и каким образом он сумеет противостоять этому.

- Да, пожалуй. Продолжай.

- С исчезновением русской угрозы необходимость в подводных силах
фактически исчезла. Это объясняется тем, что подводные лодки пригодны по
сути дела для выполнения двух функций. Их тактическая задача - уничтожать
подводные лодки противника. Однако в стратегическом отношении их польза
ограничена. Они не способны завоевывать господство в море подобно надводным
кораблям, не могут демонстрировать военную мощь, не могут перевозить войска
и боевое снаряжение из одной точки в другую - а именно в том и заключается
морское господство. - Джек щелкнул пальцами. - Однако они могут перекрыть
морское пространство, а Япония - это островное государство. Значит, она

опасается морской блокады. - А может быть, подумал Джек, японцы просто сделали то, что им под силу. Вывели из строя авианосцы, потому что сделать что-то большее не так-то просто. Или как? Проклятие, все по-прежнему слишком сложно.

- Значит, мы можем удушить их с помощью подводных лодок? - спросил Дарлинг.

- Пожалуй. Один раз мы уже сделали это. Правда, сейчас у нас их осталось не так много, всего несколько, и потому японским противолодочным силам действовать намного проще. И все-таки их главный козырь против нашей попытки удушить их морской блокадой - ядерные ракеты. Стратегическому маневру с нашей стороны они противопоставляют свой, в 41-м сделать такое они не могли. И все-таки здесь чего-то не хватает.

- Причины?

- Может быть, и причины. Но сначала я хочу получить ответ на вопрос, что им нужно от нас? Какова их конечная цель? Именно это, а не почему.

Райан повернул голову и посмотрел в глаза президента.

- Сэр, решение начать войну почти никогда не бывает рациональным поступком, предпринятым после разумных размышлений. Первая мировая война, поводом для которой стало то, что один недоумок убил другого, была развязана в результате хитроумных махинаций австрийского министра иностранных дел Леопольда - не помню фамилию, его звали "Польди". Он был искусным закулисным махинатором, но не принял во внимание простой факт - у его страны было слишком мало сил, чтобы добиться поставленных целей. Войну начали Германия и Австро-Венгрия. И обе потерпели поражение. Во время второй мировой войны Япония и Германия выступили против всего остального мира, даже не подумав о том, что противостоящие им страны могут оказаться сильнее. Это особенно относится к Японии, - продолжил Райан, - ведь она даже не планировала победить нас. Подумайте об этом. Гражданская война в Америке, начатая Югом против Севера. Юг потерпел поражение.. Франко-прусская война, начатая Францией. Франция проиграла ее. Почти все войны после Промышленной революции начинались сторонами, оказавшимися в итоге побежденными. Что и требовалось доказать, акт вступления в войну нельзя считать рациональным. Вот почему поиск причины не является столь уж важным, поскольку он изначально может оказаться ошибочным. - Мне это даже не приходило в голову, Джек.

Райан пожал плечами.

- Есть вещи, которые слишком очевидны для понимания, как сказал сегодня Баз Фидлер.

- Но если причина не является важной, то и цель тоже не играет особой роли, верно?

- Нет, цель имеет важное значение, потому что, если нам удастся понять, к чему они стремятся, чего хотят, мы сумеем помешать им достичь желаемого. Именно таким образом мы начинаем побеждать врага. К тому же противник обычно так стремится к достижению поставленной цели, она кажется ему настолько важной, что начинает забывать, что кто-то другой может помешать этому.

- Словно преступник, решивший ограбить магазин, торгующий спиртным, - согласно кивнул Дарлинг. Слова Райана произвели на него большое впечатление.

- Война является величайшим уголовным преступлением, чем-то вроде

вооруженного ограбления, доведенного до крайней степени. И она всегда вызывается жадностью. Нападающая сторона - это всегда нация, стремящаяся отобрать что-то у другой. Победа одерживается в результате того, что вы узнаете, к чему стремятся агрессоры, и ставите преграду на пути к этой цели. Ростки поражения обычно уже заложены в первоначальном стремлении захватить что-то.

- А как это относится к Японии во время второй мировой войны?

- Они хотели создать настоящую империю. По сути дела Япония стремилась к тому, чем раньше владели англичане, вот только они опоздали на пару столетий. Японцы не рассчитывали победить нас, просто им хотелось... - Его голос стих, в голове начала оформляться мысль. - Просто хотелось достичь поставленных целей и заставить нас согласиться с этим. Боже... - выдохнул Райан. - Так вот в чем дело! Все повторяется снова. Те же самые методы начала войны. И, может быть, те же самые цели? - произнес он, размышляя вслух.

Да, конечно, подумал советник по национальной безопасности. Только надо найти это. Если мы сумеем найти.

- Но сначала нам следует решить свою первостепенную задачу, - напомнил ему президент.

- Да, я знаю.

Джордж Уинстон пришел к выводу, что он, подобно старому боевому коню, должен откликнуться на призывный зов труб. Его жена и дети остались в Колорадо, а он находился сейчас в салоне своего "Гольфстрима", глядя на раскинувшиеся внизу огни какого-то города. Наверно, Цинциннати, подумал он, хотя не поинтересовался маршрутом, выбранным летчиками для полета в Ньюарк.

Причина принятого им решения была отчасти личной. Его состояние изрядно пострадало от событий прошлой пятницы, он потерял несколько сотен миллионов долларов. Характер происшедшего и то, что его деньги были вложены в различные инвестиционные компании, влекло за собой колоссальные убытки, поскольку Уинстон оказался уязвим для всякого вида торговли ценными бумагами на основе компьютерных программ. Однако дело заключалось не только в деньгах. Ну хорошо, сказал он себе, я потерял двести миллионов. Ну и что? У меня осталось огромное состояние, и я всегда могу увеличить его, как и заработал с самого начала. Но больше всего финансиста беспокоил урон, нанесенный всей системе, и в особенности ущерб, причиненный "Коламбус групп". Его дитя понесло колоссальные убытки, и Уинстон, подобно отцу, возвращающемуся к замужней дочери в тяжелое для нее время, понимал, что компания навсегда останется его ребенком. Мне следовало быть там в пятницу, упрекал себя он. Я заметил бы надвигающуюся угрозу и предотвратил бы ее. И уж по крайней мере защитил бы своих вкладчиков. Окончательные результаты торгов еще не поступили, хотя и было уже известно, что ситуация настолько плоха, что почти не поддается осмыслению. Он должен что-то предпринять, должен использовать свой опыт и знания, его советы могут оказаться полезными. Вкладчики по-прежнему остаются его доверителями.

Перелет в Ньюарк прошел без происшествий. "Гольфстрим" мягко коснулся посадочной дорожки и подрулил к терминалу частной авиации, где его ждал

автомобиль. Возле машины стоял один из ведущих сотрудников бывшей компании Уинстона. На нем не было галстука, что в высшей степени необычно для выпускника бизнес-колледжа Уортона.

Марк Ганг стоял, опершись на крыло, чтобы не упасть. Он не спал уже пятьдесят часов, и машина помогала ему сохранять равновесие, так как у него под ногами, казалось, двигалась земля, а приступы мучительной головной боли можно было измерять по шкале Рихтера. Несмотря на все это, он был рад, что оказался здесь. Если кто-то и сможет разобраться в создавшихся неприятностях, так это его бывший босс. Как только личный реактивный самолет Уинстона замер, он подошел к нему и остановился у трапа.

- Насколько все плохо? - были первые слова Джорджа Уинстона. Знаменитый финансист и его бывший заместитель поддерживали теплые отношения, но дело прежде всего.

- Этого мы еще не знаем, - ответил Ганг, сопровождая его к машине.

- Еще не знаете? - С объяснением пришлось подождать, пока они не сели в автомобиль. Ганг молча передал Уинстону первую страницу "Нью-Йорк тайме".

- Это действительно соответствует истине? - Уинстон, обладавший искусством скорочтения, быстро закончил две первые колонки и перешел на двадцать первую страницу, где в обрамлении рекламы дамского белья помещалось окончание статьи.

Дальше Ганг ошеломил Уинстона, сообщив ему, что менеджер, назначенный Райзо Яматой, уехал.

- В пятницу вечером он улетел в Японию. Сказал, что попытается убедить Ямату приехать в Нью-Йорк, чтобы помочь стабилизировать ситуацию. А может, он хочет совершить харакири на глазах босса. Разве поймешь этих гребанных японцев?

- Так кто же руководит делами теперь, Марк?

- Никто, - пожал плечами Гант. - Точно так же, как никто сейчас не занимается ничем другим.

- Черт побери, Марк, но ведь кто-то должен распоряжаться!

- Нам не оставили никаких указаний, - ответил бывший заместитель. - Его нигде нет - я звонил ему во все гребанные кабинеты и во все гребанные дома. Безрезультатно, Джордж. Он исчез. Все пытаются сейчас найти укрытие. Черт побери, может быть, он уже бросился вниз с самого высокого небоскреба.

- О'кей, мне нужен кабинет и вся информация, имеющаяся у вас, - распорядился Уинстон.

- Какая информация? - удивился Гант. - У нас нет ничего. Ты ведь помнишь, что рухнула вся система.

- Зато сохранились документы о сделках, совершенных нашей компанией, правда?

- Это верно, сохранились компьютерные записи - То есть копии, - поправился Гант. - Оригиналы у ФБР.

Ганг являлся отличным специалистом, но его страстью была математика. Стоит дать Марку Ганту правильные инструкции, и он станет действовать на биржевом рынке с искусством карточного шулера, держащего в руках меченую колоду. Однако, подобно большинству служащих инвестиционных компаний, ему нужен был человек, который дал бы ему эти указания. Ну что ж, у каждого свой

предел возможностей, а Гант, помимо всего прочего, был умным, честным и к тому же знал свои достоинства и недостатки. Он понимал, что может наступить момент, когда надо обратиться за советом. Благодаря этому качеству Гант считался одним из лучших специалистов на бирже.

Значит, он, должно быть, обратился за указаниями к Ямате и назначенному им менеджеру...

- Когда все начало рушиться, какие указания ты получил?

- Указания? - Гант провел рукой по небритому подбородку и покачал головой. - Черт побери, мы из кожи вон лезли, стараясь удержаться на плаву. Если "Депозитори траст" сумеет навести порядок в своей документации, наверняка окажется, что почти все наши активы не пострадали. Я закупил огромное количество акций "Дженерал моторе" и едва ли не все ценные бумаги золотодобывающих предприятий, и...

- Я не это имею в виду.

- Он сказал мне - действуй побыстрее. По его команде, слава Богу, нам удалось быстро сбросить акции банков. Можно подумать, что он все предвидел заранее. Мы находились в отличном положении, когда все неожиданно рухнуло. Если бы не панические звонки вкладчиков... Понимаешь, Джордж, наконец это случилось. Мы всегда полагали, что такое возможно, что одновременное изъятие вкладов по телефону 1-800 может произойти, и все-таки... Господи, если бы только люди сохраняли спокойствие. - Глубокий вздох. - Однако они поддались панике, и теперь еще все это дело с компьютерами "Депозитори"... Джордж, я не знаю, что произойдет завтра, когда откроются биржи. Если все это правда, если к утру завтрашнего дня им не удастся восстановить документацию, не знаю, что случится. Просто не знаю, - произнес Гант в тот момент, когда автомобиль въехал в туннель Линкольна.

Вот она передо мной, вся история Уолл-стрита в одном коротком параграфе, подумал Уинстон, глядя на выложенные блестящей Плиткой стены туннеля, проносающиеся мимо. В точности как здесь. Ты можешь смотреть вперед, а можешь и оглянуться назад, но ничего не увидишь по сторонам. Поле твоего зрения ограничено лишь весьма узкой перспективой.

И ты должен исходить из этого.

- Марк, но я по-прежнему член совета директоров компании.

- Да, ну и что?

- Ты тоже, - напомнил Уинстон.

- Я знаю, но...

- Мы вдвоем имеем право созвать совет директоров. Начинай обзванивать всех, - распорядился Джордж Уинстон. - Сразу, как только мы выберемся из этой дыры под рекой.

- На какой день? - спросил Гант.

- "Немедленно, черт побери! - выругался Уинстон. - За теми, кто в отъезде, я пошлю свой самолет.

- Большинство находятся сейчас у себя в кабинетах. - Это была единственная хорошая новость, которую ему довелось услышать начиная с прошлой пятницы, подумал Джордж и кивнул своему бывшему заместителю, предлагая ему продолжать. - Думаю, это потому, что все остальные предприятия

закрыты.

Автомобиль выехал из туннеля. Уинстон достал телефон сотовой связи и протянул его Ганту.

- Начинай звонить. - Интересно, подумал Уинстон, догадывается ли Гант, что он собирается предложить на заседании совета. Скорее всего, не догадывается. Отличный специалист, но с узким кругозором, он так и не избавился от этого недостатка.

А зачем я вообще ушел из "Коламбуса", черт возьми? - упрекнул себя Уинстон. Опасно оставлять американскую экономику в руках людей, не знающих, как она функционирует.

- Ну что ж, все получилось отлично, - заметил адмирал Дюбро. Скорость эскадры снизилась до двадцати узлов. Сейчас они находились в двух сотнях миль к востоку от мыса Дондра. Необходимость в широком морском пространстве, нужном для маневрирования, все еще оставалась, но большим успехом было уже то, что им удалось выйти на оперативный простор в восточной части Индийского океана. Авианосцы разошлись в стороны, боевые корабли, входящие в состав авианосных групп, последовали за ними и замкнули кольца охранения вокруг основных кораблей эскадры - "Авраама Линкольна" и "Дуайта Д. Эйзенхауэра". Через час две боевые группы окажутся за пределами видимости друг друга - это хорошо, но бросок на предельной скорости израсходовал немало топлива, а это уже плохо. Как ни странно, но авианосцы с атомными силовыми установками служили одновременно чем-то вроде танкеров. У них на борту находились огромные емкости для бункеровки кораблей охранения с обычными машинами, и те по мере необходимости пополняли свои запасы. Такая необходимость скоро возникнет. Танкеры "Юкон" и "Раппаханнок" направлялись к американскому флоту из базы на острове Диего-Гарсия с восьмьюдесятью тысячами тонн топлива, но ситуация быстро менялась. Вероятность столкновения вынудила Дюбро пополнить запасы топлива на всех кораблях. Столкновение влекло за собой вероятность морского боя, а в бою всегда возникала необходимость развивать предельную скорость как для того, чтобы стремительно сблизиться с противником, так и для не менее стремительного бегства.

- Есть что-нибудь из Вашингтона? - спросил он. Капитан третьего ранга Харрисон отрицательно покачал головой:

- Нет, сэр.

- О'кей, - со зловещим хладнокровием произнес командующий соединением и направился в центр связи. Ему удалось решить важную оперативную проблему, и теперь появилась возможность требовать дальнейших указаний.

27. Нарастание

Все шло с растущим отставанием при максимальной скорости, главным образом по кругу, направляясь в тупик, причем удивительно быстро. Вашингтон был городом, привыкшим к утечке информации и даже преуспевающим благодаря этому. Но сейчас здешним чиновникам приходилось заниматься одновременно четырьмя крупными кризисами, и они не могли воспользоваться этим. Все это было не столь уж необычным, хотя и являлось причиной подавленного настроения

у тех, кому следовало этим заниматься - впрочем, на это у них просто не было времени. Единственной хорошей новостью, подумал Райан, являлось то, что самая большая сенсация еще не стала достоянием средств массовой информации - пока.

- Скотт, кто твои лучшие специалисты по Японии? Адлер все еще оставался курильщиком и, видно, просто купил пачку сигарет по пути из Госдела, с "Туманного болота". Райану пришлось напрячь все свои остатки воли, чтобы не попросить сигарету, но он не мог запретить гостю курить у себя в кабинете. У каждого свои способы борьбы со стрессом. То, что способ Адлера был когда-то способом самого Райана, служило еще одним неприятным обстоятельством в этот роковой уик-энд, когда положение ухудшалось быстрее, чем Джек считал возможным.

- Я могу создать рабочую группу. Кто возглавит ее?

- Ты, - ответил Джек.

- А что скажет Бретт?

- Он скажет: "Слушаюсь, сэр", когда президент сообщит ему об этом, - ответил Райан, слишком усталый, чтобы соблюдать правила вежливости.

- Они схватили нас за яйца, Джек.

- Каково количество потенциальных заложников? - спросил Райан. Он имел в виду не только служащих военных баз. В Японии наверняка находятся тысячи туристов, бизнесменов, репортеров, студентов...

- У нас нет возможности определить это, Джек. Никакой, - признался Адлер. - Но пока к нам и не поступило сообщений о плохом обращении с американскими гражданами. Ситуация сорок первого года не повторяется - по крайней мере так мне кажется.

- Но если это начнется... - Большинство американцев забыли о том, как обошлись тогда с военнопленными. Райан не относился к их числу. - Тогда нас охватит приступ ярости. Они не могут не знать об этом.

- Сейчас они знают нас гораздо лучше прежнего. Наши народы немало воздействовали друг на друга. К тому же и у нас в стране находятся тысячи японцев.

- Не забывай, Скотт, что их культура кардинально отлична от нашей. У них другая религия. Их взгляд на место человека в природе не такой, как у нас, и потому они мало ценят человеческую жизнь, - мрачно заметил советник по национальной безопасности.

- Ты рассуждаешь, как расист, Джек, - заметил Адлер.

- Это всего лишь факты. Я вовсе не утверждаю, что они хуже нас, просто говорю, что мы не должны допускать ошибки, полагая, что их мотивации такие же, как наши, - согласен?

- Пожалуй, - согласился заместитель государственного секретаря.

- Вот почему мне нужны в качестве советников люди, хорошо понимающие их культуру. Они должны мыслить, как японцы.

- Я найду тебе таких специалистов, - пообещал Адлер.

- Какие новости поступают к нам из посольств?

- Никто ничего не знает. Впрочем, в Корее произошло интересное событие.

- И какое же?

- Наш военный атташе навестил друзей в Министерстве обороны и спросил,

не следует ли перевести некоторые базы на более высокий уровень боевой готовности. Ему отказали. Это впервые в Южной Корее кто-то из высокопоставленных лиц отказал нам. Раньше такого никогда не случалось. По-видимому, их правительство все еще пытается разобраться в ситуации.

- К тому же все равно слишком рано приступать к этому.

- Что же мы собираемся предпринять? Райан покачал головой.

- Еще не знаю. Зазвонил телефон.

- Национальный центр управления боевыми действиями на закрытом канале связи, доктор Райан.

- Райан слушает, - советник по национальной безопасности поднял трубку телефона, оборудованного скремблером. - Проклятие! - прошептал он так тихо, что Адлер едва слышал. - Адмирал, позвоню вам сегодня попозже,

- Что-то еще?

- Индийцы, - односложно ответил Райан.

- Заседание совета директоров считаю открытым, - произнес Марк Ганг, постучав ручкой по столу. Было заполнено чуть больше половины кресел, но присутствующие составляли кворум. - Джордж, тебе предоставляется слово.

Выражение лиц сидящих в зале беспокоило Джорджа Уинстона. Начать с того, что мужчины и женщины, определяющие направление действий "Коламбус групп", казались физически изнуренными. Во-вторых, все были близки к панике. Но Уинстона особенно беспокоило другое, что вызвало у него острое чувство боли, - это была надежда, с которой все присутствующие смотрели на него, словно он был Спасителем, прибывшим очистить храм. Все должно было обстоять иначе. Ни один человек не обладает такой властью, потому что американская экономика слишком обширна. От нее зависят слишком много людей. Но самое главное заключается в том, что она настолько сложна, что ни один человек - или будь их даже двадцать - не в силах постичь все тонкости ее деятельности. В этом и заключался недостаток моделей, на которые любят полагаться экономисты. Наступает момент, когда они пытаются измерять, оценивать и регулировать что-то, чего просто не существует. Экономика существует. Она действует. Люди нуждаются в ней, но никто по-настоящему не знает, как она функционирует. Главная ошибка марксистов заключалась в том, что они поддались иллюзии, будто им удалось постичь секреты экономического развития. Советы потратили три поколения, пытаясь заставить экономику действовать по их команде, вместо того чтобы позволить ей развиваться по собственным законам, и в результате оказались нищими в богатейшей стране мира. Да и здесь ситуация не особенно отличалась. В Америке не пробовали распоряжаться экономикой, нет, просто пытались пользоваться ее плодами, но в обоих случаях создавалась иллюзия, что она понятна людям, тогда как на самом деле все обстояло иначе. Если люди и понимали пути экономического развития, то только в самых общих чертах.

В своей основе все сводилось к потребностям и времени. У людей существовали потребности. Пища и жилище являлись главными из них, поэтому часть людей строили жилища и производили пищу. Для того и другого требовалось время, а поскольку время представляет собой самый драгоценный товар, известный человеку, требовалось компенсировать время, затраченное

теми, кто этим занимался. Возьмем автомобиль - люди нуждались и в средствах передвижения. Покупая машину, вы платите за время сборки, за время, необходимое для производства деталей; в конце концов, вы платите горнякам за время, потраченное на добычу железной руды и боксита. Все это пока достаточно просто. Ситуация усложняется, как только возникает возможность выбора. Вы можете пожелать владеть не одним автомобилем, а несколькими. Каждый поставщик товаров и услуг, вовлеченный в производство автомобилей, может получить все, в чем он нуждается, из разных источников, а поскольку время - само по себе ценный товар, тот, кто использует его с наибольшей эффективностью, получает более высокое вознаграждение. Это называется конкуренцией, и конкуренция является непрерывной гонкой, при которой каждый стремится опередить всех остальных. Попросту говоря, каждое предприятие и в определенном смысле каждый человек, принимающие участие в деятельности американской экономики, соперничают друг с другом. Каждый американец является производителем и одновременно потребителем. Каждый производит что-то, нужное другим. Каждый выбирает товары и услуги из огромного разнообразия, предложенного ему. Это и есть простейшее определение экономики.

А вот подлинная сложность возникает в результате взаимодействия бесчисленного количества переменных величин. Кто покупает, что и у кого. Кто более эффективен, лучше использует свое время, принося больше пользы как себе, так и потребителям. Поскольку все втянуто в эту игру, экономика походит на колоссальную толпу, где все одновременно говорят друг с другом. Следить за этими разговорами просто невозможно.

И все-таки Уолл-стрит придерживался иллюзий, будто способен на это, будто его компьютерные модели могут предсказывать, что будет происходить день за днем. Это неосуществимо. Можно анализировать деятельность отдельных компаний, определить, что они делают хорошо, а что - плохо. В определенной степени можно на основе такого анализа предсказать некоторые тенденции развития, извлекая из этого выгоду. Однако использование компьютеров и моделирования зашло слишком далеко, экстраполяция уходила все дальше и дальше от исходной реальности, и то обстоятельство, что в течение нескольких лет события как-то развивались в этом направлении, еще больше укрепляло такую иллюзию. После краха, происшедшего тремя днями раньше, иллюзия разбилась, и теперь полагаться было не на что. Разве что на меня, подумал Джордж Уинстон, читая выражение на их лицах.

Бывший президент "Коламбус групп" хорошо знал свои недостатки. Он знал, насколько глубоко понимает основы финансовой системы, и догадывался, где заканчиваются его познания. Уинстон понимал, что никому не под силу управлять всей системой, и этого было достаточно.

- Похоже, компания осталась без руководства. Так что же вы будете делать завтра? - спросил он и заметил, как все "ракетчики" отвели глаза в сторону, не желая встречаться с ним взглядом, или посмотрели на тех, кто сидели напротив. Всего три дня назад кто-нибудь обязательно отозвался бы, высказал свою точку зрения с большей или меньшей долей уверенности. Но не сегодня, потому что никто не знал, что случится завтра. Никто не имел об этом даже самого отдаленного представления, и потому все молчали.

- У вас есть президент. Он что-нибудь вам советует? - задал вопрос Уинстон.

Присутствующие отрицательно покачали головами. Следующий вопрос, как и следовало ожидать, задал, конечно, Марк Гант.

- Дамы и господа, президента и директора-распорядителя выбирает совет директоров, не так ли? Сейчас мы не можем обойтись без руководителя.

- Джордж, - донесся голос из зала, - ты вернулся, к нам?

- Если я не вернулся, значит, перед вами бесплотное воплощение Джорджа Уинстона. - Шутка была не слишком остроумной, но на лицах появились улыбки - первые признаки прошлого энтузиазма.

- В таком случае я выдвигаю предложение объявить должности президента и директора-распорядителя вакантными.

- Поддерживаю.

- Итак, выдвинуто предложение, - уже более уверенным голосом заявил Марк Гант. - Кто за?

Донесся дружный хор одобрительных голосов.

- Против? Молчание.

- Предложение принято. Итак, должности президента и директора-распорядителя "Коламбус групп" объявлены вакантными. Есть еще предложения?

- Предлагаю на пост президента и директора-распорядителя кандидатуру Джорджа Уинстона, - предложил кто-то.

- Поддерживаю.

- Кто за это предложение? - спросил Гант. Реакция присутствующих была такой же, как и раньше, только в ней прозвучало заметно больше энтузиазма.

- Джордж, добро пожаловать обратно к нам. - Из зала послышались аплодисменты.

- О'кей. - Уинстон встал. Он снова обладал всей. полнотой власти в созданной им компании. Его следующее замечание прозвучало даже небрежно: - Нужно сообщить об этом Ямате. - Новый президент начал расхаживать по залу.

- Итак, первое: мне нужна вся документация по - сделкам, совершенным в пятницу. Прежде чем разрабатывать план действий, необходимо выяснить, как все произошло. Нам предстоит трудная неделя, ребята, но наш долг - защитить интересы людей, доверившихся нам.

Уинстон знал, что первая задача будет достаточно трудной. Он не имел представления, сможет ли кто-нибудь с ней справиться, но необходимо узнать, каким образом случилось такое. Он чувствовал - тут что-то неладно. Уинстон ощущал какой-то странный зуд, охватывающий его всякий раз, когда он был готов вот-вот приступить к крупной операции. Отчасти это было продиктовано инстинктом, на который он хотя и полагался, но не доверял ему, пока не располагал убедительными фактами, после чего зуд исчезал. Однако на этот раз Уинстон испытывал еще какое-то чувство, ранее незнакомое, и знал, что должен понять его причину.

Даже хорошие новости могут оказаться зловещими. Генерал Арима часто выступал по телевидению и делал это весьма убедительно. В своем последнем выступлении он сообщил, что любому гражданину, пожелавшему покинуть Сайпан,

гарантируется бесплатный билет в Токио, откуда он сможет позднее вылететь в Соединенные Штаты. Суть его выступлений заключалась главным образом в том, чтобы дать понять, что ситуация остается прежней.

- Вот сукин сын, - проворчал Пит Барроуз, глядя на улыбающееся лицо японского генерала.

- Знаешь, я не могу поверить этому, - сказал Ореза, вернувшийся после пяти часов сна.

- А я верю. Посмотри-ка на холм к юго-востоку от нас. Португалец провел рукой по небритому, заросшему жесткой щетиной подбородку. В полумиле от дома на вершине, недавно подготовленной для строительства еще одного туристского отеля (на острове больше не осталось места для строительства на берегу), человек восемьдесят занимались установкой зенитной ракетной батареи "Пэтриот". Радиолокационные антенны были уже смонтированы, и на глазах Орезы на площадку въехал первый грузовик с двенадцатью направляющими внутри огромного контейнера.

- Так что же мы собираемся теперь предпринять? - спросил инженер.

- Послушай, я всего лишь моряк, верно?

- Но разве ты не был военным моряком?

- Я служил в береговой охране, - ответил Ореза. - Никого не убивал. Что касается вот этой штуки, - он показал на ракетную батарею, - ты, наверно, знаешь о ней больше меня.

- Их изготавливают в штате Массачусетс. В Рейтоне, кажется. Моя компания снабжает их чипами. - Этим знания Пита Барроуза и ограничивались. - Похоже, они собираются остаться здесь надолго, как ты думаешь?

- Да. - Ореза взял бинокль и снова начал смотреть в окна. Из дома видны были шесть перекрестков. Каждый из них охранялся примерно десятью солдатами - отделением, подумал он. Этот термин был ему знаком. Рядом стояли внедорожники "Тойота-лэндкрузер" или джипы. Хотя у многих солдат на боку была пистолетная кобура, автоматов и винтовок Португалец не заметил, словно японцы не хотели походить на какую-нибудь южно-американскую хунту прошлого, совершившую вооруженный переворот. Все проезжающие машины они пропускали без досмотра, дружески взмахивая рукой. Стараются установить хорошие отношения с местными жителями, подумал Ореза. Кто-то чертовски здорово все рассчитал.

- Можно подумать, они сделали это из любви к нам, - пробормотал главный старшина себе под нос. Такое вряд ли было бы возможно, не будь японцы полностью в себе уверены. Даже при монтаже ракетной установки на вершине холма они не спешили. Все делалось основательно и профессионально, как и следовало, но ведь если ты готовишься к отражению воздушного налета, нужно торопиться. Темп работы в мирное и в военное время разный, что бы там ни говорили об уровне подготовки. Ореза снова направил бинокль на ближайший перекресток. В солдатах не чувствовалось никакой напряженности. Они вели себя, как и подобает солдатам, но не оглядывались по сторонам, как обычно бывает на вражеской территории.

Может быть, это не так уж и плохо. Никаких массовых арестов, концентрационных лагерей - обычных спутников оккупации, никакой демонстрации силы, если не считать присутствия солдат. Можно подумать, что ничего не изменилось, за исключением того, что японцы чувствуют себя удивительно

уверенно, подумал Португалец. И они явно собираются остаться здесь надолго. Уверенность японцев в том, что никто не попытается выдворить их отсюда, была вполне очевидной. А он, отставной старшина береговой охраны США, уж явно не в силах что-нибудь предпринять, чтобы изменить создавшееся положение.

- О'кей, вот первые снимки из космоса, - сказал Джексон. - У нас не было времени тщательно их изучить, но...

- Но мы займемся этим, - закончил за него Райан. - Не забудь, я профессиональный разведчик. Думаю, что смогу оценить ситуацию.

- Мне разрешен доступ к этим материалам? - спросил Адлер.

- Да - с этого момента. - Райан включил настольную лампу, и адмирал набрал комбинацию на кодовом замке своего кейса. - Когда он снова пролетит над Японией?

- Пролетает прямо сейчас, но почти все острова закрыты пеленой облаков.

- Ищите ядерные ракеты? - спросил Адлер.

- Совершенно верно, сэр, - отозвался адмирал Джексон. Он положил на стол первую фотографию Сайпана. У причала стояли два судна, предназначенные для перевозки автомобилей. Стоянка по соседству была заполнена аккуратными рядами военных машин, главным образом грузовиков.

- Что можешь сказать? - спросил Райан.

- Усиленная дивизия. - Кончиком ручки Джексон коснулся группы машин. - Вот это батарея ракетных пусковых установок "Пэтриот". Это артиллерийские орудия., А вот это похоже на большую радиолокационную станцию ПВО, разобрannую для транспортировки. Вот там находится холм высотой в тысячу двести футов. С него открывается превосходный вид, и дальность действия радиолокаторов составит добрых пятьдесят миль. - Еще одна фотография. - Аэропорты. Вот это пять истребителей F-15, а если посмотришь сюда, то увидишь два F-3, заходящих на посадку.

- F-3? - недоуменно спросил Адлер.

- Модернизированный вариант FS-X, - пояснил Джексон. - Приличная "птичка", по сути дела усовершенствованный F-16. "Иглы" используются для нужд ПВО, а эта "птичка" - неплохой штурмовик.

- Нам нужно еще несколько пролетов над этим районом, - произнес Райан, внезапно посерьезнев. По какой-то причине ситуация стала теперь реальной. По-настоящему реальной, как он любил говорить, метафизически реальной. Это не было больше результатом анализа или устных докладов. Сейчас перед ним лежали вещественные доказательства, четкие фотографии. Сомнений больше не было - его страна находилась в состоянии войны.

Джексон кивнул.

- Нам также нужно, чтобы эти снимки были расшифрованы профессионалами, но спутники будут пролетать там четыре раза в день и при благоприятной погоде вести фотосъемку. Мы изучим каждый квадратный дюйм этого острова, а также Тициана, Рота, Гуама и всех остальных, даже самых маленьких.

- Господи, Робби, неужели это возможно? - спросил Джек. Вопрос, хотя и выраженный в самой простой форме, имел скрытый смысл, недоступный еще даже ему самому. Адмирал Джексон не сразу понял его, затем оторвал взгляд от спутниковых фотографий, и гнев в его голосе внезапно сменился

профессиональной рассудительностью морского офицера.

- Пока не знаю. - Он помолчал и задал свой вопрос. - А мы попытаемся?

- Я тоже еще не могу дать ответ, - произнес советник по национальной безопасности. - Робби?

- Да, Джек?

- Прежде чем принять решение, мы должны знать, насколько это осуществимо.

Адмирал Джексон кивнул.

- Да, конечно.

Он не мог уснуть почти всю ночь, прислушиваясь к храпу. своего компаньона. Неужели у него нет нервов? - спрашивал себя Чавез. Как он может спать в такое время? Уже встало солнце, оглушительный шум Токио пробивался через окна и стены, а Джон продолжал спать. Ну что ж, подумал Динг, он уже старый, а старикам, наверно, нужно отдыхать дольше молодых. И тут произошло самое невероятное за все время их пребывания в Японии - зазвонил телефон. Глаза Джона открылись, но Динг успел первым снять трубку.

- Товарищи, - послышался голос. - Вы здесь уже так долго, но все еще не удосужились позвонить мне?

- Кто это? - спросил Чавез. Несмотря на то что он прилежно изучал русский язык, слова, донесшиеся по телефону в этой стране, прозвучали, как с Марса. Ему было совсем нетрудно притвориться, что он не успел проснуться. Но в следующее мгновение Чавез почувствовал, что его глаза едва не выскочили из орбит.

Из трубки послышался веселый смех, идущий из глубины сердца!

- А. вы как думаете, Евгений Павлович? Давайте соскребите щетину с лица и спускайтесь завтракать. Жду вас внизу.

Доминго Чавез почувствовал, что сердце его остановилось. Это не было перебоем, нет, он был готов поклясться, что оно остановилось, и Динг усилием воли заставил его биться. Когда же сердце заработало снова, частота его сокращений увеличилась вдвое.

- Нам понадобится несколько минут, - выдавил он.

- Иван Сергеевич вчера опять набрался, да? - со смехом спросил голос. - Передайте ему, что он уже староват для таких глупостей. Ну ладно, я пока закажу чай и подожду.

В течение всего телефонного разговора глаза Кларка смотрели прямо ему в глаза - или по крайней мере первые несколько секунд. Затем его взгляд пробежал по комнате в поисках угрожающей им опасности, которая несомненно где-то таилась, - таким бледным стало лицо партнера. Джон знал, что напугать Доминго непросто, но услышанное по телефону едва не лишило парня самообладания.

Ладно. Джон встал и включил телевизор. Если за дверью им угрожает опасность, все равно уже слишком поздно. Через окно скрыться не удастся. В коридоре наверняка полно вооруженных полицейских. Кларк направился в туалет, где остановился перед зеркалом. Вода все еще шумела в унитазе, когда вошел Чавез.

- Звонивший назвал меня "Евгением". Сказал, что ждет внизу.

- Что ты понял по его голосу?
- Говорил по-русски без акцента, правильное построение фраз. - Шум воды стих, и оба замолчали.

Проклятие, подумал Кларк, глядя в зеркало в поисках ответа и видя там только два растерянных лица. Ясно. Оперативник принялся мыть руки, обдумывая создавшуюся ситуацию. Итак, что мы имеем? Если бы это была японская полиция, неужели она стала бы... Нет, вряд ли. Все считают шпионов опасными в придачу к вызываемому ими отвращению - забавное наследие фильмов о Джеймсе Бонде. Ожидать, что оперативники затеют стрельбу, так же бессмысленно, как и то, что у них вырастут крылья для спасения по воздуху. Их важнейшим физическим качеством являлась способность убегать и прятаться, но никто не понимал этого, и если японские полицейские сумели выследить американцев, то... в этом случае его разбудил бы не телефонный звонок, а дуло пистолета, упершееся в лицо. А его разбудил все-таки телефонный звонок, правда? Значит, непосредственной опасности нет. Да, пожалуй, нет.

Не без удивления Чавез следил за тем, как Кларк не спеша умылся, тщательно побрился и дочистил зубы, прежде чем выйти из ванной. Джон даже улыбался, потому что выражение лица должно соответствовать тону голоса.

- Евгений Павлович, для встречи с другом нужно выглядеть должным образом, разве не так? Мы ведь не виделись столько времени. - Через пять минут они вышли в коридор.

Актерское мастерство для разведчика не менее важно, чем для тех, кто работает на сцене театра, потому что в жизни, как и в театре, редко выдается возможность снять дубль. Майор Борис Ильич Щеренко был заместителем руководителя токийской резидентуры Российской внешней разведки. Четыре часа назад его разбудил на первый взгляд невинный звонок из посольства. Майор занимал должность атташе по вопросам культуры и последнее время занимался организацией турне санкт-петербургского балета по Японии. Пятнадцать лет он отслужил в Первом главном управлении КГБ (внешняя разведка), а теперь выполнял те же обязанности в новом, меньшем по размерам агентстве. Сейчас его работа стала еще важнее, думал Щеренко. Поскольку Россия больше не могла столь же эффективно реагировать на угрозы извне, ей были нужны хорошие и надежные разведданные. Возможно, в этом и заключается причина такого безумного поручения. Или, может быть, у начальства в Москве окончательно поехала крыша. По крайней мере здесь гфтовят хороший чай.

В посольстве его ждала шифровка из Московского центра - название осталось прежним - с именами и описанием внешности. С помощью этого опознать американцев, будет просто. Во всяком случае это гораздо проще, чем порученное-ему задание.

- Ваня! - Щеренко вскочил и бросился к пожилому мужчине, схватил за руку и крепко пожал, однако не расцеловал его согласно старинному обычаю. Причиной такого отступления от русских традиций было отчасти нежелание оскорбить японцев зрелищем целующихся мужчин, но главным образом то, что майор не знал, как отреагирует на это Кларк. А вдруг он, бесстрастный и холодный, как все американцы, возьмет и даст тебе в зубы, а? Впрочем, каким бы сумасшедшим ни было данное ему поручение,

Щеренко испытывал немалое удовольствие. Перед ним стоят два опытных

сотрудника ЦРУ, а он водит их за нос. Есть над чем посмеяться. - Подумать только, как давно не виделись!

Тот, что помоложе, заметил Щеренко, старался скрыть свои чувства, но недостаточно умело. В КГБ о нем ничего не было известно. Зато в русской внешней разведке знали имя Джона Кларка. Правда, это было всего лишь имя да еще приблизительное описание внешности, под которое подпадали тысячи белых европейцев любой национальности. Рост - от ста восьмидесяти пяти до ста девяноста, вес - девяносто килограммов, темные волосы, отличная спортивная форма. Голубые глаза, крепкое рукопожатие, мог теперь добавить Щеренко. И отличные нервы. Прямо-таки превосходные, подумал майор.

- Действительно, очень долго. Как семья, дружище? Великолепно владеет русским языком, заметил Щеренко, обратив внимание на произношение уроженца Санкт-Петербурга. Пока он раскладывал по полочкам характерные черты американца, две пары глаз - голубых и черных - делали то же самое с ним.

- Наталья передает тебе привет. Пошли завтракать, я проголодался. - Майор прошел вместе с американцами в угловую кабину.

Тонкая папка в Москве была озаглавлена: Кларк, Джон (нет второго имени?). Фамилия и имя настолько обычные, что псевдонимы неизвестны и скорее всего вряд ли существовали. Офицер-оперативник, есть подозрение, что ему поручают самые ответственные задания. Награжден по меньшей мере двумя звездами за мужество при осуществлении разведывательных операций. Некоторое время выполнял обязанности агента по безопасности и охране, и никому не пришлось в голову при этом сфотографировать его, подумал Щеренко. Типично для недоумков из отдела США. Глядя на сидящего напротив "старого друга", с которым впервые познакомился всего пару минут назад, майор видел спокойного мужчину, который с улыбкой смотрел на него. Ну что ж, он и раньше не сомневался, что в ЦРУ служат отличные оперативники.

- Поговорим здесь, - негромко произнес Щеренко, продолжая разговор по-русски. - Вы так считаете, товарищ...

- Щеренко, Борис Ильич, майор, заместитель начальника резидентуры в Японии, - произнес русский, наконец представившись. Затем он посмотрел по очереди на американцев. - А вы - Джон Кларк и Доминго Чавез.

- Да, конечно. И находимся в долбанной сумеречной зоне, - пробормотал Динг.

- "Распускаются цветы сакуры, и девушки надевают новые шарфы в доме наслаждений". Это, конечно, не Пушкин, правда? И даже не Пастернак. Высокомерные желтые варвары. - Щеренко прожил в Японии три года. Он приехал сюда, ожидая увидеть интересную страну и приятный народ. За прошедшее время майор возненавидел многие стороны японской культуры, главным образом надменное отношение к остальному миру, что было особенно оскорбительно для русского, испытывавшего точно такие же чувства.

- Вы не могли бы объяснить нам, товарищ майор, в чем дело? - спросил Кларк.

Теперь Щеренко говорил спокойным и бесстрастным голосом. Юмор происшедшего остался позади, да и американцы, по-видимому, этого не заметили.

- Ваша Мария Патриция Фолеева позвонила нашему Сергею Николаевичу

Головки и обратилась за помощью. Мне известно, что вы руководите действиями еще одного агента в Токио, но я не знаю его имени. Мне также поручили передать вам, товарищ Клерк, что с вашей женой и дочерьми все в порядке. Младшая снова включена в список декана и теперь получила возможность поступить на медицинский факультет университета. Если вам требуются дальнейшие доказательства того, что я именно тот, за кого выдаю себя, боюсь, ничем помочь не смогу. - Майор с недоумением заметил, что по лицу молодого американца промелькнула довольная улыбка.

Ну что ж, ему можно верить, подумал Джон. Почти.

- Да, Борис, ты чертовски ловко умеешь привлекать внимание собеседников. Может быть, расскажешь теперь о происходящем в мире?

- Нас тоже все это застало врасплох, - начал Щеренко свое краткое изложение основных событий. Оказалось, что его информация местами более подробна, чем сведения, полученные от Чета Номури, но включает далеко не все. Такое часто случается с разведданными. Редко удается создать полное представление о происходящем, а факты, оставшиеся неизвестными, всегда играют важную роль.

- Откуда вы знаете, что мы находимся в безопасности?

- Вы ведь понимаете, что я не могу...

- Борис Ильич, моя жизнь в ваших руках. Вам известно, что у меня жена и две дочери. Моя жизнь важна для меня и для них. - Слова Кларка звучали убедительно для русского разведчика, еще глубже проникшегося уважением к американцу. Это не было страхом. Джон знал свои достоинства как опытного оперативника, и Щеренко оставил у него такое же впечатление. Концепция доверия являлась естественной составляющей разведывательных операций и одновременно чем-то совершенно чуждым для них. Приходится доверять своим людям и в то же самое время никогда нельзя полностью положиться на них в деле, где двойственность представляет собой образ жизни.

- Ваше прикрытие более надежно, чем вы предполагаете. Японцы принимают вас за русских и потому не будут тревожить. Мы проследим за этим, - заверил майор Кларка.

- И как долго продлится наше сотрудничество? - спросил Кларк.

Вопрос прямо в цель, подумал Щеренко.

- Да, в этом самое интересное, правда?

- Как мы будем поддерживать связь?

- Насколько я понимаю, вам требуется надежный телефонный канал. - Майор передал под столом карточку. - Вся телефонная система Токио действует теперь на световодах. Несколько таких каналов есть и в Москве. Сюда уже выслано специальное оборудование для вас. Насколько мне известно, оно действует великолепно. Мне хотелось бы посмотреть на него, - заметил Борис с изрядным любопытством.

- Это всего лишь ПЗУ - постоянное запоминающее устройство, приятель, - объяснил ему Чавез. - Даже я не знаком с ним.

- Ловко, - одобрительно кивнул Щеренко.

- Насколько серьезны намерения японцев?

- Они, по-видимому, перебросили на Марианские острова три Дивизии. Их боевые корабли напали на вашу эскадру, - и майор посвятил американцев в те

немногие подробности, которые были ему известны. - Я должен передать вам, что, по нашему мнению, вас ждут немалые трудности при попытке вернуть себе острова. - Какие? - спросил Кларк.

Русский офицер сочувственно покачал головой.

- По мнению Москвы, ваша попытка вернуть себе острова обречена на провал. У вас сейчас так же мало сил, как и у нас.

Так вот почему это происходит, понял Кларк. По этой причине у него и появился новый друг в этой чужой стране. Еще во время их первой встречи он сказал Чавезу, почти буквально процитировав Генри Киссинджера: "Даже у параноиков есть враги". Иногда его удивляло, почему русские не напечатают это высказывание на своих банкнотах, вроде того как напечатано у американцев:

E pluribus unum - "Единство в многообразии". Правда, исторический опыт подтверждал эти опасения России. Да и Америке было чего опасаться.

- Что еще?

- В спецслужбах Японии и в ее силах самообороны действуют наши агенты, но мы получаем от них военную информацию, тогда как агентурная сеть "Чертополох" состоит из японцев, владеющих промышленными секретами. Насколько мне известно, вы получаете от них более интересные сведения, чем я от своих агентов. У меня ^нет более подробной информации. - Строго говоря, дело обстояло не совсем так, но Щеренко проводил четкую грань между тем, что он знал, и тем, что подозревал, а являясь хорошим разведчиком, полагался только на первое.

- Итак, нам обоим предстоит немало потрудиться. Щеренко кивнул.

- Можете приходить к нам в посольство, когда пожелаете.

- Сообщите, когда в Москву доставят аппаратуру связи. - Кларк мог продолжить, но решил пока воздержаться от дальнейших контактов до тех пор, пока не получит соответствующее подтверждение по электронному каналу связи. Как странно, подумал он, что ему требовалось такое подтверждение, но, если Щеренко говорит правду относительно своих агентов в японских спецслужбах, его запросто могли арестовать - но не захотели. Среди разведчиков старые привычки особенно живучи. Единственным утешением было то, что собеседник догадывался, что Кларк не был до конца откровенен с ним, однако не обратил на это внимания.

- Непременно.

Чтобы заполнить Овальный кабинет, не требовалось слишком много людей. Комната, из которой управляли самой могущественной - по крайней мере Райан надеялся на это - страной в мире, по размерам была меньше кабинета, где он работал во время своего повторного возвращения к биржевой деятельности, и даже меньше того, который он занимал сейчас в западном крыле здания.

Все выглядели усталыми. Бретт Хансон казался особенно измученным. Один Арни ван Дамм выглядел как обычно, но Арни и в нормальной обстановке выглядел, словно после тяжелого похмелья. На лице База Фидлера отражалось едва ли не отчаяние, однако хуже всех чувствовал себя министр обороны. Это под его руководством происходило сокращение вооруженных сил США, это он едва ли не каждую неделю убеждал Конгресс, что военная мощь страны намного

превосходит нужды обороны. Райан вспомнил его выступления по телевидению, меморандумы, которыми обменивались правительственные учреждения несколько лет назад, отчаянные мольбы начальников штабов родов войск, так и не ставшие достоянием средств массовой информации из-за строго соблюдаемой дисциплины. Нетрудно представить себе, о чем он думает сейчас. Блестящий государственный чиновник, столь убежденный в своей правоте и дальновидности, он натолкнулся на каменную стену под названием "действительность".

- Начнем с экономики, - к облегчению министра обороны произнес президент.

- Наибольшие трудности испытывают банки. Паника у них будет продолжаться, пока не прояснится ситуация с документацией в "Депозитори траст". Сделками совершало столько банков, что неизвестно, какие у них резервы. Люди попытаются обратить в наличные свои вклады в инвестиционных компаниях, находящихся под контролем банков. Председатель Федеральной резервной системы уже начал кампанию против этого.

- И что он говорит вкладчикам? - спросил Джек.

- Убеждает их, что у банков неограниченные средства, что наличных достаточно для удовлетворения всех потребностей, что при желании они могут взять займы любые суммы.

- Это подталкивает экономику к инфляции, - заметил ван Дамм. - Очень опасный маневр.

- Я бы не сказал, - возразил Райан. - Краткосрочная инфляция походит на простуду - стоит принята пара таблеток аспирина и выпить чашку куриного бульона, и ты выздоравливаешь. А вот случившееся в пятницу напоминает сердечный приступ. Сначала нужно вылечить это. Стоит банкам прекратить свою обычную деятельность... Как сказал Баз, самое главное - доверие.

Уже не в первый раз Роджер Дарлинг мысленно поблагодарил судьбу за то, что после ухода с государственной службы Райан вернулся к финансовой деятельности.

- А как с биржами? - спросил президент у министра финансов.

- Они останутся закрытыми. Я поговорил со всеми директорами. Пока не будут восстановлены документы "Депозитори", организованная торговля акциями не начнется.

- Что значит организованная? - спросил Хансон. Райан заметил, что министр обороны хранит молчание. А ведь обычно он так уверен в себе, подумал Джек, постоянно выражает свою точку зрения. При других обстоятельствах Райан отнесся бы к молчанию министра с одобрением.

- Совсем необязательно торговать акциями в зале Нью-йоркской фондовой биржи, - объяснил Фидлер. - При желании этим можно заниматься даже в мужском туалете загородного клуба.

- Так и будут делать, - заметил Райан. - Немногие, но будут.

- Это скажется на ситуации? Как относительно заокеанских бирж? - спросил Дарлинг. - Акциями наших компаний торгуют во всем мире.

- Нет, за рубежом биржевые операции ведутся на основе исходных цен, устанавливаемых в Нью-Йорке. Без них никто не будет знать, по каким ценам продавать и покупать акции.

- Но у них остались прежние цены на телетайпах, верно? - заметил ван

Дамм.

- Да, но документы, подтверждающие это, отсутствуют. Вряд ли кто-нибудь пожелает рисковать миллионами на основе ошибочной информации. Как видите, не так уж плохо, что сведения о "Депозитории" просочились в прессу. Теперь у нас есть повод для того, чтобы приостановить на пару дней биржевые операции, - произнес Райан. - Люди поймут, когда мы скажем, что компьютерная система вышла из строя, и на некоторое время паника приостановится. Когда будет восстановлена документация?

- Это по-прежнему неизвестно, - признался Фидлер. - Они продолжают работать.

- Значит, у нас, похоже, есть время до среды. - Райан потер глаза. Ему хотелось встать и походить по кабинету, чтобы размять ноги, но здесь делать это разрешалось лишь президенту.

- Я провел селекторное совещание с директорами всех бирж. Они вызывают всех сотрудников на работу, как в обычные дни. Служащим будет приказано перебирать бумаги и делать вид, что очень заняты, - это для телевизионных камер.

- Отличная мысль, Баз, - одобрительно отозвался президент.. Райан улыбнулся и вытянул в сторону Фидлера кулак с поднятым большим пальцем.

- Нужно как можно быстрее что-то предпринять, - продолжил министр финансов. - Джек прав, наверно. К вечеру среды начнется настоящая паника, и трудно предсказать, что случится тогда, - закончил он с беспокойством. Однако даже его мрачное предупреждение теперь не казалось таким уж страшным. Появилось время для передышки, и можно было заняться другими делами.

- Дальше, - начал ван Дамм, взяв слово вместо босса, - Эд Келти согласился уйти без лишнего шума. Он договаривается с министром юстиции о компромиссном решении проблемы. Таким образом, с одним политическим кризисом покончено. Правда, - глава администрации посмотрел на президента, - нужно без промедления подумать о том, кем его заменить.

- С этим можно подождать, - отозвался президент. - Теперь ты, Бретт... Индия.

- Посол Уильямс сообщает, что до него дошли зловещие слухи. Анализ ситуации, произведенный флотом, по-видимому, походит на правду. Создается впечатление, что Индия всерьез подумывает о захвате Шри-Ланки.

Поразительно удачный момент, подумал Райан.

- Флоту нужны указания, - произнес он. - В Индийском океане у нас находится боевая группа из двух авианосцев. Командующий хочет получить приказ, насколько решительно он должен действовать, если запахнет паленым. - Джек упомянул это из-за обещания, данного Робби Джексону, хотя и знал, каким будет ответ. Обстановка в Индийском океане еще не дошла до точки кипения.

- У нас и без этого пока много проблем, - решил президент. - Бретт, пусть Дейв Уильямс встретится с их премьер-министром и передаст ей, что Соединенные Штаты считают недопустимыми акты агрессии в любой части земного шара. Только без каких-либо угроз. Простое четкое заявление, и пусть дождется ответа.

- Мы уже давно не говорили с ними таким тоном, - предостерег Хансон.

- Настало время прояснить нашу позицию, - спокойно заметил Дарлинг.

- Понятно, господин президент.

А теперь, подумал Райан, займемся вопросом, которого все ждали. Взгляды устремились на министра обороны. Он заговорил, не отрывая взгляда от листов бумаги перед собой.

- Поврежденные авианосцы придут в Пирл-Харбор в пятницу. Там приготовлены два ремонтных дока, но для полного ввода в строй потребуются несколько месяцев. Вы уже знаете, что две подводные лодки погибли. Японская эскадра возвращается на Марианские острова. Между флотами враждебных контактов больше не было. По нашим сведениям, на острова Марианского архипелага переброшено по воздуху примерно три дивизии - одна находится на Сайпане и две - на Гуаме. Японская боевая авиация имеет в своем распоряжении построенные нами базы со всеми сооружениями... - Он продолжал говорить, приводя подробности, уже известные Райану, и приближаясь к заключению, которого боялся советник по национальной безопасности.

Вооруженные силы США слишком ослаблены. Американский военно-морской флот сократился вдвое по сравнению с тем, каким он был десять лет назад. Десантные корабли могут перебросить всего одну дивизию, способную высадиться на берег, захваченный противником. Только одну, но и для этого потребуются провести через Панамский канал корабли Атлантического флота и собрать десантные суда со всех океанов мира. Для высадки такого количества войск потребуются огневая поддержка с моря, но на вооружении среднего американского фрегата находится одно трехдюймовое орудие. У эсминцев и крейсеров по две пятидюймовых артиллерийских установки - огневая мощь флота несравнимо меньше, чем у крейсеров и линейных кораблей, при поддержке которых в 1944 году были захвачены Марианские острова. Еще придется привлечь авианосцы, ближайшие из которых находятся в Индийском океане, причем даже оба они, вместе взятые, по своей мощи уступают японской авиации, базирующейся на Сайпане и Гуаме, подумал Райан, впервые испытывая приступ ярости. Потребовалось достаточно длительное время, чтобы преодолеть сомнения в реальности происшедшего, напомнил он себе.

- Мне кажется, что мы не сможем успешно осуществить это, - закончил министр обороны. Ни один из присутствующих в кабинете не осмелился оспорить эту точку зрения, а для взаимных обвинений они слишком устали. Президент Дарлинг поблагодарил всех за участие в совещании и направился в спальню, надеясь немного поспать перед утренней встречей с прессой. Он поднимался не на лифте, а по лестнице, под внимательными взглядами агентов Секретной службы. Жаль, что срок пребывания на посту президента заканчивается так бесславно. Несмотря на то что он никогда не стремился занять этот пост, Дарлинг сделал все возможное для своего народа, и, если не считать нескольких последних дней, его усилия были достаточно успешными.

28. Передачи

Рейс "Юнайтед" 747-400 совершил посадку в московском аэропорту Шереметьево, на тридцать минут опередив расписание. Попутный струйный поток над Атлантикой был особенно сильным. Первым по трапу спустился дикпурьер, которого стюард вежливо пропустил вперед. Посланец Государственного

департамента предъявил дипломатический паспорт пограничнику, и тот показал на стоящего рядом сотрудника посольства США. Дипломат пожал ему руку и повел к выходу.

- Следуйте за мной. Нам обеспечили на этот раз почетный эскорт. - Сотрудник посольства улыбнулся при мысли о безумии ситуации.

- Я вас не знаю, - с подозрением заметил дипкурьер и замедлил шаг. При обычных обстоятельствах его дипломатический статус и дипломатический багаж обеспечивали ему неприкосновенность, но в этой поездке все шло наперекосяк и вызывало сомнения.

- У вас с собой портативный компьютер - лэптоп. Он оклеен желтой лентой. Это единственное, что вы привезли в Москву, - сказал глава резидентуры ЦРУ в Москве, поэтому курьер и не мог знать его. - Пароль - "Паровой каток".

- Ясно. - Курьер кивнул, и они пошли дальше по огромному залу. У подъезда их ждал автомобиль - "стретч линкольн", личная машина посла США в России. Едва "линкольн" тронулся с места, его опередила машина сопровождения, которая тут же включила вращающийся синий фонарь на крыше и помчалась вперед, разгоняя транспорт. Вся процедура показалась курьеру какой-то ошибкой. Гораздо лучше было бы ехать в автомобиле российского производства и не привлекать к себе внимания. Теперь у него возникла пара более серьезных вопросов. Какого черта его так срочно вызвали из дома только ради того, чтобы доставить в Москву этот проклятый компьютер? Если все настолько секретно, то почему об этом знают русские? А если поручение такое важное и срочное, почему пришлось лететь гражданским рейсом? Курьер служил в Государственном департаменте уже много лет и знал, что глупо пытаться отыскать логику в действиях правительства. Да и вопросы он задавал себе лишь потому, что все еще сохранил какой-то идеализм.

Поездка из аэропорта в Москву прошла как обычно, и скоро "линкольн" въехал в ворота посольства США на Садовом кольце, недалеко от реки. Войдя внутрь здания, оба направились в центр связи, где курьер открыл свой чемодан, вручил резиденту ЦРУ находившийся там компьютер и пошел в свою комнату. Там он принял душ и лег спать, ничуть не сомневаясь, что никогда не узнает ответов на интересующие его вопросы.

Завершающий этап работы был проделан русскими с поразительной быстротой. Телефонная линия в "Интерфаксе" вела далее в Службу внешней разведки, оттуда по военной системе оптической связи во Владивосток и по волоконно-оптическому кабелю, проложенному компанией "Ниппон телеграф энд телефон", к японскому острову Хонсю. У лэптопа был встроенный модем, который подсоединили к заново установленному каналу связи и включили. Закончив лихорадочную деятельность, все уселись в ожидании - типичное завершение этапа разведывательной операции.

Домой, в Перегрин Клифф, Райан вернулся в половине второго ночи. Еще вечером он отпустил водителя своей машины, выделенного ему Службой гражданской администрации, и за рулем сидел его телохранитель, специальный агент Секретной службы Роббертон. Войдя в дом, Джек проводил его в комнату для гостей и лишь после этого пошел в свою спальню. Кэти, разумеется, не

спала.

- Джек, что происходит?

- Разве тебе завтра не нужно на работу? - попытался уклониться от ответа Райан. Он сделал ошибку, вернувшись домой, хотя это и было вызвано необходимостью. Прежде всего ему нужно переодеться. Кризис, угрожающий стране, плох сам по себе. Но если высокопоставленный сотрудник администрации будет выглядеть неопрятным и усталым, пресса неминуемо заметит это и сделает выводы. Но, что еще хуже, это станет очевидным для всех. Рядовой американец увидит помятую одежду и измученное лицо, все поймет, а Джек знал еще из начального курса обучения в офицерской школе в Куантико, что беспокойство офицеров сразу передается солдатам. Таким образом, он предпочел потратить два часа на поездку в машине, вместо того чтобы провести их на диване у себя в кабинете.

Кэти потерла глаза в темноте спальни.

- Утром у меня нет ничего важного. После обеда буду читать лекцию по лазерной хирургии глаза для иностранных специалистов.

- Откуда они приехали?

- Из Японии и с Тайваня. Мы продаем им лицензию на разработанную нами систему калибровки и... Что с тобой? - спросила она, увидев изменившееся выражение на лице мужа.

Это просто мания преследования, ничего больше, сказал себе Райан. Всего лишь совпадение. И все-таки он без единого слова вышел из спальни. В гостевой комнате Роббертон уже почти разделся, его кобура с пистолетом висела на спинке кровати. На объяснения потребовалось всего несколько секунд, Роббертон тут же снял телефонную трубку и позвонил в Центр управления операциями Секретной службы, расположенный в двух кварталах от Белого дома. Райан даже не подозревал, что его жене тоже присвоено кодовое имя.

- "Хирургу", - ну что ж, это понятно, решил Райан, - завтра потребуются друг... в Джонсе Хопкинсе... да, конечно, вполне. Пока. - Роббертон повесил трубку. - Хороший агент, Андрэ Прайс. Незамужем, стройная, каштановые волосы, недавно принята в Секретную службу, восемь лет работала в полиции. Мне довелось служить с ее отцом, когда я только поступил сюда. Спасибо, что предупредили, сэр.

- Увидимся в половине седьмого, Пол.

- Ясно. - Роббертон улегся на кровать, демонстрируя несомненный талант засыпать, как только пожелает. Райан позавидовал ему.

- А сейчас что случилось? - Когда Джек вернулся в спальню, в голосе Кэролайн Райан звучала тревога. Он сел на кровать, чтобы объяснить ситуацию.

- Кэти, завтра в Хопкинсе тебя будут сопровождать. Ее зовут Андрэ Прайс, агент Секретной службы. Она будет всюду следовать за тобой.

- Но почему?

- Кэти, мы столкнулись с рядом проблем. Японцы напали на корабли нашего военно-морского флота и захватили несколько принадлежащих нам островов. Ты не должна...

- Японцы напали на нас?

- ...ты не должна никому говорить об этом, - продолжал Джек. -

Понимаешь? Никому. Поскольку завтра тебе предстоят встречи с японцами и принимая во внимание занимаемую мной должность, Секретная служба выделяет тебе телохранителя, чтобы с тобой ничего не случилось, понимаешь? - Он промолчал, не сказав о том, что одним агентом дело не ограничится. Агентов Секретной службы не так и много, и потому ее руководители обращались, как правило, за помощью к местным полицейским агентствам. Городская полиция Балтимора, и без того проявляющая немалую заботу о больничном комплексе Джонса Хопкинса - он находился в далеко не самом безопасном районе города, - выделит, наверно, в помощь мисс Прайс одного из своих детективов.

- Джек, нам угрожает опасность? - спросила Кэти, к которой вернулись воспоминания о прежних временах и прежних страхах, когда она была беременна маленьким Джеком, а террористы из освободительной армии Ольстера напали на их дом. Она вспомнила, какую гордость испытала за смелость своего мужа, защищавшего семью, и какой стыд, когда последний из террористов был казнен за участие в массовых убийствах. Тогда ей казалось, что это положило конец самому худшему и самому страшному периоду в ее жизни.

Что касается его самого, только сейчас Джеку пришла в голову мысль, о которой он не задумывался раньше. Если Америка находится в состоянии войны, то он, советник президента США по национальной безопасности, является, несомненно, одной из первых целей для покушения. И его жена - тоже. А трое детей? Безрассудные опасения? Да разве война не безрассудна сама по себе?

- Нет, пожалуй, - произнес он, заколебавшись, - но, ты понимаешь, может оказаться, что некоторое время у нас в доме будут проживать гости. Пока не знаю. Когда выясню - сообщу.

- Ты говоришь они напали на наши корабли?

- Да, милая, но говорить об этом ты не имеешь...

- Значит, началась война?

- Не знаю. - Джек чувствовал себя настолько усталым, что заснул через несколько секунд после того, как голова его коснулась подушки, и последней связной мыслью было признание, что он знает слишком мало, чтобы честно ответить не только на вопрос жены, но и на свои собственные вопросы.

В южной части Манхэттена никто не спал - по крайней мере никто из тех, кого остальные считали влиятельными лицами. Многим усталым руководителям инвестиционных и финансовых компаний приходила в голову мысль о том, что теперь они действительно зарабатывают деньги нелегким трудом, хотя добиться сейчас на этом поприще им удалось немногого. Опытные и высокие профессионалы, они оглядывались по сторонам в биржевых залах, полных компьютеров, общая стоимость которых была известна только бухгалтерам, а польза в данный момент равнялась нулю. Скоро откроются европейские финансовые рынки. И чем же они - будут заниматься? - думали все. При обычных условиях на американских биржах дежурили ночные смены, которые вели торговлю акциями европейских компаний, следили за рынками евродолларов<Евродоллары - выраженные в долларах средства на счетах в банках, расположенных за пределами США>, продовольственных товаров и металлов, а также подводили баланс экономической активности на восточном берегу Атлантического океана, сравнивая его с положением на западном. В обычных условиях их работа

походила на предисловие к книге, которая будет написана через несколько часов, была предвестником лихорадочной активности, разворачивающейся после открытия американских бирж. Работа ночной смены была интересной, но не слишком важной, разве что ради определения тенденций, потому что по-настоящему важные события разворачивались здесь, в Нью-Йорке.

Однако сегодня все обстояло иначе. Никто не знал, что произойдет. Торговля будет вестись только на европейских биржах, и потому правила игры кардинально менялись. Тех, кто сидели у компьютеров в ночной период, их сменщики, заступающие на работу в восемь утра, часто считали кем-то вроде дублеров, что было несправедливо и не соответствовало действительности, однако здесь, как и повсюду, шло внутреннее соперничество. На этот раз, когда ночная смена заступила на работу в этот привычный для них, но странный для всех остальных час, они заметили присутствие высокопоставленных служащих компаний и почувствовали одновременно неловкость и ликование. Вот теперь они покажут, на что способны. Впрочем, у них возникла возможность не только продемонстрировать свои способности, но и в случае неудачи завалить все на виду у начальства.

Все началось ровно в четыре утра по восточному поясному времени.

Казначейские облигации. Эти слова прозвучали одновременно в двадцати торговых домах, когда европейские банки, все еще держащие у себя огромное число ценных бумаг американского казначейства в качестве защиты от инфляции при неустойчивом состоянии европейской экономики и собственных валют, внезапно почувствовали неуверенность в них. Некоторым американским финансистам показалось странным, что в пятницу их европейские коллеги как-то медлили и испытывали неуверенность, однако в Нью-Йорке все считали, что первые шаги всегда бывают осторожными. Скоро причина прояснилась. Из Европы поступило огромное количество предложений, но желающих купить облигации оказалось намного меньше. Банки предлагали их, однако интерес к их покупке был незначительным. В результате цены начали падать с такой же быстротой, как и уверенность европейцев в устойчивости американского доллара.

"Но это грабеж, падение уже на 3/32. Как нам поступать?" Этот вопрос задавали почти повсюду, и в каждом случае ответ звучал одинаково: "Ничего", - с раздражением в голосе. Затем следовали различные вариации на тему "долбанных европейцев" - в зависимости от лингвистических способностей высокопоставленных финансистов. Итак, все началось снова, очередная атака на американский доллар, причем в тот момент, когда самое мощное оружие Америки, способное отразить наступление, бездействовало ввиду выхода из строя компьютерной программы, на которую все полагались. В операционных залах никто не обращал внимания на надписи "Не курить". Стоило ли теперь беспокоиться о сигаретном пепле в компьютерном оборудовании? И вообще компьютеры сегодня не годились ни на что другое. "Сейчас, - проворчал один финансист, - самое время заняться техническим обслуживанием электронных систем". К счастью, не все придерживались такой точки зрения.

- О'кей, значит, здесь все и началось? - спросил Джордж Уинстон. Марк Гант провел пальцем по экрану.

- "Бэнк оф Чайна", "Бэнк оф Гонконг", "Империзл Кэтэй бэнк". Они купили их месяца четыре назад, рассчитывая на падение иены, и, судя по всему,

получили немалую выгоду. А в пятницу выбросили все на рынок, требуя наличные, и купили взамен огромное количество казначейских обязательств японского центрального банка. Судя по объему продаж, это соответствует двадцати двум процентам общей суммы сделок.

Да, они начали этот процесс, заметил Уинстон, так что, оказавшись первыми при таком развитии событий, получили огромную прибыль. После завершения столь крупных сделок в Гонконге, городе, привыкшем к роскоши, последует немало торжественных ужинов.

- Ты считаешь, что все выглядит самым обычным образом? - подавляя зевок, спросил он Ганта.

Тот пожал плечами. Он устал, но теперь, когда босс снова взялся за руководство компанией, все испытывали прилив энергии.

- Обычным, скажешь тоже! Это был блестящий маневр. Они или что-то почувствовали, или просто им поразительно повезло.

Везение, подумал Уинстон, всегда можно сослаться на везение. Везение играет огромную роль, и любой финансист признается в этом во время коктейлей, обычно после двух или трех стаканов - Количества, необходимого для того, чтобы перешагнуть порог ссылок на "блестяще задуманную" операцию. Иногда интуиция подталкивает тебя, ты чувствуешь, что тебе обязательно повезет, вот и все. Если тебе действительно везло, сделка оказывалась успешной - в противном случае требовалось отступить с минимальными потерями.

- Продолжай, - произнес он.

- Так вот, затем другие банки последовали их примеру. - У "Коламбус групп" была самая совершенная компьютерная система на Уолл-стрите, способная проследить с течением времени каждую отдельную сделку с любым пакетом акций, а Марк Ганг являлся блестящим "компьютерным жокеем". Далее они принялись наблюдать за распродажей остальных казначейских облигаций другими азиатскими банками. Уинстон обратил внимание на то, что японские банки действовали медленнее, чем следовало ожидать. Не было ничего позорного в том, что банки Гонконга опередили японцев. Китайцы являлись мастерами биржевой игры, особенно те из них, кто прошли подготовку у англичан, полагающихся главным образом на изобретенную ими центральную банковскую систему и по-прежнему успешно ею пользующихся. Но японцы обычно всегда опережали банки Таиланда, подумал Уинстон, или по крайней мере должны опережать...

Это снова была интуиция или инстинктивная реакция человека, знающего, как ведутся операции на Уолл-стрите.

- Проверь обязательства японского казначейства, Марк. Гант ввел команду, и стремительный рост иены оказался настолько очевидным, что этот процесс можно было дальше даже не прослеживать.

- Ты хотел убедиться в этом? - спросил он.

Уинстон наклонился вперед, глядя на экран компьютера.

- Покажи мне, что делал "Бэнк оф Чайна", когда они продавали облигации, - попросил он.

- Они продали казначейские обязательства на рынке евродоллара и купили иены. Ведь это очевидный шаг...

- А ты посмотри, у кого они купили иены, - предложил ему Уинстон. - И сколько заплатили...

Гант повернул голову и посмотрел на своего босса.

- Знаешь, Марк, почему я всегда был честным в биржевых операциях? Тебе ведь известно, я никогда не был замешан ни в каких сомнительных сделках, ни единого раза, даже в тех случаях, когда знал, что сделка может принести мне огромную прибыль? - спросил Уинстон. Причин, разумеется, было несколько, но вряд ли стоит запутывать ситуацию. Он прижал палец к экрану, оставив отпечаток на стекле, и едва не засмеялся от такого символизма. - Именно поэтому.

- Но ведь это по сути дела почти ничего не значит. Японцы знали, что могут поднять курс иены и...

Гант все еще не постиг смысла происшедшего, понял Уинстон. Ему нужно объяснить это понятным для него образом.

- Найди тренд, тенденцию, Марк. Найди в этом тенденцию.

Вот и все ясно, сказал себе Уинстон, направляясь в туалет. Суть именно в тенденции, она объясняет все. И тут его осенило.

Ты что же, решил нанести удар своему финансовому рынку? - спросил он себя. Это слабое утешение. Он передал свою компанию в руки хищника, понял Уинстон, и нанесенный вред неисчислим. Вкладчики доверяли ему, а он обманул их доверие. Ополаскивая руки, он смотрел в зеркало и видел глаза человека, который покинул свой пост, бросив на произвол судьбы своих людей.

Но ведь теперь ты вернулся обратно, клянусь Богом, вернулся, и тебе придется немало потрудиться, чтобы исправить положение.

"Пасадена" наконец вышла в море, причем ее отплытие было вызвано скорее смущением, чем чем-либо иным. Джоунз присутствовал при телефонном разговоре Барта Манкузо с главнокомандующим Тихоокеанским флотом, во время которого командующий подводными силами объяснил, что подводная лодка имеет на борту полный боекомплект, загружена продовольствием, все свободные помещения забиты до предела коробками и ящиками с консервами, что позволит лодке находиться в автономном плавании не менее двух месяцев. Это не слишком походило на добрые старые дни, подумал Джоунз, вспоминая, какими были длительные периоды пребывания в походе. Вот и теперь атомная подводная лодка ВМС США "Пасадена" вышла в море, направляясь на запад. Нацией, заметил Джоунз, установлены "тихие" патрульные, а не скоростные гребные винты. В противном случае он сумел бы обнаружить ее. Субмарина только что прошла в пятнадцати морских милях от подводной станции линии раннего гидроакустического обнаружения и оповещения. Станция была одной из самых новых, настолько чувствительной, что способна была услышать биение сердца еще не родившегося китенка. "Пасадена" еще не получила оперативного задания, но находилась в нужном месте в нужную минуту и могла взяться за выполнение приказа, как только получит его. Команда ее постоянно проводила учения, стараясь изо всех сил, стремясь восстановить ощущение пребывания в море, охватывающее моряков в ту минуту, когда оно необходимо.

Что-то внутри его страстно хотело, чтобы он оказался на лодке, но Джоунз знал, что это осталось в прошлом.

- Я ничего не вижу, сэр. - Джоунз мигнул, и его взгляд снова вернулся к сложенной странице, которую он выбрал.

- Видишь ли, нужно искать нечто другое, - произнес он. Теперь выдворить его из центра управления линией раннего гидроакустического обнаружения мог только морской пехотинец с заряженным пистолетом в руке. Джоунз дал это ясно понять адмиралу Манкузо, который, в свою очередь, не менее доходчиво объяснил суть дела всем остальным. Началась короткая дискуссия, не следует ли на время присвоить Джоунзу офицерское звание, скажем, капитана третьего ранга, но Рон сам отказался от столь лестного предложения. Он заявил, что покинул флот в звании гидроакустика первого класса и это вполне его устраивает. К тому же офицерское звание изменит его статус по отношению к остальным старшинам в центре, которые уже приняли его как одного из своих.

Техник-океанограф второго класса Майк Бумер был приставлен к Джоунзу в качестве личного помощника. Доктор Джоунз сразу обратил внимание на то, что у парня есть задатки хорошего специалиста, хотя его пришлось списать с противолодочных самолетов Р-3 из-за хронической воздушной болезни.

- Все они пользуются системой "Прерия-маскер", когда поднимаются на шноркельную глубину. Звуки при этом напоминают шум дождя на морской поверхности, верно? Дождевые капли на поверхности находятся на линии с частотой в тысячу герц. Вот мы и принимаемся за поиски дождя там, где его нет. - Джоунз положил снимок метеорологической обстановки на стол. - Затем беремся за поиски линий с частотой шестьдесят герц - маленьких, коротких, малозаметных, на которые ты при обычных условиях не обратил бы никакого внимания, - они находятся в том месте, где слышится шум дождя. Моторы и генераторы, работают на частоте шестьдесят герц, верно? Начинаем искать паразитные частоты - это всего лишь крохотные точки, похожие на фоновый шум, находящиеся в том же месте, где слышится шум дождя. Вот такие. - Красным фломастером он нанес обозначения на лист бумаги и посмотрел на главного старшину, заведующего центром, который склонился над противоположным концом стола и наблюдал за происходящим подобно любопытному божку.

- Я слышал рассказы о тебе, когда работал в тренировочном центре в Дам-Неке. Тогда мне казалось, что это морские истории.

- У кого-нибудь есть закурить? - спросил единственный штатский в помещении центра. Главный старшина протянул сигарету. Надписи, запрещающие курение, исчезли со стен, и на столах появились пепельницы. Линия раннего гидроакустического обнаружения перешла на военное положение, а скоро, может быть, ее примеру последует и весь Тихоокеанский флот. Господи, наконец-то я дома, подумал Джоунз. - А ты знаешь, чем отличаются морские истории от сказок?

- Чем, сэр? - спросил Бумер.

- Сказка начинается со слов: "Однажды, давным-давно", - произнес с улыбкой Джоунз, пометая на листе еще одну линию с частотой шестьдесят герц.

- А вот морская история начинается словами: "Ни хрена себе", - закончил шутку главный старшина. Этот невысокий парень действительно здорово разбирался в своем деле. - Думаю, у вас достаточно информации, чтобы определить координаты цели, доктор Джоунз.

- По-моему, мы обнаружили подводную лодку типа SSK, главный старшина.

- Жаль, что нельзя начать за ней охоту. Рон кивнул.

- Да, мне тоже жаль, зато теперь мы знаем, что можем определить

местонахождение японских лодок. Все равно самолетам Р-3 придется здорово потрудиться, чтобы найти их. Это действительно хорошие лодки. - Они понимали, что не должны увлекаться первыми успехами. Все, чего могла добиться линия раннего гидроакустического обнаружения, - у это. определить пеленги на цель. Если один и тот же источник шума обнаруживали несколько гидрофонов, можно было сразу превратить пеленги, в триангуляцию, но и в этом случае местонахождение Лодок представляло собой не точки, а круги, достигавшие диаметра в двадцать миль. Все объяснялось только физикой, объективной к любой стороне. Легче всего преодолевали большие расстояния звуки-с низкими частотами, однако для достижения высокой точности требовались повышенные частоты.

- Теперь мы знаем, где искать их, когда они снова подвсплывут под шноркель. Во всяком случае можно сообщить в оперативный штаб флота, что поблизости от авианосцев никого нет. Вот здесь, здесь и здесь находятся группы надводных кораблей. - Ой указал точки на бумаге. - Они тоже направляются с большой скоростью на запад и не пытаются скрыться от наблюдения. Стремятся побыстрее выйти из зоны действий. Судя по всему, стараются избежать дальнейших неприятностей.

- Может, это и к лучшему.

Джоунз погасил сигарету в пепельнице.

- Может быть, главный старшина, может быть - если наши адмиралы наберутся храбрости.

Самым забавным было то, что ситуация действительно несколько успокоилась. Утренняя передача о крахе на Уолл-стрите была точной и беспристрастной, анализ глубоким и всесторонним - лучше, чем это делалось дома для американцев, где профессора экономики рассматривали каждый момент, а находившиеся рядом видные банкиры комментировали происходящее со своей колокольни. Может быть, говорилось в передовой статье одной из газет, теперь американцы пересмотрят свое отношение к Японии. Неужели не ясно, что эти две страны нуждаются друг в друге, особенно сейчас, и что сильная Япония служит американским интересам, а не только собственным? Приводились примирительные высказывания премьер-министра Гото, хотя и не перед объективами телекамер, причем их тон казался крайне необычным для него и потому подвергался детальному обсуждению.

- Долбанная сумеречная зона, - заметил в один из спокойных моментов Чавез, нарушая правила языкового прикрытия - просто не мог удержаться. Какого черта, подумал он, теперь они все равно находились под русским оперативным контролем. Каких правил нужно сейчас придерживаться?

- По-русски, - терпеливо напомнил ему старший напарник.

- Да, товарищ, - проворчал Чавез. - Ты представляешь себе, что сейчас происходит? Война или нет?

- Правила действительно странные, - заметил Кларк и тут же понял, что сказал это по-английски. Вот и на меня все это оказывает воздействие, подумал он.

На улицу вернулись и другие гайджины, большинство, судя по всему, американцы, и теперь на них снова смотрели как обычно, с подозрением и

любопытством, хотя враждебности, характерной для предыдущей недели, заметно поубавилось.

- Что предпримем теперь?

- Попробуем воспользоваться телефонным номером "Интерфакса", который дал наш друг. - Отчет Кларка был подготовлен и отпечатан. Это было единственным, что он мог сделать сейчас, помимо поддержания контактов и сбора информации. Вашингтон знает, наверно, какие сведения думает получить от него, решил он, направляясь обратно в отель. Портье улыбнулся и поклонился, на этот раз более приветливо. Они пошли к лифту и через две минуты оказались в номере. Кларк достал из чехла лэптоп, подсоединил его к телефонному каналу и включил. Еще минута - и встроенный в него модем набрал номер телефона, полученный им во время завтрака, подсоединившись к линии, ведущей через Японское море в Сибирь и далее, по-видимому, в Москву. Кларк услышал звуки вызова и стал ждать, когда установится связь.

Глава американской резидентуры уже сумел преодолеть чувство, заставлявшее его сжиматься от страха при виде в центре связи посольства сотрудника русской разведки, но опасения все еще оставались. Шум, донесшийся из компьютера, заставил его вздрогнуть.

- Какая совершенная техника, - одобрительно произнес гость.

- Стараемся.

Всякий, кому когда-нибудь приходилось пользоваться модемом, сразу узнает характерный звук, напоминающий шум текущей воды или щетки, полирующей паркет, своеобразный прерывистый свист, когда два электронных устройства стараются установить синхронный контакт, чтобы обменяться данными. Иногда на это хватает двух секунд, а иногда требуются пять или даже десять. В данном случае понадобилась всего секунда, а продолжающийся свист означал передачу информации, которая со скоростью 19 200 знаков в секунду проносилась по волоконно-оптическому каналу. Когда закончилась передача необходимой информации, произошел настоящий контакт, и корреспондент передал очередную колонку в двадцать дюймовой обычной ежедневной статьи. Чтобы не рисковать, русские примут меры, и на следующий день в двух газетах появится переданная статья, в обоих случаях на третьей странице. Нет смысла делать это слишком уж очевидным.

Далее наступил тяжелый для резидента ЦРУ этап операции. В соответствии с поступившими инструкциями он отпечатал два экземпляра полученного отчета, один из которых передал сотруднику Службы внешней разведки. Что-то странное происходит с Мэри-Пэт, подумал он. Возраст что ли влияет на мышление или что еще?

- У него литературный язык прямо классический. Где он так овладел русским?

- Честное слово, не знаю, - солгал резидент, поступив, как потом оказалось, совершенно правильно. Самое главное, что русский разведчик прав. Резидент озадаченно поморщился.

- Хотите, я помогу вам с переводом?

Черт возьми, еще и это! Американец улыбнулся.

- Спасибо, буду признателен.

- Райан слушает. - Целых пять часов на сон, раздраженно подумал Джек, снимая трубку автомобильного радиотелефона, оборудованного кодирующим устройством. Ну что ж, по крайней мере не приходится сидеть за рулем.

- Это Мэри-Пэт. Мы кое-что получили. Когда приедешь, это уже будет у тебя на столе.

- Что-то интересное?

- Для начала неплохо, - ответила заместитель директора ЦРУ по оперативной работе. Она явно избегала лишних слов. Никто не доверяет радиотелефонам, со скремблерами ли они или без них.

- Здравствуйте, доктор Райан. Меня зовут Андрэ Прайс. - Агент уже была в белом халате с пристегнутой к отвороту карточкой-пропуском, которую она приподняла, чтобы показать Кэти. - У меня дядя - врач-терапевт, практикует в Висконсине. Ему бы это понравилось. - Она приветливо улыбнулась. - У меня есть основания беспокоиться о чем-нибудь?

- Нет, не думаю, - ответила агент Секретной службы Прайс, продолжая улыбаться. Прежде всего нужно убедить тех, кого ты охраняешь, в отсутствии опасности.

- Как относительно моих детей?

- У их школы находятся два агента и еще один в доме напротив детского сада, куда привезли вашу младшенькую, - объяснила агент. - Вам не следует беспокоиться. Нам платят за неотступную манию преследования, и мы почти всегда ошибаемся, но в нашем деле это необходимо. Лишняя бдительность никогда не помешает, правда?

- А мои гости? - спросила Кэти.

- Вы позволите сделать предложение?

- Да, конечно.

- Подарите каждому в качестве сувенира по лабораторному халату больницы Хопкинса. А я буду смотреть на них, пока они переодеваются.

Хорошо придумано, подумала Кэти Райан.

- Вы вооружены?

- Всегда, - кивнула Андрэ. - Но мне ни разу не приходилось прибегать к пистолету, даже держать его в руке, когда я арестовывала подозреваемых. Считайте, что я что-то вроде мухи на стене.

Скорее коршуна, подумала профессор Райан. Но по крайней мере ручного.

- Как нам взяться за это, Джон? - спросил Чавез по-английски. В ванной был включен душ, и струйки воды с шумом падали вниз. Динг сидел на кафельном полу, а Джон - на опущенной крышке унитаза.

- Ведь мы уже однажды их видели, верно? - напомнил ему старший оперативник.

- Да, видели - в сборочном цеху!

- Ну вот, а теперь нужно выяснить, куда их перевезли. - На первый взгляд это заявление казалось достаточно разумным. Им требовалось всего лишь узнать, сколько ракет покинуло сборочный цех и куда их доставили - да, к тому же еще и несут они ядерные боеголовки или нет. Самое обычное дело.

Американцам было известно только одно - что это ракеты-носители SS-19 нового усовершенствованного типа и что их вывезли с завода по железной дороге. Впрочем, в Японии протяженность железных дорог свыше двадцати восьми тысяч километров, так что с этим придется подождать. Разведчикам иногда приходится точно придерживаться делового распорядка в стране, где они работают, и это был именно такой случай. Кларк решил принять душ, прежде чем отправиться спать. Он еще не знал, как решить поставленную задачу или даже с какой стороны за нее взяться, однако не сомневался, что сидеть и ломать голову над этим бессмысленно. Кларк уже давно понял, что лучше всего приступить к любому решению после хорошего сна, да и во время душа иногда приходят в голову умные мысли. Рано или поздно Динг тоже научится этому, подумал он, глядя на выражение лица парня.

- Привет, Бетси, - поздоровался Джек с дамой, ожидавшей его в приемной.
- Что-то ты рано. А вы кто?

- Крис Скотт. Мы с Бетси работаем вместе.

Джек жестом пригласил их войти в кабинет, а сам проверил, поступила ли на его факс информация, переданная Мэри-Пэт от Чавеза и Кларка, увидел, что поступила, и решил, что с ней можно подождать. Райан был знаком с Бетси Флеминг еще с тех пор, когда работал в ЦРУ, и ценил ее как блестящего специалиста-самоучку по стратегическим вооружениям. А Крис Скотт, решил он, - это один из молодых парней, завербованных в каком-нибудь университете и получивших ученую степень в той области, где Бетси пробивалась самостоятельно, ценой огромных усилий. По крайней мере этот парень проявил должную вежливость и сказал, что работает с Бетси, а не наоборот. Когда-то и Райан тоже был таким, много лет назад, занимаясь переговорами по сокращению вооружений.

- Итак, что у вас?

- Вот это они называют космической ракетой-носителем Н-11 - Скотт открыл свой кейс и достал оттуда пачку фотографий. Райан сразу оценил их высокое качество. Это были настоящие снимки, сделанные на отличной пленке с близкого расстояния, а не прошедшие процедуру электронного улучшения с негативов, снятых крохотной камерой через дырку в чьем-то кармане. Узнать их оказалось совсем нетрудно - ну конечно, это же последний из старых друзей, кончину и похороны которого он наблюдал меньше недели назад.

- Ну да, разумеется, SS-19. А вот выглядит куда более привлекательным.

- На другой фотографии виднелся целый ряд ракет в сборочном цехе. Джек сосчитал их и нахмурился. - Что еще представляет интерес?

- Вот это. - Бетси показала карандашом. - Посмотри на головную часть.

- Вроде совершенно обычная, - заметил Райан. - В этом все дело.

Головная часть ракеты-носителя действительно совершенно обычная, - подчеркнул Скотт. - Она предназначена для крепления боеголовки, а не полезного груза в виде спутника связи. Мы уже давно сообщили об этом, но никто не обратил внимания, - добавил эксперт. - Остальная часть механизмов ракеты радикально перестроена. У нас есть данные по новым тактико-техническим характеристикам.

- Каковы они - вкратце?

- Шесть или семь самонаводящихся боеголовок MIRV на каждой ракете и радиус действия чуть больше десяти тысяч километров, - сообщила миссис Флеминг. - Это худший случай, но вполне реальный.

- Мощное оружие. Нам известно что-нибудь об испытаниях этих ракет? - спросил советник по национальной безопасности.

- Мы не располагаем никакой надежной информацией. В нашем распоряжении есть часть данных по летным испытаниям, которые удалось засечь в Тихом океане "Янтарному шару", но эти сведения сомнительные и допускают двойственное толкование по нескольким аспектам, - сообщил Скотт.

- Общее количество собранных "птичек"?

- Нам известно о двадцати пяти. Из них три были использованы для испытательных запусков и две ракеты-носителя установлены на пусковых площадках. На них монтируют сейчас орбитальные спутники. Остается двадцать.

- Что это за спутники? - Вопрос Райана был задан чисто инстинктивно.

- По мнению специалистов НАСА, это разведывательные спутники, способные вести фотографирование в реальном масштабе времени. По-видимому, так оно и есть, - многозначительно заметила Бетси.

- Значит, они решили заняться космической разведкой. Ну что ж, разумный шаг, правда? - Райан сделал несколько пометок в блокноте. - Итак, в худшем для нас варианте японцы располагают двадцатью ракетами-носителями, оборудованными семью боеголовками каждая, так что всего у них сто сорок боеголовок, верно?

- Совершенно точно, доктор Райан. - Оба эксперта были профессионалами и не собирались говорить о том, какую угрозу представляют ракеты с ядерными боеголовками. Теперь у Японии появилась теоретическая возможность уничтожить сто сорок американских городов. Соединенные Штаты могут с легкостью восстановить свои возможности и тоже превратят японские острова в облако огня и дыма, но ведь это слабое утешение, верно? Мир существовал под угрозой взаимно гарантированного уничтожения более сорока лет. Эта угроза была, казалось, устранена неделю назад, и вот теперь она возникла снова, подумал Райан. Ну что здесь скажешь?

- Вам что-нибудь известно о тех источниках, которые вели фотографирование?

- Джек, - терпеливым и бесстрастным голосом заметила Бетси, - ты ведь знаешь, что я никогда не спрашиваю об этом. Но тот, кто сделал снимки, занимался этим открыто. Само качество фотографий говорит об этом. Их нельзя сделать с помощью спрятанного "Минокса". Фотографировал кто-то маскирующийся под репортера, можешь не сомневаться. Не беспокойся, я никому не буду рассказывать, - закончила она с лукавой улыбкой. Бетси занималась своей работой длительное время и все понимала.

- Это, вне всякого сомнения, высококачественные фотографии, - продолжил Крис Скотт, удивляясь фамильярности Бетси, осмеливающейся называть столь высокопоставленного чиновника по имени. - Длительная выдержка, мелкозернистая пленка - такой пользуются репортеры. Японцы пускали в этот сборочный цех и сотрудников НАСА. Они явно хотели, чтобы мы знали о существовании ракет.

- Да, конечно, - кивнула миссис Флеминг.

Как и русские, напомнил себе Райан. Но почему японцы?

- Что-нибудь еще?

- Да, вот это. - Скотт передал ему еще два снимка. На них виднелись переоборудованные железнодорожные платформы. На одной был установлен подъемный кран, на другой заметны точки крепления для установки такого же крана. - Судя по всему, ракеты перевозят по железной дороге, а не по шоссе. Один из наших специалистов провел экспертную оценку платформы. У нее стандартная ширина железнодорожной колеи.

- Что вы хотите этим сказать? - спросил Райан.

- Я имею в виду расстояние между рельсами. Почти весь мир - и мы в том числе - пользуется стандартной железнодорожной колеей, тогда как большинство железных дорог в Японии - узкоколейные. Странно, что они не воспользовались русскими транспортерами, изготовленными специально для перевозки этих монстров, - заметил Скотт. - Может быть, у них слишком узкие шоссе-ные дороги или они просто предпочли такой метод транспортировки. Отсюда до Йошинобо ведет стандартная железнодорожная колея. Меня несколько удивила система крепления. Люльки на платформах примерно соответствуют размерам футляра, созданного русскими для перевозки такого огромного груза. Таким образом, японцы скопировали все, кроме дорожного транспортера. Это все, что у нас есть, сэр.

- Чем вы собираетесь заняться дальше?

- Будем советоваться с ребятами из исследовательского отдела на противоположном берегу реки, - ответил Скотт.

- Отлично, - кивнул Райан и постучал пальцем по снимкам. - Передайте им, что сейчас это самое срочное задание. Мне нужно, чтобы ракеты были найдены как можно быстрее - лучше всего вчера.

- Ты. ведь знаешь, что они прилагают все усилия, Джек. Знаешь, не исключено, что японцы оказали нам важную услугу, перевозя этих монстров по железной дороге, - заметила вставая Бетси Флеминг.

Джек разложил перед собой фотографии и, прежде чем отпустить гостей, попросил их изготовить еще один комплект. Затем посмотрел на часы и позвонил в Москву. Райан решил, что Сергей все еще на работе.

- Какого черта, - начал Джек, - вы продали им чертежи SS - 19? Ответ был резким. Головка тоже, по-видимому, испытывал недостаток сна.

- Из-за денег, разумеется. По той же причине, по какой вы продали им свои системы "иджис", истребители F-15 и все остальное.

Райан поморщился - главным образом из-за справедливости упрека.

- Спасибо, дружище. Извини, ты прав. Мы считаем, что нам удалось обнаружить двадцать ракет.

- Да, это похоже на правду, но наши специалисты еще не побывали у них на заводе.

- Наши побывали, - сообщил ему Райан. - Поспеть тебе снимки?

- Конечно, Иван Эмметович.

- Завтра они будут у тебя на столе, - пообещал Джек. - Наши эксперты представили мне свои оценки. Я хотел бы узнать точку зрения ваших специалистов. - Он помолчал и продолжил. - По нашему мнению - мы исходим из худшего варианта, - у них по семь боеголовок на каждую ракету, общее

количество сто сорок.

- Этого достаточно для нас обоих, - заметил Головко. - Помнишь, когда мы впервые встретились и вели переговоры об уничтожении этих долбанных ракет? - Он услышал, как фыркнул по телефону Райан, хотя и не смог проникнуть в мысли своего коллеги.

Первый раз я стоял рядом с этими штуками на борту вашего подводного ракетноносца "Красный Октябрь", подумал Райан, да, это я помню. Помню, как по спине стекали струйки холодного пота, словно рядом сам Люцифер. Райан никогда не испытывал ни малейшего расположения к баллистическим ракетам. Да, конечно, возможно, они и помогли сохранить мир в течение сорока лет, может быть, мысли о ракетах заставили их обладателей удержаться от ужасного соблазна, преследовавшего глав государств на протяжении всей истории человечества. А может быть, что не менее вероятно, человечеству на этот раз просто повезло.

- Джек, ситуация становится серьезной, - слышался в трубке голос Головко. - Между прочим, мой сотрудник встретился с твоими оперативниками. Он высокого мнения о них - кстати, спасибо за копию их отчета. В нем содержится информация, которой мы не располагали. Нельзя сказать, что она такая уж важная, но все-таки представляет интерес. Итак, скажи мне, им поручено взяться за поиски ракет и пусковых установок?

- Да, такой приказ отдан, - заверил его Райан.

- И мои люди тоже взялись за поиски, Иван Эмметович. Не бойся, мы их найдем, - счел необходимым добавить Головко. Он решил, что оба думают об одном и том же: единственная причина, по которой ядерные ракеты не были использованы в прошлом, заключалась в том, что они имелись у обеих сторон и угрожать ими - все равно что угрожать перед зеркалом. Но ведь сейчас ситуация изменилась, правда?

Теперь последовал вопрос Райана:

- И что тогда? - спросил он мрачно. - Как мы поступим, когда обнаружим их?

- А разве у вас в языке отсутствует выражение "Всеmu свое время"?

Ну разве не великолепно? Теперь этот гребанный русский пытается подбодрить меня!

- Спасибо, Сергей Николаевич. Извини, но ты, наверно, снова прав.

- Итак, почему мы продали акции "Ситибэнк"? - спросил Джордж Уинстон.

- Дело в том, что он приказал нам искать банки, подверженные валютным колебаниям, - ответил Гант. - И попал в точку. Мы сбросили эти акции в самый последний момент. Вот посмотри сам. - Гант набрал команду, ввел ее в терминал, и на экране графически отобразилось поведение акций Первого национального банка, "Ситибэнк", в пятницу. Действительно, акции стремительно упали в цене, в первую очередь из-за того, что "Коламбус", купивший несколько крупных пакетов за предыдущие пять недель, разом выбросил их на рынок и этим подорвал к ним доверие. - "Как бы то ни было, это стало тревожным звонком в нашей программе...

- Марк, но разве акции "Ситибэнк" не являются частью исходных составляющих в нашей модели? - спокойно спросил Уинстон. Слишком резко

упрекать Марка не имело смысла.

- Ну да... - Гант широко открыл глаза. - Действительно. Именно в этот момент Уинстона осенило. Ему показалось, что в голове зажглась ослепительно яркая лампочка. Мало кто знал, каким образом "экспертные системы" следили за состоянием дел на финансовом рынке. Они действовали взаимосвязанно, наблюдая как за рынком в целом, так и за ставками-ориентирами, составляющими ключевые котировки, влияющие на развитие рыночных тенденций. Это были акции, курс которых в течение длительного времени совпадал со всем происходящим при общей склонности к стабильности, падал и поднимался медленнее тех, что поддавались спекулятивным колебаниям, - короче говоря, это были надежные и устойчивые ценные бумаги. Объяснялось это двумя причинами и одной катастрофической ошибкой. Причины заключались в том, что, хотя курс ценных бумаг на бирже колебался ежедневно, даже при самых благоприятных обстоятельствах, смысл биржевой игры состоял не только в том, чтобы время от времени получать огромную прибыль, точно угадав тенденцию развития группы компаний, играющих на повышение или понижение, но и в том, чтобы хеджировать, страховать от потерь, свои деньги, вкладывая их в "надежные убежища" - хотя совершенно надежных акций не существовало, что и продемонстрировала пятница, когда все рушилось вокруг. По этой причине акции некоторых компаний, составляющие исходные части общей модели, на протяжении длительного времени и являлись такими "убежищами". А вот ошибка оказалась широко распространенной: люди склонны забывать, что у игральные кости нет памяти. Эти акции оставались устойчивыми только потому, что во главе стоящих за ними компаний в течение многих лет находились опытные и высококвалифицированные финансисты. Но с течением времени руководство компаний меняется, поэтому устойчивыми являлись не сами акции, а компании, руководимые умелыми профессионалами. Следовало периодически делать переоценку надежности компаний и соответственно заново оценивать устойчивость выпускаемых ими ценных бумаг. А ведь тенденция становится тенденцией только потому, что люди считают ее таковой и, поступая таким образом, начинают верить в нее. Уинстон рассматривал состояние акций, входящих в число надежных и составляющих исходную модель, только как указание на возможное поведение людей, принимающих участие в торгах на бирже. Для него тенденции всегда являлись психологическим фактором, помогающим оценить, до какой степени люди будут следовать искусственной модели, а не поведение самой модели. Гант же, подобно многим трейдерам с техническим образованием, относился к этому по-другому. Таким образом, выбросив на рынок акции "Сйтибэнк",

- "Коламбус" включил сигнал тревоги в собственной компьютерной системе. К тому же даже такой умный и способный человек, как Марк, упустил из виду, что "Сйтибэнк" и есть одна из главных составляющих этой проклятой модели!

- Давай посмотрим на ценные бумаги других банков, - распорядился Уинстон.

- Так вот, далее рухнули акции банка "Кемикл", - пояснил Гант, вводя команду и демонстрируя на экране крах банка. - За ним последовали "Мэнни Хэнни" ("Мэньюфехчурерс Ханновер") и остальные. Мы, однако, заметили приближение краха и тут же вложили свободные средства в металлы и акции

золотодобывающих компаний. Знаешь, когда все успокоится и ситуация прояснится, ты увидишь, что мы действовали не так уж плохо. Не блестяще, но все-таки неплохо, принимая во внимание обстоятельства. - Гант вывел на экран свою программу общих транзакций, стремясь доказать, что действовал правильно. - Я забрал средства из "Силикон-вэлли", направил их в "Дженерал моторс" и...

Уинстон похлопал его по плечу.

- Давай отложим это на более позднее время, Марк. Я и так вижу, что ты действовал хорошо.

- Короче говоря, мы все время опережали тенденцию развития. Разумеется, понесли убытки, потому что пришлось избавиться от надежных вложений, когда потребовалось платить, но такое может случиться с кем угодно...

- Значит, ты так и не понял?

- Чего, Джордж?

- Мы сами создали тенденцию.

Марк Ганг недоуменно мигнул, и Уинстон увидел все на его лице.

Он так и не сумел разобраться в происшедшем.

29. Письменные документы

Представление прошло успешно, и в заключение профессор глазной хирургии из университета Шиба, руководитель японской делегации, вручил Кэти Райан изящно завернутую коробку. Развернув ее, она обнаружила внутри шарф из бледно-голубого шелка, вышитый золотом. Не иначе он был сделан больше ста лет назад.

- Голубой цвет так идет к вашим глазам, профессор Райан, - произнес японский офтальмолог с улыбкой подлинного восхищения. - Боюсь только, это недостаточно ценный подарок за то, что я узнал сегодня от вас. В моей больнице сотни пациентов, страдающих диабетом. Теперь у нас есть надежда с помощью разработанной вами методики вернуть зрение многим из них. Вы сделали блестящее открытие, профессор. - Он поклонился с очевидным уважением.

- С помощью лазеров, изготовленных в вашей стране, - ответила Кэти. Она не знала, какие чувства ей следует проявлять. Подарок был поразительным. Японский хирург вел себя предельно искренне, но его страна находилась в состоянии войны с Америкой. Разве об этом еще не стало известно? Если идет война, то почему этот иностранец не арестован? Как ей следует относиться к нему? Любезно, как к ученому коллеге, или холодно, как к представителю враждебной державы? Что происходит, черт побери? Она посмотрела на Андрэ Прайс, которая стояла улыбаясь у задней стены зала, скрестив на груди руки.

- Но вы научили нас пользоваться ими намного эффективнее. Блестящее проявление прикладной науки. - Японский профессор повернулся к присутствующим и поднял руки. Гости начали аплодировать, и покрасневшая от удовольствия Кэролайн Райан подумала, что ей, может быть, действительно удастся украсить каминную доску статуэткой Ласкера. Все подходили и пожимали ей руку, прежде чем спуститься к автобусу, который отвезет их обратно в отель "Стауффер" на Пратт-стрит.

- Можно посмотреть? - спросила специальный агент Прайс, после того как

посетители ушли и дверь закрылась. Кэти передала ей шарф. - Прелестно. Вам придется купить для него новое платье.

- Итак, никаких оснований для беспокойства не было, - заметила доктор Райан. Она с удивлением вспомнила, что уже после первых секунд лекции совсем забыла о прежних страхах. Разве это не интересно?

- Да, как и уже говорила, мы не ожидали ничего необычного. - Прайс с сожалением отдала шарф обратно. Действительно, маленький японский профессор прав, подумала она. Небесно-голубой цвет очень идет к глазам хирурга. - А чем вы занимаетесь, доктор Райан? - спросила она.

- Делаю операции на сетчатке глаза. - Кэти закрыла блокнот. - Начала с хирургии хрусталика и занималась этим до рождения маленького Джека. Затем мне пришла в голову мысль о том, что можно с помощью хирургической операции заново присоединить отслоившуюся сетчатку. Потом я стала заниматься кровеносными сосудами глаза. Берни дал мне возможность работать в этой области, я получила финансовую помощь для исследований, и постепенно одно вытекало из другого...

- А теперь по операциям такого рода вы стали лучшим глазным хирургом в мире, - закончила за нее Прайс.

- До тех пор пока не появится кто-то с руками лучше моих и не овладеет этой специальностью, - улыбнулась Кэти. - Сейчас я, пожалуй, действительно лучшая в мире - по крайней мере на ближайшие несколько месяцев.

- Итак, как поживает наш лауреат? - В комнату вошел Берни Кац и впервые увидел Андрэ Прайс. Пропуск, пристегнутый к лацкану ее халата, озадачил его.

- Мы с вами знакомы?

- Меня зовут Прайс, Андрэ Прайс. - Специальный агент окинула Каца внимательным взглядом, прежде чем пожать ему руку. Врач даже почувствовал себя польщенным, пока она не добавила: - Секретная служба.

- Где были копы вроде вас, когда я был молодым? - галантно поинтересовался он.

- Берни - один из моих первых учителей. Сейчас он возглавляет кафедру офтальмологии, - пояснила Кэти.

- И вот теперь моя бывшая ученица превзошла меня. Я принес хорошие новости. Как ты знаешь, в комитете Ласкера у меня есть шпион. Мне сообщили, что ты прошла последний этап отбора, Кэти.

- Что такое Ласкер? - спросила Прайс.

Выше премии Ласкера есть только одна - чтобы получить ее, нужно ехать в Стокгольм, - объяснил Кац.

- Берни, вот уж ее мне никогда не получить. Завоевать премию Ласкера - и то достаточно трудно.

- А ты работай, работай! - Кац обнял Кэти, поцеловал и ушел.

Как мне хочется стать лауреатом, как хочется! - подумала Кэти. Говорить это вслух не было необходимости - специальный агент Прайс поняла все и так. Ну разве это не интереснее, чем охранять политических деятелей, черт побери?

- А можно мне присутствовать на одной из ваших операций?

- Если хотите. А теперь пошли. - Кэти направилась обратно в свой кабинет, уже привыкнув к присутствию агента. Они прошли по клинике, миновали одну из лабораторий. Внезапно доктор Райан остановилась, сунула руку в

карман халата и достала маленькую записную книжку.

- Что-нибудь случилось? - спросила Прайс. Андрэ знала, что задает слишком много вопросов, но требовалось время, чтобы познакомиться с привычками людей, которых охраняешь. Она также заметила, что Кэти Райан принадлежит к числу тех, кто не любит, когда их охраняют, поэтому нужно дать ей больше привыкнуть к своему присутствию.

- Вам придется освоиться с моим поведением, - улыбнулась профессор Райан, делая короткие записи. - Всякий раз когда мне приходит в голову интересная мысль, я тут же ее записываю.

- Не полагаетесь на память?

- Ни в коем случае. Нельзя полагаться на память, когда имеешь дело с жизнью пациентов. Это первое, чему учат будущих врачей. - Кэти покачала головой, укладывая блокнот в карман. - И особенно в нашей профессии. Слишком велика вероятность причинить вред пациенту. Если записываешь свои мысли, такая вероятность отпадет сама по себе.

Действительно, такой урок неплохо запомнить, подумала Андрэ Прайс, следуя за доктором Райан по коридору. Кодовое имя "Хирург" идеально подходило для нее. Умная, педантичная, аккуратная. Из нее мог бы даже получиться хороший агент, если бы она не испытывала такого отвращения к огнестрельному оружию.

Это стало уже установившейся практикой и во многом не представляло собой чего-то нового. За время жизни целого поколения военно-воздушные силы японских войск самообороны реагировали на действия русских истребителей, вылетающих с передовой базы в Долинске - первоначально делали это совместно с американскими ВВС, - и один из постоянных воздушных коридоров, используемых советскими самолетами, даже получил название "Токийский экспресс". Возможно, это было неосознанным воспоминанием о выражении, которое в 1942 году употребляли американские морские пехотинцы на Гуадалканале.

Из соображений безопасности самолеты раннего радиолокационного обнаружения Е-767 размещались на базе Шестого авиакрыла в Комацу, недалеко от Токио, однако два истребителя F-15J, действующие под управлением Е-767, который баражировал над городом Немуро в северо-восточной части острова Хоккайдо, базировались на аэродроме в Читозе. Они находились сейчас в сотне миль от берега, и каждый был вооружен восемью зенитными ракетами - четыремя с боеголовками теплового наведения и четыремя - радиолокационного. Боекомплекты были боевыми, и истребителям требовалось лишь получить указание цели.

По местному времени было за полночь. Пилоты чувствовали себя хорошо отдохнувшими и бодрыми, сидели, пристегнувшись к катапультируемым креслам истребителей, осматривая зоркими глазами темное пространство вокруг, а их чувствительные пальцы реагировали на малейшее отклонение от курса. Радиолокаторы наведения на цель были выключены, и хотя бортовые огни светились в темноте, в случае надобности их можно мгновенно погасить, сделав самолеты практически невидимыми.

- Орел один-пять, - послышался голос в наушниках ведущего, - проверьте

гражданский самолет в пятидесяти километрах, пеленг ноль-три-пять от вашей позиции, курс два-один-пять.

- Понял вас, коми, - ответил пилот, на мгновение включив радио. Коми, сигнал вызова самолетов раннего обнаружения, было словом со многими значениями и чаще всего означало нечто сверхъестественное вроде "дух" или "призрак". Таким образом многие пилоты превратились в современных духов, охраняющих их страну, причем истребители F-15J стали вещественным доказательством мощи этих духов. По команде ведущего два истребителя сделали правый поворот и начали плавно набирать высоту, сберегая топливо. Набор высоты длился пять минут, пока истребители не поднялись на тридцать семь тысяч футов, продолжая удаляться от Хоккайдо с крейсерской скоростью пятьсот узлов. Бортовые радиолокаторы были по-прежнему выключены, но теперь на их экранах появлялась информация, передаваемая коми цифровым кодом - еще одно усовершенствование, пока не успевшее стать частью оборудования американских истребителей. Летчик ведущего самолета то опускал взгляд, то поднимал. Жаль, подумал он, что дисплей на приборной панели не совпадает с изображением, которое проецируется на стекло кабины. Может быть, при дальнейшем усовершенствовании это будет устранено.

- Вижу цель, - произнес он, включив радио на минимальной мощности.

- Я тоже, - слышался голос ведомого.

Оба истребителя повернули теперь налево, медленно снижаясь позади самолета, похожего на 767-ER авиакомпании "Эйр Кэнада". Да, на освещенном киле хвостового оперения виднелся ее логотип - яркий кленовый лист. По-видимому, рейсовый самолет из международного аэропорта Торонто в Нариту. Время соответствует расчетному. Истребители приблизились к авиалайнеру со стороны хвоста - не следуя точно за самолетом, поскольку могла возникнуть опасность столкновения, - и тут же почувствовали, как их начала подбрасывать хвостовая струя от широкофюзеляжного лайнера. Ведущий еще больше сократил расстояние, пока не увидел ряд освещенных иллюминаторов, по одному гигантскому двигателю под каждым крылом и тупой нос, характерный для "боингов". Он снова включил радио.

- Ками, это Орел один-пять.

- Слушаю, Орел.

- Самолет опознан, это "Боинг семь-шесть-семь Елена-Ромео" авиакомпании "Эйр Кэнада", летит по указанному курсу с обычной скоростью. - Любопытно, что пилоты истребителей ЗЛБО - Заградительной линии боевого охранения - пользовались для переговоров английским языком. Английский являлся международным средством общения в авиации, все летчики говорят на нем, и передать важное сообщение на английском языке легче.

- Принял. - Последовала команда, истребители отвалились от авиалайнера и вернулись в район патрулирования. Канадский пилот так и не узнает, что два вооруженных истребителя находились на расстоянии трехсот метров от его самолета, но у него и не было оснований ожидать японских самолетов - на земле царил мир, по крайней мере пока.

Что касается самих летчиков-истребителей, то они послушно подчинились своим новым обязанностям, составившим теперь часть их повседневной жизни. Отныне и до последующего распоряжения не меньше двух истребителей будут

постоянно патрулировать в этом районе, причем еще два будут находиться на аэродроме в Читозе в состоянии пятиминутной боевой готовности, а четыре - тридцатиминутной. Командир их авиакрыла добивался разрешения повысить уровень боевой готовности еще больше, потому что, несмотря на все заверения Токио, его страна находилась в состоянии войны с Америкой, о чем он уже сообщил своим подчиненным. Американцы представляют собой грозного противника, сказал он, обращаясь к летчикам и старшему обслуживающему персоналу авиакрыла, - умного, хитрого и крайне агрессивного. Хуже всего, однако, было то, что, попав в тяжелое положение, они становятся совершенно непредсказуемыми, их поведение резко отличается от поведения японцев, которое, объяснил он, легко прогнозируется, потому что они подчиняются дисциплине. Возможно, именно поэтому его назначили командиром этого авиакрыла, думали летчики. Если события и дальше будут развиваться в таком направлении, первое столкновение с американской авиацией произойдет здесь, в этом районе. Он считал необходимым быть готовым к этому, несмотря на колоссальные расходы, огромное количество сжигаемого топлива и усталость экипажей. Пилоты полностью одобряли его поведение. Война - серьезное дело, и, хотя раньше этим молодым парням не приходилось принимать участия в боевых действиях, они не пытались уклониться.

Райан понимал, что скоро наибольшим препятствием станет временной фактор. Часовой пояс, в котором находился Токио, опережал время Вашингтона на четырнадцать часов. Сейчас там была ночь следующих суток, и, что бы он ни придумал, какой умной ни была бы пришедшая ему в голову мысль, придется часами ждать ее осуществления. То же самое относилось и к Индийскому океану, но там он по крайней мере имел прямой контакт с боевым соединением адмирала Дюбро. Чтобы связаться с Кларком и Чавезом, ему приходилось действовать через Москву и затем или вызывать сотрудника Службы внешней разведки России в Японии - а этим не следовало злоупотреблять слишком часто, - или ждать сообщения по обратной модемной связи, поступающего всякий раз, когда Кларк включал свой компьютер для передачи материалов в агентство новостей "Интерфакс". В обоих случаях отставание по времени могло привести к человеческим жертвам.

Это касалось получения информации и передачи указаний. Так всегда было и всегда будет. А вот самым важным было узнать, что происходит. Каковы намерения противника? О чем он думает?

Так чего же они хотят все-таки добиться? - спрашивал себя Райан.

Война всегда бывает вызвана экономическими причинами, это одно из немногих положений, правильно предсказанных Марксом. По сути дела причиной войны является элементарная жадность, как сказал Джек президенту, она не что иное, как вооруженное ограбление в глобальном масштабе. На уровне государств использовались такие высокопарные слова, как жизненное пространство, Lebensraum, определяющие судьбу нации, или другие политические лозунги, целью которых является увлечь массы и возбудить в них волну национализма, но коротко все сводилось к элементарному: у них это есть. И мы нуждаемся в этом. Надо захватить силой.

И все-таки Марианские острова не стоили того. Они никак не стоили

огромных экономических и политических затрат. Ipso facto<В силу самого факта (лат.)> Япония лишалась самого выгодного торгового партнера. Ситуация не нормализуется по крайней мере на протяжении многих лет. Рынки, так тщательно созданные и используемые с шестидесятых годов, рухнут под напором того, что вежливо называют общественным негодованием, но корни чего на самом деле уходят намного глубже. Какой может быть причина того, что страна, всецело посвятившая себя бизнесу, внезапно отказывается от всякой практической целесообразности?

Но разве война бывает вызвана рациональными причинами,

Джек? - мысленно спросил себя Райан. Ты сам говорил об этом с президентом.

- Так скажите мне, каким местом они там думают? - потребовал он, тут же пожалев о грубости своих слов.

Они сидели в конференц-зале цокольного этажа. На первом заседании рабочей группы отсутствовал Скотт Адлер, сопровождающий государственного секретаря Хансона. Здесь находились два офицера национальной безопасности и четыре сотрудника Госдепартамента. Все были не менее удивлены и озадачены, чем он сам, подумал Райан. Только этого нам и не хватало. В течение нескольких секунд царил молчание. Ничего удивительного, решил Райан. Когда он обращался к группе чиновников с предложением высказать свою точку зрения, самым интересным для него всегда был вопрос: кто заговорит первым и что он скажет?

- Они разгневаны и перепуганы. - Эти слова принадлежали Крису Куку, одному из специалистов по торговле с Японией, сотруднику Государственного департамента. Он прослужил два срока в посольстве США в Токио, неплохо говорил по-японски и не раз принимал участие в торговых переговорах, не вмешивался в них, но всегда давал дельные советы, выполнял самую трудную работу, связанную с их подготовкой и проведением. Это было обычным для - государственных учреждений, и Джек вспомнил, как его самого раздражало то, что выдвинутые им предложения присваивали себе другие, выдавая за свои собственные. Он кивнул, выслушав замечание Кука, и обратил внимание на кивки остальных, испытывающих облегчение от того, что кто-то решился взять инициативу на себя.

- Я понимаю, почему они разгневаны. А вот в чем причина их страха?

- Да ведь, черт побери, у них по-прежнему рядом русские да и Китайцы тоже. И те и другие принадлежат к числу все еще великих держав. Мы ушли из западной части Тихого океана, верно? Следовательно, по мнению японцев, мы бросили их на произвол судьбы, а теперь, считают они, и вообще начали относиться к ним с нескрываемой враждебностью. Следовательно, мы превратились в их потенциального противника, разве не так? В каком положении они оказались? К кому обратиться за помощью?

- Но зачем захватывать Марианские острова? - спросил Джек, вспоминая, что в двадцатом столетии ни Россия, ни Китай ни разу не нападали на Японию, а вот Япония нападала на каждую из них. Кук сделал интересное, хотя и случайное замечание. Как реагирует Япония на внешнюю угрозу? Всегда нападает первой.

- Таким образом она создает оборону большой глубины, выдвигает базы

далеко за пределы своих островов.

Да, пожалуй, это звучит разумно, подумал Джек. На стенах зала висели спутниковые фотографии, сделанные меньше часа назад. Они показывали, что на аэродромах Сайпана и Гуама истребители стоят наготове вместе с самолетами раннего радиолокационного обнаружения E-2C "хокай", однотипными с американскими, базирующимися на авианосцах. Это создавало оборонительную линию, выдвинутую на тысячу двести миль почти прямо к югу от Токио. Такой барьер окажется труднопреодолимой преградой для американских самолетов и представляет собой по сути дела несколько уменьшенный вариант японской стратегии во второй мировой войне. Замечание Кука в который раз оказалось разумным и интересным.

- Но действительно ли мы представляем опасность для них? - спросил Райан.

- Сейчас, разумеется, представляем, - ответил Кук.

- Потому что они вынудили нас к этому, - проворчал один из офицеров национальной безопасности, вступая в разговор. Кук наклонился вперед и посмотрел на него.

- Почему люди начинают войны? Да потому, что они чего-то боятся! Посмотрите, за последние пять лет правительство у них менялось чаще, чем в Италии. Япония - политически неустойчивая страна. У них проблемы с экономикой. До последнего времени их валюта была подвержена постоянным колебаниям. Японский биржевой рынок потерпел крах из-за нашего закона о реформе торговли, мы поставили их на грань финансовой катастрофы, а теперь вы спрашиваете меня, почему у них возникла мания преследования? Случись с нами что-то подобное, каким было бы наше поведение? - резко бросил помощник заместителя государственного секретаря, смутив офицера национальной безопасности, заметил Райан. Отлично, подумал он, оживленные дискуссии обычно приносят полезные плоды, подобно тому как лучшая сталь закаляется в самом горячем огне.

- Мое сочувствие по отношению к противной стороне несколько смягчается тем обстоятельством, что японцы оккупировали американскую территорию и нарушили права американских граждан. - Эта реакция на тираду Кука показалась Райану излишне саркастической, похожей на игривое поведение гончей, преследующей раненую лису и позволяющей себе для разнообразия поиграть с добычей, тогда как обычно ситуация бывает обратной. Такое чувство всегда доставляет удовольствие.

- Мы уже лишили работы двести тысяч японцев. Как относительно прав японских граждан?

- Да наплевать нам на их права! Вы на чьей стороне, Кук? Заместитель помощника государственного секретаря откинулся на спинку кресла, почувствовав, что заманил оппонента в ловушку и теперь может нанести решающий удар.

- А мне казалось, что меня пригласили сюда, чтобы помочь понять чувства японской стороны. Разве не для этого мы собрались? Японцам кажется, что мы унизили их, разорили, нанесли удар в спину и вообще сделали все возможное, чтобы показать им, какие они ничтожества и что мы всего лишь терпим их, совсем не считая равными себе. Все это, думают они, длится весь послевоенный

период и началось еще до того времени, когда я родился. Согласитесь, им не может нравиться такое обращение.

И должен вам сказать, - продолжил Кук, - что я их в этом не виню. Ладно, они выступили против нас. Это было их ошибкой, и я сожалею об этом. Однако нужно принять во внимание, что они постарались смягчить свой удар, насколько это возможно, принимая во внимание поставленные стратегические цели. Разве не с таких позиций следует рассматривать возникшую ситуацию?

- Посол Японии заявил, что его страна готова удовлетвориться достигнутым и не стремится к большему, - сказал Райан, заметив интерес во взгляде Кука. По-видимому, он равнодушен к урегулированию разногласий, и это хорошо. - Как вы считаете, насколько серьезны эти намерения?

Райан снова задал трудный вопрос, понимая, что присутствующие не проявят желания отвечать на него. Трудные вопросы требуют четких ответов, а такие ответы часто могут оказаться неправильными. И самым трудным это было для офицеров национальной безопасности. Обычно эти должности занимают высокопоставленные сотрудники ЦРУ, РУМО и АНБ. Один из них постоянно находится рядом с президентом и готов выразить свою точку зрения в момент быстро нарастающего кризиса. Они являются экспертами в своей области, каким раньше был сам Райан, тоже занимавший в прошлом такую должность. Эти специалисты, однако, постоянно сталкиваются с вечной проблемой. Офицеры национальной безопасности - мужчины или женщины - это, как правило, серьезные и неуступчивые люди. Они не боятся смерти, но опасаются ошибиться в сложной ситуации. По этой причине от любого из них трудно дожидаться недвусмысленного ответа, даже если приставить к его виску заряженный пистолет. Райан перевел взгляд с одного офицера национальной безопасности на другого и заметил презрение в глазах Кука, тоже смотревшего на них.

- Да, сэр, я считаю их намерения серьезными. Кроме того, нельзя исключить и вероятность того, что они пойдут на некоторые уступки. Они понимают, что должны предоставить нам возможность спасти свой престиж. Это обстоятельство обратится в нашу пользу, и мы можем рассчитывать на него, если согласимся на переговоры.

- Вы советуете пойти на переговоры? Кук улыбнулся и кивнул.

- Переговоры никогда не повредят, вне зависимости от ситуации, разве не так? Являясь сотрудником Государственного департамента, я обязан дать такой совет. Я незнаком с военной стороной ситуации, не знаю, сможем ли мы победить силовыми методами, но склонен думать, что сможем. Полагаю, японцы тоже понимают это и, отдают себе отчет в том, что рискуют многим. Мне кажется, что они даже больше перепуганы случившимся, чем мы считаем, и это можно использовать при переговорах.

- Чего нам следует добиваться? - спросил Райан.

- Восстановления прежнего положения, - тут же прозвучал ответ Кука. - Полный вывод войск с Марианских островов, возврат их под юрисдикцию США, восстановление гражданских прав жителей, компенсация семьям погибших и наказание виновных в смерти американских граждан. - Райан заметил, что при этих словах Кука согласно кивнули даже офицеры национальной безопасности. Решительность и прямота представителя Государственного департамента начали нравиться Райану. Дипломат говорил то, что думал, и ему нельзя было отказать

в логике.

- А что мы получим?

И снова ответ был прямым и откровенным.

- Меньше чем нам хотелось бы. - Где, черт побери. Скотт Адлер скрывал до сих пор этого парня? - подумал Райан. Мы говорим с ним на одном языке. - Им придется пойти на уступки, но все они не отдадут.

- Как они поступят, если мы окажем на них нажим? - спросил советник по национальной безопасности.

- Если мы хотим вернуть себе все, нам придется воевать с ними, - ответил Кук. - Раз вы интересуетесь моим мнением, то сразу скажу, что считаю это опасным. - Райан пропустил мимо ушей столь поверхностное суждение. В конце концов, Кук принадлежит к Госдепартаменту и воспитан в его традициях.

- Вы считаете, что посол обладает достаточным влиянием, чтобы вести переговоры от имени своего правительства? После секундного размышления Кук кивнул.

- У него здесь хорошие советники, да и сам он один из ведущих дипломатов Японии. Он знаком с Вашингтоном и знает правила игры в высшей лиге. Потому его и прислали сюда.

"Говорить, говорить - это лучше, чем воевать, воевать", вспомнил Райан высказывание Уинстона Черчилля. И это безусловно верно, особенно если первое не исключает полностью угрозу последнего.

- О'кей, - произнес Райан. - Пока мне нужно заняться кое-чем другим. Вы оставайтесь здесь. Мне нужен доклад о текущем положении, варианты выхода из создавшейся ситуации, вероятные начальные действия обеих сторон и сценарии возможного завершения событий. Мне также потребуются варианты реакции японской стороны на военные меры, теоретически предпринятые нами. Но самое главное, - он посмотрел прямо на офицеров национальной безопасности, - мне нужно ваше мнение по поводу их ядерной мощи и описание условий, при которых они могут счесть необходимым прибегнуть к ней.

- Каковы у нас возможности предупреждения ядерного удара? - Как ни странно, этот вопрос задал Кук. Не менее удивительным было и то, что ответил на него второй офицер национальной безопасности, который счел необходимым продемонстрировать, что и ему кое-что известно.

- Радиолокационная станция "Кобра Дэйн" на Шемье продолжает действовать, равно как и спутники раннего обнаружения и оповещения. Если возникнет необходимость, мы можем получить предупреждение о запуске и районах поражения. Доктор Райан, мы предприняли что-нибудь...

- На складах BBC находятся крылатые ракеты, запускаемые с воздуха. Ими будут вооружены бомбардировщики В-1. У нас есть также возможность вооружить крылатые ракеты "Томагавк" боеголовками W-80. Эти ракеты можно запускать как с надводных кораблей, так и с подводных лодок. Русским известно, что мы можем прибегнуть к этому, они не будут возражать при условии, что мы будем действовать быстро и тихо.

- Но это может привести к эскалации, - предостерег Кук. - Нам следует проявить максимальную осторожность.

- А их ракеты SS-19? - поинтересовался один из офицеров национальной безопасности.

- Японцы считают, что ракеты с ядерными боеголовками им необходимы. Будет непросто уговорить их отказаться от ракет. - Кук обвел взглядом сидящих вокруг стола. - В конце концов, мы подвергли их страну атомной бомбардировке. Это крайне деликатный вопрос, и мы будем иметь дело с людьми, испытывающими ужас перед возможностью повторения событий сорок пятого года. Здесь придется действовать с предельной осторожностью.

- Ясно, - кивнул Райан и встал. - Итак, вам известно, чем заниматься. Беритесь за дело. - Он испытал определенное удовлетворение от того, что мог отдать такой приказ, однако, как только отдал его, оно тут же уменьшилось и почти исчезло, когда он понял, какова будет суть ответов, которые лягут к нему на стол. И все-таки надо было сделать первый шаг.

- Снова был трудный день? - спросил Номури.

- Мне казалось, что после отъезда Яматы станет легче, - покачал головой Казуо, опускаясь в горячую воду и прислоняясь к деревянному бортику ванны. - Я ошибался.

Остальные молча кивнули, соглашаясь с замечанием приятеля. Все скучали теперь без сексуальных фантазий Таоки, но лишь один Номури знал, почему иссяк источник откровений.

- Не понимаю, что происходит? Теперь Гото заявляет, будто нам не обойтись без Америки. На прошлой неделе они были нашими врагами, а теперь мы опять друзья? Простого человека вроде меня это сбивает с толку, - сказал Чет, потирая закрытые глаза и думая о том, что же принесет закинутая им приманка. Потребовалось немало усилий, чтобы установить дружеские отношения с этими людьми, столь отличными от него. С самого начала было ясно, что он будет завидовать им, а они - ему. Он был предпринимателем, считали они, руководил собственным делом, тогда как они были служащими крупных компаний и занимали в них достаточно высокие должности. У них - обеспеченное будущее, тогда как у него - независимость. От них ожидалось, что они будут отдавать своим компаниям все силы и все время, тогда как он мог распоряжаться собой. У них больше денег, зато у него не такая нагрузка и меньше стрессов. А теперь в их распоряжении имелась информация, которой он не располагал.

- Мы бросили вызов Америке, - слышался чей-то голос.

- Понимаю. Но разве это не опасно?

- В ближайшее время - да, - заметил Таока, чувствуя, как горячая вода расслабляет мышцы его тела, напряженные от длительного стресса. - Впрочем, мне кажется, что мы уже победили.

- Победили - но в чем, мой друг? У меня создалось впечатление, будто я вошел в зал, когда спектакль уже начался, и увидел таинственную прелестную девушку на поезде, направляющемся в Осаку. - Чет имел в виду японский обычай, странным образом основанный на четком соблюдении расписания поездов.

- Видишь ли, как говорит мой босс, - решил объяснить другой служащий, - наша страна станет теперь по-настоящему независимой.

- Разве сейчас мы не являемся независимыми? - озадаченно спросил Номури. - В Японии практически не осталось американских солдат, и они больше нас не беспокоят.

- А оставшиеся находятся сейчас под стражей, - заметил Таока. - Ты

просто не понимаешь. Подлинная независимость - это нечто большее, чем простая политика. Она означает также независимость экономическую. Отсюда следует, что нам больше не понадобится обращаться к другим, чтобы получить то, что необходимо для процветания страны.

- В нашем распоряжении окажется Район северных ресурсов, Казуо, - произнес еще один и тут же почувствовал, что зашел в своих откровениях слишком далеко - глаза двоих присутствующих широко открылись в знак предостережения.

- Я предпочел бы меньше работать и вовремя возвращаться домой и не проводить каждую неделю две-три ночи, как в гробу, в проклятом гостиничном номере, - заметил кто-то, желая изменить тему разговора.

Таока фыркнул.

- Действительно, туда и девушку-то не втиснешь. - Последовавший хохот, показалось Номури, прозвучал как-то натянуто.

- Ну вас с вашими компаниями и их секретами! К черту! - огрызнулся агент ЦРУ. - Надеюсь, вы лучше справляетесь со своими женщинами! - Он сделал паузу, а потом обеспокоенно спросил: - А это не может повлиять на мой бизнес? - Отличная мысль - задать им такой вопрос, подумал он.

- Если и повлияет, то в лучшую сторону, - ответил Казуо. Все согласно закивали.

- Только всем нам нужно проявить терпение. Сначала наступят трудные времена, а потом станет легче.

- Но зато обязательно станет, - послышался чей-то уверенный голос. - Самое трудное уже позади.

Приложу все силы, чтобы не допустить этого, молча поклялся Номури. Но что за чертовщина этот "Район северных ресурсов"? Как это характерно для службы разведчика - знаешь, что услышал нечто важное, но не понимаешь, что именно. Затем ему пришлось пуститься в подробное описание своих воображаемых отношений с новой любовницей, чтобы убедиться, что они запомнят именно это, а не его вопросы.

Жаль, что они прибыли сюда в темное время суток, но с этим ничего уж не поделаешь. Половину эскадры направили в Гуам, где естественная гавань намного лучше, потому что все жители островов должны увидеть корабли Военно-морского флота Японии - адмирал Сато испытывал отвращение от прежнего названия "Силы самообороны". Он командовал боевыми кораблями с офицерами и матросами на них, уже испытавшими вкус битвы - в некотором смысле, - и если в будущем историки захотят написать, что это сражение не было настоящим и велось не по правилам, то ответ прост: в каком учебнике военного искусства не говорится о решающем значении элемента неожиданности при проведении наступательных операций? Мне не известны такие учебники, думал адмирал, глядя в бинокль на очертания горы Тапотчау. Там был уже установлен и действовал мощный радиолокатор, сообщили ему час назад специалисты. Еще один важный фактор, способствующий защите того, что было когда-то японской территорией и принадлежало теперь по праву его стране.

Сато стоял в одиночестве на правом крыле мостика, окруженный предрассветным мраком. Мраком? Вовсе нет. Вокруг был удивительно спокойный

мир, особенно приятный, когда ты наслаждаешься им в одиночку и твой ум отсеивает внешние раздражители. Сверху доносился едва различимый шум вращающейся радиолокационной антенны, похожий на жужжание роя спящих пчел, но скоро сознание перестало замечать его, равно как и глухой отдаленный рокот корабельных механизмов, главным образом машин и вентиляторов. Все это были механические шумы, легко отсеиваемые сознанием. В остальном царила полная тишина. Командир "Мутсу" поддерживал на корабле строгую дисциплину. Матросы соблюдали молчание и говорили только в тех случаях, когда это вызывалось необходимостью, надлежащим образом выполняя свои обязанности. Один за другим адмирал Сато отсекал посторонние звуки. Теперь он слышал только шум моря, чудесный шорох воды, рассекаемой стальным форштевнем эсминца. Адмирал посмотрел вниз и увидел расходящиеся веером волны, пена на их гребнях казалась одновременно яркой и бледной, а широкая кильватерная струя за кормой светилась зеленоватой полосой от взбудораженного планктона - крохотных существ, всплывающих ночью к морской поверхности по причинам, никогда не интересовавшим Сато. Может быть, просто для того, чтобы насладиться светом луны и сиянием звезд, улыбнулся он в темноте. Впереди был Сайпан - всего лишь тень на горизонте, более густая, чем окружающая темнота; такое впечатление создавалось из-за того, что глыба острова закрывала собой звезды на западном небосклоне, а моряк, привыкший видеть звезды на небе в ясную погоду, сразу понимал, что там, где их нет, находится земля. Впередсмотрящие на вершине передней надстройки наверняка заметили остров раньше его, но это ничуть не уменьшило восторг от увиденного им самим, ибо, подобно бесчисленным поколениям моряков, адмирал испытывал ликование при виде земли, потому что каждое плавание заканчивается каким-то открытием. И это плавание не было исключением.

Раздался какой-то шум. Сначала прерывистое жужжание электромоторов, вращающих антенны радиолокаторов, затем что-то еще. Сато знал, что услышал его слишком поздно, где-то по правому борту. Глухой рев быстро усиливался. Наконец он понял, что это может быть только шум стремительно приближающегося самолета, поднес к глазам бинокль и посмотрел направо. В первые несколько мгновений ничего не увидел и вдруг заметил движение у самого корабля - две темные стреловидные тени промчались над самой головой. "Мутсу" задрожал от рева их двигателей, адмирал Сато похолодел, и тут же его охватила вспышка ярости. Он распахнул дверь рулевой рубки.

- Какого черта!

- Два истребителя F-3 провели тренировочную атаку, - доложил вахтенный офицер. - В боевой рубке за ними следили уже несколько минут. Мы осветили их своими радиолокаторами.

- Немедленно передайте этим "диким орлам", что полеты над кораблем в темноте подвергают его опасности, а их самих - риску глупой смерти!

- Но, адмирал...

- Что значит "но"? Это ценная боевая единица нашего флота, и я не хочу, чтобы один из моих кораблей провел месяц в доке, ремонтируя поврежденную мачту только потому, что какой-то дурак-летчик не заметил нас в темноте!

- Хай. Немедленно свяжусь с берегом.

Испортили мне такое прекрасное утро, кипел от ярости Сато, возвращаясь

к своему кожаному креслу на крыле мостика. Вскоре он успокоился и задремал.

Неужели я догадался об этом первым? - задал себе вопрос Уинстон. И тут же спросил себя, почему это удивляет его. ФБР и все остальные агентства сейчас пытаются скорее всего восстановить документацию, и их усилия направлены, по-видимому, на борьбу с мошенничеством. Еще хуже то, что они занимаются всеми документами, а не только документацией "Коламбус групп". Перед ними настоящий океан данных, они не знакомы с методами работы, а сейчас не то время, чтобы осваиваться в процессе расследования.

Телевидение информировало зрителей о происходящем. Председатель правления Федеральной резервной системы выступал все утро, переезжая из одной телевизионной компании в другую, затем последовало обращение к общественности через журналистов, аккредитованных при Белом доме, и далее подробное интервью по каналам компании Си-эн-эн. Принятые меры принесли некоторые плоды, которые тоже демонстрировали по телевидению. Еще до ланча в банки пришло множество людей, они с удивлением увидели, что перед кассирами лежат горы наличных, доставленных прошлой ночью. Среди военных это скорее всего называется "демонстрацией силы". И хотя председателю правления Федеральной резервной системы пришлось убеждать директоров всех крупных банков, теперь кассиры встречали вкладчиков у окошек касс словами: "Ах, вам нужны наличные? Разумеется, можете снять со счета, сколько пожелаете". Во многих случаях людей, получивших деньги, по возвращении домой охватывала тревога противоположного плана - разве не опасно держать дома столько денег? - и после обеда некоторые возвращались обратно и делали новые вклады.

Это работа База Фидлера, подумал Уинстон, а он отличный профессионал - для ученого-экономиста, разумеется. Министр финансов старался выиграть время и добился успеха с помощью дополнительных вливаний наличных. Избранная им тактика дала свои результаты, с ее помощью ему удалось успокоить общественность, пусть временно, убедить вкладчиков, что ситуация не такая плохая, как им это кажется.

Крупных инвесторов провести гораздо труднее. Положение тяжелое, и спектакль, разыгранный в банках, - в лучшем случае временная мера, призванная приостановить панику. Федеральный резервный сбрасывал в банковскую систему наличные деньги. Это принесет свои плоды, на день-другой отдалит наступление кризиса, однако к концу недели доллар ослабнет еще больше, а ведь даже сейчас в мировом финансовом сообществе от американских казначейских облигаций шарахались, как от крыс, разносящих чуму. Но худшим было то, что, хотя Фидлер временно сумел не допустить краха банковской системы, так долго продолжаться не может, и, если не удастся восстановить настоящее доверие, кризис будет обостряться и в конечном итоге не помогут никакие паллиативы. Вот тогда все вкладчики ринутся в банки за своими деньгами и ситуация станет катастрофической. И Уинстон считал это неизбежным.

Причина заключалась в том, что гордиев узел, завязанный на горле инвестиционной системы, быстро развязать - или разрубить - невозможно.

Уинстону казалось, что он сумел определить вероятную причину случившегося, однако вместе с этим ему стало ясно, что найти решение

проблемы скорее всего не удастся. Саботаж в "Депозитори траст компани" был делом рук гения. Если говорить коротко, никто не знал, что ему принадлежит, сколько он заплатил за это, когда получил, а также каковы его оставшиеся средства. Этого не знали ни отдельные вкладчики, ни инвестиционные компании, ни торговые дома - никто.

Как начнется настоящая паника? Через несколько дней пенсионные фонды станут оформлять и рассылать чеки за прошлый месяц - но смогут ли банки выплатить по ним деньги? Федеральный резервный будет настаивать, чтобы выплаты шли, но обязательно найдется какой-то один банк, который откажется от выплат из-за собственных финансовых затруднений, - всего один банк, такие катастрофы всегда начинаются в каком-то одном месте - и это сообщит толчок новой волне вкладчиков, требующих свои деньги. В результате Федеральному резервному придется повторить вливание денежной массы в банковскую систему, а это неизбежно приведет к началу гиперинфляционного цикла, то есть к окончательному кошмару для экономики страны. Уинстон хорошо помнил то, как инфляция повлияла на финансовый рынок и всю Америку в конце семидесятых годов, болезнь, охватившую всю страну, утрату доверия нации. Ярче всего она выразилась в появлении множества сумасшедших, которые начали строить убежища в горах Северо-Запада, и выходе кинофильмов о жизни после апокалипсиса. Но даже тогда инфляция остановилась. На какой цифре? Да, примерно тринадцать процентов. Учетные ставки в двадцать процентов. Страна, задыхающаяся всего лишь от утраты доверия, подорванного очередями на заправочных станциях и действиями нерешительного президента. Не исключено, что теперь семидесятые годы будут вспоминать с ностальгией.

Да, конечно, то, что сейчас угрожает стране, намного страшнее. Такого еще никогда не случалось в Америке, и предстоящий кризис напомнит о событиях, происходивших в Веймарской республике, в не столь далеком прошлом в Аргентине и в Бразилии при военной диктатуре. Более того, события охватят не только Америку. Подобно финансовому краху 1929 года, последствия будут расходиться как круги по воде и потрясут экономические устои всего мира, а это уже выходило далеко за пределы того, что мог представить себе сам Уинстон. Джордж знал, что его личное благополучие если и пострадает, то незначительно. В конце концов, если даже он потеряет девяносто процентов своего огромного состояния, оставшаяся сумма более чем достаточна для удовлетворения его потребностей. К тому же при проведении операций со своими деньгами он всегда принимал меры предосторожности и страховался от потерь, хеджировал, покупая физически осязаемые предметы вроде нефти и золота. Вдобавок немалая часть его состояния заключалась в золотых слитках, хранящихся в банковских сейфах, - тут он вел себя, как средневековый скупец, - а поскольку крупные депрессии носят по сути дела дефляционный характер, со временем относительная ценность его различных капиталовложений в конечном итоге даже увеличится. Уинстон знал, что он и его семья переживут все потрясения и будут вести безбедную жизнь, однако люди, менее предусмотрительные, или те, кому меньше повезло, будут ввергнуты в пучину экономического хаоса. К тому же разве он занимался инвестиционным бизнесом только для себя? Он думал по ночам о маленьких людях, видевших его телевизионную рекламу и доверивших ему свои скромные сбережения. Вот уж

поистине волшебное слово - доверие. Оно означало, что ты принял на себя обязательство защищать финансовые интересы тех, кто доверил тебе деньги. Оно означало, что они поверили тому, что ты говорил, и теперь ты обязан оправдать это доверие не только перед ними, но и перед самим собой. Потому что, если ты потерпишь неудачу, не будут покупаться дома, дети не смогут получить образование и погибнут мечты людей, ничем не отличающихся от него самого. Даже для Америки это плохо, подумал Уинстон, но эти события охватят - могут охватить - весь мир.

Он не сомневался, что все это отнюдь не было случайностью. Нет, это был отлично задуманный и блестяще осуществленный план. Ямата. Хитрый сукин сын, подумал Уинстон. Наверно, первый японский финансист, к которому он испытывал уважение. Первый из японцев, сумевший до тонкостей понять стратегию и тактику биржевой игры. Да, конечно, теперь в этом нет сомнений. Выражение его лица, взгляд темных глаз над бокалом шампанского... Ну почему Уинстон не догадался об этом раньше? Значит, игра началась уже тогда, не так ли?

Нет, этого не может быть. Это не вся игра. Часть ее, скорее, тактический маневр, нацеленный на что-то еще. Что именно? Что может оказаться столь важным, что Райзо Ямата согласился расстаться со своим личным состоянием и одновременно уничтожить тот самый мировой рынок, от которого зависели его собственные корпорации и национальная экономика его страны?

Такие мысли не могут прийти в голову бизнесмену и, уж конечно, не придутся по душе завсегдаю Уолл-стрита.

Как странно, что понимаешь все и тем не менее не видишь смысла. Уинстон посмотрел в окно на закат солнца над нью-йоркской гаванью. Нужно посоветоваться с кем-то, сообщить о том, что ему известно, причем поговорить с человеком, понимающим происходящее. Фидлер? Может быть. И все-таки лучше с кем-то еще, знакомым по Уолл-стриту... а также разбирающимся и в других вещах. Но с кем?...

- Это наши? - Все четыре эсминца стояли под ветром в заливе Лаолао. Один из них пришвартовался к танкеру, несомненно принимая на борт горючее.

Ореза отрицательно покачал головой.

- Цвет иной. Корабли американского военно-морского флота темнее, более синие.

- Вот эти кажутся мне серьезными кораблями, - заметил Барроуз, возвращая бинокль владельцу. - Радиолокационные антенны, многоствольные ракетные установки, противолодочные вертолеты. Это эсминцы типа "иджис", вроде наших "берков". А вот насчет серьезности ты прав. Самолеты их опасаются.

На глазах Португальца с одного эсминца взлетел вертолет и направился к берегу. - Может быть, стоит сообщить о них?

- Неплохая мысль.

Барроуз вошел в гостиную и вставил батарейки обратно в свой телефон космической связи. Полностью отключать блок питания было скорее всего излишним, зато гарантировало безопасность - ни одному из американцев не хотелось узнать, как японцы поступают со шпионами, каковыми они с Орезой.

несомненно являлись. Кроме того, было неудобно просовывать антенну в отверстие, просверленное в донышке стальной миски, и затем держать ее рядом с головой, зато все это выглядело смешно, а им хотелось посмеяться хоть над чем-то. - Национальный центр управления боевыми операциями, адмирал Джексон.

- Вы снова на дежурстве, сэр?

- Да, главный старшина, похоже, мы дежури́м оба. У вас что-то новое?

- Четыре эскадренных миноносца "иджис" в бухте у южного берега острова.

Один бункеруется с танкера. Подошли сразу после рассвета. У причала еще два сухогруза с автомобилями и один на горизонте. Некоторое время назад мы насчитали двадцать истребителей. Половина из них F-15 с двойными вертикальными киями. Остальные с одинарным хвостовым оперением, но этот тип самолета мне незнаком. Больше ничего нового.

Джексон смотрел на спутниковую фотографию, сделанную всего час назад. На ней виднелись четыре корабля и истребители, рассредоточенные на двух аэродромах. Он сделал пометку и кивнул.

- Как дела в остальном? - спросил адмирал. - Я имею в виду, они причиняют неприятности, преследуют, арестовывают? На другом конце канала собеседник фыркнул.

- Нет, сэр. С нами обращаются подчеркнуто вежливо. Черт побери, да они постоянно выступают по общественному каналу телевидения, говорят, что собираются потратить много денег на благоустройство и улучшение жизни островитян. - Джексон почувствовал в голосе говорившего презрение.

- Понятно. Может быть, вы не всегда застанете меня здесь, мне тоже нужно немного поспать, однако этот канал связи всегда открыт исключительно для вас, вы поняли?

- Ясно, адмирал.

- Ведите себя поосторожнее, главный старшина. Без героических выходов, ладно?

- Не беспокойтесь, адмирал. Это для салаг, а не для меня, - заверил его Ореза.

- Тогда конец связи, Ореза. Отличная работа. - Джексон услышал щелчок, и связь прервалась прежде, чем он положил трубку. - Лучше ты, чем я... - пробормотал он и посмотрел на соседний стол.

- Я записал весь разговор, - сообщил сотрудник разведывательной службы ВВС. - Его информация подтверждается данными космической съемки. Я считаю, что он по-прежнему в безопасности.

- Пусть так останется и в будущем. Чтобы никто не звонил ему без моего личного разрешения, - распорядился Джексон.

- Будет исполнено, сэр, - ответил офицер и подумал: не думаю, что мы вообще сможем связаться с ним - отсюда. Но промолчал.

- Тяжелый день? - спросил Пол Роббертон.

- Бывали и тяжелее, - ответил Райан. Однако этот кризис возник совсем недавно и еще не поддавался оценке. - А ваша жена не сердится?..

- Она привыкла к моим продолжительным отлучкам, а через день-другой у нас с вами уже установится какой-то определенный режим. - Агент Секретной

службы сделал паузу. - Как дела у босса?

- Как обычно, ему приходится принимать самые трудные решения. Разве все мы не полагаемся в этом на него? - признался Джек, глядя в окно. Автомобиль повернул с шоссе номер 50. - Он - хороший человек, Пол.

- Вы тоже, док. Мы все рады, что вы снова с нами. - Новая пауза. - Мы действительно оказались в тяжелом положении? - Агенты Секретной службы имели право знать почти все, потому что все равно слышали практически все разговоры.

- Разве вам не сказали? Японцы обладают ядерным оружием. И средствами доставки - баллистическими ракетами.

Руки Пола, сжимавшие баранку, побелели от напряжения.

- Замечательно. Но ведь они же совсем не сумасшедшие.

- Вечером 7 декабря 1941 года авианосец "Энтерпрайз" вошел в гавань Пирл-Харбора за топливом и боеприпасами. На мостике стоял адмирал Билл Хэлси. Он посмотрел на разрушения после ударов, нанесенных утром, и сказал: "Когда окончится война, на японском языке будут говорить только в аду". - И тут же Райан удивился, почему ему пришло в голову упомянуть это.

- Я читал об этом в вашей книге. Должно быть, те, что стояли на мостике вместе с адмиралом, разделяли его чувства.

- Наверно. Если японцы решатся прибегнуть к ядерному оружию, их ждет именно такая судьба. Они не могут не понимать этого, - пробормотал Райан, чувствуя, как на него накатывает волна усталости.

- Вам нужно поспать часиков восемь, доктор Райан, может быть, девять, - заметил Роббертон. - Мы часто испытываем такое. При большой усталости первыми страдают мыслительные способности. А боссу вы нужны отдохнувший и свежий, как стеклышко, док, верно?

- С этим трудно спорить. Может быть, я даже пропущу стаканчик перед сном, - произнес Райан.

Он тут же заметил, что рядом с крыльцом стоит еще один автомобиль. Когда правительственная машина остановилась, из окна дома выглянуло незнакомое женское лицо.

- Это Андрэ. Я уже говорил с ней. Между прочим, лекция вашей жены прошла сегодня весьма успешно. Все остались довольны.

- Хорошо, что у нас две комнаты для гостей, - усмехнулся Джек, входя в дом. Он сразу заметил, что настроение здесь было хорошим. Судя по всему, Кэти и Андрэ успели подружиться. Пока Райан ужинал, агенты Секретной службы совещались.

- Что происходит, дорогой? - спросила Кэти.

- У нас резко ухудшились отношения с Японией, и к тому же этот биржевой кризис на Уолл-стрите.

- Но каким образом...

- Все произошло так быстро, что застало нас врасплох. Пока об этом не известно репортерам, но скоро все появится в газетах.

- Значит, война?

Джек посмотрел на нее и кивнул.

- Не исключено.

- Но мои гости в Институте Уилмера, они вели себя так дружелюбно - ты

хочешь сказать, что они тоже не знают о происходящем?

- Совершенно верно.
- Но это какая-то чепуха!
- Нет, милая, вовсе не чепуха.

В это мгновение зазвонил телефон обычной городской связи. Джек оказался ближе всех и поднял трубку.

- Это доктор Райан? - слышался голос.
- Да. С кем я говорю?

- Меня зовут Джордж Уинстон. Не знаю, помните ли вы меня, но мы встречались в прошлом году в Гарвардском клубе. Я прочел тогда небольшую лекцию о производных функциях. Вы сидели в тот раз за соседним столиком. Между прочим, вы удачно провели операцию с акциями "Силикон-вэлли".

- Мне уже кажется, что это было так давно, - заметил Райан. - Видите ли, сейчас я немного занят, и потому...

- Мне нужно встретиться с вами по важному делу, - произнес Уинстон.
- Какому именно?

- Достаточно пятнадцати-двадцати минут, чтобы объяснить суть проблемы. На аэродроме в Ньюарке стоит мой "Гольфстрим", и я могу прилететь к вам в любое время. - Короткое молчание. - Доктор Райан, я не обратился бы к вам с такой просьбой, если бы не считал это крайне важным.

Джек задумался на мгновение. Джордж Уинстон был серьезным человеком. Его репутации на Уолл-стрите могли бы позавидовать многие - он был известен как крутой, опытный и честный финансист. Кроме того, вспомнил Райан, совсем недавно Уинстон продал контрольный пакет своих акций в "Коламбус групп" кому-то из Японии. Некому Ямате - Райану и раньше встречалось это имя.

- О'кей, я сумею найти время для встречи с вами. Позвоните Мне завтра в Белый дом часов в восемь утра, и мы договоримся о точном времени.

- Тогда до завтра. Спасибо, что согласились выслушать меня. - Уинстон положил трубку. Джек посмотрел на жену и увидел, что она склонилась над портативным компьютером "Эппл Пауэрбук 800", перенося в память ноутбука сделанные ею записи.

- Я считал, что этим у тебя занимается секретарь, - заметил он с улыбкой.

- Расшифровывая мои записи, она не может одновременно думать об их содержании. Я могу. - Кэти не решилась рассказать мужу о том, что сказал ей Берни по поводу премии Ласкера. За время жизни с ним она усвоила его некоторые дурные привычки. Одна из них заключалась в суеверном убеждении, свойственном ирландским крестьянам, что, если сказать о чем-то вслух, непременно сглазишь, везение покинет тебя. - Просто у меня появилась интересная мысль сразу после лекции, - добавила она.

- И ты записала ее, - заметил муж. Кэти посмотрела на него с обычной лукавой улыбкой.

- Джек, если ты не записываешь что-то...
- Это никогда не случится, - закончил он.

30. Почему бы и нет?

В этой части мира рассвет наступал подобно грому - по крайней мере так говорилось в стихотворении. Солнечные лучи обжигают горячие, подумал Дюбро, почти как его настроение. Внешне поведение адмирала казалось приветливым как всегда, но он прямо-таки кипел от тропической жары и равнодушия бюрократов. Ну как можно? По-видимому, политики и высшие военные чины считают, что он со своей боевой авианосной группой может сколь угодно долго незамеченным плавать в Индийском океане, скользая подобно призраку, пугая индийцев своим присутствием и в то же время не вступая в контакт с ними. Неплохая идея, несомненно, но всему приходит конец. Замысел заключался в том, чтобы незамеченным подобраться к противнику и затем нанести неожиданный удар. Действительно, атомные авианосцы словно специально созданы для этого. Можно проделать такое один раз, два, даже три, если командующий боевой группой проявит осторожность, но нельзя действовать так без конца, потому что у противной стороны тоже есть мозги и рано или поздно везение отвернется от тебя.

В данном случае ошибку допустили не участники игры, нет. В ее ход вмешалась простая случайность, а если говорить точнее, были обнаружены корабли обеспечения. Когда позднее оперативный отдел адмирала Дюбро восстановил ход событий, стало ясно, что индийский истребитель "си харриер" на самом пределе своего радиуса действия включил направленный вниз радиолокатор и попал прямо на один из танкеров адмирала Дюбро, спешащих на северо-восток, - чтобы провести бункеровку кораблей сопровождения, почти истощивших запасы топлива во время скоростного рывка к югу от Шри-Ланки. Еще через час другой "харриер", уже без вооружения и с подвесными баками вместо него, сумел подлететь достаточно близко, чтобы визуально оценить ситуацию. Командир группы обеспечения успел изменить курс, однако было уже поздно. Расположение двух танкеров и двух фрегатов охранения могло означать лишь одно: американская боевая группа находилась сейчас к юго-востоку от Дондра. Индийская эскадра тут же развернулась - это было отчетливо видно на спутниковых фотографиях, - разделилась на две группы и тоже направилась на северо-восток. У Дюбро не оставалось иного выхода, как приказать танкерам следовать прежним курсом. Независимо от необходимости скрыть позицию своей авианосной группы, корабли сопровождения почти истощили запасы топлива, а пойти на такой риск он не мог. Адмирал выпил утреннюю чашку кофе, прогоняющую остатки сна, и уставился в переборку невидящим взглядом. Капитан третьего ранга Харрисон сидел напротив Дюбро, понимая, что сейчас лучше молчать и ждать, пока заговорит его босс.

- Что хорошего можешь сказать, Эд?

- Мы все еще превосходим их по ударной мощи, сэр, - заметил начальник оперативного отдела эскадры. - Может быть, наступил момент продемонстрировать нашу силу.

А действительно ли мы сильнее? - подумал Дюбро. Да, пожалуй, это соответствует истине, но сейчас у него в полной боевой готовности только две трети самолетов. Авианосная группа находилась в плавании слишком долго. У эскадры подходили к концу запасы, необходимые для того, чтобы самолеты продолжали действовать. В подпалубных ангарах истребители стояли с открытыми инспекционными люками, ожидая замены деталей, которые отсутствовали на

авианосцах. Запасы должны прибыть на судах снабжения, а комплекты деталей будут доставлены самолетами из Штатов на базу ВМС Диего-Гарсия. Через три дня после их получения ударная мощь авианосцев станет прежней - почти, - но пилоты и обслуживающий персонал устали. Накануне на летной палубе произошло два несчастных случая, пострадали люди - и не потому, что они глупы или неосторожны. Просто охватившая всех усталость сказывалась в первую очередь на умственных способностях, а не на физических, особенно если принять во внимание лихорадочную деятельность во время проведения летных операций. Это относилось ко всему персоналу авианосной группы, от молодого матроса до... командующего, его самого. Необходимость постоянно принимать безотлагательные решения истощала его мозг. А он мог всего лишь перейти на кофе, лишенный кофеина, - единственное средство снизить нервное напряжение.

- Как чувствуют себя летчики? - спросил Майк Дюбро.

- Сэр, они готовы исполнить любой ваш приказ.

- О'кей, сегодня мы займемся патрулированием. Пара "томкэтов" должна постоянно находиться в воздухе и еще четыре - на палубе, в пятиминутной готовности, с полным боезапасом для ведения воздушного боя. Курс эскадры - один-восемь-ноль, скорость - двадцать пять узлов. Мы подойдем к кораблям обеспечения и пополним запасы. Что касается всего остального - пусть люди отдыхают, насколько это возможно. Наши друзья завтра примутся за охоту, и ситуация станет поинтереснее.

- Мы больше не будем уклоняться от встречи с ними? - спросил начальник оперативного отдела.

- Нет, - покачал головой Дюбро и посмотрел на часы. В Вашингтоне ночь. Умные люди ложатся спать. Скоро он направит еще одно требование о новых указаниях, и ему хотелось, чтобы оно поступило утром к тем, кто способен принимать решения, желательно в сопровождении настоятельной рекомендации не откладывать эту проблему. Время принятия решений уже давно запоздало, и потому адмирал знал, что теперь они поступят к нему неожиданно. А что потом, Япония? Харрисон и личный состав его отдела уже тратили на разработку плана половину своего времени.

И снова их действия походили на поведение шпионов в плохом телевизионном сериале. Единственным утешением являлось то, что, русские, быть может, говорят правду. Не исключено, что майор Щеренко уверен в себе. Может быть, американцам действительно не угрожает опасность со стороны СУОБ. Кларку это казалось весьма сомнительным, особенно если принять во внимание, что вся его предыдущая подготовка, весь опыт гласили, что вряд ли русские захотят делать что-то приятное для американцев.

- Колесо рулетки, наверно, искривилось, - пробормотал он - по-английски, черт побери! Впрочем, то, чем они занимались, было до смешного простым. Номури ставил свой автомобиль в тот же гараж, где размещались машины жильцов отеля. У него был теперь ключ от автомобиля, арендованного Кларком, и в кармане солнцезащитного щитка напротив левого сиденья лежал компьютерный диск. Кларк взял диск и передал Чавезу, который вставил его в лэптоп. В тот момент, когда Кларк вывел машину на улицу в поток транспорта, послышался электронный звонок, означающий, что механизм начал действовать.

Динг перевел файл на жесткий диск и стер запись с гибкого, который они скоро уничтожат. Информация была довольно длинной. Чавез молча прочитал содержание файла, затем включил радио и шепотом изложил Кларку самое главное.

- Район северных ресурсов? - спросил Джон.

- Да. Странная фраза, - согласился Динг, не переставая размышлять. Ему пришла в голову мысль, что его произношение на русском языке было лучше, чем на английском, возможно, потому что английскому он учился на улице, тогда как русским овладел в настоящей школе, причем там преподавали образованные люди, испытывающие подлинную любовь к своему языку. И тут же молодой оперативник сердито выбросил из головы эту мысль, как не относящуюся к делу.

Район северных ресурсов, подумал он. Почему эта фраза кажется знакомой? Впрочем, им предстояло сделать многое и без этого, так что дел предостаточно. Динг чувствовал, что ему нравится быть членом такой полувоенной организации, как ЦРУ, заниматься оперативной работой, но шпионская деятельность явно выходила за пределы его интересов. Слишком пугающая, слишком параноидальная.

Исами Кимура ждал их на условленном месте. К счастью, он по роду работы мог приезжать и уезжать, когда ему заблагорассудится, и встречи с иностранцами входили в круг его обязанностей. Одним из его достоинств было то, что он умел находить безопасные места для встреч. В данном случае это место оказалось в порту, где сейчас было не слишком много народа, но и где в то же самое время такая встреча не вызовет особого удивления. К тому же здесь трудно установить аппаратуру подслушивания - шум порта скроет звуки голосов.

Кларк чувствовал себя еще более обеспокоенным - если такое вообще возможно. В первое время несколько открытых контактов с недавно завербованным агентом всегда считались безопасными, однако с каждой новой встречей риск быстро возрастал, и в какой-то неизвестный момент открытые контакты следовало прервать. Кроме того, существовали и другие соображения. Что побудило Кимуру пойти на сотрудничество с русскими? Кларк не знал, каким образом Олегу Лялину удалось завербовать его. Деньги? Но русские не платили Кимуре за полученную информацию. Это не могло быть вызвано и идеологическими причинами - Кимура не был коммунистом. Может быть, честолюбие? Возможно, он считает, что кто-то мешает его продвижению, занял место, по праву принадлежащее ему? Или, что самое опасное, Кимура является патриотом, принадлежит к числу тех эксцентричных людей, которые считают, что только они понимают, что полезно и что вредно для их страны? А вдруг, как один раз не слишком элегантно заметил Динг, Кимура когда-то сел голым задом в навозную кучу и не может забыть этого? Действительно, выражение не слишком утонченное, но Кларку приходилось встречаться и с такими людьми. Попросту говоря, Кларку не было известно, почему Кимура стал русским агентом; еще хуже было то, что любой побудительный мотив для измены всего лишь являлся оправданием предательства своей страны, а воспитание Кларка лишало его способности сочувствовать таким людям. Наверно, полицейские тоже не любят иметь дело со своими стукачами, подумал Джон. Впрочем, и это малоутешительно.

- Наша столь срочная встреча вызвана важными причинами? - спросил

Кимура, шагая по середине пустынного причала. Отсюда были отчетливо видны грузовые суда, застывшие на якоре в Токийском заливе, и Кларк подумал, а уж не выбрано ли место встречи именно по этой причине.

- Ваша страна обладает ядерным оружием, - коротко заметил он.

- Что? - Кимура резко повернул голову и остановился. Его лицо смертельно побледнело.

- Так сказал ваш посол американскому президенту в Вашингтоне в субботу. Американцы в панике. По крайней мере это сообщили нам из московского центра.

- По лицу Кларка пробежала типично русская улыбка. - Признаюсь, что как профессионал я восхищен вашей смелостью, особенно если принять во внимание, что вы купили наши ракеты, чтобы использовать их в качестве средств доставки ядерного оружия к цели. Кроме того, должен сообщить, что мое правительство крайне недовольно происшедшим.

- Эти ракеты могут быть нацелены на нас, - сухо заметил Чавез. - Мы обеспокоены таким развитием событий.

- Но я не знал об этом. Вы уверены, что это правда? - Кимура снова устремился вперед, стараясь прийти в себя от неожиданности.

- У нас имеется высокопоставленный источник в американских правительственных кругах. Это не может быть ошибкой. - Голос Кларка, заметил Динг, звучал холодно и по-деловому, словно он говорил: посмотрите, здесь у вашего автомобиля царапина на бампере. Мой знакомый механик легко исправит это.

- Так вот почему они решили, что останутся безнаказанными, - пробормотал Кимура, словно лишь сейчас понял разгадку тайны. Он несколько раз глубоко вздохнул и лишь затем заговорил: - Но это безумие.

Это были три самых приятных слова, которые услышал Джон с тех пор, как ему сообщили в Берлин, что у него родился второй ребенок. Настало время действовать. Он заговорил, как высокопоставленный офицер русской разведки, - ледяным голосом и не улыбаясь. В конце концов, офицеры КГБ лучшие разведчики в мире.

- Совершенно верно, дружище. Всякая попытка запугать великую державу является истинным безумием. Надеюсь, что те, кто ведут эту игру, понимают, насколько она опасна. А теперь послушайте меня, господин Кимура, послушайте внимательно. Моя страна крайне обеспокоена, понимаете? Крайне обеспокоена. Вы поставили нас в дурацкое положение перед американцами и перед всем миром. В вашем распоряжении находится оружие, которым вы можете угрожать не только Америке, но и нам. Вы начали шантажировать американцев, и мы не видим сколько-нибудь серьезных причин для этого. Потому ваше поведение кажется нам непредсказуемым, а политически нестабильная страна, вооруженная баллистическими ракетами с ядерными боеголовками, вызывает у нас беспокойство. Этот кризис будет расти и может стать неуправляемым, если разумные люди не примут соответствующие меры. Нас не интересуют ваши торговые разногласия с Америкой, но, когда возникает опасность настоящей войны, мы испытываем тревогу.

- Кто вы, Клерк-сан?

- Я - полковник Седьмого отдела Первого главного управления Комитета государственной безопасности.

- Но мне казалось...

- Да, конечно, новое название, новое направление деятельности - какая чепуха! - презрительно фыркнул Кларк. - Кимура-сан, я офицер-разведчик. Моя обязанность - защищать свою страну. Я полагал, что назначение в Японию окажется простым и несложным делом, едва ли не синекурой, но теперь оказалось - я говорил вам о "Проекте Райана"?

- Помню, вы упомянули о нем однажды, но...

- После избрания Рейгана президентом Америки - в то время я был капитаном, таким же, как сейчас Чеков, - советское политическое руководство изучило идеологические убеждения нового американского президента и пришло к устрашающему выводу, что он может решиться нанести ядерный удар по нашей стране. Мы тут же повели работу, чтобы выяснить, насколько вероятно такое развитие событий. В конце концов нам стало ясно, что предположение было ошибочным, что Рейган при всей своей ненависти к Советскому Союзу вовсе не дурак.

Но что же мы видим теперь? - продолжал мнимый полковник Кларк. - Совсем рядом находится государство, тайно создавшее у себя ракетно-ядерный арсенал, безо всяких разумных причин угрожающее уничтожить страну, которая является для него скорее торговым партнером и союзником, чем врагом. Государство, уже несколько раз нападавшее на Россию. Таким образом, приказ, полученный мной, очень похож на "Проект Райана" - только в отношении Японии. Теперь вы меня понимаете?

- Что вы хотите от меня? - спросил Кимура, уже догадываясь каким будет ответ,

- Мне нужно выяснить, где находятся пусковые шахты с этими ракетами. Их вывезли с завода по железной дороге. Я должен знать, где они сейчас.

- Но как я могу..., - начал Кимура и тут же осекся под ледяным взглядом Кларка.

- Это меня не интересует. Я сообщил вам, что мне требуется. - Он сделал многозначительную паузу. - Подумайте вот о чем, Исами: такие события развиваются по собственным законам. Наступает момент, когда они внезапно начинают повелевать людьми, давшими им первоначальный толчок. А когда составляющими этого уравнения становится ядерное оружие, кто-то знает о возможных последствиях этого, а кто-то - нет. Я знаю, потому что знаком с тем, что собирались сделать американцы с нашей страной и как мы намеревались ответить. Помните, это было частью "Проекта Райана"? Попытка запугать великую державу глупа и безответственна.

- Но если мне удастся сделать то, о чем вы просите, что тогда?

- Это мне неизвестно. Зато я знаю, что моя страна в этом случае будет чувствовать себя в безопасности. Короче говоря, мне отдан такой приказ. Могу я принудить вас сделать это? Нет, не могу. Но если вы не придете нам на помощь, то подвергнете свою страну огромному риску. Решайте сами, - произнес Кларк холодно и бесстрастно. Он пожал руку японца с подчеркнутой теплотой и пошел назад.

- Боже мой, Джон, ты вел себя, как настоящий русский, - выдохнул наконец Чавез, когда они оказались далеко от японского чиновника.

- А ты как думал, парень? - заставил себя улыбнуться Кларк.

Кимура оставался в порту еще несколько минут, глядя на поверхность Токийского залива, где дремали на якоре торговые суда. Некоторые из них были сухогрузами, приспособленными для перевозки автомобилей, некоторые - обычными контейнеровозами с обтекаемыми очертаниями, приспособленными бороздить океаны в любую погоду. Эта на первый взгляд самая ординарная сторона цивилизации затрагивала в Кимуре религиозные струны. Торговля сближала народы, и они, нуждаясь друг в друге, привыкали жить в мире, какими тяжелыми ни были бы их отношения в других сферах. Впрочем, Кимура был неплохо знаком с историей и знал, что события далеко не всегда развиваются таким образом.

Ты нарушаешь закон, говорил он себе. Порочишь себя и свою семью. Покрываешь позором друзей и сотрудников. Наконец, это предательство по отношению к своей стране.

Но, черт побери, какую страну он предает? Народ выбирает членов высшего законодательного органа - дайета, а те, избранные народом представители, в свою очередь, выбирают премьер-министра. Но ведь народ никак не может повлиять на деятельность правительства. Они, рядовые люди, население Японии, подобно сотрудникам его министерства, подобно избранным депутатам в дайете, являются всего лишь простыми наблюдателями. Их обманывают. Страна оказалась втянутой в войну, а люди ничего об этом не знают! Его страна создала ядерное оружие, и ее население осталось в неведении. Кто отдал такой приказ? Правительство? Но правительство только что ушло в отставку, и на смену пришло другое - в который раз, - а ведь на создание ракетно-ядерного вооружения требуется время... разве нет?

Кимура не знал, как все это произошло. Он не сомневался в том, что русский сказал ему правду - по крайней мере частично. Его страна оказалась втянутой в войну, ей угрожала самая серьезная опасность за всю жизнь Кимуры. Япония погружалась в пучину безумия, и никто не мог повлиять на развитие событий. Он отдавал себе отчет в том, что случившееся выходит далеко за рамки его личных представлений. Кимура просто не знал, с чего начать и как действовать дальше.

Но кто-то должен остановить это безумие. Тогда в какой момент, задал себе вопрос Кимура, предатель становится патриотом, а патриот - предателем?

Ему следовало бы испытывать раздражение, думал Кук, ложась наконец спать. Но гнева и раздражения не было. Принимая во внимание все обстоятельства, он признал, что день прошел исключительно удачно. Все присутствующие каждую минуту ждали, что он вот-вот попадет впросак. Кук видел это? особенно по выражению лиц офицеров национальной безопасности. Они считают себя такими умными, широко улыбнулся Кук, глядя в потолок, но не имеют ни малейшего представления о происходящих событиях. А понимают ли они, что на самом деле ничего не знают? Вряд ли. Они всегда ведут себя так высокомерно, с такой надменностью, но когда наступает решающая минута и ты задаешь им вопрос, то, как правило, слышишь уклончивый ответ: с одной стороны, так, сэр, а с другой - не так, сэр. Каким образом можно разработать политический курс при таких советниках, черт побери?

А вот Кук, наоборот, отлично разбирался в происходящем, и то обстоятельство, что Райан понял это, мгновенно сделало его фактическим руководителем рабочей группы. Это было встречено сидящими за столом одновременно с раздражением и с облегчением. О'кей, наверняка думают они, пусть он примет весь огонь на себя, пусть рискует. В общем, решил Кук, он неплохо справился с ситуацией. Остальные члены рабочей группы будут теперь вынуждены поддерживать его, Кука, хотя и станут делать вид, будто не разделяют его точку зрения. Они будут записывать все его предложения на случай, если дела пойдут плохо, как они надеются, и тогда им это понадобится, чтобы прикрыть свои задницы, но одновременно они не решатся уходить от политики, разработанной группой, чтобы в случае успеха купаться в лучах славы. Они не исключают и такую вероятность, хотя не слишком рассчитывают на нее, являясь типичными бюрократами.

Итак, с предварительными маневрами покончено. Позиции сторон прояснились. С американской стороны переговоры возглавит Адлер, а Кук станет его заместителем. Во главе другой делегации будет посол. Японии, а его правой рукой - Сейджи Нагумо. Ход переговоров можно заранее предопределить - они будут подчиняться строго определенным правилам и напоминать театр Кабуки. Обе стороны займут жесткие и неуступчивые позиции во время официальных заседаний, а фактические переговоры будут вестись во время перерывов, когда члены делегаций получают возможность беседовать друг с другом. Это позволит Крису и Сейджи обмениваться информацией, контролировать ход переговоров и вообще не допустить, чтобы уже совершенная глупость переросла в нечто худшее.

Но они будут платить тебе за предоставленную информацию, не умолкал внутренний голос. Да, конечно, однако Сейджи тоже будет обеспечивать его информацией, и к тому же главное - разрядить ситуацию и спасти человеческие жизни, мысленно оправдывал себя он. Подлинное назначение дипломатии заключается в сохранении мира, а это означает спасение жизней в мировом масштабе, подобно тому как это делают врачи, только с большей эффективностью. Но разве врачам не платят за их работу, и при этом щедро? Никто не винит их за то, что они получают деньги. Однако миссия целителей в белых халатах не столь уж отлична от миссии нищих дипломатов в Туманном болоте. Почему же тогда врачи находятся в исключительном положении?

Речь идет о восстановлении мира, черт возьми! Деньги не играют роли. Это является второстепенным. А поскольку деньги не главное в этом деле, почему бы не взять их, а? В конце концов, он это заслужил, не правда ли? Разумеется, заслужил, решил Кук, закрывая наконец глаза.

Сидя в своем кресле на острове авианосца, Санчес видел, как напряженно работают механики. Они перебрали кормовые подшипники гребного вала номер один и, затаив дыхание, чуть увеличили обороты машины. Скорость возросла до одиннадцати узлов, почти до двенадцати. Этого оказалось достаточно, чтобы смогли взлететь истребители и направиться на базу в Пирл-Харбор, а взамен совершил посадку транспортный самолет со специалистами на борту. Они тут же спустились в машинное отделение и вместе с главным механиком принялись оценивать повреждения. Как один из старших офицеров на авианосце, Санчес

узнает о результатах к ланчу. Он мог вылететь на берег с первой же группой истребителей, но решил, что его место здесь. "Энтерпрайз" сейчас далеко отстал и находился под надежным прикрытием противолодочных самолетов Р-3, базирующихся на атолле Мидуэй. Военно-морская разведка все больше и больше убеждалась в том, что в этом районе нет; кораблей противника - как подводных, так и надводных, - и Санчес начал постепенно верить этому. К тому же противолодочные самолеты сбросили столько акустических буев, что они становились помехой для навигации.

Команда авианосца бодрствовала. Матросы и офицеры все еще испытывали гнев и недоумение. Они бодрствовали, потому что знали о скором прибытии в Пирл-Харбор и, без сомнения, испытывали облегчение, узнав об уменьшившейся опасности, которая держала в напряжении. В недоумении они не могли понять, что происходит, и кипели гневом из-за повреждений, причиненных их кораблю. К тому же теперь они уже знали о гибели двух подводных лодок, и хотя сильные мира сего приложили немало усилий, чтобы скрыть причину их гибели, на кораблях трудно хранить тайны. Радисты принимают сообщение писари разносят бумаги, а стюарды слышат, о чем говорят офицеры. На борту "Джонни Реба" находилось почти шесть тысяч человек, и факты иногда терялись среди слухов, однако рано или поздно правда всплывала наружу. Результатом, который можно было предсказать заранее, была ярость, что является одной из составляющих военной профессии. С каким бы сарказмом ни относилась команда авианосца к сухопутным морякам, при всей остроте соперничества они оставались братьями (а теперь и сестрами) по оружию и готовы были защищать друг друга.

Но защищать от кого? Какими будут приказы? Многочисленные запросы, направленные в штаб Тихоокеанского флота, оставались без ответа. Боевая группа номер три Майка Дюбро, состоящая из двух авианосцев, не получила приказа устремиться в западную часть Тихого океана, и никто не понимал почему. Так это война или нет? - спросил Санчес у заката.

- Как вы узнали об этом? - поинтересовался Могатару Кога. Теперь, когда он впервые за тридцать лет покинул политическую арену, бывший премьер-министр был в традиционном японском кимоно, что являлось для него крайне необычным.

Кимура опустил взгляд.

- У меня обширные связи, Кога-сан. Это необходимо для должности, которую я занимаю.

- У меня тоже. Почему мне не сообщили об этом?

- Даже не все члены правительства знали о происходящем.

- Вы что-то скрываете от меня. - Кимура не мог понять, каким образом Кога догадался об этом, даже не подозревая, что для этого одного взгляда в зеркало было бы достаточно. Весь день сегодня он смотрел на разложенные перед ним бумаги и не мог найти ни единого ответа, видел одни вопросы. Как поступить? С кем поделиться полученными сведениями? К кому обратиться за советом?

- У меня есть источники информации, Кого-сан, которые я не могу раскрыть.

На этот раз бывший премьер-министр кивнул, словно уступая.

- Итак, вы говорите мне, что мы напали на Америку и что мы обладаем теперь ядерным потенциалом? Кимура кивнул.

- Хай.

- Я знал, что Гото - дурак, но не считал его сумасшедшим. - Кого на мгновение задумался. - Нет, для того чтобы стать сумасшедшим, ему не хватает воображения. Он ведь всегда был лакеем Яматы, не правда ли?

- Райзо Ямата был его... его...

- Патроном? - спросил Кога, не скрывая сарказма. - Это вежливое слово, означающее то же самое. - Он презрительно фыркнул и отвернулся. Теперь его ярость нашла новую цель. Разве ты не пытался предотвратить именно такое развитие событий, но потерпел неудачу? - подумал Кога.

- Гото часто обращается к нему за советами, это верно.

- Понятно. И что дальше? - спросил бывший премьер-министр. Ответ был очевидным.

- Я не знаю. Все это выходит за рамки моих полномочий. Я всего лишь чиновник и не оказываю влияния на политику Японии. Теперь мне страшно за нашу страну и я не знаю, что предпринять.

Кога заставил себя иронически улыбнуться, протянул руку и подлил чая в чашку гостя.

- То же самое можно сказать и обо мне, Кимура-сан. Но вы так и не ответили на мой вопрос. У меня сохранились многочисленные связи. Мне стало известно о мерах, предпринятых против американского флота на прошлой неделе - уже после того, как они произошли. Но я ничего не знал о ядерных ракетах.

- От простого упоминания двух последних слов в комнате словно потянуло ледяным ветерком, и Кимура не понимал, как бывший премьер-министр может говорить об этом так спокойно.

- Наш посол в Вашингтоне сказал об этом американцам, а мой друг в Министерстве иностранных дел...

- У меня тоже есть друзья в МИДе, - прервал его Кога, поднося к губам чашку чая.

- Больше я ничего не могу сказать. Последовавший вопрос был произнесен удивительно мягким голосом:

- Вы говорили с американцами? Кимура отрицательно покачал головой.

- Нет.

День обычно начинался в шесть утра, но легче от этого не становилось, подумал Джек. Пол Роббертон собрал бумаги и включил кофеварку. Андрэ Прайс тоже принялась за работу, помогая Кэти с детьми. Райан испытывал недоумение, пока не увидел у дома еще один автомобиль. Значит, по мнению Секретной службы, война началась. Он тут же решил позвонить в офис, и мгновение спустя его факс STU-6 начал печатать утренние материалы. Первое сообщение не было секретным, зато являлось весьма важным. Европейские банки пытались сбывать имеющиеся у них облигации американского казначейства, но все еще не могли найти покупателей. Один такой день можно было считать случайным отклонением, но не два подряд. Базу Фидлеру и председателю правления Федеральной резервной системы снова придется потрудиться, и трейдер внутри Райана ощутил беспокойство. Ситуация напоминает голландского мальчика, пытающегося

заткнуть пальцем течь в плотине. Что произойдет, если плотину прорвет еще в одном месте? Но даже если он сможет дотянуться до второго места, как быть с третьим?

С Тихого океана не поступило ничего нового, всего лишь подробности. "Джон Стеннис" скоро прибудет в Пирл-Харбор, но "Энтерпрайз" движется медленнее, чем предполагалось. Японцы не преследуют поврежденные авианосцы. Отлично. Поиски ракет с ядерными боеголовками начались, но пока безрезультатно. Что же, ничего удивительного. Райан никогда не бывал в Японии, о чем сожалел. Единственная информация об этой стране поступала к нему в виде спутниковых фотографий. Зимой, когда небо над островами было необычайно чистым. Национальное управление космической разведки пользовалось этой страной (и другими тоже) для калибровки фотокамер, установленных на спутниках. Райан вспомнил, какими элегантными выглядели сады в Японии. Остальные сведения об этой стране он почерпнул из книг по истории. Но насколько надежными являются сейчас эти сведения? История и экономика - странные компаньоны, правда?

Обычные поцелуи, и Кэти с детьми уехала. Вскоре и он отправился в своем лимузине в сторону Вашингтона. Единственным утешением было, что Белый дом ближе, чем Лэнгли, куда он ездил прежде.

- Вам следовало отдохнуть подольше, - заметил Роббертон. Он никогда не стал бы так говорить с чиновником, назначенным на государственную должность по политическим соображениям, но с Райаном почему-то чувствовал себя "спокойно. В нем не ощущалось высокомерия.

- Да, пожалуй. Но проблем от того меньше не станет.

- Уолл-стрит по-прежнему самая главная?

- Да. - Райан запер кейс с секретными документами и стал смотреть на проносящиеся мимо деревья. - Мне сейчас пришло в голову, - сказал он, - что финансовая катастрофа может охватить весь мир. Европейцы пытаются продать наши казначейские облигации, которые находятся у них. Никто их не покупает. Это грозит паникой на биржевом рынке. Ликвидность наших ценных бумаг стремительно падает, а с ними связана и ликвидность бумаг многих европейских банков.

- Ликвидность означает наличные? - Роббертон перестроился с одной полосы на другую и прибавил скорость. Полицейские по номеру автомобиля видели, что его лучше не трогать.

- Совершенно верно. Хорошо иметь наличные, когда наступают беспокойные времена. А вот когда наличных нет, люди начинают нервничать.

- Вы хорошо знакомы с крахом 1929 года, доктор Райан? Неужели сейчас такая же тяжелая ситуация? Джек посмотрел на телохранителя.

- Пожалуй. Если им не удастся разобраться с документацией в Нью-Йорке, то это все равно что драться со связанными руками, сидеть за карточным столом без денег - ты не можешь играть, способен только наблюдать за происходящим. Проклятие. - Райан покачал головой. - Такого никогда раньше не случалось, и трейдерам это не нравится тоже.

- Как произошло, что такие умные люди ударились в панику? - Что вы имеете в виду?

- Но ведь никто ничего не украл, правда? Никто не взорвал монетный двор

- тогда проблему поручили бы нам! Райан заставил себя улыбнуться.
- Хотите прослушать лекцию?
- Пол выразительно поднял локти, не отрывая рук от баранки.
- Я закончил колледж и получил степень по психологии, а не по экономике. - Ответ Райана удивил его.
- Тем лучше. Тогда будет легче понять происшедшее.

Европа была обеспокоена тем же самым. Незадолго до полудня селекторное совещание крупнейших банкиров Германии, Англии и Франции не привело ни к чему, кроме многоязычной путаницы. Прошедшие годы, когда все силы были брошены на реконструкцию Восточной Европы, до предела напрягли экономику стран Западной Европы. По сути дела Запад расплачивался сейчас за два поколения экономического хаоса на Востоке. В качестве хеджирования против возникшей слабости собственных валют они покупали доллары и американские казначейские облигации. Поразительные события, происходившие в Америке, вызвали несколько повышенную активность на европейских биржах, курс американских ценных бумаг опускался, но постепенно, без тревожных скачков. Все это изменилось, однако, после того как последний покупатель заключил сделку на покупку последнего пакета казначейских облигаций - есть люди, которые не могут удержаться от соблазна, когда цена столь привлекательна, - и расплатился деньгами от продажи акций. Покупатель уже понял, что совершил ошибку, и выругал себя за то, что в который раз следует за рыночной тенденцией, вместо того чтобы опережать ее. В половине одиннадцатого утра по местному времени на Парижской бирже началось резкое падение, и через час европейские экономические комментаторы уже говорили об "эффекте домино", поскольку аналогичные события происходили на всех биржах каждой финансовой столицы. Было отмечено также, что центральные банки пытаются прибегнуть к такому же маневру, как Федеральная резервная система США накануне. Нельзя - сказать, что сам маневр был неудачным, просто такие меры срабатывают лишь один раз, и европейские инвесторы отказались покупать. Они старались спастись сами. С облегчением было отмечено, что вдруг появился спрос на казначейские облигации, причем покупали их по абсурдно низким ценам и платили в иенах. Японская валюта снова продемонстрировала свою силу, и это явилось единственным светлым проблеском на международной финансовой арене.

- Вы хотите сказать, - произнес Роббертон, открывая дверь первого этажа Западного крыла, - вы хотите сказать, что все до такой степени перепуталось?
- Интересно, Пол, ты считаешь себя умным? - спросил Джек. Вопрос несколько удивил агента Секретной службы.
- Да, считаю. Ну и что?
- Тогда почему ты думаешь, что остальные люди умнее тебя? Они ничуть не умнее, Пол. - Райан сделал паузу и продолжил: - У них другая работа, но дело не в умственных способностях, а просто в образовании и опыте. Эти люди не имеют ни малейшего представления о том, как вести расследование уголовного преступления. Между прочим, я тоже в этом, не разбираюсь. Ум требуется для любой трудной работы, Пол. Но нельзя научиться каждой из них. Короче говоря, подведем итог, хорошо? Нет, они не умнее тебя, а может быть, ты умнее их.

Зато они знают, как действовать на финансовом рынке, а ты умеешь делать что-то иное.

Роббертон проводил Райана до дверей его кабинета. Уже в приемной секретарь советника по национальной безопасности вручила своему патрону пачку записок о принятых телефонных звонках. На одном стояла пометка "СРОЧНО", и Райан тут же набрал номер.

- Это вы, Райан?

- Да, мистер Уинстон. Вы хотели поговорить со мной. Когда? - спросил Джек, открывая кейс и доставая из него секретные документы.

- В любое время, начиная с полутора часов от этого момента. Внизу меня ждет машина, на аэродроме стоит "Гольфстрим" с прогретыми двигателями и автомобиль в Вашингтоне у Национального аэропорта. - По его голосу было ясно, насколько срочное и серьезное дело предстоит обсудить. Кроме того, немаловажное значение имела и репутация Уинстона.

- Полагаю, это касается прошлой пятницы.

- Совершенно верно.

- Но почему вы хотите встретиться со мной, а не с министром финансов? - недоуменно спросил Райан.

- Вам довелось работать на бирже, а ему - нет. Если хотите пригласить его, я не возражаю. Он поймет, что я хочу сказать. Думаю, однако, что вы поймете быстрее. Вы уже прослушали сегодня утром сводку финансовых новостей?

- Похоже, никто в Европе не хочет покупать наши ценные бумаги.

- Да, и ситуация продолжает ухудшаться. Пожалуй, он прав, подумал Райан.

- А вы знаете, как можно исправить положение? - Советник по национальной безопасности представил, как собеседник на другом конце провода недовольно покачал головой.

- Жаль, но не знаю. Зато мне кажется, что догадываюсь, как все произошло.

- Ну что ж, меня устроит и это. Приезжайте как можно быстрее, - сказал Джек. - Пусть шофер едет к западному входу - Уэст-Экзекутив-драйв. Охранников я предупрежу.

- Спасибо, что согласились выслушать меня, доктор Райан. - Банкир положил трубку, и Джек подумал о том, сколько времени прошло с того момента, как Джордж Уинстон в последний раз говорил кому-нибудь эти слова. Затем он сел за стол и принялся работать.

Ракеты-носители Н-11 перевозили от сборочного цеха к месту размещения пусковых шахт по железной дороге, и для транспортировки столь тяжелого и негабаритного груза использовалась не обычная узкая колея, а стандартная европейская. Из общей протяженности японских железных дорог только восемь процентов приходилось на колею стандартной ширины. Более того, такая колея была легко различима при фотографировании из космоса. Центральное разведывательное управление занималось сбором информации, львиная доля которой так никогда и не использовалась на практике, и несмотря на то, что пишут в книгах и показывают в кинофильмах, ее главным источником были открытые материалы. Понадобилось всего лишь найти карту железных дорог

Японии, чтобы обнаружить, где проходят отрезки со стандартной шириной колеи, и отсюда начинать работу. И все-таки протяженность таких железных дорог составляла свыше двух тысяч миль, погода далеко не всегда была безоблачной, а спутники не могли непрерывно пролетать над Японией и заглядывать сверху в ущелья, которыми была прямо-таки изрезана страна, во многом состоящая из вулканических вершин.

Тем не менее такая работа была привычной для ЦРУ. Русские, страдающие манией преследования и умеющие скрывать все, что можно, от постороннего глаза, многому научили американских аналитиков, и теперь они знали, что искать пусковые шахты следует в самых неожиданных местах. Открытая равнина, например, казалась американцам самым подходящим местом для размещения пусковых ракетных установок - туда легко подъехать, легко вести строительные работы, легко защищать. Американцы так и поступали в шестидесятые годы, ошибочно полагая, что ракеты противника никогда не будут такими совершенными, чтобы успешно поражать точечные, хорошо защищенные цели. Япония наверняка учла этот урок, поэтому теперь американским аналитикам приходилось сосредоточиться на местах, куда трудно добраться и где нелегко вести строительные работы. Леса, ущелья, горные вершины - сама избирательность поставленной задачи требовала времени. Сейчас на околоземной орбите находились два разведывательных спутника с самыми совершенными фотокамерами на борту и один спутник радиолокационной разведки. Два первых могли заметить предметы размером с коробку сигарет, тогда как последний, обладая значительно худшей разрешающей способностью и ведя фотосъемку только в черно-белом изображении, мог видеть сквозь облака и при благоприятных обстоятельствах даже проникать своим радиолокационным взглядом на десять метров в глубь земли. Он был разработан специально для того, чтобы обнаруживать советские пусковые шахты и другие замаскированные объекты, невидимые для остальных средств наблюдения.

Эта новость относилась к числу хороших. Однако были и плохие новости, которые заключались в том, что группе экспертов приходилось самым тщательным образом изучать каждый отдельный кадр; они должны были снова и снова рассматривать каждую необычную неровность, все, что могло вызвать хотя бы малейшее подозрение, а времени на это - или, скорее, именно из-за этого, - требовалось очень много при всей срочности поставленной задачи. Для решения проблемы были созданы группы аналитиков из сотрудников ЦРУ, Национальной службы фоторазведки и Центра по анализу опасности (ЦАО). Склонившись над фотоснимками, они занимались поиском двадцати отверстий в грунте, зная лишь, что каждое из этих отверстий должно быть не меньше пяти метров диаметром. Пусковые шахты могли оказаться сгруппированными вместе и представлять собой одну большую группу из двадцати отверстий, а могли быть рассредоточены на обширной площади поодиночке, на значительном расстоянии одна от другой. Все аналитики, однако, единодушно признали, что прежде всего нужно получить новые космические фотографии железнодорожных путей со стандартной шириной колеи. Выполнение этой задачи затруднялось метеорологическими условиями и траекторией полета разведывательных спутников, из-за чего камерам приходилось работать под углом, так что на третий день поисков двадцать процентов территории Японии все еще не удалось покрыть фотосъемкой.

Специалисты уже сумели опознать тридцать перспективных участков, которые подвергнутся дальнейшему изучению после получения фотографий при несколько отличном освещении и ином угле съемки - когда спутники снова пролетят над Японией. Это позволит прибегнуть к стереоскопическому изучению снимков, прошедших дополнительную обработку на компьютерах, что повысит их качество. Аналитики снова говорили о результатах поисков стартовых площадок "Скадов" в 1991 гбду. Неприятные воспоминания, что и говорить. Несмотря на то что они многому научились, главный урок убеждал, что не так уж и трудно спрятать один, десять, двадцать или даже сотню относительно небольших объектов на территории государства - даже на открытой ровной местности. А Японию никак нельзя назвать равнинной страной. Аналитики понимали, что при создавшихся обстоятельствах обнаружить все пусковые установки практически невозможно. Однако попытаться все-таки стоило.

Было одиннадцать часов вечера. Вот он и выполнил свой долг перед памятью предков. Оставалось сделать еще немало, однако обещание, данное их духам столько лет назад, осуществилось. То, что было в день его рождения японской территорией, снова Принадлежало теперь Японии. Земля, где жила его семья, опять стала собственностью Яматы. Нация, унизившая его страну и его народ, убившая его родителей, сама оказалась униженной и потеряла уважение в глазах всего мира - по крайней мере до тех пор, пока Япония наконец не утвердится на своем заслуженном месте среди великих держав.

Более того, все прошло еще успешнее, чем он ожидал. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на финансовые отчеты, поступающие к нему по факсу. Паника, охватившая американскую финансовую систему, перешагнула Атлантику. Поразительно, подумал он, но это превзошло все ожидания. В результате сложных маневров у японских банков и финансовых корпораций внезапно оказалась огромная масса наличных денег, и его друзья из дзайбацу воспользовались предоставившейся возможностью и начали скупать европейские ценные бумаги для себя и для своих компаний. Они смогут теперь увеличить финансовую мощь государства, улучшить свое положение на экономических рынках различных европейских стран и одновременно создадут впечатление, что пришли им на помощь. Ямата считал, что Япония приложит некоторые усилия, чтобы помочь Европе выпутаться из тяжелого положения, в котором та оказалась. В конце концов, его стране нужно утвердиться в роли спасителя, поднять свою репутацию благодетеля, а сейчас, когда доля японских корпораций в частных европейских компаниях внезапно возрастет, политики Европы станут, может быть, внимательнее прислушиваться к предложениям Страны восходящего солнца. Этого нельзя гарантировать, подумал он, но можно предположить. Однако не приходится сомневаться в том, что европейские политические деятели обратят внимание на возросшую мощь азиатской державы. Японии удалось одержать верх над Америкой, которая никогда не сумеет дать отпор его стране, особенно в условиях, когда рухнула американская экономика, Соединенные Штаты утратили свою былую военную мощь, а политическое влияние их президента уменьшилось до предела. А ведь все это произошло в год выборов. Самая хитроумная стратегия, решил Ямата, заключается в том, чтобы посеять раздор в лагере противника. И он сумел добиться этого одним ловким маневром, который и в голову не пришел

тупоголовым военным, что вели его страну по пути поражения в 1941 году.

- Итак, - обратился он к пригласившему его чиновнику, - чем могу служить?

- Ямата-сан, как вы знаете, у нас предстоят выборы местного губернатора. - Чиновник налил щедрую порцию лучшего шотландского виски. - Вы владеете землей на острове уже несколько месяцев. У вас здесь деловые интересы. Мне кажется, что вы являетесь просто идеальным кандидатом на этот пост.

Впервые за несколько лет Райзо Ямата испытал потрясение.

В другой комнате того же отеля адмирал, майор и капитан авиалайнера японской компании "Джапэн Эйр лайнс" собрались, чтобы отпраздновать сбор семьи.

- Так что же произойдет дальше, Юсуо? - спросил Торахио.

- Мне кажется, что теперь ты сможешь вернуться к своим регулярным рейсам в Америку и обратно, - ответил адмирал, допивая свой третий стакан. - Если американцы разумные люди - а я считаю их таковыми, - то они быстро поймут, что война окончена.

- Когда ты впервые узнал о том, что произойдет, дядя? - спросил Широ с особым почтением в голосе. Зная теперь о том, что совершил его дядя, он был потрясен решительностью и бесстрашием его поступка.

- С того времени, когда в качестве ниса наблюдал за постройкой своего первого корабля на верфях Яматы-сана. Когда это было? Десять лет назад. Он пришел поговорить со мной, пригласил на ужин и задал несколько теоретических вопросов. Для штатского человека Ямата быстро схватил суть проблемы, - одобрительно отозвался адмирал. - Знаете, мне кажется, что в происшедшем есть нечто гораздо большее, чем это представляется на первый взгляд.

- Что ты хочешь этим сказать? - поинтересовался Торахио. Юсуо налил себе еще. Его соединение находилось теперь в безопасности, и он мог позволить себе расслабиться, особенно в компании своих брата и племянника, забыть о напряжении последних дней, оставшихся позади. - Мы все чаще и чаще встречались и говорили последние годы, но особенно перед тем, как он приобрел контрольный пакет акций американской финансовой корпорации. И что же случилось дальше? Моя маленькая операция против американских авианосцев в Тихом океане была проведена в тот самый день, когда произошел крах на американской бирже! Интересное совпадение, правда? - У него в глазах промелькнула усмешка. - В одном из наших первых давних разговоров я преподавал ему урок. Я сказал, что в 1941 году мы поразили периферию американской военной машины, атаковали конечности этого гиганта, но не сердце и не голову. Нация в силах восстановить себе конечности, но гораздо труднее сделать это с головой или сердцем. Думаю, он прислушался к моим словам.

- Я не раз и не два пролетал над их головами, - заметил капитан Торахио Сато. Один из двух его регулярных маршрутов заканчивался в международном аэропорту имени Даллеса. - Мрачный город.

- И скоро ты будешь заниматься тем же. Если Ямата сумел добиться того, о чем я подозреваю, мы снова понадобится им, причем очень скоро, - уверенно закончил адмирал Сато.

- Давайте, пропустите их, - произнес Райан в телефонную трубку.

- Но...

- Если тебе так уже хочется, открой и загляни внутрь, но если он настаивает, что чемоданчик нельзя подвергать просвечиванию рентгеновскими лучами, не спорь, ладно?

- Но ведь нам сказали, чтобы мы пропустили одного, а их двое.

- Пропустите обоих, - приказал Джек начальнику охраны у западного входа. Повышенная бдительность и строгая проверка посетителей привели главным образом к тому, что стало труднее вести работу по преодолению кризиса. - Пусть поднимаются ко мне. - Джек посмотрел на часы. Прошло еще четыре минуты. Охранники открыли, наверно, крышку портативного компьютера, чтобы убедиться, что там не спрятана бомба. Джек встал из-за стола и встретил гостей у двери приемной.

- Извините за такие строгости. Помните песенку из давней бродвейской постановки: "У секретной службы не бывает дружбы"?

Райан провел посетителей в кабинет. Старший, решил он, должен быть Джорджем Уинстоном. Джек смутно помнил его выступление в Гарвардском клубе, лицо выступавшего стерлось в памяти.

- Познакомьтесь, это Марк Гант. Он мой лучший специалист по компьютерной технике и решил приехать, со своим ноутбуком.

- Это многое упростит, - объяснил Гант.

- Понимаю. Я тоже прибегаю к их помощи. Садитесь. - Джек указал в сторону кресел. Секретарь принесла поднос с кофейником. Когда чашки наполнились ароматным напитком, он продолжил: - Один из моих людей сделал оценку европейского рынка. Положение неважное.

- Мягко говоря, доктор Райан. Не исключено, что мы наблюдаем начало глобальной паники, - начал Уинстон. - И я не знаю, как далеко она может зайти.

- Пока Баз справляется с ситуацией, - осторожно заметил Джек. Уинстон поднял голову, поставил чашку на стол и посмотрел ему в лицо.

- Послушайте, Райан, если вы собираетесь вешать мне лапшу на уши, то я ошибся адресом. Мне казалось, что вы хорошо знакомы с фондовым рынком. Операция, которую вы провели с акциями "Силикон-вэлли", была отлично задумана и прекрасно проведена - теперь скажите мне, это действительно вы придумали ее или просто вам эти заслуги приписали?

- Только два человека позволяют себе разговаривать со мной таким тоном. Один - моя жена, а кабинет другого в сотне футов отсюда. - Райан помолчал, а потом продолжил с улыбкой: - Ваша репутация широко известна, мистер Уинстон. Операция с "Силикон-вэлли" целиком задумана и проведена мной одним. Теперь десять процентов акций этой корпорации находятся в моем личном портфеле. Это означает, что я сумел высоко оценить ее возможности. А если вы наведете обо мне справки, вам скажут, что я никогда никому не вешаю лапшу на уши и предпочитаю всегда говорить правду.

- В таком случае сегодня это понадобится больше, чем когда-либо. - Уинстон смерил Райана взглядом. Джек мгновение выждал, а затем кивнул:

- Да. В прошлое воскресенье я сказал Базу то же самое. Не знаю,

насколько далеко удалось пробиться в попытках восстановить утраченные материалы. Я действую в ином направлении.

- О'кей. - Уинстон хотел было задуматься, в каком именно направлении мог действовать Райан, но тут же отбросил эту мысль как. не относящуюся к делу. - Я не могу дать совет, как исправить создавшуюся ситуацию, но, мне кажется, я знаю, как все это произошло.

Райан мельком глянул на экран телевизора. Тридцатиминутный цикл новостей Си-эн-эн начался с прямой трансляции с Нью-Йоркской фондовой биржи. Звук был выключен, а комментатор что-то быстро говорил без тени улыбки на лице. Когда Райан снова повернулся в сторону гостей, Гант поднял крышку ноутбука и начал открывать файлы.

- Сколько времени вы можете уделить нам? - спросил Уинстон.

- Позвольте мне определить это по ходу дела, - ответил Джек.

31. Как и что

Министр финансов Бозли Фидлер с момента возвращения из Москвы не спал больше трех часов кряду, и, когда он шел по туннелю между зданием министерства и Белым домом, его шаги были настолько неуверенными, что сопровождающие министра телохранители начали всерьез задумываться о том, не понадобится ли ему скоро инвалидная коляска. Председатель Федеральной резервной системы казался таким же измученным. Они совещались в кабинете министра, когда зазвонил телефон. "Бросьте все и немедленно явитесь ко мне", - повелительный тон был слишком резким даже для Райана, который часто обходил формальности и приступал прямо к делу. Фидлер заговорил, едва открыл дверь кабинета:

- Джек, через двадцать минут у нас селекторное совещание с центральными банками пяти европейских... Кто это? - оборвал себя министр финансов, войдя в кабинет.

- Господин министр, меня зовут Джордж Уинстон. Я президент и исполнительный директор корпорации...

- В прошлом, - прервал его Фидлер. - Вы продали свой контрольный пакет.

- Я вернулся на этот пост после чрезвычайного заседания совета директоров. А это - Марк Гант, один из членов совета.

- Мне кажется, что нам нужно выслушать их, - сказал Райан. - Мистер Гант, повторите, что вы только что рассказали.

- Черт побери, Джек, у меня всего двадцать минут. Сейчас даже меньше, - возразил министр финансов, глядя на часы.

Уинстон едва удержался, чтобы не зарычать, и заговорил так, словно наставляя своего трейдера:

- Фидлер, ситуация вкратце такова: положение на финансовых рынках было намеренно подорвано тонко рассчитанным ударом, с поразительным искусством нанесенным в нужный момент. Мне кажется, я могу доказать это достаточно убедительно. Вас это интересует?

Министр финансов растерянно моргнул.

- Да, конечно.

- Но как?... - недоуменно спросил председатель Федеральной резервной

системы.

- Садитесь, и я все вам объясню, - предложил Гант. Райан отошел в сторону, и гости сели по обеим сторонам от Ганга, чтобы видеть экран стоящего перед ним портативного компьютера. - Все началось в Гонконге...

Райан подошел к телефону на своем столе и, набрав номер кабинета министра финансов, попросил секретаря переключать все поступающие звонки в Западное крыло Белого дома. Многоопытный секретарь восприняла это необычное указание как само собой разумеющееся, без всякого удивления - куда лучше, чем ее босс. Гант, заметил Райан, блестяще владел компьютером и вторично объяснял ситуацию еще лучше и доходчивее, чем в первый раз. Министр финансов и председатель Федеральной резервной системы отлично знали биржевой жаргон и не задавали вопросов.

- Мне и в голову не приходило, что такое возможно, - покачал головой председатель по прошествии восьми минут. Уинстон счел нужным пояснить:

- Все принятые предосторожности направлены на то, чтобы исключить случайности и помешать мошенникам. Никто не подумал о том, что кто-то захочет совершить нечто подобное. Действительно, кто решится намеренно терять такие громадные деньги?

- Тот, кто нацелился на нечто куда большее, - сказал Райан.

- Но что может быть больше, чем... Райан оборвал его:

- Существует много вещей, которые куда важнее денег, мистер Уинстон.

Обсудим это позднее. - Он повернул голову. - Как твое мнение, Баз?

- Мне нужно сравнить это со своей информацией, но сказанное выглядит весьма убедительно. - Министр финансов посмотрел на председателя Федеральной системы.

- Знаете, я даже не уверен, что это нарушает уголовное законодательство.

- Забудьте о нарушении законов, - произнес Уинстон. - Ситуация по-прежнему критическая. Сегодняшний день решит все. Если Европа продолжит соскальзывать в пропасть, начнется всемирная паника. Доллар несется вниз, американские финансовые рынки не действуют, почти вся мировая ликвидность парализована, а еще и миллионы мелких вкладчиков потребуют возврата своих денег, как только средства массовой информации поймут, что происходит. Единственное, что сдерживает сейчас катастрофу, - это то, что финансовые обозреватели не способны разобраться в происходящем.

- Если бы они могли сделать это, то работали бы для нас, - вступил в разговор Ганг. - Слава Богу, что источники их информации пока молчат, но меня удивляет, что все это так затянулось. - Может быть, подумал он, средства массовой информации тоже не хотят начинать панику.

Зазвонил телефон. Райан подошел к нему и поднял трубку.

- Баз, это твое селекторное совещание.

Когда министр встал, присутствующие заметили, как он устал. Он даже пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за спинку стула. Состояние председателя Федеральной резервной системы было не многим лучше. Обоих финансистов потрясло услышанное. Исправить рухнувшую финансовую систему - дело достаточно трудное, но восстановить намеренно разрушенную систему, особенно когда приложено немало усилий, чтобы помешать этому, вряд ли

окажется проще. А восстановить ее было необходимо - в противном случае все страны Северной Америки и Европы обрушатся в глубокую и темную пропасть экономической катастрофы. Потребуется годы невероятных усилий, чтобы потом выбраться из нее, причем при самых благоприятных политических обстоятельствах - долгосрочные политические последствия подобной катастрофы были столь ужасны, что Райан даже не решался думать о них на этом этапе, хотя и осознавал весь ужас предстоящего.

Уинстон посмотрел на советника по национальной безопасности. Нетрудно было прочитать его мысли. Ликование по поводу того, что ему удалось понять смысл происшедшего, исчезло, как только Уинстон поделился информацией с другими. Ему следовало предложить выход из создавшейся ситуации, нечто способствующее ее исправлению, но Уинстон потратил всю свою интеллектуальную энергию на разгадку происшедшего и пока не мог предложить ничего конструктивного.

Райан заметил это и кивнул с мрачной улыбкой уважения:

- А вы молодец.

- Во всем случившемся - моя вина, - негромко произнес Уинстон, чтобы не мешать совещанию, которое проходило рядом. - Мне следовало остаться во главе корпорации.

- Я ведь тоже однажды уходил с рынка, помните? - Райан опустил в кресло. - Все мы время от времени нуждаемся в переменах. Вы не заметили надвигающейся катастрофы. Такое случается нередко. Особенно в вашем деле.

Уинстон с досадой махнул рукой.

- Пожалуй. Теперь мы можем опознать насильника, но как исправить уже совершенное насилие? Когда оно случилось, то уже случилось. Он нанес вред моим вкладчикам. Они пришли ко мне потому, что доверяли мне. - Райану понравилось заявление Уинстона. Вот так и должны думать крупные финансисты, отметил он про себя.

- Иными словами, что делать дальше? Гант и Уинстон переглянулись.

- Об этом мы еще не подумали.

- Ну что ж, пока вам удалось опередить как ФБР, так и Комиссию по биржевым операциям и ценным бумагам. Кстати, я даже не поинтересовался, что случилось с моими собственными акциями.

- Ваши десять процентов корпорации "Силикон-вэлли" не пострадали - они рассчитаны на длительный срок, - заметил Уинстон. - Новые средства телекоммуникаций всегда оказываются выгодным вложением, а в данном случае на рынке появятся приборы нового поколения.

- О'кей, все пока улажено. - К ним подошел Фидлер. - Европейские рынки закрыты и останутся закрытыми вместе с нашими, пока мы не разберемся с ситуацией.

Уинстон посмотрел на министра финансов.

- Это означает лишь одно - наступило наводнение и вы строите плотину все выше и выше. А если у вас кончатся мешки с песком, до того как вода пойдет на спад, ущерб только возрастет.

- Мы готовы выслушать ваши предложения, мистер Уинстон, - мягко заметил Фидлер.

Улыбка Джорджа была такой же вежливой.

- Сэр, до сих пор вы поступали совершенно правильно - насколько это возможно при создавшихся обстоятельствах. У меня просто нет никаких предложений.

- У нас тоже, - кивнул председатель Федеральной резервной системы.

Райан встал.

- А сейчас, господа, мне кажется, нам следует проинформировать президента.

- Какая интересная мысль, - произнес Ямата. Он чувствовал, что выпил слишком много. Его захлестнуло довольство собой - ведь он сумел осуществить самую дерзкую в истории мира финансовую авантюру. Он был преисполнен удовлетворения, которого не испытывал... с каких пор? Даже став президентом корпорации, он не ощущал подобного. Он сокрушил целую нацию и сумел повернуть историю своей собственной, даже не задумываясь над тем, чтобы занять какую-то официальную должность. А почему нет? - спросил он себя. Да потому, что для этого всегда находились маленькие, подчиненные ему люди.

- Теперь, Ямата-сан, у Сайпана будет свой губернатор. Мы проведем выборы под контролем международных наблюдателей. Нам нужен кандидат, - продолжал представитель Министерства иностранных дел. - Это должен быть видный деятель. Неплохо, чтобы кандидатом стал человек, знакомый с Гото-сан и поддерживающий с ним дружеские отношения, который имеет деловые интересы на острове. Я всего лишь прошу вас обдумать это предложение.

- Обещаю подумать. - Ямата встал и направился к выходу. Интересно, как отнесся бы к этому его отец, подумал Ямата. Став губернатором, он будет вынужден покинуть пост президента корпорации, но... к каким еще вершинам в деловом мире он может стремиться? Разве не наступило время двинуться дальше? С почетом уйти в отставку, занять официальную должность и служить своей стране в ином качестве. После того как положение с постом губернатора Сайпана прояснится, можно... что? Воспользоваться своим высоким авторитетом, чтобы стать депутатом Дайета - японского парламента, - ведь люди, знакомые с ходом событий, знают о его заслугах, не так ли? Да, конечно, они будут знать, кто так возвысил их страну, сыграл более важную роль, чем сам император Мэйдзи, сумевший объединить нацию и выдвинуть Японию в ряд ведущих стран мира. Когда у Японии был политический лидер, достойный ее места в истории и ее народа? Почему не воспользоваться своими заслугами? На это потребуется несколько лет, но у него они есть. Больше того, он обладает даром политического видения и мужеством, необходимым для осуществления великих планов. Пока о его величии знают лишь деловые партнеры. Но все это можно изменить, и его имя будут помнить не только по названиям судов, небоскребов и телевизионных компаний. Это будет не фирменный знак, нет - настоящее имя великого деятеля. Место в истории. Разве не станет отец гордиться таким сыном?

- Ямата? - спросил Роджер Дарлинг. - Магнат, управляет огромной корпорацией, верно? Помнится, я встречался с ним на приемах, когда был вице-президентом.

- Да, это он, - кивнул Уинстон.

- Так что же он сделал, по вашему мнению? Ганг поставил свой компьютер на стол перед президентом. На этот раз за спиной Марка стоял агент Секретной службы, который следил за каждым его движением. Теперь Ганг старался говорить медленно и доходчиво, поскольку Роджер Дарлинг, в отличие от Райана, Фидлера и председателя Федеральной резервной системы, не был специалистом и не разбирался в тонкостях того, как действует финансовый рынок. Впрочем, президент оказался внимательным слушателем, задавал вопросы, когда чего-то не понимал, делал заметки и трижды попросил повторить некоторые объяснения. Наконец он посмотрел на министра финансов.

- Баз?

- Я поручу своим людям провести независимую экспертизу...

- Это не составит большого труда, - заметил Уинстон. - У всех крупных инвестиционных компаний есть материалы, практически не отличающиеся от наших. Мои люди помогут вам.

- Что, если дело действительно обстоит именно так. Баз? - В этом случае, господин президент, проблемой должен заниматься скорее не я, а доктор Райан, - спокойно ответил министр финансов. Он испытывал облегчение, но в то же время его душил гнев из-за размеров происшедшего. Двое из находившихся в Овальном кабинете, не посвященные в тонкости ситуации, еще не поняли, как велика нависшая опасность.

Райан лихорадочно думал. Он пропустил мимо ушей неоднократно повторяемые Гантом объяснения о том, как был организован биржевой крах. Марк говорил ясно и неторопливо, стараясь, чтобы президент понял все подробности случившегося, проще и доходчивее, чем первые два раза, - из него получился бы хороший преподаватель бизнес-колледжа, отметил Райан, - но основные моменты уже закрепились в сознании советника по национальной безопасности. Теперь он знал, как все это произошло, и потому понял многое другое. Операция была безупречно спланирована и умело осуществлена. Точное совпадение по времени краха на Уолл-стрите и нападения на американский авианосец и подводные лодки не было случайным. Следовательно, эти события представляли собой части сложного плана. И все-таки это был план, который не сумели раскрыть русские агенты, проникшие в глубь японских спецслужб. Джек то и дело задумывался об этом.

Их шпионская сеть действует внутри японских правительственных кругов, скорее всего внимание ее сосредоточено на деятельности службы безопасности. Вот почему японцы, работающие на русских, не сумели предупредить Москву о стратегических аспектах военной операции, а Сергей Николаевич пока не смог увязать биржевой крах на Уолл-стрите с нападением на американские военные корабли.

Нужно выйти из общепринятых рамок, сказал себе Райан, отказаться от шаблонных представлений. И тут же все начало для него проясняться.

- Так вот почему они не сумели понять сути происшедшего, - едва слышно проговорил Райан, словно думая вслух. Ему казалось, что он едет через полосы тумана - минуешь одну, только оказываешься на открытом пространстве и тут же попадаешь в другую. - Просто японское правительство не было посвящено в суть запланированных событий. Это задумал Ямата вместе с другими японскими магнатами. Поэтому русские и хотят получить обратно агентурную сеть

"Чертополох". - Никто в кабинете не понимал, о чем он говорит.

- Что ты имеешь в виду? - спросил президент. Райан посмотрел на Уинстона и Ганга и качнул головой. Дарлинг кивнул и продолжил: - Следовательно, все это представляло собой единый интегрированный план?

- Да, сэр, но все его подробности нам пока неизвестны.

- Что вы хотите этим сказать? - недоуменно спросил Уинстон. - Они парализуют нашу экономику, создают панику на мировых финансовых рынках, а вы считаете, что это еще не все?

- Джордж, вам часто приходилось бывать в Японии? - поинтересовался Райан, главным образом чтобы объяснить ситуацию всем остальным.

- За последние пять лет? Пожалуй, в среднем раз в месяц. Мои внуки смогут пользоваться правами моего членства в клубе пассажиров, налетавших миллионы миль.

- И вы часто встречались с тамошними правительственными чиновниками?

Уинстон пожал плечами.

- Постоянно. Но они мало что решают.

- Почему? - спросил президент.

- Видите ли, сэр, ситуация в Японии такова: там есть человек двадцать или тридцать, которые на самом деле и управляют страной. Ямата - одна из самых крупных фигур среди них. Министерство международной торговли и промышленности играет роль связующего звена между главами корпораций и правительством, к тому же промышленники сами постоянно подмазывают народных избранников. Ямата даже и не скрывал этого, когда шли переговоры о покупке контрольного пакета моей корпорации.

- Насколько откровенно можно говорить, господин президент? - спросил Райан. - Нам могут потребоваться их профессиональные знания.

Дарлинг повернулся к финансисту.

- Мистер Уинстон, вы умеете хранить секреты?

- Умею, господин президент, если только вы не сочтете, что я могу воспользоваться ими для личной выгоды, - усмехнулся Уинстон. - Комиссия по биржевой деятельности и ценным бумагам еще ни разу не занималась расследованием моих дел, и мне бы не хотелось привлекать сейчас ее внимание.

- Сведения, которые вы узнаете, относятся к категории государственных тайн, мистер Уинстон, - произнес Райан. - В настоящий момент мы находимся в состоянии войны с Японией. Они потопили две наши подводные лодки и надолго вывели из строя авианосцы. В кабинете словно повеяло ледяным ветерком.

- Вы не шутите? - спросил Уинстон.

- Погибло двести пятьдесят матросов и офицеров - экипажи атомных подводных лодок "Эшвилл" и "Шарлотт". Кроме того, японцы оккупировали Марианские острова, и мы не уверены, что сумеем вернуть их себе. В данный момент в Японии находятся более десяти тысяч американских граждан, которые являются потенциальными заложниками, равно как население островов и личный состав военных баз.

- Но средства массовой информации...

- Как ни странно, им пока ничего не удалось узнать об этом, - объяснил Райан. - Может быть, они сочли это слишком уж невероятным.

- Так. - Уинстон на мгновение задумался. - Понятно. Японцы подорвали

нашу экономику, и у нас недостаточно политической мощи, чтобы... Скажите, кто-нибудь пытался раньше сделать нечто подобное?

Советник по национальной безопасности покачал головой.

- Насколько мне известно, нет.

- Однако настоящая опасность для нашей страны заключается в финансовом крахе, правда? Вот ведь сукин сын! - не сдержался от ругательства Джордж Уинстон.

- Как, на ваш взгляд, можно исправить создавшееся положение, мистер Уинстон? - обратился к финансисту президент.

- Не знаю. Удар по "Депозитори траст компани" рассчитан блестяще.

Система выведена из строя, но министр Фидлер сможет, по-видимому, с нашей помощью найти выход из положения, - добавил Уинстон. - Однако следует учесть, что, пока нет никаких материалов, финансовая система останется парализованной. Мой брат врач, и он мне однажды сказал...

Райан вздрогнул, услышав последнюю фразу о враче, и попытался понять, почему это показалось ему столь важным. Остальных слов Уинстона он уже не слышал.

- Вчера мне сообщили, что потребуется примерно неделя, чтобы распутать ситуацию, - сказал председатель Федеральной резервной системы. - Но в нашем распоряжении такой недели нет. Сегодня после ланча мы встречаемся с главами инвестиционных компаний и банков. Мы попытаемся...

Значит, проблема в том, что не осталось никаких следов о совершенных сделках, заключил Райан. Все замерло потому, что исчезли сведения о том, что кому принадлежит и кто какими деньгами располагает...

- Европа тоже парализована... - заговорил Фидлер. Райан молчал, уставившись на ковер, затем поднял голову и проговорил:

- Если не записать, то ничего не произойдет... - Разговор стих, и лица присутствующих недоуменно повернулись к нему, словно он сказал: "А фломастер-то - пурпурного цвета" - или какую-нибудь другую бессмысленную фразу, не имеющую никакого отношения к делу.

- Что?.. - недоуменно произнес председатель Федеральной резервной системы.

- Так любит говорить моя жена. "Если ты не запишешь этого, то ничего не случится". - Он обвел взглядом собеседников. Они все еще не понимали. В этом не было ничего удивительного потому что он сам еще не до конца сформулировал для себя собственную мысль. - Она тоже врач, Джордж, в больнице Хопкинса, и всегда носит с собой маленькую записную книжку. Всякий раз, когда ей что-то приходит в голову, она останавливается и записывает, потому что не полагается на, свою память.

- Мой брат делает то же самое, только пользуется одним из таких миниатюрных диктофонов, - кивнул Уинстон и пристально посмотрел на Райана. - Продолжайте.

- Значит, не осталось никаких записей, никаких документов о совершенных сделках, верно? - спросил Райан.

- Никаких. Все стерто из памяти компьютеров "Депозитори траст компани", - подтвердил Фидлер. - Как уже сказано, потребуется...

- Не потребуется. Разве у нас есть время?

- Времени у нас нет, - подавленно вздохнул министр финансов.
- Нам и не требуется время. - Райан посмотрел на Уинстона. - Как ты считаешь?

Президент Дарлинг следил за разговором, поворачивая голову от одного говорившего к другому, словно следил за теннисным матчем, и его терпение истощилось.

- О чем вы говорите, черт побери? Теперь Райан почти полностью сформулировал свою идею. Он посмотрел на президента.

- Сэр, все очень просто. Мы скажем, что просто ничего не произошло, что после полудня в пятницу фондовые биржи прекратили работу. Вопрос только в том: сумеем ли мы повернуть это? - спросил Джек и тут же ответил на свой вопрос, не дав никому вставить и слова. - А почему бы и нет? Почему не сумеем? Нет никаких документов, которые гласили бы, что дело обстоит иначе. Никто не сможет доказать, что после полудня была совершена хотя бы одна сделка, правда?

- Принимая во внимание, что все потеряли колоссальные деньги, - подхватил Уинстон, сразу поняв суть предложения Райана, - не думаю, что кто-то захочет возражать. Если говорить проще, Райан предлагает возобновить деятельность бирж с пятницы... с полудня прошлой пятницы и просто забыть о минувшей неделе, верно?

- Но в это никто не поверит, - покачал головой председатель Федеральной резервной системы.

- Ошибаетесь, - улыбнулся Уинстон. - Райан прав. Во-первых, им придется верить, поскольку нет иного выхода. Нельзя совершить транзакцию - я имею в виду, нельзя ее заключить, - без письменных документов. Таким образом, без восстановления материалов "Депозитори" никто не сможет доказать, что после полудня пятницы заключались сделки. Во-вторых, большинство участников биржевых операций понесли огромные убытки - инвестиционные компании, банки, торговые дома, вкладчики, - и потому они захотят начать все сначала. Так что можно не сомневаться, что нам поверят. Как ты считаешь, Марк?

- Включим машину времени и вернемся в прошлую пятницу? - мрачно улыбнулся Ганг, и тут же его настроение изменилось. - Где можно присоединиться к этому соглашению?

- Но мы не сможем отменить все совершенные сделки, все до единой, - возразил председатель Резервной системы.

- Это верно, - согласился Уинстон. - Международные сделки по американским казначейским обязательствам не поддаются нашему контролю. Но мы сделаем вот что, сэр: проведем переговоры с европейскими банками, объясним им, что случилось, и затем вместе с ними...

- Ну конечно! - прервал его Фидлер. - Они сразу сбросят иены и начнут покупать доллары. Стабильность нашей валюты восстановится, тогда как японской рухнет. Азиатские банки тоже задумаются об изменении своей позиции. Да, пожалуй, центральные европейские банки встанут на нашу сторону.

- Придется сохранить учетную ставку на достаточно высоком уровне, - заметил Уинстон. - Это нанесет некоторый ущерб платежному балансу, но все равно намного выгоднее любого иного выхода. Уровень учетной ставки должен оставаться высоким до тех пор, пока не перестанут сбрасывать наши

казначейские обязательства. Нам нужно организовать бегство от иены, подобно тому как они инициировали бегство от доллара. Такой маневр понравится европейцам, так как помешает японцам скупать ценные бумаги европейских банковских корпораций - вчера японцы начали скупать все. - Уинстон встал и принялся расхаживать по Овальному кабинету, как привык делать это в своем собственном. Он не подозревал, что нарушает протокол, установленный в Белом доме, и даже сам президент не решился напомнить ему об этом, хотя два агента Секретной службы, стоявшие рядом, не сводили глаз с финансиста. Было очевидно, что он обдумывает ситуацию, пытаясь найти слабые места в предложенном решении проблемы. Прошло две минуты. Все ждали, когда Уинстон выскажет свою точку зрения. Наконец он поднял голову.

- Доктор Райан, если вы когда-нибудь захотите уйти с государственной службы, у меня всегда найдется для вас место. Господа, это лучшее решение проблемы. Оно кажется таким невероятным, что может даже принести нам немалую пользу.

- Итак, что произойдет в пятницу? - спросил Джек.

- Начнется обвальное падение биржевых котировок, - произнес Гант.

- Не вижу в этом ничего хорошего, - проворчал президент.

- А затем, сэр, упав пунктов на двести, рынок начнет укрепляться и к закрытию установится где-то на сотню пунктов - может быть, даже меньше - ниже предыдущего уровня. В следующий понедельник наступит затишье. Кое-кто попытается скупать акции по дешевке, но большинство займут выжидательную позицию. Котировки упадут снова, далее скорее всего наступит стагнация при уровне ниже еще пунктов на пятьдесят. А вот затем, до конца недели, ситуация начнет успокаиваться. Думаю, что к следующей пятнице рынок стабилизируется на уровне в сотню или сто пятьдесят пунктов ниже того, при котором все началось в полдень прошлой пятницы. Падение неизбежно из-за высокого уровня учетной ставки, который будет вынуждена установить Федеральная резервная система, но мы на Уолл-стрите привыкли к этому. - Один лишь Уинстон оценил, с какой точностью Марк Гант предсказал будущее течение событий. Он сам вряд ли сумел бы дать более полную оценку ситуации. - В результате все запомнят это как крупную неприятность, но не больше.

- А Европа? - спросил Райан.

- Там все будет сложнее, потому что на континенте нет такой хорошей организации, как у нас, зато европейские центральные банки обладают большей властью, - пояснил Гант. - Кроме того, их правительства могут вмешиваться в финансовую деятельность фондовых рынков. С одной стороны, это окажет определенную помощь, а с другой - причинит вред. Однако конечный результат окажется таким же, как и у нас. Это неизбежно, если только какая-нибудь группа финансистов не присоединится к этому самоубийственному союзу. Но вряд ли. У нас так не поступают.

- С чего же следует начать? - Фидлеру явно не терпелось.

- Нужно собрать руководителей крупных финансовых институтов и как можно быстрее, - ответил Уинстон. - Если хотите, я мог бы принять в этом участие.

К моему мнению все еще прислушиваются.

- Джек? - Президент посмотрел на Райана.

- Да, сэр. Приступим немедленно.

Роджер Дарлинг подумал еще несколько секунд, затем повернулся к агенту Секретной службы, стоявшему рядом с его письменным столом.

- Передайте морской пехоте, чтобы доставили сюда мой вертолет. И пусть ВВС подготовят самолет для перелета в Нью-Йорк.

- У меня свой самолет, господин президент, - возразил Уинстон.

- Джордж, парни из ВВС надежнее, положишься на меня, - посоветовал Райан.

Дарлинг встал, пожал руки участникам совещания, а затем агенты Секретной службы проводили их на Западную лужайку, где должен был совершить посадку вертолет для полета на базу ВВС Эндрюз. Райан остался в Овальном кабинете.

- Неужели все можно уладить так просто? - Роджер Дарлинг как опытный политик не верил в магическое решение сложных проблем. Райан понял его сомнения и соответствующим образом сформулировал свой ответ.

- Надеюсь. Финансовому сообществу требуется выход из тупика, и потому они сделают все возможное. Главное продемонстрировать им, что биржевой крах был организован намеренно. Если они поймут это, все остальное будет просто. Осознав, что все произошло не случайно, а стало результатом заранее обдуманной операции, финансисты с большей легкостью признают ее искусственный характер и потому согласятся начать все сначала.

- Думаю, придется подождать и убедиться в конечном результате. - Дарлинг помолчал. - Это проясняет нашу ситуацию по отношению к Японии?

- Да. Теперь становится ясно, что японское правительство не является главной движущей силой операции. Это одновременно хорошо и плохо. Хорошо, потому что операция не будет достаточно организованной на всех ее уровнях, потому что японский народ никак не связан с враждебными действиями по отношению к Америке и в японском правительстве наверняка есть люди, крайне обеспокоенные случившимся.

- А плохая? - спросил президент.

- Мы по-прежнему не знаем, в чем заключается их главная цель. Правительство Японии, судя по всему, подчиняется чьим-то указаниям. У японцев появилась надежная база в западной части Тихого океана, и мы пока не можем ничего противопоставить им. А самое главное...

- ...заключается в угрозе ядерного удара, - закончил за него Дарлинг. - Это их козырная карта. Нам ведь еще никогда не приходилось вести военные действия против страны, обладающей ядерным оружием, правда?

- Да, сэр. Создалась совершенно новая стратегическая ситуация.

Следующее сообщение от Кларка и Чавеза ушло сразу после полуночи по токийскому времени. На этот раз статью написал Динг. Джон исчерпал запас интересных сообщений о Японии, к которым могли проявить интерес в России. Чавез как более молодой написал статью о японской молодежи, о ее увлечениях и взглядах на жизнь, более развлекательную по своему характеру.

Разумеется, статья явилась всего лишь прикрытием, хотя ее содержание не должно было быть слабым, и ему пришлось немало поработать над ней. Динг, как оказалось, многому научился в Университете Джорджа Мейсона и неплохо писал.

"Район северных ресурсов?" - медленно нажимая на клавиши, набрал Джон и

установился на вопрос, появившийся на экране. Затем он повернул компьютер, стоявший на кофейном столике.

"Я теперь догадался, - набрал Динг. - Я же прочитал об этом еще в Сеуле! Индонезию, которая принадлежала голландцам, называли Районом южных ресурсов - в то время японцы совершили свою большую ошибку номер два. Теперь понятно, что означает Район северных ресурсов?"

Кларк взглянул на экран и повернул лэптоп обратно к Ча - везу.

- Евгений Павлович, посылайте статью, - сказал он вслух. Динг стер диалог с экрана и подключил модем к телефону. Через несколько секунд передача закончилась. Сотрудники ЦРУ посмотрели друг на друга. В конце концов, сегодняшний день оказался достаточно продуктивным.

Трудно было выбрать более удачное время: в Токио 00.08 ночи, 18.08 вечера в Москве и 10.08 утра в Лэнгли и в Белом доме. Райан как раз вернулся к себе в кабинет из другого крыла Белого дома, когда загудел зуммер его телефона STU-6, защищенного от прослушивания.

- Райан.

- Это Эд. Мы только что получили интересную информацию от наших людей. Сейчас она поступит к тебе по факсу. Копия выслана и Сергею.

- О'кей, жду. - Райан щелкнул переключателем и услышал, как зажужжал факсимильный аппарат.

Поразить Уинстона было не так просто. VC-20 мало отличался от его собственного реактивного самолета "Гольфстрим-III". Хотя он и не был особенно роскошным - кресла и ковры могли бы быть и получше, - зато средства электронной связи оказались прямо-таки сказочными... даже такой технарь, как Марк, пришел в восторг, заметил он. Представители старшего поколения воспользовались предоставившейся возможностью и задремали, а Уинстон наблюдал за тем, как экипаж самолета, состоящий из военных летчиков, проводил предполетную проверку механизмов. Проверка мало отличалась от той, что проводили его личные пилоты, но в одном Райан был прав - военные знаки различия на комбинезонах летчиков оказывали явно успокаивающее действие. Через три минуты небольшой реактивный лайнер оторвался от земли и взял курс на север, к аэропорту Ла-Гуардия в пригороде Нью-Йорка. Дополнительным преимуществом было то обстоятельство, что им уже дали первоочередное право на посадку, а это в конечном итоге сэкономит четверть часа. Уинстон слышал, как радист - сержант ВВС, сидевший в радиорубке, - договорился о том, что у главного гражданского терминала их встретит автомобиль ФБР. Теперь бюро взяло на себя переговоры со всеми видными финансистами о встрече в их нью-йоркской штаб-квартире. Поразительно, подумал Уинстон, что правительство при желании может действовать столь оперативно и целеустремленно, и как жаль, что оно не в состоянии действовать так постоянно.

Марк Гант не обращал на происходящее вокруг никакого внимания. Он склонился над своим компьютером, занимаясь подготовкой того, что называл "обвинительным актом". Ему понадобится минут двадцать, чтобы доказательства были отпечатаны на ацетатной пленке, для демонстрации их через проектор на большом экране. Оба финансиста надеялись, что ФБР подготовит для этого

необходимую аппаратуру.

Кто обратится к собравшимся? Наверно, я, подумал Уинстон. Предложу Фидлеру и председателю Резервной системы высказать рекомендации по возможному решению проблемы. Это только справедливо - в конце концов, идею выдвинул один из правительственных чиновников. А ведь блестящая идея. Почему это не пришло в голову мне? Так просто...

- Марк, сделай пометку. Нужно пригласить руководителей центральных европейских банков прилететь сюда для личной беседы. Не думаю, что селекторное телесовещание будет достаточно убедительным.

Гант посмотрел на часы.

- Придется оповестить их об этом сразу по прибытии в Нью-Йорк, Джордж, но они успеют на вечерние рейсы и утром следующего дня будут в Нью-Йорке, так что нам, возможно, удастся скоординировать наши действия перед открытием бирж в пятницу.

Уинстон оглянулся назад, в сторону хвостового салона.

- А им мы скажем после посадки. Пока пусть отдохнут.

- Теперь все будет хорошо, Джордж, можешь не сомневаться, - кивнул Гант. - Этот Райан - умный парень, правда?

А вот сейчас не следует спешить, сказал себе Райан. Его удивило, что телефон до сих пор не зазвонил, но потом он понял, что Головка читает сейчас то же самое донесение, смотрит на ту же карту на стене и также убеждает себя не торопиться и, насколько позволяют обстоятельства, тщательно все обдумать.

Теперь ситуация начала проясняться, более или менее. "Район северных ресурсов" - это, должно быть, Восточная Сибирь. Термин "Район южных ресурсов", как указал в своем донесении Чавез, использовался японским правительством в 1941 году для обозначения Голландской Ост-Индии в то время, когда главной целью продвижения японцев на юг была нефть, в которой так нуждался их военно-морской флот. В настоящее время это важнейший вид топлива для снабжения экономики любого индустриально развитого государства. Япония является самым крупным импортером нефти в мире, несмотря на непрекращающиеся попытки создать сеть атомных электростанций. Кроме того, ей приходится импортировать почти все природные ресурсы - она располагает в достаточном количестве только каменным углем. Гигантские супертанкеры были японским изобретением - они необходимы для того, чтобы эффективнее транспортировать нефть с месторождений Персидского залива к японским терминалам. Но помимо нефти страна нуждалась и в других ресурсах, а поскольку Япония являлась островным государством, все это должно было поступать по морю. Однако Военно-морской флот Японии был маленьким и слишком слабым, чтобы защитить морские пути сообщения.

С другой стороны, Восточная Сибирь представляла собой последнюю неисследованную территорию в мире, и теперь Япония вела там геологические изыскания, да и перевозки морем из Сибири... Черт побери, а почему просто не построить железнодорожный тоннель, чтобы навсегда покончить с транспортными трудностями? - задал себе вопрос Райан.

Существует, однако, серьезное препятствие для осуществления этих

планов. Япония и без того уже до предела напрягла свои силы, даже при значительно ослабленной военной мощи Соединенных Штатов и буферной зоне в пять тысяч миль водного пространства Тихого океана. Военная мощь России сократилась еще больше, чем Америки, однако высадка на ее территории будет чем-то более значительным, чем простой политический акт. Это станет нападением на русский народ, а русские отнюдь не утратили своей прежней гордости. Они будут сопротивляться. Россия по-прежнему оставалась огромным государством, намного большим, чем Япония. В распоряжении японцев имеются межконтинентальные баллистические ракеты с ядерными боеголовками, тогда как у русских, как и у американцев, их не осталось. Зато русские имеют бомбардировщики, крылатые ракеты, истребители-бомбардировщики - и все оснащенные ядерными зарядами и бомбами, - которые располагаются на военных базах в непосредственной близости от Японии, и обладают достаточной политической решимостью, чтобы воспользоваться всеми средствами обороны. Нет, у этого уравнения не хватает еще одного составляющего. Джек откинулся на спинку кресла и посмотрел на карту, затем поднял телефонную трубку и нажал кнопку быстрого набора по прямой линии.

- Адмирал Джексон.

- Робби, это Джек. У меня есть к тебе вопрос.

- Какой?

- Ты говорил, что один из наших атташе в Сеуле недавно беседовал с...

- Да. Ему сказали сидеть и молчать, - сообщил Джексон.

- А какими точно были слова корейцев?

- Они сказали... подожди минутку. Донесение занимает всего полстраницы, и оно где-то здесь. Сейчас. - Джек услышал, как открывается ящик, по-видимому, запертый. - О'кей, ему сказали примерно следующее: принятое решение является не военным, а политическим, у него много разных аспектов, в том числе обеспокоенность тем, что японцы закроют свои порты для корейских судов, что не исключена вероятность вторжения, разрыва связей с Америкой и так далее. Они явно уходили от конкретных деталей, - слышался голос Робби.

- Мы еще не обращались к ним за разъяснениями, - закончил адмирал.

- У тебя есть состав их воинских частей? - спросил Джек. Он имел в виду оценку боевой мощи корейской армии.

- Да.

- Давай - только вкратце, - распорядился Райан.

- Армия чуть больше японской. Они сократили свои вооруженные силы после объединения, но сохранили высокую боевую мощь. Вооружены главным образом американским оружием и руководствуются американской военной доктриной. Отличные ВВС. Я принимал участие в военных играх с ними и...

- Если бы ты был корейским генералом, насколько серьезные опасения вызывала бы у тебя Япония?

- Я с осторожностью относился бы к ее военной мощи, - ответил адмирал Джексон. - Испытывал бы не страх, а уважение. Не забудь, корейцы не любят Японию.

- Знаю. Пошли мне копию донесения атташе и состав корейской армии.

- Понял. - Щелчок - и связь прервалась. Теперь Райан набрал номер ЦРУ.

Мэри-Пэт все еще не было на месте, и трубку снял ее муж.

- Эд, у тебя есть что-нибудь новое от нашего резидента в Сеуле?

- Создается впечатление, что корейцы очень нервничают. Неохотно идут на сотрудничество с нами. У нас множество друзей в корейском ЦРУ, но они молчат. Пока там нет единого политического мнения.

- Что еще?

- Ну, есть и кое-какие другие сигналы, - ответил Эд Фоули. - Возросла активность их ВВС. Видишь ли, они создали большой тренировочный полигон в северной части страны и проводят незапланированные учения с участием различных видов войск. У нас есть снимки из космоса.

- Ясно. Теперь расскажи мне о Пекине.

- А вот там все спокойно. Китай ни во что не вмешивается. Они заявили, что не проявляют к этому никакого интереса и это их не касается.

- А как ты оцениваешь такую позицию, Эд? - резко бросил Райан.

- Ну, это их не может не касаться... да, конечно... Райан знал, что его требование несправедливо. Он располагал более полной информацией, чем кто-либо еще, и намного опережал всех в анализе ситуации.

- У нас появились кое-какие новые сведения. Я вышлю их тебе, как только их напечатают. Прошу тебя приехать ко мне для неформального совещания в половине третьего.

- Приедем оба, - пообещал почти заместитель директора ЦРУ по оперативным вопросам.

Ответ находился на карте, прямо перед ним. Требуется всего лишь необходимая информация и немного времени для размышлений.

Япония вряд ли сможет запугать Корею. Японцы правили Кореей в течение почти пятидесяти лет, почти всю первую половину века, и оставили не слишком приятные воспоминания у населения этой страны. Завоеватели обращались с корейцами, как с рабами, и до сих пор одним из самых надежных способов покончить счеты с жизнью в Корее - это назвать корейского гражданина "япошкой". Антипатия была взаимной, особенно теперь, когда корейская экономика быстро развивалась и корейские товары соперничали с японскими на мировых рынках. Это вызывало обоюдное недовольство. Основная причина была расового порядка. Несмотря на то что Корея и Япония генетически образовывали одну расу, японцы все еще относились к корейцам подобно тому, как Гитлер относился к полякам. Корейцы, однако, были нацией с глубокими воинскими традициями. В свое время они послали во Вьетнам две дивизии, создали могучую военную машину, способную защитить страну от посягательств теперь уже мертвого безумца на севере полуострова. Когда-то бывшая японской колонией, Корея стала сильным государством с гордым и свободолюбивым народом. Тогда что же могло запугать их до такой степени и заставить отказаться от соблюдения статей договора с Америкой?

Это не мог быть страх перед Японией. У Кореи не было оснований опасаться прямого нападения, да и сама Япония вряд ли решится использовать свое ядерное оружие для уничтожения столь близкого соседа. Господствующие ветры неминуемо вернут радиоактивные осадки на территорию страны, пославшей ракеты.

Но совсем рядом с Кореей, к северу от нее, находится страна с самым крупным населением в мире, страна с самой большой армией, а этого

достаточно, чтобы напугать Корею, равно как и кого угодно.

Япония нуждалась в природных ресурсах и, без сомнения, хотела получить к ним непосредственный доступ. Она обладала великолепной и весьма развитой экономической базой, высококвалифицированной рабочей силой, способной воплотить в жизнь все достижения высокой технологии. Однако по отношению к своей гигантской экономической мощи у Японии было сравнительно небольшое население.

А вот у Китая население было колоссальным, хотя пока и недостаточно подготовленным, его экономика и промышленность быстро развивались, хотя все еще не сумели достигнуть современного уровня ВЫСОКОЙ технологии. И, подобно Японии, Китай нуждался в природных ресурсах.

А прямо к северу от Японии и Китая раскинулась последняя в мире неисследованная сокровищница с неисчерпаемыми богатствами.

Захват Марианских островов лишает американцев морских и воздушных баз и по меньшей мере затруднит действия главного стратегического рода войск, позволяющего непосредственно приблизиться к этому региону, - военно-морского флота. Теперь

Сибирь можно будет защитить только с запада, через необъятные российские просторы. По сути дела это означало, что Восточная Сибирь окажется отрезанной от помощи извне. Китай обладал собственным ядерным оружием, играющим роль сил сдерживания в борьбе с Россией, и огромными сухопутными войсками для защиты захваченных земель. Вся операция была, разумеется, достаточно рискованной, но теперь, когда экономика Америки и Европы оказалась подорванной и эти страны ничем не могли помочь России, со стратегической точки зрения она имела смысл - нечто вроде глобальной войны в рассрочку.

Более того, оперативное искусство, к которому прибегла Япония, отнюдь не было чем-то новым. Сначала нанести удар и подорвать мощь сильного противника, затем захватить владения слабого. Точно такая же попытка была предпринята в 1941 - 1942 годах. Японская стратегическая концепция никогда не имела своей целью захват Америки, предполагалось всего лишь временно вывести ее из строя, так что ей придется согласиться с захватом южных государств. Этого требует политическая необходимость. Вообще-то все очень просто, напомнил себе Райан. И в этот момент зазвонил телефон.

- Привет, Сергей, - произнес Райан, подняв трубку.

- Откуда ты узнал, что это я? - удивился Головкин. Джек мог ответить, что именно четвертый телефонный канал был выделен для прямых контактов с главой русской разведки, но выбрал другой ответ.

- Потому что ты читал тот же материал, что и я.

- Ну и что ты думаешь?

- Я думаю, что главной целью их операции является вы, Сергей Николаевич. Возможно, это произойдет на следующий год. - Голос Райана звучал удовлетворенно, он все еще испытывал эйфорию от своего открытия. Всякое открытие доставляет удовольствие, независимо от того, что за этим стоит.

- Наверно, раньше. Скорее всего этой осенью. Погода будет играть им на руку. - Наступила пауза. - Вы можете помочь нам, Иван Эмметович? Нет, извини, я неправильно сформулировал свой вопрос. Согласитесь ли вы нам

помочь?

- Союзы, подобно дружбе, всегда двусторонние, - напомнил ему Джек. - Тебе придется посоветоваться со своим президентом. Мне тоже.

32. Специальный доклад

Как и надлежит офицеру, который когда-то надеялся командовать таким кораблем, капитан первого ранга Санчес был доволен, что остался на борту авианосца, а не вылетел на своем истребителе на базу военно-морских сил в Барберс-Пойнт. Шесть серого цвета буксиров ВМС ввели "Джона Стенниса" в ремонтный док.

На борту корабля находилось больше сотни специалистов-ремонтников, включая пятьдесят инженеров, прилетевших с верфи "Ньюпорт Ньюз-Шипбилдинг". Все они находились сейчас в машинном отделении и осматривали двигательные установки. По всему периметру ремонтного дока вытянулись грузовики, сотни моряков и рабочих верфи, словно врачи или хирурги, подумал Бад, готовы приняться за операции по замене негодных органов.

На глазах капитана Санчеса подъемный кран начал поднимать с рамы первые сходни, следом за ним другой кран, медленно поворачиваясь, стал поднимать что-то, что по конструкции походило на трейлер, намереваясь, по-видимому, разместить его на летной палубе. Ворота дока еще не успели закрыться. Судя по всему, решил Санчес, кто-то очень спешил.

- Капитан Санчес?

Бад повернулся и увидел капрала морской пехоты. Тот отсалютовал и передал ему листок с напечатанным на нем текстом.

- Вас срочно приглашают в оперативное управление штаба главнокомандующего Тихоокеанским флотом.

- Это какое-то безумие! - воскликнул президент Нью-йоркской фондовой биржи, успев первым взять слово.

Большой конференц-зал отделения ФБР в Нью-Йорке, рассчитанный более чем на сотню человек, поразительно напоминал зал суда. Сейчас он был полупуст, в большинстве своем здесь присутствовали государственные служащие, главным образом сотрудники ФБР и Комиссии по биржевым операциям и ценным бумагам, с вечера пятницы занятые расследованием дела о биржевом крахе. Однако первый ряд кресел занимали исключительно старшие трейдеры и крупные инвесторы.

Джордж изложил им свою версию событий, происшедших в пятницу, пользуясь кинопроектором, чтобы проиллюстрировать тенденции состоявшихся транзакций. Он не спешил, принимая во внимание усталость присутствующих, которая сказывалась на их способности понимать, что он имеет в виду. Председатель Федеральной резервной системы только что вошел в зал, закончив с телефонными звонками в Европу, посмотрел на Уинстона с Фидлером и поднял большой палец, давая понять, что их предложение принято. После этого он занял кресло в заднем ряду.

- Это, может быть, и безумие, но все произошло именно так.

- Возможно, все так и произошло, хорошо, - признал после секундного молчания председатель Нью-йоркской фондовой биржи, имея в виду, что ситуация

далека от хорошей и все понимают это. - Однако мы по-прежнему прочно засели посреди болота, и вокруг собираются аллигаторы. Не думаю, что мы долго продержимся. - Присутствующие согласно закивали. Но тут все, кто сидели в первом ряду, с удивлением увидели на лице их бывшего коллеги улыбку.

Уинстон повернулся к министру финансов.

- Баз, почему бы тебе не сообщить им хорошую новость?

- Дамы и господа, существует выход из создавшегося положения, - уверенным тоном начал Фидлер. Его выступление продолжалось ровно минуту, после чего в зале воцарилась скептическая тишина. Присутствующим даже не пришлось в голову перегляднуться. И все-таки, хотя никто не выразил одобрения, никто и не возразил против услышанного, даже после размышлений, которые показались бесконечными.

Как и следовало ожидать, первым взял слово генеральный директор инвестиционной компании "Каммингс, Картер энд Кантор". "ККК" перестала существовать в прошлую пятницу около 15.15, поскольку в действиях своих выбрала неверный путь, быстро истощила весь резерв наличности и не смогла получить поддержку от "Меррилл Линч". Впрочем, если быть справедливым, сам генеральный директор "ККК" не мог упрекнуть совет управляющих "Меррилл Линча" в таком решении.

- А это не противоречит существующему законодательству? - спросил он.

- Ни Министерство юстиции США, ни Комиссия по биржевым операциям и ценным бумагам не будут рассматривать ваше согласие как что-то незаконное, - заверил его Фидлер. - Хочу добавить, что, разумеется, любая попытка использовать создавшуюся ситуацию в корыстных целях будет пресекаться самым решительным образом, но, если мы все вместе будем искать выход из тупика, в котором оказались, действие антимонопольных и некоторых других законов в интересах национальной безопасности временно будет приостановлено. Понимаю, это нарушает принятые нормы, но мое предложение является официальным, и все вы слышали, как я выдвинул его. Дамы и господа, таково намерение, поддержанное правительством Соединенных Штатов.

Вот это да, пронеслось в головах у собравшихся. Особенно это касалось тех, кто принадлежали к правоохранительным органам.

- Все вы знаете, что случилось с тройным "К", - продолжил генеральный директор инвестиционной компании "Каммингс, Картер энд Кантор", оглядываясь по сторонам. Было заметно, что его природный скептицизм сменился видимым облегчением. - У меня нет выхода. Я согласен.

- Мне хотелось бы добавить кое-что. - Председатель Федеральной резервной системы вышел вперед. - Я только что закончил телефонный разговор с президентами центральных банков Англии, Франции, Германии, Швейцарии, Бельгии и Нидерландов. Все они прилетят сюда сегодня вечером. Завтра утром мы снова соберемся здесь и разработаем систему, в которой они тоже примут активное участие. Мы намерены стабилизировать курс доллара, а также установить разумный курс продажи казначейских облигаций Министерства финансов США. И мы не допустим краха американской банковской системы. Я предлагаю, чтобы все, кто имеют казначейские обязательства и кто согласятся придержать их - я имею в виду, кто продлят срок действия трехмесячных и шестимесячных облигаций еще на один такой срок, - получают от правительства

США бонус в размере пятидесяти дополнительных базисных пунктов за то, что они пошли навстречу нам в этой сложной ситуации и помогли преодолеть финансовые затруднения. Мы также готовы предоставить такой же бонус всем, кто купят казначейские обязательства в течение последующих десяти дней после открытия финансового рынка.

Умно задумано, сказал себе Уинстон, очень умно. В результате этого маневра в Америку потекут деньги из-за рубежа, инвестиции изменят направление и вместо Японии окажутся здесь. Это по-настоящему укрепит доллар и одновременно нанесет удар по иене. Азиатские банки, сбросившие американские ценные бумаги, сразу почувствуют, какую серьезную ошибку они совершили. Да, Америка всерьез решила продемонстрировать всему миру, что в такую игру может играть не одна Япония, правда?

- Для этого понадобится законодательный акт, - возразил один из биржевиков.

- Вы его получите. К пятнице чернила на бумаге с президентским указом уже высохнут. А пока руководствуйтесь тем, что таков курс Федеральной резервной системы, одобренный президентом США при полной его поддержке, - закончил председатель ФРС.

- Понимаете, парни, правительство возвращает нас к жизни, - произнес Уинстон, расхаживая перед деревянным ограждением. - Нам нанесли удар люди, стремящиеся разорить нас, подорвать нашу финансовую систему. Похоже, у правительства нашлись отличные лекари. Какое-то время нас будет лихорадить, но к концу будущей недели все войдет в норму.

- Значит, фондовые биржи возобновят свою деятельность с точки отсчета полудня прошлой пятницы? - спросил председатель Нью-йоркской фондовой биржи.

- Совершенно верно. - Фидлер внимательно взгляделся в лицо спросившего. Финансист задумался на несколько секунд и кивнул.

- Наша биржа гарантирует вам полную поддержку, - произнес он. Авторитета Нью-йоркской фондовой биржи было достаточно, чтобы преодолеть все возможные сомнения. Полная поддержка была неизбежной, это понимали все, но решающее значение имело также и то, как быстро осуществится принятое решение. Еще через несколько секунд все присутствующие стояли, на их лицах появились улыбки, а мысли сосредоточились на том, как снова поставить на ноги свои компании.

- Никакой компьютерной торговли, пока не будет указания, - предупредил министр финансов. - Эта "экспертная система" едва нас не прикончила. Пятница и без того будет достаточно трудной. Мы хотим, чтобы в ближайшие дни вы пользовались собственными мозгами, а не занимались компьютерными играми.

- Согласны, - послышался хор голосов.

- Тем более что нам все равно придется задуматься над преобразованием этой системы, - задумчиво добавил председатель совета управляющих "Меррилл Линч".

- Действия будет координировать управление, в помещении которого мы сейчас находимся. А пока тщательно все обдумайте, - произнес председатель Федеральной резервной системы. - Если у вас появятся идеи относительно того, как осуществить задуманный план еще эффективнее, сообщите об этом. Следующее заседание состоится в шесть вечера. Дамы и господа, запомните, что мы должны

действовать вместе. На протяжении ближайшей недели здесь нет конкурентов. Мы все - союзники.

- От того, насколько успешно все закончится, зависит судьба миллиона вкладчиков моей корпорации, - напомнил Уинстон. - У некоторых из вас вкладчиков даже больше. Не будем забывать об этом. - Старомодное обращение к чести подействовало на присутствующих. Всем хотелось казаться честными, даже тем, у кого этой добродетели не доставало. В своей основе честность представляет собой долг перед обществом, правило поведения, нечто, что привлекает людей, а следовательно, способствует деловому успеху. Каждый присутствующий в зале стремился к тому, чтобы остальные видели у него эту добродетель и считали его человеком, достойным уважения, а потому и доверия. Весьма полезная черта для финансиста, с сарказмом подумал Уинстон.

Теперь, наконец, осталась только одна проблема, подумал Райан. На столь высоком государственном уровне, казалось ему, всегда стремишься сначала решить простые проблемы, а самые сложные оставить напоследок.

Перед ним стояла задача предупредить войну, а не одержать в ней победу, хотя последнее является неразрывной частью первого.

В случае если Китай и Япония захватят контроль над Восточной Сибирью, создастся новая ось? Пожалуй, нет. На свет появится новое мировое содружество, ничем не уступающее Америке ни в экономической, ни в военной мощи. В результате Япония и Китай сразу опередят всех конкурентов в экономической борьбе.

Само по себе такое стремление не было чем-то преступным. Незаконными являлись лишь методы достижения этой цели. Было время, когда мировые проблемы решались в соответствии с законами джунглей, по праву сильного. Если тебе удавалось захватить что-то, ты получал право владеть завоеванным - но только при условии, что мог защитить добычу от соперников. Подобное поведение не было слишком элегантным с современной точки зрения, даже и не очень справедливым, однако оно признавалось миром, потому что в результате использования таких правил более сильные страны обеспечивали своим гражданам политическую стабильность в обмен на лояльность, а это обычно представляло собой первый шаг в формировании нации. Через некоторое время, однако, человеческое стремление к миру и безопасности нашло свое выражение в желании взять в свои руки управление собственным государством. Начиная с 1789 года, когда была принята американская конституция, по 1989 год - год краха диктаторских режимов в странах Восточной Европы - на протяжении всего двух столетий нечто новое стало неотъемлемой частью коллективного человеческого сознания. Это называли по-разному - демократией, правами человека, самоопределением, - но в своей основе оно таило признание простого факта, что у человеческих устремлений есть собственная сила, способная преодолеть все препятствия, и эта сила работала главным образом на благо людей.

Японский план был направлен на то, чтобы уничтожить эту силу. Однако время старых правил прошло, напомнил себе Джек. Те, кто сидят здесь, позаботятся об этом.

- Такова, - закончил он свое сообщение, - общая ситуация в Тихом океане. - Зал заседаний Совета министров был полон, пустовало только кресло

министра финансов, его замещал сейчас его первый заместитель. Вокруг стола сидели руководители департаментов исполнительной власти, в креслах у стен - видные члены Конгресса и военные.

Следующим должен был взять слово министр обороны. Вместо того чтобы пройти к трибуне, он просто открыл кожаную папку с документами и заговорил, не поднимая головы.

- Я не уверен, что мы сможем пойти на такой шаг, - начал министр обороны. При этих словах мужчины и женщины, составляющие президентскую администрацию, беспокойно заерзали в креслах.

- Проблема является в первую очередь технической. Мы не можем выдвинуть достаточно мощные...

- Одну минуту, - прервал его Райан. - Позвольте мне дать несколько разъяснений, чтобы всем стало ясно, хорошо?

Никто не возражал. Даже министр обороны почувствовал, казалось, облегчение от того, что ему не требовалось продолжать.

- Гуам являлся американской территорией на протяжении почти ста лет. Его жители - граждане Америки. Япония отняла у нас этот остров в 1941 году, и в 1944 мы вернули его себе. Немало американцев заплатили за это жизнью,

- Мы считаем, что получим обратно Гуам мирным путем, после переговоров, - вставил госсекретарь Хансон.

- Рад это слышать, - кивнул Райан. - А как относительно других островов Марианского архипелага?

- Мои специалисты считают, что дипломатическими средствами вряд ли удастся вернуть их Америке. Мы будем, разумеется, делать все от нас зависящее, но...

- Но - что? - резко бросил Райан. Наступило тяжелое молчание. - Хорошо, давайте поставим все точки над "i".

Северные острова Марианской гряды никогда не принадлежали Японии что бы ни говорил японский посол. Она получила мандат на управление ими по решению Лиги Наций, поэтому, когда мы захватили их в 44-м году вместе с Гуамом, они не были военной добычей. В 47-м году ООН предоставила Соединенным Штатам мандат на управление ими, и в 52-м году Япония официально заявила, что отказывается от каких-либо притязаний на них. В 78-м году население северных островов Марианского архипелага приняло решение стать независимой территорией, состоящей в политическом союзе с Соединенными Штатами, и избрало своего первого губернатора - мы не торопили их, предоставив им право выбора, однако они наконец приняли такое решение. В 86-м году ООН пришла к выводу, что мы честно выполнили все взятые на себя обязательства по отношению к населению островов, и в том же году их жители получили американское гражданство. Наконец, в 90-м году мандат был ликвидирован навсегда.

Это всем понятно? Жители Марианских островов являются гражданами Америки, у них американские паспорта - не потому, что мы принудили их к этому, а потому, что они изъявили желание стать американскими гражданами. Вот это и есть право на самоопределение. Мы посеяли семена равенства и демократии в сознании этих людей, и они решили, что Америка, по-видимому, готова защищать их права.

- Но мы должны делать лишь то, что в наших силах, - запротестовал Хансон. - Мы можем вести переговоры...

- Черт бы побрал ваши переговоры! - рявкнул Райан. - Кто сказал, что мы такие уж бессильные? Министр обороны поднял голову.

- Джек, понадобятся годы, чтобы восстановить военную мощь, от которой мы отказались. Если ты так уж хочешь обвинить кого-то в нашем бессилии, ну что ж, обвиняй меня.

- Если у нас не хватает сил - какой будет цена? - задал вопрос министр здравоохранения и социального обеспечения. - Деньги нужны нам здесь!

- Значит, мы позволим иностранной державе лишиться американских граждан выбранного ими гражданства лишь потому, что нам трудно защитить их права? - негромко спросил Райан. - И что последует дальше? Как мы поступим, когда такое произойдет в следующий раз? Скажите, в какой момент мы перестанем называться Соединенными Штатами Америки? В конце концов, все зависит только от нашей политической решимости, - продолжил советник по национальной безопасности. - Неужели ее у нас не осталось?

- Доктор Райан, мы живем в реальном мире, - напомнил министр внутренних дел. - Имеем ли мы право рисковать жизнями людей, живущих на Марианских островах?

- Раньше мы утверждали, что свобода для нас ценнее жизни. Мы говорили то же самое о наших политических принципах, - ответил Райан. - Результатом стал мир, созданный на основе этих принципов. То, что мы называем правами, - никто не даровал нам, сэр. Мы завоевали их в жестокой борьбе. Люди гибли, защищая свои идеалы. Население этих островов - граждане Америки. Неужели мы ничем им не обязаны?

Слыша это, государственный секретарь испытывал неловкость. Так же неловко чувствовали себя и остальные присутствующие, а потому с признательностью посмотрели на Хансона, когда тот взял слово.

- Мы можем вести переговоры с позиции силы, но вести их приходится осторожно, не переступая определенных границ.

- Каких именно? - спокойно поинтересовался Райан.

- Черт побери, Райан, мы не можем идти на риск ядерного нападения из-за нескольких тысяч...

- Господин государственный секретарь, а из-за какого числа людей вы готовы пойти на риск подвергнуться ядерному удару? Какова эта магическая цифра? Миллион? Наше место в мире основано на нескольких простых идеях, и множество людей отдали свои жизни, защищая их.

- Это демагогия, - огрызнулся Хансон. - Я уже собрал команду, которая будет вести переговоры. Мы сумеем получить обратно Гуам.

- Нет, сэр, мы получим обратно все острова, оккупированные японцами, и я скажу вам почему. - Раздан наклонился вперед и обвел взглядом сидящих за столом. - Если мы не получим обратно все Марианские острова, то никак не сможем предотвратить войну между Россией, с одной стороны, и Японией и Китаем - с другой. Мне кажется, что я хорошо разбираюсь в том, как думают русские. Они будут воевать за Сибирь. У них просто нет иного выхода. Природные ресурсы Восточной Сибири - это тот единственный рычаг, с помощью которого они смогут достойно войти в двадцать первый век. И война может

перерасти в ядерную. Япония и Китай так, по-видимому, не считают, но мне кажется, что они ошибаются. Я объясню вам причину.

Если мы, Соединенные Штаты Америки, не сумеем эффективно решить создавшуюся проблему, то кому это окажется по силам? Русские решат, что они остались в одиночестве. Наше влияние на них сойдет на нет, они поймут, что их загнали в угол, и прибегнут к единственному средству защиты, которое имеется в их распоряжении. И тогда начнется такая бойня, какой еще не видел мир, а я отнюдь не намерен возвращаться в средневековье.

Таким образом, у нас нет выбора. Вы можете называть сколько угодно причин, но ситуация от этого не изменится: защитить население этих островов, людей, решивших стать американскими гражданами, - наш долг чести. Если мы не сумеем его защитить, значит, мы не в состоянии защитить ничего. Все перестанут доверять нам и уважать нас, да и мы сами потеряем к себе уважение. Стоит нам предать жителей Марианских островов, и все поймут, что мы вовсе не те, за кого себя выдаем, и все, что нами сделано, рассыплется в прах.

Президент Дарлинг все это время молча переводил взгляд с одного лица на другое, дольше всего останавливая его на министре обороны и на председателе Объединенного комитета начальников штабов - человеке, которого выбрал министр обороны для участия в процессе разоружения. Оба они сидели, молча уставившись в стол, и президент понял, что ни тот ни другой не сумеет в такой момент достойно выйти из создавшейся ситуации. Президент не сомневался, что страна не может сейчас позволить себе роскошь поручить им решение столь сложной проблемы.

- Как нам следует приступить к осуществлению такой задачи, Джек? - спросил он.

- Я еще не знаю, господин президент. Но прежде чем приступить к делу, нужно принять решение, будем ли мы бороться за возвращение островов или нет. А такое решение должны принять вы, сэр.

Дарлинг взвесил слова Раиана, подумал, не поставить ли вопрос на голосование своих министров, но по выражению их лиц понял, что делать этого не стоит. Он вспомнил службу во Вьетнаме, вспомнил, как сказал солдатам, что их жизни будут отданы за свободу Америки, хотя и знал, что это ложь. Дарлинг навсегда запомнил, какое выражение было на солдатских лицах, когда они услышали эти слова от своего офицера. Мало кто знал, что почти каждый месяц он темной ночью покидал Белый дом, чтобы направиться к стелле, установленной погибшим во Вьетнаме, где знал точное место каждого погибшего солдата своего подразделения. Президент подходил к ним, одному за другим, и говорил, что да, их смерть была не напрасной, что в великом круговороте жизни она сыграла свою роль, изменила мир к лучшему и, хотя для них это оказалось слишком поздно, это не было поздно для и! соотечественников. И президент Дарлинг думал еще об одном: никто никогда не отнимал землю у Америки. Может быть, в этом и крылась истина.

- Бретт, немедленно начинайте переговоры. Дайте понять японской стороне, что ситуация, возникшая в западной части Тихого океана, совершенно неприемлема для американского правительства. Мы никогда не согласимся на что-либо меньшее, чем восстановление положения, существовавшего до начала

военных действий, и полное возвращение Марианских островов Соединенным Штатам. Никогда, - повторил Дарлинг.

- Слушаюсь, господин президент.

- Мне нужны планы и возможные варианты удаления японских вооруженных сил с островов на случай, если переговоры потерпят неудачу, - повернулся он к министру обороны. Тот молча кивнул, но по выражению лица министра президент прочитал его мысли - он считал, что силой острова не вернуть.

Адмирал Чандраскатта считал, что времени потребовалось больше, чем нужно, однако он проявил терпение и знал, что может это себе позволить. Итак, как будут развиваться события дальше? - подумал он.

Все можно было осуществить гораздо быстрее. Он медлил, стараясь выяснить планы и методы американца, образ мыслей своего противника - контр-адмирала Майкла Дюбро. Американский флотоходец проявил себя умным противником, искусно маневрировал своим флотом, а поскольку он был умным, то неизбежно сделал вывод, что ему противостоит глупый противник. В течение недели американское соединение находилось к юго-западу от Чандраскатты, и он, начав перемещаться на юг, вынудил Дюбро направиться сначала к северу, а затем на восток. Если бы его оценка оказалась ошибочной, американским кораблям все равно пришлось бы двигаться в том же направлении, к востоку от мыса Дондра, вынудив танкеры срезать угол и плыть напрямую. Рано или поздно они попали бы в поле зрения индийских воздушных патрулей, и наконец так и произошло. Теперь ему оставалось только следовать за ними, а Дюбро не мог приказывать им изменить курс, разве что на восток. А это означало, что американский адмирал будет вынужден вести весь свой флот на восток, удаляясь от Шри-Ланки и открывая путь для десантного соединения индийского флота, готового взять на борт войска и бронетехнику.

У американского флота оставалась единственная альтернатива - повернуть навстречу индийскому соединению и вступить с ним в бой.

Но пойдут ли они на это? Нет, не пойдут. Единственный разумный выход для американцев - отозвать Дюбро с его двумя авианосцами в Пирл-Харбор, где они станут дожидаться решения политических руководителей своей страны, начинать ли военные действия против Японии или нет. Они уже нарушили главный принцип Алфреда Тайера Мэхэна<А. Т. Мэхэн (1840 - 1914) - американский военно-морской теоретик, создатель теории господства на море>, который Чандраскатта усвоил в военно-морском колледже в Нью-Порте, штат Род-Айленд, где не так давно учился в одном классе с Юсуо Саго. Он вспомнил теоретические дискуссии с одноклассником-японцем, когда они прохаживались по набережной и, глядя на яхты, рассуждали о том, как малые военно-морские силы могут одержать верх над большими.

Прибыв в Пирл-Харбор, Дюбро не минует встреч в разведывательном и оперативном управлениях Тихоокеанского флота, там оценят ситуацию и поймут, что сделать это было скорее всего невозможно. Индийский адмирал представил себе, как американцы будут расстроены и рассержены.

Но сначала надо преподать им урок. Теперь он преследовал американские корабли. При всей своей скорости и подготовке, они не могли покинуть определенный район океана, так что рано или поздно их возможности

маневрирования придут к концу. Сейчас, наконец, он сумеет оттеснить их, и его страна получит возможность сделать первый шаг к имперскому господству на Тихом океане. Крохотный шаг, почти незаметный в глобальном масштабе, но тем не менее это будет достойный гамбит, поскольку вынудит американцев отступить, дав тем самым возможность его стране двинуться вперед, как это уже сделала Япония. К тому времени, когда Америка сумеет восстановить свою былую мощь, будет уже слишком поздно что-либо изменить. По сути дела весь вопрос - во времени и в пространстве. И Япония и Индия вступили в схватку со страной, раздираемой внутренними трудностями и потому не способной стремиться к главной цели. Японцы проявили незаурядный ум, заметив это.

- Все прошло лучше, чем я ожидал, - произнес Дарлинг. На этот раз он впервые прошел для беседы в кабинет Райана, а не пригласил его к себе.

- Вы действительно так считаете? - удивленно спросил Джек.

- Не забудь, почти весь состав кабинета я унаследовал от Боба. - Президент сел. - Все их внимание сфокусировано на внутренних проблемах страны. Это стало причиной многих моих затруднений.

- Вам нужны новый министр обороны и другой председатель Объединенного комитета начальников штабов, - холодно напомнил президенту советник по национальной безопасности.

- Я знаю, но сейчас неудачный момент для этого. - Дарлинг улыбнулся. - Это предоставляет тебе более широкие полномочия. Но сначала мне хотелось задать тебе вопрос.

- Я не уверен, что мы сумеем добиться успеха, - тихо проговорил Райан, рисуя завитушки на листе блокнота.

- Прежде всего нам нужно уничтожить их баллистические ракеты.

- Да, сэр, знаю. Мы найдем их. По крайней мере я надеюсь, что это случится, тем или иным путем. Есть еще две сомнительные карты - заложники и наша способность нанести удар по островам. Эта война - если так можно назвать происходящее - станет развиваться по другим правилам, и я пока не уверен, какими они будут. - Райан все еще не пришел к окончательному решению по поводу оповещения общественности. Как отреагирует на это американский народ? Какой будет реакция японцев?

- Тебя интересует, что думает твой верховный главнокомандующий? - спросил Дарлинг.

На лице Райана появилась улыбка.

- Разумеется.

- Я принимал участие в войне, что велась по правилам, которые диктовал противник, - заметил президент. - Тогда у нас все получилось не слишком здорово.

- Тут мне хотелось бы задать вопрос, - сказал Джек.

- Давай.

- Насколько далеко можно зайти при решении этой проблемы?

Президент задумался.

- Формулировка слишком неопределенная, - заметил он наконец.

- Обычно при всяких боевых действиях вражеское командование является законной целью для уничтожения, но до сих пор командование противника

состояло из военных.

- Ты хочешь нанести удар по верхушке дзайбацу?

- Да, сэр. По нашим сведениям именно они отдают приказы.

Но это гражданские лица, и удар по ним будет походить на убийство.

- Мы решим этот вопрос, когда подойдем к нему, Джек. - Президент встал и направился к выходу. Он сказал все, что намеревался сказать.

- Понятно, сэр. - Значит, мне предоставляются более широкие полномочия. Эта фраза могла означать многое. Главным образом то, что Райан мог принимать решения, но в одиночку и без посторонней поддержки. Ну что ж, подумал Джек, я и раньше так поступал.

- Что мы наделали? - спросил Кога. - Почему мы позволили им такое?

- Для них это так просто, - ответил политический советник, столько лет работавший с бывшим премьер-министром. Ему не требовалось называть, о ком идет речь. - Мы разобщены и потому не в состоянии оказать давление, продемонстрировать свою силу. А они могут толкать нас в любом направлении, и с течением времени... - Он пожал плечами.

- И с течением времени оказалось, что политика нашей страны формулируется двадцатью или тридцатью людьми, избранными директорами их собственных корпораций. Но чтобы зайти так далеко? - Кога пожал плечами. - Почему?

- Мы оказались в таком положении. Неужели вы предпочитаете, чтобы мы закрыли на это глаза? - спросил советник.

- И кто является сейчас гарантом и защитником нашего народа? - поморщившись - и зная ответ, - спросил бывший - какое горькое слово - премьер-министр.

- Готово, разумеется.

- Мы не можем допустить этого. Вы знаете, к чему это приведет. - Советник кивнул и улыбнулся бы, если бы не крайняя серьезность ситуации. - Скажите мне, что такое честь? - спросил Могатару Кога. - К чему она обязывает нас сейчас?

- Наш долг, господин премьер-министр, - способствовать благополучию и процветанию народа Японии, - ответил советник. Их дружба началась еще в Токийском университете. Затем он вспомнил слова кого-то из древних западных мужей - кажется, Цицерона, подумал советник. - Высшим законом является благо людей.

И этим сказано все, подумал Кога. По-видимому, всякая государственная измена и политическая авантюра всегда начиналась с этого. Это следует обдумать, решил он, утро вечера мудренее.

Затем он посмотрел на часы и с недовольной гримасой увидел, что утро уже наступило.

- Мы уверены, что это колея стандартной ширины?

- Ты можешь сам проверить полученные снимки, - сказала ему Бетси Флеминг. Они вернулись в отделение Национального управления фоторазведки, НУФ, расположенное в здании Пентагона. - Использованная для транспортировки железнодорожная платформа, которую увидели наши люди, рассчитана на

стандартную колею.

- Может быть, это попытка дезинформации? - спросил аналитик НУФ.

- Диаметр баллистической межконтинентальной ракеты SS-19 составляет 2,82 метра, - ответил Крис Скотт, передавая текст факса, полученного из России. - Добавим еще 270 сантиметров на транспортный контейнер, в котором размещается ракета. Я сам проверил эти цифры. Узкоколейка с трудом справится с таким негабаритным грузом. Справится, но едва-едва.

- Нужно исходить из того, - продолжила Бетси, - что они не захотят рисковать. К тому же русские тоже исходили из возможности транспортировки ракет по железной дороге и при проектировании птчки приняли это во внимание, а в России ширина железнодорожной колеи...

- Извини, я упустил это из виду. У них ширина колеи больше нашей стандартной, верно? - Аналитик кивнул. - О'кей, это облегчает нашу работу. - Он повернулся к своему компьютеру и ввел команду прохождения задач, которую рассчитал несколько часов назад. Теперь при каждом пролете над Японией узкофокусные камеры с высочайшей разрешающей способностью, расположенные на разведывательных спутниках, будут отслеживать заданные точные координаты. Любопытно, что самой полной и современной информацией о японских железных дорогах обладала американская железнодорожная компания "Амтрак", и в данный момент одного из ее директоров знакомили с правилами секретного делопроизводства, связанного с изучением космических фотографий. Вообще-то процесс ознакомления с этими правилами был прост и краток. Он гласил: стоит вам рассказать кому-нибудь об увиденном, и можете рассчитывать на длительный срок в тюрьме строгого режима в Марионе, штат Иллинойс.

Компьютерный приказ был адресован в Саннивейл, штат Калифорния, оттуда его ретранслировали на военный спутник связи и далее на два орбитальных спутника KH-11, один из которых пролетит над Японией через пятьдесят минут, а другой десятью минутами позже. Все трое, что сидели в Национальном управлении фоторазведки, думали об одном: насколько искусно укрывают японцы свои секретные объекты камуфляжными сетками. Не исключено, что ничего просто не удастся обнаружить. Оставалось одно - ждать. Они смогут посмотреть на открывающуюся картину в реальном масштабе времени по мере поступления изображения, но, если им не удастся сразу обнаружить что-то явное, дешифровка будет осуществляться в течение многих часов и дней. Если им повезет, разумеется.

"Курушио" находилась на поверхности, а это обстоятельство всегда служит источником беспокойства для любого командира подводной лодки, и капитан третьего ранга Угаки не составлял исключения. Но они не останутся здесь надолго. Топливо поступало в цистерны по двум шлангам большого диаметра, а остальные припасы, главным образом продовольствие, спускали краном на палубу, где их ожидали матросы. У японского военно-морского флота нет специальных кораблей, предназначенных для снабжения подводных лодок. Для этого использовались главным образом танкодесантные суда, но сейчас они были задействованы в другом месте, и приходилось довольствоваться обычным торговым транспортником, "купцом", команда которого выполняла эту работу с энтузиазмом, но без должной выучки.

Лодка Угаки была последним из боевых кораблей, направлявшихся в гавань Агана-Харбор, поскольку находилась дальше всех от Марианских островов, когда там началась высадка оккупационных войск. В ходе операции Угаки произвел всего один выстрел и с удовлетворением увидел, насколько успешно действует торпеда типа 89. У "купца" не было снаряжения, чтобы пополнить его боезапас, но, напомнил себе капитан, на борту еще находились пятнадцать торпед и четыре крылатых ракеты "Гарпун", и, если американцы предложат ему столько целей, он с радостью пойдет им навстречу.

Матросы, не занятые погрузкой припасов на кормовой палубе, собрались на носу и грелись под солнечными лучами, как это любят подводники. Капитан последовал их примеру, разделся до пояса и уселся на вершине боевой рубки, на "парусе", чтобы выпить чаю и продемонстрировать улыбкой свое хорошее настроение. Следующим заданием было патрулировать к западу от Бонинских островов, где они будут перехватывать все американские суда - скорее подводные лодки, - пожелавшие приблизиться к Японским островам. Эта операция, подумал Угаки, будет типичной для подводной лодки - однообразной, но напряженной.

Следует поговорить с экипажем и объяснить всю ответственность возложенной задачи.

- Так где же проходит патрульная линия? - спросил Джоунз.

- В настоящий момент вдоль 165-й долготы к востоку от Гринвича. - Адмирал Манкузо кивком указал на карту. - У нас мало сил, Джоунзи, и мы рассредоточены на большом пространстве. Прежде чем отправить их в бой, я хочу, чтобы они привыкли к этой мысли. Пусть командиры подводных лодок подготовят своих людей. Понимаешь, Рон, никто не может сказать, что его команда полностью готова к боевым действиям. Никто.

- Это верно, - согласился штатский. Он пришел с распечатками записей, сделанных на патрульной линии, чтобы продемонстрировать, что все известные подводные контакты исчезли с экрана. Две линии гидрофонов, управляемых с Гуама, перестали передавать информацию. И хотя они были соединены с остальной гидрофонной сетью подводным кабелем, их, по-видимому, отключил обслуживающий персонал на Гуаме, и пока никто с главного центра в Пирл-Харборе не смог снова задействовать их. Но была и хорошая новость - гидрофонная сетка рядом с островом Самар у Филиппин продолжала функционировать, однако она не могла обнаружить японские подводные лодки у гавани Агана, которые пополняли свои запасы, хотя их засекли разведывательные спутники из космоса. Космические разведчики сумели даже опознать их. Наверно, сумели, подумал Манкузо. Японцы все еще наносили номера на свои боевые рубки - "парусы", поправил себя адмирал, - и камеры на борту спутников отчетливо их видели. Придет время, и японцы тоже научатся обманывать космическую разведку подобно русским, а затем американцам - они будут менять номера или просто совсем откажутся от них.

- Было бы неплохо иметь в своем распоряжении еще несколько быстроходных ударных лодок, верно? - произнес Джоунз, внимательно посмотрев на карту.

- Да, конечно. Может быть, мы получим указания из Вашингтона... - Манкузо задумался. Расположение каждой подводной лодки, находившейся под его

командованием, было помечено на карте черным силуэтом. Помечены были даже те лодки, что находились в ремонте, только в этом случае силуэты были белыми и рядом стояла дата ввода в строй. В данный момент это ничем не могло ему помочь. Но ведь в Бремертоне таких силуэтов пять!

Титры СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ появились на экранах всех телевизоров, принимающих программы основных телевизионных компаний. В каждом случае приглушенный голос диктора объявлял, что программы передач прерываются для выступления президента США по поводу экономического кризиса, урегулированием которого занималась его администрация в течение последней недели. Затем на экранах появилась президентская эмблема. Те, кто следили за развитием событий, с удивлением увидели улыбающееся лицо президента.

- Добрый вечер, уважаемые сограждане. На прошлой неделе чрезвычайное событие потрясло устои американской финансовой системы.

Я хочу начать свое выступление сегодня следующими словами: экономика Америки сильна и ничто не может поколебать ее. Знаю, - он снова улыбнулся, - это заявление может показаться странным после того, что все вы могли узнать из средств массовой информации. Однако позвольте мне объяснить вам суть происшедшего. Начну с вопроса: а что изменилось? Американские рабочие по-прежнему собирают автомобили в Детройте и в других городах Америки. Они по-прежнему выплавляют сталь. Фермеры Канзаса собрали урожай озимых и готовятся к новой посевной. В Силикон-вэлли все еще изготавливают компьютеры. В Акроне по-прежнему делают покрышки для автомобилей. На заводах "Боинга" выпускают самолеты. На Аляске и в Техасе продолжают добывать нефть, а в Западной Виргинии - уголь. Всем, чем вы занимались неделю назад, вы занимаетесь и сейчас. Так что же изменилось?

А изменилось следующее: по медным проводам, по телефонным линиям вроде вот этой, - президент поднял телефонный провод и бросил его на стол, - проносились электроны, вот и все. - Он продолжал говорить голосом умного добродушного соседа, пришедшего к знакомому, чтобы дать ему совет. - Никто не погиб. Ни одна компания не разорилась. Богатство нашей страны не оскудело. Ничего не пропало.

И все-таки, мои друзья и соотечественники, кое-кто из вас ударился в панику - из-за чего?

За последние четыре дня нам удалось выяснить, что была сделана намеренная попытка помешать деятельности американских финансовых рынков. Министерство юстиции Соединенных

Штатов при содействии американцев, работающих на этих рынках, настоящих патриотов, преданных своей стране, ведет сейчас расследование и собирает доказательства против тех, кто совершили уголовное преступление, кто несут ответственность за эту попытку. Я не могу быть в данный момент более откровенным, потому что даже ваш президент не может лишить граждан права на беспристрастное и справедливое разбирательство дела в суде. Однако мы знаем, что случилось, и я с полной ответственностью заявляю: происшедшие события носят сугубо искусственный характер.

Итак, что же последует дальше? - спросил сам себя Роджер Дарлинг.

Биржи и финансовые рынки были закрыты на протяжении всей недели. Они

снова откроются в полдень будущей пятницы и...

33. Поворотные точки

- Такого не может быть, - произнес Козо Мацуда, перекрывая голос переводчика. - План Райзо продуман безукоризненно, больше того - идеально, - продолжал он, убеждая сам себя и одновременно собеседника. Незадолго до финансового краха он работал со своим союзником-банкиром и, воспользовавшись возможностью, сбросил американские казначейские облигации. Теперь он сумел изрядно укрепить финансовое положение своей пошатнувшейся корпорации. В результате его активы пополнились иенами, которыми он собирался расплатиться за целый ряд международных сделок. Разве в этом был какой-то риск? Нет, разумеется, особенно при укрепившемся курсе иены и рухнувшем долларе. Может быть, подумал он, даже стоит купить через посредников акции американских компаний. Это будет отличным стратегическим маневром после открытия фондовых рынков, когда падение курса ценных бумаг продолжится.

- Когда начинаются операции на европейских рынках? - Каким-то образом из-за волнения он забыл это.

- Лондон отстаёт от нас на девять часов, Германия и Голландия - на восемь, - ответил человек на другом конце телефонной линии. - Наши люди должным образом проинструктированы. - Эти инструкции были ясными и недвусмысленными: пользуйтесь увеличившейся силой японской национальной валюты для покупки максимально большого числа ценных бумаг европейских стран, так что, когда через два или три года финансовая паника закончится, Япония окажется до такой степени интегрированной в многонациональную экономику, что превратится в её неотъемлемую часть, неразрывно связанную с выживанием всей мировой системы, и любя" попытка избавиться от неё приведет к опасности нового экономического краха. А на это они никогда не пойдут после самого тяжелого за три последних поколения финансового коллапса и особенно после того, как Япония сыграет такую важную и бескорыстную роль, помогая тремстам миллионам европейцев снова достичь процветания. Мацуду беспокоило, что американцы заподозрили нечестную игру на финансовом рынке, но разве Ямата не заверил, что вся информация обо всех операциях и сделках уничтожена, разве это не гениальный маневр великого мастера, сумевшего спрятать концы в воду и повергнуть рынок ценных бумаг в хаос? Фондовая биржа не может функционировать без точных сведений о заключенных сделках, и при их отсутствии всякая деятельность просто прекращается. Мацуда не сомневался, что понадобятся недели или даже месяцы для того, чтобы восстановить информацию о совершенных транзакциях, а тем временем воцарившийся паралич финансовой системы позволит Японии - точнее, нескольким десяткам директоров из числа дзайбацу - получить колоссальные прибыли в дополнение к блестящим стратегическим успехам, достигнутым Яматой с помощью правительственных департаментов. Тщательно продуманный как единое целое план и был той причиной, по которой японские финансово-промышленные магнаты согласились принять участие в его осуществлении.

Вообще-то все это не имеет значения, Козо, сказал себе Мацуда. Мы разорили Европу, и в мире у нас одних остались ликвидные платежные средства.

- Вы хорошо говорили, босс. - Райан остановился на пороге, опершись о косяк двери.

- Нам нужно сделать еще так много, - отозвался Дарлинг. Он встал с кресла и покинул Овальный кабинет, не сказав больше ни слова. Президент и советник по национальной безопасности прошли мимо техников, которым был разрешен вход в Белый дом. Выступать перед репортерами было еще слишком рано.

- Поразительно, как философски мы смотрим на мир, - заметил Джек, когда они вошли в лифт, ведущий на жилой этаж здания.

- Ты так считаешь, а? Ты ведь учился в иезуитском колледже.

- Даже в двух. Что такое реальность? - задал риторический вопрос Джек.

- Для них реальность - на компьютерных экранах, по крайней мере за время работы на Уолл-стрите я понял, что они не имеют ни малейшего представления об инвестициях. За исключением Яматы, пожалуй.

- Уж он-то справился со всем - лучше некуда, как ты считаешь? - спросил Дарлинг.

- Ему не следовало влезать в компьютерную сеть. Если бы он оставил нас в покое и позволил доллару свободно падать... - Райан пожал плечами, - не исключено, что падение продолжилось бы. Ему просто не пришло в голову, что мы откажемся вести игру по общепринятым правилам. - В этом-то, подумал Джек, и ключ ко всему. Выступление президента представляло собой сложную комбинацию сказанного откровенно и оставленного невысказанным, а цель ее была рассчитана точно. По сути дела это был первый залп в начавшейся психологической войне.

- Прессу нельзя оставлять в неведении до бесконечности.

- Я знаю. - Райан уже знал даже, откуда просочится первая информация, и этого пока не случилось только из-за ФБР. - Однако следует еще некоторое время сохранить все в тайне.

Все началось осторожно, не то чтобы как часть какого-то оперативного плана, а, скорее, как его предвестник, словно движение в темноте на ощупь. Четыре бомбардировщика Б-1 "лансер" взлетели с авиабазы ВВС Элмендор на Аляске. За ними последовали два самолета-заправщика KC-10. Высокая широта и время года гарантировали темноту. В бомбовых отсеках "лансеров" вместо бомб размещались топливные баки. Экипаж каждого самолета состоял из четырех человек: пилота, второго пилота и двух операторов бортовых систем.

"Лансер" представлял собой стреловидный обтекаемый самолет, вполне оправдывающий свое название - "улан", или "копьеносец". Вместо обычного штурвала он был оборудован ручкой управления, как у истребителя, и пилоты, летавшие и на истребителях и на бомбардировщиках Б-1, говорили, что его управление очень походит на управление "фантомом", F-4, просто машина несколько тяжелее, но зато более значительный вес и размеры придают ей большую устойчивость и плавность в полете. Сейчас рассредоточенная группа "лансеров" летела по международному воздушному коридору R-220, держась друг от друга на расстоянии, обычном для коммерческих авиалайнеров.

Одолев за два часа тысячу миль, они миновали Шемью и вышли за пределы

наземного радиолокационного контроля. Затем все шесть самолетов ненадолго повернули на север. Воздушные заправщики поддерживали постоянный курс и высоту, а бомбардировщики один за другим приближались." ним и производили дозаправку - на эту процедуру каждому из них требовалось около двенадцати минут. После этого бомбардировщики повернули на юго-восток, а заправщики совершили посадку на аэродроме Шемьи, где снова наполнили баки.

Четыре "лансера" снизились до высоты двадцати пяти тысяч футов, ниже высоты, установленной для гражданских авиалайнеров, что давало им более значительную свободу маневра. Они продолжали полет рядом с международным коридором R-220, самой западной из всех трасс, проходящих над Тихим океаном, рядом с полуостровом Камчатка.

Бортовые системы были снова включены. Хотя Б-1 "лансер" был создан как ударный бомбардировщик, он мог решать и многие другие задачи, одной из которых была электронная разведка. Корпус любого военного самолета усеян рядом небольших выступов, которые напоминают непосвященным рыбы плавники. Это, как правило, разного рода антенны, в то время как их зализанные очертания призваны уменьшить сопротивление воздуха. На корпусе "лансера" таких выступов было множество, и скрытые под ними антенны предназначались для приема радиолокационных и других сигналов, которые затем поступали внутрь самолета на расположенное там оборудование, где подвергались тщательному анализу. Часть такой работы проводилась экипажем в реальном времени, что позволяло бомбардировщику следить за действиями вражеских радиолокационных установок, помогать экипажу избегать обнаружения и наносить бомбовый удар по цели.

У точки связи NOGAL, расположенной в трехстах милях от границы зоны опознавания японской ПВО, бомбардировщики разошлись друг от друга примерно на расстояние в пятьдесят миль и снизились до десяти тысяч футов. Члены экипажей потеряли руки, потуже затянули пристежные ремни и сосредоточились на выполнении поставленной задачи. Разговоры в кабине прекратились, ограничились репликами, связанными с операцией; начали вращаться бобины магнитофонов. Со спутников поступили сообщения, что японская противовоздушная оборона почти непрерывно держит в воздухе самолеты раннего оповещения E-767, а экипажи бомбардировщиков больше всего опасались именно этого элемента ПВО. Барражируя на большой высоте, самолеты АВАКС E-767 контролировали огромное пространство, а их подвижность позволяла обнаруживать угрожающую опасность с большой эффективностью. Однако хуже было то, что они действовали, как правило, совместно с истребителями, в которых находились летчики с острым зрением и мгновенной реакцией, а такое сочетание страшнее всего.

- О'кей, вот и первый, - услышался голос одного из операторов. Строго говоря, этот радиолокатор не был первым для экипажей бомбардировщиков. Практикуясь, они вели калибровку своего оборудования на радиолокационных установках русской противовоздушной обороны, однако впервые на памяти всех шестнадцати членов экипажей они действовали не против русских радаров и истребителей. - Низкая частота, фиксированное местоположение, координаты известны.

Они принимали то, что операторы называли "снежком". Обнаруженный ими

радиолокатор находился за линией горизонта - слишком далеко, чтобы заметить их самолет, в конструкцию которого были встроены элементы технологии "стеле". Подобно тому как можно обнаружить человека с включенным фонариком в руке задолго до того, как тот сумеет увидеть вас, так и действующий радиолокатор издавна выдавал себя. Мощный излучатель служил маяком для непрошенных гостей вроде вперёдсмотрящего, который должен обнаруживать приближающегося неприятеля. Местоположение, частота излучаемых импульсов и мощность радиолокатора записывались на магнитную пленку и подвергались тщательному анализу. Дисплей на консоли оператора электронной разведки демонстрировал участок, "освещаемый" радаром, причем на экране репитера перед пилотом опасный участок был окрашен в красное. Пилот приложит все усилия, чтобы не приближаться к этому участку.

- Вот еще один, - негромко заметил оператор электронной разведки. - Ого, ты только посмотри, какая мощность излучения, наверняка установлен на борту самолета. Должно быть, один из их новых АВАКСов. Определенно движется с юга на север, пеленг сейчас два-ноль-два.

- Понял, - отозвался пилот, который непрерывно обшаривал взглядом темное небо. "Лансер" летел вообще-то на автопилоте, но правая рука летчика все равно находилась в нескольких дюймах от ручки управления, и он готов был в любой момент бросить бомбардировщик в сторону, перейти в крутое пикирование или включить форсаж. Где-то справа находились японские истребители, скорее всего два F-15, но они будут кружить поблизости от E-767.

- Только что обнаружил еще одного... пеленг один-девять-пять... другая частота излучения и... одну минуту, - произнес оператор электронной разведки. - О'кей, произошло резкое изменение частоты излучения. Он находится сейчас скорее всего за линией горизонта.

- Может нас обнаружить? - спросил пилот, снова поглядывая на экран. За пределами красной зоны опасности желтым цветом была обозначена зона возможного обнаружения - пилот думал о ней, как о зоне "может быть". В данный момент их бомбардировщик находился всего в нескольких минутах лета от пересечения границы этой зоны, и сейчас она представлялась пилоту весьма опасной, особенно в трех тысячах миль от авиабазы ВВС в Элмендорфе.

- Не могу сказать ничего определенного. Думаю, лучше отвернуть влево, - посоветовал оператор электронной разведки и тут же почувствовал, как самолет накренился на пять градусов. Для успешного осуществления операции необходимо было избегать всякого риска. Операция заключалась в сборе информации - так профессиональный игрок в карты окидывает взглядом стол, прежде чем сесть в кресло и сделать первую ставку.

- Мне кажется, там что-то промелькнуло, - слышался тревожный голос одного из операторов E-767. - На пеленге ноль-один-пять, курс на юг. - Вращающаяся дисковая антенна над корпусом E-767, равно как и все остальное радиолокационное оборудование самолета, была произведена в Японии и опережала по уровню высокой технологии все системы такого рода в мире. Мало что могло сравниться с ней, как и многое из созданного японскими инженерами. Три таких самолета действовали на восточных подступах к Японии. Мощность радиолокационных импульсов, излучаемых антенной, достигала трех миллионов ватт и примерно в четыре раза превышала мощность любого американского

воздушного радара, однако высочайший уровень технологии заключался не в мощности, а в том, каким образом осуществлялось слежение за окружающим пространством. В общем-то этот радиолокатор представлял собой уменьшенную модификацию радара "Спай", устанавливаемого на японских эскадренных миноносцах типа "конго". Антенна, созданная на основе последних достижений физики твердого тела, сканировала окружающее пространство, постоянно меняя частоту. Чтобы обнаружить цель на большом расстоянии, использовались относительно низкие частоты. Хотя длинные волны в определенной степени огибали видимый горизонт, разрешающая способность из-за этого понижалась. Оператор замечал мерцание цели только где-то на каждом третьем обороте антенны. Программное обеспечение системы еще не научилось отличать помехи от сознательных действий человеческого ума, по крайней мере не во всех случаях, и, к сожалению, в данном случае радиолокатор работал именно на такой частоте...

- Ты уверен? - спросил старший диспетчер по внутренней связи. Он только что включил собственный дисплей и не успел ничего обнаружить.

- Вот. - Первый оператор передвинул свой курсор и пометил приблизительное место контакта, когда на экране снова промелькнула вспышка. - Погоди, вот, смотри! - Он заметил новый выброс сигнала и тоже пометил его. Контакт тут же исчез, но опять появился через пятнадцать секунд. - Смотри, направляется на юг, скорость пятьсот узлов.

- Отлично. - Старший диспетчер включил радио, поднес к губам микрофон и доложил наземной станции, что впервые кто-то пытается прощупать японскую противовоздушную оборону. Удивительным вообще-то являлось лишь то, что на это потребовалось столько времени. Теперь ситуация станет интересной, подумал он, пытаясь понять, что произойдет, когда игры начнутся всерьез.

- Больше не видно этих E-767-х? - спросил пилот.

- Нет, всего два. Мне показалось пару минут назад, что на экране начало снежить, - доложил оператор электронной разведки, - но все быстро исчезло. - Ему не требовалось объяснять, что его бортовое оборудование обладало столь высокой чувствительностью, что могло, пожалуй, зарегистрировать сигналы радиоустройств, открывающих двери гаражей. Через мгновение было отмечено местонахождение еще одного наземного радиолокатора. Линия обнаружения уходила на запад, по мере того как они оставляли позади район, прощупываемый радиолокаторами двух E-767. Они все еще продолжали лететь в юго-западном направлении и находились теперь примерно в трехстах милях слева от центральной части Хонсю - самого большого из японских островов. Сейчас вторые пилоты всех четырех бомбардировщиков смотрели только на запад, тогда как их командиры окидывали взглядом пространство впереди. Ситуация была напряженной, но в ней не было ничего особенного - так едешь в своей машине через городской район, в котором не хотелось бы жить. Пока все светящиеся указатели на панели зеленые, нет оснований для беспокойства, хотя вам не нравится, как прохожие смотрят на ваш автомобиль.

Настроение у членов экипажа третьего - E-767 и летчиков истребителей сопровождения было подавленным. Вражеские самолеты осматривали побережье их

страны, и пусть они находились на расстоянии шестисот километров от ее берегов, им все равно здесь нечего было делать. Тем не менее японские летчики выключили свои радары, переведя их из активного режима в пассивный. Скорее всего, думали они, это самолеты электронной разведки EC-135, которые собирают информацию о боеготовности Японии. А раз задача американцев состоит в сборе информации, то самым правильным будет лишить их такой возможности. К тому же это было бы совсем несложно - по крайней мере так думали члены экипажа самолета раннего радиолокационного обнаружения E-767.

В следующий раз мы подлетим поближе, сказал себе командир бомбардировщика. Сначала специалистам придется изучить собранную электронную информацию, чтобы определить, где находятся опасные участки и где опасность не столь велика, от их выводов будут зависеть жизни офицеров ВВС. Об этом было приятно думать. Члены экипажа расслабились, стали зевать, и снова возобновился разговор, главным образом о прошедшей операции и о том, что им удалось узнать. Через четыре с половиной часа они вернутся на базу в Элмендорф, примут душ и отправятся отдыхать, как это предписано правилами.

Японские диспетчеры все еще не были полностью уверены, что им вообще удалось кого-то обнаружить, однако изучение магнитных лент с записями сигналов бортовых систем позволит это уточнить. Самолеты продолжили патрулирование воздушного пространства, контролируя полеты гражданских авиалайнеров, и экипажи обменивались замечаниями по поводу того, почему, черт побери, все еще не прекратили снова коммерческие борта. Пилоты только пожимали плечами и недоуменно морщили лбы, испытывая еще большую неуверенность, чем в тот момент, когда им казалось, будто они следили за контактами на радиолокационных экранах. Сидя по многу часов подряд перед экранами, операторы теряли ощущение реальности. Рано или поздно воображение подчиняло себе сознание, и чем дальше, тем больше. Однако они знали, что и противная сторона тоже находится в таком же положении.

Управляющие центральными банками привыкли, что их принимают, как королевских особ. Их самолеты совершили посадку в международном аэропорту Джона Ф. Кеннеди в течение одного часа. Каждого встретил высокопоставленный дипломат из миссии соответствующего государства при ООН, их мгновенно провели через таможенный контроль и доставили в город на автомобилях с дипломатическими номерами. Банкиры были изрядно удивлены тем, куда их привезли, но председатель правления Федеральной резервной системы объяснил, что из-за проблем связи и координации Нью-Йоркское отделение ФБР удобнее местного банка ФРС, особенно если принять во внимание, что конференц-зал здесь может вместить президентов крупнейших финансовых корпораций и торговых домов. К тому же в интересах национальной безопасности США действие антимонопольного законодательства временно приостановлено. Это сообщение заставило улыбнуться зарубежных банкиров. Наконец-то, подумали они, Америка поняла, что финансовые проблемы тесно связаны с интересами национальной безопасности, хотя ей потребовалось на это немало времени.

После кратких вступительных слов председателя правления Федеральной

резервной системы и министра финансов Фидлера наступила очередь Джорджа Уинстона и Марка Ганта, которые принялись за окончательное разъяснение событий, происшедших на прошлой неделе, и на этот раз все прошло без сучка и задоринки.

- Чертовски остроумно, - произнес глава Британского банка, обращаясь к своему германскому коллеге.

- Jawohl<Конечно (нем.)>, - согласился тот шепотом.

- Есть ли способ не допустить повторения такого в будущем? - поинтересовался вслух один из банкиров.

- Следует разработать для этого более надежную систему регистрации совершенных сделок, - тут же ответил Фидлер, который снова чувствовал себя бодрым после нескольких часов ночного сна. - Что еще?.. Мы посвятим этому некоторое время. А сейчас важнее найти средства исправить создавшееся положение.

- Японская иена должна быть наказана за случившееся, - отозвался президент Французского национального банка. - И нам нужно помочь вам укрепить доллар, чтобы защитить свои собственные валюты.

- Согласен, - кивнул председатель Федеральной резервной системы. - Я рад, Жан-Жак, что наши позиции совпадают.

- Как вы намерены поступить, чтобы спасти свой рынок ценных бумаг? - спросил глава Бундесбанка.

- Вам это может показаться безумием, но мы считаем, что успех зависит от следующих действий... - Министр финансов Фидлер разъяснил процедуру, подробностей которой не коснулся в своем выступлении президент Дарлинг. Осуществление ее в значительной мере зависело от согласия европейских банкиров.

Реакцию гостей можно было предположить: сначала они изумленно переглянулись, затем одобрительно закивали. Фидлер улыбнулся.

- Скоординировать наши действия предлагаю в пятницу, когда откроются финансовые рынки, - заключил он.

Для начала дипломатических переговоров девять часов утра было необычным временем, и это содействовало решению проблемы. Чтобы не вызвать любопытства репортеров, американская делегация прибыла к японскому посольству на Массачусетс-авеню в частных автомобилях. Формальности строго соблюдались. Выделенное для переговоров помещение было достаточно просторным, и стол вполне соответствовал его размерам. Американцы заняли места по одну его сторону, японцы - по другую. Все обменялись рукопожатиями - это были дипломаты и так полагалось по протоколу. Были приготовлены чай и кофе, однако большинство присутствующих предпочли воду со льдом в хрустальных бокалах. К раздражению американцев, некоторые из японцев курили. Скотт Адлер подумал, а не делается ли это намеренно, чтобы выбить его из равновесия, и в качестве противоядия попросил у старшего помощника японского посла сигарету и тоже закурил.

- Благодарю вас за согласие нас принять, - чопорно произнес он.

- Позвольте еще раз приветствовать вас в стенах нашего посольства, - ответил посол Японии, дружески, хотя и осторожно кивнув.

- Начнем? - спросил Адлер.

- Прошу вас. - Посол откинулся на спинку кресла и сложил пальцы на животе, стараясь продемонстрировать, что он совершенно спокоен и готов выслушать вступительную речь.

- Соединенные Штаты крайне озабочены событиями в западной части Тихого океана, - начал Адлер. Фраза "крайне озабочены" была выбрана намеренно. Когда государства заявляют, что они крайне озабочены, это означает, что рассматривается возможность применения вооруженной силы. - Как вам известно, жители Марианских островов являются американскими гражданами и стали ими по собственному желанию, выразив его на свободных выборах, состоявшихся почти двадцать лет назад. По этой причине Соединенные Штаты Америки ни при каких условиях не согласятся с японской оккупацией этих островов и мы про... - нет, поправился Адлер, - мы требуем немедленного возвращения этих островов под суверенитет США, а также полного вывода японских вооруженных сил с этих территорий. Мы также требуем немедленного освобождения всех американских граждан, удерживаемых вами. Отказ от выполнения этих требований повлечет за собой самые серьезные последствия.

Все присутствующие сразу оценили недвусмысленность такого заявления. Пожалуй, подумали японские дипломаты - даже те из них, кто считали действия своего правительства безумием, - оно было выдержано в чересчур резких формулировках.

- Со своей стороны я сожалею о тоне подобного заявления американской делегации, - ответил посол, что на дипломатическом языке означало пощечину, нанесенную Адлеру. - Мы готовы выслушать ваши предложения по основным вопросам и изучить их приемлемость, принимая во внимание интересы безопасности Японии. - Как дипломату Адлеру придется теперь повторить все, что он только что сказал, и разъяснить значение своих слов. Это было неприкрытое требование выслушать новое заявление американской стороны, где содержались бы какие-нибудь уступки, в обмен на что японское правительство тоже в чем-то уступит.

Адлер поднес к губам бокал с водой и сделал пару глотков.

- По-видимому, я не сумел достаточно ясно выразить позицию моего правительства, - произнес он, поставив бокал на стол. - Ваша страна совершила акт вооруженной агрессии против Соединенных Штатов Америки. Подобные действия влекут за собой очень серьезные последствия. Мы даем возможность вашему правительству избежать дальнейшего кровопролития.

У остальных американцев, сидевших за столом, промелькнула одна и та же мысль: крайне жесткое заявление. Американская сторона приступила к переговорам, не успев разработать линию поведения, и Адлер зашел дальше, чем они ожидали.

- И снова, - ответил посол после некоторого размышления, - я вынужден заявить, что считаю ваш тон достойным сожаления. Как вам известно, моя страна вынуждена проявлять законную тревогу о своей безопасности. Она оказалась жертвой необдуманных мер, которые направлены на то, чтобы причинить самый серьезный ущерб нашим экономическим и национальным интересам. Статья 51 "Хартии ООН" недвусмысленно признает право любого суверенного государства на меры самообороны. Ничего большего, чем такие

меры, мы не принимали.

Искусно сформулированный ответ, это признали даже американцы, и повторный призыв к компромиссу давал реальную возможность для маневра.

Первоначальный этап обмена дипломатическими фразами продолжался еще полтора часа. Ни одна из сторон не соглашалась пойти на уступки, всякий раз просто повторяя свою позицию в несколько иных выражениях. Затем наступило время для перерыва. Сотрудники службы безопасности распахнули двери в изысканный сад, и все направились туда, якобы подышать свежим воздухом, но на самом деле для продолжения переговоров уже на неофициальном уровне. Сад был слишком велик, чтобы установить здесь аппаратуру прослушивания.

- Итак, Крис, мы начали переговоры, - негромко произнес Сейджи Нагумо, отпивая кофе из чашки - он выбрал кофе, чтобы продемонстрировать, что сочувствует американцам; из тех же соображений Кристофер Кук предпочел чай.

- Что еще ты ожидал услышать от нас? - спросил заместитель помощника государственного секретаря.

- Во вступительном заявлении не было ничего удивительного, - согласился Нагумо.

Кук посмотрел на высокую стену, которая окружала сад японского посольства.

- На какие уступки вы готовы?

- Определенно уйдем с Гуама, но он должен превратиться в демилитаризованную зону, - тихо ответил Нагумо. - А что можете предложить вы?

- Пока - ничего.

- Ты должен дать мне что-то, для того чтобы я мог передать это послу, - заметил Нагумо.

- Я ничего не могу предложить, за исключением разве прекращения военных действий - до того как они начнутся всерьез.

- Когда они могут начаться?

- Слава Богу, не в ближайшее время. По крайней мере у нас есть время для переговоров. Давай используем его с максимальной пользой, - встревоженно произнес Кук.

- Я передам твою точку зрения. Спасибо. - Нагумо отошел в сторону и встал рядом с одним из членов своей делегации. Кук тоже побродил по саду и минуты через три подошел к Адлеру.

- Уступят Гуам, но при условии превращения его в демилитаризованную зону. Это определено. Может быть, что-нибудь еще, но безо всяких гарантий.

- Интересно, - сказал Адлер. - Значит, ты был прав, когда говорил, что они готовы пойти на уступки, чтобы мы могли спасти свою репутацию. Неплохо сработано, Крис.

- А что мы предложим в обмен?

- Ничего, - холодно ответил заместитель государственного секретаря. Он подумал о своем отце и о татуировке у него на руке, о том, как он узнал от него, что девятка - это перевернутая вверх ногами шестерка, как отца отправила в концлагерь страна, когда-то бывшая союзником государства, представитель которого владел этим посольским особняком и красивым, хотя и

словно неживым садом. Подобные мысли не должны были появляться у профессионального дипломата, и Адлер знал это. Япония предложила убежище нескольким евреям и спасла их от смерти - один из них стал членом кабинета министров в администрации Джимми Картера. Может быть, если бы его отцу повезло и он принадлежал бы к числу этих счастливых, отношение Адлера к Японии было бы другим, но отец умер в концлагере, и Адлер видел в Японии только врага. - Мы начнем с того, что круто навалимся на них, и посмотрим, что из этого выйдет.

- Это кажется мне ошибкой, - заметил Кук после недолгого размышления.

- Может быть, - согласился Адлер. - Но они совершили ошибку первыми.

Военным это совсем не понравилось. Такое отношение раздражало штатских, сумевших создать полигон со стартовыми шахтами по крайней мере в пять раз быстрее, чем то же самое удалось бы этим тупицам в мундирах, не говоря уже о том, что все было осуществлено в полной тайне и намного дешевле.

- И вам даже не пришло в голову замаскировать пусковые шахты? - резко бросил японский генерал.

- А как их можно обнаружить? - раздраженно возразил старший инженер.

- На борту американских орбитальных космических станций находятся камеры, способные различить пачку сигарет на земле.

- Для начала им придется сфотографировать всю страну. - Инженер пожал плечами. - А мы расположили шахты на дне ущелья с такими крутыми стенами, что летящая сюда баллистическая ракета не сможет поразить цель, не угодив сначала вон в те горные вершины. - Он показал пальцем. - К тому же у них теперь даже не осталось на это баллистических ракет, - добавил инженер.

Перед отъездом сюда генерала тщательно проинструктировали и приказали проявить максимум терпения в разговорах с обслуживающим персоналом, и он, после первой вспышки возмущения, следовал полученным указаниям. Теперь ему предстояло командовать этим полигоном. - Первое, что мы должны сделать, - это не допустить, чтобы противник получил какие-либо сведения о местонахождении пусковых шахт.

- Значит, нужно постараться скрыть их? - вежливо спросил инженер.

- Да.

- Натянуть маскировочную сетку на опоры контактной сети? - Они так и делали во время строительных работ.

- Если у вас установлены такие опоры, это будет хорошим началом.

Позднее мы рассмотрим и другие, более надежные средства.

- По железной дороге, верно? - уточнил специалист из компании "Амтрак" после инструктажа. - Много лет назад, когда я только начинал работать в компании, ВВС обращались к нам с вопросами относительно перевозки баллистических ракет по железной дороге. В результате все кончилось тем, что мы перевезли для них огромное количество бетона. - Значит, вы уже думали над подобным? - спросила Бетси

Флеминг. - Да, конечно. - Специалист сделал паузу. - Можно мне теперь посмотреть на фотографии? - Этот чертов инструктаж о необходимости соблюдать секретность занял несколько часов. Ему пришлось выслушать массу дурацких угроз, затем он оказался в отеле и начал заполнять разные анкеты - а тем

временем ФБР наверняка проверяло его прошлое на предмет допуска к секретным материалам.

Крис Скотт включил проектор. Они с Бетси Флеминг уже сделали выводы, но консультанта со стороны привлекли, чтобы получить непредвзятую и независимую точку зрения. На первом слайде было изображение самой ракеты, чтобы специалист "Амтрака" получил представление о размерах груза. На следующем слайде виднелась железнодорожная платформа.

- О'кей, это, конечно, походит на железнодорожную платформу, правда, она несколько длиннее обычной, по-видимому, изготовлена специально для перевозки такого груза. Стальная конструкция. Японцы - отличные инженеры, умеют строить такие штуки. Вот и подъемный кран для погрузки. Сколько весит это чудовище?

- Сама ракета - около сотни тонн, - ответила Бетси. - И еще тонн двадцать - транспортный контейнер.

- Да, это огромный вес для одного предмета, но в то же время в нем нет ничего особенного. Как платформа, так и железнодорожное полотно вполне выдержат такой груз. - Он внимательно посмотрел на экран. - Не вижу никаких электрических соединений, обычные шланги ведут к тормозам. Вы полагаете, что они намерены производить запуск прямо с платформ?

- Вряд ли. А вы как думаете? - спросил Крис Скотт.

- Точно так же, как и двадцать пять лет назад, когда говорил с ВВС по поводу ракет MX. Да, их можно перевозить с места на место, однако обнаружить ракеты не составит особого труда, если только, разумеется, не будет изготовлено огромное количество точно таких же платформ, но даже и в этом случае перед вами сравнительно простая цель. Всего лишь длинная тонкая линия железнодорожного полотна, и знаете что? Наша главная железнодорожная линия от Миннеаполиса до Сиэтла по длине превышает все японские железные дороги со стандартной шириной колеи.

- Ну и к какому выводу вы пришли? - спросила Флеминг.

- Это не пусковая платформа. Она предназначена только для транспортировки. Не сомневаюсь, что вы сами уже знаете это.

Да, конечно, и все-таки приятно, когда твое заключение подтверждает кто-то другой, подумала Бетси.

- Что еще?

- Парни из ВВС не переставали твердить, что эти проклятые штуки требуют крайне деликатного обращения. И размеры. Длина этой платформы около девяноста футов, а длина платформы на японских железных дорогах не превышает шестидесяти, поскольку обычно колея узкая. Знаете почему?

- Я просто предположила, что они выбрали...

- Все дело в общем подходе к проблеме строительства железнодорожной сети, - пояснил специалист "Амтрака". - Японская колея позволяет делать более крутые повороты, да и вообще предусматривает все меньших размеров. Однако для поездов "Шинкансен" японцы построили трассы со стандартной шириной колеи, потому что для высокой скорости и устойчивости требуется более широкая колея. Длина груза, о котором идет речь, и необходимая для него платформа означают, что на крутых поворотах платформа может перекрыть встречный путь, так что возникает опасность столкновения - если только,

разумеется, при перевозке таких негабаритных грузов не будет всякий раз перекрываться движение по второй колее. Поэтому можно с уверенностью предположить, что ракета находится где-то в стороне от трассы "Шинкансен". Далее, проблема самого груза. Она затрудняет всю транспортную обстановку для всей железнодорожной системы перевозок.

- Каким образом? - поинтересовалась Бетси Флеминг.

- Поскольку ракеты требуют исключительно бережного обращения, их приходится перевозить на малой скорости, а это нарушает график движения поездов, их прибытия и отправления. Мы никогда не стремились брать на себя транспортировку таких грузов. ВВС собирались щедро платить за это, но в конечном итоге мы понесли бы убытки. То же самое относится и к японским железным дорогам. Пожалуй, для них ситуация будет еще хуже. Трасса "Шинкансен" - скоростная линия пассажирских перевозок. График движения поездов на этой трассе соблюдается с поразительной точностью, и японцы не захотят перевозить грузы, нарушающие этот график. - Он замолчал. - Хотите знать мое мнение? Они использовали эти платформы для перевозки ракет с завода-изготовителя куда-то еще - и все. Готов поспорить, что это делалось ночью. На вашем месте я поискал бы эти платформы - они наверняка окажутся брошенными в каком-нибудь тупике. Затем я принялся бы за поиски ветки, отходящей от главной линии и ведущей вникуда.

Скотт щелкнул кнопкой, сменил слайды, и на экране появилась новая картинка.

- Вы хорошо знакомы с японскими железными дорогами? - спросил он.

- Да, мне довелось бывать там достаточно часто. Вот почему меня и привлекли к работе с вами.

- Тогда скажите, что вы думаете вот об этой линии. - Скотт указал на экран.

- Чертовски совершенный радар, - заметил техник. Трейлер с оборудованием доставили на транспортном самолете в Элмендорф для технического обеспечения операции, в которой принимали участие бомбардировщики Б-1. Летные экипажи сейчас отдыхали, а специалисты по радиолокации, офицеры и сержанты, изучали магнитные пленки с записями, собранными во время разведывательного полета.

- Многофазовая радиолокационная антенна? - спросил майор.

- Похоже на то. Несомненно, это не тот радар типа АРУ-1, что мы продали им десять лет назад. Здесь мощность превышает два миллиона ватт - и посмотрите, как меняется сила излучения. Знаете, что это такое? - спросил сержант. - Это вращающаяся дисковая антенна, возможно, планарного типа. Да, она, конечно, вращается, но и действует на различных частотах.

- Слежение и сканирование?

- Почему бы и нет? У них меняющаяся частота. Черт побери, сэр, жаль, что у нас нет ничего подобного. - Сержант взял фотографию самолета. - Эта штука причинит нам немало неприятностей. Такая огромная мощность - похоже, они могли заметить наши самолеты и даже вести слежение за бомбардировщиками Б-1.

- С такого расстояния? - Строго говоря, бомбардировщик Б-1Б не был

построен по технологии "стеле". С носа он действительно был плохо виден на экране радиолокатора, зато со стороны борта радиолокационный силуэт казался значительно больше, хотя и не таким большим, как у любого обычного самолета такого же размера.

- Да, сэр. Мне хотелось бы еще поработать с этими записями.

- Что вы надеетесь обнаружить?

- Радиолокационная дисковая антенна вращается, по-видимому, со скоростью шесть оборотов в минуту. Записанные импульсы должны находиться примерно в таком же интервале. Если дело обстоит не так, то они направляли на наши самолеты свой луч.

- Хорошая мысль, сержант. Действуйте.

34. Все на борт

Ямата испытывал раздражение - приходилось возвращаться обратно в Токио. Все тридцать лет своей деловой деятельности он занимался тем, что планировал операции, давал указания, а затем группа подчиненных выполняла его инструкции. Сам же он разрабатывал другие стратегические операции. Ему казалось, что в данном случае все пройдет проще. В конце концов, двадцать самых видных представителей дзайбацу входили теперь в состав его команды. Сами они, конечно, думали о себе иначе, улыбнулся Ямата-сан. Это была пьянящая мысль. Оказалось так просто заставить правительство плясать под свою дудку, а вот для того, чтобы убедить дзайбацу, потребовались годы. Однако теперь и они плясали под его дудку, хотя время от времени им и требовался дирижер. И вот теперь он вынужден прилететь обратно в почти пустом авиалайнере, чтобы успокоить их.

- Это невозможно, - сказал им Ямата.

- Но он заявил...

- Козо, президент Дарлинг может говорить все, что ему заблагорассудится. Я уверяю тебя, что американцы не смогут восстановить свои документы меньше чем за несколько недель. А если они попытаются открыть свои финансовые рынки сегодня, это приведет к еще большему хаосу, а хаос, - напомнил им Ямата, - играет нам на руку.

- А европейцы? - спросил Танзан Итагаке.

- Они проснутся в конце будущей недели и увидят, что мы купили их континент, - сказал Ямата, обращаясь ко всем представителям дзайбацу. - Через пять лет Америка превратится в нашего бакалейщика, а Европа станет галантерейным магазином. К этому времени иена будет самой прочной валютой в мире. К этому времени у нас будет полностью интегрированная национальная экономика и мощный союзник на континенте. Мы оба сможем полностью удовлетворять свои потребности в природных ресурсах. Нашему населению больше не понадобится убивать нерожденных детей, чтобы избежать перенаселения страны. И, - добавил он, - у нас появится политическое руководство, достойное нашего положения в мире. Это будет наш следующий шаг, друзья.

Вот как, подумал Биничи Мураками, скрывая свои мысли за непроницаемой маской равнодушия. Он вспомнил, что присоединился к этому союзу отчасти потому, что на улице Вашингтона его оскорбил пьяный бродяга. Как получилось,

что умный человек вроде него поддался приступу гнева? Но так произошло, и теперь он вынужден действовать вместе с остальными. Отпив глоток сакэ, промышленник продолжал молча слушать, как Ямата-сан расхваливает блестящее будущее их страны. Он имеет в виду, разумеется, собственное будущее, подумал Мураками. Сколько сидящих здесь понимают это? Идиоты. Впрочем, говорить так несправедливо. В конце концов, он тоже принадлежит к их числу.

Майор Борис Щеренко имел не менее одиннадцати агентов, каждый из которых занимал видное положение в японском правительстве, один из них являлся даже заместителем директора СУОБ - Следственного управления общественной безопасности. Щеренко сумел собрать компрометирующую информацию на высокопоставленного японского контрразведчика, когда тот находился на Тайване, увлекшись там сексом и азартными играми. Завербованный им японец был самым многообещающим - возможно, наступит день, когда он займет пост директора управления, и тогда токийская резидентура получит возможность контролировать японскую контрразведку по всей стране и оказывать влияние на ее деятельность. Однако русского разведчика смущало то обстоятельство, что до сих пор ни один из его агентов не смог узнать ничего полезного.

Что же касается совместной работы с американцами, то профессиональная подготовка и весь предыдущий опыт готовили майора Щеренко к обратному, и теперь ему казалось, что он возглавляет какой-то комитет, принимающий дипломатов с Марса. Впрочем, поступившее из Москвы указание несколько облегчило его задачу. Оказывается, японцы в союзе с китайцами намерены отнять у его страны потенциально ценнейшие ее владения и благодаря этому стать самой могучей страной мира. Самое странное, что этот план вовсе не казался ему таким уж безумным. И тут из Москвы поступили конкретные приказы.

Двадцать баллистических ракет, подумал он. Ему и в голову никогда не приходило вести здесь разведывательную работу в этом направлении. В конце концов, Москва сама продала их японцам. Правительство задумывалось, должно быть, над возможностью того, что ракеты могут быть использованы против России, - нет, скорее, никто и предположить не мог подобного.

Щеренко пообещал себе, что сядет за стол с этим парнем Кларком, опытным агентом, и после того, как они выпьют несколько стаканов водки, чтобы установить дружеские отношения, задаст ему несколько деликатных вопросов - так ли глупа политическая линия американского правительства, как и та, что заставила его самого браться теперь за выполнение подобного задания. Может быть, американец даст ему какие-нибудь полезные советы. Ведь у них правительство меняется каждые четыре или восемь лет. Они, наверно, привыкли к этому.

Двадцать ракет, снова подумал он. Шесть боеголовок на каждой. Когда-то не было ничего необычного в мыслях о тысячах летящих ракет, и обе стороны были настолько безумны, что воспринимали это как стратегическую необходимость. Но теперь речь идет всего о десяти или двадцати - а на кого они будут нацелены? Согласятся ли американцы встать на защиту своих новых... кого? Кто мы теперь? Друзья? Союзники? Партнеры? Или мы просто бывшие враги и новые отношения еще не отрегулированы между Москвой и Вашингтоном? Придут ли американцы на помощь в борьбе против этой новой - но такой старой -

угрозы? В голове навязчиво то и дело возникала мысль о двадцати ракетах, умноженных на шесть боеголовок в каждой. Они окажутся нацеленными на все крупные города и уничтожат его страну. И это несомненно удержит Америку от того, чтобы оказать помощь России.

Ну что ж, тогда Москва права, решил Щеренко. Для того чтобы избежать подобной ситуации, необходимо полное сотрудничество. Америке требуется узнать расположение пусковых шахт с размещенными в них ракетами. По-видимому, американцы намереваются уничтожить их. А если им это не удастся, тогда мы сами уничтожим эти ракеты.

Майор поддерживал личную связь с тремя агентами. Остальные работали под контролем его подчиненных. Щеренко руководил составлением записок, которые попадут в тайные "почтовые ящики", расположенные в разных районах Токио. Содержание записок было одинаковым: что вам известно о... Сколько агентов ответят на его требование об информации? Опасность заключалась не в том, что агенты, завербованные русской разведкой, могут не иметь доступа к необходимым ему сведениям, а скорее в том, что один из них - или несколько - воспользуется заданием как возможностью прийти с повинной к японским властям. Запрашивая у своих агентов информацию такой огромной важности, майор Щеренко шел на риск вдруг кто-то из них решит проявить патриотизм, сообщит властям о новых указаниях и тем самым попытается снять с себя клеймо предателя. Но такой риск был необходим. После полуночи он отправился на прогулку, выбирая районы с особенно оживленным движением, там опустил записки в "почтовые ящики" и одновременно поставил своих агентов в известность о необходимости их изъять. Майор надеялся, что та половина СУОБ, которую контролировал завербованный им контрразведчик, ведет наблюдение за этим районом города. Щеренко полагал, что дело обстоит именно так, но ведь всегда возможна ошибка, не правда ли?

Кимура знал, что рискует, но теперь это перестало его беспокоить. Он надеялся лишь на то, что действует из патриотических побуждений, что каким-то образом соотечественники поймут и оценят это уже после его казни за измену. Утешало его и то, что он умрет не один.

- Я могу организовать вам встречу с бывшим премьер-министром Когой, - сказал он.

Проклятие, пронеслось в голове у ошеломленного Кларка. Но ведь я всего лишь чертов шпион, хотелось ему сказать. Я не служу в долбанном Государственном департаменте. Его успокаивало только то, что Чавез никак не отреагировал на это. Не может быть, подумал Джон, сердце у него наверняка остановилось в это мгновение, в точности, как у меня.

- Чего мы добьемся этим? - спросил он.

- Возникла крайне серьезная ситуация, верно? Кога-сан не имеет к этому никакого отношения. Он по-прежнему сохраняет немалое политическое влияние. Ваше правительство должно проявить интерес к его точке зрения на происходящее.

Да, пожалуй. Но ведь Кога не входит теперь в правительство и, возможно, решится на то, чтобы обменять жизнь нескольких иностранцев на шанс вернуться к активной политической жизни. А может быть, он является человеком, который

ставит судьбу своей страны выше личных интересов, - эта возможность могла вмешаться в любое предположение, которое только мог вообразить Кларк.

- Прежде чем дать ответ, я должен запросить мнение своего правительства, - ответил Джон. Он редко шел на то, чтобы пытаться выиграть время, но сейчас возникла ситуация, которая выходила за рамки его опыта.

- Тогда советую сделать это. И как можно быстрее, - добавил Кимура, встал и вышел.

- Мне всегда казалось, что степень магистра в области международных отношений когда-нибудь пригодится, - заметил Чавез, глядя в стакан, до половины наполненный коктейлем. - Разумеется, сначала нужно дожить до того дня, когда мне вручат такой диплом. - Потом можно жениться, обзавестись детьми, может быть, даже вести нормальную жизнь, подумал он, но промолчал.

- Рад, что у вас все еще сохранилось чувство юмора, Евгений Павлович.

- Нам ответят, чтобы мы так и поступили. Вы ведь знаете это. - Да. -

Кларк кивнул. Стараясь сохранить свою легенду, он пытался решить, как поступил бы в такой ситуации русский. Интересно, есть ли в уставе КГБ раздел, посвященный подобным проблемам? В правилах поведения сотрудника ЦРУ нет ничего подобного, это уж точно.

Как всегда, записи на магнитной пленке оказались более ясными, чем мгновенный анализ операторов, проводившийся в реальном масштабе времени. По мнению аналитиков из японской разведки, там было по крайней мере три, а скорее всего, принимая во внимание тактику американцев, четыре самолета, прощупывавших противовоздушную оборону Японии. Впрочем, это определенно не были ЕС-135. Эти самолеты строились по проекту, разработанному почти пятьдесят лет назад. У них на корпусе находилось столько антенн, что они были способны обнаружить любой телевизионный сигнал в полушарии и потому создавали бы гораздо более мощную радиолокационную картинку. К тому же у американцев сейчас и не осталось в строю, наверно, четырех таких самолетов. Так что это было что-то другое, скорее всего их бомбардировщики Б-1Б, решили аналитики. А Б-1Б являлся по своему главному назначению бомбардировщиком и был создан для выполнения гораздо более зловещих задач, чем простой сбор электронной информации. Это значит, что американцы рассматривали Японию как своего врага, противовоздушную оборону которого понадобится преодолеть, чтобы принести смерть и разрушения. Такая мысль не представляла собой чего-то нового для обеих сторон во время войны - если это действительно была война, думали более трезвые головы. Но чем иным это может быть? - считало большинство, решая таким образом главное направление подготовки к ночным операциям.

Самолеты дальнего радиолокационного обнаружения Е-767 снова поднялись в воздух для выполнения операций, причем опять два из них действовали в активном режиме и один находился как бы в засаде. На этот раз радиолокаторы работали на полную мощность, а параметры программного обеспечения, предназначенного для обработки полученных сигналов, подверглись изменениям, чтобы более успешно обеспечивать слежение на большом расстоянии за целями с элементами технологии "стелс". Экипажи самолетов раннего обнаружения полагались при своей работе на законы физики. Размеры антенн в сочетании с

мощностью электронных импульсов и частотой излучаемых сигналов позволяли обнаружить практически любые цели. С одной стороны, это было хорошо, а с другой - плохо, потому что теперь они принимали электронные импульсы отовсюду. Впрочем, кое-что изменилось. Когда операторам казалось, что они принимают слабый отраженный сигнал от движущейся цели, они начинали направлять туда свои истребители. "Иглам" еще ни разу не удалось приблизиться к подозреваемым целям на расстояние в сотню миль. Как только E-767 переключали свои радиолокаторы с режима длинноволнового обнаружения на режим коротковолнового слежения, сигналы исчезали. Это не предвещало ничего хорошего, поскольку для наведения на цель требовался коротковолновый диапазон. С другой стороны, было ясно, что американцы продолжают прощупывать японскую ПВО и, возможно, подозревают, что за ними следят. Впрочем, думали все, это хорошая практика для летчиков-истребителей. И если война действительно началась, говорили себе ее участники, то она становилась все более и более похожей на настоящую.

- Я не верю этому, - сказал полковник.

- Сэр, мне кажется, что они вели вас. Их радар "освещал" ваш самолет с частотой, вдвое превышающей скорость вращения антенны. Японские радиолокаторы имеют полностью электронное управление. Они способны направлять свои лучи на цель, и они направляли их на вас. - Сержант говорил с офицером разумно и уважительно, несмотря на то что полковник, возглавлявший первое разведывательное звено, демонстрировал излишнюю самоуверенность и не хотел прислушаться к голосу разума. Летчик выслушал сказанное и отмахнулся.

- О'кей, может, им и удалось пару раз засечь нас. Мы летели бортом к ним. В следующий раз развернемся в более широкую фронтальную линию и направимся прямо в охраняемую зону. При этом наш радиолокационный силуэт будет намного меньше. Нам нужно прощупать их противовоздушную оборону, чтобы увидеть, как они будут реагировать на это.

Твое дело, приятель, подумал сержант, лучше уж ты, чем я. Он посмотрел в окно. База ВВС в Элмендорфе находилась на

Аляске и была подвержена капризам ужасной зимней погоды, а это худший враг всех машин и аппаратов, созданных человеческими руками. По этой причине бомбардировщики B-1 стояли в ангарах, что скрывало их от разведывательных спутников, которыми могли воспользоваться японцы. И все-таки полной уверенности, что это так, ни у кого не было.

- Полковник, я всего лишь сержант и занимаюсь изучением записей на магнитных лентах, однако на вашем месте я проявил бы осторожность. Мне не известны параметры японских радиолокаторов, поэтому я не могу с уверенностью сказать, насколько они эффективны. Но мне кажется, что японцы создали исключительно совершенную аппаратуру.

- Мы будем осторожны, - пообещал полковник. - Завтра вечером я доставлю вам комплект магнитных лент получше этого.

- Понятно, сэр. - Лучше уж ты, чем я, снова подумал он.

Подводная лодка ВМС США "Пасадена" заняла позицию на северном фланге

патрульной линии к западу от Мидуэя. Субмарины могли поддерживать связь со штабом командующего подводными силами Тихоокеанского флота по радио через спутник связи, не выдавая противнику своей позиции.

- Что это за линия, - пробормотал Джоунз, глядя на карту. Он только что пришел в штаб, чтобы посоветоваться относительно информации, полученной сетью подводных гидрофонов, по поводу перемещения японских военных кораблей, которое в данный момент не было таким уж активным. Радовало то, что сеть гидрофонов, даже с помощью разработанного Джоунзом нового программного обеспечения, не могла обнаружить подводные лодки патрульной линии "Олимпия", "Хелен", "Гонолулу" и "Чикаго", к которым теперь присоединилась и "Пасадена". - В прошлом нам требовалось больше подводных лодок лишь для того, чтобы закрыть пролив.

- Это все подводные лодки, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, Рон, - заметил Чеймберз. - Действительно, их недостаточно. И все-таки, если японцы выдвинут вперед свои дизельные подводные лодки, им придется серьезно подумать об их безопасности. - Приказ, поступивший из Вашингтона, был сформулирован несколько неопределенно. В нем говорилось, что нельзя допустить передвижения японских военно-морских соединений на восток и что, по-видимому, уничтожение одной из японских подводных лодок не вызовет отрицательной реакции, только лодка, установившая контакт с противником, должна сначала связаться со штабом и получить указания, основанные на политических соображениях. Манкузо и Чеймберз не сказали Джоунзу об этом. Они пришли к выводу, что нет смысла снова вызывать у него приступ раздражения.

- Но у нас есть много законсервированных подводных лодок...

- Если быть точным, то семнадцать на Западном побережье, - кивнул Чеймберз. - Понадобится минимум шесть месяцев на то, чтобы расконсервировать их, не говоря уже о комплектовании экипажей.

Неожиданно Манкузо поднял голову.

- Одну минуту. А как относительно моих 726-х? Джоунз посмотрел на него.

- Я думал, что они отправлены на металлолом.

Командующий подводными силами Тихоокеанского флота отрицательно покачал головой.

- Сторонники защиты окружающей среды выдвинули самые серьезные возражения. Сейчас на лодках экипажи сокращенной численности.

- Да, на всех пяти, - негромко заметил Чеймберз. - Это "Невада", "Теннесси", "Уэст Виргиния", "Пенсильвания" и "Мэриленд". Ради них стоит связаться с Вашингтоном.

- Да, пожалуй, - согласился Джоунз. Атомные подводные лодки проекта 726, известные как тип "огайо" по названию первой лодки, превратившейся теперь в отменные бритвенные лезвия, были намного - на десять узлов - медленнее быстроходных маленьких ударных лодок 688-го проекта, менее маневренными, зато практически бесшумными. Более того, стандарт бесшумности определялся именно по лодкам этого типа.

- Как ты считаешь, Уолли, нам удастся срочно сформировать экипажи для них?

- А почему нет, адмирал? Мы сможем выпустить их в море через неделю...

максимум через десять дней, если сумеем укомплектовать надежными людьми.

- Вот это я могу взять на себя, - произнес Манкузо и поднял телефонную трубку прямой связи с Вашингтоном.

Деловой день в Центральной Европе начинался в десять часов, утра по местному времени, когда девять было в Лондоне и предрассветные четыре в Нью-Йорке. В Токио в это время было шесть часов вечера. После того, что сначала было волнующей неделей, за которой последовала скучная и неинтересная, японские финансисты получили возможность восхищаться своим блестящим успехом, когда им удалось сорвать такой колоссальный куш.

Валютные маклеры в Токио удивились, когда сначала все пошло нормально. Рынки открылись подобно тому, как открываются двери магазинов, впуская покупателей на долгожданную распродажу. Объявление об этом было сделано накануне, просто никто не поверил. Все, как один, они позвонили своим банкирам и запросили инструкции, удивив их новостями из Берлина и других европейских столиц.

В Нью-Йоркском отделении ФБР экраны компьютеров, подключенных к международной сети финансовых рынков, показывали точно такую же картину, как и на всех остальных континентах. Председатель правления Федеральной резервной системы и министр финансов Фидлер не сводили глаз с дисплеев. На каждом из финансистов были наушники и микрофон, соединяющие их по каналам шифрованной телефонной связи с европейскими коллегами.

Первым начал игру немецкий Бундесбанк, продавший пятьсот миллиардов иен за соответствующий эквивалент в долларах банку Гонконга - очень осторожный маневр, целью которого было прощупать рынок. Гонконг пошел на эту сделку, как да самую обычную транзакцию, решив, что немцы совершили элементарную ошибку и можно ею воспользоваться с некоторой выгодой для себя. По-видимому, Бундесбанк ошибочно предположил, что открытие рынка ценных бумаг в Нью-Йорке укрепит позиции доллара. Сделка была быстро завершена, отметил Фидлер. Он повернулся к председателю Федеральной резервной и подмигнул. Следующий шаг сделали швейцарцы, которые изъявили желание купить оставшиеся у Гонконга американские казначейские облигации на сумму в триллион - триллион! - иен. И эта сделка была заключена менее чем за минуту. Далее последовал более прямой маневр. Коммерческий банк Берна отозвал свой вклад в швейцарских франках из японского банка, заплатив за него иенами - еще одна сомнительная сделка, вызванная телефонным звонком правительства Швейцарии.

После открытия остальных европейских фондовых бирж рынок ценных бумаг оживился.. Банки и другие финансовые институты, которые из стратегических соображений купили японские ценные бумаги, чтобы уравновесить скупку европейских ценных бумаг японцами, теперь начали продавать их, сразу конвертируя полученные иены в другие валюты. В Токио стали ощущаться первые признаки беспокойства. Действия европейцев можно было истолковать как простые попытки извлечь выгоду из подобных транзакций, однако среди валютных спекулянтов поползли слухи, что курс иены может упасть, причем упасть резко, а ведь в Токио был уже вечер пятницы и фондовые биржи закрылись, исключение составляли валютные маклеры и те, кто работали с европейскими рынками.

- Сейчас они занервничали, наверно, - заметил Фидлер.

- Я бы на их месте занервничал, - слышался из Парижа голос Жан-Жака.

Пока никто еще не хотел говорить о том, что первая мировая экономическая война развернулась всерьез. Атмосфера на финансовых рынках казалась волнующей, словно перед грозой, хотя происходящее противоречило всему опыту и инстинктам финансистов.

- Знаешь, у меня нет никакой компьютерной модели, которая могла бы предсказать, чем все это кончится, - сказал Гант, они с Уинстоном сидели в стороне от правительственных чиновников. Происходящее в Европе хотя и играло на руку американцам, тем не менее противоречило всем компьютерным расчетам и предсказаниям.

- Ну что ж, пилигрим, вот для этого нам и требуется ум, а также инстинктивное чутье к возможному развитию событий, - ответил Джордж Уинстон с непроницаемым выражением лица.

- Но как поведут себя наши рынки?

- Да уж можешь не сомневаться, что мы узнаем это через, ну, семь с половиной часов, - ухмыльнулся Уинстон. - И тебе даже не понадобится покупать входной билет, чтобы стать свидетелем столь интересного зрелища. Куда делась твоя склонность к приключениям?

- Я рад, что кто-то получает удовольствие от происходящего.

Существуют международные правила торговли валютой. Сделки должны прекращаться после того, как одна из валют упадет до определенного уровня. Однако на этот раз торговля продолжалась. Все европейские правительства отказались поддержать иену, торговля не остановилась, и японская валюта продолжила падение.

- Они не имеют права так поступать! - сказала некая важная персона в Токио. Однако они так поступили, и он протянул руку к телефону, уже зная, какими будут его инструкции. Началось наступление на иену. Им нужно защитить ее, и единственный выход - продать накопленные в Японии запасы иностранной валюты, чтобы вернуть обратно накопления в иенах, лишив международных спекулянтов всякой возможности оказывать давление на японскую валюту. Хуже всего было то, что он не видел никаких оснований для таких действий. Курс иены был прочнее, чем у американского доллара. Скоро йена заменит доллар в качестве основной мировой валюты, особенно если американским финансистам хватит ума через несколько часов пойти на открытие фондовых рынков. Европейцы совершили чудовищную ошибку, рискнув такими колоссальными деньгами, что это не поддавалось даже воображению. А поскольку их шаг невозможно было логически объяснить, японским финансистам требовалось положиться на собственный опыт, собственные знания и действовать соответственно. Ирония происходящего была бы забавной, будь они в состоянии оценить ее. Их действия были сугубо автоматическими. Франки - французские и швейцарские, - английские фунты стерлингов, немецкие марки, голландские гульден и датские кроны в огромных количествах были затрачены на покупку японских иен, относительная ценность которых - в этом в Токио никто не сомневался - может только возрасти, особенно если европейцы устанавливали курс своих валют на основе американского доллара.

Однако на японском рынке ценных бумаг ощущалась нервозность, и тем не менее там выполнялись приказы финансовых воротил и торговля продолжалась. Правда, и последние сейчас покидали дома и спешили на автомобилях или поездах в свои финансовые центры. Торговля акциями продолжалась и в Европе, где местные валюты конвертировали в иены. Все снова ожидали, что, когда возобновится падение американского доллара, вместе с ним рухнут и европейские валюты. Затем упадут цены на государственные облигации и казначейские обязательства, после чего Япония вернет себе еще больше европейских ценных бумаг. Сделки, совершенные европейскими банками, являлись печальным примером неуместной преданности Америке или ошибочной уверенности в ее мощи, а может быть, и чего-то еще, думали финансисты в Токио, однако, печально это или нет, события развивались благоприятно для Японии, и было бы грешно не воспользоваться этим. К полудню по лондонскому времени объем совершенных сделок был колоссальным. Частные инвесторы и небольшие финансовые компании заметили, как поступают все остальные, и присоединились к общему течению - очередная глупость, решили японцы. Полдень в Лондоне - это семь утра на Восточном побережье Америки.

- Я обращаюсь к вам, мои соотечественники, - произнес президент Дарлинг ровно в пять минут восьмого, появившись на экранах всех основных телевизионных компаний. - Вечером в среду я сказал, обращаясь к вам, что в пятницу снова откроются все американские финансовые рынки...

- Началось, - заметил Козо Мацуда, успев вернуться в свой кабинет и глядя на экран телевизора, принимающего компанию Си-эн-эн. - Сейчас он заявит, что они не могут сделать этого, и Европе охватит паника. Великолепно. - Он посмотрел на своих помощников и снова повернулся к экрану. Американский президент улыбался и казался уверенным в себе. Ну что ж, политический деятель должен иметь талант актера, чтобы успешно обманывать граждан своей страны.

- Трудности, с которыми столкнулся наш финансовый рынок на прошлой неделе, имели своей причиной намеренную атаку на американскую экономику. Никогда прежде такого не случалось, и я хочу объяснить вам, что произошло, как это было подготовлено и почему. Мы потратили целую неделю на сбор этой информации, и в настоящий момент министр финансов Фидлер и председатель правления Федеральной резервной системы находятся в Нью-Йорке, работая рука об руку с главами крупнейших финансовых корпораций Америки, чтобы исправить положение.

Я также рад сообщить вам, что у нас было время на консультации с нашими друзьями в Европе и что наши исторические союзники поддержали нас в эту трудную минуту, как они не раз делали это раньше.

Так что же в действительности произошло в прошлую пятницу? - сам себе задал риторический вопрос Роджер Дарлинг.

Когда на экране появилась первая схема, Мацуда поставил стакан на стол.

Джек наблюдал за речью президента. Как всегда, наибольшая трудность

заклучалась в том, чтобы до предела упростить сложную проблему и в таком виде донести ее до аудитории. Для этого потребовалась помощь двух профессоров экономики, половины личных помощников министра финансов и руководителя Комиссии по биржевым операциям и ценным бумагам, причем они работали в тесном контакте с лучшим "спичрайтером" - составителем речей президента. Но даже и в этом случае Дарлингу потребовалось двадцать пять минут, шесть схем на слайдах и немалое число правительственных чиновников, которые в этот момент беседовали с репортерами, разъясняя им суть происходящего, причем брифинг начался в половине седьмого.

- Я сказал вам вечером среды - ничто, да, ничто не в силах подорвать нашу экономическую мощь. Не пострадала ни одна фирма. Не было продано ни одного предмета собственности. Каждый из вас остается тем же человеком, которым он был неделю назад, с теми же возможностями, тем же домом, той же работой, той же семьей и теми же друзьями. То, что произошло в прошлую пятницу, было попыткой не разрушить нашу страну, а подорвать нашу уверенность в себе. Наша уверенность в себе является более трудной и упрямой целью, чем думают некоторые, и мы докажем это сегодня.

Большинство тех, кому предстояло вершить судьбы финансового рынка и фондовых бирж, спешили сейчас на работу и не слышали речи президента, но их служащие записали ее, и уже на каждом столе лежала распечатка, а на каждом компьютерном терминале находился текст. Более того, рабочий день начнется только в полдень, всюду будут проводиться заседания, где обсудят стратегию предстоящего дня, хотя никто не имел детального представления о том, чем они будут заниматься. Самая очевидная реакция на создавшееся положение была по сути дела настолько очевидна, что никто не знал, стоит ли пытаться осуществить ее на практике или нет.

- Они топят нас, - сказал Мацуда, не отрывая глаз от экранов. - Что можем мы предпринять, чтобы остановить это?

- Все зависит от того, как отреагирует их фондовый рынок, - ответил его старший эксперт по торговле ценными бумагами, сам не зная, что еще сказать или что предпринять.

- Ты полагаешь, у нас получится, Джек? - спросил Дарлинг. В папках перед ним лежали тексты двух речей, и он не знал, с какой из них ему придется выступить вечером.

Советник по национальной безопасности пожал плечами.

- Не знаю. Вы даете им возможность выйти из игры, сохранив достоинство. А вот примут они это предложение или нет - зависит от них.

- Значит, нам остается только сидеть и ждать?

- Пожалуй, дело обстоит именно так, господин президент.

Вторая встреча проводилась в Государственном департаменте. Госсекретарь Хансон посоветовался у себя в кабинете со Скоттом Адлером. Тот в свою очередь провел инструктаж американских участников переговоров и принялся ждать. Японская делегация приехала в 9.45.

- Доброе утро, - приветливо улыбнулся Адлер.

- Приятно увидеть вас снова, - ответил посол, пожимая протянутую руку, но уже не с такой уверенностью, как в прошлый раз. В этом не было ничего удивительного, потому что он не успел получить подробные указания из Токио. Адлер не исключал, что посол обратится с просьбой отложить переговоры, однако это было бы слишком очевидным признанием слабости, и потому посол, опытный и искусный дипломат, оказался в самой сложной из всех дипломатических ситуаций - ему пришлось представлять свое правительство, не получив новых инструкций, так что он был вынужден полагаться только на свой ум и прошлый опыт. Адлер проводил посла к его креслу и затем вернулся на свою сторону стола. Поскольку сегодня роль хозяина играла Америка, первое слово предоставлялось Японии. Адлер заключил пари с госсекретарем относительно содержания этого выступления.

- Прежде всего я хочу заявить самый серьезный протест от имени моего правительства по поводу попытки подорвать нашу национальную валюту - попытки, организованной при активном содействии и участии Соединенных Штатов...

Вы должны мне десять баксов, господин государственный секретарь, подумал Адлер, скрывая торжество за непроницаемой маской на лице.

- Господин посол, - ответил он, - мы тоже можем предъявить вам аналогичные претензии. Более того, вот данные, собранные нами по поводу событий, происшедших на прошлой неделе. - На столе появились папки, которые передвинули на сторону японских дипломатов. - Я должен предупредить вас, что мы ведем расследование, которое может привести к обвинению гражданина Японии Райзо Яматы в мошенничестве с ценными бумагами по компьютерной сети.

По целому ряду причин это был рискованный шаг. Подобное заявление ясно показывало, что американцам известно о попытке махинаций с ценными бумагами на Уолл-стрите, и говорило о доказательствах, еще не полученных. Поэтому, подобное заявление могло только подорвать обвинение Яматы и его союзников, если оно попадет в суд. Однако сейчас это не имело значения. Адлеру нужно было принять меры, чтобы предотвратить войну, - и как можно быстрее. Пусть ребята в Министерстве юстиции позаботятся о юридических тонкостях.

- Разумеется, было бы намного лучше, если бы ваша страна сама разобралась с незаконной деятельностью этого человека, - заявил далее Адлер, предоставляя послу Японии и его правительству обширное пространство для маневров. - Последствия его действий, как это становится очевидным сегодня, поставят вашу страну в гораздо более трудное положение, чем нашу.

А теперь, если не возражаете, мне хотелось бы вернуться к вопросу о Марианских островах.

Сокрушительный удар, нанесенный Адлером, явно потряс японскую делегацию. Как часто происходит в таких случаях, почти все осталось несказанным, но тем не менее понятным каждому. Мы знаем, что вы сделали. Мы знаем, и как вы сделали это. Мы готовы заняться решением этой задачи. Этот жесткий и прямой шаг был сделан для того, чтобы скрыть подлинную проблему, возникшую перед американцами - их неспособность нанести немедленный военный контрудар, - но одновременно предоставлял Японии возможность снять с себя ответственность за действия некоторых ее граждан. Это, решили прошлым вечером Райан и Адлер, является лучшим и самым простым методом покончить с

создавшейся ситуацией. Но для достижения этой цели требовалась еще более привлекательная приманка.

- Соединенные Штаты стремятся всего лишь к восстановлению нормальных отношений. Немедленная эвакуация вооруженных сил с Марианских островов позволит нам более гибко толковать закон о реформе торговли. Мы готовы рассмотреть и этот вопрос. - Пожалуй, не следовало оказывать на японскую делегацию такого давления, подумал Адлер, однако альтернативой было дальнейшее кровопролитие. К концу первого круга переговоров случилось нечто поразительное - ни одна из сторон не повторяла формулировок исходной позиции. Скорее шел, говоря дипломатическим языком, свободный обмен мнениями, причем мало какие из них рассматривались в деталях.

- Крис, - прошептал Адлер, когда они встали из-за стола, - выясни, какова их действительная точка зрения.

- Понял, - ответил Кук. Он взял чашку кофе и вышел на террасу, где, глядя в сторону памятника Линкольну, стоял Нагумо.

- Послушай, Сейджи, это неплохой выход из положения, - произнес Кук.

- Вы слишком уж давите на нас, - заметил Нагумо, не оборачиваясь.

- Если вам нужен шанс уладить проблему без начала военных действий, то это самая благоприятная возможность.

- Может быть, самая благоприятная для вас. А как относительно наших интересов?

- Мы пойдем вам навстречу в вопросе торговли. - Кук не понимал всей создавшейся ситуации. Он не разбирался в финансовых вопросах и еще не отдавал себе отчета в том, что происходит на этом фронте. Восстановление силы доллара и защита американской экономики казались ему изолированным актом, никак не связанным с действиями японских вооруженных сил. Нагумо же знал, что дело обстоит иначе. На удар, нанесенный его страной, можно ответить только еще более мощным ответным ударом. В результате последует не восстановление существовавшего раньше положения, а дальнейшее ухудшение японской экономики - и это в дополнение к ущербу, причиненному уже существующим законом о реформе торговли. К тому же Нагумо знал то, чего не понимал Кук: если американцы не согласятся с требованиями Японии о территориальных уступках, опасность войны станет вполне реальной.

- Нам нужно время, Кристофер.

- Сейджи, у нас нет времени. Вот посмотри: средства массовой информации еще не успели это разнюхать. Но ситуация может измениться в любую минуту. Если все это станет достоянием общественности, разразится грандиозный скандал. - Поскольку Кук в данном случае был прав, у Нагумо появилась козырная карта.

- Да, это вполне может произойти, Крис. Но меня защищает дипломатическая неприкосновенность, а тебя - нет. - Ничего более конкретного от него не требовалось.

- Но послушай, Сейджи...

- Моей стране нужно нечто большее, чем вы предлагаете, - произнес Нагумо ледяным голосом.

- Мы предоставляем вам возможность спасти репутацию.

- Этого недостаточно. - Отступить было поздно. Интересно, знает ли об

этом посол? - подумал Нагумо. Судя по тому, как тот смотрит в его сторону, вряд ли, решил он. Внезапно его словно осенило. Ямата со своей кликой поставили его страну в такое положение, что отступить ей некуда, и Нагумо так и не понял, было им это известно перед началом действий или нет. Однако теперь это уже не имело значения. - Нам нужно что-то получить от вас, - продолжил он, - чтобы оправдать свои действия.

Только теперь до Кука дошло то, чего он не понимал раньше. Глядя в глаза Нагумы, он все понял. Они выражали не столько жестокость, сколько решительность. Помощник заместителя государственного секретаря вспомнил о деньгах на секретном номерном счете в банке, подумал о вопросах, которые будут ему заданы, и о том, что он сможет сказать в качестве оправдания.

Когда цифры на электронных часах перескочили с 11-59-59 на 12.00.00, прозвучало нечто похожее на старый школьный звонок.

- Спасибо тебе, Герберт Д. Уэллс, - выдохнул трейдер, сидевший за столом на деревянном полу зала Нью-йоркской фондовой биржи. Машина времени начала действовать. Впервые в его памяти в этот час дня в зале было все спокойно. Нигде не было ни единого клочка бумаги. Трейдеры сидели по местам и, оглядываясь по сторонам, отмечали признаки нормализации. Телетайп действовал уже полчаса, и на экране были те же данные, что и ровно неделю назад. Казалось, все и происходит неделю назад.

Пять часов назад президент сделал чертовски внушительное заявление. Каждый, кто находился сейчас в зале биржи, слышал его по крайней мере один раз, причем большинство прямо здесь. Затем к ним обратился с ободряющей речью глава Нью-йоркской фондовой биржи. Его слова сообщили всем такую уверенность, какой они никогда прежде не испытывали. Вам, сказал он, предстоит сегодня выполнить задачу огромной важности, ее значение выходит далеко за рамки вашего личного благосостояния. В случае успеха как вы сами, так и ваша страна поднимется на новую, более высокую ступень процветания, закончил он. Все утро ушло на восстановление операций, проведенных в предыдущую пятницу, и теперь каждый трейдер знал, каким количеством ценных бумаг располагает. Некоторые даже припомнили, какие действия они планировали предпринять, однако в большинстве своем эти действия заключались в том, чтобы покупать, а не продавать.

С другой стороны, все прекрасно помнили панику, воцарившуюся после обеда семь дней назад, и, зная теперь, что это произошло по чьему-то злому умыслу, было создано намеренно, никто не хотел повторения. К тому же Европа самым решительным образом продемонстрировала свою уверенность в силе доллара. Рынок казначейских ценных бумаг был настолько устойчив, что казался высеченным из гранита, и первыми сделками дня была покупка американских государственных облигаций. Все стремились воспользоваться удивительно щедрыми условиями, предложенными председателем Федеральной резервной системы. Это еще больше укрепило уверенность биржевиков в силе американской экономики.

В течение более полутора минут - по часам одного из трейдеров - не произошло ровным счетом ничего. На дисплее просто не было никаких изменений. Это вызвало у многих усмешку недоверия - все лихорадочно старались понять

происходящее. Мелкие инвесторы, еще не осознавшие, в каком направлении развиваются события, почти не звонили своим брокерам, а те, что все-таки связались с биржей, получали совет подождать. Так почти все и делали. Совершались некоторые сделки по продаже ценных бумаг, оставшихся от прошлой недели, однако крупные торговые дома бездействовали. Каждый из них ждал действий других. Бездеятельность, продолжавшаяся всего полторы минуты, показалась тем, кто привыкли к лихорадочной активности на бирже, вечностью.

Как и следовало ожидать, первая крупная сделка дня была совершена инвестиционной корпорацией "Коламбус". Она на огромную сумму купила акции "Ситибэнк". Несколько секунд спустя ее примеру последовала компания "Меррилл Линч" и приобрела по аналогичной цене акции "Кемикэл бэнк".

- Да! - пронеслось по залу. Разумные сделки, правда? "Ситибэнк" был уязвим при падении курса доллара, но европейцы приняли меры, и доллар начал укрепляться, так что "Ферст нэшнл Сити-бэнк" стал привлекательным объектом для вложения капитала. В результате первое движение индексов Доу-Джонса произошло в сторону подъема, что опровергло все компьютерные предсказания.

- Значит, мы можем сделать это, - произнес еще один трейдер. - Покупаю сотню "Мэнни-Хэнни" за шесть, - выкрикнул он. Это был следующий банк, укреплявший свое положение за счет повышения курса доллара, и ему нужен был портфель акций, которые он сможет затем продать за шесть с четвертью. Ценные бумаги, которые в прошлую пятницу первыми подверглись нападению "медведей", играющих на понижение, теперь стали расти в цене по той же причине, по которой они рухнули неделю назад. Каким безумным это ни казалось, присутствующие поняли, что то, что происходит сейчас, в высшей степени разумно. Как только это поймут остальные, все они смогут получить выгоду.

По экрану на стене побежали краткие сообщения телеграфных агентств. "Дженерал моторс" снова нанимал на работу двадцать тысяч человек для своих заводов в Детройте, ожидая резкого увеличения продажи автомобилей. В сообщении не говорилось, что на это потребуются девять месяцев и такое решение правления

"ДМ" стало результатом телефонного разговора с министрами труда и торговли, но этого было достаточно, чтобы пробудить интерес к акциям автомобилестроительных корпораций, а также к акциям машиностроительных компаний, производящих станки для них. К 12.05.30 индексы Доу-Джонса поднялись на пять пунктов. Это был крошечный рост по сравнению с падением на пятьсот пунктов на прошлой неделе, но сейчас здесь, на Нью-Йоркской бирже, он казался настоящим Эверестом в ясный безоблачный день.

- Я просто не верю глазам! - воскликнул Марк Гант. Он сидел перед компьютером в федеральном здании Джавитса, что в нескольких кварталах от Нью-Йоркской фондовой биржи.

- А где записано, черт побери, что компьютеры всегда правы? - вымученно улыбнулся Джордж Уинстон. Его проблемы еще не исчезли. Покупка акций "Ситибэнк" была рискованным шагом, но это, увидел он, оказало благоприятное действие на развитие событий. Когда курс акций поднялся на три пункта и остальные менеджеры последовали его примеру, он распорядился начать осторожную продажу, чтобы восстановить ликвидность компании. Ну что ж, разве

этого не следовало ожидать? Стаду всего лишь требовался вожак. Стоит направить его в нужную сторону, подождать, когда оно последует за ним, а тогда можно и отойти в сторону.

- Мое первое впечатление - все идет, как мы надеялись, - заметил председатель Федеральной резервной системы, обращаясь к своим европейским коллегам. Теоретически так и должно было произойти, но в такой момент теории казались недостаточно надежными. Они с министром финансов Фидлером смотрели сейчас на Уинстона. Тот, откинувшись на спинку кресла и пожевывая карандаш, спокойно говорил что-то в телефонную трубку. Они не слышали, что именно, но по крайней мере голос его был спокойным, хотя тело оставалось напряженным, как у человека, участвующего в схватке. Но пять минут спустя они увидели, что он расслабил напряженные мышцы, потянулся, а на лице его появилась улыбка. Уинстон повернулся и что-то сказал Ганту, который в изумлении качал головой, глядя на экран компьютера, где развивались удивительные события.

- Ну, что вы думаете о происходящем? - спросил Райан.

- Все идет хорошо? - отозвался президент Дарлинг.

- Я выразил бы свою точку зрения таким образом: на вашем месте я подарил бы спичрайтеру букет из двенадцати алых роз и предложил ей работать у меня по крайней мере еще четыре года.

- Об этом говорить еще слишком рано, Джек, - ответил президент не без раздражения.

- Да, я знаю, сэр, - кивнул Райан. - Мне хотелось сказать вам, что вы сумели добиться успеха. Финансовые рынки могут еще испытывать - нет, черт побери, будут испытывать колебания до конца дня, но дальнейшего падения, как мы опасались, не произойдет. Это говорит об уверенности, босс. Вам удалось восстановить ее, и сомневаться в этом уже не приходится.

- А как насчет остального?

- Теперь им предоставилась возможность отступить. Узнаем о результатах в конце дня.

- А если они откажутся?

Советник по национальной безопасности задумался.

- Тогда нам придется найти способ воевать с ними, но так, чтобы не причинить им слишком серьезного ущерба. Нужно обнаружить ракеты с ядерными боеголовками и урегулировать ситуацию до того, как она выйдет из-под контроля.

- Это возможно?

- Мы ведь не думали, что и это возможно, правда? - Райан показал на экран.

35. Последствия

Это случилось в штате Айдахо, в городке неподалеку от базы ВВС Маунтин-Бейс. Старший сержант, служивший на базе, вылетел на базу ВВС Андерсен на Гуаме, чтобы поработать с поисковыми радиолокационными установками. Через неделю после отъезда сержанта его жена родила дочку и вечером попыталась позвонить на Гуам, чтобы сообщить ему радостную новость.

Ей сказали, однако, что из-за жестокого тайфуна телефонная связь нарушена. Женщине было всего двадцать лет, она не получила должного образования и потому пусть с разочарованием, но поверила этому. Военные каналы связи загружены до предела, сказал ей офицер достаточно убедительно, и она вернулась домой со слезами на глазах. На следующий день молодая женщина говорила с матерью, и та с удивлением узнала, что муж дочери еще не знает о рождении девочки. Даже в военное время, подумала мать, такая новость всегда исправно передавалась - и разве тайфун хуже военных действий?

Вот почему она позвонила на местную телевизионную станцию и попросила к телефону метеоролога - умного человека лет пятидесяти, всегда способного предсказать возникновение торнадо, проносившихся по этому району Айдахо каждую весну, и, как считали многие, спасавшего ежегодно не одну человеческую жизнь своими мгновенными предсказаниями того, в какую сторону направится губительная воронка, опускающаяся из черных облаков.

Метеоролог, в свою очередь, относился к числу людей, которым нравится, когда их узнают и останавливают в местных супермаркетах одобрительными высказываниями. Он решил, что адресованный ему вопрос является еще одним доказательством его высокой репутации. К тому же ему еще никогда не приходилось заниматься метеорологическими проблемами Тихого океана. Ответить на заданный вопрос было не так уж и трудно. Он подключился к космической метеорологической системе, с помощью компьютера переместился в прошлое и запросил данные по тайфунам, нанешим столь жестокий ущерб Марианским островам. Он знал, что в такое время года тайфуны возникают крайне редко, но все-таки интересующий его район находился в середине океана, где атмосферные возмущения происходят постоянно.

Только не в этом году и не в это время. На фотографиях, сделанных со спутника, были видны редкие перистые облака, но в остальном погода оставалась ясной и спокойной. В течение нескольких минут метеоролог пытался вспомнить, а не подвержен ли Тихий океан, подобно штату Арканзас, внезапным ураганам, возникающим при тихой погоде, но потом пришел к выводу, что нет, не подвержен, поскольку такие адиабатические ураганы бывают вызваны главным образом разницей температур с перепадами в высоте местности, тогда как температура над плоской поверхностью океана равномерна. Он решил поговорить со своим коллегой, работавшим раньше морским метеорологом на базе ВМС. Тот подтвердил его выводы, и ситуация стала еще более загадочной. Метеоролог пришел к выводу, что полученная им информация может быть ошибочной, заглянул в телефонный справочник и набрал номер 011-671-555-1212, поскольку справки центральной метеорологической обсерватории давались бесплатно, да и платить за звонок не требовалось. Запись на магнитной ленте сообщила ему, что в том районе Тихого океана действительно бушевал жестокий шторм. Но ведь на самом деле никакого шторма не было! Неужели он оказался первым, кто сумел обнаружить такую очевидную ошибку?

Положив трубку, он прошел в отдел новостей, и через несколько минут запрос о странном тайфуне был послан по каналу связи одного из телеграфных агентств.

- Райан слушает.

- Привет, Джек, это Боб Хольцман. Хочу задать тебе вопрос.
- Надеюсь, это не о положении на Уолл-стрите? - Райан старался, чтобы его голос звучал как можно более беспечно.
- Нет, мой вопрос касается Гуама. Почему не работает телефонная связь с этим островом?
- Боб, а ты звонил в телефонную компанию?
- Да. Там мне сказали, что тайфун повредил телефонные провода. Вот только меня озадачивает следующее. Первое - в районе Марианских островов не было никакого тайфуна. И второе - с Гуамом нас соединяют подводный телефонный кабель и линия космической связи. Наконец, за неделю можно было бы и восстановить телефонную связь. Что же все-таки происходит? - спросил репортер.
- Сколько человек проявляет интерес к этому вопросу?
- Пока только я и телевизионная станция в Литтл-Роке, которая послала запрос по каналу "Ассошиэйтэд Пресс". Через тридцать минут число любопытных резко увеличится. Так что там случилось? Что-то вроде...
- Боб, почему бы тебе не заехать ко мне? - предложил Райан. Ничего не поделаешь, я и не рассчитывал, что такое положение продлится вечно, сказал себе Джек. Затем он позвонил в кабинет Скотта Адлера. Только почему это не могло случиться хотя бы на сутки позже?

Танкер "Юкон" перекачивал топливо уже на вторую группу кораблей. Операцию требовалось произвести так срочно, что он заправлял одновременно два корабля - по одному с каждого борта. В то же самое время его вертолет перебрасывал запасные части и все остальное на другие корабли эскадры, причем половина этих запчастей предназначалась для самолетов, что позволит восстановить полную ударную мощь авианосца "Эйзенхауэр". Через тридцать минут солнце скроется за горизонтом и начавшаяся операция по заправке боевых кораблей будет проходить под покровом ночи. Эскадра адмирала Дюбро устремилась на восток, чтобы удалиться от индийского флота, и тут же перешла в режим полного радиомолчания с выключенными радиолокаторами и всего лишь несколькими разведывательными самолетами в воздухе. Но они утратили контакт с двумя индийскими авианосцами, и, пока самолеты АВАКС "хокай". осторожно прослушивали эфир, Дюбро испытывал постоянное напряжение.

- Впередсмотрящие докладывают о появлении неопознанных самолетов на пеленге два-один-пять, - послышался голос офицера.

Адмирал выругался про себя, поднес к глазам бинокль и посмотрел в направлении на юго-запад. Да, вот они. Два "си-хэрриерса". Как расчетливо ведут себя, подумал Дюбро. Летят на высоте примерно в пять тысяч футов, рядом друг с другом, как на воздушном шоу или будто готовясь к бою, не меняют ни высоты, ни курса, стараясь не подлетать близко ни к одному кораблю эскадры. Они еще не успели миновать первое кольцо охранения, как в воздух взмыли два "томкэта". Набрав высоту, они оказались позади индийских истребителей и чуть выше их, готовые немедленно сбить "хэрриерсы" при первом признаке враждебных намерений. Однако враждебные намерения означали выпущенную ракету, а в век развитых военных технологий выпущенная ракета означала скорее всего прямое попадание, независимо от того, что потом

случится с самолетом, пославшим ее. "Хэрриеры" пролетели недалеко от американской эскадры только один раз. Дюбро пришел к выводу, что на борту у этих истребителей нет оружия, только дополнительные топливные баки и, может быть, фотосъемочная аппаратура. Адмирал Чандраскатта был вовсе не дурак, однако Дюбро и без того знал это. Его противник вел терпеливую игру, придерживаясь своей тактики. Выжидая удобного момента, он старался узнать про американцев как можно больше. Это весьма тревожило командующего эскадрой.

- Проследим их при обратном полете? - бесстрастным голосом спросил капитан третьего ранга Харрисон. Майк Дюбро покачал головой.

- Прикажете одному из "хаммеров" следовать за ними и вести радиолокационное наблюдение.

Когда, черт возьми, в Вашингтоне поймут, что назревает неминуемое столкновение?

- Господин посол, - произнес Скотт Адлер, складывая записку, которую ему только что передали, - можно предположить, что в течение ближайших двадцати четырех часов ваша оккупация Марианских островов станет достоянием общественности. После этого ситуация выйдет из-под нашего контроля. Вам дано право как чрезвычайному и полномочному представителю своей страны решить этот вопрос...

Но у посла Японии не было таких полномочий, как уже начал подозревать Адлер, несмотря на то что его уверяли в обратном. Он также увидел, что явно слишком жестко давит на японца и загоняет в угол. Впрочем, у Адлера не было выхода. Переговоры продолжались всего одну неделю. При нормальной дипломатической процедуре столько времени требуется лишь для того, чтобы выбрать кресла, в которых будут сидеть участники. Поэтому с самого начала переговоры были обречены на неудачу, но Адлер был профессиональным дипломатом, и надежда для него никогда не умирала. Даже сейчас, заканчивая свое заявление, он смотрел в глаза посла, пытаясь обнаружить в них что-то, что можно было бы сообщить Белому дому.

- На протяжении всех наших переговоров мы выслушивали требования Америки, но не слышали ни единого слова относительно законных интересов безопасности моей страны. Сегодня вы проводите систематическое наступление на основы нашей экономики и финансов и...

Адлер наклонился вперед.

- Господин посол! Неделю назад ваша страна, как это явствует из информации, находящейся перед вами, нанесла нам такой же удар. Неделю назад ваша страна осуществила нападение на Военно-морские силы Соединенных Штатов. Неделю назад ваша страна захватила часть американской территории. По справедливости, сэр, у вас нет никаких оснований жаловаться на то, что мы приняли меры для восстановления стабильности нашей экономики. - Он сделал паузу, упрекнув себя за явно недипломатические выражения, использованные им во время этой вспышки гнева, однако события вышли за пределы дипломатического этикета - или выйдут очень скоро. - Мы предоставили вам возможность вести откровенные и дружественные переговоры о взаимно выгодном толковании закона о реформе торговли. Мы готовы согласиться на ваши

извинения и репарации за потери, понесенные нашим флотом. Мы требуем немедленной эвакуации всех вооруженных сил Японии с Марианских островов.

Однако ситуация вышла уже далеко за пределы таких предложений, и все присутствующие в зале понимали это. Для подобного решения проблемы просто не осталось времени. Адлер чувствовал ужасную тяжесть неизбежности. Все его дипломатическое искусство оказалось теперь бесполезным. Другие события и другие люди включились в разрешение ситуации. Как он, так и японский посол больше не могли ничего сделать. На лице посла Японии он увидел взгляд, ничем не отличающийся от его собственного.

- Перед тем как дать ответ на это предложение, - механически произнес посол, - я должен проконсультироваться со своим правительством. Предлагаю отложить наши переговоры для проведения таких консультаций.

Адлер кивнул, и в его голосе прозвучала печаль, а не гнев:

- Как вам будет угодно, господин посол. Если мы понадобится вам, мы всегда в вашем распоряжении.

- Боже милосердный, и вы хранили все это в тайне? Как вам это удалось?
- резко спросил Хольцман.

- Потому что все вы смотрели в другую сторону, - откровенно ответил Джек. - Вы всегда слишком рассчитывали на получение информации от нас, вместо того чтобы добывать ее самостоятельно. - Он тут же пожалел о сказанном. Его слова прозвучали слишком вызывающе. Ты испытываешь стресс, Джек, сказал он себе.

- Но вы солгали нам относительно авианосцев и умолчали о подводных лодках!

- Нам хотелось остановить дальнейшее ухудшение ситуации, - заметил президент Дарлинг. - Сейчас в Государственном департаменте ведутся переговоры с японской делегацией.

- Да, у вас, была трудная неделя, - согласился журналист. - С Келти покончено? Президент кивнул.

- Он говорит сейчас с Министерством юстиции и с жертвами.

- Самой главной проблемой было урегулировать положение на финансовом рынке, - сказал Райан. - Это было по-настоящему...

- Что ты хочешь этим сказать? - возразил Хольцман, - Они убили наших военнослужащих!

- Боб, почему все средства массовой информации обратили столько внимания на крах Уолл-стрита? Черт возьми, самым пугающим в их нападении на нас было то, что они подорвали финансовый рынок и вызвали недоверие к доллару. Это требовалось исправить в первую очередь.

Боб Хольцман кивнул, соглашаясь с Райаном.

- Но как вам это удалось?

- Кто бы мог подумать об этом?! - риторически воскликнул Марк Гант. Только что прозвенел звонок, возвестивший об окончании укороченного торгового дня. Индексы Доу-Джонса упали на четыре с четвертью пункта, причем объем торговли составил четыреста миллионов акций. В то же время индексы "Стандарт энд Пул корпорейшн" даже немного поднялись, так же как и

Национальной ассоциации фондовых дилеров, потому что ценные бумаги крупных компаний пострадали от паники больше мелких инвесторов. Однако рынок государственных облигаций укрепился лучше других и курс доллара вырос. А вот японская иена понесла колоссальные потери по отношению ко всем западным валютам.

- Изменения на рынке казначейских облигаций на будущей неделе приведут к некоторому падению курса остальных ценных бумаг, - заметил Уинстон, потирая усталое лицо и мысленно благодаря Провидение за удачу. Сохранившийся страх заставит инвесторов искать, куда более надежно вложить деньги, хотя укрепившийся доллар быстро смягчит создавшуюся ситуацию.

- К концу недели? - удивленно произнес Гант. - Может быть. Я не уверен в этом. Множество акций промышленных предприятий все еще продается по цене ниже номинала.

- Ваш ход с покупкой пакета акций "Ситибэнка" был крайне удачным, - заметил председатель Федеральной резервной системы, опускаясь в кресло рядом с ними.

- Эти акции не заслужили того падения курса, который произошел на прошлой неделе, и все знали это. Просто я успел купить этот пакет первым, - равнодушно ответил Уинстон. - К тому же мы еще и заработали на этой сделке. - Он постарался, чтобы его ответ не прозвучал слишком самодовольно. Это был еще один удачный урок психологии: ему удалось подтолкнуть рынок в нужном направлении и затем еще и заработать на этом. Бизнес есть бизнес.

- Как обернулись сегодня дела у "Коламбуса"? - спросил министр финансов.

- Примерно плюс десять, - тут же ответил Гант, имея в виду, что корпорации удалось заработать десять миллионов долларов - совсем неплохо, принимая во внимание сегодняшнюю обстановку. - В будущем наши дела пойдут лучше. К ним подошел сотрудник ФБР.

- Звонили из "Депозитори траст". Все сделки зарегистрированы у них как обычно. Похоже, эта часть системы снова функционирует нормально.

- Как дела с поисками Чака Серлза? - спросил Уинстон.

- Мы произвели самый тщательный обыск в его квартире, осмотрели каждую щелку. Представьте себе, у него там оказались два туристических путеводителя по Новой Каледонии. Она принадлежит Франции, и мы обратились за помощью к французской службе безопасности.

- Хотите услышать хороший совет?

- Мистер Уинстон, мы всегда готовы выслушать любой совет, - с улыбкой заметил агент. Оптимистическая атмосфера в комнате была заразной.

- Ищите его и в других местах.

- Мы ведем поиски повсюду.

- Слушаю, Баз, - произнес президент, сняв телефонную трубку. Райан, Хольцман и два агента Секретной службы увидели, как "Десантник" закрыл глаза и с облегчением глубоко вздохнул. Весь день президент получал доклады о событиях на Нью-Йоркской фондовой бирже, но только сейчас министр финансов Фидлер передал ему заключительное официальное сообщение. - Спасибо, мой друг. Передай всем, что я... передай, что я высоко ценю их усилия. Увидимся

сегодня вечером. - Дарлинг положил трубку. - Спасибо и тебе Джек. На тебя можно положиться в ненастье.

- Ненастье еще не миновало, господин президент.

- Значит, все окончено? - спросил Хольцман, не совсем понимая слова Дарлинга.

На вопрос журналиста ответил Райан:

- Мы еще не знаем этого.

- Но...

- Происшествие с авианосцами можно списать на случайность, а в гибели подводных лодок мы будем уверены, лишь когда увидим их корпуса, которые должны находится сейчас на глубине пятнадцать тысяч футов, - пояснил ему Джек, внутренне содрогаясь от собственных слов. Но это война, а войны нужно стараться избежать всеми силами. Если возможно, напомнил он себе. - Существует вероятность, что обе стороны могут отступить от края пропасти, списать это как недопонимание, отмежеваться от нескольких человек, превысивших свои полномочия, и, если их накажут за это, никто больше не погибнет.

- И ты говоришь мне все это?

- Ага, чувствуешь, что попал в ловушку, верно? - спросил Джек. - Если переговоры в Госдепе закончатся успехом, то у тебя есть выбор. Боб. Ты можешь помочь нам и умолчать о случившемся или же объявить о том, что стало тебе известно, и тогда у тебя на совести будет война с неисчислимыми бедствиями. Добро пожаловать в наш клуб, мистер Хольцман.

- Послушай, Райан, я не могу...

- Ну что ты! Конечно, можешь. Ты уже поступал так в прошлом. - Джек заметил, что президент молча слушает, не вмешиваясь в разговор. Отчасти ему хотелось отмежеваться от маневров Райана, но отчасти ему, похоже, нравилось то, что происходило перед его глазами. И Хольцман шел ему навстречу.

- Что все это значит? - спросил Гото.

- Это значит, что они будут угрожать, изрыгать воинственные крики, - ответил Ямата. Это значит, что нашей стране нужно настоящее руководство, подумал он, но промолчал. - Они не смогут забрать острова обратно. Для этого им не хватает сил. Возможно, им и удалось временно укрепить свои финансовые рынки, но Европа и Америка не могут бесконечно существовать без нас, и к тому моменту, когда они осознают это, мы больше не будем нуждаться в них, как нуждаемся сейчас. Разве ты не видишь? Речь всегда шла о нашей независимости! Если мы завоюем ее, все переменится.

- Ну а пока?

- Все останется как прежде. Новые американские законы о торговле означают то же самое, что и начало военных действий. По крайней мере таким образом мы получим что-то в качестве компенсации и у нас появится шанс самим распоряжаться в собственном доме.

По сути дела все сводилось именно к этому, и никто, кроме него, не понимал сути проблемы. Его страна может изготавливать товары и продавать их, но пока она нуждается в рынках больше, чем рынки нуждаются в его стране, законы о торговле могут поставить Японию на колени, и она окажется

бессильной что-либо предпринять. Миром всегда правили американцы. Это они потребовали и принудили воюющие стороны закончить русско-японскую войну, положили конец японским имперским устремлениям, дали Японии возможность создать мощную экономику и потом сами же подорвали ее вот уже трижды, те же самые американцы, которые погубили его семью. Неужели никто не замечает этого? И вот теперь Япония нанесла ответный удар, и, несмотря на это, робость не позволяет людям увидеть реальное положение вещей. Ямата с трудом сдержал свою ярость перед этим маленьким и глупым человеком. Но ему был нужен Гото, хотя премьер-министр не понимал, что путь назад отрезан.

- А ты уверен... что они не смогут ответить на наши действия? - спросил Гото после минутного раздумья.

- Хироши, все обстоит так, как я говорил тебе в течение нескольких месяцев. Мы не можем не одержать верх - разве что не пожелаем даже попытаться.

- Черт возьми, жаль, что мы не можем использовать эти приборы при наших изысканиях. - Подлинное волшебство космической фотосъемки заключалось не в отдельных фотографиях, а в парах одинаковых снимков, обычно сделанных одной и той же камерой с перерывом в несколько секунд и затем переданных на наземные станции в Саннивейле и Форт-Бельвуаре. Наблюдение в реальном масштабе времени было прекрасным, когда требовалось возбудить интерес конгрессменов или сделать что-то не терпящее отлагательства. А вот для настоящей работы вы пользуетесь парами отпечатков, помещенных в стереоскоп. При этом разрешающая способность камер превосходила возможности человеческого глаза и фотографии приобретали трехмерную четкость. Казалось, вы летите на вертолете. Даже лучше, чем на вертолете, подумал специалист из компании "Амтрак", потому что при желании можно вернуться назад и еще раз посмотреть на фотографии.

- Спутники обходятся очень дорого, - заметила Бетси Флеминг.

- Да, в годовой оборот нашей компании. Вот это интересный снимок. - Группа профессиональных дешифровальщиков рассматривала по отдельности и анализировала каждую фотографию, разумеется, но истина заключалась в том, что специалисты ЦРУ и Национального агентства по фоторазведке потеряли интерес к техническим аспектам строительства железных дорог много лет назад. Одно дело следить за поездами с танками или ракетами, а то, чем они занимались сейчас, - совсем другое.

- Почему?

- Линия "Шинкансен" приносит немалые доходы, тогда как эта ветка вряд ли окажется выгодной. Возможно, они собираются пробить тоннель вот здесь, - продолжал он, глядя на фотографии. - Сюда, к городу, но я на их месте не занимался бы этим и сберег деньги на строительстве дороги вот в эту сторону. В то же время это вполне может быть запасной путь для обслуживания главной линии.

- Каким образом?

Инженер даже не оторвал глаз от стереоскопа.

- Отстойник для маневровых локомотивов, снегоочистителей и тому подобного. Для этой цели ветка хорошо приспособлена. Правда, на ней не видно

никакого подвижного состава.

Разрешающая способность фотокамер была просто фантастической. Съемка производилась незадолго до полудня по местному времени, и отчетливо виднелось отражение солнца от блестящих рельсов как главной колеи, так и вспомогательной ветки. Инженер пришел к выводу, что ширина рельса и составляет примерный предел разрешающей способности фотокамер - любопытный факт, о котором он не сможет никому рассказать. Шпалы были бетонными, как на всей колее линии "Буллит трейн" - поезда-пули, а качеству строительных работ приходилось только завидовать. Инженер неохотно оторвался от стереоскопа.

- Вспомогательная ветка никак не может служить коммерческой линией и приносить доход. Все повороты на ней выполнены совсем иначе, чем на главной линии. Поезд не сможет развить здесь скорость даже тридцать миль в час, в то время как на главной она превышает сотню. Правда, странно, что железнодорожное полотно ветки в конце прости исчезает.

- Вот как? - спросила Бетси.

- Посмотрите сами. - Инженер встал и потянулся, уступая миссис Флеминг место у стереоскопа. Он взял крупномасштабную карту долины и посмотрел на нее, чтобы убедиться, куда может вести ветка дальше. - Знаете, когда Хилл и Стивенс строили Великую Северную...

Он заметил, что Бетси не обращает на него внимания.

- Крис, посмотри-ка сюда, - сказала Флеминг.

Инженер оторвался от карты.

- А, вы имеете в виду открытую платформу? Не знаю, в какой цвет они красят свои...

- Только не в зеленый.

В дипломатии время обычно идет на пользу, однако не в этом случае, подумал Адлер, входя в Белый дом. Заместитель госсекретаря знал, куда идти, к тому же рядом шел агент Секретной службы, заботящийся о том, чтобы он не заблудился. Адлер с удивлением увидел в Овальном кабинете журналиста, и его удивление возросло еще больше, когда тому разрешили остаться.

- Можешь говорить, - сказал ему Райан. Скотт Адлер сделал глубокий вдох и начал свой доклад:

- Они отказываются уступать по всем вопросам. Посол испытывает определенную неловкость от возникшей ситуации, что заметно по его поведению. Не думаю, что он получает подробные инструкции из Токио, и это беспокоит меня. Крис Кук считает, что они согласятся вернуть нам Гуам в виде демилитаризованной зоны, но хотят оставить себе остальные острова. Я попытался использовать в качестве приманки закон о реформе торговли, но это не вызвало должной реакции. - Прежде чем продолжить, он сделал паузу. - Думаю, что переговоры окончатся неудачей. Мы можем продолжать их неделю или месяц, но ничего конкретного ожидать не приходится. Главная причина заключается в том, что они не отдают себе отчета в сложившейся ситуации. Они считают, что военный и экономический аспекты проблемы тесно связаны, не видят, что они резко отделены один от другого. Они не понимают, что пересекли черту, и не считают необходимым отступить назад.

- Вы полагаете, что началась война? - заметил Хольцман, чтобы прояснить

ситуацию. Такой вопрос показался ему глупым. Репортер не обратил внимания на то, что все присутствующие пребывают в ауре нереальности.

- Боюсь, дело обстоит именно так, - кивнул Адлер.
- Тогда что мы собираемся предпринять?
- А как вы сами думаете? - спросил президент Дарлинг.

Капитан третьего ранга Датч Клаггетт никогда не думал, что окажется в такой ситуации. Способный офицер, он быстро продвигался по служебной лестнице после окончания военно-морской академии двадцать три года назад, но его карьера рухнула, когда он, будучи старшим помощником на подводной лодке "Мэн", присутствовал при ее гибели - это был единственный случай гибели подводного ракетоносца на американском военно-морском флоте. Ирония судьбы состояла в том, что Клаггетт всю жизнь мечтал стать командиром атомной подводной лодки. И вот он стал им, но теперь командование подводным ракетоносцем "Теннесси" не означало для него ровным счетом ничего. Грозный корабль был предназначен для того, чтобы нести баллистические ракеты "Трайидент-II" с многоцелевыми самонаводящимися ядерными боеголовками, запускаемыми из подводного положения. Но теперь ракеты были сняты, и единственная причина, по которой подводный ракетоносец все еще не пошел на металлолом, заключалась в том, что местные защитники окружающей среды выступили против демонтажа ядерных реакторов и направили свой протест в федеральный окружной суд. Судья, всю жизнь состоявший в "Сьерра клуб", согласился с их аргументами, и теперь протест был возвращен обратно в апелляционный суд США. Клаггетт командовал "Теннесси" уже девять месяцев, но лодка выходила за это время в плавание лишь однажды - она перешла с одной стороны пирса на другую. Капитан рассчитывал на совершенно иную карьеру. Впрочем, все могло быть хуже, думал он в уединении своей каюты. Он мог погибнуть вместе со многими членами экипажа "Мэна".

Однако "Теннесси" по-прежнему принадлежала только ему - Клаггетту не приходилось делить подводную лодку даже со вторым капитаном, стоящим во главе сменного экипажа. И с формальной точки зрения она все еще оставалась действующим боевым кораблем Военно-морского флота США, он все еще был морским офицером, а его сокращенная команда из восьмидесяти пяти человек продолжала ежедневные учения, потому что такова жизнь моряков, даже если их корабль ошвартован у причала. Атомный реактор, который - механики называли своей "электростанцией", включали по крайней мере раз в неделю. Акустики проводили игры по обнаружению и слежению за. Целями с помощью аудиокассет, а остальные члены команды обслуживали все бортовые системы, включая разборку, ремонт и сборку единственной торпеды Мк-48, оставшейся на подводной лодке. Так и следовало поступать. Члены экипажа, еще оставшиеся на корабле, должны были сохранять свою профессиональную подготовку на случай, если их переведут на подводную лодку, действительно выходящую в море, и долг капитана заключался в том, чтобы помочь им.

- Радиограмма от командующего подводными силами Тихоокеанского флота, сэр, - доложил писарь, передавая листок бумаги. Клаггетт взял ручку и расписался в получении.

СООБЩИТЕ КРАТЧАЙШИЙ СРОК ГОТОВНОСТИ ВЫЙТИ В МОРЕ

- Какого черта? - спросил капитан Клаггетт, обращаясь к переборке. Затем он понял, что радиограмма должна была по крайней мере пройти через командира группы подводных лодок, а не прямо из Пирл-Харбора. Он поднял трубку и набрал по памяти телефонный номер командующего подводными силами Тихоокеанского флота.

- Пригласите к телефону адмирала Манкузо, пожалуйста. Говорит командир "Теннесси".

- Датч? В каком техническом состоянии твоя лодка? - без предисловий спросил Барт Манкузо.

- Все в порядке, сэр. Две недели назад мы даже провели учение по ОБР и оно прошло успешно. - Клаггетт имел в виду операционную безопасность реактора, все еще являющуюся Святым Граалем для атомного флота, даже в том случае, если корабль предназначался в качестве исходного материала для бритвенных лезвий.

- Я знаю. Когда будете готовы? - спросил Манкузо. Прямота вопроса звучала, как напоминание о прошлом.

- Мне нужно погрузить продукты и торпеды. Требуется еще тридцать человек.

- В чем твоя главная слабость?

Клаггетт на мгновение задумался. Его офицеры были молоды, но неплохо подготовлены, и он не боялся за них. К тому же в состав экипажа входили опытные старшины.

- Не вижу слабых мест, сэр. Я непрерывно проводил учения со своими людьми.

- О'кей, Датч. Высылаю приказы подготовить твою лодку к скорейшему выходу в море. Вся ваша группа готовится к выходу. Мне нужно, чтобы ты вышел как можно быстрее. Инструкции высланы. Приготовься к плаванию в течение девяноста дней.

- Слушаюсь, сэр. - Клаггетт услышал щелчок, и линия отключилась. Он тут же поднял трубку и вызвал к себе командиров боевых частей и главных старшин. Они еще не успели собраться, как снова раздался телефонный звонок - командир группы подводных лодок запрашивал точное число специалистов, в которых нуждается Клаггетт.

- Прекрасный вид открывается из окон вашего дома. Вы согласны продать его?

Ореза отрицательно покачал головой.

- Нет, - ответил он незнакомцу, стоящему у входа.

- Может быть, вы все-таки подумаете о моем предложении. Вы ведь рыбак, правда?

- Да, сэр. У меня небольшое судно, которое я сдаю в чартер...

- Да, мне это известно. - Мужчина оглянулся вокруг, явно восхищаясь размерами и расположением дома, который по американским понятиям был весьма обычным. Мануэль и Изабел Ореза купили его пять лет назад, едва успев опередить тут же начавшееся стремительное подорожание недвижимого имущества

и строительный бум на Сайпане. - Я готов дорого заплатить за него, - произнес мужчина.

- Но тогда где я буду жить? - спросил Португалец.

- Больше миллиона американских долларов, - настаивал незнакомец.

Как ни странно, услышав названную сумму, Ореза внезапно почувствовал вспышку гнева. В конце концов, он все еще каждый месяц платил по закладной - вернее, платила жена, но это не имело значения. Типичный ежемесячный ритуал в жизни каждого среднего американца - он заполнял чек, клал его в конверт с заранее напечатанным адресом и опускал в почтовый ящик первого числа каждого месяца. Эта процедура служила доказательством того, что у них теперь действительно был первый собственный дом, после того как они больше тридцати лет провели на государственной службе и жили как перекати-поле. Этот дом принадлежал им.

- Сэр, это мой дом, понимаете? Я в нем живу. Здесь мне нравится.

Несмотря на свою явную напористость, мужчина вел себя вежливо. Он вручил Португальцу свою визитную карточку.

- Я знаю. Извините за настойчивость. Мне хотелось бы получить от вас ответ после того, как вы всесторонне обдумаете мое предложение. - Он спустился с крыльца и пошел к соседнему дому.

- Какого черта? - недоуменно прошептал Ореза, закрывая дверь.

- О чем ты разговаривал с ним? - спросил Пит Барроуз.

- Он хочет заплатить миллион баксов за мой дом.

- Действительно, из окон открывается отличный вид, - заметил Барроуз. - За твой дом и на калифорнийском побережье заплатили бы неплохо - но, конечно, не миллион. Ты не поверишь, как дорога недвижимость в Японии.

- Целый миллион? - И это всего лишь первое предложение, напомнил себе Ореза. Незнакомец поставил свою "тойоту-лэнд-крузер" в тупике и ходил от одного дома к другому, явно намереваясь купить все, что продается.

- Да он перепродаст его за гораздо большую сумму или, если у него деловая хватка, просто будет сдавать внаем.

- Но тогда где нам жить?

- Нигде, - ответил Барроуз. - Готов побиться об заклад, что они предложат тебе при оформлении купчей еще и бесплатные билеты первого класса обратно в Штаты. Подумай об этом.

- Интересно, старшина, - заметил Робби Джексон. - Что еще?

- Эсминцы, которые мы видели раньше, ушли. Все успокаивается - черт возьми, жизнь стала прежней, разве что вокруг солдаты.

- Какие-нибудь неприятности?

- Нет, сэр, все тихо. В гавань заходят те же корабли с провизией, те же танкеры, все то же самое. Число самолетов резко уменьшилось. Солдаты вроде как окопались, хотя и стараются скрыть это, Они показываются гораздо реже. На острове по-прежнему немало незаселенной местности, покрытой кустарником. Думаю, они скрываются там. Не знаю точно, я ведь не ходил на разведку, понимаете? - услышал Джексон.

- Правильно поступаете, старшина. Ведите себя непринужденно, словно ничего не случилось. Вы передаете нам ценные сведения. Сейчас я займусь

делами.

- Понял, адмирал.

Джексон записывал в блокнот услышанное им по телефону. Вообще-то следовало делать записи кому-то другому, но голос старшины Орезы, доносящийся с другого конца света, стал знакомым, да и к тому же все сказанное им записывалось на магнитную ленту для передачи в разведывательное управление.

Его ждали и другие неотложные дела. Сегодня вечером самолеты ВВС снова прощупают японскую противовоздушную оборону. Патрульная линия из подводных лодок переместится еще на сотню миль к западу, и поступит масса разведывательной информации, главным образом со спутников. Поврежденный авианосец "Энтерпрайз" войдет сегодня в гавань Пирл-Харбора. На авиабазе морской авиации в Барберс-Пойнт сосредоточено два полностью укомплектованных авиакрыла палубных истребителей-бомбардировщиков, но нет авианосцев, которые могли бы принять их. Двадцать пятая дивизия легкой пехоты армии США все еще находится в Шофилд-Бэрракс, в нескольких милях отсюда, но для ее переброски тоже нет транспортных судов. То же самое относится и к Первой дивизии морской пехоты в Кэмп-Пендлетоне, штат Калифорния. Последний раз, когда Америка нанесла удар по Марианским островам 15 июня 1944 года, специально выяснил Джексон, в операции "Вестник" было задействовано 536 кораблей и 125 571 военнослужащий. Сейчас набрать такое количество кораблей не удастся, даже если собрать вместе все корабли Военно-морского флота США и все суда торгового флота, несущие звездно-полосатый флаг. Что касается личного состава, то армия и корпус морской пехоты с трудом наберут аналогичное число солдат легкопехотных дивизий. В находившийся под командованием адмирала Рэя Спрюэнса Пятый флот (больше не существующий) входило целых пятнадцать авианосцев, тогда как сейчас у Тихоокеанского флота не осталось ни одного. При высадке на Марианские острова было задействовано, таким образом, пять дивизий, их поддерживали более тысячи самолетов тактической авиации, линейные корабли, крейсеры, эскадренные миноносцы...

А тебе выпало счастье разработать план захвата у японцев Марианских островов. Какими силами?

Мы не сможем действовать лобовой атакой, решил Джексон. Японцы удерживают Марианские острова и имеющееся у них вооружение - главным образом американское - является исключительно эффективным. Но самым большим осложнением было количество находящихся там гражданских лиц. Население островов - все граждане США - насчитывало почти пятьдесят тысяч, причем большинство проживало на Сайпане, и любой план, при котором во имя освобождения возможна гибель значительного числа местных жителей, ляжет тяжким бременем на его душу. Адмирал Джексон не был готов на такой шаг. Это была совершенно новая война, ведущаяся по совершенно новым правилам, и он еще не во всех сумел разобраться. Однако главные вопросы остались прежними. Противник захватил что-то, принадлежащее нам, и мы должны вернуть это себе - в противном случае Америка перестанет существовать как великая держава. Джексон провел всю свою сознательную жизнь в вооруженных силах и понимал, что сейчас пишется новая страница в истории мира. К тому же, что он скажет главному старшине Мануэлю Орезу, если Соединенные Штаты не вернут себе

острова?

Итак, мы больше не можем овладеть островами, прибегнув к лобовой атаке. Америка больше не способна перебрасывать крупные силы, разве что с одной базы на другую. По сути дела у Америки не было ни большой армии ни большого флота, пригодного для ее переброски. Как не было и передовой базы для поддержки вторжения. Или все-таки это не так? Америке по-прежнему принадлежат почти все острова в западной части Тихого океана, и на каждом имеется аэродром или посадочная площадка. Самолеты могут теперь совершать более продолжительные перелеты и осуществлять дозаправку в Воздухе. Корабли в состоянии находиться в море практически неограниченное время, особенно теперь, с приходом атомной эры. Но самым главным является то, что произошла подлинная революция в технологии вооружений. Сейчас вооруженным силам больше не нужна дубинка. Ей на смену пришла рапира. И космическая съемка. Сайпан, Здесь решится судьба войны. Именно Сайпан является ключом к цепи островов. Джексон снял телефонную трубку.

- Райан слушает.

- Джек, это Робби. Насколько свободны наши действия?

- Мы не можем убивать людей. Сейчас не 45-й год, - ответил советник по национальной безопасности.

- К тому же у них имеется ядерное оружие.

- Да, я. знаю, мы занимаемся поисками пусковых шахт, и это будет нашей первой целью сразу после обнаружения. Но вдруг нам не удастся обнаружить их?

- Мы должны, - ответил Райан. Должны? - подумал он. По разведывательным данным контроль над ядерным оружием находится в руках Хироши Гото, человека с ограниченными умственными способностями, ненавидящего Америку. Но еще более важным было то, что Райан не был уверен, способна ли Америка предугадать ход его мыслей. То, что может показаться Джеку противоречащим здравому смыслу, вполне может казаться "разумным и правильным" Гото и тем, на чьи советы он полагается, возможно, Райзо Ямате, который дал первый толчок всему развитию событий и чьи мотивации до сих пор. оставались неизвестными.

- Робби, мы должны уничтожить их ядерные ракеты, и вот в этом тебе предоставлена полная свобода. Я улажу этот вопрос с НСК, - добавил он, имея в виду Национальную структуру командования - бюрократический термин, изобретенный Пентагоном и означающий президента США.

- Мы сможем прибегнуть к нашему ядерному оружию? - спросил Джексон. Райан знал, что профессия заставляет его мыслить такими категориями, какими бы ужасными ни были эти слова и возможные последствия.

- Роб, мы не будем принимать решения по этому вопросу, пока у нас остается хоть малейший шанс, но тебе дается право разработать план, принимающий во внимание и такую возможность.

- Мне только что позвонил приятель с Сайпана. Похоже, кто-то предлагает заплатить баснословную цену за его дом.

- Нам кажется, что они попытаются инсценировать там выборы - что-то вроде референдума по вопросу суверенитета. Если им удастся переселить местных жителей - ну что ж, тогда они смогут кое-чего добиться, правда?

- Но мы не хотим допустить этого?

- Не хотим. Мне нужен детальный план, Роб.
- Ты его получишь, - заверил Райана заместитель начальника оперативного управления Пентагона.

Дарлинг снова выступил по телевидению в девять вечера по восточному поясному времени. Уже начали распространяться слухи об ухудшении отношений с Японией. Ведущие телевизионных компаний, рассказывая о событиях на Уолл-стрите, намекали на происшествие с авианосцами на прошлой неделе и на проходящие между Соединенными Штатами и Японией переговоры относительно Марианских островов, где, подчеркивали они, линии телефонной связи повреждены тайфуном, которого вроде бы на самом деле вовсе и не было. Неловко было признаваться, что они мало что знают. К тому времени корреспонденты в Вашингтоне обменивались информацией и ее источниками, пораженные тем, что мимо них прошло нечто столь сенсационное. Это изумление переросло в ярость на свое правительство, скрывшее от общественности такие значительные события. Брифинги, начавшиеся в восемь часов, помогли несколько смягчить ситуацию. Да, события на Уолл-стрите привлекают к себе наибольшее внимание. Действительно, решение финансового кризиса имеет жизненно важное значение для американского народа, превосходящее по значимости судьбу каких-то островов, которые далеко не все американцы могут найти на карте. Однако, черт побери, правительство не имеет права скрывать происходящее от средств массовой информации. Некоторые репортеры все-таки поняли, что первая поправка к американской конституции гарантирует им право самим выяснять, что происходит в мире, а не требовать этого от других. Были и такие, кто догадались, что администрация США старается уладить конфликт без кровопролития, и потому несколько успокоились. Но не до конца.

- Уважаемые соотечественники, - начал Дарлинг свое второе за этот день телевизионное обращение к американцам, и всем сразу стало ясно, что какими бы приятными ни были события сегодняшнего дня, вечерние новости будут плохими. Так и произошло.

В понятии неизбежности есть что-то оскорбительное для человеческой натуры. По своей природе человек является существом, полным надежд и устремлений, - и первое и второе отвергает мысль о том, что есть вещи, не поддающиеся переменам. Но человек также склонен ошибаться, и иногда это делает неизбежными события, которых он так стремится избежать.

Четыре бомбардировщика Б-1Б "лансер" находились сейчас в пятистах милях от побережья Японии и летели, вытянувшись в линию, курсом на восток от Токио. Затем они сделали поворот прямо на запад и легли на курс 270° и тут же снизились до высоты, облегчающей прорыв противовоздушной обороны. Офицеры, оперирующие аппаратурой электронного противодействия на борту каждого самолета, знали сейчас больше, чем двое суток назад. По крайней мере им было известно, какие вопросы нужно задавать. Дополнительная информация, полученная с разведывательных спутников, позволила установить местоположение всех радиолокационных станций Японии, и американцы знали, что им по силам преодолеть сеть радиолокационного слежения. Важная часть сегодняшней операции заключалась в том, чтобы прощупать возможности японских Е-767, а

для этого требовалась немалая осторожность.

После 60-х годов бомбардировщики Б-1Б неоднократно подвергались модернизации. Их скорость теперь даже уменьшилась, зато в конструкции появились элементы технологии "стелс", так что обнаружить самолет радиолокаторами стало гораздо труднее, особенно с носового ракурса. "Лансеры" имели радиолокационное поперечное сечение, РПС, большой птицы, тогда как у Б-2А оно напоминало воробья, стремящегося спрятаться от коршуна. Кроме того, бомбардировщики обладали огромной скоростью на малых высотах, что всегда является лучшим способом уклониться от атаки, которой экипажи надеялись избежать. Целью сегодняшней операции было прощупать поведение барражирующих японских самолетов раннего обнаружения, дожидаться от них электронной реакции, затем развернуться и стремительно умчаться обратно в Элмендорф, унося с собой еще большую информацию, чем уже получена. Это позволит разработать план настоящего нападения. Экипажи бомбардировщиков упустили из виду лишь одно обстоятельство: температура воздуха на одной части самолетов равнялась 31 градусу по Фаренгейту и 35 - на другой <0, 5°C и 1, 7°C соответственно>.

Ками-2 находился в воздухе в сотне миль к востоку от Коси и следовал точно по линии с севера на юг со скоростью четыреста узлов. Каждые пятнадцать минут самолет разворачивался и летел в обратную сторону. Он вел патрулирование уже семь часов и ожидал смены на рассвете. Экипаж устал, но продолжал внимательно вести наблюдение, еще не совсем освоившись с утомительной рутинной своей операцией.

Подлинная проблема была технической, и это сильно влияло на операторов. Их радиолокатор, хотя и весьма совершенный, оказался менее эффективным, чем предполагалось. Предназначенный обнаруживать самолеты, использующие технологию "стелс", он, возможно - операторы еще точно не знали, - и годился на это благодаря усовершенствованию эксплуатационных характеристик. Сам радар был исключительно мощным, надежным и точным в работе. Внутренние усовершенствования включали приемную установку, охлаждаемую жидким азотом, что вчетверо увеличивало чувствительность, и программное обеспечение обработки принятых сигналов действовало превосходно. Собственно, в этом и заключалась суть проблемы. Радиолокационные дисплеи представляли собой обычные телевизионные экраны, на которые выдавалось компьютерное изображение, - результат растрового сканирования. Программное обеспечение было разработано таким образом, что обнаруживало все, что создавало ответный сигнал, и при такой мощности и таком уровне чувствительности оно демонстрировало объекты, не существующие на самом деле. Например, мигрирующих птиц. Программисты разработали программу с пределом скорости, при которой все, что имело скорость меньше ста тридцати километров в час, не принималось во внимание - в противном случае операторам приходилось бы следить за автомобилями, мчавшимися по шоссе к западу от самолета. Однако программное обеспечение позволяло принимать все без исключения отраженные сигналы, прежде чем решить, будет сигнал показан оператору или нет, и все, что находилось в пределах - или за пределами - этого кольца, через несколько секунд рассматривалось как возможный контакт с самолетом. Таким образом,

пара альбатросов, летящих на расстоянии нескольких тысяч метров друг от друга, в воображении компьютера становилась движущимся самолетом. Это сводило с ума операторов, а вместе с ними и пилотов двух "иглов", сопровождающих самолет раннего обнаружения на расстоянии тридцати километров. Результатом таких осложнений было раздражение, которое отражалось на суждениях операторов. Вдобавок при высочайшей чувствительности всей системы все еще продолжающийся поток гражданских авиалайнеров походил на эскадры бомбардировщиков, и единственным облегчением было то, что Ками-1, барражировавший к северу от Ками-2, занимался слежением за ними и их опознанием.

- Контакт, пеленг один-ноль-один, расстояние четыреста километров, - произнес в интерком командир одного из самолетов. - Высота три тысячи метров... снижается. Скорость пятьсот узлов.

- Снова птица? - раздраженно спросил полковник, возглавляющий операцию.

- Нет, непохоже... контакт становится все более отчетливым.

Другой летчик в звании полковника осторожно отодвинул от себя рукоятку управления, и его бомбардировщик начал снижаться. Автопилот был теперь отключен. Входим в область действия воздушного радиолокатора и тут же покидаем ее, сказал он себе, окидывая взглядом небо перед собой.

- Вон наш друг, - слышался голос офицера группы электронного противодействия. - Пеленг два-восемь-один.

Автоматически оба летчика - первый и второй пилоты - посмотрели направо. Неудивительно, что там они ничего не увидели. Второй пилот тут же перевел взгляд внутрь кабины. Ночью необходимо не отрывать взгляда от приборов. Отсутствие системы надежных внешних ориентиров означает, что у человека может возникнуть головокружение, потеря пространственной ориентации, чего боятся все летчики. Самолет вроде приближался к слоистым облакам. Взгляд второго пилота тут же остановился на приборе, измеряющем наружную температуру. Тридцать пять по Фаренгейту, это хорошо. Стоит температуре опуститься на два-три градуса ниже - и тут же возникнет опасность обледенения, а у бомбардировщика Б-1, как и у большинства военных самолетов, отсутствовали антиобледенительные устройства. Ну что ж, по крайней мере операция заключалась в электронном, а не визуальном наблюдении, а наличие облаков не мешает работе радиолокаторов.

Однако появление облаков означало увеличение влажности, и второй пилот упустил из виду, что датчик наружной температуры воздуха находится в носовой части самолета и что хвостовое оперение расположено заметно выше. Там температура составляла 31 градус, и на вертикальном киле бомбардировщика начал образовываться лед. Его было явно недостаточно, чтобы он мог как-то отразиться на управлении самолетом, но даже очень маленького слоя льда хватает, чтобы внести незначительные изменения во внешние очертания бомбардировщика, допуски радиолокационного поперечного сечения которого, РПС, измеряются миллиметрами.

- У меня четкий контакт, - произнес командир Ками-2. Он замкнулся на контакте и перевел его на дисплей, расположенный перед креслом полковника. - Пожалуй, вон там еще один.

- Да, вижу. - Контакт, заметил он, перестал снижаться и выходил на горизонтальный полет, направляясь прямо к Токио. Это не мог быть авиалайнер. У контакта нет транспондера. Курс не соответствует курсу гражданского самолета, да и высота непохожа. Это мог быть только враг. Придя к такому заключению, командир приказал двум своим, истребителям направиться к цели.

- Мне кажется, я могу запросить его сейчас более...

- Нет, - прервал полковник по каналу внутренней связи. Два истребителя F-15J только что произвели дозаправку и находились в удобном положении для перехвата. Буквенно-цифровые символы на экранах Ками показывали, что они недалеко, летчики истребителей видели на дисплеях передаваемое изображение, так что им не требовалось включать свои радиолокаторы наведения. При собственной скорости пятьсот узлов и такой же скорости приближающегося самолета суммарная скорость составляла тысячу узлов и сближение было стремительным.

Одновременно информация была передана в наземный региональный штаб ПВО, и очень скоро множество людей стали свидетелями электронной драмы. Теперь были обнаружены три приближающихся самолета, которые располагались на таком расстоянии друг от друга, словно собирались нанести удар. Все знали, что если это бомбардировщики Б-1, то они могут нести бомбы или крылатые ракеты и совершить пуск последних. Это создавало проблему для командующего ПВО, да и время суток затрудняло ее решение. Полученные им указания не были еще достаточно конкретными, а запросить Токио он не мог. Но приближающиеся самолеты находились в пределах зоны ПВО и были, скорее всего, бомбардировщиками. Как же поступить? - спросил себя генерал. Пока он приказал истребителям разойтись и каждому направиться к отдельной цели. Все происходило слишком быстро. Генерал не был уверен в правильности принятого решения, но нельзя разработать план для каждой возможной ситуации, это были бомбардировщики, они находились слишком близко и стремительно мчались к цели.

- Нас еще "не осветили"? - спросил командир бомбардировщика. Он не собирался приближаться к японскому самолету радиолокационного обнаружения ближе, чем на сто миль, и уже разработал в уме процедуру ухода от него.

- Нет, сэр. Я вижу, как его радар "оглядывает" пространство каждые шесть секунд, но на нас он еще не замыкался.

- Не думаю, что они могут обнаружить нас таким образом, - произнес вслух пилот.

- Если нас обнаружат, мы успеем унести ноги. - Второй пилот Нервно размял пальцы, надеясь, что его уверенность достаточно обоснованна.

Не приходилось ожидать, что истребители ринутся в атаку в расчете на легкую победу. Сейчас они находились выше слоя облаков, а прорываться сквозь них небезопасно. Приказ об атаке, поступивший по радио, не вызвал у летчиков особого энтузиазма, они повиновались ему механически после бесчисленных часов тренировок и подготовки, в конце длинного утомительного ночного патрулирования. Радиолокатор Ками-2 перешел на другую частоту и начал посылать электронные импульсы ко всем трем приближающимся объектам.

- Они обнаружили нас, - тут же доложил офицер группы электронного противодействия. - Изменили частоту и посылают в нашу сторону мощные импульсы в К-диапазоне.

- Наверно, только сейчас сумели нас заметить. - Этого следовало ожидать, не правда ли? Как только рассчитают курс сближения, попытаются уточнить его, У полковника было еще немного времени. Он решил, что сохранит прежний курс в течение нескольких минут и увидит, что произойдет.

- Он не поворачивает, - произнес командир. Бомбардировщик должен был отвернуть немедленно, не правда ли? - подумали все, кто находились на борту японского самолета раннего радиолокационного обнаружения. Существовала только одна разумная причина, по которой бомбардировщик сохраняет прежний курс, и потому последовал очевидный приказ. Ками-2 снова изменил частоту радиолокатора, перейдя на огневой режим, и один из истребителей выпустил две ракеты с радиолокационными головками наведения. Второй "игл", к северу от первого, все еще находился за пределами дальности эффективного обстрела своей цели. Его пилот нажал на кнопку форсажа и начал стремительно сближаться с ней.

- На нас замкнулись - кто-то замкнул на нас свой радиолокационный луч!

- Уходим влево. - Полковник передвинул ручку управления, увеличил мощность двигателей, и бомбардировщик устремился вниз, к самым гребням бушующих волн. Чтобы сбить мчащиеся ракеты с курса, из хвостового отсека было выпущено облако алюминиевой фольги. Облако почти сразу остановилось в холодном воздухе и начало медленно опускаться. Усовершенствованный радиолокатор на борту E-767 мгновенно разгадал эту уловку и автоматически пренебрег алюминиевой фольгой, замкнув свой тонкий луч наведения на бомбардировщике, продолжающем маневр уклонения. Ракете оставалось только следовать вдоль этого луча. Годы научно-исследовательской работы и усилия конструкторов воплощались теперь в торжество технологии. Операторы на борту E-767 молча думали об одном и том же: вот так, неожиданный поворот! Эта система была создана для того, чтобы защитить их страну от русских, а теперь она применялась против американцев. Специально не придумаешь!

- Я не могу уйти от ведущего нас луча, - пробормотал полковник. Была сделана попытка активного глушения, но тонкий луч японского радиолокатора, ударяющий по алюминиевой обшивке американского бомбардировщика, пульсировал с мощностью в два миллиона ватт, и глушение не могло справиться с этим. Пилот принялся резко бросать свой самолет из стороны в сторону. Он не знал, где находятся сейчас японские ракеты, и был вынужден полагаться на инструкцию, но тут же понял, что инструкция не предусматривала такой ситуации. Когда взорвалась первая ракета, попавшая в правое крыло, бомбардировщик находился слишком близко к морской поверхности, и катапультируемые кресла не могли спасти экипаж.

Второму B-1 повезло больше. Ракета вывела из строя два двигателя, однако и с уменьшенной вдвое мощностью бомбардировщик сумел скрыться от преследующего истребителя. Американский экипаж с облегчением вздохнул, но тут же летчики снова задумались над тем, а удастся ли им дотянуть до Шемьи, прежде чем что-то еще отвалится от их самолета, обошедшегося

налогоплательщикам в сто миллионов долларов. Остальные бомбардировщики тоже повернули назад, надеясь выяснить по прилете, что же произошло на самом деле.

Гораздо более важным явилось то обстоятельство, что было совершено еще одно вооруженное нападение, погибли еще четыре человека, и теперь обеим сторонам будет труднее положить конец этой войне, ведущейся без каких-либо определенных правил.

36. Обдумывание

Случившееся не было такой уж большой неожиданностью, подумал Райан, однако это обстоятельство вряд ли утешит семьи четырех погибших офицеров ВВС. Операция планировалась как простая и безопасная, и единственным плюсом, пусть и полученным очень дорогой ценой, было то, что американцам удалось выяснить нечто новое о японской противовоздушной обороне. Итак, у них лучшие в мире самолеты ПВО. Если Америка собирается уничтожить японские межконтинентальные баллистические ракеты, придется преодолеть воздушный щит Японии - но уничтожить ракеты необходимо. На столе Райана лежала толстая стопка документов. Информация НАСА о японских ракетах SS-19. Сведения о слежении за их испытательными запусками. Оценка возможностей японских ракет. Предположительный вес полезного груза. По сути дела все это только догадки. Ему требовались более надежные данные, но такова природа разведывательной информации. Ее никогда не хватает для того, чтобы сделать точное заключение, поэтому приходится полагаться на догадки и надеяться, что они окажутся верными. Райан почувствовал облегчение, услышав звонок кодированного телефона. По крайней мере это отвлекло его от мыслей, как объяснить президенту, что у него не хватает информации для принятия решения.

- Привет, Мэри-Пэт. У тебя есть что-нибудь новое?

- Когда хочет встретиться с нашими людьми, - слышался голос миссис Фоули. - Нам сообщили, что он встревожен происходящими событиями. Однако это опасно, - добавила она.

Все было бы гораздо проще, если бы я не знал этих двух парней, подумал Райан.

- Согласен, - произнес он. - Нам нужно как можно больше информации. Самое главное - это выяснить, кто действительно принимает там решения.

- Только не правительство. Все указывает на это. И только это может объяснить, почему все произошло так неожиданно. Так что очевидный вопрос...

- И ответ на твой очевидный вопрос - "да", Мэри-Пэт.

- Кто-то должен понести за это наказание, Джек, - слышался бесстрастный голос заместителя директора ЦРУ по оперативным вопросам.

- Непременно, - ответил советник президента США по национальной безопасности.

Молодой двадцатипятилетний дипломат, он был заместителем помощника торгового атташе, и его редко приглашали на важные совещания, а если такое и случалось, на его долю выпадали обязанности пажа при королевском дворе давно ушедших веков - он следил за тем, что потребует его начальнику, подносил

напитки и вообще старался выглядеть как можно незаметнее. Разумеется, он был и офицером разведки, к тому же и в этой сфере деятельности занимал самую младшую должность. Он должен был каждое утро, по пути из дома в посольство забирать из тайных "почтовых ящиков" сообщения, если замечал соответствующий сигнал, как случилось этим воскресным утром в Токио. Порученное задание бросало вызов его изобретательности, поскольку всякий раз запланированное приходилось выдавать за случайное, забирать материалы из "почтового ящика" каждый раз надо было по-другому, но непременно не привлекая к себе внимания. Это был всего лишь второй год его работы в качестве полевого агента-оперативника, но парень уже задавал себе вопрос, как можно заниматься этим в течение многих лет и не сойти с ума.

Вот она. Металлическая банка - на этот раз красная, из-под кока-колы - лежала в придорожной канаве между левым задним колесом "ниссана" и бордюром тротуара, в двадцати метрах впереди, как и полагалось. Она не могла находиться здесь долгое время - любой прохожий мог поднять ее и бросить в мусорную урну. Русский восхищался тем, как жители Токио следят за опрятностью своего города. Говоря по правде, почти все в этом трудолюбивом и вежливом народе вызывало у него восхищение, тем более его тревожила продуманная и тщательно разработанная деятельность японских контрразведывательных служб. Правда, он работал под прикрытием дипломатического паспорта, так что в худшем случае пострадает всего лишь его профессиональная карьера, что не так и страшно - ведь работа в аппарате торгового атташе научила его разбираться в бизнесе, и он не умрет с голоду, покинув государственную службу. Молодой дипломат, идя по переполненному утром тротуару, наклонился и поднял пустую металлическую банку. Банка имела вогнутое дно для более плотной упаковки в коробку, и пальцы дипломата ловко извлекли из выемки прикрепленный клейкой лентой сложенный пакетик. В следующее мгновение пустая банка уже летела в мусорную урну, что стояла на углу, а молодой человек повернул налево, в сторону посольства. Выполнено еще одно важное задание, а со стороны могло показаться, что аккуратный прохожий всего лишь убрал мусор с тротуара этого самого опрятного города мира. Потребовалось два года подготовки, подумал он, чтобы превратить меня в профессионального мусорщика. Может быть, через несколько лет ему доверят вербовку собственных агентов. По крайней мере тогда не придется пачкать руки.

Войдя в посольство, молодой человек, прежде чем расположиться за своим столом, направился в кабинет майора Щеренко и передал подобранный пакетик.

Борис Щеренко был занят намного больше обычного. Предполагалось, что его работа в Японии будет спокойной и неторопливой - в его обязанности входило заниматься промышленным шпионажем. Он должен был координировать сбор соответствующей информации и отправлять эту информацию к себе в страну, где достижения японской технологии станут дублировать на русских предприятиях. Скорее, думал он, это должно походить на обычный бизнес, чем на разведывательную деятельность. Утрата агентурной сети Лялина "Чертополох" стала для него профессиональной катастрофой. В течение нескольких лет он пытался восстановить сеть, но без особого успеха. Предатель Лялин оказался просто гением - так ловко он проникал в промышленные компании. Самому же

Щеренко пришлось прибегнуть к обычной вербовке агентов, главным образом служащих государственных департаментов. Усилия по восстановлению агентурной сети едва начали приносить первые плоды, как последовал новый приказ, кардинально изменивший всю его деятельность. Полученные указания изумили русского разведчика в неменьшей степени, чем возникшая ситуация повергла в шок американцев, получивших удар в спину от своего бывшего союзника. Еще один трюизм, который забыли американцы, подумал майор: никогда никому нельзя доверять.

С пакетиком, оказавшимся у него на столе, по крайней мере нетрудно было работать: в нем находились два кадра уже проявленной черно-белой тридцатипятимиллиметровой пленки. Потребовались считанные минуты, чтобы снять серую ленту и развернуть кадры. Хотя русская спецслужба пользовалась самым совершенным оборудованием, разведывательная деятельность часто превращалась в скучную и однообразную рутину. При свете яркой лампы Щеренко перочинным ножом отделил клейкую ленту от пленки. Работать приходилось очень осторожно, и в результате майор едва не порезался. Затем он поместил негативы в картонные рамки и по одному просмотрел через слайдопроектор. Далее понадобилось переписать полученную информацию в блокнот - еще одно скучное дело. Впрочем, тут же заметил Щеренко, содержание стоило затраченных усилий. Полученные сведения придется проверить через другие источники, но интерес они представляли немалый.

- Вот ваши платформы, - заметил инженер из "Амтрака". Они находились в таком очевидном месте, что понадобились сутки, чтобы их обнаружить. Две огромные платформы стояли на железнодорожной ветке у космодрома Йошинобу. Рядом находились три контейнера, предназначенные для транспортировки ракет-носителей SS-19/H-11. - Похоже, из ангара выступает часть еще одной платформы.

- Но ведь этих платформ им мало? - спросил Крис Скотт.

- Да, конечно. Но здесь всего лишь место, где можно их скрыть, причем не вызывая подозрений.

- Вполне логично - здесь или на заводе по сборке ракет, - согласился Скотт.

Сейчас они ждали поступления косвенных данных. Единственный разведывательный спутник КН-12, находившийся на орбите, приближался сейчас к Японии, и его камеры были запрограммированы таким образом, чтобы сфотографировать один небольшой участок долины. При внимательном изучении им уже удалось обнаружить весьма любопытное обстоятельство. За время, прошедшее между пролетами одного и другого КН-11, из виду исчезло около пятидесяти метров железнодорожного полотна. На фотографиях виднелись опоры, используемые для подвески контактной сети, необходимой для электровозов, однако сама контактная сеть отсутствовала. Возможно, опоры были установлены для того, чтобы ветка, уходящая в сторону, казалась самой обычной для пассажиров скоростного поезда, курсирующего между Токио и Осакой, - еще одна попытка скрыть что-то на глазах у всех.

- Видите ли, если бы они просто ни до чего не дотрагивались... - задумчиво произнес инженер, снова посмотрев на фотографии.

- Да, - отозвалась Бетси, глядя на часы. Но они хотели сделать все еще лучше и потому поступили хитроумно, обманув сами себя. Кто-то натягивал маскировочную сетку на столбы контактной сети в долине, сразу за первым поворотом. Пассажиры не смогут увидеть камуфляж из окон поезда, да и сами трое дешифровальщиков тоже могли бы упустить из виду попытку маскировки. - Как бы вы поступили, будь на их месте?

- Чтобы спрятать их от вас? Очень просто, - ответил инженер. - Я поставил бы в этом месте вагоны ремонтного поезда. Самое обычное зрелище, да и места здесь вполне достаточно. Им так и следовало поступить. Скажите, неужели такие простые ошибки случаются часто?

- Это не первая, - заметил Скотт.

- И чего же вы ждете теперь? - спросил инженер.

- Скоро увидите,

Разведывательный спутник КН-12, выведенный на орбиту восемь лет назад кораблем многоразового использования "Атлантис", функционировал намного дольше запланированного срока. Однако топливо, предназначенное для маневрирования, у спутника радиолокационной разведки уже давно кончилось, и потому приходилось ждать, когда он подлетит по своей очередной орбите к интересующему вас месту, и надеяться, что высота будет подходящей.

КН-12 представлял собой большой цилиндр свыше тридцати футов длиной с огромными распростертыми "крыльями" солнечных батарей, снабжавших электричеством бортовой радиолокатор, который работал в коротковолновом диапазоне. Под многолетним воздействием бесчисленных частиц, бомбардирующих их поверхность, солнечные батареи утратили свою мощность и накапливали энергию, достаточную всего для нескольких минут работы радиолокатора во время каждого витка. Операторы наземного центра управления ждали, казалось, этого шанса целую вечность. Орбита спутника КН-12 проходила с северо-запада на юго-восток и отклонялась при пролете над этим районом Японии всего на шесть градусов от вертикали, - достаточно, чтобы заглянуть прямо в долину. Наблюдатели собрали уже массу данных. Геологическая история была им известна. Река, пересеченная сейчас плотиной гидроэлектростанции, прорезала хребет, образовав глубокий каньон. Когда принималось решение о размещении здесь пусковых шахт для баллистических ракет, решающим фактором были крутые скалистые стены ущелья. Ракеты можно запускать вертикально, но нацеленные боеголовки не смогут попасть в них из-за гор на востоке и западе. Чьи это боеголовки, не имело значения. Форма и направление ущелья предохраняли пусковые шахты как от американских, так и от русских боеголовок. Наконец, река прорезала узкий глубокий каньон в гранитном массиве. Таким образом каждая пусковая шахта охранялась естественной броней. По всем этим причинам Скотт и Флеминг, готовя задание для разведывательного спутника КН-12, поставили на карту свою профессиональную репутацию.

- Время, Бетси, - произнес Скотт, сравнивая свои часы с настенными.

- Что мы увидим?

- Если шахты находятся в этом ущелье - это то, что мы ищем, можете не сомневаться. Вы следите за развитием космической техники?

- Вы разговариваете с землепроходцем.

- Так вот, в восьмидесятые годы НАСА запустила спутник, и первая фотография, полученная на приемной станции, представляла собой изображение дельты Нила с подземными протоками, по которым вода вливалась в Средиземное море. Мы составили карту на основе этих фотографий.

- И тот же спутник передал снимки подземных ирригационных каналов в Мексике, верно? Прорытых древней цивилизацией майя, насколько я помню. Вы это имеете в виду? - спросил инженер.

- Это был спутник, выведенный на орбиту по нашему заказу, а не по плану НАСА. Мы хотели доказать русским, что бессмысленно скрывать от нас под землей пусковые шахты, мы все равно их обнаружим. Они признали это, - объяснила миссис Флеминг. И в этот момент заработал кодированный факс. Сигналы с КН-12 передавались на спутник, застывший на геостационарной орбите над Индийским океаном, и оттуда поступали на американский континент. Первые изображения, появившиеся на экране, еще не будут подвергнуты компьютерной обработке, улучшающей их качество, но, надеялись они, окажутся достаточно четкими для первоначальной оценки. Скотт снял первый лист с факса и положил его на стол под яркой лампой, рядом с обычной визуальной фотографией того же района.

- Итак, что же вы видите?

- О'кей, вот главная колея... а, понятно, разрешающая способность не позволяет увидеть рельсы, они слишком узкие, вместо рельсов мы видим шпалы, верно?

- Совершенно точно. - Бетси нашла ветку, отходящую от главной магистрали. Бетонные шпалы в пятнадцать сантиметров шириной давали четкий отраженный сигнал и выглядели на радиолокационной фотографии как полоска из множества крохотных поперечных черточек.

- Железнодорожная ветка ведет прямо в долину, правда? - Лицо инженера из "Амтрак" опустилось почти к самой бумаге. Он вел кончиком ручки по вспомогательной колее. - Один поворот, другой. А это что? - спросил он, касаясь ручкой группы белых кружков.

Скотт положил на лист маленькую линейку.

- Бетси?

- Расположены рядом друг с другом. Здорово они придумали, а? Должно быть, на строительство ушло целое состояние.

- Удивительная работа, - с восхищением выдохнул Скотт. Железнодорожная колея поворачивала влево и вправо, и через каждые двести метров виднелась пусковая шахта, не больше чем в трех метрах от линии поперечных черточек - бетонных шпал. - Кто-то здорово это подготовил.

- Что-то не понимаю, о чем вы говорите, - недоуменно заметил инженер.

- Пусковые шахты размещены поблизости одна от другой, - объяснила миссис Флеминг. - Это означает, что, если вы попытаетесь нанести по стартовому комплексу ракетный удар, первая же попавшая в цель боеголовка выбросит в воздух такое количество скальных осколков, что вторая будет сбита еще в полете.

- Значит, для уничтожения полигона нельзя воспользоваться ядерным оружием - по крайней мере это окажется непростой задачей, - продолжил Скотт.

- А теперь кратко опишите то, что вы увидели.

- Это железнодорожная ветка, которая не имеет никакого смысла с коммерческой точки зрения. Она идет в никуда, а потому не приносит прибыли. Это ре запасной путь, предназначенный для обслуживания главной колеи, для этого он слишком длинный. Ширина колеи стандартная, она больше принятой в Японии, скорее всего из-за требований, предъявляемых к размерам грузов.

- И они натягивают над ней маскировочную сетку, - добавила Бетси, которая уже мысленно обдумывала черновой вариант отчета, который они представят руководству ЦРУ. - Крис, мы нашли то, что искали.

- Но я насчитал всего десять пусковых шахт. А где остальные десять?

Трудно назвать это преимуществом, но сокращение военно-морского флота привело к тому, что на берегу оказалось немало списанных специалистов, так что подобрать тридцать семь моряков оказалось совсем несложно. Теперь экипаж "Теннесси" насчитывал сто двадцать человек, на тридцать семь меньше, чем обычная команда подводного ракетносца типа "огайо". Впрочем, и это число людей устраивало Клаггетта - в конце концов, ему не понадобятся специалисты-ракетчики.

В составе команды было много опытных ветеранов-старшин - еще одно бремя, которое он готов вынести, сказал себе Клаггетт, стоя на вершине паруса, как подводники называют боевую рубку, и наблюдая за тем, как его матросы под ослепительным светом мощных ламп грузят провизию. Реакторная силовая установка уже была приведена в действие и находилась в полной готовности. Даже сейчас старший механик проводил учения со вновь прибывшими специалистами. Перед парусом зеленая торпеда Mk-48 "ADCAP" с улучшенными боевыми характеристиками соскальзывала в открытый люк под надзором старшего торпедиста. На лодку будет погружено всего шестнадцать таких торпед, однако Клаггетт и не рассчитывал, что для предстоящей операции ему понадобится больше. "Эшвилл" и "Шарлотт" - он знаком был с офицерами на обоих потопленных подводных лодках, и, если из Вашингтона поступит соответствующий приказ, Клаггетт знал, что будет счастлив выполнить его.

У самого трапа остановилась машина. Из нее вышел старшина с металлическим кейсом в руке. Он поднялся на борт, увертываясь от матросов с картонными коробками провизии в руках, и нырнул в люк.

- Это усовершенствованное программное обеспечение для гидроакустических систем, - сообщил старпом Клаггетту. - То самое, с помощью которого велось наблюдение за китами.

- Сколько времени понадобится на загрузку компьютеров?

- Полагаю, считанные минуты.

- Я хочу выйти в море до рассвета, помощник.

- Мы будем готовы через несколько часов, сэр. Первая остановка - Пирл-Харбор? - Клаггетт кивнул и показал рукой на остальные лодки типа "огайо", тоже грузившие провизию. - И не желаю, чтобы кто-то из этих индюшек раньше нас пришел к месту назначения.

Ощущение было не из приятных, зато зрелище потрясало. "Джонни Реб" покоился на уходящих вдаль рядах деревянных колодок и вздымался над палубой

сухого дока, словно гигантское здание огромной длины и высоты. Капитан первого ранга Санчес решил посмотреть на то, как идут ремонтные работы, и стоял рядом с командиром авианосца. Они следили за тем, как порталый кран поднимал остатки гребного винта номер три. Рабочие и инженеры верфи с яркими касками на головах разошлись в стороны, а потом сгруппировались вокруг ахтерштевня, оценивая причиненные повреждения. Тут же придвинулся другой кран, чтобы взяться за подъем пятки гребного вала номер четыре. Ее нужно было поднимать прямо вверх, поскольку она была уже отделена от самого вала.

- Мерзавцы... - еле слышно прошептал шкипер.

- Мы отремонтируем его, - негромко произнес Санчес.

- На это потребуется четыре месяца, - пробормотал капитан авианосца и тут же добавил: - Если повезет. - Работать быстрее было просто невозможно, потому что отсутствовали запасные части. И самым важным, как этого и следовало ожидать, был редуктор. Приходилось ждать, когда изготовят шесть полных комплектов редукционных шестерней, а на это требовалось время. У авианосца "Энтерпрайз" были выведены из строя все гребные валы, а усилия, направленные на то, чтобы привести его в гавань как можно быстрее, разрушили единственный редуктор, который можно было отремонтировать. На ремонт "Энтерпрайза" потребуется шесть месяцев, да и то если подрядчики как следует навалятся на работу и будут вести ее в три смены. Остальные ремонтные работы выглядели несложными.

- Сколько времени понадобится на восстановление гребного вала номер один? - спросил Санчес.

- Два-три дня, - пожал плечами капитан. - Впрочем, это не имеет значения.

Перед тем как задать следующий вопрос, Санчес заколебался. Ему следовало самому знать ответ на него, и он боялся, что вопрос покажется глупым - ну и черт с ним, все равно ему нужно возвращаться на Барберс-Пойнт. А самые глупые вопросы, как повторял он своим подчиненным вот уже много лет, - это те, которые вы не задаете.

- Сэр, мне не хочется казаться дураком, но какую скорость может развить авианосец при двух работающих винтах?

Райану начало казаться, что у приверженцев теории так называемой "плоской Земли" есть своя логика. В этом случае весь мир находился бы в одном временном поясе. А сейчас Марианские острова опережали Вашингтон на пятнадцать часов, Япония - на четырнадцать, а Москва - на восемь. Основные финансовые рынки Западной Европы - соответственно на пять и шесть часов в зависимости от страны. Гавайские острова, наоборот, отставали на пять часов. Ему приходилось поддерживать связь со всеми этими регионами, а там жили по местному времени, и в каждом случае ему нужно было думать о том, кто скорее всего спит, а кто бодрствует. Он недоволен фыркнул, продолжая разглядывать обшитый деревом потолок спальни, и с грустью подумал, как мучительна смена временных поясов при продолжительных перелетах. И сейчас в разных концах мира работали люди, лишенные его контроля, а ему нужно выспаться, чтобы взяться за решение их проблем, только когда солнце снова вернется к той временной зоне, в которой жил и работал он сам. Как назло, сон не приходил.

- О чем ты думаешь? - спросила Кэти.
- Жалею, что ушел из обычного делового мира, - проворчал Джек.
- А кто же тогда будет заниматься общечеловеческими проблемами?

Продолжительный вздох.

- Кто-нибудь найдется.
- Но не так успешно, Джек, - напомнила ему жена.
- Это верно, - согласился он, по-прежнему глядя в потолок.
- Какой, по-твоему, будет реакция людей, когда они узнают об этом?
- Не знаю. Я даже не уверен в собственной, - признался Джек. - Всего

этого не должно было произойти. Мы оказались втянутыми в войну, лишенную всякого смысла. Всего десять дней назад мы избавились от последних баллистических ракет с ядерными боеголовками, а теперь они снова возникли из небытия и нацелены на нас, у нас же нет ничего, чем мы могли бы ответить на эту угрозу. Если мы не покончим со всем этим как можно быстрее, Кэти, я просто не знаю, что произойдет дальше.

- Но бессонница ничем тут не поможет.
- Слава Богу, что моя жена - врач. - Он заставил себя улыбнуться. - Как

бы то ни было, милая, ты помогла нам решить одну из проблем.

- Каким образом?

- Я вовремя вспомнил, какая ты умная. - Ты помогла нам тем, что постоянно думаешь, промелькнуло у него в голове. Кэти никогда не приступала к чему-либо, не обдумав прежде всего в деталях. Принимая во внимание требования ее профессии, она работала очень медленно. Возможно, это нормально для людей, раздвигающих границы человеческого познания, всегда размышляющих, планирующих и оценивающих - по сути дела подобно хорошему разведчику, - и только когда все подготовлено и обдуман каждый шаг, сверкает молниеносная вспышка ее лазера. Да, пожалуй, именно так и следует действовать, верно?

- Ну что ж, мне кажется, они получили хороший урок, - сказал Ямата.

Спасательный самолет поднял с поверхности моря два трупа и плавающие обломки, оставшиеся от американского бомбардировщика. Было принято решение, что с телами летчиков обойдутся достойно, как и полагается обращаться с погибшими военнослужащими. Имена офицеров уже передали по телексу через японское посольство в Вашингтон, и скоро останки будут доставлены в Америку. По многим причинам сейчас следует проявить великодушие. Наступит день, когда Япония и Америка снова станут друзьями, и Ямата не хотел без нужды отдалять этот момент. Кроме того, этого требовали деловые интересы.

- Посол сообщает, что американцы не намерены уступать нам ни в чем, - ответил Гото.

- Они еще не успели должным образом оценить собственную позицию - и нашу.

- Им удастся восстановить свою финансовую систему? Ямата нахмурился.

- Пожалуй. Но все-таки они столкнутся с серьезными трудностями. Им нужно продавать нам свои товары и покупать товары у нас. Что касается силового решения проблемы, американцы не в состоянии нанести эффективный удар, как только что, к своему несчастью, поняли четыре их летчика, а может

быть, и восемь. - События развивались не совсем в соответствии с его планом, но разве когда-нибудь бывает, чтобы жизнь не внесла свои изменения? - Сейчас мы должны доказать им, что население Сайпана предпочитает японское гражданство американскому. После этого мировое общественное мнение обернется в нашу пользу, а это значительно разрядит ситуацию.

Пока все идет хорошо, подумал Ямата. Американцы вряд ли захотят в ближайшее время прощупать противовоздушную оборону его страны. У них недостаточно сил вернуть обратно Марианские острова, а к тому времени, когда они с этим силами соберутся, у Японии появится новый союзник и, возможно, даже новое политическое руководство, разве не так?

- Нет, за мной не ведется наблюдения, - заверил его Кога.

- Как репортер - впрочем, вы же знаете, кто я, верно? - спросил Кларк,

- Я знаю, что вы офицер разведки. Мне известно, что Кимура, присутствующий здесь, поддерживал контакт с вами. - Они сидели в живописном чайном домике на берегу Ары. Поблизости находился яхт-клуб, построенный для Олимпийских игр 1964 года, а также и полицейский участок, заметил Кларк. Почему, подумал он, я всегда боюсь привлекать внимание полиции? В создавшейся ситуации Кларк решил, что правильнее всего будет утвердительно кивнуть.

- В этом случае, Кога-сан, мы в вашей власти.

- Полагаю, ваше правительство уже знает о происходящем. Обо всем происходящем, - с нажимом добавил Кога. - Я тоже говорил с преданными мне людьми.

- Сибирь, - коротко произнес Кларк.

- Да, - кивнул Кога. - Но это только одна сторона. Ненависть, которую Ямата-сан питает к Америке - другая, а главное - все это чистое безумие.

- Реакция американцев не представляет для меня особого интереса, однако хочу заверить вас, что моя страна не потерпит вторжения на ее территорию, - спокойно заметил Кларк.

- Даже со стороны Китая? - спросил Кимура.

- Особенно со стороны Китая, - послышался голос Чавеза, который счел нужным напомнить, что он тоже находится здесь и принимает участие в разговоре. - Полагаю, вы знакомы с историей этого региона не хуже нас.

- Больше всего я боюсь за свою страну. Время подобных авантур давно прошло, на люди... вы понимаете, кто у нас принимает политические решения? Воля и желания народа никого не интересуют. Я пытался изменить все это, пытался искоренить коррупцию...

Кларк лихорадочно пытался решить, насколько искренне говорит бывший премьер-министр.

- Мы тоже сталкиваемся с аналогичными проблемами, как вы, по-видимому, знаете. Вопрос заключается в следующем: как нам теперь поступить?

По лицу старого японца было видно, что его раздирают противоречия.

- Не знаю. Я пригласил вас сегодня, чтобы дать понять вашему правительству, что не все здесь сошли с ума.

- Вы не должны считать себя предателем, Кога-сан, - произнес Кларк после недолгого молчания. - Поверьте, вы не предатель. Как должен поступить

человек, когда он видит, что правительство его страны выбрало неверный путь? И вы совершенно правы, полагая, что последствия такого развития событий могут стать весьма серьезными. Моя страна не имеет ни времени, ни энергии, чтобы тратить понапрасну силы на этот конфликт, но если ее втянут в него - ну что ж, тогда нам придется на Это отреагировать. А теперь позвольте задать вам вопрос.

- Да, я знаю. - Кога опустил взгляд на поверхность стола. Ему хотелось взять чашку с чаем, но он боялся, что дрожащие руки выдадут его.

- Согласитесь ли вы действовать заодно с нами, чтобы предупредить катастрофу? - Этот вопрос должен задать кто-то занимающий куда более важную должность, чем я, подумал Кларк, но я нахожусь здесь, тогда как высокопоставленные мудозвоны, как всегда, далеко от места развития событий.

- Что я должен сделать?

- Я слишком маленький человек, чтобы точно сказать, что потребуется от вас, но могу передавать вам просьбы моего правительства. В крайнем случае мы обратимся к вам за советом и, может быть, попросим использовать свое влияние. Вы по-прежнему пользуетесь огромным уважением в правительственных кругах. У вас осталось немало друзей и союзников в парламенте. Мы не будем обращаться к вам с просьбами, способными скомпрометировать вас. Ваше влияние слишком ценно, чтобы пользоваться им по мелочам.

- Я могу выступить против этого безумия. Я могу...

- Вы можете сделать многое, Кога-сан, но прошу вас, ради блага вашей страны и нашей, не предпринимайте ничего, не подумав прежде о возможных последствиях. - Новая перемена в моей карьере, подумал Кларк. Теперь я стал политическим советником. - Вы согласны с нами, что наша цель заключается в том, чтобы предотвратить опасность войны?

- Хай.

- Любой дурак может начать войну, - заявил Чавез, благодаря Провидение за то, что внимательно слушал лекции. - А вот чтобы предотвратить ее, требуется вмешательство мудрого человека и тщательно обдуманый курс действий.

- Я согласен выслушать ваши предложения, хотя и не обещаю, что выполню их. Однако прислушаться к советам вашего правительства я согласен.

Кларк кивнул.

- Это все, о чем мы можем вас просить. - Остальная часть встречи была посвящена вопросам связи. Еще одно такое совещание будет слишком опасным. Отныне передаточным звеном станет Кимура. Первыми ушли Кларк и Чавез. Они направились к своему отелю пешком. Эта встреча резко отличалась от встречи с Мохаммедом Абдул Корпом. Кога был благородным человеком, честным и умным, готовым принести себя в жертву ради своей страны, даже если для этого потребуется совершить акт государственной измены. Однако Джон понял, что, когда он старался привлечь на свою сторону бывшего премьер-министра, это не было простой вербовкой. В определенный момент государственная политика превращается в вопрос совести, и он испытывал чувство благодарности, что верх в этой беседе одержала совесть.

- Палубный люк закрыт и задраен, - сообщил главный старшина, который

уже занял свое место в левом переднем углу боевой рубки. Как всегда, самый опытный старшина на подводной лодке исполнял обязанности рулевого на горизонтальных рулях глубины. Теперь все люки на лодке были задраены, красные кружки на контрольной панели исчезли, и на их месте появились красные горизонтальные черточки. - Давление внутри лодки нормальное.

- Системы проверены. Компенсационное давление включено. Лодка готова к погружению, - послышался голос вахтенного офицера.

- О'кей, начинаем погружение. Глубина сто футов. - Клаггетт оглянулся по сторонам, сначала проверив сигнальные огни на панелях управления, затем посмотрев на членов экипажа. "Теннесси" не погружалась под воду уже больше года, а вместе с ней не погружалась и команда, и капитан искал на лицах моряков, что прислушивались к командам вахтенного офицера, признаки боязни первого погружения. Все нормально, несколько молодых матросов покачивали головами, напоминая себе, что они, в конце концов, подводники и вроде бы привыкли к этому.

Шипение вытесняемого из цистерн воздуха было достаточно красноречивым. "Теннесси" чуть наклонилась носом вниз, под углом пять градусов. Несколько минут будет вестись проверка, чтобы убедиться, что субмарина имеет необходимый баланс и что все бортовые системы действуют нормально, как это уже показали предварительные испытания и тесты. Прошло около получаса. Клаггетту хотелось бы завершить проверку быстрее, но это при следующем погружении, сейчас же нужно было дать время всем членам экипажа успокоиться.

- Мистер Шоу, дайте команду - лево руля, курс два-один-ноль.

- Слушаюсь, сэр. На руле: десять градусов на левый борт, новый курс два-один-ноль. - Рулевой отрепетовал команду, и подводный ракетоносец повернул на новый курс.

- Полный вперед, - приказал Клаггетт.

- Слушаюсь, полный вперед. - После удара колокола полного хода "Теннесси" разовьет скорость двадцать шесть узлов. Вообще-то в запасе оставалось еще четыре узла, и при команде "самый полный" огромная субмарина сможет развить скорость тридцать узлов. Мало кто знал, что при проектировании подводных ракетоносцев типа "огайо" кто-то допустил ошибку. Субмарины этого типа были рассчитаны на максимальную скорость чуть больше двадцати шести узлов, однако первые же ходовые испытания первого корабля этой серии показали скорость чуть больше двадцати девяти узлов, а последующие ракетоносцы оказались еще быстрее. Ну что ж, с улыбкой подумал Клаггетт, Военно-морской флот США никогда не проявлял интереса к медлительным судам, поскольку они слишком долго уходят от опасности.

- Пока все идет хорошо, - произнес капитан, обращаясь к своему вахтенному офицеру.

Лейтенант Шоу кивнул. Это был еще один офицер, карьера которого на флоте подходила к концу, но сейчас ему предложили должность штурмана на "Теннесси", и лейтенант, уже плававший с "Голландцем" Клаггеттом раньше, согласился еще раз выйти в море.

- Скорость увеличивается быстро, капитан, - заметил он.

- За последнее время мы накопили изрядно нейтронов.

- Какова цель операции, сэр?

- Точно не знаю, но разрази меня гром, если мы сейчас не самая большая ударная подводная лодка в мире, - ответил Клаггетт.

- Пора выпускать антенну.

- Действуйте, мистер Шоу.

Минуту спустя длинная буксируемая гидроакустическая антенна начала разворачиваться за кормой подводной лодки, в кильватерной струе позади правого кормового руля погружения. Даже при столь высокой скорости она тут же стала передавать информацию в гидроакустический пост, находящийся перед боевой рубкой. "Теннесси" двигалась сейчас полным ходом, уходя на глубину восьмьсот футов. Возросшее давление воды исключало возможность кавитации от ее усовершенствованных гребных винтов. Система охлаждения реактора действовала по принципу естественной циркуляции, без помощи насосов, так что их шум полностью отсутствовал. Обтекаемая форма лодки позволяла воде плавно проноситься мимо. Члены команды ходили в туфлях на резиновом ходу. Паровые турбины были установлены на палубе, соединенной с корпусом лодки через систему пружин, так что шум силовой установки тоже резко снижался. Словом, подводный ракетоносец двигался под водой совершенно бесшумно, даже плавсостав ударных подводных лодок неизменно называл лодки этого типа "черными дырами" - они являлись самыми бесшумными творениями человеческого разума, когда-либо спущенными на воду. Огромная "Теннесси" намного уступала по скорости и маневренности небольшим ударным лодкам, но, как и остальные ее сестры, по-прежнему превосходила все меньшие субмарины в самом главном - она плавала практически бесшумно. Даже киты не всегда слышали ее приближение.

Сила против силы, снова подумал Робби Джексон. Если силовое решение проблемы невозможно, что тогда?

- Ну что ж, раз мы не можем действовать, как боксеры на ринге, то превратим это в карточную игру, - пробормотал он себе под нос в тиши кабинета и тут же удивленно поднял голову, лишь сейчас заметив, что разговаривает сам с собой.

Гнев - не достоинство для профессионала, однако на этот раз контр-адмирал Джексон поддался такой слабости. Враг - теперь он пользовался этим термином - полагал, что он и его коллеги в оперативном управлении Объединенного комитета начальников штабов не смогут разработать успешный план противодействия противнику. В сущности все дело в пространстве, времени и силе. Пространство измерялось тысячами миль, время - месяцами и годами, а сила - дивизиями и эскадрами.

Что, если они ошибаются? Джексона мучил этот вопрос.

Шемья находилась в двух тысячах миль от Токио. Элмендорф - еще на тысячу миль дальше. Однако пространство - это и есть время. Для японцев время измерялось числом месяцев и лет, необходимых американцам, чтобы заново создать флот, способный сделать то, что было осуществлено в 1944 году, но карты не принимали такой расклад во внимание. Да и сила не обязательно измерялась огромным количеством дивизий и флотов - ее роль заключалась в том, насколько мощный удар вы сможете нанести в местах, имеющих наибольшее значение. Все остальное - только напрасная трата усилий, не так ли? Но самым главным являлась проницательность, способность предугадать действия

противника. Враг сумел догадаться, что его ограниченные возможности применимы и к другим участникам конфликта. Японцы сформулировали направление будущего развития событий, и, если Америка примет их условия, она неминуемо потерпит поражение. Вот почему сейчас нужно разработать собственные правила игры. Этим и следует заняться. Джексон положил перед собой чистый лист бумаги и посмотрел на огромную карту мира на стене.

Дежурный офицер ЦРУ, заступивший в ночную смену, оказался достаточно разумным человеком, подумал Райан. Офицер сумел понять, что с передачей информации, полученной в три часа ночи, вполне можно подождать до шести утра. Это значило, что в спецслужбах есть люди, обладающие таким редким достоинством, как здравый смысл и способность трезво оценивать обстановку, что Райану было приятно сознавать. Русские передали шифровку в свою вашингтонскую резидентуру, а оттуда ее доставили с курьером в ЦРУ. Интересно, мелькнуло у него в голове, что подумали охранники в Лэнгли, открывая ворота ЦРУ сотрудникам русской разведки. Из ЦРУ шифровку отвезли в Белый дом, и курьер ждал Райана в приемной, когда советник по национальной безопасности вошел к себе.

ИСТОЧНИКИ СООБЩАЮТ, ЧТО В ЙОШИНОБИ НАХОДЯТСЯ 9 (ДЕВЯТЬ) РАКЕТ Н-11.
ЕЩЕ ОДНА РАКЕТА ПРОХОДИТ ИСПЫТАНИЯ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
КОНСТРУКЦИИ/ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ПОКА НЕ УДАЛОСЬ ОБНАРУЖИТЬ 10 (ДЕСЯТЬ) ИЛИ
11
(ОДИННАДЦАТЬ) РАКЕТ, ПРИЧЕМ ВЕРОЯТНЕЕ ПЕРВОЕ. ХОРОШАЯ НОВОСТЬ, ИВАН
ЭММЕТОВИЧ. ПОЛАГАЮ, ВАШИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СПУТНИКИ ВЕДУТ ТЩАТЕЛЬНЫЕ
ПОИСКИ.
НАШИ ТОЖЕ.
ГОЛОВКО.

- Да, это действительно хорошая работа, Сергей Николаевич, - проговорил Райан, вскрывая второй конверт, доставленный курьером. - Прямо-таки превосходная.

Вот сейчас наступит конец, подумал Санчес.

Командующий морской авиацией Тихоокеанского флота имел звание вице-адмирала и пребывал в таком же плохом настроении, как и все остальные офицеры на базе в Пирл-Харборе. Он отвечал за все воздушные операции к западу от Невады и должен был играть ключевую роль в войне, начавшейся всего несколько дней назад. Однако командующий не только не мог передать двум своим авианосцам в Индийском океане, как им надлежит действовать, но и видел к тому же два других авианосца, которые замерли в сухом доке. Вероятнее всего, они пробудут здесь несколько месяцев, подумал адмирал, наблюдая за тем, как телевизионная группа Си-эн-эн показывает на весь мир, в каком жалком состоянии оказались американские авианосцы.

- Итак, в чем дело? - спросил он у вошедших в кабинет офицеров.

- У нас есть намерения побывать в западной части Тихого океана? - спросил Санчес.

- В ближайшем будущем - вряд ли.

- Я могу выйти в море меньше чем через десять дней, - заявил командир авианосца "Джонни Реб".

- Неужели? - ядовито осведомился командующий морской авиацией.

- Гребной вал номер один приведен в порядок. Если мы сумеем отремонтировать вал номер четыре, авианосец сможет развивать двадцать девять, а то и тридцать узлов. Во время ходовых испытаний на двух гребных валах были надеты кольца. Стоит устранить на них сопротивление воды, и, возможно, удастся развить тридцать два узла.

- Продолжайте, - сказал адмирал.

- По-видимому, нашей первой задачей будет сломить сопротивление их ВВС, верно? - вступил в разговор Санчес. - Для решения этой задачи мне не нужны "гуверы" и "интродеры". На "Джонни Ребе" можно разместить четыре эскадрильи "томкэтов" и четыре F-18, звено самолетов постановки электронных помех плюс звено "хаммеров". Понимаете, какое будет положение?

Командующий кивнул.

- Это почти равняется количеству их истребителей на островах. - Он понимал, насколько рискованно такое предложение. Палубная авиация на одном авианосце против истребителей, размещенных на двух крупных береговых базах, будет в невыгодном положении... Но ведь острова находятся довольно далеко друг от друга, верно? У Японии там есть и другие корабли, а также подводные лодки, которых адмирал особенно опасался. - Но с этого можно начать.

- Нам понадобятся элементы усиления, - согласился Санчес. - Но разве кто-нибудь откажет, если мы обратимся к ним с такой просьбой?

- У нас - нет, - ответил адмирал после недолгого размышления.

Ведущая телевизионной компании Си-эн-эн начала свою первую прямую трансляцию, стоя на вершине сухого дока. Позади нее виднелись два огромных атомных авианосца, покоящихся на деревянных стапелях, которые напоминали близнецов-двойняшек в колыбелях. Кому-то в штабе главнокомандующего Тихоокеанским флотом, должно быть, изрядно досталось за то, что съемочную группу пустили на верфь, подумал Райан. Передача продолжилась уже с другого места, далеко от первого, по другую сторону гавани. Но авианосцы все еще отчетливо были видны за спиной репортера, которая в общем-то повторяла одно и то же, добавив лишь, что по сведениям, полученным из хорошо информированных источников, понадобится не менее шести месяцев, чтобы "Стеннис" и "Энтерпрайз" могли снова выйти в море.

Подумать только, проворчал про себя Райан. Ее оценка времени, требующегося для ремонта авианосцев, точно соответствовала данным, содержащимся в папке на его столе, на которой четкими красными буквами в верхнем правом углу было выведено:

"Совершенно секретно". Наверно, ее оценка даже точнее, потому что исходила от какого-нибудь служащего верфи, имеющего немалый опыт работ в этой громадной ремонтной мастерской. Следом выступил специалист-комментатор, на этот раз отставной адмирал, ныне работающий в одном из "мозговых центров" в Вашингтоне, который заявил, что отобрать у японцев Марианские острова будет весьма трудно, если возможно вообще.

Проблема со свободной прессой заключалась в том, что она была общедоступна и за последние два десятка лет превратилась в такой хороший источник информации, что даже американские спецслужбы, когда требовалось сберечь время, черпали из нее самые разные данные. Да и публика стала более искушенной в своих требованиях, так что телевизионным компаниям приходилось непрерывно улучшать как методы сбора информации, так и ее анализ. Разумеется, у средств массовой информации - как печатных, так и электронных - были слабые места. При сборе сведений, которые пытались скрыть от общественности, они слишком полагались на утечку информации и часто не проявляли достаточной инициативы для раскрытия сенсационных дел, особенно в Вашингтоне, а для анализа нередко привлекали людей, больше заинтересованных не в фактах, а в свободной интерпретации событий. Однако в отношении того, что можно увидеть собственными глазами, телевидение часто действовало лучше хорошо подготовленных агентов разведывательных служб.

Противники тоже полагаются на это, подумал Джек. Так же как и он смотрит сейчас на экран телевизора, за новостями следят и другие люди, во всех странах мира...

- Похоже, ты изрядно занят, - послышался с порога голос адмирала Джексона.

- Стараюсь увидеть как можно больше. - Райан сделал жест в сторону кресла, приглашая гостя сесть. - Си-эн-эн только что передала репортаж об авианосцах.

- Отлично, - отозвался Робби.

- Отлично?

- "Стеннис" может снова выйти в море через неделю, самое большее через десять дней. Мой старый приятель, Бад Санчес, - он командует авиакрылом на этом авианосце - кое о чем подумал, и мне понравились его предложения. Не только мне, но и командующему морской авиацией Тихоокеанского флота.

- Может выйти в море через неделю? Одну минуту. - Не менее важным было и то, что люди обычно верили телевидению больше, чем официальной информации, хотя в данном случае репортаж ничем не отличался от секретного доклада, лежащего у него на столе.

Три по-прежнему находились в Коннектикуте, а еще три проходили летные испытания в Неваде. Все в них не походило на обычные летательные аппараты. Завод, занимавшийся их изготовлением, напоминал скорее портновскую мастерскую, чем сборочный цех. Основной материал для корпусов привозили сюда рулонами, которые затем раскатывали на длинном столе и резали по лекалам лазерными резцами, управляемыми компьютерами.

Далее выкроенные куски подвергались ламинированию и спекались в электропечи до тех пор, пока материал из углеродистых волокон не образовывал композитную оболочку, которая была прочнее стали и намного легче ее. К тому же, в отличие от стали, она была прозрачной для электромагнитного излучения. На разработку такого материала ушло почти двадцать лет научных исследований, описание которых содержалось в книге, сравнимой по толщине с многотомной энциклопедией. Это была типичная программа Пентагона - ее разрабатывали слишком долго, она обошлась слишком дорого, однако конечный результат если и

не заслуживал столь длительного ожидания, то по крайней мере несомненно заслуживал того, чтобы им воспользоваться, даже при цене двадцать миллионов долларов за каждую единицу или, как говорили пилоты, по десять миллионов за сиденье.

Те три, что находились в Коннектикуте, стояли в открытом ангаре, когда туда прибыли техники компании Сикорского. Все бортовые системы были установлены и полностью проверены, и каждый из них поднимался в воздух ровно настолько, чтобы убедиться, что он может летать. Надежность систем была проверена бортовым компьютером, который, разумеется, провел диагностическую проверку и самого себя. После заправки их выкатили на взлетную площадку, и с наступлением темноты все трое поднялись в воздух и взяли курс на север, на базу ВВС Уэстовер в западном Массачусетсе. Там их погрузят на транспортный самолет "гэлэкси" 327-й эскадрильи Военно-транспортной авиации США и доставят на базу к северо-востоку от Лас-Вегаса, не обозначенную даже на картах, хотя само ее существование не было таким уж секретом. А тем временем в Коннектикуте в ангар закатили три деревянных макета, которые внешне ничем не отличались от оригиналов. Открытая сторона ангара выходила на жилой район города и проходящее в трехстах ярдах шоссе. Желающие смогут даже увидеть, как всю следующую неделю там будут работать механики.

Пусть вам и неизвестны детали предстоящей операции, подготовка остается такой же. В пятистах милях от побережья "Теннесси" снизила скорость до двадцати узлов.

- Из машинного отделения докладывают, сэр, - турбины работают на две трети мощности.

- Хорошо, - отозвался капитан третьего ранга Клаггетт. - Положить руль двадцать градусов на левый борт, переходим на курс ноль-три-ноль. - Рулевой отрепетовал команду, и тут же последовал следующий приказ капитана: - Подготовить корабль к плаванию в полной тишине.

Клаггетт хорошо знал, что произойдет сейчас, и все-таки прошел на корму к прокладочному столику, чтобы проверить диаметр поворота. Капитану всегда приходится следить за выполнением своих команд. Резкое изменение курса и крутой разворот были предназначены для проверки уровня шума, издаваемого самой лодкой. Выполняя приказ капитана, по всей лодке выключали оборудование, без которого можно было обойтись в ближайшие несколько минут, а члены экипажа, не стоящие на вахте, забирались в свои койки. Матросы, заметил Клаггетт, быстро осваивались с новой для них обстановкой.

Позади "Теннесси" на тысячеярдовом тросе следовала буксируемая гидроакустическая антенна, ее собственная длина составляла тысячу футов. Через минуту субмарина стала походить на собаку, гонящуюся за собственным хвостом. Лодка находилась на курсе, параллельном антенне, всего в тысяче ярдов от нее, и продолжала движение со скоростью двадцать узлов. Тем временем гидроакустики прислушивались к шумам, издаваемым собственным кораблем. Из штурманской рубки Клаггетт прошел в гидропост, чтобы лично наблюдать за дисплеями. В таком положении гидроакустические системы способны услышать даже незначительные шумы, издаваемые самым тихим кораблем в мире.

- Мы вот здесь, сэр. - Старший акустик пометил положение субмарины на

экране жировым карандашом. Капитан попытался ничем не выразить свое разочарование. В конце концов, "Теннесси" плыла со скоростью двадцать узлов, и в течение нескольких секунд гидроакустическая антенна находилась всего в тысяче ярдов от борта подводной лодки.

- Совершенно невидимых лодок не бывает, сэр, - заметил лейтенант Шоу.

- Возвращаемся на прежний курс. Сделаем еще одну попытку при пятнадцати узлах. - Капитан повернулся к старшему акустику: - Поставьте хорошего парня к записывающему устройству. Попробуем выяснить источник грохота в кормовом отсеке. - Через десять минут "Теннесси" возобновила проверку издаваемого ею шума.

- Придется проделывать все с максимальной быстротой, Джек. Мне представляется, что время на их стороне. - Это не нравилось адмиралу Джексону, однако другого выхода не было, и приходилось вести начавшуюся войну прямо с листа, создавая правила ее ведения одновременно с развитием событий.

- С политической точки зрения ты, пожалуй, прав. Японцы хотят провести выборы в ближайшее время, и создается впечатление, что они уверены в их исходе.

- Ты разве не слышал, что они поспешно перебрасывают туда поселенцев? - Джексон сообщил Райану о том, что передал ему Ореза. - Почему? Они сразу станут жителями островов и в нужный момент решат исход референдума об аншлюсе. Наши друзья с телефоном космической сотовой связи видят аэропорт из окон дома. Прибывающие рейсы стали теперь менее частыми, но посмотри на цифры. Примерно пятнадцать тысяч солдат на острове - и все имеют право голоса. Прибавь к их числу находящихся там японских туристов плюс тех переселенцев, которых успели доставить, и успех референдума предрешен.

Советник по национальной безопасности поморщился, словно от боли.

- Неужели все так просто?

- Помню, как был принят закон о праве на голосование. Я был тогда мальчишкой и все равно не забыл, как резко изменилась ситуация в Миссисипи. Видишь, что происходит, когда люди используют закон для собственной выгоды?

- Действительно, это по-настоящему цивилизованная война, правда? - Нельзя считать японцев дураками, напомнил себе Райан. Результаты выборов будут, разумеется, подтасованными, но ведь их единственная задача заключается в том, чтобы запутать ситуацию. Чтобы оправдать применение силы, требуется очевидная причина. Значит, переговоры являются составной частью стратегии проволок. Противная сторона все еще определяет правила игры. У Америки по-прежнему отсутствует стратегия действий.

- Вот это нам и требуется изменить.

- Но как?

Джексон протянул папку.

- Здесь содержится нужная информация.

Эскадренный миноносец "Мутсу" был оборудован системой космической связи, которая включала в себя и видеоаппаратуру, способную поддерживать контакт со штабом флота в Иокагаме. Прекрасное зрелище, подумал адмирал

Сато, весьма благородно со стороны Си-эн-эн обеспечить японскую сторону такой информацией. Авианосец "Энтерпрайз" с тремя уничтоженными гребными винтами и с явно поврежденным четвертым; у "Джона Стенниса" два винта уже сняты, а третий, несомненно, не поддается ремонту. А вот четвертый, к сожалению, остался цел. Внутренние повреждения не видны снаружи. На глазах адмирала один из огромных марганцово-бронзовых гребных винтов был снят со "Стенниса", и тут же к наружной части гребного вала правого борта подвели крюк другого крана, чтобы снять, по мнению старшего механика эсминца, пятку вала.

- Пять месяцев, - произнес вслух механик и тут же услышал, как ведущая телевизионной передачи, к удовольствию японских офицеров выражая мнение какого-то безымянного работника верфи, произнесла "шесть".

- Таково же мнение штаба.

- Им не удастся победить нас одними крейсерами и эсминцами, - заметил командир "Мутсу". - А вдруг они перебросят сюда два авианосца из Индийского океана?

- Вряд ли, если наши друзья будут и дальше оказывать на них давление. К тому же, - продолжил Сато, - двух авианосцев недостаточно, чтобы подавить сотню истребителей, базирующихся на Гуаме и Сайпане, даже, если я запрошу штаб о подкреплении.

Пожалуй, действительно лучше запросить. Вопрос будет решаться не на поле боя, а на политическом уровне.

- А как насчет американских подводных лодок? - спросил командир эсминца, стараясь скрыть свои опасения.

- Тогда почему не попробовать? - спросил Джоунз.

- Неограниченная подводная война исключается, - ответил командующий подводными силами Тихоокеанского флота.

- Раньше она всегда приносила успех.

- Тогда у японцев не было ядерного оружия, - заметил капитан первого ранга Чеймберз.

- А-а, конечно, - кивнул Джоунз. - У нас уже разработан оперативный план?

- Пока он заключается в том, чтобы не подпускать их сюда, - ответил Манкузо. Такой план операции не привел бы в восторг адмирала Честера Нимица, командовавшего Тихоокеанским флотом во время второй мировой войны, однако всегда нужно сделать первый шаг. - У тебя есть новости для меня?

- Мне удалось обнаружить две японские подводные лодки, они всплыли на шноркельную глубину к востоку от Марианских островов. Этого недостаточно, чтобы начать охоту за ними, но я не думаю, что стоит послать туда свои противолодочные Р-3.

Заградительная линия раннего оповещения в полном порядке, правда? Никто не сможет проскользнуть сквозь нее. - Он сделал паузу. - Между прочим, я заметил, - термин "заметил" был менее определенным, чем "обнаружил", - что-то странное у побережья Орегона.

- Это "Теннеси", - пояснил Чеймберз. - Там командиром Датч "Голландец" Клаггетт. Должен прибыть сюда в пятницу, в два-ноль-ноль.

- Черт побери, я обнаружил лодку типа "огайо", - присвистнул Джоунз, потрясенный собственным мастерством. - И сколько их еще выходит в море?

- Четыре - последняя отдаст швартовы примерно через час. - Манкузо показал на карту, прикрепленную к стене. - Я распорядился, чтобы каждая пересекла линию раннего обнаружения для проверки уровня шума. Я и не сомневался, что ты заметишь их. Впрочем, не будь слишком самодовольным - они делают скоростной переход в Пирл-Харбор.

Джоунз кивнул и обернулся.

- Правильный ход, шкипер.

- Мы еще не считаем, что проиграли, доктор Джоунз.

- Черт возьми, чиф! - выругался капитан Клаггетт.

- Извините, сэр. Виноват. - Боцман склонил голову - упрек был справедливым. Это оказался переносный ящик с инструментами. Его нашли между питательной трубой забортной воды и корпусом. При колебаниях палубы, укрепленной на амортизаторах, гаечные ключи внутри ящика дребезжали, и буксируемая гидроакустическая антенна засекла этот шум. - Его наверняка оставил кто-то из рабочих верфи.

Рядом с боцманом стояли еще трое главных старшин. Они понимали, что такое могло случиться с кем угодно. К тому же знали, что последует дальше. Их капитан сделал глубокий вдох, прежде чем продолжить. Время от времени выволочка оказывается полезной, даже если гнев обрушивается на головы ветеранов.

- Проверить каждый дюйм корпуса от носовой переборки до пятки гребного вала. Каждый незакрепленный болт, каждую гайку, каждую отвертку. Если лежит на палубе - подберите. Если незавернут до конца - затянуть. Не прекращать работу, пока все не будет закончено. Корабль должен плыть так тихо, чтобы я мог слышать ругательства в свой адрес у вас в головах.

- Все будет исполнено, сэр, - пообещал боцман. Ничего страшного, пора привыкать к недосыпанию, подумал он про себя, но промолчал, и тут же...

- Вам понятно, боцман? Никто не должен спать, пока внутри корабля не будет так тихо, что гробница по сравнению с ним покажется шумной. - Клаггетт на мгновение задумался и решил, что было бы лучше подобрать другую метафору.

Капитан вернулся обратно, напомнив себе о необходимости поблагодарить старшего акустика за то, что тот сумел опознать источник шума. Гораздо лучше обнаружить это в первый день плавания, подумал он, а устроить разнос было просто необходимо. Таковы правила. Усилием воли Клаггетт удержался от улыбки. В конце концов, капитан и должен быть суровым сукиным сыном, как же иначе, и разносить своих подчиненных за допущенные ими промахи. Он не сомневался, что в ближайшие несколько минут старшины расскажут всей команде о ярости капитана, обрушившейся на них, и сами отнесутся к матросом соответствующим образом.

Положение уже изменилось, заметил Клаггетт, проходя через реакторный отсек. Вахтенные сидели или стояли, будто персонал в операционной, в точном соответствии с правилами, делая пометки через определенные промежутки времени. Меньше суток в море, а уже на обеих сторонах каждой водонепроницаемой двери красовались сделанные на ксероксе надписи: "ДУМАЙТЕ

ТИХО". Матросы, которых он встретил по пути, вежливо уступали ему дорогу, чуть наклоняя голову. Мы тоже профессионалы, сэр, гласили эти гордые кивки. Двое совершали пробежку в ракетном отсеке, выглядевшем теперь огромным и бесполезным, и Клаггетт в соответствии с этикетом уступил им дорогу, снова удержавшись от улыбки.

- Ящик с инструментами, верно? - спросил старший помощник, когда капитан вошел в боевую рубку. - У меня случилось такое на "Хэмптоне" после первого ремонта.

- Точно, - кивнул Клаггетт. - В конце следующей вахты пройдем от носа до кормы и проверим.

- Это еще хорошо, сэр. Однажды лодка, на которой служил мой приятель, была вынуждена вернуться в сухой док на другой день после капитального ремонта. В передней балластной цистерне обнаружили забытую там приставную лестницу. - Подобные случаи заставляли подводников содрогаться от ужаса.

- Ящик с инструментами, сэр? - спросил старший акустик.

Теперь на лице у Клаггетта появилась улыбка. Он оперся плечом о дверную раму и вытащил из кармана пятидолларовую банкноту.

- Молодец, чиф.

- Не составило большого труда догадаться. - Но главный старшина все равно спрятал банкноту - таков обычай. На "Теннесси", как и на многих других подводных лодках, ручку каждого гаечного ключа обмакивали в жидкий винил - это позволяло крепче держать ключ, особенно в потной руке, и одновременно уменьшало вероятность того, что при ударе послышится звон. - Какой-нибудь мудак с верфи, готов поспорить, - подмигнул старшина.

- Я плачу только один раз, - заметил Клаггетт. - Обнаружены новые контакты?

- Тихоходный надводный корабль с дизельной силовой установкой и одним винтом на пеленге три-четыре-один, далеко от нас, в зоне схождения. Обозначен Сьерра-30. Сейчас наносят его на карту, сэр. - Старшина сделал паузу. - Разрешите задать вопрос, капитан?

- Спрашивайте.

- Это верно - насчет "Эшвилл" и "Шарлотт"? Капитан третьего ранга Клаггетт кивнул.

- Да, так мне сказали.

- Мы сравняем счет, сэр, можете не сомневаться.

Роджер Дарлинг поднял со стола лист бумаги, исписанный от руки. Такое редко попадало в руки президента.

- Не слишком убедительно, адмирал, - заметил он.

- Господин президент, вы ведь не собираетесь отдать приказ о проведении крупномасштабных операций против Японии? - спросил Джексон.

Дарлинг отрицательно покачал головой.

- Нет, я не хочу войны. Операция должна заключаться в том, чтобы вернуть Америке Марианские острова и помешать Японии осуществить вторую часть их плана.

Робби сделал глубокий вдох. Он ожидал такого ответа. Наступил решающий момент.

- Однако в этом плане есть и третья часть, - заявил Джексон.
Его собеседники замерли. В кабинете воцарилась тишина.
- Что ты имеешь в виду. Роб? - спросил Райан.
- Мы только что разобрались в этом, Джек. Ты помнишь, кто командует индийской эскадрой? Адмирал Чандраскатта. Не так давно он учился на Высших офицерских курсах в Ньюпорте. А знаешь, кто был его сокурсником? - Джексон выдержал паузу. - Некий японский адмирал по имени Сато.

Райан на мгновение закрыл глаза. Ну почему никому раньше не пришло в голову проверить это?

- Итак, союз трех стран с имперскими устремлениями...
- Похоже на то, Джек. Помнишь название "Великая сфера взаимного процветания Восточной Азии"? Хорошие идеи постоянно возвращаются. Нам непременно нужно остановить их, - решительно заявил Джексон. - Я потратил двадцать пять лет, готовясь к войне, которой никто не хотел, - к войне с русскими. Мне хотелось бы лучше готовиться не к войне, а к миру. А это означает, что этих парней нужно остановить прямо сейчас.

- Мы сумеем сделать это? - спросил президент.
- Никто не может гарантировать этого, сэр. Джек сказал мне, что это политическая и дипломатическая бомба замедленного действия. Время, отведенное на операцию, истекает. Это не Ирак. Если у нас и есть сейчас международный консенсус по этому вопросу, то лишь с европейскими странами. Рано или поздно придет конец и ему.

- Твое мнение, Джек?
- Если мы собираемся решить эту проблему таким образом, то, наверно, другого способа нет.
- Рискованно.

- Да, господин президент, это рискованно, - согласился адмирал Джексон.
- Если вы считаете, что можно вновь вернуть Америке Марианские острова дипломатическими средствами, хорошо. Мне тоже не хочется убивать кого-нибудь. Но, окажись я на месте японцев, не отдал бы острова. Они нуждаются в них для осуществления второго этапа операции, и если дойдет до того, даже если русские снова не прибегнут к ядерному оружию...

Гигантский шаг назад, подумал Райан. Возникнет новый союз, протянувшийся от Полярного круга до Австралии. Три страны, владеющие ядерным оружием, колоссальными природными ресурсами, мощной экономикой и политической волей, направленной на то, чтобы силой добиться своих целей. Снова вернутся войны за передел мира, как в девятнадцатом веке, только в гораздо большем масштабе. Экономическое соперничество, основанное на вооруженной силе, - классическая формула непрекращающейся войны.

- Джек? - снова спросил президент. Райан медленно кивнул.
- Думаю, у нас действительно нет другого выхода. Можно найти для этого любую причину, и каждая указывает в одном направлении.
- Согласен.

37. Погружение

Для описания происходящего в течение недели различные комментаторы

постоянно использовали выражение "обычное состояние", часто добавляя прилагательные "зловещее" и (или) "обнадеживающее". Люди, находящиеся на левом политическом фланге, испытывали удовлетворение от того, что правительство прибегло к дипломатическим средствам разрешения конфликта, тогда как правые чувствовали недовольство тем, что Белый дом действует недостаточно решительно. Действительно, не слишком уверенное руководство и отсутствие четких заявлений по политическим вопросам продемонстрировали всем, что Роджер Дарлинг как президент разбирается лишь в вопросах внутренней политики и не имеет представления о том, как разрешать международные кризисы. Критике подвергся и советник по национальной безопасности Джон П. Райан, который, хотя и неплохо проявил себя в сфере разведки, так и не сумел утвердиться в качестве серьезного игрока в области национальной безопасности как таковой и, уж вне всякого сомнения, не занял уверенной позиции. Однако были люди, считающие его осторожность достойной восхищения. Сокращение американских вооруженных сил, полагали ученые мужи, сделало активное противодействие исключительно трудным, если вообще возможным, и несмотря на то, что в окнах Пентагона всю ночь горел свет, по всей видимости, не было эффективного средства решения проблемы Марианских островов. В результате, заявляли обозреватели перед телевизионными камерами, администрации Дарлинга лучше всего оставаться спокойной и уверенной, прилагая все возможные усилия для урегулирования конфликта. Отсюда иллюзия "нормального положения", скрывающего слабость, свойственную американской позиции.

- Ты хочешь, чтобы мы ничего не предпринимали? - с раздражением спросил Головки.

- Это наша война. Если вы предпримете активные действия слишком рано, то в одинаковой мере встревожите Китай и Японию. - К тому же, подумал Райан, но промолчал, что вы можете предпринять? Российские вооруженные силы находились в намного худшем положении, чем американские. Они могли перебросить в Восточную Сибирь дополнительное количество самолетов. А вот переброска наземных войск, способных усилить легко вооруженные подразделения пограничной охраны, вполне может вызвать ответную реакцию со стороны Китая.

- Ваши спутники передают то же самое, что и наши, Сергей. В Китае не проводится мобилизации.

- Пока. - Короткое слово прозвучало ядовито.

- Совершенно верно. Пока. И если мы будем действовать правильно, этого не произойдет. - Райан сделал паузу. - Есть какие-нибудь сведения о ракетах?

- Мы ведем наблюдение за рядом мест, - сообщил Головки. - Нам удалось подтвердить информацию о том, что ракеты на полигоне в Йошинобу используются для гражданских щелей. Возможно, это прикрытие для военных испытаний, не более. Мои специалисты уверены в этом.

- Пусть только их уверенность не станет чересчур заразной, - заметил Райан.

- Что вы собираетесь предпринять, Джек? - задал прямой вопрос директор Российской внешней разведки.

- В тот самый момент, когда мы говорим с тобой, Сергей Николаевич, наши

дипломаты заявляют им, что оккупацию Марианских островов считаем неприемлемой для нас и никогда с нею не согласимся. - Джек сделал вдох и напомнил себе, что должен доверять этому человеку. - И если они не уйдут сами, мы принудим их к этому силой.

- Но как? - недоуменно спросил глава русской разведки, глядя на лежащие перед ним расчеты, подготовленные военными экспертами из Министерства обороны.

- Десять или пятнадцать лет назад ты говорил политическим руководителям страны, что с нами нужно считаться?

- Да, в точности, как это делал ты, говоря о нас, - согласился Головки.

- А теперь мы в более выгодном положении. Японцы не боятся нас. Они уже считают себя победителями. Больше не могу сказать тебе ничего. Может быть, завтра, - произнес Райан. - А пока мы выслали вам инструкции для передачи нашим людям в Японии.

- Все будет сделано, как мы обещали, - ответил Головки.

- Мое правительство будет считаться с желанием населения всех островов, - повторил посол и тут же добавил, идя на новую уступку. - Мы также готовы обсудить вопрос о различном статусе Гуама и остальных островов Марианского архипелага. Американские интересы в отношении этого острова действительно насчитывают почти сотню лет, - впервые признал он.

Адлер бесстрастно воспринял это заявление, как требуют того правила дипломатического протокола.

- Господин посол, население всех островов имеет американское гражданство, и это согласно его собственному свободному волеизъявлению.

- Теперь у них снова появится возможность сделать то же самое. Неужели ваше правительство считает, что право на самоопределение может быть использовано только один раз? - спросил в ответ японский посол. - Это кажется таким же необычным для страны с давними традициями, как иммиграция и эмиграция. Как я сказал раньше, мы будем рады предоставить двойное гражданство тем местным жителям, которые пожелают сохранить свои американские паспорта. Если они пожелают уехать, мы выплатим компенсацию за принадлежащую им собственность и... - Остальная часть заявления посла осталась неизменной.

Вспомнив о своем участии во многих дипломатических переговорах, Адлер подумал о том, что их ход совмещает худшие черты разговора с тещей и попыток ответить на вопросы ребенка, только что начавшего ходить. Как правило, эти переговоры скучны и однообразны. Они неизменно вызывали раздражение у участников и тем не менее являлись необходимыми. Только что Япония сделала очередную уступку. Это не было чем-то неожиданным. Неделю назад Кук сумел выудить ее текст у Нагумо, но теперь о ней заявлено официально. Это была хорошая новость. А плохая заключалась в том, что такой же уступки ждут от него. Правила дипломатических переговоров основывались на компромиссах. Тебе никогда не удавалось добиться всего, к чему ты стремишься, и другая сторона никогда не получала того, к чему стремилась она. Проблема заключалась в том, что дипломаты, принимающие участие в переговорах, не должны поступаться жизненными интересами своих стран, причем обе стороны понимали - как

предполагалось, - в чем заключаются эти жизненные интересы. Но нередко случалось обратное, и тогда дипломатия была обречена на неудачу, вызывая раздражение тех, кто ошибочно считали, что войны всегда происходят из-за неумелых действий дипломатов. Гораздо чаще они вызывались такими различиями в национальных интересах, что достигнуть компромисса просто не представлялось возможным. И вот теперь посол рассчитывал на то, что Адлер тоже сделает какую-то уступку.

- Выражая свою точку зрения, я удовлетворен тем, что вы признали безусловное право населения Гуама остаться гражданами США. Я также с удовлетворением услышал о том, что ваша страна признает право жителей северных островов Марианского архипелага определить свою судьбу путем свободного волеизъявления. Готовы ли вы заверить нас, что Япония признает результаты выборов?

- Мне кажется, я достаточно четко выразил это, - ответил посол, пытаясь понять, выиграл он что-то в этом обмене или проиграл.

- В этих выборах смогут принять участие...

- Все, кто проживают на островах, разумеется. Моя страна привержена всеобщему и равному избирательному праву, как и ваша. Более того, - добавил посол, - мы готовы пойти на дополнительные уступки. У нас в стране правом участия в выборах обладают люди старше двадцати лет, но для участия в референдуме на Марианских островах мы готовы снизить возрастную планку до восемнадцати. Мы не хотим, чтобы кто-то смог потом заявить, будто референдум не был справедливым.

Вот ведь хитрый сукин сын, подумал Адлер. И это предложение кажется таким разумным. Теперь все солдаты получают право голоса, и международные наблюдатели сочтут такое решение уступкой со стороны японского правительства. Заместитель государственного секретаря кивнул, словно выражая удивление, и сделал пометку в блокноте. Посол, сидевший напротив, сделал вывод, что сумел добиться успеха. Для этого потребовалось немало времени.

- Все очень просто, - сказал советник по национальной безопасности. - Вы готовы помочь нам?

Тема совещания была такова, что никто из присутствующих не сможет покинуть зал полностью удовлетворенным. Оно началось с того, что сотрудница Министерства юстиции разъяснила смысл закона о шпионаже, содержащегося в Кодексе США под номером 18, раздел 793E. Закон применим ко всем американским гражданам, и свобода словоизъявления и прессы не является основанием для его нарушения.

- Вы хотите, чтобы мы помогли вам в обмане, - заявил один из ветеранов-журналистов.

- Совершенно верно, - кивнул Райан.

- Но у нас профессиональный долг...

- Все вы - американские граждане, - напомнил им Райан. - Как и население Марианских островов. Моя задача не в том, чтобы обеспечить вам выполнение прав, о которых вы думаете. Нет, сейчас моя задача состоит в том, чтобы гарантировать эти права вам и всем остальным гражданам нашей страны. Вы или согласитесь помочь нам, или откажетесь. Если вы согласитесь пойти нам

навстречу, мы сможем решить задачу легче и проще, с меньшим кровопролитием. В случае вашего отказа пострадает, по всей видимости, еще немало людей.

- Сомневаюсь, что Мэдисон и остальные создатели американской конституции предполагали, что пресса нашей страны в случае войны станет помогать врагу, - заметила представительница Министерства юстиции.

- На это мы никогда не пойдем, - запротестовал директор телевизионной компании Эн-би-си. - Но вы хотите, чтобы мы предприняли действия в противоположном направлении...

- Дамы и господа, у меня нет времени на обсуждение конституционных тонкостей. Перед нами в самом буквальном смысле вопрос жизни и смерти. Ваше правительство обращается к вам с просьбой о помощи. Если вы не окажете нам эту помощь, рано или поздно вам придется объяснить американскому народу причины этого шага. - Джек подумал о том, что еще никто не угрожал им так прямо и недвусмысленно. Изменение ситуации, решил он, будет честной игрой, хотя они вряд ли смогут посмотреть на это таким образом. Пришло время, решил Райан, протянуть им оливковую ветку мира. - Я приму на себя всю ответственность. Если вы поможете нам в столь трудном положении, я сохраню это в полной тайне.

- Только не пытайтесь убедить нас в этом, - запротестовал представитель Си-эн-эн. - Скрыть такое не удастся.

- В этом случае вам придется объяснить американскому народу, что ваши действия были продиктованы соображениями патриотизма.

- Я вовсе не это имел в виду, доктор Райан!

- А вот я имел в виду именно это, - улыбнулся Джек. - Подумайте над моим предложением. Разве оно как-то повредит вам? К тому же каким образом о нем узнают? Кто еще сможет рассказать о нем?

Цинизм журналистов стал почти профессиональной потребностью, и они сумели увидеть юмор в создавшейся ситуации, но решающую роль сыграло предыдущее заявление Райана. Они оказались в сложном положении, и естественный результат заключался в том, что им пришлось искать выход в каком-то новом подходе к проблеме. В данном случае представители телевизионных компаний решили исходить из деловых соображений. Отказ прийти на помощь своей стране, несмотря на заявления о принципиальности и профессиональной этике, мог иметь самые тяжелые последствия для компаний, так как телевизионные аудитории больше не придавали такого значения моральным достоинствам журналистов. К тому же просьбу Райана нетрудно было выполнить, достаточно проявить определенную осторожность, и никто не разберется в происшедшем.

Руководители телевизионных компаний предпочли бы выйти из комнаты и обсудить это между собой, но никто не решился предложить такой шаг. Все пять телевизионных магнатов посмотрели друг на друга и кивнули.

Вы когда-нибудь заплатите нам за это, красноречиво говорили их взгляды, устремленные на Райана. С этой опасностью можно жить, подумал он.

- Спасибо, - произнес советник по национальной безопасности. Когда они ушли, Райан направился в Овальный кабинет.

- Мы получили их согласие, - сообщил он президенту.

- Извини, Джек, что я не смог поддержать тебя.

- Год выборов, - согласился Райан. Через две недели предстояли предвыборные собрания в Айове, а потом наступала очередь Нью-Гемпшира, и хотя внутри своей партии у Дарлинга не было соперников, в общем ему хотелось в данное время оказаться где-то в другом месте. И он не мог позволить себе поспорить со средствами массовой информации. Но именно на то у него и был советник по национальной безопасности. Назначенные чиновники всегда могут принять удар на себя - в конце концов, их просто можно уволить.

- Когда все это закончится...

- Я смогу вернуться к игре в гольф? Мне нужна практика. Вот эта черта в нем мне нравится, подумал Дарлинг. Райан любил шутить, хотя синие круги под глазами у него мало отличаются от моих. Это была еще одна причина, за которую нужно благодарить Боба Фаулера, предостерегавшего меня от работы с Райаном, и, возможно, повод сокрушаться относительно его политической принадлежности.

- Он готов прийти на помощь, - сказал Кимура.

- В этом случае самое лучшее для него - вести себя как обычно, - ответил Кларк. - Он уважаемый и честный человек. Вашей стране нужен политический деятель, призывающий к сдержанности и спокойствию. - Такой совет вряд ли будет соответствовать инструкциям Вашингтона, которых он ждал, и у Кларка промелькнула надежда, что там знают, как поступить. Инструкции должны были поступить от Райана, и это вселяло в него некоторую уверенность. По крайней мере его агент почувствовал облегчение.

- Спасибо. Я не хочу, чтобы его жизнь подвергалась опасности.

- Он слишком ценный человек для этого. Может быть, Америка и Япония урегулируют свои отношения дипломатическими средствами. - Кларк не верил в это, но подобные заверения всегда нравились дипломатам. - В этом случае правительство Гото уйдет в отставку и, возможно, Кога-сан снова займет прежнюю должность.

- Я слышал, однако, что Гото не собирается отступать.

- Да, мне тоже говорили об этом, но не исключено, что ситуация изменится. Как бы то ни было, мы просим Когу последовать нашему совету, - продолжил "Клерк". - Мы благодарны вам за помощь. В случае необходимости свяжемся с вами по обычным каналам.

В знак благодарности Кимура перед уходом расплатился по счету.

- Вот и все, а? - спросил Динг.

- Кто-то считает, что этого достаточно, а нам нужно заниматься и другими делами.

Снова за работу, подумал Чавез. Но теперь по крайней мере они действовали в соответствии с приказами, какими бы непонятными они ни казались. Сейчас десять утра по местному времени, и они разойдутся сразу после того, как выйдут на улицу. Следующие несколько часов перед новой встречей Кларк и Чавез потратят на покупку телефонов сотовой связи - по три аппарата нового типа. Они очень компактны, так что помещаются в грудном кармане рубашки. Даже их упаковочные коробки невелики, и телефоны просто скрыть при переноске.

Чет Номури уже сделал то же самое, сообщив как собственный адрес конспиративной квартиры в Ханаматцу, которую выбрали, заранее пользуясь кредитными карточками и водительским удостоверением на чужое имя. Что бы ни происходило, ему осталось меньше тридцати суток для завершения операции. А сейчас нужно было вернуться в последний раз в баню, прежде чем окончательно исчезнуть.

- У меня возник вопрос, - негромко произнес Райан. Трент и Феллоуз посмотрели ему в глаза и почувствовали тревогу.

- Не заставляй нас ждать, - проворчал Сэм.

- Вы знаете о том, что в Тихом океане у нас создается сложное положение.

Трент беспокойно шевельнулся в своем кресле.

- Если ты хочешь сказать, что у нас недостаточно сил, чтобы...

- Все зависит от того, к каким силам мы прибегнем, - прервал его Джек.

Конгрессмены на мгновение задумались.

- Хотите получить карт-бланш? - спросил Эл Трент. Райан кивнул.

- На применение любых средств, которые сочтем необходимыми. У вас в комитете будут возражения?

- Зависит от того, что вы хотите этим сказать. Объясни нам, - бросил Феллоуз. Райан объяснил.

- Вы действительно хотите пойти на такой риск? - удивился Трент.

- У нас нет выбора. Полагаю, было бы неплохо вести битву кавалерийскими атаками на поле брани при соблюдении всех правил воинской чести и тому подобное, но у нас недостаточно сил, верно? Президент хочет знать, может ли он рассчитывать на поддержку Конгресса. Только вы двое знакомы с тайной стороной операции. Если вы поддержите нас, остальные на Капитолийском холме последуют вашему примеру.

- А вдруг все окончится неудачей? - выразил опасение Феллоуз.

- Тогда всем участникам конец. Включая и вас, - добавил Райан.

- Хорошо, комитет мы принимаем на себя, - пообещал Трент. - Но ты ведешь рискованную игру, дружище.

- Это верно, - согласился Джек, подумав о том, что вся жизнь полна риска. Он знал, что Трент имеет в виду и политический аспект происходящего, но попытался выбросить это из головы. Он не мог, разумеется, не промолчать - Трент счел бы это за проявление слабости. Поразительно, как часто они придерживались различного мнения по одним и тем же вопросам, однако самое главное, что на слово Трента можно положиться.

- Будешь держать нас в курсе дела?

- В рамках закона, - улыбнулся советник по национальной безопасности. А закон требовал проинформировать Конгресс после осуществления "черной" операции.

- А как относительно исполнительного распоряжения? - Исполнительное распоряжение, выпущенное еще в период администрации Форда, запрещало спецслужбам страны предпринимать политические убийства.

- У нас есть постановление, - ответил Райан. - Исполнительное распоряжение не действует в военное время. - "Постановление" представляло

собой по сути дела указ президента, согласно которому он один мог толковать существующий закон. Короче говоря, все, что предлагал сейчас Райан, с формально-юридической точки зрения соответствовало закону - если у Конгресса не было возражений. Это был чертовски сложный способ руководства страной, но демократический строй требовал этого.

- Значит, мы поставили все точки над "i", - резюмировал Трент. Феллоуз согласно кивнул. Оба конгрессмена наблюдали, как советник по национальной безопасности поднял трубку своего кодированного телефона и нажал кнопку скоростного набора. - Это Райан. Приступайте, - коротко произнес он.

Первый этап операции был электронным. Несмотря на решительные возражения главнокомандующего Тихоокеанским флотом, три съемочные группы установили свои камеры на краю стоящих рядом сухих доков, где находились сейчас "Джон Стеннис" и "Энтерпрайз".

- Нам запретили показывать ущерб, нанесенный кормовым отсекам авианосцев, но, согласно информированным источникам, он больший, чем кажется с первого взгляда, - лишь с незначительной разницей произнесли все трое ведущих. Когда была закончена прямая трансляция, камеры перенесли и провели дальнейшую съемку авианосцев, затем съемку продолжили с противоположной стороны гавани. Пленки предназначались для архива и возможного дальнейшего использования. На них были корабли и доки без репортеров, озвучивающих передачу. Эти пленки передали кому-то еще и преобразовали в цифровую форму для дальнейшего применения.

- Это критически поврежденные корабли, - коротко бросил Ореза. Каждый из авианосцев по тоннажу превосходил все корабли береговой охраны США, и как это Военно-морской флот, несмотря на свою отличную подготовку, допустил, чтобы им в зад всадили по паре торпед. Отставной боцман почувствовал, что у него от ярости поднимается кровяное давление.

- Сколько же времени понадобится для ремонта? -- спросил Барроуз.

- Несколько месяцев. Очень много. Не меньше шести... и тогда мы окажемся в периоде тайфунов, - внезапно понял

Португалец и почувствовал себя еще хуже. После дальнейших размышлений его настроение совсем упало. К тому же ему совсем не нравилось оказаться на острове, который подвергнется штурму морских пехотинцев. Сейчас он находится в своем доме, стоящем на возвышенности, недалеко от батареи ракет "земля - воздух", на которую неминуемо обрушится огонь американских кораблей ; и самолетов. Может быть, все-таки стоило продать дом за миллион долларов? Получив такие деньги, он сможет купить другую яхту, другой дом и заняться рыбной ловлей на островах Флорида-Киз. - Знаешь, ты ведь можешь вылететь отсюда домой в любое время, как только пожелаешь.

- А-а, стоит ли торопиться?

Предвыборные плакаты были уже напечатаны и развешены повсюду. Общественный канал кабельного телевидения каждые несколько часов передавал сообщения о планах будущего развития Сайпана. Теперь все на острове успокоилось, воцарились тишина и порядок. Японские туристы проявляли необычную вежливость, а солдаты ходили большей частью без оружия. Военные

машины использовались для дорожных работ. Офицеры заходили в школы и проводили, дружеские ознакомительные беседы. Едва ли не за одну ночь были созданы две новые бейсбольные команды, и начались матчи новой лиги. Ходили разговоры, что пара ведущих японских команд из Первого дивизиона начнет весенние тренировки на Сайпане. Для этого придется построить стадион, и, возможно, шептали друг другу, у Сайпана будет собственная команда в Первом дивизионе. Орезу это казалось разумным. Остров расположен ближе к Токио, чем Канзас-Сити к Нью-Йорку. Нельзя сказать, разумеется, что местное население было довольно оккупацией, просто жители не видели пути к освобождению и потому, подобно всем оказавшимся в таком положении, смирились с ней. Японцы делали все возможное, чтобы этот процесс проходил как можно мягче.

Всю первую неделю оккупации демонстрации протеста проходили ежедневно. Однако генерал Арима, командующий войсками на острове, каждый раз выходил навстречу демонстрантам, навстречу любой съемочной группе любой телевизионной компании и приглашал к себе в кабинет их руководителей для беседы, причем часто эти беседы передавались прямо в эфир. Затем реакция японских чиновников стала еще более утонченной. Представители гражданской администрации и бизнесмены проводили длительные пресс-конференции, демонстрируя доклады о том, сколько денег они вложили в развитие инфраструктуры острова, показывая на графиках, как изменилась после этого местная экономика, и обещая вложить еще больше. Это не значило, что им удалось совсем избавиться от недовольства, но японцы подчеркивали свою терпимость, всякий раз обещая с уважением отнестись к результатам быстро приближающихся выборов. Мы ведь тоже живем здесь, говорили они. Мы тоже местные жители.

Надежда умирает последней. Завтра исполнится две недели с момента захвата японцами Марианских островов, думал Ореза, а все, что они слышали, - это сообщения о проклятых переговорах. С каких это пор Америка вела переговоры по поводу захваченных у нее территорий? Может быть, дело именно в этом. Может быть, это и есть очевидный признак слабости их страны, и он почувствовал ощущение безнадежности. Никто не сопротивлялся. Ну, скажите же нам, что наше правительство делает что-то, хотелось ему крикнуть адмиралу, что находился на другом конце космического сотового канала...

- Да, какого черта. - Ореза прошел в гостиную, вложил батареи в ручку телефонной трубки, просунул антенну в отверстие, просверленное в середине салатной миски, и набрал номер.

- Адмирал Джексон, - услышал он.

- Говорит Ореза.

- У вас что-нибудь новое?

- Да, адмирал. Хочу сообщить вам, как закончатся выборы.

- Не понимаю вас, главный старшина.

- Я смотрел передачу Си-эн-эн о том, что два наших авианосца потеряли способность выйти в море, при этом специалисты говорили, что они не в силах предпринять что-то. Черт побери, сэр, даже когда аргентинцы захватили проклятые Фолкленды, британцы заявляли, что они вернут их себе. Я не слышу того же от нашего правительства. Черт возьми, что остается нам думать?

Джексон несколько секунд обдумывал ответ.

- Вы хорошо знаете, что я не могу нарушать правила и обсуждать военные операции. Ваша задача заключается в том, чтобы обеспечивать нас информацией, ясно?

- Пока мы слышим только одно - как японцы будут проводить выборы. Ракетная батарея к востоку от нас закрыта теперь маскировочной сеткой...

- Я знаю об этом. Как знаю и о том, что поисковый радар на вершине горы Тапочау функционирует и что около сорока истребителей размещено в аэропорту и на базе в Коблере. Мы насчитали еще шестьдесят на базе Андерсен на Гуаме. Нам известно, что восемь эсминцев курсируют к востоку от острова и танкеры приближаются к ним для проведения бункеровки. Что еще вас интересует? - Даже если Ореза "находился под наблюдением" - вежливое выражение, означающее пребывание под арестом, - в чем Джексон сомневался, в этой информации не было ничего секретного. Всем известно, что у Америки есть в космосе разведывательные спутники. С другой стороны, Орезу нужно знать, что Джексон пристально следит за положением и, что еще больше важно, проявляет к нему интерес. Он испытывал стыд от того, что должен сказать дальше. - Главный старшина, я ожидал большего от такого ветерана, как вы. Ответ заставил его почувствовать себя лучше.

- Вот это я и хотел услышать от вас, адмирал.

- Как только случится что-нибудь новое, сразу сообщите нам.

- Слушаюсь, сэр.

Джексон положил трубку и взял со стола только что доставленный доклад о готовности "Джонни Реба".

- Уже скоро, главный старшина, - прошептал он. Настало время встретиться с офицерами базы ВВС в Мак-Дилле, которые, как это ни кажется невероятным, носили зеленую армейскую форму. Адмирал не знал, что они напомнят ему о чем-то, что он видел несколько месяцев раньше.

У всех солдат испанский должен быть родным языком, и они должны выглядеть как испанцы. К счастью, это не было сложной задачей. Специалист по личным документам вылетел из Лэнгли в Форт-Стьюарт, штат Джорджия, вместе со всем необходимым снаряжением, включающим десять пустых паспортов. Чтобы упростить задачу, всем были сохранены подлинные имена и фамилии. Старший сержант Джулио Вега сидел перед камерой в своем лучшем костюме.

- Не улыбайтесь, - сказал ему специалист из ЦРУ. - Европейцы не улыбаются для фотографий на паспортах.

- Да, сэр. - Кличка Веги среди солдат была Осо, медведь, но только ветераны осмеливались называть его так. Для остальных рейнджеров из роты "Фокстрот" 2-го батальона 175-го полка он был, только "старший сержант", и его знали как опытного сверхсрочника, готового оказать всяческую поддержку своему капитану при проведении операции, для участия в которой он только что добровольно вызвался.

- Впрочем, вам понадобится и костюм получше.

- Кто мне за него заплатит? - широко улыбнулся Осо. Это на фотографии будет мрачная физиономия, которую обычно видели солдаты, не справлявшиеся с его требованиями. Только не эти, подумал он, имея в виду восьмерых солдат, прошедших обучение прыжкам с парашютом (это требовалось от всех рейнджеров),

каждый из которых принимал участие в боевых действиях в той или другой горячей точке. Что было необычно для военнослужащих 175-го полка, так это то, что ни один из них не стригся почти наголо, чтобы волосы напоминали короткую щетину. Вега вспомнил еще одну группу, похожую на эту, и улыбка исчезла с его лица. Колумбия. Не все вернулись тогда живыми.

Испанский язык в качестве родного, подумал он, выходя из комнаты. Испанский был, по-видимому, языком жителей Марианских островов. Подобно большинству армейских ветеранов в звании старшего сержанта, Вега получил степень бакалавра в вечернем колледже, где его специальностью была военная история - это, казалось ему, больше всего соответствовало выбранной им профессии, да и к тому же армия платила за обучение. Если на этих островах действительно говорят на испанском языке, то предстоящая операция приобретает определенный смысл. Название операции, о котором он узнал в коротком разговоре с капитаном Диегой Чека, тоже показалось ему подозрительным. Ее назвали операцией "Зорро", что настолько развеселило капитана, что он решил поделиться этой новостью со своим старшим сержантом. Настоящего Зорро звали дон Диего, не правда ли? Капитан забыл имя бандита, однако старший сержант вспомнил. Если твоя фамилия Вега, разве можно отказаться от участия в подобной операции? - спросил себя Осо.

Хорошо, что он в хорошей физической форме, подумал Номури. Даже просто дышать здесь было нелегко. Большинство европейцев, приезжающих в Японию, остаются в крупных городах, и им даже в голову не приходит, что эта страна не менее гориста, чем Колорадо. Тошимото было небольшим селением, впадающим в спячку зимой и процветающим летом, когда местные жители, уставшие от перенаселенного однообразия городов, переезжали для смены обстановки в сельскую местность. Деревня, расположенная в самом конце государственного шоссе номер 140, по сути дела погрузилась в спячку и, казалось, свернула на зиму тротуары, но Чет у удалось найти место, где он смог арендовать небольшой четырехколесный мотоцикл-вездеход. Номури объяснил хозяину фирмы, что ему хочется на несколько часов отвлечься от городской суеты и побывать в горах. В обмен на небольшую сумму денег и ключи от машины он получил суровое, хотя и вежливое предупреждение о необходимости следовать вдоль тропинки и проявлять осторожность, за что Номури любезно поблагодарил хозяина и отправился в путь, направляясь вдоль реки Таки - скорее небольшого потока, чем реки, - вверх в горы. Через час, проехав примерно семь миль, он остановился, выключил двигатель, достал из ушей ватные тампоны и прислушался.

Полная тишина. По дороге сюда Номури не заметил никаких следов на глине и гравии тропинки, по которой ехал вдоль порожиистой реки, не увидел никаких признаков проживания в нескольких летних домиках, мимо которых проезжал, и теперь, прислушиваясь, не услышал ничего, кроме завывания ветра. На его карте был обозначен брод в двух милях вверх по склону, и, действительно, добравшись туда. Чет увидел брод, который оказался четко обозначенным и пригодным для переправы. Перебравшись на другой берег, он поехал дальше на восток, к Ширайши-сан. Подобно большинству вершин, склоны горы под воздействием воды и времени оказались изрезанными многочисленными ущельями,

которые, постепенно сужаясь, заканчивались тупиками. Одна из долин горы Ширайши была особенно живописна в своей нетронутости сельским домом или летним коттеджем. Наверно, летом здесь разбивают свои лагеря бойскауты, чтобы прикоснуться к природе, которую остальная страна с таким усердием стремится уничтожить. Впрочем, скорее, в этом месте просто не оказалось залежей достаточно ценных минералов, что оправдало бы строительство шоссе или железной дороги. Кроме того, отсюда до Токио было сто миль по прямой, и могло показаться, что ты находишься в Антарктике.

Номури повернул на юг и поднялся по ровному склону к вершине южного хребта. Ему хотелось побольше увидеть и услышать, и он, хотя и заметил одинокий недостроенный дом в нескольких милях внизу, не увидел столба дыма от горящей печки или клубов пара от горячей ванны и не услышал никаких звуков, кроме тех, что издает природа. Номури минут тридцать осматривал окрестности в небольшой бинокль. Он не спешил, стараясь убедиться в увиденном, осмотрел северный и западный склоны и отметил лишь поразительное безлюдие. Удовлетворенный, он спустился к реке Таки и вернулся в селение по тропе вдоль нее.

- Сейчас здесь никого не бывает, - сказал ему хозяин фирмы, Сдающей в аренду мотоциклы, когда Номури наконец вскоре после заката солнца приехал во двор. - Позвольте мне предложить вам чашку чая?

- Дозо, - поблагодарил сотрудник ЦРУ. Он взял чашку и вежливо поклонился. - Здесь просто великолепно.

- Вы поступили разумно, выбрав это время года. - Мужчине хотелось поговорить. - Летом, когда распускаются листья на деревьях, природа выглядит восхитительно, хотя треск этих созданий, - он кивнул в сторону ряда мотоциклов, - нарушает горный покой. Зато они приносят мне некоторый доход, - признался он.

- Непременно приеду к вам снова. У меня в конторе сейчас горячее время, приходится работать с утра до вечера. Только здесь можно насладиться тишиной.

- Может быть, захватите с собой друзей? - предложил хозяин. Было очевидно, что ему нужны деньги в этот мертвый сезон.

- Да, конечно, постараюсь, - заверил его Номури. Хозяин поблагодарил его вежливым поклоном, сотрудник ЦРУ сел в свой автомобиль и направился в Токио, пути куда было три часа. По дороге он пытался понять, почему его ведомство дало ему поручение, позволившее расслабиться.

- Ну что, парни, вы по-прежнему настроены решительно? - спросил Джексон у подразделения особого назначения.

- Ты выбрал странное время, чтобы спрашивать нас, не передумали ли мы, Робби, - заметил старший офицер. - Если они настолько глупы, что позволяют штатским американцам разгуливать по их территории, - ну что ж, давайте воспользуемся этим.

- Меня все еще беспокоит высадка, - заметил представитель ВВС, перебирая воздушные навигационные карты и космические фотографии. - Мы выбрали хорошее место для проникновения - черт побери, навигационные ориентиры превосходны, - но, чтобы все прошло гладко, кто-то должен

позаботиться об этих птичках АВАКС.

- Все принято во внимание, - заверил его полковник из группы боевого командования ВВС. - Мы осветим для них небо, и вы сумеете воспользоваться образовавшейся брешью. - Он постучал указкой по третьей карте.

- Экипажи вертолетов? - спросил Робби.

- Работают сейчас на тренажерах. Если повезет, на обратном пути им останется только спать.

Тренажер, разработанный для данной операции, создавал у Сэнди Рихтера полное ощущение реальности. Это была комбинация новой компьютерной игры "Нинтендо-VR", которой увлекался его младший сын, и обычного тренажера. Огромный шлем ничем не отличался от того, который он надевал, садясь за штурвал своего "команча", только был несравненно более сложным. Если он, сидя в "команче", смотрел на мир словно в глазок, то с помощью этого сложнейшего устройства перед ним открывался прямо-таки театр военных действий. Его можно было усложнить еще больше, но и так созданный компьютером вид местности вместе со всей летной информацией создавал у пилота ощущение реальности. Рихтер держал руки на штурвале и секторе газа этого виртуального вертолета, летевшего над поверхностью воды к стремительно надвигающимся утесам.

- Приближаемся к повороту направо, - сказал он своему второму пилоту, который на этот раз сидел не позади него, а рядом - на тренажере не требовалось сидеть точно на своем месте, как в кабине вертолета. Находясь в этом искусственном мире, каждый видел то, что ему полагалось видеть, независимо от того, где он находился, только второй пилот, сидя рядом, имел в своем распоряжении два дополнительных прибора.

То, что они видели перед собой, являлось результатом шестичасовой работы суперкомпьютера.

Комплект космических фотографий, сделанных за последние три дня, подвергся анализу, пересъемке и преобразованию в трехмерное изображение, кажущееся чем-то вроде крупнозернистой видеопленки.

- Слева - населенный пункт.

- Да, вижу. - Он видел пятно флюоресцирующего света, которое в действительности было бы желто-оранжевым городским освещением, и увеличил высоту с пятидесяти футов, на которой летел вот уже два часа. Рихтер подал ручку управления вправо, и наблюдатели, присутствовавшие в затемненной комнате, были поражены тем, как тела обоих пилотов наклонились в сторону поворота, автоматически компенсируя якобы возникшую центробежную силу, которая существовала только в "воображении" компьютера, моделировавшего ситуацию. Они едва не засмеялись, но тут же вспомнили, что над Сэнди Рихтером лучше не смеяться.

С того момента, как вертолет пересек виртуальный берег, он поднялся над хребтом и полетел вдоль него. Так решил сам Рихтер. В речных долинах, ведущих к Японскому морю, находились дороги и дома. Вот почему пилот принял решение как можно дольше сохранять акустическую скрытность и пойти на риск - лететь на большей высоте.

В реальном мире он сумел бы справиться с этой опасностью при подлете к цели, но в данный момент мир для него был не совсем реальным.

- Истребители над головой, - предостерег женский голос, как это произошло бы во время настоящей операции. - Снижаюсь, - ответил Рихтер на предупреждение компьютера, соскальзывая на вертолете направо, ниже вершин горного хребта. - Если тебе удастся обнаружить меня на высоте пятидесяти футов от земли, то я проиграл, милая. Надеюсь, эта чертова технология "стелс" на самом деле очень эффективна.

В первоначальных развед-сводках звучало беспокойство относительно совершенства радиолокаторов на японских F-15X. Каким-то образом им удалось сбить один Б-1 и повредить второй, и никто еще не сумел разобраться, как это произошло.

- Скоро узнаем. - Что еще можно сказать пилоту? В данном случае оценку дал компьютер. На протяжении последнего часа виртуального полета Рихтеру все время приходилось маневрировать над пересеченной местностью, что было достаточно изматывающим, и когда он "совершил посадку" в своем "Команче", то обливался потом и хотел поскорее принять душ, которого при реальном полете наверняка не будет. А вот пара лыж может пригодиться.

- Что, если противник...

- В этом случае придется привыкать к рисовому рациону. - Нет смысла беспокоиться обо всем. Зажегся свет, пилоты сняли шлемы, и Рихтер увидел, что находится в небольшой комнате.

- Проникновение на вражескую территорию прошло успешно, - сообщил свою оценку майор. - Ну как, парни, вы готовы совершить небольшой полет?

Рихтер взял стакан ледяной воды со стола в дальнем углу комнаты.

- Знаешь, мне даже в голову не приходило, что я смогу пролететь таким курсом настолько далеко.

- Как относительно всего остального? - спросил его стрелок-радист.

- Погрузят, когда вы прилетите на место.

- А на пути назад? - не удержался от вопроса Рихтер. Лучше быть проинструктированным заранее.

- У вас будет выбор из двух вариантов. Может быть, из трех. Мы еще не приняли решения. Сейчас его изучают, - заверил пилота офицер войск специального назначения.

Хорошо было то, что все это оказались пентхаусы, апартаменты на крышах высотных зданий. Этого следовало ожидать, подумал Чавез. Богачи, подобные этим мерзавцам, приобретали себе весь верхний этаж любого дома, который приглянется. Это позволяло им взирать на все свысока, смотреть на остальных сверху вниз, так же и небоскребы Лос-Анджелеса возвышались над нищенскими баррио его юности. Впрочем, никто из них не был солдатом. Люди военной профессии не испытывают желания так выделяться на фоне горизонта. Куда лучше скрываться в кустах вместе с крысами и пеопами. Ну что ж, все имеет свои недостатки, напомнил себе Динг.

Оставалась одна проблема - отыскать место повыше. Это оказалось несложно. И снова им помогла мирная атмосфера города. Они просто выбрали подходящее здание, вошли в него, поднялись на лифте на верхний этаж и оттуда

выбрались на крышу. Чавез установил камеру на треноге, выбрал самый мощный телеобъектив и начал снимать. Вести съемку даже при дневном свете несложно, говорилось в инструкции, а тут еще боги, распоряджающиеся погодой, пришли им на помощь - надвигался хмурый облачный вечер. Динг сделал по десять снимков каждого здания, перематывая пленки и укладывая кассеты обратно в коробки для последующей разметки. На все ушло не более ролучаса.

- Ты начал доверять этому парню? - спросил Чавех после передачи пленок.
- Динг, я только что начал доверять тебе, - негромко ответил Кларк, снимая этими словами напряжение момента.

38. Рубикон

- Что же дальше?

Райан помедлил с ответом. Адлер заслуживал, чтобы ему кое-что рассказать. Предполагалось, что переговоры должны вестись честно. Там никогда не говорят всей правды, но в то же самое время стараются не обманывать друг друга.

- Дальше? Продолжай как и раньше, - произнес наконец советник по национальной безопасности.

- Что-то происходит. - Это не было вопросом.

- Мы не сидим без дела, Скотт. Они ведь не собираются сдаваться, не так ли?

Адлер покачал головой.

- Думаю, не собираются.

- Убеди их пересмотреть свою позицию, - предложил Джек. Совет не был таким уж новым, но сказать что-то требовалось.

- По мнению Кука, в Японии действуют политические силы, старающиеся не обострять ситуацию. Его коллега в японской делегации снабжает его обнадеживающей информацией.

- Скотт, у нас там два сотрудника ЦРУ, которые работают под прикрытием документов русских журналистов. У них состоялись переговоры с Когой. Он недоволен тем, как развиваются события. Мы посоветовали ему вести себя как обычно. Нет смысла ставить его под удар... Вот что, посоветуй Куку прощупать японского дипломата относительно оппозиции в их правительстве, кто они и какими силами могут располагать. Однако он ни в коем случае не должен сообщать, с кем мы поддерживаем контакт.

- Хорошо, передам. В остальном придерживаться той же линии? - спросил Адлер.

- Не делай никаких конкретных уступок. Ты сможешь потянуть еще некоторое время?

- Смогу, пожалуй. - Он посмотрел на часы. - Сегодня переговоры ведутся у нас. Мне нужно до их начала посоветоваться с Бреттом.

- Держи меня в курсе.

- Можешь не сомневаться.

На Грум-лейк рассвет еще не наступил. Пара транспортных самолетов C-5B вырулила на конец взлетной дорожки и поднялась в воздух. Груз не был

тяжелым, у каждого всего три вертолета, ну и остальное снаряжение - не так уж много для самолетов, способных нести по два танка. Однако одному из них предстоит длительный перелет, больше пяти тысяч миль, и при встречных ветрах потребуются две дозаправки в воздухе, что, в свою очередь, означает необходимость двух сменных экипажей для каждого самолета. Добавочные пилоты вытеснили пассажиров в хвостовой отсек, позади крыльев, где кресла менее удобны.

Рихтер откинул ручки сидений в своем трехместном ряду и вставил в уши ватные тампоны. Как только самолет оторвался от земли, он автоматически сунул руку в карман летного комбинезона, где обычно хранил сигареты - или, вернее, хранил раньше, пока не бросил курить несколько месяцев назад. Проклятие! Ну как можно отправляться в бой без сигареты? - спросил себя Рихтер, откинулся на подушку и заснул. Он даже не почувствовал воздушных ям, когда самолет поднимался к потоку струйного течения над горами Невады.

Экипаж, несущий первую вахту, повернул самолет к северу. Небо было темным и останется таким на протяжении почти всего полета. Самым главным для экипажа было не заснуть, находиться все время начеку. Управлять самолетом будет автоматическое навигационное оборудование, в это время суток ночные коммерческие рейсы уже закончились, а дневные только начинались. Военным пилотам принадлежало сейчас все небо вместе с рваными облаками и обжигающим ледяным ветром за алюминиевой обшивкой самолета, направляющегося к самому невероятному месту назначения, о котором мог только помыслить резервный экипаж. Экипажу второго "гэлэкси" повезло больше. Их самолет повернул на юго-запад и меньше чем через час уже летел над Тихим океаном, выполняя свой более короткий рейс к базе ВВС Хикем.

Подводная лодка ВМС США "Теннесси" вошла в гавань Пирл-Харбора на час раньше намеченного срока и направилась к крайнему причалу, отказавшись от портового лоцмана и положившись при швартовке на помощь одного военно-морского буксира. Причал был погружен в темноту, и швартовка проводилось при свете прожекторов на других пирсах гавани. Еще одной странностью было то, что на причале "Теннесси" ждал огромный автозаправщик. То, что рядом с ним стоял служебный автомобиль, доставивший сюда адмирала, не вызвало удивления у капитана третьего ранга Клаггетта. Тут же на пирс подали сходни, и командующий подводными силами Тихоокеанского флота поспешно поднялся на палубу еще до того, как на кормовой части паруса субмарины успели поднять флаг. Тем не менее адмирал отсалютовал ему.

- Добро пожаловать на борт, адмирал, - слышался сверху голос командира, и Клаггетт спустился по трапу, чтобы встретить адмирала Манкузо в своей каюте.

- Голландец, я рад, что тебе удалось вывести ее в море, - произнес Манкузо с улыбкой, сдерживаемой серьезностью ситуации.

- А я просто счастлив, что мне удалось наконец потанцевать с моей красавицей, - признался Клаггетт и тут же добавил: - У меня полные емкости дизельного топлива, сэр.

- Нам придется освободить один из твоих баков. - Огромные размеры "Теннесси" позволяли иметь несколько емкостей для вспомогательного дизеля.

- Почему, сэр?

- Возьмешь запас JP-5. - Манкузо открыл кейс и достал оттуда пачку оперативных приказов, на которых едва успели высохнуть чернила. - Тебе предстоит участвовать в проведении специальных операций. - Клаггетт автоматически едва не задал вопрос: "А почему я?" - но вовремя удержался. Он открыл обложку папки с приказами и начал проверять запрограммированный для него курс.

- У меня могут возникнуть определенные трудности, сэр, - заметил Клаггетт.

- Смысл операции заключается в том, что ты должен принять все меры, чтобы тебя не обнаружили, но имеешь право прибегнуть и к обычному правилу. - Обычное правило означало, что в случае необходимости капитан сам принимает решение, полагаясь на собственное суждение.

- Слушайте все, - донеслось по системе корабельной трансляции. - С этого момента курение на борту запрещается. Повторяю, курение запрещается.

- Ты разрешаешь команде курить во время похода? - спросил командующий подводными силами Тихоокеанского флота, потому что многие шкиперы не допускали этого.

- Вы же сами сказали, что мне следует полагаться на собственное суждение.

В тридцати футах от каюты командира Рон Джоунз вошел в гидроакустический пост и достал из кармана компьютерный диск.

- У нас уже проведены работы по расширению вычислительных возможностей, - заметил старший акустик.

- Это совершенно новый диск. - Подрядчик вставил диск в прорезь запасного компьютера. - С помощью этого программного обеспечения мне удалось обнаружить вас, как только лодка в первую же ночь пересекла линию раннего оповещения у Орегона. В кормовом отсеке что-то не было закреплено?

- Да, переносный ящик с инструментами. Его сразу убрали. С тех пор мы пересекли еще две линии раннего оповещения, - напомнил ему акустик.

- На какой скорости? - спросил Джоунз.

- Вторую прошли почти на полной и сделали над ней несколько зигзагов.

- Я заметил всего лишь легкий скачок, ничего больше, а на ней было установлено то же программное обеспечение, что я только что ввел в ваш компьютер. У вас действительно тихий корабль, чиф. Совершили обход лодки?

- Да, капитан даже позверствовал, но теперь у нас нет ничего незакрепленного. - Акустик сделал паузу. - Если не считать свисающих концов туалетной бумаги.

Джоунз поудобнее устроился в одном из кресел и окинул взглядом тесный гидроакустический пост. Он провел здесь несколько лет жизни, это было его рабочее место. Рон получил всего лишь намек на операцию, в которую уходила "Теннесси", - Манкузо спросил его относительно акустических условий в западной части Тихого океана и выразил беспокойство по поводу того, что японцы могли захватить наземную станцию линии раннего обнаружения ВМС на острове Хонсю до того, как персонал успеет вывести из строя ее оборудование, - но и этого было вполне достаточно. Подводная лодка, вне всякого сомнения, отправлялась в логово врага - по-видимому, это была первая субмарина

Тихоокеанского флота, перед которой поставили такую задачу. Господи, и к тому же это поручено подводному ракетноносцу, подумал он. Огромному и тихоходному. Рон протянул руку и коснулся пальцами приборной панели.

- Мне довелось слышать о вас, доктор Джоунз, - произнес старший акустик, прочитав его мысли. - Я тоже знаю свое дело, понимаете?

- Когда японские лодки всплывают на шноркельную глубину...

- ...частота акустических колебаний на линии тысяча герц. У нас самая совершенная буксируемая антенна и полностью обновленное программное обеспечение - включая ваши средства расширения ее возможностей, наверно. - Старший акустик протянул руку к кофейнику, подумал и налил кружку для гостя.

- Спасибо.

- "Эшвилл" и "Шарлотт" погибли? Джоунз кивнул, глядя в кружку.

- Вы знакомы с "Французом" Лавалем?

- Он преподавал на наших курсах, много лет назад.

- Француз был моим старшиной на "Далласе", когда мы плавали вместе с адмиралом Манкузо. У него на "Эшвилл" служил сын. Я знал его. Мы должны расплатиться за его смерть.

- Понял, - коротко бросил старший акустик.

- Соединенные Штаты Америки считают неприемлемой создавшуюся ситуацию, господин посол. Мне казалось, что я выразил эту точку зрения достаточно ясно, - сказал Адлер через два часа после начала очередного этапа переговоров. По сути дела заместитель госсекретаря США выражал эту точку зрения четко и ясно по меньшей мере восемь раз на дню с начала переговоров.

- Мистер Адлер, если ваша страна не хочет продолжения войны, которая никому не принесет ни малейшей пользы, вам нужно только одно - дать согласие на признание результатов предстоящих выборов, которые будут проведены под международным контролем.

В одном из городов Калифорнии, вспомнил Адлер, есть радиостанция, которая неделями исполняла все известные аранжировки знаменитой мелодии "Луи, Луи". Может быть, посоветовать Госдепартаменту передавать эту запись в качестве подготовки к подобным дипломатическим переговорам! Японский посол ожидал от американской стороны ответа на любезное предложение Японии вернуть Гуам - словно японские войска не захватили этот остров силой - и теперь проявлял раздражение из-за того, что Адлер отказывался пойти на уступки в благодарность за такой дружеский жест. Может быть, у американца есть еще какие-нибудь козыри? Если так, то пока он не увидит, что за карты у Адлера, не сделает и шага.

- Мы благодарны, разумеется, за то, что ваша страна выразила согласие на международный контроль за выборами, равно как и за то, что вы берете на себя обязательство признать их результаты, но это отнюдь не меняет того обстоятельства, что речь идет о суверенной национальной территории, население которой уже проявило свое желание, политически объединившись с Соединенными Штатами. К сожалению, мы не можем принять ваше благородное предложение при создавшемся положении.

Посол поднял руки вверх, выражая тем самым разочарование от того, что его на дипломатическом языке называли лгуном.

- Как же нам убедить вас?! - воскликнул он.

- Просто вывести с островов вооруженные силы, разумеется, - ответил Адлер. Он, однако, уже сделал небольшую уступку. Признав, что Америка не отвергает безоговорочно вопрос о выборах, заместитель государственного секретаря позволил тем самым послу сообщить в Токио о некотором прогрессе в переговорах. Это совсем немного, вовсе не то, что хотелось бы услышать послу, но все-таки определенный шаг вперед. Позиции сторон были подтверждены еще раз, перед тем как утренний перерыв предоставил дипломатам возможность встать и размять затекшие мышцы.

Было холодно и ветрено, и, как обычно, Адлер и посол разошлись на террасе, которая превращалась в летнее время в столовую на открытом воздухе, в противоположные стороны. Члены делегаций встречались, чтобы выяснить позиции друг друга, в то время как руководители делали вид, что не имеют к этому отношения.

- Разве это можно назвать значительной уступкой? - Нагумо пригубил чашку с чаем.

- Хорошо, что удалось добиться хотя бы этого. Мы ведь знаем, что многие в вашем правительстве не согласны с предпринятыми действиями.

- Да, я говорил об этом, - согласился Сейджи. Крис Кук подавил желание оглянуться вокруг, чтобы убедиться, что никто не подслушивает их разговор. Это могло показаться излишне театральным. Он снова поднес к губам чашку, глядя на юго-запад, в сторону Центра Кеннеди.

- Проводятся неофициальные встречи, - заметил американский дипломат.

- С кем?

- В них принимает участие Кога, - тихо проговорил Кук. Если Адлер отказывается вести честную игру, по крайней мере он исправит положение.

- А-а. Да конечно, взаимодействие с ним вполне логично.

- Сейджи, если мы выберем верный курс, то оба выйдем из этой заварухи героями. - Разве это не будет идеальным решением для всех? - подумал он.

- Что за встречи? - спросил Нагумо.

- Мне известно одно - они проводятся по тайным каналам. А теперь скажи мне, это Кога стоит во главе оппозиции, с которой ты поддерживаешь связь?

- Он принадлежит к ее числу, разумеется, - ответил Нагумо. Ему только что удалось получить важнейшую информацию: американцы не идут на уступки, и вот теперь причина ясна - они рассчитывают на то, что хрупкая парламентская коалиция Гото развалится под напором времени и неуверенности. А сейчас от него требовалось лишь одно - подорвать моральный дух американцев и таким образом закрепить выигрышную позицию своей страны... Да, это элегантное решение проблемы. К тому же предсказание Криса относительно того, что они выйдут из затруднительного положения героями, окажется наполовину правильным

- Нагумо действительно проявит себя с лучшей стороны перед соотечественниками.

- А остальные? - спросил Кук.

Ответ был автоматическим и заранее предсказуемым.

- Они тоже, разумеется, только я не рискую назвать их имена. - Нагумо уже обдумывал дальнейшее направление действий. Раз американцы делают ставку на подрыв политической стабильности Японии, значит, у них недостаточно

возможностей для силового решения проблемы. Вот это новость!

Первый воздушный заправщик поднялся с авиабазы ВВС в Элмендорфе и присоединился к С-5 чуть к западу от Нома. Пришлось найти воздушное пространство, свободное от турбулентных потоков, но даже при этом несколько минут, необходимых для дозаправки, оказались весьма рискованными - есть даже что-то противоестественное в том, когда два самолета, каждый весом в несколько сот тонн, соединяются в воздухе подобно мухам-однодневкам. Положение усложнялось еще и тем, что пилот С-5 видел всего лишь нос заправщика и был вынужден лететь в таком положении на протяжении двадцати пяти минут. Но хуже всего было то, что двигатель трехмоторного KC-10, размещенный в хвостовой части самолета, отбрасывал свои выхлопные газы прямо на Т-образное хвостовое оперение "гэлэкси", создавая турбулентность, постоянно сотрясающую огромный транспортный самолет, что вынуждало пилота непрерывно корректировать его положение по отношению к заправщику. Большие деньги не платят даром, подумал он, обливаясь потом под своим летным комбинезоном. Наконец баки С-5 наполнились, самолеты разошлись, "гэлэкси" начал снижаться, а заправщик отвернул направо. У всех, кто находились на борту транспортника, желудки вернулись в нормальное положение, и С-5 продолжил полет на запад, через Берингов пролив. Скоро с аэродрома в Шемье взлетит очередной заправщик и тоже войдет в воздушное пространство России. Они не знали о том, что еще один американский самолет уже находился там и вел за собой эту тайную процессию к месту, обозначенному на американских навигационных картах как Верино - город на транссибирской железнодорожной магистрали, построенный еще в начале века.

Новый гребной вал был наконец установлен, что показалось шкиперу самым продолжительным и однообразным ремонтом в его жизни. Со стороны корабля установили и отрегулировали подшипники, а внутри гребного туннеля набили и закрепили сальники. Этим занималась сотня мужчин и женщин. Работы велись круглые сутки без малейших возражений со стороны гражданского персонала, занятого на подъемных механизмах по сторонам гигантского бетонного сооружения, называемого сухим доком. Приближался последний этап - огромный подъемный кран уже подносил новенький сверкающий винт к пятке гребного вала. Винт имел тридцать футов в диаметре и прошел прецизионную балансировку, через два часа он будет установлен на гребном валу авианосца, которому суждено теперь стать самым дорогим двухвинтовым кораблем в мире.

Телевизионная передача компании Си-эн-эн совпала по времени с восходом в этой части земного шара. Камера, заметил Райан, была установлена на противоположном берегу гавани. Ведущая держала в руке микрофон, а внизу на экране появилась надпись: "Прямая трансляция". Ничего нового в порту Пирл-Харбора, сообщила, ведущая, не произошло.

- Вы видите, что позади меня в сухих доках находятся авианосцы "Энтерпрайз" и "Джон Стеннис". Судьба двух самых дорогих военных кораблей в мире зависит сейчас от усилий целой армии рабочих, которые делают все возможное, чтобы отремонтировать их для выхода в море, на что потребуется не

менее...

- ...нескольких месяцев, - закончил за нее Райан. - Давай, милая, продолжай, продолжай говорить им это...

Скоро в эфир выйдут и другие телевизионные компании с такой же информацией, но советник по национальной безопасности больше всего полагался на репортажи Си-эн-эн. Именно эта компания снабжала мир самыми достоверными и надежными новостями.

"Теннесси" только что миновала выходной буй и начала погружение. Подводную лодку сопровождали два вертолета противолодочной обороны. Недалеко находился эсминец типа "спрюэнс", он заканчивал подготовку и сигнализировал прожектором, чтобы субмарина подошла поближе провести последние испытания по слежению.

Перед самым отплытием на борт "Теннесси" поднялись пять военнослужащих армии США. Им выделили места в соответствии с воинскими званиями. Старший лейтенант разместился на койке, которая при обычных условиях принадлежала бы офицеру-ракетчику. Старший сержант, который по военно-учетному расписанию числился как Е-7 и равнялся по званию главному старшине, получил место в "козлином закутке". Остальные разместились в матросских кубриках. Обучение морскому делу началось с того, что каждый из них получил туфли на резиновом ходу и выслушал лекцию о необходимости соблюдать полную тишину.

- Зачем? Разве это так важно? - спросил старший сержант, глядя на выделенную ему койку в кубрике старшинского состава и думая о том, что гроб по сравнению с нею вовсе не худший вариант - если, разумеется, он сумеет дожить до него.

И тут же донесся звук, похожий на раскат грома.

- Вот почему, - ответил старший электрик. Он сумел удержаться от дрожи, но прибавил: - Я так и не смог привыкнуть к этому.

- Боже мой! Что это?

- Гидролокатор SQS-53 на эсминце. Если ты слышишь его так отчетливо, это означает, что нас засекли. У японцев гидролокаторы не хуже, сардж.

- Не обращай внимания, - произнес старший акустик в гидропосту. Он стоял позади молодого матроса-акустика, глядя на дисплей. Действительно, новое программное обеспечение намного облегчило задачу обнаружения надводных кораблей, несмотря на использование ими системы "прерия-маскер", особенно если ты знаешь, что над головой ясное небо и дождевые капли не обрушиваются на морскую поверхность.

- Но ведь он засек нас, чиф.

- Только потому, что капитан распорядился не мешать ему в этом. Больше мы не будем ни для кого такой легкой добычей.

Верино представляло собой обычный российский аэродром, на котором базировались МиГи, в этом районе таких аэродромов были десятки. Никто точно не знал, чем было вызвано беспокойство русских, разместивших здесь столько истребителей-бомбардировщиков. Отсюда они могли нанести удар по Японии или по Китаю или защищаться от налетов из любой азиатской страны, в зависимости от того, у кого обострялась параноидальная агрессивность в тот или иной

момент или кого считали врагом при постоянно меняющейся политической обстановке, подумал американский пилот. Раньше ему никогда не доводилось подлетать сюда так близко, и даже после изменений, произошедших в отношениях между их странами, он не рассчитывал побывать здесь, разве что приехать с дружеским визитом в европейскую часть России, как это делали время от времени летчики американских ВВС. А теперь всего в тысяче ярдов он ясно видел русский перехватчик Су-27 в направлении на два часа, причем под крыльями истребителя висели настоящие ракеты, а в голове русского пилота наверняка роились соблазнительные мысли: ты только посмотри, какая громадная цель!

Два таких разных самолета встретились час назад, потому что у американцев не было времени подыскать офицера ВВС, говорящего по-русски, а объясняться по-английски на частоте радиопереговоров, отведенной для воздушного транспорта, никто не решался, опасаясь выдать этим себя. Поэтому транспортный самолет послушно следовал за истребителем, подобно тому как овчарка бежит за крохотным терьером.

- Вижу посадочную дорожку, - устало произнес второй пилот. Самолет начал содрогаться от возросшей турбулентности, обычной для малой высоты, что еще больше усилилось, когда выдвинулись закрылки. Посадка шла как обычно, пока перед самым касанием дорожки пилот не заметил в стороне пару самолетов С-17. Значит, его "гэлэкси" не первый американский самолет, прилетевший сюда. Может быть, пилоты этих двух самолетов скажут ему, где находится помещение для отдыха экипажей.

Авиалайнер JAL-747 с полным комплектом пассажиров на борту оторвался от земли и полетел на запад, навстречу дующим в это время года над Тихим океаном ветрам, оставив позади Канаду. Капитан Сато не был уверен, какие чувства надлежит испытывать по поводу происходящего. Как всегда, ему было приятно лететь домой с таким количеством соотечественников, но в то же время его не оставляло ощущение, что они поспешно покидают Америку, и это вызывало тревогу. Сын сумел сообщить ему о сбитых американских Б-1, и Сато пришел к выводу, что если его страна способна вывести из строя два крупнейших американских авианосца, потопить две якобы неуловимые атомные подводные лодки, а затем еще и сбить один или два хваленых стратегических бомбардировщика, то стоит ли опасаться такого противника? Теперь остается только ждать, подумал он. Справа Сато увидел очертания еще одного "Боинга-747", раскрашенного в цвета авиакомпания KLM, летящего из Японии, несомненно полного американских бизнесменов. Вот они уж точно уносят ноги. Разумеется, им нечего бояться, и они руководствуются не чувством страха, а скорее чувством стыда. Сато улыбнулся при этой мысли. Предстоящий перелет будет несложным. Четыре тысячи шестьсот морских миль, время в полете - девять с половиной часов, если не произойдет внезапной смены погоды. Триста шестьдесят шесть пассажиров, находящихся на борту авиалайнера, прилетят домой в заново рожденную страну, которую охраняют его сын и брат. Придет время, и соотечественники, летящие сейчас домой, вернутся в Северную Америку с гордыми лицами, как и надлежит людям, представляющим японскую нацию, сказал себе Сато. Он жалел, что больше не является частью военной машины,

восстановившей национальную гордость, однако ошибка была совершена слишком давно и теперь ее уже не исправить. Тем не менее он внесет свою крохотную долю в обновление истории, управляя самолетом со свойственным ему искусством.

Ямате сообщили об этом рано утром в тот день, когда он собирался вернуться на Сайпан и начать там кампанию по выборам в губернаторы острова. Правительственные департаменты передали эту информацию ему и его коллегам. Теперь все адресованное Гото и министру иностранных дел попадало прямо к Ямате и собравшейся вокруг него группировке. Организовать это оказалось нетрудно. В стране происходили изменения и наступила пора должным образом обращаться с людьми, держащими в руках полноту истинной власти. Постепенно это станет ясно и широким массам, население поймет, кто являются подлинными хозяевами в стране, как это уже поняли - пусть с некоторым опозданием - правительственные чиновники.

Значит, Кога - предатель, подумал промышленник. Впрочем, это не было таким уж неожиданным. Бывший премьер-министр придерживался наивной точки зрения относительно честности правительства и чистоты в управлении государством, считал, что следует обращаться за поддержкой к трудящимся массам. Как типично для него, что он испытывает ностальгию по тому, чего никогда и не существовало. Разве можно сомневаться в том, что политические деятели нуждаются в руководстве и поддержке со стороны таких людей, как он, Ямата. Разумеется, политики должны проявлять должное уважение к своим истинным хозяевам и повиноваться их воле. В конце концов, их задача заключается всего лишь в том, чтобы стремиться к сохранению благосостояния, с таким трудом завоеванного для Японии людьми, подобными Ямате. Если бы страна полагалась только на правительство, где бы сейчас она находилась? Но у таких людей, как Кога, нет ничего, кроме идеалов, ведущих в тупик. Простые люди - что они знают? Что могут? Они знают и могут лишь то, что говорят им те, кто сумели подняться выше их, и признавая свое место в жизни, выполняя порученные им задания, они достигли процветания как для себя, так и для своей страны. Разве это непонятно?

Ведь никто не требует возвращения к средневековым обычаям, когда страной правили аристократы, передававшие власть своим потомкам. Эта система правления оправдывала себя на протяжении двух тысячелетий, но оказалась непригодной для эпохи промышленной революции. Наследственная аристократия вырождалась, становилась вялой и анемичной или высокомерной и жестокой. Нет, такие люди, как он, Райзо Ямата, заслуженно добились высокого места в обществе, власти и денег сначала на службе у других, затем пробиваясь вверх с помощью усердия и интеллекта - да, и везения, конечно, признался он себе. Это они помогли Японии достигнуть теперешнего величия, возродили маленькую островную страну из руин и пепла, превратили ее в могучую промышленную державу. Это они унизили одну из "великих" сверхдержав мира, скоро унижат еще одну и одновременно возвысят свою страну, возведя ее на вершину мирового порядка, достигнут всего, чего не сумели добиться тупоголовые военные вроде генерала Того.

Совершенно очевидно, что для Кого не осталось выбора, кроме как уйти с

дороги или подчиниться подобно Гото. Но Кого оказался слишком упрямым. А теперь он вступил в заговор для того, чтобы лишить свою страну предоставившейся ей исторической возможности достичь подлинного величия. Почему? Да потому, что путь, избранный Яматой для Японии, не соответствовал его глупому эстетическому представлению о плохом и хорошем - или потому, что Кого счел такой путь слишком опасным, не понимая, что достигнуть подлинного величия без риска невозможно.

Ну что ж, я не могу допустить этого, сказал себе Ямата и протянул руку к телефону. Надо поручить дело Канеде, чтобы не предавать его гласности. Пора привыкать к личной власти. Даже Гото может не согласиться со столь решительными мерами.

На заводе корпорации "Нортроп" самолет прозвали "армадилло" по имени приземистого неуклюжего млекопитающего, покрытого толстым панцирем. Несмотря на то что его корпус был настолько гладким, что очертаниями походил на парящую морскую птицу, В-2А на самом деле был совсем не таким, как казался на первый взгляд. Синевато-серые композитные материалы, составляющие его наружную обшивку, представляли собой лишь часть технологии "стеле", использованной при строительстве самолета. Внутренний металлический корпус был угловатым и изломанным вроде глаза насекомого, и отражал лучи радиолокатора таким образом, что они уходили в сторону от приемной антенны. Гладкая наружная поверхность была предназначена для того, чтобы сделать самолет более обтекаемым, улучшить его аэродинамические характеристики и увеличить таким образом дальность полета. Конструкторы добились успеха - их усилия оказались весьма успешными.

В течение ряда лет 509-й полк бомбардировочной авиации ВВС США вел спокойное и незаметное существование на базе Уайтмен в штате Миссури. Он занимался тренировочными полетами и учениями, стараясь не привлекать к себе внимания. Бомбардировщики, первоначально предназначенные для проникновения через советскую противовоздушную оборону и отслеживания подвижных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет с целью их последующего селективного уничтожения - впрочем, летчики полка понимали, что на практике до этого вряд ли дойдет, - обладали тем не менее возможностями для невидимого преодоления почти любой обороны. По крайней мере так считалось до недавнего времени.

- Он большой, мощный, с его помощью обнаружили и сбили наш Б-1, - произнес офицер, обращаясь к начальнику оперативного отдела авиаполка. - В конце концов мы поняли, в чем дело. Это фазовый излучатель. Он способен гибко переходить с одной частоты на другую, а также действовать в режиме наведения ракет на цель. Экипаж того бомбардировщика, который сумел долететь до Шемьи, - он все еще стоял на аэродроме, украшая единственную взлетно-посадочную дорожку острова, и техники ремонтировали его, чтобы самолет смог вернуться на аляскинскую авиабазу, - сообщил нам, что ракета прилетела с одного направления, а вот импульсы радиолокатора принимались с другого.

- Здорово, - заметил полковник Майк Закариас. Ему все мгновенно стало

ясно: японцы сделали еще один шаг в усовершенствовании технологии, разработанной русскими: тогда как построенные в России истребители наводились на цель наземными радиолокационными станциями, Япония опередила их, создав систему, при которой истребители оставались невидимыми, даже при запуске своих ракет. Это затруднит действия и таких бомбардировщиков, как Б-2, полностью созданных на основе технологии "стеле", предназначенной для того, чтобы ускользать от длинноволновых поисковых радиолокаторов и высокочастотных радаров слежения и наведения на цель, находящихся на борту самолетов. Технология "стеле" являлась всего лишь техническим усовершенствованием и не более - ей было далеко до магии. Воздушный радиолокатор такой мощности, способный мгновенно переходить с одной частоты на другую, может получить достаточно сильный отраженный сигнал от бомбардировщика Б-2, и предполагаемая операция станет не просто опасной, а самоубийственной. Каким бы обтекаемым и маневренным ни был Б-2, он оставался бомбардировщиком, а не истребителем и представлял собой огромную цель для любого современного перехватчика.

- Это плохая новость, - сказал Закариас. - А как относительно хорошей?

- Мы продолжаем прощупывать японскую противовоздушную оборону, чтобы более четко выяснить все ее достоинства и недостатки.

- Мой отец любил проделывать это с батареями зенитных ракет. Кончилось тем, что ему пришлось провести несколько лет в северовьетнамской тюрьме.

- Ну что ж, могу сказать, что мы занимаемся также и планом Б, - заметил офицер разведывательного управления.

- Приятно слышать, - сказал Чавез.

- Но ведь ты говорил, что тебе не нравятся шпионские игры, - напомнил Кларк, закрывая крышку ноутбука, после того как стер с дискеты полученные ими указания о предстоящей операции. - Мне казалось, что тебе не терпится вернуться к прежнему делу.

- Я всегда утверждал, что язык когда-нибудь подведет меня, - пробормотал Динг и беспокойно заерзал на садовой скамейке.

- Извините, - послышался чей-то голос. Сотрудники ЦРУ разом повернулись и увидели стоящего рядом полицейского в мундире и с пистолетной кобурой на поясе.

- Здравствуйте, - улыбнулся Джон. - Какое приятное утро, не правда ли?

- Да, - отозвался полицейский. - Скажите, Токио заметно отличается от Америки?

- В это время года ваша столица еще больше отличается от Москвы.

- От Москвы?

Кларк сунул руку в карман и достал паспорт.

- Мы русские журналисты, - пояснил он.

Полицейский перелистнул красную книжку и отдал ее обратно.

- Но ведь в Москве сейчас гораздо холоднее?

- Куда холоднее, - подтвердил Кларк. Полицейский кивнул и пошел прочь, удовлетворив свое любопытство.

- Я не уверен в этом, Иван Сергеевич, - заметил Динг, когда полицейский ушел. - Здесь тоже бывает очень холодно.

- Думаю, ты всегда сможешь подыскать себе другую работу.
- Вот как? Но разве она будет такой интересной? - Они встали и направились к стоящей поблизости машине. Там в отделении для перчаток уже лежала карта.

Персонал русской базы ВВС в Верино отличался любопытством, а с прибытием американцев это любопытство особенно возросло. Сейчас на русской базе находилось больше сотни американских военнослужащих, размещенных в лучших помещениях местных казарм. Все три вертолета и два колесных трейлера закатили в ангар, построенный для истребителей МиГ-25. Транспортные самолеты оказались для этого слишком большими, но их тоже постарались спрятать от любопытных глаз, насколько позволяли размеры, так что наружу торчало только хвостовое оперение, и потому их вполне можно было принять за русские ИЛ-86, иногда прилетавшие сюда. Русский наземный персонал установил охранный периметр вокруг американских самолетов, лишив тем самым русских летчиков, к их великому разочарованию, всякой возможности поближе познакомиться с американской техникой.

Стоявшие в крайнем восточном ангаре два трейлера соединял толстый черный коаксиальный кабель. Еще один кабель выходил наружу и был подсоединен к портативной спутниковой антенне, у которой тоже несли охрану.

- О'кей, поворачиваем ее, - сказал американский сержант. За действиями американцев наблюдал русский офицер - протокол требовал, чтобы кто-то из состава принимающей стороны постоянно находился здесь; офицер, несомненно, был из разведки - и он увидел, как фигура на экране компьютера, очертаниями похожая на птичью клетку, начала вращаться. Далее изображение поднялось вверх по вертикальной оси. - Все, он понял нас, - заметил сержант, закрывая окно на компьютерном экране и нажимая кнопку "ЗАГРУЗКА" для передачи информации на все три неподвижных вертолета.

- Что вы только что сделали? Можно спросить? - поинтересовался русский офицер.

- Сэр, мы научили компьютеры, что именно им следует искать. - Ответ оставил русского в полном недоумении, хотя он целиком соответствовал правде.

Понять то, что происходило во втором трейлере, было легче. Высококачественные фотографии нескольких высотных зданий были осмотрены и переведены в цифровую форму, их местонахождение запрограммировано с допусками всего в несколько метров, затем фотографии сравнили с другими, сделанными с большой высоты и под углом - это означало, что съемка велась камерами, находившимися на космическом спутнике. Русский офицер наклонился вперед, чтобы лучше разобраться в изображении. Это обеспокоило старшего американского офицера, который, однако, ничем этого не проявил, - он получил указание не предпринимать никаких действий, которые могли бы оскорбить русских.

- Походит на многоквартирный жилой дом? - с искренним любопытством спросил русский.

- Совершенно верно, - ответил американский офицер, по спине которого катились капельки холодного пота - при всем оказанном им здесь радушном гостеприимстве. Независимо от полученных им приказов он совершал сейчас

государственное преступление, разрешая наблюдать за происходящим человеку без соответствующего допуска, да еще иностранцу.

- Кто в этом здании живет?

- Не знаю. - Ну почему бы этому любопытному парню не отойти в сторону?

- подумал американец.

К вечеру проснулись и встали остальные американцы. С взлохмаченными волосами, ничуть не похожие на военнослужащих, они совершали пробежку по периметру главной взлетно-посадочной дорожки. К ним присоединилось несколько русских, и началось соревнование, причем обе группы бежали рядом. Сначала соперничество казалось дружеским, однако вскоре оно переросло в нечто совсем иное. Через несколько минут стало ясно, что американцы принадлежат к отборным частям и не привыкли кому-либо уступать, даже русским, не нуждающимся в акклиматизации и знакомым с местными условиями. Это спецназ, скоро забормотали русские, задышавшись от усилий, но, поскольку это была отдаленная база со строгим командиром, они находились в достаточно хорошей форме и даже после десяти километров сумели удержаться наравне с американцами. После пробежки обе группы смешались и стало ясно, что языковой барьер препятствует общению, хотя испытываемое гостями внутреннее напряжение было понятно русским и без слов.

- Как причудливо выглядят эти птички, - заметил Чавез.

- Нам повезло, что они выбрали именно это место. - Снова проблема безопасности, подумал Джон, подобно тому как истребители и бомбардировщики в Пирл-Харборе скопились в одном месте, чтобы их легче было защитить от саботажа или какой-нибудь иной глупости, которой опасались из-за непроверенных разведданных. С другой стороны, когда самолеты размещены в одном месте, это создает удобство для их технического обслуживания. Однако первоначально здесь не планировалось размещать базу, и построенные ангары оказались слишком маленькими. В результате шесть самолетов раннего радиолокационного обнаружения E-767 стояли на открытой площадке в двух милях от них и были легко различимы из-за своих необычных очертаний. Существенным было и то, что страна сама по себе была слишком маленькой и тесной, чтобы разместить авиабазу в каком-то уединенном месте. Те же факторы, что влияли на размещение аэродромов в равнинной местности, влияли и на размещение городов, но города росли быстрее. Со всех сторон авиабазу окружали промышленные постройки и шоссейные дороги. Теперь оставалось найти деревья и по ним выяснить направление ветра. Ага, ветер дует с северо-запада. Следовательно, самолеты, заходя на посадку, будут приближаться к аэродрому с юго-востока. Нужно только выбрать удобное место.

Теперь было задействовано все. Спутники электронной разведки, летающие на низких орбитах, также прислушивались к излучаемым сигналам, определяя положение патрульных самолетов дальнего радиолокационного наблюдения. Они действовали не так успешно, как самолеты электронной разведки, но зато без всякого риска. Следующим этапом станет привлечение к такой работе подводных лодок, но, согласно полученной информации, на это потребуется время. В

распоряжении флота имелось не так много субмарин, и к тому же почти все они заняты решением других задач. Это не явилось слишком большим откровением. Электронная подготовка к боевым действиям приносила свои плоды, и хотя не все, что удалось обнаружить, радовало американскую сторону, собранная информация по крайней мере позволила приступить к созданию оперативного плана. Были точно установлены маршруты, по которым летали три E-767, осуществляя радиолокационное наблюдение за приближающимися самолетами. По-видимому, эти Маршруты соблюдались изо дня в день.

Небольшие отклонения объяснялись местными ветрами, поскольку требовалось поддерживать надежную связь с наземными станциями, передавая на землю полученную информацию. Это тоже было хорошей новостью.

Относительно недорогой отель стоил все-таки дороже, чем они могли себе позволить, однако он был расположен прямо под трассой захода на посадку к левой взлетно-посадочной полосе три-два соседней авиабазы. Может быть, местные жители привыкли к реву авиационных двигателей и перестали его замечать, подумал Чавез, вспомнив непрекращающийся шум, доносившийся с улицы через окно их номера в токийской гостинице. Тише всего в комнатах, окна которых выходят на противоположную сторону отеля, сказал портье, однако он мог предложить им только угловой номер. Самый сильный шум ощущался в передней части отеля, потому что взлетно-посадочная полоса заканчивалась всего в полукилометре от входа, но особенно здание сотрясало при взлете самолетов. Спать во время посадки было куда спокойнее.

- Знаешь, я не уверен, что это жилище мне нравится, - заметил Динг, когда они поднялись в свой номер.

- А кто сказал, что такие жилища должны нам нравиться? - Джон передвинул кресло к окну и приступил к наблюдению, приняв на себя первую смену.

- Это слишком походит на убийство, Джон.

- Да, пожалуй. - Действительно, Динг прав, но кто-то из сильных мира сего придерживается иной точки зрения, а это самое главное.

- У нас нет иного выбора? - спросил президент Дарлинг.

- Нет, сэр. - Райан впервые совершал такой шаг. Он сумел в прошлом предотвратить войну. Ему удалось положить конец "черной" операции, способной принести стране огромный политический вред. А вот теперь он собирался дать команду о проведении такой же операции - правда, не по своей инициативе, напомнил себе Райан. Кто-то другой начал эту войну, и все-таки он не испытывал удовлетворения от того, что ему предстояло сделать. - Они не хотят отступать.

- Мы не сумели предотвратить кризис, - негромко произнес Дарлинг, понимая, что говорить об этом сейчас слишком поздно.

- Скорее всего, это моя вина, - ответил Райан, чувствуя, что должен принять ответственность на себя. В конце концов, национальная безопасность относится к сфере его обязанностей. Из-за того что он допустил промах, погибли люди, и они же погибли теперь из-за того, что он старается исправить положение. Несмотря на то что из Овального кабинета исходила

колоссальная власть, выбора у его владельца не осталось.

- А сумеем ли мы добиться своей цели?

- Вот это, сэр, мы узнаем только после окончания операции.

Все оказалось проще, чем можно было ожидать. Три неуклюжих двухмоторных самолета вырулили один за другим к дальнему концу взлетной полосы, развернулись навстречу северо-западному ветру, на мгновение замерли, включили реактивные двигатели на полную мощность, тут же убрали газ, в последний раз проверяя, не вырывается ли из выхлопных дюз пламя, и, когда убедились в исправности двигателей, снова включив полную мощность, сняли тормоза и помчались вперед, набирая скорость для взлета. Кларк проверил часы и развернул перед собой карту шоссейных дорог на острове Хонсю.

Чтобы осуществить это, потребовался всего лишь один телефонный звонок. Коммерческая авиационная группа корпорации "Боинг" выпустила "Чрезвычайную директиву о пригодности к эксплуатации в воздухе", касающуюся системы автоматической посадки на всех коммерческих авиалайнерах типа "767". Там говорилось, что неисправность, причина которой пока не установлена, повлияла на поведение авиалайнера компании TWA при заходе на посадку в аэропорту Сент-Луиса и потому до выявления причины неисправности всем владельцам настоятельно советовалось не пользоваться этой системой. Предупреждение было разослано по электронной почте, телексу и заказной почтой всем владельцам "боингов" типа "767".

39. Ход конем

Не было ничего особенно удивительного в том, что американцы закрыли японские консульства в Гонолулу, Сан-Франциско, Нью-Йорке и Сиэтле. Во всех четырех консульствах одновременно появились агенты ФБР, которые объяснили, что принято решение об их закрытии, вступающее в силу немедленно, и попросили освободить помещения. После не слишком решительных протестов, которые были выслушаны вежливо, но с подчеркнутым равнодушием, дипломаты заперли консульства и под охраной местной полиции - главным образом для того, чтобы защитить их от собравшихся разношерстных демонстрантов, - направились к автобусам, которые доставили японцев в ближайший аэропорт. Там их усадили на первый же самолет, вылетающий в Ванкувер - главный город канадской провинции Британская Колумбия. Когда на Гавайях дипломатов из закрытого консульства везли по Гонолулу, автобусный маршрут проходил мимо военно-морской базы Пирл-Харбор. Японцы смогли в последний раз увидеть в сухих доках два авианосца и даже сфотографировать их. Сотруднику консульства, сделавшему снимки, и в голову не пришло поинтересоваться, почему агенты ФБР, сидевшие в том же автобусе, не помешали ему фотографировать военно-морскую базу. В конце концов, американские средства массовой информации печатали в газетах и показывали по телевидению все, ничего не скрывая, так что японский дипломат вел съемку совершенно открыто. Далее японцы убедились, что операция по высылке была тщательно продумана. Их чемоданы подвергли просвечиванию в поисках оружия и взрывчатых веществ - ни

того ни другого не было, разумеется, обнаружено, - но не открывали, поскольку это был все же багаж дипломатов, охраняемый международными правилами дипломатической неприкосновенности. Америка подготовила для них чартерный рейс на самолете "Боинг-737" авиакомпании "Юнайтед", который поднялся в воздух и снова пролетел прямо над военно-морской базой, что позволило дипломату сделать через иллюминатор с высоты пять тысяч футов еще несколько снимков. Он мысленно поздравил себя с тем, что не уложил камеру в чемодан, а держал наготове. Затем он заснул и проспал почти все пять часов, пока летели в Ванкувер.

- Первый и четвертый винты в полной готовности, как новенькие, шкипер, - заверил командира авианосца "Джонни Реб" старший механик. - Мы сможем развить тридцать узлов, даже тридцать два, как только вы прикажете.

Второй и третий гребные валы внутри корабля законсервировали, места, где они выходили наружу под ахтерштевнем, заварили, отказавшись вместе с тем примерно от пятнадцати дополнительных узлов, которые "Джон Стеннис" мог бы с ними развить. Однако в результате того, что с этих двух валов сняли винты, уменьшилось сопротивление воды, и потому авианосец все-таки сохранил способность развивать приличный ход, достаточный для летных операций. Самой сложной проблемой оказалась балансировка силовой установки четвертого гребного вала, которую требовалось провести с точностью, превышающей точность балансировки колес гоночного автомобиля, иначе при максимальных оборотах установка могла разрушиться и выйти из строя. Успеха удалось добиться с помощью той же процедуры - винт поворачивали, проверяя каждый подшипник на всем протяжении длинного гребного вала. Теперь ремонтные работы закончились, и сегодня вечером можно было заполнить док водой. Командир авианосца устало поднялся по бетонным ступенькам к вершине гигантского каньона, созданного руками человека, и оттуда перешел на нос корабля. Потом он продолжил подъем по корабельным трапам - подняться на такую высоту - настоящий подвиг - к своей каюте позади мостика и позвонил оттуда.

Время, которого они ждали, приближалось. Кларк посмотрел из окна комнаты на юго-восток. Холодный воздух был прозрачен и сух. Вдали по небу плыли прозрачные облака, все еще освещенные солнцем, тогда как на земле уже наступили сумерки.

- Ты готов? - спросил он.

- Жду твоей команды. - На полу номера лежал открытый металлический чемодан, в котором Динг хранил свои фотопринадлежности.

Несколько недель назад его проверила японская таможня и не обнаружила ничего, что не принадлежало бы профессиональному фотографу, разве что чемодан оказался несколько легче, чем у других. Внутреннее пространство было наполнено пенопластом с вырезанными в нем гнездами для трех камер, нескольких объективов и осветительных приборов, казавшихся на первый взгляд самыми обычными, хотя они таковыми не были. Единственное оружие, привезенное американцами в Токио, вовсе не походило на оружие. Оно изрядно помогло им и раньше, при операции в Восточной Африке. Чавез поднял одну из его деталей, проверил указатель электрического заряда на аккумуляторной батарее и решил,

что подзарядки от сети не потребуется. Он щелкнул переключателем и услышал тонкое электронное жужжание заряжающихся конденсаторов.

- Вот он, - негромко произнес Джон, заметив огни приближающегося самолета. Он не испытывал удовольствия от предстоящей работы, как и его напарник. Но разве это требовалось от них?

Приближающийся к аэродрому E-767 включил посадочные огни уже на высоте десять тысяч футов и теперь выпустил шасси. Вспыхнул яркий луч посадочного прожектора. С расстояния в пять миль и на высоте двух тысяч футов над промышленным районом пилот увидел огни аэродрома и заставил себя сосредоточиться, что было необходимо после продолжительного и однообразного патрульного полета.

- Закрылки двадцать пять, - скомандовал он.

- Закрылки двадцать пять, - отрепетовал второй пилот, протягивая руку к рычагу, выдвигающему закрывки на задней несущей поверхности крыльев и предкрылки впереди, что придавало самолету дополнительную устойчивость и подъемную силу при снижающейся скорости.

- Ками-три, зашел на посадку, вижу дорожку, - произнес пилот, на этот раз обращаясь по радио к диспетчеру, который до этого момента без особой необходимости наводил его на аэродром.

Тут же последовало разрешение на посадку, и пилот чуть плотнее сжал штурвал, ощущая малейшие движения самолета, принаравливаясь к ветру, дующему на малой высоте, и осматривая пространство перед собой на случай неожиданного появления других самолетов в этом запрещенном для остальных полетов секторе. Он знал, что большинство авиакатастроф происходит при посадке и поэтому экипажу следует быть особенно внимательным в эти минуты.

- Вижу его, - раздался бесстрастный голос Чавеза, усилием воли заставив смолкнуть в себе голос совести. Его страна находилась в состоянии войны. Экипаж самолета состоял из военнослужащих и потому являлся законной добычей, вот и все. Это казалось слишком уж просто, чертовски просто, хотя, вспомнил Чавез, когда он убил первого человека - в прошлом, - это тоже показалось ему простым делом, но все-таки было убийством. Со стыдом он припомнил, что тогда испытал безудержную радость.

- Сейчас мне больше всего нужна горячая ванна и массаж, - заметил второй пилот, на мгновение задумавшись о личном, хотя не отрывал взгляда от панорамы, простиравшейся перед самолетом на две мили впереди. - Справа все спокойно. Посадочная дорожка свободна.

Пилот кивнул, протянул правую руку к управлению сектором газа, потянул рукоятку на себя, так что сопротивление воздуха уменьшило скорость самолета до посадочной, составляющей 145 узлов, что было несколько выше обычного из-за оставшегося в баках топлива. Самолеты дальнего радиолокационного обнаружения "Ками" всегда несли с собой чуть больше топлива, чем требовалось.

- Два километра, все идет хорошо, - произнес второй пилот.

- Пора, - прошептал Чавез. Длинная труба опиралась на его плечо, нацеленная, подобно винтовке или, скорее, противотанковому пусковому устройству, на носовую часть приближающегося самолета. Указательным пальцем он нажал на кнопку.

"Магия", которой они пользовались в Африке, по своей конструкции практически не отличалась от мощного электрического фонарика, но у этого "фонарика" была ксеноновая дуговая лампа, мощность светового излучения которой составляла три миллиона свечей. Самой дорогой частью устройства был рефлектор из стального сплава, который при изготовлении подвергался такой высокой точности обработки, что на расстоянии одной мили концентрировал луч в круговое пятно диаметром меньше сорока футов. При таком освещении можно было свободно читать газету, но стоило взглянуть прямо на ослепляющий источник света, как возникала опасность утраты зрения. Это устройство проектировалось как "несмертельное" оружие, поэтому ксеноновая дуговая лампа была защищена прозрачным экраном, не пропускающим ультрафиолетовые лучи, способные сжечь сетчатку глаза. Когда Динг нажал на кнопку, у него в голове мелькнула именно такая мысль. Несмертельное оружие. Разумеется.

Интенсивная бело-голубая вспышка обожгла глаза пилота. Ему показалось, что он посмотрел прямо на солнце, только боль была еще сильнее. Она заставила пилота инстинктивно оторвать руки от штурвала и закрыть ими лицо. По системе внутренней связи разнесся его страшный крик. Второй пилот смотрел в сторону от вспышки, но свет притягивает к себе человеческий глаз, особенно в темноте, летчик инстинктивно повернул голову в сторону ослепительного света, прежде чем разум успел отреагировать и заставить его закрыть глаза. Оба пилота были ослеплены и испытывали острую боль - и это в тот момент, когда их самолет находился на высоте восьмисот футов и в миле от начала посадочной полосы. Они были высокими профессионалами с прекрасной подготовкой. Не открывая от боли глаз, пилот протянул руки к штурвалу и попытался выровнять самолет. Второй пилот сделал то же самое, однако их движения не были достаточно согласованными, и какие-то мгновения они практически своими действиями боролись друг с другом. Кроме того, оба мгновенно полностью утратили пространственную ориентацию, что вызвало у них головокружение, однако ощущения пилотов и тут оказались разными. Одному казалось, что самолет заваливается на одно крыло, тогда как другой пытался выровнять самолет из противоположного положения. На высоте восьмисот футов в такой ситуации нет времени решать, кто прав. Борьба за управление самолетом неизбежно привела к тому, что верх одержал более сильный, и это обрекло всех на гибель. E-767 развернулся вправо на девяносто градусов и, быстро снижаясь, устремился к пустому промышленному корпусу. Диспетчеры отчаянно кричали в микрофоны, но летчики даже не слышали их предупреждений. Последним движением пилота была попытка поднять самолет в небо и заново зайти на посадку. Он потянул на себя штурвал за мгновение до того, как инстинкт подсказал ему, что все кончено. Пилот успел подумать, что над его страной снова взорвалась атомная бомба.

- Боже милосердный, - прошептал Чавез. Прошла всего секунда, даже

меньше. Самолет, как от взрыва, на мгновения взмыл вверх в темнеющее небо, а затем резко, подобно умирающей птице, повернул на север. Динг заставил себя отвернуться. Ему не хотелось видеть или знать, куда он упал. Впрочем, это не имело значения. Гигантский огненный шар осветил все вокруг, как при вспышке молнии. Чавез ощутил вспышку, словно удар в живот, и тут же содрогнулся от приступа рвоты.

Пилоты "Ками-5" увидели происшедшее за десять миль до посадки - ужасная желтая вспышка на земле, недалеко от аэродрома. Ее причиной могло быть лишь одно. Летчики - дисциплинированный народ. Пилоты следующего E-767, заходящего на посадку, тоже ощутили внезапную пустоту и почувствовали, как судорожно напряглись мышцы. И тут же мысль о сослуживцах, только что исчезнувших в огненной вспышке, заставила подумать о семьях погибших, к кому завтра придут нежеланные гости с известием о смерти самых близких людей, о том, что они больше никогда не увидят их лиц и не услышат их голосов. Пилоты заставили себя не прислушиваться к радиопереговорам, словно это могло иметь какое-то значение. Инстинктивно они огляделись, будто искали что-то необычное. Нет, все в порядке. Двигатели работали нормально. Электроника тоже. Гидравлика была в норме. Что бы ни случилось с летевшим впереди самолетом, это не могло произойти с ними.

- Контроль, говорит пятый, что случилось, прием.

- Пятый, это контроль. Третий только что разбился. Не знаем, в чем дело. Дорожка свободна.

- Говорит пятый, вас поняли. Продолжаем снижение, видим дорожку. - Пилот убрал палец с кнопки радиопередатчика, чтобы не сказать что-то еще. Он посмотрел на второго пилота. "Ками-3". Близкие друзья. Погибли. Смерть от руки врага было бы легче осознать, чем позор катастрофы при заходе на посадку, какой бы ни была причина. Но теперь они снова повернули головы в сторону приближающейся посадочной полосы. Им нужно завершить операцию, несмотря на потрясение, и благополучно доставить на землю двадцать пять членов экипажа, что сидели в салоне позади кабины.

- Хочешь, я сменю тебя? - спросил Джон.

- Нет, это моя работа. - Динг снова проверил зарядку конденсаторов и вытер лицо. Он сжал кулаки, чтобы побороть легкую дрожь, от которой одновременно испытывал стыд и облегчение. Значит, он способен на человеческие чувства. Приближающиеся посадочные огни означали, что перед ним еще одна цель, он служит своей стране, как и те, что сидят внутри самолета, служат своей, вот и все. Конечно, было бы лучше сделать это с помощью настоящего оружия. Может быть, парни, которые предпочитали мечи, думали то же самое, когда наступила пора мушкетов. Чавез потрянул головой, отгоняя ненужные мысли, и, чуть отступив назад, навел прицел через открытое окно на кокпит снижающегося самолета. Передняя часть излучателя была закрыта кожухом, чтобы с улицы не видели вспышки, но он не хотел излишне рисковать...

...Еще немного... ..Пора...

Чавез снова нажал на кнопку, и снова алюминиевая обшивка вокруг кабины пилотов на секунду засияла ослепительным светом. Откуда-то слева доносился

рев сирен - видно, пожарные машины устремились к месту гибели первого самолета. А ведь дома пожарные сирены воют иначе, почему-то подумал он. Сначала Е-767 продолжил полет, и Динг подумал даже, правильно ли все сделал на этот раз. Однако спустя мгновения луч прожектора на носу резко нырнул вниз, на этот раз самолет не свернул в сторону, а просто устремился прямо к земле. Вдруг он упадет на них, на отель? - мелькнула неожиданно мысль. Бежать уже слишком поздно, может, это Бог хочет наказать его за то, что он убил пятьдесят человек. Динг начал разбирать установку, находя успокоение в механически отработанных движениях.

Кларк тоже увидел самолет, падающий на отель, и тоже понял, что нет смысла искать спасения. Сейчас пилот попытается набрать высоту... может быть, ему удастся.... Нос "боинга" поднялся кверху, и самолет с ревом пронесся футах в тридцати над крышей здания. Джон сделал шаг к боковому окну и заметил, как совсем рядом мелькнул конец крыла. Самолет начал взлетать - или попытался сделать это, - намереваясь, очевидно, набрать высоту, сделать круг и снова зайти на посадку, но у двигателей не хватило тяги, самолет накренился на левое крыло и рухнул вниз. К небу поднялся еще один огненный шар. Ни Кларк ни Чавез не испытывали благодарности Богу за спасение от смерти, которую они, вполне возможно, заслужили.

- Упаковывай прожектор и бери фотоаппарат, - скомандовал Кларк.

- Зачем?

- Ты что, забыл? Мы репортеры! - произнес Джон, на этот раз по-русски.

У Динга дрожали руки, когда он заканчивал разборку прожектора, но Кларк не стал помогать ему. Каждому из них было необходимо время, чтобы совладать со своими чувствами. В конце концов, они убили не преступников, заслуживающих смерти. От их рук погибли люди, похожие на них самих, приговоренные к смерти клятвами, данными ими тем, кто не заслуживали такой преданности. Наконец Чавез достал камеру "Никон", присоединил к ней стомиллиметровый телеобъектив и последовал за своим боссом. Маленький вестибюль отеля был уже переполнен людьми, почти одними японцами. "Клерк" и "Чеков" растолкали толпу, бегом пересекли шоссе, подбежали к забору, ограждающему территорию авиабазы, и там Динг начал фотографировать. Вокруг царил такая паника, что прошло минут десять, прежде чем их заметил полицейский.

- Чем вы занимаетесь? - Это был не вопрос, а скорее обвинение.

- Мы репортеры, - ответил "Клерк" и показал удостоверение журналиста.

- Немедленно прекратите! - приказал полицейский.

- Разве мы нарушили закон? Мы живем в отеле на другой стороне шоссе и увидели, как это случилось. - "Иван Сергеевич" посмотрел на полицейского и наморщил лоб. - А-а! На вас напали американцы? Вы хотите, чтобы мы отдали вам нашу пленку?

- Да! - с внезапным облегчением воскликнул полицейский.

Он протянул руку, довольный тем, что иностранцы проявили такую сговорчивость.

- Евгений! Немедленно отдай офицеру пленку из камеры. "Чеков" перемотал пленку, достал кассету и вручил ее полицейскому.

- Возвращайтесь в отель. В случае необходимости мы вызовем вас.

Вызовете, не сомневаюсь, мысленно ответил Кларк.

- Мы в номере четыреста шестнадцать, - сказал он вслух. - Это ужасно.

Кто-нибудь уцелел?

- Не знаю. А теперь уходите! - скомандовал полицейский.

- Упокой, Господи, их души, - произнес Чавез по-английски с искренним чувством.

Через два часа над Японией пролетел разведывательный спутник КН-11. Его камеры, работающие в инфракрасном диапазоне, увидели весь Токио и прилегающие районы. Специалисты Национального управления фоторазведки сразу заметили два очага пожара и разбросанные вокруг части разбившихся самолетов. Пара E-767 повержена в прах, с немалым удовлетворением заключили они. Это были в основном служащие ВВС, и, находясь далеко от сцены человеческих страданий и крови, они видели всего лишь две сбитые цели. Изображения передавались в реальном масштабе времени нескольким адресатам. В Национальном центре управления боевыми действиями Пентагона, J-3, пришли к выводу, что первый этап операции "Зорро" прошел в соответствии с планом. Там предпочли бы сказать, что операция началась так, как они надеялись, но всякое упоминание о надежде могло нарушить везение. Ну что ж, подумали военные, оказывается, и ЦРУ может приносить хоть какую-то пользу.

В Пирл-Харборе царила ночь. Чтобы наполнить сухой док водой, потребовалось десять часов. Пришлось поторопиться и нарушить кое-какие правила безопасности, но война диктует свои законы. Открылись ворота, и с помощью двух мощных портовых буксиров "Джон Стеннис" выплыл из дока, оставив в одиночестве "Энтерпрайз". Лоцман нервничал и все-таки сумел вывести авианосец из гавани в рекордно короткое время. Лоцмана перебросили обратно на берег на вертолете, и еще до полуночи "Джонни Реб" оказался в открытом море и, минуя линии торгового судоходства, направился на запад.

Группа по расследованию причин авиакатастроф прибыла из Токио к месту гибели самолетов почти сразу. Она была смешанной, состояла из военных и гражданских лиц, причем последние оказались лучше подготовленными для этого расследования, поскольку "Ками" представляли собой по сути дела гражданские авиалайнеры, модифицированные для военных целей. "Черный ящик" - устройство, регистрирующее показания всех приборов на борту самолета и голоса летчиков, которое на самом деле было окрашено светящейся оранжевой краской, - с "Ками-5" был обнаружен по чистой случайности уже через несколько минут, тогда как поиски "черного ящика" с "Ками-3" потребовали длительного времени. Оба "ящика" тут же отправили в Токио для анализа в лабораторных условиях. А вот перед военными встала более сложная проблема. Разбились два из десяти драгоценных E-767, находившихся в их распоряжении, и еще один стоял в ангаре, где проходил текущий ремонт, во время которого на нем должны были установить новое радиолокационное оборудование. Таким образом, в строю осталось семь самолетов раннего радиолокационного обнаружения, и постоянно держать три "Ками" в воздухе стало невозможно. Это объяснялось простой арифметикой. Каждый самолет нуждался в техническом обслуживании, а его экипаж - в отдыхе. Даже при девяти самолетах, находившихся в строю, все

время держать три из них в воздухе, три в готовности к вылету и еще три в резерве было губительно для техники и летного состава. Кроме того, нельзя упускать из виду проблему безопасности. Один из членов группы по расследованию причин авиакатастроф ознакомился с инструкцией по эксплуатации самолетов типа "767" и пришел к выводу, что она применима и к самолетам, переоборудованным в Японии для дальнего радиолокационного обнаружения. Тут же было принято решение об отключении систем автоматической посадки, и первым вполне естественным выводом, к которому пришла комиссия, было мнение, что экипажи самолетов, по-видимому, утомленные продолжительным патрулированием, при посадке воспользовались этой системой. Старший из военных офицеров, принимавших участие в расследовании, склонялся согласиться с этим выводом, правда, он знал, что редко кто из пилотов любит подобные системы, а военные летчики уж тем более отказываются передавать управление своим самолетом какому-то прибору на основе микрочипов и доверять ему свои жизни. И тем не менее внутри корпуса третьего "Ками" было обнаружено тело пилота, сжимавшего руками штурвал. Комиссия не пришла к определенному заключению, хотя все указывало именно на ошибку в системе компьютерного обеспечения. Глупая и возмутительная причина, приведшая к потере двух незаменимых самолетов, несмотря на то что подобные прецеденты уже были в пору общего увлечения компьютерами. А пока возникла ситуация, при которой можно было вести постоянное воздушное патрулирование только двумя самолетами, в то время как третий будет находиться на земле в постоянной готовности к немедленному взлету.

Спутники электронной разведки, пролетающие над Японией, отметили, что патрулирование трех самолетов раннего радиолокационного обнаружения продолжается. Обслуживающий персонал разведслужбы ВВС и Агентства национальной безопасности начал проявлять беспокойство: а вдруг ВВС Японии пренебрегут правилами эксплуатации воздушных судов? Однако, проверив время, в Америке поняли, что ситуация прояснится через шесть часов. А пока разведывательные спутники продолжали полет, регистрируя электронные излучения.

Джексона сейчас интересовала другая информация, полученная со спутников. Предполагалось, что на Сайпане базируется сорок восемь истребителей, а еще шестьдесят четыре находятся на Гуаме, на бывшей базе ВВС США Андерсен, где две широкие взлетно-посадочные полосы и огромные подземные хранилища для горючего легко могут принять такое количество самолетов. Эти два острова находились на расстоянии ста двадцати миль друг от друга. Кроме того, нужно было принять во внимание и аэродромы рассредоточения, построенные командованием стратегической авиации на островах в разгар холодной войны! На закрытом северо-западном аэродроме Гуама имелись две параллельные взлетно-посадочные дорожки, по-прежнему пригодные для использования, а в центре острова располагался международный аэропорт Аганья. Кроме того, на острове Рота находился гражданский аэродром, еще одна заброшенная авиабаза на острове Тиниан и на Сайпане вдобавок к действующему аэропорту - авиабаза Коблер. Как ни странно, японцы не обратили внимания на

все эти аэродромы, за исключением авиабазы Коблер. Более того, судя по информации, полученной со спутников, на острове Тиниан вообще не высаживались японские войска - по крайней мере на космических фотографиях не было видно тяжелых военных машин. Наверно, там все-таки есть части с легким стрелковым вооружением, подумал Джексон, их поддерживают вертолеты с Сайпана - эти два острова разделял узкий пролив.

Больше всего адмирала Джексона беспокоили сто двенадцать японских истребителей. Их наверняка поддерживают самолеты дальнего радиолокационного обнаружения E-2, а также вертолеты, повсюду следующие за армией. Значит, истребители F-15 и F-3 защищены противовоздушной обороной, состоящей из батарей ракет "земля - воздух" и зенитных артиллерийских установок. Одному авианосцу будет нелегко справиться со всем этим, даже принимая во внимание предложение Бада Санчеса изменить состав самолетов палубной авиации, что заметно увеличивало их ударную силу. Но ключ к решению этой проблемы заключался, однако, не в том, чтобы наносить удары по физической мощи противника. Нет, нужно подавить его сознание, что являлось постоянным сопутствующим фактором войны, который люди на протяжении столетий поочередно познают, а потом вдруг забывают. Он надеялся, что выбрал правильную линию поведения. Но даже в этом случае предстояло сначала сделать кое-что еще.

Полиция так и не пришла, что несколько удивило Кларка, может быть, снимки показались им полезными... впрочем, вряд ли. Как бы то ни было, американцы не остались в отеле достаточно долго, чтобы выяснить причину такого безразличия. Они сели в свой арендованный автомобиль и последний раз посмотрели на обуглившееся пятно перед началом посадочной полосы как раз в тот момент, когда первый из трех самолетов раннего радиолокационного обнаружения благополучно - ко всеобщему облегчению - приземлился на авиабазе. А спустя час взлетели уже не три, а только два E-767. Это указывало на то, надеялся Кларк, что их кровавая операция принесла свои плоды. Успешные результаты были уже подтверждены средствами космической разведки, и это открыло зеленый свет для начала следующей операции, о которой ни один из сотрудников ЦРУ, находившихся в Японии, не имел представления.

Самое трудное все еще заключалось в том, чтобы поверить в происходящее. Издающаяся на английском языке газета, которую они купили перед завтраком в вестибюле отеля, напечатала на первой странице новости, почти не отличные от тех, что они узнали в первый день по приезде в Японию. Две статьи касались положения на Марианских островах и еще две - переговоров в Вашингтоне, однако остальной материал был посвящен экономическим новостям, а в передовой говорилось о необходимости восстановления нормальных отношений с Америкой, даже если придется пойти на определенные уступки в вопросах торговли. Не исключено, что создававшаяся ситуация казалась слишком невероятной, и мало кто понимал серьезность положения, хотя в значительной степени это объяснялось строгостями цензуры. Так, нигде все еще не упоминалось о ядерном оружии, утаенном Японией. Судя по всему, кто-то вел очень хитрую или, может быть, очень глупую игру. Не исключено, что налицо элементы и того и другого, в зависимости от оборота событий. Джон и Динг пришли к заключению, что все это

по меньшей мере непонятно и бессмысленно и тем более малоутешительно для семей тех, кто уже погибли в этом конфликте как с американской, Так и с японской стороны. Даже в ходе удивительно эмоциональной войны за Фолклендские острова обе стороны выплескивали массу пламенной риторики, а сейчас создавалось впечатление, будто принято решение следовать мысли Клаузевица<Карл фон Клаузевиц (1780 - 1831) - прусский генерал, военный теоретик, которому принадлежит известное изречение, Что война - это "продолжение политики другими средствами"> с той лишь разницей, что война является продолжением экономики, а не политики, и бизнес, хотя и сопровождается ожесточенной конкуренцией, все-таки выглядит намного цивилизованнее, чем действия, ведущиеся на политической арене. Но факт безумия бросался в глаза. Дороги были переполнены людьми, занятыми своими повседневными делами, и, хотя кое-кто с удивлением поглядывал на обгоревшие остатки самолетов за оградой авиабазы, рядовые японцы перед лицом мира, который переворачивался вверх дном, старались держаться своей ежедневной рутины, переложив непонятные им заботы о судьбе страны на тех, /кто, в свою очередь, удивлялись, почему никто не замечает трагического поворота событий.

Вот я, думал Кларк, иностранный разведчик с документами и легендой журналиста из третьей страны, занимаюсь тем, что категорически запрещено Женевским протоколом, касающимся ведения военных действий, что уже само по себе отвергается цивилизованным миром. Меньше двенадцати часов назад он участвовал в убийстве пятидесяти человек, а теперь сидит за рулем арендованного автомобиля и возвращается в столицу враждебного государства, больше всего беспокоясь о том, чтобы ехать по левой стороне дороги, избегая столкновений с остальными машинами, водители которых считали, что, если перед каким-то автомобилем возникает свободное пространство больше десяти футов, это значит, что его владелец задремал за рулем и в это пространство следует немедленно влезать.

Все это изменилось за три квартала до отеля, когда Кларк заметил автомобиль с опущенным на пассажирской стороне защитным щитком, припаркованный против движения. Это означало, что Кимура требует немедленной встречи. Срочность сигнала как-то приободрила Кларка, убедила его, что происходящее не является странным сном. Их жизнь снова подвергалась опасности. По крайней мере опять появилась какая-то реальность.

Летные операции начались сразу после восхода солнца. Четыре эскадрильи истребителей F-14 "томкэт" и еще четыре F/A-18 "хорнет" вместе с четырьмя "хокаями" E-3C уже находились на палубе авианосца. Самолеты поддержки базировались в настоящее время на Мидуэе, и боевая авианосная группа, состоящая из одного "Джонни Реба", при продвижении на запад пока в качестве вспомогательных аэродромов будет пользоваться островами Тихого океана.

Прежде всего начали тренировки по дозаправке в полете, осуществляемые воздушными заправщиками, которые сопровождали флот. Как только корабли миновали Мидуэй, в воздух поднялись четыре истребителя, составляющие прикрытие, хотя и без обычной поддержки со стороны самолетов раннего радиолокационного обнаружения, которые издавали массу электронных шумов, в то время как главной задачей боевой группы было оставаться незамеченной,

хотя в случае с "Джонни Ребом" речь шла о том, чтобы сделать невидимым корабль размером с небольшой остров.

Санчес находился в центре управления летными операциями. Его задача заключалась в том, чтобы превратить битву между двумя равными по силе противниками в сражение, где один будет намного сильнее другого. Сама мысль о честном сражении казалась чуждой не только ему, но и любому другому офицеру. Стоило только оглянуться по сторонам, чтобы понять причину. Он знал своих людей и переживал за них. Что касается японских летчиков, самолеты которых располагались на островах Марианской гряды, их Санчес не знал, и это было для него главным. Вполне возможно, что и они тоже люди. Может быть, у них тоже есть жены, дети, дома, автомобили и все остальное, как и у парней, одетых в форму Военно-морского флота США, но для командира группы палубной авиации это не имело значения. Санчес никогда не станет поощрять или разрешать такие жестокости, встречающиеся только в кино, как напрасную трату боеприпасов для расстрела вражеских летчиков, спускающихся на парашютах, - в любом случае попасть в них из быстро летящего реактивного истребителя не так уж просто, - но он должен сбить их самолеты, а в эпоху ракет это почти всегда означало, что у пилота не будет возможности катапультироваться.

К счастью, в современном воздушном бою редко приходится видеть цель иначе, чем далекую точку, с которой перед пуском ракеты нужно совместить кружок радиолокационной системы наведения. Ввиду этого все становилось намного проще, а если из дымного облака разлетающихся обломков появлялся раскрывшийся парашют - ну что ж, какой смысл преследовать его, раз враг уже утратил способность угрожать американским истребителям.

- Кога исчез, - сказал им Кимура. Голос его был полон тревоги, а лицо побледнело.

- Арестован? - спросил Кларк.

- Не знаю. У вас мог оказаться наш осведомитель? Лицо Джона приняло угрожающее выражение.

- Вы знаете, как мы поступаем с предателями? - Наступило молчание. Все это знали. - Моя страна тоже заинтересована в его благополучии, приятель. Мы сейчас же займемся этим. А теперь идите.

Чавез посмотрел ему вслед и заговорил, лишь когда фигура японца исчезла вдали.

- Утечка информации?

- Возможно. Не исключено также, что те, кто руководят происходящими событиями, опасаются вмешательства лидеров оппозиции, полагая, что это может помешать им. - А теперь я превратился в политического аналитика, подумал Джон. Ничего особенного, аккредитованный журналист агентства "Интерфакс". - Как ты думаешь, Евгений, а не зайти ли нам в наше посольство?

Щеренко собирался отправиться на совещание, когда у дверей его кабинета появились двое. Подумать только, мелькнуло у него в голове, два агента ЦРУ входят в российское посольство для встречи с резидентом службы внешней разведки. Следующей мыслью было - а что их вынудило прийти сюда?

- Что-то случилось? - спросил он.

- Исчез Кога, - ответил Кларк.

Майор Щеренко сел и жестом пригласил гостей последовать его примеру. Ему не понадобилось напоминать им о необходимости закрыть дверь.

- Это могло произойти по ряду случайных причин, - продолжил Кларк, - но не исключена вероятность утечки информации.

- Не думаю, чтобы на это отважилось Следственное управление общественной безопасности - даже по прямому приказу Гото. Без веских доказательств его арест будет слишком походить на политическое преследование. Насколько хорошо вы знакомы с политической ситуацией в Японии?

- Проинформируйте нас, - попросил Кларк.

- Положение весьма запутанное, я имею в виду на правительственном уровне. Гото руководит правительством, но поступающая к нему информация становится достоянием всего лишь нескольких избранных министров. Его коалиция по-прежнему очень шаткая. Кога пользуется всеобщим уважением, он слишком популярен, чтобы решились открыто арестовать его. - По крайней мере так мне кажется, подумал Щеренко, но промолчал. Две недели назад он был уверен в этом, однако теперь его уверенность заметно поколебалась. Казалось, он сумел убедить американцев..

Кларк на мгновение задумался.

- Постарайтесь разыскать его, Борис Ильич. Он нужен и вам и нам, - предложил он.

- А вы не могли скомпрометировать Когу? - спросил русский разведчик.

- Нет, ни в коем случае. Мы посоветовали ему вести себя как обычно - и к тому же он принимает нас за русских. Я получил указание всего лишь прощупать его. Нельзя пытаться направлять действия такого человека - это слишком рискованно. А вдруг он ощутит прилив патриотизма и прикажет нам убираться? Когда имеешь дело с подобными людьми, лучше всего полагаться на их здравый смысл.

Щеренко снова подумал о том, что досье на этого человека, находящееся в Москве, правильно оценивает его возможности. У Кларка действительно отличная подготовка разведчика. Майор молча кивнул, ожидая, что еще скажет американец.

- Если у вас есть каналы в Следственном управлении общественной безопасности, нужно немедленно выяснить, арестовывали они его или нет, - закончил Кларк.

- А если он арестован? Кларк пожал плечами.

- Тогда вам придется принять решение, сможете ли вы освободить его. Только вы в силах это сделать. Мы ничем не можем вам помочь. Но если его захватил кто-то другой - ну что ж, в этом случае и мы, возможно, сумеем предпринять что-то.

- Мне нужно связаться с Москвой.

- Мы не сомневались в этом. Только не упускайте из виду то обстоятельство, что выпутаться из создавшейся ситуации политическими средствами легче всего с помощью Коги. И сообщите обо всем в Вашингтон.

- Немедленно займусь этим, - пообещал Щеренко. - Но у меня есть вопрос: вам что-нибудь известно о двух разбившихся вчера самолетах?

Кларк и Чавез стояли уже у двери. Ответил не оборачиваясь молодой американец:

- Ужасный несчастный случай, правда?

- Вы сумасшедший, - сказал Могатару Кога.

- Я патриот, - ответил Райзо Ямата. - Благодаря моим усилиям наша страна станет по-настоящему независимой. Я снова сделаю ее великой. - Взгляды двух мужчин, сидевших по разные стороны стола в пентхаусе Яматы, встретились. Телохранители промышленника стояли за дверью и не могли ничего слышать. Разговор шел один на один.

- Вы нарушили узы дружбы с главным союзником и наиболее важным торговым партнером, ввергли нашу страну в пучину экономических бедствий, из-за вас погибли люди. Вы подчинили себе правительство Японии и наших военных.

Ямата кивнул, словно признавал правильность совершенной сделки.

- Хай, я действительно сделал все это, причем от меня не потребовалось особых усилий. Скажите мне, Кога, неужели вы считаете, что трудно убедить политического деятеля сделать что-то?

- А ваши друзья, Матцуда и все остальные?

- Время от времени все нуждаются в твердой руке, - ответил Ямата. Почти все, подумал он, но промолчал. - Когда все это завершится, у нас будет полностью интегрированная экономика, два надежных и могучих союзника, и со временем наша торговля снова расширится, потому что мир нуждается в наших товарах. - Разве сидящий перед ним политик не видит этого? - подумал Ямата. Не понимает грядущей выгоды для нации?

- Неужели вы настолько плохо знаете Америку? - вырвалось у Коги. - Наши теперешние проблемы начались с того, что в автокатастрофе погибла одна-единственная семья. Американцы не похожи на нас. Они думают не так, как мы. У них другая религия. В американской жизни процветает насилие, и в то же самое время они почитают правосудие. Они испытывают уважение к тем, кто сумели разбогатеть, однако корни их культуры уходят в идеалы. Неужели вы не понимаете этого? Они никогда не согласятся с тем, как вы обошлись с ними! - Кога сделал паузу. - А ваш план относительно России - вы действительно считаете, что...

- Что Китай поможет нам? - улыбнулся Ямата. - Общими силами мы справимся с Россией.

- И после этого Китай останется нашим союзником? - спросил Кога. - Мы убили двадцать миллионов китайцев в ходе второй мировой войны. Их политическое руководство не забыло этого.

- Мы нужны им, и они знают, что мы нуждаемся в них. А вместе...

- Ямата-сан, - прервал его Кога, вежливо и спокойно, потому что привык именно так вести разговор, - в политике вы разбираетесь не так хорошо, как в бизнесе. И это приведет вас к катастрофе.

Ямата ответил ему так же вежливо и спокойно:

- А вас это уже привело к государственной измене. Мне известно, что вы встречались с американцами.

- Неправда. Я не разговаривал ни с одним американским гражданином на протяжении нескольких недель. - Ответ, полный возмущения, не прозвучал бы

более убедительно, чем эти полные достоинства слова.

- Ну что ж, в любом случае вам придется некоторое время воспользоваться моим гостеприимством, - заметил Райзо. - Мы увидим, насколько я неграмотен в политических вопросах. Через два года я займу пост премьер-министра, Кога-сан, а Япония превратится в сверхдержаву. - Ямата встал. Его огромная квартира занимала весь верхний этаж сорокаэтажного небоскреба, и отсюда открывалась панорама, достойная богов Олимпа. Промышленник встал и подошел к огромным, во всю стену от пола до потолка, окнам, глядя на город, которому скоро суждено стать его столицей. Жаль, что Кога не понимает, как в действительности все происходит. Но сейчас Ямате нужно вернуться на Сайпан и начать там восхождение к политическим высотам. Он обернулся.

- Вы будете свидетелем грандиозных событий, а пока останетесь моим гостем. Ведите себя, как от вас потребуют, и не будет никаких проблем. Попытайтесь скрыться отсюда, и ваше тело, разорванное на куски, будет найдено у какой-нибудь железной дороги с запиской, в которой вы извиняетесь за совершенные вами политические ошибки.

- Этого удовольствия я вам не доставлю, - холодно заметил бывший премьер-министр.

40. Лисы и гончие

Щеренко намеревался встретиться сам, но неотложные дела помешали ему. Оказалось, что все обернулось к лучшему. Сообщение поступило на дискете от его самого высокопоставленного агента, заместителя директора СУОБ - Следственного управления общественной безопасности. Какими бы неприятными ни были личные привычки этого человека, он оказался проницательным политическим наблюдателем, хотя и слишком многословным в своих докладах и оценках ситуации. Японские военные, сообщил он, ничуть не расстроены происшедшими событиями и открывающимися перед ними перспективами. Озлобленные годами существования под унижительным названием "силы самообороны" и униженные тем, что во мнении общественности им отведена роль защитников от мифического Годзиллы и прочих невероятных киномонстров (причем всякий раз они оказывались побежденными), военные считали себя хранителями гордых традиций древних японских воинов, и вот наконец после прихода к власти достойного политического руководства им представилась возможность продемонстрировать все, на что они способны. Получив образование главным образом в американских училищах и академиях, переняв американский профессиональный опыт, старшие офицеры оценили ситуацию и объявили всем, кто пожелал их слушать, что они в состоянии одержать верх в этой ограниченной войне и, продолжил руководитель СУОБ, по их мнению, шансы завоевать Сибирь очень высоки.

Эта оценка и доклад двух агентов ЦРУ были немедленно переданы в Москву. Итак, в японском правительстве существуют разногласия и по крайней мере в одном из его департаментов более или менее трезво оценивают обстановку. Это было приятно русскому разведчику, но он тут же вспомнил, что в 1939 году руководитель немецкой разведки по имени Канарис сделал то же самое и потерпел полную неудачу, пытаясь убедить руководителей Германии. Русский разведчик намерен был нарушить эту историческую традицию. Единственная

возможность предупредить войну заключается в том, чтобы не дать ей разрастись. Щеренко не был согласен с теорией, будто дипломатия способна удержать мир от войн, зато придерживался мнения, что надежные разведданные и решительные действия не дадут им зайти слишком далеко, особенно если у политических деятелей есть стремление осуществить необходимые действия. Его, однако, беспокоило, что это стремление должны продемонстрировать американцы.

- Мы дали операции название "Зорро", господин президент, - произнес Робби Джексон, перелистывая обложку и открывая первую схему. Государственный секретарь и министр обороны тоже находились в центре управления боевыми действиями вместе с Райаном и Арни ван Даммом. Члены кабинета министров были обеспокоены, но такое же беспокойство испытывал и заместитель начальника J-3. Райан кивнул, давая знак продолжать.

- Цель операции заключается в том, чтобы нарушить командную структуру противника, устраняя тех отдельных лиц, которые...

- Вы хотите сказать, что собираетесь убивать их? - прервал его Бретт Хансон. Он посмотрел на министра обороны, лицо которого застыло, словно каменная маска.

- Мистер Хансон, нам запрещено наносить удары по мирному населению Японии. Это означает, что нельзя разрушать японскую экономику. Нам запретили уничтожать мосты в их городах. Военное руководство противника слишком децентрализовано по месту своего пребывания, чтобы...

- Мы не можем так поступать, - снова прервал его Хансон.

- Господин государственный секретарь, - заметил ледяным тоном Райан, - давайте сначала все-таки узнаем, в чем заключается план операции, прежде чем заявлять, что можно делать и чего нельзя.

Хансон недовольно кивнул, и Джексон продолжил свой доклад.

- Сейчас план почти готов, - заключил он. - Мы устранили два их самолета раннего радиолокационного оповещения...

- Когда это произошло? Каким образом?

- Это произошло вчера вечером, - ответил Райан. - Как мы это осуществили, вас не должно интересовать.

- Кто отдал приказ? - слышался голос президента Дарлинга.

- Я, сэр. Операция осуществлялась под надежным прикрытием и прошла гладко. - По взгляду Дарлинга Райан понял, что снова вплотную приблизился к границе своих полномочий.

- И сколько людей погибло в результате этой операции? - резко бросил государственный секретарь.

- Около пятидесяти. Это на двести человек меньше, чем число наших моряков, убитых в результате действий противника, господин государственный секретарь.

- Послушайте, мы можем получить эти острова обратно с помощью мирных переговоров, если проявим терпение и выдержку, - ответил глава дипломатического ведомства. Теперь разговор стал двусторонним, и все остальные, кто находились в помещении, прислушивались к нему.

- Адлер придерживается иной точки зрения.

- А вот Крис Кук считает, что такой исход переговоров возможен, и у

него есть человек в составе японской делегации, снабжающий его надежной информацией.

Дарлинг невозмутимо наблюдал за происходящим, снова предоставив возможность своему штабу - так он называл их про себя - заниматься дебатами. Перед ним стояли иные вопросы. Опять обострилась политическая обстановка. Если ему не удастся справиться с возникшим кризисом, его карьере президента придет конец. Тогда кто-то другой займет этот пост, и не позже чем на следующий год его преемник столкнется уже с более острым кризисом. Даже намного более острым, если точка зрения русской разведки правильна и если Япония и Китай этой осенью оккупируют Восточную Сибирь. В этом случае острейший кризис потрясет мир как раз в разгар американских выборов, что самым серьезным образом ограничит возможности его страны заняться решением международных проблем, придав всем вопросам политическую окраску, причем американская экономика еще не успеет восстановить былую стабильность после потери сотен миллиардов долларов.

- Если мы не прибегнем сейчас к активным действиям, господин государственный секретарь, никто не возьмется предсказать, как далеко все это может зайти, - продолжал Райан.

- Мы можем урегулировать разногласия дипломатическими средствами, - продолжал настаивать Хансон.

- А если нам это не удастся? - спросил Дарлинг.

- Тогда наступит время рассмотреть определенные военные меры. - Судя по выражению лица министра обороны, уверенность государственного секретаря не нашла у него поддержки.

- Хотите что-нибудь добавить? - спросил его президент.

- Пройдет немало времени - несколько лет, - прежде чем мы сумеем подготовить силы, достаточные для...

- У нас нет нескольких лет, - обрезал Райан министра обороны.

- Это верно, рассчитывать на несколько лет не приходится, - поддержал его Дарлинг. - По вашему мнению, адмирал, осуществление такого плана реально?

- Считаю, реально, сэр. Кое в чем придется положиться на благоприятное стечение обстоятельств, но самое большое препятствие мы уже преодолели вчера вечером.

- У нас недостаточно сил, чтобы гарантировать успех операции, - произнес министр обороны. - Командир авианосной группы только что представил свою оценку ситуации и...

- Я видел ее, - ответил Джексон, стараясь скрыть беспокойство, тем более что оценка соответствовала действительному положению вещей. - Но я знаю командира палубной авиации капитана первого ранга Бада Санчеса уже много лет, а он считает, что сможет добиться успеха. Я верю ему. Господин президент, не следует слишком уж полагаться на цифры. Дело не только в численном соотношении наших сил и сил японцев. Многого решает умение вести боевые действия, а у нас в этом гораздо больше опыта, чем у них. Психологический фактор тоже имеет немаловажное значение, равно как и способность полагаться на свои силы, а не думать о мощи противника. Теперь война не такая, как раньше. В прошлом требовалось собрать огромные

соединения, чтобы сломить волю противника к сопротивлению, а также нарушить его возможность руководить войсками и координировать их действия. Действительно, пятьдесят лет назад нам потребовались бы мощные вооруженные силы для решения такой задачи, однако цели, которые нужно уничтожить, очень малы, они точечные, и если мы сможем поразить их, то добьемся того, на что раньше требовались усилия миллионов солдат.

- Это преднамеренное убийство, вот что это такое! - выкрикнул Хансон.

Джексон, все еще стоявший на трибуне, повернул к нему голову. - Да, сэр, вы совершенно правы, именно в этом и заключается война. Зато, действуя таким образом, мы не убиваем несчастного юношу, поступившего в армию только потому, что ему понравилась военная форма. Мы убиваем подонка, который посылает его на бойню, даже не зная его имени. Прошу извинить меня, сэр, но мне приходилось убивать людей, и я точно знаю, что это такое. Сейчас хотя бы один только раз мне хотелось бы привлечь к ответу тех, кто отдают приказы, а не тех несчастных молокососов, которые вынуждены слепо им подчиняться.

Дарлинг с трудом удержался от улыбки при мысли о собственных фантазиях в связи с рекламой, которую однажды передавали по телевидению, как изменилась бы ситуация, если бы президенты, премьер-министры и другие государственные деятели, посылавшие людей на бой, вышли бы на поле битвы вместо них и решили исход войны собственными силами.

- И все-таки вам придется убить немало молодежи, - сказал президент.

Адмирал Джексон вздрогнул, словно от пощечины, и ответил через несколько мгновений:

- Я знаю это, сэр, но в случае благоприятного развития событий погибнет намного меньше людей, чем при настоящей войне.

- Когда вам нужно узнать мое решение?

- Мы уже почти закончили предварительный этап подготовки и можем приступить к операции меньше чем через пять часов. После этого нас будет ограничивать продолжительность светового дня. Каждый раз придется ждать двадцать четыре часа.

- Благодарю вас, адмирал Джексон. Не могли бы вы все оставить меня одного?

Присутствующие встали и покинули комнату. В последний момент послышался голос Дарлинга:

- Джек, ты не мог бы остаться на минуту? - Райан повернулся и снова сел.

- Нам придется пойти на это, сэр. Так или иначе, если мы собираемся уничтожить их ядерные ракеты...

- Я знаю. - Президент посмотрел на свой стол. Там были разложены документы, схемы и карты. Все необходимое для того, чтобы принять решение о начале боевых действий. По крайней мере его избавили от информации о вероятных потерях, скорее всего по настоянию Райана. Через секунду они услышали, как закрылись двери.

Первым заговорил Райан.

- Сэр, возникла еще одна проблема. Бывший премьер-министр Кога арестован - извините, нам известно только, что он исчез.

- Что это значит? Почему мне не сообщили об этом раньше?

- Он исчез меньше чем через двадцать четыре часа, после того как я сообщил Скотту Адлеру о встрече Коги с нашими людьми. Я даже не сказал ему, с кем именно он встречался. Это может быть простым совпадением. Гото и тот, кто руководит им, может быть, не хотят, чтобы Кога выступал с политическими заявлениями, пока они проводят эту операцию. Но нельзя исключить вероятности, что где-то у нас произошла утечка информации.

- Кто знает об этом?

- Эд и Мэри-Пэт в ЦРУ. Я. Вы. Скотт Адлер и тот, кому он сказал.

- Но мы не уверены, что произошла утечка с нашей стороны?

- Да, сэр, не уверены. Но это в высшей степени вероятно.

- Хорошо, пока отложим это. Что произойдет, если мы ничего не предпримем?

- Сэр, мы обязаны что-то предпринять. Если пустить на самотек, то в будущем можно ждать войны между Россией, с одной стороны, и Японией и Китаем - с другой, причем наша роль в этом конфликте одному Богу известна. ЦРУ по-прежнему старается оценить ситуацию при развитии событий в таком направлении, но мне кажется, что война неизбежно перерастет в обмен ядерными ударами. Операция "Зорро" не является, конечно, лучшим выходом из положения, но у нас просто нет других возможностей. Дипломатические соображения теперь утратили свое значение, - продолжал Райан. - Сейчас ставки неизмеримо выросли. И если нам удастся убрать людей, затеявших всю эту игру, то правительство Гото падет и тогда восстановится какой-то контроль над развитием событий.

Самым странным, понял Дарлинг, является то, что обе стороны выступают за уменьшение возможных последствий. Хансон и министр обороны отстаивают классические дипломатические методы урегулирования конфликта. Им нужно время, чтобы убедиться, что все другие способы решения проблемы мирными средствами, кроме дипломатических, отсутствуют. Однако в случае провала дипломатии вероятность перерастания конфликта в более широкую и кровавую войну резко возрастает. Райан и Джексон настаивают на немедленном применении насилия, надеясь не допустить кровопролитной войны в будущем. Проблема, однако, заключалась в том, что обе стороны могут, быть правы, а могут и ошибаться, и есть только один способ сделать безошибочный выбор - прочитать книги по новейшей истории, которые будут опубликованы через двадцать лет.

- Если предложенный план сорвется...

- Это означает, что наши люди погибнут напрасно, - честно признался Джек. - Вам тоже придется заплатить высокую цену в случае неудачи, сэр.

- А как относительно командующего флотом - я имею в виду того, кто командует авианосной группой. Как относительно него?

- Если он начнет колебаться, все рухнет.

- Замените его, - приказал президент. - Я даю согласие на проведение операции.

Оставалось обсудить еще один вопрос, и Райан объяснил его президенту, прежде чем выйти из комнаты и подойти к телефону, чтобы дать необходимые указания.

Удачная операция воздушных сил, любят говорить военные в синих

мундирах, проходит под руководством простого капитана. Во главе этой операции стоял полковник войск специального назначения, но по крайней мере его недавно обошли с присвоением генеральского звания. Это обстоятельство вызывало уважение у его подчиненных, знавших причину недовольства начальства их полковником. Члены этих элитарных подразделений просто не соответствуют аккуратному и бессловесному идеалу высшего руководства. Для этого они слишком... эксцентричны, что ли.

Окончательный план операции был разработан на основании данных, посланных в масштабе реального времени из Форт-Мида, штат Мэриленд, в Верино, и американцы все еще ежились при мысли, что русские узнают самые деликатные подробности того, как американцы собирают и анализируют электронную информацию, полученную с помощью космических спутников и других средств, - ведь, в конце концов, все это разрабатывалось для использования против них. Было рассчитано и нанесено на карту точное положение двух самолетов Е-767 раннего радиолокационного обнаружения, с помощью визуальных средств наблюдения. со спутников подсчитали количество истребителей - по крайней мере тех, что находились вне защитных ангаров, - более того, при последнем пролете разведывательный спутник КН-12 сосчитал находящиеся в воздухе самолеты и определил их координаты. Полковник, возглавлявший подразделение, еще раз проверил курс проникновения, рассчитанный им лично вместе с экипажем самолета, и, хотя некоторое беспокойство так и не удалось устранить, два молодых капитана, которые поведут транспортный самолет С-17А, пожевав резинку, одобрительно кивнули. Один из них даже пошутил по поводу того, что пришло время отдать должное и "летающему мусорщику".

Русским тоже предстояло сыграть свою роль. С авиабазы на юге Камчатки взлетели восемь перехватчиков МиГ-31 для участия в учебных полетах, связанных с системой противовоздушной обороны. Их сопровождал Ил-86, самолет раннего радиолокационного обнаружения. Через десять минут с аэродрома Сокол взлетели четыре истребителя Су-27 - на их долю выпало играть роль противника, пытающегося проникнуть сквозь защитную линию ПВО. Истребители с подвесными топливными баками для увеличения дальности полета направились на юго-восток, оставаясь далеко за пределами японского воздушного пространства. Диспетчеры на борту обоих японских Е-767 заключили, что это самые обычные учения, проводимые русскими. Однако в них принимали участие боевые самолеты, и потому они заслуживали внимания со стороны обоих "Ками", тем более что учение проходили в районе наиболее вероятного курса приближения американских самолетов, как это случилось с Б-1, которые совсем недавно пытались "прощупать" японскую систему противовоздушной обороны. В результате оба Е-767 вместе со своими истребителями сопровождения оттянулись чуть дальше к северо-востоку. Едва не было принято решение поднять в воздух резервный самолет АВАКС, однако начальник наземной системы ПВО принял разумное решение всего лишь повысить уровень готовности.

С-17А, "Глобмастер-III", был самым новым и наиболее дорогим транспортным самолетом, когда-либо сумевшим пройти через систему поставок Пентагона. Любой, знакомый с этой кошмарной системой поставок, предпочел бы

пересечь завесу вражеского зенитного огня, потому что назначением бомбардировщиков было достичь успеха, тогда как задачей системы поставок Пентагона - этот успех перечеркнуть. То, что иногда подобная система ошибалась и на вооружение поступали новые типы самолетов, объяснялось в первую очередь сообразительностью и изобретательностью тех, кто посвятили свою жизнь тому, чтобы поставить в тупик эту систему. На этот раз не пожалели расходов, даже придумали новые, и в результате появился "мусорщик" (прозвище, наиболее часто применяемое летчиками-истребителями).

Этот самолет взлетел сразу после полуночи по местному времени и направился на юго-юго-восток по трассе, используемой гражданскими авиалайнерами, летящими во Владивосток. Немного недолетев до самого города, он дозаправился в воздухе от заправщика КС-135 (русская система дозаправки в воздухе не стыковывалась с американской) и покинул азиатский континент, следуя точно на юг по 132-му меридиану.

"Глобмастер" был первым транспортным самолетом, спроектированным для проведения специальных операций. Обычный летный экипаж всего из двух человек был дополнен двумя "наблюдателями", для которых подготовили приборные модули. В данном случае оба являлись специалистами по электронному противодействию. Они принадлежали к числу офицеров, которые ведут наблюдение за многочисленными радиолокационными станциями ПВО, усеявшими русские, китайские, корейские и японские берега, и направляют летчиков по курсу, где находится больше всего "нулевых" - мертвых - зон, куда не проникают импульсы радиолокаторов.

Вскоре потребовалось быстрое снижение и поворот на восток. - Как вам это нравится? - спросил старший сержант Вега у своего командира. Рейнджеры разместились на откидных сидениях в транспортном отсеке, одетые в маскировочные комбинезоны и увешанные таким количеством оружия, что шли, переваливаясь с ноги на ногу подобно уткам, когда час назад поднимались по трапу под внимательным взглядом сержанта ВВС, руководившего погрузкой. Среди воздушно-десантных войск было широко распространено мнение, что ВВС особо выделяло те летные экипажи, которым удавалось заставить своих пассажиров страдать от морской болезни, но в данном случае летчики не услышат жалоб от десантников. Наступил наиболее опасный этап операции, несмотря на парашюты. Правда, члены летного экипажа не надевали их, руководствуясь элементарной логикой: если так случится, что на самолет выйдет истребитель, парашюты вряд ли принесут пользу, в какой бы момент перед десантированием это ни произошло.

Капитан Чека молча кивнул, страстно желая побыстрее оказаться на земле, в той стихии, где пехотинцы чувствуют себя как рыба в воде, вместо того чтобы беспомощно сидеть здесь, будто нерожденному ребенку в чреве женщины, танцующей в дискотеке.

Дисплеи перед офицерами электронного противодействия демонстрировали каждую радиолокационную станцию на западном побережье Японии, занесенную в память компьютера. Ввести эту информацию в электронную память было достаточно просто, потому что большинство РЛС было построено самими американцами в то время, когда огромный остров рассматривался как военная база, предназначенная для войны с русскими, и потому мог в любую минуту

подвергнуться их нападению. За прошедший период радиолокационные станции подверглись модификации, но у японской службы оповещения были недостатки, заведомо известные американцам и подтвержденные спутниками электронной разведки на прошлой неделе. Самолет летел теперь на юго-восток на высоте двухсот футов над поверхностью моря и с максимальной скоростью триста пятьдесят узлов. На такой высоте турбулентные потоки воздуха были особенно сильны и самолет постоянно бросало то вверх то вниз. Летный экипаж не замечал этого, зато все остальные более чем ощущали. Пилот надел очки ночного видения, заметно улучшающие зрение в полумраке, и постоянно поворачивал голову, осматривая горизонт, тогда как второй пилот не сводила взгляда с приборов. Кроме того, перед ней находился дисплей, подобный тем, что устанавливаются на истребителях. На нем виднелись показания компаса, альтиметра, воздушной скорости, а также тонкая зеленая линия горизонта, которую она иногда видела в зависимости от света луны и состояния облаков.

- Вижу мигающие огни на большой высоте в направлении на десять часов, - раздался голос пилота. Он знал, что это гражданские авиалайнеры, летящие в пределах выделенного им воздушного коридора. - Ничего больше.

Второй пилот снова взглянула на экран. Радиолокационная карта в точности соответствовала той, что была запрограммирована. Курс самолета пролегал по очень узкой черной полосе между радиальными выступами красного и желтого цвета, означающими районы, освещенные радиолокационными станциями. Чем ниже летел самолет, тем шире становилась черная "мертвая" зона, недоступная для радаров, но "глобмастер" и без того летел очень низко. Снижаться дальше было уже опасно.

- Пятьдесят миль от берега.

- Понял, - ответил пилот. - Как ты себя чувствуешь? - спросил он через секунду. Проникновение во вражескую зону на столь малой высоте требовало максимального внимания - даже если полет происходил на автопилоте.

- Нет проблем, - ответила она. Вообще-то дело обстояло несколько по-иному, но от нее ожидали именно такого ответа. Сейчас наступила самая опасная часть полета, когда предстояло миновать радиолокационную станцию на возвышенности у Айкавы. Здесь находился наиболее слабозащищенный участок оборонного периметра Японии. Между островом и полуостровом образовался семидесятимильный разрыв, который почти перекрывался радиолокационными станциями с обеих сторон. Эти станции, однако, были устаревшими, их построили в семидесятые годы и не модифицировали после смены режима в Северной Корее.

- Снижаемся, - произнесла она, отрегулировав датчик высоты на автопилоте до семидесяти футов. Теоретически самолет мог лететь над ровной поверхностью и на высоте пятидесяти футов, но он находился в турбулентных потоках, и потому второй пилот положила руку на ручку управления, создающую иллюзию управления истребителем. Если она увидит даже рыбацкую шхуну, тут же рванет ручку на себя, поднимая самолет выше, чтобы избежать столкновения с мачтой судна.

- Берег через пять минут, - слышался голос одного из офицеров электронного противодействия. - Нужно повернуть направо и перейти на курс один-шесть-пять.

- Поворачиваем. - Самолет чуть накренился. В транспортном отсеке было всего несколько иллюминаторов. Старший сержант Вега сидел рядом с одним из них и посмотрел наружу. Там он увидел конец крыла, склонившегося к едва различимой черной поверхности, испещренной гребнями волн. Зрелище заставило его тут же отвернуться. Сейчас ничего от него не зависело, так что, если самолет коснется крылом поверхности моря и рухнет вниз, у него не останется времени даже на то, чтобы понять, что произошло. По крайней мере так ему однажды объяснили.

- Вижу берег, - сказал пилот, заметив свечение огоньков через очки ночного видения. Настало время снять их и вести самолет. - Беру управление на себя, - произнес он.

- Пилот взял управление на себя, - ответила второй пилот, разминая уставшие пальцы и позволив себе сделать глубокий вдох.

Самолет пересек береговую черту между Оми и Ичифури. Сразу после этого пилот начал набирать высоту. Автоматическая система полета над пересеченной местностью могла функционировать в трех режимах. Пилот установил ее в "жесткий" режим, что ставило в тяжелое положение самолет и в еще более тяжелое летящих в нем пассажиров, но зато в конечном итоге было самым безопасным для всех.

- Как там относительно АВАКСов? - спросил пилот у офицеров электронного противодействия.

- Я заметил очень слабые радиолокационные импульсы от одного из них в направлении на девять часов. Если мы продолжим полет у самой земли, нас не обнаружат.

- Приготовьте блевотные пакеты, парни, - посоветовал пилот и повернулся к сержанту, который будет руководить десантированием: - Десять минут.

- Десять минут, - выкрикнул сержант, глядя в сторону транспортного отсека. В это мгновение самолет резко подскочил вверх и тут же свернул направо, облетая первую горную вершину на берегу. Затем он быстро упал вниз, как бывает на особенно крутых аттракционах в увеселительном парке, и Джулио Вега вспомнил, как однажды поклялся, что никогда больше не согласится подвергнуться таким испытаниям. С тех пор ему не раз доводилось нарушать это обещание, однако сейчас внизу их снова ждал вооруженный противник. И это были уже не боевики колумбийской наркомафии, а солдаты отлично подготовленной профессиональной армии.

- Господи, надеюсь нам дадут пару минут спокойного полета чтобы успеть подойти к люку, - пробормотал Вега между приступами рвоты.

- Лучше не рассчитывай на это, - произнес капитан Чека и тут же наклонился к своему блевотному пакету. Его примеру мгновенно последовали остальные рейнджеры.

Фокус заключался в том, что самолет следовало вести между горными вершинами, которые должны были постоянно находиться между ним и радиолокационными станциями. Для этого требовалось лететь вдоль долин. Теперь "глобмастер" снизил скорость до двухсот тридцати узлов и даже при выпущенных закрылках и предкрылках и компьютерном управлении его бросало из стороны в сторону, причем беспорядочно в каждое следующее мгновение. На дисплее сейчас был виден горный коридор, по которому летел самолет, на

экране то и дело мелькали красные предупредительные надписи, тут же исчезающие, как только автопилот вводил поправки, что не мешало пилотам вздрагивать от ужаса. Летчики никогда особенно не доверяли автоматическим системам, и сейчас их руки стискивали штурвалы, готовые взять управление на себя, но Побеждавшие в последний миг это искушение. Казалось, идет сложная игра между людьми и электронным мозгом, старающимся, в свою очередь, переубедить профессионалов, которым приходилось полагаться на микрочипы, потому что их собственные рефлексы не способны были отреагировать в доли секунды, необходимые для принятия решения. Они наблюдали за проносящимися мимо зелеными пиками, которые представляли собой горные утесы, местами нечеткие из-за росших там деревьев, и почти всегда эти пики вздымались выше летящего самолета до самой последней секунды, когда его нос взмывал вверх, а желудки пилотов пытались последовать за ним, и тут же самолет снова нырял в пропасть.

- Вижу точку десантирования. Пять минут, - крикнул пилот, повернувшись в сторону хвостового отсека.

- Всем встать! - скомандовал сержант. В это мгновение самолет снова нырнул, и кто-то из десантников едва не взлетел вверх, когда его ноги отделились от пола. Один за другим они направились в сторону хвостового люка, уже открытого. Как только рейнджеры пристегнули вытяжные тросики парашютов к протянутому под потолком кабелю, в хвосте открылся грузовой люк, и двое солдат быстро сняли крепление с контейнеров, стоявших на поддонах посреди хвостового отсека. "Глобмастер" в последний раз выровнялся, и Вега в открытый люк увидел темную долину внизу и уходящую в небо гору слева от самолета.

- Высота пятьсот футов, - слышался голос пилота по системе внутренней связи. - Действуйте.

- Ветер нормальный, - объявила второй пилот, которая дублировала компьютер, контролировавший десантирование. - Одна минута.

Над открытым люком вспыхнула зеленая лампа. Пристегнутый ремнями сержант ВВС стоял у люка, загораживая путь рейнджерам. Он окинул их взглядом.

- Будьте там поосторожнее, поняли?

- Извините нас за беспорядок, что мы тут оставили, - качнул головой капитан Чека. Сержант усмехнулся.

- Мне приходилось убирать нечто куда худшее. - К тому же уборкой займутся подчиненные. Сержант в последний раз проверил десант. Вытяжные тросики у рейнджеров пристегнуты, никто не стоит на пути скатывающихся контейнеров, сбросом которых будут управлять из кабины пилотов. - Все готово, - произнес он в интерком и отошел в сторону, уступая место у открытого люка капитану Чеке. Держась руками за его края, тот опустил левую ногу в пустоту.

- Десять секунд, - слышался голос второго пилота.

- Понял, десять секунд. - Пилот протянул руку, снял с предохранителя рукоятку управления сбросом и положил большой палец на кнопку.

- Пять.

- Три-две-одна - пошли!

- Груз сброшен. - Пилот уже успел нажать на кнопку сброса. В хвостовом отсеке рейнджеры увидели, как поддоны с контейнерами соскользнули в пустоту. Самолет на мгновение провалился хвостом и тут же выровнялся. Зеленая лампочка над люком замигала.

- Пошли-пошли-пошли! - завопил сержант, перекрывая рев проносающегося ветра.

Капитан Диего Чека из корпуса рейнджеров армии США стал первым американским военнослужащим, вторгшимся на японскую территорию, когда он шагнул вперед и исчез в темноте. Через секунду натянувшийся тросик раскрыл его парашют, и черный нейлоновый зонт появился всего в трехстах футах от земли. От резкого рывка Диего почувствовал невыразимое облегчение - при прыжках с такой малой высоты наличие запасного парашюта уже ничем не могло помочь. Капитан тут же поднял голову и увидел выше себя и справа купола остальных парашютов, которые открывались, как только что открылся его собственный. Теперь нужно посмотреть вокруг и вниз. Вон там - поляна, капитан не сомневался, что опустится на нее, хотя на всякий случай потянул за пару строп и чуть выпустил воздух из-под купола, чтобы приземлиться прямо в середину и таким образом сделать посадку еще безопаснее, что весьма немаловажно при ночном десантировании. Наконец он дернул за узел и сбросил рюкзак, упавший вниз и повисший в пятнадцати футах под ним на конце троса. Теперь шестьдесят фунтов дополнительного груза коснутся земли чуть раньше его, и это смягчит приземление - при условии, конечно, что капитан не опустится сапогами прямо на рюкзак и не переломает все, что находится внутри проклятого мешка. После всего этого у него едва хватило времени подготовиться к посадке на стремительно мчащуюся навстречу и едва видимую землю. Ноги вместе, колени согнуты, перекатиться на бок сразу после касания земли, внезапный шок от удара, перебивающий дыхание, - и вот капитан лежит лицом вниз, пытаясь понять, сломал ли он себе что-нибудь или нет. Через несколько секунд послышались глухие удары и шум падения - это приземлились остальные солдаты его отделения. Чека позволил себе полежать еще пару секунд, убедился, что у него все более или менее в порядке, встал, отстегнул парашют и побежал гасить купол. Покончив с этим, он вернулся к месту приземления, надел очки ночного видения и собрал своих людей.

- Все в порядке, парни?

- Удачный прыжок, сэр. - Первым к нему подошел Вега в сопровождении двух других солдат, затем показались остальные с черными парашютами в руках.

- Тогда за работу, рейнджеры.

"Глобмастер" продолжал полет почти прямо на юг, "замочил ноги" к западу от Номачу и снова снизился к самой поверхности моря, стараясь лететь так, чтобы гористый полуостров как можно дольше прикрывал его от далеких E-767. Затем он повернул на юго-запад, уходя от них как можно дальше, пока в двухстах милях от побережья Японии летчики не почувствовали себя в безопасности и не поднялись к коридору C-223, отведенному для гражданских авиалайнеров. Оставался лишь один вопрос: появится ли в назначенное время и в назначенном месте воздушный заправщик KC-10, чтобы у них было достаточно топлива для полета к Кваджалейну. Только после этого они смогут нарушить

радиомолчание.

Рейнджеры установили радиосвязь раньше их. Сержант-связист достал из рюкзака спутниковую рацию, должным образом сориентировал ее и отступал группу из пяти слов, ожидая подтверждения.

- Они благополучно приземлились, - произнес майор армии США, обращаясь к Джексону, который сидел за своим столом в Национальном центре руководства боевыми действиями.

Это не проблема, подумал адмирал. Главное - вернуть их обратно. Однако не следует торопиться, всему свое время. Он снял телефонную трубку аппарата прямой связи с Белым домом.

- Джек, рейнджеры высадились в заданной точке.

- Отлично, Роб. Ты нужен мне здесь, - сказал ему Райан.

- Зачем? У меня много дел и...

- Приезжай немедленно, Робби. - Послышался щелчок, и связь прервалась.

Затем они приступили к переноске груза. Огромные грузовые парашюты приземлились всего в двух сотнях метров от расчетной точки, намного ближе, чем предполагалось. Разбившись на пары, рейнджеры затаскивали пустые емкости для горючего вверх к тому месту, где кончался лес, рядом с высокогорной поляной. Покончив с этим, они протянули шланг и перекачали двадцать тысяч фунтов авиационного горючего JP-5 из одной большой резиновой емкости в шесть маленьких, расположенных попарно в заранее выбранных точках. На операцию потребовался час, и все это время четыре рейнджера патрулировали вокруг в поисках следов пребывания людей, но обнаружили только колею от четырехколесного мотоцикла. Впрочем, о ней их предупредили еще перед вылетом. Когда перекачка топлива завершилась, большую резиновую емкость, теперь пустую, сложили и закопали в землю, тщательно покрыв место дерном. Остальной груз пришлось переносить вручную и затем покрывать маскировочной сеткой. На это ушло еще два часа и потребовало от рейнджеров, измученных тяжелой работой и нарастающим нервным напряжением, максимальных усилий. Скоро встанет солнце, и на поляне не должно остаться ничего, что могло бы напомнить о человеческом пребывании. Под наблюдением старшего сержанта Веги проводилась работа по устранению всех, даже малейших, следов. Закончив с этим, рейнджеры, все еще находившиеся ниже границы леса, гуськом направились к ней, причем замыкающий заметал за собой следы. Такую маскировку нельзя было признать идеальной, но иного выхода не было. К рассвету, после двадцати четырех часов утомительного перелета и тяжелого труда, рейнджеры расположились на отдых на вражеской территории. Дрожа от холода, они не могли разжечь костер, чтобы согреться, и ели питательную, но холодную пищу.

- Джек, у меня масса дел, черт побери, - выпалил Робби, входя в кабинет Райана.

- У тебя больше нет здесь никаких дел. Вчера мы с президентом говорили о тебе. - Что ты имеешь в виду?

- Собирай вещи. Ты назначен командующим боевой авианосной группы "Стеннис". - Райану хотелось улыбнуться другу, но у него не хватило духа.

Какие улыбки, когда ты даешь своему другу столь опасное задание. Джексон

внезапно остановился.

- Ты уверен?

- Решение уже принято. Президент подписал приказ о твоём назначении.

Главкомандующий Тихоокеанским флотом уведомлен об этом решении президента.

Адмирал Ситон...

Робби кивнул.

- Да, мне довелось служить вместе с ним.

- В твоём распоряжении два часа. На авиабазе Эндрюз тебя ждет "Гольфстрим". Нам нужен человек, - объяснил советник по национальной безопасности, - знакомый с политическими ограничениями операции. Можешь идти до самого предела. Роб, но не дальше. Мы должны решить эту проблему не столько силой, сколько умом.

- Понимаю.

Райан встал и подошел к другу.

- Знаешь, мне очень неловко...

- Это мой долг, Джек.

"Теннесси" прибыла на свою позицию у берегов Японии и наконец сбавила ход до пяти узлов - нормальная скорость для патрулирования. Капитан третьего ранга Клаггетт воспользовался возможностью проверить координаты по выступающему утесу, известному морякам под названием "Жена Лота", и тут же отдал приказ о погружении на глубину шестьсот футов под слой термоклина. Экраны гидроакустиков пустовали - странная ситуация для обычно оживленных судоходных путей, но после четырех с половиной суток подводного плавания на опасно высокой скорости все испытывали облегчение. Армейский персонал успел адаптироваться к необычным условиям, и солдаты вместе с подводниками совершали пробежки на пустующей теперь ракетной палубе. В настоящий момент условия операции мало чем отличались от привычного распорядка подводного ракетноносца: оставаться незамеченным и по мере возможности собирать информацию о перемещениях сил противника. Нельзя сказать, что все это было таким уж увлекательным, но пока один Клаггетт знал о важности исполняемого ими задания.

По системе космической связи Сэнди Рихтера и его коллег проинформировали, что предстоящая операция получит, скорее всего, одобрение руководства. Это означало, что теперь им придется проводить больше времени на тренажерах, пока наземные группы технического обслуживания готовили их "команчи". К сожалению, в программу технической подготовки каждого аппарата входил монтаж к бортам странных и определенно не способствующих улучшению технологии крыльев, а также подвесных топливных баков для удлинения радиуса полета. Но Рихтер знал об этом с самого начала, да и к тому же никто не интересовался, что он думает по этому поводу. В настоящий момент проводилась окончательная оценка трех сценариев, и летные экипажи проходили их один за другим, механически выполняя телодвижения в реальном мире и одновременно приучая тела и сознание действовать в виртуальном.

- Черт побери, как мы сможем это сделать? - недоуменно спросил Чавез.

Настоящим русским не пришло бы в голову так возмущаться полученным приказом, подумал Щеренко.

- Я только передаю инструкции, поступившие из вашего управления, - сказал он. - Мне также известно, что ни одно официальное японское агентство не имеет отношения к исчезновению Коги.

- Вы полагаете, это дело рук Яматы? - спросил Кларк. Сказанное Щеренко несколько суживало широкое поле поисков и в то же время превращало невозможное задание во всего лишь просто опасное. - Разумное предположение. Вы ведь знаете, где он живет? - Мы видели издали этот небоскреб, - кивнул Чавез.

- Ах да, конечно - ваши фотографии. - Майору очень хотелось узнать, о чем конкретно идет речь, но глупо задавать подобный вопрос, да и к тому же он не был уверен, что эти два американца знают ответ.

- Если у вас есть и другие возможности в этой стране, советую воспользоваться ими. Мы тоже привлекаем всех своих агентов. Скорее всего именно Кога может стать ключом к политическому решению проблемы.

- Если такое вообще возможно, - заметил Динг.

- Очень приятно снова лететь с вами, капитан Сато, - приветливо сказал Ямата. Ему польстило, что его пригласили в летную кабину. Он обратил внимание и на то, что пилот принадлежит к настоящим патриотам, он искусный и опытный специалист, понимающий, что сейчас происходит. Как жаль, что такой талантливый человек не сумел занять более высокое положение в обществе, выбрал для себя столь низменную профессию.

Сато снял наушники и откинулся на спинку кресла.

- Приятная перемена после рейсов в Канаду.

- Как настроение на Американском континенте?

- Мне довелось побеседовать с несколькими предпринимателями, которые возвращались домой. По их мнению, американцы просто не могут понять, что происходит, они сбиты с толку.

- Это верно. - Ямата улыбнулся. - Их легко сбить с толку.

- Можно надеяться на дипломатическое урегулирование кризиса, Ямата-сан?

- Думаю, да. У них недостаточно сил, чтобы нанести нам решительный удар.

- Мой отец командовал эсминцем в прошлую войну. Мой брат...

- Да, капитан, я хорошо его знаю. - Ямата заметил, как при этих словах радостно вспыхнули глаза пилота.

- А мой сын - летчик-истребитель. Летает на "игле".

- Пока наши истребители проявили себя с лучшей стороны. Они сбили два американских бомбардировщика.

- Неужели? - Капитан Сато не знал об этом.

- Американцы пытались прощупать нашу противовоздушную оборону, - заметил промышленник. - И потерпели неудачу.

41. БАГ-77

- Вы вернулись! - радостно воскликнул владелец фирмы по прокату

мотоциклов.

Номури улыбнулся и кивнул.

- Да. Вчера у меня был особенно удачный день. Думаю, вам не стоит говорить о том, что значит "удачный" день для владельца небольшой компании, верно?

Его собеседник согласно кивнул.

- Летом у меня самые удачные дни - это те, когда не хватает времени на то, чтобы поспать. Извините меня за мой вид, - добавил он. Механик занимался своими мотоциклами все утро, которое начиналось у него чуть позже пяти. Номури встал так же рано, хотя и по другой причине.

- Хорошо вас понимаю. У меня тоже свое дело, а кто трудится усерднее людей, работающих на себя, а?

- Вы полагаете, что дзайбацу разделяют эту точку зрения?

- Те, с которыми я встречался, - нет. И все-таки вам повезло - вы живете в такой тихой и живописной местности.

- Ну, не всегда такой тихой. Вчера ночью наши военно-воздушные силы занимались здесь своими играми. Совсем рядом и очень низко пролетел реактивный самолет. Я проснулся от рева двигателей да так и не сумел снова уснуть. - Он вытер руки масляной тряпкой, налил две чашки чая и предложил одну гостю.

- Дозо, - поблагодарил Номури. - Сейчас они играют в очень опасные игры, - заметил он, ожидая, какой последует ответ.

- Чистое безумие, но кого интересует моя точка зрения? Уж во всяком случае не наше правительство. Они прислушиваются к тому, что говорят "великие люди". - Механик отпил несколько глотков и обвел взглядом свою мастерскую.

- Это беспокоит и меня. Надеюсь, Гото сумеет найти решение проблемы до того, как ситуация выйдет из-под контроля. - Номури выглянул наружу. Погода становилась хмурой. Надвигались тучи. Сзади послышалось сердитое ворчание. - Гото? Да он такой же, как и все остальные, в полном подчинении у хозяев, повинуется каждому их слову. Они водят его за нос, как быка, или за другую часть тела, ниже пояса, если верить слухам.

Номури усмехнулся.

- Да, я тоже слышал об этом. И все-таки он производит впечатление весьма энергичного мужчины, правда? - Чет сделал паузу. - Могу я снова взять один из мотоциклов?

- Берите номер шесть. - Механик указал на него пальцем. - Только что проверил и смазал его. Не забывайте о погоде, - предостерег он. - Вечером пойдет снег.

Номури поднял рюкзак.

- Хочу сделать фотографии горных вершин, затянутых облаками, для своей коллекции. Здесь так все тихо, и в голову приходят хорошие мысли.

- Тут тихо только зимой, - хмыкнул механик и снова взялся за работу.

Теперь Номури знал дорогу и поехал вдоль реки Таки вверх по течению тропинкой, обледеневшей от холода. Он чувствовал бы себя намного спокойнее, если бы у проклятого четырехколесного мотоцикла был получше глушитель. По крайней мере туман и влажный воздух должны отчасти заглушить рев мотора -

так он надеялся, направляясь по тому же пути, что и несколько дней назад. Через некоторое время он остановился, глядя на горную лужайку внизу и не видя там ничего необычного. Оставалось только догадываться... Что, если солдаты при высадке напоролись на засаду? Тогда мне конец, решил он. Но поворачивать обратно нельзя. Он снова опустился в седло мотоцикла и начал осторожно спускаться вниз по склону, пока не остановился посреди лужайки. Сбросив капюшон своей красной парки, он огляделся и заметил, что в нескольких местах помят дерн, а к деревьям ведут едва заметные следы. В этот момент на опушке появилась фигура, которая знаками подзывала его к себе. Агент ЦРУ включил двигатель и подъехал к человеку, следом за которым из леса вышли солдаты. Их оружие не было направлено на Номури, и по их лицам, покрытым маскировочной краской, и камуфляжным комбинезонам он все понял.

- Меня зовут Номури, - произнес он. - Пароль - "Фокстрот".

- Я - капитан Чека, - представился офицер, протягивая руку. - Нам и раньше доводилось работать с парнями из управления. Это вы выбрали для нас место десантирования?

- Нет, но я побывал здесь и проверил его пару дней назад.

- Странно, что в такой живописной местности никто не додумался построить себе охотничий домик, - задумчиво произнес Чека. - Мы даже видели здесь несколько оленей, маленьких таких. Надеюсь, сейчас не сезон охоты на них? - Замечание капитана застало Номури врасплох. Он совсем не задумывался об этом и ничего не знал о правилах охоты в Японии. - У вас есть что-нибудь для нас?

- Вот. - Номури расстегнул рюкзак и достал оттуда несколько телефонов сотовой связи.

- Вы меня не разыгрываете? - недоуменно спросил капитан.

- Японские военные имеют отличное оборудование для прослушивания радиопереговоров. Не забывайте, они изобрели много приборов, которыми пользуемся и мы. Но вот эти, - Номури усмехнулся, - есть практически у каждого японца, и ведущиеся переговоры автоматически кодируются. Сотовая связь охватывает всю страну, даже самые отдаленные районы вроде этого. Между прочим, вон на той вершине находится вышка ретранслятора. Короче говоря, пользоваться этими аппаратами гораздо безопаснее, чем вашими рациями. Счет за пользование ими оплачен до конца месяца, - добавил он.

- Вот будет приятно позвонить жене домой и сказать, что все идет хорошо, - мечтательно произнес Чека.

- Я бы проявил осторожность. Здесь список телефонов, по которым вы можете звонить. - Номури передал капитану листок бумаги. - Этот - мой. Вот номер телефона одного парня по фамилии Кларк. С ним еще один наш сотрудник - Чавез...

- Динг тоже здесь? - удивился старший сержант Вега.

- Вы знаете обоих?

- Прошлой осенью выполняли вместе операцию в Африке. Нам приходится выполнять много "специальных" заданий. Вы уверены, приятель, что можно называть их имена?

- Они работают под прикрытием. Будет лучше, если вы станете говорить с ними по-испански. Здесь не так много людей, говорящих на этом языке. Думаю,

вас не стоит предупреждать о том, чтобы переговоры длились минимальное время, - заметил Номури. Действительно, подобного предупреждения не требовалось. Чека кивнул и задал самый важный вопрос:

- Как насчет нашего вывода отсюда? Номури повернулся и протянул руку, но местность в этом направлении была затянута туманом.

- Вон там лощина. Направитесь к ней, затем спуститесь к городу Хирозе. Там я встречу вас, посажу на поезд, идущий до Нагойи, и оттуда вы полетите или на Тайвань, или в Корею.

- Так просто? - Вопрос прозвучал скорее как сомнение.

- В Японии сейчас около двухсот тысяч иностранных бизнесменов. Вы ведь одиннадцать парней, приехавших из Испании, чтобы договориться о поставках вина, помните?

- Было бы неплохо пропустить сейчас стаканчик сангрии.. - Чека с удовлетворением убедился, что этот сотрудник ЦРУ получил должный инструктаж по поводу предстоящей операции. По опыту он знал, что так не всегда получалось. - И что теперь?

- Вы ждете здесь прибытия остальных участников операции. Если произойдет что-то непредвиденное, вы звоните мне, и я отправляю вас обратно. Если по какой-то причине не можете связаться со мной, проявляете инициативу и уходите сами. У вас должны быть паспорта, одежда, и...

- Да, все это у нас есть.

- Тогда все в порядке. - Номури достал из рюкзака фотоаппарат и принялся фотографировать горные вершины, окутанные облаками.

- Передачу вела компания Си-эн-эн, в прямом эфире из Пирл-Харбора, - закончил ведущий, и на экране появилась реклама. Аналитик разведывательной службы перемотал пленку, чтобы просмотреть ее еще раз. Казалось поразительным и в то же время совершенно обычным, что он получает столь важную информацию без всяких усилий. За несколько прошедших лет он узнал, что по сути дела американские средства массовой информации управляют страной. Это является неисчерпаемым источником разведывательной информации и одновременно приносит, к сожалению, немало вреда. То, как они раздули тот несчастный случай в Теннесси, возбудило гнев всей страны и подтолкнуло народ к необдуманным действиям, затем то же самое случилось и с его страной. Единственное, что радовало, это кадры, которые он только что видел на телевизионном экране: два атомных авианосца по-прежнему находились в своих сухих доках, еще два, судя по последним сообщениям из той части мира, - в Индийском океане, а два оставшихся авианосца Тихоокеанского флота стояли в гавани Лонг-Бич, тоже в сухих доках, далекие от того, чтобы войти в строй. По сути именно это имело решающее значение в судьбе Марианских островов. Ему придется составить официальную оценку состояния американского флота, написав несколько страниц сухого текста, но на самом деле все сводилось теперь к одному: Америка по-прежнему могла причинить ущерб его стране, но ее возможность нанести решающий удар вдали от собственных берегов осталась в прошлом. Это означало, что в ближайшее время не следует ожидать серьезных военных действий.

Джексон не испытывал никаких угрызений совести по поводу того, что оказался единственным пассажиром на борту самолета VC-20B. К такой роскоши можно и привыкнуть, не говоря уже о том, что - он был вынужден признать - птички BBC, предназначенные для высокопоставленных пассажиров, были куда удобнее, чем у Военно-морского флота. К тому же у флота они представляли собой главным образом переоборудованные Р-3 "орионы", чьи турбовинтовые двигатели позволяли самолетам развивать скорость чуть больше половины скорости двухмоторных реактивных птичек BBC. Совершив только одну непродолжительную остановку для дозаправки на базе BBC Тревис, недалеко от Сан-Франциско, он меньше чем через девять часов оказался на Гавайях. Когда самолет зашел на посадку на авиабазу Хикэм, адмирал посмотрел вниз и увидел, что "Энтерпрайз" все еще находится в сухом доке. Первый атомный авианосец США, гордость американских ВМС, все еще стоял на ремонте, не готовый принять участие в боевых действиях. С эстетической точки зрения это произвело на Джексона тягостное впечатление. Но еще важнее было то, что всегда лучше иметь в своем распоряжении две огромные палубы для взлета и посадки самолетов морской авиации, чем одну.

- Ты получил боевую авианосную группу, парень, - тихо прошептал Джексон. Это было пределом мечтаний каждого морского летчика. Боевая авианосная группа 77, олицетворяющая воздушную мощь Тихоокеанского флота, и теперь, независимо от того, состоит она из двух авианосцев или только одного, подчиняется лишь ему и готова отплыть навстречу опасности. Лет пятьдесят назад он, может быть, испытывал бы волнение. Может быть, когда авианосцы Тихоокеанского флота с сотнями самолетов палубной авиации плавали под командованием Билла Хэлси или Рэя Спрюанса, люди стремились занять такой пост. По крайней мере так явствовало из кинофильмов военного времени и то же самое гласили бортовые журналы. Но что из этого было всего лишь рисовкой? - подумал теперь Джексон, размышляя о боевой авианосной группе, командиром которой стал. Интересно, проводили Хэлси и Спрюанс бессонные ночи, думая о судьбе молодых людей, которых они посылали на смерть, или нет? А может быть, в то время мир просто был иным и тогда война считалась всего лишь естественным событием, чем-то вроде эпидемии полиомиелита - еще одним бедствием, исчезнувшим сейчас. Да, действительно, целью его жизни было стать командиром боевой авианосной группы, но Джексон никогда не собирался руководить боевыми действиями - конечно, признался он, в бытность младшим лейтенантом или даже лейтенантом ему хотелось принять участие в воздушном бою, зная, что он летчик американских ВМС, а значит, лучший в мире, отлично подготовленный и снаряженный, и способен на деле доказать это.

Но с течением времени он был свидетелем гибели в авиакатастрофах слишком многих друзей. Во время войны в Персидском заливе Джексону удалось сбить истребитель противника, и еще четыре он сбил одной безоблачной ночью под усыпанным звездами небом над Средиземным морем, но эти четыре победы были, скорее, несчастным стечением обстоятельств. Джексон стал причиной гибели людей без всякой разумной на то причины, и, хотя он никому не говорил об этом, даже жене, его терзало то обстоятельство, что он по сути дела стал жертвой обмана, который вынудил его убить людей. Это не было его собственной ошибкой, а всего лишь вынужденными действиями. Но для военных сама война

почти всегда являлась одной огромной ошибкой, а теперь ему приходилось сыграть свою роль в еще одной такой ошибке, вместо того чтобы использовать боевую авианосную группу - БАГ-77 - для выполнения главной задачи - задачи сдерживания и с помощью самого факта ее существования не допустить развязывания войны. Единственным утешением было то, что и сейчас в допущенной ошибке, в трагическом стечении обстоятельств не было его вины.

Бывает, и свинья летает, подумал он, когда самолет замер на месте. Стюард открыл дверцу и бросил чемодан Джексона в руки сержанта ВВС, который проводил адмирала к вертолету, готовому доставить Джексона в штаб главнокомандующего Тихоокеанским флотом адмирала Дейва Ситона. Пора вести себя, как подобает профессиональному военному, напомнил себе Джексон. Каким бы неприятным ни было задание, он обязан выполнить его и возглавить авианосную группу. За время перелета Робби обдумал ситуацию, и теперь пришло время забыть о вопросах и сомнениях.

- За это мы перед ними в большом долгу, - заметил Дарлинг и, нажав на кнопку пульта дистанционного управления, выключил телевизор.

Самым странным было то, что технику такого показа разработали для демонстрации рекламы во время бейсбольных матчей. Это было модификацией системы "голубого экрана", используемой при съемках кинофильмов. Теперь с помощью новейшей компьютерной технологии стало возможным пользоваться такой техникой в масштабе реального времени, и таким образом на заднем плане за спиной игрока с битой могла появляться реклама местного банка или автомобильной фирмы, тогда как на самом деле задний план представлял собой всего лишь зеленое поле бейсбольного стадиона. В данном случае телерепортер мог вести передачу в прямом эфире из Пирл-Харбора - за пределами военно-морской базы, разумеется, - а позади виднелись очертания двух авианосцев в сухих доках с летающими вокруг чайками и крошечными фигурками рабочих, похожими на муравьев,двигающихся внутри доков, причем все это выглядело так же реально, как любое другое изображение на телевизионном экране, которое, в конце концов, представляло собой всего лишь комбинации разноцветных точек.

- Они американцы, - коротко ответил Джек. К тому же именно он принудил их к этому, снова изолировав президента от не слишком этичных действий, способных повлечь за собой самые опасные политические последствия. - Их долг - быть на нашей стороне. Нам пришлось всего лишь напомнить им об этом.

- Это приведет к желаемым результатам? - На этот раз вопрос был более трудным.

- Какое-то время мы сумеем держать их в неведении, но, может быть, этого будет достаточно. Нами разработан хороший план, хотя и требуется немного везения, чтобы его осуществить. В двух случаях нам уже повезло. Самое главное заключается в том, что они ожидают увидеть это. Они ожидают увидеть оба авианосца в сухих доках, рассчитывают, что средства массовой информации растреляют об этом по всему миру. Сотрудники разведывательных служб мало чем отличаются от рядовых обывателей, сэр. У них заранее создается какое-то впечатление, и, когда они видят это в реальной жизни, зрелище всего лишь подтверждает их проницательность и дальновидность - так

им кажется.

- Сколько человек нам придется убить? - последовал прямой вопрос президента.

- Немало. Точное число нам неизвестно, и мы сделаем все возможное, чтобы жертв было как можно меньше, но, сэр, операция заключается...

- Я знаю. Мне ведь приходилось принимать участие в боевых операциях, помните? - Дарлинг закрыл глаза, вспоминая школу пехотной подготовки в Форт-Беннинге, в штате Джорджия. Успех операции - прежде всего. Только так должен думать лейтенант, и вот теперь впервые он понял, что и президент должен думать точно так же. Это показалось ему несправедливым.

В это время года в высоких широтах солнце редко появляется на небе, что вполне устраивало полковника Закариааса. Потребовалось всего пять часов на перелет с базы Уайтмен в Элмендорф, и весь полет проходил в темноте, потому что бомбардировщик Б-2А летает при дневном свете, только когда надо, чтобы его видели, а спроектирован он как раз не для этого. Бомбардировщик оказался великолепным самолетом с прекрасными летными данными и стал запоздалым доказательством того, что идея Джека Нортропа, появившаяся у него еще в тридцатые годы, была правильной: самолет, который состоит только из несущих плоскостей, имеет наиболее выгодные аэродинамические формы. Дело было всего лишь в том, что системы управления таким самолетом нуждались в компьютеризованном контроле для придания летательному аппарату необходимой стабильности в полете, а компьютеры появились незадолго до смерти Нортропа. По крайней мере он успел увидеть если не сам самолет, то его модель, созданную разумом конструктора.

Почти все в бомбардировщике Б-2А было функционально. Его форма позволяла разместить в одном ангаре, предназначенном для одного обычного бомбардировщика, три таких самолета. Он стремительно поднимался ввысь, а затем, набрав высоту, при полете на крейсерской скорости пил топливо чашками, а не галлонами. По крайней мере так утверждал командир авиакрыла.

Поврежденный Б-1Б после проведения первоочередных ремонтных работ был готов к возвращению на авиабазу Элмендорф. Лететь придется на трех двигателях, что не составляло особой трудности для самолета, несущего в качестве полезного груза только запас горючего и экипаж. Сейчас на Шемье разместились и другие самолеты. Три птички Е-3В АВАКС раннего радиолокационного обнаружения, высланные с базы ВВС Тинкер в Оклахоме, поочередно вылетали для воздушного патрулирования, хотя на острове имелись и наземные РЛС, самой большой из которых была мощная система обнаружения баллистических ракет "Кобра-дейн", построенная в семидесятые годы. Нельзя было исключить теоретическую возможность того, что японцы, прибегнув к помощи воздушных заправщиков, нанесут бомбовый удар по Шемье, повторив то, что сумели сделать израильтяне, уничтожив штаб Организации освобождения Палестины в Северной Африке, и, хотя вероятность подобной операции была ничтожной, ее все равно следовало принимать во внимание.

В качестве защиты от такой угрозы ВВС США сумели расположить на острове всего четыре истребителя F-22 "рапира", это были первые истребители

в мире, созданные целиком с использованием технологии "стелс". Они проходили летные испытания на базе ВВС Неллис и были переброшены на самый край земли вместе с четырьмя опытными пилотами и группами наземного технического обеспечения. Однако "рапира", известная пилотам как "Молния-П" - такое название первоначально было выбрано фирмой-производителем "Локхид", - была предназначена не для целей обороны, и теперь, когда солнце после недолгого пребывания над горизонтом исчезло за его кромкой, наступило время операций, для которых этот истребитель был создан. Как всегда, первым взлетел воздушный заправщик, летчики-истребители после предполетного инструктажа еще не успели подойти к укрытиям, где стояли их самолеты, как он уже был в воздухе.

- Если он улетел еще вчера, почему в квартире горит свет? - спросил Чавез, глядя на освещенные окна пентхауса.

- Может быть, это работает таймер, чтобы отпугнуть воров? - пошутил Джон.

- Это тебе не Лос-Анджелес.

- Тогда остается предположить, что там кто-то есть, Евгений Павлович. - Кларк круто повернул руль, сворачивая в соседнюю улицу.

Хорошо, нам известно, что Кога не арестован местной полицией, думал он. Мы знаем, что во главе всей гигантской операции стоит Ямата. Нам также известно, что Канеда, начальник его службы безопасности, по-видимому, убил Кимберли Нортон. Мы знаем, что Ямата улетел из Токио. А теперь мы убедились, что в его квартире горит свет...

Кларк нашел свободное место и поставил машину у тротуара. Затем они с Чавезом покинули автомобиль и прежде всего обошли квартал. Внимательно глядя по сторонам, они провели так называемую рекогносцировку, которая оказалась гораздо обыденнее, чем предполагалось.

- Мы еще многого не знаем, - покачал головой Чавез.

- Похоже, ты рассчитывал посмотреть ему в глаза, Доминго, - улыбнулся Кларк.

У него безжизненные глаза, подумал Кога, совсем непохожие на человеческие; большие и темные, они кажутся сухими и смотрят не отрываясь на него, а может, просто в его сторону да так и замерли, подумал бывший премьер-министр. Какими бы ни были эти глаза, догадаться, что скрывается за ними, невозможно. Кога слышал о Киоши Канеде, и чаще всего, говоря о нем, употребляли слово ронин - так называли самурая, который потерял своего повелителя и не сумел найти нового, что считалось величайшим позором в давние времена. Такие люди превращались в бандитов или, что того хуже, утрачивали связь с самурайским кодексом чести бусидо, которым тысячелетиями руководствовались японцы, имевшие привилегию носить оружие и пользоваться им. Найдя нового хозяина, они становились фанатиками, потому что были готовы на все, лишь бы снова не превратиться в изгоев.

Кога понимал, что это пустые размышления, потому что век самураев вместе с правившими ими феодалами остался в далеком прошлом, но вот перед ним сидел живой анахронизм и смотрел на телевизионный экран, где по каналу

Эн-эйч-кей показывали драму из жизни самураев. Канеда пил чай и зачарованно следил за тем, как развиваются события. Он сидел не двигаясь, словно загипнотизированный стилизованными действиями героев фильма, по сути дела представляющего собой японский вариант американских вестернов пятидесятых годов, несложных мелодрам, где добро боролось со злом, правда, в японском варианте было одно исключение: герой, всегда немногословный, всегда непобедимый, всегда таинственный, пользовался вместо револьвера двухручным мечом. И как успел убедиться за последние полтора дня Кога, этот кретин Канеда не пропускает ни одной такой мелодрамы.

Кога встал и подошел к книжной полке. Голова Канеды тут же повернулась, и глаза уставились на него. Сторожевой пес, не оглядываясь, подумал Кога, выбирая книгу, бдительный и грозный, особенно при поддержке еще четырех охранников, двое из которых сейчас спали - один на кухне, другой за дверью. Кога знал, что у него нет ни малейшей надежды на побег.

Возможно, Канеда кретин, но таких людей всегда следует опасаться.

Интересно, кто он? - подумал Кога. Не иначе бывший якудзи. На теле у него нет чудовищных татуировок, как у других членов этих бандитских кланов, которые намеренно стараются выделиться, демонстрируя свою принадлежность к преступной среде. Канеда был в строгом костюме бизнесмена, разве что позволил себе расстегнуть пиджак. Даже поза этого ронина казалась застывшей, словно он окаменел, заметил Кога, раскрыв перед собой книгу, но глядя на тюремщика. Он понимал, что не сможет победить его в рукопашной схватке - Кога никогда не увлекался боевыми единоборствами, родившимися в Японии, да и физически Канеда выглядел очень сильным. К тому же он был здесь не один.

Действительно, Канеда походил на сторожевого пса. Неподвижный и на первый взгляд словно оцепеневший, на самом деле он был подобен сжатой пружине, готовый в любой момент вскочить и вступить в схватку. Вел он себя вежливо, но только до тех пор, понимал Кога, пока выполнялись его требования. Было ясно, насколько он опасен, так что будить в нем зверя было чистым безумием. Бывший премьер-министр ощущал стыд от мысли, что боится этого неотесанного бандита. С другой стороны, он испытывал страх перед ним именно потому, что был умным и осторожным человеком, не желающим упускать единственный шанс на спасение - каким бы крохотным этот шанс ни был - на безнадежную схватку, в которой не сможет победить. У многих промышленников служили такие люди. Некоторые из них даже носили оружие, что было почти немыслимо в Японии, однако кое-кто умел найти подход к чиновникам и получить крайне необычное, но вполне официальное разрешение. Подобная процедура не столько пугала Когу, сколько вызывала у него отвращение. Двухручный меч ронина был достаточно ужасен, но сегодня выглядел бы просто театрально, однако огнестрельное оружие казалось ему воплощением зла, оружием труса и не могло иметь места в японской культуре. А в данном случае дело обстояло именно так. Канеда был трусом, без сомнения, человеком, не способным наладить собственную жизнь, и даже закон осмеливался нарушить только по прямому приказу своего хозяина. Подобные люди использовались для того, чтобы подчинять себе профсоюзы и устранять конкурентов. Они нападали на демонстрантов, иногда совершенно открыто, и добивались своего, потому что полиция предпочитала не обращать на них внимания или просто не приезжала

вовремя, хотя репортеры и фотографы каждый раз успевали на место столкновения, собирая материал на злобу дня. Все эти бандиты и те, кто повелевали ими, мешали торжеству подлинной демократии в стране. Теперь он особенно остро осознал это и испытывал горечь от того, что, посвятив свою жизнь искоренению зла, потерпел неудачу. И вот он здесь, в пентхаусе Яматы, под охраной таких бандитов. Может быть, его выпустят на свободу, когда он уйдет в политическое небытие, став свидетелем того, как его страна полностью окажется во власти новых хозяев - или старых, скрывавшихся раньше в тени. И он будет бессилён что-либо предпринять. Вот почему Кога сидел с книгой в руках, наблюдая за Канедой, увлеченным драмой, которая разворачивалась на экране телевизора. Начало, развитие и конец ее были ясны с первых кадров, а Канада делал вид, что все это реально и ново, хотя на самом деле происходящее было старо как мир.

Подобные бои происходили только на тренажерах или, скорее, на аренах римских цирков в другие времена. Оба противника располагали самолетами раннего радиолокационного обнаружения - на стороне японцев E-767, на стороне американцев E-3B, которые находились так далеко, что не могли видеть друг друга даже на многочисленных экранах, хотя и те и другие с помощью приборов следили за сигналами противника. Между ними находились гладиаторы. Вот уже в третий раз американцы прощупывали противовоздушную оборону Японии и в третий раз терпели неудачу.

Американские самолеты АВАКС находились в шестистах милях от Хоккайдо, а в сотне миль впереди них летели истребители F-22, занимаясь "прочесыванием", как называл это командир эскадрильи. К ним приближались японские "иглы" F-15, которые входили сейчас в радиолокационную зону американских самолетов раннего обнаружения, но по-прежнему оставались в зоне действия своих E-767. По команде американские истребители разошлись попарно в стороны. Одна пара на крейсерской скорости, превышающей девятьсот миль в час, устремилась на юг и постепенно сближалась с японским патрульным периметром.

- У них огромная скорость, - заметил японский диспетчер. "Вести" американцев было трудно. В конструкции американских истребителей использовались элементы технологии "стелс", однако размеры и мощность радиолокационных антенн на самолетах "ками" снова позволили преодолеть это препятствие. Диспетчер направил свои "иглы" на юг, прикрывая направление возможного прорыва. Стремясь продемонстрировать американцам, что их "ведут", он выбрал электронной указкой соответствующие характерные вспышки и распорядился, чтобы радиолокатор каждые несколько секунд направлял на них свои импульсы, удерживая их на цели. Теперь у американцев не будет ни малейшего сомнения, что ведется слежение за всеми их маневрами, что хваленая технология "самолетов-невидимок", призванная побеждать радиолокаторы, для новых, более мощных радаров недостаточно эффективна. Чтобы обострить ситуацию, японский диспетчер переключил частоту передатчика с поисковой на управление огнем. Вообще-то самолеты раннего радиолокационного обнаружения находились слишком далеко, чтобы наводить ракеты на цель, но даже в таком случае это послужит еще одним доказательством того, что в любой момент

японские радиолокаторы способны ярко осветить цель и навести на нее ракеты. По крайней мере американцы поймут преподанный им урок. Вначале сигнал стал постепенно затухать и в конце концов почти исчез, но потом за дело принялся компьютер и выделил его из беспорядочного потока помех и усилил. Теперь мощный радиолокационный сигнал замкнулся на американских истребителях - по крайней мере диспетчер полагал, что это должны быть истребители. Бомбардировщик Б-1 обладал не меньшей скоростью, но заметно уступал в маневренности. Да, это, конечно, истребители, и они представляют собой козырную карту американцев, но все-таки недостаточно выигрышную. Может быть, теперь, когда американцы поймут это, дипломатия изменит положение раз и навсегда, и в северной части Тихого океана снова воцарится мир.

- Смотри, как повернули "иглы", перекрывая дорогу нашим истребителям. - Старший диспетчер не отрывал взгляда от экрана.

- Кажется, они словно привязаны к "семеркам", - согласился его сосед. Летчик-истребитель, он только что прибыл с авиабазы в Лэнгли, штаб-квартире командования боевыми действиями американских ВВС, где разрабатывалась тактика использования истребителей в бою.

На другом дисплее было видно, что в воздухе находятся три японских Е-767. Два из них выдвинулись вперед, заняв передовой периметр патрулирования, а третий оставался позади, барражируя у самого побережья острова Хонсю. Этого следовало ожидать. Более того, именно так и приходилось поступать японцам, потому что радары на всех трех самолетах раннего радиолокационного обнаружения действовали на пределе мощности при слежении за американскими истребителями, едва видимыми на экранах.

- Теперь мы знаем, почему они сумели поразить обоих "лансеров", - заметил летчик из Виргинии. - Они могут переключаться на высокие частоты и освещать цели своими радарами для последующей атаки "иглов". Наши парни даже не подозревали, что к ним летят ракеты. Здорово придумано.

- Было бы неплохо заполнить несколько таких локаторов, - согласился старший диспетчер.

- Зато сейчас мы знаем, как обмануть японцев, - заметил офицер из Лэнгли, уверенный, что сумел найти выход. Старший диспетчер сомневался.

- Убедимся в этом через несколько часов, - сказал он.

Санди Рихтер летел даже ниже, чем осмелился лететь С-17. К тому же скорость полета у него была намного меньше, всего сто пятьдесят узлов, и он уже устал от странного сочетания стрессов и однообразия, связанных с полетом над поверхностью моря. Прошлой ночью он и два вертолета его звена перелетели на Западную Петровку, еще один бывший аэродром неподалеку от Владивостока, использовавшийся раньше МиГами. Там они как следует выпалились - наверняка им не придется нормально спать еще несколько предстоящих суток - и в десять вечера взлетели, осуществляя свой этап в операции "Зорро". Теперь к бортам каждого вертолета было прикреплено что-то вроде кургузых крыльев, к которым крепилось по паре дополнительных топливных баков, и хотя баки были необходимы, чтобы увеличить дальность полета, они заметно ухудшали радиолокационную невидимость винтокрылых машин, хотя были изготовлены из

фибергласа, прозрачного для радаров. На пилоте, вдобавок к обычному летному комбинезону и остальному снаряжению, красовался спасательный жилет. На эту уступку пришлось пойти, поскольку того требовали правила, хотя в действительности спасательный жилет вряд ли поможет при катастрофе - вода в пятидесяти футах внизу была слишком холодной для человека. Санди постарался выкинуть эту мысль из головы, поудобнее устроился в кресле и сосредоточился на управлении вертолетом. Стрелок-радист, сидевший позади, следил за приборами.

- Все по-прежнему спокойно, Санди. - Экран оповещения об опасности оставался чернее окружающей их ночи, когда они повернули на восток, к Хонсю.

- Понял. - За ведущим вертолетом в десяти милях друг от друга следовали еще два "команча".

Несмотря на то что RAH-66A был всего лишь вертолетом и притом маленьким, кое в чем он являлся самым совершенным летательным аппаратом в мире. Внутри корпуса из композитных материалов находилось два мощных компьютера, впервые установленных на борту винтокрылой машины, причем один из них был всего лишь запасным, на случай выхода из строя основного. В настоящий момент главной задачей компьютера было определить плотность радиолокационного прикрытия, через которое им предстояло проникнуть, и рассчитать относительное радарное сечение корпуса вертолета, сравнив его с известными или предполагаемыми возможностями электронных глаз, обшаривавших сейчас небо. Чем ближе они подлетали к побережью Японии, тем более обширными становились на дисплее желтые участки возможного обнаружения и красные - определенного.

- Приступаем ко второму этапу операции, - негромко приказал представитель командования боевыми операциями ВВС.

На борту всех истребителей F-22 находилась мощная аппаратура постановки электронных помех, что еще больше увеличивало их радиолокационную невидимость, и по команде пилоты включили ее.

- А вот это не слишком умно, - пробормотал японский диспетчер. - Отлично. Должно быть, они знают, что мы их обнаружили. - На его экране внезапно появилась масса точек и вспышек - это электронный шум с американских истребителей нарушил прием сигналов, отражающихся от них. Он мог исправить положение двумя способами. Для начала диспетчер еще больше увеличил мощность радиолокационных импульсов, затем принялся перескакивать с одной частоты на другую. Первый способ, сразу заметил он, оказался более эффективным, потому что американская аппаратура глушения тоже была способна пользоваться разными частотами. Такой метод не являлся совершенным, но все-таки приносил успех. Программное обеспечение компьютера, осуществляющего слежение за самолетами, исходило из предположений. Они основывались на известном или расчетном местоположении американских истребителей. Далее, зная их скорость, осуществлялись поиски отраженных сигналов, соответствующих приблизительному курсу и скорости полета. Именно так производилось слежение за бомбардировщиками, пытавшимися недавно протиснуться японскую противовоздушную оборону. Проблема, однако, заключалась в том, что при такой

огромной мощности импульсов на экранах радиолокаторов снова начали появляться птицы и воздушные течения, так что выбирать среди них истинные цели становилось все труднее, пока диспетчер не нажал на еще Одну кнопку, после чего радиолокатор принялся осуществлять слежение за источниками электронных помех, которые были гораздо мощнее отраженных сигналов. Прибегнув к этой дополнительной мере, он сумел четко повести обе пары истребителей. Для этого потребовалось всего десять секунд - только на это время диспетчер утратил контроль за американскими самолетами. Чтобы продемонстрировать американцам, что им не удалось обмануть его, он включил предельную мощность и на мгновение перешел с режима поиска на режим наведения. Электронный импульс, посланный в сторону четырех истребителей, был таким мощным, что вывел бы из строя некоторые электронные системы у них на борту, если бы они не обладали надежной защитой. Было бы интересно сбить американцев таким образом, подумал он и вспомнил рассказы о гибели двух германских истребителей "торнадо", пролетевших слишком близко от антенны радиостанции, работавшей в режиме частотной модуляции. К его разочарованию, американцы просто повернули назад.

- Кто-то поставил мощные электронные помехи на северо-востоке.

- Хорошо, точно по плану, - ответил Санди Рихтер. Он взглянул на экран предупреждения об опасности и увидел, что через несколько минут войдет в желтую зону. Ему захотелось потереть лицо, но обе руки были заняты. Проверив запас топлива, Рихтер убедился, что подвесные баки под пилонами пусты. - Отстреливаю крылья, - произнес он.

- Понял - это нам поможет.

Санди сорвал предохранительную крышку с кнопки сбрасывания. Крылья-пилоны с подвешенными под ними баками были последним изменением конструкции "команчей", и кому-то наконец пришло в голову, что, если вертолет должен быть невидимым для радиолокаторов противника, будет неплохо избавляться от всех деталей, мешающих этому, еще в полете, приближаясь к опасному району. Рихтер на короткое время сбросил скорость и щелкнул переключателем, который подал электрический ток на разрывные болты. Крылья-пилоны вместе с пустыми теперь баками рухнули в Японское море.

- Успешное отделение, - подтвердил сзади стрелок-радист. Как только громоздкие крылья исчезли внизу, ситуация на экране предупреждения об опасности изменилась - компьютер неотрывно следил за тем, насколько эффективно действует технология "стелс", заложенная в конструкцию вертолета. Нос "команча" опустился вниз, и винтокрылая машина снова набрала прежнюю крейсерскую скорость.

- Их действия легко предсказуемы, правда? - заметил японский диспетчер, обращаясь к своему старшему подчиненному.

- Думаю, вы сумели доказать это. Но что еще лучше, вы продемонстрировали им наши возможности. - Офицеры переглянулись. Летные качества нового американского истребителя F-22 "рапира" до сих пор были им неизвестны и вызывали беспокойство. Теперь они пришли к выводу, что американцы не придумали ничего особенно потрясающего. Действительно, это

превосходный истребитель, и пилоты японских "иглов" должны относиться к нему с уважением, но он отнюдь не невидим для мощных радиолокаторов "ками".

- Предсказуемая реакция, - произнес американский военный диспетчер. - И они только что продемонстрировали нам что-то. Как ты считаешь, десять секунд?

- Маловато, но должно хватить, - отозвался полковник из Лэнгли, протягивая руку за чашкой кофе. - Теперь давай закрепим эту мысль. - На основном экране было видно, как истребители F-22 повернули обратно на север, а на самом краю зоны радиолокационного обнаружения АВАКСов японские F-15J сделали то же самое, повторяя маневр американских истребителей подобно яхтам, меняющим галс, стараясь находиться между "рапирами" и своими бесценными E-767, ставшими еще более незаменимыми после ужасных катастроф, происшедших несколькими днями ранее.

Когда полет над морем подошел к концу, пилоты вздохнули с облегчением. Поскольку "команч" обладал несравнимо большей маневренностью, чем транспортный самолет, пролетевший по этому же маршруту прошлой ночью, Рихтер выбрал участок, где полностью отсутствовали следы человеческого проживания, и повел свой вертолет по ущельям, пересекающим эту гористую местность, укрываясь от самолетов раннего радиолокационного обнаружения за скалистым грунтом, сквозь который не могли проникнуть даже мощные импульсы японских радаров.

- Сухие ноги, - облегченно произнес стрелок-радист с заднего сиденья. - Горючего осталось на сорок минут полета.

- Ты не разучился летать, размахивая руками вместо крыльев? - пошутил пилот, тоже испытывая некоторое облегчение, после того как они оказались над сушей. Если что-то произойдет - ну что ж, к рациону из риса можно и привыкнуть, правда? Через очки на шлеме он видел местность, покрытую зелеными тенями. Ни одного светящегося объекта - ни уличного освещения, ни окон домов, ни автомобильных фар, и к тому же наиболее опасная часть полета осталась позади. О самой операции Рихтер старался не думать. Он предпочитал беспокоиться только о ближайшем будущем. В этом случае можно рассчитывать на то, что проживешь дольше.

Последний горный хребет появился перед ним точно в рассчитанное время. Рихтер сбросил скорость и начал описывать круги, стараясь оценить направление и силу ветра. Одновременно он искал людей, которые должны были их встретить - так его проинструктировали. Наконец-то! Кто-то зажег крохотную зеленую шашку, и в его очках ночного видения вспышка показалась ярче полной луны.

- Ведущий "Зорро" вызывает базу "Зорро", прием.

- Ведущий, это база. Пароль - Гольф-Майк-Зулу, прием, - послышался ответ, означающий, что у них все в порядке. Рихтер надеялся, что рядом с человеком на земле не стоит японец с пистолетом, приставленным к затылку американского офицера.

- Иду на посадку. Конец связи. - Он быстро снизился, поднял нос вертолета и мягко приземлился на почти горизонтальной крошечной площадке у

самой опушки. Как только винтокрылая машина замерла на месте, из леса вышли трое. Они были одеты в форму американских солдат, и Рихтер позволил себе облегченно вздохнуть. Он сбросил обороты двигателей, давая им охладиться, прежде чем выключить совсем. Несущий винт еще не успел остановиться, как к топливному баку присоединили шланг.

- Добро пожаловать в Японию. Я - капитан Чека.

- Сэнди Рихтер, - представился пилот, спускаясь, из кабины.

- Никаких проблем во время перелета?

- Теперь - никаких. - Черт побери, я ведь прилетел, не правда ли? -

едва не ответил Рихтер, все еще испытывая напряжение после трехчасового марафонского полета для вторжения в Японию. Вторжения? Силами одиннадцати рейнджеров и шести летчиков? Что дальше? - подумал он. Объявить по радио японским вооруженным силам, что они окружены и должны капитулировать?

- Я вижу, приближается второй, - заметил Чека. - Почти не слышно шума, верно?

- Мы не хотим лишней рекламы, сэр. - Отсутствие шума было самой удивительной чертой новых "команчей". Инженеры компании "Сикорский" давно знали, что главной причиной шума вертолетов является столкновение воздушных потоков от хвостового и несущего винтов. На RAH-66 на хвостовом винте была установлена направляющая насадка, а несущий винт состоял из пяти относительно широких лопастей, изготовленных из композитных материалов. В результате акустическая сигнатура нового "команча" не достигала и трети от уровня шума, издаваемого любым существующим винтокрылым аппаратом. Да и расположение места посадки способствует этому, подумал Рихтер, оглядываясь вокруг. Масса деревьев, разреженный горный воздух. Неплохое место для операции, решил он, наблюдая за посадкой второго "команча" в пятидесяти метрах от его машины, которую уже заправили, а теперь натягивали над нею маскировочную сетку, укрепляя ее на шестах, вырезанных из молодых сосенок.

- Пошли, мы вас накормим.

- Настоящей пищей или походными концентратами? - поинтересовался пилот.

- С чем-то приходится мириться, мистер Рихтер, - пожал плечами капитан Чека.

Летчик помнил то время, когда в полевой рацион входили сигареты. Но это было давно, еще до появления новой здоровой армии, да и какой смысл просить сигарету у рейнджера? Чертовы атлеты!

"Рапиры" улетели через час, убедившись, решили японцы, что им не под силу проникнуть сквозь линию раннего радиолокационного обнаружения, состоящую из самолетов "ками" и истребителей "игл", защищающую острова с северо-востока. Даже лучшие американские самолеты и электронные системы не могут справиться с японской противовоздушной обороной. Японские диспетчеры видели на своих экранах, как радиолокационные контакты растаяли вдалеке, а скоро прекратились также и импульсы с АВАКСов E-3B, возвращавшихся обратно на Шемя, чтобы сообщить командованию про очередную неудачу.

Американцы - реалисты, решили японцы. Смелые воины, это верно - офицеры на борту E-767 не допускали ошибки, совершенной их предшественниками, считавшими, что американцам не хватает решимости для настоящей битвы.

Подобная ошибка дорого стоила японскому народу. Однако война представляет собой в первую очередь соревнование военной техники, и тут американцы позволили себе опуститься ниже допустимого уровня, восстановить который невозможно. Они попали в безвыходное положение и наверняка сожалеют теперь об этом.

"Рапирам" пришлось осуществить дозаправку в воздухе, чтобы вернуться на авиабазу. Они больше не прибегали к сверхкрейсерской скорости, потому что напрасный перерасход топлива не имел теперь смысла. На Шемье погода снова была плохой, истребители совершили посадку под управлением наземной диспетчерской службы и вырулили затем к своим ангарам, где им пришлось потесниться из-за прибытия четырех ударных "иглов" F-15E с авиабазы Маунтин-Хоум в штате Айдахо. Пилоты "рапир" тоже считали, что операция прошла успешно.

42. Молниеносные удары

- Вы с ума сошли! - воскликнул Щеренко.

- Подумайте сами, - заметил Кларк, снова сидя в кабинете резидента в здании российского посольства. - Мы стремимся к политическому решению проблемы, не так ли? Тогда наш лучший шанс - Кога. Вы сказали нам, что японская служба безопасности не арестовывала его. Так кто же мог сделать это? Скорее всего, он все еще находится там. - По счастливой случайности здание с пентхаусом Яматы на верхнем этаже было видно даже из окна кабинета майора Щеренко.

- Вы считаете это осуществимым? - спросил русский, обеспокоенный тем, что американцы могут обратиться с просьбой о помощи, оказать которую он не сможет.

- Без риска не обойтись, но маловероятно, что Когу охраняет целая армия. Ямата наверняка не хочет привлекать к этому внимание. Думаю, там охрана из пяти или шести человек, не больше.

- А вас всего двое! - воскликнул Щеренко.

- Джон говорит правильно, - холодно улыбнулся Динг. - Нам тоже не надо привлекать внимание.

Значит, старое досье на Кларка, составленное еще во времена КГБ, верно описывает его. Он вовсе не разведчик, а специалист по тайным операциям. То же самое относится и к его молодому партнеру, который, высокомерно улыбаясь, смотрит сейчас в окно.

- Я ничем не смогу помочь вам при этой операции.

- Как насчет оружия? - спросил Кларк. - Только не говорите, что у вас здесь нет ничего. Тогда что это за резидентура? - Он знал, что русскому придется пойти на уступки. Жаль, что у них не принято проявлять инициативу.

- Прежде чем дать определенный ответ, мне нужно получить разрешение из центра.

Кларк кивнул, поздравив себя с правильной догадкой, и открыл крышку своего портативного ноутбука.

- Нам тоже. Вы обратитесь к своему руководству, а мы - к своему.

Джоунз погасил сигарету в алюминиевой пепельнице с эмблемой военно-морского флота. Чья-то пачка сигарет лежала в ящике стола, возможно, на случай наступления именно такого критического момента. Когда начинается война, о благопристойных правилах мирного времени мгновенно забывают. Оказывается, старые привычки - особенно дурные - легко возвращаются, но ведь и войну не назовешь чем-то хорошим, верно? Он также заметил, что адмирал Манкузо смотрит на дымящуюся сигарету тоскующим взглядом, поэтому твердой рукой придавил окурок.

- Как дела у тебя, Рон?

- Чтобы получить хорошие результаты с этим оборудованием, нужно всего лишь потратить побольше времени. Нам пришлось целую неделю обрабатывать полученные данные. Мы начали с надводных судов. - Джоунз подошел к карте на стене. - Определяли положение эсминцев...

- Начиная с самой... - вмешался капитан первого ранга Чеймберз, и его тут же прервали.

- Так точно, сэр, с самой середины Тихого океана. Я переходил с широкого диапазона на узкий и обратно, сверялся с погодой и наносил на карту их координаты. - Джоунз провел указкой по силуэтам кораблей, прикрепленным к карте.

- Это хорошо, Рон, но у нас для этого есть данные космической фотосъемки, - напомнил ему командующий подводными силами Тихоокеанского флота.

- Значит, я оказался прав? - спросил подрядчик.

- Да, твои данные почти всюду совпадают с данными фоторекогносцировки, - согласился Манкузо. Затем он указал на остальные силуэты, приколотые к карте. - А это?

- Совершенно верно, Барт. После того как я насобачился следить за эсминцами, мы принялись за подводные лодки. И знаешь что? Всякий раз, когда эти говнюки всплывают на шноркельную глубину, я их обнаруживаю. Смотри, вот здесь проходит их заградительная линия. Нам удавалось, по моим расчетам, определять координаты в одном случае из каждых трех, и мои пеленги более или менее постоянные.

На карте виднелись шесть четких контактов. Они находились внутри кругов диаметром от двадцати до тридцати миль. Рядом с еще двумя силуэтами стояли вопросительные знаки.

- И все-таки несколько остались неопознанными, - заметил Чеймберз.

- Верно, - кивнул Джоунз. - Зато точно известны координаты шести, может быть, даже восьми. Мы не можем прощупать гидролокационными датчиками побережье Японии - слишком далеко. Я слежу за купцами, плавающими к островам и обратно, но это все, на что мы способны, - признался он. - Кроме того, мне удалось обнаружить крупный двухвинтовой контакт, направляющийся на запад, к Маршалловым островам, и сегодня утром, по пути сюда, я заметил пустующий сухой док.

- Это тайна, - по лицу Манкузо промелькнула улыбка.

- Ну что ж, если бы я был на вашем месте, парни, я посоветовал бы "Стеннису" остерегаться японских лодок вон той патрульной линии. Может быть, вы также пожелаете направить сначала туда свои подводные лодки и расчистить

район, а?

- Пожалуй, мы так и сделаем, но я беспокоюсь относительно других, - признался Чеймберз.

- Рубка, это гидроакустик.

- Рубка слушает. - На дневной вахте стоял лейтенант Кен Шоу.

- Возможный гидролокационный контакт на пеленге ноль-шесть-ноль... по-видимому, подводный... еле слышный, сэр, - доложил старший акустик.

Процедура стала автоматической после бесконечных практических занятий во время перехода из Бремертона и Пирла. Огневая группа немедленно начала слежение. Технику анализатора прохождения волновых колебаний получил информацию прямо с гидроакустических приборов и с помощью этих данных попытался определить расстояние до цели. Для этого компьютеру потребовалась всего лишь секунда.

- Сигнал распространяется по прямой, сэр. Расстояние не превышает двадцати тысяч ярдов.

"Голландец" Клаггетт вообще-то не спал. Как обычно ведут себя капитаны, он лежал на койке у себя в каюте с закрытыми глазами, и ему даже снилось что-то странное и запутанное, вроде того что он сидит на берегу за рыбной ловлей, а сзади по песку к нему подползает рыба, все ближе и ближе. В этот момент он услышал голос старшего акустика. Каким-то образом Клаггетт мгновенно проснулся и оказался в боевой рубке, босиком и в одном белье. Он оглянулся по сторонам, проверил глубину, курс и скорость, затем пошел в гидропост, чтобы самому взглянуть на приборы.

- Докладывайте, старшина.

- Прямо вот здесь, на линии с частотой в шестьдесят герц. - Старшина постучал по экрану своим жировым карандашом. Контакт то появлялся, то исчезал, то появлялся, то исчезал, но все время возникал на экране - серия точек, спускающихся по водопадному дисплею, все на одной и той же линии частоты. Пеленг медленно менялся справа налево.

- Они находятся в море уже больше трех недель... - произнес Клаггетт, думая вслух.

- Это долго для дизельной подводной лодки, - согласился старшина. - Может быть, возвращается на базу для пополнения запасов?

Клаггетт наклонился к самому экрану, словно близость могла уточнить ситуацию.

- Может быть. Или он просто меняет позицию. У них хватит ума, чтобы установить патрульную линию у берегов. Держите меня в курсе.

- Слушаюсь, капитан.

- Что скажете? - спросил Клаггетт у группы слежения.

- Первое уточненное расстояние четырнадцать тысяч ярдов, общее направление движения - на запад, скорость примерно шесть узлов.

Контакт находился вполне в пределах досягаемости его усовершенствованных торпед, понял Клаггетт. Однако задачи, поставленные перед ним в этой операции, не позволяли ему предпринимать активные действия. Ну разве не здорово придумано?

- Подготовить две торпеды, - распорядился капитан. - После того как мы

установим хороший контакт с "нашим другом", уклонимся к югу. Если он продолжит сближение, постараемся уйти и будем стрелять лишь в том случае, если у нас не будет выбора. - Ему даже не понадобилось смотреть на членов экипажа, чтобы догадаться, о чем они думают. Он понял это по тому, как у них изменилось дыхание.

- Ну и что ты думаешь? - спросила Мэри-Пэт Фоули.

- Интересно, - ответил Джек, внимательно прочитав факс, полученный им из Лэнгли.

- Весьма благоприятная возможность. - Это был голос Эда Фоули. - Но чертовски рискованно.

- Они даже не уверены, что он находится там, - заметил Райан, перечитывая шифровку. Судя по тексту, она была написана Кларком - откровенная, краткая, сдержанная. Он всегда давал четкую картину обстановки и, хотя находился в самом начале командной цепочки, умел видеть и общую картину. - По этому вопросу мне придется посоветоваться с боссом.

- Не затягивай с решением, - посоветовала Мэри-Пэт, и по ее голосу Джек понял, что она улыбается. В конце концов, она всегда любила рисковать. - Мой совет - дать согласие на проведение операции.

- А как считаешь ты, Эд? - спросил Джек.

- Рискованно, однако иногда следует полагаться на мнение оперативного агента. Если мы хотим найти политическое решение конфликта - ну что ж, в этом случае нам понадобится политический деятель, согласный с нашей точкой зрения и готовый поддаться на давление. Когда нужен нам, и это может оказаться единственным шансом заполучить его обратно живым. - Советник по национальной безопасности слышал дыхание на другом конце системы кодированной телефонной связи. Муж и жена Фоули вели себя в точности, как и следовало ожидать. Но еще более важным было то, что они придерживались одной точки зрения.

- Я перезвоню вам через двадцать минут, - ответил Райан и переключился на обычный телефон. - Мне нужно немедленно поговорить с боссом, - произнес он, обращаясь к личному секретарю президента.

Солнце поднималось над горизонтом, предвещая еще один жаркий безветренный день. Адмирал Дюбро заметил, что худеет. Он чувствовал, что пояс на брюках стал свободнее, и затянул его еще на одну дырку. Теперь два его авианосца поддерживали постоянный контакт с индийским соединением. Иногда обе Эскадры подходили так близко, что могли разглядеть друг друга в бинокль, но обычно направленный вниз радиолокатор "харриера" осматривал американские корабли с расстояния миль в пятьдесят. Еще хуже было то, что Дюбро получил приказ не мешать индийцам делать это. Почему, черт возьми, он не направляется на восток, к Малаккскому проливу? Там начинается настоящая война. Адмирал рассматривал возможное вторжение индийцев на Шри-Ланку как личное оскорбление, но Шри-Ланка не была американской территорией, тогда как Марианские острова принадлежали Америке, а в распоряжении Дэйва Ситона было только два авианосца боевой группы Дюбро.

Ну хорошо, скрыть перемещение его авианосного соединения не удастся.

Ему придется пройти через один из проливов, чтобы вернуться в Тихий океан, и каждый из них переполнен судами, как Таймс-сквер в полдень людскими толпами. Не исключено, что там его будет поджидать и подводная лодка, но в распоряжении адмирала Дюбро находились корабли противолодочной обороны и они могут немедленно напасть на любую субмарину, которая попытается помешать проходу его эскадры через пролив. Однако полученный приказ ясно гласил, что ему надлежит остаться в Индийском океане и, более того, все должны видеть, где он находится.

Экипажи кораблей, разумеется, знали об этом. Он даже не пытался скрывать что-то от матросов. В любом случае такая попытка была бы обречена на неудачу, да и личный состав имел право знать, что происходит, прежде чем принять участие в боевых действиях. Им было необходимо подготовиться, "ощетиниться", так сказать, воспользоваться скрытыми резервами решительности перед тем, как перейти от мирного образа мыслей к военному - но после того, как подготовка закончится, необходимо приступать к делу. А вот как раз приступать к делу им и не разрешали.

В результате как он сам, так и все мужчины и женщины на борту кораблей авианосной группы испытывали одинаковые чувства: разочарование, раздражение и растущую ярость. Только вчера пилот одного из его "томкэтов" промчался между двумя индийскими "харриерами" на расстоянии не больше десяти футов, чтобы продемонстрировать им, кто настоящий летчик, а кто - нет, и, хотя это наверняка напугало индийские экипажи до полусмерти, такой поступок нельзя назвать действиями профессионала... Правда, Майк Дюбро вспомнил, что значит быть младшим лейтенантом, и подумал, что, может быть, и сам поступил бы точно так же. Впрочем, сделать выговор - легче не станет, но и оставить такой поступок безнаказанным тоже нельзя, хотя он не сомневался, что экипаж истребителя после полученного нагоняя отправится обратно в кают-компанию, недовольно бормоча по поводу старого пердуна на мостике, который не имеет представления о том, как управлять истребителем, потому что "спэд", на котором он летал в древности, имел, наверно, пружинный механизм - и не иначе его приходились перед каждым взлетом с палубы авианосца заводить ключом...

- Если они начнут стрелять первыми, мы понесем потери, - заметил капитан третьего ранга Харрисон, после того как доложил об успешном возвращении своего утреннего патруля.

- А если им придет в голову пустить в нас "эксосет", нам останется только свистать всех наверх со швабрами и подметать палубу, Эд. - Неудачная шутка, но и настроение у Дюбро нельзя было назвать веселым.

- Стоит им попасть "эксосетом" в хранилище авиационного керосина, и не понадобится даже этого, - проворчал начальник оперативного отдела. Ну вот, подумал адмирал, теперь и ближайший помощник становится пессимистом. Это никуда не годится.

- Покажи им, что такое поведение нам не нравится, - приказал Дюбро.

Через несколько мгновений корабли охранения включили радиолокаторы наведения и осветили индийские истребители, осмелившиеся слишком близко подлететь к американскому соединению. Адмирал увидел в бинокль, что на ближайшем крейсере типа "иджис" белые ракеты "корабль - воздух", находящиеся на направляющих пусковых установок, повернулись в сторону индийских

самолетов вместе с радарными наведениями на цель. Смысл этого был ясен: "НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ".

Он мог бы отправить в Пирл-Харбор очередную гневную шифровку, но у Дэйва Ситона и без того достанет забот, не говоря уже о том, что решения в Вашингтоне принимаются людьми, которые понятия не имеют о действительном положении.

- Стоит ли нам идти на это?

- Стоит, сэр, - ответил Райан, придя к такому заключению за время пути к Овальному кабинету. Это означало, что двое его друзей подвергнутся немалой опасности, но это их работа. К тому же принимать решения приходится ему - по крайней мере отчасти. - Причина этого очевидна.

- А если операция сорвется?

- Два наших агента идут на серьезный риск, но...

- Но для этого их и послали туда? - закончил Дарлинг, не считая нужным выбирать выражения.

- Оба - мои друзья, господин президент. Если вы считаете, что мне нравится...

- Успокойся, Джек, - заметил президент. - Сейчас много наших сограждан подвергается опасности, и, когда ты не знаешь, кто они, принимать решения не легче, а наоборот, труднее. Поверь мне, я выстрадал это. - Роджер Дарлинг посмотрел на свой стол, на лежащие там документы, касающиеся множества вопросов, не имеющих отношения к кризису в Тихом океане, которые нуждались тем не менее в его решении. Правительство Соединенных Штатов Америки представляло собой огромную корпорацию, и президент не мог упускать из виду ни одной проблемы, какой бы важной внезапно ни оказалась любая из них. Понимает ли это Райан?

Джек тоже увидел эти многочисленные документы. Вообще-то он не знал, о чем в них идет речь. Ни один из них не имел пометки с указанием уровня секретности. Это были самые обычные дела, которым тоже приходилось уделять немало внимания. Босс был вынужден находить время и для всего остального. Это несправедливо, подумал Райан, особенно для человека, который не стремился к такой ответственности. Но судьба распорядилась иначе, и Дарлинг добровольно принес клятву в качестве президента, потому что считал необходимым служить народу, как и он сам, если уж говорить откровенно. Пожалуй, мы действительно похожи друг на друга, решил Джек.

- Господин президент, прошу извинить меня за то, что я сказал. Да, сэр, я подумал об опасности, которой они подвергнутся, но вы правы, такова их работа. Более того, операцию предложил сам Джон. Вернее, это была его идея. Он отличный оперативник и отдает себе отчет в том, какому риску подвергаются агенты и насколько благоприятными могут оказаться результаты. Мэри-Пэт и Эд поддерживают мысль о проведении такой операции. Решение принимаете вы один, но мы рекомендуем одобрить ее.

- Вам не кажется, что вы хватаетесь за соломинки? - поинтересовался Дарлинг.

- Это не соломинка, сэр. Потенциально это, скорее, толстая ветка.

- Надеюсь, они проявят разумную осторожность.

- Вот тебе и на, - разочарованно произнес Чавез. Русский автоматический пистолет ПСМ имел калибр 5, 56, то есть диаметр ствола у него меньше, чем даже у малокалиберной винтовки с патронами бокового огня, из которых американские дети - по крайней мере те, что не слишком выдержаны политически, - учатся стрелять в лагерях бойскаутов. Этот пистолет состоял на вооружении российской армии и милиции, что, может быть, и служило объяснением того, почему русские преступники с таким презрением относятся к служителям правопорядка.

- Ну что ж, по крайней мере в машине лежит наше секретное оружие, - заметил Кларк, взвешивая в руке пистолет. Было заметно, что вес глушителя несколько улучшает баланс оружия. Русский пистолет еще больше укрепил его в мысли, которая появилась уже давно, - европейцы ничего не понимают в ручном оружии.

- Оно может нам понадобиться, - кивнул Динг. Они находились в тире для сотрудников службы безопасности, который имелся в российском посольстве. Чавез прикрепил бумажную мишень и, вращая ручку, отвел ее на огневой рубеж.

- Сними глушитель, - сказал Джон.

- Зачем? - удивленно спросил Динг.

- А ты посмотри на него, - посоветовал Кларк. Чавез взглянул на глушитель и увидел, что в русском исполнении он наполнен тонкой стальной стружкой. - Его хватит всего на пять или шесть выстрелов.

Зато здесь нашлись защитные наушники. Кларк вдавил в обойму восемь патронов, похожих на крошечные бутылочки, прицелился и трижды нажал на спусковой крючок. Послышались резкие щелчки, напоминающие удары кнута, и мощные заряды с огромной скоростью послали миниатюрные пули к цели. Кларк вздохнул. Ему хотелось бы держать сейчас в руке автоматический "кольт" с глушителем. Что ж, по крайней мере русский пистолет хоть бьет точно.

Щеренко молча наблюдал за американцами, раздраженный тем, что им не нравится русское оружие, и смущенный оттого, что они, вполне возможно, и правы. Сам он учился стрелять много лет назад и не сумел проявить особых способностей. Впрочем, вопреки бесчисленным голливудским фильмам, разведчику редко приходится прибегать к оружию. Это, однако, явно не относилось к американцам, которые раз за разом всаживали пули в центр десятки с расстояния в пять метров, стреляя парами патронов - на профессиональном жаргоне такие выстрелы называются "двойные тычки".

Закончив, Кларк почистил и смазал пистолет, зарядил обойму и взял вторую, которую положил в карман. Чавез последовал его примеру.

- Если вы когда-нибудь будете в Вашингтоне, - заметил Динг, - мы покажем вам пистолеты, которыми пользуемся.

- А как насчет секретного оружия, о котором вы говорили? - спросил Щеренко у старшего агента ЦРУ.

- Оно слишком секретно и не подлежит демонстрации.

Над Шемьей, как обычно, бушевал шторм. Ветер дул со скоростью тридцать метров в секунду и гнал завесы мокрого снега. Снежные вихри проносились по единственной взлетно-посадочной полосе авиабазы, и вой штормового ветра

угрожал нарушить сон летчиков, отдыхавших перед вылетом. Внутри ангаров, вплотную один к другому, стояли восемь истребителей. Защита от неблагоприятной погоды была особенно важна для "рапир" F-22, потому что еще не удалось окончательно выяснить, какой ущерб может нанести бушующая стихия их гладкой поверхности, изменив радиолокационное поперечное сечение. Заниматься этим сейчас не было времени. Осадки, принесенные штормом, прекратятся через несколько часов, предсказали метеорологи, хотя ветры штормовой силы вполне могут господствовать над островом еще добрый месяц. Снаружи группы наземного обслуживания проверяли крепления у самолетов-заправщиков и птичек АВАКС, люди неуклюже передвигались в пухлых альпаковых костюмах, предназначенных для такой погоды.

Другими сторонами безопасности авиабазы занимались на радиолокационной станции "Кобра-дэйн". Хотя внешне ее огромная многовibratorная антенна походила на экран старого кинотеатра на открытом воздухе, на самом деле она представляла собой многократно увеличенный вариант радиолокационной антенны, созданной на основе новейших достижений физики твердого тела и применявшейся как на японских самолетах дальнего обнаружения E-767, так и на крейсерах и эсминцах типа "иджис", состоявших на вооружении у обоих противников. Первоначально РЛС на Шемье была создана для слежения за запусками советских баллистических ракет, а позднее использовалась для исследований в области программы стратегической оборонной инициативы. Она была настолько мощной, что заглядывала на многие тысячи миль в космическое пространство и на сотни миль в атмосферу. Сейчас станция непрерывно излучала электронные импульсы, пытаясь обнаружить вражеские самолеты, но пока на экранах появлялись лишь гражданские авиалайнеры. Впрочем, за ними тоже следили очень внимательно. Ударный "игл" F-15E, вооруженный ракетами класса "воздух - воздух", постоянно находился в боевой готовности и мог взлететь уже через десять минут, стоило одному из авиалайнеров проявить хотя бы самые незначительные враждебные намерения.

Подобная однообразная рутина длилась круглые сутки. На несколько коротких часов чуть посветлело, и это серое освещение позволило предположить, что за облаками могло появиться солнце - в теоретическом смысле слова, но, когда летчики проснулись, им показалось, что окна их помещений закрашены черной краской, потому что были выключены даже огни взлетно-посадочной полосы из опасения, что по ним нежелательные гости могут сквозь мрак определить местоположение авиабазы. - Вопросы?

Операцию планировали быстро, но тщательно. Четыре летчика принимали в этом участие и затем лично проверили прошлой ночью. Они установили, что без риска не обойтись, но, черт возьми, такая уж у летчиков профессия.

- Ну как, жокеи "иглов", вы сумеете удержаться за нами? - спросил старший из пилотов "рапир". По воинскому званию он был полковником, что не защитило его от язвительного ответа.

- Не беспокойтесь, сэр, - прозвучал насмешливый голос майора. - Нам будет приятно рассматривать вблизи такой привлекательный зад. - И она послала ему воздушный поцелуй.

Полковник, летчик-испытатель, откомандированный для участия в этой операции из 57-го испытательного авиакрыла с авиабазы Неллис, где велась

работа с истребителями F-22, был знаком с "прежними" ВВС только по кинофильмам и рассказам, которые слышал еще молодым и многообещающим авиатором, но все-таки воспринял оскорбление в том же духе, в каком и услышал. Ударные "иглы", может быть, и не были невидимыми, зато являлись чертовски грозными самолетами. Сейчас им предстояло принять участие в боевой операции, где навыки и уверенность в себе значили куда больше, чем воинское звание. - О'кей, ребята, - несколько лет назад он сказал бы "парни", - прошу учесть, что время здесь играет решающую роль. - А теперь за дело. Экипажи воздушных заправщиков обменялись улыбками, подумав о самоуверенности летчиков-истребителей и о том, как быстро женщины вошли в роль боевых пилотов. Один из гражданских летчиков отметил, что этот майор - весьма привлекательная женщина.

- Не исключено, когда она повзрослеет, ей доверят штурвал капитана на одном из авиалайнеров компании "Юнайтед", - шепнул он пилоту, с которым сейчас летал.

- Не всякий мужчина справится с этим, - согласился капитан компании "Саут-уэст-эйрлайнз". Самолеты-заправщики взлетели через двадцать минут, и за ними последовал один из АВАКСов E-3B.

Как и полагается, последними ушли в небо истребители. Все члены их экипажей были одеты в теплые летные комбинезоны из номекса. Они проверили, как полагается перед вылетом, спасательные принадлежности, что выглядело шуткой в это время года над северной частью Тихого океана, - но правила есть правила. Наконец они надели антиперегрузочные костюмы, неудобные и мешающие свободно двигаться. Пилоты "рапир" пошли к своим "птичкам" один за другим, за ними парами последовали экипажи "иглов". Полковник, возглавивший операцию, демонстративно сорвал с борта своего истребителя эмблему "рапиры" и заменил ее фирменной эмблемой корпорации "Локхид" - силуэт первого истребителя P-38 "молния", на котором красовался стремительный профиль новейшего самолета компании, пересеченный бело-желтой молнией. Традиция - великая вещь, подумал полковник, хотя сам он родился уже после того, как последний из "тридцать восьмых" был продан на металлолом. Зато он помнил, как строил модели первого американского истребителя дальнего действия, всего лишь один раз использованного по назначению, из-за чего летчик по имени Тед Лэмфир завоевал себе некоторую долю бессмертия. Предстоящая операция будет мало чем отличаться от того дня над северными Соломоновыми островами.

Истребители пришлось вывести из ангаров на буксире, и еще до того, как пилоты включили двигатели, каждый член экипажа почувствовал, как сотрясаются их самолеты под порывами ветра. Настал момент, когда руки крепко стиснули штурвалы и пилоты поудобнее устроились в креслах. Затем, один за другим, взревели двигатели, и машины вырулили к началу взлетно-посадочной полосы. Снова вспыхнули два параллельных ряда уходящих вдаль голубых огней, истребители взлетели по одному с минутным интервалом - парные взлеты в такую погоду слишком опасны, а этой ночью не следует рисковать. Через три минуты два звена из четырех самолетов каждое образовали над облаками "коробочки". Небо там было ясным, ярко светили звезды над головой, а справа сиял великолепный занавес многоцветного северного сияния - вертикальные желтые, зеленые и пурпурные полосы менялись по мере того, как звездный ветер гнал

заряженные частицы в верхних слоях атмосферы. Это роскошное зрелище казалось пилотам "молний" не только красивым, но и символичным.

Первый час полета был скучным и однообразным. Две четверки истребителей летели на юго-запад с поблескивающими габаритными огнями, чтобы исключить всякую возможность столкновения. Внутри кабин велась проверка приборов и бортовых систем. Самолеты приближались к воздушным заправщикам.

Экипажи заправщиков, состоявшие из резервистов, в гражданской жизни обычно летающих на авиалайнерах, постарались выбрать для дозаправки районы с наименьшей атмосферной турбулентностью, что вызвало чувство благодарности у пилотов истребителей, хотя всех остальных летчиков они относили ко второму разряду. Чтобы наполнить топливные баки, потребовалось не более сорока минут. Затем заправщики вернулись к барражированию в отведенном им районе, по-видимому, для того чтобы их экипажи могли возобновить чтение своих "Уолл-стрит джорнэл", подумали пилоты истребителей, снова направляясь на юго-запад.

Теперь ситуация изменилась. Наступило время заняться делом.

Их делом.

Начать операцию выпало, разумеется, Санди Рихтеру, потому что с самого начала это была его идея, возникшая несколько месяцев назад на авиабазе ВВС Неллис. Там у него все получалось, и вот теперь оставалось узнать, получится ли это здесь. При этом он, по-видимому, ставил на карту собственную жизнь.

Рихтер занимался этим делом с семнадцати лет - тогда он солгал о своем возрасте и был принят в ВВС потому, что оказался высоким и крепким. Затем были внесены исправления в его официальные данные, но для него все равно шел двадцать девятый год службы, и скоро он должен был перейти на более спокойную работу. Все это время Рихтер летал на "змеях", и только "змеях", Если на вертолете не стояло вооружение, аппарат не интересовал его. Он начал свою карьеру на АН-1 "хьюи-кобра", затем перешел на АН-64 "апахи" и летал на нем во время своей второй, более короткой войны в небесах Арабского полуострова. И вот теперь, разместившись в кресле последней "птички", на которой ему предстояло летать, он включил двигатели "команча", и наступил, судя по личному журналу пилота, его 6751-й летный час.

Два турбовинтовых двигателя заработали как обычно, с нормальным здоровым ревом, и винты начали вращаться. Наспех сформированная из рейнджеров наземная команда стояла наготове с единственным огнетушителем, который имелся в их распоряжении, способным, недовольно подумал Рихтер, разве что погасить сигарету. Он увеличил мощность и оторвался от земли. Разреженный горный воздух отрицательно сказывался на летных качествах вертолета, но не так уж заметно, да и к тому же он скоро окажется на уровне моря. Пилот потряс, как обычно, головой, чтобы убедиться, что шлем надежно закреплен, и направил винтокрылую машину на восток, скользя вдоль склона поросшей лесом горы Ширази-сан.

- Вот они, - пробормотал про себя пилот ведущего F-22. Первым признаком стало попискивание в наушниках, и тут же на экране предупреждения об опасности появилась надпись:

РАДИОЛОКАТОР ПВО ВОЗДУШНОГО БАЗИРОВАНИЯ, ТИП J, ПЕЛЕНГ 213. Затем поступила информация с E-3B, находившегося в воздухе достаточно долго, чтобы успеть рассчитать координаты японского E-767. На этот раз американский АВАКС не включал свой радиолокатор. В конце концов, прошлой ночью японцы преподали американцам урок, и требовалось время, чтобы его освоить... РАССТОЯНИЕ ДО ПЕРВОЙ ЦЕЛИ 456 МИЛЬ - высветилось на дисплее. Поскольку истребители все еще находились далеко за горизонтом - слишком далеко, чтобы их обнаружили японские самолеты, - командир подал первую команду открытым текстом:

- Ведущая "молния" - остальным. Роспуск по группам! Мгновенно две группы по четыре самолета в каждой разделились на пары, на расстоянии две тысячи ярдов одна от другой. В обоих случаях во главе летели F-22, а следующие за ними F-15E уткнулись едва ли не в выхлопные дюзы ведущих. Это создавало опасную ситуацию, зато на экранах радиолокаторов два самолета превращались в один световой всплеск. Полковник, руководивший операцией, старался лететь прямо и ровно, насколько это позволяли его профессиональные навыки. Он улыбнулся, вспомнив про замечание майора. Ей нравится видеть такой привлекательный зад, да? Она была первой женщиной, летавшей на "тандербердах". Сейчас он не мог увидеть ее лицо, даже если бы и захотел. Мигалки были выключены, и полковник надеялся, что очки ночного видения на ее шлеме действуют нормально. Расположенный южнее всех E-767 находился теперь в четырех сотнях миль. Истребители для экономии топлива летели на крейсерской скорости пятьсот узлов и на высоте тридцати пяти тысяч футов.

Режим рабочего дня, типичный для японских служащих, помог им войти в здание проще, чем это было бы в Америке. В вестибюле сидел охранник, но он не отрывался от телевизора, и Кларк с Чавезом прошли мимо, делая вид, что знают, куда идут, а проблемы преступности в Токио не существовало. С чуть более учащенным дыханием они вошли в кабину лифта и нажали на кнопку подъема, облегченно посмотрев друг на друга, хотя через несколько секунд испытываемое ими облегчение снова сменилось тревожным ожиданием. Динг держал в руке свой кейс. Руки Кларка были свободны. Оба надели лучшие костюмы с белыми рубашками и галстуками, чтобы походить на бизнесменов, пришедших на позднее деловое совещание. Лифт остановился в пяти этажах от верхнего - этот этаж они выбрали потому, что все его окна оказались темными. Кларк высунул голову из кабины, понимая, что само по себе это выглядит подозрительно, но коридор пустовал.

Они вышли из лифта, обогнули центральную несущую ось здания, нашли пожарную лестницу и начали подниматься по ней. Кларк огляделся по сторонам в поисках телекамер службы безопасности, но, к счастью, на этом этаже их не было. Он посмотрел вверх и вниз. Никого. Они продолжили подъем, озираясь по сторонам и прислушиваясь перед каждым шагом.

- Наши друзья вернулись, - сообщил один из военных авиадиспетчеров по системе внутренней связи. - Пеленг ноль-три-три, расстояние четыре-два-ноль километров. Один - нет, два контакта, летят рядом друг с другом, это военные самолеты, скорость пятьсот узлов, - поспешно закончил он свой доклад.

- Очень хорошо, - спокойно отозвался старший диспетчер, выбирая сектор

на своем экране и одновременно переключая каналы связи. - Радиолокационная активность на северо-востоке?

- Никакой, - тут же ответил офицер службы электронного противодействия.

- Разумеется, они могут следить за нами.

- Вакаремас.

После этого старший авиадиспетчер предупредил пилотов двух истребителей, барражирующих к востоку от самолетов "ками". Оба F-15J только что заняли свою позицию, и потому их топливные баки были почти полны. Кроме того, он вызвал еще два истребителя с базы ВВС в Читозе. Им понадобится пятнадцать минут, чтобы прибыть в зону, но с этим можно не торопиться, подумал диспетчер. Времени у него достаточно.

- Осветите их и ведите, - приказал он оператору.

- Ага, вы уже заметили нас, верно? - пробормотал полковник. - Отлично.

- Он продолжал лететь прежним курсом и с прежней скоростью, рассчитывая, что японцы убедятся в направлении его полета. Все остальное было простой арифметикой. Будем считать, что "иглы" сейчас в двухстах милях и скорость сближения примерно тысяча узлов. До расхождения шесть минут. Он посмотрел на часы и заставил себя оглядеть небо впереди в поисках светящейся точки, более яркой, чем звезда.

На верхней площадке лестницы, перед пентхаусом Яматы, находилась телевизионная камера. Значит, Ямата остерегается, подумал Кларк. Но даже у Параноиков есть враги, решил он, увидев, что камера направлена на следующий лестничный пролет. Десять ступеней до первой площадки, еще десять до второй, где находится дверь. Кларк решил не спешить и обдумать ситуацию. Чавез повернул ручку двери справа от себя. Она оказалась незапертой. По-видимому, этого требуют правила противопожарной безопасности, подумал Кларк, кивая в знак того, что понял, и все-таки достал отмычки из сумки.

- Ну, что ты думаешь?

- Думаю, что мне хотелось бы сейчас находиться где-нибудь подальше отсюда. - Динг держал в руках прожектор, а Джон достал пистолет и привинтил глушитель на конец ствола. - Как будем действовать - медленно или быстро?

По сути дела другой альтернативы не было. Войти медленно, словно пришли по делу или, может быть, заблудились... Нет, на этот раз такие действия не годятся. Кларк поднял палец, сделал глубокий вдох и побежал наверх. Через четыре секунды он повернул ручку двери, открыл ее, бросился на пол и направил перед собой пистолет в поисках цели. Динг перепрыгнул через него и остановился, держа наготове собственное оружие.

Охранник, стоявший перед дверью в апартаменты Яматы, смотрел в другую сторону. Услышав грохот распахнувшейся двери, он повернулся к пожарной лестнице и увидел крупного мужчину, лежащего на полу с пистолетом в руках и вроде бы целящегося в него. Не отводя взгляда от нарушителя, охранник протянул руку за своим оружием. Тут же в коридор выскочил другой мужчина, держа что-то в руках...

Луч колоссальной яркости с почти физической силой ударил с такого расстояния по охраннику. Вспышка мощностью в три миллиона свечей превратила

коридор в сверкающую поверхность солнца. Энергетическая перегрузка ворвалась в нервную систему охранника по тройничному нерву, идущему от глаз вдоль нижней поверхности стволочной части головного мозга и разветвляющемуся через нервные каналы, управляющие двигательными функциями мышц. Последствием, как и при операции в Африке, стала перегрузка нервной системы, у охранника подогнулись ноги, и он рухнул на пол, будто тряпичная кукла. Его правая рука продолжала вздрагивать, словно в поисках пистолета. Свет был настолько ярким, что его отражение от белых стен коридора на мгновение ослепило и Чавеза, но Кларк успел вовремя закрыть глаза, вскочил и бросился к двойным дверям, которые распахнул ударом плеча.

Он тут же увидел мужчину, встающего из кресла перед телевизором. Лицо его было удивленным и встревоженным неожиданным вторжением. Кларк понимал, что сейчас не время для жалости. Сжимая обеими руками пистолет, он дважды нажал на спусковой крючок. Пули попали мужчине в середину лба. Джон почувствовал на плече руку Динга. Это позволило ему повернуть направо и почти бегом броситься по коридору, заглядывая в каждую комнату. Кухня, подумал он, люди чаще всего находятся в кухне...

Так и оказалось. Этот японец ростом был почти с Кларка, он уже держал пистолет в руке и вышел из кухни, называя имя и задавая вопрос, но реакция его оказалась замедленной, а пистолет все еще опущенным вниз, перед ним же оказался человек с поднятым пистолетом, готовый к стрельбе. Последнее, что успел увидеть японец, - это зловещую темную фигуру. Кларку понадобилось полминуты, чтобы осмотреть остальные комнаты роскошной квартиры, но все они оказались пустыми.

- Евгений Павлович! - позвал он.

- Ваня, сюда!

Кларк повернул налево, бросил быстрый взгляд на обоих убитых им мужчин, но лишь для того, чтобы убедиться, что они действительно мертвы. Он знал, что навсегда запомнит эти тела - так же как он помнил всех остальных, погибших от его руки, - и постарается убедить себя в необходимости их смерти, как делал это и раньше.

Когда сидел в кресле, бледный как полотно, пока Чавез-Чеков заканчивал осмотр комнаты. Мужчина перед телевизором даже не успел вытащить пистолет из наплечной кобуры - эта мода пришла из кинофильмов, подумал Кларк. Если требовалось быстро достать оружие, такая кобура была бесполезной.

- Слева все чисто, - заметил Чавез, вспомнив о необходимости говорить по-русски.

- Справа чисто. - Кларк заставил себя успокоиться, глядя на мертвого мужчину в кресле перед телевизором и пытаясь догадаться, кто из троих убил Ким Нортон. Пожалуй, не тот, что стоял снаружи, у входа в квартиру.

- Кто вы? - резко бросил Кога, потрясенный и одновременно разгневанный, забыв, что они недавно встречались. Кларк сделал глубокий вдох, прежде чем ответить.

- Кога-сан, мы пришли, чтобы спасти вас.

- Вы убили их! - Дрожащей рукой он указал на трупы.

- Поговорим об этом потом. Прошу вас пройти с нами. Мы не представляем опасности для вас, сэр.

Когда не был лишен человечности. Кларк почувствовал уважение к нему, когда бывший премьер-министр проявил беспокойство относительно смерти охранников, хотя те явно не относились к числу его друзей. Но сейчас настало время уходить, и быстрее.

- Кто из них Канада? - спросил Чавез. Когда указал на мертвого мужчину, сидевшего перед телевизором. Динг подошел к труп, посмотрел на него, но сдержался и только переглянулся с Кларком. На лице его появилось выражение, понятное только им двоим.

- Ваня, пора уходить.

Дисплей предупреждения об опасности словно обезумел. Экран был весь покрыт красными и желтыми тенями, женский голос твердил, что Рихтер обнаружен, однако в данном случае компьютер ошибался, и пилоту было приятно, что эта чертова штука все-таки не всегда оказывается права.

Даже вести вертолет и то было трудно, и несмотря на то, что "апахи" обладал большей маневренностью и был хорошо приспособлен для подобной операции, все-таки сидеть в кабине RAH-66 лучше. По виду Рихтера не было заметно, что он испытывает напряжение. Годы, проведенные за штурвалом вертолета, позволяли ему теперь спокойно сидеть в бронированном кресле, положив правую руку на подлокотник, и только кистью управлять рычагом шага винта. Он непрерывно осматривал небо перед собой, то и дело автоматически сравнивая видимый горизонт с тем, что система сенсоров, расположенных в носовой части вертолета, выдавала на дисплей. Контуры зданий Токио, вырисовывающиеся на горизонте, прямо-таки идеально способствовали успеху предстоящей операции. От них отражались бесчисленные эхо, сбивающие с толку самолет радиолокационного обнаружения, к которому приближался вертолет Рихтера, и даже лучшие в мире компьютеры не способны были разобраться в этой путанице сигналов. К тому же у него было достаточно времени, чтобы сделать все правильно и не спеша. Следуя вдоль реки Тоне, он летел, куда надо, а вдоль южного берега реки проходила железная дорога, по ней двигался поезд в Чоши, который мчался со скоростью сто миль в час. Рихтер занял позицию над последним вагоном состава, продолжая полет на высоте сотни футов от контактной сети, поочередно глядя то на поезд внизу, то на движущийся указатель дисплея предупреждения об опасности.

- Странно. - Оператор на борту "Ками-2" заметил отраженный сигнал, усиленный компьютерной системой и приближающийся к месту, где барражировал его E-767. Он включил микрофон внутренней связи и доложил об этом старшему диспетчеру. - Возможно, низко летящий самолет, - сказал он, указывая на контакт и одновременно переводя изображение на экран в кабине командира.

- Это поезд, - тут же последовал ответ диспетчера, успевшего свериться с контуром карты, наложенным на дисплей. В этом заключалась одна из трудностей полета самолета радиолокационного обнаружения над землей. Стандартное программное обеспечение, способное различать объекты и закупленное у американцев, подверглось модификации, но не полной. Радиолокатор, расположенный на борту самолета, следил за всеми движущимися объектами, но в мире не существовало достаточно мощного компьютера, чтобы

классифицировать и различать контакты, представляющие собой автомобили и грузовики, которые ехали по шоссе. Чтобы избавиться от неразберихи, возникающей в результате этого, все объекты, движущиеся со скоростью меньше ста пятидесяти километров в час, не проходили через компьютерную систему фильтровки, но при полете над сушей даже этого было недостаточно, особенно в стране с самыми скоростными поездами в мире. И все-таки, чтобы окончательно убедиться, старший авиадиспетчер несколько секунд следил за движением отраженного сигнала. Да, он следовал по железнодорожной трассе из Токио в Чоши, Это никак не мог быть реактивный самолет. Теоретически таким контактом мог оказаться вертолет, но, судя по слабому сигналу, это, скорее всего, отражение от металлических крыш вагонов или контактной сети.

- Отрегулируйте дискриминатор скорости до двухсот километров в час, - распорядился авиадиспетчер. На это потребовалось три секунды. Действительно, движущийся вдоль реки Тоне слабый контакт и два еще более заметных исчезли. Экипажу самолета нужно было заниматься более важными делами, потому что "Ками-2" принимал информацию, собранную самолетами "Ками-4" и "Ками-6", передавая ее затем в наземную станцию штаба ПВО на окраине Токио. Американцы снова прощупывали воздушную оборону Японии и, возможно, прибегнув к помощи своих новейших F-22, искали способы обмануть "ками". Ну что ж, на этот раз им будет оказан не такой дружеский прием, как раньше. Сейчас в воздухе находилось восемь перехватчиков F-15 - по четыре у каждого E-767. Если американские истребители приблизятся, они дорого заплатят за это.

Ему пришлось пойти на риск одной радиопередачи, и даже при использовании кодированного канала полковник испытывал беспокойство, однако для успешного проведения операции приходилось рисковать даже при самых благоприятных обстоятельствах.

- Ведущая "молния" - остальным самолетам. Разделяемся по моему сигналу; пять - четыре - три - два - один - роспуск!

Он потянул штурвал на себя, поднимая свой истребитель вверх и в сторону от ударного "игла", последние полчаса летящего в струе его выхлопных газов. В тот же самый момент правой рукой полковник выключил радиолокационный транспондер, который действовал до сих пор для усиления сигнала, посылаемого к нему японским самолетом раннего радиолокационного обнаружения и отражающегося от корпуса. Сзади и чуть ниже ведомый F-15E, управляемый женским экипажем, перейдет на плавное снижение и повернет влево. "Молния" F-22 начала стремительно набирать высоту, почти полностью утратив поступательную скорость. Полковник нажал на кнопку включения форсажа и воспользовался возросшей мощностью двигателей, чтобы ускорить движение в противоположном направлении, быстро удаляясь от ведомого истребителя.

Он знал, что японский радар мог принять - а мог и не принять - какой-нибудь отраженный сигнал от его самолета, но отлично понимал, как действует сейчас радиолокационная система. Она резко увеличила мощность и в результате начала принимать массу призрачных бликов, проходящих через компьютерную систему, прежде чем появиться на экранах операторов. По сути дела компьютер делал то же, что и диспетчеры, только быстрее и эффективнее,

но и он не был идеальным. Теперь полковник и пилоты трех остальных "молний" намеревались доказать это.

- Поворачивают на юг, - безо всякой надобности доложил оператор, потому что сейчас за приближением самолетов следили уже четыре человека. Ни он, ни его коллеги не знали, что компьютер заметил несколько призрачных бликов, поворачивающих к северу, но эти блики были слабее других отраженных сигналов и двигались слишком медленно, чтобы их можно было классифицировать как самолеты. К тому же направление их движения отличалось от вероятного курса истребителей. И тут ситуация усложнилась.

- Приближающиеся самолеты включили систему электронного противодействия.

Ведущая "молния" поднималась вверх почти вертикально. Пилот знал, что это рискованно, потому что сейчас в сторону японского E-767 был обращен летный профиль истребителя, наиболее легко распознаваемый для радиолокатора, но в то же время истребитель фактически не передвигался в горизонтальном направлении и его вполне могли принять за призрачный блик, особенно в мешанине отраженных сигналов, принимаемых японскими самолетами радиолокационного обнаружения в результате мощных электронных помех, излучаемых приближающимися ударными "иглами". Меньше чем через тридцать секунд "молния" полковника перешла в горизонтальный полет на высоте пятидесяти пяти тысяч футов. Сейчас он не отрывал взгляда от экрана предупреждения об опасности. Если японцы заметили его, они продемонстрируют это, осветив истребитель радиолокационными импульсами... но нет, он остался незамеченным. Технология "стеле", использованная в конструкции истребителя, помогла ему затеряться среди множества посторонних бликов. Радиолокатор E-767 переключился сейчас на высокую частоту наведения, но не был направлен на него. Отлично. Полковник увеличил мощность двигателей, скорость выросла до сверхкрейсерской, и теперь его "молния" покрывала тысячу миль в час. Затем пилот выбрал режим системы наведения для своих ракет.

- Вижу его, Санди, в направлении на один час вверх, - доложил стрелок-радист, сидевший за Рихтером. - У него даже включены навигационные огни.

Поезд остановился на пригородной станции, и "команч" оставил его позади, двигаясь теперь на крейсерской скорости сто двадцать узлов к прибрежному городу. Рихтер последний раз пошевелил пальцами, разминая их, посмотрел вверх и увидел далеко над собой мигающие огни E-767. Сейчас он находился почти прямо под ним, и каким бы хорошим ни был японский радиолокатор, он не сможет смотреть прямо вниз сквозь корпус самолета... Да, экран предупреждения об опасности выглядел совершенно черным.

- Начали, - произнес Рихтер по системе внутренней связи. Он до предела нажал сектор газа, намеренно перегружая двигатели, и резко потянул штурвал на себя. "Команч" рванулся вверх и начал подниматься по спирали. Единственное, что беспокоило пилота, - это температура двигателей. Они были сконструированы таким образом, что могли выдержать немалую перегрузку, но

сейчас Рихтер намеревался превысить этот предел. На дисплее вспыхнул индикатор предупреждения - вертикальная полоса, которая начала увеличиваться в высоту и менять цвет почти так же быстро, как менялись цифры на альтиметре.

- Вот это да, - еле слышно выдохнул стрелок-радист и окинул взглядом пространство вокруг. - В воздухе чисто, - доложил он.

Так и должно быть, подумал Рихтер. Они не хотят, чтобы в районе их драгоценного E-767 летали другие самолеты, представляющие потенциальную угрозу. Лучше и не придумаешь. Теперь, когда вертолет преодолел отметку три тысячи футов, стремительно набирая высоту, словно истребитель, которым он фактически и являлся, Рихтер отчетливо видел цель.

Полковник видел его теперь на дисплее наведения ракет, еще слишком далеко для . точного пуска, но все-таки видел - крошечный блик внутри маленького квадрата на экране. Пора приступить к проверке. Он включил радиолокационную систему наведения. На истребителе F-22 был установлен радиолокатор низкой вероятности обнаружения, НВО, другими самолетами. Такая оценка оказалась излишне оптимистичной.

- Нас только что осветили, - доложил офицер системы электронного противодействия. - По нам ударил импульс электронной энергии высокой частоты, пеленг неизвестен, - продолжил он, глядя на приборы в поисках дополнительной информации.

- Может быть, это наш же рассеянный луч, - заметил старший авиадиспетчер, занятый сейчас наведением своих истребителей на все еще приближающиеся цели.

- Нет, у этого импульса другая частота. - Офицер еще раз проверил приборы, но ничего не обнаружил. И все-таки от ощущения неминуемой опасности у него похолодели руки.

- Предупреждение, перегрев двигателей. Перегрев двигателей, - настойчиво повторял голос, потому что, по мнению бортового компьютера, пилот по какой-то причине не обращал внимания на визуальный дисплей.

- Знаю, милая, - пробормотал Рихтер.

Над пустыней Невады ему удалось осуществить стремительный подъем до высоты двадцать одна тысяча футов - это настолько далеко выходило за пределы нормальных технических возможностей вертолета, вспомнил Рихтер, что он даже перепугался. Но тогда это происходило в относительно теплом воздухе, а здесь температура была заметно ниже. Ему удалось пронестись через рубеж двадцать тысяч футов, по-прежнему сохраняя достаточно высокую скорость подъема. В это мгновение Рихтер заметил, что цель изменила курс, уходя в сторону от него. По-видимому, самолет барражировал со скоростью около трехсот узлов, совершая полет на одном двигателе, тогда как второй снабжал электроэнергией огромный радиолокатор. Во время предполетного инструктажа ему не сообщили об этом, но такой вывод казался естественным. Самым главным, однако, было то, что через несколько секунд вертолет окажется на расстоянии выстрела, а огромные

турбовентиляторные двигатели переоборудованного авиалайнера представляли собой привлекательные цели для "стингеров".

- Мы в пределах досягаемости, Санди.

- Понял. - Левой рукой он нажал на кнопку, и боковые дверцы вертолета открылись. К каждой из них было прикреплено по три "стингера". Прилагая все усилия, чтобы не потерять управление машиной, Рихтер развернул вертолет, откинул крышку над кнопкой пуска и нажал ее шесть раз. Все шесть ракет сорвались с направляющих и устремились вверх к самолету, находящемуся в двух милях над вертолетом. Тут же Рихтер сдвинул сектор газа и начал спуск, охлаждая перегретые двигатели. Он наблюдал за приближающейся землей, пока стрелок-радист, сидевший позади, следил за полетом ракет.

Один "стингер" сжег запас топлива и упал вниз, так и не достигнув цели. Остальные пять продолжали подъем. Хотя еще два замедлили полет перед попаданием, четыре ракеты поразили цель - три попали в правый двигатель и одна - в левый.

- Цель поражена, цель поражена!

Е-767, летящий с небольшой скоростью, просто не имел шансов на спасение. Боеголовки у "стингеров" небольшие, но двигатели на гражданском авиалайнере не предназначены для того, чтобы выдержать попадание нескольких ракет. Оба двигателя сразу вышли из строя, и тот, что вел самолет, развалился первым. Осколки лопастей турбины пробили обшивку и разнесли правое крыло, нарушив управление и аэродинамику самолета. Переоборудованный авиалайнер сразу завалился на правый борт. Экипаж не сразу понял, что произошло, и не смог справиться с управлением. Часть правого крыла отделилась от самолета и рухнула вниз. Наземные операторы увидели, как на буквенно-цифровом дисплее, обозначающем положение "Ками-2", вспыхнули цифры 7711 - аварийная ситуация - и затем все данные просто-напросто исчезли.

- Полный успех, Санди.

- Точно. - "Команч" продолжал быстро снижаться, направляясь к берегу. Температура турбин снова вернулась к норме, и Рихтер надеялся, что огромная перегрузка не причинила серьезного ущерба двигателям. Что касается остального, то ему приходилось убивать людей и раньше.

- Только что прервалась связь с "Ками-2", - доложил связист.

- Что? - переспросил старший авиадиспетчер, которого этот вызов отвлек от операции по наведению на цель истребителей.

- Искаженная фраза, взрыв - что-то вроде этого, затем канал связи исчез.

- Оставайтесь пока на связи, мне нужно навести своих "иглов".

Полковник знал, что истребители F-15E находятся в трудном положении. Сейчас их задача заключалась в том, чтобы служить приманкой, выманить на себя японских "иглов", заставить их лететь над морем, удаляясь от берега, пока "молнии" обойдут японские истребители сзади, уничтожат самолеты радиолокационной поддержки и захлопнут ловушку. В настоящий момент хорошей новостью было то, что прервалась связь с третьим Е-767. Таким образом, часть операции прошла в соответствии с планом. Это хорошо. Что же касается

остального...

- Второй, это ведущий, приступаем! - Полковник включил поисковый радар в двадцати милях от японских самолетов радиолокационного обнаружения. Затем он открыл бомбовый люк, чтобы находящиеся в отсеке ракеты "воздух - воздух" увидели свою цель. Обе ракеты немедленно отреагировали на радиолокационное излучение, и полковник нажал на кнопку "пуск".

- Фокстрот-два, Фокстрот-два! Атакую северную цель двумя "стрелами"!

В тот момент, когда открылся бомбовый люк, обе "молнии" мгновенно утратили свою невидимость. На пяти экранах появились четкие отраженные сигналы и тут же высветилась информация относительно скорости и курса только что обнаруженных самолетов. Окончательным приговором прозвучал крик офицера системы электронного противодействия:

- Нас освещают с очень близкого расстояния, пеленг ноль-два-семь!

- Что? Кто это? - У старшего диспетчера были свои проблемы, его "иглы" готовились к пуску ракет в приближающихся американцев. "Ками-6" только что перешел на высокую частоту режима наведения на цель, чтобы дать возможность перехватчикам осуществить пуск "вслепую", как они сделали это в случае с бомбардировщиками Б-1. Уже нельзя ничего изменить, сказал себе офицер.

Последнее предупреждение пришло слишком поздно для принятия каких-либо мер. Всего в пяти милях от Е-767 обе ракеты включили радиолокационные головки наведения. Они мчались со скоростью три Маха, увлекаемые тягой твердотопливных ракетных двигателей к гигантской радарной цели. Ракеты AIM-120 AMRAAM, известные летчикам под названием "стрелы", принадлежали к новому поколению "умного" оружия. Пилот японского Е-767, прислушивавшийся к переговорам по каналу электронного противодействия, наконец осознал опасность. Он круто развернул самолет влево и попытался бросить его в почти невозможное пике, уже зная всю тщету принятых мер, потому что в последнюю секунду увидел желтое свечение ракетного выхлопа.

- Сбит, - прошептал про себя полковник за штурвалом ведущей "молнии". - Ведомый, это ведущий, - произнес он, - северная цель сбита.

- Ведущий, это Третий, - тут же услышал он. - Южная цель сбита.

Теперь, подумал полковник, вспоминая особенно жестокий эвфемизм авиаторов, пришла пора охоты на детенышей тюленей.

Четыре "молнии" находились между японским побережьем и восемью перехватчиками F-15J. С моря к ним приближались ударные "иглы" F-15E, включившие радары и пустившие в японцев свои ракеты AMRAAM. Часть этих ракет попадет в цель, и несколько японских перехватчиков будет сбито. Уцелевшие развернутся и помчатся домой, прямо навстречу его звену из четырех F-22.

С наземных радиолокационных станций не было видно воздушного сражения - оно шло слишком далеко и ниже линии горизонта. Удалось заметить только один самолет, который мчался к берегу. Судя по коду транспондера, это был японский истребитель. Затем он внезапно исчез с экранов. В штабе противовоздушной обороны не сумели обнаружить никакого объяснения в информации, переданной с трех сбитых теперь самолетов дальнего

радиолокационного обнаружения, за исключением одного факта - война, начатая их страной, стала теперь вполне реальной и приняла неожиданный оборот.

43. Поворот событий

- Я знаю, что вы не русские, - заявил Кога с заднего сиденья, где находился вместе с Чавезом. Кларк вел машину.

- Почему вы так считаете? - недоуменно пожал плечами Джон.

- Потому что Ямата думает, что я встречался с американцами.

С того момента, как началось все это безумие, я разговаривал лишь с двумя гайджинами - с вами. Так что же происходит? - потребовал ответа бывший премьер-министр.

- Сэр, сейчас происходит только одно - мы спасаем вас от людей, которые собираются вас убить.

- Ямата не так глуп, чтобы пойти на такое, - проворчал Кога, все еще испытывая потрясение от увиденного им насилия, которое совершилось не на экране телевизора, а в действительности.

- Тем не менее он начал войну, Кога-сан. Что значит ваша смерть по сравнению с этим? - негромко спросил сидевший за рулем.

- Значит, вы действительно американцы, - кивнул головой Кога. Черт возьми, зачем отпираться? - подумал Кларк.

- Да, сэр, мы американцы.

- Шпионы?

- Сотрудники разведывательного управления, - поправил его

Чавез, предпочитавший такой термин. - Человек, который находился с вами в комнате...

- Убитый вами? Канеда?

- Совершенно верно, сэр. Он убил американскую гражданку, девушку по имени Кимберли Нортон. Должен признаться, что я рад его смерти.

- Что делала в Японии эта девушка?

- Она была любовницей Гото, - объяснил Кларк. - А когда Кимберли Нортон стала источником политической опасности для вашего нового премьер-министра, Райзо Ямата решил устранить ее. Мы прилетели сюда лишь для того, чтобы отвезти ее домой, вот и все, - закончил Кларк, говоря почти правду.

- Можно было обойтись без всего этого насилия, - бессвязно пробормотал Кога. - Если бы ваш Конгресс дал мне возможность...

- Не исключено, вы правы, сэр. Я не могу ответить однозначно, но не исключено, - заметил Чавез. - Однако разве сейчас это имеет значение?

- Тогда что, по-вашему, имеет значение?

- Нужно положить конец этому проклятому конфликту, пока не пострадало слишком много людей, - сказал Кларк. - Я принимал участие в войнах и знаю, что это вовсе не развлечение. В них гибнет множество молодых парней, прежде чем они успевают создать семью и вырастить своих детей. Вот это по-настоящему имеет значение, разве нет? - Кларк сделал паузу. - Это плохо для моей страны и, можете не сомневаться, станет намного хуже для вашей.

- Ямата считает...

- Ямата - бизнесмен, - прервал его Чавез. - Сэр, вы должны понять, что

он не отдает себе отчета в том, что наделал.

- Да, вы, американцы, умеете убивать людей. Я видел это собственными глазами пятнадцать минут назад.

- В таком случае, мистер Кога, вы также видели, что мы оставили одного живым.

Резкий ответ Кларка на несколько секунд положил конец разговору. Кога не сразу понял, что это правда. Охранник у входа в апартаменты Яматы, через тело которого они перешагнули, был жив. Он стонал и вздрагивал, словно от электрического шока, но был определенно живым.

- Почему вы не...

- Убивать его не было необходимости, - ответил Кларк. - Я не собираюсь извиняться за смерть этого подонка Канеды. Он сам выбрал себе такую участь. Когда я вошел в комнату, он сунул руку за пистолетом и подписал свой смертный приговор, сэр. Ведь это не кино. Мы не убиваем людей ради развлечения и приехали, чтобы спасти вас, потому что кто-то должен положить конец этой проклятой войне - как вы считаете?

- Но даже в этом случае - даже в этом случае, ваш Конгресс принял закон... он подорвал экономику нашей страны...

- Неужели для всех будет лучше, если война продолжится? - спросил Кларк. - Если Япония и Китай начнут воевать с Россией, что тогда будет с вами? Как вы думаете, кто станет расплачиваться за эту ошибку? Китай? Сомневаюсь.

Первое сообщение о случившемся поступило в Вашингтон по космической связи. Один из разведывательных спутников Агентства национальной безопасности, АНБ, занимающихся сбором электронной информации, случайно обратил внимание на то, что прекратился обмен сигналами - таков был термин АНБ - между тремя японскими самолетами радиолокационного обнаружения. Другие посты прослушивания АНБ зарегистрировали радиопереговоры, продолжавшиеся несколько минут и затем внезапно прерванные. В докладе, который держал Райан, говорилось, что аналитики пытаются разобраться в этом.

Всего один сбитый мной самолет, подумал полковник. Ну что ж, придется довольствоваться этим. Его ведомый сбил последний из оставшихся японских "иглов" F-15J. Пара "молний" на южном фланге записала на свой счет три вражеских истребителя, а ударные F-15E сбили пять сразу, после того как японцы внезапно лишились радиолокационной поддержки, что оставило их дезориентированными и уязвимыми. По-видимому, группа "Зорро" справилась с третьим E-767. В общем удачная ночь, хотя и слишком долгая, подумал полковник, собирая свою четверку для встречи с заправщиком и последующего трехчасового перелета на Шемью. Самым трудным было соблюдать радиомолчание. Его пилоты испытывают, должно быть, прилив эйфории, как часто случается с летчиками-истребителями, справившимися с заданием и сумевшими уцелеть, чтобы потом рассказать о происшедшем. Им очень хочется поговорить друг с другом. Скоро это настроение изменится, подумал он, вспомнив первый самолет, сбитый им в воздушном бою. Там было тридцать человек! Проклятие, обычно испытываешь радость после успешного боя. Тогда почему сейчас все по-другому?

Произошло что-то интересное, подумал Датч Клаггетт. Они едва успели обнаружить в этом районе след японской подводной лодки, как она по какой-то причине повернула на север и ушла, оставив "Теннесси" на позиции. Как обычно поступают во время патрулирования, Клаггетт вчера отдал команду подвсплыть достаточно близко к поверхности, чтобы поднять над водой антенну и следить за японскими самолетами радиолокационного обнаружения, а собранную информацию передать для дальнейшего использования. Сбор электронной информации был одной из задач подводных лодок еще до того, как он начал учиться в Аннаполисе, и в составе его команды были два техника-электронщика, уже продемонстрировавших редкое умение в этой области. Но едва им удалось обнаружить два самолета с мощными радарами на борту, как оба - бах! - и исчезли. Затем были перехвачены радиопереговоры, ведущиеся взволнованными голосами, и они тоже стихли один за другим где-то к северу отсюда.

- Вы полагаете, капитан, что нам удалось добиться успеха? - спросил лейтенант Шоу, рассчитывая на всезнание Клаггетта, потому что капитаны должны знать все, хотя на самом деле это вовсе не так.

- Похоже на то.

- Рубка, говорит гидропост.

- Рубка слушает.

- Наш друг снова всплыл на шноркельную глубину, пеленг ноль-ноль-девять, контакт в зоне схождения, - сообщил старший акустик.

- Начинаю слежение, - произнес Шоу, направляясь в сторону кормы к прокладочному столу.

- Итак, что произошло? - спросил Дарлинг.

- Мы сбили три японских самолета радиолокационного обнаружения, и наши истребители уничтожили все восемь перехватчиков, которые вели патрулирование.

- Это был самый сложный момент? Райан кивнул.

- Да, сэр. Нам нужно еще некоторое время поддержать их в замешательстве, но пока они знают - что-то происходит. Им стало ясно...

- Им стало ясно, что разразилась настоящая война. Есть что-нибудь новое о Коге?

- Пока нет.

Было четыре часа утра, и все трое выглядели усталыми. Первый шок у Коги прошел, и сейчас он старался полагаться на разум, а не на эмоции. Двое его спасителей - именно так он начал думать о них, к собственному удивлению, - ездили с ним по городу и продолжали сомневаться, правильно ли они поступили, оставив в живых одного из охранников у дверей кондоминиума Яматы. А вдруг он уже пришел в себя? Как он поступит? Вызовет полицию? Или позвонит кому-то еще? Каков будет исход ночного нападения?

- Откуда я знаю, что могу доверять вам? - нарушил тишину Кога.

Руки Кларка стиснули руль с такой силой, что, казалось, на пластике останутся вмятины. Такие идиотские вопросы задают только под впечатлением кино и телефильмов. На экране шпионы выделывают всякие замысловатые штуки,

стараясь обмануть своих не менее умных противников, которые встали у них на пути. В действительности все обстояло иначе. Здесь прилагают все усилия, чтобы до предела упростить операцию, потому что даже в этом случае могут возникнуть всякие непредвиденные осложнения, а если твой противник и впрямь такой умный, ты просто не узнаешь, кто он, черт побери; есть только один способ обмануть людей и заставить их поступать, как тебе хочется, - не давать им выбора. Но и в этом случае они могут повести себя самым неожиданным образом.

- Сэр, мы только что рисковали жизнью ради вашего спасения, но вы правы - не надо доверять нам. Я не настолько глуп, чтобы говорить вам, как следует поступать. Для этого я недостаточно знаком с вашей политикой. Скажу вам очень просто. Мы будем проводить разные операции - какие именно, я не знаю, потому что, в чем все они заключаются, мне неизвестно. Мы стремимся к тому, чтобы закончить войну с минимальным кровопролитием, но потери с обеих сторон неизбежны. Вы ведь тоже хотите, чтобы война окончилась, правда?

- Хочу, разумеется, - проворчал Кога, от усталости забыв о вежливости.

- Тогда, сэр, поступайте так, как подсказывает вам здравый смысл, хорошо? Видите ли, мистер Кога, вам совсем не нужно доверять нам, а вот мы действительно должны надеяться на то, что вы выберете лучший выход из создавшегося положения как для своей страны, так и для нашей. - Замечание Кларка, хотя и произнесенное с раздражением, оказалось в данный момент единственно правильным.

- Ага. - Политический деятель задумался. - Да, вы совершенно правы.

- Куда вас отвезти?

- К дому Кимуры, - сразу ответил Кога.

- Отлично. - Кларк вспомнил адрес и повернул машину на шоссе 122, ведущее в ту сторону. Затем он напомнил себе, что этой ночью узнал кое-что крайне важное и эту информацию нужно немедленно отправить в Вашингтон - сразу после того, как отвезет бывшего премьер-министра туда, где Кога будет в относительной безопасности. Улицы были пустыми, и, несмотря на то что ему отчаянно хотелось остановиться где-нибудь и выпить чашку кофе, меньше чем через сорок минут машина въехала в район небольших домов, где жил сотрудник Министерства международной торговли и промышленности. Когда они остановились рядом с домом, там уже горел свет. Чавез открыл дверцу, и Кога направился к дому.

Исами Кимура распахнул дверь и пригласил гостя войти. На лице его было выражение полного изумления, причем рот открылся почти так же широко, как двери дома.

Кто осмелился утверждать, что эти люди умеют скрывать свои чувства? - подумал Кларк.

- Как, по-твоему, откуда он узнал о приезде Коги? - спросил Динг с заднего сиденья.

- Молодец - ты тоже это заметил.

- Я ведь не единственный выпускник колледжа в этом автомобиле, мистер

К. - Динг поднял крышку ноутбука и начал печатать черновик донесения в Лэнгли, которое будет отправлено через Москву.

- Так что они сделали? - рявкнул Ямата в телефонную трубку.
- Мы понесли тяжелые потери, - сообщил генерал Арима, которому только что позвонили из Токио. - Американцы прорвали нашу противовоздушную оборону и улетели.

- Каким образом? - потребовал ответа промышленник. Черт возьми, ведь его уверяли, что самолеты "ками" неуязвимы!

- Пока неизвестно, но я звоню вам, чтобы сообщить о крайней серьезности ситуации. Теперь они могут нанести удар по самой Японии.

Думай, скомандовал себе Ямата. Он потряс головой, чтобы прояснились мысли.

- Генерал, они по-прежнему не в состоянии осуществить высадку на наши острова, не так ли? Однако теперь у них появилась возможность причинить нам немало неприятностей, но им не под силу победить нас, пока в нашем распоряжении есть ядерное оружие...

- Если только они не попробуют что-то иное. Американцы ведут себя не так, как мы предполагали.

Это замечание болезненно укололо будущего губернатора Сайпана. Сегодня Ямата собирался начать кампанию за избрание на эту должность. Ну хорошо, он действительно переоценил эффективность удара, нанесенного по американскому финансовому рынку, но ведь им удалось ослабить американские ВМС, оккупировать Марианские острова, у Америки нет реальных возможностей отвоевать хотя бы один из них. Наконец, Америка не обладает достаточной политической решимостью, чтобы нанести ядерный удар по его стране. Это означает, что Япония по-прежнему ведет выигршную игру. Разве можно было рассчитывать, что американцы не добьются в чем-то успеха, хотя бы частичного? Нет, разумеется. Ямата поднял пульт дистанционного управления и включил телевизор, успев захватить самое начало новостей Си-эн-эн, и вот перед ним американский корреспондент, стоящий на краю какого-то причала, а позади виднеются два американских авианосца, застывших в сухих доках для капитального ремонта, все еще на месте, все еще не способные выйти в море.

- Что сообщает разведка относительно обстановки в Индийском океане? - спросил он генерала.

- Оба американских авианосца по-прежнему там, - заверил его Арима. - Вчера они были обнаружены как визуально, так и на экранах радиолокаторов в четырехстах километрах от Шри-Ланки,

- Значит, они не могут нанести по нам удар?

- Нет, пожалуй, - согласился генерал. - Но мы все-таки должны принять и другие меры.

- Тогда я советую вам принять их, Арима-сан, - ответил Ямата настолько вежливо, что его слова можно было истолковать только как резкое оскорбление.

Хуже всего было то, что никто не знал, как это случилось. Передача информации в штаб ПВО с трех сбитых самолетов E-767 прервалась в тот момент, когда на землю рухнул "Ками-2". Все остальные данные основывались скорее на предположениях, чем на твердых фактах. Наземные станции слежения принимали передачи с "Ками-4" и "Ками-6", а затем оба самолета одновременно исчезли из эфира. Ни с одного из самолетов не поступило сигнала тревоги. Они просто

прекратили передачи и пропали, оставив всего лишь плавающие обломки на поверхности бушующего океана. Что касается истребителей, то в штабе находились магнитофонные записи радиопереговоров, продолжавшихся меньше четырех минут. Сначала уверенные лаконичные замечания пилотов, сближающихся с целью, затем несколько недоуменных вопросов, за которыми последовали поспешные призывы включить бортовые радиолокаторы, панические возгласы о том, что их освещают радары противника. Один пилот сообщил, что он подбит, и тут же связь с ним прервалась - но подбит кем? Каким образом смогли те же самые самолеты, что сбили "ками", успеть атаковать истребители? У американцев всего четыре новейших Р-22, и с "ками" не поступало никаких сообщений о появлении этих истребителей. Что за черная магия... Но в этом и заключался главный вопрос. Они не знали, что произошло.

Специалисты по противовоздушной обороне, а также инженеры, разработавшие самые совершенные воздушные радиолокаторы в мире, недоуменно качали головами, глядя в пол и испытывая стыд от сознания колоссальной вины, но не могли ничего объяснить. Из недавно построенных десяти самолетов раннего радиолокационного обнаружения пять погибли, всего лишь четыре могли вести патрулирование, и командование ПВО знало только то, что больше нельзя рисковать ими для несения службы оповещения над морем. Был отдан приказ подготовить стоящие в резерве самолеты Е-2С, на смену которым пришли 767-ые, но это были менее совершенные самолеты, спроектированные в Америке, и командование вынуждено было признать, что противовоздушная оборона Японии серьезно нарушена.

Наступило семь вечера, и Райан собирался ехать домой, когда зажужжал кодированный факс. Телефон зазвонил еще до того, как из факса поползла бумажная лента.

- Неужели ваши люди не могут держать что-то в тайне? - раздраженно спросил мужской голос с заметным акцентом.

- Это ты, Сергей? Что случилось?

- Для окончания военных действий нам приходится полагаться только на Когу, а кто-то с вашей стороны сообщил японцам, что он поддерживает контакт с вами! - почти кричал Сергей, говоривший из дома в Москве, где сейчас было три часа ночи. - Вы что, хотите, чтобы его убили?

- Сергей Николаевич, ради Бога, успокойся! - Джек опустил в кресло и на этот раз сумел прочитать шифровку, поступившую из центра связи посольства США в Москве, несомненно по просьбе Службы внешней разведки России. - Проклятие! - выдохнул он. Наступило короткое молчание. - Но ведь мы сумели выручить его, правда?

- У вас работает высокопоставленный японский агент, Иван Эмметович.

- Ну что ж, ты ведь знаешь, как легко добиться этого.

- Мы прилагаем все силы, чтобы выяснить, кто он. - Голос руководителя российской разведывательной службы все еще звучал сердито.

Вот это будет просто великолепно, подумал Джек, болезненно прищурившись. Служба внешней разведки России дает показания в федеральном суде.

- О Коге мало кто знает. Я перезвоню тебе.

- Я просто счастлив, что у вас доступ к столь секретной информации ограничен узким кругом в высшей степени надежных людей, Джек. - Связь прервалась. Райан положил трубку и нажал кнопку быстрого набора хорошо знакомого телефонного номера.

- Мюррей слушает.

- Это Райай. Дэн, прошу тебя срочно приехать ко мне. - Затем Джек позвонил Скотту Адлеру и направился к Овальному кабинету. В том, что ему предстояло доложить президенту, было нечто положительное. Дело в том, что противная сторона использовала важную информацию, полученную ею, крайне неуклюже. Райан не сомневался, что и в данном случае Ямата действовал не как профессиональный разведчик, а как бизнесмен. Он даже не пожелал как-то замаскировать полученные им сведения, ничуть не думая, что тем самым раскрывает их источник. Японский промышленник не отдавал себе отчета в том, что у него немало недостатков. Рано или поздно ему придется дорого заплатить за это.

Последние приказы, отданные Джексоном перед вылетом в Тихий океан, касались переброски на восток двенадцати бомбардировщиков Б-1В 384-го бомбардировочного авиакрыла из авиабазы в южном Канзасе с промежуточной посадкой на Азорских островах и далее с размещением на авиабазе Диего-Гарсиа в Индийском океане. Для перелета в десять тысяч миль потребовалось более суток, и, когда бомбардировщики совершили посадку на самой отдаленной от Америки базе, их экипажи были на грани изнеможения. Следом приземлились воздушные заправщики KC-10, доставившие группы наземного обслуживания и снаряжение. Вскоре после этого все отправились спать.

- Что это значит?! - выкрикнул Ямата в приступе ярости, чувствуя, как кровь холодеет у него в жилах. Вторглись в его собственный дом. Кто?

- Кога исчез, и Канеда убит. Один из сотрудников вашей службы безопасности остался в живых, но, по его словам, он видел только двух или трех гайджинов. Охранник утверждает, что потерял сознание, но даже не знает почему.

- Какие меры предприняты?

- Это рассматривается как обычное преступление, - сообщил своему боссу Кацуо Таока. - Разумеется, я ничего не сказал полиции о Коге.

- Его нужно найти, и как можно быстрее. - Ямата посмотрел в окно. Ему по-прежнему везло. Телефонный звонок застал его дома.

- Не знаю...

- Я сам займусь этим. Спасибо за звонок. - Ямата положил трубку и тут же набрал другой номер.

Мюррей поспешно прошел через посты службы безопасности Белого дома, оставив свой табельный пистолет в служебном автомобиле. За последний месяц ему так же не везло, как и остальным правительственным департаментам. Он провалил дело Линдерс из-за глупейшей ошибки, непростительной даже для новичка-полицейского. Бренди и лекарство от простуды, напомнил он себе, пытаясь догадаться, что скажут об этом Райан и президент. Уголовное дело

развалилось, и единственным утешением оставалось то, что он по крайней мере не привлеч к суду, возможно, невиновного человека и не опозорил этим Федеральное бюро еще больше. Для него, высокопоставленного сотрудника ФБР, играло всего лишь второстепенную роль, виновен Эд Келти или нет. Если ты не можешь собрать достаточно убедительных доказательств для суда присяжных, значит, обвиняемый будет признан невиновным, вот и все. К тому же Келти скоро навсегда покинет государственную службу. По крайней мере это уже что-то, сказал себе Мюррей, следуя за агентом Секретной службы, который проводил его не к Райану, а в кабинет, расположенный в противоположном углу Западного крыла.

- Привет, Дэн, - сказал Джек, поднимаясь из кресла, когда вошел Мюррей.

- Здравствуйте, господин президент, - произнес он, глядя на Дарлингга. С третьим человеком в Овальном кабинете он не был знаком.

- Меня зовут Скотт Адлер, - представился тот.

- Здравствуйте, сэр. - Мюррей пожал протянутую руку. Ну да, конечно, это он руководит делегацией, ведущей переговоры с японцами.

Часть работы была закончена еще до прихода Мюррея. Райан не мог поверить в то, что утечка столь чувствительной информации исходила от Адлера. Кроме него об этом знали лишь он сам, президент, Бретт Хансон, Эд и Мэри-Пэт и, может быть, несколько секретарш. А также Кристофер Кук.

- Насколько внимательно вы ведете наблюдение за японскими дипломатами? - спросил Райан.

- Они не передвигаются по городу без сопровождения наших сотрудников, следящих за ними, - заверил его Мюррей. - Ты имеешь в виду шпионаж?

- Может быть. Просочились исключительно секретные сведения.

- Это Кук, - покачал головой Адлер. - Больше никому.

- О'кей, есть вещи, о которых вам нужно знать, - сказал советник по национальной безопасности. - Меньше чем три часа назад мы разгромили японскую систему противовоздушной обороны. По нашему мнению, сбито десять или одиннадцать самолетов. - Он мог бы продолжить, но решил ограничиться этим. В конце концов, утечка информации могла исходить и от Адлера, а следующий этап операции "Зорро" должен быть полной неожиданностью для японцев.

- Этим мы разворошили осиное гнездо, а ведь у них по-прежнему есть ядерное оружие. Опасная комбинация, Джек, - заметил заместитель государственного секретаря.

Ядерное оружие у японцев? Боже милосердный, подумал Мюррей.

- Есть какие-нибудь перемены в позиции японской делегации на переговорах? - спросил президент. Адлер покачал головой.

- Никаких, сэр. Они готовы вернуть нам Гуам, но хотят оставить себе остальные острова Марианского архипелага. С этой позиции они не отступают ни на шаг, и мне не удалось поколебать их.

- Хорошо. - Райан повернулся к Мюррею. - Дэн, мы установили связь с Могатую Когой...

- Это их бывший премьер-министр? - прервал Мюррей, стараясь убедиться, что понимает, о чем идет речь. Джек кивнул.

- Совершенно верно. У нас в Японии работают два агента ЦРУ,

маскирующиеся под русских журналистов. Они встретились с Когой под этим прикрытием. Однако его похитили по приказу японца, который стоит во главе всего происходящего. И этот японец сказал Коге, что знает про его контакты с американцами.

- Это может быть только Кук, - снова произнес Адлер. - Он единственный из делегации, кто знает об этом, и с моего разрешения ведет неофициальные переговоры со вторым по влиянию членом японской делегации, Сейджи Нагумо. - Дипломат сделал паузу и произнес, не скрывая гнева: - У него просто идеальное положение для этого.

- Значит, дело идет все-таки о шпионаже? - спросил Мюррей. Он обратил внимание на то, что президент дал Райану возможность ответить на этот вопрос.

- Нужно провести расследование, и как можно быстрее и незаметнее, Дэн.

- А потом? - поинтересовался Адлер.

- Если это он, мы используем этого подонка в наших интересах. - Услышав эту фразу, Мюррей кивнул.

- Что ты имеешь в виду, Джек? - спросил Дарлинг.

- Нам представилась редкостная возможность. Они считают, что это превосходный источник информации, поступающей прямо из правительства, и уже продемонстрировали готовность полагаться на нее. Ну что ж, прекрасно, - улыбнулся Райан, - вот мы и воспользуемся этим. Мы станем снабжать его дезинформацией, которая будет выглядеть очень важной, и пусть они подавятся ею.

Сейчас требовалось срочно укрепить противовоздушную оборону Японии, что оказалось неприятным сюрпризом для штаба вооруженных сил страны. К тому же эта информация была неполной и на нее нельзя было полагаться - совсем не то, что точные сведения, использованные для разработки общего оперативного плана, на который продолжало опираться японское командование. Самая лучшая система раннего радиолокационного оповещения их страны базировалась на четырех эсминцах типа "конго", вооруженных ракетными комплексами "иджис", которые патрулировали у северных Марианских островов. Это были грозные боевые корабли с независимыми системами ПВО. Являясь кораблями, они не были столь маневренными и мобильными, как самолеты E-767. Тем не менее их радары обладали большей мощностью и могли принять все необходимые меры, связанные с собственной безопасностью. Вот почему перед рассветом на все четыре эсминца соединения был передан приказ с максимальной скоростью отправиться на север и установить патрульную радиолокационную линию к востоку от японских островов. В конце концов, американский Военно-морской флот не предпринимал никаких активных действий, и, если удастся укрепить оборону Японии, остается немалая вероятность добиться разрешения конфликта дипломатическим путем.

Адмирал Сато, поднявший свой флаг на "Мутсу", понял логическую правильность такого приказа. Он тут же распорядился, чтобы все эсминцы вышли в море и направились к месту назначения с предельной крейсерской скоростью. Тем не менее он испытывал беспокойство. Ему было известно, что мощные радиолокаторы его кораблей в состоянии обнаружить самолеты, построенные на основе технологии "стелс", - это наглядно продемонстрировали американцы при

испытаниях своих радиолокационных систем. Эскадренные миноносцы несли мощное ракетное и ствольное вооружение, так что американские самолеты не сочтут их легкой добычей. Адмирала беспокоило нечто иное: впервые вооруженные силы его страны были вынуждены реагировать на действия американцев, утратив, таким образом, стратегическую инициативу; Но он надеялся, что такое положение окажется временным.

- Интересно, - сразу заметил Джоунз. Трассы появились всего несколько минут назад, но их было две, скорее всего они представляли несколько кораблей, движущихся вплотную друг к другу с низким ревом силовых установок. Пеленг медленно менялся на север.

- Надводные корабли, в этом можно не сомневаться, - заметил техник-акустик второго класса Бумер. - Похоже, они плывут... - Он замолчал, когда Джоунз обвел красным фломастером еще одну трассу.

- А вот это скорость вращения гребных винтов. Они несутся со скоростью, выходящей далеко за тридцать узлов. Не иначе, боевые корабли, спешат куда-то полным ходом. - Рон подошел к телефону и позвонил командующему подводными силами Тихоокеанского флота. - Барт? Это Рон. Мы только что обнаружили любопытную картину. Помнишь соединение эсминцев, действовавших в районе Пагана?

- Помню, - послышался голос Манкузо. - Ну и что?

- Похоже, все они по-спринтерски рванули на север. У нас их кто-нибудь поджидает? - Затем Джоунз вспомнил несколько запросов о водах вокруг Хонсю. Адмирал Манкузо не посвящал его во все подробности, чего и следовало ожидать в оперативных вопросах. Посмотрим, как он сейчас увернется от ответа на этот вопрос - его поведение и будет настоящим ответом, подумал подрядчик.

- Ты мог бы проложить их курс? В самую точку.

- Да. Только нам потребуется немного времени. Наши данные еще слишком неопределенные, шкипер.

Джоунз заметил, что адмиральский голос не прозвучал слишком разочарованно.

- Мы будем держать вас в курсе событий, сэр, - добавил он.

- Молодец, Рон.

Джоунз положил трубку и огляделся по сторонам.

- Старшина? Давай-ка проложим курс на основании известных нам данных. - Где-то на севере, подумал он, кто-то поджидает японские эсминцы. Интересно, кто это? - попытался догадаться он и пришел к выводу, что есть только один ответ.

Время работало теперь в пользу другой стороны. Хироши Гото открыл заседание кабинета министров в десять утра по местному времени, когда в Вашингтоне, где находилась его делегация, принимающая участие в переговорах, была полночь. Теперь стадо ясно, что американцы предпринимают активные меры противодействия, хотя некоторые участники заседания считали, что это всего лишь попытка улучшить свою позицию на переговорах, что они не могут не продемонстрировать силу, чтобы их принимали всерьез. Да, они нанесли чувствительный удар по противовоздушной обороне страны, но не более того.

Америка не может и не захочет наносить систематические воздушные удары по Японии. Это слишком рискованно. Во-первых, у Японии есть ракеты с ядерными боеголовками. Далее, Япония обладает надежной противовоздушной обороной, несмотря на печальные события прошлой ночи. Наконец, на ее стороне простая арифметика. Сколько бомбардировщиков у Америки? Сколько из них смогут нанести удар по Японии, даже если они не встретят никакого сопротивления? Как долго могут продлиться такие бомбардировки? Хватит ли у Америки политической решимости на это? Ответы на все вопросы благоприятны для их страны, считали члены кабинета министров, по-прежнему видя перед собой сияющую цель, которая сулит всем такие неисчислимы блага. К тому же у каждого из министров за спиной скрывался патрон, заботящийся о том, чтобы государственный муж выбрал правильный путь. За исключением Гото, разумеется, чей патрон находился сейчас за пределами Японии, об этом знали все.

Как только начнется следующее заседание в Вашингтоне, их посол в США выступит с резким протестом против американского нападения на Японию и выразит мнение, что подобные действия не помогают мирному решению конфликта и до тех пор, пока они не прекратятся, его страна не пойдет больше ни на какие уступки. Далее он скажет, что любое нападение на японскую территорию будет рассматриваться как враждебный акт; в конце концов, Япония не наносила ударов по жизненно важным американским интересам... пока. Подобная угроза, скрытая за тонкой словесной вуалью, несомненно, заставит их образумиться.

Гото утвердительно кивал, выслушивая предложения, сожалея, что его патрона сейчас нет в стране, и зная, что Ямата уже провел прямые переговоры с руководителями сил самообороны в обход самого премьер-министра. Придется поговорить об этом с Райзо после его возвращения.

- А если они снова вернутся? - спросил он.

- Наша оборона будет в полной боевой готовности, а когда эсминцы займут свою позицию, она станет еще более эффективной. Да, американцы продемонстрировали свою силу, но пока они и раза не осмелились пролететь над нашей территорией.

- Следует предпринять более решительные шаги, - произнес Гото, вспомнив полученные им указания. - Мы можем усилить давление на американцев, опубликовав заявление о наличии у нас ядерного оружия.

- Ни в коем случае! - возразил один из министров. - Это приведет к хаосу в стране!

- Но хаос возникнет и там, - возразил Гото, но не слишком убедительно, подумали остальные члены кабинета министров. В который раз, заметили они, он выражает чьи-то мысли и указания. Они знали чьи. - Это вынудит американцев пойти на уступки при переговорах.

- Это вполне может заставить их нанести по нам мощный удар.

- Они потеряют от этого слишком много, - настаивал Гото.

- А мы разве не потеряем? - возразил министр, пытаясь провести разграничительную черту между преданностью своему патрону и долгом перед своим народом. - Что, если они решатся на упреждающий удар?

- Это им не по силам. Для такого удара у них нет необходимого оружия. Наши ракеты надежно укрыты.

- Конечно, и наша противовоздушная оборона тоже непобедима, - фыркнул

другой министр.

- Может быть, лучше всего предложить нашему послу в Вашингтоне, чтобы он дал понять американцам, что мы можем объявить о ядерном оружии, имеющемся в нашем распоряжении, - высказал предложение третий. Сидевшие за столом согласились с ним, и Гото был вынужден принять предложение, хотя и знал, что нарушает полученные им инструкции.

Самое трудное заключалось в том, чтобы не замерзнуть, несмотря на всю теплую одежду, которую они привезли с собой.

Рихтер поудобнее устроился в спальном мешке, стараясь сохранить тепло своего тела и испытывая неловкость из-за того, что рейнджерам приходится нести охрану вокруг временного аэродрома, созданного на заснеженной поляне. Больше всего его беспокоило, что у одного из вертолетов обнаружилась серьезная неисправность. При том, что все бортовые системы вертолета многократно дублированы, но у него есть несколько деталей, которые нельзя отремонтировать, - раз они выходят из строя, восстановить их можно только в хорошо оборудованной мастерской. Рейнджеры умели заправлять топливом "птичек" и заряжать свое оружие, но их познания в технике этим и ограничивались. Рихтер уже принял решение возложить на них ответственность за безопасность лагеря. Если на этой высокогорной поляне появится даже взвод японских солдат, группа американцев обречена. Рейнджеры сумеют, конечно, убить всех незваных гостей, но, если хотя бы один японец успеет передать по радио короткое сообщение, через несколько часов в горах высадится армейский батальон, а вот против него одиннадцать спецназовцев окажутся бессильны. Специальные операции, подумал пилот. Они оказываются успешными, если все идет гладко, как во всем, чем занимаются военные, но у этой операции грань, отделяющая успех от катастрофы, была настолько тонкой, что ее можно просто не принимать во внимание. Наконец, возникает вопрос о том, как спастись отсюда после завершения операции, напомнил себе Рихтер. Шансы на спасение ничуть не лучше, чем у экипажа боевого корабля, получившего серьезную пробоину и находящегося вдали от берегов.

- Прекрасная вилла.

Во время войны правила меняются, напомнил себе Мюррей. Теперь работа стала проще благодаря компьютерам, хотя Федеральное бюро и запоздало с их внедрением. Он собрал группу молодых агентов. Первая задача заключалась в том, чтобы всего лишь проверить финансовые возможности Кука. Сразу же в распоряжении агентов ФБР появился его адрес. Расположенный по нему особняк оказался большим и дорогим, но все-таки в пределах того, что мог позволить себе очень высокопоставленный государственный служащий, если он в течение многих лет сберегал каждый цент. Мюррей, однако, тут же увидел, что Кук не делал этого. Дипломат был клиентом Первого Виргинского банка, и ФБР, имеющее в своем штате сотрудника, способного взламывать компьютерные банковские коды, убедилось в том, что Кристофер Кук, подобно большинству государственных служащих, жил от зарплаты до зарплаты, получаемой им дважды месяц. За всю жизнь он сумел накопить всего четырнадцать тысяч долларов, намереваясь, по-видимому, потратить эти деньги на обучение детей в колледже. Мюррей знал, что в этом отношении Кук явно проявил излишний оптимизм, потому

что стоимость американского высшего образования намного превышала такую сумму. Еще более примечательным было то, что, когда дипломат купил этот дом, он не снял ни цента со своего банковского счета. Правда, Кук заложил дом в банке, однако сумма заледной равнялась лишь двумстам тысячам долларов, а поскольку при продаже предыдущего дома он выручил всего сто восемьдесят тысяч, между ценой этого особняка и средствами, имевшимися в его распоряжении, возникла значительная разница, объяснить которую банковские счета не могли. Откуда взялись остальные деньги? Мюррей связался со знакомым в Налоговом управлении, намекнув на вероятность уклонения от уплаты налогов, и в его распоряжении теперь оказалась дополнительная компьютерная информация. Из нее следовало, что объяснить это семейными доходами тоже нельзя. Проверка родственников продемонстрировала, что родители Куков, давно скончавшиеся, не оставили ни жене ни мужу крупного состояния. В результате дальнейшей проверки удалось установить, что один автомобиль куплен четыре года назад, а второй, приобретенный за наличные, был настолько новым, что из салона еще не выветрился заводской запах. Итак, перед агентами ФБР оказался человек, живущий явно не по средствам, и хотя раньше при расследовании подозреваемых в шпионаже на это обычно не обращали внимания, за последнее время ФБР кое-чему научилось.

- Что будем делать дальше? - спросил Мюррей у своих агентов.

- Пока мы не можем возбудить судебное дело, но все чертовски ясно ведет к тому, - заметил его заместитель. Нужно побывать еще в нескольких банках и проверить счета. Для этого требовалось судебное постановление, но они уже знали, к какому судье следует за ним обратиться. У ФБР всегда имелись "ручные" судьи, готовые оказать помощь.

Аналогичная проверка была проведена, разумеется, и в отношении Скотта Адлера. Удалось установить, что он разведен, живет один в квартире в Джорджтауне, платит алименты и дает деньги на воспитание детей, ездит в хорошем автомобиле, но все это не выходило за разумные пределы. Государственный секретарь

Хансон стал богатым человеком после многих лет успешной юридической практики, и вряд ли кто осмелился бы попытаться подкупить его.

Проверке подверглись и все остальные служащие вплоть до секретарш, имевших хотя бы малейшее отношение к переговорам и обладавших допуском к секретному делопроизводству. Выяснилось, что все оказалось в пределах нормы, за исключением виллы и автомобиля, недавно купленных Куком. Агенты ФБР знали, что потребуется всего лишь тщательная проверка и где-нибудь они обязательно обнаружат погашенный чек какого-нибудь банка, способный объяснить уплату за особняк. В этом заключалось одно из преимуществ банковской системы - там хранятся все финансовые документы, написанные, как правило, на бумаге, и всегда остается след.

- О'кей, будем исходить из предположения, что Кук и есть тот человек, которого мы ищем. - Заместитель директора ФБР обвел взглядом группу молодых агентов, которые, как и он сам, не сумели обратить внимания на вероятность того, что Барбара Линдерс принимала прописанное ей лекарство от простуды и что это лекарство могло самым странным образом подействовать на нее вместе со стаканом бренди, когда-то всегда хранившегося в настенном баре Эда Келти.

Они были расстроены этой ошибкой ничуть не меньше его. В общем-то это не так уж плохо, подумал Дэн. После подобной ошибки люди всегда работают особенно прилежно, чтобы восстановить доверие к себе.

Джексон почувствовал сильный удар, характерный для посадки на палубу авианосца, затем стремительное торможение от захваченного крюком аэрофинишера. Его прижало к спинке пассажирского кресла транспортного самолета, который совершал регулярные рейсы на авианосную группу, доставляя сюда главным образом припасы. Еще одно странное переживание, подумал адмирал. Он привык совершать посадку на летную палубу, держа руками штурвал истребителя, и вот. теперь чувствовал себя необычно, потому что его жизнь находилась в руках юного безусого лейтенанта - или по крайней мере такими теперь казались ему все молодые летчики. Он заметил, как самолет развернулся направо, выруливая на свободное место летной палубы.

Наконец дверца распахнулась, и он спустился по трапу. На палубе его встретил матрос и указал на открытую дверь в надстройке авианосца. У входа висел медный колокол, и как только адмирал Джексон приблизился к двери, морской пехотинец, стоявший рядом с нею, отсалютовал ему, боцман пробил в колокол и по системе корабельной трансляции торжественно прозвучало:

"Прибыл командующий боевой группой семьдесят семь".

- Добро пожаловать на борт, сэр, - улыбнулся Бад Санчес, щегольски выглядевший в своем летном костюме. - Капитан на мостике, сэр.

- Тогда принимаемся за работу.

- Как твоя нога, Робби? - спросил командир авиакрыла на середине третьего трапа.

- Чертовски онемела после такого продолжительного пребывания в сидячем положении. - Действительно, ему пришлось провести немало времени, сидя в кресле. Сначала инструктаж в Пирл-Харборе, перелет на самолете ВВС на атолл Энвенток, ожидание там транспортного С-2А6, который и доставил Джексона на подчиненную ему боевую авианосную группу. Он смертельно устал от смены часовых поясов, но был готов приступить к делу

- судя по положению солнца на небе, здесь был полдень.

- Как насчет придуманной легенды? Все еще держится? - спросил затем Санчес.

- Трудно сказать, Бад. Будем надеяться, что продержится до тех пор, пока мы не прибудем туда. - Морской пехотинец предупредительно распахнул дверь в рулевую рубку. Адмирал переступил коммингс и снова почувствовал, как затекла нога, - еще одно напоминание о том, что его полетам за штурвалом истребителя пришел конец.

- Добро пожаловать на борт, - произнес командир авианосца, оторвав взгляд от лежавшей перед ним стопки депеш.

Форсажный рев реактивных двигателей дал понять Джексону, что на "Джонни Ребе" ведутся полеты. Он быстро поднял голову и увидел, как "томкэт" сорвался с левой носовой катапульты. Сейчас авианосец прошел половину пути между Каролинскими островами и атоллом Уэйк. Атолл находился несколько ближе к Марианскому архипелагу и по этой причине не использовался ни для каких целей, хотя там и был отличный аэродром, все еще обслуживаемый ВВС. На

атолле Эниветок располагался всего лишь запасной аэродром, и все знали об этом, вот почему он был более удобной скрытой базой для самолетов, хотя и намного менее подходящей для их технического обслуживания.

- О'кей, что произошло с тех пор, как я вылетел из Пирл-Харбора? - спросил Джексон.

- Есть приятные новости, - и капитан передал ему одну из шифровок.

* * *

- В этом можно ничуть не сомневаться, - Джоунз склонился над трассами, которые проложили по данным гидролокаторов.

- Да, они чертовски спешат, - согласился Манкузо, прикидывая на глаз скорость и расстояние. Ему совсем не нравилась вырисовывающаяся картина, что еще больше подтверждало подозрения, возникшие у Джоунза.

- Так кто поджидает их?

- Рон, мы не можем...

- Сэр, я вряд ли смогу оказать вам настоящую помощь, если не буду знать, что происходит. - Слова Джоунза звучали весьма убедительно. - Неужели вы считаете, что я могу разгласить услышанное?

Манкузо задумался.

- "Теннесси" находится вплотную к Эшунанадаоки-Симаунт, осуществляя поддержку специальной операции, которая начнется в ближайшие двадцать четыре часа, - ответил он наконец.

- А где остальные "огайо"?

- Рядом с атоллом Улити, направляются сейчас на север, но несколько медленнее. Подводные лодки прикроют переход авианосцев. "Огайо" должны прибыть раньше. - Все это представлялось Джоунзу разумным. Ракетносцы обладали недостаточной скоростью, чтобы эффективно взаимодействовать с боевой авианосной группой, которую он тоже "слышал" на гидрофонах системы раннего оповещения, зато идеально приспособлены для проникновения через патрульное заграждение из японских подводных лодок... если, разумеется, их шкиперы знают свое дело. Это соображение всегда требовалось принимать во внимание.

- Японские эсминцы окажутся над "Теннесси" точно в...

- Я знаю.

- Что еще можешь сообщить мне? - нетерпеливо спросил командующий подводными силами Тихоокеанского флота.

Джоунз подвел адмирала к настенной карте. На ней виднелись теперь семь силуэтов японских подводных лодок, обведенные кружками, и только около одного стоял знак вопроса. Эта субмарина, точное положение которой оставалось неизвестным, находилась между самым северным островом Марианского архипелага, называемым Моуг, и островами Бонин, наиболее известным из которых являлся Иводзима.

- Мы старались обратить особое внимание на этот район, - пояснил Джоунз. - Мне удалось зарегистрировать несколько слабых сигналов, но их было недостаточно, чтобы попытаться определить курс и координаты. На месте японцев я бы прикрыл этот район.

- И я тоже, - согласился Чеймберз. Вероятным шагом американцев было бы выставить патруль из подводных лодок в Лусонском проливе, чтобы помешать проходу нефтяных танкеров к самой Японии; Впрочем, это являлось политическим решением. Тихоокеанский флот еще не получил разрешения нападать на японские торговые суда, и по разведсводкам в настоящее время почти все танкеры, доставлявшие нефть в Японию, плавали под "удобными" флагами - они зарегистрированы в малых странах, где требования к судоходству наиболее мягкие, - и противодействие им приведет к неприятным политическим последствиям. Можно ли пойти на риск обидеть Либерию? - подумал Манкузо с мрачной улыбкой.

- Интересно, почему эсминцы возвращаются домой с такой спринтерской скоростью? - спросил Джоунз. Этому должно было быть объяснение.

- Прошлой ночью мы нанесли удар по японской системе противовоздушной обороны.

- Понятно, и теперь они выходят к западу от Бонин... Это означает, что скоро я не смогу следить за ними. Как бы то ни было, их средняя скорость составляет тридцать два узла и курс все еще не определен окончательно, но можно не сомневаться, что они направляются домой. - Джоунз задумался. - Значит, мы начинаем охоту за черепами, а?

Манкузо позволил себе улыбнуться.

- Точно.

44. Точечный удар

- Нам действительно нужно поступать именно так? - спросил Дарлинг.

- Мы смоделировали ситуацию двадцать раз, - ответил Райан, перелистывая страницы, где приводилась соответствующая информация. - Все дело в том, что мы должны быть уверены в успехе. Сэр, необходимо довести дело до конца.

Президент снова посмотрел на мозаику спутниковых фотографий.

- И все-таки мы не уверены в стопроцентном успехе, верно? Джек покачал головой.

- Такой уверенности не бывает никогда, сэр. Собранная нами информация выглядит очень убедительно - я имею в виду спутниковые фотографии. Русские тоже собрали надежные сведения, и у них не меньше оснований стремиться к этой цели, чем у нас. Вот здесь скрыто десять ракет. Они находятся в глубоких шахтах, место их расположения было намеренно выбрано таким образом, чтобы обеспечить относительную безопасность, гарантировать от нападения. Все это указывает на то, что наша информация соответствует истине. Это не военная хитрость. И наша главная задача заключается в том, чтобы вывести из строя все десять ракет. И действовать надо быстро.

- Почему?

- Потому что они перебрасывают к восточному побережью военные корабли с мощными радиолокационными системами, способными обнаружить наши самолеты.

- Значит, другого пути нет?

- Нет, господин президент. Если мы хотим добиться своей цели, это нужно осуществить сегодня ночью. - Посмотрев на часы, Райан понял, что на противоположной части земного шара ночь уже наступила.

- Мы самым решительным образом протестуем против американского нападения на нашу страну, - начал посол. - Япония всегда воздерживалась от подобных шагов и надеялась, что и Соединенные Штаты ответят ей взаимностью.

- Господин посол, со мной не советуются относительно военных операций. Значит, американские вооруженные силы нанесли удар по японской территории? - задал встречный вопрос Адлер.

- Вы отлично знаете, что произошло, и не можете не видеть, что это предвещает крупномасштабное вторжение. Мне поручено предупредить американскую сторону, - продолжил посол, - что такие действия повлекут за собой самые серьезные последствия. - Угрожающая фраза повисла в воздухе, как облако смертоносного газа.

Адлер подумал, прежде чем ответить.

- В первую очередь мне хотелось бы напомнить вам, господин посол, что не мы начали этот конфликт. Далее, прошу иметь в виду, что ваша страна предприняла намеренную попытку подорвать нашу экономику...

- Мы всего лишь последовали вашему примеру! - огрызнулся посол с яростью, за которой вполне могло скрываться что-то другое.

- Извините, сэр, но сейчас говорю я. Мы внимательно выслушали вас и приводим теперь наши доводы. - Адлер терпеливо подождал, давая послу возможность успокоиться; было ясно, что оба провели беспокойную ночь и плохо спали. - Далее, мне хотелось бы напомнить вам, что действия вашей страны привели к гибели нескольких сотен американских военнослужащих, и если вы ожидали, что мы не предпримем ответных мер, то ошиблись в своих предположениях.

- Мы никогда не наносили ударов по жизненно важным американским интересам.

- Свобода и безопасность граждан Соединенных Штатов является в конечном итоге единственным жизненно важным интересом нашей страны, сэр.

Атмосфера в зале, где шли переговоры, накалилась до предела. Впрочем, причина этого была очевидной для всех. Судя по всему, Америка предпринимала какие-то серьезные меры и они были не слишком утонченными. Лица дипломатов, сидевших по обеим сторонам длинного стола в зале, расположенном на верхнем этаже здания Государственного департамента, казались высеченными из камня. Во время официальных заседаний никто не хотел идти даже на малейшие уступки. Когда говорили руководители обеих делегаций, головы присутствующих чуть поворачивались в их сторону, но это было единственным движением. Профессиональный карточный игрок мог бы позавидовать самообладанию дипломатов, сидевших с застывшими, ничего не выражающими лицами, - но именно такова и была игра за этим столом, даже в отсутствие карт. До первого перерыва, переговоры не продвинулись дальше упоминания о том, кому принадлежат Марианские острова.

- Господи, Скотт, - негромко пробормотал Кук, выходя через двери на террасу. Он заметил, что руководитель американской делегации, судя по синим кругам под глазами, не спал почти всю ночь, которую провел, по-видимому, в Белом доме. Переговоры явно зашли в тупик. Средства массовой информации постоянно упоминали о выведенных из строя авианосцах, стоявших сейчас в

сухих доках Пирл-Харбора, а в телевизионных передачах, ведущихся с Гуама и Сайпана, принимали участие жители островов, закрывавшие лица и говорившие измененными голосами. Они касались главным образом двух моментов - говорили, что предпочитают остаться американскими гражданами и что испытывают страх перед возможной высадкой американских войск и угрозой кровопролития, которое последует за этим. Эта двойственность была именно тем, что сбивало с толку общественность и приводило в замешательство организации, ведущие опросы общественного мнения, несмотря на то что большинство опрошенных выражало негодование по поводу случившегося, и чуть меньше граждан говорило о надежде на решение конфликта дипломатическими средствами. Если это возможно, разумеется. В соответствии с опросом, проведенным газетой "Вашингтон пост" вместе с телевизионной компанией Эй-би-си и опубликованным сегодня утром, сорок шесть процентов опрошенных не надеялись на мирный исход. Однако, неизвестной для них составляющей являлось то, что японцы владели ядерным оружием. Ни одна из стран не сообщила об этом, причем в обоих случаях из опасений вызвать панику среди собственного населения. Все, кто принимали участие в переговорах, тоже искренне надеялись на мирное решение конфликта, но за последние два часа эта надежда почти полностью исчезла.

- Сейчас решение вопроса превратилось в политическую проблему, - объяснил Адлер, глядя в сторону и делая глубокий выдох, чтобы снять напряжение. - Так и должно было произойти, Крис.

- Но ведь у них есть ядерное оружие!

Заместитель государственного секретаря в замешательстве пожал плечами.

- Мы не считаем, что они решатся на такой безумный шаг.

- Мы не считаем? Какой гений пришел к подобному выводу? - резко бросил Кук.

- Райан, кто еще? - Адлер сделал паузу. - Он руководит всем этим. По его мнению, самым разумным следующим шагом будет морская блокада Японии - мы установим вокруг нее зону, куда не будут допускаться любые морские суда, как это сделали англичане на Фолклендских островах. Перережем пути снабжения нефтью, - объяснил Адлер.

- Повторение тысяча девятьсот сорок первого года? Мне казалось, что этот тупица - историк! Ведь именно так и началась мировая война!

- Если Кога осмелится публично заявить об этом, по нашему мнению, это расколется их правительство. Так что, - продолжил Скотт, - постарайся выяснить у японской стороны - то есть, я хочу сказать, узнай, насколько в действительности сильна их оппозиция.

- Мы ведем опасную игру.

- Это верно, - согласился Адлер, глядя ему прямо в глаза. Кук повернулся и пошел на противоположную сторону террасы. Раньше это казалось Адлеру нормальной частью дипломатической процедуры, составным элементом серьезных переговоров, поскольку настоящее обсуждение велось за кофе, чаем и пирожными, раз официальные руководители делегаций не хотели идти на риск и делать заявления, которые... ну что ж, таковы правила, напомнил он себе. И противная сторона искусно пользовалась этим. Адлер наблюдал за разговором двух дипломатов. Японский посол казался гораздо более обеспокоенным, чем его ближайший помощник. О чем ты думаешь на самом деле? - эта мысль настойчиво

билась в мозгу заместителя государственного секретаря. Он дорого заплатил бы, чтобы узнать это. Сейчас слишком просто думать о нем как о личном противнике. Такой ход мыслей представил бы серьезную ошибку. Посол был профессиональным дипломатом, состоявшим на службе своей страны. На мгновение их взгляды встретились, причем оба намеренно старались не смотреть в сторону Кука и Нагумы. На какой-то момент исчезла и профессиональная сдержанность, поскольку оба понимали, что речь идет о войне, о жизни и смерти людей и они обязаны обсуждать навязанную им проблему. Американец и японец ощутили узы, связывающие их друг с другом, и одновременно подумали о том, почему ситуация так внезапно ухудшилась и в чем причина того, что кто-то злоупотребляет их профессиональным искусством.

- Это будет очень глупым шагом, - сказал Нагумо, заставляя себя приветливо улыбаться.

- Если у тебя есть связь с Когой, воспользуйся ею.

- Есть, но для этого слишком рано, Кристофер. Нам нужны какие-то уступки с вашей стороны. Неужели вы не понимаете этого?

- Дарлинг провалится на предстоящих выборах, если предаст тридцать восемь тысяч американских граждан. - Действительно, все было так просто. - Если для этого понадобится убить несколько тысяч ваших военнослужащих, он пойдет на такой шаг. К тому же он считает, по-видимому, что угроза вашей экономике представляет собой простой и дешевый выход из создавшейся ситуации.

- Это изменится, если ваш народ узнает, что...

- А как отреагируют японские граждане, когда узнают об этом? - Кук достаточно хорошо знал Японию, чтобы понимать, с каким ужасом и отвращением относятся рядовые японцы к ядерному оружию. Интересно, что и американцы стали придерживаться аналогичной точки зрения. Может быть, наконец возобладал здравый смысл, подумал дипломат, хотя и с некоторым опозданием и вне связи с возникшим тупиком в переговорах.

- Они поймут, что ядерное оружие совершенно необходимо для защиты наших жизненных интересов, - быстро ответил Нагумо, удивив этим американца. - Но ты прав, не менее важно и то, что это оружие не должно применяться. Тем более необходимо помешать вашим усилиям, направленным на подрыв японской экономики. В случае такой попытки начнут гибнуть люди.

- Люди гибнут и сейчас, Сейджи, судя по словам твоего босса.

После этого дипломаты вернулись к своим руководителям.

- Ну что? - спросил Адлер.

- Он утверждает, что продолжает поддерживать связь с Когой. Подобная фраза была настолько очевидной, что даже не пришла в голову никому в ФБР, и, когда он предложил такой вариант, сотрудники ФБР не знали, как отреагировать на это, но Адлер хорошо знал Кука. - Он получал удовольствие от своего участия в дипломатических переговорах, но это удовольствие было слишком большим, ему слишком нравилась та роль, которую он стал играть. И сейчас в упоении Кук не отдавал себе отчета в том, что выдал себя. Это не являлось прямым, но было достаточным доказательством, чтобы убедить Адлера, что именно Кук передал японцам сведения о Когое. А теперь он, наверно, сообщил им

кое-что еще, как это было задумано Райаном. Адлер вспомнил, что много лет назад, когда Райан всего лишь входил в состав группы, которой была поручена проверка деятельности ЦРУ, высокопоставленные чиновники обратили на него внимание после изобретения им ловушки "поющая канарейка". Так вот, ловушка захлопнулась снова.

Сегодня было так прохладно, что делегации вернулись в помещение раньше обычного и возобновили переговоры. На этот раз, может быть, удастся достигнуть чего-нибудь, подумал Адлер.

Инструктаж о предстоящей операции проводил полковник Майкл Закариас. Самая обычная рутина, несмотря на то что ни один из бомбардировщиков Б-2 ни разу не открывал огня во время боевых действий - или, точнее, не сбрасывал ни единой бомбы, хотя в принципе это одно и то же. 509-я бомбардировочная группа была сформирована в 1944 году, и ее первым командиром был полковник Пол Тиббетс, служивший в армейской авиации. Удивительное совпадение, подумал Закариас, сидя в своем фамильном доме, построенном отцом в районе авиабазы Элмендорф, штат Юта. Первый самолет поведет командир авиакрыла, бригадный генерал. Его заместитель поведет второй бомбардировщик, а полковник Закариас, начальник оперативного отдела, будет сидеть за штурвалом третьего. На его долю выпала самая отвратительная часть операции, но ввиду ее важности он подумал о том, что законы этики не распространяются на военное время, и пришел к заключению, что операция не выходит за пределы тех ограничений, которые налагаются на военнослужащих юристами и философами.

В Элмендорфе было очень холодно, и экипажи подвезли к бомбардировщикам в автобусах. Этой ночью каждый экипаж будет состоять из трех человек, хотя Б-2 был спроектирован всего лишь для первого и второго пилотов. Правда, существовала возможность присутствия на борту третьего офицера для управления оборонительными системами, хотя с этим мог справиться, по мнению фирмы-изготовителя, и второй пилот. Однако при проведении боевых операций требовался определенный "запас прочности", и потому еще до вылета "спиритов" из Миссури на борту самолетов находилось по триста фунтов дополнительного снаряжения вдобавок к двумстам фунтам веса офицера систем электронного противодействия.

В этом бомбардировщике все было необычным. По традиции, на боевых самолетах ВВС США номер красовался на вертикальном киле хвостового оперения, но у Б-2 не было хвостового оперения, так что номер нанесли на люке носового колеса шасси. Как бомбардировщик, предназначенный для проникновения через противовоздушную оборону противника, он обычно летал на большой высоте подобно авиалайнерам, делающим это для экономии топлива. Тем не менее уже в тот момент, когда проектирование самолета подходило к концу, условия контракта были изменены, и Б-2 приобрел способность летать на малой высоте, сохраняя все свои качества. Один из самых дорогих самолетов, он имел размах крыльев авиалайнера DC-10 и в тоже время был почти невидим. Синевато-серая окраска помогала ему сливаться с ночным небом, и сейчас на него возлагалась главная надежда в быстрейшем окончании войны. Рассчитывали, что он проведет операцию как можно более тихо и незаметно. Лишь пристегнувшись ремнями безопасности, полковник Закариас напомнил себе, что это боевой вылет.

Один за другим включились и заревели реактивные двигатели, созданные на "Дженерал электрик". Приборы на панели управления ожили, их стрелки указывали на полную мощность холостого хода. Несмотря на то что бомбардировщик стоял на месте, его двигатели потребляли столько же топлива, сколько и на крейсерской скорости при полете в стратосфере. Первый и второй пилоты проверили бортовые системы и убедились, что они работают нормально. Затем бомбардировщики один за другим вырулили на взлетно-посадочную дорожку.

- Они облегчают нашу задачу, - произнес вслух Джексон. Сейчас он находился в боевой рубке авианосца под летной палубой. Его оперативный план предусматривал такую возможность, но он не позволял себе надеяться на это. Наиболее опасными противниками являлись эскадренные миноносцы типа "конго", вооруженные ракетными системами "иджис", которые японское командование направило для обороны Марианских островов. Американский военно-морской флот еще не овладел искусством борьбы с ракетными комплексами, управляемыми радиолокаторами, и адмирал полагал, что ему придется заплатить дорогую цену сбитыми самолетами и погибшими экипажами, но оказалось, что Америка действительно сумела перехватить инициативу. Противник перемещал свои корабли, чтобы оказать сопротивление американцам, а потеря инициативы всегда ведет к поражению.

Джексон ощущал растущую уверенность. "Джон Стеннис" шел на северо-восток полным ходом, развивая скорость больше тридцати узлов. Адмирал посмотрел на часы и подумал о том, что и остальная часть операции, задуманной им в Пентагоне, может оказаться такой же успешной.

На этот раз ему предстояло осуществить нечто иное. Как и прошлой ночью, Рихтер включил двигатели своего "команча", думая о том, сколько еще раз ему удастся столь успешно ускользать от опасности вопреки аксиоме, которая непреложно действовала во время боевых операций: один и тот же маневр редко удастся повторить. Как жаль, что парень, спланировавший эту операцию, не знаком с нею. Последний раз Рихтер позволил себе задуматься над делом, не имеющим отношения к операции, когда попытался решить, не был ли этим парнем тот летчик военно-морской авиации, которого он встретил на авиабазе Неллис несколько месяцев назад. Нет, наверно. Он показался ему настоящим профессионалом.

Снова вертолет окружили рейнджеры со своими крошечными огнетушителями, и снова их помощь не понадобилась, и снова Рихтер взлетел безо всяких происшествий, немедленно направив вертолет вверх вдоль склона горы Ширази-сан на восток, в сторону Токио, однако на этот раз его сопровождали еще две винтокрылые машины.

- Посол хочет лично встретиться с Дарлингом, - сказал Адлер. - Он упомянул об этом в конце утреннего заседания.

- Что еще? - спросил Райан. Как это типично для Адлера, он в первую очередь заговорил о своем деле.

- Кук является источником утечки информации. Он сказал мне, что его контакт продолжает работать рука об руку с Когой.

- А ты...

- Я сказал ему то, что ты просил. Так как относительно посла?

Райан взглянул на часы. Момент был выбран очень неудачно, операция уже началась, и ему хотелось избежать этого осложнения, но, с другой стороны, он не рассчитывал, что противная сторона пойдет ему навстречу.

- Через полтора часа. Я договарюсь с боссом.

На долю офицера управления системами электронного противодействия выпала также обязанность проверить вооружение. У самолета, способного нести восемьдесят пятисотфунтовых бомб, в бомбовом отсеке помещалось только восемь бомб весом по две тысячи фунтов каждая, предназначенных для атаки точечных целей. Они имели замедленный взрыватель и способны были глубоко проникать в объект перед взрывом. При умножении восьми на три получалось двадцать четыре - еще одно упражнение в арифметике, делающее обязательной заключительную фазу операции. Можно было бы легко обойтись без нее с помощью атомных бомб, однако приказ исключал их применение, и у полковника Закариаса не было возражений. В конце концов, ему пришлось бы до последнего вздоха жить с совестью, отягощенной этим воспоминанием.

- Все указатели зеленые, сэр, - доложил офицер после проверки систем вооружения. Ничего удивительного, каждую бомбу лично проверил старший специалист службы вооружения, главный сержант, затем эту работу повторил представитель фирмы-изготовителя. Бомбы по одной подверглись дюжине проверок на специальных приборах, а при погрузке в бомбовый отсек с ними обращались, как с хрупкими вазами. Это было необходимо, чтобы сохранить девяностопятипроцентную гарантию фирмы-изготовителя, хотя для полной уверенности даже этого - недостаточно. Вообще-то для такой операции требовалось больше трех самолетов, но их не было, да и совместный полет трех "спиритов" являлся сложным сам по себе.

- Вижу снежок на пеленге два-два-пять. Похоже на Е-2, - доложил офицер службы электронного противодействия. Через десять минут стало ясно, что все наземные радиолокационные станции действуют на полную мощность. Ну что ж, для этого и создан их бомбардировщик, почти одновременно подумали все три члена экипажа.

- О'кей, рассчитай курс, - распорядился Закариас, глядя на экран, расположенный перед ним.

- Один-девять-ноль кажется пока наиболее благоприятным. - Бортовые приборы опознали тип каждого радиолокатора, и самым разумным было пролететь в районе действия устаревших РЛС, к счастью знакомых летчикам, так как их проектировали в Америке.

Впереди бомбардировщиков снова летели "молнии" F-22, на этот раз одни и незаметно, приближаясь к острову Хоккайдо с востока, тогда как Б-2 выбрали более южный сектор. Их задание требовало скорее умственного напряжения, чем физического. В воздухе находился один Е-767, барражирующий теперь над сушей и, наверно, окруженный истребителями, тогда как менее совершенные самолеты раннего радиолокационного оповещения Е-2 образовывали патрульную линию, выдвинутую вперед над морем. По-видимому, на летчиков-истребителей выпала

сейчас большая нагрузка; и действительно, на экране предупреждения об опасности появилось указание, что на нескольких "иглах" включены поисковые радиолокаторы, обшаривающие небо. Ну что ж, настало время заставить их расплатиться за это. Пара американских истребителей чуть развернулась вправо и направилась к двум ближайшим "иглам".

Два Е-767 все еще находились на земле, вокруг радарной антенны одного из них, похожей на огромное плоское блюдо, возвышались подмости. По-видимому, идет ремонт, подумал Рихтер, осторожно приближаясь с запада. Перед ним все еще находились холмы, за которыми можно было укрыться, хотя на самом высоком из них располагалась радиолокационная станция, входившая в мощный комплекс системы противовоздушной обороны. Бортовой компьютер рассчитал мертвую зону для вертолета, куда не проникали лучи радара, и Рихтер прижался к самой земле. Он закончил сближение в трех милях от радиолокационной станции, но ниже ее, и теперь пришло время осуществить то, для чего и был спроектирован "команч".

Рихтер поднялся над последним холмом, и его радар обшарил местность, раскинувшуюся перед ним. Память бортового компьютера выбрала из множества очертаний на аэродроме два самолета Е-767, и перед пилотом вспыхнул дисплей оружия, находящегося в его распоряжении. Е-767 были опознаны как цели один и два. Пилот выбрал ракеты "хеллфайр" класса "воздух - земля", люк внизу вертолета открылся, и Рихтер дважды нажал кнопку пуска. Ракеты сорвались с направляющих и помчались к авиабазе, расположенной в пяти милях впереди.

Цель номер четыре представляла собой высотный многоквартирный дом и, к счастью, находилась на верхнем этаже. "Зорро-3" подлетел к городу с юга, и теперь пилот развернул свою машину, стараясь найти освещенное окно. Вот, наконец. Это не электрический свет в комнате, подумал пилот, скорее включенный телевизор. Впрочем, в данном случае и этого достаточно. Он воспользовался режимом ручного наведения, чтобы замкнуться на голубом огоньке.

Козо Матцуда пытался понять, что заставило его оказаться замешанным в это дело, но всякий раз приходил к одному и тому же ответу. Он вложил средства в слишком большое количество предприятий и потому был вынужден вступить в союз с Яматой. Но где сейчас его друг? На Сайпане? Почему? Он нужен им здесь. Кабинет министров проявлял признаки беспокойства, и хотя ставленник Матцуды, входивший в состав кабинета, делал все, что ему говорили, несколько часов назад он узнал, что министры начали думать независимо, сами по себе, а это было уже плохо. С другой стороны, происшедшее за последнее время тоже не вызывало оптимизма. Американцам удалось до определенной степени пробить брешь в противовоздушной обороне Японии, что оказалось весьма неприятным сюрпризом. Ну почему они не хотят понять, что войну пора кончать, что Марианские острова перешли под эгиду Японии раз и навсегда и что Америке придется признать это? По-видимому, единственное, что они понимают, - это сила, но когда Матцуда и остальные дзайбацу пришли к выводу, что они в состоянии прибегнуть к силовому решению

проблемы, американцев не охватила паника, на которую они рассчитывали.

А что, если... что, если американцы не отступят? Ямата-сан заверил всех, что они будут вынуждены сдаться, но ведь он также заверил их, что может подорвать финансовую систему США, однако американцы каким-то образом сумели вывернуться из сложного положения, еще более ловко, чем противники в ходе мушаши - схватки на мечях, за которой он наблюдал сейчас по ночной программе телевидения. Теперь отступать нельзя. Необходимо вести войну до победного конца, потому что в противном случае всем им угрожает крах... даже более страшный, чем тот, что едва не разорил его промышленно-финансовую корпорацию в результате принятого им ошибочного решения. Ошибочное решение? - спросил себя Матцуда. Да, но ему удалось устоять, благодаря тому что он вступил в союз с Яматой, и если только его коллега поскорее вернется в Токио и поможет дзайбацу навести порядок в правительстве, может быть, тогда...

Канал на экране телевизора неожиданно сменился. Странно. Матцуда взял пульт дистанционного управления и переключился на прежний, но канал сменился опять.

В пятнадцати секундах от цели пилот "Зорро-3" включил инфракрасный лазер, применявшийся для наведения противотанковой ракеты. Сейчас "команчем" управлял автопилот, что позволяло летчику вручную вести ракету к цели. Ему и в голову не пришло, что инфракрасный луч лазера действует на такой же длине волны, что и простой пульт дистанционного управления, с помощью которого его дети дома, глядя в телевизор, переключают мультики.

Черт бы его побрал! Матцуда в третий раз переключил канал, но всякий раз на экране вместо фильма про самураев появлялись новости. Он не видел этот фильм уже несколько лет, а с проклятым телевизором что-то случилось. Более того, эту модель с широким экраном выпускала его же собственная корпорация. Промышленник встал с постели, подошел к телевизору и направил пульт прямо на инфракрасный переключатель на передней панели. И снова изображение упрямо возвратилось на канал новостей.

- Проклятие! - пробормотал он, становясь на колени и переключая каналы вручную. Безрезультатно. Свет в спальне был выключен, и в последнюю секунду Матцуда заметил на экране телевизора желтое сияние. Отражение? От чего? Он повернул голову и увидел желтый полукруг пламени, приближающийся к его окну, за мгновение до того, как ракета ударила в стену рядом с кроватью.

"Зорро-3" заметил взрыв на верхнем этаже высотного жилого дома, тут же свернул налево и начал наводить ракету на другую цель. Вот это действительно увлекательно, подумал пилот, интереснее даже, чем незначительная роль, которую ему довелось сыграть шесть лет назад во время пребывания в боевой группе "Нормандия". Вообще-то он никогда не стремился к тому, чтобы стать "змееловом", но вот теперь стал одним из них... Следующая цель походила на первую. Ему пришлось несколько раз мигнуть, чтобы ясно ее увидеть, но теперь он не сомневался, что все находящиеся в радиусе двадцати метров от места взрыва ракеты уже ничего не смогут рассказать о случившемся.

Первая ракета "хеллфайр" - "пламя ада" - попала в самолет, вокруг которого сновали члены экипажа. К счастью, она ударила в носовую часть E-767, так что при взрыве кое-кто уцелеет, подумал Рихтер. Взрыв второй ракеты, которую тоже наводил компьютер, оторвал хвостовое оперение у другого самолета. Теперь у Японии осталось всего лишь два новейших самолета раннего радиолокационного обнаружения, находившихся сейчас, по-видимому, где-то в воздухе, и Рихтер ничего не мог поделать с ними. Они, наверно, не прилетят сюда, но, чтобы убедиться в этом, он развернул вертолет, прицелился и на обратном пути обстрелял радиолокационную станцию ПВО из автоматической пушки.

Биничи Мураками как раз выходил из здания после продолжительного разговора с Танзаном Итагаке. Завтра он встретится со своими коллегами на заседании кабинета министров и предложит покончить с этим безумием, прежде чем станет слишком поздно. Да, у его страны есть ядерное оружие, но они считали, что оно создано для того, чтобы фактом обладания такого оружия не допустить его применения. Одной только мысли, что народ узнает, что их страна установила баллистические ракеты с ядерными боеголовками на своей земле - если быть точным, то в скалах, - было достаточно, чтобы расколоть созданную Гото политическую коалицию. Теперь он понимал, что распоряжаться политическими деятелями как марионетками можно только до определенного предела, после которого они начинают осознавать, что сами обладают немалой властью.

Уличный нищий - мысль о нем постоянно приходила ему в голову. Если бы не это, его вряд ли убедили бы аргументы Яматы. Если бы не это... пытался убедить он себя. И тут небо над головой внезапно озарилось яркой вспышкой. Телохранитель Мураками, стоявший рядом, мгновенно повалил его на тротуар рядом с автомобилем. На них дождем посыпались осколки стекла. Лишь стихло первое эхо, как тут же раздались раскаты грома, пришедшего с расстояния в несколько километров откуда-то с другой стороны.

Что это? - хотел спросить Мураками, но едва шевельнулся, как почувствовал липкую жидкость на лице - это была кровь из руки телохранителя, рассеченной упавшим стеклом. Тот, сжав губы, пытался сохранить хладнокровие, но было видно, что рана серьезная. Мураками помог ему сесть в автомобиль и приказал шоферу ехать в ближайшую больницу. Едва шофер кивнул, как небо осветилось новой вспышкой.

- Еще два тюленчика, - негромко пробормотал полковник. Ему удалось приблизиться к "иглам" на расстояние меньше пяти миль, прежде чем он выпустил свои "стрелы". Всего один "игл" попытался совершить маневр уклонения, но это оказалось слишком поздно, правда, пилот успел катапультироваться и спускался теперь на парашюте к земле. Пока достаточно. Полковник повернул свою "молнию" на северо-восток и направился домой со скоростью полтора Маха. Его звено из четырех

F-22 пробило брешь в обороне Хоккайдо, и теперь японские BBC бросят сюда другие истребители, чтобы заткнуть ее, в чем и состояла цель операции. В течение многих лет полковник говорил всем, кто готовы были слушать его,

что воздушный бой не имеет ничего общего с честной игрой, схваткой по правилам, и тогда он смеялся над этим мнимым смягчением для характеристики боя истребителя-невидимки с обычным боевым самолетом. Бить тюленчиков. Но японцы не были тюленями, и то, что они совершили, походило на убийство. Полковник испытывал чувство стыда за то, что ему приходилось делать.

Офицер, наблюдавший за системами электронного противодействия, сумел проложить курс между двумя радиолокационными станциями ПВО и в ста милях от барражирующего в небе самолета раннего радиолокационного обнаружения E-2. В наушниках слышались оживленные радиопереговоры между наземными станциями и истребителями, причем все со стороны севера. Снижение начнется над городом Арай. Бомбардировщик B-2A плавно и неслышно летел на высоте сорока трех тысяч футов со скоростью около шестисот узлов. Под первым слоем наружной обшивки из текстиля и других материалов его покрывала тончайшая медная сетка, которая поглощала электронную энергию радиолокационных импульсов, бьющих сейчас по бомбардировщику. Эту часть технологии "стеле" можно найти в любом школьном учебнике физики. Медные нити собирали почти всю энергию подобно простой антенне и превращали ее в тепло, рассеиваемое потом в холодном ночном воздухе. Остальная часть энергии радиолокационных импульсов проникала к внутренней части корпуса и отражалась в разные стороны. По крайней мере такой была идея конструкторов.

Райан встретил посла и в сопровождении пяти агентов Секретной службы проводил его в Западное крыло Белого дома. Атмосфера была той, что на дипломатическом языке носит название откровенной. Это означало, что не проявлялось открытой враждебности, но ощущалось напряжение и отсутствовал обычный обмен любезностями, характерный для подобных визитов. Помимо слов, которых требовал дипломатический протокол, не произносилось ничего. К тому времени, когда они вошли в Овальный кабинет, Джек беспокоился главным образом о том, какая угроза - если предстояло такую услышать - прозвучит в этот самый неподходящий момент.

- Прошу садиться, господин посол, - произнес Дарлинг.

- Спасибо, господин президент.

Райан опустился в кресло между японским дипломатом и Роджером Дарлингом. Это был автоматический шаг, направленный на защиту своего президента, но излишний. Два агента Секретной службы вместе с ними вошли в кабинет, и один встал у двери, а второй прямо за спиной у посла.

- Мне сообщили, что вы хотите что-то сказать мне, - заметил Дарлинг.

Слова дипломата прозвучали сухо и бесстрастно.

- Мое правительство дало указание передать вам, что мы собираемся объявить о наличии у нас стратегического оружия. Нам хотелось предупредить вас об этом.

- Такое заявление будет рассматриваться как прямая угроза нашей стране, господин посол, - сказал Райан, играя роль посредника и давая возможность президенту не обращаться прямо к послу.

- Это будет угрозой лишь в том случае, если вы так истолкуете наше заявление.

- Вы понимаете, конечно, - заметил Райан, - что и мы владеем ядерным оружием.

- Которое вы уже применили против нашей страны, - тут же ответил посол. Райан кивнул.

- Да, в ходе еще одной войны, развязанной вами.

- Мы неоднократно говорили, что война начнется лишь в том случае, если вы пожелаете этого.

- Сэр, когда вы захватываете американскую территорию и убиваете американских военнослужащих, это и есть война.

Дарлинг слушал словесную дуэль молча, не вмешиваясь, склонив голову, играя свою роль точно так же, как советник по национальной безопасности играл свою. Теперь он достаточно хорошо знал своего помощника и замечал в нем признаки напряжения, испытываемого им, - ноги, скрещенные под креслом, сжатые руки, лежащие на коленях, негромкий приятный голос, который неизменно оставался спокойным, несмотря на тему разговора. Боб Фаулер был прав, когда говорил, что на него можно положиться в трудную минуту. Да, с этим человеком можно выдержать свирепый шторм, подумал Роджер Дарлинг, вспомнив поговорку, возникшую в те давние времена, когда люди начали плавать по морям. Райан бывал иногда упрямым и вспыльчивым, но в трудный момент внезапно успокаивался подобно врачу при сложной операции. Может быть, он научился этому у жены? - подумал президент. А возможно, сам заставил себя вести таким образом, овладев этим искусством за те десять или двенадцать лет, когда то поступал на государственную службу, то уходил с нее. Отличная голова, здравый смысл, редкая способность угадывать предстоящие события - и при всем том такое спокойствие. Как жаль, что он избегает политики. От этой мысли Дарлинг едва не улыбнулся, но вовремя удержался. Нет, Райан не сможет добиться успеха в политике, для этого он слишком прямой человек. Даже в его спокойствии проскальзывает откровенность, а ведь одним из важнейших качеств политического деятеля является способность убедительно лгать. Впрочем, Райан действительно хороший человек, и в критической ситуации на него можно положиться.

- Мы стремимся урегулировать этот неприятный эпизод мирным путем, - произнес посол, - и готовы пойти на значительные уступки.

- Нам не требуется ничего особенного, - пожал плечами Райан. - Нужно восстановить ранее существовавшее положение. - Ему не хотелось говорить об этом, но он был вынужден упомянуть мысли, которые обсуждал с президентом. Теперь, если случится что-то неприятное, на память придет лишь одно - допустил ошибку Райан, а не Роджер Дарлинг. - И ликвидировать ваши ракеты с ядерными боеголовками под контролем международных наблюдателей.

- Вы вынуждаете нас вести очень опасную игру.

- Вы сами выбрали такой путь. - Райан заставил себя расслабиться.

Сейчас его правая рука сжимала левую кисть. Он чувствовал пальцами часы, но не решался посмотреть на циферблат, опасаясь выдать себя, показать, что сейчас происходит что-то связанное со временем. - Вы уже нарушили договор о нераспространении ядерного оружия и хартию Организации Объединенных Наций, которую подписало ваше правительство. Кроме того, вами нарушены условия нескольких договоров о двусторонних отношениях с Соединенными Штатами

Америки и вы начали войну, направленную на захват чужих территорий. Неужели вы полагаете, что мы согласимся со всем этим, включая порабощение американских граждан? Скажите, какой будет реакция японского народа, когда он узнает об этом? - Еще не были преданы гласности события, происшедшие прошлой ночью над северной частью Японии. Дзайбацу контролировали средства массовой информации гораздо строже, чем Райан, сумевший уговорить руководителей американских телевизионных компаний, но с этим всегда возникают проблемы. Рано или поздно правда станет известна. Это неплохо, если правда на твоей стороне, но просто ужасно, когда она работает против тебя.

- Но вы должны пойти хоть на какие-нибудь уступки! - воскликнул посол, на глазах теряя свою дипломатическую сдержанность. Агент Секретной службы, стоявший позади него, шевельнул пальцами.

- Мы даем вам возможность восстановить мир без принуждения с нашей стороны.

- Этого слишком мало!

- Правильнее обсудить этот вопрос с заместителем государственного секретаря Адлером и его делегацией. Вы знакомы с нашей позицией, - произнес Райан. - Если вы считаете необходимым объявить о том, что обладаете ядерным оружием, мы не можем помешать вам. Хочу предупредить, однако, что это приведет к серьезной психологической эскалации, которая не пойдет на пользу обеим нашим странам.

Посол посмотрел на Дарлинга, надеясь, что тот как-то отреагирует. Приближались выборы в Айове и Нью-Гемпшире, и президенту необходимо успешно начать избирательную кампанию... Может быть, в этом и заключается причина столь жесткого поведения? - подумал дипломат. В полученных из Токио указаниях говорилось, что он должен добиться для своей страны свободы маневра, но американцы отказались идти на какие-либо уступки, и виновником этого наверняка является Райан.

- Неужели доктор Райан говорит от имени Соединенных Штатов? - У посла дрогнуло сердце, когда он увидел, что президент покачал головой.

- Нет, господин посол. От имени Соединенных Штатов говорю я. - Дарлинг сделал паузу, и на его лице появилась жесткая улыбка. - Но в данном случае доктор Райан говорит от моего имени. Вы хотите сказать что-нибудь еще?

- Нет, господин президент.

- В таком случае я вас больше не задерживаю. Надеюсь, ваше правительство поймет, что предложенный нами способ урегулировать конфликт является самым лучшим. Остальные альтернативы не следует даже рассматривать. До свиданья, сэр. - Дарлинг остался сидеть, зато Райан встал, чтобы проводить посла. Он вернулся через несколько минут.

- Когда? - спросил президент.

- В любую минуту.

- Надеюсь, что все пройдет успешно.

Воздух под ними был чистым и прозрачным, хотя на высоте пятидесяти тысяч футов виднелись клочья перьевых облаков. Но даже несмотря на это, невооруженный человеческий глаз не мог увидеть исходную точку - ИТ. Еще хуже

было то, что остальные бомбардировщики звена из трех самолетов тоже оказались невидимыми, хотя в соответствии с планом находились на расстоянии соответственно четырех и восьми миль. Майк Закариас вспомнил об отце, о всех его вылетах в ходе действий против самой совершенной противовоздушной обороны того времени, о том, как он однажды проиграл, всего один раз, и был чудом спасен из лагеря, где ему предстояло остаться навсегда. Сейчас перед его сыном стояла более легкая задача, но в то же время и более сложная, потому что Б-2 не мог маневрировать и всего лишь чуть менял положение в зависимости от ветра.

- Батарея зенитных ракет "пэтриот" в направлении на два часа, - предупредил капитан, сидевший за пультом управления системами электронного противодействия. - Ее радиолокаторы только что включились.

Теперь Закариас понял причину. На земле, в нескольких милях, появились первые вспышки. Значит, разведывательные данные правильны, подумал полковник. У японцев немного батарей "пэтриот", и они не расположили бы их в этом районе просто так. И тут, глядя вниз, он увидел огни движущегося поезда у входа в ущелье, по которому им предстояло нанести бомбовый удар.

- Первый запрос, - распорядился пилот. Теперь ситуация становилась по-настоящему опасной.

Радиолокатор под носовой частью его самолета нацелился на участок земли далеко внизу, следуя указаниям спутниковой навигационной системы, и мгновенно определил положение бомбардировщика по отношению к известным наземным ориентирам, находившимся в памяти компьютера. Затем самолет накренился, повернул вправо и через две минуты повторил маневр.

- Предупреждение о пуске ракеты! Ракета "пэтриот" - нет, две, - сообщил офицер комплекса электронного противодействия.

- Это по второму номеру, - произнес Закариас. Должно быть, его заметили в тот момент, когда открылся люк бомбового отсека. При открытом бомбовом люке самолет мгновенно утрачивает невидимость, но это длится всего несколько секунд, прежде чем...

Вот. Полковник увидел, что ракеты взлетают из-за холма и мчатся намного быстрее, чем советские СА-2, от которых так успешно уклонялся в свое время его отец. Это напоминает даже не ракеты, а скорее лучи направленной энергии, с такой скоростью поднимающиеся вверх, что за ними трудно уследить взглядом и уж тем более предпринять маневр уклонения. Однако обе ракеты, летевшие на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга, ничуть не изменили траектории полета, промчались мимо цели по направлению к какой-то точке в пространстве и взорвались подобно фейерверку на высоте примерно шестидесяти тысяч футов. Значит, технология "стелс" на самом деле действенна против ракет "пэтриот", как и показали проведенные испытания. Наверно, ракетчики сейчас ломают головы, подумал Закариас.

- Начинаю первый заход на цель, - объявил пилот. Всего на земле находилось десять точечных целей - пусковых шахт, говорилось в разведданных, и полковник с удовлетворением подумал, что ему нужно уничтожить эти ненавистные сооружения, даже ценой жизни других людей. В операции принимали участие только три бомбардировщика, и его самолет, как и два других, нес всего восемь бомб. Общее число бомб, доставленных тремя бомбардировщиками

для проведения операции, составляло двадцать четыре, причем на каждую пусковую шахту предназначалось по две бомбы, а остальные четыре Закариас должен был сбросить на последнюю цель. У каждой бомбы попадание в пределах четырех метров от точки прицеливания составляло девяносто пять процентов - очень высокая точность, но при этой операции всякое отклонение недопустимо. Правда, из теоретических расчетов следовало, что при двух бомбах, сброшенных на одну цель, вероятность промаха ничтожна, но, когда число целей увеличивалось на порядок, вероятность промаха тоже возрастала в десять раз.

Сейчас бомбардировщик летел под контролем компьютера и пилот мог взять управление на себя лишь в том случае, если случится что-то угрожающее. Полковник снял руки со штурвала, опасаясь случайным прикосновением нарушить процесс, требующий куда большего искусства, чем владеет человек.

- Как функционируют системы? - спросил он по каналу внутренней связи.

- Нормально, - коротко ответил офицер комплекса электронного противодействия. Он не отрывал взгляда от приборов космической навигационной системы, принимавшей сигналы с четырех спутников, которые несли атомные часы. Космическая навигационная система определяла точное положение бомбардировщика в трех измерениях при данных о курсе, скорости и ветровом снос, вносимых бортовыми системами. Полученная информация автоматически вводилась в компьютерную память бомб, уже запрограммированных на точные координаты целей. Первый бомбардировщик поражал цели от первой до восьмой. Второй - от третьей до десятой. А вот третий, который вел полковник Закариас, сбрасывал свои бомбы на цели номер один, два, девять и десять. Это означало, что, поскольку ни один самолет не сбрасывал на каждую цель по две бомбы, даже при выходе из строя электронной системы наведения пусковая шахта все равно будет поражена.

- Радиолокаторы батареи "пэтриот" продолжают поиск. Похоже, что она расположена у входа в ущелье. Тем хуже для них, подумал Закариас.

- Открываю дверцы бомбового отсека - дверцы открыты! - послышался голос второго пилота. И тут же последовал возглас третьего офицера.

- Нас заметили - радиолокаторы батареи ведут нас!

Первая бомба отделилась от самолета.

- На нас замкнулись - пуск, пуск, пуск!

- Не забудьте, потребуется несколько секунд, - поборов волнение, произнес Закариас спокойным голосом. Вторая бомба полетела вниз. И тут в голове полковника мелькнула новая мысль: а вдруг командир батареи проявит сообразительность? Что, если он сделал выводы из предыдущего залпа? Господи, операция может все-таки потерпеть неудачу, если...

Через две секунды четвертая бомба отделилась от самолета, и бомбовый люк закрылся. И тут же бомбардировщик Б-2 снова превратился в невидимку.

- Это бомбардировщик "стелс", именно "стелс", - послышался голос офицера, руководившего перехватом. - Смотрите!

Большая привлекательная цель, только что появившаяся у них над головами, внезапно исчезла. Мощный многовибраторный радиолокатор сообщил о присутствии цели как визуально, так и подав звуковой сигнал, а теперь экран опустел, но не совсем. Сейчас вниз спускались четыре предмета, тогда как

только что их было восемь. Бомбы. Командир батареи слышал звуки взрывов, доносившиеся из ущелья. Прошлый раз он целился в бомбардировщик и напрасно потратил две драгоценные ракеты; и две пущенные только что тоже не попадут в цель... но...

- Сменить наведение! - скомандовал он.

- Они больше не ведут нас, - произнес офицер комплекса электронного противодействия скорее с надеждой, чем с уверенностью. Поисковый радиолокатор обшаривал небо, затем замкнулся на цели, но этой целью было что-то еще.

Чтобы окончательно уйти от опасности, Закариас повернул самолет, что все равно было необходимо для осуществления второй части операции. Это уведет бомбардировщик с запрограммированного пути ракет и поможет избежать случайного отражения радиолокационных импульсов от его наружной поверхности.

- Докладывайте! - коротко бросил полковник.

- Они пролетели мимо нас. - Это тут же подтвердилось сначала одной, потом второй вспышкой, озарившими облака над головой. Хотя все три члена экипажа инстинктивно вздрогнули, это была скорее психологическая реакция - самолет даже не встряхнуло, настолько далеко позади взорвались ракеты.

О'кей, значит, это все... хотелось бы...

- Он все еще ведет. - замкнулся! - послышался возглас офицера. - Но...

- На нас?

- Нет, на чем-то другом... я не знаю...

- На бомбах. Проклятие! - выругался Закариас. - Он ведет бомбы!

Их было четыре, самые "умные" из всех "умных" бомб стремительно падали вниз, но все-таки не так быстро, как пикирующий истребитель. Каждая из бомб "знала", где она находится во времени и в пространстве, "видела" свою цель. Бортовая навигационная система бомбардировщика сообщила им необходимые данные: координаты этих целей, снятые с карт, скорость и курс самолета, и на основании этой информации компьютеры внутри самих бомб рассчитали местоположение своих запрограммированных целей. Теперь, падая вниз, они соединили направление полета с невидимыми точками в трехмерном пространстве и не могли пролететь мимо. Однако бомбы не были невидимыми, в них не заложили технологию "стелс", никому не пришло в голову подумать об этом, а они представляли собой достаточно большие предметы, чтобы радиолокатор засек их и начал вести.

У батареи "пэтриот" все еще оставались ракеты, ей нужно было оборонять объект, и несмотря на то, что бомбардировщик исчез с экрана, на нем по-прежнему оставались четыре предмета, и радиолокатор "видел" их. Система наведения автоматически переключилась на предметы, а командир батареи выругал себя за то, что не подумал об этом раньше. Оператор кивнул, услышав команду, и повернул ключ, позволявший ракетным системам действовать в автономном режиме. Управляющий ими компьютер не знал и не интересовался тем, что приближающиеся цели вовсе не самолеты. Они летели в воздухе, они находились внутри полусферы досягаемости, и люди отдали команду сбивать их.

Первая из четырех ракет вырвалась из стоявшего на грузовике пакета, ее твердое ракетное топливо вспыхнуло и прожгло ночное небо белой ослепительной полосой. Система наведения следила за целями из самой ракеты, и при всей своей сложности она была исключительно точной и не поддавалась электронному глушению. Первая ракета нацелилась на падающую бомбу, передавая сигналы на землю и получая корректирующие указания от главного компьютера батареи. Будь у ракеты мозг, она ощущала бы удовлетворение оттого, что вела цель, выбирая в пространстве точку, где они встретятся...

- Пуск! - произнес оператор, и ночь превратилась в день, когда вторая ракета "земля - воздух" нацелилась на следующую бомбу.

Яркий свет на земле объяснил полковнику происходящее. Закариас видел вспышки, отражающиеся от скалистых склонов, и знал, что они появились слишком рано, чтобы быть взрывами бомб. Значит, тот, кто рассчитывал параметры операции, вовсе не был параноиком.

- Исходная точка номер два, - произнес второй пилот, и командир самолета вернулся к действительности.

- Отличный наземный ориентир, - слышался голос офицера комплекса электронного противодействия.

На этот раз Закариас отчетливо видел его - широкая гладкая поверхность темно-синего цвета, резко отличающаяся от изломанного, более темного грунта окружающих гор, и бледная дуга стены, сдерживающей ее. Виднелись даже огни электростанции.

- Открываю дверцы бомбового отсека.

Самолет подпрыгнул на несколько футов, когда оставшиеся бомбы упали вниз. Компьютер автоматически ввел поправку, выровнял бомбардировщик, и он снова повернул вправо, на восток. По какой-то причине пилот испытывал удовлетворение оттого, что выполнил приказ.

Командир ракетной батареи издал возглас удовлетворения и хлопнул ладонью по приборной панели. Ему удалось сбить три из четырех бомб, и хотя последняя ракета не попала в цель и взорвалась рядом с ней, взрывная волна наверняка отбросила бомбу от запрограммированной траектории и помешала ей поразить шахтно-пусковую установку, несмотря на то что он почувствовал, как земля вздрогнула от разрыва. Он поднял трубку телефона, соединяющего батарею с бункером управления.

- У вас все в порядке? - беспокоенно спросил командир.

- Что произошло, черт побери? - слышался отдаленный голос. Командир батареи не обратил внимания на столь глупый вопрос.

- Как с ракетами?

- Восемь уничтожено - но мне кажется, две уцелели. Я должен позвонить в Токио и получить указания. - У него вызывало удивление, что поражены не все установки, и его первой мыслью было отметить удачное размещение ракет. Шахтно-пусковые установки вырубили в сплошной скальной породе, и это отчасти защитило межконтинентальные баллистические ракеты. Какие приказы он получит теперь, после того как американцы попытались обезоружить его страну?

Надеюсь, из Токио поступит приказ о пуске ракет, подумал командир

зенитной батареи, хотя и не осмелился произнести это вслух.

Последние четыре бомбы с третьего Б-2 были нацелены на плотину гидроэлектростанции в верхней части ущелья. Они были запрограммированы таким образом, чтобы попасть в цель от основания и до вершины железобетонного сооружения, причем место и момент взрыва имели ничуть не меньшее значение, чем у тех бомб, что поразили пусковые установки. Невидимые и не услышанные никем, они летели вниз на расстоянии сотни футов одна от другой.

Плотина гидроэлектростанции имела сто тридцать метров в высоту, почти такую же толщину у основания и сужалась к верхней части, составляя у водослива всего десять метров. Она была построена с таким расчетом, чтобы противостоять землетрясениям, столь частым в Японии, и сдерживать колоссальную массу воды, скопившейся в водохранилище. Гидроэлектростанция уже тридцать лет снабжала электричеством весь регион.

Первая бомба попала в плотину на семьдесят метров ниже водослива. Летевшая с огромной скоростью, в корпусе из закаленной стали, она проникла в глубь плотины на пятнадцать метров и лишь потом взорвалась. Бомба образовала небольшую пещеру внутри гигантской стены и потрясла ее. В следующее мгновение в пяти метрах выше первой в бетон вонзилась вторая бомба.

На плотине дремал охранник. Разбуженный грохотом взрывов, доносящихся снизу, он не успел увидеть фейерверк и теперь пытался понять, что произошло, как вдруг заметил едва видную вспышку, словно вырвавшуюся из плотины. Он услышал удар второй бомбы, прошла секунда, и сокрушительный взрыв едва не сбил его с ног.

- Господи, мы сумели поразить все десять? - спросил Райан. Вопреки своему страстному желанию и общим пожеланиям Национальное управление фоторазведки не передавало в Белый дом изображение в реальном масштабе времени. Райану приходилось полагаться на кого-то другого, не сводившего взгляда с телевизионного экрана в Пентагоне.

- Пока не можем сказать с уверенностью, сэр. Они все поражены - видите ли, почти все, потому что несколько бомб взорвались, не долетев до земли...

- Что вы хотите этим сказать?

- Создалось впечатление, что взрывы произошли в воздухе - взрывы трех бомб, сброшенных с последнего бомбардировщика. Сейчас мы стараемся выделить отдельные шахтно-пусковые установки и тогда...

- Значит, некоторые ракеты остались целыми, черт побери? - рявкнул Райан. Неужели операция сорвалась?

- Одна, может быть, две, пока не можем сказать точнее. Подождите немного, ладно? - произнес аналитик обиженным голосом. - Через несколько минут там пролетит другой спутник.

Плотина смогла выдержать взрывы двух бомб, однако третья, попавшая в цель в двадцати метрах ниже водослива, расколола бетонный монолит - точнее, выбила глыбу треугольной формы. Гигантский осколок шевельнулся и двинулся вперед, но тут же остановился, удерживаемый на месте невероятным трением этой бетонной скалы, созданной человеческими руками. На мгновение охранник

подумал, что плотина устоит. Однако четвертая и последняя бомба попала в центр глыбы и расколола ее. Когда исчезло облако пыли, на смену ему пришли брызги и туман от потока воды, хлынувшей через образовавшуюся в плотине тридцатиметровую брешь. На глазах охранника пробоина ширилась, и только после этого его осенило - он побежал к сторожке, схватил телефонную трубку и попытался предупредить людей в нижней части ущелья об опасности. К этому времени река, заново родившаяся после трех десятков лет вынужденного заточения, огромной стеной уже мчалась вниз по руслу, прорезанному ею в скалах за сотни тысячелетий.

- Что у вас осталось? - послышался требовательный голос человека, говорившего из Токио.

- Одна ракета, похоже, не тронута. Она находится в шахтно-пусковой установке номер девять. Шахта номер два немного повреждена, и мои люди ведут сейчас осмотр. Каким будет приказ?

- Приготовиться к пуску и ждать дальнейших указаний.

- Хай. - Связь прервалась.

Как же мне теперь поступить? - подумал дежурный офицер. Он был новичком на этом посту, новичком во всем том, что связано с управлением ракетно-ядерным оружием. Ему не хотелось назначения на этот пост, но его никто не спрашивал. Он вспомнил свои обязанности и снял трубку телефона - обычного черного телефона прямой связи с премьер-министром.

- Слушаю, в чем дело?

- Гото-сан, это дежурный из министерства. По нашим ракетам был нанесен удар.

- Что?! Когда?! - выкрикнул премьер-министр. - Какие последствия?!

- Одна, может быть, две ракеты остались в строю. Остальные, по-видимому, уничтожены. Сейчас ведется проверка. - Дежурный офицер чувствовал, что премьер-министр вне себя от ярости.

- Сколько времени уйдет на подготовку к пуску?

- Несколько минут. Я уже отдал приказ. - Офицер открыл журнал, чтобы определить процедуру подготовки к запуску. Он, разумеется, был должным образом проинструктирован, но теперь, когда ситуация накалилась, дежурный счел необходимым держать перед собой инструкции в письменном виде. Все, кто были в центре управления, повернулись и замерли, глядя на него в полной тишине.

- Я созываю заседание кабинета! - Линия отключилась. Офицер огляделся по сторонам. В атмосфере центра ощущался гнев, но в еще большей степени здесь царил страх. Это произошло снова, по Японии наносились непрерывные удары, и теперь они поняли значение предыдущих действий американцев. Каким-то образом им удалось узнать место, где размещены замаскированные ракеты, и они отвлекли внимание сил самообороны от направления главного удара, нанося отвлекающие удары по противовоздушной обороне Японии. Так какой же приказ будет сейчас отдан? Осуществить запуск баллистических ракет с ядерными боеголовками? Но это безумие. Дежурный офицер был убежден в этом и видел, что здравомыслящие военные в центре управления думают также.

Это было своего рода чудо. Шахтно-пусковая установка номер девять уцелела. Одна бомба упала всего в шести метрах от нее, однако окружающая скальная порода выдержала, увидел офицер, бомба не взорвалась. В скалистом грунте виднелось отверстие, но при свете карманного фонарика он заметил среди осколков гранита что-то металлическое. Хвостовое оперение бомбы, наверно. Подумать только, "умная" бомба, совершенная технология - и неисправный взрыватель. Разве не забавно? Он бросился к шахте номер два и, пробегая по руслу высохшей реки, услышал рев сирены, предупреждающей о какой-то опасности. Это был пугающий маршрут, который пролегал мимо разрушенных пусковых шахт, и офицер не мог понять, почему американцы не нанесли удара по бункеру управления. Из десяти шахтно-пусковых устройств восемь уничтожены. Он задыхался от едкого запаха ракетного топлива, но его почти не осталось, легковоспламеняющаяся жидкость взорвалась и огненным шаром взвилась над ущельем. Теперь ночной ветер рассеивал ядовитые газы. На всякий случай он поспешно надел противогаз, маска которого закрывала ему лицо и - что стало роковым - уши.

Поблизости от шахты номер два, метрах в двенадцати, взорвалась лишь одна бомба. Люк засыпало, на него обрушилось с тонну скальных обломков. Достаточно было убрать их, и можно спуститься в шахту и проверить состояние ракеты.

Проклятые американцы! - в ярости подумал офицер, достал портативную рацию и связался с бункером управления. Странно, на его вызов никто не ответил. Затем он заметил, что земля содрогается под ногами, но решил, что это от его собственной дрожи. Заставив себя замереть на месте, он почувствовал, что гул усиливается. Землетрясение? Но что это за оглушительный рев, который он слышит несмотря на маску, закрывающую уши? И тут он увидел водный вал, но бежать к крутому склону ущелья было уже поздно.

Солдаты, обслуживающие батарею "пэтриот", тоже услышали шум, доносившийся из ущелья, но в спешке не обратили на это внимания. Только группа, которая занималась перезарядкой ракет, успела понять, в чем дело. Они находились на поворотном треугольнике железной дороги и как раз грузили пакет из четырех ракет, когда из ущелья вырвалась белая стена воды. Их панические крики никто не услышал. Только одному солдату удалось спастись, взобравшись на крутой склон, прежде чем стофутный вал смел батарею.

В двухстах милях над головами гибнущих японцев пролетал по своей орбите с юго-запада на северо-восток американский разведывательный спутник. Все девять камер, направленных вниз, наблюдали за колоссальным потоком воды.

45. Ход битвы

- Вот они, - воскликнул Джоунз. Карандаши самописцев чертили на бумаге почти идентичные тонкие линии в полосе тысячгерцовых частот. Это указывало на то, что корабли пользовались системой "Прерия-маскер", а такие же слабые следы линий низкой частоты говорили о морских дизельных установках. Всего их было семь, и, хотя пока пеленги почти не менялись, скоро изменения станут

заметными. Все японские субмарины всплыли сейчас на шноркельную глубину, нарушив при этом обычную процедуру. Как правило, они всплывали через час после начала каждой вахты, что позволяло вахтенным офицерам и матросам освоиться после отдыха, а также прослушать толщу окружающих вод гидроакустическими приборами, прежде чем всплыть в самое уязвимое для подводной лодки положение. Но сейчас прошло двадцать пять минут после часа, и в течение пяти минут все лодки всплыли на шноркельную глубину. Это означало, что они получили приказ перейти куда-то и заряжали аккумуляторные батареи. Джоунз поднял телефонную трубку и нажал на кнопку прямой связи со штабом подводных сил Тихоокеанского флота.

- Это Джоунз.

- Что случилось, Рон?

- Я не знаю, какую приманку вы бросили в воду, сэр, но они дружно клюнули на нее. У меня семь трасс, - доложил он. - Кто их поджидает?

- Это не телефонный разговор, Рон, - ответил Манкузо. - Как там у тебя дела?

- Полный порядок. - Джоунз оглянулся вокруг. Они уже хорошие специалисты, и мужчины и женщины, а после дополнительной подготовки под его руководством станут еще лучше.

- Почему бы тебе не прийти ко мне в штаб со своими данными? Ты заслужил это.

- Буду через десять минут.

- Мы уничтожили их, - сообщил Райан.

- Ты уверен в этом? - спросил Дарлинг.

- Вот, сэр. - Райан положил на стол президента три фотографии, только что доставленные курьером из Национального управления аэрофотосъемки.

- Так выглядели пусковые установки вчера. - Вообще-то на снимке ничего не было видно, за исключением батареи "пэтриот" у входа в ущелье. На втором снимке виднелось больше подробностей. Это была черно-белая радиолокационная фотография, но она подверглась компьютерной обработке. Ее объединили с другим снимком, чтобы представить более четкое изображение комплекса шахтно-пусковых установок. - А вот этот снимок сделан семьдесят минут назад, - и Райан указал на третью фотографию.

- Но здесь всего лишь озеро. - Президент поднял голову и посмотрел на Райана, удивленный увиденным, хотя и был проинформирован о предстоящей операции.

- Полигон на сотню футов затоплен водой и останется в таком виде еще часов десять, пока вода не схлынет, - объяснил Райан. - Все ракеты уничтожены...

- И сколько человек вместе с ними? - спросил Дарлинг.

- Больше сотни, - сообщил советник по национальной безопасности, энтузиазм которого мгновенно испарился. - Другого способа не было, сэр.

Президент кивнул.

- Знаю. Ты уверен, что все ракеты уничтожены?

- На снимках, сделанных перед тем, как вода прорвала плотину, отчетливо видно, что семь пусковых шахт несомненно уничтожены прямыми попаданиями

бомб. Еще одна тоже, по-видимому, разрушена, а насчет двух нам ничего не известно, хотя они наверняка пострадали от взрывов. Люки, изолирующие ракеты в шахтах, не выдержат такого напора воды, а межконтинентальные баллистические ракеты слишком хрупки, и хлынувшая в шахты вода выведет их из строя. К этому нужно прибавить бесчисленные тонны скальной породы и обломков плотины, унесенные потоком. Ракеты уничтожены так же определенно, как если бы по пусковым установкам нанесли удар атомными бомбами, а нам удалось провести операцию, не прибегая к ним. - Джек сделал паузу. - Это был план

Робби Джексона. Благодарю вас, сэр, что вы позволили мне наградить его за это.

- Он сейчас на авианосце?

- Да, сэр.

- Ну что ж, похоже, он хорошо справляется со своими обязанностями, не так ли? - Вопрос президента прозвучал чисто риторически. Было очевидно, что он испытывает облегчение, узнав об успешном завершении операции. - Что дальше? - Дальше, господин президент, мы постараемся уладить эту проблему раз и навсегда.

Зазвонил телефон. Дарлинг поднял трубку. - Слушаю. А-а, это ты, Тиш?

- Японское правительство заявило, что их страна обладает ядерным оружием и они надеются...

- Нет, больше не обладает, - прервал Дарлинг директора своего информационного центра. - Думаю, пора и нам выступить с заявлением.

- Ага, теперь вижу, - произнес Джоунз, глядя на карту, прикрепленную к стене. - Тебе пришлось поспешить с этим, Барт.

Линия протянулась к западу от Марианских островов. На северном фланге находилась "Невада". В тридцати милях к югу - "Уэст Виргиния", еще тридцать - и там позиция "Пенсильвании". Южный фланг замыкала бывшая ракетноносная субмарина "Мэриленд". Общая длина составляла девяносто миль, но вообще-то к этой цифре следовало прибавить еще тридцать, по пятнадцать миль к северу и югу от фланговых кораблей, причем все лодки находились в двухстах милях от патрульной линии японских субмарин, перемещающихся на запад. Американские подводные лодки только что заняли позицию, после предупреждения из Вашингтона о том, что новость каким-то образом стала известна японцам.

- Однажды уже случалось нечто похожее? - спросил Джоунз, вспоминая, что названия американских субмарин когда-то принадлежали линейным кораблям, более того, это были линейные корабли, застигнутые врасплох у причалов одним декабрьским утром, и случилось это задолго до его рождения. Первоначальные владельцы этих названий были подняты с илистого дна и посланы отвоевывать острова, поддерживая солдат и морских пехотинцев под командованием адмирала Джесса Олдендорфа, и однажды темной ночью в проливе Суригао... Впрочем, сейчас не время для уроков истории.

- Как относительно эсминцев? - спросил Чеймберз.

- Мы потеряли их, когда они скрылись за Бонинами, сэр. Курс и скорость оставались приблизительно прежними. Они должны пройти над "Теннесси" около полуночи по местному времени, но тогда наш авианосец уже...

- Ты, я вижу, хорошо разобрался в операции, - заметил Манкузо.

- Сэр, мне пришлось следить за всем океаном по вашей просьбе. Что еще можно ожидать?

- Дамы и господа, - начал президент в пресс-центре Белого дома. Он говорил без подготовки, заметил Райан, всего лишь заглядывая в наспех сделанные заметки, а это, как правило, не по вкусу главе исполнительной власти. - Только что, сегодня вечером, вы слышали заявление японского правительства, что в их стране созданы и размещены межконтинентальные баллистические ракеты с ядерными боеголовками.

Ваше правительство узнало об этом несколько недель назад, и существование такого оружия являлось причиной осторожного и продуманного поведения администрации при решении кризиса в Тихоокеанском регионе. Как вы хорошо понимаете, это обстоятельство серьезно влияло на ход урегулирования конфликта и не могло не отразиться на нашем отношении к японской агрессии, проявившейся в захвате американской территории и нарушении прав американских граждан на Марианских островах.

Теперь я могу сообщить вам, что эти ракеты уничтожены. Их больше не существует, - произнес Дарлинг уверенным голосом. - В настоящее время ситуация такова. Японские войска продолжают удерживать Марианские острова. Это неприемлемо для Соединенных Штатов Америки. Население этих островов является американскими гражданами, и вооруженные силы США примут все необходимые меры, чтобы восстановить их свободу и права человека. Повторяю: мы примем все меры, чтобы вернуть острова Америке.

Сегодня вечером мы обращаемся к премьер-министру Гото с предложением заявить о готовности Японии вывести свои войска с Марианских островов. В случае отказа мы будем вынуждены прибегнуть к силе.

Вот и все, о чем я хотел сообщить вам. Если у вас есть вопросы, связанные с событиями, происшедшими сегодня вечером, мой советник по национальной безопасности, доктор Райан, ответит на них. - Президент направился к выходу, не обращая внимания на выкрики и протянутые микрофоны. Тем временем рядом с трибуной устанавливали подставки для фотографий. Райан встал за трибуной, заставил себя говорить медленно и отчетливо, и в зале воцарилась тишина.

- Уважаемые дамы и господа, эта операция получила название "Тиббетс". Прежде всего позвольте мне показать, какими были наши цели. - С первой фотографии сняли лист бумаги, и впервые американцы увидели, на что способны разведывательные спутники их страны. Райан поднял указку и начал объяснять, что изображено на фотографии, позволив телевизионным камерам увидеть ее крупным планом.

- Боже милосердный, - выдохнул Мануэль Ореза, - так вот в чем дело.

- Мне кажется, что у наших парней была вполне весомая причина для этого, - заметил Пит Барроуз. И тут же экран погас.

- Приносим вам свои извинения, но трансляция по спутниковому каналу Си-эн-эн временно прекращена из-за технических неполадок, - послышался голос диктора.

- Вот дерьмо! - проворчал Португалец.

- Теперь они скоро высадутся здесь, как ты думаешь?
- Пора бы уж, - заметил Ореза.
- Мэнни, а как относительно этих ракетных штук на соседнем холме? -
поинтересовалась его жена.

- Сейчас мы готовим копии всех этих фотографий, и они будут розданы вам. Понадобится около часа. Извините за задержку, - сказал Джек. -
Последнее время мы были очень заняты. Итак, в операции принимали участие бомбардировщики Б-2, базирующиеся на авиабазе Уайтмен в штате Миссури...

- Откуда они вылетели? - прервал его репортер.
- Вы ведь знаете, что об этом мы не говорим, - ответил Джек.
- Бомбардировщики Б-2 предназначены для доставки к цели ядерного оружия, - донесся голос. - Мы...

- Нет. Удар был нанесен обычными, бомбами с системами точного наведения. Пожалуйста, следующая фотография, - обратился Райан к мужчине, стоявшему рядом с подставкой. - Вы видите здесь, что ущелье почти не пострадало... - Все шло лучше, чем он ожидал. Пожалуй, хорошо, что у него не было времени для беспокойства, и Райан вспомнил свою первую встречу с журналистами в пресс-центре Белого дома. Брифинг прошел тогда труднее, несмотря на то что сейчас ему в лицо светили телевизионные юпитеры.

- Вы уничтожили плотину?
- Да. Это было необходимо, чтобы гарантировать уничтожение ракет с ядерными боеголовками, и мы...
- Какие потери?
- Все наши самолеты благополучно возвращаются обратно - возможно, уже вернулись, но об этом мне еще...

- Как относительно погибших японцев? - продолжала настаивать репортер.
- Не знаю, - ответил Джек бесстрастно.
- Вас это не беспокоит? - спросила она, пытаясь догадаться, каким будет ответ.

- Цель операции, мадам, заключалась в том, чтобы уничтожить баллистические ракеты с ядерными боеголовками, нацеленные на Соединенные Штаты страной, которая уже совершила нападение на вооруженные силы Америки. Вас интересует, погибли ли японские граждане во время операции? Да, погибли. Сколько? Не знаю. В данном случае мы больше думали о том, чтобы сохранить жизни американцев. Жаль, что вы не принимаете во внимание то обстоятельство, что не мы начали эту войну. Агрессором была Япония. Когда страна начинает войну, она неизбежно рискует. Япония пошла на такой риск - и проиграла. Я являюсь советником президента по национальной безопасности, и моя главная задача заключается в том, чтобы помогать президенту Дарлингу оберегать в первую очередь интересы нашей страны. Это понятно? - спросил Райан. Он знал, что в его ответе звучал гнев, и возмущение на лице репортера не помешало ее коллегам кивать головами, соглашаясь с Райаном.

- А как относительно того, что вы принудили прессу лгать для того, чтобы...

- Прекратите! - воскликнул Райан. Его лицо покраснело от ярости. -
Неужели вы хотите подвергнуть лишнему риску жизни наших военнослужащих?

Почему вам так хочется этого, черт побери?!

- Вы заставили телевизионные компании...

- Эта передача транслируется на весь мир. Вы не можете не знать об этом. - Райан перевел дыхание. - Дамы и господа, позвольте напомнить вам, что большинство присутствующих в этом зале - американские граждане. Говоря от своего имени, - он не решился посмотреть в сторону выхода, где стоял президент, - хочу задать вам вопрос. Вы отдаете себе отчет в том, что президент несет ответственность перед отцами и матерями, женами и детьми тех американцев, которые сейчас служат в вооруженных силах нашей страны и оберегают ее безопасность? Сегодня опасности подвергаются жизни многих американских граждан, и мне хотелось бы, чтобы вы, представители средств массовой информации, время от времени вспоминали об этом.

- Господи, - прошептала Тиш Браун из-за спины Дарлинга. - Господин президент, может быть, будет лучше...

- Нет, - покачал головой президент. - Пусть продолжает. В пресс-центре воцарилась тишина. Раздался чей-то шепот, адресованный репортеру, продолжавшей стоять. Покраснев, она села.

- Доктор Райан, меня зовут Боб Хольцман, "Вашингтон пост", - назвал себя журналист безо всякой необходимости. - Какова вероятность окончания этого конфликта без дальнейшего кровопролития?

- Сэр, это полностью в руках японского правительства. Как сказал президент, жители Марианских островов являются американскими гражданами, и наша страна не позволит никакому другому государству изменить это силой. Если Япония согласится вывести свои войска, мы предоставим ей такую возможность. В противном случае будут проведены другие операции.

- Спасибо, доктор Райан, - громко произнес Хольцман, заканчивая этими словами пресс-конференцию. Джек повернулся и поспешил к выходу, не обращая внимания на дополнительные вопросы.

- Молодец, Джек, - заметил Дарлинг. - Почему бы теперь тебе не поехать домой, чтобы поспать?

- Что это? - спросил таможенник.

- Мое фотографическое снаряжение, - ответил Чеков. Он открыл чемодан, не ожидая указания. В здании аэропорта было жарко, полуденное тропическое солнце ярко светило через стеклянную стену, одерживая верх над системой кондиционирования. Последний приказ, полученный Кларком и Чавезом, оказалось нетрудно осуществить. Японцы с готовностью пускали журналистов на острова как для наблюдения за ходом выборов, так и в качестве меры предосторожности против американского нападения, считая, что присутствие иностранных журналистов помешает этому.

Таможенник посмотрел на фотоаппараты, с удовольствием отметив, что все они произведены в Японии.

- А это что? - спросил он.

- Мои осветительные приборы, сделанные в России, - объяснил Динг, медленно произнося английские слова. - Мы изготавливаем отличные осветительные приборы. Может быть, будем поставлять их в Японию, - добавил он с улыбкой.

- Да, может быть, - согласился таможенник, закрывая чемодан и помечая его мелом. - Где вы собираетесь остановиться?

- Нам не удалось зарезервировать номера по телефону, - ответил Клерк. - Постараемся найти места в каком-нибудь отеле.

Желаю удачи, подумал таможенник, но промолчал. Он знал, что все отели на Сайпане переполнены. Впрочем, это его не касалось.

- Где мы можем арендовать машину?

- Вон там, - таможенник показал рукой. Он заметил, что пожилой русский нервничает.

- Вы опаздываете.

- Извините, - буркнул Ореза. - У нас не происходит ничего нового. Ну, пожалуй, истребители проявляют чуть больше активности, но они и раньше то и дело взлетали и садились.

- Скоро к вам приедут гости, - сообщили ему из Национального центра боевых действий.

- Что за гости?

- Два репортера. Они хотят задать вам несколько вопросов, - прозвучал краткий ответ, вызванный беспокойством за безопасность Орезы.

- Когда?

- Скоро, может быть, даже сегодня. С вами все в порядке, старшина?

Главный старшина, ты кретин, подумал Португалец, - но промолчал.

- Все прекрасно. Мы услышали по телевидению часть речи президента и немного обеспокоены, потому что совсем рядом с нами находится батарея с ракетами "земля - воздух".

- Мы заранее предупредим вас. В вашем доме есть подвал?

- Нет.

- Ничего страшного. Мы предупредим вас заранее, поняли?

- Конечно, сэр. Конец связи. - В вашем доме есть подвал? - Мысленно повторил Ореза. Нет. Ничего страшного. Если в отсутствии подвала нет ничего страшного, зачем спрашивать об этом, черт побери. Ореза вынул спутниковый телефон из салатницы и извлек из него батарейки. За окном взлетали два "игла". Интересно наблюдать за полетом таких совершенных механических птиц. Значит, что-то происходит. Он не знал, что именно. По-видимому, и пилоты "иглов" тоже не подозревают о происходящем, но, глядя на самолеты, трудно сказать, о чем думают управляющие ими люди.

Широ Сато бросил свой F-15J в крутой правый поворот, чтобы уйти подальше от трассы гражданских авиалайнеров. Если американцы захотят нанести удар по Сайпану, они сделают это так же, как и по самой Японии, - со своих островных баз, с поддержкой воздушных заправщиков, издалека. Возможно, с аэродрома на Уэйке или на каком-то другом удаленном острове. Ему будут противостоять самолеты, мало отличающиеся от того, за штурвалом которого сидит он сам. Их действиями будут руководить самолеты дальнего радиолокационного наблюдения, но и его тоже будут поддерживать такие же самолеты. Воздушный бой будет равным, если только американские подонки не воспользуются своими истребителями "стеле". Черт бы побрал эти истребители,

сумевшие вывести из строя такие совершенные "ками"! Но у американцев всего лишь несколько таких самолетов, и, если они вступят в бой в светлое время суток, он имеет шансы одержать верх. По крайней мере в дневное время не будет действовать фактор неожиданности. На высшей точке Сайпана - горе Тапотчау - находится мощная радиолокационная станция ПВО. При поддержке эскадрилий, базирующихся на Гуаме, схватка будет равной, подумал Сато, поднимая свой истребитель на высоту, где будет вестись патрулирование.

- Так что это за сюрприз? - спросил Чавез, глядя на карту.

- Не поверишь, если я расскажу.

- Ну хорошо. Сейчас поворот налево около заправочной станции "Мобил" в Лизаме. - Чавез оторвал взгляд от карты и посмотрел по сторонам.

Повсюду виднелись солдаты, копавшие траншеи. Этим надо было заниматься раньше, подумал он. - Смотри, это батарея "пэтриот"?

- Чертовски похожа. - Как же мне вести себя? - задал себе вопрос Кларк, делая последний поворот и направляя машину в тупик. Номер дома он запомнил, и выйдя из автомобиля, направился к двери.

Ореза был в ванной и принимал душ, в котором так нуждался. Барроуз стоял у окна, он вел счет самолетам, взлетавшим с авиабазы Коблер и заходившим на посадку. В этот момент в дверь позвонили.

- Вам кого?

- Разве вас не предупредили? - спросил Кларк, оглядываясь по сторонам.

Кто этот парень, черт возьми?

- Вы репортеры?

- Да.

- О'кей. - Барроуз открыл дверь и поспешно осмотрелся вокруг.

- А вы кто? Я думал, что здесь живет...

- Разве ты жив?! - В коридоре стоял Ореза в шортах цвета хаки и с растительностью на груди, которая своей густотой ничем не уступала джунглям, все еще покрывающим остров. Волосы у него выглядели сейчас особенно темными, потому что лицо быстро приобретало цвет молока. - Ты ведь погиб, черт побери!

- Привет, Португалец, - с улыбкой произнес Кларк, или Кларк, или Келли.

- Давно не виделись. Ореза застыл на месте.

- Я видел собственными глазами, как ты погиб! Я был на твоей заупокойной службе. Я был там!

- Эй, а вот я припоминаю вас, - заметил Чавез. - Вы были на том корабле, на который совершил посадку наш вертолет. Что это за чертовщина? Вы не агент?

Ореза был потрясен. Молодого парня он не помнил совсем, но пожилой - рост, возраст, все остальное - такого не может быть, но так оно и есть. И все-таки это невозможно. А может быть, нет?

- Джон? - нерешительно произнес он после нескольких секунд замешательства.

Это было уж слишком для человека, которого раньше звали Джоном Келли. Он поставил чемодан на пол, сделал шаг вперед и обнял хозяина дома,

удивленный собственным слезам. - Да, Португалец, это я. Как поживаешь, дружище?

- Но как...

- На заупокойной службе священник говорил, что придет время и море вернет свои жертвы? - Он замолчал, затем улыбнулся. - Видишь, так и произошло. - Ореза закрыл глаза, припоминая события двадцатилетней давности.

- Значит, те два адмирала... верно?

- Точно.

- Где же ты был все это время?..

- Работал в ЦРУ, дружище. Они решили, что им нужен человек, который может, понимаешь...

- Да, это я помню. - Вообще-то он совсем не изменился, подумал Ореза. Старше, но такие же волосы, прямой и теплый взгляд человека, который был его другом, однако внутри этого человека скрывалось что-то еще, что-то, напоминавшее ему зверя в клетке, но зверя, способного в любой момент, когда он пожелает, открыть замок клетки.

- Слышал, ты неплохо живешь - для отставного боцмана береговой охраны.

- Главного старшины. - Ореза потряс головой. С прошлым можно и обождать. - Так что происходит? - В течение нескольких часов мы были оторваны от мира. Есть что-нибудь новое?

- По телевидению выступал президент. Его обращение прервали, но...

- У них действительно были ракеты с ядерными боеголовками? - спросил Барроуз.

- Были? - прервал его Динг. - Значит, мы их уничтожили?

- Именно так он и сказал. Между прочим, а вы-то кто такой? - вдруг заинтересовался Ореза.

- Меня зовут Доминго Чавез. - Он протянул руку. - Вижу, что вы знакомы с мистером Кларком.

- Это сейчас у меня такая фамилия, - объяснил Джон. Странно, как приятно говорить с человеком, знающим твое настоящее имя.

- Он знает?

Джон покачал головой.

- Мало кто знал об этом, да и те поумирали. И адмирал Максуэлл, и адмирал Грир. Мне очень жаль, это ведь они спасли меня. Ореза повернулся к молодому парню.

- Действительно жаль, парень. Ты не можешь представить себе, какая это запутанная история - вроде тех, что любят травить старые моряки. Ты все еще пьешь пиво, Джон? - посмотрел он на Кларка.

- Пьет, особенно когда угощают, - ответил за него Чавез.

- Разве ты не понимаешь? Все кончено!

- Кого еще им удалось убрать? - спросил Ямата.

- Матцуду, Итагаке - они убили всех, кто стояли за каждым министром, кроме нас с тобой, - пояснил Мураками, умолчав о том, что сам он спасся просто чудом. - Райзо, пора положить этому конец. Позвони Гото и скажи, чтобы он начал переговоры о мире.

- Нет! - выкрикнул Ямата.

- Как ты не понимаешь? Наши ракеты уничтожены и...

- Мы можем построить новые. У нас остались материалы для боеголовок и есть ракеты на полигоне в Йоиноби.

- Не будь дураком, если мы пойдем на это, ты ведь знаешь, что сделают с нами американцы?

- Они не осмелятся на такой шаг. - Ты утверждал, что им не удастся оправиться от потрясения, причиненного их финансовой системе. Ты утверждал, что наша противовоздушная оборона непобедима. Ты говорил, что им не под силу нанести удар по нашей территории. - Мураками перевел дыхание. - И во всех случаях ты ошибся. Теперь остался в живых лишь один человек, с которым ты можешь говорить, и я больше не хочу тебя слушать. Пусть Гото начинает переговоры о мире.

- Они никогда не получат обратно эти острова. Никогда! У них не хватит на это сил.

- Можешь говорить что угодно, Райзо-сан. Я отказываюсь поддерживать тебя.

- Тогда найди для себя убежище и спрячься! - Ямата едва не бросил трубку, но вовремя вспомнил, что это радиотелефон. - Убийцы... - не мог успокоиться он. Почти все утро ушло на сбор информации. Каким-то образом американцам удалось устранить почти всех дзайбацу, работавших с ним. Как сумели они разнюхать их имена? Никто не знал этого. Им удалось вывести из строя противовоздушную оборону, которую все специалисты считали непобедимой, и даже уничтожить межконтинентальные баллистические ракеты. - Каким образом? - спросил он.

- Похоже, что мы недооценили мощь их военно-воздушных сил. - Генерал Арима пожал плечами. - Но это далеко не конец. У нас по-прежнему осталась свобода маневра.

- Вы так считаете? - Значит, еще не все готовы выкинуть белый флаг? - подумал Ямата.

- Они не решатся на высадку десанта на острова. Их возможность высадить достаточно сильный десант резко ограничена отсутствием десантных средств и танков-амфибий. Но даже если им удастся высадиться, захотят ли они воевать среди такого количества собственных граждан? Сомневаюсь. - Арима покачал головой. - Нет, американцы не пойдут на такой риск. Они будут стремиться к мирному урегулированию конфликта. Мы по-прежнему можем рассчитывать если не на полный успех, то по крайней мере на мир в результате переговоров, что сохранит наши вооруженные силы.

Ямата кивнул, глядя в окно на остров, которым стремился обладать. Он все-таки одержит победу на выборах. Теперь нужно подвергнуть испытанию политическую решимость американцев, а для этого у него еще достаточно возможностей.

Развернуть "Боинг-747" много времени не потребовалось. К удивлению капитана Сато, самолет, возвращавшийся в токийский аэропорт Нарита, был полупуст. Через тридцать минут после взлета стюардесса сообщила по телефону, что из опрошенных ею пассажиров все, кроме двоих, заявили о неотложных делах, требующих их немедленного возвращения домой. Что там за неотложные

дела? - изумился капитан, поскольку международная торговля его страны ограничивалась теперь рейсами судов между Японией и Китаем.

- Ситуация становится опасной, - заметил второй пилот после часа полета. - Посмотри вниз.

С тридцати тысяч футов нетрудно увидеть корабли. К тому же последнее время пилоты гражданских авиалайнеров имели при себе бинокли, чтобы опознавать надводные суда. Сато поднес к глазам бинокль и увидел характерные очертания эсминцев типа "иджис", которые на большой скорости шли на север. Тут он решил включить радио на другой частоте.

- Авиалайнер "Джал" вызывает "Мутсу", прием.

- Кто это? - тут же послышался ответ. - Сейчас же уйдите J с этой частоты.

- Говорит капитан Торахиро Сато. Немедленно вызовите командующего соединением! - приказал командир авиалайнера. Ожидать ответа пришлось не больше минуты.

- Брат, ты не должен так поступать, - упрекнул пилота Юсио. Вообще-то радиомолчание было скорее формальностью, чем необходимостью военного времени. Адмирал знал, что в космосе у американцев летают разведывательные спутники, да и к тому же мощные радиолокаторы его эсминцев были включены и действовали в активном режиме. Так что, если в небе находятся американские самолеты дальнего радиолокационного обнаружения, они быстро засекут его соединение. Неделий раньше он смотрел бы на такую ситуацию с уверенностью в своих силах, но не теперь.

- Я просто хочу иметь уверенность в тебе и в твоих людях. Можешь воспользоваться моим самолетом в качестве учебной цели для калибровки своих приборов.

В боевой рубке "Мутсу" операторы ракетных установок занимались сейчас именно этим, но адмирал знал, что говорить об этом не следует.

- Я рад снова услышать твой голос. А теперь извини меня. У нас много работы.

- Понял, Юсио. Конец связи. - Сато снял палец с переключателя. - Видишь, - произнес он, обращаясь ко второму пилоту по системе внутренней связи. - Они занимаются своим делом, а нам нужно заниматься своим.

Второй пилот не был особенно уверен в этом, но промолчал, занятый навигационными проблемами. Как и большинство японцев, он с раннего детства был воспитан в убеждении, что войны следует избегать всеми силами, словно чумы. События последних недель в конфликте с Америкой сначала вызвали у него ощущение эйфории - ведь неплохо преподать урок высокомерным гайджинам, - но это были фантазии, а теперь перед ними встала суровая реальность. Затем последовали два важнейших заявления - сначала о том, что его страна обладает ядерным оружием, что было безумием уже само по себе, и тут же американцы сообщили на весь мир, что это оружие уничтожено. В конце концов они летели сейчас на американском самолете "Боинг-747-400", который был построен пять лет назад, но во всех отношениях оставался самым современным авиалайнером в мире, надежным и устойчивым. Мало кто может опередить Америку в самолетостроении, но если этот самолет настолько хорош, то каковы американские боевые самолеты? Самолеты, состоящие на вооружении японских

ВВС, представляют собой копии американских, если не считать самолетов раннего радиолокационного обнаружения "ками", о которых ходило столько слухов, - сначала об их неуязвимости, а за последнее время о том, что их осталось так мало. Этому безумию нужно положить конец. Неужели люди не понимают этого? Некоторые понимают, наверно, иначе почему их авиалайнер заполнен лишь наполовину, и к тому же людьми, которые стремятся покинуть Сайпан, несмотря на переполнявший их раньше энтузиазм?

Но капитан не понимает этого, не правда ли? - спросил себя второй пилот. Торахиро Сато сидел рядом, в левом кресле, словно высеченный из камня, будто все шло как нельзя лучше, хотя на самом деле положение явно было совершенно иным.

Стоило посмотреть вниз, чтобы увидеть в свете заходящего солнца эсминцы... идущие куда? Защитить от возможного нападения побережье Японии. Разве это нормально?

- Рубка, говорит гидропост.

- Рубка слушает. - Послеобеденную вахту нес сам Клаггетт. Ему хотелось, чтобы команда видела его, но еще больше он стремился не утратить собственное ощущение, что лодка подчиняется ему.

- Возможны многочисленные контакты на юге, - доложил старший акустик. - Пеленг один-семь-один. Похоже на надводные корабли, движущиеся с большой скоростью, сэр, слышна кавитация от стремительно вращающихся винтов.

Похоже на правду, подумал капитан, снова направляясь в рубку гидроакустиков. Он только собрался отдать команду о подготовке к решению огневой задачи, но, обернувшись, увидел, что двое старшин уже занимаются этим, а анализатор направления печатает первые данные о расстоянии. Теперь его команда была отлично подготовлена, все происходило автоматически и даже лучше. Они сейчас не только действовали, но и думали.

- Посмотрите сюда, - сказал старший акустик. Это был действительно четкий контакт. Данные появлялись на четырех линиях различных частот. Старшина протянул Клаггетту наушники. - Похоже на множество винтов, явные звуки кавитации, должно быть, корабли с несколькими винтами и движутся в кильватер.

- А где наш друг? - спросил капитан.

- Подводная лодка? Она снова затихла, наверно, плывет на аккумуляторных батареях со скоростью узлов пять, а то и меньше. - Контакт на расстоянии добрых двадцати миль, за пределами обнаружения.

- Сэр, первоначальное расстояние до новых контактов превышает сто тысяч ярдов, они находятся в зоне схождения, - доложил другой акустик.

- Пеленг не меняется. Они направляются прямо к нам или чуть отклоняются в сторону. Машины работают на полную мощность. Какая погода на поверхности, сэр?

- Волны от восьми до десяти футов. - Значит, больше сотни тысяч ярдов. Более пятидесяти морских миль, подумал Клаггетт. Корабли идут с большой скоростью. Прямо на него, но он не имеет права открывать огонь. Проклятие. Он повернулся и сделал три шага обратно в боевую рубку. - Десять градусов вправо, новый курс два-семь-ноль.

"Теннесси" повернула на запад, чтобы акустикам легче было определить расстояние до приближающихся эсминцев. Полученные капитаном разведданные предсказывали это, и момент сближения был точным, хотя и крайне нежелательным.

При более драматических обстоятельствах, перед кинокамерой например, атмосфера была бы иной, но сейчас, хотя обстановку в определенном смысле можно было назвать и драматичной, все чувствовали себя просто замерзшими и несчастными. Эти солдаты принадлежали к самым элитным частям, но им было намного проще выдержать испытание боем, чем бороться с безжалостной природой. Рейнджеры в почти целиком белых камуфляжных комбинезонах старались двигаться как можно меньше, и отсутствие движений делало их еще более уязвимыми для холода, к тому же бездеятельность - злейший враг солдата. И все-таки это еще не так плохо, подумал капитан Чека. Для небольшой группы солдат в четырех тысячах миль от ближайшей американской базы - а такой базой был Форт-Уэйнрайт на Аляске - страдать от бездеятельности было несравненно лучше, чем готовиться вступить в бой без малейшей надежды на всякую поддержку. Сам Чека разделял участь всех офицеров, оказавшихся один на один со своими солдатами: он находился в таком же положении и испытывал те же трудности, что и его солдаты, но в отличие от них не имел права ворчать. Ворчание перед рядовыми подрывало их моральный дух, хотя они скорее всего поняли бы его.

- Будет приятно вернуться в Форт-Стюарт, сэр, - заметил старший сержант Вега. - Улечься на берегу и погреться на солнышке.

- Неужели, Осо? Разве ты не будешь скучать без этого великолепного снега и бодрящего ледяного дождика?

- Понял вас, капитан. Но я хлебнул этого дерьма полной мерой еще в Чикаго, когда был мальчишкой. - Он замолчал и снова прислушался. Рейнджеры очень строго соблюдали тишину, следовало постоянно быть настороже.

- Готов к вечерней прогулке?

- Только бы наш друг ждал нас на дальнем склоне.

- Думаю, в этом можно не сомневаться, - покривил душой Чека.

- Да, сэр, я тоже так думаю. - Если на это способен один человек, то почему не двое? - подумал Вега. - Это вправду действует?

Люди, профессией которых нередко было убийство, съезжились в спальных мешках, поместившись в ямы, устланные сосновыми ветками и прикрытые ими же для дополнительного тепла. Вдобавок к тому, что рейнджеры занимались охраной пилотов, им приходилось еще заботиться и об их здоровье, словно речь шла о маленьких детях, - странное занятие для солдат элитных частей, хотя именно этим частям приходится выполнять самые необычные задания.

- По крайней мере они так говорят, - Чека проверил время. - Разбудим их через два часа.

Вега кивнул, надеясь, что его ноги не успеют оцепенеть до такой степени, чтобы спуск по южному склону оказался непосильным.

Распределение лодок было установлено при инструктаже перед началом операции. Каждому из четырех ракетноносцев был выделен участок в тридцать миль, который, в свою очередь, делился на три десятимильных сектора. Каждая

субмарина патрулировала в центральном секторе, оставляя южный и северный секторы пустыми для всего, кроме огневых действий. Форма патрулирования в каждом случае зависела от шкипера, но все решили действовать одинаково. "Пенсильвания" двигалась на север пятиузловым ходом, точно так, как она делала это в прошлом, когда несла на борту ракеты "трайдент". Она плыла настолько бесшумно, что кит рисковал столкнуться с нею, если бы сейчас в этой части Тихого океана плавали киты. Позади субмарины, на длинном кабеле, тянулась буксируемая пассивная акустическая антенна, и в течение двухчасового плавания с севера на юг и с юга на север она плыла по прямой. В конце каждого цикла требовалось примерно десять минут, чтобы развернуться и снова выйти на прямой курс - в этом случае антенна действовала с максимальной эффективностью.

Сейчас "Пенсильвания" находилась на глубине шестисот футов - идеальная глубина для акустических условий на данный день. Над морской поверхностью зашло солнце, и в этот момент на акустических экранах появились первые трассы. Сначала акустики увидели серии желтых точек, которые медленно скатывались вниз, чуть смещаясь по пеленгу к югу. Скорее всего, подумал старший акустик, цель шла последние несколько часов на аккумуляторных батареях, иначе он услышал бы более громкий рокот дизелей, используемых при перезарядке. Но сейчас контакт был перед ним, на той шестидесятигерцевой линии, что и ожидалось. Он тут же сообщил о контакте группе огневых задач.

Надо же, подумал акустик. Он провел всю жизнь на подводных ракетноносцах и слишком часто следил за контактами, от которых его лодка стремилась скрыться, хотя ракетноносный флот гордился тем, что у него были самые лучшие торпедисты среди всех подводников. Сейчас на борту "Пенсильвании" находилось всего пятнадцать торпед - на флоте ощущался недостаток самых современных торпед, обладающих высокой скоростью, маневренностью и дальностью. Было принято решение, что при таких обстоятельствах нет смысла брать в плавание обычные, менее совершенные торпеды. Кроме того, у "Пенсильвании" было три приманки, внешне очень похожих на торпеды. Их называли ПШИДД - подводный шумовой имитатор долговременного действия. Шкипер, тоже долгое время прослуживший на подводных ракетноносцах, проинструктировал команду о своем плане предстоящих атак и все, кто находились на борту, были согласны с ним. По сути дела расчет операции практически был идеальным. Японские корабли будут вынуждены пересечь патрульную боевую, как стал называть ее шкипер, линию американских лодок и не смогут сделать это незамеченными.

- Слушайте все, - объявил капитан по системе бортовой трансляции - каждый динамик был приглушен до такой степени, что морякам приходилось напрягать слух, чтобы услышать шепот шкипера. - Мы обнаружили возможный подводный контакт в нашей боевой зоне. Я намерен атаковать его в соответствии с планом, о котором мы говорили. Боевая тревога! - закончил он голосом человека, заказывающего завтрак в мотеле "Хауэрд Джонсон".

Затем внутри лодки послышались звуки, настолько тихие, что их мог различить лишь самый опытный акустик, да и то потому, что находился в гидропосту рядом с боевой рубкой. Вахта в рубке сменилась, и места у боевых консолей заняли лучшие специалисты, в том числе и одна женщина. Матросы, слишком молодые, чтобы участвовать в непосредственных боевых действиях,

собрались в разных местах субмарины, готовые принять участие в борьбе за ее живучесть. В боевую рубку поступали доклады о том, что все посты готовы, и затем в лодке воцарилась тишина, которой могло бы позавидовать кладбище в ночь Всех Святых.

- Контакт становится все более четким, - доложил по системе внутренней связи старший акустик - сейчас все пользовались микрофонами и наушниками. - Пеленг меняется на запад, направление на цель ноль-семь-пять. Слышу шум вращающихся винтов, оцениваю скорость контакта в десять узлов.

Теперь было ясно, что это несомненно подводная лодка. Впрочем, и раньше в этом не было сомнений. У дизельной подводной лодки была своя буксируемая гидроакустическая антенна, и вражеская субмарина двигалась бросками, то увеличивая скорость, то медленно дрейфуя, чтобы прослушать шумы, которые она могла упустить в моменты, когда вода, обтекающая корпус, заглушала все звуки, мешая работе гидрофонов.

- Аппараты один, три и четыре заряжены торпедами, - доложил торпедист.
- В аппарате номер два - ПШИДД.

- Подготовьте их к пуску, - скомандовал капитан. Большинство шкиперов сказали бы "прогрейте их", но командир "Пенсильвании" точно придерживался уставных команд.

- Расстояние до цели - двадцать две тысячи ярдов, - сообщил офицер группы слежения.

Акустик увидел на экране что-то новое и поправил наушники.

- Паразитные, паразитные, слышу звуки, похожие на треск расширяющегося корпуса у "Сьерры-10". Контакт меняет глубину.

- Готов побиться об заклад, он всплывает, - заметил капитан, стоявший в нескольких футах.

- Пожалуй, - кивнул акустик.

- Выпускаем ПШИДД. Установка курса - ноль-ноль-ноль. Первые десять тысяч ярдов идет тихо, потом пусть начинает издавать обычные шумы.

- Слушаюсь, сэр. - Техник набрала соответствующие цифры на установочной панели, затем офицер группы слежения проверил их и признал правильными.

- Аппарат номер два готов к пуску.

- Контакт "Сьерра-10" чуть ослабевает, сэр. По-видимому, всплыл над уровнем термоклина.

- Определенно это не контакт зоны схождения, сэр, - тут же доложил оператор у анализатора направления. - Прямая трасса к цели.

- Аппарат номер два готов, - снова сообщил торпедист.

- Пуск, - тут же скомандовал капитан. - Зарядить новый ПШИДД, - добавил он.

"Пенсильвания" чуть вздрогнула, когда сжатый воздух выбросил торпеду в воду. Гидрофоны тут же "услышали", как имитатор повернул влево, затем вернулся на прежний курс и направился к северу со скоростью десять узлов. В ПШИДД был использован корпус старой торпеды Mk-48, его наполнили огромным запасом топлива, обычным для всех американских "рыб", он имел небольшой двигатель и мощный трансдюсер, который издавал звуки, ничем не отличающиеся от шума подводной лодки. Шум по частоте равнялся шуму атомной силовой установки, только был заметно громче, чем на субмаринах типа "огайо".

Впрочем, никому не приходило в голову, что лодки "огайо" гораздо тише, и ударные лодки, как правило, поддавались на приманку, даже американские, которым уж следовало это знать. Новая модель приманки могла двигаться под водой в течение пятнадцати часов, и все сожалели, что ее разработали всего за несколько месяцев до того, как подводные ракетноносцы были окончательно разоружены и выведены из состава флота.

Теперь оставалось терпеливо ждать. Японская подводная лодка еще сбавила ход, без сомнения, в последний раз прослушивая морские глубины, прежде чем перейти на дизели для скоростного рывка на запад. Акустик прислушивался к слабым звукам, издаваемым ПШИДД, который плыл на север. Его шум почти стих, и тут звуковые системы включились в пяти милях от "Пенсильвании". Затем, проплыв еще две мили, подводный имитатор поднялся вверх через слой термоклина, и игра пошла всерьез.

- Рубка, докладывает гидропост, "Сьерра-10" только сбавила скорость, число оборотов гребного винта уменьшилось.

- У них хороший гидролокатор, - заметил капитан, стоявший за спиной акустика. "Пенсильвания" чуть подвсплыла, ее буксируемая антенна оказалась выше слоя термоклина, чтобы лучше прослушивать звуки, испускаемые контактом, тогда как сам корпус оставался под термоклином. Капитан повернулся и громко спросил: - Торпеды?

- Заряжены первая, третья и четвертая торпедные трубы, для всех рассчитано огневое решение.

- Установить четвертую на режим скрытного приближения, первоначальный курс ноль-два-ноль.

- Режим установлен, как приказано, сэр. Четвертый аппарат готов к пуску.

- Пуск! - скомандовал капитан, стоя в дверях гидропоста, и тут же добавил: - Зарядить торпедой.

"Пенсильвания" вздрогнула, когда новейшая модификация прежней торпеды Мк-48 вырвалась в морские глубины и повернула на северо-восток, управляемая тонким изолированным проводом, тянувшимся из ее хвостовой части.

Походит на учения, только проще, подумал акустик.

- Новые контакты? - спросил шкипер, снова встав у него за спиной.

- Никаких, сэр. - Матрос кивнул в сторону экранов. На них виднелись всего лишь точки фонового шума, а дополнительный экран каждые десять минут показывал, что ведется диагностическая проверка работы систем. Приближалась любопытная развязка: почти через сорок лет действий подводных ракетноносцев после конца второй мировой войны первая вражеская субмарина будет потоплена американским ракетноносцем, который едва не сдали на металлолом.

Двигаясь теперь значительно быстрее, торпеда прорезала слой термоклина за кормой контакта. Ее гидролокатор тут же начал действовать в активном режиме, посылая перед собой ультразвуковые импульсы и передавая по проводу полученное изображение на "Пенсильванию".

- Отчетливо вижу цель, расстояние три тысячи ярдов, недалеко от поверхности, - произнес акустик. Такой же диагноз поступил от старшины, огневой группы, следившей за своим экраном.

- Подавись и умри, - прошептал старший группы, наблюдая за тем, как на

дисплее сближаются две линии. "Сьерра-10" мгновенно прибавила ход и тут же нырнула под слой термоклина, но ее аккумуляторные батареи, по-видимому, немного подсели, и субмарина не могла развить скорость, превышающую пятнадцать узлов, тогда как торпеда мчалась быстрее шестидесяти. Это одностороннее соревнование длилось три с половиной минуты и закончилось яркой вспышкой на экране и таким ревом в наушниках, что оглушенный акустик даже вздрогнул. Затем послышался скрежет стали, разрываемой давлением воды.

- Подводная лодка потоплена, сэр. - Через две минуты отдаленная низкочастотная шумовая волна, пришедшая с севера, показала, что торпеда "Уэст Виргинии" тоже поразила свою цель.

- Вы - Кристофер Кук? - спросил Мюррей.

- Да.

Особняк действительно роскошный, подумал заместитель директора, доставая из кармана удостоверение личности.

- Мы из ФБР. Нам хотелось бы поговорить с вами о содержании ваших бесед с Сейджи Нагумо. Одевайтесь.

Оставалось еще несколько часов дневного света, когда "лансеры" вырулили из ангаров. Разъяренные совсем недавней гибелью одного из своих самолетов, экипажи считали, что находятся не там, где нужно, и занимаются не тем, что требуется. Впрочем, никто не интересовался их мнением, и сейчас они готовились к очередной операции. В бомбовых отсеках самолетов находились дополнительные топливные баки, и бомбардировщики один за другим промчались по взлетной дорожке, взлетели и начали подъем на высоту двадцать тысяч футов. Там они собрались вместе и полетели на северо-восток.

Еще один дерьмовый ложный маневр, подумал Дюбро. И как только такой умный человек, как Робби Джексон, может придумать нечто столь идиотское. Но адмирал получил приказ, оба его авианосца, идущие на расстоянии пятидесяти миль друг от друга развернулись навстречу ветру, и с их летных палуб начали взлетать самолеты - по сорок с каждого. И хотя все они несли полное боевое вооружение, им было разрешено открывать огонь лишь в случае явных провокационных действий.

46. Разделение

- Мы летим почти пустые, - бесстрастным голосом произнес второй пилот, просматривая пассажирский манифест, что являлось частью предполетной подготовки.

- Что с ними случилось? - раздраженно спросил капитан Сато, глядя на полетный лист и проверяя метеорологические условия. На это не потребовалось много времени. На протяжении всего маршрута погода будет прохладной и безоблачной, поскольку над западной частью Тихого океана образовалась огромная зона высокого давления. Если не считать сильных ветров у берегов Японии, полет до Сайпана будет плавным и спокойным для всех тридцати четырех пассажиров. Тридцати четырех! - с возмущением подумал он. И это на самолете,

рассчитанном больше чем на триста!

- Капитан, мы скоро покинем эти острова, вы ведь знаете это. - Все было предельно ясно. Население Японии, рядовые мужчины и женщины, испытывали теперь не столько смятение, сколько страх. Может быть, даже "страх" не было достаточно сильным словом. Ему никогда не приходилось видеть такого. Люди чувствовали, что их предали. В передовых статьях газет задавались вопросы, как могло произойти, что их страна встала на такой путь, и хотя вопросы задавались достаточно мягко, смысл их был совсем иным. Все несбыточные мечты. Его страна не готова была к войне ни в психологическом, ни в материальном отношении, и люди внезапно поняли, что происходит в действительности. Шепотом передавались рассказы об убийстве - как иначе называть это? - видных членов дзайбацу и о том, что правительство в панике. Премьер-министр Гото не предпринимал никаких действий, не выступал с речами и даже отказался от появления на публике, опасаясь, что ему будут заданы вопросы, на которые он не сможет дать ответ. Однако все это не поколебало веру капитана, заметил второй пилот.

- Нет, мы не уйдем оттуда! Как ты можешь такое говорить? Эти острова принадлежат нам.

- Время покажет, - заметил второй пилот, снова принимаясь за работу. В конце концов, у него были свои обязанности: нужно проверить запас горючего, силу и направление ветра, технические детали, столь важные для успешного полета коммерческого авиалайнера. Это было то, чего никогда не видели пассажиры, полагающие, что летный экипаж просто поднимался в кабину и включал двигатели, словно в такси.

- Хорошо выспались?

- Еще как, капитан. Мне снился жаркий день и теплая женщина. - Рихтер поднялся, и его движения опровергли притворно хорошее настроение. Я слишком стар для этого дерьма, подумал пилот. Судьба и везение - если это можно так назвать - сделали его участником этой операции. Никто не налетал столько часов на "команчах", как он и остальные прилетевшие сюда пилоты, и кто-то пришел к выводу, что они достаточно умны, чтобы справиться с задачей без какого-то проклятого полковника, который будет стоять за спиной и всячески мешать им. А теперь нужно уносить отсюда ноги. Рихтер посмотрел на ясное небо.

Могло быть лучше, подумал он. Облачная погода имеет свои преимущества.

- Баки наполнены.

- Неплохо было бы выпить чашку кофе, - пробормотал он.

- Вот, мистер Рихтер, пожалуйста, - это был старший сержант Вега. - Отличный кофе со льдом, как в лучших отелях Флориды.

- Я так благодарен тебе, приятель, - усмехнулся Рихтер, принимая металлическую кружку. - Есть что-нибудь новое перед вылетом?

Мне это совсем не нравится, подумал Клаггетт. Кильватерный строй эсминцев "иджис" разбился, и вот теперь один из этих проклятых кораблей находится всего в десяти милях. Что еще хуже, судя по показаниям электронного датчика, установленного на конце мачты, которую он рискнул

поднять на несколько секунд, несмотря на присутствие поблизости лучшего в мире поискового радиолокатора, совсем недавно в воздухе летал вертолет. Но Клаггетт знал, что от его присутствия в этом районе зависела безопасность трех армейских вертолетов, и это было самым главным. Никто не говорил ему, что море безопасное место. Оно и не было таким. Ни для него, ни для вертолетчиков.

- А где наш друг? - спросил он у старшего акустика. Тот покачал головой и тут же подтвердил это словами.

- Он снова исчез с экранов.

На поверхности дул ветер в тридцать узлов, он поднимал волны и мешал эффективной работе гидролокаторов. Даже слежение за эсминцем, сбавившим ход до пятнадцати узлов и начавшим патрулирование, стало затруднительным. Подводная лодка, находившаяся на севере, исчезла с экранов гидролокаторов. Может быть, она ушла совсем, но рассчитывать на это опасно. Клаггетт посмотрел на часы. Меньше чем через час следует решить, как поступить дальше.

Им придется идти вслепую, однако это стало неприятной необходимостью. При обычных условиях впереди следовали бы самолеты-разведчики, занимающиеся сбором информации, однако на этот раз главным являлся фактор неожиданности, и они не могли рисковать. Боевая авианосная группа избегала районов, где проходили коридоры коммерческих авиалайнеров, скрытых облаками, и вообще прилагала все усилия, чтобы в течение нескольких дней оставаться незамеченной. Джексон был уверен, что его присутствие в этом районе продолжает быть тайной, но, чтобы сохранить эту тайну, приходилось полагаться на отрывочные сообщения об электронной активности на островах, поступающие от подводных лодок, а эти сведения всего лишь подтверждали, что у противника в небе находятся несколько самолетов раннего радиолокационного обнаружения E-2C и что на острове действует мощный радиолокатор ПВО. По-видимому, предстоит неожиданное воздушное сражение. Ну что ж, к этому готовились больше двух последних недель.

- О'кей, последняя проверка, - услышал по телефону Ореза. - Коблер - исключительно военный аэродром?

- Совершенно верно, сэр. После первых дней мы не видели на нем ни одного гражданского самолета. - Ему отчаянно хотелось поинтересоваться, с чем связаны эти вопросы, но Ореза знал, что это напрасная трата времени. Может быть, стоит спросить обходным путем: - Вы хотите, чтобы мы не ложились спать сегодня ночью?

- Это уж как вы сочтете нужным, главный старшина. А теперь мне хотелось бы поговорить с вашими гостями.

- Джон! Тебя к телефону, - крикнул Португалец и сам был потрясен тем, как нормально прозвучали его слова.

- Кларк слушает, - произнес в трубку Джон. - Да, сэр... Понятно, сэр... Что-нибудь еще? О'кей, конец связи. - Он нажал на кнопку выключения телефона. - Кому пришла в голову мысль приделать к аппарату этот дурацкий зонтик?

- Мне, - ответил Барроуз, сидевший за карточным столом. - Но ведь он действует, правда?

- Это точно, - согласился Джон, садясь за стол и повышая ставку на двадцать пять центов. - Кто объявляет?

- Три дамы, - заявил инженер.

- К тому же ему и в игре везет, - покачал головой Кларк и бросил свои карты на стол.

- Скажешь тоже, везет! Эти обезьяны помешали моей самой удачной рыбалке.

- Джон, хочешь, я приготовлю вечером кофе?

- О, его кофе что надо, - заметил Барроуз, забирая выигрыш со стола.

Целых шесть долларов.

- Конечно, Португалец, валяй. Давно не пробовал твоего кофе. Он называется черный бандитский кофе, Пит. Старая морская традиция, - объяснил Кларк, наслаждаясь временной бездеятельностью.

- Джон? - позвал его Динг.

- Потом, парень. - Он взял колоду и принялся ловкими движениями тасовать ее.

- Ты уверен, что горючего хватит? - спросил Чека. Доставленный сюда запас включал горючее в запасных баках и крыльях, но Рихтер покачал головой.

- Никаких проблем. До следующей заправки всего два часа лета.

- Где она? - В приказе, полученном по спутниковому телефону, говорилось только: "Вылетайте к первичному пункту".

- Меньше чем два часа лета, - повторил пилот. - Приходится соблюдать правила безопасности, капитан.

- Вы отдаете себе отчет в том, что наша операция войдет в историю, а?

- Только бы удалось выжить, чтобы рассказать об этом. - Рихтер застегнул молнию на летном комбинезоне, заправил внутрь шарф и взобрался в кабину вертолета. - Взлет!

Рейнджеры отошли в сторону в последний раз. Они знали, что огнетушители бесполезны, но кто-то приказал захватить их с собой. Один за другим вертолеты оторвались от земли, их зеленые корпуса почти сразу скрылись в темноте. Затем рейнджеры стали прятать оставшееся снаряжение в ямы, вырытые еще днем. На это ушел час, после чего им оставалось только спуститься в Хиросе. Чека поднял свой телефон сотовой связи и набрал номер, который запомнил.

- Алло? - произнес голос по-английски.

- Надеюсь, мы увидимся утром? - Вопрос прозвучал по-испански.

- Я буду на месте, сеньор.

- Монтойя, пойдешь первым, - распорядился капитан. Они будут идти вдоль линии деревьев, насколько это возможно. Рейнджеры сжимали оружие, которым до сих пор им не пришлось воспользоваться, надеясь, что так будет и дальше.

- Я бы рекомендовал выпустить две торпеды, - сказал лейтенант Шоу. - Расширить пеленги между ними градусов на десять, дать им сойтись под слоем термоклина и атаковать, целясь в нос и в корму.

- Согласен. - Клаггетт подошел к прокладочному планшету, чтобы окончательно оценить тактическую ситуацию. - Действуйте.
- Что тут у вас происходит? - спросил один из армейских сержантов, стоя у входа в боевую рубку. В этих проклятых подводных лодках чувствуешь себя совершенно беспомощным, даже следить за происходящим и то трудно.
- Прежде чем дозаправить ваши вертушки, нам придется прогнать японский эсминец, - объяснил ему старшина, стараясь не напугать парня.
- А это трудно?
- Пожалуй, было бы легче, находишься он где-нибудь в другом месте. Нам придется подняться на поверхность в тот момент, когда... ну, когда кто-то знает, что мы поблизости.
- Это вас беспокоит?
- Нет, что ты, - соврал старшина. В этот момент оба услышали голос капитана:
- Мистер Шоу, приготовиться к торпедной атаке. Пуск по моей команде.

Первыми начали взлетать "томкэты", один за другим, с интервалом в тридцать секунд, пока в воздухе не оказалась целая эскадрилья из двенадцати истребителей. За ними последовали самолеты EA-6B - постановщики электронных помех во главе с капитаном третьего ранга Робертой Пич. Ее звено из четырех машин тут же разделилось на две пары, каждая из которых будет сопровождать группы истребителей.

Капитан первого ранга Бад Санчес вел первое звено из четырех "томкэтов", не желая доверить вылет своего авиакрыла кому-то другому. Авианосная боевая группа находилась сейчас на расстоянии пятисот миль и направлялась на юго-запад. Этот вылет во многом напоминал боевые действия начала 1991-го года, однако в данном случае пришлось добавить несколько нововведений, вызванных тем, что у противника имелось немало аэродромов. Для этого потребовались недели тщательного планирования. Патрули противника действовали точно, как часы. Это было вызвано пунктуальностью японцев и соблюдением ими всех правил военной жизни, а потому создавало известную опасность для американских самолетов. Санчес последний раз посмотрел вниз, на белые кильватерные струи за кормой кораблей своего соединения, и сосредоточился на предстоящей операции.

- Торпедные трубы один и три готовы.
 - Проверьте введенные пеленги и пускайте, - спокойно произнес Клаггетт.
- Торпедист повернул рукоятку до предела налево, затем направо и повторил то же самое с другим торпедным аппаратом.
- Первая и третья пущены, сэр.
 - Первая и третья движутся нормально, - через мгновение доложил акустик.

- Хорошо, - отозвался Клаггетт. В прошлом, находясь на борту подводной лодки, он уже слышал эти слова. Тогда торпеда прошла мимо, и этому он обязан жизнью. На этот раз положение было посложнее. Они не знали точных координат вражеского эсминца, но, выбора у него не было. Торпеды будут медленно двигаться под слоем термоклина на протяжении первых шести миль, а затем на

максимальной скорости в семьдесят один узел устремятся к цели. Если повезет, эсминец не сможет заметить, откуда они появились. - Зарядить первый и третий торпедные аппараты, - скомандовал капитан.

Как всегда, критически важной была слаженность во времени. Джексон спустился с адмиральского мостика сразу после взлета самолетов и пошел вниз в боевой информационный центр, откуда ему легче было координировать ход операции, рассчитанной до минуты. Следующий этап должны были осуществить эсминцы "спрюанс", находившиеся сейчас в тридцати милях к югу от авианосца. Это вызывало у него беспокойство. Эсминцы были его лучшими противолодочными кораблями, и хотя командующий подводными силами Тихоокеанского флота сообщил, что защитное прикрытие из японских подводных лодок смещается на запад и он надеется, что там они попадут в ловушку, Джексон не исключал того, что японцы могут оставить в этом районе одну подводную лодку, способную вывести из строя последний авианосец Тихоокеанского флота. Как много проблем, о которых приходится беспокоиться, подумал он, глядя на секундную стрелку часов, прикрепленных к переборке.

Ровно в 11 часов 45 минут эсминцы "Кушинг" и "Ингерсолл" повернулись бортом к ветру и приступили к запуску своих ракет "томагавк", сообщив об этом сигналом, переданным по спутниковой связи. Сорок крылатых ракет взвились в небо, отстрелили свои твердотопливные ускорители и затем снизились к самой поверхности моря. После запуска ракет, на что потребовалось шесть минут, эсминцы увеличили скорость и присоединились к боевой авианосной группе, так и не догадываясь о том, куда нацелены их "томагавки".

- Интересно, который из них? - пробормотал Сато. Они уже пролетели над двумя эсминцами "иджис", различимыми теперь только по белым кильватерным струям, вздымающимся за кормой, и едва видимым пенистым V-образным волнам впереди.

- Вызовем их снова?
- Брат рассердится, но там, внизу, он, наверно, чувствует себя одиноко.
- Сато снова переключился на другую частоту и нажал кнопку на штурвале.
- "Джал-747" вызывает "Мутсу".

Адмирал Сато едва не чертыхнулся, но голос оказался слишком знаком. Он взял микрофон с гарнитурой из рук младшего офицера связи и нажал кнопку передачи.

- Торахиро, будь ты вражеским самолетом, я сбил бы тебя. Он снова посмотрел на дисплей - на двухметровом экране виднелись одни гражданские авиалайнеры. Мощный корабельный радиолокатор показывал все находящееся в пределах сотни миль, а многие цели и на расстоянии почти трехсот. Вертолет SH-60J, стоявший на палубе, только что заправился и был готов к вылету для очередного облета эсминца в поисках подводных лодок. Все было спокойно, и хотя адмирал сознавал, что находится в море во время войны, он мог позволить себе пошутить с братом, летящим над ним в огромном алюминиевом корыте с крыльями, наверняка до отказа набитом соотечественниками.

- Время, сэр, - произнес Шоу, посмотрев на свой электронный секундомер. Капитан третьего ранга Клаггетт кивнул.

- Поднять торпеды над термоклинном и включить активный режим поиска.

Тут же на торпеды, находившиеся почти в двух милях одна от другой по обеим сторонам цели, поступила соответствующая команда. Торпеды ADCAP - "additional capability" - новейшая модификация прежней торпеды Mk-48, обладающие большой скоростью и дальностью стрельбы, имели мощные гидролокаторы, в которых использовались последние достижения физики твердого тела. Они находились в носовой части торпед диаметром двадцать один дюйм. Торпеда, выпущенная из аппарата номер один, была чуть ближе к цели, и ее поисковая система, созданная с применением достижений высокой технологии, обнаружила корпус эсминца уже при втором охвате. В следующее мгновение торпеда повернула вправо, передала изображение цели к месту пуска и устремилась вперед.

- Гидрофоны слышат торпеду, пеленг два-три-ноль! Вражеская торпеда на пеленге два-три-ноль! - выкрикнул акустик. - Ее поисковый гидролокатор в активном режиме!

Сато резко повернулся в сторону гидролокационного поста, и на тактическом дисплее тут же появился новый предмет. Черт побери, ведь "Курошио" передал, что в районе никого нет, а подводная лодка всего в нескольких милях.

- Включить средства противодействия! - послышалась команда капитана "Мутсу". Через несколько секунд с кормы в воду ушла приманка "никси", спроектированная в Америке. - Вертолету - взлет!

- Брат, я сейчас занят. Желаю мягкой посадки. Конец связи. - Радиоканал отключился, и наступило молчание.

Сначала капитан Сато решил, что неожиданный конец разговора объясняется тем, что у брата действительно неотложные дела, затем посмотрел вниз и в пяти милях под собой увидел, как эсминец резко повернул влево и за кормой его поднялся огромный пенящийся бурун, что указывало на внезапное увеличение скорости.

- Что-то у них произошло, - произнес он в интерком.

- Мы взяли его. Одной торпедой или обеими, - сообщил офицер огневой группы.

- Цель увеличивает скорость и поворачивает налево, - послышался голос акустика. - Обе торпеды замкнулись на цель и сближаются с ней. Они еще не начали работать в активном режиме.

- Первая в двух тысячах ярдов от цели. Третья в двух тысячах двуста. Обе движутся прямо к цели. - Взгляд старшины не отрывался от дисплея управления торпедами. Он был готов в любой момент взять управление на себя в случае ошибки системы автоматического наведения на цель. В настоящий момент торпеда представляла собой миниатюрную подлодку, передающую на экран перед старшиной точное гидролокационное изображение. Она превращала ее в своего рода камикадзе, действующим на расстоянии, причем даже не одним, а двумя -

искусство, отточенное им во время игры на корабельной системе "нинтендо". Клаггетт с удовлетворением отметил, что командир японского эсминца даже не пытался обнаружить подводную лодку, а прилагал все силы, чтобы спасти свой корабль. Ну что ж, это зов судьбы, не правда ли?

- Еще одна по носу, пеленг один-четыре-ноль!

- Они накрыли нас, - произнес капитан, глядя на дисплей и считая, что его атаквали, по-видимому, две подводные лодки. И все-таки надо попытаться уклониться от торпед. Он приказал положить руль на левый борт. "Мутсу" с тяжелыми надстройками, как и у американских эсминцев типа "иджис", резко накренился на правый борт. Едва корабль выпрямился, капитан приказал дать полный ход, надеясь, что торпеда пройдет за кормой.

Это не могло быть ничем, кроме морского боя. Картина его оставалась позади, поэтому Сато отключил автопилот и круто повернул самолет влево, дав сигнал второму пилоту предупредить пассажиров о необходимости закрепить пристежные ремни. Он отчетливо видел при ярком свете луны, находящейся в последней четверти, что происходит далеко внизу. "Мутсу" закончил резкий поворот и тут же начал другой. На кормовой палубе вспыхнули мигающие огни - это на палубе эсминца раскручивался несущий винт противолодочного вертолета, пытающегося взлететь и атаковать подводную лодку противника, трусливо подкравшуся к гордому и красивому кораблю его брата. Сато с удивлением заметил, что эсминец замедляет ход, его винты включены на торможение, и не мог понять, почему предпринят этот маневр. Разве для боевых кораблей не действует та же простая аксиома, что и для самолетов, - скорость - это жизнь...

- Громкий кавитационный шум, по-видимому, включен задний ход, - сообщил старший акустик. Техник огневой группы опередил Клаггетта:

- Теперь это не имеет значения, сэр. Обе торпеды замкнулись на цели. Ощущается постороннее магнитное влияние - они, должно быть, выпустили приманку вроде нашей "никси", верно?

- Правильно, старшина.

- Ну что ж, мы знаем, как действует эта кошечка. Первая торпеда в пятистах ярдах от цели и быстро сближается с ней. - Техник отсек один из проводов, позволив первой торпедой самой искать цель. Она всплыла на глубину тридцать футов, включила бортовой магнитный искатель, нашла мощное магнитное поле и помчалась к нему в автономном режиме. Цель росла и росла...

Вертолет, мигая габаритными огнями, только что взлетел с застывшего на месте эсминца. Мгновение растянулось, казалось, в вечность, затем корабль снова начал разворачиваться, и тут с обоих бортов перед мостиком, рядом с вертикальными установками ракет "корабль - воздух", прогремели мощные взрывы, сопровождающиеся ослепительной зеленой вспышкой в воде. Остроконечный профиль корпуса осветился странным смертельным пламенем. Эта картина на долю секунды запечатлелась в воображении Сато, затем взорвались одна или несколько зенитных ракет "Мутсу", и тут же последовал взрыв всех

сорока ракет. Носовая часть "Мутсу" распалась. Через три секунды последовал новый взрыв, и когда белая пена улеглась, на поверхности виделись только пятна горящей нефти. Эсминец погиб так же, как и его тезка в гавани Нагасаки в 1943 году...

- Капитан! - Второму пилоту пришлось силой вырвать штурвал из рук Сато, прежде чем "боинг" окончательно потерял скорость. - Капитан, у нас на борту пассажиры!

- Там мой брат...

- У нас пассажиры, черт побери! - Второй пилот взял управление на себя, перевел авиалайнер в горизонтальный полет и посмотрел на гироскоп в поисках требуемого курса. - Возьмите себя в руки, капитан!

Сато повернул голову, огляделся по сторонам кокпита, затем снова посмотрел вниз на то, как исчезает вдаль морская могила его брата. Самолет опять направился к югу.

- Извините меня, капитан Сато, но нам тоже нужно выполнять свой долг. - Он включил автопилот и положил руку на плечо капитана. - С вами теперь все в порядке?

Сато посмотрел вперед, на пустое небо, затем кивнул.

- Да, со мной все в порядке. Спасибо. Теперь со мной все в полном порядке, - повторил он более твердым голосом. Многовековые традиции требовали, чтобы он не показывал своего горя. Их отец пережил гибель эсминца, стал командиром крейсера и погиб на нем недалеко от Шамара, пав жертвой американских эсминцев и их торпед... И вот теперь снова...

- Что это был за звук, черт побери? - спросил капитан третьего ранга Угаки у своего офицера, начальника гидроакустической службы.

- Взрыв двух торпед, где-то на юге, - ответил младший лейтенант. - Они потопили "Мутсу".

- Кто? - последовал резкий вопрос.

- Кто-то не обнаруженный нами, капитан, - нерешительно произнес акустик.

- Поворачиваем на юг, скорость восемь узлов.

- Но при этом мы пройдем прямо через то место, где погиб...

- Я знаю.

- Он несомненно потоплен, - доложил старший акустик. Сигнатура на экране ясно показывала это. - Никакого шума машин от подшипников гребных валов, только шум разрывающейся стали и затем мощный вторичный взрыв. Он потоплен, сэр.

Рихтер пролетел над тем же городом, где несколько дней назад пролетал С-17, и хотя кто-то и мог услышать его, сейчас об этом беспокоиться не приходилось. Здесь часто летают вертолеты, а установить ночью их принадлежность невозможно. Его "команч" летел на крейсерской высоте пятьдесят футов, направляясь на юг, и он убеждал себя, что подводная лодка наверняка будет ждать их, что он сможет совершить посадку на нее и что все будет в порядке. Рихтер с благодарностью ощущал попутный ветер, пока не

увидел поднятых им гребешков волн. Проклятие...

- Господин посол, как вы знаете, ситуация изменилась, - негромко произнес Адлер. В зале никогда не раздавалось больше одного голоса, но на этот раз здесь почему-то казалось гораздо тише обычного.

Сейджи Нагумо, сидевший рядом с руководителем делегации, заметил, что кресло справа от Адлера занято каким-то другим специалистом по Японии из дальневосточного департамента на четвертом этаже. Куда делся Кук? - спросил он себя, продолжая слушать главу американской делегации. Почему его нет в зале - у что все это значит?

- Сейчас, когда мы сидим здесь, американские самолеты наносят удары по Марианским островам, а боевые корабли американского военно-морского флота сражаются с вашими боевыми кораблями. У нас есть все основания считать, что операции пройдут успешно и мы сумеем изолировать Марианские острова. Следующим этапом - если в этом возникнет необходимость - станет морская блокада Японии. У нас нет ни малейшего желания наносить удары непосредственно по вашей стране, но мы вполне способны в течение нескольких дней изолировать Японию от остального мира.

Господин посол, наступило время положить конец этому...

- Как видите, - сказала репортер Си-эн-эн, и камера повернулась направо, показывая пустой док, - авианосец "Джон Стеннис" вышел в море. Нам сообщили, что в данный момент самолеты, базирующиеся на нем, наносят удары по Марианским островам, оккупированным японскими войсками. К нам обратились с просьбой оказать содействие правительству в этой уловке, и мы, тщательно обдумав просьбу правительства, пришли к заключению, что телевизионная компания Си-эн-эн является, в конце концов, американской службой новостей и должна защищать американские национальные интересы...

- Мерзавцы! - выдохнул генерал Арима, глядя на гигантский пустой ящик из железобетона, на дне которого сейчас виднелись только лужи и деревянные блоки. И тут зазвонил его телефон.

Убедившись, что японские самолеты дальнего радиолокационного обнаружения заметили их, оба американских АВАКСа включили свои радиолокаторы. Они прибыли сюда с Гавайских островов, совершив промежуточную посадку на аэродроме Дуайесс на атолле Кваджалейн. По электронным средствам управления боем воздушное сражение будет равным, но американцы приняли меры, чтобы бой стал равным только в этом отношении, задействовав заметно больше истребителей. В воздухе находились четыре японских "игла", первым инстинктивным желанием которых было устремиться на северо-восток навстречу нарушителям и предоставить таким образом своим товарищам, чьи самолеты еще стояли на аэродромах, возможность взлететь и вступить в воздушное сражение, прежде чем американцы приблизятся и уничтожат их на земле. Одновременно наземные средства противовоздушной обороны были оповещены и приготовились к отражению нападения.

Санчес включил свой радиолокатор наведения, когда увидел японские истребители на расстоянии больше сотни миль, мчащиеся лобовым курсом, чтобы

атаковать ракетами "воздух - воздух". Но японские истребители были вооружены ракетами AMRAAM, тогда как у него под крыльями на пилонах висели "фениксы", дальность действия которых была почти вдвое больше. Санчес и три других истребителя пустили по два "феникса" с максимального расстояния. Восемь ракет полетели по баллистической траектории, поднимаясь в небо на высоту ста тысяч футов, прежде чем спикировать вниз и устремиться к целям на скорости, превышающей пять Махов. К тому же с такой высоты они видели самое крупное радиолокационное сечение самолетов противника, что облегчало наведение на цель. Японские "иглы" заметили приближающиеся ракеты и начали маневр уклонения, но через несколько секунд два F-15J взорвались от прямых попаданий. Оставшаяся пара "иглов" упрямо мчалась вперед. Вторая волна "фениксов" покончила и с ними.

- Что за чертовщина? - удивился Ореза.

Рев множества реактивных двигателей прервал игру в карты, и все четверо мужчин подошли к окнам. Кларк успел выключить свет и взять единственный в доме бинокль. Первая пара самолетов взлетела с аэродрома Коблер-Филд в тот момент, когда он поднес его к глазам. Судя по языкам пламени, вырывающимся при форсаже, это были одномоторные истребители.

- Что происходит, Джон?

- Вообще-то мне не говорили об этом, но мы и сами можем без труда догадаться.

Весь аэродром был ярко освещен. Самым главным сейчас было как можно быстрее поднять в воздух истребители. То же самое, наверно, происходило и на Гуаме, но Гуам был довольно далеко, и два истребительных соединения будут атаковать американцев по отдельности, лишив японцев таким образом численного превосходства.

- Что это?

Капитан третьего ранга Пич и ее самолеты электронного противодействия приступили к работе. Поисковые радиолокаторы обладают огромной мощностью, но, подобно всем радарам такого типа, они действуют на низкой частоте, а потому легко поддаются глушению. Огромное количество бликов заполнило их экраны, лишив возможности оценивать происходящее в воздухе и одновременно скрыв крохотные точки приближающихся крылатых ракет. Японские истребители, которые могли бы попытаться противостоять им, на самом деле уже опередили крылатые ракеты, оставив их позади себя, что позволило ракетам продолжать полет к целям на острове. Поисковый радиолокатор на вершине горы Тапотчау заметил их на расстоянии всего тридцати миль вместо расчетных ста, одновременно пытаясь вести подсчет приближающихся американских истребителей. Перед тремя операторами возникла, таким образом, сложная задача, но это были хорошо подготовленные специалисты, и они взялись за работу. Один из них успел предупредить об опасности зенитные батареи "патриот", расположенные на острове.

Первая фаза операции протекала успешно. Боевой патруль из японских истребителей, заметил Санчес, был ликвидирован без потерь. Интересно,

подумал он, может быть, и мой "феникс" сбил один из японских "иглов"? Впрочем, выяснить это никогда не удастся. Теперь, прежде чем прилетят остальные истребители, надо сбить японские самолеты дальнего радиолокационного обнаружения. Для решения этой задачи звено из четырех "томкэтов" включило форсаж и устремилось прямо к ним, выпуская в эти цели все свои ракеты.

Пилоты японских самолетов оказались слишком храбрыми, и это стало причиной их гибели. Японским "хокаям" надо бы попытаться уйти вместе с прикрывающими их "иглами", но истребители, выполняя свой долг, бросились в бой против первой волны атакующих "томкэтов", вместо того чтобы выждать. Может быть, причина заключалась в том, что они приняли эту первую волну отвлекающего маневра за настоящую атаку. Четыре истребителя, прилетевшие с фланга, выполнили свою задачу, сбили самолеты радиолокационного обнаружения и вернулись на "Джона Стенниса" для заправки и пополнения боеприпасов. Теперь единственными АВАКСами в небе были американские. Японские истребители продолжали мчаться вперед, стремясь отбить нападение, которого на самом деле не существовало, стараясь вступить в бой с истребителями, единственная цель которых заключалась в том, чтобы отвлечь внимание перехватчиков, уходящих все дальше от прикрываемых ими самолетов.

Для операторов наземного радиолокатора стало очевидным, что львиная доля ракет направлена в них, а не на авиабазу. Операторы не стали обмениваться впечатлениями по этому поводу - для разговоров не осталось времени. Они видели, как взорвались и рухнули вниз самолеты Е-2. Это произошло слишком далеко, чтобы узнать почему, но оставшийся самолет раннего радиолокационного обнаружения все еще стоял на взлетной полосе аэродрома Коблер в ожидании своей очереди. Пока вверх взлетали истребители, причем первые из них уже приближались к далеким американским самолетам, которые, к их удивлению, вовсе не летели к Сайпану, Гуам вызывал по радио радиолокационную станцию, запрашивая информацию и одновременно сообщая о том, что базирующиеся там истребители взлетают, чтобы отбить атаку.

- Две минуты до прилета крылатых ракет, - сообщил один из операторов по системе внутренней связи.

- Передайте на Коблер, чтобы оставшийся Е-2 немедленно взлетал, - скомандовал старший офицер из фургона управления, видевший, что те два самолета раннего радиолокационного обнаружения, что находились в воздухе, сбиты. Фургон находился в сотне ярдов от РЛС, но еще не был вкопан в землю. Это предполагалось сделать на будущей неделе.

- Это да! - воскликнул Чавез. Теперь они стояли снаружи. Нашелся умник, решивший выключить электричество в этой части острова, что позволило им выйти из дома, чтобы лучше наблюдать за фейерверком. В полумиле к востоку от них со стартовой установки "пэтриот" вылетела первая ракета. Ракета промчалась всего несколько сотен метров, когда управляющее устройство резко повернуло ее подобно бильярдному шару, отскочившему от борта, и она устремилась вниз за видимый горизонт. Через несколько секунд за ней последовали еще три зенитные ракеты.

- Приближаются крылатые ракеты, - заметил Барроуз. - Вон оттуда, с севера.

- Готов поспорить, что их целью является радиолокатор на вершине горы, - пробормотал Кларк. Тут же последовала серия вспышек, осветивших высокое плато на востоке. Через несколько секунд оттуда донесся грохот разрывов. Из батареи "пэтриот" вылетели дополнительные ракеты, и у них на глазах обслуживающий персонал принялся устанавливать новый пакет с ракетами на пусковую площадку грузовика. Было заметно, что на это уходит слишком много времени.

Двадцать "томагавков", составляющих первую волну, начали набирать высоту. Раньше они мчались всего в трех метрах над гребешками волн, приближаясь к отвесным утесам восточного берега Сайпана. Будучи полностью автоматическими, крылатые ракеты не обладали способностью уклониться или даже обнаружить заградительный огонь, направленный против них, и первый залп зенитной батареи "пэтриот" оказался успешным - из двенадцати ракет "земля - воздух" десять попали в цель, однако оставшиеся десять крылатых ракет стремительно набирали высоту, будучи нацеленными на одну и ту же точку. Зенитные ракеты сбили затем еще четыре "томагавка", а пятый потерял скорость и врезался в утес у Лаолао-Каттан. Начиная с этого момента радиолокаторы батарей "патриот" потеряли их из виду, и командиры батарей предупредили об опасности обслуживающий персонал радиолокационной станции, но было уже слишком поздно, и крылатые ракеты с тысячефунтовыми боеголовками одна за другой взорвались над вершиной горы Тапотчау.

- С этим покончено, - заметил Кларк, когда донесся грохот взрывов. Он прислушался. Жители соседних домов тоже вышли теперь на улицу, стоя вокруг тупика. Отдельные радостные возгласы слились в единый восторженный хор, заглушивший крики ракетчиков у батареи "пэтриот" на вершине холма к востоку.

Истребители продолжали взлетать с аэродрома Коблер-Филд, обычно парами, иногда по одному. Голубые языки пламени форсажа уходили в небо и затем гасли, когда японские самолеты направлялись навстречу атакующим американским истребителям. Наконец Кларк и все остальные услышали рев турбовентиляторных двигателей последнего "хокая", взлетавшего самым последним, несмотря на предупреждение персонала уже уничтоженной радиолокационной станции.

На несколько мгновений над островом воцарилась тишина, в воздухе образовалась какая-то странная пустота. Жители перевели дыхание, ожидая начала второго акта полуночной драмы.

"Пасадена" и еще три американских подводных лодки, находившиеся всего в пятидесяти милях от берега, всплыли на антенную глубину и запустили по шесть ракет. Некоторые из них были нацелены на Сайпан, четыре - на Тиниан и две - на Роту. Остальные помчались над гребешками волн к авиабазе Андерсен на Гуаме.

- Поднять перископ! - приказал Клаггетт. Поисковый перископ плавно выдвинулся вверх, сопровождаемый шипением гидравлики. - Стоп! - скомандовал он, когда перископ чуть поднялся над поверхностью. Капитан медленно повернул

его, пытаюсь рассмотреть огни в небе, но там было пусто.

- О'кей, теперь антенна. - Снова послышалось шипение, и над волнами показался хлыст антенны УВЧ. Капитан не отрывался от объектива перископа, все еще осматривая море вокруг, затем махнул правой рукой. Антенна принимала еле слышные сигналы от удаленных передатчиков, но в остальном эфир был чист и ничто не могло обнаружить подводную лодку.

- "Инди карз", это "Пит кру", прием, - произнес в микрофон офицер-связист.

- Слава Богу, - выдохнул Рихтер и включил свой микрофон. - "Пит кру", это ведущий "Инди", прошу сигнал опознания, прием.

- Фокстрот виски.

- Чарли танго, - ответил Рихтер, проверив радиокоды на блокноте, прикрепленном к колену комбинезона. - Мы в пяти минутах и хотели бы напиться, прием.

- Готовьтесь, - услышал он в ответ.

- Всплываем, - распорядился Клаггетт и взял микрофон бортовой трансляции. - Слушайте все! Мы всплываем. Всем оставаться на боевых постах. Армейским группам приготовиться.

Все необходимое снаряжение находилось рядом со спасательным отсеком и большим люком, предназначенным для погрузки пакетов наведения баллистических ракет. Матросы одной из групп борьбы за живучесть стояли рядом, готовые передавать снаряжение, а старшина будет управлять заправочным шлангом, спрятанным в кожухе над ракетным отсеком.

- Что это там? - запросил по каналу радиосвязи "Инди-два". - Ведущий, это Второй. На севере вертолет. Повторяю, на севере вижу большой вертолет.

- Сбивай его! - тут же скомандовал Рихтер. Здесь не должно быть американских вертолетов. Он развернул "команч" и поднялся повыше, чтобы рассмотреть неизвестную машину. На вертолете даже мигали навигационные огни. - "Пит кру", это ведущий "Инди", на севере вертолет. В чем дело, прием?

Клаггетт не слышал этого разговора. Парус "Теннесси" только что показался над поверхностью, и капитан стоял у трапа, ведущего к верхнему люку паруса. Микрофон взял лейтенант Шоу.

- Скорее всего, это противолодочный вертолет с эсминца, который мы только что потопили - сбивайте его, сбивайте немедленно!

- Воздушный радиолокатор на севере! - послышался через секунду возглас радиооператора. - Поблизости радар вертолета!

- Второй, немедленно займись им! - передал приказ Рихтер.

- Атакую, ведущий, - отозвался второй "команч", разворачиваясь и опуская нос для увеличения скорости. Кто бы ни был на этом вертолете, ему крупно не повезло. Пилот выбрал оружие для атаки. Под корпусом из обтекаемого кожуха выдвинулась двадцатимиллиметровая пушка. Цель находилась в пяти милях и не видела приближающегося штурмового вертолета.

Пилот "команча" заметил, что это "Сикорский", собранный, возможно, на том же заводе в Коннектикуте, что и его "команч", военно-морской вариант УН-60 - крупная и удобная цель. "Команч" мчался прямо на него, рассчитывая сбить японский вертолет прежде, чем тот успеет передать радиосигнал тревоги. Наверно, все-таки успеет, и пилот выругал себя за то, что не выбрал "стингер", но сейчас было уже поздно. Он нажал на кнопку и выпустил пятьдесят снарядов, большинство которых попало в носовой кокпит приближающегося вертолета. Результат был мгновенным.

- Сбит, - сообщил он. - Я прикончил его, ведущий.

- Понял. Как у тебя с топливом?

- На тридцать минут, - ответил второй.

- Барражируй поблизости и смотри по сторонам, - скомандовал ведущий.

- Ясно. - Едва он поднялся на триста футов, как заметил еще один неприятный сюрприз. - Ведущий, это Второй. На севере - радиолокатор, оператор электронных систем определил его как военно-морской.

- Просто великолепно, - проворчал Рихтер, облетая субмарину. Она была достаточно большой для посадки, но если бы еще эта проклятая лодка не перекачивалась с борта на борт, будто бочонок с пивом на ирландских поминках. Рихтер приблизился прямо с кормы, завис над палубой и выпустил шасси для посадки.

- Заходите налево, навстречу ветру, - скомандовал Клаггетт лейтенанту Шоу. - Нужно уменьшить бортовую качку, чтобы облегчить им посадку.

- Понял, шкипер. - Шоу отдал необходимые распоряжения, и "Теннесси" обрел некоторую устойчивость, направляясь на северо-запад.

- Приготовиться у спасательного и грузового люков! - прозвучала команда капитана. Вертолет начал медленно и осторожно снижаться. Зрелище посадки вертолета на палубу корабля, почему-то всегда ассоциировалось у Клаггетта с сексом дикобразов. Нельзя сказать, что животные занимаются этим неохотно, нет, просто они не могут допускать ошибок.

Они вытянулись подобно армии конных рыцарей, подумал Санчес, японские самолеты в двухстах милях от северо-восточного берега Сайпана и американские на сто миль дальше. Эта ситуация проигрывалась много раз обеими сторонами и часто в одних и тех же центрах военных игр. У обеих сторон поисковые радиолокаторы действовали в активном режиме. Обе стороны могли теперь видеть противника и сосчитать количество противостоящих самолетов. Приходилось только ждать, кто начнет первым. Японцы находились в более затруднительном положении и знали это. Их последний уцелевший Е-2 еще не успел занять позицию, но хуже было то, что они не знали, кто противостоит им. По команде Санчеса первыми бросились в атаку "томкэты", включившие форсаж и взвившиеся высоко в небо, чтобы выпустить оставшиеся ракеты "феникс". Они осуществили пуск с пятидесяти миль, и больше сотни этих ракет, созданных на основе последних достижений высокой технологии, превратились в волну желтых языков пламени, поднявшихся еще выше, чтобы начать затем стремительный спуск к цели. Тем временем исторгшие их истребители развернулись и полетели назад.

Это стало сигналом для начала общего воздушного боя. Тактически

ситуация была ясной, а затем все снова запуталось, когда японские истребители тоже перешли на форсаж и с максимальной скоростью начали сближаться с американскими, надеясь поднырнуть под волну "фениксов" и выпустить свои самонаводящиеся ракеты. Для такого маневра требовалась идеальная координация по времени, а добиться этого оказалось трудным без руководства со стороны самолета радиолокационного управления боем, которого они не дождались.

Подготовить моряков к быстрым и слаженным действиям было трудно, хотя группа матросов держала наготове крылья, которые крепились квалифицированными армейскими специалистами к бортам первого "команча". Затем в топливные баки вставили шланги и включились корабельные насосы, максимально быстро наполняющие их. Один матрос передал Рихтеру телефонную трубку на обычном проводе.

- Как все прошло, армия? - спросил Датч Клаггетт.

- Было очень интересно. У вас не найдется горячего кофе?

- Сейчас принесут. - Капитан отдал команду в камбуз.

- Откуда взялся японский вертолет? - спросил Рихтер, наблюдая за ходом заправки.

- Час назад пришлось потопить эсминец. Он мешал нам. Думаю, вертолет успел взлететь с него. Готовы принять указания о дальнейшем полете?

- Разве мы летим не на Уэйк?

- Нет. Вас ждет авианосец - вот его координаты: двадцать пять северной широты, один-пятьдесят восточной долготы. Повторяю, два-пять северной и один-пять-ноль восточной.

Рихтер дважды повторил координаты, и Клаггетт подтвердил, что пилот правильно их запомнил. Целый авианосец для нас? - подумал Рихтер.

- Понял, сэр. Очень вам благодарен.

- Спасибо, что вы сбили японский вертолет, "Инди". К кабине подошел матрос и постучал по металлической обшивке, показывая вверх большим пальцем. Затем он передал пилоту бейсбольную кепку с надписью "Теннесси". Тут Рихтер заметил, как оттопыривается нагрудный карман на форменке матроса. Он протянул руку и бесцеремонно вытащил оттуда начатую пачку сигарет. Матрос рассмеялся и бросил Рихтеру свою зажигалку.

- Всем отойти! - крикнул пилот. Матросы палубной команды отступили назад, но в этот момент из люка вынырнул матрос с термосом и передал его Рихтеру. После этого пилот опустил фонарь кабины и включил двигатели. Не прошло и минуты, как его "команч" поднялся, уступив место второму вертолету, а сам Рихтер начал патрулирование. Еще через тридцать секунд пилот сделал первый глоток кофе. По вкусу он отличался от армейского и казался намного более гражданским. Сюда бы еще немного "Хеннесси", и напиток был бы что надо, подумал он.

- Сэнди, посмотри на север! - послышался сзади голос стрелка-радиста как раз в тот момент, когда шасси второго "команча" коснулось палубы подводной лодки.

Шесть "иглов" пали жертвой первого залпа американских ракет, а еще два

оказались поврежденными и повернули назад, сообщили операторы с американских АВАКСов. Сам Санчес не видел этого, потому что уходил от приближающихся вражеских истребителей. Теперь на смену "томкэтам" пришли "хорнеты". Операция протекала успешно. Японцы, взлетевшие на форсированном режиме двигателей, преследовали американцев, отгоняя их подальше от острова - или так им казалось. На экране опасности Санчес заметил приближающиеся ракеты, Но изготовлены они были в Америке, и он знал, на что они способны.

- Что это? - удивился Ореза.

Сначала в воздухе промелькнула всего лишь тень. По какой-то причине аэродром остался освещенным, и они увидели, как над концом взлетно-посадочной полосы Коблера пронеслась одиночная желтая полоса. Затем она резко пошла вниз и ударилась о середину дорожки, нос у нее отвалился, и на асфальт высыпалось множество маленьких круглых предметов. Два или три шарика взорвались, но остальные исчезли из виду, слишком незаметные, после того как упали. Затем мелькнула вторая тень, третья и несколько других, проделавших то же самое - за исключением одной, устремившейся прямо к башне управления полетами и взорвавшей ее, а вместе с нею и радиостанцию, через которую осуществлялось управление японским авиакрылом.

Дальше к югу, на по-прежнему освещенном поле гражданского аэропорта, у терминала или на стояночных площадках, виднелись четыре "Боинга-747". К аэропорту ничто не приближалось. На востоке располагались готовые к открытию огня пусковые установки "пэтриот", но они уже выпустили первые залпы, и теперь обслуживающий персонал готовил к установке новые пакеты с ракетами, подсоединяя их к фургонам управления, а на это требовалось время. "Пэтриотам" удалось сбить несколько приближавшихся крылатых ракет, но далеко не все.

- Интересно, крылатые ракеты не нацелены на зенитные пусковые установки, - заметил вслух Чавез, думая о том, что вообще-то им следовало находиться в укрытии, но... но никто не уходил с улицы - все с захватывающим интересом наблюдали за происходящим, словно это был фейерверк в честь Дня независимости.

- Стараются избегать районов с гражданским населением, Динг, - ответил Кларк.

- Неплохо задумано. Между прочим, что это за фокус с фамилией Келли?

- Это моя настоящая фамилия, - заметил старший оперативник.

- Джон, а сколько тех подонков ты убил собственными руками? - поинтересовался Ореза.

- Что? - вздрогнул Чавез.

- Давным-давно, когда мы оба были молодыми, вот этот твой босс занимался охотой за торговцами наркотиками, насколько я припоминаю.

- Ничего этого не было, Португалец, честное слово, - ухмыльнулся Джон и покачал головой. - По крайней мере никто ничего не сможет доказать, - добавил он. - Ведь я погиб, верно?

- В таком случае ты выбрал такие же инициалы, как и тот парень, приятель. - Ореза сделал паузу. - Что будет дальше?

- Не имею представления. - Ореза не имел допуска, который позволял бы

познакомить его с предстоящей операцией, да и сам Кларк еще не знал, осуществима ли она. Через несколько секунд кому-то пришло в голову отключить электричество и в южной части острова.

Вертолет, взлетевший с палубы "Мутсу", сообщил о появлении на поверхности американской подводной лодки, но ничего больше. В результате один из "конго" поднял в воздух свой противолодочный вертолет "сихоук", направлявшийся сейчас к югу. Туда же летели два самолета Р-3 "Орион", однако вертолет с двумя торпедами прибудет к цели раньше их. Он летел на высоте двухсот футов, не включая радиолокатор, но с мигающими навигационными огнями, которые казались очень яркими на экране перед Рихтером.

- Здесь почему-то оживленное движение, - заметил пилот. Он находился на высоте пятисот футов, когда над горизонтом появилась новая цель. - "Пит кру", это ведущий "Инди". К нам приближается еще один вертолет.

- Сбивай его!

- Понял. - Рихтер увеличил скорость и полетел на перехват. У военно-морского флота, подумал он, не возникает проблем с принятием решений. Встречный курс гарантировал быстрое сближение. Рихтер выбрал из своего арсенала "стингер" и выстрелил с расстояния пять миль. Кто бы ни был в этом вертолете, он не ожидал встретить здесь вражескую авиацию, а холодная вода внизу создавала отличный контраст для боеголовки теплового наведения. "Сихоук" взорвался и рухнул в море, оставив Рихтера в неведении уцелели ли члены его экипажа. Но он не мог заниматься спасательными работами и потому не подлетел поближе, чтобы проверить.

Второй "команч" успел заправиться и патрулировал над подводной лодкой, ожидая возвращения ведущего. Рихтер промчался низко над субмариной в знак прощального приветствия и полетел дальше. У него не было ни времени, ни топлива для того, чтобы медлить.

- Вы обратили внимание на то, что мы превратились теперь в авианосец? - спросил Кен Шоу, наблюдая за тем, как палубная команда заканчивает заправку третьего и последнего гостя. - Наша авиация даже сбила вертолеты противника.

- Хотелось бы поскорее снова стать подводной лодкой, - проворчал Клаггетт. Наконец фонарь кабины опустился, вертолет взлетел и матросы начали наводить порядок на палубе. Через пару минут работа была закончена. Один из старшин сбросил за борт ставшее ненужным снаряжение, махнул рукой в сторону паруса и спустился в люк, захлопнув над собой крышку.

- Очистить мостик! - скомандовал Клаггетт, оглянувшись вокруг и нажал кнопку микрофона. - Погружение!

- Но у нас еще не проверена герметизация, - возразил боцман в боевой рубке.

- Ты слышал приказ, - проворчал вахтенный офицер. По его команде открыли клапаны, и главные балластные цистерны начали заполняться водой. Указатель герметичности верхнего люка изменился на дисплее с кружка на вертикальную черту, через мгновение в боевой рубке появился Клаггетт и закрыл нижний люк. Теперь герметизация лодки завершилась.

- Мы готовы к погружению. Быстро уходим!

- Это подводная лодка, - произнес младший лейтенант. - Она погружается
- продувает цистерны..

- Расстояние?

- Для этого мне придется перейти на активный режим гидролокации, -
предупредил офицер-акустик.

- Тогда действуйте! - яростно прошипел Угаки.

- Что это за вспышки? - удивленно спросил второй пилот. Авиалайнер
только что пересек линию горизонта, чуть левее своего коридора, и определить
расстояние было невозможно. Но вспышки были яркими, и одна превратилась в
светящуюся полосу, врезающуюся в море. В темноте появились новые огненные
полосы бело-желтого цвета, стремительно перемещающиеся справа налево. Теперь
все стало ясно. - Вот в чем дело!

- Башня управления полетами Сайпана, это "Джал - семь-ноль-два", мы в
двух сотнях миль от вас. Что происходит? Прием. - Ответа не последовало.

- Возвращаемся в Нариту? - спросил второй пилот.

- Нет! Продолжим полет по маршруту, - ответил Торахиро Саго.

Лишь благодаря высокому профессионализму он не дал волю ярости. Ему уже
удалось уклониться от двух вражеских ракет, и майор Широ Сато не поддался
панике несмотря на то, что случилось с его ведомым. На экране своего
радиолокатора он видел более двадцати целей, находящихся за пределами
дальности, и хотя несколько истребителей его эскадрильи выпустили в них
ракеты AMRAAM, Сато выжидал. Он видел также, что его самолет ведут многие
радары противника, но с этим ничего не поделаешь. Сато бросал свой
истребитель из стороны в сторону, испытывая огромные перегрузки, и продолжал
сближаться с вражескими самолетами на режиме форсажа. То, что началось как
обычное воздушное сражение, превратилось теперь в беспорядочную схватку, где
один истребитель преследовал другой, не обращая внимания на то, что
происходит по сторонам, - подобно самураям, сражающимся в темноте. Сейчас он
повернул на север, выбирая ближайшие отраженные сигналы, означающие самолеты
противника. Бортовая система "свой - чужой" автоматически послала запрос,
Сато убедился, что перед ним вражеский истребитель, нажал на кнопку пуска
ракет с головками самонаведения и тут же бросил свой "игл" в крутой поворот,
направляясь на юг. Он рассчитывал на такой бой, где противники соревнуются
друг с другом, где искусство одного противостоит искусству другого в чистом
небе. Здесь же шла хаотическая свалка в темноте, и майор просто не знал, кто
одерживает верх, а кто терпит поражение. Оставалось одно - развернуться и
лететь домой. Мужества у него хватало, но американцы выманили японские
истребители так далеко от базы, что топлива едва оставалось на обратный
полет. Сато так и не узнает, попали его ракеты в цель или прошли мимо.
Проклятие!

Он в последний раз включил форсаж, чтобы оторваться от преследования,
уходя вправо и оставляя поле битвы для истребителей, приближающихся с юга.
Это, по-видимому, самолеты с Гуама. Сато мысленно пожелал им удачи.

- Внимание "Орлов", это ведущий "Орел". Выходите из боя. Повторяю, выходите из боя! - Санчес находился сейчас далеко от места, где шло воздушное сражение. Ему хотелось сидеть за штурвалом "хорнета", а не как сейчас - более тяжелого и большого "томкэта". Он услышал ответные сигналы подтверждения, и хотя потерял несколько истребителей своего авиакрыла, да и бой прошел не совсем так, как он рассчитывал, успех был на стороне американцев. Санчес повернул на север, покидая район боя, и, посмотрев на приборы, проверил запас топлива. Тут он увидел мигающие навигационные огни в направлении на десять часов.

- Боже мой, Бад, это авиалайнер! - воскликнул офицер электронного обеспечения, сидевший позади него. - На нем логотип "Джал". - Это было очевидно по стилизованному красному журавлю на вертикальном стабилизаторе.

- Нужно предупредить его об опасности. - Санчес включил навигационные огни и приблизился к авиалайнеру слева. - "Джал-747", "Джал-747", это самолет ВМС США у вашего левого борта.

- Кто вы? - послышался голос на частоте авиационных радиопереговоров.

- Истребитель Военно-морских сил США. Сообщаем вам, что в этом районе идет воздушный бой. Советую повернуть назад. Прием.

- У меня не хватит горючего.

- Тогда летите на Иводзиму. Там есть аэродром, только будьте осторожны - к юго-западу от взлетно-посадочной полосы возвышается радиомачта. Прием.

- Спасибо, - прозвучал короткий ответ. - Продолжаю полет по своему маршруту. Конец связи.

- Кретин, - произнес Санчес, но перед этим отпустил кнопку передачи. Офицер, сидевший сзади, полностью согласился с пилотом. Во время настоящей войны они сбили бы вражеский авиалайнер, но эта не была настоящей. По крайней мере такое решение приняли наверху. Санчесу не суждено было узнать об ужасающих последствиях своей роковой ошибки.

- Капитан, но это очень опасно!

- Аэродром на Иводзиме не освещается. Мы подлетим к Сайпану с запада и обойдем район воздушного боя, - произнес Сато, не обращая внимания на предостережение. Он изменил курс на западный, и второй пилот промолчал, решив не вмешиваться в действия капитана.

- Гидролокатор в активном режиме по правому борту, пеленг ноль-один-ноль, низкочастотный, по-видимому, подводная лодка. - Эта новость была неожиданной и неприятной.

- Готовиться к пуску! - немедленно скомандовал Клаггетт. Он безжалостно гонял команду "Теннесси" именно на такой случай, а на подводных ракетноносцах всегда были лучшие торпедисты флота.

- Готовим аппарат четыре, - ответили из торпедного отсека. - Открываем люк. Аппарат заполнен водой. Торпеда готова к пуску.

- Первоначальный курс ноль-один-ноль, - доложил прокладчик, посмотрев на планшет, где данных почти не было. - Отсечь провода, переход на активный режим поиска с тысячи ярдов.

- Готово!

- Пуск! - приказал Клаггетт.
- Пуск четвертой, четвертая ушла! - выкрикнул торпедист, едва не сломав в спешке пусковую ручку.

- Расстояние до цели четыре тысячи метров, - доложил акустик. - Крупная подводная цель, скулой к нам. Паразитные, паразитные - он выпустил торпеду!
- Мы тоже. Первая, вторая - пуск! - выкрикнул Угаки. - Лево на борт, - скомандовал он, как только вторая торпеда покинула торпедный аппарат. - Полный вперед!

- Слышу торпеду в воде. Две торпеды, пеленг ноль-один-ноль. Действуют в поисковом режиме, - доложил старший акустик.

- Проклятие! Такое уже однажды было, - пробормотал Шоу, вспомнив пережитые им моменты ужаса на ракетноносце "Мэн". Армейский лейтенант и его старший сержант только что вошли в боевую рубку, чтобы поблагодарить капитана за отлично проведенную операцию по заправке вертолетов. Они замерли у входа, глядя по сторонам и чувствуя растущее напряжение.

- Отсек шестидюймовых приманок, пуск.

- Пускаю приманки. - Через секунду послышалось легкое шипение сжатого воздуха.

- У нас приготовлен ПШИДД? - спросил Клаггетт, хотя и знал, что уже отдал такой приказ.

- В аппарате два, сэр, - послышался ответ торпедиста.

- Приготовиться к пуску.

- Готово, сэр.

- О'кей. - Капитан третьего ранга Клаггетт позволил себе сделать глубокий вдох и подумать. У него оставался выбор, хотя и небольшой. Насколько "умны" японские торпеды? "Теннесси" шел десятиузловым ходом, не получив новых приказов об изменении курса и скорости после погружения, находясь на глубине трехсот футов. Хорошо.

- Шестидюймовый отсек, приготовиться к пуску трех приманок расходящимися курсами по моей команде.

- Готовы, сэр.

- Торпедный отсек, установить на ПШИДДе глубину триста футов, на этой глубине максимально крутая циркуляция. Перевести в активный режим сразу после выстрела.

- Люк открыт... аппарат заполнен водой.

- Пуск!

- ПШИДД пущен, сэр.

- Шестидюймовый отсек, пуск!

Корпус "Теннесси" снова вздрогнул, когда в морскую глубину вырвались три приманки и подводный имитатор шумов субмарины, созданный на основе торпеды Mk-48. Теперь у приближающихся торпед окажется весьма привлекательная цель.

- Всплываем! Экстренное всплытие!

- Экстренное всплытие, понял, - отрепетовал боцман и протянул руку к клапану продува цистерн сжатым воздухом. - Вертикальные рули поднять!

- Поднять вертикальные рули! - отозвался рулевой и потянул на себя рычаг управления.

- Рубка, докладывает гидропост, приближающиеся торпеды по-прежнему в поисковом режиме. Наша торпеда идет к цели.

- Их рыбы, парни, похожи на наши первые Мк-48, - спокойно произнес Клаггетт. Бесстрастное выражение на его лице было притворным, но следовало успокоить команду. - Помните три правила для 48-х? Нужна четкая цель, она должна быть на расстоянии не менее восьмисот ярдов, и пеленг на нее должен меняться. Стоп машины!

- Машины - стоп. Сэр, докладывает машинное отделение - машины остановлены.

- Отлично, пусть теперь плывет по инерции, - произнес капитан, не зная, о чем еще говорить. Он посмотрел на армейцев и подмигнул им. Парни казались слишком бледными. Ну что ж, хорошо, когда у тебя темная кожа, подумал Клаггетт.

"Теннесси" всплывала под углом тридцать градусов, резко сбавляя скорость. Несколько человек не удержались на ногах и упали - настолько неожиданно все произошло. Капитан схватился за бело-красный штурвал управления перископом, чтобы удержаться на ногах.

- Глубина?

- Всплываем на поверхность, сэр! - доложил боцман. Через секунду послышался рев воды, стекающей с корпуса, и затем субмарина, выскочив на поверхность, рухнула обратно, словно кит после прыжка.

- Соблюдать полную тишину.

Гребной вал теперь замер. "Теннесси" раскачивалась на поверхности, а на глубине трехсот футов и в полумиле за кормой ПШИДД описывал круги, проходя через пузырьки, выпускаемые приманками. Клаггетт сделал все что мог. Матрос, стоявший рядом, сунул руку в карман за сигаретами, потом вспомнил, что отдал их пилоту.

- Наша торпеда замкнулась на цели! - доложил акустик.

- Право на борт! - скомандовал Угаки, стараясь казаться спокойным, но американская торпеда прошла сквозь приманки... в точности как и его торпеда несколькими днями раньше, вспомнил капитан. Он обвел взглядом боевую рубку. Все смотрели на него, как и в прошлый раз, однако сейчас первой пустила торпеду вражеская лодка и одного взгляда на планшет было достаточно, чтобы убедиться в том, что он никогда не узнает, стала ли успешной его вторая атака.

- Простите меня, - произнес он, обращаясь к своей команде, и несколько человек успели кивнуть, понимая глубокую искренность своего командира.

- Попадание! - сказал акустик.

- Спасибо, старшина, - поблагодарил его Клаггетт.

- Вражеские "рыбы" описывают круги под нами, сэр... похоже, что они... да, они преследуют приманку... импульсы попадают и в нас, но...

- Но первые модели сорок восьмых не замыкаются на неподвижной цели, старшина, - негромко заметил капитан. Казалось, только двое на лодке -

акустик и капитан - дышат, остальные затаили дыхание. Ну еще, может быть, Кен Шоу, стоявши у панели управления системами вооружения. Тем же, кто не могли слышать ультразвуковые импульсы, испускаемые гидролокаторами японских торпед, было страшно.

- Эти проклятые "рыбы" никак не хотят остановиться.

- Верно, - кивнул Клаггетт. - Поднять радиоантенну, - добавил он. Мачта с сенсорами тут же пошла вверх, и все, кто находились в боевой рубке, насторожились, услышав раздавшийся шум.

- Капитан, воздушный радиолокатор на пеленге три-пять-ноль.

- Мощность импульсов?

- Небольшая, но постепенно возрастает. Наверно, это Р-3, сэр.

- Очень хорошо.

Это было уж слишком для армейского офицера.

- Мы что, так и останемся на месте?

- Совершенно верно.

Сато посадил 747-й главным образом по памяти. Посадочные огни не действовали, но лунный свет был достаточно ярким, и второй пилот в который раз восхитился мастерством капитана. Луч посадочного прожектора авиалайнера отразился от наземных рефлекторов. Колеса самолета коснулись дорожки чуть правее центральной оси, но Сато удержал самолет на прямой до самого конца, на этот раз без обычного взгляда на своего младшего напарника. Авиалайнер уже поворачивал на рулежную дорожку, когда вдали сверкнула ослепительная вспышка.

Майор Сато вернулся на Коблер-Филд первым, обогнав по пути два поврежденных истребителя. Он увидел, что внизу что-то двигается, но звуки на его радиоканале были неразборчивыми. Впрочем, у него не оставалось выбора. Его истребитель летел последние мили на парах горючего и честном слове пилота. Топливные баки были пустыми. Поскольку посадочная дорожка не освещалась, Сато плавно спланировал и коснулся тармака в центральной ее точке. В темноте он не заметил круглого предмета перед носовым колесом шасси. Послышался глухой взрыв, переднее колесо сложилось, и "игл" помчался, кувыряясь до конца дорожки. В баках оставалось достаточно горючих паров, они вспыхнули, самолет взорвался, и обломки разлетелись по аэродрому. Второй "игл", заходящий на посадку в полумиле за ним, приземлился на соседнюю дорожку и тоже взорвался. Оставшиеся двадцать истребителей отвернули в стороны и потребовали по радио указаний. Шесть совершили посадку в гражданском аэропорту. Остальные полетели к длинным двойным дорожкам на Тиниане, не подозревая, что и эти дорожки усеяны бомбочками, доставленными ракетами "томагавк". Лишь около половины истребителей сумели благополучно приземлиться, не натолкнувшись на них.

Адмирал Чандраскатта, находясь в боевой рубке, наблюдал за радиолокационным экраном. Скоро ему придется отозвать свои истребители. Ему не хотелось рисковать пилотами при ночных полетах, но американцы постоянно поднимали в небо истребители, демонстрируя свою силу. Конечно, они в

состоянии атаковать и уничтожить его флот, если захотят, но сейчас? Теперь, когда они ведут военные действия против Японии, неужели им придет в голову вступать в вооруженный конфликт с еще одной страной? Нет. Его десантное соединение уже вышло в море, и через два дня, после заката, наступит решающий час.

Бомбардировщики Б-1 летели ниже, чем когда-либо. На этот раз ими управляли резервисты, главным образом пилоты гражданских авиалиний, милостью Пентагона (по совету нескольких видных конгрессменов) посаженные за штурвалы настоящих боевых самолетов впервые за несколько лет. Во время тренировочных бомбовых рейдов они никогда не приближались к цели на высоте меньше двухсот - чаще трехсот - футов, потому что даже в равнинном Канзасе на фермах стоят ветряные мельницы и у людей странная привычка строить радиомачты в самых неожиданных местах, но не в море. Здесь они летели на высоте пятьдесят футов, с трепетом доверив управление самолетами автоматическим системам, ведущим бомбардировщики в соответствии с профилем местности. Группа из восьми Б-1 летела прямо на юг, сделав поворот у мыса Дондра. Остальные четыре самолета направлялись на северо-запад после пролета у другого навигационного ориентира. Впереди ощущалась большая радиолокационная активность, что заставляло командира группы нервничать, хотя до сих пор еще никто не сумел их обнаружить, и он отдался восторгу полета на боевом самолете при скорости, превышающей звуковую, причем на такой высоте, что позади бомбардировщика оставался необычный инверсионный след, больше похожий на кильватерную струю гоночного катера с двигателем неограниченной мощности, вслед за которой, всплывет вареная рыба...

Вот, наконец.

- С севера на бреющем полете приближаются самолеты!
- Что? - Адмирал поднял голову. - Расстояние?
- Меньше двадцати километров, летят с огромной скоростью!
- Может быть, ракеты?
- Не знаю, адмирал!

Чандраскатта снова посмотрел на прокладочный планшет. Да, вот они, с противоположной стороны по отношению к американским авианосцам. Его истребители не смогут противостоять...

- Самолеты! - послышался возглас впередсмотрящего.
- Открыть огонь? - спросил капитан первого ранга Мехта.
- Что? Без согласования? - Чандраскатта бросился к двери и выбежал на летную палубу как раз в тот момент, когда белые полосы на морской поверхности бросились в глаза даже раньше, чем оставлявшие их бомбардировщики.

- Набираем высоту, - произнес пилот, нацеливаясь прямо на остров авианосца. Он потянул штурвал на себя и, когда мостик промелькнул под самолетом, взглянул на высотомер.

- Наберите высоту! - предупредил его весьма сексуально звучащий женский голос звуковой индикации автопилота.

- Уже набрал, Мэрилин. - Для пилота авиакомпании Ти-даб-лю-эй этот голос почему-то ассоциировался с именем Мэрилин. Затем он посмотрел на указатель скорости. Девятьсот узлов. Господи, какой звуковой удар произведет такая машина...

Грохот преодоленного огромным бомбардировщиком звукового барьера походил на разрыв бомбы. Он сбил с ног индийского адмирала, с надстроек посыпались стекла, вышла из строя установленная наверху аппаратура. Через несколько секунд прогрехотал еще один, затем еще - гигантские бомбардировщики мчались над самыми мачтами его соединения. Чандраскатта с трудом встал и направился, покачиваясь и ступая по скрипящим под ногами осколкам стекла, в боевую рубку.

- Два радиолокатора вышли из строя, - услышал он голос старшины, докладывающего о причиненных повреждениях. - С "Раджпуты" сообщают, что повреждены пусковые установки зенитных ракет.

- Это вас, адмирал, - обратился к нему лейтенант-связист, протягивая трубку телефона.

- Кто это? - спросил Чандраскатта.

- Говорит Майк Дюбро. В следующий раз будем действовать всерьез. Мне поручили передать вам, что в настоящий момент посол США встречается с вашим премьер-министром...

* * *

- Будет намного лучше для всех заинтересованных сторон, если ваш флот прекратит готовящуюся операцию, - произнес бывший губернатор Пенсильвании после обычного обмена любезностями.

- Вы не имеете права приказывать нам.

- Это не приказ, госпожа премьер-министр, я просто высказал нашу точку зрения. Кроме того, мне поручено передать вам, что мое правительство обратилось с просьбой о созыве чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН для обсуждения вашего предполагаемого намерения оккупировать Шри-Ланку. Мы предложим Совету Безопасности воспользоваться Военно-морскими силами США для защиты суверенитета этого островного государства. Прошу извинить меня за прямоту, но моя страна не считает нормальным, когда суверенитет одного государства нарушается другим. Как я уже сказал, в интересах наших стран не допустить вооруженного конфликта.

- У нас никогда не было таких намерений, - заявила премьер-министр Индии, захваченная врасплох прямотой второго заявления, после того как она не обратила внимания на первое.

- Тогда мы с вами придерживаемся одинаковой точки зрения, - с улыбкой кивнул посол Уильямс. - Я немедленно сообщу об этом своему правительству.

Казалось, прошла целая вечность, но на самом деле чуть более получаса, прежде чем первая торпеда, затем и вторая прекратили кружить в морской глубине, а потом стихли и сигналы их гидролокаторов. Ни одна из японских

торпед не нашла ПШИДД достаточно крупной целью для атаки, но, по их мнению, в этом районе не было никакой другой цели.

- Какова сила радиолокационного сигнала этого Р-3? - спросил Клаггетт.

- Приближается к уровню, когда он способен обнаружить нас, сэр.

- Дайте команду на погружение, мистер Шоу. Опустимся под слой термоклина и уйдем отсюда.

- Слушаюсь, капитан. - Шоу отдал необходимые распоряжения.

Две минуты спустя подводная лодка США "Теннесси" погрузилась, а еще через пять минут на глубине шестьсот футов повернула и поплыла на северо-восток со скоростью десять узлов. Вскоре после этого слышались всплески за кормой - по-видимому, сбрасывали акустические буи. Однако требуется немало времени, чтобы противолодочный самолет Р-3 собрал достаточно данных для начала атаки, а "Теннесси" совсем не собиралась задерживаться в этом районе.

47. Метлы

- Значит, не с грохотом, а со стоном? - спросил президент.

- Вот именно, - ответил Райан, кладя телефонную трубку. Судя по спутниковым фотографиям, вдобавок к потерям, понесенным японцами в воздушном бою, еще четырнадцать истребителей погибли от взрывов бомбочек, сброшенных на дорожки аэродромов ракетами "томагавк". Главные поисковые радиолокаторы уничтожены, и японцы расстреляли большое число зенитных ракет "пэтриот". Было ясно, что следующим шагом станет полная изоляция островов, морская и воздушная блокада, что можно осуществить до конца недели. Если возникнет нужда в блокаде, то пресс-релиз, объясняющий ее необходимость, уже готовился и может быть быстро распространен в средствах массовой информации.

- Мы победили, - заметил советник по национальной безопасности. - Осталось только убедить в этом противную сторону.

- Ты хорошо поработал, Джек, - сказал Дарлинг.

- Сэр, если бы я должным образом выполнял свои обязанности, такая ситуация не возникла бы вообще, - ответил Райан после непродолжительного молчания. Он вспомнил, как начал готовиться к этому... примерно с недельным опозданием. Проклятие.

Ну что ж, похоже, с Индией вопрос улажен, судя по телеграмме, только что полученной от Дейва Уильямса. - Президент сделал паузу. - А что с этим?

- Прежде всего нам нужно позаботиться о прекращении боевых действий.

- А потом?

- Мы предложим им почетный выход из создавшегося положения. - Джек объяснил, что он имеет в виду, и с удовлетворением увидел, что босс согласен с ним.

Есть еще одна проблема, подумал Дарлинг, но промолчал. Нужно время, чтобы принять решение по этому вопросу. Пока достаточно того, что Америка побеждает, и в результате он будет переизбран на основании того, что спас экономику страны и защитил права американских граждан. Это был месяц, полный волнений, подумал президент, глядя на сидящего напротив человека и пытаясь решить, как обернулось бы все без него. После того как Райан ушел, он

позвонил на Капитолийский холм.

Еще одним преимуществом самолетов с мощными радарам на борту явилось то, что с их помощью намного легче было подвести итоги. На радиолокационных экранах АВАКСов не было видно, чья ракета сбила вражеский самолет, но не приходилось сомневаться в его гибели, когда он исчезал с дисплея.

- "Порт-Ройял" докладывает, что все вертолеты благополучно совершили посадку, - сообщил связист.

- Спасибо, - ответил Джексон. Он надеялся, что армейские пилоты не будут разочарованы тем, что им пришлось садиться на палубу крейсера вместо "Джонни Реба", но ему требовалось как можно больше пространства для своих истребителей.

- Я насчитал двадцать семь сбитых японских самолетов, - сказал Санчес. Из его истребителей было сбито три, причем удалось спасти только одного пилота. Потери были меньше предполагаемых, хотя это ничуть не облегчило задачу командира авиакрыла, которому придется писать письма соболезнования семьям погибших летчиков.

- Что ж, это не голубиная охота, но не так уж и плохо. Еще четырнадцать придется на долю "томагавков". Таким образом, уничтожена примерно половина их истребителей - главным образом японских F-15, и у них остался всего один "хаммер". Отныне они в безвыходном положении. - Затем командующий боевой авианосной группы обсудил другие вопросы. Торпедирован японский эсминец, а остальные корабли типа "иджис" находятся слишком далеко, чтобы оказать сопротивление. Потоплено не меньше восьми подводных лодок. Общая оперативная концепция боевых действий заключалась в том, чтобы сначала отделить руки от тела, как в Персидском заливе, и осуществить это над морем оказалось даже легче, чем над сушей. - Бад, если бы ты командовал их вооруженными силами, что бы ты предпринял дальше?

- Мы по-прежнему не можем высадить войска. - Санчес задумался. - Они проиграют в любом случае, но в прошлый раз, когда мы сделали это здесь... - Он посмотрел на командующего.

- Согласен. Вот что, Бад, приготовь к полету "тома". Я полечу с тобой.

- Слушаюсь, сэр. - Санчес встал и вышел из каюты.

- Неужели вы хотите... - Капитан "Стенниса" вопросительно поднял брови.

- Что мы можем потерять от такого шага, Фил?

- Очень хорошего адмирала, Роб, - негромко ответил капитан.

- У тебя есть радио на этой барже? - с улыбкой спросил Джексон.

- Где вы были? - удивленно спросил Гото.

- Скрывался, после того как ваш патрон похитил меня. - Кога вошел в кабинет, даже не предупредив о своем приезде, сел в кресло, не ожидая приглашения, и вообще вел себя бесцеремонно, явно демонстрируя вновь обретенную им власть.

- Как можете вы объяснить действия вашего правительства? - спросил бывший премьер-министр у своего преемника.

- Вы не имеете права так говорить со мной! - огрызнулся Гото, но даже эти слова прозвучали неуверенно.

- Великолепно. Вы поставили нашу страну на грань катастрофы, однако настаиваете, чтобы тот, кого ваш хозяин едва не убил, почтительно разговаривал с вами. Вы знали об этом? - На лице Коги появилась улыбка.

- Нет, разумеется - а кто убил...

- Преступников? Не я, - заверил его Кога. - Но перед нами стоит сейчас более важный вопрос: что вы собираетесь предпринять?

- Я еще не принял решения. - Эта попытка перехватить инициативу вызвала у Коги всего лишь усмешку.

- Значит, вы еще не говорили с Яматой.

- Я сам принимаю решения!

- Отлично. Тогда принимайте.

- Вы не можете здесь распоряжаться.

- Почему? Скоро я займу это кресло. Вы можете выбирать: или уйдете в отставку сегодня утром, или днем я выступлю в парламенте и потребую голосования о недоверии вашему правительству. Правительство рухнет. В любом случае ваша политическая карьера кончена. - Кога встал и направился к двери.

- Советую уйти, сохранив свою честь.

Сато, проходивший мимо в сопровождении военного эскорта, видел в терминале аэропорта длинные очереди людей, стремящихся купить билеты для возвращения домой. Военный эскорт возглавлял молодой лейтенант воздушно-десантных войск, все еще готовый воевать, чего явно нельзя было сказать о людях, заполнивших здание аэропорта. У входа стоял джип, сразу рванувшийся вперед, к военному аэродрому, как только Сато и сопровождающие его солдаты заняли места. Местные жители стояли теперь на тротуарах - не то что раньше - с плакатами, требующими, чтобы "япошки" убивались домой. Расстрелять бы их за такую наглость, подумал Сато, испытывая страшную горечь утраты. Через десять минут он вошел в один из ангаров Коблер-Филда. Над аэродромом кружили истребители, которые боялись, подумал Сато, удаляться от берега.

- Сюда, пожалуйста, - сказал лейтенант.

Сато шел со сдержанным достоинством, держа на согнутой левой руке форменную фуражку, выпрямившись, не глядя по сторонам. Наконец лейтенант остановился и поднял резиновый лист, закрывавший тело.

- Да, это мой сын. - Сато посмотрел на лицо, к счастью оставшееся не изуродованным благодаря летному шлему, тогда как тело было трудно узнать, потому что оно обгорело в пламени, охватившем взорвавшийся истребитель. Когда капитан закрыл глаза, его внутреннему взору представилось страшное зрелище - его единственный сын корчился в пылающем кокпите - и это меньше чем через час после того, как в море погиб брат. Неужели судьба может быть настолько жестокой? И почему те, кто так преданно служили своей стране, погибли, тогда как авиалайнер с гражданскими пассажирами на борту нетронутым пролетел мимо американских истребителей?

- Командир эскадрильи видел, что ваш сын сбил американский истребитель, до того как вернулся на Сайпан, - произнес лейтенант. Он только что придумал это, но ведь нужно сказать что-то, правда?

- Благодарю вас, лейтенант. Сейчас мне нужно вернуться на свой самолет.

- На обратном пути все хранили молчание. Армейский офицер оставил капитана авиалайнера наедине с его горем и его достоинством.

Через двадцать минут Сато поднялся в кабину. Его 747-й был уже заправлен, второй пилот провел проверку приборов перед вылетом в Японию, а салоны уже заполнили люди, возвращающиеся домой. Их безопасное возвращение было гарантировано американцами. Трактор отбуксировал "боинг" к взлетной дорожке. За его рулем сидел местный житель, и жест, который он сделал в сторону кокпита, был наглым и вызывающим. Однако Сато почувствовал, что окончательно оскорблен, когда, ожидая разрешения на взлет, увидел, как совершает посадку истребитель. Это был не синий "игл", а голубовато-серый самолет с надписью "ВМС США" на кожухе двигателей.

- Мастерское приземление, Бад. Пытаешься польстить начальству, - заметил Джексон, когда поднялся фонарь кабины.

- Стараемся угодить, - ответил Санчес, не скрывая беспокойства. В конце правой рулежной дорожки их ждала группа японских военных в маскировочных комбинезонах и с автоматами в руках. Как только истребитель остановился, к кабине приставили алюминиевую лестницу. Первым спустился Джексон, и подошедший офицер четко отсалютовал ему.

- Смотрите, это "томкэт", - заметил Ореза, передавая

Кларку бинокль. - И офицер, спустившийся из кабины, точно не японец.

- Действительно, - согласился Джон, наблюдая за тем, как чернокожий офицер сел в подъехавший джип. Как это скажется на полученных им указаниях? Как ни приятно казалось захватить Райзо Ямату, трудно будет даже приблизиться к нему, чтобы оценить эту возможность, - такими были полученные им инструкции. Ему было также поручено сообщать о ситуации на Сайпане, а вот здесь все обстояло, подумал он, благополучно. Встреченные им на улице японские солдаты не проявляли никакой бодрости или желания сражаться, хотя некоторые офицеры, особенно младшие, стремились выполнить свой долг, каким бы он ни был в настоящий момент. Впрочем, этого следует ожидать от лейтенантов во всех армиях.

Резиденция губернатора, расположенная на местном Капитолийском холме рядом с центром, построенным для международных конференций, представляла собой привлекательное строение. Джексон, подъезжая к нему в джипе, уже обливался потом. С безоблачного неба светило жаркое солнце, и номекс, из которого был сделан летный комбинезон, обладал слишком хорошими изоляционными свойствами. У входа в резиденцию Джексона встретил полковник, проводивший его внутрь.

Робби знал генерала Ариму в лицо по его досье, которое видел в Пентагоне. Он заметил, что они примерно одного роста и телосложения. Генерал встал и отсалютовал ему. Джексон без головного убора и в помещении не имел права ответить ему тем же. К тому же в данных обстоятельствах делать этого не следовало. Вместо воинского приветствия он вежливо кивнул.

- Генерал, мы могли бы поговорить с глазу на глаз? Арима проводил Джексона в комнату, походившую одновременно на уютный кабинет и рабочий

офис. Робби сел, и генерал протянул ему стакан ледяной воды.

- Вы являетесь?..

- Я занимаю должность командующего боевой группы семьдесят семь.

Насколько мне известно, вы командуете японскими войсками на Сайпане. - Робби осушил стакан. Ему было неприятно, что он так потеет, но тут уж ничего не поделаешь.

- Совершенно верно.

- В таком случае, сэр, я прилетел сюда, чтобы предложить вам сдаться. -

Джексон надеялся, что японский генерал знаком с семантической разницей между словами "предложить" и "требовать", что надлежало бы произнести в данной ситуации.

- У меня нет таких полномочий.

- Генерал, то, что я собираюсь предложить вам, является позицией моего правительства. Вы сможете беспрепятственно покинуть остров, захватив с собой легкое вооружение. Тяжелое снаряжение и самолеты останутся здесь и станут предметом дальнейших переговоров. В настоящий момент мы требуем, чтобы все граждане Японии покинули остров на период восстановления нормальных отношений между нашими странами.

- У меня нет полномочий...

- Через два часа я передам такое же предложение командующему японскими войсками на Гуаме, а американский посол в Токио обратился к вашему премьер-министру с просьбой о срочной встрече.

- У вас недостаточно сил, чтобы захватить даже один этот остров, не говоря обо всех.

- Вы правы, - согласился Джексон. - С другой стороны, мы без труда можем помешать всем судам входить в японские порты и покидать их в течение неограниченного времени. Мы можем также изолировать и ваш остров, перерезав пути морского и воздушного сообщения.

- Вы угрожаете нам, - заметил Арима.

- Совершенно верно, сэр, угрожаем. Пройдет время, и в вашей стране начнется голод. Экономика полностью остановится. Это никому не пойдет на пользу. - Джексон сделал паузу. - До настоящего времени потери несли только вооруженные силы. Нам платят за то, что мы подвергаем опасности свою жизнь. Если не будет найден выход из создавшейся ситуации, в тяжелом положении окажутся все, но ваша страна пострадает больше других. Кроме того, обе стороны начнут испытывать ожесточение по отношению друг к другу, тогда как мы предлагаем восстановить нормальные отношения как можно быстрее, насколько это позволят обстоятельства.

- У меня нет полномочий...

- Генерал, вы могли говорить это пятьдесят лет назад, и в соответствии со своими традициями ваши войска сражались до последнего человека. Традиции японских вооруженных сил в то время позволяли вам обращаться с населением оккупированных стран с жестокостью, которую вы сами считаете варварской - я говорю это, потому что до сих пор ваши войска вели себя на Марианских островах цивилизованно во всех отношениях. По крайней мере у меня имеется такая информация. Мы благодарны вам за это, - спокойно и вежливо продолжал Джексон. - Но сейчас не сороковые годы. Я родился уже после конца войны, а

вы были тогда младенцем. То, что происходило раньше, осталось в прошлом. Подобное поведение невозможно в современном мире.

- Мои войска вели себя достойно, - согласился Арима, не зная, что еще сказать при таких обстоятельствах.

- Человеческая жизнь бесценна, генерал Арима, она слишком дорога, чтобы понапрасну растрачивать ее. Мы ограничили свои цели только теми объектами, которые были важными с военной точки зрения. Как и вы, до сих пор мы не причиняли зла гражданскому населению. Но если война будет продолжаться, ситуация изменится, и последствия для вас будут куда более тяжелыми. Это не прибавит достоинства ни одной из сторон. Как бы то ни было, сейчас я должен лететь на Гуам. Вы можете связаться со мной по радио. - Джексон встал.

- Я должен получить приказ от своего правительства.

- Мне это понятно, - ответил Робби, испытывая удовлетворение от того, что Арима согласен выполнить приказ правительства - любого правительства Японии.

Обычно, когда Эл Трент приходил в Белый дом, его сопровождал Сэм Феллоуз, возглавлявший группу оппозиционных членов Специального комитета Конгресса, но не на этот раз, именно потому, что Феллоуз принадлежал к оппозиции. В Белом доме присутствовал также представитель руководства партии Трента в Сенате. Время назначенной встречи с президентом означало, что она будет носить политический характер, - большинство персонала Белого дома уже ушло и президент позволил себе чуть расслабиться от напряжения, испытываемого днем.

- Насколько я понимаю, господин президент, пока все идет хорошо?

Дарлинг кивнул.

- Премьер-министр Гото еще не смог встретиться с нашим послом. Причина нам неизвестна, однако посол Уайтинг сообщает, что оснований для беспокойства нет. Настроение японской общественности быстро меняется в нашу пользу.

Трент взял коктейль с подноса у стюарда - сержанта ВМС, который принес его в Овальный кабинет. Должно быть, обслуживающий персонал Белого дома держит наготове список любимых напитков наиболее важных гостей президента. В данном случае Элу была предложена шведская водка "Абсолют" с тоником - эта привычка укрепилась у него сорок лет назад, когда он был студентом университета Тафта.

- Джек все время утверждал, что японцы не отдадут себе отчета в том, во что они ввязались.

- Умный парень, этот Райан, - согласно кивнул старший сенатор. - Он сделал для тебя немало полезного, Роджер. - Трент с раздражением заметил, что этот упрямый член "верхней палаты", как он любил называть Сенат, считает, что имеет право при неофициальных встречах говорить президенту "ты" и называть по имени. Типичный сенатор, подумал конгрессмен.

- Боб Фаулер дал вам хороший совет, - произнес Трент.

Президент кивнул.

- Верно, и это ты постоянно говорил мне о Райане, правда, Эл?

- Признаю себя виновным в этом. - Это заявление вызвало улыбку.

- Ну так вот, у меня возникла мысль, и мне хотелось бы выяснить, как вы к ней отнесетесь, - сказал Дарлинг.

Отделение рейнджеров капитана Чеки добралось до последней опушки на краю леса вскоре после полудня по местному времени, закончив смертельно изматывающий переход по снегу и размокшей земле. Внизу виднелась узкая дорога. Эта часть города, подумал Чека, является, по-видимому, чем-то вроде летнего курорта. Площадки для стоянки автомобилей у местного отеля были пустыми, хотя на одной стоял микроавтобус. Капитан достал из кармана телефон сотовой связи и нажал кнопку быстрого набора номера.

- Алло?

- Сеньор Номури?

- А-а, Диего! Я жду тебя с самого утра! Ну, как прогулялись на лоне природы? - послышался смехок.

Чека приготовился ответить, но в этот момент фары микроавтобуса дважды мигнули. Через десять минут рейнджеры разместились внутри. Там их ждал горячий кофе и они смогли переодеться. Спускаясь вниз по крутой горной дороге, оперативник ЦРУ прислушивался к включенному радиоприемнику, и рейнджеры обратили внимание на то, как успокаивается его лицо. Прошло некоторое время, прежде чем рейнджеры смогли последовать его примеру.

Капитан Сато совершил еще одну образцовую посадку в международном аэропорту Нарита, недалеко от Токио, причем проделал это совершенно автоматически, не задумываясь над своими движениями, даже не услышав поздравления второго пилота, когда авиалайнер катился к зданию терминала. Совершенно спокойный внешне, пилот испытывал полную пустоту внутри и двигался, словно робот. Второй пилот не вмешивался, надеясь, что привычная операция посадки самолета каким-то образом утешит его капитана. У него на глазах Сато вырулил к вытянувшемуся пассажирскому коридору и снова остановил авиалайнер у входа в него с точностью до миллиметра. Меньше чем через минуту двери открылись, и пассажиры начали покидать самолет. В окнах терминала виднелись лица... главным образом жен и детей, встречающих мужчин, совсем недавно улетевших на Сайпан, чтобы стать гражданами этого острова и проголосовать за его присоединение к Японии. Но это в прошлом. Теперь они спешили вернуться домой, и семьи встречали их, словно им угрожала раньше серьезная опасность, а теперь они опять оказались там, где им и надлежит находиться. Второй пилот недоуменно покачал головой, удивляясь абсурдности ситуации и, даже не заметив, что лицо Сато, словно высеченное из камня, ничуть не изменилось. Через десять минут экипаж покинул самолет. Пройдет несколько часов, и запасной экипаж поведет его на Сайпан, чтобы продолжить исход японских граждан.

Внутри терминала они увидели пассажиров, в нервном ожидании выстроившихся для посадки на другие рейсы, многие из них уткнулись в вечерние газеты, только что доставленные в киоски аэропорта.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОТО ПАЛО, гласили крупные заголовки, КОГА ФОРМИРУЕТ НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

У ворот на международные рейсы пассажиров было меньше обычного.

Европейские бизнесмены продолжали покидать Японию, но теперь они с любопытством смотрели по сторонам, часто с улыбками поглядывая на японцев, прилетевших с Сайпана. Их мысли были очевидными, особенно у тех, кто вылетали на восток, возвращаясь в Америку.

Сато тоже обратил на это внимание. Он остановился, посмотрел на автомат, в котором лежали вечерние газеты, но ему было достаточно прочитать один заголовок, чтобы понять смысл происшедшего. Затем он перевел взгляд на иностранцев, ожидающих объявления о начале посадки, и пробормотал: "Гайджин..." Это было единственным словом, не относящимся к управлению самолетом, произнесенным им за последние два часа. Сато повернулся и молча пошел к своему автомобилю. Может быть, он поспит и успокоится, подумал второй пилот, садясь в свою машину.

- Разве мы не должны вернуться обратно и...

- Зачем, Динг? - пожал плечами Кларк, опуская в карман ключи после тридцатиминутной поездки по южной части острова. - Иногда лучше дать событиям развиваться самим по себе. Мне кажется, сынок, сейчас дело обстоит именно так.

- По-твоему все кончилось? - спросил Пит Барроуз.

- А ты посмотри по сторонам.

Истребители продолжали кружить над островом. Только что закончили убирать обломки с аэродрома Коблер-Филд, однако военные самолеты не переместились в гражданский аэропорт, дорожки которого были заняты пассажирскими авиалайнерами. Батареи "пэтриот" к востоку от жилого района продолжали нести боевое дежурство, но солдаты, не занятые в фургонах управления, стояли вокруг маленькими группами и разговаривали, вместо того чтобы заниматься приготовлениями к отражению возможной атаки. Местные жители проводили шумные демонстрации в различных частях острова, и никто их не разгонял и не арестовывал. В некоторых случаях японские офицеры в сопровождении вооруженных солдат вежливо просили демонстрантов не приближаться к военным объектам, и местное население благоразумно прислушивалось к их предупреждениям. Во время поездки по острову Кларк и Чавез стали свидетелями нескольких инцидентов, и во всех случаях ситуация была одинаковой: солдаты казались не столько озлобленными происходящим, сколько испытывали смущение. Все это отнюдь не походило на поведение войск, готовящихся вступить в бой, подумал Джон, но еще более важным было то, что офицеры удерживали солдат, не давая им переступить рамки дозволенного. Причина этого была очевидной: наверняка сверху поступил строгий приказ держать ситуацию под контролем.

- Значит, конфликт исчерпан? - спросил Ореза.

- Если не случится ничего непредвиденного, Португалец.

Закончив формирование правительства, премьер-министр Кога сразу пригласил американского посла Чарлза Уайтинга. Назначенный на этот пост по политическим соображениям, Уайтинг пережил четыре тревожных недели, полных напряжения и опасности. Он сразу заметил, что охрана вокруг здания посольства США сократилась наполовину. Посольский автомобиль по пути к

зданию японского парламента сопровождал полицейский эскорт. Когда он прибыл ко входу для почетных посетителей, там его ждала толпа фотокорреспондентов и тележурналистов, но их не подпускали близко. Посла встретили два только что назначенных министра и проводили внутрь здания.

- Спасибо, господин Уайтинг, что вы смогли так быстро приехать.

- Господин премьер-министр, я искренне благодарен вам за приглашение. - Они обменялись рукопожатиями, и это, понимали оба, ознаменовало конец напряженных отношений между их странами, хотя предстояло обсудить множество проблем.

- Надеюсь, вы понимаете, что я не имел никакого отношения к происшедшему... Уайтинг поднял руку.

- Извините меня, сэр. Да, я знаю это и хочу вас заверить, что такой же точки зрения придерживается и мое правительство. Нам не нужно говорить о доброй воле каждой из сторон. Наша встреча, - закончил посол, - наглядное доказательство этого.

- Итак, какова позиция вашего правительства?

Ровно в девять утра лимузин вице-президента Эдварда Келти въехал в подземный гараж Государственного департамента. Агенты Секретной службы провели вице-президента к лифту для почетных посетителей, который поднял его на седьмой этаж. Там его встретил один из личных помощников Бретта Хансона и проводил к двойным дверям кабинета государственного секретаря.

- Привет, Эд, - произнес Хансон, вставая из-за стола и направляясь навстречу человеку, которого он знал на протяжении двух десятков лет как на правительственной службе, так и вне ее.

- Здравствуй, Бретт. - На лице Келти не было заметно печали. За последние недели он многое понял и примирился со случившимся. Сегодня вечером он сделает заявление, в котором принесет публичные извинения Барбаре Линдерс и еще нескольким женщинам, называя их по имени. Однако прежде Келти должен сделать то, чего требует от него Конституция США. Он достал из кармана конверт и вручил его государственному секретарю. Хансон вынул из конверта лист бумаги и прочитал два коротких параграфа, в которых Келти сообщал о своей отставке с поста вице-президента Соединенных Штатов. Произносить что-нибудь вслух не требовалось. Два старых друга обменялись прощальным рукопожатием, и Келти направился к выходу из Государственного департамента. Отсюда он вернется в Белый дом, где секретари и помощники собирали его личные бумаги и вещи. К вечеру кабинет будет готов для преемника Келти на этом посту.

- Джек, Чак Уайтинг передает сейчас наши условия урегулирования конфликта, и они практически ничем не отличаются от тех, что ты предложил вчера вечером.

- У вас могут возникнуть из-за этого политические неприятности, - заметил Райан, испытывая облегчение от того, что президент Дарлинг принял решение пойти на такой риск.

Человек, сидевший за огромным резным столом, покачал головой.

- Не думаю, но если такое случится, я сумею выдержать. Нужно, чтобы в

войска был немедленно передан мой приказ прекратить активные действия и применять оружие только для самообороны.

- Отлично.

- Пройдет немало времени, прежде чем восстановятся прежние нормальные отношения. Джек кивнул.

- Это верно, сэр, но мы постараемся сделать все возможное, чтобы этот процесс проходил как можно более цивилизованно. Граждане Японии никогда не поддерживали подобной авантюры.

Почти все несущие ответственность за нее уже погибли. Нам следует это подчеркнуть. Вы считаете, что я должен заняться этим?

- Хорошая мысль. Давай поговорим об этом сегодня вечером. Может быть, ты пригласишь жену к нам на ужин? Чисто дружески, для разнообразия, - с улыбкой предложил президент.

- Думаю, Кэти это будет приятно.

Профессор Кэролайн Райан заканчивала операцию. Обстановка в операционной чем-то походила на сборочный цех электронных приборов. Ей даже не нужно было надевать хирургические перчатки, а процедура мытья рук заметно отличалась от той, что существовала при обычных операциях. Вместо анестезии использовалось всего лишь легкое успокоительное, а хирург смотрела в объектив лазера, напоминающего оптический прицел, разыскивая последний поврежденный кровеносный сосуд на поверхности сетчатки глаза пожилого пациента. Она навела перекрестие с тщательностью охотника, прицеливающегося в горного козла на склоне Скалистых гор с расстояния в полмили, и нажала на кнопку. Сверкнула мгновенная зеленая вспышка, и кровеносный сосуд был "заварен".

- Мистер Рединг, я закончила, - негромко произнесла женщина, прикоснувшись к плечу пациента.

- Спасибо, доктор, - сонным голосом пробормотал мужчина. Кэти Райан выключила лазерную установку, встала с высокого табурета и потянулась. За процедурой операции следила из угла помещения специальный агент Андреа Прайс, одетая в медицинский халат персонала больницы Хопкинса. Обе женщины вышли из операционной и наткнулись на профессора Бернарда Катца, который смотрел на них с широкой улыбкой под усами, делавшими его похожим на Бисмарка.

- Как дела, Берни? - рассеянно спросила Кэти, делая пометки для больничной карты мистера Рединга.

- У тебя есть свободное место на каминной доске, Кэт? - Тут уж она оторвала взгляд от блокнота. Катц вручил ей телеграмму, что по-прежнему оставалось традиционным методом передачи таких новостей. - Ты только что удостоена премии Ласкера, дорогуша. - С этими словами Катц заключил ее в такие объятия, что Андреа Прайс едва не выхватила свой пистолет.

- О, Берни!

- Вы заслужили это, доктор. Кто знает, может быть вам еще доведется и в Стокгольм съездить бесплатно. Десять лет работы. Это чертовски важный прорыв в медицине, Кэти.

Вокруг собрались и другие сотрудники больницы, аплодируя и пожимая ей

руки. Для Кэролайн Мюллер Райан, доктора медицины и члена Американской офтальмологической ассоциации, такой момент мог сравниться только с рождением ребенка. Ну, подумала она, почти...

Специальный агент Прайс услышала гудки пейджера у себя на поясе, подошла к ближайшему телефону, записала сообщение и вернулась к своей подопечной.

- Что, это действительно настолько важно? - спросила она наконец.

- Премия Ласкера считается самой престижной американской наградой в области медицины, - объяснил Катц, пока Кэти купалась в лучах славы и на нее с уважением взирали коллеги по работе. - Красивая маленькая статуэтка греческой крылатой Ники Самофракийской, по-моему, богини Победы. И чек на приличную сумму. Но самое главное состоит в том, что медицинская наука признала величину твоего вклада. Она действительно великолепный врач.

- Ну что ж, тогда это очень удачное совпадение. Я отвезу ее домой, чтобы она успела переодеться, - заметила Прайс.

- Зачем?

- Ужин в Белом доме, - подмигнула она. - Ее муж тоже отлично потруился. - Насколько успешными были усилия Райана, останется тайной для всех - но не для агентов Секретной службы, для которых не существует секретов.

- Посол Уайтинг, я приношу вам, вашему правительству и всему американскому народу глубокие извинения за случившееся. Даю слово, что такого впредь не произойдет. Хочу также дать слово, что люди, ответственные за это, понесут суровое наказание в соответствии с нашими законами, - закончил Кога с искренним, хотя и неловким достоинством.

- Господин премьер-министр, вашего слова достаточно для меня и для моего правительства. Мы приложим все силы, чтобы восстановить наши добрые отношения, - пообещал посол, глубоко тронутый искренностью Коги и одновременно жалея, как и многие другие, о том, что всего шесть недель назад Америка нанесла этому человеку столь тяжелый удар. - Я немедленно передам ваши пожелания своему правительству. Обещаю, что реакция Америки будет в высшей степени благоприятной.

- Мне нужна ваша помощь, - настойчиво повторил Ямата.

- В чем она будет заключаться? - Чтобы отыскать Чанг Хансана, японскому промышленнику понадобился почти целый день, и вот теперь голос китайца был таким же холодным, как и его имя.

- Я могу вызвать сюда свой реактивный самолет и вылететь прямо...

- На это могут посмотреть как на недружественный акт в отношениях между нашими странами. Нет, к сожалению, мое правительство не может согласиться с этим. - Идиот, подумал китаец. Неужели он не понимает, какова цена неудачи?

- Но ведь мы... мы союзники!

- Союзники? В чем? - удивленно спросил Хуанг. - Вы - бизнесмен. Я - государственный деятель.

Разговор мог бы продолжаться так же бессмысленно еще некоторое время, но дверь в кабинет Яматы распахнулась, и в сопровождении двух офицеров вошел

генерал Токикичи Арима.

- Мне нужно поговорить с вами, Ямата-сан, - бесстрастно произнес генерал.

- Я перезвоню позже, - сказал промышленник и положил трубку. Он не знал, что его собеседник на другом конце провода дал указание своим подчиненным не соединять его впредь с Яматой. Впрочем, это все равно не имело бы значения.

- Слушаю. В чем дело? - бросил Ямата ледяным тоном. Ответ был таким же холодным.

- Мне приказано арестовать вас.

- Кем? - Лично премьер-министром Когой.

- По какому обвинению?

- Государственная измена.

Ямата с трудом перевел дыхание. Он посмотрел на офицеров, стоявших теперь по обе стороны от генерала. В их глазах он не увидел сочувствия. Значит, все кончено. Этим роботам дали приказ, но они не в состоянии понять побудившие его мотивы. Однако у них осталось, может быть, понятие чести.

- С вашего разрешения мне хотелось бы побыть несколько секунд одному. - Смысл такой просьбы был очевиден.

- Мне приказано доставить вас в Токио живым, - ответил Арима.

- Но...

- Извините, Ямата-сан, но вам не удастся таким образом уйти от наказания. - Генерал сделал жест, офицеры подошли к Ямате и защелкнули на его кистях наручники.

- Токикичи, ты не можешь...

- Это мой долг. - Генералу было больно лишиться своего... - друга? - возможности уйти из жизни с достоинством. Впрочем, разве они друзья? Нет. Но, даже несмотря на это, Арима чувствовал боль из-за того, что промышленнику не будет предоставлено право на искупление своих ошибок. Однако приказ премьер-министра был недвусмысленным и четким. Ямату вывели из дома и доставили в полицейский участок рядом с официальной резиденцией генерала, которую он скоро покинет. Теперь в камере с промышленником будут постоянно находиться два офицера, чтобы не допустить попытки самоубийства.

Когда зазвонил телефон, всех изумило, что это был именно телефон, а не спутниковый аппарат Барроуза. Изабель Ореза подняла трубку, полагая, что ей звонят с работы. Затем она повернулась и сказала:

- Это вас, мистер Кларк.

- Спасибо. - Он взял трубку. - Слушаю.

- Джон, это Мэри-Пэт. Операция закончена. Возвращайся.

- Сохранять легенду?

- Да. Ты хорошо потрудился, Джон. Передай Дингу то же самое. - Раздался гудок прерванной связи. Заместитель директора ЦРУ по оперативной работе самым серьезным образом нарушила правила безопасности, но на разговор потребовалось всего несколько секунд. Кроме того, звонок по обычному телефонному каналу показался Джону более официальным, чем по закрытой линии связи.

- Что случилось? - спросил Португалец.
- Нас отзывают домой.
- Ты серьезно? - недоверчиво спросил Динг. Кларк передал ему трубку.
- Позвони в аэропорт, скажи, что мы аккредитованные журналисты, и нам, может быть, предоставят места вне очереди. - Он повернулся к Орезу. - Португалец, окажи мне услугу - забудь, что встречался со мной, а?

Команду восприняли с радостью, хотя и не без удивления. "Теннесси" немедленно взяла курс на восток и увеличила скорость до пятнадцати узлов, оставаясь на большой глубине. В кают-компании собравшиеся офицеры продолжали разыгрывать своего армейского гостя, чем, впрочем, занимались и матросы в кубриках, подшучивая над солдатами.

- Теперь нам нужна метла, - произнес старший механик после глубокого раздумья.

- Разве у нас на борту нет метлы? - спросил лейтенант Шоу.

- Каждой подводной лодке выдается метла, мистер Шоу. Вы плаваете достаточно долго, чтобы знать об этом, - незаметно подмигнул ему капитан третьего ранга Клаггетт.

- О чем это вы говорите, парни? - недоуменно поинтересовался армейский лейтенант. Он никак не мог понять, говорят офицеры всерьез или шутят.

- Мы выпустили две торпеды, и каждая потопила вражескую подводную лодку, - объяснил механик. - Это означает, что мы начисто вымели море, а потому должны войти в Пирл-Харбор с метлой, привязанной к перископу. Такова морская традиция.

- Вы, водоплавающие, выкидываете самые странные штуки, - ответил одинокий офицер в пятнистом камуфляжном комбинезоне.

- А мы будем настаивать, чтобы японские вертолеты записали на наш боевой счет? - спросил Шоу у своего капитана.

- Почему? Ведь их сбили мы, - возразил армейский лейтенант.

- Но "команчи", сбившие японцев, взлетали с нашей палубы! - напомнил морской офицер.

- Боже милосердный! - Подумать только, и все это за завтраком! Что еще выкинут эти водоплавающие за ланчем?

Ужин был неофициальным, на жилом этаже Белого дома. Он состоял всего из пары блюд, правда, приготовленных с таким искусством, что сделали бы честь любому американскому ресторану.

- Насколько я понимаю, нужно начать с поздравлений, - заметил Роджер Дарлинг.

- О чем вы говорите? - Советник по национальной безопасности еще не слышал последней новости.

- Видишь ли, Джек, я получила Ласкера, - сказала Кэти, сидевшая напротив.

- Ага, значит, в вашей семье оба сумели отличиться - и муж и жена, - заметил Эл Трент, поднимая бокал в торжественном тосте.

- А следующий тост я хочу произнести за тебя, Джек, - поднял бокал президент. - После всех неприятностей, которые выпали на мою долю из-за

международных осложнений, вы спасли меня, и не только меня, мистер Райан. Примите мою искреннюю благодарность.

Джек кивнул, принимая поздравления, однако на этот раз он знал - что-то надвигается. Он достаточно долго прослужил в Белом доме, чтобы догадаться, что сейчас ему на голову обрушится тяжелый мешок с песком. Проблема заключалась лишь в том, что он не знал, почему на него падает этот мешок.

- Господин президент, я получаю удовлетворение от... ну, от того, что служу своей стране. Спасибо, что вы верили мне и терпели, когда я...

- Джек, где была бы наша страна без людей вроде тебя? - Дарлинг повернулся к жене Райана. - А вы знаете, Кэти, чем занимался Джек на протяжении всех этих лет?

- Чтобы Джек посвящал меня в свои тайны? - Она от души рассмеялась.

- Эл?

- Ну что ж, Кэти, настало время, когда вам предстоит узнать о деятельности своего мужа, - произнес конгрессмен к смущению Джека.

- Я всегда мучалась догадками, - тут же призналась она. - Я хочу сказать, между вами такие дружеские отношения, но когда вы встретились впервые несколько лет назад...

- На ужине, перед вылетом Джека в Москву? - Трент отпил глоток белого калифорнийского вина. - В тот раз он организовал бегство из Москвы председателя тогдашнего советского КГБ.

- Что?

- Расскажи нам, Эл, у нас много времени, - попросил Дарлинг. Его жена, Энн, тоже сгорала от нетерпения. Трент закончил повествование через двадцать минут, рассказав присутствующим о нескольких старых происшествиях, несмотря на неодобрительное выражение на лице Джека.

- Вот какой у вас муж, доктор Райан; - заметил президент, когда Трент замолчал.

Теперь Джек не сводил взгляда с конгрессмена. Что последует дальше?

- Джек, наша страна нуждается в тебе снова, теперь в последний раз, и после этого мы отпустим тебя, - произнес Трент.

- А именно? - Господи, только не пост посла, обычная почетная ссылка для высокопоставленного чиновника, подумал Райан. Дарлинг поставил бокал на стол.

- Джек, моя главная задача в течение девяти следующих месяцев будет заключаться в том, чтобы стать избранным на новый срок. Предстоит тяжелая предвыборная кампания, и на нее уйдет много времени, даже при самых благоприятных обстоятельствах. Ты нужен мне в моей команде.

- Сэр, но я уже...

- Джек, я предлагаю тебе пост вице-президента, - невозмутимо произнес Дарлинг. В зале воцарилась тишина. - Как ты знаешь, с сегодняшнего дня эта должность стала вакантной. Пока я не принял решения, кто станет моим вице-президентом на второй срок, и не настаиваю на том, чтобы ты занимал этот пост больше чем... одиннадцать месяцев? Подобно тому как Рокфеллер был вице-президентом при Джерри Форде. Мне нужен человек, пользующийся всеобщим уважением, кто мог бы заниматься государственными делами в мое отсутствие. Это должен быть человек, хорошо разбирающийся в международной обстановке,

кто мог бы навести порядок во внешнеполитических делах нашего государства. Кроме того, - добавил он, - я знаю, что тебе хочется уйти с государственной службы. Ты сделал достаточно много. А после пребывания на посту вице-президента ты уже не сможешь занимать никакой должности в правительстве.

- Одну минуту, - прервал его Джек. - Но ведь я даже не в вашей партии.

- Когда готовился проект американской Конституции двести лет назад, предполагалось, что пост вице-президента займет тот, кто проиграет в президентской гонке, а следовательно, принадлежит к оппозиционной партии. Джеймс Мэдисон и остальные отцы демократии исходили из того, что патриотизм должен восторжествовать над партийной принадлежностью. Правда, они ошиблись, - признал Дарлинг. - Но в данном случае, Джек, я ведь знаю тебя. Я не собираюсь использовать тебя в качестве политика. Тебе не придется произносить речи, пожимать руки и целовать младенцев.

- Никогда не бери в руки ребенка, чтобы поцеловать его, - предостерег Трент. - Он обязательно срыгнет на тебя, и кто-нибудь неминуемо сфотографирует этот момент. Если уж хочешь поцеловать ребенка, пусть он остается на руках у матери. - Этот разумный совет опытного политического деятеля несколько разрядил атмосферу.

- Твоя работа будет заключаться в том, чтобы должным образом организовать деятельность Белого дома, заниматься проблемами национальной безопасности и помогать в решении внешнеполитических вопросов. А потом ты станешь свободным человеком, Джек, раз и навсегда, и никто не сможет пригласить тебя обратно на службу, - пообещал Дарлинг.

- Боже мой, - в голосе Кэти прозвучала надежда.

- Ведь вы хотели этого, доктор Райан, правда? Кэролайн кивнула.

- Да. Но... но я совсем не разбираюсь в политике.

- Счастливая! - заметила Энн Дарлинг. - Как бы мне хотелось быть на вашем месте!

- Но моя работа...

- Вы будете по-прежнему ею заниматься. Кроме того, вместе с этой должностью ваша семья получает отличный дом, - добавил президент. - К тому же временно. - Он повернул голову к Райану. - Что скажешь, Джек?

- Почему вы считаете, что меня утвердят на этом посту?

- Этим уж займемся мы, - уверенно заявил Трент. По его голосу было ясно, что вопрос предрешен.

- И вы не будете настаивать, чтобы я...

- Даю слово, - торжественно произнес президент. - Все твои обязательства кончатся в будущем январе.

- А как относительно того, что ведь на посту вице-президента я стану президентом Сената и в случае равного количества голосов мой голос...

- Думаю, мне следует сказать, что я буду говорить тебе, как голосовать - да, буду, но я знаю, что ты все равно станешь голосовать так, как велит тебе твоя совесть. Это не явится причиной разногласий между нами. Между прочим, если бы я не был уверен в твоей способности самостоятельно принимать решения, то не сделал бы этого предложения.

- К тому же в ближайшем будущем на повестке дня нет вопросов, которые

могут потребовать твоего решающего голоса, - заметил Трент. Об этом уже говорили накануне.

- Мне кажется, что нам следует уделить больше внимания укреплению вооруженных сил страны, - сказал Джек.

- Если ты выдвинешь такое предложение, я включу его в проект бюджета на будущий год. В этом вопросе ты преподавал мне наглядный урок, и может понадобиться твоя помощь, чтобы убедить Конгресс в необходимости подобных мер.

- Они прислушаются к твоему мнению, Джек, - заверил его Трент.

Боже мой, подумал Райан, жалея теперь, что слишком приналег на вино. Как и следовало ожидать, он посмотрел на жену. Их взгляды встретились, и она кивнула. Ты уверена? - сказал его взгляд. Она снова кивнула.

- Господин президент, принимая во внимание условия сделанного мне предложения и только до конца срока вашего пребывания на этом посту, я согласен.

Роджер Дарлинг дал знак агенту Секретной службы - она передаст Тиш Браун, что можно готовить пресс-релиз для утренних газет.

Ореза поднялся на борт своей яхты впервые с того момента, как Барроуз поймал и доставил на берег первого тунца. Они вышли в море до рассвета, и, когда стемнело, инженер вернулся в порт с еще одним удачным уловом, а потом отправился в аэропорт и вылетел в Гонолулу рейсом авиакомпании "Континентал". После выхода на работу сослуживцы услышат немало интересного - и не только о рыбной ловле, - но он не скажет ни слова о снаряжении, выброшенном шкипером за борт, как только берег скрылся из виду. Было так жалко выбрасывать фотоаппараты и дорогие осветительные приборы, но Барроуз пришел к выводу, что на то есть какая-то весома причина.

Кларку и Чавезу все еще под прикрытием документов русских журналистов удалось пробиться на рейс авиалайнера "Джал", вылетающего в токийский аэропорт Нарита. В самолете они увидели хорошо одетого мужчину в наручниках и под охраной вооруженных офицеров. С расстояния в двадцать футов, когда арестованного вели в салон первого класса, Динг Чавез посмотрел в глаза человека, приказавшего убить Кимберли Нортон. На мгновение он пожалел, что у него нет пистолета или хотя бы ножа. Через два долгих часа они прибыли в Японию и тут же перешли в международный терминал. Для них были забронированы места первого класса на самолете авиакомпании "Джал" до Ванкувера, откуда они полетят в Вашингтон уже на американском самолете.

- Доброе утро, - обратился к пассажирам капитан сначала на японском и потом на английском языке. - С вами говорит капитан Сато. Я приветствую вас на борту нашего авиалайнера. По пути следования хорошая погода, дует попутный ветер, и мы надеемся прибыть в Ванкувер примерно в семь утра по местному времени. - Его голос казался механическим, как это обычно бывает, когда речь доносится из дешевых динамиков, но пилоты вообще предпочитают говорить, словно роботы.

- Слава Богу, - пробормотал Кларк по-английски. Он рассчитал в уме, что они будут в Виргинии часов в девять или десять вечера.

- Я хочу жениться на вашей дочери, мистер К. Попрошу ее руки, как только мы вернемся домой. - Вот, подумал он, наконец-то я сказал это. Кларк посмотрел на него таким взглядом, что Динг похолодел.

- Когда-нибудь ты узнаешь, Динг, что значат эти слова для отца. - Он хочет жениться на моей маленькой девочке? - промелькнуло в голове Кларка, ощутившего острую душевную боль.

- Не хотите, чтобы в вашей семье появился цветной?

- Нет, дело совсем не в этом. Скорее... ну, черт побери, Динг, не говори глупостей. Куда проще произнести фамилию Чавез, чем Войхоевич. Если она согласна, то у меня не будет возражений.

Неужели все так просто? - удивился про себя Динг.

- А я думал, что ты прикончишь меня на месте. Кларк усмехнулся.

- Нет, для этого я предпочитаю огнестрельное оружие. Мне казалось, что ты знаком с моими привычками.

- Президент не мог выбрать более достойного человека, - сказал Сэм Феллоуз, выступая по телевизионной программе "Доброе утро, Америка". - Я знаю Джека Райана почти восемь лет. Он один из самых способных представителей правительства. Теперь я могу сообщить вам, что именно он сыграл особенно видную роль в прекращении военных действий против Японии, а также в урегулировании финансового кризиса.

- Ходили слухи о его службе в ЦРУ...

- Вы знаете, что я не имею права разглашать секретную информацию. - Эти сведения просочатся из других источников, и в настоящий момент сенаторы, представляющие обе партии знакомились с переданными им документами. - Могу лишь сказать, что доктор Райан служил своей стране с максимальной честностью и преданностью. Не припоминаю ни одного сотрудника разведывательных служб, кто заслужил бы такое уважение и доверие, как Джек Райан.

- Но десять лет назад у него был инцидент с террористами. Разве у нас был хотя бы один вице-президент, который своими руками...

- Убивал людей? - Феллоуз укоризненно покачал головой, глядя на ведущего. - Многие президенты и вице-президенты служили в армии. Джек защищал свою семью от жестоких и беспощадных преступников, как это сделал бы любой американец.

Могу со всей ответственностью заявить, что в штате Алабама, где я живу, никто не упрекнул бы мужчину за это.

- Спасибо, Сэм, - пробормотал Райан, глядя на телевизионный экран у себя в кабинете. Предполагалось, что первая волна репортеров обрушится на него через тридцать минут, а ему еще предстояло прочитать ознакомительные материалы и несколько страниц инструкций, присланных ему Тиш Браун. Не говорить слишком быстро. Не давать прямых ответов на вопросы, затрагивающие важные политические темы.

Я просто скажу, что рад работать в одной команде с президентом, сказал себе Райан. И буду отвечать на вопросы по одному. Разве не об этом говорят новичкам-бейсболистам? Всему свое время.

"Боинг-747" совершил посадку даже раньше, чем обещал пилот. Однако от

этого мало пользы, если тебе нужно лететь следующим рейсом. Хорошо, что сначала выпустили из самолета пассажиров первого класса, а еще лучше оказалась предусмотрительность консульской службы, представитель которой встретил их у трапа и быстро провел через таможенный контроль. Оба спали во время перелета, но их биологические часы не успели перевестись на местное время. Два часа спустя из аэропорта Ванкувера вылетел потрепанный самолет Л-1011 авиакомпании "Дельта", который направился в международный аэропорт Даллеса.

Капитан Сато остался в своем кресле. Одной из проблем международных рейсов являлось однообразие. Терминал Ванкувера мог находиться практически в любом городе мира, разве что лица здесь принадлежали гайджинам. Ему придется провести в Ванкувере сутки, прежде чем он вернется обратно в Токио, ведя самолет, наполненный, без сомнения, японскими бизнесменами, спасающимися из Америки.

И вот так пройдет теперь вся его жизнь - он будет перевозить людей, которых не знает, в города, его не интересующие. Если бы только он остался служить в силах самообороны - может быть, там он добился бы большего успеха, принес бы какую-то пользу. Сато был лучшим пилотом в одной из лучших авиакомпаний мира, и его мастерство летчика... но ему не суждено узнать это, а теперь он будет и дальше еще одним капитаном на еще одном авиалайнере, перевозя людей в ту страну, которая лишила чести его нацию, и доставляя их обратно в униженную Японию. Ну что ж. Он встал из своего кресла, собрал путевые карты и другие необходимые документы, уложил их в сумку и спустился из самолета. Вход в здание аэропорта был уже пустым, и он вышел из переполненного людьми, но безликого терминала. В газетном киоске Сато увидел газету "США сегодня", взял ее, посмотрел на первую страницу и увидел фотографии. Сегодня в девять вечера? В этот миг на него нашло озарение, представлявшее по сути дела всего лишь уравнение, в котором составляющими были расстояние, время и скорость.

Сато еще раз оглянулся вокруг, затем направился к администратору аэропорта. Ему была нужна метеорологическая карта. Он уже знал время прибытия.

- Мне хотелось бы уладить один момент, - проговорил Джек, чувствуя себя теперь в Овальном кабинете более привычно.

- О чем идет речь?

- О президентском помиловании агента ЦРУ.

- В чем он обвиняется? - спросил Дарлинг, чувствуя, что тяжелый мешок с песком вот-вот обрушится на его голову, и не зная причины.

- В убийстве, - честно признался Райан. - Так уж случилось, что этим делом занимался мой отец, когда я учился в колледже. Те, кого убил этот человек, заслуживали смерти.

- Это не решение проблемы. Даже если они и заслуживали смерти, он не имел права убивать их.

- Эти заслуживали. - Кандидат в вице-президенты в течение нескольких минут объяснил суть дела. Магическим словом было "наркотики", и президент наконец кивнул.

- Что случилось с ним после этого?

- Он стал одним из лучших оперативников ЦРУ. Между прочим, это он захватил Куати и Госна в Мехико-Сити.

- Тот самый?

- Да, сэр. Он заслуживает того, чтобы ему вернули его имя.

- О'кей. Я позвоню министру юстиции, и мы постараемся сделать это без лишнего шума. У тебя есть еще какие-нибудь просьбы? - спросил президент. - Знаешь, для дилетанта ты обретаешь политическую хватку удивительно быстро. Между прочим, сегодня утром ты превосходно провел встречу с представителями средств массовой информации.

Райан кивнул, довольный комплиментом.

- Адмирал Джексон. Он отлично справился с полученным заданием, но о нем, думаю, позаботится командование военно-морского флота.

- Внимание, проявленное президентом, еще никогда не вредило служебной карьере офицера. В любом случае мне хотелось бы встретиться с ним. Между прочим, ты прав. Очень разумное предложение - побывать на Марианских островах.

- Никаких потерь, - сказал Чеймберз, - и большое число одержанных побед. - Если так, то почему он не испытывает чувства удовлетворения?

- Как с теми японскими лодками, которые потопили "Шарлотт" и "Эшвилл"? - спросил Джоунз.

- Со временем мы узнаем это, но по крайней мере одна из них, скорее всего, потоплена. - Такое суждение основывалось на голой статистике, но казалось более чем вероятным.

- Ты хорошо поработал, Рон, - заметил Манкузо. Джоунз погасил сигарету в пепельнице. Теперь ему снова придется бросать курить. И теперь он понял, что такое война, и, слава Богу, ему не пришлось ни в одной из них участвовать. Может быть, это занятие для молодых. Но он выполнил свой долг и знал, что, если повезет, ему больше никогда не доведется стать ее свидетелем. В конце концов, куда лучше следить за китами.

- Спасибо, шкипер.

- У одного из наших 747-х замечены неполадки в системе управления, - объяснил Сато. - В течение трех дней он не сможет обслуживать рейсы. Я отгоню его в Хитроу на замену. Из Токио прилетит другой - он заберет пассажиров тихоокеанского рейса вместо меня. - Капитан передал чиновнику полетный лист.

Руководитель канадской авиадиспетчерской службы посмотрел на документ.

- Пассажиры? - спросил он.

- Я лечу без пассажиров, но мне нужен полный запас горючего.

- Надеюсь, ваша авиалиния оплатит счет, капитан, - пошутил он. Взяв план полета, авиадиспетчер наложил резолюцию, одобряющую его, оставил себе один экземпляр и передал второй японскому пилоту. - Вы летите южным маршрутом? - удивился он, посмотрев на полетный план еще раз. - Это длиннее северного на пятьсот миль.

- Мне не нравится метеорологический прогноз, - солгал Сато и не ошибся.

Авиадиспетчеры редко проверяют прогнозы, полагаясь на мнение пилотов.

Через час Сато стоял рядом со своим самолетом. Он находился в ангаре обслуживания "Эйр Кэнада" - место у международного терминала было занято другим авиалайнером. Капитан принялся за предполетный визуальный осмотр самолета, нет ли утечки жидкости, болтающихся заклепок, подспущенных покрышек на колесах шасси, короче говоря, всего, что выглядело ненормально и называлось "спешкой при обслуживании", но ничего не обнаружил. Второй пилот уже сидел в кабине, раздраженный незапланированным рейсом, несмотря на то что это означало лишних три или четыре дня в Лондоне - городе, весьма привлекательном для экипажей авиалайнеров. Сато закончил обход и поднялся в кабину, остановившись сначала в носовой кухне самолета.

- Все готово? - спросил он.

- Предполетная проверка закончена, готов приступить к рулежке и взлету, - успел произнести второй пилот, перед тем как длинный кухонный нож вонзился ему в грудь. Его глаза расширились скорее от удивления и неожиданности, чем от боли.

- Мне очень жаль, но так уж пришлось, - извинился Сато искренним и мягким голосом. Затем он опустил в левое кресло и начал подготовку к взлету и прогрев двигателей. Наземная группа обслуживания находилась слишком далеко, и никто не видел, что в кокпите сидит всего один живой пилот.

- Башня управления Ванкувера, говорит рейсовый "Джал" пять-ноль-ноль.

Прошу разрешения на рулежку.

- "Джал" пять-ноль-ноль, направляйтесь на рулежную дорожку два-семь-левую. Направление ветра два-восемь-ноль, сила пятнадцать.

- Спасибо, Ванкувер. "Джал" пять-ноль-ноль подтверждает полученное разрешение выруливать на два-семь-левую. - Огромный самолет двинулся с места. Ему потребовалось десять минут, чтобы выехать на конец взлетной полосы. Сато пришлось подождать лишнюю минуту, потому что впереди был еще один "Боинг-747", а при взлете широкофюзеляжных самолетов создается опасный турбулентный поток. Капитан Сато готовился нарушить самое главное правило летчиков - число взлетов должно равняться числу посадок, но его соотечественники поступали так и раньше. Получив разрешение на взлет, Сато передвинул вперед сектор газа, и "боинг", имеющий на борту лишь полный запас топлива, стремительно помчался по дорожке, взлетел еще до того, как позади осталось шесть тысяч футов разгона, и немедленно повернул на север, чтобы выйти из воздушного пространства, контролируемого радиолокатором аэропорта. Авиалайнер без полезной нагрузки буквально взмыл на свою крейсерскую высоту в тридцать пять тысяч футов, на которой двигатели наиболее экономично потребляют горючее. В соответствии с планом полета он должен лететь вдоль американо-канадской границы и покинуть сушу чуть к северу от рыбацкого городка Хоупдейл. Вскоре после этого самолет окажется за пределами воздушного пространства, контролируемого наземными радиолокаторами. Четыре часа, подумал Сато, поднося к губам чашку чая, пока автопилот вел авиалайнер. Он произнес молитву за мертвого человека в соседнем кресле, надеясь, что душа второго пилота тоже находится в состоянии такого же душевного покоя и умиротворенности, как и его собственная.

Самолет авиакомпании "Дельта" совершил посадку в аэропорту Даллеса всего лишь с минутным опозданием. Кларка и Чавеза ждал служебный "форд". Они сели в машину и поехали по шоссе No 64, а шофер, пригнавший автомобиль, взял такси.

- Как ты думаешь, что с ним будет?

- С Яматой? Его приговорят к тюремному заключению, может быть, к еще более суровому наказанию. Ты купил газету? - спросил Кларк.

- Да. - Чавез развернул ее и посмотрел на первую страницу. - Боже милосердный!

- Что там?

- Похоже, доктор Райан получил еще более высокую должность. - Однако мысли Чавеза сейчас были совсем о другом. Что, если Пэтси откажет ему, когда он задаст ей самый главный вопрос?

Совместное заседание обеих палат Конгресса всегда проводилось в помещении палаты представителей из-за ее более просторного зала. Кроме того, в "нижней" палате знали, что в Сенате кресла закреплены за каждым сенатором и эти сукины дети не позволяют никому в них садиться. Как правило, безопасность соблюдалась самым строгим образом. На Капитолийском холме была своя полиция, работавшая в тесном контакте с Секретной службой. Сегодня полицейские проявляли несколько большую бдительность, но в остальном все шло как обычно.

Президент приедет сюда в своем служебном бронированном автомобиле в сопровождении нескольких микроавтобусов "Шеви Сабербан", защищенных еще более надежной броней и наполненных агентами Секретной службы, вооруженными до такой степени, что им впору отразить нападение целой роты морских пехотинцев. Все это походило на странствующий цирк, и, подобно персоналу странствующего цирка, они все время то устанавливали свое снаряжение, то разбирали его. Четыре агента, например, сразу после приезда затащили контейнеры с ракетами "стингер" на крышу Капитолия и заняли там заранее отведенные им позиции, внимательно оглядывая окружающую территорию, чтобы убедиться, что деревья не выросли слишком высоко и не закрывают им видимость - время от времени кроны деревьев обрезают. Группа борьбы со снайперами тоже заняла свои позиции на здании Капитолия и на крышах соседних домов. Входящие в нее лучшие стрелки страны извлекли свои винтовки "магнум" семимиллиметрового калибра, изготовленные по специальному заказу, из чехлов, высланных внутри поролоном, и, поднеся к глазам бинокли, осмотрели крыши зданий, оставшиеся пустыми. Таких здесь было мало, потому что остальные агенты Секретной службы уже перекрыли лестницы и лифты каждого дома, находящегося поблизости от места, куда приезжал сегодня вечером "Десантник". Когда стемнело, агенты приготовили приборы ночного видения. Чтобы постоянно оставаться начеку, они отхлебывали из термосов горячий кофе.

Сато поблагодарил Провидение за удачно выбранное время и за бортовую систему обнаружения летящих поблизости самолетов. Несмотря на то что коридоры, отведенные для трансатлантических перелетов, никогда не пустовали, рейсы между Европой и Америкой совершались обычно в часы, совпадающие с

периодами человеческого сна, и потому сейчас на восток летело мало авиалайнеров. Бортовая система непрерывно посылала в окружающее пространство запросы и мгновенно предупредит Сато, если поблизости появится другой самолет. Сейчас на дисплее виднелась надпись: "ОПАСНОСТЬ СБЛИЖЕНИЯ ОТСУТСТВУЕТ". Это означало, что в радиусе восьмидесяти миль воздушное пространство было свободно. Ветер соответствовал прогнозам. Сато понимал, что должен прибыть к месту назначения точно в расчетное время, потому что американцы любят пунктуальность. В 2030 он повернул на юг. Капитан устал, потому что провел в воздухе почти сутки. На Восточном побережье Америки шел дождь, но, хотя это означало болтанку, когда он спустится ниже, Сато было летчиком и не беспокоился о таких мелочах. Единственную неприятность он испытывал от выпитого чая. Ему хотелось пройти в галюнь, но он не мог оставить летную кабину без присмотра. К тому же один час Сато мог и потерпеть.

- Папа, а что это значит? Мы по-прежнему будем ходить в ту же самую школу? - спросила Сэлли, сидящая на откидном сидении лимузина спиной к направлению движения. Поскольку вопрос был по характеру мамин, на него ответила Кэти.

- Да, и у вас даже будет свой шофер.

- Клево! - воскликнул маленький Джек.

У отца уже начали возникать сомнения относительно всего происходящего, как это обычно случалось с ним после принятия важного решения, хотя он и понимал, что менять что-то уже поздно. Кэти посмотрела на мужа, прочла его мысли и улыбнулась.

- Джек, это всего несколько месяцев, а затем...

- Да, - кивнул он. - Я всегда могу заняться совершенствованием игры в гольф.

- И ты вернешься, наконец, к преподавательской деятельности. Именно это тебе нужно.

- Значит, ты не хочешь, чтобы я снова занимался на бирже?

- Меня удивляет, что тебе удалось продержаться там так долго.

- Ты глазник, а не психиатр.

- Мы еще вернемся к этому вопросу, - ответила профессор Райан и поправила платье маленькой Кэти. Больше всего ей нравился одиннадцатимесячный срок. После пребывания на посту вице-президента ее муж уже не сможет больше находиться на государственной службе. Президент Дарлинг преподнес им обоим поистине королевский подарок.

Служебный лимузин остановился у входа в здание Лонгуорта, палаты представителей. Здесь не было толп, хотя из здания выходили сотрудники аппарата Конгресса. Десять агентов Секретной службы не сводили с них взглядов, а еще четыре проводили Райана внутрь здания. У входа его ждал Эл Трент.

- Ты не пройдешь со мной?

- Зачем?

- После того как на совместном заседании твоя кандидатура будет утверждена, ты примешь клятву и займешь место позади президента, рядом со

спикером, - объяснил Сэм Феллоуз. - Эту идею предложила Тиш Браун. Нам она показалась разумной.

- Театральное представление года выборов, - проворчал Джек.

- А мы? - спросила Кэти.

- Все вместе вы будете выглядеть образцовой американской семьей, - заметил Эл.

- Не знаю, почему это так мне нравится, - добродушно пробормотал Феллоуз. - В ноябре это поставит нас в сложное положение. Тебе это приходило в голову?

- Извини, Сэм, я как-то даже не подумал, - смущенно ответил Джек.

- Вот этот закуток был моим первым кабинетом, - сказал Трент, открывая дверь в помещение из нескольких комнат на первом этаже, где он провел десять сроков пребывания в Конгрессе. - Я сохраняю его за собой - на счастье. Располагайтесь здесь и почувствуйте себя как дома. - Один из помощников Трента вошел с подносом, на котором стояли бутылки с лимонадом и ведро со льдом, и поставил его на стол под бдительным взглядом телохранителей Райана. Андреа Прайс снова стала развлекать детей. Со стороны это могло показаться непрофессиональным, хотя на самом деле она поступала совершенно правильно. Дети должны хорошо чувствовать себя с ней, и Андреа уже завоевала их доверие.

Лимузин президента Дарлинга прибыл без инцидентов. Телохранители проводили его в служебный кабинет спикера рядом с залом заседаний и он снова прочитал текст выступления. "Жасмин", миссис Дарлинг, со своей охраной поднялась на галерею для зрителей. К этому времени зал был уже наполовину полон. Здесь не принято было задерживаться - единственное место, куда конгрессмены приходили без опозданий. Они собрались небольшими группами и вошли, придерживаясь партийного членства. Места представителей двух партий разделяла невидимая, но вполне реальная граница. Все девять членов Верховного суда, все члены кабинета министров, находящиеся в данный момент в городе (двое отсутствовали) и члены Объединенного комитета начальников штабов в парадных мундирах, украшенных разноцветными наградами и знаками отличия, разместились в первом ряду. Затем места заняли руководители независимых правительственных агентств. Билл Шоу, глава ФБР. Председатель Федеральной резервной системы. Наконец подошло время приступить к делу под бдительными и беспокойными взглядами сотрудников служб безопасности.

Все семь крупнейших телевизионных компаний прекратили свои передачи. Ведущие появились на экранах и объявили, что сейчас выступит президент. Это предоставило возможность миллионам телезрителей поспешить в кухни и приготовить сэндвичи, не упустив при этом ничего важного.

Мажордом Конгресса, обладатель одной из самых привлекательных синекур в стране - высокое жалованье и никаких обязанностей, - прошел до середины прохода между рядами и объявил грохочущим басом:

- Господин спикер, прибыл президент Соединенных Штатов.

Роджер Дарлинг появился в зале палаты представителей и пошел по проходу, то и дело останавливаясь, чтобы пожать руки. Под мышкой он держал красную кожаную папку с текстом своего выступления на случай, если выйдет из

строю аппарат "бегущей строки" на трибуне, по которому президент будет читать речь. Раздались аплодисменты, оглушительные и искренние. Даже представители оппозиционной партии признавали, что Дарлинг сдержал данное им обещание соблюдать, ограждать и защищать Конституцию Соединенных Штатов, и хотя политика представляла собой могучую силу, в зале ощущался дух чести и патриотизма, особенно сильный в такие моменты. Дарлинг подошел к сцене, поднялся на возвышение, и в это мгновение наступила очередь спикера палаты представителей исполнить свой церемониальный долг

- Дistinguished members of Congress! I have the honor to present to you the President of the United States.

И снова разразилась буря аплодисментов. На этот раз обе партии соревновались между собой, кто сумеет хлопать и приветствовать дольше и громче.

- А теперь не забудь, как ты должен...

- О'кей, Эл, все помню. Я вхожу в зал, председатель Верховного суда произносит слова клятвы, я повторяю их за ним и занимаю свое место. От меня требуется только одно - повторять то, что мне будут говорить. - Райан сделал пару глотков кока-колы и вытер потные ладони о брюки. Агент Секретной службы заметил его нервный жест и передал полотенце.

- Центр управления полетами Вашингтона, говорит борт КЛМ шесть-пять-девять. У нас на борту случилось серьезное происшествие, сэр. - Голос пилота звучал отрывисто и четко, как принято во время переговоров в гражданской авиации, особенно в момент, когда речь идет о жизни и смерти.

Авиадиспетчер, который управлял воздушным движением и находился в центре контроля за полетами недалеко от Вашингтона, обратил внимание на буквенно-цифровое обозначение на своем экране, только что резко увеличившееся в размерах, и включил микрофон. На дисплее появились цифры курса, скорости и высоты. У авиадиспетчера создалось впечатление, что авиалайнер быстро теряет высоту.

- Борт шесть-пять-девять, говорит центр Вашингтона. Сообщите о своих намерениях, сэр.

- Центр, это шесть-пять-девять, произошел взрыв первого двигателя. Двигатели один и два отключены. Под угрозой прочность корпуса. Резко ухудшилась управляемость. Прошу разрешения на срочную посадку в аэропорту Балтимора.

Диспетчер обернулся и подал знак старшему смены, который тут же подошел и встал за спиной.

- Одну минуту. Кто это? - Он запросил компьютер и не нашел никаких сведений о КЛМ-659. Диспетчер включил радио.

- Шесть-пять-девять, прошу опознание. На этот раз в ответе звучала паника.

- Центр Вашингтона, говорит борт КЛМ шесть-пять-девять, 747-й, чартер, направляющийся в Орlando, скорость триста узлов, - донесся голос. - Повторяю: два двигателя вышли из строя, повреждено левое крыло и фюзеляж. Снижаюсь с высоты один-четыре тысячи футов. Прошу немедленно обеспечить

радиолокационную проводку в Балтимор, прием!

- С этим нельзя шутить, - обеспокоенно произнес старший смены. - Веди его и сажай.

- Слушаюсь, сэр. 747-й шесть-пять-девять. Радиолокационный контакт установлен. Вы спускаетесь с высоты один-четыре тысячи футов, скорость триста узлов. Поворачивайте налево на курс два-девять-ноль и продолжайте спуск.

- Борт шесть-пять-девять, продолжаю спуск, поворачиваю налево, на курс два-девять-ноль, - ответил Сато. Английский служил международным языком авиационных пассажирских перевозок, а он превосходно говорил по-английски. И так, пока все идет хорошо. У него на борту осталось больше половины запаса топлива, а лететь оставалось, по данным Глобальной спутниковой навигационной системы на своем экране, не больше сотни миль.

В международном аэропорту Балтимора немедленно была приведена в готовность станция пожаротушения, расположенная рядом со зданием главного терминала. Работники аэропорта, обычно выполняющие другие обязанности, бежали или ехали к станции, а тем временем авиадиспетчеры решали, какие самолеты успеют посадить, прежде чем авиалайнер, совершающий аварийное приземление, приблизится к аэродрому, и тогда остальные самолеты придется пустить на новый круг. Как во всех крупных аэропортах, у них были разработаны правила действий при нештатных ситуациях. Были оповещены полиция и другие службы, и буквально сотни людей немедленно оторвались от телевизионных экранов.

- Я хочу рассказать вам жизненную историю американского гражданина, сына офицера полиции, бывшего лейтенанта морской пехоты, получившего тяжелую травму во время тренировочного полета, преподавателя истории, члена американского финансового сообщества, мужа и отца, патриота, государственного служащего и настоящего героя нашей страны, - донесся из телевизора голос президента. Райан поежился, услышав это, особенно когда раздались аплодисменты. Телевизионные камеры показали крупным планом лицо министра финансов Фидлера, рассказавшего группе журналистов, освещающих экономические вопросы, о роли Джека в ликвидации биржевого краха на Уолл-стрите. Хлопал даже Бретт Хансон, причем совершенно искренне.

- Я знаю, Джек, ты всегда смущаешься, когда слышишь такое о себе, - улыбнулся Трент.

- Многие из вас знакомы с ним, многие работали рядом. Сегодня я беседовал с некоторыми сенаторами. - Дарлинг сделал жест в сторону руководителей как меньшинства, так и большинства в Сенате. Оба улыбнулись и посмотрели в телевизионные камеры. - И теперь, с вашего разрешения, я хочу представить вам Джона Патрика Райана, которого выбрал для исполнения обязанностей вице-президента Соединенных Штатов. Я прошу членов Сената одобрить его кандидатуру сегодня вечером.

- Но все это в высшей степени необычно, - заметил комментатор, когда

два сенатора встали и направились к трибуне.

- Президент Дарлинг отлично подготовился, - объяснил эксперт по политическим вопросам. - Джек Райан ни у кого не может вызвать возражений, а поддержка обеих партий...

- Господин президент, господин спикер, члены Сената, наши друзья и коллеги из палаты представителей, - начал лидер большинства. - Нам с лидером меньшинства в Сенате доставляет огромное удовлетворение...

- А вы уверены, что все это юридически правильно? - недоверчиво спросил Джек.

- В Конституции говорится, что кандидатура вице-президента должна быть одобрена Сенатом. В ней не сказано каким образом, - заметил Сэм Феллоуз.

- Центр управления Балтимора, говорит борт шесть-пять-девять. У меня возникли новые трудности.

- 747-й шесть-пять-девять, в чем дело, сэр? - спросил авиадиспетчер аэропорта Балтимора. Он уже заметил что-то странное в поведении самолета на экране. Приближающийся авиалайнер не отреагировал на данную минуту назад команду. Диспетчер вытер вспотевшие руки и подумал, а удастся ли им вообще благополучно посадить его.

- Управление затруднено... не уверен, что смогу дотянуть... Балтимор, я вижу посадочные огни в направлении на час... я плохо знаком с этим районом... теряю мощность...

Авиадиспетчер проверил курс полета авиалайнера и спроецировал его дальше.

- 747-й шесть-пять-девять, перед вами база ВВС Эндрюз. У них там две хорошие посадочные дорожки. Можете повернуть к Эндрюз?

- Говорит шесть-пять-девять, думаю, что смогу.

- Приготовьтесь. - У центра управления полетами был прямой канал связи с базой ВВС. - Эндрюз, вы можете...

- Мы следим за происходящим, - слышался голос военного диспетчера на базе Эндрюз. - Нас предупредил центр Вашингтона. Вам нужна помощь?

- Можете принять его?

- Да.

- 747-й шесть-пять-девять, это Балтимор. Дальнейшее управление будет осуществлять Эндрюз. Поворачивайте направо на курс три-пять-ноль... сможете, сэр?

- Пожалуй, смогу. Пожар потушен, но гидравлика перестает действовать, должно быть, двигатель...

- КЛМ 747-й шесть-пять-девять, это центр управления Эндрюз. Вижу вас на экране радиолокатора. Вы в двадцати пяти милях, летите по курсу три-четыре-ноль на высоте четыре тысячи футов и снижаетесь. Дорожка ноль-один-левая готова принять вас, и наши пожарные машины уже заняли позицию, - сообщил капитан ВВС. Он успел нажать кнопку аварийной сигнализации, и хорошо подготовленный персонал действовал быстро и умело. - Поворачивайте направо на курс ноль-один-ноль и продолжайте снижение.

- Шесть-пять-девять, - послышался единственный ответ. Ирония судьбы заключалась в том, что Сато никогда не узнает этого. Несмотря на то что на авиабазе ВВС Эндрюз, на базе ВВС Лэнгли, на испытательном летном центре морской авиации на реке Пэтьюксент и на базе Оушиэния находилось множество истребителей, причем все в пределах сотни миль от Вашингтона, никому не пришло в голову сделать так, чтобы этой ночью над столицей постоянно барражировали перехватчики. Все его маневры и ловкая ложь совсем не требовались. Сато вел самолет на предельно малой скорости, чтобы создать впечатление поврежденного "джамбо", причем его постоянно направлял к цели отлично обученный и опытный американский авиадиспетчер, озабоченный мнимой аварией. Тем хуже для него, подумал Сато.

- Да!

- Кто против? - Наступила непродолжительная тишина, и затем разразились аплодисменты. Спикер палаты представителей встал.

- Пусть мажордом введет в зал вице-президента, чтобы он мог должным образом произнести присягу.

- Это знак для тебя. Желаю удачи, - заметил Трент, поднимаясь и направляясь к двери. Агенты Секретной службы выстроились вдоль коридора, ведя процессию к тоннелю, соединяющему это здание с Капитолием. Спустившись в него, Райан посмотрел вдоль уходящего вдаль тоннеля со стенами, окрашенными в отвратительно желтоватый цвет и разрисованными, как ни странно, приходящими на экскурсии школьниками.

- Не вижу, какие у него могут быть повреждения - нет ни дыма ни огня. - Авиадиспетчер направил бинокль на приближающийся самолет. Сейчас он находился всего в одной миле от аэродрома. - У него поднято шасси, поднято шасси!

- Шесть-пять-девять, вы не опустили шасси, не опустили шасси!

Сато мог ответить на испуганный возглас, но решил промолчать. По сути дела все было уже решено. Он сдвинул вперед сектор газа, ускорив авиалайнер с посадочной скорости в сто шестьдесят узлов и все еще сохраняя прежнюю высоту в тысячу футов. Теперь он отчетливо видел цель, и сейчас оставалось лишь одно - повернуть налево на сорок градусов. И в это мгновение Сато включил навигационные огни, осветив стилизованного красного журавля на вертикальном стабилизаторе.

- Что происходит, черт побери?

- Это не КЛМ! Смотрите! - указал младший авиадиспетчер. Прямо над полем аэродрома огромный "Боинг-747" резко повернул налево, явно находясь в уверенных руках опытного пилота и повинаясь каждой его команде, и все четыре реактивных двигателя взревели на полной мощности. Диспетчеры переглянулись, сразу вообразив, что сейчас произойдет, и понимая свое бессилие предотвратить катастрофу. Капитан ВВС вызвал по телефону командира авиабазы, но это была простая формальность, которая никак не могла повлиять на дальнейшее развитие событий. Затем военные авиадиспетчеры на всякий случай

оповестили Первую вертолетную эскадрилью. После этого им ничего не оставалось, как сидеть и беспомощно наблюдать за развитием драмы, об исходе которой они уже догадывались. Для ее завершения понадобится чуть больше минуты.

Сато часто бывал в Вашингтоне и объехал его по всем обычным туристским маршрутам, несколько раз посетив здание Капитолия. Какое безобразное архитектурное сооружение, в который раз подумал он, видя, как Капитолий становится все больше и больше, вырастая у него на глазах. Капитан чуть исправил курс, и теперь гигантский самолет с ревом мчался вдоль Пенсильвания-авеню, пересекая реку Анакостия.

Зрелище было настолько ужасным, что агента Секретной службы, стоящего на крыше здания палаты представителей, сковал паралич, но только на мгновение. Он тут же упал на колени и отстегнул застежки на длинной пластмассовой коробке.

- Немедленно уводите "Десантника"! - истошно выкрикнул он в микрофон, прикрепленный к груди, доставая "стингер".

- Действуйте! - закричал другой агент настолько громко, что оглушил сотрудников охраны. Простое слово, но для агентов Секретной службы оно означало, что президента необходимо увести, где бы он ни находился. Мгновенно телохранители, подготовленные ничуть не хуже футболистов Национальной лиги, взялись за дело, даже не задумываясь, откуда исходит опасность. На галерее для зрителей, расположенной над залом, охране первой леди пришлось пробежать более короткое расстояние, и, хотя одна из агентов споткнулась на ступеньке, она сумела схватить Энн Дарлинг за руку и потащить ее за собой.

- В чем дело? - Лишь одна Андреа Прайс задала вопрос в тоннеле. Остальные телохранители, окружающие семью Райана, мгновенно выхватили оружие - главным образом пистолеты, хотя у двоих в руках оказались автоматы, - и окинули взглядом пустое пространство коридора в поисках опасности.

- Порядок!
- Порядок!
- Порядок!

В зале к трибуне бросилось шестеро агентов, они оглядывались по сторонам с пистолетами в руках. Миллионы телезрителей навсегда запомнят этот момент. Президент Дарлинг ошеломленно посмотрел на старшего телохранителя и услышал от него умоляющий возглас бежать из зала как можно быстрее.

Агент, стоявший на крыше здания, в рекордно короткое время успел поднести к плечу "стингер", и отчетливые "бип-бип", донесшиеся из механизма наведения, означали, что цель обнаружена. В следующую секунду он нажал на кнопку пуска, отдавая себе отчет в том, что это уже не имеет никакого значения.

Динг Чавез сидел на диване, держа руку Пэтси - у нее на пальце уже красовалось кольцо, - когда увидел бегущих людей с пистолетами в руках.

Профессиональный солдат, он наклонился поближе к экрану в поисках опасности, не увидел ее, но даже при этом понял, что случилось нечто чудовищное.

Яркая вспышка ослепила Сато, и он отпрянул скорее от неожиданности, чем от страха, когда увидел, что к левому ближнему двигателю мчится ракета. Взрыв оказался поразительно громким, и раздавшиеся сигналы тревоги известили его, что двигатель уничтожен. Но сейчас Сато находился всего в тысяче метров от белоколонного здания. Самолет вздрогнул, накренился, и его чуть повело влево. Капитан автоматически выровнял лайнер и спикировал на южную сторону белого здания, где помещалось американское правительство. Да, сейчас все собрались здесь - президент, парламент, министры. Сато выбрал точку удара с такой же тщательностью, с какой обычно выбирал момент посадки, и в последнее мгновение успел подумать, что если американцы могли уничтожить его семью и опозорить страну, где он родился, то по крайней мере они жестоко заплатят за это. Он направит самолет таким образом, чтобы удар пришелся чуть выше середины здания, над каменными ступенями. Да, так будет лучше всего...

Почти трехсоттонный самолет с больше чем полуполными баками врезался в стену на скорости, превышающей триста узлов. В момент удара он развалился на части. Авиалайнер был ничуть не прочнее птицы, но огромная скорость и масса вдребезги разнесли колонны у входа. Затем последовала очередь самого здания. Как только рухнули крылья, четыре двигателя, самые массивные части самолета, пробili стены, причем один из них взорвался внутри зала заседаний палаты представителей. Капитолий был построен в эпоху, когда камень, уложенный на камень, считался самым прочным и надежным способом постройки, и потому в его стенах не было стальной арматуры, которая могла бы придать ему дополнительную жесткость. Вся сторона здания, куда врезался самолет, рассыпалась, превратившись в щебень, который разлетелся по сторонам, однако самое страшное произошло через одну-две секунды, когда крыша, лишившись структурной опоры, рухнула на головы девятисот человек, находившихся в этот момент в помещении зала заседаний, а сотня тонн горючего, превратившегося во взрывчатую смесь, заполнила воздух внутри здания. Через мгновение она воспламенилась, и гигантский огненный шар поглотил все. Раскаленные языки пламени вырвались наружу, послав одновременно ударную волну по всему сооружению, даже в подвальные помещения.

От силы удара все, кто находились в подземном тоннеле, упали на колени, и теперь агенты Секретной службы были на грани паники. Первым инстинктивным движением Райана было схватить младшую дочь, затем он опрокинул на пол остальных детей и прикрыл собственным телом. Едва он успел упасть, как что-то заставило его поднять голову и посмотреть в северную часть тоннеля. Он увидел, что оттуда стремительно приближается оранжевый огненный шар. Не было времени даже на то, чтобы произнести хотя бы слово. Он прижал к полу голову жены, и тут же на них свалились еще два тела агентов Секретной службы. Пламя несло к лежащим людям, но оно уже истощило запас кислорода в тоннеле и неожиданно взвилось вверх, к потолку, высасывая воздух из здания, где уже остались одни мертвые тела.

Огненный ураган остановился меньше чем в сотне футов от Райана и повернул обратно с такой же быстротой, с какой мчался вперед, а потом

устремился в другую сторону. Откуда-то сорвало с петель дверь, и ее понесло на них, но, к счастью, смертоносный предмет промчался мимо. Маленькая Кэти закричала от ужаса и боли под весом навалившихся на нее тел. Кэролайн испуганно посмотрела на Джека.

- Бежим! - крикнула Андреа Прайс, мгновенно отреагировав на создавшийся благоприятный момент. Агенты тут же подняли с пола домочадцев Райана и полуповели-полупотащили их обратно к зданию Лонгуорта, предоставив обоим бывшим здесь конгрессменам возможность спастись самим. На это потребовалось меньше минуты, а затем специальный агент Прайс снова первой задала вопрос:

- Господин президент, с вами все в порядке?

- Какого черта... - Райан посмотрел вокруг, ища детей. Их одежда была растерзанной и грязной, но в остальном они казались невредимыми. - Кэти?

- Я здесь, Джек. Как ты? - Она тут же посмотрела на детей, как это уже однажды случилось в Лондоне. - Дети не пострадали. - В это мгновение послышался сокрушительный грохот, от которого содрогнулась земля, и маленькая Кэт снова закричала от ужаса.

- Прайс вызывает Уолкера, - крикнула в микрофон специальный агент. - Прайс Уолкеру - кто-нибудь, отзовитесь!

- Прайс, говорит "Карабин-три". Все погибли, только что рухнул купол. Как "Фехтовальщик"?

- Что произошло, черт возьми? - хрипло выдохнул Сэм Феллоуз, поднимаясь с колен. У Прайс не было времени даже отреагировать на вопрос.

- Да, подтверждаю, с "Фехтовальщиком", "Хирургом" и - черт, у нас нет еще даже кличек для них - и с детьми все в порядке. - Даже она понимала, что это явное преувеличение. Поток воздуха все еще мчался по тоннелю, раздувая пожар, бушующий в здании Капитолия.

Теперь агенты постепенно приходили в себя. Они все еще сжимали в руках оружие, и, появившись сейчас в тоннеле хотя бы уборщик, его жизни угрожала бы серьезная опасность. Однако один за другим они начинали спокойнее дышать, все больше концентрируя внимание на выполнении своих обязанностей.

- Идем туда! - Прайс указала пистолетом, который продолжала сжимать в обеих руках. - "Карабин-три", приведи машину к юго-западному углу Лонгуорта - немедленно!

- Исполняю.

- Билли, Фрэнк - к выходу! - скомандовала она. Джек не знал, является ли она старшим агентом его охраны, но остальные телохранители не возражали ей. Все устремились к концу туннеля. Трент и Феллоуз молча наблюдали за происходящим, показывая жестами, чтобы остальные заботились о Райане.

- Здесь свободно! - донесся возглас агента с автоматом "узи" в руках из дальнего конца тоннеля.

- С вами все в порядке, господин президент?

- Одну минуту, а как с...

- "Десантник" погиб, - бесстрастно произнесла Прайс. Остальные агенты слышали по радио те же переговоры и окружили Райана тесным кольцом. Он все еще не пришел в себя.

- У входа стоит "сабербан" - выкрикнул Фрэнк. - Поехали!

- О'кей, сэр, сейчас наша задача - увезти вас отсюда как можно быстрее.

Прощу следовать за мной, - сказала Андреа Прайс, опуская пистолет.

- Подождите минуту, что вы говорите? Президент, его жена, Элен...
- "Карабин-три", говорит Прайс. Кто-нибудь сумел спастись?
- Никакой надежды, Прайс. Никакой надежды, - донесся голос снайпера.
- Господин президент, мы обязаны отвезти вас в безопасное место. Прощу следовать за мной.

Оказалось, что у входа их ждут два бронированных микроавтобуса. Джека силой отделили от семьи и втолкнули в первый.

- А моя семья? - настаивал он, оглядываясь на пылающие развалины того, что всего четыре минуты назад было символом американской демократии. - Милосердный Боже ...

- Мы отвезем их в... отвезем...
- Доставьте их в казармы морской пехоты на углу Восьмой улицы и Эй-авеню. Я хочу, чтобы вокруг них находились морские пехотинцы, понятно? - Позднее Райан вспомнит, что первый приказ в качестве президента пришел из его далекого прошлого.

- Слушаюсь, сэр. - Прайс включила микрофон. - "Хирург" и дети следуют на Восьмую и Эй-авеню. Передайте морской пехоте об их прибытии!

Машина Райана устремилась вниз по Нью-Джерси-авеню, прочь от развалин Капитолия, заметил он. При всей своей великолепной подготовке агенты Секретной службы старались сейчас всего лишь как можно быстрее уехать подальше от места катастрофы.

- Поворачивайте на север, - распорядился Джек.
- Сэр, Белый дом...
- Сейчас нужно место, где есть телекамеры. Кроме того, понадобится и судья. - Эта мысль пришла ему в голову не благодаря рассудку или глубокому анализу, понял Джек. Она просто пришла сама собой.

"Шеви сабербан" проехал на запад, прежде чем свернуть к северу и описать петлю у Юнион-стейшн. Улицы кишели полицейскими и пожарными машинами. Вертолеты, поднявшиеся с авиабазы ВВС Эндрюз, барражировали над головой, скорее всего чтобы не подпускать сюда вертушки прессы. Райан вышел из машины без посторонней помощи и в тесном кольце телохранителей направился ко входу в здание, где размещалась компания Си-эн-эн. Оно просто оказалось ближе других. То и дело прибывали новые агенты Секретной службы. Теперь их стало так много, что Райан ощутил себя в безопасности, сознавая, сколь обманчиво это чувство. Его провели наверх, в комнату ожидания, и через несколько минут появился агент в сопровождении незнакомого мужчины.

- Это судья Питер Джонсон, федеральный суд округа Колумбия, сэр, - сообщил агент Райану.

- Меня вызвали сюда, как я догадываюсь... Райан перебил судью:
- Боюсь, дело обстоит именно так, сэр. Я не юрист, поэтому прошу ответить: данная мной присяга будет иметь законную силу?

И снова прозвучал голос агента Прайс:

- Президента Кулиджа привел к присяге его отец, бывший мировым судьей. Процедура будет иметь полную юридическую силу, - заверила она обоих мужчин.
- К ним подкатили телевизионную камеру.

Райан положил руку на Библию, и судья произнес по памяти текст присяги.

- Я - полное имя, пожалуйста.

- Я, Джон Патрик Райан...

- Торжественно клянусь, что буду ревностно исполнять должность президента Соединенных Штатов Америки.

- Торжественно клянусь, что буду ревностно исполнять должность президента Соединенных Штатов Америки... и приложу все усилия к тому, чтобы соблюдать, ограждать и защищать Конституцию Соединенных Штатов, да поможет мне Бог. - Джек закончил присягу, которую помнил наизусть, потому что она мало чем отличалась от присяги, данной им в качестве офицера морской пехоты, и означала по сути дела одно и то же.

- Я вам не был даже нужен, - негромко произнес Джонсон. - Примите мои поздравления, господин президент. - Обоим такая фраза показалась странной, но Райан тем не менее пожал протянутую руку. - Благослови вас Господь.

Райан оглянулся вокруг. Из окна он видел отблеск пламени на Капитолийском холме. Затем он повернулся к телевизионным камерам, потому что сейчас на него смотрели миллионы людей, которые, хочется ему того или нет, застыли в тревожном ожидании. Райан сделал вдох, не замечая, что галстук его сполз в сторону.

- Уважаемые дамы и господа! То, что произошло сегодня, явилось попыткой уничтожить правительство Соединенных Штатов. Убили президента Дарлинга и, мне кажется, убили почти всех членов Конгресса - говорить об этом пока слишком рано.

Однако я уверен в одном: уничтожить Америку намного труднее, чем людей. Мой отец был полицейским, как вы уже слышали. Вместе с моей матерью он погиб в результате авиакатастрофы, но полиция все равно осталась. Всего несколько минут назад убили многих прекрасных людей, и все-таки Америка будет существовать. Мы недавно вели войну и победили. Мы выдержали попытку подорвать нашу экономику, переживем и эту катастрофу.

Боюсь, что я слишком недавно на этом посту, чтобы объяснить все должным образом, но я узнал еще в школе, что Америка - это мечта, это идеи, которые все мы разделяем, все, во что мы верим, и самое главное - это то, что мы делаем и как. Уничтожить такое нельзя. Это никому не по силам, как бы страстно ни пытались сделать это наши враги. Поручкой тому - кто мы и к чему стремимся. Мы создали эту мечту, и никто не сможет уничтожить ее.

Пока я еще не уверен, как буду действовать дальше. Прежде всего хочу проверить, что моя жена и дети в безопасности, но затем мне нужно исполнять свои обязанности президента, и я дал клятву Господу, что приложу все усилия для осуществления этого. Пока же я прошу всех вас помогать мне и молиться за меня. Я снова обращаюсь к вам, когда буду знать больше. Теперь можете выключить камеру, - закончил он. Когда красная лампочка погасла, он повернулся к специальному агенту Прайс:

- За работу.

